

MINISTERUL EDUCAȚIEI ȘI CERCETĂRII REPUBLICII MOLDOVA
UNIVERSITATEA DE STAT DIN COMRAT
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЙ РМ
КОМРАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Conferința științifico-practică
internațională

**«Știință. Educație.
Cultură»**

Международная научно-
практическая конференция

**«Наука. Образование.
Культура»**

31-ая годовщина
КОМРАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ТОМ 3

Филология
История и философия
Культура и искусство

КОМРАТ, 2022

Ответственность за содержание опубликованных статей несет автор публикации

"Știință. Educație. Cultură", conferință științifico-practică internațională (2022 ; Комрат).

Conferința științifico-practică internațională "Știință. Educație. Cultură" = Международная научно-практическая конференция "Наука. Образование. Культура" : 31-ая годовщина Комратского государственного университета : Сборник статей / научный комитет: Захария С. К. (председатель) [и др.]; – Комрат : КГУ, 2022 (A&V Poligraf) – . – ISBN 978-9975-83-176-5.

Т. 3: Филология. История и философия. Культура и искусство/
составители: Сулак С.К., Лупашку С.И. – 2022. – 580 p. : fig., tab. – Antetit.: Min. Educației și Cercet. Rep. Moldova, Univ. de Stat din Comrat. – Texte : lb. rom., engl., bulg., alte lb. străine. – Rez.: lb. engl. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 10 ex. – ISBN 978-9975-83-179-6.

082=00

§ 85

© Комратский Государственный Университет 2022

Адрес проведения конференции: Молдова, ул. Галацана 17, Комрат, КГУ,
веб-адрес: www.kdu.md

Научный комитет:

Председатель научного комитета: Захария С.К., ректор, доктор ист. наук, конф. унив., КГУ

Сопредседатель научного комитета: Сулак С.К., проректор по науке и международным связям, доктор
фил. наук, конф. унив., КГУ

Султ Г.Г., проректор по учебной работе, доктор права, конф. унив., КГУ.

Члены научного комитета:

1. Ali Aksu, Sivas Cumhuriyet University, Sivas/ Türkiye
2. Ali Coşkan, prof., Dr., Isparta Uygulamalı Bilimler Üniversitesi, Türkiye
3. Karadeniz Turan, Baibü Ziraat ve Doğa Bilimleri Fak. Bahçe Bitkileri Bölümü, Gölköy Kampüsü, Bolu, Türkiye
4. Halil Küçükler, Dr., Balıkesir Üniversitesi, Türkiye
5. Чимпоеш Л.С., конф., д. фил. наук, Хитит Унив., Ест.-науч. и гум. факультет, Чорум, Турция
6. Carmen Dimitriu, doctor în filologie, Alba Iulia, România
7. Адэскэлицей Адриан, профессор, доктор инж., Ясский ТУ им. Георге Асаки, г. Яссы, Румыния
8. Меньшикова Е., замест. директ. Украинско-нем. инст. НУ «Одесская политехника», г. Одесса, Украина
9. Пригарин А.А., профессор, д.и.н., Одесский НУ имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
10. Винокуров Н.И., проф., доктор ист. наук, каф. истории др. мира и ср. веков им.В.Ф.Семенова МПГУ, РФ
11. Казаренков В.И., профессор, доктор пед. наук, КСДП, RUDN University, г. Москва, РФ
12. Морозов А.В., профессор, д.п.н., гл. науч. сотр. ФГБНУ "Институт упр. образованием РАО", Москва, РФ
13. Субботина И. А, канд. ист. наук, ст. н. сотр. Инст. этн. и антр-ии РАН, рук. ЦИМО ИЭА РАН, Москва, РФ
14. Шамин А. Е., профессор, доктор экон. наук, Княгининский университет, Россия
15. Квилинкова Е.Н., доктор хаб. ист., доцент, вед. науч. сот., ИИЭФ им. К. Крапивы НАН, Минск, Беларусь
16. Viorica Goras-Postica, doctor hab., prof. univ., Universitatea de Stat din Moldova, vicepr. CE PRO DIDACTICA
17. Valerian Balan, dr. hab., prof.univ., Directorul Şcolii Doctorale UASM, Moldova
18. Кауненко И.И., доктор психологических наук, Институт культурного наследия, Молдова
19. Сахарняну Е.Д., докт. хаб. филос., профес. кафедр. Философии и антропологии МГУ, Молдова
20. Быргэу М.М., профессор, доктор хабилитат права, КГУ, Молдова
21. Варбан С.А., профессор, доктор хабилитат, КГУ, Молдова
22. Левитская А.П., профессор, доктор хабилитат экон. наук, КГУ, Молдова
23. Пармакли Д.М., профессор, доктор хабилитат экон. наук, КГУ, Молдова
24. Теоса В.В., профессор, доктор хаб. полит. наук, МГУ, Молдова
25. Стоянова И.Ф., доктор филолог. наук, конф. унив., МНУ, Молдова
26. Арсени И.В., доктор права, конф. унив., КГУ, Молдова
27. Банкова И.Д., доктор филолог. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
28. Бойкова Л.В., доктор филолог. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
29. Великова Т.Г., доктор пед. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
30. Кара С.В., доктор с/х наук, конф. унив., КГУ, Молдова
31. Карабет М.А., доктор экон. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
32. Каранфил Гюллю, доктор филолог. наук, КГУ, Молдова
33. Кураксина С.С., доктор экон. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
34. Куртева О.В., доктор пед. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
35. Папцова А.К., доктор филос. наук, КГУ, Молдова
36. Пашалы П.М., доктор исторических наук, КГУ, Молдова
37. Тодорич Л.П., доктор экон. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
38. Яниогло М.А., доктор пед. наук, конф.унив., КГУ, Молдова

Члены организационного комитета:

1. Доброродный Д.Г., канд. филос. наук доцент, Директор ИСГО БГЭУ, г. Минск, Беларусь
2. Ковальчук Е. В., канд. наук, доцент, вед. н. сотр. отд. теории и ист. культуры ИПСИ АИ, Киев, Украина
3. Муска С.Ф., доктор экон. наук, КГУ, Молдова
4. Мутаф Г.Н., доктор пед. наук, КГУ, Молдова
5. Хорозова Л.Ф., доктор пед. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
6. Щеголева Т.И., Maestro în Arta, КГУ, Молдова
7. Неду Л.Д., магистр, преподаватель, КГУ, Молдова
8. Пойдолова И.С., магистр, преподаватель, КГУ, Молдова
9. Тодорич Т.А., магистр, преподаватель, КГУ, Молдова

Технический редактор

Лушашку С.И. магистр, преподаватель, КГУ, Молдова

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 6. ФИЛОЛОГИЯ

ПОДСЕКЦИЯ 6.1. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

MODELUL DIDACTIC DE PROIECTARE ȘI REALIZARE A INSTRUIRII PE COMPETENȚE LA LIMBA STRĂINĂ Svetlana Apachița	15
HOW TO TEACH VOCABULARY MORE EFFECTIVELY TO UNIVERSITY STUDENTS Alla Mămăligă	17
AN APPROACH IN LEARNING ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING EMOTIONS Prascovia Nicolaeva	22
TENDINȚE ACTUALE ÎN PREDAREA LIMBILOR STRĂINE Lidia Panainte	25
TRANSADAPTATION IN THE RECYCLED / MEDIATED NEWS Galina Petrea	29
ESSENTIAL CHARACTERISTIC FEATURES OF NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH LEXICOLOGY Tatiana Sandu, Olga Sciuchina	34
NEW ENGLISH WORDS, FORMED BY MEANS OF CONVERSION IN ENGLISH Olga Sciuchina, Tatiana Sandu	37
VARIABILITY OF ABBREVIATED FORMS IN THE ENGLISH VOCABULARY OF DRIVING Inga Stoianova	41
THE IMPORTANCE OF THE TEACHING ENGLISH TO YOUNG LEARNERS (TEYL) IN LANGUAGE EDUCATION Aiperi Toktosunova, Halil Küçükler	45
СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ Варламова Елена	53
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В АСПИРАНТУРЕ: ОТ ЦЕЛИ К СОДЕРЖАНИЮ Воевода Елена	57
НЕМЕЦКАЯ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА Гаджимурдова Марина	60
МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ПО ОБУЧЕНИЮ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ QR-КОДА (БУКВА «ТТ») Ганчар Наталия	64

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (CLIL) В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗА Илюшина Анна	67
К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРАНСПОРТНОГО НЕЙМИНГА Исакова Алла	71
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛОЖНЫХ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ГЕРМАНСКИХ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ) Кирдякин Алексей	75
К ВОПРОСУ О РОЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СПЕЦИАЛЬНОСТИ Кирдякин Алексей, Сулак София	79
ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ФУТУРАЛЬНОСТИ В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Курмаева Ирина, Бабенко Олеся	83
ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ПЕРЕВОДА КАК СЛОЖНЫЕ ГИБРИДЫ Макаревич Татьяна	86
ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ПРИ ПОМОЩИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ Матвеев Михаил, Покатилов Валерий	90
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ Меньшикова Елена	93
ИННОВАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОЛЛЕДЖЕ Минько Елена	98
РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ И МЕДИАДИСКУРСИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ Натуркач Михаил	100
ФРЕЙМОВЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ Федотова Оксана	105
РОЛЬ ТЕКСТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ Царева Лилия, Марченко Светлана	109

ПОДСЕКЦИЯ 6.2. ГАГАУЗСКИЙ И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

POLİTİK VE KÜLTÜREL VATANDAŞLIK BAĞLAMINDA MOLDOVA CUMHURİYETİ VATANDAŞLIĞI Akpınar Ömer	113
UKRAİNADA YABANCI DİL GİBİ GAGAUZ DİLİNİN ÜÜRENİLMESİ Arnaut Fedora (Tudora), Virnik Olga	120
TÜRK ROMANINDA MODERNİST EVRE Balık Macit	123
MORFEMA ÇEŞİTLERİ GAGAUZ DİLİNDÄ: ONNARIN ÖZELLİKLERİ HEM FUNKTİYASI Bankova İvanna	127
GAGAUZ DİLİ HEM LİTERATURA UROKLARINDA. MİLLET KULTURA ASPEKTİ ÜÜRENMÄK-ÜÜRET MÄK POŞESİNDÄ Duşkova Natalya	133
ÇORUM YÖRESİ FOLKLOR ÇALIŞMASI Çimpoeş Liubovi, Bilgen Etyemez	136
ÜÜRENİCİLERİN RUH-AHLAKLI TERBİETMESİNDÄ GAGAUZ DİLİ HEM LİTERATURA UROKLARIN ÖNEMNİİ Çimpoeş Liubovi, Fuyor Olga	141
NAZLI ERAY'IN ARZU SAPAĞINDA İNECEK VAR ROMANINDA KİŞİLER Ertuş Ayşe	143
LİŦEYDÄ MUZİKAYI ÜÜRET MÄK METODLARI HEM ZAMANDAŞ KONŦEPTİYALARI Karaçlı Lüdmila	149
SÖZ İLERLEMESİ – ÖNEMNİ ŞART UŞAKLARI OKULA HAZIRLAMAKTA Karanfil Güllü, Bihol Anna	152
TEATRALAŞTIRMAK NASIL GAGAUZ DİLİNİN ÜÜRET MÄK METODİKASI Karanfil Güllü, Rabeja Mariya	155
FİKİRLEMÄ NİCÄ SEMANTİK SÖZ TİPİ Kiosä Elena	159
BİLİNMEYEN BİR KÜLTÜREL MİRAS TAŞIYICISI: ANDIRINLI HASİBE HATUN Koç Adem	162
KARAMANLI AYNININ ŞİİR ALAYIŞI Kudret Gümüş	167
ÜÜRENİCİLERİN YARADICILIIN İLERLENMESİ YARATMALARIN YARDIMINNAN Mihaylova Tatyana	173

BİLİNGVAL ÜÜRETMENİNİN ELEMENTLERİ RUH-MORAL TERBİETMESİNDÄ 176
GİMNAZİYANIN BAŞLANKI KLASLARINDA
Stoyanova Elena

HACI BEKTAŞ VELİ VE MEHMET ÂKİF ERSOY'UN EDEP ANLAYIŞI ÜZERİNE 179
DEĞERLENDİRMELER
Öner Haluk, Turan Tilbe Berrin

BİR SEYYAHIN GÖZÜNDEN 17. YÜZYILDA BENDER KALESİ 184
Şahin Kürşat Şamil

О ПРАВОПИСАНИИ РОДОВОГО СЛОВА И ТОПОФОРМАНТА КÛÛ 188
Каранфил Гюллю, Гроздева Татьяна

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В 193
ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫК
Тодорич Татьяна

ПОДСЕКЦИЯ 6.3 РУМЫНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

PUBLICISTICA-PARTE INTEGRANTĂ A CREAȚIEI LUI SERAFIM SAKA. 196
Cristina Antoni

FRUMOSUL ARTISTIC VERSUS ESTETICA LITERARĂ ÎN PERMANENȚA TEORIEI ȘI 199
METODOLOGIEI SPECIALE A CREATIVITĂȚII
Liuba Botezatu

PERSONALITATEA PROFESORULUI DE LIMBA ȘI LITERATURA ROMÂNĂ 202
Tatiana Burlacu

UTILIZAREA MODULUI CONDIȚIONAL LA LECȚIILE DE LIMBA ROMÂNĂ ÎN INSTITUȚIILE CU 205
PREDARE ÎN LIMBILE MINORITĂȚILOR NAȚIONALE.
Liudmila Ecmecci

PERSONAJUL LITERAR 208
Oxana Mititelu

ORGANIZAREA ETIMOLOGICĂ A VOCABULARULUI LIMBII ROMÂNE 212
Oxana Mititelu

ÎNVĂȚAREA LIMBII ROMÂNE PRIN CÂNTEC ÎN INSTITUȚIILE DE EDUCAȚIE TIMPURIE CU 216
PROGRAM ÎN LIMBILE MINORITĂȚILOR NAȚIONALE
Mutcoglo Galina

EVALUARE FORMATIVĂ A SISTEMULUI LEXICAL 219
Nedu Ludmila

ПОДСЕКЦИЯ 6.4. СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ДУХОВНО-НРАВСТВЕННО ВЪЗПИТАНИЕ НА ЛИЧНОСТТА В УРОЦИТЕ ПО БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА 222
Бойкова Лариса, Бойкова Анастасия
- СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛАН СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ ЛИТЕРАТОРАМ, В БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА 224
Боровко Ванда
- МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ «НАСТОЯЩИХ СКАЗОК» Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ) 228
Долгов Вячеслав
- СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОЙ СВЯЗНОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ-БИЛИНГВОВ 5-7 КЛАССОВ ДАГЕСТАНСКОЙ ШКОЛ 231
Зайналова Лариса
- ЭРГОНИМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ МАГАЗИНЫ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ 236
Куров Александр
- К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАИВНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В КАРТИНЕ МИРА 238
Милевич Инга
- РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В ТУРИЗМЕ 243
Фокин Сергей
- ГЕНДЕРНАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕМИННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) 246
Якименко Людмила

СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

ПОДСЕКЦИЯ 7.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

7.1.1. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

- УКРЕПЛЕНИЕ РИМСКОЙ ЭПОХИ-КАСТРУМ У С. ЭТУЛИЯ 251
Агульников Сергей
- ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОСКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ НАУЧНОЙ, МЕТОДИЧЕСКОЙ, ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА БАЗЕ АРТЕЗИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 254
Винокуров Николай, Симонова Анастасия, Сорокин Глеб
- «... ТАТАРЫ С НЕИСТОВЫМ РВЕНИЕМ НАЧАЛИ БОЙ...» 263
Добролюбский Андрей
- ТРАКИЙСКИ СЪКРОВИЩА КАТО ПРИЗНАК НА «ПРЕСТИЖНАТА» ИКОНОМИКА 270
Крыкин Сергей

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В ВИЗАНТИИ В ТРАКТОВКЕ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА 274
Кузнецов Алексей

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III ВЕКА 279
Куликова Юлия

ПРАКТИЧЕСКИЕ КЕЙСЫ В КУРСЕ «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК 284
Симонова Анастасия

7.1.2. ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ТИГРАЕ И ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ 290
Агуреев Станислав

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 293
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В 80-Е ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО УРАЛА)
Астафьев Дмитрий

МАРОНЫ В СОВРЕМЕННОМ СУРИНАМЕ 296
Болтаевский Андрей

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕЯ: АНАЛИЗ ИЗДАНИЯ "БЕЛОРУССКИЙ ПУТЬ" 298
Болтаевский Андрей, Оводова Яна,

КОМРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ И РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 301
1905-1906 ГГ
Булгар Степан

РОСІЙСЬКО-ПЕРСЬКА (1826 – 1828) І РОСІЙСЬКО-ТУРЕЦЬКА (1828 – 1829) ВІЙНИ: 306
ПІВДЕННОКАВКАЗЬКИЙ ТЕАТР БОЙОВИХ ДІЙ
Бурьян Марія, Бурьян Михайло

ОБРАЩЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПРАВОСЛАВИЕ (60 311
гг. XIX в.)
Ганчар Андрей

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ В МАССАНДРОВСКОМ ОДНОКЛАСНОМ УЧИЛИЩЕ В ПЕРВЫЕ 316
ГОДЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (1892 – НАЧАЛО XX ВЕКА)
Гуменюк Андрей, Вишневский Сергей

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И 321
НАУКИ В 1990-Е ГГ.
Косов Александр

ЛІБЕРАЛЬНІ ПУБЛІЦИСТИ ПІВНІЧНОЇ УКРАЇНИ ПРО РОЛЬ РОСІЙСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ 325
ЦЕРКВИ У КОНТРЕФОРМАХ ІМПЕРАТОРА ОЛЕКСАНДРА III(1882-1892)
Котельницький Назар

А.И. ГЕРЦЕН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 Г. НАЦИОНАЛЬНЫЙ, 328
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И КЛАССОВО-СОСЛОВНЫЙ АСПЕКТЫ
Куренышев Андрей

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 332

Потапова Юлия

ДУХОВЕНСТВО ИЗМАЙЛЬСКОГО И ТОМАРОВСКОГО ЦИНУТОВ В БЕССАРАБИИ В 1815 И 1818 ГГ. 334

Пушков Игорь

СТАТУС ДЕПУТАТА НИЖНЕЙ ПАЛАТЫ РЕЙХСТАГА ПО ГЕРМАНСКИМ КОНСТИТУЦИЯМ 1849–1871 ГГ. 340

Рудник Денис, Хряпин Эдуард

ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МОЛДОВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ. ЧАСТЬ I: ГОД 1961. 343

Шевченко Руслан

ПОДСЕКЦИЯ 7.2. ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ТРАНЗИТОЛОГИЯ (ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ).

7.2.1. ФИЛОСОФИЯ

CONTRIBUȚIA SIMBOLICĂ ÎN COMUNICAREA CU TRANSCEDENȚA 347
Dodul Dumitru, Roșca Andrei

VALENȚE SIMBOLICE ALE SPAȚIULUI ÎN FILOZOFIA LUI MIRCEA ELIADE ȘI LUCIAN BLAGA 352
Moga Diana

КОНФУЦИАНСКИЙ ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА 356
Ганаба Светлана

ЛОГИКА КАК МЕТОД ЮРИСПРУДЕНЦИИ. ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА «ЛОГИКА И ПРАВО» И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ХАБАРОВСКОГО ФИЛИАЛА УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ РОССИИ 360
Марков Сергей

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ 364

Наумов Дмитрий

ПРОБЛЕМА ВЕРЫ В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА 369

Чекер Наталья

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИФОПОЭТИКИ ВАСИЛИЯ НАСЕДКИНА 372

Чернов Андрей

ТИПОЛОГИЯ РОДИНЫ 377

Чикаева Татьяна

7.2.2. СОЦИОЛОГИЯ. ТРАНЗИТОЛОГИЯ (ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ).

СЕТЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ: СУЩНОСТЬ И РЕГУЛИРОВАНИЕ Баньковская Юлия	381
ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ Бельчевичена Татьяна	384
ЗНАЧЕНИЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ Папцова Алла, Одабаши Эдже	387
ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (Г. СПЕНСЕРА, Э. ДЮРКГЕЙМА, М. ВЕБЕРА, Т. ПАРСОНСА) Пацукевич Ольга	391
ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ Финин Георгий	394
МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ (НА ПРИМЕРЕ АТО ГАГАУЗИЯ) Хорозов Сергей, Хорозова Лариса	398
ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УСТОЙЧИВОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НКО) РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА Хорозов Сергей	402
РОЛЬ ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ Чимпоеш Любовь, Гарчева Жанна	406
ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ЛИДЕРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ Шляхтина Наталья, Бобылева Надежда	410

ПОДСЕКЦИЯ 7.3. ЭТНОЛОГИЯ, ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

7.3.1. ЭТНОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КИШИНЕВА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ Иванова Нина	413
СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА МЕЖВОЕННОЙ БЕССАРАБИИ Ижболдина Ирина	417
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ КИРГИЗИИ Остапенко Любовь	422
МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ Субботина Ирина	426

7.3.2.ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ

GAGAUZLARIN KÜRESELLEŞME SÜRECİNE DÂHİL OLMASINDA SSCB'NİN ETKİLERİ VE SONUÇLARI 431

Tatiana Tiryakioğlu

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ, КАЛЕНДАРЬ И СИСТЕМА СЧЕТА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ГАГАУЗОВ 434

Квилинкова Елизавета

ПОНЯТИЕ «РОДИНА» У ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ГАГАУЗОВ БЕЛАРУСИ 439

Квилинкова Елизавета

НЕКОТОРЫЕ АРГУМЕНТЫ, ОПОВЕРГАЮЩИЕ ГИПОТЕЗУ «СЛАВЯНСКОГО» ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГАГАУЗОВ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР) 444

Никогло Диана

МОЛОДЕЖНЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ БОЛГАРСКИХ ГАГАУЗОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ КОНЦА XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВВ. 448

Сырф Виталий

7.3.3.РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РОЛЬ ДХШ В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДХШ ИМ.Д.ДЕРЕБАКАНА 451

Ворникова Наталья

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЧАДЫР-ЛУНГСКОЙ ДХШ ИМ. Д. ЕРЕБАКАНА 453

Дулогло Федор

РАБОТА ДЕПУТАТОВ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЗА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЫ БАЛКАНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ГОРОДА БОЛГРАДА КАК ЦЕНТРА АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XX НАЧАЛЕ XXI В.В. 455

Кальчев Борис

ЛЕТОПИСЬ ПЕРВОЙ ШКОЛЫ ЧАДЫР-ЛУНГИ ЗА 185 ЛЕТ: ОТ ПРИХОДСКОГО УЧИЛИЩА ДО СОВРЕМЕННОГО ЛИЦЕЯ 461

Капанжи Светлана

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КУРСЕ ИСТОРИИ 467

Комиссарова Ольга

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ - ЖИВАЯ ПАМЯТЬ О МИНУВШЕМ. 470

Крыкин Сергей, Минаева Елена

РАБОТА МУЗЕЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ 476

Марин Людмила

РОЛЬ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО МИРА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПРОШЛОГО ГАГАУЗСКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ДОУНИВЕРСИТЕТСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ГАГАУЗИИ 479

Мутаф Галина, Мутаф Сергей

1-Я ВЫСТАВКА ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ В КОМРАТСКОМ РАЙОНЕ (4-5 СЕНТЯБРЯ 1911 г.) Муткогло Андрей	481
«...И ЭТОТ ДРАГОЦЕННЫЙ ЗАЛОГ ВЕЛИКИХ МИЛОСТЕЙ...»: СТРОИТЕЛЬСТВО И ОСВЯЩЕНИЕ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БОЛГАРСКОЙ КОЛОНИИ БОЛГРАД Пушков Игорь	487
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: РЕФЕРЕНДУМ В ГАГАУЗИИ 02.02.2014. Романова Светлана	494
КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ Соловьева Татьяна	499
МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЕЛА АВДАРМА И ЕГО РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ Танасович Иванна	502
200 ЛЕТ СО ДНЯ ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВОЙ ЦЕРКВИ В КОЛОНИИ АВДАРМА Трандафилова Ольга	506

СЕКЦИЯ 8. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

AKSARAY DOKUMALARINDA KULLANILAN BOYAR MADDELER Gümüş Deniz	512
ÇİNAH BURAK RESİMLERİNDE ÇİRKİNLİĞİN ESTETİĞİ VE GÖRÜNÜMLERİ Küçükşen Öner Ferhunde	516
ПОТОК ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЙ МИХАИЛА АЛЬПЕРИНА Барбаниягра Наталья	520
АНАЛИЗ И САМОАНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ УРОКОВ Ильева Полина	523
ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОСТЮМ НЕ СЦЕНЕ УКРАИНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА: СТИЛЕВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКОВ Ковальчук Елена	526
ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА ДЛЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ХОРА Мавроди Домна	529
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ФАКТОР ОБЩНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Макаревич Ирина	531
ПРЕДМЕТ ФОРТЕПИАНО И ЕГО РОЛЬ В ГЕНДЕРНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СИСТЕМЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Муткогло Татьяна	535

ФОТОГРАФИИ РОДЧЕНКО КАК ОБРАЗ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТА ТЕЛА Назарова Л.Р., Назарова М.В.	538
ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО И Г.ХАРЬКОВ Панасюк Виктория	541
ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭТНОЛИЧНОСТИ Пойдолова Ирина	544
САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ТЕАТР ПРИДНЕСТРОВЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Сороковская Светлана	546
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРОВ Станцой Наталья, Казмалы Татьяна	550
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ: СОДЕРЖАНИЕ И СПЕЦИФИКА Топалова Екатерина, Шафажинская Наталья	552
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБУЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТАМ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ДИДАКТИЧЕСКУЮ ИГРУ НА УРОКЕ СОЛЬФЕДЖИО В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ Щёголева Татьяна, Щёголев Владимир	557
РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИНЯТЫЕ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИЙ	561
РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ	574

СЕКЦИЯ 6. ФИЛОЛОГИЯ

ПОДСЕКЦИЯ 6.1 ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

CZU: 37.041:811

MODELUL DIDACTIC DE PROIECTARE ȘI REALIZARE A INSTRUIRII PE COMPETENȚE LA LIMBA STRĂINĂ

Svetlana Apachița,

lector universitar, Academia de Studii Economice, Chișinău, RM

tibuleac.svetlana@gmail.com

orcid id: 0000-0002-1373-2716

Abstract. Teaching methods are not only dimensions of the study process, but are also an integral part of the teaching concept. The starting point of learning should not be the inputs, but the outputs of the study process, the outcomes that are called competencies. Thus, only after the final learning product has been established, the curriculum design can be determined

Keywords: competence, task, units of competences, skills, knowledge, attitudes.

Conform definiției din pedagogie competență înseamnă “capacitatea de a acționa eficace într-o anumită situație”.

Din perspectiva procesului de învățământ, competența poate fi considerată ca o disponibilitate acțională, bazată pe experiența prealabilă, dar și ca un potențial care trebuie demonstrat de student în situații concrete. O competență reprezintă capacitatea demonstrată de a selecta, combina și utiliza adecvat, cunoștințe, abilități, valori și atitudini, în situații concrete, pentru a realiza eficient și cu eficacitate, o sarcină de învățare. Mai mult, competență nu poate fi măsurată și apreciată ca atare, decât punându-l pe student în situații concrete în care să-și valorifice toate resursele necesare.

Educația bazată pe competențe își exprimă eficiența și eficacitatea în contexte educativ-instructiv combinate (formal, nonformal, informal) și dacă îndeplinește cumulativ, mai multe condiții:

- Pedagogia prin competențe trebuie să dea sens învățării, oferind situații reale de învățare, prin care studentul să fie motivat că tot ceea ce învață este util. Pentru aceasta însă, nu doar conținuturile monodisciplinare sunt suficiente, dar și abordări interdisciplinare, creative și inovative sunt obligatorii.

- Sunt clar definite competențele pe care studentul trebuie să le demonstreze la sfârșitul fiecărui an, precum și la sfârșitul studiilor obligatorii. Astfel, activitatea cadrului didactic se va concentra mai puțin asupra proiectării și mai mult asupra organizării învățării, precum și asupra oferirii de feedback, iar în ceea ce-l privește pe student, acesta trebuie să demonstreze că știe să utilizeze, să aplice, ceea ce învață.

Competențele nu trebuie privite ca o sumă de cunoștințe, abilități și alte achiziții, ci ca rezultatul aplicării combinate a acestora pentru rezolvarea de situații - problemă concrete. Crearea unei situații-problemă presupune: o sarcină concretă; o sarcină adaptată studenților pentru ca ei să învețe ceva.

Sunt luate în calcul resursele disponibile (materiale, umane) și constrângerile subsecvente realizării activității. Pentru a rezolva sarcina, studenții au de înfruntat anumite obstacole, lipsuri (de cunoștințe, abilități etc.). În același timp, activitatea trebuie să se deruleze cu respectarea anumitor condiții. Resursele și constrângerile reprezintă condițiile de realizare a sarcinii.

În îndeplinirea sarcinilor, studentul recurge la anumite strategii, care sunt legate de competențele de care acesta dispune și de felul în care își imaginează situația în care acționează.

Curriculumul pentru disciplina Limba străină cuprinde următoarele elemente:

1. delimitarea profilului studentului pentru fiecare ciclu de studii conform descriptorilor din Cadrul European al Limbilor: A1, A2, B1, B2;

2. formularea competențelor:

- Competența lingvistică: a. aplicarea și posedarea elementelor lingvistice în producerea mesajelor, clare și corecte, manifestând flexibilitate și coerență
- Definirea și explicarea limbajului specializat specific cursului de Limba Engleză la Facultățile respective.
- Competența sociolingvistică: racordarea resurselor lingvistice la diverse situații de comunicare.
- Competența pragmatică: integrarea structurilor lingvistice în contexte de ordin cotidian, demonstrând coerență, precizie și fluență în comunicarea orală/scrisă/ on-line.
- Competența (pluri/inter)culturală: integrarea elementelor specifice culturii țării țintă, în contexte de comunicare interculturală, exprimând empatie și acceptare pozitivă a diversității culturale.

În procesul de proiectare, se va respecta principiul abordării complexe; profesorului i se cere să coreleze armonios și eficient cele patru deprinderi integratoare: Audierea/receptarea mesajelor orale; Lectura/receptarea mesajelor scrise; Comunicarea scrisă/producerea mesajelor scrise și interacțiunea; Comunicarea orală/producerea mesajelor orale și interacțiunea, precum și unitățile de competențe ce reprezintă achizițiile pe care trebuie să le dobândească studentul pentru a-și forma competențele, la fel și finalități fiind rezultate măsurabile prin unități de competență obținute în cadrul procesului de învățare, prin care se certifică în ce măsură și la ce nivel competențele au fost dezvoltate.

Astfel sarcină este acțiunea unui sau mai multor subiecți care mobilizează în mod strategic abilitățile de care dispun pentru a atinge un anumit rezultat.

La baza competențelor stau:

Cunoștințe: vocabulary, gramatică funcțională, principalele tipuri de interacțiune verbală și de registre ale limbii, convenții societale, aspectul cultural și varietatea limbilor,

Deprinderi / aptitudini: abilitatea de a înțelege mesaje orale, a iniția, a susține și a încheia conversații, înțelegerea și producerea de texte scrise adecvate nevoilor individului, folosirea adecvată a resurselor, învățarea limbilor într-un mod informal, ca parte a educației permanente

Atitudini: aprecierea diversității culturale, interesul și curiozitatea pentru limbi.

Un rol aparte în realizarea sarcinii sau activității didactice reprezintă strategia didactică, care este de natura socială și interactivă „reală”, atunci când studenții sunt antrenați într-o „simulare liber acceptată” pentru a juca jocul utilizării limbii-țintă. Aceste activități vizează dezvoltarea unei competențe de comunicare pe baza cunoștințelor efectiv acumulate în procesul de învățare a LS. După cum este indicat în CECRL, sarcinile pedagogice comunicative vizează implicarea studentului în comunicarea reală; ele au un sens, sunt pertinente, solicitante, dar fezabile (cu posibilitatea de reajustare a activității) și au un rezultat identificat.

Dezvoltarea competențelor presupune un feedback, o evaluare a realizării sarcinii. Metodele de evaluare reprezintă rezultatele îndeplinirii sarcinii. O singură metodă de evaluare la sfârșit de curs este puțin. Studenților trebuie să li se acorde cât mai multe oportunități pentru a demonstra rezultatele învățării. În cele din urmă, procesul de învățare este la fel de important ca și conținutul care urmează să fie învățat.

Proiectând și realizând activități de predare-învățare-evaluare bazate pe strategii didactice, cadrul didactic oferă studenților posibilitatea de a se implica în procesul propriei formări, de a-și exprima în mod liber ideile, opiniile și de a le confrunta cu cele ale colegilor. Percepția cadrului didactic asupra studenților suportă deci transformări radicale: imaginea studentului - receptor pasiv de informații, de cunoștințe este înlocuită cu imaginea studentului activ, motivat să practice o învățare autentică, să-și formeze competențe specifice de procesare, de generare, de aplicare a cunoștințelor în diferite situații etc.

În încheiere se impune concluzia prin valorizarea competențelor-cheie și transferarea acestora la nivelul diferitelor activități, considerarea studentului ca subiect al activității instructiv-educative și orientarea spre formarea competențelor specifice, accentuarea caracterului practic-aplicativ al disciplinei presupun respectarea unor exigențe ale învățării durabile, printre care:

- utilizarea unor strategii didactice care să pună accent pe: dezvoltarea progresivă a cunoștințelor și consolidarea continuă a capacităților; flexibilitatea abordărilor și parcursul diferențiat; cultivarea capacității de a se autoevalua; coerență și abordări inter- și transdisciplinare;
- utilizarea unor metode active (de exemplu, învățarea prin descoperire, învățarea problematizată, învățarea prin cooperare, studiul de caz, simularea, jocul de roluri, analiza logică a unui text, dezbateră), care contribuie la dezvoltarea capacității de comunicare, de manifestare a spiritului critic, tolerant, deschis și creativ.

Bibliografia:

1. Bontaș Ioan. Pedagogie: tratat. - Ed. ALL., București, 2007, 407p. ISBN978-973-571-738-4.
2. Cadrul European Comun de Referință pentru limbi: învățare, predare, evaluare, ed.: Tipografia Centrală, Chișinău, 2003, 203p. ISBN: 9975-78-259-0
3. Cerghit I. Metode de învățămînt. - Ed. Iași Polirom, Iași, 2006. 315p. ISBN973-46-0175-X.
4. Cristea Sorin. Dicționar de pedagogie. - Ed. Chișinău Litera, Chișinău, 2000, 395p. ISBN9975-74-248-3.
5. Cucoș Constantin. Pedagogie. – Ed. Iași Polirom, 1996. 230p. ISBN973-9248-03-9.

CZU 811.111:378.147

HOW TO TEACH VOCABULARY MORE EFFECTIVELY TO UNIVERSITY STUDENTS

Alla Mămăligă,

lector universitar Academia de Studii Economice din Moldova, RM

e-mail: mamaliga.alla.ion@ase.md

orcid id: 0000-0002-2102-3194

Abstract. Vocabulary instruction is a real challenge because teachers have to pay attention to many factors before teaching and while teaching vocabulary. The article describes the forefront methods, techniques and activities to apply with university students. It should be a must to consider the curricula and cope with time management, but simultaneously manage to drill more on vocabulary than the curricula allow, as Business English is far different from the General English students are taught at school. Therefore, one of the main focuses should be on Business English Vocabulary acquisition. The purpose of this work is to demonstrate that applying the methods and strategies described below, teachers can enhance their speed of teaching vocabulary more effectively, meeting the students' vocabulary acquisition needs.

Key words: vocabulary instruction, content-specific words, Manzano's six steps, vocabulary teaching, teaching tiers

All the curricula for foreign languages within the ASEM university are focused on developing and fostering the four basic language competences: reading, listening, speaking and writing from A2 level to C1. The main coursebooks used are Market Leader, all levels, and other English for Business books and relevant Internet resources. They are highly appreciated and enjoyed by the students and teaching staff for their versatile content, but I have always felt the need of enlarging on vocabulary acquisition more than required by the curricula. This need comes from the students' needs of developing their vocabulary range in Business English. As the Business Vocabulary is different from the General English vocabulary, many students come to the conclusion that a B1 certified level in

General English turns out not to be sufficient to continue with a B2 level in Business English. They minimum have to redo the B1 Business English course or even start at A2, otherwise they would not manage with the difficult content and would not be up to the course outcomes. The difficulty lies not only in the more difficult grammatical structures and syntax, but also a more sophisticated vocabulary full of business words, phrases, collocations, idioms, etc.

Therefore, I am concerned about how to teach vocabulary to my students in a more effective and engaging way. To do so there are certain things teachers have to know about the theoretical aspect of teaching vocabulary and then resort to all those practical strategies, techniques, methods, activities for teaching vocabulary. The main issue for me as a teacher is, first of all, which words should I select to teach? Not all the English books contain comprehensive vocabulary exercises or depending on the group it is necessary to teach more words than provided in the book. It is a good idea to ask from students to make their own word-lists by selecting the words or expressions they do not know or are not sure of. One of the fastest selection processes from my experience is to write clearly the words the students dictate on the board into two categories (about 5-6, not more, from a certain context) 'Not know' and 'Not sure of'. Then I can ask the students to define them as they understand, where necessary offer support and then ask them to use the new words in some other sentences, relating them to their own experience. This way we can select the best words and expressions to focus on further in the lesson, at the next lesson, at the end of the unit revision or formative test. Of course, the **selection process** could take other forms as well.

As to the more theoretical aspect, one of the first strategies teachers have to resort to, usually after the selection process, would be **ranking** words. When considering which words need the most instructional attention, Isabel L. Beck, PhD, Professor Emerita of Education in the School of Education at the University of Pittsburgh, comes with a practical way of categorizing vocabulary words into three tiers. Tier one comprises the words we use most frequently that appear in everyday communication. Students typically learn these words through oral language. Basic words that rarely require instructional focus are *door, house, book, happy, dog, do, run, etc.* Tier-two-words appear with a higher frequency, across a variety of domains, and are crucial when using mature, academic language. For instance, *coincidence, reluctant, analysis, interpret, assume, necessary, etc.* The Smarter Balanced Assessment Consortium, which is a standardized test consortium, offers a partial list of Tier 2 words, broken down by grade levels. Tier three words are subject-specific and are used in certain subject areas, such as *interdisciplinary* in social studies and *vinculum* in math. The frequency of these words is quite low and often limited to specific fields of study. [1]

Beck suggests that students will benefit the most academically by focusing instruction on tier-two words, since these appear with much higher frequency than tier three words, and are used across domains.

Therefore, to make a certain list of new vocabulary teachers can pick words from the list of the pre-reading and after-reading vocabulary charts students created and choose 'Not know' and 'Not sure of' words, with the teacher's guidance, words that are deemed to be tier-two words. Then the teacher can go ahead and select some content-specific words (tier three) but only those directly related to the chapter, article, short story, or whatever the students are reading. Now the teacher has an improved vocabulary list that can be eventually used in vocabulary instruction, but it is still advisable to follow certain steps in the process.

According to Robert Marzano, an education researcher and teacher, direct vocabulary instruction is essential in all content areas and he suggests six steps:

In **step one** the teacher explains a new word, not only by giving its definition relying on to the previous knowledge of students but also using visual aid. In **step two** students are asked to paraphrase or explain the new word in their own words verbally and/or in writing. Then, in **step three** the teacher requires from students to represent the word in a non-linguistic way through a picture or a symbol. In **step four** students engage in various activities to deepen their knowledge of the new word by comparing words, classifying terms, writing their own analogies and metaphors, relating the new

word to their own experience. In **step five** students discuss the new word with a partner, do pair or group activities, etc. Finally, in **step six** students can play games to revise new vocabulary, for instance, Pyramid, Jeopardy, Telephone, etc. Robert Marzano's six steps do something revolutionary to vocabulary learning: students make it fun, think about, talk about, apply, and play with new words. [7]

On the other hand, we can also learn about effective vocabulary instruction with the 6M Learning Framework, which offers teachers the possibility to motivate, exemplify, master, enhance and maintain the process of learning vocabulary with important feedback thus assuring the consistency of learning. The framework offers advice on both how to prepare for teaching and how to teach vocabulary. The first component refers to **motivating** students, which means making them understand what the advantages of possessing an extensive vocabulary knowledge are. There are students who have in-born curiosity, while the rest will need certain incentives in order to raise their willingness to learn new words. To boost students' motivation teachers can resort to some tips and tools such as: explaining them the importance and need of possessing a rich vocabulary; trying to stimulate a lesson culture where students always look for new words and record them; making use of jokes and other for-fun activities to create a more engaging atmosphere, especially when several meanings interchange humorously; designating a word of the week giving students the challenge to use it creatively that week in as many contexts as possible.. [2]

The second component is **modeling** or showing, which is considered an explicit approach to vocabulary instruction. Teachers have to show or model by, firstly, pronouncing the word carefully, several times if necessary. This is very important because it allows students to make strong connections between written and spoken language. Sometimes difficult words need to be pronounced by syllable to help students in articulating each part of the word and then write it. Spelling and vocabulary are closely interconnected, as namely at this stage we can drill on writing the new words correctly. If we want students to be able to easily access their vocabulary knowledge in both passive and active settings, they should also be able to do the spelling of the new vocabulary. It is also necessary to offer students easy-to understand definitions, as it was mentioned above, because the way dictionaries explain new words is not always well-perceived by students, as they can be too short or use too sophisticated words in the definition itself. It may come out that dictionaries and thesauruses do not always help students in identifying the precise meaning of the word they need for a certain context, or they might not find that exact meaning at all. Therefore, we should provide definitions that students find meaningful and then can employ their experiences and their acquired vocabulary knowledge. Afterwards students should be given multiple meaningful examples giving everyone the possibility to connect and relate to the word. Next it is valuable to require students to compose their personal examples of the new word used in context. If this exercise is included in the explicit phase of teaching, there are more opportunities to check understanding, especially when words have multiple meanings and can lead to misconceptions. [2]

Mastering is another factor which implies providing students opportunities to master an understanding of new vocabulary in context through hearing, saying, reading and writing. Showing students how to recognize new words can help them to build on their vocabulary knowledge. And the most efficient way to help students remember and retain the new words for a long time is to connect them with objects in the real world. Teachers can make use of pictures and flashcards, but real-world items are more recommended, though it is difficult to keep to this tip with university students, because the majority of the business words do not denote real things that can be brought to class, but are abstract. Thus, there is more difficulty with explaining abstract words, but giving the matter a little more thought, for instance, explaining a word by exemplifying it in several original contexts. Another method would be reinforcing new words to remember them forever and add it to the active vocabulary. After introducing the new word, we want students to come across it minimum 8 more times, in different contexts, so they remember it well. Students can be involved in such activities as 'fill in the blank' and 'word bingo' that would help them make strong connections between the

introduced words. After having practiced the new words, students are ready to find the ways they can use them to make meaning. To organize vocabulary, various graphic organizers can be employed such as mind maps, grids, tables, etc. They can also be helpful for students to master and cement their knowledge of new words by revising. Students may be asked to complete various word charts compiled by the teacher, depending on the students' needs as shown in the glossary sample below I use in my classes.

Table 1 Sample glossary

Unit 3 Change		
Key terms: define in English and translate into your native language; write an example sentence relating to your country, job, etc.		
deregulate (the industry)	remove regulations or restrictions from (dereglementare)	<i>The wine production industry was deregulated in 2012 to allow better export facilities to wine producers.</i>
New words and phrases: provide a synonym or translate into your native language; write an example sentence relating to your country, job, etc.		
a turnaround	întorsătură, răsturnare (de situație)	<i>With the outbreak of the covid pandemic, 2019 was a complete turnaround for the hotel and restaurant sector in our country.</i>
Useful expressions: provide the usual phrase/synonym you know; write an example sentence relating to your country, job, etc.		
break the pattern of doing something	do something in a different way	<i>In 2018 my company broke the pattern of life employment and made 20 people redundant.</i>

Another component is **magnifying** vocabulary, which means students have to understand meanings via a word-rich environment. Teachers should stimulate the creation of classrooms where much emphasis is placed on acquiring new words and on providing opportunities on an ongoing basis having the purpose of exploring words to deep. The following strategies can be applied:

Exploring the origins of the word. Teachers should dig into the etymology of words and help students make connections within and between words. When learners understand the common-word parts it helps in grasping the meaning, even of the words they have not come across beforehand. Students may be required to build word families based on a certain etymological feature. For instance, they can find more words with the prefix 'micro-' in their spelling and then the meanings of these words can be predicted, based on their smaller roots such as *micromanagement*, *microtonalities*, *microevolutions*, etc.

Explaining the connotation of the word. We can have different feelings in retaliation to word meanings such as positive, neutral or negative This is the relationship between the word and the feelings about it, whether. Students will be able to understand new words more precisely if they understand how they can be interpreted. Students have the option to compile a word scale by placing a word on one end of the scale and a word with opposite meaning or intensity at the other. For instance, if we want to make students use other words instead of 'bad', we can place the word 'inferior' at the lower end and 'dreadful' at the highest end of the word scale. Students can work in pairs or groups to complete the scale, looking for synonymous words like 'deficient', 'adverse', 'nasty', 'grim' and finding their right place at the required points on the scale.

Explaining where and when the word is or is not used. This refers whether to the word formality to its datedness. English people often say 'loo' at home, 'toilet' in a public place or 'lavatory' if they go to the Mayor's Ball. Such examples help with understanding how words can influence others what we say and how polite or impolite we sound. We can give an example by demonstrating this through an informally-written in an inappropriate style to emphasize the importance of choosing the right words. Another alternative would be writing a completely formal

email or other text carrying a simple and friendly message to make students understand the register and how they sound when the language register is overlooked [2]

Building relationships between words. This refers to how students understand what words have the same, similar, opposite or related meanings. They can be helped to create their own lexical stores by showing them through synonyms, antonyms or concepts. Also, it is a good idea to provide graphic organizers to help learners with making comparisons and building connections such as spider grams or mind maps, as mentioned above.

Showing what words occur together. This process is called ‘collocation’ and therefore English people say ‘*set objectives*’ instead of ‘*put objectives*’ or ‘*draw your attention*’ rather than ‘*take your attention*’. Collocations should be learnt in context and as a tool for this may be shared reading which is a perfect platform for this type of word study. As a fun activity students can use synonyms to create ‘nearly but not precise’ versions of well-known sayings as in ‘*A photo values a thousand words.*’ - which sounds wired for ‘*A picture is worth a thousand words.*’

Using affixes to change word meaning. Affixation can be used in order to change the meaning of most words - prefixes before the word root and suffixes after the word root. However, the students ‘vocabulary can be developed by making them understand the purpose of prefixes and suffixes and what their impact is on the parts of speech, and how they convey meaning. For example, to help students get to grips with affixes and their impact on the word meaning, the teacher should choose a so called ‘friendly’ word root and dig deeper into its all-possible word creations. [2] For instance, the word ‘*employ*’ can be added to create: *employee, employer, employment, unemployment, unemployed.*

The last component of the 6M Learning Framework refers to the idea of **maintaining** learning through consistent practice and revision. Teachers can resort to many great game ideas and find creative ways to revise a word after one day, one week or one month, or at the end of a semester. Vocabulary learning approaches for students are different from those we can use with kids, so they must be age-oriented as well. For this purpose, the most effective technique with students has proved to be keeping a class glossary for each unit, which helps students to repeat the words as many times as they need. As shown above, students build up their own lists of unfamiliar words the class encounters when reading a text or studying a topic. Each student should find new words and create a glossary page where they have to provide a definition, write the pronunciation/transcription of the new words marking the stress where necessary, provide an example sentence, or translation. Although translation has got many critics it is the fastest way, sometimes, to get the meaning of a word through.

All the methods and techniques mentioned above will be of great value only if new words are taught in context. This way students will understand how the new words relate to their immediate context and how they are used. Then practice using them in different exercises like fill in the gaps or matching words with definitions, or making collocations. But, to understand whether the students can use a certain word independently, the best exercise is to ask them to build sentences related to their experience, life, family or studies. This approach works well when teaching grammar because students start making sentences about themselves, sentences which they would need to use in the future when travelling abroad or at work in everyday communication where English is the working language. [2]

To conclude, it is necessary to make vocabulary instruction explicit, which would include an understandable definition presented directly to students along with multiple examples and nonexamples of the target words, brief discussion opportunities and checks for understanding. It must also include multiple practice opportunities for using words within and across subjects for students to hear, speak, read and write words in various contexts. All of these build the students’ breadth and depth’ of vocabulary knowledge, because each domain has a unique set of vocabulary terms and learners need to know their meanings to become more efficient communicators in English. [3]

Bibliografie:

1. Alber, R. Doing It Differently: Tips for Teaching Vocabulary. [Disponibil]. – URL: <https://www.edutopia.org/blog/vocabulary-instruction-teaching-tips-rebecca-alber>
2. Ankucic, M. Everything Teachers Need to Know About Teaching Vocabulary Effectively. [Disponibil]. – URL: <https://www.3plearning.com/blog/how-to-teach-vocabulary/#:~:text=Take%20the%20time%20to%20demonstrate,that%20humorously%20interchange%20multiple%20meanings>
3. Five Research-Based Ways to Teach Vocabulary. [Disponibil]. – URL: <https://www.texasldcenter.org/teachers-corner/five-research-based-ways-to-teach-vocabulary>
4. Beck, I.L. Bringing Words to Life. [Disponibil]. – URL: https://www.speld.org.au/files/blog/robust_vocab_instruction_beck_mckeown_kucan_2.pdf
5. Marzano, R. J., Debra J. Building Academic Vocabulary Teacher s Manual. 2005. – pp.12-25.
6. Marzano, R. J., Teaching Basic and Advanced Vocabulary: A Framework for Direct Instruction. 2010.
7. How To Build Academic Vocabulary Using Marzano’s 6-Step Process. [Disponibil]. URL: <https://www.teachthought.com/literacy/building-academic-vocabulary/>

CZU 811.111’373.7

AN APPROACH IN LEARNING ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING EMOTIONS

Prascovia Nicolaeva,

Master in Germanic Philology, University Lecturer of Comrat State University,
Comrat, the Republic of Moldova, Ph.D. Student, ULIM, Chişinău, the Republic of Moldova
e-mail: nikolaevapr@rambler.ru
orcid id: 0000-0003-3654-4678

Abstract. This article is devoted to the consideration of one linguistic phenomenon – English phraseological units expressing emotions. The author considers the theory of emotive phraseological units of the English language, in the framework of which an approach to understanding these linguistic units is given. Ideas about expressing a person’s emotional response are suggested. Some difficulties in learning this linguistic phenomenon are mentioned and certain issues are presented. The data for the research have been taken from traditional and electronic phraseological dictionaries and analyzed. Phraseological units expressing emotions have been selected and examined.

Key words: phraseological unit, difficulties, linguistic unit, emotions.

*“The more you learn, the more you know”
(Popular wisdom)*

Learning English is not an easy task when we speak about phraseological units, because they may represent some difficulties for English language learners. At a certain moment, learners come across a word combination they cannot understand. This is an obstacle and it is represented by set expressions called phraseological units.

We consider that any language learner should become familiar with phraseological units of the language he or she studies. In the process of learning a language, it becomes evident that you need to master phraseological units because you feel that your speech is “dry” and “dead”, it is not emotional and vivid, in spite of the fact that you speak without any grammar mistakes. In this case we can speak about a problem that seems to be unmanageable. The learner may say: “How difficult English

phraseological units are!” And he or she will be in panic not knowing how to assimilate them. The source for this panic can be the lack of a certain system of studying English phraseological units.

A good English-Russian Phraseological Dictionary can be a great help in this case. But “It is a huge book with many entries in the alphabetical order” [3, p.193]. In order to manage all those entries you should be aware of a simple classification of English phraseological units.

In this short investigation of ours, we tried to help the English language learner to find a way in mastering phraseological units, to overcome some difficulties in their learning. To do this, we suggest the simplest way of studying English phraseological units – dividing them into parts of speech. There can be different combinations. But we shall explore them later; firstly let us see what phraseological units represent in language.

Phraseological units are represented in the vocabulary of any language. They are “stable word-combinations characterized by certain transference of meaning at least in one of the components or in more than one” [4, p.33].

The term “phraseology” was introduced by Ch. Bally. V.V. Vinogradov was the first who worked out a classification of phraseological units. A deep study of English phraseological units has been done by N.N. Amosova and A.V. Kunin [4, p.33].

Despite different opinions regarding phraseological units, most linguists agree upon some points dealing with the distinctive features of phraseological units. They are:

- integrity of meaning;
- stability;
- separability;
- expressivity and emotiveness [4, p.33].

Thus, we can give our own definition to the notion “phraseological unit”. Phraseological unit is a stable word combination with integral meaning that can be expressive and emotional.

According to the statements given above, it can be stated that everyone who tends to have a good command of English must know English phraseological units and he or she has to overcome some difficulties to learn them. Therefore, we can realize how vivid and colourful phraseological units make the language and a person’s speech.

The English language, like many other languages, is full of phraseological units. These are linguistic units that play an active role in the language, as they make it emotional and attractive. Doing this article we have selected English phraseological units expressing emotions. We consider that they are more relevant today because emotions are of paramount importance in our life.

For the last twenty years, linguists have been quite interested in studying the peculiarities of expressing emotions in the language. Therefore, emotions and their linguistic expression are very important to them [5, p. 566]. Studies based on the problems of emotivity done by Shakhovsky V.I. are widely known in the linguistic world. He contributed much to studying emotions in general and emotions as language phenomena [6, p.75]. That is why it was decided to select and present to learners’ attention those English phraseological units that express different emotions.

As it is known, emotions can be positive and negative. Thus, we shall have 1) phraseological units expressing positive emotions: joy, happiness, pleasure, love, cheer, compassion, fun, admiration, delight, calmness and others; and 2) phraseological units expressing negative emotions: hate, anger, contempt, envy, fear, grief, sadness, mockery, disappointment, discontent, irritation, threat, anxiety, exhaustion, desperation, offence, shame, etc. Having worked with traditional and electronic English phraseological dictionaries we have found a great amount of emotive phraseological units. Now it is time to present them. We shall help the learner understand that they are not difficult to learn at all.

As it has been mentioned above, we have divided emotive phraseological units into parts of speech, thus making them easier to learn and keep in mind and helping to overcome all difficulties in their assimilation. We have also given the context where the emotive phraseological unit can be used and denoted the emotion expressed by it. Here is the first group.

1. Noun with its attribute. The attribute can be expressed by an adjective or participle or another noun.

For example, *angelic patience* (Adj. + N.) – *ангельское терпение* [2, p.203]. This phraseological unit expresses “love”; it is a positive emotion. *My mother has an angelic patience with me because she loves me so much!*

Bitter tears (Adj. + N.) – *горькие слёзы* [2, p.214]. This phraseological unit expresses “grief”; it is a negative emotion. *Her bitter tears were falling on my shoulder making me grieve about her bad fortune.*

Black sheep (Adj. + N.) – *нарушная овца* [2, p.214]. This phraseological unit expresses “contempt”; it is a negative emotion. *This black sheep always spoils everything we plan.*

Broken heart (Part. + N.) – *разбитое сердце* [2, p.216]. This phraseological unit expresses “disappointment”; it is a negative emotion. *My dear friend has a broken heart after her husband's betrayal.*

Golden age (Adj. + N.) – *счастливые годы* [1, p.33]. This phraseological unit expresses “happiness”; it is a positive emotion. *Many people look back on their youth as some kind of golden age and feel happy.*

2. Noun phrases. Here we deal with the nouns that are connected with a preposition.

For example, *a pain in the neck* (N. + Prep.+ N.) – *головная боль* [3, p.196]. This phraseological unit expresses “irritation”; it is a negative emotion. *He cannot be my friend because sometimes he is a pain in the neck.*

A bed of roses (N. + Prep.+ N.) – *не жизнь, а рай* [2, p.213]. This phraseological unit expresses “pleasure”; it is a positive emotion. *Who said life would be a bed of roses? [7]*

Shot in the arm (N. + Prep.+ N.) – *ободряющий фактор или событие* [3, p.197]. This phraseological unit expresses “calmness”; it is a positive emotion. *My teacher's unexpected praise really gave me a shot in the arm.*

Spot on one's reputation (N. + Prep.+ N.) – *пятно на репутации* [2, p.215]. This phraseological unit expresses “shame”; it is a negative emotion. *His son was a spot on his father's reputation – he did so many bad things.*

The abundance of one's heart (N. + Prep.+ N.) – *избыток чувств* [2, p.202]. This phraseological unit expresses “anxiety”; it is a negative emotion. *Mary was trying to calm him down telling that it was just the abundance of his heart and nothing more.*

3. Verb phrases. These combinations are made up with the verbs and other parts of speech.

The main role belongs to the verb.

For example, *to be in a cold sweat* (V. + Prep.+ Adj. + N.) – *обливаться холодным потом/ быть в ужасе* [2, p.208]. This phraseological unit expresses “fear”; it is a negative emotion. *He was in a cold sweat when he heard that his father was coming soon.*

To be in the clouds (V. + Prep. + N.) – *витать в облаках* [2, p.208]. This phraseological unit expresses “happiness”; it is a positive emotion. *You will not believe but my sister is in the clouds at the moment. You would better leave her alone.*

To be on the rampage (V. + Prep. + N.) – *быть вне себя* [2, p.210]. This phraseological unit expresses “anger”; it is a negative emotion. *Don't ask him anything because he is on the rampage at the moment.*

To be over head and ears in love (V. + Prep. + N. + N. + Prep. + N.) – *быть влюблённым по уши* [2, p.211]. This phraseological unit expresses “love”; it is a positive emotion. *Something good has happened. You are over head and ears in love.*

To break smb's heart (V. + N.) – *разбить сердце* [2, p.215]. This phraseological unit expresses “disappointment”; it is a negative emotion. *I am so disappointed in him. He has broken my heart.*

This has been an approach in learning phraseological units expressing emotions that we have presented in present research. We highly recommend it and hope it will help learners overcome difficulties in learning English phraseological units.

Concluding, it should be spoken about the grandiosity and immensity of such a language phenomenon as phraseological units. In modern English there are a great number of phraseological units that make the language brighter, unique and emotional. Emotive phraseological units are not an exception as well. In short, their learning is very important in mastering the English language because this knowledge helps in understanding English culture better and not only. The research has shown that emotive phraseological units can be easy and simple in assimilating. Their use in a person's emotional response does not create any difficulty; on the contrary, his or her speech becomes more attractive and diversified.

References:

1. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary. – Moscow: Russky Yazyk, 1984. – 944 p.
2. Амбражейчик А. 2000 русских 2000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых сочетаний. Минск: Попурри, 2003. - 304 с.
3. Левенталь В. Занимательный английский: учебно-мет. Пособие. М.: Финансы и статистика, 2015. - 208 с.
4. Морозова О. А. Сопоставительная фразеология английского и русского языков: уч. пособие для студентов. Елабуга: Изд-во ЕИК (П) ФУ, 2016. – 103 с.
5. Сажина Е. В., Семак Д. С. Эмоциональность и эмотивность в лингвистике: к разграничению понятий. // Эпоха науки. – 2019, № 20. – с. 565-568
6. Стернин И. А., Просовецкий Д. Ю. Эмоция и оценка в семантике слова. // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – с. 75-96
7. <https://idioms.thefreedictionary.com>

CZU811.1:378.147

TENDINȚE ACTUALE ÎN PREDAREA LIMBILOR STRĂINE

Lidia Panainte,

lector universitar, Academia de Studii Economice a Moldovei, RM

e-mail: panainte.lidia.pavel.ase.md

orcid id: 0000-0002-8774-6571

Abstract. The article examines current trends in the development of language competence in the higher education. The main trends in language policy in the European educational area are: student mobility, multilingualism, understanding of English as a lingua franca, the use of ICT for the training of foreign language skills. In this context, the internationalization of universities is developing rapidly. Universities expand their programs for foreign participants, form a team that can teach a foreign language, develop international cooperation programs with other universities, because multilingual and multicultural skills are among the major universal characteristics of young specialists.

Keywords: Language competence, higher education, student mobility, multilingualism, foreign languages, skills, lingua franca, technology.

Globalizarea în creștere, dominația limbii engleze ca limbă de comunicare interculturală, creșterea constantă a contactelor personale și profesionale la nivel internațional, apariția de noi oportunități pentru mobilitatea academică și creșterea carierei (prin utilizarea a diverselor instrumente digitale și mijloace de comunicare) au modificat semnificativ cerințele pentru formarea tinerilor specialiști. În acest context, internaționalizarea universităților se dezvoltă rapid. Universitățile își

extind programele pentru participanții străini, formează o echipă care poate predă o limbă străină, dezvoltă programe internaționale de cooperare cu alte universități.

Scopul articolului este de a studia tendințele actuale în domeniul politicii lingvistice și comunicării interculturale, de a efectua analiza metodelor inovative privind predarea limbilor străine.

Autorealizarea personală și profesională de succes a absolvenților moderni depinde de abilitățile lor de comunicare interculturală și capacitatea de a-și împărtăși cunoștințele cuprinzătoare în domeniu cu experți din alte țări. Astfel absolvenții universitari pentru a reuși să se integreze pe piața muncii națională și internațională și pentru a putea rezolva probleme de interacțiune interpersonală și interculturală pe lângă cunoștințele și competențele de specialitate trebuie să aibă capacitatea de a comunica oral și în scris în limbi străine. Abilitățile multilingve și multiculturale se numără printre caracteristicile universale majorele specialiștilor competitivi, ceea ce se reflectă și în descrierea locurilor de muncă înalt solicitate.

O sarcină urgentă pentru lingviști, didacticienii și pedagogicii moderni este să crească eficacitatea formării viitorilor specialiști. În acest context, fenomenul de integrare vine în prim plan, implicând procesul de unificare, sinteză sau cooperare care are loc sau se desfășoară în educație cu privire la obiecte de natură diferită.

Engleza pentru scopuri specifice (ESP) este considerată una din cele mai eficiente modalități de implementare a abordării integrative în sistemul de învățământ, deoarece limbă străină acționează ca mijloc de însușire și stăpânire a cunoștințelor și aptitudinilor profesionale, precum și un mijloc de îmbogățire a acestora.

Baza teoretică pentru dezvoltarea unui curs integrat de cultură în limba engleză constă în ideea unei relații strânse între limbă și cultură pe care mulți lingviști, filologi, filozofi și antropologi o prezintă în lucrările lor de specialitate. (Armstrong N., Hall E., Trager G., Samovar L., Porter R., McDaniel E., Elizarova G.V., Ter-Minasova S.G. etc.). Fezabilitatea unui astfel de curs interdisciplinar este oferit de limba engleză de comunicare interculturală, care acționează ca o „lingua franca”, adică o limbă auxiliară folosită pentru a permite comunicarea de rutină să aibă loc între grupuri de oameni care vorbesc diferite limbi materne. ”A lingua franca (or working language, bridge language, trade language, common language, vehicular language) is a language systematically used to make communication possible between people not sharing a mother tongue, in particular when it is a third language, distinct from both mother tongues” [3, p.25].

Capacitatea unică a englezei globale de a-și adapta potențialul lingvistic în funcție de situația specifică de comunicare permite elevilor/studentilor să se familiarizeze cu culturile „străine”, precum și să reprezinte în mod adecvat cultura „nativă” pe scena mondială. Un astfel de schimb cultural facilitează relațiile dintre diferite state și dezvoltă sensibilitatea interculturală a societății mondiale.

Tendințele actuale în predarea limbilor străine încearcă să reacționeze la noile provocări și schimbări în educație. Principalele tendințe în predarea limbilor străine includ:

Predarea centrată pe elev. Această tendință este influențată de pedagogia umanistă și psihologie, punând accent pe potențialul creativ al fiecărui individ și pe capacitatea lui /ei de a se schimba. Această înțelegere influențează fără îndoială schimbarea rolurilor a profesorului și elevului în învățământ. Unul dintre cei mai puternici factori ai acestei tendințe este teoria constructivismului social. Într-o perspectivă social constructivistă, elevii dobândesc cunoștințe din experiențele lor, atât din cele pozitive cât și negative. Învățarea este un proces social activ, ceea ce înseamnă că aceasta are loc atunci când studenții sunt implicați activ în activități sociale. Mai mult, constructivismul tratează fiecare student ca pe un individ unic, ia în considerare mediul cultural al acestuia și ridică responsabilitatea și motivația pentru învățare.

Învățarea autonomă. Studenții sunt văzuți ca persoane care pot și ar trebui să fie autonome, adică să fie responsabili pentru propriul climat de învățare. În plus, educația autonomă îi ajută pe studenți să-și dezvolte auto-conștientizarea, viziunea, caracterul practic și libertatea de exprimare a opiniilor. Aceste atribute servesc pentru a ajuta un student în învățarea sa independentă.

Învățarea prin colaborare sau prin cooperare. Învățarea prin cooperare/colaborare, constă într-o gamă de concepte și tehnici pentru sporirea valorii interacțiunii elev-elev/ student-student. Cu toate acestea, acest tip de învățare necesită stăpânirea abilităților de comunicare prin colaborare, de ex. arătând acordul sau dezacordul într-un mod politicos, făcând compromisuri, explicând. Dacă studenții reușesc să obțină aceste abilități, atunci ei sunt bine echipați nu doar pentru învățarea limbilor străine, ci și pentru viitoarea lor carieră. În plus, profesorul poate participa la învățarea prin cooperare, încurajându-i să creeze o atmosferă plăcută și prietenoasă pentru lucru în echipă. Unul dintre exemplele comune de învățare prin colaborare în învățarea limbilor străine este munca de proiect, studiile de caz, jocul de rol, simularea care permit studenților să învețe împreună în alt scop decât să obțină un scor mare la un examen.

Diversitate. Acest aspect poate fi înțeles ca amestecul de studenți pe care un profesor îi are în sălile de clasă în termeni de origine a studenților, de exemplu: etnic, religios, clasa socială și limba lor maternă, sex, performanță, niveluri, stiluri de învățare, inteligențe și strategii de învățare. Mai mult decât atât, granițele dintre procesul de învățare direct și procesele individuale de învățare a unei limbi străine dispar. Predarea limbilor străine nu mai reprezintă o singură metodă de predare și un singur manual, dar studenții sunt expuși la o serie de stimulente interactive și metode de predare, cum ar fi predarea prin proiect sau predarea cu ajutorul noilor tehnologii informaționale și de comunicare.

Conceptul de multiculturalism. Scopul acestuia este de a face studenții mai sensibili, mai toleranți și mai deschiși altor naționalități și culturi și, în consecință, să-i facă conștienți de propria lor cultură, valori și credințe.

Conceptul de multilingvism. Aceasta înseamnă că, pe lângă limba maternă, fiecare cetățean al UE ar trebui să stăpânească încă două limbi străine. În practică, un astfel de concept necesită noi metode de predare.

Mobilitatea studenților. Conform standardelor europene, mobilitatea elevilor/studenților joacă acum un rol important. Sunt multe programe internaționale care permit studenților să câștige experiență străină și să crească cunoștințele lor în limbi străine. Printre cele mai cunoscute programe sunt Programul pentru studenți absolvenți Fulbright, DAAD, Programul Erasmus etc. Din ce în ce mai mulți studenți studiază în străinătate. Studiind în străinătate, experiența internațională este apreciată de angajatori. Studenții își extind perspectiva, învață cum să comunice în comunitatea internațională, își dezvoltă abilitățile de luare a deciziilor.

Utilizarea tehnologiilor pentru studii. Tehnologiile sunt esențiale pentru procesul de predare în învățământul superior. Tehnologia informațională devine un factor cheie atât în competitivitatea economică, cât și în dezvoltarea socială. Cursurile online deschise (MOOC) au devenit unul dintre cele mai profesioniste aspecte ale utilizării tehnologiei în ultimii ani. Bazat pe analiza comparativă a sistemelor de e-learning, s-a ajuns la concluzia că Sistemul Moodle are multe avantaje, motiv pentru care a devenit cel mai popular în lume. Este oportun de folosit sistemul Moodle pentru formarea competenței de limbi străine a studenților, deoarece sunt multe instrumente disponibile: wiki, glosar, bloguri, forumuri, chat-uri etc. Din experiența predării limbilor străine în cadrul universității noastre, ASEM, sistemul Moodle este folosit cu brio, studenții fiind destul de ingenioși în însușirea limbilor străine folosind tot instrumentarul disponibil al acestuia. Tehnologiile moderne de informare și comunicare și capacitățile Web 2.0, care rămân a fi o mare provocare pentru profesorii de limbi străine, în special în domeniul predării online a acestora, au devenit un ”colac de salvare” pentru toți profesorii atât la nivel național cât și internațional în perioada crizei pandemice Covid 19. Cu ajutorul acestor tehnologii de diferite tipuri: telefoane mobile, smartphone-uri, iPhone, tablete, computere etc. și a platformelor educaționale, rețelelor sociale continuarea procesului educațional nu s-a blocat. Astfel, toate dificultățile și provocările de la începutul secolului XXI s-au transformat în atuuri atât pentru elevi și studenți cât și pentru profesori, întrucât utilizarea materialelor video și audio, informațiile grafice sau desenele sporesc mult eficacitatea predării și interesul elevilor pentru studierea unui material nou.

Mai mult, diverse instrumente digitale oferite de muzeele moderne pot deveni o resursă autentică suplimentară. Călătoriile reale și virtuale pot contribui la un studiu mult mai aprofundat al unei limbi străine, al culturii străine și la cunoașterea propriei culturi. Spațiul virtual contribuie la „formarea unei personalități multiculturale creative interesată de îmbogățirea reciprocă și înțelegerea reciprocă a lumii națiunilor și în păstrarea valorilor culturii globale în ansamblu” [3, p. 393]. Studenții actualmente dispun de o selecție largă de comunități educaționale online precum și muzee virtuale, biblioteci electronice, ziare și reviste electronice etc. (ziar electronic „The Times” <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>, site-ul British Councils <http://www.britishcouncil.org>, Encyclopedia Britannica <http://www.britannica.com>, și altele).

Instrumentele digitale au o contribuție semnificativă la formarea competențelor profesionale ale studenților și la îmbunătățirea tuturor abilităților lingvistice (ascultare, vorbire, citire, scriere) și reprezintă o sursă bogată de vocabular profesional. În plus, astfel de resurse autentice mențin interesul puternic al studenților pentru materie, dezvoltă capacitatea lor creativă și de cercetare, pregătindu-i să participe la interacțiunea interculturală la nivel profesional.

Învățarea limbilor străine este percepută ca un proces pe tot parcursul vieții (Lifelong learning). Tendințele moderne au ca scop dobândirea de cunoștințe, îmbunătățirea abilităților pe tot parcursul vieții, începând cu învățarea preșcolară. Principalele prevederi ale acestui principiu sunt reflectate în Cadrul european al calificărilor pentru învățarea pe tot parcursul vieții. (European Qualifications Framework for Lifelong Learning.) Obiectivele principale ale acestui Program trebuie să ofere mobilitate studenților și angajaților și oportunități de învățare pe tot parcursul vieții. [Cadrul european al calificărilor, 2008].

Toate tendințele/conceptele menționate mai sus provin din Cadrul European Comun de Referință pentru limbi, al căror scop este creșterea calității comunicării între cetățenii europeni din diferite medii lingvistice și culturale.

Pentru dezvoltarea învățării limbilor străine profesorii participă la diverse training-uri, deoarece noile tendințe/ metode, mediul virtual de învățare, instrumentele TIC necesită din partea profesorilor multă și permanentă pregătire. Pe baza celor relatate mai sus se pot face unele concluzii:

- Prioritar este sprijinirea instituțiilor de învățământ superior în cadrul programului Erasmus+, program de îmbunătățire a eficacității reformelor educaționale și de creșterea abilităților și aptitudinilor lingvistice.
- Multilingvismul este destul de important. Elevii ar trebui să studieze mai multe limbi străine.
- Este necesar să se dezvolte programe de mobilitate pentru studenți și profesori.
- Este necesară combinarea învățării cu utilizarea tehnologiilor informaționale și de comunicare.
- Profesorii din instituțiile de învățământ superior ar trebui să știe să folosească tehnologiile moderne.
- Instituțiile de învățământ superior ar trebui să depună eforturi pentru un acces deschis la resurse educaționale.

În cadrul învățământului universitar, în cazul nostru, în ASEM, competențele de comunicare în limbi străine ale studenților, personalului academic și de cercetare sunt permanent dezvoltate, perfecționate și specializate. Studenții studiază conform planului de învățământ al universității, cadrele didactice participă la diverse proiecte: Erasmus+, RESTART, Elevate, Eastern Partnership Networking Forum etc., la cursuri de studiere a limbilor străine organizate de universitate, schimburi de experiență cu plecări peste hotare. Întrucât, universitatea pune accent pe îmbunătățirea și perfecționarea competențelor de comunicare în limbi străine, putem menționa că atât studenții, masteranzii cât și mediul academic pot participa la diversele forme de educație sub egida lifelong learning.

Internaționalizarea educației are beneficii, printre care se numără consolidarea economiei, reducerea sărăciei și creșterea investițiilor. Internaționalizarea educației îmbunătățește calitatea învățământului superior.

Bibliografie:

1. Cadrul European Comun de Referință pentru Limbi (CECRL) <https://www.isjcta.ro/wp-content/uploads/2013/06/Cadrul-European-Comun-de-Referinta-pentru-limbi.pdf>
2. Chirikba V., The problem of the Caucasian Sprachbund. In: Pieter Muysken, (ed.), From Linguistic Areas to Areal Linguistics, [Studies in language Companion Series 90] 2008, pp 25-95.
3. Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. MA: Blackwell, 2008.
4. Гетманская А. В., Гетманская М. К. Развитие поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №5. С.390-394.
5. The European Qualifications Framework for Lifelong Learning (2008). Luxembourg. Office for Official Publications of the European Communities, ISBN 978-92-79-08474-4. http://relaunch.ecompetences.eu/wp-content/uploads/2013/11/EQF_broch_2008_en.pdf
6. Скворцов В. Н. Интеграция в образовании и способы классификации интегрированных образовательных систем // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. №3. С.40-52. <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-v-obrazovanii-i-sposoby-klassifikatsii-integrirovannyh-obrazovatelnyh-sistem/viewer>

CZU 811.111

TRANSADAPTATION IN THE RECYCLED / MEDIATED NEWS

Galina Petrea,

MH, asistent universitar, CFG, ULIM

e-mail: gpetrea@ulim.md

ochid id: 0000-0003-4784-7260

Abstract. The advanced technologies have promoted new approaches to translating and adapting news stories for local mass audience: a new legitimate role in the newsroom is opened for the journalator, a journalist-translator who transadapts the recycled/mediated news. Some characteristics of shared news would be described by the laws of proximity; an urge or necessity explained by geographic proximity interest, chronological, psycho-affective and social proximity. Localisation is a concept that applies to different products and goods made culturally, linguistically appropriate, including the news digestible and useful for the local audience. Framing is referring to an active strategy that interferes in the translation process of news, which includes the journalator's biased attitude, or even newsroom policy and worldview. The translator becomes indeed invisible in a newsroom, which means intellectual propriety rights cannot be claimed or required to be observed in terms of attribution of merits, but also that could be a convenient status for undercover ideological bias propaganda, or a trivial unsanctioned spread of erroneous information that could do much damage.

Keywords: mediated / recycled news; law of proximity; localization; framing; journalator; transediting; entextualization.

News reports are classified into two broad types: *Straight news reports*; *Investigative or interpretative reports*. GuzunMihail refers to the law of proximity as a determining factor in selecting the information for the mass-media [3, p.14]. Both what is not worthy and what is worthy to appear in the written and visual media is regulated by the **law of proximity**: the geographical, chronological, psychoaffective and social proximity.

In the computerized age, translation has become big business and in the media industry is often subsumed into the acronym **GILT** – *Globalization, Internationalization, Localization, Translation*. The difference between localization and translation is blurred, but generally localization is seen as a superordinate term that encompasses translation [4, p.288]. LISA, the Localization Industry Standards Association gives the following definition for the term: “Localization involves taking a product and making it linguistically and culturally appropriate to the target locale (country/region and language) where it will be used and sold”.

The beginning of the famous reel of international news like the Associated France Press started from “recycled news”, the now famous and powerful news agency was founded in 1832 from a translation service agency. In the post-World War II period, 5 global agencies were the source of 80% of the information received by the local news agencies and media: AP, UPI, Reuters, AFP, TASS.

The problem of international copyright laws would assert the rights of news writers. Another issue concerning the role of translators in news dissemination concerns the ideological manipulation of the texts by news agencies and companies – ideological imposition. The manipulation through news translation and adaptation was so bad that the Anglo-American mediatic monopoly was found responsible for spoiling the traditional good relationships between France and Arab world during the gulf war because of an „allied misinformation”.

Doorslaer Luc Van concludes in his article in which he describes a case study from Flemish TV news that the borderlines between translation localization and rewriting have become very blurred in the context of news production. Parallel to **transediting** a term newly coined the concept of **journalator** is presented – an interventionist newsroom worker who makes abundant use of translation when transferring and reformulating or recreating informative journalistic texts. **Entextualization** is used for describing the process in news translation in which the original text is made subordinate to the journalistic purpose of recontextualization [2, p.1049]. Translated news texts can be seen as a complex mixture of summarizing, paraphrasing, transforming, supplementing, reorganizing and recontextualizing procedures.

In communication and journalism studies the concept of **framing and reframing** have been extensively adopted for similar processes of text re/production in journalistic contexts. Mona Baker in her book *Translation and Conflict*, wrote one specific chapter on framing of narratives in translation. She refers to framing as treated in the literature on social movements. Within this tradition, *framing* is defined as “an active strategy that implies agency and by means of which we consciously participate in the construction of reality” [1, p.106]. Translation may be seen as frame in its own right whether in its literal or metaphorical sense.

I have selected two examples of “recycled news” – two articles-reports published in the Romanian outlets, and further on republished by the local press. These are perfect examples of localization – making a report linguistically and culturally appropriate by the local media for their audience through the method of transadaptation.

First and foremost, the news reports we have analyzed are qualifying for the downstream reporting by translators and editors – or journalators – interventionist newsroom workers, who are transferring, translating and recreating journalistic reports. We can witness and analyze the process of entextualization or making the original report subordinate to the journalistic purpose of recontextualization. Framing – we would like to rehearse is an active strategy which implies agency in the reshaping of reality. The framing would necessarily involve the application of two other methods – foregrounding and backgrounding for emphasizing and deemphasizing some aspects, selecting and deselection of information.

Another aspect regarding the reporting and news articles structure which needs being mentioned is the two main types of information organization: the inverted pyramid style or model and the hourglass style. The inverted pyramid model includes a headline, a lead including the 5W information (What, Who, Where, When, Why) the essential information, followed by supporting arguments, quotes, and finally a kicker or conclusion, or a closing which would be nice if read, but otherwise

could be readily left out. From among the 8 news articles analyzed, 5 could be characterized as being representative of the inverted pyramid style.

Hereafter, I present one of the articles analyzed according to its structure and content to prove how convenient and practical in terms of adaptation the methods are. The article is a transadaptation selected from the local press site *realitatea.md* which indicated as source of the article *digi24.ro*. There is no explicitly stated translator, that is why the author is a journalist who translates, adapts news articles from news agency portals, in the present case from Reuters, as indicated through hyperlink in the source article. The headline of the article is: *"Baby lost in chaos of Afghanistan airlift found, returned to family"* / *Bebeluș pierdut în haosul de pe aeroportul din Afganistan, găsit și returnat familiei*. The headline is quite explicit, gives us the compressed main idea. The photograph at the beginning is recognizable as it was published by all the mass media sources when the events in Afghanistan were triggered and unfolding. Thus, in the lead and introductory paragraph we are given the broad news with all the needed information. In the **bridge of the hourglass** (Figure 1), we have less important facts from the background of the story, in our case the steps undertaken by the local authorities and the Red Cross – a relevant NGO who could involve in the process to find the child and return it safely to his parents. We have information about the parents' explanations, narrative, arguments. The parents had flown, migrated, been temporarily harbored at a military base in Texas, then moved to a migration center to get re-settled in Michigan, USA.

Figure 1. The Hourglass Model.

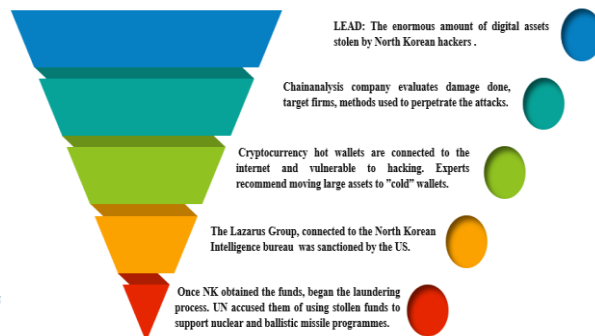

Figure 2. Inverted Pyramid Model.

The bridge of the story, as we can see is less important, then comes another considerable turning point in the story when the lost child case is requalified as kidnapping and then simply, banal compensation seeking story. The role of the taxi driver who found the child and thought to adopt him is however, not denigrated, because a sub-title of the article is entitled *"Alone at the airport"*, (which however is not an ironic to the hilarious New Year's eve comedy about the boy left behind alone at home and having to deal with opportunistic robbers) but this time referring to a two months infant boy lost and in real danger, who was literally saved from death by the 29 years old man who had his own 3 children, daughters at home. The last part of the article presents the successful measures taken to recuperate the boy by his grandparents and what remains yet to be accomplished – reunification with his nuclear family. This is story of human interest reflecting the events in Afghanistan from the summer of 2021 which gave rise to a humanitarian crisis. The translation of the article is very close to the original. If we were to ponder over the proportion of affective language vs terms, then indeed the article contains matter-of-fact language but also phrases and a series of adjectives to convey the affect. The psychologically relevant phrase Eng. *infant boy* referring to a very early stage of childhood, absolutely dependent and in danger if not taken care of, was translated in Ro. *bebeluș*, which is a sort of diminutive but not a term. The adjective: *"despair"* in its forms: *desperation*, *desperately* are aimed to depicture the psychological state during the *"tumultuous"* August events, vs *"jubilant"*, *"overjoyed"* rendering the emotions of the lost boy's family. As we can readily notice the adjectives are denoting emotions but still the style is reserved, neutral journalistic. There are a series of juridical phrases: Eng. *report kidnapping* - Ro. *a raporta o răpire*; (equivalence); Eng. *about the whereabouts* – Ro. *despre locu lunde se află* (paraphrasis); Eng. *run out of options* – Ro. *nu mai avea alte opțiuni* (set phrase translated with explicitation, demetaphorization); Eng. *helped arrange a settlement* – Ro.

a ajutatsă se aranjeze o soluționare (grammatical transposition); Eng. *agreement signed with thumbprints* – Ro. *acordsemnat cu amprentedigitale* (disambiguation, explicitation); Eng. *compensate for expenses incurred* – Ro. *a compensa pentru cheltuielile suportate* (terminological equivalence). There are several causative phrases: Eng. *get crushed in the crowd* – *va fi strivit în mulțime* (translation with an equivalent passive voice form); Eng. *seek to have him reunited* – Ro. *caută să-l reunească*: (translated with active voice verbal forms).

In the case of the inverted pyramid model of presenting news (Figure 2), the kicker or the conclusion part of the article could readily be dispensed with. As in the case I present below. The article is entitled: *"North Korea hackers stole \$400m of cryptocurrency in 2021" / "Hackerii nord-koreeni au furat criptomonedă din portofele digitale fierbinți"*. The headline in this case too is rather explicatory. All the necessary information for understanding is given.

However, if in English the alleged amount stolen is given in the headline in a compressed symbolic form, in Romanian the transadaptor starts with a rhetorical question, puzzling and intriguing their reader being more evasive in a more abrasive manner: *"Cîțibani a făcut Kim Jong Un din atacuri cibernetice."* We could not possibly understand the conclusion or attitude that the newsroom has and promotes among its audience because the pointer of the pyramid containing the kicker, which is indeed an allegation, an unproven suspicion - is erased, lost in translation. In the source article from the BBC site there are some presupposed connections to the *NK Primary intelligence bureau*, attributed to *Reconnaissance General Bureau*, details which are completely left out in the *digi24.ro* variant. Thus, the accusations coming from the side of the UNO and USA that NK hacking groups are perpetrating the cyber crimes to pay for their government nuclear and ballistic missiles programmes, might be true, because even punished with imposed sanctions, but not challenged by NK or proven beyond reasonable doubt to be true and namely they being the perpetrators. The domain that the news is about is technology, consequently the article contains a proportion of specialized terms, slang, denominations of organizations and not any affective language at all. Eng. *digital assets* – Ro. *active digitale*; Eng. *tokens* – Ro. *monede digitale*; Eng. *cryptocurrency platforms/networks* – Ro. *platforme / rețele de criptomonedă*; Eng. *cryptocurrency "hot" / "cold" wallets* – Ro. *portofele digitale "fierbinți" / "reci"*. Verbal phrases like: Eng. *vulnerable to hacking* – Ro. *vulnerabil la atacuri cibernetice*, is more freely translated, in this case with a more general term. Phrasal verbs Eng: *to cover in and cash out* – Ro. *A acoperi atacurile și a în casa sumele*, presents some non-correspondence, as an entire explicitation paraphrase was used to render the phrasal verbs into TL.

All the 8 news stories selected from the mass media news outlets, the topics are of high interest for the mass audience re-enforced by social, psycho-affective proximity factor. However, the topic which has been preponderantly present and consumed by the world in the last two years is undoubtedly the topic of the COVID pandemic. The world press are publishing continuously news stories about the concerning trends of spread, degree of contamination and how contagiousness new emerging variants, protection measures, imposed, sanitation regimes imposed in different countries, experts epidemiologists explaining the mechanisms of infection and symptoms as well as devastating consequences left on the affected organism. The entire planet has learned forcefully new terms linguistically speaking and new conditions of social distancing, while being in public places, remote work, social responsibility for his own health as well as an unimagined before administrative responsibility in case of deliberate or negligent transmission of the virus. For two years the world has been immobilized in isolation and quarantine regimes, and slowly, gradually we have been forced to adapt to learn to live with the virus around. In press I have found articles that have been compiled and adapted not from one-two sources but from several sources – many sources → to one, which include sources chronologically from one week earlier, plus quotes from different interviews, press-releases and latest developments, which happen daily if not hourly. Some countries are more permissive, progressist in quarantine regimes and social antiviral protection measures, others are stricter. The *Docfile.ro* site, published an article: *"Boris Johnson: Nu voim pune nici o restricție în Marea Britanie. Țara nu mai are nevoie de măsuri trebuie să învățăm să trăim cu boala."*, which

was based on several credible sources, including The Guardian: *"No new COVID restrictions in England before new year, Boris Johnson says"* and several interviews of the British Prime Minister Boris Johnson, posted earlier on youtube. However the Romaninantransadaptation and entextualization sounds more like too optimistic and wishful thinking, hasty conclusions, if not twisting the facts and distorted, anybody would make the wrong conclusion to visit the country without vaccination and suffer the consequences. The anxiety related to the pandemic situation and more exactly the travel conditions is felt in an article published on another shady site medianova.ro: *"Marea Britanie anunță încheierea pandemiei. Regatul Unit renunță și la certificatul verde"* which from the very headline seems too pretentious in its allegation. The article does not give any direct official source from which the information is shared, at the beginning of the article there is a citation of the Italian daily Corriere della Sera, and by the end of the article we find a quotation of a real article published in The Spectator *"Rip it up: the vaccine passport experiment needs to end"*. The latter article is an editorial by Kate Andrews which is obviously an informed opinion with background history information, personal experience and citation of official sources, statistics, hard arguments. The Romanian article would spread false information if the phrase of the British Health Minister, Sajid Javid *"există „semen încurajatoare”"* would be taken out of context and potential travelers on business or personal affairs would be encouraged to relax their prudence and vigilance not to mention preparedness in terms of required conditions, documents for air travel and country entry in England. If someone would anticipate to gamble on an unclear picture, it is not worth trying. The article tackles the stringent and controversial problem of Eng. *vaccine / immunity passports* – Ro. *certificatul verde*, attesting the immunization with the Eng: *first, second and booster jab, vaccine*; Ro. *primul, rapelul booster vaccin*. In English are in massive circulation the terms *vaccine* and *jab* with its derivatives *jabbed / unjabbed*. It might be required to qualify the last two mentioned articles published on sham sites that the information is erroneous and completely misleading. The above-mentioned editorial from The Spectator – a reliable recognized source made reference to an earlier joke by Boris Johnson, who used to deny the importance of ID papers for British, and consequently his liberalized, relaxed view regarding producing a document proving vaccination. However, the author of the article is well-armed with statistics that clearly prove the point that the number of hospitalized unvaccinated people is much higher as is the number of patients in ICU. She is not anti-vaccination, she in fact promotes common sense and not in the least the abolition of immunization ID.

The conclusion is that the rapid development of technologies create the need for equally swift tools and methods for sharing, spreading the much needed and sought for information. If in the case of political news stories the reason for change, omissions, and intentional distortion could be bias, manipulation and propaganda. In the case of health-related information much needed for travel the distorted information could be erroneously interpreted and triggering actions which could endanger public safety or getting into trouble with travel restrictions terms. The solution would be to consult the cited sources of the too skeptical "encouragement" of a badly transadapted news or gossip and speculative article.

Bibliography:

1. Baker Mona. Translation and Conflict. Narrative Account. London: Routledge, 2006.
2. Doorslaer Luc. Translating, Narrating and Constructing Images in Journalism with a Test Case on Representation in Flemish TV News. In: Journalism and Translation, vol. 57, №4, 2012, pp. 1046–1059.
3. Guzun Mihail. Jurnalismul de informare. Chișinău: CEP USM, 2017.
4. Munday Jeremy. Introducing Translation Studies. Theories and Applications. New York, Routledge, 2010.

CZU 811.111'373

ESSENTIAL CHARACTERISTIC FEATURES OF NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH LEXICOLOGY

Tatiana Sandu,

Ph.D. in Philology CSU, Comrat, RM

e-mail: s.sandu9@gmail.com

orcid id: 0000-0001-8035-1473

Olga Sciuchina,

Ph.D. in Pedagogical Sciences CSU, Comrat, RM

e-mail: o.shchukina@gmail.com

orcid id: 0000-0002-7449-4870

Abstract: This article is aimed to explore neologisms and their characteristics in modern-day English Lexicology. Neologisms usually are regarded favourably as a part of the language. Otherwise, however, they disappear from common use as soon as they come into being. Whether a neologism remains in existence as a part of the language depends on many circumstances.

Keywords: neologism, blends, diachronic vision, neological character, neological status, lexeme.

Among the topics related to language development, the vocabulary of the English language is of particular interest. On every stage of language development linguists give descriptions to synchronic lexical system. They cover both new words and obsolete words. Those lexemes, emerging in a language as a result of inner and outer changes cause interest from semantic, structural and stylistic points of view. The emergence of neologisms in a living language is a non-stop and natural process. Nowadays a word is considered to be a neologism due to its relative newness in the existing vocabulary of a language. Neologisms serve to expand or update the vocabulary. A necessity for new words in a language influences the process of inventing new words. Words appear also with the purpose of information compression, precision, and originality. To push through, each neologism must have the acceptance, that is the approval of a particular language community. Considering such a lexicological phenomenon as “neologism” needs first of all identifying its nature. Linguists argue, what are the criteria to differentiate neologisms among the other lexemes. Thus, there are no general linguistically binding criteria to determine if a word is new or not. The term “neologism” can be characterised as having a relative validity, referring to the time and space for which the neologism is new. Neologisms always originate in a certain time and a certain space and they lose the index of newness in this space after some time. The evolution of lexical system and language in general is dependent on those processes of appearing something new and becoming outdated. In general, a neologism is described as a new word or expression, appearing in the language. The term itself is often used for newly coined word or expression for an existing word. Several specified conditions in which new word or expression come into existence and use in a language are identified. Basically, it is either using a completely new word or giving new meaning to existing words. These are the two main ways of developing neologisms observed in the language-lexical and semantic. Either an innovative lexical unit can be used to designate a new object or phenomenon. Semantic neologisms – new meanings of already existing words – arise as a result of semantic education due to the functional mobility of the dictionary. The transfer of meaning is also called lexico-semantic word building. Morphological neologisms are brought into existence in a manner corresponding to the word building models existing in the language, and from the morphemes available in the language. Word building is the leading way of forming neologisms and plays an important role in replenishing any language. Among the main kinds of word building are: conversion, affixation, compression, basic composition, abbreviation, affixation, distribution of meaning. Among the secondary kinds of word building are sound interchange, stress interchange, reduplication, sound imitation, blending, back formation, redistribution.

For example, the verb *wikipedia*, meaning “to search the Wikipedia website”, is converted from Wikipedia's proper name “an online encyclopedia with free content”. In turn, the word Wikipedia consists of two parts – *wiki* and *pedia*, is an example of mixing.

The original etymology has been reverted to the backronym “What I Know Is”. One of the points of view is that new words are no longer considered to be neologisms when they are fixed in core or everyday vocabulary. In most cases, it means that they are added to reliable dictionaries. The condition for a neologism is the necessity for a name that can be limited to a certain time and society. With neologism spreading, there appears a kind of a collective agreement regarding the necessity for a term using neologism to denote something.

Peprnik Y. comments on other features of new words that are to be observed. Neologisms are almost all the time of an unidentified origin and come into a language into informal style or newspaper style. Only in some situations, it is known who invented the new word. Most of neologisms have an unknown origin. Leherer A. mentioned that “many neologisms, including blends, appear in print – advertisements, newspaper and magazine articles, etc.” [6, p.3]. The motif for producing a neologism can be, besides the real need such as a new invention or discovery of something, also the puristic effort to replace foreign terms with domestic ones. Another motif is the attempt at increasing the prestige of an occupation, e.g.: *dustman-sanitation engineer*.” [4, p.77]. “Languages are accommodating and inventive in meeting these needs” [7, p. 511]. Neologisms are often “witty; they involve wordplay, such as puns and allusions, as well as the puzzle of novelty” [6, p.3]. On the other hand, there is a requirement of existence – “a word will not be formed to denote an item/ action/ quality which does not exist”. A new word “must denote something which the speaker feels to be real... which is nameable” [5, p. 86]. Every new word undergoes a certain process. Bauer L. divides this process into three stages: *nonce formation*, *institutionalization*, and *lexicalization* [5, p.241]. The word is coined (*nonce-formation*), then it can remain only a *nonce-formation* or it is accepted by people as a known lexical item (*institutionalization*). The *nonce-formation* transfers to a neologism. Finally, the neologism either becomes lexicalized or gradually disappears from the vocabulary.

In a dictionary dedicated to neologisms (new words or expressions), the authors Adelstein A., Kuguel I., and Resnik G. proposed a series of characteristics to determine the neological nature of the words: the *chronological parameter*, the *psycholinguistic parameter*, and the *lexicographical parameter* [3, p. 4]. The *chronological principle* considers the history of a word, its new character in the lexical system of the language. The *psycholinguistic principle* examines neologisms as those words the speaker perceives as new items. The *lexicographical principle* involves the delimitation of the neological particularities of a *lexeme* depending on its insertion in the dictionaries. If the *lexeme* is not included in dictionaries, neither in any work of lexicography, then it might be considered a neologism. Analysing, the comparative-historical method, Iorgu I. mentions, that a word is a neologism as long as it is perceived as new. But, from the perspective of language evolution, the neological character of the words has various degrees. This gradation should be analysed according to the respective language, and not by its speaker. In its opinion, must take into account two criteria, to establish such a gradation: the *time criterion* and the *frequency criterion*, aspect that can justify this thing: “as a loan gets old and has a wide circulation, the more it loses its appearance of innovation” [2, p. 87]. The dictionary identifies the novelty of the words recently entered the language, but it cannot determine the duration of their neological character. In this sense, Bouzidi B. trying to present the factors which determine the neological character of the new lexical units notes that “dictionaries don't create new words and nor invent unused meanings. They remove the neologism from anonymity, put on it in circulation and legitimize on it” [1, p.27]. Another important aspect in determining the neological status of a word is “frequency”. In Boubakeur's opinion “the frequency by usage can be both a consolidation element as well as the one of the erosion of the neological character of a lexical unit”, the author considers that “the duration of the neological character remains fluid, and the neological feeling is relative. However, the neological character is a reality, being the defining characteristic of neologisms” [1, p.49]. Once they enter the system language, the neologisms

are subject to changes or modifications as a result of general processes (adapting to the rules of the language, the changes in form or meaning). Thus, we will say that the following two criteria are essential for establishing the quality of neologism of a linguistic unit:

a) the chronological criterion (the coining of a term in the modern era);

b) the cultural criterion (which entails at least three aspects: the origin from languages of culture and civilization, the creation of cults models, and the membership to a certain level of <culture>.)

It has to be borne in mind that neologism is predominantly a relative concept. It has to be specified within a certain period so that we can speak about neologisms in the 16th century, for instance. Of course, many words were new, which was influenced mainly by the discovery of new places and a human need to name things, animals, medicine, etc. that had not been previously known in Europe. But from a synchronic point of view, all these terms are now old. The factor of time is a key to treating neologisms. Time differentiation is considered to be essential in this respect. Standard reference dictionary compilers aim to provide the most accurate, complete, and inclusive record of vocabulary. When new words massively influx the language, as has been observed by many lexicographers in the last 50 years, decisions have to be made on whether these neologisms will be included at some point in time or not. In dictionaries, neologisms are often defined, if the term is used or defined at all, as “new words or expressions”, senses or usages of existing words. Since reference dictionaries would become unmanageable if all these new words were added, lexicographers face the difficult challenge of selecting which words will be included and which ones will remain undocumented. It is a highly complicated task to assess a word's durability and distinguish ephemera from lasting contributions to the language. Thus, the word or new sense needs to have entered the common, general, and globally-used English vocabulary and occur in a wider range of contexts than purely scientific or technical use moreover consider the usefulness of the new word. Usefulness is defined as being likely of interest to the user or likely to be looked up to. Every year the vocabulary of the English language is replenished more and more. Not all of them continue to exist in dictionaries, some are relatively short-lived. However, the concept of neology characterizes English more than any other language. English leads among other languages in terms of vocabulary volume, as well as in the number of new words included in the language and, moreover, borrowed from other languages. New meanings are given to existing words by the media, politicians, celebrities, artists, educators, writers, and just about anyone creative enough to come up with a neologism. The process of emergence of new words is endless.

Bibliography

1. Algeo T. Where do all the new words come from? Durham: Duke University Press, 1980, P. 243-263.
2. Crystal D. Words, Words, Words. Oxford: Oxford University Press, 2007, 224 p.
3. Leherer A. Lexical creativity. Text and context. Amsterdam: John Benjamin's Publishing Company, 2007, 137 p.
4. Milroy J. Linguistic Variation and Change. Oxford: Blackwell, 1992, 291 p.
5. Newmark P. Modern English words and phrases. Shanghai: Shanghai Foreign Education Press, 2001, 140 p.
6. Pernik Y. English Lexicology. Olomouc: Univerzita Palackehi, 2006, 186 p.
7. Štekauer, Pavol. On the Theory of Neologisms and Nonce Formations. Brno: Australian Journal of Linguistics. 22.1 (Apr. 2002): 97- 112. 17. Apr. 2017.
8. <https://www.etymonline.com/word/wiki>.

CZU 811.111'373

NEW ENGLISH WORDS, FORMED BY MEANS OF CONVERSION IN ENGLISH

Olga Sciuchina,

Ph.D. in Pedagogical Sciences

CSU, Comrat, RM

e-mail: o.shchukina@gmail.com

orcid id: 0000-0002-7449-4870

Tatiana Sandu,

Ph.D. in Philology

CSU, Comrat, RM

e-mail: s.sandu9@gmail.com

orcid id: 0000-0001-8035-1473

Abstract. The article is devoted to one of the major word formation processes in English – conversion. Neologisms, coined by means of conversion, are analyzed from the point of view of their structure and semantics.

Keywords: word formation, new words, conversion, conversive models, verbalization.

The variety of vocabulary is largely determined by the richness of word formation in the English language. The construction of new words is based on general principles. And language speakers who knows these principles feels much more confident with unfamiliar vocabulary.

Conversion is a method of word formation in which a new part of speech is formed from one already existing, without any changes in the external form of the word. In other words, this is the transition from one part of speech to another without changing the word form. Another term for this process is zero derivation, and sometimes functional shift.

Among real masters of conversion even W. Shakespeare is named. D. Crystal mentions, that "Shakespeare was the conversion expert. *"I eared her language". "He words me"*. Some of his conversions seem really daring. Even the name of a person can become a verb. *"Petruchio is Kated"*. But all he was doing was tapping into a natural everyday usage that is still with us" [1].

By conversion, usually two parts of speech can be correlated. Many adjectives are forms from nouns, verbs – from adjectives and adverbs. The most common conversion is among nouns and verbs. For example, the noun *head* ("head"), and the verb to *lead* ("lead").

The formation of verbs from nouns by conversion is very common in modern English. Recently, a lot of neologisms – *conversives* – have appeared. For example, the noun *cam*, n.: *A camera*; spec. *a video camera*. Chiefly as the second element in compounds, with the first element indicating what the *camera* is designed to view, formed by truncating the stem from the noun *camera*, in turn was the basis for the formation of the verb to *cam* – *cam*, v.: "transitive. *To record or film (someone or something) with a camera, esp. a video camera, camcorder, or webcam*" [5].

The conversion has a semi-lexical, semi-grammatical character. On the one hand, it enriches the vocabulary of the language, on the other hand, it directly concerns the grammatical categories of the language. Being divided into traditional, when the word formed by conversion, has already entered the vocabulary of the language, and random, individual, when the new word is used only once and is not commonly used (*to hotel, to inn, to pub*), converted words might be already known to speakers or new ones. "Some words have been functioning as multiple parts-of-speech for so long that their origins are a bit fuzzy. Naturally, for words like this, the question arises: which came first, the noun or the verb?" [2].

It becomes evident, that a characteristic feature of conversion in modern English is the homonymy: *eye* – (eye), *to eye* – (look), *foot* – (foot), *to foot* – (walk). The homonym that is formed as a result of conversion is semantically related to the original word. You can understand the meaning of word formation based on the meaning of the original word. "The notions of homonymy and polysemy are very often explained along with the process of zero derivation in order to determine the difference between these two different concepts, and especially because of their specific difference regarding zero derivation" [3].

For complete understanding of conversion in modern English, in addition to the historical explanation (which word chronologically existed before, and from which other words were formed), it is necessary to take into account the relationship between words in the modern language, and they do not always coincide.

The main types of conversion are:

- *verbalization* (formation of verbs);
- *substantiation* (formation of nouns);
- *adjectivation* (formation of adjectives);
- *adverbialization* (formation of adverbs).

Conversion happens in different ways depending on the morphological characteristics of the primary and derived words.

Conversion of the first type is observed if the primary and derived word (or one of them) is morphologically changeable. A necessary condition for the formation of a new word by means of conversion is not only a change in the lexical meaning and syntactic function of the word, but also a change in its inflectional paradigm. The most typical examples of conversion of the first type are verbalization, substantivization, as well as cases when the primary word is a noun or a verb.

We can talk about conversion of the second type when both the primary and the derived words do not change morphologically. The conversion of the second type means changing the syntactic function of the word and its lexical meaning. Prepositions and adverbs *on, off, in* can be connected with conversion relations of this type; adjectives and conjunctions *before, after*; pronouns and conjunctions *who, when, why*.

The conversion of the first type can be complete or partial. With complete conversion, the newly formed word acquires all the qualities of another part of the language. So, with verbalization, nouns and adjectives begin to designate an action and are used in the function of a predicate, and also acquire all inflected forms of the verb. For example: *They are taping the programme. The program has been taped. They'll tape the program.* The verb *to tape* is formed by conversion from the noun *a tape*.

With partial conversion, the word does not necessarily receive all the features of another part of the language, which is often explained by its semantic features. So, partially substantiating adjectives and participles have grammatical features: they are used only with the definite article and agree with the verb in the singular and plural.

Conversion relationships can occur not only between two words, but also between a largenumber of words. We can come across chains of two or more words that are in derivative relations. A.A. Ufimtseva distinguishes such chains of two, three, four, five and six members, while she also takes into account conversion in the area of transitive and intransitive verbs, and vice versa:

- 1) binomial: Verb - Noun: *rescue (rescue) – rescue (rescue)*;
- 2) tripartite: Transitive verb - Intransitive verb - Noun: *mistake (misunderstand something, mistakenly take one for the other)– mistake (to make a mistake)– mistake (mistake)*;
- 3) four-term: Transitive verb - Intransitive verb - Adjective - Noun: *trim (to put in order, cut)– trim (to adapt)– trim (neat, in good condition)– trim (order)etc.*;
- 4) five-term: Adjective - Adverb - Noun - Transitive verb - Intransitive verb: *right (straight)– right (straight) – right (right)– right (straight)– right (straight)*;
- 5) six-membered: Adjective - Noun - Adverb - Preposition - Transitive verb - Intransitive verb: *round (round)– round (circle)– round (round) – round (around)– round (round)– round (round up)[4]*.

A.A. Ufimtseva also offers a description of these conversion models. She argues that in modern English, verbs according to the binomial conversion model can be formed from any noun, provided that the language does not have a verb formed from the same root according to the method of word formation.

In accordance with their relation to the grammatical meanings of transitivity and non-transitivity, they can be divided into:

1) Verbs of intransitive meaning, for example: *The call echoed down the empty passages.* (M. Twain) (*"The call echoed in the empty corridors"*).

2) Transitive verbs: *An airplane was parachuting supplies to an isolated post.* (*"The plane was parachuting supplies to a remote post"*).

Transitional values make up a definite majority. Their predominance is explained, apparently, by the fact that they can express more diverse meanings, since the presence of a direct object opens up great opportunities for clarifying and concretizing the semantics of the verb;

3) Two-valued verbs, i.e. verbs that have both transitive and intransitive meanings and are interconnected by the fact that they are the name of the same action in its various manifestations: to bankrupt (*"bring someone to bankruptcy and go bankrupt"*) [4].

The phenomenon of conversion can be observed to some extent in many languages, but in modern English it has become especially widespread. The most important reason for this can be considered the feature of the English language, which consists in the almost complete absence of morphological indicators of parts of speech in it. They either do not differ at all, or may differ in derivational affixes. So, the analytical system of English grammar gives possibility to a wide range of converted models.

Conversion, as word formation, is closely related to the peculiarities of the English language structure and its history. In Old English, for the formation of new words, its main vocabulary, monosyllabic words, was widely used, from which new words were created by affixation and compounding. Thus, in the language there were and are a lot of words from the same root, referring to different parts of speech:

1. The presence of verbal utterances: *to give a smile* – (smile), *to have a smoke* – (smoke), *to take a look* – (look).

2. The presence of verbs with postpositives in English: *to look at* ≠ *to look through*: *to look at* (look at) *to look through* (look through).

3. The presence of quotations in English (attribute chains): *how-to-speak-English-well-courses* (*"English language improvement courses"*).

After the Norman Conquest, many suffixes lost their function and disappeared. In the Middle English period, the grammatical endings become neutralized. Those endings that were markers of number, case, and gender become similar in pronunciation and therefore useless. As a result, some grammatical categories disappeared in the English language. So, for example, the nouns of modern English do not change by cases, but only by numbers. Also, there are no different generic forms in English, i.e. words do not refer to masculine, feminine and neuter genders. These features of modern English grammar help us to understand productivity of conversion.

New words, appearing in the language can follow a variety of word formation patterns. Nowadays we can find new words in updates to online dictionaries. The Oxford English Dictionary is one of the most reliable among them. New words, added to the dictionary might be analyzed from the point of view of their structure and word formation patterns. "The OED is updated on a quarterly basis, and the updates make up the Third Edition of the OED. The material added to the dictionary includes revised versions of existing entries (which replace the older versions), and new words and senses both within the alphabetical sequence of revised entries and also across the whole A to Z range" [6].

The following examples of conversion were found in updates to Oxford English Dictionary in 2020-2021.

Zoom, v.2: "intransitive and transitive. To communicate with (a person or group of people) over the internet, typically by video-chatting, using the Zoom..."

tea-bag, v.: "transitive. To make tea bags by putting (tea, herbs, etc.) into small porous sachets."

delete, n.: "On the keyboard of a computer, smartphone, etc.: a key used to delete the character next to the cursor, a selected piece of text or string of..."

bagel, v.: “transitive. To beat (an opponent) by a score of six games to love in a set. Cf. *bagel* n. 3.”

verse, v.4: “transitive. To compete against (a person or team) in a game or sport.”

adult, v.: “intransitive. To become, be, or behave as an adult; (now) esp. to carry out the mundane or everyday tasks that are a necessary part of adult life...”

cold-press, v.: “transitive. To use a cold press to apply pressure to (a surface, substance, etc.). Also: to extract (oil, juice, etc.) mechanically, using pressure...”

candy-coat, v.: “transitive. To coat (something, esp. an item of food) with sugar or another sweet substance. Cf. *sugar-coat* v. at *sugar* n. compounds 3a.” plus one more sense...

credential, v.: “transitive. To provide (a person, organization, etc.) with proof of identity, a qualification, etc. Also: to serve as a recommendation or...”

shelter in place, v.: “intransitive. Originally during an emergency in which there is imminent threat to life: to find a place of safety in one’s present location or...”

We can identify most of the given examples as verbs, formed from a corresponding noun. Thus, verbalization proves to be among the most productive types of conversion.

The newly formed verbs follow the grammatical patterns, as, for example, to *adult*, frequently used as a gerund – “*Adulting is hard*” or “*I’m not very good at adulting*” [7].

The verb “to zoom” in the meaning “to communicate using the software application Zoom” is widely used in Past Simple and in Present Perfect: “*When we are zooming with our friends it reduces the solitude of social distancing. Have you Zoomed yet? Here’s your chance to give it a try in our online book discussion*” [8].

Thus, conversion is an extremely productive way of replenishing English vocabulary with new words. There are various conversion models: nouns, verbs and adjectives can be converted to other parts of speech, acquiring new meanings. Different models develop certain semantic relationships between members of the conversion pair.

As the examples prove, the most diverse relationships are found in the $N \rightarrow V$ model (the formation of new verbs from nouns), so it is considered the most productive.

There is no doubt that the reason for the widespread of conversion in modern English is the absence of morphological elements that serve as markers of parts of speech and their grammatical categories.

Bibliography:

1. Crystal, David. *The Story of English in 100 Words*. St. Martin's Press, 2012.
2. Nordquist, Richard. *Linguistic Conversion in Grammar*. Glossary of Grammatical and
3. *Rhetorical Terms*. January 07, 2020. [https://www.thoughtco.com/conversion-functional shift-in-grammar-1689925](https://www.thoughtco.com/conversion-functional-shift-in-grammar-1689925)
4. Vaneva, Marjana. *Homonymy, Polysemy and Zero Derivation in the English Macedonian Context*. Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 4 No 3, September 2013.
5. Уфимцева А.А. *Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики)*. М.: Наука, 1986. 240 с.
6. <https://public.oed.com/updates/new-words-list-june-2021/>
7. <https://public.oed.com/updates/>
8. <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/adulting>
9. <https://dictionary.cambridge.org/ru>

CZU 811.111'373

VARIABILITY OF ABBREVIATED FORMS IN THE ENGLISH VOCABULARY OF DRIVING

Inga Stoianova,

PhD, Associate Professor, Free International University of Moldova, Chisinau, RM

e-mail: agnisststo@mail.ru

orcid id: 0000-0003-2413-3468

Abstract. English has a strong tendency to various kinds of words reductions, the process of lexical unit's abbreviations being an integral part of language evolution. The present article is dedicated to the investigation of driving abbreviations' use as a means of language, space, and time economy taking into consideration structural, phonetic, conceptual, and translational criteria.

Keywords: driving, abbreviations, acronyms, initialisms, language economy, function, communicative act.

During the last several decades, the number of abbreviations and the frequency of their use have largely increased, abbreviation becoming one of the most productive types of word formation. The intensity of this process is determined by the actuality of the phenomenon as a means of general and specialized vocabulary enrichment, perfectly matching the pragmatic requirements of specialized and general communication.

The present article investigates variability of abbreviated forms functioning in the specialized vocabulary in the field of driving. The relevance of the topic of the undertaken research is determined by the fact that driving specialized vocabulary is considered one of the most life-important terminology systems. Communication between road users is in accordance with the highway traffic protocols and implicit laws of communication. Especially lane changes in dense traffic scenarios require not only communicating one's intention but also cooperating with other drivers.

Abbreviated units (in all forms) are not a new phenomenon in English as a common and specialized language, but they are one of the "youngest" forms. A rapid leap in the development of science has led to the coining of new lexical units, which in turn contributed to the widespread use of truncations and abbreviations to denote new phenomena and objects of the constantly developing world. Abbreviations have been used in the written form of any language for ages to save space on the means of text information: birch bark, ceramic tablets, parchment, etc, as well as to increase the speed of frequently used words and expressions writing [9, p. 85]. One of the first abbreviations appeared in ancient inscriptions and later became widespread in manuscripts. According to the Encyclopedia Britannica, abbreviations take many forms and can be found in ancient Greek inscriptions, in medieval scripts (e.g., "DN" for "Dominus Noster"), and in the Qur'ān [5]. In English, abbreviations were frequently met from their earliest days. Many abbreviations can be encountered in the manuscripts of the old English poem „Beowulf“ [8]. However, it was the so-called information explosion of the XXth century that made abbreviation a common practice in all types of communication.

Abbreviation reduces a material layer of communicative units, increasing the speed of information delivery from a person who is writing /speaking to the one who is reading/ listening. Succinctness and precision in communication are highly valued, and abbreviations can contribute greatly to a concise style. Besides the speaker's saving time and speech efforts, the abbreviation represents a means of information concentration [7]. Therefore, among the functional aspects of the discussed phenomenon one has to mention:

a) Compressive function. The essence of the linguistic economy concerning abbreviations lies in the expression means compression and generalized perception of new linguistic units content, in

increasing the communicative function of the language. At the same time, the communicative value of the newly formed abbreviations and shortenings is not lost in the variability of abbreviated forms. It is one of the reasons for the development of language, under the conditions of the modern world with a huge amount of information and various ways of communication. The abbreviation process reduces the time of information transmission and receiving between the non/specialist speakers or writers. However, many scholars are concerned about the widespread use of abbreviated forms: an enormous number of abbreviations, their "unpronounceability" and even "illegibility", the instability of abbreviations typology and widespread homonymy often interfere with the common communicative act [11, p.123].

b) Expressive function. An abbreviation is not so much time/space cost-effective means as a more colored form of expressing already known concepts [10, p. 86]. Nowadays, abbreviated phenomena are applied not just for denotation; abbreviated constructions may acquire expressive nature and can be used as play on words/puns. It is the case of so-called homonymous abbreviations, which look like the "hiding" of abbreviations in the phonetic form of a common word. In general, homonymy intentionally or not seeks to provoke a positive, negative, or awkward connotation. Concerning the selection of initials, homonymy of shortened words serves the purpose of manipulation. The form is homonymous identical with an already lexicalized linguistic unit, which makes it easier to pronounce or recall, thus standing out from the majority of acronyms [3]. To illustrate, the name of the organization *Mothers against Drunk Driving* is shortly rendered by the acronym *MADD* [mæd] that looks like a common adjective *mad* [mæd], meaning "insane, crazy, mentally deranged", i.e. the exact emotional and psychological state of mothers who lost their children in auto accidents, the driver being under the influence of alcohol. This makes it easy to remember, identify the organization and its purpose. If the members had called themselves *Stop Driving Under the Influence* the process of the organization's name decoding would be challenging.

Homonymous abbreviations are mainly found in science as diverse scientific fields incidentally or not use identical letter combinations in the abbreviated types of full forms. The identity of the abbreviation's external form is difficult to reveal out of context (i.e. the terminological system) where the abbreviated form is applied. Therefore, the functional value of abbreviated constructions varies: in addition to saving time and linguistic means, it includes emotional coloring and evaluation. Linguistic manipulation with the abbreviations to some extent simplifies specialized and common communication, and helps to convey information briefly and quickly.

The abbreviation has the task to increase the efficiency of communication, being one of the reasons for society and language development as a means of information change. Abbreviations represent a type of the second nomination, having a classifying and identifying function (besides the above-mentioned ones), as their coining often proves the actuality of the denoted phenomenon at a certain period. Contracted units serve to fill lexical or word-building lacunas in everyday vocabulary, showing the necessity to denote social objects or phenomena in a new phonological form. Each word, the abbreviated one also, represents the unity of meaning and sound, the content, and the form, impelling to reciprocal correspondence, the content having the leading value of the unit [10]. Any language representation gets its balance between the expression necessities, which suppose the intensive coining of a number of specialized lexical units and the natural momentum dealing with the maintenance of a restricted number of common and frequently used full and abbreviated lexical units. The comprehension of the abbreviated unit depends on the degree of correlation between the reception (target sphere/person) and the origin (sphere/person), the structure and frequency of usage, absence, and presence of the context, structural-semantic type of shortenings, general background, etc. All these aspects should be taken into account on using abbreviations in different types of common or specialized discourse.

The abbreviation is a complex and multifaceted phenomenon and abbreviated forms are the subjects of many national and international linguistic studies that still do not agree on its terminology. Scientists use the same term to describe a different concept, and vice versa - different terms in diverse

sources can denote identical linguistic phenomenon. For example, the term “truncation” is used synonymously with the “abbreviation”, while “truncation” is also applied as a narrower concept denoting a certain type of abbreviation [6; 10]. The term “abbreviation” often refers only to the type of initial abbreviations. Another terminological controversy involves the notion of the triad “abbreviation – acronym – initialism”. An abbreviation is typically shortened for most lexical units used to represent the whole, while an acronym contains a set of initial letters from a phrase that usually forms another unit. To mention the English initialisms and acronyms are differently defined in various dictionaries and scholar papers. Not all linguists recognize the lexical opposition of these notions at all [6; 10]. The definitions adopted in this article will be stated in the framework of the performed analysis. As any linguistic phenomenon, abbreviations are supposed to be investigated according to different criteria. In our research, we tried to classify the corpus of 94 driving abbreviations selected from online lexicographic sources [1; 2], structural aspect being the starting point.

Initial abbreviations are units produced by shortening nominal combinations; each component of the nominal combination is shortened up to the initial letter. Initial abbreviations fall into two groups: acronyms and initialisms / proper initial abbreviations / [6].

Initialisms are viewed as a shortened form of a word or phrase, spelled variously according to the rules of a particular language. In some cases, the translation of initialisms is almost impossible without using special dictionaries. According to our statistical analysis initialisms constitute the majority of the corpus (48 units - 51,1%), e.g. *ATM* [ei ti: əm] – *Active Traffic Management*, *CTL* [si: ti: əl] – *Center Turn Lane*, *LT* [əl ti:] – *Left Turn*, *RS* [a: əs] – *Rumble Strip*, *SLM* [əsələm] – *Shared Lane Marker*, *MS* [əməs] – *Variable Message Sign*, *VSL* [vi: əsəl] – *Variable Speed Limit*, *RSI* [a: əsai] – *Road Sign Information*, etc. Here is an illustration of the discussed type of abbreviated form contextual use: *Signs show speed limits in miles per hour (mph) or the national speed limit (NSL) sign may be used* [4]. – *Semnele indică limitele de viteză în mile peoră (mph), la fel poate fi utilizat semn limită de viteză națională (NSL).*

An *acronym* (L. *ácro-* external) is an abbreviation formed from initial letters of other words and pronounced as a word. According to lexicographical sources, the word “acronym” originated in the 1940s. The term “acronym” is the name for a word created from the first letters of each word in a series of words such as *BLIS* [blis] created from the *Blind Spot Indication System*. Acronyms “behave” like usual inflected lexemes. The group of acronyms includes 24 units, 25,5% of the glossary, e.g.: *AEB* [eib] – *Autonomous Emergency Braking*, *HATO* [heitəu] – *Highways England Traffic Officer*, *GEM* [dʒəm] – *Gasoline Engine Management*, *LED* [lɛd] – *Light-Emitting Device*, *ROS* [ros] – *Riot of Speed*, *TAP* [tæp] – *Turn Across Path*, *WOL* [wəul] – *Wide Outside Lane*, etc. In context acronyms function independently or being accompanied by their full form, e.g.: *Once considered a vehicle for people who worked out of their vehicles, or alternative transportation for larger families, sport utility vehicles (SUVs) have become the most popular inventory item for many manufacturers* [4]. – *Fiind considerat un vehicul pentru persoanele care activează „pe roți” sau ca un transport alternativ pentru familiile maimari, vehiculele utilitare sportive (SUV-uri) au devenit cel mai popular articol pentru mulți producători.*

Some initialisms can form new words in which they act as root morphemes by a compound-shortened words, their number being 18 units (19,1%) of the corpus. The first component is an initial abbreviation with the alphabetical reading and the second one is a complete word (9 units of the corpus), e.g.: *C-Road*, *E-routes*, *L-plate*, *H-road*, *T-junction*, *X-roads*, e.g.: *Roads and lanes with yet lower traffic densities are designated as unclassified roads commonly using C, D and U prefixes* [4]. – *Drumurile și benzile de circulație cu o densitate mică de trafic sunt desemnate ca drumuri neclasificate folosind în mod obișnuit prefixele C, D și U.*

In some cases, the first component is a number and the second is a graphical or initial abbreviation with the alphabetical pronunciation. Our corpus of driving abbreviations includes 7 units of this type, e.g.: *12v* [twelv vi:] – *Twelve volt*, *16v* [siks'ti:nvi:] – *Sixteen valve*, *2LR* [tu: əl a:] – *2-Lane road*, *2WD* [tu: wdi:] – *Two Wheel Drive*, *4LR* [fɔ: əl a:] – *4-Lane Road*.

Graphical abbreviations are the result of the shortening of words and word-groups just in written speech while orally the corresponding full forms are mentioned. They are applied for the economy of space and effort in writing [6]. Their number is very limited in the corpus (4 units -4,3%): *kHz* - *Kilohertz*, *Km* - *kilometer*, *km/h* - *Kilometersperhour*, e.g.: *If you are driving at 100 km/h and increase your speed to 110 km/h, how much time do you gain per 10 km?* [4]-*Dacăconduceți cu 100 km/h și vă mărită viteza la 110 km/h, câttimp câștigați la 10 km?*

The main function of graphical abbreviations is not to isolate the corresponding fragment of reality and, accordingly, not to perform a denotative function, but to be a graphicalstylistic marker of the full form. In the official style, as a rule, the full forms of the indicated names are applied, while in the colloquial style – thereduced ones. In specialized discourse, both full and abbreviated phonetic forms of the expressed notions are met.

The conceptual representation of the specialized notions in the terminology of driving is determined by various scientific and linguistic factors, the full forms of abbreviations denoting the following notions:

a) Road, Signs and Systems (56 units – 59, 6%): *A-Road*, *B-Road*, *CTIL* – *Center Turn Lane*, *LDW* – *Lane Departure Warning*, *LT*- *Left Turn*, *ROW* -*Right of Way*, *RTOL* – *Right Turn Only Lane*, *SW* - *sidewalk*, *TL* – *Traffic Lights*, *UT*- *U-Turn*, *WOL* – *Wide Outside Lane*, *X-roads* - *crossroads*, *SS* – *Stop sign*, *RPM* - *Raised Pavement Marker* etc.

b) Vehicle and its Components (22 units – 23, 4%): *GEM* – *Gasoline Engine Management*, *LED* - *Light Emitting Diode*, *AWD* - *All Wheel Drive*, *4WD* – *Four-wheel drive*, *ABS* – *Antilock Braking System*, *GPS* – *Global Positioning Satellite System* etc:

c) Names of Associations and Officials(16 units – 17%): *MUTCD* - *Manual of Uniform Traffic Control Devices*, *FHWA* – *Federal Highway Administration*, *SABRE* – *The Society for All British Road Enthusiasts*, *HDM* – *Highway Design Manual*, *NACTO* – *National Associations Of City Transportation Officials* etc.

Here is a contextual example of the driving abbreviation use in written specialized communication: *4WD improves traction in dangerous driving conditions, such as snow, ice, rocks, and other scenarios that can make control difficult* [4]. - *4WD îmbunătățește tracțiunea în condiții de conducere periculoasă, cum ar fi zăpadă, gheață, roci și alte impedimente care pot complica controlul vehiculului.*

Abbreviationsare defined as integrative units characterized by morphological and semantic derivation to the source word combination, but at the same time having its semantic structure and being a new nominative sign. A feature of the abbreviated unit is the ability to convert part of the information into the category of hidden, or not explicitly expressed, sometimes acquiring a polysemantic or homonymic nature (above-mentioned); to decipher it properly it is necessary to consult a specialized dictionary in the field.

On meeting such a type of abbreviation out of their “natural background” specialists from different branches of science may misinterpret them, it is the scientific context that permits an adequate semantic decoding of the homophonous abbreviated unit. For example, according to lexicographical resources, *LT* - *Left Turn*has 106 full forms belonging to various branches of science and industry: *LT* -*Light*, *Left*, *Laptop*, *LT* – *Lieutenant* (army), *LT* – *Less Than* (computer, math), *LT* – *Link Text* (message boards), *LT* – *Luxury Touring* (automotive model), *LT* – *Left Turn* (hyper Logo Turtle Graphics),etc [1].

It is interesting to note that some abbreviations can be polysemantic in the framework of the same specialized field. To illustrate, in driving *SUV* correspondsto *SportUtility Vehicle*, *Smart Utility Vehicle*, *Suburban Vehicle* (referring to Chevrolet), *Suburban Utility Vehicle* and *Simple Unstable Vehicle* (bicycle-like device). Besides, it may refer to *Sumpter Valley Railway*, *Suva, Fiji* - *Nausori* (Airport Code),*Spontaneous Unaffiliated Volunteer* (emergency workers),and *Standardized Uptake Value* (radionuclide uptake used in reading a PET scan). Here is a context illustration of the discussed aspect: *SUV stands for ‘sport utility vehicle’ and is a term traditionally*

used for cars classified as a light truck but utilized as a family vehicle. Some manufacturers have used the term *SUV* to stand for '*suburban utility vehicle*', but this term is very rare nowadays [4]. – *SUV înseamnă „vehicul utilitar sportiv” și este un termen folosit în mod tradițional pentru mașinile clasificate ca camioane ușoare, dar utilizate ca vehicul de familie. Unii producători au folosit termenul SUV pentru a reprezenta „vehiculul utilitar suburban”, dar acest termen este foarte rar utilizat în zilele noastre.*

Therefore, abbreviations can be characterized as complex polyfunctional units that are used not only for information compression but also for emotional impact, expression of attitude and evaluation. The results of the study allow concluding that the abbreviations, combining compressive, classifying, and expressive features, are widely used in the specialized vocabulary of driving to simplify and intensify professional communication to a certain extent.

Bibliography:

1. Abbreviations. Available at: <https://www.abbreviations.com/> [Accessed 17.10. 2021].
2. Acronym list. Available at: <https://iamtraffic.org/resources/acronym-list/> [Accessed 21.10.21, 2021].
3. Classification of Homonyms in English. Available at: <https://graduateway.com/classification-of-homonyms-in-english-2-754/> [Accessed 02.10.2021].
4. DriversEd. Available at: <https://driversed.com/> [Accessed February 5, 2021].
5. Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/topic/abbreviation.> [Accessed 05.11.2021].
6. Ketko Pavol. English Lexicology in Theory and Practice. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2009.
7. Vicentini A. The Economy Principle in Language.
<http://www.ledonline.it/mpw/allegati/mpw0303vicentini.pdf> (visited 01.12.2010)
8. Wikipedia, Online Encyclopedia. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Abbreviation#History> [Accessed 12.11.2021].
9. Алексеев Д.И. Из истории русской аббревиации (Графические сокращения 1017 веков). В: Вопросы диалектологии и истории русского языка. Ч. 2. Куйбышев, 1970. С. 64- 113.
10. Косарева О.Г. Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы). В: Иностр. яз. в шк. – 2004. - №2. – С. 85-89.
11. Лопатникова Н.Н. Лексикология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1982.-132 с.

CZU 37.016:811.111

THE IMPORTANCE OF THE TEACHING ENGLISH TO YOUNG LEARNERS (TEYL) IN LANGUAGE EDUCATION

Aiperi Toktosunova,
MA, Comrat State University,
e-mail: Aiperi.toktosunova@gmail.com
orcid id: 0000-0002-7514-4442

Halil Küçükler,
PhD, Balıkesir Univ., Yabancı Diller Yüksekokulu
e-mail: hkucukler2@gmail.com
orcid id: 0000-0002-7674-540X

Abstract. The fact that teachers all over the world are paying close attention to teachers shows how they think about the future of the country. Countries such as the United States, China, Canada and Japan have organized government-level competitions and refresher courses to support teachers. A teacher is a genius who shapes an entire generation and the future. His accomplishments seem to

mend the period, and his flaws seem to interrupt the period. This study investigates the effects of Teaching English to Children on primary school English teachers' perceptions of their competence in teaching English to children and classroom practices. It also explores the suggestions for improving the Teaching English to Children lesson, taking into account teachers' classroom practice and assessing their competence to prepare well-trained English teachers to work with children. The results of the semi-structured interviews showed that while teachers felt most comfortable in material design, preparing lesson plans and getting to know children, they felt least comfortable in classroom management. It was found that the problems experienced by teachers in the classroom were related to the behavioral problems of the children, the characteristics of the children, the recognition of children and classroom management. Based on these results, it was found that the participants found the Teaching English to Children lesson useful in the acquisition of skills in the categories of "Theoretical and Practical Knowledge", "Planning and Organizing Teaching" and "Material Design", but also found it inadequate on the grounds that it was not realistic and practical.

Key words: Teaching English to Young learners, English Language Teaching, Early Learning

1. Introduction

As part of the qualification of teachers for language education for young learners, this study focuses on the effectiveness of the TEYL course offered in teacher education faculties in relation to the practice of English teachers working in primary schools in Gagauzia. Because teachers play a critical role in the delivery of the curriculum, their pedagogical, methodological and linguistic skills play a critical role in the acquisition of language by young learners. In this sense, this study could explore what innovations should be introduced in the TEYL course in order to have more competent and qualified English teachers in this area. Once the advantages and disadvantages of the course have been identified, some conclusions and changes in the TEYL course could be proposed to fill the gap between theory and classroom practice regarding early language education.

2. Reasons to start English Starting Early

Several researchers (Enever, 2009:6; Enever and Moon, 2009:4) highlight the changing economy and its impact on the role of English, which in turn leads to parental interest in early exposure. FL to capitalize on the socioeconomic value of English, as well as pedagogical statements such as "early = best" or "critical period hypothesis" as the main reasons for this global trend. To better understand these reasons, each of them is explained in detail.

Economic changes in the world after World War II determine the creation of a reciprocal interaction environment for international communications between countries. The need for a common channel of communication leads to the spread of the English language throughout the world. As a result of economic liberalization, globalization and mobilization, as Gupta (2004:268) explains in his Indian context, English is beginning to be perceived as the key to entering the labor market. In this context, it becomes imperative for people to learn at least one foreign language in order to promote intercultural awareness and economic growth (Edelenbos & Johnstone & Kubanek, 2006:121). Influenced by global and economic parameters in the transformation of English into a lingua franca, teaching of English as a second language began at an earlier age (Enever, 2009:6). The perception of English as a medium of international interaction leads to the concept of "linguistic capital", which refers to the association between language and the socioeconomic power ascribed to it. To capitalize on this better socioeconomic status, both parents and politicians advocate early start in English learning, striving for maximum foreign language learning (Rich, 2014:3). To explain the worldwide spread of English in this context, Sayer (2015:45) refers to the title of the program "English Opens the Doors" in his 2004 study of Chilean primary schools that shows the impact of global and economic factors on the boom in English teaching in primary schools.

The critical period hypothesis stresses the optimal timing for the first language acquisition process from a neurobiological perspective. He emphasizes the impossibility of fully acquiring a first language after puberty, when the brain loses its elasticity. Lenneberg refers to cases of feral children

and language disorders to prove this hypothesis. He compares and contrasts the medical history of children and adults with aphasia. When aphasic symptoms begin to diminish in an adult patient, he or she may not be able to return to the early stages of language acquisition, such as babbling, a single word, or a period of over-generalization. Moreover, the patients still have traces of the disease. However, unlike adults, most children recover completely from the disease without any side effects in the brain and can go through the language acquisition stages after the recovery process. Based on this comparison of adults and children, he proposes setting a "timeline" for the first language acquisition process associated with brain elasticity.

Comparing arguments from the 1950s to the present, it can be argued that there has been a shift from advocating the superiority of one group over another to the broader view that younger and older students have their own potential and disadvantages in language learning. For example, following the introduction of foreign language teaching to first graders in Danish primary schools, Kadierno and Eskildsen (2018) are examining the age factor, the quantity and quality of exposure to English in and outside the classroom, as well as children's motivation and propensity to learn the language using an approach to learning. learning English based on practical skills. Almost 280 children from 6 different schools take part in it. Preliminary tests, including grammar and vocabulary tests, are conducted for both beginners and beginners. The same tests are carried out after one and two years of English language training in addition to the phonetic test. Finally, oral production assignments and aptitude tests are conducted. Preliminary test results show that the receptive vocabulary and grammar levels of early and late beginners differ. However, in the short term, both groups show the same learning rate. When it comes to motivation and propensity of learners to learn a language, the results of the two groups are conflicting. While those who started earlier have lower levels of anxiety and rely more on external sources of motivation, those who started late have higher levels of anxiety, but they rely less on external sources of motivation. Therefore, it can be assumed that both groups have certain advantages and disadvantages in terms of language learning, and it is difficult to defend one of them over the others.

Despite these conflicting claims about early language learning in academic research, the popularity of early = best shows that most parents and educators still advocate the benefits of early exposure to FL (Nikolov, 2000:110). As a result of pedagogical and global assumptions about young learners of English, early language learning has become such a serious phenomenon in the world that it could be seen as "perhaps the world's largest political development in education"(Hunzicker, 2011:33). As a result, it leads to several implementations in research in language teaching, teacher education and language education policy around the world. For this reason, the implementation of teacher education is discussed in the next chapter.

3. Early Language Learning Policies And Practices In The World

The global and pedagogical reasons for the spread of early English language teaching have led to changes in language teaching policies in many countries around the world. According to Johnston (2009:33), there are three waves early language learning. The first began in several countries, including the UK, where training for young people was introduced in the 1960s. With the growth of the global market economy in the world and the need for a common tool of interaction, English became more popular for the second time between the 1980s and 1990s, and the teaching of English in primary schools spread among European countries. The third wave, on the other hand, came about in the 21st century, when Asian countries and other post-colonial countries added an English course to their initial curricula with the desire to participate in the global economic market by training a bilingual workforce. Although there are countries such as China (Hu, 2007:360), Chile (Barahona, 2016:5), Japan (Hashimoto, 2011:63) or Vietnam (Nguyen, 2013:122), which are focused on their economic well-being and competitiveness in the international economic market, there are also countries such as Sri Lanka (Little, 2018:2), which, in addition to economic reasons, in 1997 introduced an initial in English. maintain a common identity among young learners, regardless of ethnicity or class. In response to one of the main reasons for this early language learning policy,

namely access to the global economic market, Kaplan, Baldauf Jr. and Kamwangamalu (2011:15) have clearly stated that any serious social or economic problem cannot be solved. solved only with the introduction of English into the primary education curriculum. Likewise Hayes (2017:190) described the main reasons for the spread of early language learning as a fallacy, stating that there is no positive correlation between English proficiency and economic growth. However, according to a study by Cha and Ham, in 2005, English was taught as a foreign language in primary schools in 151 countries; compared with today, the number of countries has probably increased in more than ten years. This trend in political decisions to start teaching English early leads to the implementation of several policies in a local and global context.

Moon (2005:34) lists the possible benefits and challenges of implementing an early language learning policy. She claims that children could gain a positive attitude, motivation, self-confidence, intercultural awareness, metalinguistic awareness and new language learning strategies if they have a positive language learning experience. However, the possibility of negative experiences raises some doubts among researchers about the usefulness of early language training programs. Baldauf Jr., Kaplan, Kamwangamalu, and Bryant (2009:213) focus on five policies, discussing the applicability and usefulness of implementing early language learning policies: access policy, resource policy, assessment policy, curriculum, methods and materials policy and personnel policy. The access policy refers to the fact those children's literacy rates in their own language, motivation and attitudes towards learning English differ so much that it is impossible to conduct a general compulsory program for all children with the required success. Focusing on implementing policies related to early language learning policies, Nunan (2003:606) reports that in most Asian countries there is such a big gap between public and private schools that respondents claim that children cannot learn English in primary schools at all. Comparing the interactions between global and local factors that influence early language policy practice, Enever and Moon (2009:7) highlight the gap between the opportunities that private and public schools offer when teaching English. The limited access of most families to private school opportunities creates an equity imbalance in the provision of educational institutions. Resource policies include the challenges of adequate funding for early language teaching and teacher training materials, which in turn results in unequal opportunities among public and private schools. As a result, the quality of FL education depends on the financial situation of families. Evaluation policy deals with problems arising from the inconsistency between language teaching methodology and evaluation policy. While communicative competence and fluency are planned to be developed during the language development of second-level children, assessment instruments that focus on grammar or vocabulary negatively affect the validity of assessment instruments. Enever and Moon (2009:10) explain this situation by referring to previous experiences with language learning by teachers who are not used to making new methodological changes in their classrooms. In addition, the opposite effect of high-stakes exams is critical in the selection of grammar and vocabulary-based assessment tools.

Policy on curricula, methods and materials indicates that predefined external methodological approaches are not applicable to local conditions. The requirements of a communicative approach cannot be fully met in those regions where a foreign language is taught as a subject without requiring any use of FL outside the classroom. In this sense, the "communicativeness" of the materials and curriculum can be questioned. Discussing popular ELT methods and their impact on local contexts, Butler (2009:28) also mentions the confusion among non-native English teachers about what is meant by "communication skills," and argues that most such concepts, How These teachers use authentic content or activities related to information gaps without a clear understanding of the real incentives and reasons behind them. Moreover, she argues that applying these methods without any adaptation to local needs creates problems in the implementation process. The last, personnel policy, discusses the problem of the insufficient number of teachers with the appropriate skills and methodological knowledge to work with children. The trend towards communicativeness and CLT in ELT leads to an insufficient number of teachers who are confident and fluent in the

language to cope with changing methodologies (Butler, 2004:246). As a result, this situation ends up hiring native speakers or promoting on-the-job programs to compensate for the shortage of qualified teachers in the field. For example, in Japan and Hong Kong, there is a tendency to hire native English teachers because the oral skills of local teachers in terms of speaking and pronunciation are insufficient for students (Nunan, 2003:608). However, since this situation creates economic problems and does not offer a long-term solution to the problem, investing in training programs for local teachers, both professional and professional, may be a solution in the long term. For this reason, the next title focus on the teacher education in the world by shedding a light on specific programs, in-service and pre-service education to compensate for the shortage in qualified English teachers to work with children in primary education.

4. Implements Of The TEYL Policies In Teacher Education Across The World

The role of teachers in the success of early language learning policies around the world has been emphasized by various scholars in the field. Hayes (2006) and Rafik, Sultan, Ahmad and Imran stated that teachers are control mechanisms in the classroom that decide which materials or techniques will be used in teaching English. Hence, if there are unqualified teachers in this area, the methods will not work, no matter how appropriate or effective they are. Moreover, Enever (2014:231) focused on the role of teachers in motivating and attracting students to language and argues that children's emotional connections with the teacher play a critical role in their perception of learning. Likewise, Musthafa (2010:121) also explores the importance of age-appropriate pedagogical knowledge, arguing that "children are children, not small adults." Therefore, he argues that teachers cannot prepare an effective lesson plan or class materials without being aware of the emotional and cognitive development of their target students. In this sense, it can be argued that it is imperative to have well-trained teachers in the field, who not only adapt age-appropriate materials and state-of-the-art TEYL developments to their local context, but also have a sufficient amount of child-centered pedagogical knowledge.

When compared with the ideal model for primary English teachers and the quality and quantity of teachers in this area, it can be seen that there is a gap that needs to be bridged (Brumen, 2012:34; Emery, 2012:5). As a solution, there are pre-training and continuing education programs that include both English language specialists and primary school teachers (Enever, 2014:233), specialized training programs (Ramirez-Romero, 2016: 14-15), or postgraduate English language programs (Brumen, 2012:27; Tsao, 2008:294) around the world to compensate for the shortage of qualified English teachers with whom to it would work children in elementary school.

Zein (2016:122) argues that the lack of qualified teachers capable of working with young learners calls into question the effectiveness of pre-training service education at English faculties. To this end, he conducts research based on the views of teachers in various disciplines, such as primary school principals, educational counselors or language teachers. Research results show that pre-school education is insufficient for language teaching to young learners for three reasons: it is too general; it is impractical and lacks qualified teachers. Participants state that pedagogical knowledge is too general to include specific theoretical knowledge, while methodology courses are also so theoretical that they do not include practical advice and practical recommendations specifically for young learners. Moreover, participants noted that outdated teacher teaching practices also affect the usefulness of pre-teaching. As a result, it can be said that preliminary training is not sufficient to train well-trained teachers in the field. In another article, he explores the views of teachers on suitable pedagogy for teaching English in primary schools. The interview results show that teachers place more emphasis on age-appropriate methodology and pedagogy than on language investment. He states that such a result does not underestimate the importance of language skills, but emphasizes the need for a more practice-based approach to teacher education.

In a European context, Enever (2014) uses data collected by the ELLiE (Early Language Learning in Europe) team, which analyzed the teaching of a foreign language in primary schools in seven European countries using a longitudinal study that took four years to study the European

language profile. Teacher Education. He concludes that foreign language teachers must have the necessary competencies to work with all grades without undergoing any special training related to the change in the age of students, their emotional and cognitive development. However, to achieve the ideal foreign language teacher profile in European countries, there is a tendency to hire primary school teachers with foreign language skills; English language proficiency teachers are preferred as the language proficiency of primary school teachers is not considered satisfactory. Unlike primary school teachers who are familiar with working with children, the problem observed with teachers who specialize in English arises from their lack of psychological and pedagogical knowledge related to children. Also, a language specialist teachers report that they have difficulty in spontaneous communication in a foreign language with young students. They are trying to solve these problems by first requesting foreign language and methodology courses as part of pre-training and various on-the-job training programs. However, differences in the implementation of these programs in European countries lead to different results in local conditions. As a result, it cannot be argued that there is a reciprocal and overarching success of pre-training and continuing education programs in the European context.

In the Balkans, Brumen and Foikar (2012) compare and contrast TEYL pre- and post-training in Slovenia and elsewhere. They state that in 2015, foreign language teaching was introduced for all first graders in Slovenian primary schools. Slovenia offers both pre- and complementary training to meet the demand for well-trained teachers as a result of this policy change. In terms of pre-teaching, both graduates of the Faculty of Education and the Arts Faculty are eligible to work with young learners, but the procedures and scope of their learner profiles differ. After the undergraduate program, the master's degree is compulsory for both faculties and is generally a specialized field that includes methodological and pedagogical courses as part of prior education. However, graduates of the Faculty of Education can only work with children and they receive special training for young students in the Master's program, while graduates of the Faculty of Arts can work with adults as well and the content of their Master's program includes general methodological knowledge for learning English. In terms of on-the-job training, in addition to English language teachers, preschool, primary and special education and rehabilitation teachers also have access to on-the-job training, which includes courses related to language skills and methodological aspects of early language learning. In addition, there is also a one-year program developed as a result of interdisciplinary collaboration between the Department of Elementary Teacher Education, the Department of Anglo-German Studies and the Department of English and American Studies. In this sense, it promotes the use of CLIL (Content and Language Integrated Learning) in the classroom as this program includes subject areas such as mathematics, arts, and etc., as well as foreign language courses.

In Taiwan, following the introduction and different implementations of the TEYL program in different regions, Cha (2008:294) states that the government offers postgraduate English training programs that include a one-year theory course and a one-year practical course after completing a bachelor's degree. and organizing summer English teacher training, funding for elementary school teacher development programs, or hiring teachers who have TOEFL certification or local language proficiency tests in Taiwan.

In Mexico, Ramirez-Romero and Sayer (2016:14-15) categorize the current profiles of teachers who work with young learners as follows: teachers with a bachelor's degree with a high level of English proficiency but may not have pedagogical knowledge related to children, teacher training school graduates specializing in working with second graders, but with extensive experience and knowledge in the field of classroom management, as well as teachers who do not have pedagogical or methodological training, but have only sufficient linguistic knowledge. Since this profile is incompatible with the ideal teacher profile of the Mexican Ministry of Education, there is investment in teacher training programs, as in many countries. These programs focus on language proficiency, methodological and pedagogical knowledge related to children. Since the 1990s, foreign language teacher training programs launched for this purpose have offered undergraduate and graduate ELT

programs with an emphasis on the methodological and psychological aspects of teaching children a foreign language. The benefits of such an implementation are undeniable, but Ramirez-Romero and Sayer (2016:14-15) argue that teacher education graduates outnumber those in language teaching preparation programs.

In Italy, Calabrese and Dawes (2009:36-37) state that the first immediate reaction to the addition of English teachers is to hire English specialists and other experts with sufficient linguistic knowledge required to participate in the on-the-job program. Since English was introduced as a compulsory subject in primary schools in 2003–2004, to minimize the financial cost of hiring English language specialists and to compensate for the insufficient number of teachers, the government is funding training programs for primary teachers. The main purpose of these Various on-the-job training programs involve hiring primary school teachers who are required to be proficient in English at the B1 level and have basic methodological issues related to TEYL. However, since the percentage of primary school a teacher with the required competencies is lower than expected, Calabrese and Barbara [11,pp.40–44] propose an ESP (English for Specific Purpose) approach for primary teachers. They state that the success of this curriculum can be attributed to immediate and ongoing feedback from trainees about their linguistic knowledge and their classroom learning.

In summary, the proliferation of early language teaching policies has created a need for a sufficient number of well-trained teachers in this field, which in turn leads to changes and different applications in teacher education. While some countries are investing in specialized training and professional development programs for both English language teachers and elementary school teachers, others are investing in postgraduate programs to achieve their ideal primary English teacher profile.

6. Result

This study investigates the effects of Teaching English to Children on primary school English teachers' perceptions of their competence in teaching English to children and classroom practices. It also explores the suggestions for improving the Teaching English to Children lesson, taking into account teachers' classroom practice and assessing their competence to prepare well-trained English teachers to work with children.

The results show that the teachers consider themselves more competent in the "Planning and Organizing Teaching" and "Managing Teaching" categories than the "Recognizing Children" category. On the other hand, it was observed that the teachers who took the Teaching English to Children course in their pre-service education were compared with the teachers who did not take this course, and found themselves more competent in their competencies in the categories of "Theoretical and Practical Knowledge", "Getting to Know Children" and "English Proficiency". Teachers who attended any in-service program related to Teaching English to Children found themselves more competent in skills related to the "Theoretical and Practical Knowledge" category than teachers who did not attend in-service training. However, both teachers who take the Teaching English to Children course and those who have participated in any in-service training on this subject since teachers state that they see themselves as more competent in the competences related to "Theoretical and Practical Knowledge", it cannot be said that in-service training alone directly plays a role in the acquisition of competences in this field.

The results of the semi-structured interviews showed that while teachers felt most comfortable in material design, preparing lesson plans and getting to know children, they felt least comfortable in classroom management. It was found that the problems experienced by teachers in the classroom were related to the behavioral problems of the children, the characteristics of the children, the recognition of children and classroom management. Based on these results, it was found that the participants found the Teaching English to Children lesson useful in the acquisition of skills in the categories of "Theoretical and Practical Knowledge", "Planning and Organizing Teaching" and "Material Design", but also found it inadequate on the grounds that it was not realistic and practical.

Considering the benefits and shortcomings of Teaching English to Children, three-quarters of the participants do not find it sufficient to prepare English teachers who have the necessary competencies to work with children on the grounds that it is not realistic, practical and specific, while approximately fifteen percent of the participants meet the qualifications in the "Theoretical and Practical Knowledge" category. It was determined that they found it sufficient in terms of Based on these results, participants mostly suggested that Teaching English to Children should be based on practice rather than theory, supplemented by school visits or practice in primary schools. It was also suggested that the instructors should be well equipped; the lessons should be realistic and focus on classroom management.

Bibliography:

1. Barahona, M. (2016). Challenges and accomplishments of ELT at primary level in Chile: Towards the aspiration of becoming a bilingual country. Education Policy Analysis Archives.
2. Brumen, M., and Fojkar, M.D. (2012). Teacher Development in Slovenia for teaching foreign languages at the primary level. Center for Educational Policy Studies Journal. 27-53p.
3. Butler, Y.G. (2004). What level of English proficiency do elementary school teachers need to attain to teach EFL? Case studies from Korea, Taiwan, and Japan. Tesol Quarterly. 245-278p.
4. Butler, Y.G. (2016). Teaching English to young learners: The influence of global and local factors. 23-29p.
5. Calabrese, R., and Dawes, B. (2009). Early language learning and teacher training: A foreign language syllabus for primary school teachers. Stadi di glottodidattica. 32-53p.
6. Cha, Y.K., and Ham, S.H. (2008). The impact of English on the school curriculum. Blackwell publishing. 313-327p.
7. Garton, S., Copland, F., and Burns, A. (2011). Investigating global practices in teaching English to young learners. London: British Council.
8. Gupta, D. (2004). CLT in India: Context and methodology come together. ELT Journal. 266-269p.
9. Edelenbos, P., Johnstone, R., and Kubanek, A. (2006). The main pedagogical principles underlining the teaching of languages to very young learners. European Commission, Education and Culture, Culture and Communication Multilingualism Policy. 110-121p.
10. Enever, J., and Moon, J. (2009). New global contexts for teaching primary ELT: Challenge and challenge.
11. Enever, J. (2014). Primary English teacher education in Europe. ELT Journal. 231-242p.
12. Hayes, D. (2017). Fallacies affecting policy and practice in the teaching of English as a foreign language in state primary schools in Asia. Asia Pacific Journal of Education. 179-192p.
13. Hashimoto, K. (2011). Compulsory 'foreign language activities' in Japanese primary school. Current Issues in Language Planning. 167-184p.
14. Hu, Y. (2007). China's foreign language policy on primary English education: What's behind it? . Language policy. 359-376p.
15. Hunzicker, J. (2011). "Effective Professional Development for Teachers: A Checklist", Professional Development in Education. 177-179p.
16. Johnstone, R. (2009). An early start: What are the key conditions for generalized success, academia.edu, 31-41p.
17. Karatash, S. (2016). EFL teachers' view on usefulness of elt undergraduate program. University of Istanbul.
18. Kaplan, R.B., Baldauf, Jr, R.B., and Kamwangamalu, N. (2011). Why educational language planse sometimes fail. 105-124p.
19. Little, A.W., Shojo, M., Sonnadara, U., and Aturupane, H. (2018). Teaching English as a second language in Sri Lankan primary schools: Opportunity and pedagogy. 1-15p.
20. Musthafa, B. (2010). Teachning English to young learners in Indonesia: Essential requirements. Journal. 120-125p.

21. Nunan, D. (2003). The impact of English as a global language on educational policies and practices in the Asia-Pacific region. 589-597p.
22. Nikolov, M. (2000). The critical period hypothesis reconsidered: successful adult learners of Hungarian and English. 109-124p.
23. Ramirez-Romero, J.L., and Sayer, P. (2016). The teaching of English in public primary schools in Mexico: More heat than light?. 84p.
24. Rich, S. (2014). Taking stock. Where are we now with TEYL? In international perspectives on teaching English to young learners. Palgrave Macmillan, London. 1-19pp.
25. Sayer, P. (2015). "More and Earlier": Neoliberalism and Primary English Education in Mexican public schools. L2 Journal.
26. Zein, S. (2016). Pre-service education for primary school English teachers in Indonesia: Policy implications. Asia Pacific Journal of Education. 119-134p.

УДК 372.881.1

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Варламова Елена,

доктор пед. наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

e-mail: ev302@mail.ru

orcid id: 0000-0001-9927-8827

Abstract. The article deals with the problem of using educational technologies in the changing multicultural environment of higher schools. The fundamental idea implies necessity of reconsideration and further development of the existing educational technologies because of the growing impact of the digital environment on the educational space and its participants. The key features of the professional language teaching technology have been pointed out; it has determined the basis of revealing the specifics of this educational technology, used in conditions of the multicultural educational space and the digital environment.

Keywords: technology, professional language teaching, digital environment, multicultural environment, national personality

К вопросу о применимости образовательных технологий учёные и исследователи стали всё чаще обращаться в связи с переосмыслением накопленного научного и методического опыта, обдумыванием возможностей его использования в новых реалиях образовательной среды. С возникновением необходимости и признанием актуальности информационных коммуникационных технологий в образовательной сфере, становится очевидным то, что разработанные подходы, методы и приемы, формы обучения следует адаптировать к изменившимся условиям, объектам и субъектам образовательного процесса, организуемого посредством цифровых ресурсов в соответствующей среде.

В профессиональной языковой подготовке студентов проблема адаптации образовательных технологий к цифровой среде усиливает свою актуальность, что обусловлено следующим:

– формирование языковых и коммуникативных умений предполагает, в первую очередь, «живое» общение собеседников; в условиях цифровой среды коммуникация приобретает выраженный знаковый и опосредованный характер;

– во многих случаях профессиональная языковая подготовка студентов осуществляется в образовательной среде, характеризующейся поликультурностью. Это означает, что иностранный язык и иноязычную культуру личность усваивает на основе не только опыта овладения родным языком и культурой, но и посредством взаимодействия с носителями различных (национальных и этнических) языков и культур;

– одной из образовательных задач, решаемых в языковой подготовке студентов, является сохранение гражданской позиции личности, актуализация её национальной самоидентификации и формирование гражданской позиции. Такое профессиональное воспитание, имеющее первостепенную значимость для личности, изучающей иностранный язык и культуру, является возможным только при личностном взаимодействии участников образовательного процесса. Однако в цифровой среде личностное взаимодействие отличается ограниченностью – в выражении эмоций, опосредованности эмоционального фактора воздействия на личность, ограниченности возможностей визуального контактирования субъектов образовательного процесса.

Всё отмеченное убеждает в необходимости пересмотра образовательных технологий, использующихся в языковой подготовке студентов, для решения поставленных образовательных задач в изменяющейся образовательной среде онлайн и оффлайн обучения.

В данной статье мы раскроем основные аспекты, характеризующие авторскую технологию профессиональной языковой подготовки студентов в поликультурной среде вуза, и выделим особенности, которые будут характеризовать применение данной технологии в условиях цифровой образовательной среды. Логика изложения предполагает определение особенностей разработанной авторской технологии и на основе выделенных особенностей – описание специфики применения данной технологии в условиях цифровой образовательной среды.

Отметим черты, отличающие авторскую технологию профессиональной языковой подготовки студентов (ПЯПС) в поликультурной среде вуза.

Во-первых, в основе разработки и реализации технологии лежит концептуальная идея о том, что система профессиональной языковой подготовки студентов нацелена на формирование профессиональной готовности студентов и образовательное воздействие на личностное развитие. Таким образом, реализация технологии связана с решением задач по формированию компонентов профессиональной компетентности (то есть образующих её иноязычных компетенций – языковой, коммуникативной, социокультурной, лингвопрофессиональной, лингвопознавательной) и становлению лингвокультурной личности с осознанной гражданской позицией. Компетентность имеет лингвокультурный характер и позволяет лингвокультурной личности осуществлять профессиональную деятельность средствами иностранного языка, на основе позиции гражданина своей страны – России.

Вторая особенность предполагает то, что технология реализуется в образовательном процессе с углубленной языковой подготовкой студентов как будущих национальных кадров, в профессиональной деятельности которых значимой является сформированность и проявления осознанной гражданской позиции – позиции гражданина своей страны, России.

Следующая черта технологии профессиональной языковой подготовки студентов (ПЯПС) в поликультурной среде вуза основана на взаимосвязи этнокультурного и национального аспектов. Специфика этнокультурности каждого студента учитывается в профессиональной языковой подготовке посредством обучения иностранному языку и иноязычной культуре на основе индивидуально-дифференцированного подхода. Этот подход предполагает учет преподавателем этнокультурных особенностей студентов в образовательном процессе по обучению иностранному языку – при объяснении материала лингвокультурного содержания, в выборе методов и форм коммуникации со студентами. Взаимосвязь этнокультурности с национальным компонентом позволяет усиливать

осознанность гражданской позиции в процессе языковой подготовки студентов. Например, в поликультурной среде российского вуза иностранный язык могут изучать татары, башкиры, чеченцы, и особенности каждой этнической группы учитываются в образовательном процессе. Однако отметим, что языковая подготовка нацелена на подготовку национальных кадров и обеспечивает осознание студентами того, что в профессиональной деятельности они будут выступать гражданами своей страны (но не носителями своей этнокультуры, особенности которой учитывались при обучении в вузе).

Основываясь на утверждении о том, что моделирование педагогом образовательного процесса и способов применения образовательных технологий предполагает последовательный анализ технологических компонентов [1], в описании специфики авторской технологии профессиональной языковой подготовки студентов следует отметить этапы реализации данной технологии в поликультурной среде вуза. Технология включает:

– этапы, имеющие место при изучении иностранного языка и смежных лингвистических учебных дисциплин:

I. Адаптационно-мотивационный этап.

II. Этап лингвокогнитивного обогащения и коррекции.

III. Этап лингвокультурного коммуникативного становления.

– этап, связанный с изучением иностранного языка как средства осуществления будущей профессиональной деятельности

IV. Этап лингвопрофессиональной подготовки.

– этап, имеющий место при прохождении студентами практик и подготовке к государственной аттестации:

V. Этап накопления опыта профессиональной деятельности.

На каждом из обозначенных этапов решаются задачи актуализации иноязычных компетенций, личностного развития и образовательного воздействия на компоненты формируемой иноязычной лингвокультурной компетентности студентов.

Так, на начальном этапе это изучение индивидуальных языковых способностей студентов, их предрасположенности к обучению с целью оказания необходимой помощи адаптации к требованиям вуза. Оценивается уровень усвоения лингвокультурного содержания с определением перспектив в процессе коррекционной работы. На последующих этапах ведется коррекция и осуществляется повышение достигнутого уровня языковой подготовки, формируемого уровня лингвокультурной коммуникации, с учетом этнокультурных особенностей студентов и особенностей национальной культуры, с применением курсов лингвокультурного содержания. Одновременно решаются задачи по профессиональному воспитанию. Затем внимание уделяется коррекции и совершенствованию уровня лингвокультурной подготовленности студентов как будущих специалистов профессиональной деятельности, осуществляемой средствами иностранного языка, по определенному направлению подготовки.

Выделенные черты характеризуют применимость разработанной технологии профессиональной языковой подготовки студентов (ПЯПС) в поликультурной среде вуза, в условиях аудиторной и внеаудиторной работы, с использованием технологического сопровождения (курсов в электронной образовательной среде Moodle). Однако в связи с переходом к цифровым технологиям и применению смешанных форматов обучения студентов (онлайн и офлайн) реализация технологии профессиональной языковой подготовки студентов (ПЯПС) в поликультурной среде претерпевает изменения. Специфика формата цифровой среды обуславливает специфику и черты, характеризующие применение технологии. Обратимся к данным особенностям.

Во-первых, увеличивается доля материалов лингвокультурного и профессионально-направленного содержания для их представления в цифровом формате, в форме онлайн курсов. Данное обстоятельство, с одной стороны, увеличивает возможности усвоения

лингвокультурного содержания (основанного на иноязычной и национальной культурах) значительной частью студентов и изучения ими разнообразных лингвокультурных материалов в различных формах, с учетом индивидуальных особенностей и культурных различий. С другой стороны, воздействие на личностное становление студентов предполагает то, что актуализация изученного в речи происходит в процессе «живого» общения, и это требует комбинирования онлайн обучения и аудиторной деятельности участников процесса языковой подготовки. В данном случае мы говорим о сохранении роли поликультурной среды вуза для личности студента, его индивидуального развития и усвоения языка с учетом этнокультурных особенностей и повышении значимости тех компонентов технологии, которые имеют когнитивную направленность, то есть ориентированы на познание студентами языков и культур (иноязычной культуры в диалоге с национальной культурой).

Во-вторых, с учетом того, что становление личности рассматривается возможным только при условии непосредственного взаимодействия преподавателя и обучаемых (студенческой аудитории) (Л.В. Мардахаев [2]), дистантное воздействие на личность студента, особенно в процессах подготовки национальных кадров, не имеет своего образовательного (воспитательного) воздействия. В силу этого, дистантное или удаленное обучение в цифровой среде не сможет заменить живую коммуникацию в рамках направленности реализуемой технологии. Следовательно, применение технологии в условиях цифровой среды требует организацию аудиторной и внеаудиторной работы лингвокультурного содержания, с включением компонентов национальной и иноязычной культур в их диалоге.

В-третьих, обучение иностранному языку с учетом этнокультурных особенностей студентов может быть осуществлено в смешанном формате. Такой формат предполагает применение методов изучения этнокультурных особенностей посредством ресурсов цифровой среды и организацию непосредственной коммуникации преподавателя со студентом в аудитории. Роль живой коммуникации усиливается нацеленностью образовательной деятельности на актуализацию национальной самоидентификации, становление личности как гражданина своей страны.

Изложенное показывает, что воздействие цифровой среды на образовательный процесс велико; возможности использования цифровых ресурсов являются широкими. Важным является то, что качественная профессиональная языковая подготовка студентов предполагает обязательное условие – ориентированность образовательного процесса и его воздействия на лингвокультурную личность студента, что имеет место только в условиях реальной поликультурной образовательной среды вуза. В связи с этим, применение технологий профессиональной языковой подготовки студентов (ПЯПС) может предусматривать смешанный формат – опору на ресурсы цифровой среды, а также возможности аудиторного общения преподавателя и студента как носителя своей этнокультуры и гражданина своей страны.

Библиография:

1. Мардахаев Л.В., Варламова Е.Ю. Лингводидактические основы моделирования образовательного процесса в системе иноязычного образования // Ученые записки РГСУ. – 2016. – Том 15. – № 3 (136). – С. 135–142.
2. Мардахаев Л.В. Педагогика среды. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2009. – 471 с.

УДК: 378.048.2+372.881.1

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В АСПИРАНТУРЕ: ОТ ЦЕЛИ К СОДЕРЖАНИЮ

Воевода Елена,

доктор habilitat пед. наук, профессор, МГИМО МИД России, г. Москва, РФ

e-mail: elenavoevoda@yandex.ru

orcid id: 0000-0002-5141-8074

Abstract. The purpose of the article is to examine how a change in the aim of foreign language teaching led to changing the contents of foreign language training of post graduate students. After a brief historical survey, the author analyzes the specific competences that are ought to be built, on the basis of developing all aspects of speech activities. The article further describes how the process of teaching post graduate students of economics, pedagogy, philosophy and culture studies is carried out within a two-module model. The author concludes that the module system intensifies foreign language training of post graduate students and lets them integrate in the international academic community.

Keywords: competence, post graduate student, speech activities, research, methodology, abstract writing.

Иностранный язык, наравне со специальностью и философией, много лет является одной из трёх базовых дисциплин, изучаемых в аспирантуре, и предполагает сдачу кандидатского экзамена. Таким образом, традиционно признаётся его ценность в подготовке молодых исследователей. Однако до недавнего времени в российской системе подготовки научно-педагогических кадров не уделялось достаточного внимания должному уровню языковой подготовки аспирантов, хотя это необходимо в условиях интернационализации российской системы образования.

Цель статьи – изучить, как изменение цели иноязычной подготовки аспирантов в российских вузах повлекло за собой изменение содержания обучения.

В советский, а затем и в постсоветский период (до 2014 г.) ставилась цель научить аспиранта читать и переводить тексты по специальности. Это было обусловлено низкой необходимостью публикации результатов научных исследований на иностранных языках и минимальной возможностью иноязычного общения. Так или иначе, наиболее важные статьи советских исследователей переводились на иностранные языки, а общение могло происходить через переводчика. Что касается кандидатского экзамена, он предполагал чтение и перевод на русский язык текста по специальности и беседу о направлении диссертационного исследования. Часто на экзамен выходили соискатели, прикрепившиеся к аспирантуре сразу после окончания вуза, у которых даже не была сформулирована и утверждена тема диссертационного исследования, поэтому беседа носила весьма общий характер. Реформа российской аспирантуры в 2014 г. поставила новые цели языковой подготовки – научить аспирантов использовать знание иностранного языка не только для чтения, но и для написания научных работ и общения в международной научной среде. Аспиранты стали активнее участвовать в международных конференциях и, совместно с научными руководителями, писать статьи в международные журналы. Возросла мотивация к изучению иностранного языка в аспирантуре. Но до сих пор в рамках кандидатского экзамена по иностранному языку основной акцент делается на проверку умения излагать прочитанное и переводить тексты. Обязательный перевод текста англоязычной статьи, который занимает много времени, не всегда бывает использован аспирантом в диссертации.

В.М. Томилова отмечает, что «цели и задачи обучения иностранному языку в аспирантуре могут быть сформулированы исходя из того, в каких условиях иностранный язык

будет востребован специалистом» [Томилова 4, с. 74]. Последние пять лет были отмечены активизацией международной образовательной и академической мобильности в традиционном и новом формате. Не последнюю роль в этом сыграла пандемия коронавируса, открывшая большую, чем прежде, возможность общения в онлайн формате. Получение права на самостоятельное присуждение ученых степеней кандидата и доктора наук дало ряду российских университетов возможность изменить требования к соискателям ученых степеней. Так, в МГИМО, помимо трёх статей в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией, соискатель должен опубликовать статью в журнале или сборнике, индексируемом в международных базах данных Scopus и Web of Science. В преподавании иностранного языка акцент, таким образом, сместился на подготовку аспиранта к реальному использованию языка в научных и профессиональных целях.

Общеизвестно, что в большинстве сфер международной коммуникации признанным средством общения является английский язык – современный *lingua franca*, играющий ту же роль, что и латынь в средневековой Европе. Приходится констатировать, что английский язык вытесняет национальные языки не только в политической сфере и бизнес-среде, но и в информационном пространстве, а также в научном дискурсе. Повсеместное внедрение требований к учёным-теоретикам, преподавателям вузов, а теперь уже и к аспирантам публиковать статьи в журналах, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science выдвинуло необходимость обучать всех аспирантов английскому языку - на разных уровнях.

Современному аспиранту «необходимо <...> хорошо знать структуру научного аутентичного текста для извлечения, анализа и обработки информации; понимать иноязычную речь на слух <...>, адекватно выражать свои мысли средствами иностранного языка, особенно, для активного участия в дискуссиях; правильно и логично излагать свои мысли в письменной форме» [Ториков 5, с. 83]. Нельзя недооценивать умение осуществлять грамотный и стилистически корректный перевод, поскольку найденные в ходе научного поиска исследования зарубежных авторов «аспиранты <...> могут использовать в своих обзорах литературы по теме диссертации» [Карпова 3, с. 20]. Таким образом, можно сделать вывод, что «языковое образование аспиранта предполагает профессионально ориентированное овладение всеми видами речевой деятельности в объеме, необходимом для осуществления научно-исследовательской коммуникации» [Валеева 1, с. 57]. Здесь уместно говорить о развитии **языковой и речевой компетенций**, формирование которых происходит в ходе университетского обучения иностранному языку.

Поскольку в современной педагогике повсеместно принят компетентностный подход [Золотарева 2, с. 78], рассмотрим, формирование и развитие каких специфических компетенций составляет цель обучения иностранному языку в аспирантуре и как это влияет на отбор содержания обучения.

Научное исследование невозможно без опоры на новейшие достижения в той или иной области, т.е. без изучения и анализа публикаций других учёных, многие из которых представлены на английском языке. **Исследовательская компетенция** предполагает умение не только найти, проанализировать и обработать, но и преобразовать полученную информацию с целью её дальнейшего применения. Исследовательская компетенция, в сочетании с **поисковой и аналитической компетенциями**, формируют научно-познавательную компетентность молодого учёного.

В ходе научного поиска аспирант находит источники научно-профессиональной информации, преимущественно, через Интернет. Цифровая среда сегодня стала неотъемлемой составляющей нашей жизни: цифровые ресурсные платформы предоставляют доступ к национальным и международным научным базам данных, выступают в качестве мест размещения научных и образовательных материалов; цифровые коммуникационные платформы позволяют проводить онлайн конференции; цифровые сервисы и приложения

обеспечивают быстрое общение между участниками исследовательских и образовательных проектов. Всё это указывает на востребованность **информационной компетенции** в научно-исследовательском и научно-образовательном дискурсе.

Таким образом, можно утверждать, что новая **цель преподавания иностранного языка в аспирантуре** – это подготовка исследователя (преподавателя-исследования), способного осуществлять профессиональную деятельность и профессионально ориентированную научную коммуникацию с опорой на иностранный язык.

Изменение цели повлекло за собой структурно-содержательные изменения в курсе иностранного языка для аспирантов, обучающихся в МГИМО по направлениям «Экономика», «Образование и педагогические науки», «Философия», «Культурология». Для активизации и индивидуализации процесса обучения была выбрана форма модульного обучения с созданием модулей «Академический английский» и «Практика профессионального общения и перевода» – всего по 24 часа на каждый модуль.

Модуль «Академический английский» состоит из следующих разделов:

- Этимология и история присуждения учёных степеней;
- Академическая лексика и её особенности;
- Цель и задачи исследования, анализ результатов исследования;
- Методология научного исследования;
- Аргументация;
- Структура диссертации;
- Структура статьи;
- Написание аннотации и ключевых слов;
- Представление темы диссертационного исследования и др.

Учебные материалы включают учебник «Academic Vocabulary in Use» (M. McCarthy, F. O'Dell – Cambridge University Press), видеофрагменты с выступлениями профессоров европейских университетов, статьи и аннотации из журналов, входящих в МБД Scopus, дополнительную учебную литературу. При обучении написанию аннотации аспиранты читают и анализируют предложенные преподавателем аннотации – от образцовых до «как нельзя писать аннотацию».

Все материалы, а также промежуточные тесты доступны обучающимся в программе на платформе Moodle.

В качестве двух зачётных заданий аспиранты готовят англоязычную аннотацию (в соответствии с современными требованиями) к собственной статье и представление темы диссертации. В обсуждении представления темы участвует вся группа.

В рамках модуля «Практика профессионального общения и перевода» аспиранты выполняют тренировочные переводы, реферируют научные тексты профессиональной направленности, обсуждают статьи, отобранные для зачётного перевода, беседуют с преподавателем и в группе по темам диссертационных исследований. В качестве зачётного задания к экзамену аспиранты готовят перевод статьи на русский язык.

Переход на модульное обучение изменил состав преподавателей, работающих в аспирантуре. По вполне понятным причинам модуль «Академический английский» может вести только преподаватель, имеющий учёную степень, т.е. имеющий представление о методологии научного исследования, умеющий объяснить разницу между объектом и предметом, целью и задачами, подходами и методами. Точно так же, модуль «Практика профессионального общения и перевода» у экономистов должен вести преподаватель, имеющий базовое экономическое образование.

В результате модульного обучения большинство аспирантов успешно справляются с написанием аннотаций и даже статей на английском языке, многие участвовали в англоязычных студенческих конференциях. Даже аспиранты, пришедшие в группу с уровнем А-2 к концу обучения смогли написать аннотацию, соблюдая предложенный алгоритм и

используя ключевые фразы. Некоторые аспиранты, в рамках прохождения педагогической практики, подготовили лекции по специальности на английском языке. Аспирантка третьего года обучения А.Б. работает преподавателем кафедры английского языка на факультете Международных экономических отношений, где ведет занятия по экономическому переводу реферированию.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод об эффективности применения обучения с выделением модулей «Академический английский» и «Практика профессионального общения и перевода». Изменение содержания обучения не только позволило интенсифицировать процесс обучения, но и способствовало повышению публикационной активности аспирантов, предъявлению результатов их исследований представителям российского и международного научного сообщества.

Библиография:

1. Валеева Н.Г., Мекеко Н.М. Антропоцентрический подход в практике обучения иностранным языкам в аспирантуре // Вестник РУДН. Серия: «Вопросы образования: языки и специальность». 2016. № 2. С. 55-63.
2. Золотарева И.Д., Хохлова Л.Н. Компетентностный подход в обучении аспирантов иностранному языку // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 2. С. 77-81.
3. Карпова А.В., Ефимова Т.В. Иностранные языки в профессиональной подготовке аспирантов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6-3. С. 19-22.
4. Томилова В.М. Обучение аспирантов иностранному языку: цели, задачи, перспективы // Медицинское образование и вузовская наука. 2017. № 1 (9). С. 73-77.
5. Ториков В.Е., Резунова М.В. Особенности иноязычной подготовки аспирантов: теоретический и практический подходы // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 3 (55). С. 82-88.

УДК 338.43

НЕМЕЦКАЯ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Гаджимурадова Марина,

преподаватель кафедры западноевропейских языков и культур ПГУ, г. Пятигорск, Россия

e-mail: gadzhimuradova2015@yandex.ru

orcid id: 0000-0003-1326-4657

Abstract: The problem of determining the nature of the term “Colloquial Speech”, its place and role in linguistics currently remains unresolved. Along with the different formulations of the term, there are also various disagreements on the question of who is the native speaker of this form of language. The most accurate definition of German speech was given by G. Wunderlich, and later by G. Kuepper. Everyday colloquial speech is an intermediate form of the national language, which is located between the literary language and dialects. But in this regard, it should be noted that determining the boundaries between them seems to be a rather difficult task. Further, it should be noted that the main distinguishing features of everyday colloquial speech are the tendencies of "economy" and "redundancy" of linguistic means. Also, everyday colloquial speech has some stylistic features, such as: compactness and spatiality, clarity and unemotionality, static and dynamism, subjectivity and objectivity of the image.

Keywords: language; literary language; national language; everyday speech; vocabulary; morphology; syntax; dialect.

До недавнего времени сам вопрос о месте и роли обиходно-разговорной речи (Umgangssprache) в системе немецкого национального языка не находил должного освещения в лингвистической литературе. Многие исследователи, признавая наличие обиходно-разговорной речи в немецком языке, по-разному подходили, в силу сложившихся исторических условий, к ее рассмотрению. До настоящего времени в зарубежной лингвистике, где и проводилась большая часть исследований, не пришли к единому мнению о месте и роли обиходно-разговорной речи в системе немецкого языка и о том, кто же является ее носителем.

Сам термин Umgangssprache был введен в начале 19 века И.Г. Кампе для обозначения всей совокупности языковых средств внутри немецкого языка для обслуживания сферы устного неофициального общения, то есть обиходно-разговорной речи. И сразу же последняя стала предметом споров многих языковедов. Появляются различные параллельные обозначения данной формы проявления национального языка, такие, например, как Gemeinsprache der Gebildeten, Alltagsdeutsch и т.п. Наибольшие разногласия выявились в вопросе о том, кто же является носителем этой формы немецкого языка. Так, известный немецкий лингвист П. Кречмер считал, что она является разговорно-обиходной формой языка образованных людей, ссылаясь при этом на наличие в ней большого количества лексических единиц из области науки, культуры, техники, «языка высшего общества» и т.п. [10, с. 47]. Аналогичное определение дает и О. Бегахель, который, однако, дополняет свое определение характеристикой обиходно-разговорной речи в сравнении последней с литературным языком и приходит к выводу, что отбор лексики и синтаксическое строение в них имеют существенные различия [4, с. 185].

Средством устного общения городских слоев населения, то есть преобладающей части немецкого народа, считает немецкую обиходно-разговорную речь К. Беранек, указывающий, что данный момент очень важно учитывать при изучении немецкого языка как самими немцами, так и иностранцами [5, с. 79]. Эту точку зрения разделяет и Г. Меллер [11, с. 163].

Наиболее точным определением немецкой обиходно-разговорной речи следует, видимо, считать определение, данное Г. Вундерлихом [15, с. 294], и позднее Г. Кюппером [9, с. 24], согласно которому последняя является промежуточной формой немецкого национального языка, стоящей между литературным языком и диалектами, причем границы их соприкосновения очерчены нечетко и часто представляются трудным определить, где кончается обиходная речь и где начинается литературный язык или диалект и наоборот. Эту точку зрения разделяет и В. Хенцен [7, с. 59].

Из отечественных германистов наибольшее внимание уделяла вопросу исследования немецкой обиходно-разговорной речи Э.Г. Ризель, которая подробно рассматривала и анализировала стилистические особенности обиходной речи немецкого языка на современном этапе его развития, подробно останавливаясь на вопросах главной функции ее стиля. Серьезное внимание она уделяла в своих работах вопросу взаимодействия двух тенденций в обиходной речи – тенденции «экономии» и «избыточности» языковых средств, противоречивых по своему характеру, но являющихся важными факторами, влияющими на развитие языка в целом [14, с. 42].

Важное значение для исследования обиходной речи немецкого языка является дифференциации Э.Г. Ризель таких понятий, как «разговорная речь» и «обиходная речь». До сих пор эти понятия часто смешиваются, что объясняется тем, что обиходная речь чаще всего строится на базе разговорного языка. По определению Э.Г. Ризель термин «обиходная речь» подчеркивает исключительно сферу, в которой протекает языковая коммуникация, не принимая во внимание ни тему разговора, ни его языкового оформления, тогда как «разговорная речь» указывает только на принадлежность конкретной информации к нормам

литературного языка без учета темы и сферы общения. Эти определения вносят большую ясность в вопрос о том, что же такое обиходная речь, и о ее характерных чертах.

Большинство лингвистов, занимающихся изучением обиходной речи, приходят к мнению о том, что внимание языковедов к этой форме проявления немецкого национального языка все же недостаточно. Современные исследователи в этой области указывают на тот факт, что, изучая явления обиходной речи, можно предугадать, какими путями пойдет дальнейшее развитие немецкого языка в целом [11, с. 156], что без изучения явлений и элементов обиходной речи невозможно изучение литературного языка, который не может существовать в чистом виде и диалекте [8, с. 189]. Тщательное изучение обиходной речи необходимо уже потому, что она, как указывает Г. Будде, «является важной составной частью немецкого национального языка», выполняющей функцию общения широчайших масс носителей немецкого языка [6, с. 79], две трети которых пользуются при общении друг с другом именно ею, а не литературным языком [7, с. 289], и что даже сама предпосылка этого пока еще не выполнима [11, с. 112]. Именно живая речь должна быть объектом изучения языка, как осуществляющая процесс реальной живой коммуникации [3, с. 201], уже потому, что она играет роль лаборатории, через которую попадают в литературный язык более совершенные лексические и грамматические формы [9, с. 69], так как литературный язык принимает многие элементы общенародного языка после их регламентации в сфере обиходной речи [1, с. 102].

Занимаясь изучением различных аспектов обиходно-разговорной речи немецкого языка, следует, видимо, исходить из того, что (учитывая вышесказанное) обиходно-разговорная речь является единым для всех носителей немецкого языка средством устного и неофициального письменного общения, претерпевшего в силу различных определенных исторических и других причин (войны, переселение, урбанизация населения, концентрация последнего в результате всеобщей воинской повинности и индустриализации, общественных мероприятий широкого территориального масштаба, обязательное обучение, известную унификацию, заключающуюся в том, что в общении людей из различных языковых областей выработались и постоянно вырабатываются единые для всех (как необходимые для взаимопонимания) лексические и грамматические нормы, хотя территориальные особенности еще сохраняются. Последнее важно учитывать при выборе материала для исследования.

Определенные трудности заключаются и в том, что германистика располагает очень малым количеством трудов по обиходно-разговорной речи. Это, главным образом, словари обиходной речи, часто небольшого объема и со случайным отбором материала. Исключение составляет шеститомный словарь Г. Кюппера, пока единственный в своем роде как по полноте, так и по подборке лексики и ее толкование.

Наименьшей исследованной областью обиходной речи являются ее некоторые словообразовательные тенденции [11, с. 91].

Исследователю данных аспектов обиходной речи следует учитывать тот факт, что обиходная речь немецкого языка обладает целым рядом стилевых черт, составляющих ее стилевую характеристику. Основными стилевыми чертами стиля обиходной речи в целом, не принимая во внимание ее устный и письменный аспекты, является, если объединить их по принципу полярности, сжатость и пространственность, ясность и неэмоциональность, статика и динамичность, субъективность и объективность изображения [14, с. 305].

Наличие данных стилевых характеристик свидетельствует о том, что в обиходной речи должны иметь место средства реализации этих черт. Так, сжатость, то есть выражение содержания при максимальной экономии языковых средств, реализуется, например, в словообразовании посредством словосложения [14, с. 53]. Довольно часто процесс речевой коммуникации в обиходе должен быть предельно кратким, что предполагает как краткость оформления информации, так и ее ясность для получателя. Но очень часто различные причины, заключающиеся, например, в психологическом состоянии участников речевого акта

– душевное расстройство, плохое физическое состояние - приводит к тому, что информация оформляется (в лексическом и грамматическом планах) пространственно, со многими повторениями, начатым и не доведенным до конца языковым оформлением мысли, с перескакиванием с одного предмета разговора на другой. Это ведет, в свою очередь, к расплывчатости информации и даже к потере ею коммуникативной ценности. А чтобы в наибольшей степени служить целям общения, любая бытовая информация должна быть достаточно ясной и охватывать при этом иногда целый комплекс содержания, которому в условиях пространственного изложения может соответствовать сложнооформленное с языковой точки зрения высказывание, требующее как большей затраты энергии на речевую передачу, так и большего времени для ее осуществления. Это приводит к тому, что речевому акту часто присущи такие явления, когда информация, содержащаяся в одном или даже нескольких предложениях «сжимается» в одном слове, которое вызывает у реципиента большее количество представлений [13. с. 49].

Как язык, так и обиходная речь постоянно вырабатывали и вырабатывают новые, более прогрессивные, часто унифицированные языковые средства для оформления языковой информации. Это в равной мере присуще как морфологии и синтаксису, так и словообразованию, причем словообразование на уровне речи обладает, в силу ее функциональных особенностей, рядом специфических черт. Так, эмоциональность высказывания может реализоваться словообразовательным путем при употреблении коллоквиально-окрашенных словообразовательных средств, обладающих большой экспрессивностью; непринужденность находит свое выражение, например, в употреблении таких словообразовательных моделей, которые или совершенно не представлены в других стилях языка, или же лексическое наполнение которых представляет отклонение от общепринятых норм словообразования на уровне языка; стремление к юмору, насмешке и сатире выражается в употреблении слов, построенных по модели как малопродуктивного, так и окказионального характера; сжатость, стремление к экономии языковых средств ведут к употреблению различного рода сокращений, усечений, контаминаций и т.п., которые реализуются на базе определенных словообразовательных моделей [13, с. 207].

Для данного исследования удобнее, видимо, определить суть понятия *Umgangssprache* как «субстандарт» в отличие от «стандарта» (*Standardsprache*). Термин *Standardsprache* нашел широкое применение в германистике, где в основу наименования положена стилистическая маркировка обиходно-разговорной речи [2, с. 401]. На наш взгляд, это более удачная дефиниция данной форме немецкого языка, так как, например, социолингвистические понятия часто расплывчаты – «язык образованных», «общий язык», «неофициальный язык» и т.п.

Библиография:

1. Аванесов, Р.И. Достижения современного языкознания в области русской диалектологии / Р.И. Аванесов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – М., 1958. – Т. VIII, вып. 1. – С. 15-26.
2. Ольшанский, И.Г., Гусева А.Е. Лексикология. Современный немецкий язык. – М.: Академия, 2005. – 416 с.
3. Bally, G, Ferdinand de Saussure. Linguistique generale et linguistique francaise. GRIN Verlag, 2010. – 11 S.
4. Behaghel, O. Von deutscher Sprache. Sändig Reprint, Auflage: Nachdr. d. Ausg. Lahr (1927) 1979. – 399 S.
5. Beraneck, K. Muttersprache № 10, 1955.
6. Budde, H. Randbemerkungen zum Fragenkreis. deutsche Umgangssprache, Muttersprache № 10, 1955. – 278 S.;
7. Henzen, W. Deutsche Wortbildung. Thübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965- 314 S.
8. Henzen, W. Schriftsprache und Mundarten. Bern: Franke Verlag, 1954. – 303 S.

9. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd 1. – Hamburg: Claassen Verlag, 1956. – 421 S.
10. Kretschmer, P. Wortgeografie der deutschen Umgangssprache. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1918. – 641 S.
11. Möller, G. Deutsch von heute. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1965. - 120 S.
12. Möller, G. Guter Stil im Alltag. Lpz: VEB Bibliographisches Institut, 1965. – 124 S.
13. Müller, E. Wortbildung – Ausdruck der Zeit. Muttersprache, H. 3, 1961. – 69 S.
14. Riesel, E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. — Leipzig: Reclam, 1970. - 316 S.
15. Wunderlich, H. Unsere Umgangssprache in der Eigenart ihrer Satzfügung. Weimar-Berlin. Verlag von Emil Felber, 1894. – 271 S.

УДК 378.147:003:664

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ПО ОБУЧЕНИЮ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ QR-КОДА (БУКВА «Тt»)

Ганчар Наталия,

учитель английского языка

ГУО «Гимназия № 9 им. Ф.П. Кириченко г. Гродно», г. Гродно, РБ

e-mail: gancharnatalya@yandex.ru

orcid id: 0000-0001-6757-2749

Abstract: the article demonstrates methodological methods of working with QR-code to learn how to read English words and phrases containing the letter "Tt".

Key words: active learning methods, QR, code, methodical development, letter, English, pronunciation.

В предыдущих наших статьях было раскрыто значение технологии QR-кода в образовательном процессе и сосредоточить внимание больше на теоретико-методологических аспектах данного метода обучения применительно к изучению иностранных языков [1, 2, 3]. Сейчас же нами представлена конкретная методическая разработка по обучению чтению букв английского алфавита (на примере буквы «Тt»), а также слов и словосочетаний, содержащих указанную букву.

В основе учебно-методической разработки положено пособие Ганчар Н.П. «Английский язык. 3-4 классы. Читаем легко и весело», разработанное для учащихся учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Приёмы и способы работы с QR-кодом могут легко быть применимы в рамках высшей школы, а также в процессе обучения второму и последующим иностранным языкам, практикуемому на некоторых факультетах высших учебных заведений [4].

Знакомство обучающихся с буквой начинается с короткого видео-песенки, переход на которую организован посредством QR-кода, схемы «буква-звуки». Далее предлагается пройти небольшие задания по направлениям определённого звука, произносимого при чтении буквы. Слова, по возможности, сопровождаются картинками, а также звуковыми файлами. Первичные простые задания на первом этапе не снабжены QR-кодами [5; 6; 7; 8].

Первое задание (приведено ниже) позволяет обучающимся осуществить проверку выполненного упражнения, не дожидаясь соответствующей реакции со стороны обучающего (также смотрите четвёртое задание). Оно скорее является «вводным», подготавливающим к деятельному использованию мобильных приложений в обучении.

Задание 1 – Вставьте пропущенные буквы.

to__tc__	be__hink	wen__	Проверьте ответ:
pi__c__	__uck	bel__	
hi__c__	wi__h	fu__ure	
fe__c__	__ick	min__	
di__c__	__hree	hu__c__	
ches__	ca__tle	la__c__	
ca__ch	lis__en	__hink	
fa__her	bes__	be__ting	
ma__c__	ben__	Elizabe__h	
la__c__	wep__	na__ive	
this	hin__	ac__ive	
wea__her	las__	na__ion	

Второе задание, посредством игровой деятельности, способствует развитию интереса и энергичному запоминанию правил чтения буквы в иностранном языке.

Задание 2 – Соотнесите чтение слова с буквой «Tt» со звуками:

Слова	[t]	[θ]	[ð]
pot, stone, tog, cotton, often, Tom, today, month, tab, together, tan, tat, tag, tan, tat, tap, Mat, bat, north, bats, tin, til, century, sat, bath, mother, cat, pat, pats, tips, fat, hat, tug, rat, but, the, tock, they, bethink, tuck, with, tick, three, castle, listen, best, bent, wept, hint, last, left, went, belt, future, mint, hutch, latch, notch, pitch, hitch, fetch, ditch, chest, catch, father, match, latch, this, weather, think, betting, Elizabeth, native, active, nation, translation, patient, furniture, thing			
	[ʃ]	[ʃə]	[...]
 (игра)			

Третье задание наиболее полно отражает возможности QR-кода при обучении чтению на иностранном языке.

Задание 3 – Заполните пропуски в транскрипции:

Слово	Транскрипция	Слово	Транскрипция
bat	[bæ]	thick	[ɪk]
future	[ˈfju:t(r)]	listen	[ˈlɪsn]
month	[mʌn]	tan	[æn]
nation	[ˈneɪn]	north	[nɔ:]
mother	[ˈmʌð(r)]	with	[wɪ]
often	[ˈɒfn]	bethink	[biˈɪŋk]
thing	[ɪŋ]		

Проверьте ответ	Игра	Произношение, картинка, видео, предложения (впишите слово в поисковую строку)
		

Задание 4 – Выделите предложения из строчки и напишите их.

Строчка	Подсказка
Idon'tlikethisthemeThatgirlisRitaImustthinkinthelessonThetigerisonavan! Oh,whatasillytiger! 1) 2) 3) 4)	

Завершающее задание направлено на чтение текста и отработку навыка письма. Учащемуся в самом задании предоставлена возможность прослушать на английском языке каждую строчку.

Задание 5 – Прочитайте стихотворение и выполните задание.

Строчка	Задание
Can I have that bike? No! That bike is Mike's! Can I have that kite? No! ThatkiteisMike's!	

Таким образом, применение технологии QR-кода для обучения чтения букв английского алфавита, слов и предложений на английском языке способствует более эффективному процессу обучения, повышению интереса к теме занятия, значительной экономии учебного времени и раздаточных учебных материалов, активному включению в образовательный процесс обучающихся, созданию атмосферы присутствия в среде носителя языка.

Библиография:

1. Ганчар Н.П. Использование QR-кодирования в процессе обучения / А.И. Ганчар // Современные технологии сельскохозяйственного производства : сборник научных статей по материалам XXI Международной научно-практической конференции. – Гродно : ГГАУ, 2018. – 322 с. – С. 245–247.
2. Ганчар Н.П., Ганчар, А.И. Применение технологии QR-кодирования в учебно-методическом тренажёре «Английский язык. Учимся читать» / Н.П. Ганчар, А.И. Ганчар // Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тезисы; г. Санкт-Петербург 16–17 ноября 2018 г. / Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. – СПб.: ГУАП, 2018. – 280 с. – С. 259–261.
3. Ганчар Н.П. Из опыта использования технологии QR-кода при изучении иностранного языка / Н.П. Ганчар // Актуальные проблемы педагогики и методики начального образования : сборник научных статей. Вып. 2 [Электронный ресурс] / отв. ред. В. И. Бычков. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. – 360 с. – С. 118–120.

4. Ганчар Н.П. Английский язык. 3-4 классы. Читаем легко и весело : пособие для учащихся учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Н.П. Ганчар. – Минск: Попурри, 2019. – 80 с. + 8 с. вкл.: ил.
5. Ганчар Н. П. Английский язык. Еда. Обучающие карточки с QR-кодами (96 карточек, инструкция) / Н.П. Ганчар. – Минск: Попурри, 2020. – 96 с.: ил.
6. Ганчар Н.П. Английский язык. Одежда. Погода. Цвет. Обучающие карточки с QR-кодами (96 карточек, инструкция) / Н.П. Ганчар. – Минск: Попурри, 2021. – 96 с.: ил.
7. Ганчар Н.П. Тренажёр. Английский язык. 6 класс : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Н.П. Ганчар, О.П. Сазанович. – Мозырь : Выснова, 2021. – 82, [2] с. : ил.
8. Ганчар Н.П. Тренажёр. Английский язык. 5 класс : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Н.П. Ганчар, О.П. Сазанович. – Мозырь : Выснова, 2021. – 70, [2] с. : ил.

УДК 378.14

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (CLIL) В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Илюшина Анна,

кандидат пед. наук, доцент кафедры иностранных яз. с курсом русского языка
ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань

e-mail: annailushina@mail.ru

orcid id: 0000-0003-4923-9744

Abstract. The article deals with the peculiarities of the use of Content and Language Integrated Learning (CLIL) in the process of foreign language teaching of non-linguistic university students. The need for highly-qualified specialists makes educators search for effective methods that can promote and intensify the work in the foreign language classroom. The aim of the study is to analyze theoretical data and the results of practical research in order to single out the main principles and strategies of CLIL that gives an opportunity to combine the elements of different pedagogical technologies providing students with the knowledge and skills necessary for successful professional career. The choice of educational tasks and methods, methodological proficiency of a teacher, intercultural and professional set of materials and resources are defined as crucial.

Keywords: Content and Language Integrated Learning, foreign language teaching, professional education.

В свете стремительно развивающийся современных технологий каждый выпускник вуза должен соответствовать все более высоким требованиям, которые ему предъявляют не только работодатели, но и профессиональная среда, в целом. Умение ориентироваться в большом потоке информации, способность находить и анализировать аутентичные научные и профессиональные источники, в том числе на иностранном языке, владение межкультурной компетенцией – все эти навыки становятся обязательными. Несомненно, знание иностранного языка существенно повышает конкурентоспособность и востребованность специалиста на рынке труда. Возрастает и роль дисциплины «иностраный язык» на неязыковых факультетах вузов. Однако перед современным студентом стоит более сложная задача. Теперь для успешной карьеры необходимо не только овладеть навыками общения на иностранном языке, но и приобрести специальные знания по выбранной специальности. Умение использовать

иностранный язык и знание основ межкультурной коммуникации в профессиональной деятельности для реализации специальных задач становится важным надпрофессиональными навыками, от овладения которыми напрямую зависит эффективность работы в разных сферах деятельности [3, с. 470]. Для решения вышеупомянутых задач при обучении иностранному языку используется целый ряд педагогических технологий, в числе которых игровые, проектные, дискуссионные и другие [2]. Особый интерес педагогов вызывает предметно-языковое интегрированное обучение или CLIL, благодаря тому потенциалу и тем возможностям, которыми обладает данная технология [9].

CLIL (Content and Language Integrated Learning) ставит целью построить учебный процесс таким образом, чтобы обеспечить одновременное изучение профессиональной дисциплины и иностранного языка [8]. Язык выступает не в качестве объекта изучения, а в качестве инструмента для познания и изучения других реалий [4]. Данная педагогическая технология давно востребована и показывает неплохие результаты при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку [5,6,7], поскольку помогает интегрировать в образовательный процесс междисциплинарные связи и структурировать занятие с уклоном на профессионально-личностное развитие студентов.

Целью данного обзора является определение особенностей применения подхода предметно-языкового интегрированного обучения, основная задача работы состоит в выделении основных принципов и стратегий обучения с применением CLIL. Цель и задача обосновывают выбор теоретических методов исследования (теоретический анализ, синтез, анализ научной литературы).

Термин CLIL впервые был предложен Д. Маршем в 1994 году. Идея автора технологии заключается в «одновременном обучении профильному предмету через иностранный язык (teaching content through foreign language) и обучении иностранному языку через сам предмет (teaching foreign language through content)» [8]. Подход, основанный на применении предметно-языкового интегрированного обучения, однако, не есть одна, отдельно стоящая независимая технология. CLIL – это особый термин, который объединяет, в некоторой степени, обобщает и использует потенциал целого ряда методов и подходов, применяемых в разнообразных образовательных контекстах и на различных этапах образовательной деятельности [10, с. 54]. Д. Койл сформулировал общие основополагающие принципы предметно-языкового интегрированного обучения, так называемые «4 C: 1) Content – содержание (приобретение новых знаний, умений); 2) Communication – общение (обучение языку и использование языка для приобретения знаний); 3) Cognition – мыслительные способности (познание, решение проблемных ситуаций, мышление и понимание.); 4) Culture – культурологические знания (изучение межкультурных аспектов через язык и повышение межкультурного взаимопонимания)» [8]. Основные принципы подхода предметно-языкового интегрированного обучения базируются на двух основных понятиях – «язык» и «интеграция» [1, с. 140].

Следует отметить, что CLIL условно делят на hard CLIL и soft CLIL [9]. Hard CLIL означает, что любой предмет может проходить на иностранном языке (при условии достаточного уровня владения языком обучающимися). В ходе такого занятия студенты исследуют профессиональные дисциплины посредством иностранного языка. Преподаватели же английского языка неязыковых вузов применяют технологию soft CLIL, в данном случае задача состоит в обратном: изучить иностранный язык используя темы и материалы из других предметов. Иными словами, возможны «два подхода в применении CLIL: 1) предметно-ориентированный, в котором обучение сконцентрировано на содержании дисциплины; 2) лингвистически-ориентированный направлен на изучение иностранного языка через предмет» [1].

Проведение занятий с использованием методики CLIL выдвигает особые повышенные требования к самому преподавателю иностранного языка. Педагог должен демонстрировать

высокий общий кругозор, наряду со знанием некоторых специфических аспектов профессиональных дисциплин обучаемых им специалистов. Занятия, проводимые по принципам CLIL, также требуют использования разнообразных лингвистических и коммуникационных форм при подборе и подаче материала, при организации работы, а также при разработке практических заданий и упражнений [5, с.151]. Преподаватель, применяя элементы предметно-языкового интегрированного обучения, несет ответственность не только за свою дисциплину, но и за качество иноязычной коммуникации, посредством которой он обучает своему предмету [7, с. 22-23]. Насколько грамотно и продуманно будет реализовываться процесс общения на иностранном языке в аудитории, настолько же грамотно и качественно этот иностранный язык будут осваивать студенты. Следовательно, преподаватель вуза, при внедрении в учебном процессе технологии CLIL, должен учитывать следующие принципы:

- уровень сложности подобранного материала должен быть ниже (в определенной степени, в соответствии с уровнем обучающихся), чем существующий словарный запас студентов по изучаемой дисциплине на родном языке;
- задания по обработке текстовой информации должны быть акцентированы на предметное содержание, для вовлечения студентов в процесс взаимной проверки новых знаний с последующим обсуждением главной мысли текста [5, с. 152];
- упражнения должны позволять отрабатывать навыки конфигурирования лингвистических форм и их употребления при коммуникационном взаимодействии в научной, профессиональной и межкультурной среде.
- необходимо использовать разнообразные виды оценивания, чаще вовлекая студентов в процесс самотестирования и самопроверки, с фиксацией динамики роста знаний;
- задания должны стимулировать обучающихся к самостоятельной и творческой деятельности [6, с. 30-31].

Все это повышает методическую и академическую нагрузку на преподавателя иностранного языка в неязыковом вузе, но одновременно приносит и свои плоды, так как существенно повышает мотивацию студентов к изучению предмета, грамотно стимулирует их мыслительную деятельность, не перегружая, но и позволяя должным образом усвоить материал. Следует, тем не менее, соблюдать некоторые стратегии, необходимые при реализации предметно-языкового интегрированного обучения на занятии по иностранному языку (таблица 1).

Таблица 1. Стратегии CLIL на занятии по иностранному языку в неязыковом вузе

Стратегия CLIL	Описание и особенности реализации
<i>Разнообразие ресурсов и материалов</i>	- текстовая информация должна быть связана с современными глобальными вопросами, интересными для обучающихся; - видео, аудио материалы, анимации, веб-квесты, подкасты и все информационно-коммуникационные ресурсы должны быть аутентичными.
<i>«Поддержка» преподавателем при овладении студентами аутентичным материалом</i>	- необходимо сократить и облегчить содержание изучаемого лингвистического материала с учетом уровня владения студентами иностранным языком; - следует стимулировать студентов к использованию новых лингвистических единиц иностранного языка при помощи использования тематических глоссариев, опорной лексики, устойчивых выражений.

<i>Интенсивное взаимодействие и активное использование усвоенного материала</i>	- необходимо выстраивать процесс обучения профессиональному иностранному языку таким образом, чтобы обучающиеся имели возможность максимально использовать свои лингвистические возможности, обдумывать варианты трансформаций собственного устного или письменного высказывания, понимать вариативность и разнообразие языковых элементов.
<i>Использование межкультурного аспекта в предметном содержании</i>	- следует рассматривать темы с различных культурных и межкультурных позиций, учитывая различия в менталитете и восприятии многих понятий у представителей тех или иных культур; - обязательным является изучение лингвистических и культурных реалий профессиональной лексики и особенностей ее употребления.
<i>Активация мыслительных операций высшего порядка</i>	- важно активно стимулировать мыслительную и познавательную деятельность, креативность и критическое мышление.
<i>Рациональное и устойчивое обучение</i>	- особое внимание необходимо обратить на структурирование материалов и заданий, с целью наиболее эффективного восприятия информации; - необходимо активизировать долгосрочную память обучающихся и удостовериться, что, те знания, которые они получили во время занятия, перейдут из кратковременной памяти в долговременную.

Таким образом, важно подчеркнуть, что при правильном использовании CLIL-технологии на занятиях по иностранному языку формируются прочные знания в трёх наиболее важных направлениях: 1) фундаментальные знания, включающие в себя тезаурус изучаемой дисциплины, навыки использования ИКТ и междисциплинарные знания; 2) формирование профессиональных навыков и навыков жизнедеятельности в межкультурном пространстве, этической и эмоциональной осведомленности, межкультурной компетенции; 3) метазнания (креативность и инновация, решение проблем и критическое мышление, сотрудничество и общение). Не стоит также забывать, что одна из главных задач CLIL-технологии – это поддержка образования и самообразования обучаемого, развитие креативности и навыков критического мышления, которые являются движущими силами в ускорении процесса предметно-языкового интегрированного обучения.

Библиография:

1. Гураль С.К., Комарова Э.П., Бакленева С.А., Фетисов А.С. Теоретический контекст интегрированного предметно-языкового обучения в вузе // *Язык и культура*. 2020. № 49. С. 138–147.
2. Илюшина А. В. Активные технологии в подготовке студентов вуза к межкультурной коммуникации // *Психолого-педагогический поиск*. 2019. № 2 (50). С. 84-93.
3. Илюшина А. В., Царева Л.М. Мотивация студентов медицинского вуза к межкультурному взаимодействию // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2019. Т. 7. № 3. С. 469-478.
4. Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов / под ред. Л.П. Халяпиной. СПб. : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. 380 с.

5. Леушина И.В., Леушин И.О. Иностранный язык и индивидуализация подготовки студентов: реалии, тренды, варианты // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 3. С. 147–154.
6. Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 173. С. 29-42.
7. Arau Ribeiro M.C. Some Lessons Learned: The ReCLes. pt. CLIL Project in Higher Education // An e-journal of Teacher Education and Applied Language Studies. 2015. Vol. 6. Issue 1. P. 20-37.
8. Coyle D., Hood Ph., Marsh D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 184 p.
9. Khalyapina L., Popova N., Kogan M. Professionally-oriented Content and Language Integrated Learning (CLIL) course in higher education perspective // Proceedings of 10th Annual International Conference of Education, Research and Innovation (ICERI 2017). Seville, 2017.
10. Wiesemes R. Developing theories of practices in CLIL: CLIL as post-method pedagogies? // Content and Language Integrated Learning: Evidence from Research in Europe. Bristol: Channel View Publications, 2009. P. 41-62.

УДК 811.161'37

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРАНСПОРТНОГО НЕЙМИНГА

Исакова Алла,

кандидат филол. наук, доцент Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия
e-mail: isakovaaa@yandex.ru
orcid id: 0000-0003-3312-3034

Проект реализуется победителем Конкурса на предоставление грантов преподавателям магистратуры 2020/2021 благотворительной программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина»

Abstract. The following article is devoted to transport names which function in languages. Transport names have identical names in linguistics, such as pragmonym - pragmatonym - trademark – brand. The market of transport brands and services has been developing rapidly, and, as a result, the housing of transport naming expands. Transport names are reflected in special reference books and dictionaries but a complete linguistic description of them has not been made.

Key words: marked linguistic units, transport names, pragmonym, pragmatonym, trademark, brand, linguistic description.

Введение Развитие лингвистической науки становится перспективным вследствие отказа от элементарных методов и приемов исследования языкового материала и применения новых комплексных методов, представляющих собой многообразие неклассических методологических подходов в совокупном дискурсе гуманитарных наук, которые расширяют стандартное представление о научном исследовании.

Изучение товарных номинаций и брендов становится актуальным в связи с появлением огромного количества новых наименований во всем мире, которые интегрируют в принимающие языки и легко адаптируют в речи благодаря рекламе. Сфера коммуникации изобилует товарными номинациями, в словарях фиксируются наиболее устойчивые и

употребительные бренды, что, в свою очередь, способствует рассмотрению влияния данного феномена на лексическую систему языка, несмотря на отсутствие определенной семантики и периферийное место в системе имен собственных. Научный подход к товарному неймингу требует знания, понимания сознания потенциального покупателя. Принцип понимания сознания получил развитие в трудах А. Н. Леонтьева, который отмечал, что характеристикой деятельности является ее предметность (деятельность управляется вначале самим предметом, затем его образом – как продуктом психического отражения свойств предмета) [1].

Нейминг во многих странах является прерогативой экономистов и социологов, поскольку рассматривается на уровне эффективности продаж. Лингвистические исследования малочисленны и изучаются в разделах маркетинговой лингвистики и сопоставительного языкознания. Однако исключить товарные номинации и не изучать их совсем лингвистами, культивируя мнение о семантической опустошенности рекламных брендов, товарных марок, было бы неправильно, поскольку именно реклама и сопутствующая товарная марка является сферой, более стремительно реагирующей на любые изменения явлений окружающей реальности, и, вместе с тем, язык и стиль рекламы имеют свои отличительные свойства, которые позволяют противопоставить их иным языковым структурам. В рекламном тексте содержатся языковые средства, позволяющие осознать текст реципиентом и обуславливающие реакцию на него. Так как одна из основных задач маркетинговой кампании заключается в предоставлении рекламируемого продукта либо услуги, привлечение к нему внимания пользователя, то лингвистические исследования становятся все более необходимыми. Товарная номинация находит постоянное отражение в сознании человека как носителя языка, культуры, духовности, жизненного опыта.

Товарный знак является ядром продаж, он призван «покорять, соблазнять, очаровывать». Основной целью является воздействие на когнитивную систему человека, а мощнейшее средство этого воздействия – словесный товарный знак. Многократное повторение товарного знака способствует его запоминанию, он становится своеобразным сигналом, пробуждающим в сознании адресата всю совокупность вербальных и невербальных единиц. Содержание сознания в следствии механизма внушения трудно поддается осмыслению и корректировки, представляя собой совокупность внушаемых установок. Восприятие и усвоение определенной информации зависит от готовности людей принять её воздействие. Исследование чувств человека, которые возникают при восприятии рекламы является основной задачей рекламистов (Внедорожники Сузуки Гранд Витара – Suzuki Grand Vitara. Почувствуй размах). Достигается эта цель при помощи измерения чувств, которые испытывает человек, при всем этом употребляются особые личные шкалы, которые позволяют найти, какой продукт более привлекателен для пользователя.

Исследовательские вопросы Рынок транспортных товаров и услуг стал стремительно развиваться, а вследствие этого и стал расширяться сам корпус транспортного нейминга [2]. Хотя целый ряд транспортных наименований находит отражение в специальных справочниках и словарях, полное лингвистическое описание их не проведено.

Сложность определения транспортных прагматонимов (прагматонимов) обусловлена тем, что данные названия стоят на грани между именами собственными и апеллиативами [3]. Их нередко называют просто товарными марками или словесными товарными знаками:

Ford (США) – легковой автомобиль.

Hummer (США) – внедорожник.

Honda (Япония) – легковой автомобиль, спец. техника.

Hyundai (Корея) – легковой автомобиль.

Skoda (Чехия) – легковой автомобиль.

UMZ (Россия) – трактор

Yamaha (Япония) – мотоциклы.

При номинации транспортных брендов или товарных марок, как правило, придерживаются следующих рекомендательных принципов, предлагаемых ономастами:

- номинация должна выполнять рекламную функцию, т.е. апеллировать к сознанию человека, привлекая его внимание и возбуждая интерес к товару или транспортной услуге;
- названия должны легко запоминаться и воспроизводиться в речи.

Реклама вместе с брендом чаще всего отражает прагматические, идеологические и эстетические представления как всего общества, так и отдельного человека. Рекламным можно считать любой материал, в котором привлекается внимание потребителей к какой-либо продукции, будь это небольшое объявление типа «Продается машина «Вольво» или же развернутая публикация в журнале «За рулем». Извлечение рекламы из периодической печати дает возможность изучать как статистику, так и динамику прагматонимов, т.е. их положение в языке и речи. Прагматонимическая лексика английского происхождения занимает значительное место в русском рекламном тексте, характеризуется разнообразием форм наименований и многочисленностью номенклатуры.

Индивидуализирующие тенденции в процессе номинации проявляются, в большей степени, в иностранных именованиях. Мы относим к транспортным прагматонимам словесные товарные знаки (СТЗ), которые обозначают серийные марки машин, дорожно-транспортные механизмы, дорожно-транспортные услуги и т.п.

СТЗ как класс составляет крайнюю зону периферии ономастического пространства и занимает промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными. Как отмечает А.В.Суперанская, «чем глубже внедряется в быт фирменное название, тем сильнее его апелляция», «теснейшее соединение товарных знаков с предметными признаками товаров – основная черта, не позволяющая причислять их к собственным именам» [4], т.е. оно стремится стать именем нарицательным (жигули, мустанг и т.п.). По этой причине СТЗ долгое время не относили к именам собственным, считали их онимоподобными образованиями. Кроме того, причина неоднозначного отношения к СТЗ – понимание того, что это имена однотипного множества (серии, группы), составляющих определенный класс предметов, например: марки машин (Москвич, Волга, Мерседес-Бенц) и т.д.

СТЗ очень тесно соприкасаются с торговыми знаками или торговыми марками. Торговые знаки используются производителем для идентификации и отличия от конкурирующих товаров. Торговые знаки могут быть представлены словом (Rolls-Royce от имен основателей фирмы Чарлза Росса и Генри Ройса), изображением (символом, числом или контуром) или комбинацией знака и слова (как у компании Ниссан). Поэтому следует изучать как СТЗ, так и торговые фирменные марки (знаки).

Именно поэтому, на наш взгляд, Н.В.Подольская определяет особый класс онимов – прагматоним, включающий в себя и эргонимы и собственно прагматонимы [5]. Мы полагаем, что термин прагматоним имеет более широкое содержание, нежели эргоним или прагмоним, поскольку включает в себя все категории названий, связанных с материальной культурой.

Выводы Термином «транспортный прагматоним» можно назвать всю дорожно-транспортную инфраструктуру: марки автомобилей, наименования спецтехники, самолетов, поездов и т. д., названия транспортных компаний и дорожно-транспортных услуг, в том числе и имена логистических компаний.

Тесная связь транспортного прагматонима с понятием обуславливает экспрессивность, функциональность и особенности функционального порядка: деривационность и т.д. Сравнивая названия транспортных фирм и компаний с товарными знаками, в пользу отнесения первых к именам собственным, Р.Е.Березникова приводит несколько аргументов, а именно: а) названия фирм относятся к единицам, а не к сериям одноимённых единиц; б) именуемый с помощью этих названий объект всегда определен. Вместе с тем, автор указывает на чёткое проявление различий между эргонимами и прагматонимами: название фирмы соотносится с

индивидуальным, единственным в своём роде предметом, а товарный знак – с серийной продукцией. Таким образом, по мнению Р.Е.Березниковой, одно и то же слово, применяясь к различным объектам – индивидуальным и серийным, - соответственно, меняет свой статус в языке [6].

Однако в основу номинации многих товарных знаков положен мотивирующий фактор, как название фирмы, например: Группа компаний BMW и автомобиль BMW, дорожные компании Komatsu, JCB, John Deere и автогрейдеры, экскаваторы, погрузчики Komatsu, JCB, John Deere), компании Volvo, Caterpillar и все виды техники Volvo, Caterpillar, поэтому довольно часто структура товарного знака повторяет структуру фирмы, и, наоборот, товарный знак может служить производящей основой для наименования компании. Мы приходим к выводу, что наибольший процент товарных знаков основан на мотивирующем факторе - «название фирмы». Функционируя в сфере производства и торговли, транспортные номинации появляются в силу экономической необходимости и экстралингвистических факторов. Их возникновение всегда подкрепляется обязательной юридической фиксацией. Нельзя не отметить следующие особенности:

1) транспортный нейминг может «маркировать» серию, тип однородных объектов и поэтому относится как к отдельному элементу ряда, так и ко всей серии в целом;

2) транспортные номинации в большей степени обусловлены экстралингвистическими факторами.

Заключение. Следовательно, ускоряющийся характер развития нашего общества не может не влиять на динамику процессов транспортного нейминга, отражая творческую суть человеческой природы. Необходимо помнить, что дорожно-транспортный нейминг, относимый к периферийной лексике, выполняет много большую, социально значимую роль и соотносим с культурным развитием народа. Он обладает лексическим фоном, информативны, заключают в себе социокультурные возможности. Следует исходить из того, что дорожно-транспортные имена собственные прежде всего являются языковыми знаками картины мира, создаваемой определенным народом в определенный исторический период.

Библиография

1. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1975. 304 с.
2. Исакова, А.А. Критерии расширения границ прагмонимического пространства / А.А. Исакова // Вестник Читинского государственного университета. №7 (74). Чита: ЧитГУ. 2011. С 25-30.
3. Комолова, З.П. Семантическая мотивированность прагмонимов / З.П. Комолова // Проблемы семантики. М.: Наука. 1974. С. 333–338.
4. Суперанская, А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская. М.: Наука. 1989. 243 с.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. М.: Наука. 1988. 189 с.
6. Дремова, Н.Б., Березникова, Р.Е. Номенклатура лекарственных средств: особенности формирования и фармацевтическая информация / Н.Б. Дремова, Р.Е. Березникова. Курск: КГМУ. 1995. 112 с.

УДК811.135.1'34+811.111'34

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛОЖНЫХ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ГЕРМАНСКИХ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Кирдякин Алексей,

доктор филол. наук, доцент КГУ, г. Комрат, РМ

e-mail: chirdeachin@yahoo.com

orcid id: 0000-0002-0417-7626

Abstract: Complex phonetic and phonological structures are a phenomenon that makes it possible to characterize the units of the phonetic and phonological system (speech sounds and language phonemes) of a particular language not only in terms of articulation (vowels and consonants), but also in terms of structure: simple and complex. In a particular language, it is possible to notice the presence of three types of complex phonetic and phonological structures: phonetic and phonological (having the full status of complex monophonemic units), purely phonetic and purely phonological and, for this reason, conditional. In this regard, the article deals with complex phonetic and phonological structures in English, German and French.

Keywords: Complex phonetic and phonological structures, phonetic and phonological system, speech sounds, language phonemes, complex monophonemic units.

Сложные или составные фонетико-фонологические структуры представляют собой явление, позволяющее характеризовать единицы фонетико-фонологического строя (звуки речи и фонемы языка) того или иного языка не только с точки зрения артикуляции (гласные и согласные, а также некоторые фонетико-фонологические единицы, уточнение артикуляционного статуса которых предполагает необходимость соответствующих исследований, как, например, носовые гласные во французском языке), но и с точки зрения структуры: простые и сложные или составные. К первым можно отнести монофтонги на уровне гласных и простые согласные (смычные и щелевые, в том числе боковые, вибрирующие и полугласные) на уровне согласных. К вторым можно отнести дифтонги и трифтонги на уровне гласных и аффрикаты – на уровне согласных (Таб.1). Некоторые сложные или составные фонетико-фонологические структуры (далее СФФС) существуют и на фонетическом, и на фонологическом уровне, благодаря чему они могут быть признаны обладающими полным статусом сложных монофонемных единиц (далее СМЕ). Другие же существуют только на фонетическом или только на фонологическом уровне, в силу чего их принадлежность к СМЕ условна.

Таблица 1. Характеристика фонетико-фонологических единиц по артикуляции и структуре

Структура Артикуляция	Простые	Сложные (составные)
Гласные	Монофтонги	Дифтонги, трифтонги
Согласные	Простые согласные (смычные, щелевые, в т.ч. боковые, вибрирующие и полугласные)	Аффрикаты

Ниже мы рассмотрим некоторые аспекты СФФС в германских и романских языках на материале английского, немецкого и французского языков.

В английском языке на уровне гласных СФФС представлены 9-ю нисходящими дифтонгами (/ai, ei, oi, au, əu, eə, iə, əə, uə/), 6-ю трифтонгами (/'aiə, 'eiə, 'iə, 'əiə, 'auə, 'əuə/), всего 15 СФФС на уровне гласных, и 2-мя аффрикатами (/tʃ, dʒ/) на уровне согласных, итого

17 СФФС. Если дифтонги и аффрикаты, иначе называемые консонантными дифтонгами [7, с.391-393], существуют и на фонетическом, и на фонологическом уровне, благодаря чему они могут быть признаны имеющими полный статус СМЕ, то трифтонги, будучи на фонетическом уровне единым целым с плавным постепенным переходом от одного элемента к другому в процессе артикуляции, вызывают вопросы относительно фонологического статуса, так как их элементы могут принадлежать к разным морфемам. Таким образом, из 17 СФФС только 11 (9 дифтонгов и 2 аффрикаты) имеют полный статус СМЕ, остальные 6 (трифтонги) нуждаются в уточнении фонологического статуса, в силу чего их принадлежность к СМЕ условна.

В немецком языке на уровне гласных СФФС представлены 3-мя нисходящими дифтонгами (/ai, ɔi, au/) и 3-мя аффрикатами (/pf, ts, tʃ/) на уровне согласных, итого 6 СФФС. Все немецкие дифтонги существуют как на фонетическом, так и на фонологическом уровне и, соответственно, обладают полным статусом СМЕ. Что касается аффрикат, то только /ts, tʃ/, существуя и на фонетическом, и на фонологическом уровнях, имеют полный статус СМЕ. Аффриката /pf/ существует только на фонологическом уровне. На фонетическом уровне она фактически представляет собой простую последовательность звуков /p/ и /f/, так как эти два звука различаются по месту образования – первый является билабиальным (губно-губным), в то время, как второй – лабио-дентальным или жегубно-зубным (на фонетическом уровне в аффрикатах место образования смычного и щелевого элементов должно совпадать). Таким образом, из 6 СФФС только 5 (3 дифтонга и 2 аффрикаты) имеют полный статус СМЕ, оставшаяся 1 аффриката нуждается в уточнении фонетической природы, в силу чего её принадлежность к СМЕ условна.

Сравнивая систему английских и немецких СФФС, можно заметить следующее:

1. Общие черты: а) наличие дифтонгов и аффрикат в обоих языках; б) наличие дифтонгов /ai, ɔi, au/ как в английском, так и в немецком языках; в) наличие дифтонгов с ядром /a/ в двух языках (/ai, au/); г) наличие дифтонгов с ядром /ɔ/ в сравниваемых языках (/ɔi/ в английском и немецком языках, /ɔə/ только в английском); д) наличие дифтонгов с глайдом /i/ в обоих языках (/ai, ɔi/ в английском и немецком языках, /ei/ только в английском); е) наличие дифтонгов с глайдом /u/ в английском и немецком языках (/au/ в английском и немецком языках, /əu/ только в английском); ё) наличие и аффрикаты /tʃ/ и в том, и в другом языке; ж) обладание полным статусом СМЕ всеми дифтонгами (как общими /ai, ɔi, au/, так и /ei, əu, ɛə, iə, ɔə, uə/, которые присутствуют только в английском языке); з) все дифтонги и в английском, и в немецком языках нисходящие.

2. Различия: а) наличие таких единиц, как трифтонги (в данном случае /'aiə, 'eiə, 'iə, 'ɔə, 'auə, 'əuə/) только в английском языке; б) наличие СФФС, присутствующих только на фонетическом уровне, только в английском языке (трифтонги); в) наличие СФФС, присутствующих только на фонологическом уровне, только в немецком языке (аффриката /pf/); г) наличие СФФС, не обладающих полным статусом СМЕ на уровне гласных, только в английском языке (трифтонги); д) наличие СФФС, не обладающих полным статусом СМЕ на уровне согласных, только в немецком языке (аффриката /pf/); е) на уровне гласных английские СФФС представлены и дифтонгами, и трифтонгами, а немецкие – только дифтонгами; ё) на уровне гласных все немецкие СФФС обладают полным статусом СМЕ, в то время, как в английском языке это действительно только в отношении дифтонгов, трифтонги же существуют только на фонетическом уровне; ж) на уровне согласных все английские аффрикаты обладают полным статусом СМЕ, в то время, как в немецком языке это действительно только в отношении 2-х из 3-х аффрикат (/ts, tʃ/), а аффриката /pf/ существует только на фонологическом уровне; з) наличие дифтонгов с глайдом /ə/ только в английском языке (/ɛə, iə, ɔə, uə/); и) отсутствие в немецком языке дифтонгов, которых не было бы в английском языке: все немецкие дифтонги также присутствуют и в английском языке; й) количество дифтонгов в английском языке превышает в 3 раза их количество в немецком языке: в первом их 9, а в последнем – 3; к) количество СФФС в немецком языке на уровне

гласных и согласных одинаково (по 3 единицы), в то время, как в английском языке количество СФФС на уровне гласных превышает в 7,5 раз количество СФФС на уровне согласных (15 и 2 соответственно); **л)** наличие дифтонгов /eɪ, əɪ, ɛə, iə, ɔə, uə/ только в английском языке; **м)** во всех английских аффрикатах место образования смычного и щелевого элементов совпадает, в то время, как в немецком языке это действительно только в отношении 2-х из 3-х аффрикат (/ts, tʃ/), а аффриката /pf/, как уже отмечалось выше, фактически представляет собой простую последовательность звуков /p/ и /f/, так как эти два звука различаются по месту образования – первый является билабиальным (губно-губным), в то время, как второй – лабио-дентальным (губно-зубным); **н)** наличие аффрикаты /dʒ/ только в английском языке; **о)** наличие аффрикат /pf, ts/ только в немецком языке; **п)** с точки зрения места образования, все аффрикаты в английском языке палатоальвеолярные, в то время, как в немецком языке наряду с палатоальвеолярной аффрикатой (/tʃ/) также можно встретить губно-зубную (/pf/) и альвеолярную (/ts/) аффрикаты; **р)** с точки зрения участия голосовых связок, все аффрикаты в немецком языке глухие, а в английском языке наряду с глухой /tʃ/ есть и звонкая /dʒ/; **с)** во всех английских аффрикатах главным речевым органом артикуляции является язык, в то время, как в немецком языке такое положение вещей наблюдается только в случае 2-х из 3-х аффрикат (/ts, tʃ/), в то время, как аффриката /pf/ артикулируется без непосредственного участия языка.

Во французском языке на уровне согласных полностью отсутствуют СФФС. Что касается уровня гласных, то согласно мнению, общепринятому среди исследователей в области общего языкознания и теоретической фонетики французского языка, на уровне гласных также отсутствуют СФФС. Тем не менее, существуют фонетические структуры, которые проявляют себя как дифтонги на фонетическом уровне (единство артикуляции и плавный переход с одного элемента на другой), в силу чего в данной работе они обозначены как условные дифтонги: восходящие /wa, wɛ, wi, yi/, 4 единицы, и нисходящие /ai, ei, ii, œi/, 4 единицы, всего 8 единиц. В функциональном (фонологическом) отношении эти структуры также можно рассматривать как единые фонемы, поскольку так или иначе их элементы принадлежат к одной морфеме. Также во французском языке есть фонетическая структура /wai/, которая аналогичным образом проявляет себя как трифтонг на фонетическом уровне, в силу чего в данной она также обозначается как условный трифтонг. Что касается фонологического уровня, её элементы могут принадлежать к разным морфемам, что вызывает вопросы относительно её фонологического статуса. Таким образом, во французском языке 4 восходящих и 4 нисходящих условных дифтонга, всего 8 условных дифтонгов, и 1 условный трифтонг, итого 9 СФФС.

При сравнении системы французских СФФС с соответствующими системами английского и немецкого языков, мы замечаем следующее:

1. Общие черты: **а)** наличие дифтонгов (в том числе условных) во всех трёх языках; **в)** наличие нисходящих дифтонгов (в том числе условных) в английском, немецком и французском языках; **г)** наличие дифтонгов (в том числе условных) с ядром /a/ в трёх языках (общий для всех трёх языков /ai/ и присутствующий только в английском и немецком языках /au/); **д)** наличие дифтонгов (в том числе условных) с глайдом /i/ в трёх языках (/ai/ во всех трёх языках, /ɔi/ в английском и немецком языках, /ei/ в английском и французском языках); **е)** наличие дифтонга /ai/ (в том числе условного) как в английском, так и в немецком и во французском языках.

2. Англо-французские особенности: **а)** наличие и дифтонгов, и трифтонгов в английском и французском языках, в то время, как в немецком языке трифтонги отсутствуют; **б)** отсутствие у трифтонгов полного статуса СМЕ в обоих языках; **в)** наличие дифтонгов (в том числе условных) с ядром /e (/ɛ)/: /ei/ в обоих языках и /ɛə/ только в английском; **г)** наличие дифтонгов (в том числе условного) с глайдом /i/: /ai, ei/ в обоих языках, /ɔi/ в английском и /ii, œi/ во французском языках.

3. Немецко-французские особенности: отсутствуют.

Особенности французского языка, отличные от английского и немецкого языков: а) отсутствие СФФС на уровне согласных; б) отсутствие полного статуса СМЕ у всех условных единиц на уровне гласных (дифтонгов и трифтонга); в) наличие восходящих (условных) дифтонгов; г) структура единственного французского (условного) трифтонга существенно отличается от структуры английских трифтонгов: во французском языке мы имеем дело с восходяще-нисходящим трифтонгом, а в английском языке – с нисходяще-восходящими (Таб.2).

Помимо того, в количественном соотношении больше всего СФФС в английском языке (17 единиц), меньше всего – в немецком (6 единиц). В процентном соотношении в немецком языке СФФС на уровне гласных и согласных составляют по 50%, а английском, как уже отмечалось выше, СФФС превышает на уровне гласных в 7,5 раз СФФС на уровне согласных (88,24% и 11,76% соответственно). Во французском языке СФФС на уровне гласных составляют 100%, а на уровне согласных – 0%. Таким образом, в процентном соотношении больше всего СФФС на уровне гласных во французском языке (100%), меньше всего – в немецком (50%), а на уровне согласных больше всего в немецком языке (50%), меньше всего – во французском (0%).

Таблица 2. Наличие и обладание полным статусом СМЕ СФФС в английском, немецком и французском языках

СФФС			Наличие в языке			Обладание полным статусом СМЕ в языке *		
Тип	Подтип	Единица	англ.	нем.	фр.	англ.	нем.	фр.
Дифтонги (в том числе условные)	Восходящие	/wa/	-	-	+	отсутствует	отсутствует	-
		/wɛ̃/	-	-	+	отсутствует	отсутствует	-
		/wi/	-	-	+	отсутствует	отсутствует	-
		/yi/	-	-	+	отсутствует	отсутствует	-
	Нисходящие	/ai/	+	+	+	+	+	-
		/ei/	+	-	+	+	-	-
		/ii/	-	-	+	отсутствует	отсутствует	-
		/ɔi/	+	+	-	+	+	отсутствует
		/œi/	-	-	+	отсутствует	отсутствует	-
		/au/	+	+	-	+	+	отсутствует
		/əu/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/ɛə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/iə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/ɔə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/uə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
	Трифтонги (в том числе условные)	/wai/	-	-	+	отсутствует	отсутствует	-
		/'aiə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/'eiə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/'iiə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/'ɔiə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/'auə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
		/'əuə/	+	-	-	-	отсутствует	отсутствует
Аффрикаты		/pf/	-	+	-	отсутствует	-	отсутствует
		/ts/	-	+	-	отсутствует	+	отсутствует
		/tʃ/	+	+	-	+	+	отсутствует
		/dʒ/	+	-	-	+	отсутствует	отсутствует

* «отсутствует» – единица отсутствует в системе СФФС данного языка, «-» («минус») – единица присутствует, но не обладает полным статусом СМЕ, «+» – единица присутствует и обладает полным статусом СМЕ.

Исходя из вышеизложенного, мы замечаем наличие трёх видов СФФС в рассмотренных языках: фонетико-фонологические (обладающие полным статусом СМЕ), чисто фонетические и чисто фонологические и по этой причине условные СФФС. Для уточнения фонетико-фонологического статуса каждой отдельно взятой структуры в каждом из рассмотренных языков необходимо проведение исследований фонетического, в том числе экспериментального (в аспекте артикуляции, акустических параметров и воспринимаемых характеристик), и фонологического (в функциональном аспекте) характера.

Библиография:

1. Bratu F. *Phonétique et diction française*. – Suceava: Euroland, 1997. – 143 p.
2. Léon M., Léon P. *La prononciation du français*. – Paris: Armand Colin, 2004. – 128 p.
3. Munteanu E. *Introducere în lingvistică*. – Iași: Polirom, 2005. – 340 p.
4. Scripnic G. *Langue française contemporaine. Phonétique et phonologie*. – Galați: Galați University Press, 2011. – 210 p.
5. Vater H. *Einführung in die Sprachwissenschaft*. 4. Auflage. – München: W.Fink Verlag, 2002. – 336 S.
6. Бабырэ Н.М. Фонетический и фонологический статус сложных гласных звуковых комплексов германских и романских языков. – Кишинёв: МолдГУ, 1992. – 136 с.
7. Гожин Г.М. Консонантные дифтонги /čĩ/, /ǧĩ/ в молдавских говорах (Акустические и воспринимаемые характеристики) // *Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences*. – Prague: Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1970. – P.391-393.
8. Голубев А.П., Смирнова И.Б. Сравнительная фонетика английского, немецкого и французского языков. – Москва: Academia, 2005. – 208 с.
9. Зубкова Л.Г. О цельносистемном подходе к фонологической типологии // *Загальна та експериментальна фонетика. Збірник наукових праць і матеріалів*. – Київ: Соборна Україна, 2001. – С.186-187.
10. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. *Общая фонетика*. – Москва: РГГУ, 2001. – 592 с.
11. Реформатский А.А. *Фонетика* // Реформатский А.А. *Введение в языковедение*. – Москва: Аспект Пресс, 2005. – С.157-243.

УДК 372.8

К ВОПРОСУ О РОЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Кирдякин Алексей,
доктор филол. наук, доцент
КГУ, г. Комрат, РМ
e-mail: chirdeachin@yahoo.com
orcid id: 0000-0002-0417-7626

Сулак Софья,
доктор филол. наук, доцент КГУ, г. Комрат, РМ
ст. научный сотрудник НИЦ Гагаузии
им. М.В. Маруневич, Комрат
e-mail: sulak_sofia@mail.ru
orcid id: 0000-0003-2325-548X

Abstract: The professional training of specialists in the field of foreign languages covers three aspects: linguistic, literary and linguacultural (the culture and civilization related to the country of the studied language). The literature related to the studied language helps, on the one hand, in a better

understanding of the peoples and countries of the studied language, and on the other hand, in enriching the vocabulary and in a better understanding of when and how to most adequately use certain structures of the studied language. Due to this, the study of the literature related to the studied foreign language does not only contribute to the development of thinking in the respective language due to the study of the sociocultural aspect of the life of peoples and countries of the studied language. It also contributes to the perception of the material in all taught disciplines related to the studied language as a whole, thus playing an integrating role. From this point of view, the article addresses the issue of the role of artistic literature related to a studied foreign language in language teaching.

Keywords: Professional training, specialists in the field of foreign languages, teaching foreign literature, language teaching.

Как известно, профессиональная подготовка филологов-специалистов в области иностранных языков охватывает три аспекта – лингвистический, литературный и лингвострановедческий (культура и цивилизация страны или стран изучаемого языка). Литература изучаемого языка помогает, с одной стороны, в лучшем понимании народов и стран изучаемого языка, а с другой стороны – в обогащении словарного запаса и в лучшем понимании того, когда и как наиболее адекватно использовать те или иные структуры изучаемого языка. Как отмечает Р.Калафато, в последние три десятилетия использование художественной литературы в преподавании английского языка как иностранного привлекает к себе все больше внимания. Об этом свидетельствуют публикации различных ресурсов для учителей, а также исследования, в которых проводится анализ современного состояния применения художественных текстов в обучении иностранному языку. Возобновившийся интерес к литературным текстам связывается и с ростом популярности коммуникативной методики преподавания, которая, в отличие от более традиционных методик, сосредоточена на совершенствовании навыков общения на иностранном языке. Вне фонетики и фонологии, грамматика и лексикология являются инструментом для преодоления языкового барьера. Кроме того, сторонники этой методики считают, что чтение художественной литературы не только пополняет словарный запас учащихся, но и совершенствует технику чтения и навыки критического мышления благодаря более творческому и «аутентичному» использованию языка [5, с.91-92].

Как правило, преподавание литературы изучаемого языка включает в себя два основных компонента: изучение истории литературы соответствующего языка и чтение литературных произведений, относящихся к соответствующему периоду в истории литературы. В этой связи рассмотрим, каким образом изучение художественной литературы изучаемого иностранного языка может способствовать росту знаний, умений и навыков (компетенций) в специализированных учебных предметах, относящихся непосредственно к лингвистической составляющей профессиональной подготовки специалистов в области иностранных языков на уровне высшего образования.

Фонетика. Как известно, фонетика обычно преподаётся на первом курсе и включает в себя вводную (ознакомление с алфавитом, звуками речи и правилами их произношения, а также с правилами чтения) и основную часть (как правило, на основе лингвистического курса). Тем не менее, тренировка и совершенствование навыков произношения важны и вне учебного предмета фонетики. Поэтому при изучении истории литературы необходимо среди прочих разделов языка обращать внимание и на произношение. В этой связи предлагаем следующее:

1. В тексте (как правило, выбирается сравнительно небольшой текст из теоретического материала по истории литературы или из прозаического художественного произведения на 1-2 страницы либо из поэтических произведений в таком же объёме) выделяются все слова и отмечаются все предложения, содержащие изучаемый звук;
2. Составляется список соответствующих слов;

3. Студенту предлагается произнести сначала звук отдельно, по необходимости корректируя его артикуляцию с помощью преподавателя;

4. Далее следует произнесение слов, содержащих изучаемый звук, по необходимости несколько раз для закрепления;

5. Следующим шагом является чтение вслух с правильным произношением предложений, включающих слова, содержащие изучаемый звук. При этом особое внимание обращается на произнесение изучаемого звука;

6. Следующий этап предполагает чтение вслух всего текста с правильным произношением, при этом, как и на уровне предыдущего шага, особое внимание обращается на произнесение изучаемого звука;

7. Далее следует пересказ прочитанного с правильным произношением, и здесь, как и на предыдущих этапах, особое внимание обращается на произнесение изучаемого звука;

8. При выполнении заданий творческо-аналитического характера (подготовка рефератов, презентации и т.п.) студенту при ознакомлении с исходным материалом, его подборе и систематизации необходимо пройти этапы, указанные в пунктах 1-7, а при выступлении перед аудиторией особое внимание обращать на произнесение изучаемого звука.

Грамматика. Практический аспект грамматики включён в практический курс изучаемого языка. Главное назначение этого предмета в том, что касается грамматики – формирование знаний, умений и навыков (компетенций), связанных с грамматикой. Говоря о грамматике, мы подразумеваем два её аспекта – морфологию и синтаксис. В то же время тренировка и усовершенствование навыков важны и вне учебного предмета грамматики. Поэтому при изучении истории литературы необходимо среди прочих разделов языка обращать внимание и на грамматику. В этой связи предлагаем следующее:

1. В тексте (так же, как и в случае фонетики, выбирается сравнительно небольшой текст из теоретического материала по истории литературы или из прозаического художественного произведения на 1-2 страницы либо из поэтических произведений в таком же объёме) выделяются все слова и группы слов в случае аналитических или же составных морфологических форм, а также синтагм, и отмечаются все предложения, содержащие соответствующие изучаемые морфологические и синтаксические структуры;

2. Составляется список соответствующих морфологических и синтаксических структур;

3. Студенту предлагается прочитать вслух сначала соответствующую морфологическую или синтаксическую структуру отдельно, по необходимости корректируя её применение с помощью преподавателя;

4. Следующим шагом является чтение вслух предложений, включающих слова, содержащие изучаемый звук. При этом особое внимание обращается на применение изучаемой структуры;

5. Следующий этап предполагает чтение вслух всего текста, при этом, как и на уровне предыдущего шага, особое внимание обращается на применение изучаемой структуры;

6. Далее следует пересказ прочитанного и здесь, так же, как и на предыдущих этапах, особое внимание обращается на применение изучаемой структуры;

7. При выполнении заданий творческо-аналитического характера (подготовка рефератов, презентации и т.п.) студенту при ознакомлении с исходным материалом, его подборе и систематизации необходимо пройти этапы, указанные в пунктах 1-6, а при выступлении перед аудиторией особое внимание обращать на применение изучаемой структуры.

Лексика. Практический аспект лексикологии включён в практический курс изучаемого языка. Главное назначение этого предмета – формирование знаний, умений и навыков (компетенций), связанных с практическим владением изучаемого языка, в том числе в аспекте ознакомления с новым лексическим (словарным) материалом и его усвоения как в том, что касается знания и способности к применению соответствующих единиц, так и в том, что

касается понимания их правильного использования в том или ином контексте, чему способствует изучение литературы. В этой связи предлагаем следующее:

1. В тексте (так же, как и в случае фонетики, выбирается сравнительно небольшой текст из теоретического материала по истории литературы или из прозаического художественного произведения на 1-2 страницы либо из поэтических произведений в таком же объёме) выделяются все слова и группы слов, и отмечаются все предложения, содержащие соответствующие изучаемые лексические единицы. При выборе художественных текстов рекомендуем выбирать тексты (поэзия и проза) не раньше периода, когда изучаемый иностранный язык был похожим на современный (в частности не раньше XVIII-XIX вв., поскольку соответствующий язык на более ранних этапах уже существенно отличался от современного. Тексты из литературных произведений более ранних периодов развития литературы можно использовать уже на более поздней стадии овладения языком во избежание ситуации, когда студент овладевает языком в варианте того времени);

2. Составляется список новых для каждого отдельно взятого студента слов и выражений, они переводятся на язык обучения, а также им даются определения. По необходимости добавляются необходимые грамматические параметры (например, множественное число некоторых существительных в английском и в большинстве существительных в немецком языке, также в немецком языке род и формы в косвенных падежах, особенно в случае существительных мужского рода. Также здесь мы можем отметить формы сильных или же неправильных глаголов, а также степени сравнения прилагательных, образующихся по супплетивному принципу);

3. Студенту предлагается прочитать вслух сначала соответствующие слова и выражения отдельно, по необходимости корректируя их применение с помощью преподавателя;

4. Следующим шагом является чтение вслух предложений, включающих данные слова. При этом особое внимание обращается на применение изучаемых слов;

5. Следующий этап предполагает чтение вслух всего текста, при этом, как и на уровне предыдущего шага, особое внимание обращается на применение изучаемых слов;

6. Далее следует пересказ прочитанного и здесь, так же, как и на предыдущих этапах, особое внимание обращается на применение изучаемой структуры;

7. При выполнении заданий творческо-аналитического характера (подготовка рефератов, презентации и т.п.) студенту при ознакомлении с исходным материалом, его подборе и систематизации необходимо пройти этапы, указанные в пунктах 1-6, а при выступлении перед аудиторией особое внимание обращать на изучаемых слов.

Говоря о роли изучаемой иностранной литературы в обучении соответствующему языку в аспекте упомянутых основных разделов языка, нельзя не упомянуть и **стилистику**, в частности в связи с существованием фонетических, грамматических и лексических выразительных средств и стилистических фигур. Этапы работы над ними аналогичны вышеприведённым этапам работы по фонетике, грамматике и лексике (в зависимости от того, к какому разделу принадлежит соответствующее выразительное средство или стилистическая фигура).

В результате вышеизложенного мы замечаем, что учебные предметы, относящиеся к лингвистическому и экстралингвистическому (литературному и лингвострановедческому) аспектам профессиональной подготовки филологов-специалистов в области иностранных языков, представляют собой единое целое. В силу этого литература иностранного языка в качестве учебного предмета способствует не только развитию мышления на данном языке благодаря изучению социокультурного аспекта жизни народов и стран изучаемого языка, но и восприятию материала по всем преподаваемым дисциплинам, связанным с изучаемым языком, как единого целого, играя таким образом интегрирующую роль.

Библиография:

1. Ilie L.-N. Teaching Literature to Foreign Students: Difficulties and Suggestions // Paths of Communication in Postmodernity. – Târgu-Mureș: Arhipelag XXI Press, 2020. – P.165-171. URL: <http://asociatia-alpha.ro/cci/06-2020/CCI-06-Lite-d.pdf#page=165> (vizitat la 20.01.2022).
2. Petriciuc L. Dezvoltarea competenței de comunicare în limba engleză prin intermediul textului literar. Rezumatul tezei de doctor în științe pedagogice. – Chișinău, 2021. – 34 p. URL: http://www.cnaa.md/files/theses/2021/56941/lilia_petriciuc_abstract.pdf (vizitat la 21.01.2022).
3. Riverol J.E. de. Literature in the Teaching of English as a Foreign Language // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. – 1991. – 4. – P.65-69. URL: https://www.researchgate.net/publication/39438841_Literature_in_the_teaching_of_English_as_a_foreign_language (visited on January 20, 2022).
4. Ruzbeh Babaei, Wan Roselezam Bt Wan Yahya. Significance of Literature in Foreign Language Teaching // International Education Studies. – 2014. – No. 4. Vol. 7. – P.80-85. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1069281.pdf> (visited on January 20, 2022).
5. Калафато Р. Художественная литература в обучении английскому языку в России // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. – 2018. – №2. – С. 91-116. URL: https://www.researchgate.net/publication/327217875_Hudozestvennaa_literatura_v_obuce_nii_anglijskomu_azyku_v_Rossii (дата обращения: 19.01.2022).
6. Ракишева Е.Е., Ивинских Н.П. Использование метафоры при обучении фонетике и грамматике // Современные методы и технологии преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. – С.346-350. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_1487775798/Sovremennye_metody_i_tekhnologii_prepodavaniya_inostrannykh_yazykov.pdf (дата обращения: 19.01.2022).
7. Тарасова В.В., Даминова Э.Р. Роль художественной литературы при обучении иностранным языкам // Казанский вестник молодых учёных. Традиции и инновации в методике преподавания иностранных языков. – 2018. – №5 (8). Том 2. – С.63-65. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1246208394/16.Tarasova_Daminova.pdf (дата обращения: 19.01.2022).

УДК 811.811'373

ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ФУТУРАЛЬНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Курмаева Ирина,

канд. филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет, г.
Казань, Россия
e-mail: irinakurmaevakfu@gmail.com
orcid id: 0000-0001-8498-5529

Бабенко Олеся,

канд. педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет, г.
Казань, Россия
e-mail: ladyboss@mail.ru
orcid id: 0000-0001-9712-818X

Abstract: In linguistic studies of grammar of the text, the description of the category of futurity is considered to be the most interesting one from the point of view of its characteristic features, since the understanding and perception of the semantics of the future by a person is especially relevant. The study views the category of futurity and its expression in the texts of fiction and publicist styles.

The research is conducted within the framework of a functional approach, which is based on the semantic principle of modeling and is focused on the study of linguistic phenomena in its actual use of the language. Such an approach considers the factors of formation of language systems consisting of multi-level elements. The perspective of the functional approach is also due to the possibilities of corpus research.

The results of the study can be used in the textbooks on the interpretation and stylistic analysis of the text, in specialized lecture courses on theoretical and functional grammar, stylistics of modern English, as well as in classes on the practice of English.

Key words: futurity, text, semantics, functional grammar, language

Как категория текста, функционально-семантическая категория футуральности воплощается в трех типах образа будущего: объективном, событийном и перцептуальном. Выделенные типы образов будущего являются проекцией когнитивного восприятия семантики будущего в англоязычном сознании [8, с. 30]. Они находят свое выражение в тексте и представляют лингвокультурную национальную особенность. Согласно объективному образу будущего, события в тексте существуют во времени и реальном пространстве как некие явления или материальные объекты, которые имеют собственное, или, другими словами, индивидуальное время [3, с. 154].

Одним из самых малоизученных, но, несмотря на это, очень подвижных и переменчивых категорий видовременной структуры глагола в английском языке можно назвать способы выражения будущего. Данное обстоятельство объясняется тем, что языковые инструменты, призванные выразить будущее время, формируются намного позже, чем способы передачи прошедшего или настоящего времени, а также будущее время оказывается семантически неоднозначным, и число его форм во много раз превышает число форм прошедшего или настоящего времени [4, с. 41]. Формалистское сопоставление грамматических форм вместо сравнения их значения способно создать видимость того, что согласно теоретико-терминологической модели видовременная структура английской грамматики и формы ее будущего времени кажутся систематизированными и симметричными [5, с. 82]. Но практика показывает, что данная искусственная упорядоченность не может объяснить механизмы изменений которые происходят в английском языке, к примеру, алгоритмы развития конкретных способов отражения концепции будущего.

Рассматриваемое несоответствие принятой в лингвистической науке терминологии, предполагаемых функций и отражаемой языковой семантики свойственно для любых форм будущего времени, и поэтому, появляется потребность в сравнении способов отражения концепции будущего не с видами прошедшего и настоящего времени, а между собой. Таким образом, возникает необходимость в определении методов дифференциации, согласно значению и грамматической модальности [7, с. 66].

Исследование осуществляется в рамках функционального подхода к описанию грамматических явлений, задачей которого являются описание потенциальных семантических функций языковых единиц, включая анализ и использование в типичных контекстах, которые чаще всего ассоциируются с семантической реализацией [2, с. 93].

Теория и методология функциональной грамматики были разработаны под руководством основателя лингвистической школы, российским лингвистом А.В. Бондарко. Г.А. Золотова внесла значительный вклад в развитие функциональной грамматики и коммуникативной грамматики. М.В. Всеволодова разработала различные аспекты функционального синтаксиса. Системные проблемы функциональной грамматики находятся в центре внимания С.В. Шустовой. В зарубежной лингвистике функциональное направление представлено работами С. Дика, М. Хэллдея, Роберта Д. Ван Валина, Уильяма А. Фоли.

Особенностью исследования, основанного на концепции функционально – семантического поля является то, что оно отражает семантическое единство функций языка.

Эти компоненты включают лингвистические категории и их значения, которые связаны с конкретными способами выражения [1, с. 37].

Важно отметить, что категория футуральности является важной составляющей текста. Она отражает определенную часть общетекстового смысла различными языковыми средствами. Для различных категорий, выделенных в функциональной грамматике, основным содержанием категории футуральности является выражение общности ее языковых семантических функций [6, с. 145]. Именно эта особенность определяет текстообразующий потенциал категории как особое явление.

Согласно изученным материалам реализация функционально-семантической категории будущего в повествовании романа и в новостном тексте отличается. Способ выражения будущего времени на английском языке может быть выражен функционально - семантическими микрополями: первый - это микрополе будущего времени относительно настоящего. Во-вторых, микрополе будущего времени относительно прошлого. Ядро микрополя будущего состоит из тех же языковых единиц, которые составляют функционально-семантическое поле будущего. Периферия включает языковые единицы, для которых функция будущего является вторичной. Значение каждой единицы микрополя с постоянными характеристиками представляет будущее время. Группа компонентов функционально-семантического поля выражается широко и разнообразно с помощью следующих видовременных форм и конструкций: Future Indefinite, Future Continuous, Future Perfect, Present Indefinite, Present Continuous и лексическими оборотами to be going to + инфинитив, to be to + инфинитив, to be about + инфинитив.

Основываясь на материале исследования, который составил 400 страниц современной английской прозы и новостных материалов, мы можем сделать вывод, что чаще всего будущее время выражается инфинитивом. В тексте новостей это число составляет 14% от общего количества языковых единиц, выражающих будущее время и 11% в романе. На периферии этого поля находятся следующие видовременные формы: Future Indefinite, Future Continuous, Future Perfect, Present Indefinite и Present Continuous. Микрополе будущего и в новостном тексте и в романе имеет стабильный состав, состоящий из ядра и периферии. Различия, которые мы обнаружили в микрополях будущего в двух видах текстов, связаны с количественным отношением языковых единиц, выражающих будущее время. Область литературного текста в этом смысле очень близка к области журналистского текста.

Образ будущего - воплощение авторского мировоззрения и идеологии, то есть целое существует в рамках самого текста. Читатель в процессе прочтения осваивает образ и неизбежно погружается в мир автора. В этом смысле образ будущего, лежащий в основе культуры, представляет собой богатое культурное наследие народа, исполняющее функцию конкретизации и определения временной картины мира. Совместно с модальными формами идея будущего времени помогает воплотить личную позицию автора по отношению к высказыванию, а также сформировать у аудитории оценку передаваемого сообщения.

Библиография:

1. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация и идеи времени / С. -Петербург. Гос. Ун-т. СПб. : Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 1999. 257 с.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 3-е, М.: Эдиториал УРСС, 2009.
3. Исаков А.Н., Старикова Е.В. Время и истина: два пути к пониманию человека // Вестник СПб. Серия 6, Философия, политология, психология и права. - 2007. - №1. - С. 90-96.
4. Лайонз Джон. Лингвистическая семантика. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 397 с.
5. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высшая школа, 1989. - 158 с.

6. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. - М.: Наука, 1981. - 205 с.
7. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. - М.: Прогресс, 1990. - 274 с.
8. Сравнительная грамматика германских языков: в 5-ти т. / глав. ред. М.М. Гухман (и др.). - М.: Наука, 1966. - Т. 4 Морфология. - 496 с.

Источники:

1. Gardam, J. Groundlings / Contemporary British stories. Perspective publications Ltd. 1994.
2. Barnes, J. The Stowaway / Contemporary British stories. Perspective publications Ltd. 1994.

Ресурсы Интернет:

3. <https://www.theguardian.com/international>
4. <https://www.dailymail.co.uk/>

УДК 630*722004.981'322.4

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ПЕРЕВОДА КАК СЛОЖНЫЕ ГИБРИДЫ

Макаревич Татьяна,

магистр управления, магистр филологических наук БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: t_makarevich@mail.ru

orcid id: 0000-0002-3720-2373

Annotation. The paper examines digital translation and interpreting platforms as complex hybrid systems characterizing the state of affairs in translation industry of today. The author has constructed the model of digital translation and interpreting platform and demonstrates it in the given paper, providing digital platform definitions as well as giving her own one. Culture studies consider professional relationship between employers and translators, interpreters, freelancers in the framework of translation and interpreting e-business in the context of today's gig-economy.

Key words: digital translation and interpreting platform, translation industry, translation and interpreting e-business, gig-economy, culture studies.

Сложность развития современного цифрового общества сопряжена с появлением «глобальных гибридов» [1, с. 17], сочетающих в своем функционале как свойства организации, так и дезорганизации, подобно тому как «хаос и порядок всегда взаимосвязаны в любой такой [сложной] системе» [1, с. 14]. В соответствии с характеристиками системы по Дж. Урри [1, с. 14] мы рассматриваем цифровые платформы перевода как взаимозависимые, самоорганизующиеся системы с эмерджентными свойствами.

В нашем исследовании есть взаимодействие со следующими сложными гибридными системами: цифровое облако, большие данные, информационные системы, глобальные СМИ, интернет-пространство и некоторыми другими.

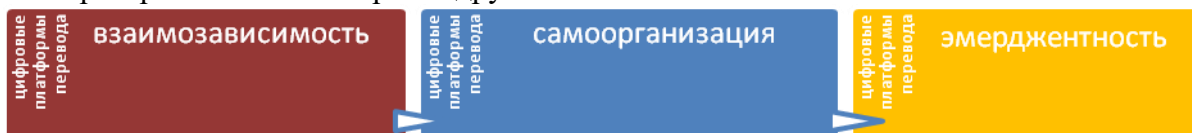

Рисунок 1. – Свойства цифровых платформ перевода как глобальных гибридных систем.

Вопрос о пределах сложности системы поднимается часто: чем сложнее система, тем многочисленнее флуктуации, угрожающие нормальному функционированию системы. В данном случае речь идет о неравновесных процессах, где следует обратить внимание на: 1)

концентрации в начальный момент времени; 2) на граничные условия в случае явлений диффузии, которые можно вычислить в последующие моменты времени.

При функционировании систем, важно учитывать роль флуктуаций, их характерные особенности при воздействии на систему. Флуктуация в процессе соевой эволюции при достижении точки бифуркации «вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы» [3, с. 236]. Цифровая платформа – это «система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающая возможность их бесшовного взаимодействия» [4].

Приведем наше авторское определение цифровой платформы перевода, где цифровая платформа перевода – это алгоритмизированный обмен исходным текстом для перевода с одного естественного языка (ЕЯ) на другой и получение конечного переводческого продукта заказчиком перевода с применением необходимых технологий перевода и МП с проведением снижения транзакционных издержек за счет цифры. Среди наиболее важных компонентов платформы электронного бизнеса называют следующие:

- электронная система на основе программно-технологических комплексов;
- система обработки услуг и платежей;
- связь со встроенными словарями и приложениями.

Практическое внедрение цифровой платформы перевода показывает, что её создание и функционирование в сети интернет сегодня имеет неоспоримое преимущество перед другими компаниями переводческой отрасли. Положительного эффекта от электронного бизнеса в сфере УП можно ожидать лишь при тщательно продуманном внедрении и должном применении. В связи с этим отметим, что одной из основных составляющих электронного бизнеса в сфере УП являются конкретно разработанные учебные комплексы с точной, полной информационной составляющей. В противном случае, не удастся превратить знания переводческой отрасли в «экономические ценности».

Компьютерное управление цифровой платформой перевода и автоматизация электронного бизнеса в сфере УП условно разделены на два больших процесса:

- 1) автоматизация обработки информации трех уровней перевода;
- 2) цифровое управление оборудованием в сфере УП и технологиями МП.

Производственной базой для практической реализации цифровой платформы перевода является:

- 1) на локальном уровне – *информационное пространство переводческой компании* / бюро переводов с решением комплекса задач в области стратегического, тактического и оперативного планирования, учёта и отчетности компании, вопросов управления;
- 2) на глобальном уровне – *единое всемирное пространство интернета*;

В связи с этим чрезвычайно важное значение имеет, как ИТ-проект, внедрение системы планирования ресурсов предприятия – ERP.

Существующий сегодня на современном рынке перевода разнообразный набор переводческих технологий является сравнительно универсальным инструментарием для перевода разных культур с одного языкового кода на другой с использованием интегрированных систем, в которых, как минимум один переводческий инструмент, может комбинироваться с другим.

Под таким универсальным инструментарием мы имеем в виду экспериментальные и коммерческие системы МП, системы памяти переводов, параллельные корпуса текстов и т.п. При этом следует учитывать, что у лидеров рынка переводов, а сейчас – это, преимущественно, страны англо-саксонского мира (США, Великобритания и некоторые другие) разрабатывают экспериментальные системы МП, как правило, в университетах, в то время как коммерческие переводческие инструменты производятся коммерческими

компаниями и информацию о таких коммерчески распространяемых инструментах получить гораздо сложнее.

Не смотря на богатый опыт развития отечественной школы МП – первый эксперимент по МП в СССР был в 1955 г. в Институте прикладной математики АН СССР под руководством О. С. Кулагиной и И. А. Мельчука [5, с. 168], к сожалению, за последние тридцать лет при наличии высококвалифицированных специалистов, на пространстве ЕАЭС ничего не получилось создать в плане создания переводческих технологий (ПТ), чтобы мы могли предложить международному переводческому сообществу и в дальнейшем их масштабировать. Вынуждены констатировать, что немногочисленные, созданные на территории ЕАЭС ПТ, функционируют локально, часто, в пределах одной компании.

Встает вопрос о разработке своих систем МП и инструментов и выход на международные рынки перевода. Все вышесказанное подводит к обозначению как минимум трех проблемных ситуаций:

1) справятся ли современные онлайн технологии перевода с адекватной передачей на другой языковой кода разнообразия культур без явных потерь как, например, межъязыковой асимметрии;

2) актуальность разработки собственных систем МП, технологий перевода и инструментов, и их выход на международные рынки перевода для обеспечения цифровой безопасности и автономности;

3) создание универсальной экосистемы цифровой платформы перевода с учетом качества исходных текстов для различных групп пользователей и типов текстов с целью предложения мировому сообществу новой универсальной модели.

Для краткой характеристики развития МП в индустрии перевода впервые, в 1992 г., была представлена разработанная Дж. Хатчинсом и Г. Сомерсом [6] схема четырех основных видов перевода:

- 1) полностью автоматизированная система МП;
- 2) МП с участием переводчика-переводчика;
- 3) традиционный перевод с использованием компьютера;
- 4) традиционный перевод.

Здесь наблюдаются тенденции комбинирования различных переводческих инструментов, инклюзивности, повышения уровня аналитики при получении новой информации при переводе с других языков.

Создание экосистемы цифровой платформы перевода, объединяющей применяемые технологии в одно целое инфраструктуры для осуществления УП, является сегодня одним из необходимых факторов развития мирового рынка переводов. С этой целью одна из задач нашего исследования – это разработка концепции и практических рекомендаций по созданию универсальной цифровой платформы УП с выделенными в предлагаемой нами модели тремя сферами перевода. Для создания трехуровневой платформы перевода мы обозначили три значимые сферы перевода по охвату аудитории (заказчиков) и типам текстов оригинала перевода:

1) *массовый перевод*, охватывающий основной неспециальный состав потребителей (75%);

2) *специализированный перевод*, с выделением *технического перевода*, предназначенный для конкретных предметных областей (20%);

3) *суперперевод*, касающийся узкого сегмента новой экономики, новых знаний и политических переговоров (5%) [7, с. 87].

Предложенная модель учитывает такой важный аспект любой отрасли как занятость специалистов индустрии перевода. Данный аспект мы рассматриваем в контексте гиг-экономики – нового вида экономики как экономики свободного заработка, возникновение которой в 1998 г. профессор Томас Малоун в своей статье «Рассвет экономики е-ланса» в

“HarvardBusinessReview” описал следующим образом: «электронные сети могут привести к возникновению нового вида экономики, в центре которой будет частное лицо». Через год запустили фриланс-платформу Elance, которая известна сегодня как Upwork.

Возникновение гиг-экономики серьезным образом повлияло на культуру взаимоотношений между работником и работодателем и, в целом, трудоустройства и найма на государственном уровне и уровне компаний, в частности, переводческих в глобальных масштабах. Примерами могут служить запуск компании Uber в 2010 г. в Сан-Франциско, которая сообщила о найме 20 тыс. водителей каждый месяц, а также одна из первых разработок в 2005 г. компанией Amazon краудсорсинговой платформы MechanicalTurk, при помощи которой сторонние компании смогли находить фрилансеров для выполнения небольших задач. Примером отношения к гиг-экономике на государственном уровне в США, где она и возникла как новый вид, может послужить выпуск в 2016 г. директивы Администрации президента США Б. Обамы о примерном уравнивании в правах работников и временно нанятых лиц, которую в 2018 г. отменила Администрация президента США Д. Трампа.

Как уже обозначено выше, гиг-экономика изменила культуру взаимоотношений работника и работодателя прежде всего появлением негласных факторов, о которых нанимаемому часто не сообщается, и таких факторов немало. Эти факторы имеют как глобальное распространение, так и применение в конкретной стране, которые приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Преимущества гиг-экономики для работодателя и работников.

№ п/п	Преимущества гиг-экономики для работодателя	№ п/п	Преимущества гиг-экономики для работников
1.	выгодно нанять фрилансера, поскольку его заработная плата на 20 -30 % ниже, чем постоянного работника;	1.	свободный график работника;
2.	не нужно выплачивать минимальную заработную плату;	2.	завести полезные знакомства;
3.	не нужно предоставлять медицинскую страховку, что в США является обязательным для крупных компаний;	3.	выполнение проектной работы параллельно с основной занятостью;
4.	не должен выплачивать страховку от несчастного случая или на случай потери трудоспособности (США и некоторые другие страны мира);	4.	иногда возможность поработать над масштабными проектами;
5.	не обязан платить сверхурочные (США и некоторые другие страны мира);	5.	выгодные условия работы
6.	не платит налог на работу фрилансеров.	6.	возможность выбора условий работы

В итоге, работа на цифровых переводческих платформах также затрагивает вопрос о культуре взаимоотношений работника и работодателя в гиг-экономике и, в частности, в переводческих компаниях. Одним из первых встает вопрос о поддержке работников гиг-экономики. Возможным решением может стать создание привязанной к работодателю системы «мобильных привилегий», но этот вопрос еще следует внести в повестку обсуждения на уровне правительства. Подобные вопросы регулирования процессов в гиг-экономике на пространстве ЕАЭС пока не находятся в поле зрения деловых, исполнительных и законодательных кругов власти.

Библиография:

1. Кравченко, С. А. Социология цифровизации : учебник для вузов / Кравченко С. А. – Москва, Издательство Юрайт, 2021. – 236 с.

2. Urry, J. Global Complexity / J. Urry. – Cambridge, Polity Press, 2003. – 375p.
3. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой = Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature / Перс. англ. Ю. А. Данилова / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. – Москва, Прогресс, 1986. – 432 с.
4. Терминология ГОСТ 28441-99: Картография цифровая. Термины и определения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstandart.msk.ru/gost/001.001.040.035/gost-28441-99/>. – Дата доступа: 16.01.2022.
5. Баранов, А. Н. Машинный перевод: элементы хронологии // Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – 2-е изд., испр. – Москва, Едиториал УРСС, 2003, 358 с.
6. Хатчинс, Дж., Сомерс, Г. Введение в машинный перевод / Дж. Хатчинс, Г. Сомерс. – Москва, Академическая пресса. – 377 с.
7. Макаревич, Т. И. Экономика и управление на рынке перевода: международный аспект [Электронный сборник] // Вестник университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление : электрон. науч. ж-л / Т. И. Макаревич, И. И. Макаревич // – Москва, 2020. – С. 85 – 93.

УДК 372.881.1

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ПРИ ПОМОЩИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Матвеев Михаил,

кандидат фил. Наук, ст. преподаватель

МГИМО, г. Москва, РФ

e-mail: mike-matveev@mail.ru

orcid id: 0000-0003-3629-1332

Покатилов Валерий,

ст. преподаватель

МГЛУ, г. Москва, РФ

e-mail: valera_pokatilov@inbox.ru

Abstract: The COVID-19 pandemic has greatly affected the education system in general and impacted nearly 1.6 billion learners in more than 190 countries all over the world, that is 94 per cent of the world's student population. However, the pandemic has stimulated massive changes and innovations in different spheres, especially in education and conference interpreting. Distance learning and conference solutions have been given a great boost and the whole attitude to these technologies has changed greatly. This means that this situation should have lasting effects on these spheres even when the pandemic ends.

Keywords: e-learning, conference interpreting, note-taking, memory

Пандемия вируса COVID-19 сильно повлияла на систему образования в целом. По данным ООН, она оказала влияние на почти 1,6 миллиарда учащихся в более чем 190 странах мира, что составляет 94 процента студентов во всем мире. Однако в этой ситуации есть и положительный момент: пандемия стимулировала массовые изменения и инновации в различных сферах, особенно в сфере образования и перевода. Технологии, используемые для дистанционного обучения и проведения онлайн-мероприятий, стали активно развиваться, а также поменялось отношение к этим технологиям. Таким образом, эта ситуация должна сильно изменить сферу образования, причем эти изменения будут заметны даже после окончания пандемии.

В данной статье речь пойдет об использовании технологий дистанционного обучения для обучения устному переводу. Поскольку преподавание устного перевода – довольно широкая тема, в данной статье будет рассматриваться один ее аспект – обучение студентов переводческой скорописи. В силу введения ограничений на очное обучение, преподавателям

устного перевода приходится учить студентов, используя различное ПО, предназначенное для проведения занятий онлайн. В данном ПО реализован большой потенциал:

1. показ экрана учащихся и преподавателя;
2. сопровождение лекций и семинаров презентациями;
3. использование веб-камеры для общения и показа результатов работы;
4. использование сканера и пересылка отсканированных изображений, содержащих выполненные студентами задания.

Необходимо отметить, зачем же нужна переводческая скоропись. Человеческая память имеет ограничения. По данным исследователей, объем человеческой памяти составляет от 5 до 9 единиц [9]. Важно уточнить, что Миллер ведет речь лишь о кратковременной памяти, поскольку существует несколько ее видов. В силу того, что человеческая память ограничена, невозможно перевести все сообщение (которое может длиться несколько минут или даже до 20 минут), не делая пометок, используя переводческую скоропись.

Что представляет из себя переводческая скоропись?

Переводческая скоропись является неотъемлемой частью последовательного устного перевода. Переводческая скоропись предполагает схематичную запись речи, которую слышит переводчик. Оригинальная речь включает в себя ряд идей, выраженных в определенном порядке, и имеет определенную логику, которую переводчик анализирует и делает пометки, создавая визуальное представление оригинальной речи, которые затем использует для перевода ее на другой язык, донося ее смысл до находящейся перед ним аудитории. Таким образом, переводческая скоропись представляет собой запись речи оратора при помощи специальных символов и методов, о которых мы поговорим далее, а затем их расшифровка в процессе перевода.

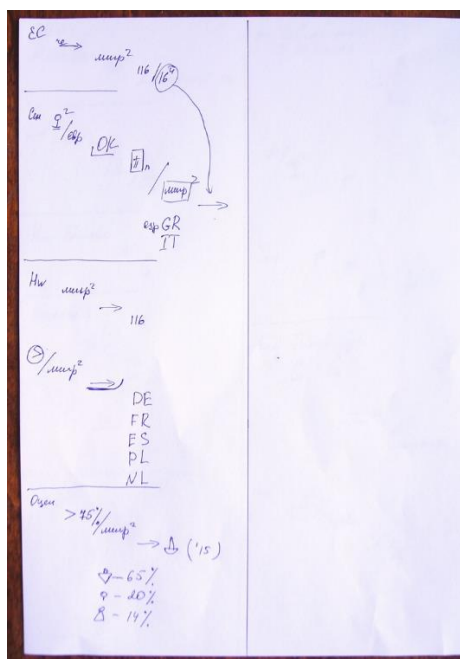

Рис.1.

В силу исторических причин, данная система основана на принципах, используемых в индоевропейских языках. Например, скоропись читается слева направо и сверху вниз. Данная система записи была создана не одним переводчиком или теоретиком перевода, а является продуктом коллективных усилий нескольких поколений специалистов.

Ввиду того, что переводческая скоропись обычно выполняется в бумажном блокноте, учащимся придется демонстрировать результаты своей работы при помощи сканера или веб-камеры, что накладывает на проведение дистанционных занятий по последовательному переводу некоторые технические ограничения.

Далее поговорим о некоторых приемах, используемых при ведении записей в ходе последовательного перевода:

- Использование вертикально-диагональной системы записи («лесенки»). Переводчик пишет текст не в одну строку, а «лесенкой». Данный вариант записи упрощает прочтение и восприятие пометок.
- Использование специальных символов и знаков (математических, химических, физических и т.д.) для более емкого отображения информации.
- Использование геометрических фигур. Напр., квадрат может использоваться для обозначения страны, а треугольник для обозначения соглашения, где на его углах будут подписаны стороны соглашения.
- Подчеркивание, перечеркивание и т.п. Подчеркивание обозначает усиление, а перечеркивание – отрицание.
- Использование сокращений и аббревиатур (как общепринятых, так и ситуативных, придуманных переводчиком по ходу работы).

Необходимо отметить, что весь арсенал переводческой скорописи указанными приемами не ограничивается, однако в данной статье были приведены лишь общие принципы.

Таким образом, в заключение можно сказать, что мир сильно изменился в ходе пандемии коронавируса, однако система образования не стоит на месте и меняется вместе с ним. Это касается и обучения переводу. Авторы считают, что, сейчас наступил переломный момент, и в дальнейшем, в ответ на современные вызовы будет разработана новая система переводческой скорописи, более подходящая под условия дистанционной работы, поскольку, как указывалось выше, текущая система разработана без учета текущих вызовов и технических возможностей.

Библиография:

1. Бурлай С.А. Переводческая запись: учебное пособие (для студентов IV курса переводческого факультета). Москва: Р-Валент, 2001.
2. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. Москва: Рема, 1997.
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Записи в последовательном переводе. Москва: ПроспектАП, 1969.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. Москва: Московский лицей, 1996.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? Москва: Готика, 1999.
6. Чужакин А.П., Спирина С.Г. Основы последовательного перевода и переводческой скорописи. Москва: Экспримо, 2007.
7. Gillies A. Note-taking for consecutive interpreting – a short course. Manchester: St. Jerome Publishing, 2005.
8. Hoof H. van. Theorie et pratique de l'interpretation. Munich, 1962.
9. Miller G.A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. Psychological Review. 1956(63):81–97.
10. Policy Brief: Education during COVID-19 and beyond – 2020. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/08/sg_policy_brief_covid-19_and_education_august_2020.pdf/

УДК 811.112.2'373.47–25

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Меньшикова Елена,

заместитель директора Украинско-немецкого института

НУ «Одесская политехника», г. Одесса, Украина

e-mail: e.menshykova@gmail.com

orcid id: 0000-0002-4956-6676

Abstract. The article explores emotions and their verbalization based on cinematography, namely a cinema dialogue of telenovela as a promising standardized linguistic corpus of text. Basing on the presented material (German and Ukrainian telenovelas (12000 sentences, about 80000 words)), we analyzed the role of expressive syntax with a focus on the length of syntactic units and the problem of elliptical and incomplete sentences.

The article looks at the problems of correlation of positive and negative emotions and their intensity with different syntactical structures in German and Ukrainian language.

Keywords: expressive syntax, positive/negative emotions, cinematography, length of syntactic units, elliptical sentences, incomplete sentences, intensity.

Теленовелла и современный телесериал признаны популярным продуктом современной массовой культуры. Популярность можно объяснить простотой вербальной формы, наличием актуальных жизненных сценариев и демонстрацией повседневных эмоциональных переживаний. В то же время, телесериалы оказываются перспективным массивом для лингвистических исследований. Андреас Остеррот рассматривает телесериалы как индикатор того, можно ли считать ту или иную лексику составляющей повседневной речи [10, с. 7]. Мы же предлагаем некоторые обобщения касательно синтаксической организации эмоциональных высказываний в современных теленовеллах, которые можно интерполировать на уровень межкультурной коммуникации и прагматики.

Обзор научной литературы свидетельствует, что исследования экспрессивного синтаксиса или синтаксиса эмфатической разговорной речи относятся к приоритетным лингвистическим направлениям [1-6; 8;9; 11].

Разговорный диалог по природе эмотивен. Категория эмотивности реализуется на всех языковых и внеязыковых уровнях. Хотя в первую очередь говорящий обращает внимание на наличие лексико-семантического уровня (через прямые эмотивные номинации), мимические и кинесические проявления, экспрессивный синтаксис играет не менее важную роль в реализации эмоций и эмоциональной прагматике. Даже в тех случаях, когда типичное усечение структур в разговорной речи способствует речевой экономии, синтаксическая неоконченность ассоциируется с экспрессивностью. Есть даже точка зрения, что экспрессивный синтаксис представляет собой инструмент манипуляции [7, с. 19 – 23; 12, с. 242 – 243]. Удачный синтаксис подсознательно влияет на эмоциональное состояние человека и помогает добиться прагматичного умысла [7, с. 28]. Эмотивность на синтаксическом уровне проявляется из-за любых нарушений каноничности грамматической структуры. В статье была проанализирована роль размера синтаксических единиц и проблема отклонения предложения от двусоставной структуры.

Цель исследования состоит в изучении и сравнении механизмов реализации эмотивного потенциала реплик кинодиалога немецких и украинских теленовелл на синтаксическом уровне.

Размер синтаксических единиц, критерий поверхностно-синтаксического уровня анализа – это первое, на что обращает внимание реципиент. Этот, на первый взгляд сугубо внешний признак, имеет значительно более глубокий смысл, отражающий историческую изменчивость и функционально-стилистическую вариативность синтаксических единиц: словосочетания, предложения, сложного синтаксического целого [2, с. 29]. Размер синтаксических единиц варьируется в зависимости от этнической принадлежности говорящего, типа дискурса, эмоционального состояния и факторов прагматики. В реестре разговорной речи, согласно лингвистическим исследованиям, среднестатистический объем предложения варьируется, но всегда меньше объема нормативного художественного, публицистического или научного текста [2, с. 42 – 44; 9, с. 28 – 35].

По результатам анализа размера синтаксических единиц на нашем материале было установлено, что средняя длина немецкого эмоционального высказывания в немецких теленовеллах составляет 6,26 слов, средняя длина украинского – 4,87 слов (см. табл. 1). В обоих изучаемых языках длительность предложения, содержащего негативные эмоции оказалась несколько выше: 6,57; 6,11 в немецком языке; 5,1; 4,66 в украинском. Более высокие показатели продолжительности предложения в немецком языке можно объяснить разными индексами аналитичности немецкого и украинского языков.

Таблица 1. Средняя длина предложения в немецких и украинских теленовеллах

	Количество слов					
	На материале немецких теленовелл			На материале украинских теленовелл		
	все реплики	реплики с негативными эмоциями	реплики с позитивными эмоциями	все реплики	реплики с негативными эмоциями	реплики с позитивными эмоциями
Всего слов	37550	19250	15466	29178	15387	9712
Средняя длина предл.	6,26	6,57	6,11	4,87	5,10	4,66

В последствии мы попытались установить закономерность зависимости длины предложения от интенсивности эмоции. На материале негативных эмоций (НЭ) такую закономерность можно проследить более четко: **чем интенсивнее эмоция, тем короче средняя длина предложения** (см. табл. 2). В реализации НЭ высокого уровня интенсивности преобладают кратчайшие предложения и единичные ССК со скоплением лексических эмотивных средств. Например, НЭ недовольство, раздражение и возмущение – три эмоции группы неприятия, где недовольство – эмоция низкого уровня интенсивности (средняя длина предложения 7/5,3 слов), раздражение – эмоция среднего уровня интенсивности (средняя длина предложения 6/5,2 слов), возмущение – высокого (средняя длина предложения 5,5/4,5 слов).

Таблица 2. Размер синтаксических единиц в зависимости от интенсивности эмоций (на материале НЭ)

Наименование эмоции	Уровень интенсивности	Средняя длина предложения в нем. ТН	Средняя длина предложения в укр. ТН
Недовольство	низкий	7	5,3
Раздражение	средний	6	5,2
Возмущение	высокий	5,5	4,5
Тривога	низкий	5,9	4
Страх	высокий	5,6	3,8

Злость	средний	7,2	4,9
Гнев	высокий	6,2	5,8
Печаль	низкий	6,8	5
Отчаяние	высокий	6	5,1
Горе	высокий	5,7	4,2

В таблице приведены примеры сходных по содержанию НЭ, градуированных по степеням интенсивности. За исключением средней длины эмоций злость и печаль на украиноязычном материале, все примеры подтверждают нашу гипотезу. Результаты анализа других отрицательных состояний также были учтены.

На материале позитивных эмоций (ПЭ) аналогичные выводы сделать нереально. В большинстве случаев можно проследить даже противоположную тенденцию: персонаж, максимально вовлеченный в положительные переживания, говорит больше, чем уравновешенный оппонент (см. табл. 3).

Таблица 3. Размер синтаксических единиц в зависимости от интенсивности эмоций (на материале ПЭ)

Наименование эмоции	Уровень интенсивности	Средняя длина предложения в нем. ТН	Средняя длина предложения в укр. ТН
радость	низкий	4,9	4,1
веселье	средний	6,3	4,4
счастье	высокий	5,1	4,5
нежность	низкий	5,4	4
заинтересованность	средний	7,1	5,8
азарт	высокий	5,6	4,7
удовольствие	низкий	6,9	5,1
восхищение	высокий	6,8	4,4

Как видно из таблицы, за исключением пары удовольствия-восхищения, положительные эмоциональные высказывания подчиняются следующей закономерности: **чем интенсивнее эмоция, тем выше средняя длина предложения.**

Проблема отклонения предложения от двусоставной структуры. Эллиптические и неполные предложения

На протяжении многих десятилетий остается актуальным утверждение, что наиболее распространенной структурой предложения является двусоставная структура, состоящая из подлежащего и сказуемого. Вместе с тем, в разговорной и эмоциональной речи предложение часто отклоняется от двусоставности. Разговорная речь характеризуется зыбкостью границ предложения, их смещением, перераспределением логико-синтаксических отношений с уровня отношений между членами одного предложения на уровень отношений между разными предложениями. Типично для разговорного предложения является его расчлененность и, следовательно, повышение удельного веса коротких структур, отклонение от двусоставности [1, с. 17].

По нашим статистическим данным, в предложениях теленовелл также можно проследить тенденцию к краткости. Простые предложения в обоих языках доминируют над сложными в примерно равном объеме 80:20. В сложных предложениях также имеется нарушение ординарной синтаксической структуры. Во многих случаях сложные предложения эллиптические или содержащие в структуре недвусоставные синтаксические единицы. По типу синтаксической неиконичности предложения часто похожи на парцеллированные.

Недвусоставные предложения в украинском языке доминируют, а в немецком языке занимают значительное место среди простых предложений независимо от эмотивного знака. Удельный вес недвусоставных предложений на материале немецкого языка составил 39%, на материале украинского 67% (см. рис. (1), (2)).

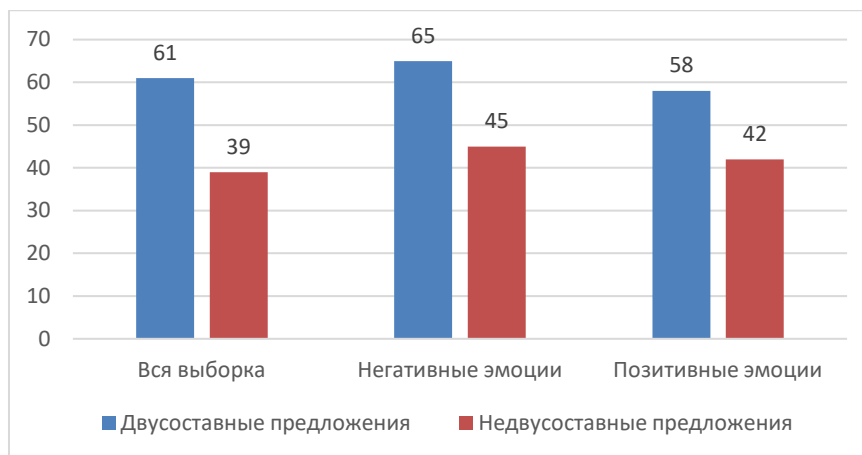

Рисунок 1. Соотношение двусоставных и недвусоставных предложений в эмотивно-оценочных репликах немецких теленовелл в %

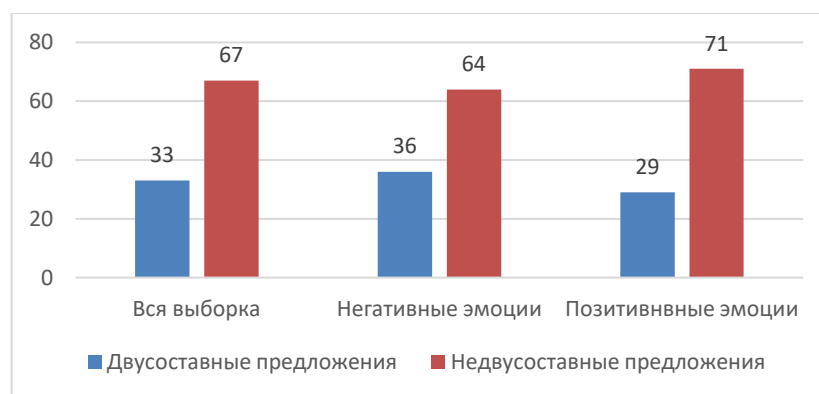

Рисунок 2. Соотношение двусоставных и недвусоставных предложений в эмотивно-оценочных репликах украинских теленовелл в %

Недвусоставные предложения были в свою очередь классифицированы в зависимости от редукции главных членов предложения. На нашем материале были зафиксированы следующие модели:

- 1) Редукция обоих главных членов предложения;
- 2) Редукция сказуемого;
- 3) Редукция подлежащего;
- 4) Редукция подлежащего и глагольной части составного сказуемого;
- 5) Редукция глагольной части сказуемого.

В немецких теленовеллах наиболее продуктивной моделью оказалась структура с опущением обоих главных членов предложения (73%), на втором месте – модель с наличием одного сказуемого. Остальные варианты оказались не частотными. На материале украинского языка видим несколько иную картину. Частотность элиминированного подлежащего и сказуемого одновременно почти вдвое меньше, чем в немецком языке и равна 37%. Самая частотная структура – недвусоставное предложение с элиминированным подлежащим (40%).

При анализе недвусоставных предложений следует обратить внимание на существенное отличие недвусоставных эллиптических и неполных предложений. Недостающая часть эллиптического предложения всегда легко воспроизводится контекстом, невербальными

факторами или ситуацией. Неполное предложение демонстрирует незапланированное прерывание синтаксической структуры, чаще всего из-за растерянности собеседников, даже при наличии контекста герои не могут понять, что хочет сказать собеседник. Предложение может быть неполным даже при наличии обоих главных членов предложения.

Выводы: в результате исследования установлен средний размер эмоционального высказывания в немецких и украинских теленовеллах. Среднее украинское эмотивное предложение оказалось короче немецкого, что можно объяснить разными индексами аналитичности немецкого и украинского языков. При сравнении длины предложений с ПЭ и НЭ были получены более высокие показатели для предложений с отрицательными эмоциями в обоих изучаемых языках. Кроме того, была установлена закономерность зависимости длины предложения от интенсивности эмоции. Для предложений с НЭ: чем интенсивнее эмоция, тем короче средняя длина предложения. Для предложений с ПЭ: чем интенсивнее эмоция, тем выше средняя длина предложения. Высказывания для обозначения интенсивных эмоций по структуре обычно бывают двух типов – очень короткие или перегруженные безудержным потоком слов. Разговорная эмоциональная речь характеризуется шаткостью границ и тенденцией к краткости. В обоих языках преобладают простые предложения. Но в немецком языке, несмотря на большой объем двусоставных предложений, все же доминирует двусложная каноническая структура. В украинском языке доминируют двусоставные предложения независимо от эмотивного знака. Кроме того, на материале обоих языков можно проследить разные тенденции к эллиптизации членов предложения. Во всех теленовеллах кроме эллиптических есть большое количество неполных предложений.

Библиография:

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 254 с.
2. Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004. 240 с.
3. Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19, 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2009. 188 с.
4. Чабаненко В. А. Стилїстика експресивних засобів української мови. Запоріжжя: ЗДУ, 2002. 352 с.
5. Шипова И. А. Эмоциональный синтаксис в немецкоязычном художественном дискурсе: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. М., 2005. 230 с.
6. Fiehler R. Syntaktische Phänomene in der gesprochenen Sprache. *Handbuch „Satz, Äußerung, Schema“*. Berlin/Boston: de Gruyter, 2015. S. 370-395.
7. Fiehler R. Angewandte Diskursforschung. Neuauflage Radolfzell: Verlag für Gesprächsforschung, 2002. B. 2. S. 18-35 URL: <https://manualzz.com/doc/4701453/angewandte-diskursforschungverlag-f%C3%BCr-gespr%C3%A4chsforschung>
8. Günthner S. Praktiken erhöhter Dialogizität: onymische Anredeformen als Gesten personifizierter Zuwendung. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2016. 44 (3). S. 406-436. URL: <https://ru.calameo.com/books/0011382178f5d828aec2f>
9. Kelih E, Grzybek P. Häufigkeiten von Satzlängen: Zum Faktor der Intervallgröße als Einflussvariable (am Beispiel slowenischer Texte). *Glottometrics* 8. 2004. S. 23-41 URL: https://homepage.univie.ac.at/emmerich.kelih/wp-content/uploads/p2004_ek_pg_sentence-interval_glott08.pdf
10. Osterroth A. Der Einfluss der synchronfassungen massenmedialer Produkte auf den Sprachwandel am Beispiel des Lexems Nerd. *Sprachreport*, 31 (2015), 3. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/83653824.pdf>

11. Schreiber M. Textgrammatik – gesprochene Sprache – Sprachvergleich: Pronomen im gesprochenen Französischen und Deutschen. Frankfurt am Main: Lang, 1999. 537 s.
12. Texttyp, Sprechergruppe, Kommunikationsbereich: Studien zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Heinrich Löffler (Editor), Karlheinz Jakob (Editor), Bernhard Kelle (Editor). Berlin: De Gruyter. Reprint, 2012. 556 s.

УДК 377.5.016:811'243

ИННОВАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОЛЛЕДЖЕ

Минько Елена,

преп. ин. яз. ГОУ ВПО «Бендерский высший художественный колледж

им. В.И. Постойкина», г. Бендеры, РМ

e-mail: allakasika@gmail.ru

orcid id: 0000-0003-1537-1827

Abstract The article considers a professional approach to teaching a foreign language, immersing students in the cultural space of the country of the language being studied, increasing the overall cultural level of the student.

Keywords: Professionally-oriented teaching of foreign languages, innovative tools, special vocabulary.

Перед преподавателем иностранного языка в неязыковом вузе стоит нелегкая задача: выполнять социальный заказ общества – подготовить за короткий период обучения в колледже специалиста, достаточно владеющего иностранным языком. Достичь поставленной задачи – научить студента в течение ограниченного учебными рамками периода говорить, понимать, извлекать информацию бытового и профессионального характера из оригинальных источников – можно, сочетая традиционные и инновационные средства обучения, опираясь на принципы коммуникативного общения.

Основным фактором успешного обучения является мотивация, то есть положительное отношение студентов к иностранному языку как учебной дисциплине и владение знаниями в этой области. Необходимо не только заинтересовать студентов иностранным языком, но и преподнести им его изучение как профессионально значимый предмет. При решении этой задачи в ГОУ ВПО «Бендерский высший художественный колледж им. В.И. Постойкина» важную роль играет интеграция со специальными дисциплинами, такими как: «Рисунок», «Живопись».

На сегодняшний день преподаватель – это не только источник знаний, сопровождающий и направляющий студентов в мир информации, как это было раньше. В системе образования все чаще используются компьютерные технологии, посредством которых осуществляется внедрение образовательных программ на основе электронного обучения и дистанционных технологий, как в учебную, так и во внеаудиторную (самостоятельную) деятельность. Для получения информации для обучающихся сегодня нет никаких преград. Но, к сожалению, ни один современный компьютер не сможет научить ребёнка самостоятельно мыслить: сравнивать, анализировать, делать выводы. Эта роль, как и прежде, отводится учителю.[1,с.150-160]. Современный преподаватель участвует в интеллектуальном и нравственном формировании личности учащегося, помогая ему стать хорошим специалистом в будущем. Преподавателю сегодня приходится идти в ногу со временем: он должен не только хорошо знать свой предмет, но и владеть методикой его преподавания; уметь использовать в своей работе компьютерные технологии, электронные образовательные ресурсы и инновационные методики.

Применение образовательных Интернет-ресурсов расширяет возможности получения информации, в частности аутентичных текстовых материалов, создает условия для знакомства с культурным разнообразием стран изучаемого языка, способствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Рационально используя ресурсы интернета, преподаватель может обеспечить: достаточно высокую активность студентов, успешную организацию индивидуальной или групповой работы; развитие у студентов самостоятельности; ну и конечно же развитие навыков исследовательской или творческой деятельности [2, с. 15]

Аутентичные тексты в сети интернет, конечно, представлены в огромном количестве. Во многих текстах содержится информация, затрагивающая культурологический компонент изучаемого языка, политические и социальные факты, происходящие в стране изучаемого языка, что открывает просторы для дискуссии. Задача педагога подобрать оптимально подходящий вариант для студентов, используя дифференцированный подход к обучению. Задания должны быть разного уровня сложности, иначе у обучающихся с низким уровнем подготовки, может пропасть интерес к изучению иностранного языка, т.к. они не справятся с трудными заданиями. преподаватель иностранного языка может предложить выполнить интерактивные задания в учебное время как индивидуально, так и парно или разделив по группам, учитывая способности и уровень подготовки обучающихся.

Выполнение заданий используя Интернет ресурсы является эффективным способом повышения мотивации учебно-познавательной деятельности. Задания на различных интернет ресурсах можно предлагать учащимся, как в качестве выполнения домашней работы, так и для выполнения самостоятельно на учебном занятии при наличии доступа к интернету. К большому сожалению, не все интернет-сервисы доступны к использованию в образовательном процессе. Часть ресурсов доступна в тестовом режиме бесплатно, а последующее их использование возможно только на платной основе.

Студенты могут воспользоваться электронными словарями и энциклопедиями онлайн: это позволит сократить время поиска слов, помогают лучше запомнить перевод слов. Так, например, англоязычная онлайн энциклопедия «Британика» располагает статьями, затрагивающие практически все сферы человеческой жизни: искусство и культура, история, экономика, экология, литература и многие др., также представлены игровые задания в форме кроссворда, викторины и головоломки "найди слово".

Студенты колледжа специальностей 8.54.02.01 «Дизайн», 8.54.02.05 «Живопись», 8.54.02.02 «Декоративно-Прикладное Искусство и Народные Промыслы», 8.54.02.04 «Реставрация», 8.54.02.07 «Скульптура», очень любят выполнять интерактивные задания, используя Интернет-ресурсы. Онлайн-задания позволяют студентам проверить и закрепить свои знания в игровой форме, что способствует формированию их познавательного интереса к учебной дисциплине. Основным его достоинством для преподавателя английского языка является большая коллекция готовых англоязычных заданий, которые можно использовать в качестве шаблона для наполнения необходимым лексическим материалом. Во всех заданиях есть возможность выделить непонятное слово, ознакомиться с его переводом и занести в свой словарь для дальнейшего заучивания.

Используя Интернет источники онлайн студенты могут выполнить более 20 видов заданий от «Найди пару», «Разгадай кроссворд», «Заполни пропуск» до викторины «Кто хочет стать миллионером?» и работы с аудио или видеоматериалами, при этом есть огромный выбор тем. Преподаватель может предложить ознакомиться с материалом тематических упражнений, которые условно делятся на две большие группы: **Grammar** (plural of nouns, pronouns, present tense, questions, prepositions, numbers, past tense, pronouns, future tense) and **Vocabulary** (food, animals, clothing, colors, dates and times, family, professions, places, objects, people, trips, studies, abstractions, nature, sports, art, communication, medicine, politics, science,

business, events). Выполняя лексико-грамматические задания запоминаются слова и фразы, составляющие основу для формирования речевых умений у обучающихся.

Конечно, Интернет существенно упростил поиск текстов для чтения и материалов для аудирования. Однако к выбору нужно подходить очень внимательно. Подбирая учебный материал, преподавателю следует учитывать актуальность, соответствие уровню подготовки обучающихся, ну и конечно же наличие социокультурной информации.

В заключение необходимо отметить, что у современных образовательных Интернет-ресурсов большой потенциал для оказания методической помощи преподавателю. Его основная задача - развитие когнитивной самостоятельности студентов, как условия их успешной социализации в глобальном мире. Разумное использование учебных Интернет-ресурсов способствует формированию и развитию иноязычной коммуникативной (профессиональной) компетенции, умений самостоятельно работать с Интернет источниками с целью извлекать необходимую информацию.

Библиография:

1. Андронкина Н.М. Проблемы обучения иноязычному общению в преподавании иностранного языка как специальности // Обучение иностранным языкам в школе и вузе. СПб., 2001. С.150-160
2. Комарова Э.П. Новейшие методы преподавания иностранного языка студентам неязыковых специальностей вуза / М.: МГУ, 1991. С.15

УДК 378.147:81'243'25:33

РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ И МЕДИАДИСКУРСИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Натуркач Михаил,

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

e-mail: michellinnoff@gmail.com

orcid id: 0000-0002-5963-8127

Abstract. The article reveals the possible applicability of media discourse materials in teaching foreign language to students of foreign economic professions. Media environment management and media competence development are analysed. The importance of media education through building up analytical and media-discursive competences is supported by current pedagogical approaches in the field of media education. The educational, ideological and methodological aspect of the organization of the educational process in teaching a foreign language is presented. Types of professional activities and competences of customs specialists are given. The importance of including media analysis courses in the training programs is indicated. Correlation of media competences with other competences is identified. Applied vectors of teaching foreign languages are indicated. Typical tasks are listed and advantages of using media resources in project activities and blending learning are analyzed. The standards of education in the field of translation, program material and didactic content on media literacy are analyzed. In conclusion, the necessity of media education and the interrelation of media and professional competences are emphasised.

Key words: media competence, analytical competence, media reality, media literacy, mass media, foreign languages, foreign economic activity, translation.

Сегодня, как никогда, молодёжь испытывает необходимость поддержки. Ситуация в международном поле для многих постсоветских стран заставляет по-особому относиться к

вопросам образования, воспитания. Необходимого внимания требует и формирование необходимых профессиональных компетенций специалистов международных отношений.

Молодёжь зачастую лишена моральных, идеологических ориентиров и часто вовлекается в сиюминутные конъюнктурные проекты. Так, необходимые идеологические аспекты воспитательной работы могут быть явно реализованы при умело организованном информировании, аналитической работе по современным массмедиа.

С появлением интернета телевидение начало отходить на второй план. Большинство людей проводит своё время в интернете, используя при этом компьютер, смартфон или другие гаджеты. Свобода действий – это то, что даёт преимущество интернету и новым информационным площадкам (New Media), оставляя телевидение где-то позади.

YouTube также можно считать крупным претендентом на место главной медиаплощадки, которая подвинет ТВ. Но здесь следует брать во внимание такие факторы как Fake news, каналы пропаганды, существование каналов с авторским или явно предвзятые мнениями. Наряду с этим многие государственные СМИ имеют свою площадку и на этом ресурсе. Важным стало появление New Media. К New Media можно отнести различные современные цифровые платформы и социальные сети (Instagram, Tik-Tok), видеоресурсы (Twitch, Rutube List), подкасты, а также различные информационно-развлекательные ресурсы («Медуза», TheQuestion, The Village), мессенджеры (Whatsapp, Telegram) и личные блоги Facebook, Clubhouse и т.д. [5, с. 31]

Анализ и применение материалов аналитических ресурсов в области политики, экономики, официальной информации с сайтов государственных структур МИД и подобных ресурсов необходимо сочетать с целями формирования профессиональных компетенций. Важно и учитывать наличие современных медиа ресурсов.

Постоянно актуализируя тему единства на предметном уровне, можно добиваться сознательного отношения молодых людей к собственной истории, культуре, не замыкаясь на часто навязываемых извне проблемах, не вовлекаясь в политический дискурс, где есть большая вероятность стать средством в достижении нечистоплотными деятелями своих целей.

Работа с иностранным языком, в частности с медиа материалами при целостном подходе к их использованию даёт возможность опосредованно, путём приобщения к иноязычному материалу также достигать воспитательных и идеологических целей в профессиональном обучении. Тем самым снимая многие факторы социальной напряжённости, опосредованно затрагивая вопросы национального самоопределения, независимого развития страны, отраслей и секторов экономики.

Так, через глубокий анализ связей в системе хозяйствования стран СНГ и ЕАЭС можно поднимать и актуализировать значимость взаимодействия, совместной работы предприятий.

На примере анализа работы предыдущих поколений в национальных экономиках, например, рассматривая, например, историю транспорта и логистики Беларуси, можно и желательно не упускать факты теснейшего сотрудничества с Российской Федерацией на всех этапах развития экономики и государственности. Принципы некогда единой системы хозяйствования в Советском Союзе после образования независимых республик также продолжилась. Существовавшая ранее финансовая, организационная поддержка теперь продолжилась уже в независимых экономиках национальных государств, в частности в Беларуси.

Единые принципы функционирования транспортного хозяйства Европы и стран СНГ, следование нормам таможенного кодекса ЕАЭС подчеркивают значимость взаимодействия, политики открытости данных ведомств. Окно в Европу и пионеры автобизнеса, развитие негосударственного сектора экономики даже на примере изучения подобной темы выявляются вполне определённо. Апеллирование к подобным факторам, подведение соответствующих выводов в работе со студентами при анализе подобных материалов как раз и подчеркнут также важность и независимой работы многих отраслей промышленности и наличие свободной

рыночной экономики. Таких примеров, которых не хватает молодёжи для получения объективной картины мира и встраивания в существующую систему отношений на профессиональной основе.

Компетентность выпускников в области медиакоммуникации способствует их высокой конкурентности на мировом рынке, гибкости и адаптации к новым реальностям, достойному представлению страны на международной арене. Сфера медиакоммуникации, вне зависимости от учебной специализации, постоянно обогащается, требует систематического обращения и развития. Профессиональные компетенции в области получения гуманитарного образования неизменно пересекаются с обновляющейся журналистской и аналитической компетенцией, что требует тщательного подхода к информации. Развитие медиакоммуникации у студентов внешнеэкономических специальностей через медиаобразование формируется целенаправленно и организовано в виде инновационных академических дисциплин и инновационных форм организации учебного процесса. [3, с. 98].

Прикладными векторами обучения иностранным языкам при условии развития медиакomпетенции студентов по внешнеэкономическим специальностям могут быть следующие:

- анализ текстов СМИ на самом «мелком» уровне – уровне языковых единиц;
- анализ медиатекстов с точки зрения реализации языковой категории прагматики;
- развитие навыков выстраивания коммуникативных процессов в межкультурной среде (к примеру, в контексте дисциплин по ведению деловой переписки, исходя из факторов медиареальности);
- подготовка пресс-обзоров и их анализ для применения критического подхода к медиасообщениям. [4, с. 62].

Преимуществами использования медиаресурсов при обучении иностранным языкам студентов можно назвать:

- использование СМИ как страноведческий источник;
- использование мультимедийности СМИ в мнемонических целях;
- переориентация на самостоятельную учебную деятельность и рефлексивный анализ;
- разнообразие типов учебных заданий.

Можно представить прикладные векторы в обучении иностранным языкам при условии развития медиакоммуникации студентов факультетов международных отношений (по специальности «Международные отношения», «Мировая экономика», «Таможенное дело»):

- анализ текстов СМИ на самом «мелком» уровне – уровне языковых единиц;
- анализ медиатекстов с точки зрения реализации языковой категории прагматики;
- развитие навыков выстраивания коммуникативных процессов в межкультурной среде (к примеру, в контексте дисциплин по ведению деловой переписки, исходя из факторов медиареальности – имеется в виду освоение не только иностранных делопроизводительных клише и структуры документов, но и семантико-прагматического компонента их наполнения);
- подготовка пресс-обзоров и их анализ для применения критического подхода к медиасообщениям.

Аналитическая компетенция является примером метапредметных компетенций. Она включает в себя целый комплекс образовательных компетенций, напрямую связанных с мыслительными, поисковыми, логическими, исследовательскими, творческими процессами познания студентов. [1, с. 62].

Так, при обучении иностранным языкам может быть успешно использован метод проектной деятельности. Выполнение проекта будет способствовать развитию навыков сбора, отбора и преобразования медийных сообщений на иностранном языке, анализу их языка и последующему созданию собственных медиатекстов. Проектная деятельность также оптимально вписывается в массово имплементированную концепцию Blended Learning.

Будущие бакалавры в области перевода должны не только совершенствовать языковые навыки и развивать навыки «общей методологии перевода» как совокупности инструментов выхода из сложных переводческих ситуаций, но и учитывать асимметрию культурных, исторических, социальных и иных явлений, которые актуализируются в рамках межкультурной коммуникации. Любой перевод, даже краткий по объему – не является текстом «в вакууме», он – часть некоего информационного континуума, часть процесса коммуникации представителей двух (или более) культур, двух стран, ведомств, социальных групп. Перевод всегда находится в контексте, в информационном поле, в медийном пространстве. Схожий тезис представила Е. В. Емельянова: «языковые средства сами по себе не имеют смысла, а приобретают его исключительно в акте коммуникации, осуществленном носителями определенных культур и концептуальных систем, то вполне можно объединить языковые и экстралингвистические факторы в одну группу культурно-когнитивных» [2].

Роль и функции аналитической и медийной компетентности и степень включенности различных аспектов медиаобразования в образовательную парадигму высших учебных заведений Российской Федерации и Республики Беларусь очевидна. Сопоставление их с некоторыми зарубежными образовательными стандартами и программами позволяет говорить о системности подобной работы в образовании в мире. Медиаграмотность в зарубежных публикациях и научных исследованиях называется универсальным средством, панацеей (magic bullet [Ascott]) против так называемых «фейк ньюз». В данной связи даже в школьные образовательные стандарты включаются некоторые аспекты медиаграмотности. Подобные инициативы исходят от ряда министерств образования зарубежных стран, а иногда реформирование программного содержания образования происходит усилиями отдельных специализированных институтов (приведем в качестве примера британскую UK Commission on Fake News and the Teaching of Critical Literacy Skills, возглавляемую объединенной парламентской группой по грамотности и информированности населения – All-Party Parliamentary Group (APPG) on Literacy and the National Literacy Trust) [6].

На пространстве СНГ признаки институционализации практик медиаобразования практически отсутствуют; как следствие, степень включенности вузовских дисциплин по медиаобразованию в образовательные программы также крайне мала. Зарубежные практики в данной области также нельзя назвать совершенными: большинство пособий, стандартов, программ университетского уровня бакалавриата и магистрата подразумевают, что медиакомпетенции – составная часть профессиональной подготовки, прежде всего, журналистов (к примеру, существуют серии пособий UNESCO по медиакомпетенциям для журналистов и дипломатов, но ни одного – для переводчиков). Медиакомпетенции как часть переводческой компетенции, как правило, не рассмотрены за рубежом – в теоретических разработках важность медиаобразования в переводческой карьере уже проанализирована, а на практике (в образовательных стандартах и программах высших учебных заведений данные разработки не получили практически никакого развития).

Анализ программного материала и дидактического контента по медиаграмотности показывает еще один недостаток систем подготовки переводчиков: даже при наличии отдельных дисциплин по языку СМИ, анализу медиаконтента и т.п., из образовательной практики практически исключены социальные сети и мессенджеры, которые, по сути, представляют собой новые медиа, зачастую гораздо более влиятельные и масштабные по аудитории, чем газеты и журналы. Более того, как справедливо отмечают многие зарубежные исследователи, «the line between a news platform and social media platform can also be unclear. Traditional media platforms often strictly regulate political messaging and advertising, whereas social media platforms have far less restriction» (**граница между новостной платформой и социальной сетью также может быть размытой. Традиционные медиа-платформы зачастую строго регулируют публикацию политического контента и рекламы, тогда как социальные медиа-платформы накладывают гораздо меньше ограничений – прим. перевод наш*) [6].

К 2004 г. большинство национальных образовательных стандартов стран Европы были гармонизированы в сторону адаптации к требованиям Европейского пространства высшего образования. Подобная мера привела к тому, что все образовательные программы европейских вузов стали включать в себя постулат о том, что практикующий переводчик должен обладать информационными компетенциями: управлять, анализировать, резюмировать, синтезировать, находить, оценивать, хранить, оптимизировать и обмениваться информацией. В документах Комиссии Европейского Союза медиаграмотность обозначена как детерминирующий элемент воспитания и воспитания гражданственности и жизненно важный фактор для экономического роста и создания рабочих мест [EU Committee]. Среди стран Запада медиакомпетенции будущих переводчиков наиболее проработаны и максимально имплементированы в программы и дидактическую практику представляется в Испании. В современной динамической информационной среде переводчик сталкивается не только с экспоненциальным ростом технологий и потоком документальных и информационных материалов, но и с изменением качества и прагматики информации, поступающим к нему как в рамках непосредственной деятельности (текст для перевода), так и в виде «бэкграунда» – информационных условий, в которых требуется выполнить данный перевод текста [7]. Новаторским решением было включение в образовательную программу подготовки переводчиков в бакалавриате 40 академических часов дисциплины «Предпереводческий анализ документации» в качестве обязательного компонента образовательной программы по специальности «переводчик» (1991 г.). Необходимость развития медиакомпетенций переводчика была подчеркнута в регламенте Испанского национального агентства по оценке качества и аккредитации La Agencia Nacional de Evaluación de la Calidad y Acreditación (ANECA) [7], обязательного к исполнению вузами страны: выпускники вузов по специальности «переводчик» должны уметь «управлять информацией, стратегически и технологически, обладая при этом навыками, необходимыми для поиска и оценки информации независимо от носителя» [7].

Анализ программного материала и существующий реалий даёт основание говорить о необходимости обучения иностранным языкам с «поправкой» на медиакомпетенцию. Это позволяет проявлять и развить учебную, а впоследствии и профессиональную аналитическую и медиакомпетенции. Подобный интегрированный подход функционально распространяется на два вектора – вектор медиаграмотности и вектор собственно освоения навыков профессионального общения в контексте специализации.

Библиография:

1. Бушмелева Н. А., Разова Е. В. Формирование аналитической компетенции студентов вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 10.
2. Емельянова, Е. В. Лингводидактическая система формирования медиадискурсивной компетенции студентов-переводчиков / Е. В. Емельянова: автореф. дисс. ... канд. пед. наук 13.00.02. – М. : МГИМО, 2011. – 17 с.
3. Натуркач М.В. Моделирование процесса формирования медиадискурсивной компетенции студентов-переводчиков в сфере международных отношений / М.В. Натуркач // Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ: электронный сборник трудов преподавателей языковых кафедр ФМО. Выпуск XI. — Минск: БГУ, 2021. – С. 97 – 99.
4. Натуркач М.В. Применение медиа материалов в обучении иностранному языку студентов специальности «Таможенное дело». / М.В. Натуркач // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XV Международной научной конференции, Минск, 29 октября 2021 г. / редкол.: Е. А. Достанко [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2021. – С. 59 – 65.

5. Орехова, К. А. Современное информационное пространство / К. А. Орехова // Научный журнал. – 2020. – № 1(46). – С. 31-37.
6. Ascott, T. Is media literacy the magic bullet for fake news? / T. Ascott // Lowy Institute. 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/media-literacy-magic-bullet-fake-news>. – Date of access: 15.01.2022.
7. Sales, D. The professional translator and information literacy: perceptions and needs / D. Sales // Journal of Librarianship and Information Science. – #43. – 2011. – Pp. 246-260.

УДК: 808

ФРЕЙМОВЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ

Федотова Оксана,

доктор филол. наук, доцент РГУ имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

e-mail: o.fedotova@365.rsu.edu.ru

orcid id: 0000-0002-7222-7365

Abstract: The paper deals with the space and time aspects of metadiscourse. The author of the narrative constructs his / her story in a special way, so that the reader could understand the idea of the story. The paper introduces the frame models of fictional space and fictional time. These frames show the way fictional reality interacts with the author's metadiscourse.

Key words: metadiscourse, English narrative, fictional space, prospection, retrospection, fictional characters.

В настоящее время все чаще поднимается вопрос о том, что необходимо отделять информационную сторону дискурса, с одной стороны, и формы подачи этой информации читателю, с другой. Иначе говоря, в художественном тексте присутствует сюжет, и каждый автор выбирает определенную форму подачи этого сюжета читателю. Автор может выступать как независимый всевидящий рассказчик, сливаться с одним из персонажей, «отстраняться» от своих героев, позволяя читателю самому делать выводы и т.д. Очень важное значение в любом художественном произведении придается размещению действующих лиц в пространстве и времени. Можно даже утверждать, что то, как пространство, время и человек взаимодействуют между собой, и создает основу художественного нарратива. Не вызывает сомнения тот факт, что пространство и время – важные составляющие фикционального мира художественного произведения. Игра художественным пространством и художественным временем, несомненно, несет в себе черты авторского мировидения. Понятно, что при их осмыслении читатель может познать картину мира писателя и на этой основе составить себе представление об одной из возможных интерпретаций объективного мира.

Учитывая вышесказанное, не случайно в лингвистической литературе уделяется большое внимание категориям пространства, времени, пространственно-временного континуума. При категоризации текста, как показывает анализ уже имеющихся исследований, самые большие проблемы связаны с определением статуса таких параметров текста, как пространство, время, человек (персонаж и / или автор) в их взаимосвязи. В тексте (при формировании его категорий) проявляется то, что в современных терминах можно было бы обозначить как «концептуальное основание» смыслового содержания текста – локализация действующих лиц повествования и автора повествования в пространстве и времени.

В нашем исследовании при построении фреймовой модели пространственно-временного континуума художественного нарратива мы опираемся на точку зрения таких ученых, как И. Р. Гальперин, О. А. Москальская, Е. В. Морозова, Л. А. Ноздрина.

И. Р. Гальперин подробно описывает категории проспекции, ретроспекции и континуума. Ретроспекция – грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации [1, с. 105]. Проспекция – это грамматическая категория текста, объединяющая различные языковые формы отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чем речь будет идти в последующих частях текста. [1, с. 112]. Континуум – это определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве. Континуум художественного текста основан обычно на нарушении реальной последовательности событий [1]. Здесь отметим, что категории проспекции и ретроспекции могут проявляться и как часть фикциональной реальности, и в метадискурсе автора, когда автор целенаправленно перемещает фокус внимания читателя в прошлое или в будущее.

По мнению Е. В. Морозовой, пространственно-временной континуум художественных произведений может рассматриваться с точки зрения его внутренней организации [2]. Несомненно, пространственно-временной континуум художественного произведения составляет основу описываемых в нем действий, фактов и явлений. И уже на данные пространственно-временные нити наслаивается образ персонажа, взаимодействие персонажей, их мысли, чувства, воспоминания и т.п. Нарушение временного порядка повествования может рассматриваться как одно из выразительных средств, используемых автором.

Временной континуум реализуется при взаимодействии эксплицитных (временные указатели и видовременные формы глаголов) и имплицитных (различные формы контекстно-вариативного членения – описания, размышления, диалога; дистантное описание процесса движения, изменение пространственных параметров, неустановленные единицы времени) средств. При рассмотрении особенностей пространственного континуума художественных произведений выделяются различные подходы авторов к его моделированию: объемно-статический, объемно-динамический, пунктирный. Пространственный континуум может приобрести ведущую роль, создавая среду для временного континуума [2].

Л. А. Ноздрина выделяет текстовые сетки, которые служат для описания смысловых текстовых структур: темпоральную, локальную, персональную, референтную и модальную сетки [4, с. 60]. Несомненно, выделенные Л. А. Ноздриной сетки участвуют в создании любого вида коммуникации, в том числе и художественной.

Важной категорией текста является локально-временная отнесенность высказывания. По справедливому утверждению О. И. Москальской, сходство способов выражения объективного времени и места позволяет рассматривать оба вопроса вместе. Очевидно, что средствами выражения объективного времени и места служат обстоятельственные предложные обороты, их функциональные синонимы – придаточные обстоятельственные места и времени, наречия места и времени и местоименные наречия.

О. И. Москальская, уделяя особое внимание реализации пространственно-временных параметров событий в тексте, приходит к следующим выводам относительно категории локально-временной отнесенности:

1) в отличие от виртуального предложения, характеризуемого лишь грамматическим временем, всякое высказывание (то есть текст и предложение-текст) содержит помимо грамматического времени прямые или косвенные указания на объективное время и место тех событий, о которых говорится;

2) локальная и временная отнесенность – явления однопорядковые;

3) будучи присущими всякому высказыванию, локальная и временная отнесенность образуют единую локально-временную ось высказывания [3].

Как уже отмечалось выше, важным аспектом при моделировании англоязычного нарративного дискурса выступает временной параметр, то есть реальное время общения автора и читателя. Время – это одна из концептуальных единиц метадискурса автора. Автор вместе с читателем совершает путешествие во времени. Автор может «забегать» вперед, предупреждая читателя о том, что ждет его на последующих страницах, автор упоминает события прошлого, чтобы читатель лучше ориентировался в том, что происходит в настоящий момент. И, наконец, автор может вести речь о вневременных явлениях, которые актуальны во все времена. Схематически это представлено на *рис. 1*.

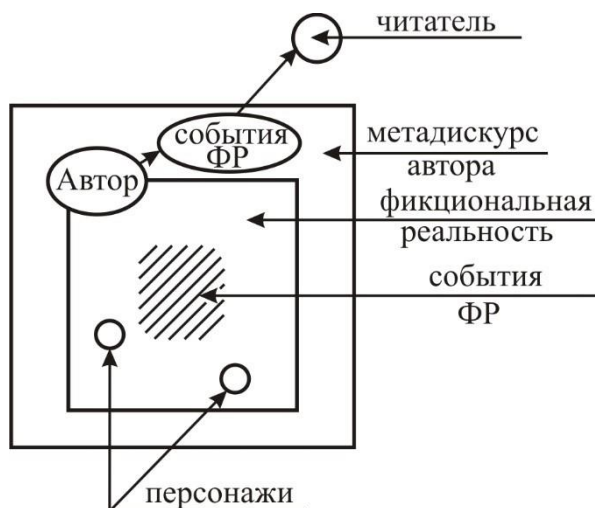

Рис. 1. Модель I авторского диалога с читателем

На *рис. 1* видно, что в фикциональной реальности художественного произведения живут и действуют персонажи и происходят определенные фикциональные события (внутренний фрейм). Автор может время от времени отвлекаться от линейного повествования и обращаться к читателю, чтобы пояснить или уточнить некоторые аспекты происходящих в фикциональной реальности событий (внешний фрейм). Другими словами, темой разговора автора с читателем выступают события фикциональной реальности. Попутно с изложением событий, автор может пояснять читателю, как будут развиваться события в произведении. Таким образом, читатель получает своеобразную инструкцию для чтения книги.

В то же время, автор может привлекать внимание читателя к нарушениям последовательного движения фикционального времени, то есть к тем случаям, когда происходит обращение к событиям прошлого или высказывается предположение о том, что будет далее. Подобные передвижения во времени помогают создать более полную картину происходящего. На *рис. 2* представлена модель художественного произведения, показывающая, что автор англоязычного нарративного дискурса может обращаться к читателю по поводу событий фикциональной действительности, которые могут относиться к настоящему, прошедшему или будущему фикциональному времени.

Проиллюстрируем сказанное на примерах из англоязычных художественных произведений. Отметим, что материалом исследования послужили более 160 художественных произведений англо-американской литературы, начиная с середины XVIII века и до начала XXI века [см. 5].

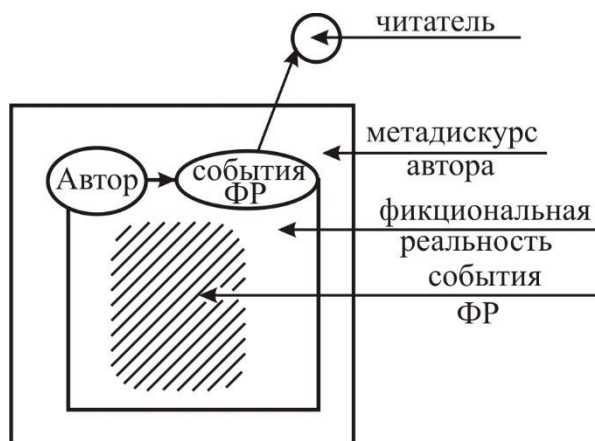

Рис. 2. Модель II авторского диалога с читателем

В контексте (1) из романа Г. Фильдинга «История Тома Джонса, Найденыша», написанного в середине XVIII века, представлен случай проспекции, когда автор забегаёт вперед и готовит читателя к событиям, которые будут разворачиваться на страницах его произведения. Этот контекст также интересен тем, что в нем используется КУЛИНАРНАЯ МЕТАФОРА, когда чтение романа репрезентируется как прием пищи:

(1) «As we do not disdain to borrow wit or wisdom from any man who is capable of lending us either, we have condescended to take a hint from these honest victuallers, and **shall** prefix not only a general bill of fare to our whole entertainment, but **shall** likewise give the reader particular bills to every course **which is to be served up in this and ensuing volumes**» [7, с. 7].

Контекст (2) взят из романа Д. Брауна «Утерянный символ» начала XXI века, и здесь мы видим не только отсылку к событиям будущего, но и пространственную локализацию событий. Речь идет о реальном здании Капитолия в США:

(2) «As Mal'akh exited his home, he prepared himself **for the event that would soon shake the U.S. Capitol Building**. He had gone to enormous lengths to arrange all the pieces for tonight» [6, с. 12].

В контексте (3) очевидна ретроспекция к прошлому повествованию:

(3) «This matter, then, which put an end to the debate **mentioned in the last chapter**, was no other than a quarrel between Master Blifil and Tom Jones» [7, с. 76].

В художественных произведениях часто встречаются случаи, когда происходит обобщение каких-либо событий («It was **the only time in his life he was ever** to hear Marja cry» [9, с. 99].) или делается акцент на настоящем моменте времени («An innate wisdom kept Ted silent **now**, and moved him to Joey's side» [8, с. 91]).

Еще в одном примере можно видеть, как автор вместе с читателем перемещается в пространстве из одного города в другой, чтобы «навестить» другого персонажа:

(4) **We must now take leave of Arcadia, and those amiable people practicing the rural virtues there, and travel back to London, to enquire what has become of Miss Amelia.** [10, с. 98].

Резюмируя сказанное, можно сделать общий вывод о том, что построение пространственно-временной модели художественного произведения помогает более глубокому анализу идеи автора и позволяет наиболее точно отслеживать перемещение и взаимодействие персонажей художественного нарратива.

Библиография:

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
2. Морозова Е. В. Грамматическая категория пространственно-временного континуума в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 184 с.
3. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1981. 183 с.

4. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий : учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. М.: Дрофа, 2009. 252 с.
5. Федотова О.С. Принципы конструирования англоязычного художественного нарратива (к проблеме дискурса и метадискурса художественной прозы). М.: Перспектива, 2021. 306 с.
6. Brown D. The Lost Symbol. London: Bantam Press, 2009. 509 p.
7. Fielding H. The History of Tom Jones A Foundling. London: Wordsworth Classics, 1999. 734 p.
8. Metalious G. Peyton Place. London: PAN BOOKS LTD, 1959. 379 p.
9. Robbins H. 79 Park Avenue. New English Library: London, 1955. 271 p.
10. Thackeray W. M. Vanity Fair. London: Wordsworth Classics, 2001. 694 p.

УДК 378:811.111.

РОЛЬ ТЕКСТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Царева Лилия,

кандидат педагогических наук, доцент

РязГМУ, г. Рязань, РФ

e-mail: zarevalilija@yandex.ru

orcid id: 0000-0001-5672-804X

Марченко Светлана,

старший преподаватель

РязГМУ, г. Рязань, РФ

e-mail: marchenko-svetlana@yandex.ru

orcid id: 0000-0002-3379-6880

Abstract. The article deals with the special aspects and trends of professionally-oriented foreign language teaching to students at a medical university. In particular, the requirements for the selection of texts in teaching professional communication at the initial stage of teaching a foreign language to medical students are discussed. Some types of texts for teaching professional communication and sample tasks for them are listed in the article.

Keywords: professionally-oriented text, the aim of communication, medical university, the initial stage of teaching, a series of tasks

В настоящее время возрастает значение обучения студентов медицинских вузов иностранным языкам в связи с интенсивно развивающимися в последние годы интеграционными процессами, с увеличением академической мобильности студентов, а также со все более тесным профессиональным сотрудничеством в медицинской среде. По этой причине организация занятий по иностранному языку, планирование целостного процесса обучения должно быть нацелено на его интенсификацию, иметь междисциплинарный характер и носить выраженную коммуникативную и профессионально ориентированную направленность. На передний план при этом выходит язык как средство обмена информацией и профессионального общения.

Изучение и преподавание профессионально-ориентированного иностранного языка имеет свои особенности. Прежде всего, необходимо учитывать потребности обучающихся, а также совершенствовать все виды речевой деятельности будущего специалиста, которые могут пригодиться в его дальнейшей профессиональной деятельности. А именно, необходимо подготовить студента-медика к чтению и пониманию оригинальной медицинской литературы, а также к общению на иностранном языке в пределах определенной тематики. Поскольку коммуникация основана на порождении, восприятии и обмене устными и письменными текстами, тексты в социальной жизни, а следовательно, и в профессиональной сфере, выполняют множество функций. В зависимости от цели и формы общения, коммуникативного

намерения, содержание и структура текстов, используемых в профессионально ориентированном обучении иностранному языку, могут быть разными. Тщательный подбор текстов различного назначения играет центральную роль в организации профессионально ориентированного обучения иностранному языку. С помощью текстов, в зависимости от их типов и цели обучения, можно прорабатывать терминологический аппарат, словарный запас, грамматические и синтаксические структуры, обучать пониманию текста на слух и т.д.

Для профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в отношении работы с текстом в основном применяются те же типы заданий, что и для общеязыкового. В обоих случаях используются цепочки заданий, направленных на поэтапный переход от глобального понимания к поисковой и изучающей стратегии чтения. Например, имеется целый ряд так называемых предтекстовых упражнений, облегчающих понимание содержания прочитанного, далее - упражнений, направленных на глобальное понимание текста, в частности, - ответы на вопросы и т.д.

Возникает вопрос, какие тексты вообще предназначены для профессионально ориентированного обучения иностранным языкам? Цель многих преподавателей - использовать аутентичные тексты, если это возможно, уже на начальном этапе обучения. Интернет может оказать помощь в подборе материала, т.к. он предоставляет уникальную возможность для использования оригинальных текстов в профессиональных целях. Однако в данном случае подбор текстов осложняется тем, что они должны быть понятны не только с языковой точки зрения, но и по содержанию, так как углубленное изучение специализированных предметов начинается с третьего курса, а обучение иностранному языку рассчитано на 1-3 курс, следовательно, на начальном этапе студенты испытывают недостаток знаний по специальности и отсутствие профессионального опыта при чтении аутентичных текстов медицинской тематики.

В качестве выхода из данного противоречия методистами рассматривается четкое разграничение целей и задач обучения иностранному языку в зависимости от этапа обучения и уровня подготовленности студентов. В частности, на начальном этапе целью является восстановление и усвоение относительно небольшого грамматического минимума, чтобы научиться понимать взаимосвязь между отдельными элементами предложения, умение выделять наиболее важные компоненты информации, формирование терминологического аппарата на иностранном языке, а также знаний студентов о текстах различных жанров и видов и присущих каждому из них морфологических, синтаксических, лексических, стилистических и композиционных особенностей, а также овладение различными стратегиями чтения (просмотровое, поисковое, изучающее, ознакомительное чтение) и понимание, для решения каких профессиональных задач они могут быть использованы. Основным требованием к подбору текстов в данном случае является их соответствие профессиональному кругозору студентов (с задействованием междисциплинарных связей), а также их уровню знаний иностранного языка [1].

Именно поэтому в первый год обучения иностранному языку студенты чаще всего читают короткие адаптированные тексты по анатомии и физиологии человека, здоровому образу жизни, гигиене, микробиологии. При этом перед студентами ставятся задачи научиться составлять план текста, выделяя его структурные части и находя ключевые слова, а также транслировать прочитанный текст на родном и иностранном языке. Таким образом, одним из важных навыков, формируемых на основе чтения подобных текстов, является пересказ. Однако в этом случае следует принять во внимание тот факт, что пересказ представляет собой репродуктивную речь, и в том случае, если у обучающегося еще не сформированы базовые признаки устного стиля речи, закрепляется так называемый «книжный» стиль [2, с. 57]. Поэтому в случае, если логикой занятия предусмотрен пересказ прочитанного текста, следует очень серьезно подходить к выстраиванию цепочки упражнений по трансформации «книжного», письменного текста в текст устного сообщения.

Остановимся на некоторых особенностях работы с письменными текстами, которые имеют отношение к подготовке к коммуникации в профессиональной среде и, соответственно, могут использоваться в различных ситуациях общения на рабочем месте и, таким образом, транслируют как знания о структуре языка, так и информацию о порядке выполнения профессиональных действий. Следует отметить, что уже на начальном этапе обучения возможно использовать тексты, направленные на решение конкретных профессиональных задач, и обучать студентов не только понимать либо воспроизводить, но и порождать тексты на иностранном языке.

Например, уже на первом курсе можно практиковать задания на написание простых текстов, связанных с профессиональной деятельностью, такие как составление заметок, заполнение температурного листа, либо карточки пациента, письменного запроса информации по электронной почте с использованием стандартных фраз и т.д. Естественно, обучение письму в данном случае опирается на некий исходный текст, основным требованием к содержанию и структуре которого является его непосредственная связь с профессиональной деятельностью будущего медицинского работника, его соотнесенность с конкретной коммуникативной задачей. Дополнением к вышеперечисленным письменным текстам с целью обучения профессиональной коммуникации на иностранном языке используются аудиоматериалы, таблицы, графики и т.д., иллюстрирующие ситуацию профессионального общения либо алгоритм выполнения конкретной профессиональной задачи.

В таблице 1 приведены примеры текстов с возможными заданиями к ним.

Таблица 1.

Вид текста	Задание
Карточка пациента	Запрашивать и записывать персональные данные собеседника, сообщать свои данные.
История болезни	Записывать жалобы пациента (в данном случае собеседника), симптомы и признаки заболевания, методы физикального обследования, рекомендуемые лабораторные или инструментальные исследования, рекомендованное лечение.
Статьи из справочной литературы, интернет-сайты	Сбор информации с целью подготовки устного сообщения, участия в проекте.
Графики, таблицы, типичные для медицинской документации (температурный лист, жизненно важные показатели пациента, график дежурств в отделении и т.д.)	Проговаривать визуальную информацию, сравнивать текстовую и визуальную информацию, обнаруживать избыточную/новую информацию, дополнять информацию из графического или сопроводительного текста, обобщать информацию из таблиц/графиков в письменной или устной форме.
Электронное письмо (запрос о наличии вакантных мест для стажировки)	Ознакомиться с наиболее типичными фразами и клише в рамках деловой переписки, способами запроса либо сообщения определенной информации.

Обобщая информацию из таблицы, следует отметить, что перечисленные тексты построены на повторяющемся языковом материале (лексические единицы, синтаксические конструкции и т.п.), на которые следует обращать внимание студентов на этапе тренировки посредством соответствующих заданий. В этом случае выполнение студентами коммуникативных заданий, представленных в таблице, не будет сложным даже на начальном этапе обучения.

Таким образом, основными требованиями к выбору текстов для профессионально ориентированного обучения иностранным языкам, является посильность текстов и заданий к ним, соотнесенность содержания текстов с знаниями и интересами студентов в области

медицины с задействованием межпредметных связей, профорientационный характер текстов, нацеленность на выполнение конкретных профессиональных задач.

Библиография:

1. Царева Л.М. Организация обучения студентов чтению профессионально ориентированных текстов на иностранном языке в медицинском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26671> (дата обращения: 15.08.2017).
2. Шурова М.Е. Устный стиль речи «пересказ»: сравнительный анализ на материале русского и немецкого языков / М.Е. Шурова, Е.В. Петроченко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 4 (21). С. 55-65.

ПОДСЕКЦИЯ 6.2. ГАГАУЗСКИЙ И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

CZU 342.71(478)

POLİTİK VE KÜLTÜREL VATANDAŞLIK BAĞLAMINDA MOLDOVA CUMHURİYETİ VATANDAŞLIĞI

AKPINAR, Ömer

Dr./Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Milli Eğitim Bakanlığı/Türkiye

e-mail: omerakpnr25@gmail.com

orcid id: 0000-0001-5007-7880

Abstract: The purpose of the study is to explain citizenship in the Republic of Moldova. The concept of Moldovan citizenship has been examined through the definition of political citizenship and cultural citizenship.

Political citizenship is a type of citizenship that gives importance to cultural and ethnic identities by the state and provides wide freedom in the matters of language and religion. On the other hand, cultural citizenship is an approach that ignores ethnic, cultural and religious identities on the basis of equality.

In the study, the Constitution of the Republic of Moldova is taken as the main source. The constitution and its secondary laws have shown that Moldovan citizenship is a political citizenship. The constitution, which grants its citizens wide freedoms in terms of ethnic, religion, and freedom of expression, envisages punitive sanctions for those who want to prevent to use these rights.

Keywords: Moldova, Moldovan, Political Citizenship, Cultural Citizenship, Moldova Citizenship.

Giriş Sovyetler Birliği'nin yıkılması üzerinden otuz yıl geçti. 1989 yılında Doğu ve Batı Almanya'yı birbirinden ayıran Berlin Duvarı'nın yıkılması Sovyetlerin dağılmasının da habercisiydi. Nihayetinde, 1991 yılında, Sovyet Sosyalist Cumhuriyetler Birliği (SSCB) dağıldı. Bu dağılma sonunda 15 yeni devlet tarih sahnesine çıktı. Bu yeni devletlerden biri olan Moldova, 27 Ağustos 1991 yılında Bağımsızlık Bildirgesi'ni yayınladı [21, presedinte.md].

Moldova 1991 yılında bir bildirge ile bağımsızlığını kazandı ancak yeni bir anayasayı 1994 yılında yürürlüğe koydu [21, presedinte.md]. 1994 yılına kadar Moldova Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti (MSSC) Anayasası ile yönetildi. Bu süreçte Anayasa'da pek çok değişiklik yapıldı. Ancak yeni anayasa, belirtildiği üzere 27 Ağustos 1994 yılında yürürlüğe girdi. Dolayısıyla Moldova'da, Batı demokrasisi anlayışında vatandaşlık kavramının anayasaya girmesi bağımsızlıktan üç yıl sonra gerçekleşti [2. S. 78].

Bu çalışmada Moldova Cumhuriyeti'nde vatandaşlık kavramı incelenmiştir. Moldova Batı dünyasının bir parçası olmayı temel politik hedef edinmiş bir devlettir. Ancak toplumun her katmanına sirayet etmiş SSCB mirası ve kültürü, bu hedef sürecinde Moldova'yı çeşitli tartışmalar içine sürüklemiştir. Vatandaşlık tartışmaları da bunlardan biridir. Vatandaşlık kavramı Moldova'da "politik vatandaşlık" ve "kültürel vatandaşlık" üzerinden incelenmiştir. Politik ve kültürel vatandaşlık tasnifi Ömer Çaha'nın "Fransa'da İslam Karşıtlığı ve Laisizm" adlı kitabında yaptığı şekliyle alınmıştır.

Vatandaşlık Kavramı

Vatandaşlık kavramının kökeni Antik Yunan'a kadar gider. Devletin yöneticilerden bağımsız olarak düşünülemeyeceğini iddia eden Aristoteles, devleti analiz etmenin yöntemi olarak onu parçalara ayırıp açıklamayı tercih eder. Devlet analizinde bu yöntemi kullanan Aristoteles'in ele aldığı ilk kavram vatandaşlıktır. Ona göre devlet, vatandaşların toplamıdır ve vatandaş, genel kabul gören "mahkemeye gidebilen, dava açabilen veya dava edilebilendir" tanımından daha geniş bir

anlama sahiptir. Vatandaş yargı ve otoriteye katılan; yani yasal, siyasal ve yönetsel görevlere katılabilir [3, s. 191].

Tarihsel süreç içerisinde çeşitli değişikliklere uğrayan vatandaşlık kavramı genel olarak, devletin bireyi yasalarla tanımlaması olarak algılanmıştır. Vatandaşlık kişi ile devlet arasındaki bireysel ve ulusal bir bağdır [5, s. 849]. T. H. Marshall [s. 149] vatandaşlığı toplumun tüm üyelerine ait bir statü olarak tanımlar ve vatandaşlık kavramının evrimini üç aşamada inceler. Birinci aşama sivil vatandaşlıktır. 18'inci yüzyılda sivil vatandaşlık kanunlardan önce bireysel özgürlükleri ve eşitlikleri sağlayan hakları içermektedir. İkinci aşama politik vatandaşlıktır. 19'uncu yüzyılda politik vatandaşlık, haklar ve görevler doğrultusunda politik toplumun gereklerine uygun olarak politik güç ve kazanımlar üzerine inşa edilmiştir. 20'inci yüzyılda ise sosyal vatandaşlık temel paradigmadır. Sosyal vatandaşlık toplumun tüm üyelerine temel hak ve refahı paylaşmaktan oluşur [6, s. 4].

Modern tanımlarda vatandaşlık, demokratik topluma üyelik üzerinden anlamlandırılmaktadır. Modern vatandaşlığın dört boyutu vardır: resmi yasal statü, haklar, politik katılım ve ailelik hissi [5, s. 850]. Bununla birlikte vatandaşlık yükümlülükleri de içerir. Vatandaş siyasal bir topluluğun haklarla ve yükümlülüklerle donatılmış üyesidir [8, s. 250] ve ulus devletin siyasal figürüdür. Vatandaşlık seçme ve seçilme hakkı, vergi ödevi ve askerlik yükümlülüğü gibi üç sonuç doğurur. Bu üç unsurun ortaya çıkış süreçleri siyasal bir durum oluşturmaktadır [1, s. 256].

Politik ve Kültürel Vatandaşlık

Politik vatandaşlık günümüzde, Marshall'ın 19'uncu yüzyıl vatandaşlığını anlattığı haklar ve ödevlerin politik güç ve kazanımlara odaklanmış halini aşkın bir anlam ifade eder. Politik vatandaşlıkta birey devletle olan bağını kendi kimliği ve kültürünü koruyarak kurar. Buna karşın kültürel vatandaşlık, herkesin ulusal kültür şablonu içinde asimile olmasını; kökenini, dilini, inancını, etnik özelliklerini kaybederek genel kültürle kültürlenmesini ifade eder. Fransa kültürel vatandaşlığa iyi bir örnektir. Ya birey olarak Fransa ulusu içinde asimile olacaksınız ya da değişik komünlere bağlı kalarak Fransızlığın dışında kalacaksınız. Başka bir ifade ile kültürel vatandaşlık “soyut birey” demektir [7, s. 33].

Vatandaşlık devletin bireye sadece hukuki statü vermesi değil onu tanımlaması anlamına da gelir. Asli vatandaşlık sadece haklar ve tanımlamalar değil, aynı zamanda toplumun diğer bireylerinin vatandaşlık kimliğini olumlamasıdır. Vatandaşlık bireyi kuşatan bir sınırdır ve sadece devlet tarafından değil toplumun diğer üyelerince bu sınır çizilir. Hayatta kalma çabası sonucu ortaya çıkan, toplumsal sözleşme tarafı olan, cinsiyet ve ırk gibi kabul edilmesi gereken bir olgu olan vatandaşlık kimlik ile ayrı düşünülemez [5, s. 851]. Kimlik ile vatandaşlığın bir noktada çakışması politik vatandaşlığın sonucudur. Kültürel vatandaşlığın reddettiği farklılıklar ve asimilasyon; meşruiyeti ve bireyleri tekipleştiren bir gerçekliğe götürür.

Kimi yazarlar vatandaşlığı tasnif ederken çokkültürlülük kavramını kullanırlar. Çokkültürlülük açısından bakıldığında etnik farklılıkları dışlayıcı (Almanya gibi), asimilasyoncu (Fransa ve Birleşik Krallık gibi) ve çoğulcu (ABD ve Kanada gibi) olarak üç farklı ulus devlet pratiği karşımıza çıkar [5, s. 851]. Fransa'nın vatandaşlık tanımı kültürel vatandaşlık tanımına uygun asimilasyon olarak belirtilir. Fransa devleti cemaatçiliği reddeder ve birey ile devlet arasında diğer toplumsal kurumları tanımaz [7, s. 34]. Öyleyse kültürel vatandaşlık asimilasyonu önceler. Asimilasyon pratiğinin en önemli meşruiyeti resmi eşitliktir. Resmi olarak iddia edilen eşit vatandaşlık ifadesi dezavantajlı bireyleri ve ayrımcılığı görünmez kılar. Terminolojik olarak bazı yazarlar “kültürel vatandaşlık” kavramını politik vatandaşlık gibi kullansalar da [5, s. 853] kültürel vatandaşlık toplumsal kapsayıcılığı farklı kültürlerin yasal zeminde tanınmasını değil, tüm kültürlerin baskın kültüre indirgenmesini anlatır.

Genel hatlarıyla politik ve kültürel vatandaşlığı karşılaştırdığımızda şu sonuçlar ortaya çıkar: Politik vatandaşlık (a) bireyin kendi kimliği ve kültürünü koruduğu, (b) inancını ve (c) etnik aidiyetini resmi olarak kabul ettirdiği, (d) ifade hürriyeti bağlamında inandığı değerleri savunabilen ve yayabilen, farklılığından dolayı toplum tarafından dışlanmadığı veya dışlanmaya karşı yasal korumanın olduğu, asimilasyona tabi olmayan vatandaşlıktır. Diğer yandan kültürel vatandaşlık ise

asimilasyonun olduğu, toplumsal baskının kimlikleri ve ayrımcılıkları görünmez kıldığı, eşitlikçi, ulus devlet tarafından genel hatları çizilmiş davranışlar sergileyen, tek tipçi vatandaşlıktır.

Moldova Cumhuriyeti'nde Vatandaşlık Çalışmada Moldova Cumhuriyeti vatandaşlığı Ömer Çaha'nın yapmış olduğu tasnife uygun olarak açıklanmıştır. Açıklamada vatandaşlık yasalar üzerinden incelenmiştir. Yukarıda bahsedildiği gibi günümüzde vatandaşlık sadece devlet ile birey arasındaki ilişkiyi değil birey ile toplum arasındaki ilişkiyi de ifade etmektedir. Burada çalışmanın sınırlılıkları içinde kanunlar üzerinden Moldova vatandaşlığı politik mi yoksa kültürel mi olduğu analiz edilmiştir.

a. Anayasaya Göre Vatandaşlık

Moldova Cumhuriyeti Anayasası 10'uncu maddede tanımlanan "Halkın Birliği ve Ulusal Kimlik Hakları" başlığı şu şekildedir: *"(1) Devlet temeli Moldova Cumhuriyeti halkının birliği üzerine kurulmuştur. Moldova Cumhuriyeti tüm vatandaşlarının ortak ve bölünmez vatanıdır. (2) Devlet tüm vatandaşlarının etnik, kültürel, dil ve inanç hürriyetini koruma, geliştirme ve ifade etme haklarını tanır ve garanti altına alır."* Anayasa insanların birliğini ifade ederken "halk (poporului-people)" kavramını kullanırken haklar konusunda "vatandaşlar (cetățenilor-citizens)" demeyi tercih etmektedir. Böylece Anayasa vatandaş kavramını hakları olan veya talep eden insanlar olarak kurgulamıştır. Hürriyet denilince akla gelen ve en temel kavramlar olan etnik, dil, kültür ve inanç değerlerini yaşatma, koruma, geliştirme ve ifade etme hürriyeti devlet tarafından tanındığı ve garanti altına alındığı ilan edilmiştir. Ülkenin birliği veya mevcudiyeti vatandaşlık olarak değil halk üzerinden kurgulanmıştır. Böylece vatandaş statik konuma indirgenmiştir. Kanunlarda yazılan vatandaşlık, vatandaşlığı elde etme yöntemi hariç, kamusal faydası sayesinde tanımlanmamıştır. Vatandaş hakları olan ve/veya haklar talep eden insanlar olarak kurgulanmıştır. Böylece Anayasa vatandaşlık kavramının geçtiği ilk hükümlerinde politik vatandaşlık yaklaşımı sergilemiştir.

Anayasa'nın 13'üncü maddesinde politik vatandaş yaklaşımını daha da pekiştiren dil hakkı konu edinmiştir. Bu maddede devletin resmi dili "Moldovanca (Moldavian)" olarak tanımlandıktan sonra *"Devlet sınırları içinde Rusça ve diğer dillerin kullanımı, geliştirilmesi ve korunmasını savunur ve diğer dilleri tanır."* Denmektedir. Ülkede Rusça tüm etnik grupların kullandığı ortak dildir. Başka bir ifadeyle "Lingua Franca"dır. Bu sebeple Rusça ismi Anayasa'da doğrudan zikredilmiştir ancak diğer diller denilerek resmi dil olmamak şartıyla etnik grupların konuştukları dillere herhangi bir kısıtlama getirilmemiştir. Bu noktada resmi dil üzerinden politik vatandaşlığın kültürel vatandaşlığa evrildiği iddia edilebilir. Moldova'da resmi dilin diğer etnik diller üzerinde tahakküm unsuru olduğu düşünülmemektedir. Örneğin Moldova İstatistik Bürosu verilerine göre 2014 yılında yapılan bir araştırmada ülkede 18 etnik grubun olduğu tespit edilmiştir. Bu etnik grupların sekiz farklı dilde konuştukları belirtilmiştir [15, statistica.gov.md]. Bu tür bir araştırmanın yapılması bile başlı başına bir anlam ifade etmektedir. Ülkede yaşayan insanların etnik yapısı hakkında ve konuştukları dilleriyle ilgili bilgi toplamak, resmi dilden farklı olan dillerin Moldova'da devlet tarafından rahatsız edici bir yanının olmadığını göstermektedir. Ayrıca Moldova Eğitim Bakanlığı'na bağlı bazı resmi okullarda Rusça, Gagavuzca, Ukraynaca, Bulgarca, İngilizce eğitim dili olarak kullanılmaktadır. Bu okullarda sadece haftada 4 saat zorunlu Rumence dersi vardır [18, <https://mecc.gov.md/en>].

Anayasa'nın 15'nci maddesi tüm Moldova vatandaşlarının anayasal ve hukuki haklar temelinde özgürlüklerini ve haklarını kullanabileceğini vaaz eder. 16'ncı madde ise bireyin korunması (güvenliği) ve saygınlığı devletin başlıca görevi olduğunu belirtir. Aynı maddenin ikinci fıkrası *"Moldova Cumhuriyeti'ndeki tüm vatandaşlar ırk, milliyet (nationality-naționalitate), etnik köken, dil, din, cinsiyet, düşünce, politik bağ, ekonomik ve sosyal konumu gözetenilmeksizin kanun ve kamu otoriteleri önünde eşittirler."* Şeklinde. Bu madde vatandaşlık tanımında politik vatandaşlık kurgusunun açık ifadesidir. Kanun önünde eşitlik evrensel hukuk normudur ancak etnik köken ile milliyet vurgusu bu maddedeki politik vatandaşlığın anahtar kelimesidir. Moldova Anayasası vatandaşlarının etnik tanımlarını ve farklı milliyetlerini önemsemez. Kişi kendisini kanun ve kamu otoritesi önünde farklı etnik kimlik ve milliyet üzerinden tanımlayabilir ancak bu tanımlama o kişiye

ayrıcalık tanımaz denmektedir. Böylece etnik tanımlamalar önünde engel koyma, yok sayma gibi bir çabaya girmez. Kültürel vatandaşlık kodları etnik kimlikte ve milliyette yoktur.

Anayasanın 17'inci maddesi vatandaşlık üzerinedir. Bu maddeye şu şekilde ifade edilmiştir: “(1) *Moldova Cumhuriyeti vatandaşlığı kanunların öngördüğü şekilde kazanılır, sürdürülür ve kaybedilir.* (2) *Hiç kimse zorla vatandaşlıktan çıkarılamaz ve vatandaşlığını değiştirme hakkından mahrum edilemez.*” Maddede vatandaşlığın hukuki boyutu olduğu belirtilir. Esasında vatandaşlık devletin tanımlaması olduğu için var oluş şekliyle pozitif bir hak veya tanımlamadır. Kişinin vatandaşlıktan çıkarılmasına dair bir açıklama Anayasa’da bulunmamaktadır. Ayrıca vatandaşlıktan çıkma veya farklı vatandaşlık edinme talebini bir hak olarak görmektedir. Bu haliyle de vatandaşlık tanımı politik vatandaşlık tanımına uygundur.

Din ve vicdan hürriyetinin anlatıldığı 31'inci madde Moldova'nın vatandaşlık anlayışının politik vatandaşlık şeklinde olduğunu göstermesi açısından önemlidir. Bu maddeye göre “(1) *Vicdan özgürlüğü garanti altına alınmıştır, vicdani kanaatini açıklama karşılıklı saygı ve anlayış içinde gerçekleşir.* (2) *İnanç grupları (religious cults-culte religioase) özgürlükleri garanti altındadır ve kendi tüzüklerine göre örgütlenebilirler.* (3) *İnanç gruplarının karşılıklı ilişkilerinde kin ve düşmanlığı kullanmaları yasaktır.* (4) *İnanç grupları devletten ayrı özerktirler; orduda, hastanelerde, hapishanelerde, akıl hastanelerinde ve yetimhanelerde dini yardım için kolaylık sağlanması da dahil devletin desteğinden yararlanırlar.*” İnsanlara inançlarını açıklama ve yaşamaya dair geniş bir özgürlük tanınmıştır. İnanç grupları tanımlamasıyla belirli bir grubun anlayacağı dinden değil, inanç özelinde herhangi bir grubun veya bireyin kendi inandığından ne anlıyorsa onun üzerinden din ve vicdan özgürlüğü açıklanmıştır. Dini grupların örgütlenme özgürlüğü çok önemli bir ifadedir. Kendi tüzükleri ile kendilerini yasal statüye kazandırma hakları, dini grupları kendi içlerinde özerk bir yapıya dönüştürür. Böylece dini grupların mekânsal sorunları da ortadan kalkmıştır. Yukarıda belirtilen maddenin en ilginç kısmı 4'üncü fıkrasıdır. Devlet dini gruplara özerklik vermektedir. Yani kendilerine ait bütçeleri, hesapları, faaliyetleri vs. Serbesttir. Hatta kamu idaresine bağlı olan ordu, hastane, hapishane, akıl hastanesi ve öğrenci yurtlarında dini hizmet veren gruplara devlet destek vermektedir. Bu destek şüphesiz maddi destek şeklinde olacaktır. Şöyle ki anayasada bahsi geçen desteğin gruplar tarafından elde edilmesi için dini grupların belirtilen kamu idarelerinde hizmet vermeleri gerekir. Bu hizmetin ortaya çıkmasına sebep olacak şey ise belirtilen kurumlarda kalan, tutulan veya yaşayan insanların talepleri üzerine olacaktır. Yani birey dini hizmeti talep ettiğinde, hangi din olduğuna bakılmaksızın devlet yasal olarak akredite edilmiş dini gruplardan hizmet satın almaktadır. Bu madde din ve vicdan özgürlüğünde görülebilecek çok ileri düzeydir.

Anayasalarda etnik ve dini konular, devletlerin özgürlük veya eşitlik anlayışlarının ortaya çıktığı en önemli konulardır. Moldova Anayasası dini konulardaki özgürlüklerde ve eşitlikte bireylerin taleplerini önceler. Din hizmetlerinin bireysel olarak karşılanması için, gerekli görüldüğü yerde, devlet tarafından destek verilir. Devlet tüm inanç gruplarına eşit mesafededir. Böylece hem din ve vicdan özgürlüğü, hem de eşitlik sağlanmış olur. Bu bakış açısı ile Moldova Cumhuriyeti devleti bireylere politik vatandaşlık temelinde yaklaşan bir felsefeye sahiptir.

İfade özgürlüğü Moldova Cumhuriyeti Anayasası 32'inci maddede şu şekilde ifade edilmiştir: “(1) *Her vatandaş söz, görüntü ve mümkün olan herhangi bir yöntemle düşünce ve kanaatini açıklama hakkına sahiptir.* (2) *İfade hürriyeti başkalarının onuruna, haysiyetine veya kendi fikir ve yargılama haklarına sahip olma ve açıklama haklarına zarar veremez.* (3) *Anayasa halkı ve devleti karalamayı, isyana kışkırtmayı, etnik, dini ve ulusal nefreti, savaşa türü saldırganlığı, ayrımcılığa tahriki, bölgesel ayrımcılığı, halka saldırganlığı veya halkın haklarına tecavüz eden diğer unsurları yasaklar ve kovuşturur.*” İfade özgürlüğü Anayasada metinde yazıldığı şekliyle geniş bir yer tutar. Özellikle 3'üncü fıkrada ifade özgürlüğünün sınırlılıklarının tek tek sayılması Moldova'nın toplumsal yapısıyla alakalıdır. Moldova 1992 yılında iç savaş yaşamış bir ülkedir. Bu tarihi hafıza devlete ve halka şiddet unsuru olarak kullanılabilecek tüm unsurların büyük birer tehdit olarak algılanmasına sebep olmaktadır. Moldova'nın çok etnili yapısı sebebiyle Anayasa'da etnik ayrımcılığa karşı önlem alınmıştır. Etnik ayrımcılığa sebep olacak ifadelerin ifade hürriyetine girmeyeceği ve yargı konusu

edileceği belirtilmiştir. Bölgesel ayrımcılığın ifade özgürlüğü olarak değerlendirilemeyeceği yine Moldova'nın toplumsal ve siyasi yapısıyla alakalıdır. Halihazırda Gagavuzya otonomi olarak Anayasal bir statüye sahiptir. Transdinyester ise Kişinev'den tamamen bağımsız bir idari yapıya sahiptir. Taraclia Bulgar kökenli insanların yoğun yaşadığı yerdir ve otonomi veya özerk olmamasına rağmen kendine has idari uygulamaları vardır. Ülkenin kuzeyinde yaşayan Ukrayna kökenli insanların varlığı ve politik güç olarak varlıklarını sürdürmeleri bölgesel gerilime sebep olacak söylemlere anayasal önlem almayı zorunlu kılmıştır.

Vatandaş ile devlet ilişkisinin en belirgin ortaya çıktığı alan eğitimidir. Moldova Cumhuriyeti Anayasası eğitimle ilgili hükümleri 35'inci maddede genişçe açıklar. Politik veya kültürel vatandaşlığı ilgilendiren madde fıkraları şu şekilde ifade edilmiştir: "... (2) Devlet yasalara uygun olarak kişilerin eğitim ve öğretim dilini seçmesini sağlar. (3) Her tür eğitim kurumunda resmi dil eğitimi sağlanır. ... (8) Devlet kanunlara uygun olarak din eğitimi özgürlüğünü sağlar. Devlet eğitim sistemi laiktir." Eğitimde dil konusu en önemli meseledir. Makbul vatandaş [14, s. 16] yetiştirmenin en temel unsuru ortak bir dil yaratmaktır. Bu dil sadece kökeni itibarıyla değil aksanı, ekleri, deyim ve atasözleri vb. Tüm unsurlarıyla tek düze hale getirilip öğretilir. Başka bir ifade ile okullardaki eğitim asimilasyon unsurudur. Anayasanın 3'üncü fıkrası açıkça başka dillerde eğitim verilebileceğini belirtir. Resmi dilin zorunlu olması şüphesiz beklenen ve ulus devletler için zorunlu olan bir durumdur. Moldova Cumhuriyeti Anayasası Moldovanca (Rumence) hariç diğer dillerde eğitim ve öğretimin sağlanmasına izin vermektedir ve pratikte de İngilizce, Rusça, Ukraynaca vs. Eğitim veren devlet veya özel okullar mevcuttur. Dil eğitimindeki politik vatandaşlık yaklaşımı din eğitimi için de geçerlidir. Anayasa din eğitimi serbest bırakmıştır [11, s. 22]. Buna rağmen tek bir dinin veya dini grubun baskın bir din eğitimine sebebiyet vermemesi için eğitim sistemini laik eğitim olarak belirlemiştir. Geçekten de devlet okulları için yayımlanan ders programlarında din eğitimine dair bir ders bulunmamaktadır [19, mecc.gov.md].

b. Etnik Yapıya Göre Vatandaşlık

Moldova İstatistik Bürosu 2014 yılında kapsamlı bir nüfus sayımı gerçekleştirmiştir. Bu sayımda ortaya çıkan sonuçlara göre Moldova'da 18 etnik grup yaşamaktadır. Milliyetlerine göre nüfusu en kalabalık olanların yüzdelikleri şu şekildedir: %75,8 Moldovan, %8,4 Ukraynalı, %5,9 Rus, %4,4 Gagavuz, %2,2 Rumen, %1,9 Bulgar, %1 diğer milliyet ve %0,4 cevap vermeyenler. Yapılan araştırma içeriğinde etnik yapı sadece sayısal değil yerleşim yeri olarak da paylaşılmıştır. Hangi şehirde hangi etnik yapının yaşadığı ve kaç kişi oldukları ayrıca belirtilmiştir [15, statistica.gov.md].

Bu tür bir istatistiğin bir ülkede yapılabilmesi başlı başına bir veridir. Moldova insanların kendilerini etnik kimlikleri üzerinden tanımlamalarına karşı hoşgörülü bir ülkedir. Bu hoşgörünün altında tarihi miras yatmaktadır. Moldova'nın coğrafyası olan Besarabya tarih boyunca diğer devletlerin baskısından kaçmış insanların sığındığı bir coğrafya olmuştur. Ayrıca Osmanlı İmparatorluğu ve Rus Çarlığı arasında tampon bölge olması, daha sonra Romanya ile Sovyetler Birliği arasında birkaç kez el değiştirmesi etnik yapıyı sürekli değiştirmiş ve sonunda Moldova çok etnikli bir yapıya dönüşmüştür [9, s. 20-30].

Moldova'da vatandaşlar sosyal hayat da dahil her alanda etnik kimliklerini belirtebilirler. Bu sebeple herhangi bir ayrımcılığa tabi tutulmazlar. Bunun en temel örneği Gagavuzya'dır. Gagavuzya Türk kökenli bir halktır ve Moldova Anayasası'nda devletin şeklinin üniter olarak tanımlanmasına karşın Gagavuzya otonomi hakkını almış bir yapıdır. Resmi adı Gagauziya Yeri veya Unitatea Teritorială Autonomă Găgăuzia (UTA Găgăuzia)'dır. Gagavuzya Anayasanın 111'inci maddesine göre otonomi olarak tanımlanmıştır. Bu maddeye göre otonomi hakkı, doğrudan etnik olarak Gagavuz olan halka verilmiştir [22, presedinte.gov.md]. Kazanılan özerkliğin temel motivasyonu coğrafi değil etniktir. İdari birim olarak da Moldova, etnik yapıların kendilerini etnik kimlikleri üzerinden tanımlamalarını hoşgörü ile karşılar.

Gerek anayasa olsun gerek diğer kanun ve uygulamaları olsun Moldovan vatandaşlığı etnik yapı açısından politik vatandaşlık olarak kurgulanmıştır. Hiç kimse etnik kökeni sebebiyle ayrımcılığa

veya etnik kökenini açıklama baskısına maruz kalmaz. Kamu idarelerinde etnik bilinç onaylanmakta ve vatandaşın etnik tanımına uygun olarak kolaylıklar sağlanmaktadır.

c. Dil ve Kültürel Yapıya Göre Vatandaşlık

Moldova'da her etnik grup kendi dilini konuşabilmektedir. Dil konusunda Anayasa'da verilen haklar günlük hayatta kullanılır. Anayasa'nın 13'üncü maddesi devletin resmi dilini Moldovanca olarak tanımlar ancak Rusça ve diğer dillerin kullanımı, geliştirilmesi ve korunmasını garanti altına alır.

Daha önce de belirtildiği gibi Moldova'da istenilen dilde eğitim sağlanabilir. Sadece Rumence dili tüm sınıf kademelerinde zorunlu olarak haftada 4 saat uygulanır. Anayasa'da resmi dilin Moldovanca yazılmasına rağmen günlük hayatta Rumence olarak kullanılmasının sebebi 2013 yılında Anayasa Mahkemesi'nin almış olduğu karar la alakalıdır. İlgili karara göre Moldovanca ismi yerine Rumence ismi kullanılabilir [4, s. 68].

Moldova İstatistik Bürosu 2014¹ verilerine göre ülkede ana dili Moldovanca olan insanların oranı yaklaşık %60'tır. İnsanlar ana dillerini oransal olarak %5,5 Ukraynaca, %11,5 Rusça, %4 Gagavuzca, %16,5 Rumence, %1,6 Bulgarca şeklinde tanımlamışlardır [20, statistica.gov.md]. Devlet insanların hangi dilde konuştuklarını ve kimliklerini hangi dille anlamlandırdıklarını araştırmış ve verileri yayımlamıştır.

Moldova'da vatandaşlık tanımında dil farklılıklarının önemsenmediği, yani bireyin hangi dilde konuştuğu kamu idaresi ve siyasi yapı tarafından ayrımcılığa konu olmadığı ortaya çıkar. Devlet, ana dilde eğitim hakkından kamu idarelerinde farklı dillerde hizmet sunumuna kadar, dil alanını serbestlik şeklinde yorumlamıştır ve böyle de uygulamaktadır. Politikacıların kendileri de çoğu kez birkaç dilde açıklama yapmaktadırlar. Hem toplumsal yapı içerisinde hem de kamu idaresinde Anayasa'da belirtilen politik vatandaşlık kavramı karşımıza çıkar.

d. İnanç Hürriyeti Açısından Vatandaşlık

İnanç konusu Moldova'nın toplumsal yapısındaki en derin ve en sessiz tartışmadır. Tüm tartışma konuları konuşulmama üzerine inşa edilmiştir. Hiç kimse din konusunda aleni beyanda bulunmaz ve bu konuda politika üretmez. Din konusu din adamlarına bırakılmış ancak herkesin gündeminde olan konudur.

Anayasa din ve vicdan hürriyetini çok geniş şekilde yorumlamış ve her tür dini gruba yasalar doğrultusunda faaliyette bulunma hakkı vermiştir. Hatta kamu idaresine bağlı kurumlarda bireylerin talepleri olması halinde yasalara uygun faaliyet gösteren dini grupların devlet tarafından destekleneceği garantisi verilmiştir.

Moldova'da pek çok dini grup vardır. Baskın inanç grubu Rusya Merkezi Kilisesi'ne bağlı Ortodoks Hristiyanlıktır. İkinci olarak Romanya Merkezi Kilisesi'ne bağlı Ortodoks Hristiyanlıktır. Diğer dini gruplar da mevcuttur. Özellikle başkent Kişinev'de Museviler, Yedinci Gün Adventistler, Pentikostalizm (*Penticostal*), Eski Ayinciler, Evangelistler, Baptistler, Yehova Şahitleri ve az sayıda Müslümanlar mevcuttur [20, statistica.gov.md].

Moldova'da kiliseler politik tutumlarını açık şekilde ortaya koyarlar. Nüfusun yaklaşık %93,5'i kendisini Ortodoks olarak tanımaktadır. Ancak Ortodoks inancı kilisenin çok aktif olduğu bir inanç sistemidir. Merkezi kilisedeki papa dinin temsilcisidir. Katolik dünyada tek papalık şeklindeki örgütlenme Ortodoks inancında merkezi kiliseler şeklinde örgütlenmiştir. Merkezi kiliseler günümüzde genellikle bir ulus devletle özdeşleşmiştir. Moldova kilisesi Rus Ortodoks Kilisesi'ne bağlı bir metropolitliktir. Moldova Metropolitliği Moldova'daki en büyük dini otoritedir. İkinci olarak Besarabya Ortodoks Metropolitliği vardır ki bu metropolitlik Romanya Ortodoks Kilisesi ve papalığına bağlıdır [2, s. 88].

Moldova dini konuda vatandaşlık tanımı olarak politik vatandaşlığa yakın tutum sergiler. Dil, etnik ve ifade hürriyeti konusundaki serbestisi din konusunda yoktur. Ancak yine de dini konularda

¹2014 yılından sonra etnik yapı, dini inanç vs. gibi konuları kapsayan bir araştırma yapılmamıştır. Bu yüzden veri olarak sadece 2014 yılı baz alınmıştır.

bir asimilasyon söz konusu değildir. Bağımsızlığını aldığı ilk günden itibaren Rusya'ya bağlı metropolitlik tek dini otorite olarak tanındı. Ancak Besarabya Metropolitliği yasal olarak tanınmak istendi. Devletin bunu kabul etmemesi üzerine Besarabya Kilisesi konuyu Avrupa İnsan Hakları Mahkemesi'ne (AİHM) taşıdı. 2002 yılında AİHM kararı gereği yasal statü kazandı ve bugün varlığını sürdürmektedir [12, s. 443-465].

Rusya'ya bağlı metropolitliğin yaklaşık 1.000, Romanya'ya bağlı metropolitliğin yaklaşık 120 kilisesi mevcuttur [12, s. 465]. Bu iki merkezi kilisenin tartışması Moldova'nın vatandaşlık tanımında esnek davranmasına neden olmuştur. Diğer alanlardaki serbestlik algısının tersine din konusunda bazen katı bir tutum takınılmıştır. Bunun Sovyetlerden ayrılırken, yani kuruluş aşamasında Romanya ile birleşme politikalarının etkisi vardır. Kiliseler üzerinden kavga, temelde Rusya taraftarları ile Romanya taraftarlarının kavgasının yansımasıdır. Besarabya Metropolitliği'nin tartışması yaklaşık 20 yıl önce çözüme kavuşmuştur. Kısmi gerginlikler olmasıyla birlikte din konusu konuşulmamaya ve sadece yaşamaya havale edilmiş bir alandır. Dini otoritelerin konuştuğu ama insanların konuşmadığı bu alan bazen kültürel vatandaşlık içerisinde değerlendirilse de temel kanunlar ve yapı, siyasi vatandaşlık olarak kurgulanmıştır. Din konusunda devlet bireylerin dini özgürlüklerini her tür alanda yaşamalarına imkan sağlar. Günlük hayatta, kamu kurumları da dahil her yerde dini semboller kullanılır ve din adamları dini kıyafetleri ile her yerde bulunurlar. Dini hayata dair hiçbir alanda devlet bireyin karşısına çıkmaz. Başkentin ana caddesinde bile her türlü dini grup veya cemaat dini tebliğde bulunup insanları cemaatlerine üye yapabilmektedir.

Sonuç Moldova Cumhuriyeti bağımsızlığına kavuştuğu günden bugüne 30 yıl geçti. 1994 yılında yaptığı anayasa hala yürürlüktedir. Şüphesiz zaman içerisinde değişiklikler oldu ancak anayasanın vatandaşlık yaklaşımındaki temel bakışı değişmedi. Moldova devletinin vatandaşlık yaklaşımı politik vatandaşlık şeklindedir.

Etnik kimlik konusunda Moldova Cumhuriyeti çok etnikli bir yapıya sahiptir ve Anayasa çok etnikli yapıyı olduğu gibi kabul eder. Bireylerin kendilerini etnik aidiyetler üzerinden tanımlaması karşısında hiçbir kısıtlamaya gitmez. Ayrıca hem pratikte hem de Anayasal olarak inanç ve din hürriyeti konusunda Moldova genel itibarıyla politik vatandaşlık tutumu içindedir.

Moldova'da etnik grupların ana dillerini geliştirmeleri ve kamusal alanda kabul ettirmeleri için devlet tarafından bir engel çıkarılmamaktadır. İsteyen insanlar devlet okulları da dahil farklı dillerde eğitim veren okullara çocuklarını gönderebilirler. Gagavuzya ve Transdinyester'de eğitim dili tamamen Rusçadır. Bununla birlikte Ukraynaca ve İngilizce eğitim veren okullar mevcuttur. Hatta bölgelere göre okullarda Türkçe, Bulgarca, Gagavuzca gibi diller ikinci dil olarak öğretilmektedir. Dil konusunda devlet insanları Rumence veya Rusça üzerinden baskılamaz.

Bazen politik vatandaşlık yaklaşımının Moldova'nın geçek kimliğine zarar verdiği iddia edilmektedir. Ancak Moldova Cumhuriyeti vatandaşlık yaklaşımında kendi tarihi ve kültürel yapısını göz önüne almaktadır. İçinde 18 etnik grubun yaşadığı bir ülkede kültürel vatandaşlık üzerinden kamu yönetimini sürdürmek mümkün değildir. 1992 yılında yaşadığı Transdinyester savaşı hala hafızalarda yer alır. Ülkedeki politik vatandaşlık reel politığın bir gereğidir.

Kaynakça:

1. Akbulut, Örsan [2007]. *Küreselleşme Ulus Devlet ve Kamu Yönetimi*. Ankara: TODAİE Yayınları.
2. Akpınar, Ömer [2021]. *Moldova'da Ulus Kimlik İnşası ve Eğitim: Sovyetlerden Sovyet Sonrası Döneme Müfredat Analizi*. İstanbul Sabahattin Zaim Üniversitesi Lisansüstü Eğitim Enstitüsü: İstanbul.
3. Aristoteles [2013]. *Politika* (Murat Temelli, Çev.). İstanbul: Ark Kitapları.
4. Baar, Vladimir, Jakubek, Daniel [1997]. Divided National Identity in Moldova. *Journal of Nationalism Memory and Language Politics*, Volume 11, Issue 1, s. 58-92.
5. Beaman, Jean [2016]. Citizenship as Cultural : Towards a Theory of Cultural Citizenship. *Sociology Compass*, Volume 10, Issue 10, 849-857.

6. Cohen, Mitchell [2010]. T. H. Marshall's "Citizenship and Social Class". *Dissent Magazine*, dissentmagazine.org, Erişim 12.02.2021.
7. Çaha, Ömer [2011]. *Fransa'da İslam Karşıtlığı ve Laisizm*. İstanbul: Kadim Yayınları.
8. Heywood, Andrew [2017]. *Siyaset Teorisine Giriş* (Hızır Murat Köse, Çev.). 8. Basım, İstanbul: Küre Yayınları.
9. King, Charles [2000]. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture*. California: Hoover Institution Press.
10. Marshall, T. H. [1950]. *Citizenship and Social Class*. In *Class, Citizenship and Social Development*. Shicago, IL: University of Chicago Press.
11. Musteață, Sergiu [2017]. About Us and Our Neighbours: History Textbooks in the Republic of Moldova, Romania and Ukraine. Georg Eckert Institute, Braunschweig, Eckert. Dossiers 7.
12. Turcescu, Licu, Stan, Lavinia [2003]. Church State Conflict in Moldova: the Bessarabian Metropolitanate. *Communist and Post-Communist Studies*, 443-465.
13. Turner, Joe [2016]. Engendering the Political: Citizenship from Marjinal Spaces. *Citizenship Studies*, 141-155.
14. Üstel, Fusun [2016]. Makbul Vatandaşın Peşinde II. Meşrutiyet'ten Bugüne Vatandaşlık Eğitimi. İstanbul: İletişim Yayınları.
15. https://statistica.gov.md/public/files/Recensamint/Recensamint_pop_2014/Rezultate/Harti/Limba_materna_A4.jpg, (03.03.2021).
16. <http://parlament.md/CadrulLegal/Constitution/tabid/151/language/ro-RO/Default.aspx>, (03.03.2021).
17. <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/41173/119453/F1236260695/MDA41173%20Eng%202003.pdf>, (03.03.2021).
18. <https://mecc.gov.md/en/documents>, (03.03.2021).
19. <https://mecc.gov.md/ro/content/invatamint-secundar-profesional>, (06.03.2021).
20. <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=en&idc=295&id=2234>, (07.03.2021).
21. <https://www.presedinte.md/declaration>, (01.05.2021).
22. <https://www.presedinte.md/eng/constitution>, (01.05.2021).

CZU 811.512.165'243(477)

UKRAİNADA YABANCI DİL GİBİ GAGAUZ DİLİNİN ÜÜRENİLMESİ

Arnaut Fedora (Tudora),

Doktor, doçent, Taras Şevçenko adına Kiev
Milli Üniversiteti, Üürenmāk-bilim filologiya
institutu, Türkologiya kafedrası. Ukraina
e-mail: meydanazeri2018@gmail.com
orcid id: 0000-0001-7291-0239

Virnik Olga,

Doktor, Taras Şevçenko adına Kiev Milli
Üniversiteti, Üürenmāk-bilim filologiya
institutu, Türkologiya kafedrası. Ukraina
e-mail: olgapysh89@ukr.net
orcid id: 0000-0002-7676-6497

Abstract: After becoming an independent state, Ukraine has included in a number of pressing issues of preservation and development of the language of both the state and the development of the language of national minorities, which are an integral part of a multinational society. In recent years, in the field of teaching Gagauz as a native language in schools and at the university, there has been a tendency to interpenetrate the methods of teaching it as a native, non-native and foreign. The relevance of the chosen topic is due to the fact that teaching Gagauz language and literature as a foreign language, on the one hand, being an innovation for this specialty, on the other hand, caused a number of difficulties in the lack of educational material, in teaching methods to students, as well as in other areas of teaching.

Keywords Gagauz language and literature as a foreign language, teaching methods, pedagogy.

Eski Sovet Birliin sisteması daaldıktan sora herbir respublika kendi serbestliini açıkladı hem başladı atmaa kendi temelini birçok önde. Bunnarın arasında öğrenmek önu ilk sıradaydı, çünkü bir devletin ayakta kalması hem kendini tanıtması hem kendi halkına hem da dünnäya ancak öğrenmişliin yolundan var nasın geçsin. Ukrainanın eski Sovet Birliin içinde hem sınırların geniş olması hem da çok milletli bir devletin olması bu devleti taa da önemli yaptı. Elbet, burada da ilk sırada öğrenmişlik birinci sıraları aldı. 1992 .ci yılda Ukraina serbestliini ilan ettikten sora devlet dili - ukraina dili ilan edildi. Burada yaşayan 130 dolayanda millet hem etnik grupalar devlet dilini hem bu dilde çıkan okul kıyatlarını okullarda okumaya , öğrenmää başladılar. Devlet bu temeldä burada yaşayan halklar için da elini uzattı. Bunnarın arasında vardı gagauz halkı da. 1992-ci yıllarından sora , açan kalktı soruş nasın kooruma hem ilerletmää gagauz dilini, ana dilinä sevdalı olan gagauz üüredicileri başladılar üüretmää gagauz dilini gagauz küülerin okullarında . Elbet, ilk yılların vardı büyük zorlukları kıyat hem öğrenmişlik tarafından, onun için kıyatları ilk yıllarda verärdi Gagauz Yeri Üörenmişlik Bakanlı ödeksiz. 2008 yılından beeri da başladı tiparlanmaa gagauz öğrenmek kıyatları sıraylan. Büünkü gündä 2-11 klaslar için gagauz dili kıyatları tiparlandı hem üürenicilär üürenerlär okullarda ana dilini. Bu ilerlemä gagauz dilinin taa da derindän üürenilmesi için bir adım gibi oldu. Bir taraftan ancak okullarda üüredilän gagauz dili başladı kalmaa ancak okul uurunda, öbür taraftan da gagauz dilindä üüredicilerin sayısı pek aazdı. Taa da bir problema vardı, ani 2010 yılında ÜNESKO ‘Yok olmakta olan diller haritasında’ («Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения»)[1] 2500 dil hem dialektlerin arasına aldı gagauz dilini da, nasın kaybolan dil statusunda. Bu oldu bir signal, taa deerindän gözden geçirmää gagauz dilinin geleceğini. Bu üzerä Ukraina Cümnä Kuruluşu ‘Ukraina Gagauzlar Birlii’ hem Kiev Taras Şevçenko adına Milli Universiteti yazdılar ofițial yazı Ukraina Milli Üörenmişlik Bakanlına , ani açılın gagauz dilindä zanaat türkologiya kafedrasında. 2016 -cı yılda Bakannık aldı karar bu uurda ilerletmää gagauz dilini taa üüsek uurda – universitetä üüretmää studentleri gagauz dilinä. Bu zanaatın adıydı ‘*Gagauz dili hem literaturası. Pedagogika*’. Bu zanaatta üürendi 6 student. 2018 yılında karar verildi taa da genişletmää bu zanaatın adını hem perspektivasını da yapıldı bir eni üürenmäk programası. Bu programaya görä studentler üürenerlär ‘*Gagauz dili hem literaturası, ingiliz dili. Pedagogika*’ zanaatında. Onnar tamamladıktan sora üörenmişliklerini, olaceklar pedagog hem gagauz dilindä hem da ingiliz dilindä. Hem üçüncü dil onnar için seçildi Türkiye türkçesi, ani 3 yıl sıravardı başka predmetlerin arasında üürenerlar. Bu zanaata geldilär üürenmää hem gagauz studentleri (1 kişi) hem da ukrainner. Bu zanaatı üüretmää başlayınca da elbet problemalar da barabar geldilär. İlk kere annaşıldı, ani gagauz dili nasın bir **yabancı dil** üüredilecek başka milletlerden insannara. Bu bir eni zanaat diil gagauz dilini bilennärä ama yabancılara. Büünkü günä kadar ne Komrat devlet unversitetindä ne da Kiev Taras Şevçenko adına Milli Universitetindä bu zanaat için vardı bölä bir praktika. Bunun için yoktu bir metodika, metodika kıyadı, programalar hem üürediciler da pek azdı, angılarının vardı uzmanlık uuru. Bu zorlukları çözmek için türkologiya kafedrasının türkologralrı tarafından kısa vakıta çok hizmet verilmää başlandı. Büünkü gündä hazırlandı ‘Gagauzca – ukrainca laflaşmak kıyadı hem bir sıra başka kıyatlar, ani lüzım üürenmek prosesindä [2]. Bu hazırlanmaların arasında vardı yardım Komrat Devlet Universitetin tarafından da. Gagauz dili hem İstoriyası kafedrasının türlü üürenmäk konusunda fikir paylaşımları pek sık oldu hem taa büün da olmakta. Onnarın yıllarca bu uurda topladıkları bilgiler yabancılara gagauzçayı üüretmek için yardımcı olër.

Birçak laf nasın studentlär kavrêrlar dili üürenmektä. Gramatika uurunda ukrain studentlär kullanarak incä vokalları var nasın esap almaa, ani kimi sesleri incä sölärkan kimilerini hemen kalınnadêrlar. Örnek : *görerim* lafinda *i* vokali incä ses çıkararken biraz kalın gibi söyleniler hem ondan sora gelen *m* çıkêr kalın. Bu türlü örnekläri bu vollar laflarda var nasın zeedelemää (gülerim (gülerim), seslenerim (seslenerim) hem b.

Cümlä kuruluşunda studentler pek zorlanmêrlar, çünkü slav gramatikası altında uzun vakıt kalan gagauz dilinin cümlä yapısı da benzer. Ama lüzım söylemää, ani gagauz lafetmä dilindä sıkça

kullanılan rusçadan geçân , *i, çto, potomu çto, tak, net, da* hem başka eklâr hem laflar zorluk çıkarêr studentlerâ , ani üürenerlar bu dili nasın bir yabancı dil. Bu zorluklar taa çok görüler *Audirovaniya* dersindâ, açan veriler material bir reportajdan, ani yapılmış sokaktaki insannardan. *'Biz topladık boodayı. Oçen sevineriz, ani bu yıl urojay oldu islâ. Potomu çto, geçen yıldan kaldı az booday. Çto skazat, biz nadeetsâ olêriz, çto bu yıl Allaa bizi işitti, poêtomu lâázım becerelim isposzovat etmää dooru bu dobroyu.'* (sokak reportajından bir alıntı)

Derslerdâ gagauz dilindâ bilim statyaların az olması da büyük bir isiklik üürenmektâ. Gagauz bilim dili yazılı taa çok rus dilindâ, bu da zorluk yaradêr çeviri derslerindâ hem bilimsel literatüre derslerindâ.

Gagauz literatüre kritikasının da iisiklii duyulêr literatüre derslerindâ, çünkü yazıcıların yaratmalarını analiz yaparkana üürenici kendi analizini lâázım yapsın bu kritikaya dayanarak.

Gagauz dilini okullarda üüretmâk için gagauz milletindân üürenicilerâ etişmer metodika uurunda kıyatlar. Gagauziyada tiparlanan kıyatlar sınırların kapalı olmasından dolayı her zaman Ukrainaya etişmer. Bu da metodika derslerindâ bir problema. Ama pek sevindirir o iş, ani Maruneviş adına Bilim hem Araştırma Merkezi kendi internet sayfasında paylaşêr merkezin kıyatlarının, da studentler orada var nasın aaraştırsınar bilgileri. Heryıl yapılan Komrat devlet Universitetindâ sempozyumun materialları da kıyat formatında var internettâ, bu da büyük bir yardım. Gagauz devlet televizyası hem radiosu da bizim studentler için çok gözâl bir adım deerindân üürenmää gagauz dilini, çünkü burada var türlü temada programalar. Bu programalar pek yardımcı olêrlar ilerletmää gagauz dili stedentlerâ, angıları için bu dil yabancı.

Yabancılar gagauz dilini üüretmää hem onnarı hazırlamaa, nasın üüredici, ani üürenmesini tamannayıp gidecek okula vermää ders , temellener hem bilgili üüredicilerin olmasına, hem da yukarıda sıraladımız kıyatlara. Ukrainada yaşayan gagauz dilinin yaşaması için dil lâázım hem kullanılsın, elbet ilkim halkın arasında, başlayarak ayledân, okullarda, unüversitetlerdâ, radio hem TV programalarında, bilimdâ. Sevindirir o gerçek, ani gagauz dilini başladılar üürenmää diil salt gagauz milletindân insannar, ama başka milletten gençlâr da. Dil bir yol göstericisi halkın yaşaması için. Bunun yaşaması da baalı onu okul hem universitetlerdâ üürenilmesinâ.

Bibliografiya:

1. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger (2010).
URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/> (Accessed: 01.02.2020)
2. Арнаут Ф., І. Покровська, К. Телешун. Збірник текстів для домашнього читання з гагаузької мови. – Ч.: Вид-во «Букрек», 2017. – 64 с. (навчальний посібник та методичні розробки);
3. Арнаут Ф.І., Телешун К.О. Стан розвитку рідної мови гагаузів / Ф.І. Арнаут, К.О. Телешун // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. Видавничий дім «Гельветика», 2019. № 42, том 2. С. 10-12. Фахове видання (Index Copernicus International).
4. Арнаут Ф. І., Телешун К.О. Гагаузько-український розмовник (для студентів 1-2 року навчання ОС «Бакалавр»). Київ-Чернівці «Букрек», 2018. 64 с.;
5. Арнаут Ф.І., Пишньоха О.А., Покровська І.Л. Виробничо-педагогічна практика з викладання гагаузької мови і літератури (для студентів напряму підготовки 014 – середня освіта освітнього ступеня «Бакалавр» освітньо-професійної програми «Гагаузька мова і література»). 14 с.;
6. Збірка текстів для домашнього читання з гагаузької мови для (для студентів 2-3 року навчання ОС «Бакалавр») / Ф. Арнаут , І. Покровська, К. Телешун. Київ, 2017. с. 67. Київ, 2017. с. 67.;
7. Покровська І.Л., Спотар-Аяр Г.Ю. Функціонально-семантичне поле мети в гагаузькій мові. Вісник Маріупольського державного університету. Серія Філологія, 2020. Вип. 23. С. 184–192.;

8. Програма комплексного підсумкового іспиту з гагаузької мови і літератури для випускників ОС «Бакалавр» спеціальності «Мова і література (гагаузька)» / Уклад. Арнаут Ф.І., Покровська І.Л., Телешун К.О. К., 2019. 49 с.
9. Синтаксис гагаузької мови : метод. рекомендації (для студентів напрямку підготовки 014 – середня освіта освітнього ступеня бакалавр освітньо-професійної програми «Гагаузька мова і література») / Упорядн. І.Л. Покровська, Г.Ю. Спотар-Аяр. К. : ВПЦ «Київський університет», 2020.16 с.;

CZU 821.512.161-31.09

TÜRK ROMANINDA MODERNİST EVRE

Balik Macit

Doç. Dr. /Türk Dili ve Edebiyatı Bartın Üniversitesi/Türkiye

e-mail: mbalik@bartin.edu.tr

orcid id: 0000-0002-4589-0428

Abstract: A number of important scientific developments that took place in the world in the late 19th and early 20th centuries caused the rational reality to be questioned and doubted. The authority established by the empirical and Newtonian realism understanding of the West was shaken especially by Freud's subconscious reality and Einstein's theory of relativity. In this process, the idea that there is no single and absolute reality based only on positivist and rational minds has begun to dominate. This change towards reality in the West also made itself felt in the art of the novel, and the classical realistic 19th century novel had to be replaced by the modernist novel. Joyce, Woolf, Kafka, Proust, Faulkner etc. The understanding of the modernist novel, which developed under the leadership of these names, found its way in Turkish literature after a while. Especially since the 1950s, a new understanding of fiction has begun to be seen in Turkish novels, in line with a new perception of reality, similar to Western examples. This understanding has developed an avant-garde attitude and new novels have emerged. In this paper, it has been tried to make evaluations about the transition to the modernist novel and simultaneously to the postmodernist process in Turkish literature.

Keywords: Turkish literature, novel, modernist / postmodernist Turkish novel.

Giriş Türkiye’de romanın ilk örneklerinin görüldüğü Tanzimat yıllarında biçim ve teknik kaygısından uzak, daha çok geleneksel tahkiye unsuruna yaslanan ve toplumsal faydayı gözetken romanlar yazılır. Genellikle gerçekçi bir çizgi üzerinde duran ilk dönem romanları, tekniğin önemsenmediği metinlerdir. Yetmişli yılların başına kadar da “yazınsallığı ikinci plana iten ve belirgin bir sosyolojizmin” [7, s. 70] öne çıktığı romanlarda, öncelikle Doğu-Batı karşıtlığı odağa alınır. Halit Ziya’nın(1866-1945)*Mai ve Siyah*’ıyla (1898)birlikte geleneksel roman anlayışından sıyrılarak “dramatik yapı özelliğine bağlı [...] objektif bir bakış açısı” [8, s. 28] görülse de roman, vazgeçilemeyen bir gerçekçiliğin ipoteği altındadır. Meşrutiyet sonrasında ise “Türk sosyal hayatına ve meselelerine eğilmekle kendini sorumlu tutan, daha çok milliyetçi ve halkçı” [1, s.180] bir anlayışla yazan romancı profili söz konusudur. Cumhuriyet sonrası romanda da genel hatlarıyla; inkılâpların sosyal hayattaki yansımaları, yeni yaşam şekline uyum ya da uyumsuzluk, eski yaşantıya özlem ya da tenkit, Batılılaşma ve memleket meseleleri gibi konuların yanı sıra Türk edebiyatının özellikle 1940’tan sonrasını işgal edecek olan köy konusu işlenir.

Başlangıcından itibaren Türk romanında oldukça rağbet gören toplumcu gerçekçilik, “yüzünü göstermeye başladığı 1925-1940 yıllarından 1980’li yıllara kadar, varlığını güçlü bir şekilde sürdürmüştür” [2, s. 252]. 1940’tan 70’li yıllara kadar Türk romanında “sanat gücü son derece zayıf, [...] köy yaşantısını sosyalist ideolojiye göre yorumlayan, [...] düşünce derinliği bulunmayan ve sığ

bir gerçeklik peşinde olan popüler edebiyat örnekleri” [9, s. 558-559] şeklinde nitelenebilecek köy romancılığı, edebiyat gündemini meşgul eder. Klasik romanın kurgu öğelerinin kullanıldığı bu uzun dönemde; zamandizinsellik, dış gerçeğe uygunluk, hâkim bakış açısı, okuru yönlendirme ve sosyal fayda gibi unsurlara önem verilmiştir. Kısaca Türk romancısı, 1970’li yıllara kadar Batı’da ortaya çıkan realist, determinist, pozitivist ilkelere ve toplumun gereksinimlerine odaklanmayı Batılılaşmanın bir gereği olarak düşünmüştür.

Modernist Türk Romanının Öncü Sesleri

Uzun yıllar geleneksel-gerçekçianlayış etrafında şekillenen Türk romanı, Batı’da 19. yüzyıl sonu ve 20. yüzyıl başlarında görülen ve modern roman estetiğinin özelliklerini taşıyan ilk roman örneklerini 1940’tansonra vermiştir. Türk roman geleneğinin Batı romanının bir varyantı olduğu gerçeğinin yanında, önemli bir özelliğinin “ardzamanlılık” [15, s. 77] olduğu unutulmamalıdır. Klasik romanın ardzamanlılığını, 19. yüzyılın Balzac’ının 20. yüzyılda takip ve taklit edilmesi oluştururken; 20. yüzyılın başında *Ulysses*’i yazan James Joyce’u neredeyse elli yıl sonra modernist Türk romancılarının izlemesi de modern romanın ardzamanlılığını gösterir. Buna karşın Türk romanında modernden postmoderne belirgin bir geçiş olmadığı ve iki anlayışın iç içe geliştiği göz önüne alındığında postmodernist romanın Batı ile eş zamanlı olduğu sonucuna varılır.

Romanın ilk örneklerinin verilmesinden modernist romanörneklerinin görüldüğü süre içinde 1940’lı yıllar ve sonrasında yazılan birkaç romanda geleneksel roman anlayışından sapmalar görülür. Abdülhak Şinasi Hisar’ın [1887-1963], *Fahim Bey ve Biz*(1941) ve *Çamlıcadaki Eniştemiz* (1944); Kemal Bilbaşar’ın [1910-1983]*Denizin Çağırışı*[1943]; Ahmet Hamdi Tanpınar’ın [1901-1962]*Huzur*(1949); Peyami Safa’nın [1899-1961] ise *Matmazel Noraliya’nın Koltuğu*’nda [1949] modernist roman anlayışının bazı özelliklerinin kullanıldığı görülür [8, s. 35; 16, s.197].

Abdülhak Şinasi Hisar, birbiriyle bağlantısı olmayan, ayrı ayrı parçacıkları bir araya getirerek[kolaj] olay örgüsünü kaldırır.Kemal Bilbaşar, *Denizin Çağırışı*’nda dış gerçeği önceleyen klasik roman anlayışının dışına çıkarak “romanın başkışisi öğretmenin iç dünyasını, hayallerini, korkularını, çelişkilerini başarıyla yansıtacak itibarî yapıyı ustaca kurgulamıştır. Bu trajik öykü, başkışisinin zaman zaman düştüğü çelişkilerle ironik bir özellik de göster[ir]” [11, s. 107].

Peyami Safa, *Matmazel Noraliya’nın Koltuğu*’nda romanın başkışisi Ferit’i merkez yansıtıcı olarak kullanır ve onun yaşadığı ruhsal büyüme sürecini iç monolog tekniğini kullanarak ifade eder. Tanpınar ise Peyami Safa’nın kullandığı psikolojik derinliğin yanında zamanda kronolojik bir akışı kabul etmez, psikolojik gerçekçiliği ve dinamik zaman anlayışını benimser. *Huzur*’un eksiltili cümlelerle zihinsel çağırışına doğru açılan anlatımında Joyce, Huxley ve Proust etkisini vurgulayan görüşe göre,*Matmazel Noraliya’nın Koltuğu*’ndaki bilinç akışı tekniği, James Joyce’un *Ulysses*’te kullandığı anlatım tekniğiyle örtüşmektedir [14, s. 285, 314]. Tanpınar’ı *Mahur Beste* romanıyla değerlendiren Parla, onun modernist romanın Oğuz Atay’dan önceki havarisi olduğunu, “beceriksizliğin, can sıkıntısının, engellenmenin, her şeyden önce zamanın getirdiği acımasız değişim karşısında bireysel yenilginin dünyasını” [12, s.415] temsil ettiği argümanı ile ortaya koyar. Bu romancılara 1950’li yıllarda bir isim daha eklenir: Attilâ İlhan (1925–2005). İlhan’ın *Sokaktaki Adam*[1953] romanında “multi-perspektif bir anlatım[a]”yer vermesinin yanı sıra, “birden fazla anlatıcının olması, vak’aları geniş bir perspektiften ve farklı değer yargılarıyla takip etme[si]” [2, s. 269-270] modernist roman estetiği açısından önemlidir. İlhan’ın romanlarında kullandığı “flash-back tekniğiyle geçmişe dönerek zamandizinsel anlatımı delme” [3, s. 85] özelliği de modernist kurgunun özelliklerinden biri olarak değerlendirilmelidir. 1950’li yılların sonunda modernist romanın yetkin örneklerinden biri olan *Aylak Adam*[1959] ile birlikte Yusuf Atılgan (1921-1989) öne çıkar. Yetmişli yılların modernist roman çizgisi içinde *Anayurt Otel*’yle (1973) de değerlendirilecek olan Atılgan’dan kronolojik bütünlüğün sağlanması açısından burada da söz etmek gerekmektedir. “Çağcıl insanın sorunlarıyla birlikte oluşan modern romanın edebiyatımızdaki en sağlam örneklerinden” [4, s. 40] biri olan *Aylak Adam*’da verili roman anlayışına aykırı bir yaratımın ürünü olan C. adlı karakterin ruhsal gerçeklikleri, çelişkileri ve açmazları ortaya konur.

1970’li yıllara girerken hâkim edebiyat görüşünden -toplumcu gerçekçi köy romancılığı- ve geleneksel gerçekçi yöntemden uzaklaşan bir romancı da Yaşar Kemal’dir [d. 1923]. Efsane ve masal söylemiyle kurguladığı romanlarında, özellikle 1960’lı yılların sonlarında tamamladığı *Dağın Öte Yüzü* üçlemesinde [Orta Direk(1960), *Yer Demir Gök Bakır*(1963), *Ölmez Otu*(1968)] “olağan ile fantastiğin iç içe girdiği bir dünya” [6, s. 79] yaratır. Yaşar Kemal, gerçekçilik yönteminde önemli bir kırılma noktasında durmaktan ötürü klasik gerçekçilerden ayrılır. Onun bütününü olmasa bile gerçekçiliğe karşı aldığı tavrı sebebiyle modernist romanın ortaya çıkışında öncü ve hazırlayıcı etkiye sahip olduğu düşünülebilir. Sözü edilen romanlara bakıldığında, “olayın en aza indirgenmesi, birey üzerine eğilme, kurgu açısından zamanın ileriye doğru akmayan kırılmalara uğraması gibi modernist romanın niteliklerini andıran bir durumun varlığı göze çarpar” [16, s.197]. Bu romanlar bir veya birkaç yönüyle modernist romanın ilkelerini kullanarak sonraki dönemde ortaya çıkacak olan modernist romanların öncüleridir.

Türk Edebiyatında Modernist/Postmodernist Roman

Türk edebiyatında modernist romanın ortaya çıkışına yukarıda zikredilen romanların öncülük ettiği gerçeği bir yana, gerçek anlamda modernist/postmodernist romanların yetmişli yıllarda kendini göstermeye başlamıştır. Modernist ve postmodernist kavramlarının bir arada kullanılmasının sebebi, Türkiye’de modern ve postmodern roman anlayışının Batı’daki gibi yüzyıla varan bir sürecin aşamaları olarak ortaya çıkmamasıdır. Türkiye’de modernist ve postmodernist roman, zamansal bir art ardalık özelliği göstermezler. Yetmişli yıllarda Türk romanı ilk avangardist metinleri üretmeye başladığında, Batı avangardizmi postmodern düzleme taşınır. Bu nedenle, Türk romanının önce modern sonra postmodern sırasına göre bir gelişme göstermesinden de söz edilemez. Zira “ilk avangardist Türk romanları, modern ve postmodern özellikleri bir arada taşırlar” [3, s. 85]. Yetmişli yıllarda modern/postmodern kurgu/yapı özelliklerini gösteren yazarlar arasında Oğuz Atay, Yusuf Atılgan, Ferit Edgü, Bilge Karasu, Adalet Ağaoğlu gibi isimler öne çıkmakta, 1980’li yıllardan itibaren bu liste daha da uzamaktadır.

Türk edebiyatında kimi yazarlara göre modernizmden postmodernizme geçişin ama yaygın kanı olarak modernist romanın gerçek anlamda ilk örneğini *Tutunamayanlar*[1971] romanıyla Oğuz Atay [1934-1977] verir [5, s.348; 3, s. 86 ve 16, s. 28]. Ancak onun roman tarihinde önemli bir dönemeçte yer alan *Tutunamayanlar* romanında yaptıkları, “70’lerin gerçekçi söylemi içinde karmaşık biçim öğelerine kuşkuyla bakan okur tarafından pek anlaşılmamıştır” [6, s. 79]. Hatta roman, “Türk edebiyatında insanların, o dönemde toplumsal olan edebiyatı, üst düzeyde ironileştirilmiş ve deneysel içerikli edebiyata üstün” [12, s. 415] tutmalarından ötürü uzun süre dikkat çekmemiştir. Oğuz Atay’ın kronolojik zaman akışının montaj kalıplarıyla delindiği, iç ve dış dünya arasındaki sınırların kaybolduğu, farklı biçim ve anlatım öğeleri aracılığıyla çok katmanlı bir yapı içinde yazdığı *Tutunamayanlar*’ı, James Joyce’un *Ulysses*’inden izler taşır. Atay, romanında, birtakım dinsel-mitolojik unsurlardan da yararlanarak yerleşik düzenin değer yargılarıyla, zevkleriyle, yaşama biçimiyle uzlaşamayan, topluma yabancılaşmış insanın yaşamını odağa alır. Amacı, “içinden çıktıkları topluma yabancı, her şeyi ideolojik söylemle çözümlemeye çalışan yarı aydınlarla alay etmek” [5, s.348] olan Atay, *Tutunamayanlar*’da üstkurmaca tekniğini kullanarak romana postmodernist ruh katar. O, Ecevit’in deyişiyle Türk romanında ilk “metafiksyonalist” [3, s.87] olma özelliğiyle aynı zamanda postmodernisttir. Jale Parla *Tutunamayanlar*’ı modernizme karşı duruşun ve tepkinin ifadesi olarak değerlendirirken, aynı zamanda romanı “modernleşme süreci içinde kendi milliyetçi mitlerini yaratan ve modernleşmekte olan bir toplumdaki biçimlendirici etkilere karşı keskin, iğneleyici ve yıkıcı bir saldırı” [3, s. 415] biçiminde değerlendirir.

Modernist özellikleri barındıran önemli bir roman da *Tutunamayanlar*’dan bir yıl sonra Yusuf Atılgan’ın yazdığı *Anayurt Oteli* [1973]’dir. Roman, “neden-sonuç ilişkisinin yok edildiği Kafkaesk bir ortamda, 20. yüzyıl insanının evrensel sorunsalları olan yabancılaşma/yalnızlık ve iletişim kopukluğunu odağa alır” [3, s. 88]. Geleneksel tasvirlerden, kurgu ve anlatım tekniklerinden farklı bir yol izleyen Atılgan; bilinç akışı, iç monolog, zıtlıklardan yararlanma, flash-back gibi modern teknikler kullanarak, roman kişinin iç dünyasını açılar. Romanın özellikle tek bir düzlemde

anlamlandırılması zor olan boşluklar kullanması ve bu boşlukları doldurma işlevini okura yüklemesi, modern roman anlayışının önemli niteliklerindendir. Yusuf Atılgan, Atay'dan farklı olarak, "Joyce'tan ziyade Kafka'ya yakın bir çizgide durmasıyla" [3, s. 88] modernist Türk romanının mihenk taşlarından biridir.

1970'li yıllarda farklı roman anlayışıyla ortaya çıkan ve modernist roman çizgisinde konumlandırılan önemli isimlerinden biri Ferit Edgü'dür [d. 1936]. Edgü, farklı biçimler deneyerek toplumcu-gerçekçi edebiyat anlayışının dışında daha çok "Kafka ve Beckett'in çizgilerinden izler taşıyan" [3, s.88] roman ve öyküler yazar. *Hakkâri'de Bir Mevsim* [1977] romanının başında epigrafta kullandığı Carlos Castenada'ya ait "Düş gerçeğin ta kendisidir" sözü, Edgü'nün edebiyat görüşünün özeti gibidir. *Hakkâri'de Bir Mevsim*'de yazar, "zaman kipiyle sürekli oynayarak düş ve gerçeğin, geçmiş ve şimdinin" [10, s. 75] belirsizleştirildiği bir teknik kullanır. Edgü, gerçekleri somut yaşamın renkleriyle dokunmuş fantastik bir düş dünyasında yansıtır.

1970'li yılların modernist roman anlayışına sahip yazarlarından biri de Adalet Ağaoğlu'dur [d. 1929]. *Ölmeye Yatmak* [1973] romanıyla, dönemi için yeni sayılabilecek anlatım tekniklerini farklı bir içerikle birleştirerek klasik kurgu anlayışının dışına çıkmıştır. Zamanın dakikalarla işlendiği bu roman, Aysel adlı başkişinin bilincinden, geriye dönüşlerle aktarılır. Roman, olay örgüsünün başından değil, herhangi bir noktadan başlatılması, alt bölümlerin "bir veya birden fazla anlatıcı tarafından aktarılması, iç monolog, bilinç akışı, mektup, günlük, rüya, montaj, geriye dönüş, metinlerarasılık vb. gibi çoklu bir teknikle anlatılması yönüyle" [13, s.173] modernist romanın önemli örneklerinden biri olarak değerlendirilir.

Sonuç Batı'da 19. Yüzyılın sonlarında fizik ve psikolojide ortaya çıkan gelişmelerin ardından akılcılığa dayanan pozitif düşüncenin geçirdiği sarsıntıyla birlikte romanda da bir "kuşku çağı" başlamıştır. Tek ve mutlak bir gerçekliğin olmayacağı anlayışına dayanan bu yeni dünya algısı romanda deneysel girişimlere yol açmış ve modernist romanın ortaya çıkmasına zemin hazırlamıştır. Romanın unsurlarında keskin değişikliklerin görülmeye başladığı bu aşamada, klasik gerçekçi romana kıyasla; zaman, mekân, başkahraman, anlatıcı ve kişi kavramları bütünüyle değişmiştir. Batı'daki bu değişiklikler batılı romanı "art zamanlı" bir şekilde takip eden Türk romanında da yansımalarını bulmuş, modernleşme ve kentleşmenin ortaya çıkardığı yeni düzen içinde modernist tutum da ivme kazanmıştır. Türk edebiyatında bu etkilerin Batı'dan önemli bir farkı vardır. O da modernist ve postmodernist roman arasında neredeyse zaman aralığının olmaması, yani eşzamanlı olmasıdır. 1940'lı yıllardan itibaren değişimin ilk işaretleri verilmekle birlikte Türk romanında modernist evreye geçişin 1970'li yıllarda ve aynı zamanda postmodernist unsurları da barındırarak gerçekleştiği görülür. Modern ve postmodern edebiyat anlayışının eş zamanlı kullanıldıkları avangardist romanların ilk örnekleri, 1980 sonrası Türk romanında görülecek olan derin kırılmanın da habercisi olmuşlardır. Türk romanının biçimsel ve teknik anlamda yaygın olarak deneyimlendiği 1980 sonrası yazarlarınca kullanılan postmodern tekniklerin (üstkurmaca, metinlerarasılık, çoğulculuk vs.) Atay ve Atılgan'ın romana kazandırdıkları yeni soluğun devamı olduğu noktasında edebiyat eleştirmenlerinin görüş birliğine vardıklarını söylemek mümkündür.

Kaynaklar:

1. Akyüz, Kenan[1995].*Modern Türk Edebiyatının Ana Çizgileri*, İstanbul: İnkılâp Kitabevi Yayınları.
2. Çelik, Yakup[2006]. "Cumhuriyet Dönemi Roman: 1920–1960", *Türk Edebiyatı Tarihi*, İstanbul: C. IV, Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, I. Baskı, s. 215–274.
3. Ecevit, Yıldız [2006].*Türk Romanında Postmodernist Açılımlar*, İstanbul: İletişim Yayınları, 4. Baskı.
4. Gümüş, Semih [2003].*Yazının Sarkacı Roman*, İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları.
5. Gündüz, Osman[2006]. "Cumhuriyet Dönemi: Roman 1960 Sonrası", *Türk Edebiyatı Tarihi*, C. IV, İstanbul: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, I. Baskı, s. 275–374.

6. İnci, Handan[2005]. “Aziz Efendi’nin Reddedilen Mirası Türk Romancısının ‘Gerçeklikle’ Savaşı”, *Kitap-lık*, 80, Şubat, 73-83.
8. Kahraman, Hasan Bülent[2009]. *Post-Entelektüel Dönem ve Edebiyat*, İstanbul: Agora Kitaplığı.
9. Kantarcıoğlu, Sevim[2007]. *Türk ve Dünya Romanlarında Modernizm*, İstanbul: Paradigma Yayınları.
10. Kaplan, Ramazan[1997]. *Cumhuriyet Dönemi Türk Romanında Köy*, Ankara: Akçağ Yayınları, 3. Baskı.
11. Özata, Jale[2005]. “Çağdaş Türk Romanı”, *Edebiyat Buluşması Sempozyumu Bildirileri 30 Eylül- 02 Ekim 2002*, Prizren: Bal-Tam Yayınları, s. 71-81.
12. Özpay, Ahmet [2004]. *Kemal Bilbaşar’ın Romancılığı*, Ankara: Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı, Yayınlanmamış Doktora Tezi.
13. Parla, Jale [2006]. “Modernizmden Postmodernizme Türk Romanı”, Çev: Yurdanur Salman, *Türk Edebiyatı Tarihi*, C. IV, İstanbul: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, I. Baskı, s. 411-419.
14. Uğurlu, Seyit Battal [2010]. *Adalet Ağaoğlu’nun Hayatı, Roman ve Hikâyeleri Üzerine Bir İnceleme*, Ankara: MEB Yayınları.
15. Yalçın, Alemdar[2005]. *Siyasal ve Sosyal Değişmeler Açısından Cumhuriyet Dönemi Çağdaş Türk Romanı 1946-2000*, Ankara: Akçağ Yayınları, 2. Baskı.
16. Yavuz, Hilmi[2008]. *Edebiyat ve Sanat Üzerine Yazılar*, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2. Baskı.
17. Yürek, Hasan[2008]. “Türk Romanında Modernist Etkinin Boyutları”, *Gazi Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi*, C. 28, 1, s. 187-202

CZU 811.512.165’366

MORFEMA ÇEŞİTLERİ GAGAUZ DİLİNDƏ: ONNARIN ÖZELLİKLERİ HEM FUNKTİYASI

Bankova İ.D.,

Doktor, konferențiar KDU, Komrat, RM

e-mail: bankir54@mail.ru

orcid id: 0000-0001-8782-7497

Abstract. The article focuses on current issues of morphemics in the Gagauz language - there have been described various morphemes, their peculiarities and functions. The author of the article gives the connotation for the term *morpheme*, and provides the typology of morphemes in the Gagauz language, as well as their key differences and various positions in the word in regards to its root.

Key words: morpheme, morph, root morpheme, affixational morpheme, affix, word formation affix, inflectional affix, suffix, prefix, inflexion, interfix, postfix.

Zamandaş gagauz dilində laf kurulması en aktual hem zor bir bölümdür, neredə bireri baalanêr dilin snhroniya hem diahroniya aspektleri. Gagauz dili gramatikasının bilim temelini koydu Pokrovskaya L.A. [13]. Bu ilk bilim kiyadı, neredə bakıldı laf kurulmasından soruşlar, gösterildi morfemalar, onnarın funktiyası. Ama ayırı aaraştırmalar monografiya formasında, derindän açıklamar, bilim artikolları morfemika temasında şindiyä kadar gagauz dilində yok. Sayêrız, ani morfemika teması gagauz lingvistikasında aktual soruştı hem bilim tarafından, hem terminologiya ilerlemesinde.

Morfema annayışı laf kurulması bölümündä temeldir. **Morfema** (urumcadan *morphē* – forma) lafın minimal maanalı payıdır [15, c. 324]. Termini *morfema* 1881-inci yılda işletmeyä koydu B. de Kurtene, ki belli etmää annayış çeşitlerini «kök», «prefiks», «suffiks», «okonçanie». O sayardı, ani

morfema dil düşüncesinin bölünmüz, ayrılmaz bir elementiydir [1, c. 161]. Morfema – abstrakt birimdir, annaşılêr nică invariant, ani konkret variantlarda gerçekteşer – morflarda. Morflar sa sözdä morfemaların konkret temsilcileriyydir (dildä realizatıya). **Morf** termini işletmeyä koyldu kullanılan *fonema/fon* terminlerin analogiyasına görä. Rus dili bilimindä dä E.A. Zemskaya yazêr, ani morf – lafin en küçük formal payı, angısının var maanası. Morf ileri dooru taa parçalanırsa, o parçalar çıkışacak maanasız birimnär – fonemalar [8-2005, c. 19].

Genel lingvistikada hem gagauz üürenmæk kıyatlarında, lafların maanalı paylarını adlamaa deyni, kullanılêr termin *morfema*. Morf hem morfema annayışları gagauz dilindä derindän üürenilmedi. Bizim bakışımıza görä, hesaba alarsaydıkonson hem vokal seslerin dönmelerini lafların köklerinde hem afikslerde, gagauz dil bilgisindä lâázım kullanmaa iki termini dä – *morf* hem *morfema*. Morfemayı hem morfu ayırmaa deyni da farklını göstermää, yaraştırılın onnarı fonemaylan hem seslêrlän, angılar bir fonemanın reprezentantlarıdır. Deyecez, seslär [z], [s], [ş'] [z] fonemanın reprezentantlarıdır laflarda [kızı], [kıs], [kış'çaas]. Analocik proşesi bulêrız laf kurulmasında da. Yaraştır: *bän* – *bana* – *beni*. Burada üçtürlü morflar göstererlär bir kök morfemayı, eki üç alomorf bir morfemada.

Bölecä, morfema lafin maanalı payın abstrakt adıdır, morflar sa – onun konkret reprezentantları. Nică dooru yazdı J. Boduen de Kurtene, morfema termini zeedä diildir, nasıl da diil zeedä toplayan termin *aaç* özel adların yanında “*meşä*”, “*çam*”, “*kavak*” h. b. [8-2005, c. 290-291].

Butakım denk maanalı morflar, angıların formal ayırılı baalı sade onnarın pozişiyasının lafta, *alomorfa* sayılêr: *gül-lär* – *gül-ler-i*; *gül-cääz* – *gül-ceedä* h.b.

Bir morfemanın alomorfaları var nică olsun bir lafin formalarında hem türlü leksemalarda. Bir morfemaya toplanılêr morflar, angılarında var butakım nışannar: 1) denk maanalı; 2) denk pozişiyada; 3) herbir pozişiyada kullanılan biri-birinin erinä. Morflar morfemanın variantları sayılêr.

Makarki forma hem maana tarafınan var çoktürlü morfema, gagauz dilindä morfemalar uniformalı birimnärdir, angıların kendi klasına (bölümünä) uygulu nışannarı birtürlüdür. Bundan başka, onnarda var otakım nışannar, ani bölüm çevresindä bir sıra morfemaya toplam altbölümdä yakışıklı. Buna görä dä morfemalar bir alttip birleşip-kurêrlar. Klasifikasiyalamak olêr şu şemellerä görä: 1) karakter, maana tipi; 2) lafin yapısında eri; 3) lafta funktıyası.

Maana karakterinä görä morfemalar olur göstêrsinnär üç tiptä maana: konkret, gerçekteşer maanalı, derivaşıya maanalı, reläşıya maanalı. Konkret, gerçekteşer maana köktäydir (kök morfema). Rus dilindä prefikslär, sufikslär, postfikslär derivaşıya maanasını taşıyêrlar, gagauz dilindä laf kuran afikslär dä hep derivaşıya maanalıdır. Onnar konkret, gerçekteşer maanayı diıştêrerlär da eni laf kurêrlar. Reläşıya maanasını rus dilindä gösterelär fleksiylar (okonçanie), gagauz dilindä sä reläşıya maanasını taşıyêr laf diıştêrân afikslär. Onnar göstererlär bir lafin başka laflara ilişkilerini cümledä, sözdä. Reläşıya maanası diil baalı gerçekteşer maanaya da onunnan barabar kullanılêr.

Morfema bölünmüz bir paydır, çünkü o pay edilmüz taa küçük lafin maanalı paylarına. Morfemalar ayrırlêrlar funktıyalarına, maanalarına hem lafin strukturasında erinä görä. Ki morfemaların tipologiyasını kurmaa, bilgiçlär seçerlär türlü nışannarı. Makarki var çoktürlü nışan, *lafin kurulmasında roluna görä* morfemaları bölerlär butakım: angıları mutlak lafin strukturasında var (*köklär*) hem angıları fakultativ (*afikslär*). Başka türlü demää, morfemalar iki tipä bölünêrlär: *kök morfemalar* hem *afiks morfemalar*. Onnar da sayılêrlar lafin maanalı payları: kök hem afiks. Nasıl artık yukarda sölenildi, lafin formal en küçük maanalı payları **kök** hem **afiks**. Morf lafin maanalı parçasıdır. Morflar ayrırlêrlar birkaç nışannara görä: lafta funktıyasına görä, lafin strukturasında erinä görä hem maanalarına görä.

Ayrırlêrlar *kök morflar* hem *yardımcı morflar* (yada *afikslär*), morflar, angıları karşılaştırlar biri-birinnän. İkitürlü morfların ayrırlması baalı onnarın funktıyasının lafin strukturasında. *Kök* morflar mutlak lafin lâázımın payıdır, çünkü köksüz laflar yok. *Afiks* morflar lafin fakultativ payıdır. Gagauz dilindä, nică dä başka dillerdä, var laflar afiksiz (afiks morfsuz): *bän*, *dün*, *kaz*, *buz* h.b. *Kök* senselä (bir maanada) lafların birtürlü payıdır, angısı düzer lafin temel leksika semantika maanasını, deyecez, *sevmää* – *sevgili* – *sevinç* h.b. Gagauz dilindä var köklär predmet maanasının

(*el – adlık*), proşes maanasınnan (*git, gitmää – işlik*), proşessiz nişanın maanasınnan (*dar – nişannık*), nekadarlık maanasınnan (*beş – sayılık*) h.b. Kök morfların maanaları taa konkret, afiks morfların maanası taa abstrakttır.

Lafın strukturasında kök temel morfemaydır. Kök morfema sade köktür. O lafın temel payı, onun mutlak komponentiydir, öz maanayı taşıyan çekerdek, bir köktän senselä leksemaların semantika özü: *göz, gözlük, gözçü; gözletmää*. Lafın strukturasında öz morfema köktür (**kay/dır/mak**), ani herbir leksika birimindä mutlak var da tekrarlanêr hepsi senselä (bir köktän) laflarda (**kay/gın, kay/mak**) hem gramatika formalarında (**kay/makta, kay/maktan**) hem ani var kolay kullanılsın morfemasız, göstereräk lafın öz işlem leksika maanasını (**kay**).

Gagauz dilindä lafların taa çoyu düzülü sade köktän – *laf, süt, su, kum, git, sus, al, ur, bak, ak, kara, uz, taş* h.b. Bir bölük laf düzülü birkaç morfemadan – köktän hem laf kuran afikstän (*su-lu, kum-nuk, sus-mak* h.b.) ya da iki köktän (*ard-laf, laf-et, kara-kuş, kız-kardaş, ön-söz* h.b.), ya da taa başka strukturada (*her-gün-kü, kız-kardaş-lık, gün-dön-dü* h.b.). Semantikaya görä var nicä seçmää kökleri butakım: predmet maanasınnan (*taş-lık, söz-lük, su-suz, diz-çä* h.b.), nişan maanasınnan (*gözel-lik, iışı-lemää, kara-rmaa* h.b.), proşes maanasınnan (*sallan-gaç, kaç-ak, kaz-ma, kır-ıntı* h.b.), aderlik maanasınnan (*ben-imbisi, siz-in, sen-incä* h.b.) hem t.b.

O köklär, ani kullanılêrlar sade afikslärlän, *baalı kök* sayılêrlar (*sacak, düünük* h.b.). Baalı köklü butakım laflar dildä kullanılmêrlar kök formada, afikssiz. Bu tema bakıldı artikolda «Kimi çok kısmını köklär için gagauz dilindä» [19]. Baalı köklärdä kullanılan afikslerin hep o semantikas, da gösterêrlär o tiptän maanay. Taman bu üzerä dä bir tiptä afiksleri belli etmektän sora, ne kalêr, o da baalı kök sayılêr. Zamandaş gagauz dilindä onnar [baalı köklär] razgelmeer forma kuran ya forma diıştırän afikslärlän: *düünük-lü, düünük-le-mää*. Baalı köklän kullanılan afikslerin adetçä semantikaları var, da onnar sistemdä gösteräbilerlär tipik maanaları. Da bu tipik afiksleri seçtiynän, te o, ne kalêr, o da baalı kök sayılêr.

Kök morfemaya görä bulunduu erindä afikslär bu tiplerdä var: *prefiks, sufiks, postfiks, fleksiya (okonçanie – rus.), interfiks*. Sufiks hem prefix belli ediler kök morfemaya görä (ardında hem önündä), ama fleksiya (okonçanie) – lafın absölüt bitkisindä, sonunda durêr. Köksüz laf olmaz, ama afiks var nicä olmasın da lafın strukturasında (yapısında). Adetçä afiks gösterer laf kuran ya gramatika maanasını, angıları diıştırêrlär ya konkretizat ederlär kök morfemanın semantikasını.

Afiks morf herbir lafın maanalı payıdır, köktän kaarä. İndoevropalı dillerdä lafın strukturasında eri kaplamasına görä afikslär pay olêrlar *prefikslerä* (kökün önündä) hem *postfikslerä* (kökün ardında), başka laflarlan demää, *sufikslär* hem *fleksiyalar*. Deyecez, rus dilindä *пред-став-л-е-ни-е*, romun dilindä *ne-noroc-ir-e*. Afiks sayılêr o morfemalar, angıları diıştırêrlär ya konkretizat ederlär kökün maanasını, ama köktän ayırı kendibaşına hem fakultativ kullanılmazlar. Afikslär olur kullanılsınlar laf kuran fonktyasında (*paklık, eşillik* – yarşt.: *pak, eşil*; predmetlenmiş nişanın maanası, ani nişannıktan çekiler), forma kuran fonktyasını (*uzun-ca, geniş-çü*), forma diıştırän fonktyasını (*kız-çaaaz, bil-mää, kiyat-lar*).

Gagauz dilindä afikslär eklenerlär biri-biri ardı sora belli bir sıralıkta dilin kurallarına görä, da bu sıralı lafedän olmaz diıştırısın: *tuşmaa – tutuşmaa – tutuşturmaa – tutuşturmamaa; kız – kızgın – kızgınnık; saç – saçaaaz – saççaaazlar – saççaaazlarım – saççaaazlarımda*.

Afikslär kullanılêrlar sade lafların strukturasında (yapısında), ayırı razgelmeerlär. Gagauz dilindä köklerin taa çoyu türlü afiksleri kabledäbilerlär, bollukta bulunêrlar da *serbest kök* sayılêrlar.

Fonktyasına görä afikslär pay olêrlar butakım: *laf kuran afikslär, forma kuran afikslär, laf (forma) diıştırän afikslär*. Afikslär vererlär kolaylık lafları nesoysa bir klasa ya bir grupaya erleştirmää (**-li**: *çiçek-li – nişannık; -dan*: *odundan – adlın odun çıkış halda forması*). Laf kuran afikslär eni laf kurêrlar (*ot- ot-luk, demir – demir-ci, ses – ses-lä*); forma kuran afikslär lafın özel bir formasını düzer (*kuş – kuş-lar, iki – iki-nci, göz – göz-çääz, uç – uç-an*); laf (forma) diıştırän afikslär lafın gramatika formasını düzer (*kır – kır-ın, kır-a, kır-ı, kır-da, kır-dan*).

Kökün ya başka prefiksin önündä bulunan da laf kuran ya gramatika maanasını gösterän izmetçi morfema *prefikstir*. Prefiks her zaman bütün lafa ekleniler, neçinki onun yardımınan eni laf kurulêr

diil temeldän, ama laftan. Prefikslär bulunêr kökün önündä lafin absolüt çeketmesindä (rom.: *lucrarea* – *pre-lucrarea* – *обработка-переработка*; *scrie* – *de-scrie* – *описание*; rus.: *перезимовать*). Ekleneräk bütün lafa, laf kurulması projesindä prefikslär diiştirmeerlär söz payını hem lafin temel semantika strukturasını (rom.: *vorbirea* – *convorbirea*; rus.: *мудрый* – *премудрый*), pek iliştirmeerlär lafin fonetika kabına hem leksika-gramatika karakteristikasına.

Aglütinativ dillerdä laf kuran hem laf diiştirän afiksatiya sistemi pek yaygındır. Bölä dillerdä gramatika formaların düzülməsi hem laf kurulması gerçeklener gramatika maanasını ya derivațiya maanasını taşıyan afikslerin yardımınan, angıları ekleniler kökə ya da lafin temelinä. Bu fikirin doorusuna argument bulunêr K.G. İşbaevin artikolunda, neredä başkir dilindä afiksleri için gider laf [9]. Ama avtorun kimi çıkışları gagauz dilinä dä uygundur. Adetçä biliner, ani türkcä afiksleri kökün ardında bulunêr, başka türlü demää, o prefikslär, ani başka dillerdä kullanılêr, türk dillerindä yok [10]. Ama kimi lingvistlär sayêrlar, ani prefiks var türk dillerindä dä, nicä azerbaycan, türkmen, özbek, kırgız hem türk dillerindä, gösterip elementleri te busoy laf formalarında *an-ak* – *'белый-пребелый, беленький'*; *йон-йомшак* – *'мягкий-премягкий'* h.b. [10]. Pokrovskaya L.A. bakışına görä, burada kendibaşına morfema prefiks hesabında yok, ama var sade kökün önündä bulunan prefikslerä benzeyän formant – lafin bir payı [13, c. 106].

Gagauz dilindä öz türk laflarında belli ediler sade kökün ardında bulunan afikslär, kökün önündä bulunan afikslär, deyecez, prefikslär, bölä laflarda yok. Ama läüzüm açıklamaa, ani gagauz dilindä, nicä dä başka dillerdä, prefiksatiya olayı görüner, açan morfematika yolundan laflar kurulmuş. Ama bu lafların kullanılmak sferası pek dar, sıkılı, çünkü burada laf gider sade ölä prefikslär için, angıları urum, latin dillerindän alınma (*de-montaj*, *a-moral* h.b.).

Kökün ardında bulunan da laf kuran ya gramatika maanasını gösterän izmetçi morfema **sufikstir**. O var nicä bulunsun kökün uz ardında – rom.: *izvoraş*, *cititor*; rus.: *домик*, *книжка* ya da başka sufikslerin ardında – rus.: *сад-ов-ник*, *строи-тель-н-ый*, *вяз-а-ль-щик*. Sufikslerin semantika katlanması geniştir, da kendi fonksiyalarını gerçektirmektä onnarın var kolayı gösterebilir türli maanaları. Rus dilindeki sufikslerin fonksiyasını gagauz dilindä tamannêrlar laf kuran ya forma kuran afikslär: *камен-щик* – *taş-çı*, *лист-ик* – *yaпра-чик*.

Postfiks lafin absolüt bitkisindä fleksiyaдан (okonçanie) sora bulunan izmetçi morfemaydır (rus.: *ли-л-а-сь*, *куда-нибуть* h.b.). Rus lingvistikasında termin postfiks birkaç oluştarda kullanılır dar maanasında da kullanılır adlamaa deyni *-ся/-сь* afiksi, angısı her zaman bulunêr fleksiyanın ardında (*умывает-ся*, *сержу-сь*). Olduuna görä postfikslär kendibaşına laflardır. Nicä prefiks, postfiks tã hep ölä ekleniler lafa da tamannêr hem taa açık belirleer leksemanın maanasını. N.M. Şanskiy butakım inandırêr: postfiks hem laf otakım bir bütünlük kurêrlar, ani onnarın arasına başka bişey yok nicä sıdırmaa. Onun eri devamını, fiksati edili [18]. Gagauz dilindä işlik formalarında butakım postfiks kullanılmêr. Kendilik maanasını işliklerde gösterer kendilik zalogunda afiks *-n*, *-in*, *-ün*, *-ün*: *ука-п-таа* – *мыться*, *умываться*; *sev-in-mää* – *радоваться*. Pokrovskaya L.A. butakım yazêr: «Возвратный залог указывает на то, что субъект производит действие над самими собой или для себя» [13, c. 172].

Fleksiya (окончание) – gramatika (sintaksis) formalarını kuran hem gramatika maanasını gösterän izmetçi morfemaydır (fleksiyaalı dillerdä lafin son morfeması). Bu izmetçi morfema var fleksiyaalı/flektiv dillerdä sade diiştirän söz paylarında. İşhallıklarda, durum kategoriyasında laflarda hem izmetçi laflarda bu morfema yok, neçinki onnar diiştirilmäzdir. Rus dilindä diiştirän bir lafin adetçä var bir fleksiya sistemi (adlıkların hal fleksiyaaları, nışannıkların fleksiyaaları h.b.). Gagauz dilindä fleksiya fonksiyasını tamannêrlar laf diiştirän afikslär – adlıkların hal afiksleri: *ev-i*, *ev-dä*, *ev-ä*, *ev-dän* h.b.; üz afiksleri: *kız-ım*, *kız-ın*, *kız-ı* h.b.

Morfema dilin ikitaraflı birimidir. Bu gösterer, ani morfemanın var forması hem içindeli. Belli edili nışannardan birisi yoksaydı, bir lafin payında morfemanın statusu şüpedä. Ama laf kuruluşu teoryasında var annayış *boş morfema* («нулевая морфема»), *interfiks* («интерфикс»). Bu annayışlardan ikisi gagauz dili morfemikasında taa bakılmadı da gagauz lingvistikasında bütün aktualdır.

Praktikadan demeneklär verer kolaylık saymaa, ani adlıkların temel halda formasında boş morfema bulunêr, deyecez: *tafta* (T.h.) – *tafta-dan* (Ç.h.); *kiyat* (T.h.) – *kiyad-a* (D.h.); *kök* (T.h.) – *kök-ün* (S.h.); *kuşçaaz* (T.h.) – *kuşçaaz-ı* (G.h.) h.b. Örneklerdän göreriz, ani temel hal formasında adlıklarda yok maasuz hal morfeması, da bunu var nicä saymaa boş morfema. Bizim bakışımıza görä, butakım olaylar başka gramatika formalarında da var, ama bu gipotezayı lääzım taa derindän aaraştırmaa da ayırı bir bilim formatında açıklamaa.

Başka bir olay morfema urunda birimlerin ikitarafılı bozulması – açan bulunêr segmentlär, angıların forması var, ama maanaları yok, yada var speşifikalı maanaları. Laf gider ölä sayılan *interfiks*lär için. Lafta, gramatika maanalı paylardan (morfemalardan) kaarä, asemantikalı (maanasız) elementlär dä var, onnar **interfiks**tir. Lafların strukturasında birleştiren elementlär interfiks sayılêr (lat.: *inter* – ara/arada/arası + *fixus* – ekli/yapıştırılı) [15, c. 199]. Dil örnekleri gösterer, ani bölä maanasız elementlär çok diilerdä var (rus. – *свежемороженный, двухведерный* h.b.; нем. *Arbeitstag – будний день*; *Hilfsverb – вспомогательный глагол*; gagauz. – *altışar, kızınnan, annısında, onu* h.b.). Busoy morfema klasını lafta kanonca ayırmak, onnarın funksiyanını hem semantikasını açıklamak morfemika teoriesinde da, gagauz dili morfema analizini yapmakta da diskusiyalı bir temaydır.

Interfiks problemi lingvistikada kaplêêr birkaç dartışmalı soruş: *Nedir o interfiks (angi morfemalar olur girsinnär burayı)? Onnarın funksiyası lafta nesoydur? Lafın payları hepsinin mi var maanası? Koyulu soruşlardan herbirin kararlanması, nicä dä interfiks probleminin bütündän çözümesi, baalı bir fenomenä: laflar paylara bölünmeêrlär birtütlü, yok çetin kurallar buna, morfemalara da hep ölä. Rus dilindä bu problematika gösterili sözlüklerdä, gramatikalarda, bilim artikollarında h.b.*

Koyulmuş soruşları kararmakta var iki belli pozitiya: 1) o payların, angılarına bölünêr laf, var maanası. Lafta yok hem yok nicä olsun da maanasız paylar; 2) lafta hepsi payların maanası yoktur. Lafta var ölä segmentlär, angıları sade nesoysa funksiya tamannêêrlar.

Lääzım düşünmää te buna: Kabul edärsäk, ani laflarda var maanasız paylar, ozaman bölä söz payların statusu nesoydur? Eer o maanasız paylar morfema sayılarsa, ne yapmaa o parametraylan, ani morfemada mutlak lääzım olsun maana?

İlk pozitiyada duran aaraştırmacılar düşünêrlär butakım: lafların hepsi payları morfemaydır. Onnarda yok ne leksika maanası, ne laf kurmak maanası, ne gramatika maanası, ama onnarın maanasıdır birleştirmää ya başka nesoysa funksiya tamannamaa.

İkinci pozitiyada aaraştırmacılar sayêrlar: bölä paylar diildir morfema, neçinki morfemanını temel nişanıdır maanalı olmaa.

Peydalanêr üçüncü bakış ta: o elementlär, angıları için gider laf, lafın yapısında olmaz ayırı pay gibi onnarı göstermää, onnarı lääzım eklemää, yamamaa ya afiksä, ya kökä da saymaa bu bitkilerini afiksin ya kökün variatıyası gibi.

Lingvist Zemskaya E.A. rus dili temelindä butakım çıkışlar yaptı [7]:

1) İnterfiksın bulunması kolayladêr hem tekst kurmaa, hem onu annayıp-kapmaa. İnterfiksatiya yardım eder kurulu lafları tanımaa hem kurmaa. İnterfiksler genişleder lafın dinamikalı potensialını, makarki dil nişanın tradişional strukturasını bozup-yıkêrlar, struktura sa isteer benzersiz uygunluk maanayı gösterän morfemanın hem maananın arasında (ne neyi gösterer).

2) İnterfiksler sözü yapêrlar taa düzgün, taa ötkün. Sözü düzgün ötmesi çıkêr ondan, ani interfiksler yol açêrlar lafın o tıklı erlerindä, neredä bir tarafa çıkarêrlar biri-birinin ardı sora toplanılan vokallar (açık aralık) hem konsonnar, kimar kerä dä lafın içänki rifmovkasını kurêrlar.

3) İnterfiksler uzadêrlar afiksin önündeki payını lafta, yardım edip önnemää birkişimni kökleri, açan kısa kök yufkaladêr lafın fonetika açıklını; butakımdır eski laflar da (rus.: *ded-ov-skuı*), eni kurulmuş laflar da (*mep-ov-skuı*). İnterfiksler kapêrlar vokallan bitän kökü, ki korutmaa dili uyumsuz strukturalardan (rus.: *nou-l-ey* h.b.).

Gagauz dilindä interfiksatiya hem interfiks eni annayıştır hem aaraştırılmadık olaydır. Türkologiyada da bu temayı diil pek çoktan başladılar aaraştırmaa. İnterfiksatiya olayını

türkologiyada hesap aldı 1974-üncü yılda Ganiev F.A. [6, с. 95-96]. Bir artikolunda o yazêr: «Разрабатываются теоретические вопросы, проводится инвентаризация и систематизация грамматических и словообразовательных средств и изучения их семантики. Однако пока еще не все вопросы грамматики и словообразования тюркских языков решены. Одним из таких вопросов является проблема стыка основы и суффиксов» [4, с. 112].

Büün türkologiyada var bilim aaraştırmaları [2; 11; 10], angıları temel olur interfiksatiya projesini hem interfiks çeşitlerini gagauz dilindä derindän aaraştırmaa. Pokrovskaya L.A. gramatika kiyadında çok kerä hesap alêr, ani gagauz dilindä kimär kerä morfemalar arasında peydalanêr konsonnar, ama avtor onnarı sayêr baalayıcı konson («связующими» согласными) [13, с. 106] ya da oynak sonant («неустойчивый сонант» *n*) [14, с. 105]. İntefiks terminä razgelmedik avtorun gramatika kiyatlarında. Butakım, bitki vakıdadak gagauz dilindä interfiks annayışı bakılmadı. Sayêrız, ani gagauz dilindä dâ interfiks elementi razgeler, angılarını var nicä görmää te bu laflarda morfema aralarında: *alma* – *alma-y-a* (vokallan bitän adlıklar doorudak hem gösterek hal formasında); *alma-s-ı* (vokallan bitän adlıklar saabilik formasında 3-üncü üzdä); *soy-u-n-un*, *kuzu-su-n-un* (adlıklar 3 üzdä saabilik formasında saabilik halda); *söle-y-ecek*, *topla-y-acek* (işliklär mutlak gelecek zaman formasında); *o-n-a*, *bu-n-u*, *o-n-un* (gösterici aderliklär hal formalarında temel haldan kaarä); *o-n-nar*, *bu-n-nar*, *şu-n-nar* (gösterici aderliklär çokluk formasında); *iki-ş-är*, *altı-ş-ar* (paylaştıran sayılıklarda) h.t.b.

Dayanarak teoriya temelinä genel lingvistikada hem türkologiyada, alıp hesaba başka dillerdä morfemika uurunda aaraştırmaları, bütünneştirip kendi praktikamızdan gözledilän olayları hem dil örneklerini, neetleneriz ileri dooru genişän hem doludan açıklamaa gagauz dilindä interfiks temasını.

Bibliografiya:

1. Бодуэн де Куртенэ. И.А. Введение в языкознание // Бодуэн де Куртенэ. И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М., 1963.
2. Бурганова Ю.Ф. Интерфиксы в татарском языке. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 168 с.
3. Бурганова Ю.Ф. Интерфиксы в татарском языке. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Казань – 2012. 32 с. // <https://static.freereferats.ru/avtoreferats/01006502241.pdf> (дата обращения 24.01.2022).
4. Ганиев Ф.А. Асемантические элементы в строе тюркских языков // Русское сравнительное и сопоставительное словообразование / Ф. А. Ганиев. – Казань, 1986. – 112 с.
5. Ганиев Ф.А. Словообразование в татарском языке. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2010. – 728 с.
6. Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке / Ф. А. Ганиев. – Казань: Татарское книжное издательство, 1974. – С. 95-96.
7. Земская Е.А. Интерфиксы и субморфы. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций; Об иконичности интерфиксов // Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 36-64.
8. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. 2-е издание. – М., 2005. – С. 23-45.
9. Ишбаев К.Г. Виды аффиксальных морфем в башкирском языке // <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-affiksalnyh-morfem-v-bashkirskom-yazyke/viewer> (дата обращения 27.10.2021)
10. Ишбаев К.Г. Башкирский язык: Морфемика. Словообразование. – Уфа: Гилем, 2000. – 247 с.
11. Насирова Р.М. Статус интерфиксации в разносистемных языках // ВЕСТНИК Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина Научный журнал № 1 Том 1. Филология. – Санкт-Петербург, 2014. – С.104-111.
12. Николина Н.А. Словообразование современного русского языка: учеб. пособие / Н.А. Николина, Е.А. Фролова, М.М. Литвинова. – М.: Академия, 2005. – С. 9-27.

13. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. – М., 1964. – 298 с.
14. Покровская Л.А. Современный гагаузский язык (курс лекций). – Комрат, 1997. – 189 с.
15. Словарь иностранных слов. 13-ое изд. стереотип. – М., 1986. – 608 с.
16. Тихонов А.Н. Морфема как значимая часть слова // Филологические науки. – 1971. № 6. – С. 39-52.
17. Тихонов А.Н. Современный русский язык: Морфемика; Словообразование; Морфология: Учебное пособие для студентов вузов. Изд. 2-е, стереотип. – М.: 2003. Раздел «Словообразование».
18. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968. – С. 89-94.
19. Bankova I.D., Mileva V.G. Kimi çok kısımni köklär için gagauz dilindä // Научно-практическая конференция, посвященная 19-летию Комратского государственного университета “Наука, культура, образование” 11 февраля 2010г. Комрат, 2010. С. 113-117.

CZU 37.016.035.6:811.512.165

GAGAUZ DİLİ HEM LİTERATURA UROKLARINDA. MİLLET KULTURA ASPEKTİ ÜÜRENMÄK-ÜÜRETMÄK PÖTESİNDÄ

Duşkova Natalya,

Magistr, gagauz filologiya hem istoriya kafedrası KDU, Komrat, RM

e-mail: natadushkova@mail.ru

orcid id: 0000-0002-0534-0659

Abstract: In this article we are talking about the basics of the national-cultural approach in the process of teaching Gagauz language and literature lessons. Such training has no right to neglect the material and spiritual value of the people, which is reflected in the complex of the studied program materials on the Gagauz language and literature, which implies an understanding of culture as a set (system) of spiritual and moral values that have been created and accumulated by the people (humanity) in all spheres of existence.

The analysis of the problem in this article once again demonstrated the truth that language does not exist outside of culture, that is, outside of the socially inherited set of practical skills and ideas that characterize the way of life. Therefore, there is a need to study the Gagauz language in close connection with the "cultural space" or cultural spheres.

Key words and phrases: process of teaching, spiritual value, the complex, Gagauz language, national-cultural approach, cultural space, studied program, literature.

Büün Gagauziya, nicä dä bütün dünnäa, bulunêr aaraştırmak yolunda: nesoy düzmäa yaşamayı, ani o olsun taa uygun Gagauz halkımıza deyni. Üretim projesi bulunêr önemni uurda, onuştan sade o verer kolaylık düzmäa hem ilerletmää yaşamanın durumunu bütün dünnedä. Bakarak situatıyaya halizdän, hesaba alarak zorlukları, problemları angıları baalı politika, ekonomika, bilim, üüretmäk ortamınan, var nasıl yapmaa çıkış: var aaraştırmayı bekleyän soruşlar, neçinki üüretmenin ilerlemesi büünkü gündä baalı aaraştırmak işlemelerinnän hem eni tehnologiyaların, programaların peydalanmasınan.

Ekonomika hem politika krizisi devletimizdä, diil stabil durumu cümnedä daattı çoyu insannarın yaşamak plannarını, da getirdi insanın yaşamasını da krizis durumuna hem krizis düşünmeklerinä yaşamak paalılıkları için. Yaşamanın material paalılıkları üsteledi ruh hem terbiyetmäk paalılıklarını. Üürenicilär başlêr yaşamasını götürmää başka yoldan. Yavaşiyêr aylenein funkşiyaları, televizion verer diil o informatıyaları, internet verer kolaylık herbir istediini kolay

bulmaa, bakmayarak ii mi, osa diil mi – hepsi bunnar getirerlär bütün cümneyi negativ işlerä: narkomaniyaya, sarfoşçulaa, zakonsuzlaa. Hepsi bu olaylar pek prost duruma getirerlär devlet şkolalarını da, angıları olur yapamasın, tamannayamasın en baş funktıyaların birini – terbietsmää gelecek evlatboyaların ruh-moral kalitelerini hem hazırlamaa onnarı yaşamaya hem çalışmaya eni yaşamak zakonlarına görä.

Onun için var nicä sölemää, ani şindiki yaşamanın paalılık vakuumu en ilkin doorudulu şkolaya: bu situatıyada şkola lääzım diıştırsın terbietsmää strategiyasını. Şkola kompetentıyası-bilgilerin, becermeklerin, paalılıkların bütünneşik bir sisteması, angıları kabledildi, düzüldü, ilerlendi üüreniciylän üürenmää proşesinde da yardım ederlär şkolacılar annamaa hem çözmää problemları türlü situatıylarda. [8, c.4] Üürenicinin moral terbietsilmesi pek aktual oldu maasuz bu vakıtta. Şkolanın önündä koyuldu büyük daavalar korumaa hem oluşturmaa gagauzların millet kulturasını, regional-kultura tradişiyalarını hem özelliklerini. Millet tradişiyaların şüpesiz var büyük terbietsmää potentsialı hem onun var efektif araçları ruh-moral terbietsilmesinde büyüyen evlatboyaları.

Cümnä daavaları hem problemları devletimizdä:

- bütün eni evlatboyaların terbietsilmesi insanın önündä durêr pek çetin;
- bizim devletimizdä cümnä diışılması getirdi bizi büyük moral problemlarına, angıları belli oldu üüsek moral kalitelerin basılmasında;
- bitki yıllar gençlär terbietsildi kinolarda, oynunnarda, angıları göstererlär fenalık, cellatlık, hırsızlık;
- milletimizin, halkımızın ilerlemesi baalı olacek onnarlan, kim yaarin yaşayacek bizim dünnedä, kimin ellerinde olacek devletin geleceä;
- gagauz dili hem literatura uroklarında biz lääzım oluşturalım uşaklarda üüsek moral kaliteleri, koruyalım onnarı zorbalıktan. Bunu var nicä tamannayalım okullarda.

Bütün ekonomika da, politika da, kultura da, bilim dä, soşial durumu da ilerleer üüretmää proşesin yardımınnan. Literatura üüretmesinin en önemni daavası: üürenicilerdä üürenmeyä meraklık uyandırmaa, üüretmää, ii ürekli, cömert, doorulukçu, hesaplı, zengin ruhlu olsunnar; kendi ana tarafını, ana dilini, dolay dünneyi sevsinnär hem korusunnar; gagauz halkının hepsi paalılıklarını ilerletsinnär hem zenginnetsinnär, gelän evlatboyalarına onnarı etiştirsinnär.

Gagauz dili hem literatura uroklarında üüredici bilgi-terbietsmää tarafından üüreniciyi ilerleder, hazırlêr onu insan arasında yaşamaa, biri-birinnän annaşmaa, dünnä paalılıklarını bilmää, sora da dooru kullanmaa. Burada olur taa bir fikiri çizdirmää: lääzım derindän annatmaa üürenicilerä, ki biz yaşêrız çokmilletli devlettä – Moldovada. Biz bu devletin vatandaşlarıyız, onuştan üürenicilär lääzım becersinnär korumaa kendi etnik hem kultura paalılıklarını hem dä saygı göstersinnär başka milletlerin kultura paalılıklarına çokkulturalı Moldovada.

Gagauz dili, ana dili olarak, kişinin hertaraflı terbietsilmesinde bir büyük faktordur. O üürenicilerä söz hem komunikativ becermeklerini oluşturr, angıları yaşamanın türlü sferalarında lääzım. Bu becermeklär, korunmuş informaşıya kolaylıkları gibi, yardım ederlär evladboyaların arasında baalantıları oluşturmaa, insannarda dil uurunı, adamın soşial üzünü, onun soşial aktivliini, kultura hem intelektual uurunı, ruh dünnesinin oluşturmalarını gösterer. Haliz dildä görüner halkın kulturası, istoriyası, adetleri, tradişiyaları hem mentaliteti. Bundan kaarä, gagauz dili hem literaturası predmetlerin içindekiliinde var çok material gagauz halkının hem Moldova Respublikasında yaşayan başka halkların da istoriya ilerlemesi için.

Büünkü gündä soşial durumu isteer, ki gagauzlar kendi dilini, kulturasını, istoriyasını unutmasinnar. Şindiki yaşamayı annamaa hem taa ii yapmaa deyni, lääzım üüretmeyi, terbietsmeyi öla tamannamaa, ki uşaklar yaradıcı insan olsunnar. Bu soşial sımarlamaklarını, bu eni istediklerini tamannamaa deyni, şkolacılar lääzım ana dilini derindän üürensinnär hem bilsinnär, neçinki onunnan var nicä sevda duyğularını dilimizä hem Vatanımıza terbietsmää, var nicä uşakların bilgilerini dünnä hem yaşamak için genişletmää hem derinnetmää. Gagauz dili hem literatura urokların üürenmää-üüretmää proşesinde büyük potentsialı var ana dilinä sevda duyğularını uyandırmaa, yaşamak paalılıklarını annatmaa, patriot kişileri terbietsmää, başka milletlerä hatırlı olmaa.

Gagauz dili hem literatura urokları yok nasıl ilerlesin kulturasız. Onnar sıkı baalı biri-birinnän, neçinki hem dil, hem literatura açıklêrlar gagauz halkın milli kulturasını. Kultura – o diil sade halkın bir çizisi, ama insanın naturaya ulaşması da. O çekiler hergünkü yaşamanın türlü taraflarından hem sıkı baalı halkın erleşmesinnän, başka halklara davranmaklarınan. Buna görä, herbir halkın kendi istoriyası, kendi ruh hem material kultura ilerlemesi, angısı ayrêr onu öbürlerindän. Gagauz dili o ruh kulturanın bir payı, o bir kolaylık halkın zenginini göstermää. Bilärkänä kendi halkın istoriyasını, kulturasını ürenicilär taa kolay hem taa ilin annayaceklar, kimdir onnar, angı soylardan çıkma; taa kolay bu dünneedä kendi kişiliini belli edeceklär hem dâ kendi erini bulaceklar. Ürenmediynän halkın material kultura elementlerini, yok nicä derindän annamaa onun bilgilerini hem ruhunu. Material kulturanın var kendi spetifikası, angısını läüzim hesaba alma üretmektä-üürenmektä. İlerki zamannarda türlü işlerin (rubä, giyim, ev tertipleri, dokumalar, dimilär) yapılması alarmış çok vakıt hem büyük kuvet koyulmuş onnarın yapılmasına. Şindiki vakıtta bilim-tehnikanın ilerlemesi geldi eski tehnikanın erinä. Bunun beterinä kaybeler eski tertiplerin läüzimni, onnarın erinä geler sintetika materialları, ama kaybeler arhaik elementleri gagauzların kulturasından. Kaybeler bizim baalantımız dedelerimizlän, angısı baalêr kendinä estetik bilgilerini [11, c. 93]. Material kulturası açıklêr insanın zanaatını, angısını var nicä araştırmaa hem yaraştırmaa başka halkların kulturasınan, belli etmää onnarın birtürlülüünü hem ayrılmasını. Bu beterä, bölä komponentlär, nicä: giyimnär, evlär, ev tertipleri, imeklär, h.b., diil sade kultura fenomenleri, ama herbir halkın kendi, tradițional, etnografiya elementleri.

Aktual soruşu üretmek projesindä gagauz dili hem literatura uroklarında var hem kalacak – tekstlerin dooru ayırılması nicä bir milli kultura informası sızıntısı. Önemni olacek ürenilän tekstlär açıklasınar kultura balaantılarını, kultura buluşmaklarını. Nekadar dooru hem uygun ayrılanacak bu tekstlär, okadar taa efektif olacek üretmek projesi. Gagauz dili hem literatura predmetlerin arasında düz bir balaantı var, maaliz leksikayı ürenärkän. Tanışarkan leksikaylan dil baalantıları pek läüzimni, neçinki ürenci, bir taraftan, läüzim annasın artistik literaturanın dilini, başka taraftan-becersin kendi yaradıcılık işindä gagauz dilinin zengin kolaylıklarını kullanmaa, deyni göstermää olayların çoktülüünü. Üreidci läüzim götürsün üretmeyi gagauz dili hem literatura uroklarında ölä, ani inandırın, ki ana dilini ii bilärkän, sözleşmektä serbest hem dooru kullanarkan, onun kulturasını, adetlerini hem özelliklerini annarkan, öbür disiplinaları kolay olur annamaa, ürenmää. [10, c. 183]. Kultura bilgilerin oluşturma gagauz dili hem literaturası uroklarında verecek kolaylık ana dilinä, ana tarafına, halkımıza sevda duygularını uyandırmaa, oluşturmaa; terbiyetmää moral zenginini: şolacılar olsunnar namuzlu, cana yakın, yalpak; analarına-bobalarına hatır gütsünnär, sevsinnär kafadarlarını, dostluu; ana dilinin yardımınan üretmää şolacıları sevsinnär halkların etik hem estetik paalılıklarını; tanısnar dünnäa gözelliklerini. Bundan kaarä etnokultura leksikasının kullanılması gagauz dili hem literatura uroklarında yardım edecek oluşturmaa uşaklarda etnokultura bilgilerini, verecek kolaylık ürediciyä hem terbiyecilerä dersleri taa meraklı yapmaa, ki üüseltsin meraklı bu predmetä. Herbir halkın etnokulturasında var material hem ruh paalılıkların unikal sırası, angısı tutêr kendisindä pek büyük terbiyetmek potēnyalı dolu paalılıklı kişilik ilerletmesindä hem oluşturmaında.

Derindän ürenmeyincä kendi ana kulturanı, bilmeyincä hem duymayınca gagauzların halk kulturasının özelliklerini, halkın yaşaması yok nicä dolu olsun. Yok nicä terbiyetmää üüsek morallı insan, eer o bilmärseydi kendi halkın istoriyasını, kulturasını hem adetlerini. Ana halkın kulturası läüzim terbiyetmek projesindä temel olsun. Halkı bilmää - onun ruh kulturasını bilmää, halkın adetlerinä görä yaşamak kurallarını kurmaa. Pek önemni dedelerimizlän baalantıları kaybetmemää, kulturamızı ilerletmä, adetlerimizi, tradişyalarımızı unutmamaa hem korumaa. Kendi terbiyetmek yolunda adam ilerleer ana kulturasının yardımınan.

Bibliografiya:

1. Baurçulu L. Gagauz artistik literaturasında ortodoks hristiannık ruh zenginliklerin gösterilmesi // Bilim-metodika jurnalı «Gagauz dili hem literaturası». – Komrat, 2010.

2. Çebotar P., Dron İ. Gagauzça-rusça-romınca sözlük. – Pontos. Chişinău. 2002. – 739 s.
3. Çebanova M. Üörenicilerin üüsek moral kalitelerini terbiyetmāk gagauz dili hem literatura uroklarında // Bilim-metodika jurnalı «Gagauz dili hem literaturası». Komrat, 2009, - №2. – s. 45-49.
4. İusümbeli L. Gagauz literaturası uroklarında üüsek moral kompetençiyaların oluşturmāsı // Bilim-metodika jurnalı «Gagauz dili hem literaturası». Komrat, 2011, - №3 (11), - s. 15-23.
5. Marinoglu T., Baurçulu L., Karanfil Dr. V., Karamit E. Gagauzça sinonimnär sözlüü. Komrat, 2010, – 312 s.
6. Stoletnăya A., Sukman A., İusiumbely L., Constantinova O. Curikulum naşionale. Gagauz dili hem literatura. Clasele V-IX, Chişinău, 2019. -53 s.
7. Stoletnăya A., Sukman A., İusiumbely L., Constantinova O., GHID de implementare a curriculumului. Gagauz dili hem literatura. Clasele V-IX, Chişinău, 2019. -48 s.
8. Stoletnăya A., Kilçik E.Национальный куррикулум.Начальное образование.Gagauz dili hem literatura okumakları.Gagauz halkın istoriyası,kulturası hem adetleri.Куррикулум учебных дисциплин.Гиды по внедрению куррикулумов учебных дисциплин.-Chişinău,2018.
9. Zanet T. Gagauzluk: kultura, ruh, adetlär. Chişinău, 2010.
10. Банкова И. Д., Кочанжи Н. П. Реализация интегрированного подхода на уроках гагаузского языка и литературы в гимназическом звене общего образования // Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 29-ой годовщине Комратского государственного университета. СБОРНИК СТАТЕЙ. Т. III. Komrat, 2020. С. 182-187.
11. Волков Г.Н. Этнопедагогика. Москва, 2000. - 176с.
12. Гасанов З. Т. Национальные отношения и воспитание культуры межнационального общения. //Педагогика. 1996. - № 6. - С.51-55.
13. <http://www.gbm.md/>

CZU 821.512.161-91.09

ÇORUM YÖRESİ FOLKLOR ÇALIŞMASI

Çimpoeş Liubovi,

Doktor, conferențiar KDU, Moldova

e-mail: lichimpoesh@mail.ru

orcid id: 0000-0001-9602-6501

Bilgen Etyemez,

Yüksek Lisans Öğrencisi

Çankırı Karatekin Üniversitesi, TR

e-mail: etyemezbilgen@gmail.com

orcid id: 0000-0002-3693-4601

Abstract: Folklore includes the common products of the people. Although it is not known by whom they were put forward, they include the unique tools and equipment of the people. Literary products for folk culture also constitute the material of folklore.

Within the scope of this study carried out in Çorum region, mani, lullaby, riddle, nursery rhyme and fairy tale products, which are anonymous folk literature products, are included. The information obtained from the source persons as a result of the compilations made in the Çorum region constitutes the essence of the study. Information obtained from written sources on the subject has been added to the study.

Key words: Çorum, folk literature, folklore, anonymous

Giriş Tarihi, toplumsal gelişme süreci içinde yaratılan bütün maddi ve manevi değerler ile bunları yaratmada, sonraki nesillere iletmeye kullanılan, insanın doğal ve toplumsal çevresine egemenliğinin ölçüsünü gösteren araçların bütünü kültür olarak tanımlanmaktadır. [6]

Sözlü kültür, yazı öncesinde, mitolojik dönemden bu yana sözün kutsî işlevi sayesinde her dönemde kendini hissettirmiştir. Halk kültürü verimleri bu kültür geleneği içerisinde yüzyıllardan beri aktarıla gelmiştir. Halk hafızasındaki birçok ürün, bu şifahî anane sayesinde devamlılığını korumuş; kolektif şuuraltının oluşumuna etki eden unsurların ve bu oluşumdaki temel dinamiklerin belirlenmesini sağlamıştır. [2, s.217-218]

Çorum yöresi ile ilgili “Çorum Yöresi Folklor Çalışması” konusunda saha çalışması yapılan yerlerde yörede yaşayan insanların sosyal durumları, kültürel geçmişleri, yörenin tarihinin ve coğrafyasının insanlar üzerindeki yansımaları dikkate alınmıştır.

Bir ülkenin, bir yöre halkının, bir etnik grubun yaşamının bütününe kapsayan ve temelinde o halkı oluşturan insanların ortak davranış kalıplarını, yaşam biçimlerini, belirli olaylar ve durumlar karşısında tavırlarını, çevresini ve dünyayı algılayışını açıklamada; geleneksel yaşamı düzenleyen, zenginleştiren, renklendiren; bir ucuyla geçmişe, bir ucuyla da zamanımıza uzanan gelenekler, görenekler, adetler zincirini saptamada; bu zincirin dışlayıcı ya da destekleyici halkalarını tek tek belirlemede, halk kültürünün atardamarlarını yakalayarak bunlardan özgün ve çağdaş özellikler çıkarmada folklorun rolü ve önemi birinci derecededir.

Çorum Hakkında

Anadolu’nun kültür ve sanat geleneğini devam ettiren, birçok uygarlık kalıntısını saklayan açık hava müzesi durumundaki Çorum, İç Anadolu’nun kuzeyi ile Orta Karadeniz bölgesinin iç kısımlarında yer almaktadır. Beş bin yıl boyunca birçok uygarlığın merkezi olan ve değişik kültürleri bünyesinde barındıran, geçmişten geleceğe uzanan bir köprü konumundaki Çorum, araştırmacıların ilgi odağı olmuştur.

Çorum bölgesi, tarih öncesi ve tarih çağlarında önemli medeniyetlere sahne olmaktadır. Bölge maden yatakları bakımından zengindir. Bu zenginlik özellikle tarih öncesinde yerleşmelerin yörede yoğunlaşmasının başlıca nedenidir. [7, s.24]

Sözlü Gelenek Ürünleri

Toplumların kendine özgü yapılarını inceleyen en temel bilim dallarından biri olarak folklor, oldukça geniş boyutlar içermektedir. Yaşam biçiminden politikaya ve sosyolojiye dek birçok ayrıntıyı içinde barındıran folklor, insana ilişkin incelenmesi gereken en önemli bilim dallarındandır.

Sözlü geleneğe dayalı eserleri incelemeye çalıştığımız bu bölümde: Mani; Bilmece; Ninni; Tekerleme; Masal.

Mani

Mani anonim halk şiirinin en küçük nazım biçimidir. Anadolu ve Anadolu dışında çok geniş bir Türklük coğrafyasına yayılmıştır. Mani söyleme, yüzyılların deneyimlerinden süzülerek biçimlenmiş, belirli kuralları olan, kuşaktan kuşağa aktararak günümüze ulaşmış bir gelenektir. Manilerde Anadolu insanının düşünce yapısını, beğenisini, dertlerini, kıskançlıklarını, özlemlerini, sevgilerini vb. ortak kültürün sergilenişini görürüz. (ARTUN, s. 1).

Zannetme ki ballica
Durumum zavallica
Daha nasıl deyim ki?
İç güyaden hallica²

Al elma sulu elma
Öyle güzel dalda durma
Alır seni yerim
Kan katarım kanıma (E.Ş.)

Yaza yaza yaz geldi
Derelere kaz geldi

² GÖSTERİR, İbrahim, “ÖLÜM VAR, AYRILIK VAR ÇORUM MANİLERİ”, ÇORUM (2011) s. 70

Daha yazacaktım ama
Kaleme zam geldi (Y.Y.)

BİLMECELER

Türk sözlü kültürünün en önemli unsurlarından biri olan bilmece, Türk folklorunun en yaygın ve zengin türlerindendir. Bilmece insanoğlunun keskin zekâsının en önemli ürünlerinden biridir. Bilmece, Klasik Türk edebiyatında muamma ve lugaz adları ile anılan, Anadolu'da bulmaca, masal, söz, tanımaca gibi adlarla bilinen, Azeri coğrafyasında tapmaca adıyla isimlendirilen bir edebiyat ürünüdür. [8, s.343]

Bilmece sorma geleneği, bilmecelerin icra ortamıyla ilgili önemli bilgiler içermektedir. Bilmeceler, geleneksel bir düzen içinde sorulur ve cevaplanır. Bu geleneğin içeriği bölgelere göre bazı değişiklikler gösterse de değişmeyen asli unsurları vardır. Bugün daha çok çocuklar arasında yaşayan bu gelenek, önceki dönemlerde yetişkinler arasında yaygın bir eğlence aracı olmuştur. Özellikle akşam oturumlarında bir araya gelen insanlar, iki gruba ayrılıp birbirlerine bilmecelemlerle sorular sorup cevap istemişlerdir.

Bilmece Metinleri:

Dörtür ibiği taş değel

Başı suda hoş değel – (Sabun) (F.K.)

Bilmece bildirmece, el üstünde kaydırmaca – (Sabun) (İ.T.)

Hanım uyandı, cama dayandı, cam kırıldı, kana boyandı – (Karadut) (S.S.)

Bir tavada iki balık – (Gök, Ay) (N.A.)

Kapı arkasında cımcört cımcört – (Katık Torbası) (N.A.)

Dağdan gelir dağ gibi

Kolları budak gibi

Eğilir su içer

Böğrü oğlak gibi (Su Değirmeni) (S.S.)

Ninni

Ninni, çocuğun annesinin dilinden duyduğu kelimelerle eğitilmeye başladığı ilk metinler olup böylece çocuk daha anne kucağında veya beşikte iken ahlâkî, dinî ve millî terbiyeyi almış olacaktır. (Şimşek, s. 38)

Genellikle annelerin çocuklarına uyumaları ya da sakinleşmeleri için söyledikleri ezgili türküdür.

Dandini dandini dastana

Danalar girmiş bostana

Kov bostancı danayı

Yemesin lahanayı

Dandini dandini

Danalı bebek,

Elleri kolları,

Kınalı bebek. (N.A.)

Çalı çırpı yuvası,

Mama getir babası,

Atta götür anası,

Haydi, yavrum haynini

Sıçan yemiş boynunu

Sıçan değil kurtumuş

Tekerlemeler

Tekerlemeler, seslerin benzerliklerinden faydalanılarak söylenen, yarı anlamlı hoş cümlelerdir. Genellikle çocuk oyunlarında söylenir.

Çocuğun doğumundan itibaren ninnilerden sonra ilk karşılaştığı, kendi kültürüne ait müzikal öğeler, tekerlemelerdir. Tekerlemeler, yapısal ve oluşumsal özellikleri gereği birçok kültürel değeri ve özelliği bünyesinde barındırmaktadır. [3, s. 343]

-Laleli belkız
İçeriye gir kız
İpten tut kız,
Dışarıya çık kız (N.A.)

Çarşıya gittim
Eve geldim hanım yok
Bebek ağlar beşik yok
Çorba taşar kaşık yok
Ali baba öldü tabut yok (N.T.)

Üşüdüm üşüdüm
Daldan elma düşürdüm
Elmamı yediler
Bana cüce dediler
Cücelikten çıktım
Ablama gittim
Ablam pilav pişirmiş
İçine fare düşürmüş
Bu fareyi ne yapmalı
Minareden atmalı
Minarede bir kuş var
Kanaadında gümüş var
Eniştemin cebinde
Türlü türlü yemiş var (S.S.)

Bir sıçan, iki sıçan
Üçüncüde dolaba kaçan (N.T.)

Süttü bitti
Yıkadı yuttu
Aldım yeri
Vurdum göğü
Aldım seni

Gel beri, gel beri (İ.T.)

Masal

Sözlü edebiyat geleneğinin bir parçası olan masallar, Türk kültüründe ve edebiyatında önemli bir yer tutar. Sıklıkla doğüstü olaylar anlatılır. Masalların yazılma amacı ise, çocuklara öğüt vermektir.

Çorum'da derlenen bir masal örneği:

Bir varmış bir yokmuş. Evvel zaman içinde kalbur saman içinde Mustafacıkla Fatmacık varmış. Babaları bunları dağa götürmüş. Elinde çuval varmış, çuvalı dala asmış. Bir yanına da kabak takmış. “Çuvala alıç toplayın” demiş. Çuvalın ağzını yırtmış babası. Çuvala alıcı topluyorlarmış ama çuval dolmuyormuş. Akşam olmuş. Fatmacık Mustafacığa;

-Kardeş nereye gidelim şimdi, demiş.

Biraz ileri gitmişler ki ileride horoz ötüyor, duman tütüyor, enik çöküyor. “Horoz öten yere gitsek, horoz kapar; enik çöken yere gitsek enik kapar. Gel biz duman tüten yere gidelim.” Duman tüten yere gitmişler. Oradan, bacadan bakarken Mustafacığın şapkası düşmüş. Şapkası düşünce;

-Ebe, demiş, şu şapkayı bir ver, demiş.

Ebe de;

-Yavrum gözüm görmüyor, gelin de alıverin şapkanızı, demiş. İnmiş aşağıya, bebekleri salar mı? Salmadıktan sonra;

-Ebe, bizim karnımız aç, demiş.

Bir şeyler hazırlamış yedirmiş bebeklere. Ondan sonra da bebekleri uyutup da yiyecekmiş. Bebekler de uyumamışlar hiç.

-Yavrum uyusanıza!

-Uyumam, uyumayız. Anam bize galbırla su çekiyordu.

-Yavrum uyusanıza!

-Uyumayız, anam bize şunu yapıyordu bunu yapıyordu...

Sabah olmuş. Sabah olduktan sonra dişlerini bilettirmeğe gitmiş dev. Evde de bakıcı varmış, devin bakıcısı. Dev demiş ki;

-Bebeklere bari ala danayı al da gel.

-Alayım da geleyim, demiş.

Ala danayı getirmiş, bebekleri çuvaldan çıkartmış. Çuvala koymuşmuş dev. O çuvala danayı koymuş. Bebeklerinin birinin eline tarak vermiş, birinin eline sabun vermiş, bir de ellerine su vermiş. Suyu atmışlar ırmak olmuş, dev gelememiş; tarağı atmış diken olmuş, dev batmış gelememiş; sabunu da kaymış, gelememiş. Ondan sonra da yemişler, içmişler, muratlarına ermişler.

SONUÇ Bir ulusun, tüm yaşamıyla ilgili gelenek, görenek, töre ve inançlara bağlı uygulamaların yazıya geçirilmesi yazılı kaynakları oluşturmaktadır. Halkımızın kültürel geçmişini ve ortak değerlerini yansıtan birçok eserimiz bulunur. Bunların yanı sıra yazarı, üreticisi belli olmayan halkın ortaklaşa oluşturduğu mâni, bilmece, ninni, tekerleme vb. sözlü eserler Türk halkbiliminin ana kaynaklarını oluşturmaktadır.

“Çorum Yöresi Folklor Çalışması” üzerine yapmış olduğumuz bu çalışma ile yöremizin zengin folklor kültürünü incelemeye çalışıldı. Bu çalışma aracılığıyla Çorum yöresine ait geçmişten günümüze süregelen sözlü edebiyat ürünlerinin bir kısmı derlenerek tanıtılmaya çalışılmış ve günümüz insanlarına aktarılmıştır.

KAYNAK KİŞİLER

Adı, SOYADI, Doğum Yeri, Yaşı

1-Fadime Eret, Çorum, Merkez, 66

2-Nejla Akgül, Çorum, Osmancık, Kumbaba Köyü, 42

3-Sibel Saltan, Çorum, Merkez, 35

4-Fadime Kaya, Çorum, Merkez, 47

5-Müzeyyen Yılmaztürk, Çorum, Merkez, 37

6-İlkay Tuncalı, Çorum, Merkez, 45

7- Nazmiye Tuncalı, Çorum, Merkez, 75

8- Yıldız Yücel, Çorum, Merkez, 75

9-Elmas Şengül, Çorum, Osmancık, 77

Kaynakça:

1. Artun, E. Türk Halk Kültüründe Mani Söyleme Geleneği, Manilerin İletişim Boyutu Ve İşlevselliği. *Çukurova Üniversitesi-Türkoloji Araştırmaları Merkezi*.
2. Aydın, N. (2015). Bir Folklor Gönüllüsü Ahmet Şükrü Esen Ve Defterlerindeki Maniler. *Sütad*, 213-226.
3. Barış, D. A., & Ece, A. S. (2015, Haziran). Kültürel Değerlerin Aktarılmasında Çocuk Tekerlemeleri “Tekerlemelerimizi Biliyor Muyuz?”. *Değerler Eğitimi Dergisi*, 343-368.
4. Gösterir, İ. (2011). *Ölüm Var, Ayrılık Var Çorum Manileri*. Çorum.
5. Şimşek, E. Anonim Halk Şiiri İçerisinde Ninnilerin Yeri. *Akra Kültür Sanat Ve Edebiyat Dergisi* (S. 8).
6. Tdk. (1436).
7. Tozlu, S. (2018). *Çorum Halk İnançları Ve Halk Hekimliği*. Çorum.
8. Yangil, M. K., & Kerimoğlu, C. (2014, Ekim). Bilmecelerin Eğitimdeki Yeri Ve Önemi. *Eğitim Bilimleri Araştırmaları Dergisi Uluslararası E-Dergi*.

CZU 37.016.034:821.512.165

ÜÜRENİCİLERİN RUH-AHLAKLI TERBİETMESİNDÄ GAGAUZ DİLİ HEM LİTERATURA UROKLARIN ÖNEMNİİ

Çimpoș Liubovi,

Doktor, konferențiar

KDU, Moldova

e-mail: lichimpoesh@mail.ru

orcid id: 0000-0001-9602-6501

Fuyor Olga,

MPG-20 gr. student, Gagauz dili hem literatura

üüredici S.Rudenko adına gimnaziya Vulkanești, RM

e-mail: cerneva1996@mail.ru

orcid id: 0000-0002-3052-2024

Abstract: The article discusses the methodology of using the creativity of Gagauz writers and poets in the general education program for the purpose of cultural and moral education of young people in gymnasium classes. The value of teaching lessons of the Gagauz language and literature and the influence on the moral education of schoolchildren of the gymnasium cycle is revealed.

Keywords: Cultural and moral education approach, competence approach, self-assessment, self-development, personality, competencies, values.

Bilgiç-filolog F.İ. Buslaev yazardı, ani birdä predmet, angısında ölä sıkı hem garmoniyalı üüretim terbiyetmäklän eklensin, nasıl ana dilinä üüretmektä, ana dili insan ruh yaşamanın bitmâz kaznesi sayılêr.

Literatura – o Gagauziyanın kultura simvolu, gagauz ruhluun hem dilin üüsek yaşamak forması. Literatura şkolada estetika duygularına etki yardımınnan insanda patriotizma, istoriyayı aklında tutmak duygularını terbiyeler, kulturaya, halka hem bütün insan cümnesinä ait olêr.

kagauz dilin hem literaturanın üürenmesi kişiliin terbiyetmäk projeslerinde önemni rolü oynêr, onun ahlaklı kalitelerin hem yaradıcılı becermeklerin ilerletmesi, vatandaş hem yabancı kulturaya danışmak, millet tradişiyaları ilerletmesi hem koruması hem kolboyların istoriyalı süreklilik. Dooru, olmaz ana dilinä üüretmää hem uşaan ruh- ahlaklı terbiyetmesi için düşünmemää. Gagauz dili hem literaturaurokları- o kişiliin ruh-ahlaklı koyulmak yolu.

Bana nasıl gagauz dili hem literatura üüredicisinä var kolaylık herbir urokta uşakların ruh-ahlaklı terbiyetmäk soruşlarına dikatlık koymaa.

Uşaklarda oluşturmaa:

Ahlaklı duyguları (rız, borç, inanmak, cuvapçılık, vatandaşlık, patriotizm),

Ahlaklı süret (dayanıklık, acızgannık, kısıklık, diilfenalık),

Ahlaklı pozitiya (becermäk ilik hem fenalık ayırmaa, özverili sevda peydalanması, yaşamak denemeklär hazırlık geçmää)

Nasıl bân bunu etişerim: Gagauz dili hem literatura uroklarında bân vererim söyleyiş, deyim, frazeologizma örnekleri hem yalvarêım uşakları onnarın maanasını annatmaa. Bakacez urok fragmentini söyleyiş kullanmasınnan. Üürenicilerä kartoçkalar laflarlan veriler: namuzluluk, doorulukçuluk, karezsizlik, yalancılık, diil namuzluluk, diil karezsizlik.

Taftada yazılı söyleyiş: *Kim bir kerä aldadacek, ona başka sıra ii gitmeyecek.* Soruşlar hem sınışlar:

1. Nasıl siz söyleyişin maanasını annêrsınız?
2. Neyä söyleyiş üüreder? (namuzlulaa, doorulukçulaa, karezsizlää)
3. Ne cezalandırêr söyleyiş? (diil namuzluluk, yalancılık, diil karezsizlik)

Önemni uşaa üüretmää diil sade eni lafin maanasını annatmaa, ama praktikada üürenmişlän kullanmaa. Buna yardım eder laf örneklerin kullanması- hazır lafbirleşmeleri hem cümlelär, angıları var nasıl okunsunnar, ama sora dikteetmektä yazılısinnar. Problema büün kurulu onda, ani çoyunda uşaklarda fukarä laflık ükü hem onnara bölä iş kimi zorluklara getirer. Bu problemayı biz çalışêırız çözmää gagauz dili uroklarında üüreneräk temaları: “Sinonimnär”, “Antonimnär”, “Omonimnär”.

Taa hazırlanarkan uroklara çalışêım tekstleri ayırmaa, cümleleri teksttän, angıları üürenicilerin ahlaklı kalitelerini yardım ederlär ilerletmää. Didaktika materialı türlü tiptä verer kolaylık üürenicilerin duygularına etkietmää kolaylık ederlär, oluşturarak Vatana, insana sevda, can acımak duygusunu, rızı oluşturer. Efektiv kullanılêr urokta busoy kolaylık, nasıl “Epigraf”. Bân teklif ederim

üürenicilerä ruh- ahlaklı içindeliindä teksti fikirlemää, angısı taftada yazılı, hem düşünmää nasıl o var nasıl eni , üürenicilerä taa diil bilinän, uroon temasınnan baalı olsun.

Literaturanın da rolü üüsek. Herbir tema literaturada var nasıl bakılsın ruh- ahlaklı annamak görüm noktasından.Hem haliz, gagauz klasikasız olmaz büyük bukveylan insanı terbiyetmää. O paasız, onda yok bişey boşuna. Hem nekadardaki vakıt geçmesin, gagauz klasika literatura gagauz halkın paasız onuru kalacêk.

Kendi yazıcılar üüsek kultura, intelekt, ahlaklık, vatandaşlık, ruh kulturenin örnekleri sayılêrlar. Büün programada yazıcının kişili için, onun ruh aramaklarına büyük diatlık koyulêr.Yaşamak hem dinsiz yaşamak görgü gösterdi, ani ruhluk hem ahlaklık cümnedä sıkı baalantılı:orada neredä yok ruhluk, ahlaklık düşer. Ruh- ahlaklı üüretim problemaylan birtürlü faydalı alınmaa nasıl üürediciyâ, ölä dâ üüreniciyâ.

Üürediciyâ üüsek ruh misiya verili: kendi erindä o geçkeştirer işi, taa önemni, nekadardaki kontepteşiyâ yada herbir programa, çünkü o insanın yaşamasını düzer. Ama deyni üürenicilerin canına üüsek ahlaklı printipleri temelletmää, üürediciyâ diil sade teoretik bilgiler lâazım. Onun kendi yaşaması lâazım düzülü olsun hep o printiplerdä.Pek ii, ani okulda üüretim önemni neeti- ilikli: üüsek ahlaklı, garmoniyalı, fizikalı ilerledili hem ruhlu saa kişilik ilerletmâk, yaradıcılâa hem kendibelliedilmesinâ becerân. Bu verecek herbir üürediciyâ kendi üürenicilerin ruh koyulmasında pay almaa.

Gagauz dili hem literatura buna kolaylık eder. O predmetlär, verân kolaylık herbir urokta üürenicilerin ruh- ahlaklı terbiyetmâk soruşlarına diatlık ayırmaa. Bu geçer diil zorlan, üürenicilerä deyni hiç diil belli.Hergün üürenicilärlän sözleşeräk, onların biri-birinnän danışmasını, onların moral hem ruh uuruunu, dolaylayan dünneyâ danışmasını bân görerim.

Gagauz dilindä hem literaturada kayet lâazımni göstermää koruntulu danışmak ana dilinâ, çünkü gagauz lafı bizä deyni bitkisiz sevinmelik dünneyi, insanın bütün gama duygularını hem danışmasını açêr.

Ruh- ahlaklı üürenicilerin terbiyetmesindä kayet önemni literatura diskusiyaları. Onnnar fikirlemenin kendibaşınalını ilerleder, üürenicileri real yaşamaya hazırlêêr, neredä diişilmâz karakterlar karşılaşêr (urulêr), neredä lâazım dooru hem yalannı paalılıkları ayırmaa, ii hem hayırsız yaptıkları, etkileri ayırmaa.Herbir tema var nasıl ruh- ahlaklı annamak görüm noktasından bakılsın. Ama bu annayışı biz diil her zaman kullanêriz zanaatlarda, diıştireräk onnarı kurucularlan: dostluk, seveda, dolayannara hatırlamak, doorulukçuluk h.b.

Bizim işimizin şpeşifikası osoy, ani biz ilik hem fikirlik tenelerini ekeriz, ama büüyêr onnar diil birdän.Kimi sıra, bizim kahrımıza hiç büümerlär. Ama eer bizim uroklarımızdan sora üürenicilär olarsa makar biraz taa pak, ilikli canınnan biri- birinâ hem dolay insana, eer borçluk annayışı, onurluk, cuvapçılık, kırnaklık çoyu için kiyattan frazaylan kalmayacêk, ozaman üüredici var nasıl kendi daavasını saysın kararlanmış.

Библиография

1. Bilgiler. Научно-практический журнал. – 2017.- №1, s. 167-169
2. Gagauz dili hem literaturası. Bilim metodika jurnalı.-Komrat, 2011.- №1.
3. Gagauz dili hem literaturası. Bilim metodika jurnalı -Komrat, 2010.- №5 (7).
4. Gagauz dilinin orfografiya hem punktuatıya kuralları. - Kişinöv, 2014.
5. Стандарты эффективности обучения: Методическое пособие для учителей. –К.: Lyceum 2012

CZU 821.512.161.09

NAZLI ERAY'IN ARZU SAPAĞINDA İNECEK VAR ROMANINDA KİŞİLER

Ertuğ Ayşe,

Dr. /Eğitim Fakültesi,Türkçe ÖğretmenliğiHakkari Üniversitesi/TÜRKİYE

e-mail: ayseertus@hotmail.com,

orcid id: 0000-0002-5748-5964

Abstract Nazlı Eray is one of the first authors that comes to mind when “magical-reality” is mentioned in Turkish literature. Eray attracted attention with her novel “Arzu Sapağında İnecek Var”, which she wrote in 1989. The author, who uses reverie, dreams, imagination, phantasy and fantastic elements in her novels, includes extraordinary components, people, and events in her novel “Arzu Sapağında İnecek Var”. Eray, who mostly focuses on ordinary people in her works, surprises the reader by adding the pioneers of the French Revolution and the Queen of France to ordinary people and unusual creatures (magical, demonic, alien, etc.) with a fabulous narration. In this study, the characters in Nazlı Eray’s novel are discussed by classifying them according to their common features and the ways they were handled in the novel.

Keywords: Nazlı Eray, *Arzu Sapağında İnecek Var*, characters

Giriş

18. yüzyılda Avrupa’da ortaya çıkan “gotik roman” gizemli, ürpertici olayların, hortlakların ve daha birçok doğüstü yaratıkların yer aldığı bir roman türüydü. Fantastik roman ise gotik öğelerle bezenmiş ve bu roman çeşidinin modern hale getirilmiş şeklidir.

Türk edebiyatında fantastik roman Avrupa’nın çok gerisinde bir gelişim seyri göstermektedir. Tanzimat Fermanı’ndan sonra büyük bir modernleşme tutkusunun hemen her kesimi sardığı bu dönemde Şark kültüründe var olan ve gotik öğeleri ihtiva eden masalların, destanların, halk hikâyelerinin reddini beraberinde getirmiştir. Bu dönem yazar ve aydınları Şark kültürü anlatılarını “kocakarı hikâyeleri” olarak değerlendirmiş ve tamamen gerçekçi roman üzerinde yoğunlaşmışlardır. Bu tutum Türk edebiyatında fantastik romanın gelişimini geciktirmiştir.

Tanzimat Döneminde karşımıza çıkan ilk fantastik roman örneğini *Muhayyemat-ı Aziz Efendi* (1796) oluşturur. Onu Ahmet Mithat’ın *Çengi’si*(1885), Hüseyin Rahmi’nin *Gulyabani’si*(1912), Peyami Safa’nın *Matmazel Noraliya’nın Koltuğu* (1949) adlı eserler takip eder. 1980’lere doğru gelindiğinde fantastik romanlarda büyük bir gelişim gözlemlenir. Nazlı Eray’ın *Arzu Sapağında İnecek Var*(1989) adlı eseri 90’lara yaklaşan Türk romanında fantastik edebiyatın güzel bir örneği olarak karşımıza çıkar.

1976’da yayımladığı *Ah Bayım Ah!* Adlı öykü kitabıyla edebiyat dünyasında adından söz ettiren Eray, ilk romanı *Pasifik Günleri*(1981) ’nden son romanı *Kalbimin Güneybatısı*(2020) ’na kada bütün romanlarında gotik öğeleri kullanarak fantastik edebiyatın öncü isimleri arasında anılır.

“Öykülerinde düş mantığı ve fantazyayı en sık kullanan kadın öykücü” (8, s.13] olarak tanımlanan Eray eserlerinde cinlere, perilere, doğüstü varlıklara ve olağandışlıklara yer verir. Yıldız Ecevit “Nazlı Eray, düşlerinde sınır tanımaz; farklı gerçeklik düzlemlerinin içinde uçarı bir biçimde dolaşır, geçmişi ve geleceği birbirine dolaştırır, düş gücünün ulaşabileceği her yere ve zamana taşır kurgusunu.” [2, s.90] diyerek Nazlı Eray’ın sanat anlayışında “düş”ün önemine vurgu yapar.

Nazlı Eray, “Bütün her şey ilk cümlemin altında. İlk cümleyi yazdığım zaman, belki ben son cümleyi de biliyorum ama onun farkında değilim. Bir satır sonra ne olacağını bilemeyebilirim, bir sayfa sonrası benim için bir meçhul olabilir. Gece yattığım zaman ertesi günü merakla düşünürüm. Aslında bütün her şey kafamda oturmuştur. Fakat son anda bir karakter girer romana! Başlangıç çok heyecanlı, sanki bir narın çatlamaya hazır olması gibi... Bitişinde de nar artık ağaçtan düşecektir. Bilinmeyen bir yöne giden bir gemiye yazılmış, yoksul bir tayfa gibiyim aslında. Dünyada anlatabileceğim en güzel şey yazmak. Günde 7 saat çalışıyorum. 2–2,5 ayda bitiyor bir roman.”[9, s. 4]diyerek eserlerini kaleme alırken de bir bilinmezliğin içinde olduğunu ortaya koyar.

“Kendisini ‘Türkiye’de büyüü gerçekçiliğin öncüsü’ olarak niteleyen Eray, ‘Dünyaya öbür prizmadan bakıyorum galiba.’ [9, s.4] diyerek olağan-dışılığını ifade eder. Eray, büyüü gerçeklikte rüya formu üzerinde yoğunlaşır. “Rüya, gerçekliğin içinden çıkan, fakat gerçeği umursamadan varlık gösteren yanı ile aslında postmodern yazarların arayıp da bulamadığı bir gerçeklik alanı oluşturur.(...) Postmodern algının kaygan zeminindeki en keyifli alanın rüya olduğu söylenebilir” [10, s.265] diyen Yonar, Eray’ın “kurgularında bu keyifli alana okuyucusunu çekerken onun ‘inancını bir süreliğine askıya almasını’ istemez. Bu bir kurgudur ve gerçek dışında bir başka gerçeklik alanıdır.” [10, s.265-266] dediğini ifade eder.

Eserlerinde farklı zaman ve mekân değişikliğine yer veren yazar; kişilerini olmadık zaman ve mekânlarda buluşturur. Şark kültürü anlatılarında yer alan bütün olağandışılıkları kullanan yazarın eserlerinde uçan halılar, zamandan zamana ve mekandan mekana olmadık geçişler önemli yer tutar.

Daha çok fantastik gerçekçiliğin gizemli ve düşsel dünyasını eserlerinde anlatan Eray’da düşsel gerçeğe dönüştürürken, okuru dış gerçeklikten uzaklaştırır; gerçek dışına-gerçeküstüne doğru gizemli bir yolculuğa çıkarır. Fakat “Nazlı Eray’ın romanında okur, fantastik olguyla ansızın ve şaşırtıcı biçimde karşılaşmaz belki ama deyiş yerindeyse, fantezinin içine doğar, tümüyle gerçekçi bir ortamda fantastik öğelerle birlikte yaşar, fanteziyi doğal bir olguymuş gibi kabul eder.” [5, s.75]

Olağanüstü öğelerle, olağanüstü kahraman ve olaylarla gerçeküstü bir dünya yaratan Nazlı Eray, bu dünya ile gerçek dünyayı eserlerinde bir arada kullanır. Olayları ve durumları tersine anlatarak kurguyu bir masal dünyasına, bir düş evrenine yerleştirir. Çoğunlukla gerçek yaşamından alınmış bölümler ve kişilerle örülmüş kurgularında, ‘benim kişilerim’ dediği kahramanlar, hayal ürünü kahramanlarla birlikte farklı maceralarda buluşur. Nazlı Eray, “Düşlerim benim için asıl gerçeklerdir. Gerçek ise benim için yalnızca bir fantezi...” [4, s. 75] diyerek sanat anlayışını açıklar.

1989’da yayımladığı *Arzu Sapağında İnecek Var* adlı romanında farklı çağlardan insanları, doğaüstü varlıkları zamansızlık kavramı içinde bir araya getirir. Eserinde 18. Yüzyıl Fransa’sının kraliçesiyle bu dönem Fransız Devriminin öncü isimlerini, 1967’de öldürülen Ernesto Che Guevara’yı, 2020 yılının robotlarını ve cinlerle doğaüstü varlıkları bir araya getirerek düşsel bir anlatıyla ortaya koyar. Yazar ele aldığı bu kişilerin tarihi gerçeklik formundaki kişilikleriyle oynamadan zamana uyarlamaya çalışır. Bu uyarlamada kişiler zaman makinesi yerine bir erkeğin anlatıcısıyı öpmesiyle değişen zaman ve mekân içinde ele alınır.

Nazlı Eray’ın *Arzu Sapağında İnecek Var* adlı romanı Nazlı’nın Semra Özal ve Kraliçe Marie Antoinette ile yapacağı düşsel bir söyleşiyle başlar. Düşsel söyleşiden sonra romana Fransız Devrimi’nin öncü isimleri dahil olur. Böylelikle Nazlı’nın bir erkeği öpmesiyle değişen zaman ve mekânlara gidilir. Önce kendilerini Devrim Fransa’sında zindanda ardından 2020 New York’unda bulurlar. 2020 New York’unda romana insansı bir robot olan Alain Delon modeli B273X dahil olur. Sonrasında 1989 Ankara’sına oradan Ay’a gidilir; romanın sonunda ise Arzu Sapağı’nda uçan bir postun üzerinde dünya gezisine çıkılır. Bu gezide gidilen 1967 Bolivya’sında romana Che Guevara’nın dahil olmasıyla devam edilen gezide bir anda bir şampanya kadehinde yüzerken bir iş adamının şampanya içerken onları yutmasıyla roman son bulur. Romanda kişi kadrosunun çokluğu ve farklılığı dikkat çeker. Eray, alışılmışın dışında, büyüü, tılsımlı, cinli ve doğaüstü yaratıkların yanında farklı zamanlardan insanları 1989’da bir araya getirir. Eray, “sadece ayrı dünyaları ve ayrı çağlardan insanları bir araya getirmiyor, aynı zamanda çağımızın anlatı türlerinden bilim kurgu ile geçmiş yüzyılların anlatı türlerinden masalı, fantastik bir bağlamda bir araya yoğuruyor.” [7, s.72] Eserlerinde daha çok sıradan insanları konu edinen Eray, sıradan insanlara ve alışılmışın dışındaki(büyüü, cinli, uzaylı vs) yaratıklara, Fransız devriminin öncüleri ve Fransa Kraliçesini de ekleyip masalsı bir anlatımla ele alarak okuru şaşırtır. Eray’ın ele aldığı kişileri şu şekilde tasnif etmeyi uygun bulduk.

1.Günümüz Gerçekliğine Dayananlar

Nazlı Eray günümüz gerçekliğine dayanan kişileri de ele almıştır. Ele aldığı bu kişilerin başında **Nazlı** gelmektedir. Nazlı romanın baş kişisidir ve roman baş kişileri “romancının esas ürünleridir, romanın varoluş sebebidirler; roman onlara hayat vermek için yazılır.” [6, s.179] Romandaki her şey onun düşsel dünyasının ürünüdür. Romanda da bir yazar olduğu söylenen Nazlı, arzuları olan, zaman ve mekanın bir erkeğin onu öpmesiyle şekillenen bir karakter olarak karşımıza çıkar. Romanın

sonunda Nazlı okura okuduklarının düşsel dünyasının kurgusu olduğunu hatırlatarak “*Sevgili okurum. Kitabı bitiriyorum. Böyle şeyler biter mi? Bitmez değil mi? İşte onun için kitabı bitirmiyorum.*”[3, s. 184] der ve üst kurmaca tekniğiyle yazar, Nazlı ile kendisini anlattığını açıklar.

Romanda günümüz gerçekliğine dayanan isimlerden biri de **Semra Özal**’dır. Nazlı’nın kendisiyle yapmak istediği söyleşi için Nazlı’nın evine gelmiş evde Fransız kraliçesi Marie Antoinette’yi görünce şaşırmıştır. Nazlı, Semra Hanım’a hayatında unutmadığı üç anısını sorar. Semra Hanım ilk unutmadığı anısının Turgut Özal’ın evlenme teklifi ettiği gün, ikincisinin Özal’ın kalp ameliyatı olduğu gün; üçüncüsünün de eşi Özal’ın büyük kongrede suikasta maruz kaldığı gün olduğunu söyler. Nazlı’nın gözünde sık giyimiyle dikkati çeken Semra Özal, Nazlı’nın evinden ayrıldıktan sonra romanda bir daha okurun karşısına çıkmaz.

Turgut Özal, romana, Semra Özal’ın ona telefon etmesiyle dâhil olur. Dönemin başbakanıdır. Semra Hanım’ın Nazlı’nın evine geldiği saatlerde konutunda büyük bir yoğunlukla çalışmaktadır. Semra Hanım’ın yanında Marie Antoinette olduğunu söylemesine inanmaz ve eşi Semra Hanım’a iyi olduğunu söyleyip telefonu kapatmasıyla romandaki yeri de son bulur. **Hıfzı Bey** Nazlı’yla ilgilenip, ondan hoşlanan: “*Adanalı bir kalantor. Şen şakrak bir para babası. (...) Fransız Devrimini filan bilmez. Yani ilgi alanı değil adamın. Anlarsınız ya, günümüzde yaşayan, ayakları yere basan bir iş adamı kendisi... Hıfzı, Türkiye insanı. Milyarder. Arabasında telefonu var. Gaziosmanpaşa’da bir villada oturur.*”[3, s.33-35] Hıfzı Bey, okurun gözünde paralı ve cahil iş adamını canlandırmaktadır. Nazlı’nın, ondan Mozart’ın bir filmini istemesi üzerine o Mozart’ın kendisini bulup getirmiştir. Nazlı’nın Mozart’ı öpmesiyle değişen zaman ve mekânda Hıfzı Bey kaybolur. Romanın sonunda Nazlı ve arkadaşlarının içinde yüzdüğü bir şampanya kadehini alan ve şampanyayı içen “*smokinli, kalantor bir bay*”[3, s.185,186]ın Hıfzı Bey olduğu düşündürülür.

Cinci Celal Hoca, Nazlı, onun başka bir âlemde yaşadığını düşünür. Upuzun boylu, gök gözlü saf yürekli biridir. Kirli koyun postunun olduğu bir odada büyülüler, cinliler bekler; “*Celal Hoca da onlara teker teker okur; düğümlü ipleri çözer, bin bir türlü akıl almaz şey yapar; bağlıları açar(dı.)*”[3, s. 116] Celal Hoca define arayan birisidir. Definenin yerini sürekli cinler tayfasına sordurur. Nazlı’ya kahve falı baktırır ve “*Gündüzleri kentin eğri büğrü bir sokağında, gariban bir çay ocağı işletir(di)*”[3, s.117] Ağzında hiç eksik etmediği sigarası ve kır ile eski sarı karışımı saçları vardır. **Hatice**, Cinci Celal Hoca’nın karısıdır. “yarı esrik” bir kadın olan Hatice aynaya bakıp cinleri görür. Geredelidir ve Nazlı’ya birkaç defa kurşun döktürmüştür. Hastaların olduğu yere pek gelmez ve evinin arka odasında bazen televizyonda Latin Amerika dizileri izler. Romanda iyi niyetli bir kadın olarak geçer.

Romandaki günümüz gerçekliğine dayanan diğer kişiler **Cinli Talip**, **Kapıcı Zülfikar**, **Binnaz**, **Samiye Hanım** ve **Professör Soysal**’dır.

2.Tarihi Gerçekliğe Dayananlar

Nazlı Eray, tarihi gerçekliğe dayanan kişileri kurduğu fantastik kurguyla geleceğe ya da geçmişe göndererek romanında yer vermiştir. Bu kişilerin kiminin kimliğini değiştirmeden ele alırken kimini farklı kimliklere bürüyerek okuyucuya sunmaktadır.

2.1. Tarihi Gerçeklik İçinde Farklı Kimliklere Bürünenler

Nazlı Eray’ın fantastik dünyasında tarihi gerçeklik içinde farklı kimliklere bürünen kişilerin başında Fransa Kraliçesi, **Marie Antoinette** gelir. 1789 yılından gelen Kraliçe, “*Marie Antoinette öyle genç ve güzel..*” dir. Nazlı, Kraliçe’yi “*Kabarık gümüş rengi pompadour saçları incilerle bezenmişti. Yüzünün çizgileri bir minyatürünki kadar ince ve zarıftı. Üstünde leylak rengi ipekliden, dantellerle süslü, kabarık bir giysi vardı. Beli inceikti. Boynunda pembe kadifeden bir kurdelenin üstünde muhteşem bir pırlanta parlıyordu. Sırtındaki kenarları kürklü, sıklamen renkli, ipek kadife pelerin Kraliçe yürüdükçe dalgalanıyordu.*”[3, s.10] şeklinde tarif eder. Nazlı’nın evinde gördüğü telefon, televizyon gibi teknolojik cihazlarla onun evinin sihirli bir kutu olduğunu düşünür. Romanın başında gerçek kimliğiyle Nazlı’nın evine röportaj için gelen kraliçe Nazlı’nın öpülmesiyle değişen mekanlar ve zamanlarda bir ağanın kızı ya da garson kız olarak da karşımıza çıkar. Hemen her kimlikte giyotin hatırlatılarak kraliçenin gerçek kimliğine vurgu yapılır.

Danton Hilton’un diskosunda coşkulu bir kakhaha ile “*Dostlarım! Viski içelim!*” diye bağırmasıyla romana dahil olur. “*yakışıklı, kumral, iri kemikli bir adamdı*”[3, s.29]r. Halkın onu her

zaman heyecanlandırıldığı söylenir. Romanda gidilen 2020 yılının New York'unda yine içki içilen bir yer olan barda kovboy kıyafetiyle görünür. Burada adı Don'dur. New York'un karanlık bir gecesinde elinde minik bir giyotinle Nazlı'nın karşısına çıkar. Giyotin Fransız Devrimine bir göndermenin sembolü olarak yer alır. Nazlı'ya Paris-Texas taraflarından olduğunu söyler ve ona Özgürlük adında bir sigara uzatır. Sigaranın "*Genel bir özgürlük duygusu yarat(ıyor)*" [3, s.101] tıgını söyler Nazlı'ya. Bu da Danton'un Fransız Devrimi kişiliğinden tamamen koparılmadan 2020 New York'unda ele alındığını ortaya koyar. Uzattığı sigaranın adının Özgürlük olması da bunu destekler niteliktedir. Değişen zaman ve mekanla Danton, 1989 Ankara'sında Cinci Celal Hoca'nın evinde görülür. Burada Cinci Hoca'nın deyimiyle kendisine sabun büyüğü yapılan yalnız bir adam olarak karşımıza çıkarılır.

Wolfgang Amadeus Mozart, Nazlı'nın Hıfzı Bey'den Mozart'ın bir filmi istemesi üzerine Hıfzı Bey'in kendisini bulup evine getirmesiyle romandaki yerini alır. Hıfzı Bey, telefonda onun için Nazlı'ya "*Wolfgang Amadeus Mozart adlı çok tatlı bir genç.(...) Başında komik bukleli perukası var. Fakat benim salondaki piyanoya oturunca harikalar yaratıyor. Acayip piyano çalıyor bu genç adam.*" [3, s.48] der. Nazlı'nın Hıfzı Bey'in evine giderek Mozart ile tanışır. Mozart, Hıfzı'nın evinde Nazlı'yla çok ilgilenir. Nazlı'dan telefon numarasını isteyip onun için bir şarkı çalacağını söyleyerek kur yapar. Bu da onun kadınlara olan ilgisinin yanında zamana uyum sağlayabildiğini gösterir. Nazlı da ondan hoşlanmıştı ve onu "*Beyaz bukleli perukasının çerçevelediği solgun yüzü, pırıl pırıl, oyuncu oyuncu parlayan gözleri, duygulu ağzıyla ne denli hoştu.*" [3, s.5] diye tarif eder. Nazlı onun, tanıdığı erkeklerden çok farklı olduğunu ve kendisine sonsuz güveni olduğunu söyler. Mozart, Nazlı'yı bahçeye çıkararak öper. Bununla birlikte romanda zaman değişir. 2020 yılında New York'ta tekrar karşımıza çıkar. Bu defa "*California hippisi*" kılığındadır. "*saçları uzun ve kıvrıkcık(tı); arada piyanonun üstündeki içkisinden bir yudum alıyor(du)*" [3, s. 58] olan Mozart adı Moz olarak karşımıza çıkar.

2.2.Tarihi Gerçeklik İçinde Farklı Kimliklere Bürünmeyenler

Joseph Fouché, "*Fransız Devriminin geri plandaki korkunç politikacısı; papaz okulunda öğretmenlikten yetişip ihtilalin bir numaralı adamı olmayı gerçekleştirebilen, giyotinden kurtulmayı başaran, sonradan bol para ve unvan sahibi olan, her devrin adamı tilki...*" [3, s. 27] olarak tanımlanır. Nazlı'yla Hilton'un diskosunda karşılaşmaları ile romandaki yerini alır. Romanda Fouché "*...maskemsi, kuru kemikli yüzü, orta yaşlı, sade giyimli*" olarak tarif edilir. "çelik kara gözler"e sahip olan Fouché, Kral ve Kraliçeyi giyotine göndermiş biridir. **Robespierre**, Hilton Oteli'nin diskosunda Fouché'un onu Nazlı'yla tanıştırmasıyla romana dâhil olan Robespierre, "*hafif hüznü, ince çizgili yüzü(nü)*..." [3, s.29] olan biridir. Gözleri baktığı insanı sayfa sayfa okuyup inceler niteliktedir. Fransız Devriminin güçlü beyni olan Robespierre, astımından dolayı sigara dumanından rahatsız olmaktadır. Alkollü bir içecek yerine maden suyu içmektedir. **Marat**, Hilton'un Oteli'ndeki yüzme havuzunda bıçaklanarak öldürülmüştür. Bir anda karışan diskoda Fouché, Nazlı'ya onun bıçaklanarak öldürüldüğünü söyler. Bu olayla, tarihi gerçeklikte Fransız Devrimi'nin öncü adamlarından olan Jean Paul Marat'ın bir kadın tarafından banyosunda bıçaklanarak öldürülmesi olayı hatırlatılır.

Ernesto Che Guevara, Nazlı ve arkadaşları Cinci Celal'in postunun üstünde dünyayı gezerken Bolivya ormanlarının üstünden geçerler. Nazlı, Hatice'den cin aynasından günün tarihine bakmasını ister. Hatice tarihin 1967 olduğunu söylemesiyle Nazlı, Che Guevara'yı kurtarmalarını söyler. Celal Hoca postu alçaltarak onu kurtarırlar. O gün Che çatışmadadır. Postun üstüne çıkınca hemen siyah beresini çıkarır ve uzun saçlarını arkaya doğru sıvazlar. Toz toprak içindedir fakat yine de gülüyordur. Posta çıkınca "*Hayatımı kurtardınız, kıstırmışlardı beni. Silahımda kurşun kalmamıştı.*" [3, s.176] der. "*Postalları çamurlu(ydu azıcık) parkası yırtılmış(tı)*" [3, s.177] purosunu ağzında, postun üstüne sırtüstü uzanmışken Vallegrande'nin üstünden geçip geçmediklerini sorar. Romanda "*Vallegrande, kalbine bir kurşun sıkılıp öldürüldükten sonra bir helikoptere bağlanıp götürüldüğü köyün adıydı.10 Ekim1967 Salı sabahı...*" [3, s.177] açıklaması da yer bulur. Nazlı onun için "*Üstelik yorgun görünüyordu. Rengi solgundu. Sesi hafif boğuktu. Yumuşak bir adamdı, ama insan onun karşısında biraz ürküyordu sanki.*" [3, s.178] ifadelerini kullanır.

3.Hayvan Kılığına Bürünenler

Mehmet/Kaplan, Nazlı'nın yakın bir arkadaşıdır. Eski bir militandır. Nazlı düşsel söyleşilerine başlarken onun evine gelir ve Kraliçe'ye âşık olur. Kraliçe'nin ona "*Soylulardan mısınız siz?*" sorusuna "*Hayır Majesteleri. Halktanım ben.(...)Emekçi sınıfıyım*"[3, s. 21] diye cevap verir. Romanda Fouché'la girdiği sohbetle politikayla yakından ilgilendiğini ve cezaevinde yattığını öğreniriz. Nazlı, gittiği Rüya Ekranları Ormanı'nda onun düşlerini izler ve bu "içine kapanık adamın" kendisine âşık olduğunu öğrenir. Mehmet, Nazlı'dan uzaklaşmak için Kraliçe'ye sığınmıştır. Aslında âşık olduğu kişi Nazlı'dır; fakat o Nazlı'ya bağlanıp özgürlüğünü kaybetmekten korktuğu için onunla arasına duvarlar örmüştür. Mehmet, düşünde Nazlı'ya "*Yalnızlıktan bıktım, artık yalnız olmak istemiyorum. Hep seninle olmak istiyorum...*"[3,s. 95] der. Nazlı, Mehmet'in bir düşünde onu "kocaman kedi gibi" bir kaplan olarak görür. Düşte Kaplan/Mehmet Nazlı'yı kafesin içinde canını acıtarak onunla oynamaktadır. Nazlı, Danton'a "insan bir kaplanla yaşayabilir mi?" sorusuna Danton, "parçalar seni" cevabını vermesiyle Nazlı "*Ama duygu doludur o. Tanıdığım en duygu dolu erkek*"[3, s.114]der. Danton'un "*Kaplan mı, adam mı?*" sorusuna Nazlı "*Bilmem... İkisi aynı şey değil mi?*"[3, s.114] cevabıyla kaplanın Mehmet olduğunu ifade eder. Yine Nazlı Mehmet için "*İnsana alışık değildi. Öyle, yabani biri. İnsansız. Yalnız*"[3, s.114] cümleleriyle Mehmet'in yalnızlığını pekiştirir.

Nazlı Eray, burada Mehmet'i kaplanlaştırarak bize Şark anlatılarında fantastik bir öge olarak karşımıza çıkan yarı insan yarı hayvan varlıkları hatırlatmaktadır. Mehmet, güçlülüğü ve çevikliğiyle bilinen kaplanın kılığına büründürülerek güçlü ve çevik olduğuna da vurgu yapılmak istenmiştir. Romanda kaplanın Mehmet olduğu "devrimcilerin hep yalnız" oluşları ve "*Yalnızlığa alışmış insanları evcilleştirmek zor(dur)*" [3, s.103] ifadeleriyle de ortaya konulmuştur.

4.Doğüstü Yaratıklar

Cin Tayfası, Romanda cinler tayfası ilk olarak kaplanın etrafını sarıp düğün yapmalarıyla belirir. Nazlı onları "*kapının yanında birtakım kısa boylu, eciş bücüş, asık suratlı, koca burunlu tipler...*"[3, s.154] şeklinde tarif eder. Romanda "*kara kuru, kavruk ne idüğü belirsiz; boysuz posuz, uğursuz görünümlü, koca burunlu, sık saçlı, birbirine yakın gözlü, yüzü sivilceli birtakım tipler...*"[3, s.160] olarak da anlatılan cinler tayfası, sömürülen işçi sınıfı görünümünde ele alınmıştır. Cinler tayfasının sözcüsü **Mernuş**; Nazlı'nın yanına gelip ondan sigara ister ve ona söylediği "*Biz işi mahsustan yavaşlattık, Celal Hoca bizi sömürüyor. Sigortasız çalışıyoruz. Hep emir, hep emir. İlle de bu post uçacak. Definenin yeri bulunacak, falan filan. Bizleri hiç düşünmez. Hepimiz şurada onun için uğraşıyoruz. Bir sigara yaksak karışır, aylıklıkla suçlar. Sen de duydun ablacığım. Bu koşullarda biz niçin çalışalım? Greve gideceğiz. Post bu koşullarda havalanmaz. Sen durumları biliyorsun. Eh, bizlerin de bir hakkı hukuku olmalı. Bir topluşözleşmeye oturalım, diyoruz ya, Celal Hoca anlamazlıktan geliyor. Arkadaşlar bıkıp usandı. Haklarımızı istiyoruz. Haklarımız bize verilsin!*" [3, s.170] ifadeleri okuru gülümseten ve işçi sınıfı nitelemesini doğrulayan sözlerdir.

5.Robotlar

Nazlı Eray romanında robotlara da yer vermiştir. Romanda karşımıza çıkan robotlar 2020 yılı New York'unda bulunmaktadır. Bunun yanında kendisini robot zannedenlere de romanda yer verilmiştir. Buna dayanarak biz robotlar başlığında Ütopik Robotlar ve Sistemin Dayatmalarıyla Robotlaştığını Düşünenler alt başlıklarıyla ele alınmıştır.

5.1. Ütopik Robotlar

2020 yılı New York'unda karşımıza çıkarılan robotların kiminin robot olduğu ilk bakışta anlaşılırken kimi insana benzerlikleriyle dikkat çekerek robot oldukları anlaşılmamaktadır. Ütopik robotlar romanda insana benzeyenler ve benzemeyenler şeklinde karşımıza çıkmaktadır.

5.1.1. İnsana Benzeyenler

Romanda, çarpıcı robot tipi insanlarla ayırt edilemeyecek benzerlikte olan robotlardır. Bu robotlar ünlülerin kılığına sokulmuşlardır. Siborg Merkezi adı verilen yerde imal edilen bu robotların Nevada yapımı Alain Delon modeli, Marilyn Monroe modeli, Vivien Leigh, Madonna, La Toya Jackson, Sharon Tate, Cher, Jacqueline Bisset gibi birçok model bulunmaktadır. Her yönleriyle kusursuz ve güzel olan bu robotlardan romanda en çok yer verileni Alain Delon modeli robottur.

Alain Delon; Nazlı ile Mehmet 2020 yılı New York'unda gittikleri otelde telefonun yanında bulunan "*Durun! İntihar edecekseniz bizi arayın. Size yardım edebiliriz. Hemen çevirin bu numarayı. Bu dev kentte herkes yalnız, ama biz size yalnızlığınızı unuttururuz. Hadi, çevirin şu numarayı!*" [3,

s.64] yazılı notu merak eden Nazlı'nın numarayı aramasıyla romana dahi olur. Telefonda adının B-273X olduğunu söyleyen robot kendisinin Nevada yapımı Alain Delon modelinde yapıldığını aktarır. Nazlı'nın onu öpmesiyle kendilerini 1989 yılının Ankara'sında Cinci Celal'in evinde bulurlar. Cinci Celal'in evindeki kız kuruları onu dikkatle incelerler. Çok yakışıklı olduğu için dikkatleri hemen üzerine çeker. Kızlar ondan hoşlanırken o Nazlı'dan hoşlanmaktadır. Romanın sonunda Nazlı'yı Arzu Sapağına çağırır. Cinci Celal'in havalanan postunun üzerinde o da vardır. Postun üzerinde hayatından memnun olduğu ve New York'u hiç düşünmediğini söyler.

5.1.2. İnsana Benzemeyenler

Nazlı ve Mehmet'in gittikleri 2020 New York'unda karşımıza çıkarlar. Gelişen teknolojiyle New York sokaklarında önce kayan kaldırımlar vardır. Ardından Nazlı ve Mehmet gittikleri Chelsea Otel'de resepsiyona bakan *“Boş kara deliklerden oluşan gözleriyle... çelikten yapılma son model bir robot(tu)”*la karşılaşır. Bu robot görünüş itibarıyla korkunçtur. Sesi de insan sesi gibi değildir. Japon yapımıdır. Japon robotları daha ucuz olduğu için tercih edilmiştir.

5.2. Sistemin Dayatmalarıyla Robotlaştığını Düşünenler

İnsan olup da robotlaştığını düşünen **Abidin**'in durumu tamamen psikolojiktir. Abidin *“sarı benizli, çökük avurtlu, temiz pak giyinmiş; sakın duruşlu, değişik bir tip”* [3, s.133] olarak Cinci Celal'in evinde karşımıza çıkmaktadır. Yaşı kırk var olan Abidin devlet memurudur. Devlet memurluğunun ağır yükü altında ezilerek robot olduğunu düşünmüştür. Alain Delon'un onun seri numarasını sormasına karşılık o, *“Seri numaram yok. Sağlık karnemde bir numara var ya, şimdi hatırlayamadım.”* [3, s.134] der ve yapım yılı olarak doğum tarihi 1945'i söyler. Abidin devlet memuru olan karısının da robot olduğunu fakat onun bundan haberi olmadığını ifade eder. Abidin'in durumu Nazlı'nın da söylediği gibi *“Toplumsal, ekonomik, psikolojik bir olay”* [3, s.136] dır.

Romanın sonlarına doğru Abidin, Arzu Sapağına bir uçan daire içinde gelir. Alain ve Danton'la tokalaşıp Cinci Celal'in elini öperek *“Ben iltica ettim. Hava gemisinde arkadaşlar var. Artık özgürüm, mutluyum. Bir bölümde servis şefi oldum. Ama hemen terfim gelecekmiş. Belki karımı da yanıma alırım. Ben bu 'daire'den hoşnutum arkadaşlar! Ne zaman isterseniz gelin, buyurun sizi gezdireyim. Kaptanla sıkı fikrیم. Hepsi çok dost, çok can kişiler.”* [3, s.162] der ve uçan dairesine binip gider. Yazar, Abidin ile devlet memurlarının durumuna olan eleştirisini ironik bir anlatımla ortaya koymuştur.

Genç Karı-Koca, Çirkin Kız Kuruları, Ayfer, Uzaylı, romanda yer alan *“yükledikleri herhangi bir fonksiyonu”* olmayan *“dekoratif unsur durumundaki kahramanlardır.”* [1, s.139].

Sonuç

Nazlı Eray, 1989'da yayımladığı *Arzu Sapağında İnecek Var* adlı romanında fantastik kurgusu içine yerleştirdiği kişileriyle de dikkatleri üzerine toplamıştır.

Anlatıcının, Kraliçe Marie Antoinette ve Semra Özal ile yapacağı düşsel söyleşiyle başlayan romana Fransız Devriminin öncü isimlerinin katılımıyla farklı bir boyut kazanır. Önce anlatıcının düşsel dünyasında gerçekleşen olaylar düşlerin kontrolünün yitimiyle içinden çıkılmaz bir hal alır. Romana 2020 yılının robotları, robot olduğunu düşünenler, hayvan kılığına girenler ve cinlerin katılımıyla, roman düşsel gerçeklikteki yerini alır. Yazar romanında zaman ve mekan değişimlerine de yer verir ve bu değişim bir erkeğin anlatıcıyı öpmesiyle gerçekleşir. Baştan sona fantastik öğelerle örülmüş romanda bu öğeler kişi kadrosunun önüne geçmeyecek şekilde ortaya konulmuştur. Romanda yaşanan olağan dışılık okuyucuyu şaşırtmada kişileri gölgede bırakmayacak şekilde ele alınmıştır.

Romanda tarihi gerçekliğe sahip olan kişileri zamanın sınırsızlığı içinde romanına dahil eden yazar kiminin kimliğini zaman ve mekânın değişimine göre değiştirmeyi uygun görmüştür. Örneğin 1989 yılında Ankara'da 18.yy Fransa Kraliçesi olarak romanda görülen Marie Antoinette, 2020 New York'unda barda çalışan garson kız Mary olarak karşımıza çıkmaktadır. Aynı şey Danton ve Mozart için de geçerlidir. Bunun yanında yazar, tarihi gerçekliği olan kişilerin bazılarının kişiliklerini hiç değiştirmez Fouché, Robespierre, Che Guevara gibi. 2020 New York'undan insana benzeyen Alain Delon modeli robotu 1989 Ankara'sına getirtir. Kişiler bu zaman ve mekânın değişimine ayak uydurarak gittikleri/geldikleri zamana uyum sağlar nitelikte ortaya konulmuştur.

Nazlı Eray, kişilerini 18.yy Fransa'sından, günümüz insanından, 2020 yılının New York'undan ve doğaüstü varlıklardan alsa da romandaki bütün kişilerin bir uyum içinde ele alındığı göze çarpar.

Kişilerini bu romanında çoğunlukla tarihi gerçeklikten alan yazar, bu kişilerin tarihi gerçekliklerini unutturmayacak şekilde romanında işler ve bunu yaparken de okuyucuda olağan dışılığı, olağan gibi algılatmayı amaçlar. 2020 yılında karşımıza çıkarılan Danton'un elinde minicik bir giyotin olması, Cinci Celal'in evinde karşımıza çıkarılan Kraliçe ve kocası 16. Louis'in, yapılan büyüden dolayı, giyotinden arta kalan izlenimi vermesi yazarın tarihi gerçekliği de tamamıyla bırakmadığını ortaya koymaktadır. Yazarın romanında işlediği kişiler farklı tarih ve karakterlere sahip olsa da büyük bir uyum ve birliktelik içinde işlenmiştir.

Kaynakça:

1. Aktaş, Şerif, Roman Sanatı ve Roman İncelemesine Giriş, Birlik Yayınları, 1. Baskı, 1984.
2. Ecevit, Yıldız, Türk Romanında Postmodernist Açılımlar, İletişim Yayınları, 7. Baskı, İstanbul, 2011.
3. Eray, Nazlı Arzu Sapağında İncecek Var, Can Yayınları, 2.Basım, İstanbul, 1994.
4. Eray, Nazlı, "Çalışırken Beynimde Kasırgalar Eser", Hürriyet Gösteri, 21, Ağustos 1982, 75.
5. Ertem, Cengiz, "Fantastik Edebiyat ve Aşk Giyinen Adam", Edebiyat ve Eleştiri, Mart-Nisan, 2003, s.75.
6. Harvey, W.J, "Romanda Sosyal Ortam", Stevick Philip, Roman Teorisi, Çev: Sevim Kantarcıoğlu, Akçağ Yayınları, 5. Baskı, Ankara, 2021, s.179.
7. Moran, Berna, Türk Romanına Eleştirel Bir Bakış, C.3, İletişim Yayınları, 5. Baskı, İstanbul, 2001.
8. Sezer, Sennur, "Kadınların Düşleri- Düşlerin Kadınları" Varlık, 1020, Eylül 1992, s.13.
9. Tanrısever, Bahar, "Yalnız Olmadığımı Hissettim", Cumhuriyet Kitap, 27 Haziran 2002, s.4.
10. Yonar, Gönül, Türk Edebiyatında Fantastiğin Kökenleri, Ötüken Yayınları, İstanbul, Şubat 2011, s.265.

CZU 37.016:78:811.512.165

LİTEYDA MUZİKAYI ÜRETMEK METODLARI HEM ZAMANDAŞ KONTEPTİYALARI

Karaçlı Lüdmila,

G.A.Gaydarcının adına teoretik lişeyin üredicisi, mun.Komrat, RM

e-mail: balankarachlyiuda@mail.ru

orcid id: 0000-0002-9711-5626

Abstract: This article discusses the problem of preparing and conducting a modern music lesson in the Gagauz language. The article discusses modern methods and concepts in teaching music lessons. The methods and techniques of using information and computer technologies that affect the development of personality and the level of music education in lyceum classes are revealed. Students and the effectiveness of this teaching method pay attention to the preparation of presentations.

Keywords: *information and computer technologies, visual techniques, presentation, slide, aesthetic development, modern technologies*

“Talantları kurmaa olmaz, ama var nasıl
hem lääzım onnarın peydalanması için
hem büyümesi için çevreyi kurmaa “

G.G. Neygauz.

Muzika terbiyesi- kişiliin artistik- estetika ilerletmenin temeli. O uşaan ilerletmenin-
garmoniyalı, kısmetli hem bütün dünneyi sevän hertarafkı dolupaallılı önemni kurucusu. Muzika

yardım eder açılmaa, bu dünneyi taa incä duymaa, taa iilikli, taa ii olmaa. “Uşakların muzika yaradıcılı- onnarın ilerletmenin en etkili kolaylı” yazardı B.V.Astafyev.

Muzika uroo – incä zanaat dünnesinä girmäk uroo, üürenicilerin bilgiedenmesi aktivleştirmeksiz düşünülmeer. Büün bu proşesin hazırlanmasında kompyuter tehnologiyaların kurucu aspektini yok nasıl esaba almamaa.

Geniş maanada kompyuter tehnologiyaları- o pedagogika instrumenti, angısı üürenicilerin bilgiedenmäk aktivliin dinamikasına hem strukturasına etki eder. Üüretim praktikasına zamandaş tehnologiyaların girmesi, bu sırada da muzika uroklarına, eni kolaylıkları açêr. [10,s. 268]

İKT kulanmasına şükür ederäk, üürenicilär urokta başladılar taa üüsek aktivliinnän ayrılmaa (kendi fikirini söylemää, fikirlemää, sözleşmää başladılar). Var nasıl geniş kulanmaa *proekt sınışlarını kompyuter prezentaşiyalarınnan*, angıları herbir ilüstraşionnu materialı gözledici vermää kolaylık ederlär. Büünkü koşullarda, açan üüredici yok nasıl hazır programa materialını kullansın, bir instrument informaşion tehnologiyaların *Power Point* girmesi sayılêr, angısını var nasıl produktiv hem yaradıcılı muzika uroklarında kulanmaa.[5,s.12]. Prezentaşiya hazırlanması için deyni üürenici lâázım büyük aaraştıracı- bilim işini geçirsın, çok sızıntı sayısını kullansın, ne yardım eder kaçmaa şablondan hem herbir işi individual yaradıcılı işä geçirmää. (1 resim) Eni materialın annatmasında slayd kurması verer kolaylık animaşıyayı kulanmaa, angısı üürediciyâ etaplı, durgunmaklı, üüretim materialını annatmaa yardım eder. (2 resim)

Muzika uroklarında (herbir klasta) prezentaşiyalar geniş kulanılêrlar, ne yardım eder predmetin üürenmesinä meraklı kaldırmaa. Bundan kaarä orta bölümün üürenicileri kendi prezentaşiyalarını gösterelär- viktorinaları, geçmiş hem tanılan temalara görä, terminnerä görä, muzika fragmentlerinä görä soruşlar koyulu. (3 resim) Bölä uroklar diil sade üürediciyâ büyük yardım gibi klasın soruşturmasında, materialın kaaviletmesinde, üürenicilerin notaların kabledilmesindä izmet ederlär, ama vererlär üürenicilerä kendisini üüredicinin rolünde duymaa. O klasın cuvap etmesindä üürenicilerin aktivliini kaldırmaa yardım eder, hem dooruluunu incelemektä, hem koyulu soruşların, hem kendi arkadaşların prezentaşıyanın daavaların bilinçliini incelemää yardım eder.[9,s.4-6]. Genel, bölä prezentaşiyalara- viktorinalara hazırlanarkan, angılarını üürenicilär var nasıl eşli hazırlasınnar, üürenicilär üürenerlär kısa, bilinçli, annaşılı verili temaya görä soruşları kurmaa, hem toplu, bilinçli bu soruşlara cuvapları hazırlamaa. Üürenicilar kendileri prezentaşiya, viktorina hazırlarkan, kendinä deyni istämedän, geçmiş materialı kaavilederlar, aklında tutêrlar hem kendi sözündä kullanılan muzika, inca zaanat terminneri, klasika- kompozitorların muzika yaratmalarını aklında tutêrlar. Prezentaşiya demonstraşiya proşesindä üürenicilar publika ştenaya çıkmak görgüsünü kablederlär, angısı, lafsız, ilerki yaşamakta faydalı olacek. (4resim)

Verili soy çalışması üürediciyâ hem üüreniciyâ verer kolaylık yaradıcılı, individuell göstermää, urokların formal yaklaşmasından, geçirilmesinden kaçmaa. Muzika uroklarında kompyuter hem başka tehnika araçların kullanması- o diil kendineet. Cümnenin ilerledilmesi büün dikteeder eni informaşion tehnologiyaların lâázımını kulanmasını hepsi yaşamak sferalarında.

Zamandaş okul diil lâázım geeri kalsın zamanın istediklerindän. Zamandaş üüredici, kendi çalışmasında lâázım kullansın kompyuteri, çünkü okulun genel daavası- eni evlad boylarını bilinçli, düşünän terbiyetmää, vatandaşları, angıları kendibaşına bilgileri becererlär kabletmää.

Eni tehnologiyaları muzika uroklarında kullannarkan, olmaz unutmaa, ani o incä zanaatlan danışmak uroo. Onuştan kayet önemni onu kompyuterlan danışmaya “diıştırmemää”, uroo ”kurutmamaa”, onu tehnika praktikumuna geçirmemää. Meraklanan eni metodikaylan, arif üüredici kullanêr onun sade o eniliklerini, angıları yardım edecekler uşaan becermeklerini açmaa, ilerletmää hem gerçekleştirmää.(5 resim)

İnformaşion- kompyuter tehnologiyaların kullanması diil sade üürenicilerin, ama üüredicilerin dä kişiliin ilerletmesinä kolaylık ederlär. Kendi görgünün fikirlenmesi, kendi profesional ustacılın käämilleştirilmesi geçer. Hepsı bu üüretim proşesin optimaşıyasına kolaylık eder informatika temeli.

Onuştan, muzika uroklarında informaşion- komunikativ tehnologiyaların kullanması uroo yapêrlar bilgiedenmekli, türlüçeşitli, ama en önemni – zamandaşlı. Üürenicinin rolu urokta diışildi: pasiv sesleyicidän o üüretim proşesin aktiv pay alıcısı oldu; predmetä pozitiv danışmak oluşturulêr.

Bibliografiya:

1. Gagauz dili hem literaturası.Kurikulum V-IX klaslarına deyni. - Kişinöv, 2010.
2. Gagauz dilinin orfografiya hem punktuatiya kuralları. - Kişinöv, 2014. - 72 s.
3. Üürenmāk planı gimnaziya tikiında 2015-2016 y. – Kişinöv, 2015.
4. Афанасьева О. В. Использование ИКТ в образовательном процессе. – www. pedsovet. org5.Бекина, С. И. Музыка и движение [Текст] / С.И. Бекина. - М. Просвещение, 1983.
5. Краля Н.А. Метод учебных проектов как средство активизации учебной деятельности учащихся: Учебно-методическое пособие / Под ред. Ю.П. Дубенского. - Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. - 59 с.
6. Конышева Н.М. Проектная деятельность школьников//Начальная школа. – 2006. – №1.
7. Кравец Т.Н. Телеганова М.В., Спугай С. Младшие школьники проводят исследование //Начальное образование. –2005. – №2.
8. Макаров Ю. Метод проектов. // Начальная школа. – 2006. – №10. – с. 4-7
9. .Сергеев И.С. Как организовать проектную деятельность учащихся. – М. АРКТИ, 2006.

Eklentilär:

Resim.1. Uroon teması: Masallar «Dadunun hem babunun evi», «Kolobok».

Resim.2. Tema: Renkli güz.

Resim.3;4.

CZU 372.46

SÖZ İLERLEMESİ – ÖNEMNİ ŞART UŞAKLARI OKULA HAZIRLAMAKTA

Güllü Karanfil,

Filologiya bilim doktoru (PhD)
KGU, Komrat, Moldova
e-mail: gullukaranfil@hotmail.com
orcid id: 0000-0002-8045-7822

Bihol Anna İvanovna,

MPG-20 grupanın studentı
KGU, Komrat, Moldova
anna.bihol@mail.ru
orcid id: 0000-0003-0540-3936

Annotation: The article reveals the features of the formation of coherent speech of children of senior preschool age, the methodology for the development of speech in their native Gagauz language to prepare children for school. The relevance of this work is due to a significant increase in the number of children who do not speak their native language.

Keywords: coherent speech, preschool education, speech development.

Uşakların söz kultasası sıkı baalı terbedicinin hem yakın insannarın söz kultasasınan. Onuştan pek önemni, ki büyük insannarın sözü (uşak başçasında hem ayledä) olsun maanalı, dooru, ekspresiv.

Okula hazırlanan uşakların söz ilerlemesi baalı onunan, nesoy kolaylıkları kullanêr terbedici. Söz ilerletmesi, temel kolaylıkların birisi, sayılêr dil ortamı. Söz, angısını uşaklar hepbir işiderlär, hepsini, neyi onnara okuyêrlar hem annadêrlar - düzerlär "dil duygusunu". O yardım eder annamaa sözün kultasasını.

Terbedici lääzım esaba alsın kendi sözünü. Varsa sözdä yannışlıklar, terbedici lääzım doorutsun onnarı. [4, c. 56]

Lafedärkän hazırlık grupanın uşaklarınan, lääzım esaba almaa onnarın yaş özelliklerini hem lafetmäa onnarlan ölä, ki onnara hepsi annaşıllı olsun, ki terbedicinin sözü etişsin uşaklara, açsın onnarda parlak süretleri hem kaldırsın duyguları.

Söz ilerletmesindä büyük eri kaplêr uşak başçasına uşakların hergün gelmesi. Türlü oynnar, materiallarlan işlär, gezintilär hem hesaba almaklar, resimneri gözletmäk, hayvannarı hem büyüümneri bakmak, kultura daalmaları - hepsi bunnar olêrlar uşaan sözün içindeli. Açan terbedici taa da hepbir hazır seslesin onu, neyi annadêr uşaklar, hazır lafetsin bu temaya görä, ozaman uşaklarda taa sık uyanêr istemeklär açıklamaa sözdä hepsini duyguları hem dalgalanmakları. [1]

Eer uşakların yaşamasında yoksa parlak duygular, onnarın yaşaması fukaarä hem birtürlü, onnarın sözü yavaş ilerlener, onnar bişey annatmêrlar, bişey sormêrlar, onnarın sözlüü büüler yavaş-yavaş. Hep o vakıt terbedici lääzım kuşku olsun hergün zenginnderäk uşakların yaşamasını eni duygularlan, ki onnar tutamayaceklar aklılarında materialı çok vakıt hem almayaceklar o işi hesaba.

Söz ilerletmesinin temel kolaylı sayılêr artistik literaturası. O kullanılêr sözün ses kultasasının düzülmesindä, morfologiya kanonların hem sintaksis konstruktıyaların annamasında. Artistik teksti örnek olêr baalı sözün düzülmesindä.

Literatura süjetleri kullanılêrlar temel gibi hazırlayarkan söz situatıyalarını dilin üüredilmesindä, analitik-sintetik işin düzmesindä, dünnäa için hesaba almakların genişletmesindä. [2]

Uşakların sözünü ilerletmäa deyni kullanılêr artistik kolaylıklarını. Pek islää uşakların sözünü düzer resimnemäk. Söz hem resimnemäk ilerlemesinin arasında araştırcılar düzerlär analogiya, da bulêrlar, ani resimnemäk - ayırı söz soyu. L.S. Vıgotskiy sayêr uşaan resimini, nicä kendibaşına grafik sözü, angısını var nicä saymaa gelecek yazmanın nışanı gibi.

Biliner, ani okula hazırlık yaşında uşaklar may bir kerä da resimnämeerlär susarak: kimi uşaklar nesä annadêrlar, kimi çalêrlar. Sözü resimnemäk proşesinä girmäk, nicä sayêr araştırcılar, var nicä diştirsın resimnemenin gidimini: uşak çekeder analiz yapmaa resiminä, annamaa, ne yapılı islää hem neyi lääzım taa işlemäa. Laf yardım eder annamaa resimnemäk proşesini, yardım eder kullanmaa türlü materialları, türlü resimnemäk teknikaları.

Hep bu vakıt, resimnemäk proşesinde uşaklar üürenerlär kullanmaa lafları, angıları göstererlär predmetleri, onnarın nışannarını (rengi, formasını). Uşakların sözlüü dolêr resim terminnerinnän ("çizgi", "kolorit", "ştrih"), doorulêr kimi lafların maanaları (büük, taa büük, büücerek, kısa, kısacık, küçük, küçücük).

Buradan görüner, ani resim hem söz - iki baalı kolaylık, angıların yardımınnan uşak gösterer kendi bakışını dolay yaşamaya. [3]

K.Büller sayêr, ani haliz resimnemäk çekeder ozaman, açan lafların yardımınnan sözleşmäk gitti ileri, ama A.Rıbnikov söleer, ani bir vakıdadan uşak kendisi bakêr kendi resiminä, nicä ayırı söz soyuna; onun yardımınnan o savaşêr annatmaa predmet için hepsini, ne biler. [4, 89]

Uşaan sözü zenginneer hızlı, eer onun söz işi geçirsä taa intensiv, ama o ilerlenecek taa da hızlı, eer terbiyecici kullanırsa türlü üretmäk metodlarını kendi işindä.

Üretmäk metodu sayılêr terbiyecinin hem uşakların iş soyu, angısı yardım eder uşaklara edenmää bilgileri hem becermekleri. [1]

Uşakların söz ilerletmesinin temelindä durêr anılmış kanonnar, angılarına dayanarak var nicä açıklamaa söz üretmäk metodlarını. Uşaklara deyni bölä meraklı metodlar var:

- İmitaşıya metodları. M.R.Lvova görä örnään kullanılması hepbir isteer uşaan üürenmäk işlemini, onun kendibaşına işini. "Örneklän" işta kullanılêr dil analizi hem sintezi, yapılêr ilk bütünneştirmeklär. Örneklerä görä uşaklar üürenerlär düzmää, yazdırmaa, annatmaa, fikirlemää tekstleri. [5, 45]
- Komunikativ metodları. Komunikativ metodun var kendi metodika sıralı. Ona girer: söz situaşıyaların düzmesi; konuşmaklar; rolä görä oynunar; gezinmeklär hem êkskursiyalar; hesaba almaklar. Hepsi bunnar kaldırêrlar uşaan istemesini lafetmää hem yardım ederlär ayırmaa materialı, angısı için gidecek laf. [5, 46]
- Gözletmä metodları. Gözletmäk metodu kullanılêr predmetlän ikinci kerä tanışmakta, kaaviletmää deyni bilgileri. Bu metodun temelindä durêr terbiyecinin sözü. O doorudêr uşaan annamasını, annadêr hem açıklêr gösterilmiş.
- Lafetmäk metodları uşak başçasında kullanılêr taa siirek, nekadar okulda. Uşak başçasında kullanılêr taa sık osoy lafetmäk metodları, angıları baalı artistik lafınnan.Terbiyecici okuyêr uşaklara artistik yaratmalarını. Kullanılêr taa katlı metodlar da - şiiri esber üürenmää, teksti annatmaa. [4, c.59]
- Praktik metodları. Bu metodların neeti - üretmää uşakları praktikada kullanmaa kabledilmiş bilgileri, yardım etmää kaaviletmää söz bilgileri hem becermekleri. Uşak başçasında praktik metodları kullanılêrlar taa sık oyun formasında.

Didaktika oyunu - ii metod kaaviletmää deyni bilgileri hem becermekleri. O kullanılêr çözmää deyni hepsi söz ilerletmäk daavalarını. Üürenilmiş literatūra tekstinnän işi var nicä düzmää dramatizaşıya oyunun yada sofrada inştenirovkanın yardımınnan. Hep bu metodları olur kullanmaa teksti annatmaa üüredilmesindä. Tanıştırankan uşakları yaşamaklan hem naturaylan, var nicä kullanmaa metodları zanaatlanmak karakterindä (çiçek ekmesi, imää yapması). Praktik metodlara var nicä götürmää gözletmäk oyun-zanaatlarını, oyun-inştenirovkaları etik karakterindä, angılarını işledi S.V.Peterina. Onnarı yapmaa deyni lăázım tedarlıklar: kukla hem büük oyuncak ayı (120 sm), ne verer kolaylık lafetmää onnarlan, nicä diri insannan hem verer büük terbiyetmäk efekti, kukla rubaları, ayakkabıları, gigiena tedarlıkları.

Bu oynunların öz daavası - terbiyetmää uşakların kendini götürmäk kulturasını, ama onnar pek önemni söz ilerletmesindä dä, neçinki genişlederlär sözlüü, kaavilederlär sözleşmäk sözün becermeklerini. Örnek gibi, sınıšta "Bizdä musaafirliktä kukla Katı" uşaklar diil sade görêrlär kuklaylan zanaatlanmasını, ama kendileri da oturêrlar sofralara çaylan, üürenerlär tutmaa cümnä konuşmasını imäk vakıdında, musaafiri saymaa, savaşêrlar gözäl imää, dooru götürmää kendini sofrada. [5, c.46]

Herbir metodun var ayırı kolaylıkları, ani yardım ederlär çözmää didaktika daavalarını. Kolaylık - metodun elementi. Büünkü vakıtta söz ilerletmäk metodikasında, nicä da cümnä didaktikasında yok ayırı kolaylık klasifikaşıyası. En ilkin onnarı olur ayırmaa gözletmäk hem emoşıonallık roluna görä - lafetmäk, gözletmäk hem oynamak.

Taa geniş kullanılêr bölä lafetmâk kolaylı, nicä söz örnää. Söz örnää - terbiyecinin söz yada dil işi. Örnek lâazım olsun ii tekrarlamaa hem analogiya yapmaa için. Ki uşaklar taa dooru annasınar örnää, ki üüseltmää uşaan kendibaşına işin rolunu. Örneklän bilä lâazım kullanmaa başka kolaylıkları - açıklamakları, izinneri. Örnek lâazım kullanılsın uşakların söz işindän ileri hem bir sınıştä var nicä kullanılsın diil bir kerä. Söz örnää gösteriler uşaklara dooru, üüsek seslän, diil hızlı.

Açıklamak - terbiyecinin annatması bir olay yada iş için. Taa sık bu kolaylık kullanılêr laf işindä, ama onun var eri başka daavaların çözmesindä dä.

Laf işindä uşaklar çok sıra yapêrlar ayırı söz işleri, kaaviletmää deyni bilgileri hem becermekleri. Tekrarlamaktan laf işini ayırılêr onunnan, ani var nicä onnarı yapmaa taa sık, variantlıunnan hem uşakların taa çok kendibaşına işinnän. [4, c.42]

Tekrarlamak – o hep söz elementi(sesin, lafın, frazanın). Çok kerä kullanılêr materialı aklıda tutmaa deyni. Praktikada kullanılêr materialın terbiyeciyän tekrarlanması, uşaklan kendibaşına materialın tekrarlanması, birerdä tekrarlamak (terbiyeci hem uşak, yada uşak uşaklan), hem bütün grupaylan.

Uşaan sözünü notalamak açêr bilgilerin hem söz becermeklerin uurunu. Bir sınıştä geniş hem doludan var nicä kantarlansınar sade birkaç uşaan cuvapları. Örnek gibi, nota kaplêêr uşaan sözünün sade bir-iki kalitesini, o veriler birdän cuvaptan sora, ki başka uşaklar verärkän cuvap onu alsınar hesaba. Nota taa sık açıklêêr sözün ii taraflarını. Eer açıklandıysa yannışlıklar, var nicä teklif etmää uşaa savaşsın doorutmaa kendi cuvapını.

Soruş – o bir danışmak, angısı isteer cuwab. Düzülmesinä görä soruşları olur ayırmaa dooru, cuvaba yaklaştıran hem yardım edän. Soruşun herbir soyu önemnidir. Koyarak soruşu lâazım dooru ayırmaa logika urgusunun erini, zerä uşaan cuvapını doorudêr temel lafı, angısının var ayırı maanası. [5, c.47]

Uşakların söz ilerletmesindä pek önemni terbiyecinin emoşionallı. Emoşiya duyguları kaldırêr uşakların dikatlını oyunda, nedän çekeder işlemää hepsi söz proşesleri. Zanaatta, taa ii onun bitkisindä, var nicä koymaa şaka soruşları, kullanmaa şakaları, oyun personajını, kullanmaa oyun notalamak formlarını.

Söz materialına kaldırêrlar interesi hem üüselderlär uşakların dikatlını yarışmak elementleri ("Kim söyleyecek taa çok laf?", "Kim taa gözäl söyleyecek?"), tedarlıkların enilii, süjetlerin meraklı.

Kendi zanaatlarında gagauz dili üüredicisi hepsini bu metodları kompleks kullanêr. Bir kaaviletmâk sınışında var nasıl kullanılsın türlü metodlar: predmetlerin, oyuncakların, resimnerin gösterilmesi, oyun metodları, artistik sözü h.b.. Terbiyeci-üüredici kullanêr türlü metodları bakarak koyulmuş daavalara, uşakların yaşına, bilgilerine hem individual özelliklerine.

Büünkü gündä Gagauziyanın uşak başçaları "Gagauz dilin genişledilmesi " kanonuna görä işleerlär. Uşak başçalarında çok vakıt veriler gagauz dilinä, hepsi rejim momentleri gagauz dilinä geçerlär: uşakları kabletmâk, sabaa gimnastikası, sabaa hem üülen imeeyi, masal okumak, uykudan sora gimnastikası h.b.. Uşaklar günün içindä sık işiderlär gagauz dilini: terbiyecidän, üüredicidän, çizgi filmnerdän, audio materiallardan. Bu hem başka kolaylıklar zenginnderlär hem genişlederlär uşakların sözlüünü hem geliştirerlär sözünü. "Gagauz dilinin genişledilmesi" kanonu büyük fayda verer gagauz dilin kullanılmasına, illerlertmesinä hem geliştirilmesinä.

Bibliografiya:

1. <https://detsad124.ucoz.ru/virt/alekseeva-jashina.pdf>
2. <https://dohcolonoc.ru/stati/18558-razvitie-rechi-doshkolnika-sredstvami-izobrazitelnoj-deyatelnosti.html>
3. https://www.defectologiya.pro/zhurnal/rech_vospitatelya_trebovaniya_k_rechi_vospitatelya/
4. Л.П.Федоренко, Г.А.Фомичева, В.К.Лотарев "Методика развития речи детей дошкольного возраста", М., 1977 г.
5. Методика развития речи младших школьников. Пособие для учителя | Львов Михаил Ростиславович, 1976 г.

CZU 373.2:811.512.165

TEATRALAŞTIRMAK NASIL GAGAUZ DİLİNİN ÜRETMEK METODİKASI

Karanfil Güllü,

Filologiya bilim doktoru (PhD)

KGU, k. Komrat, Moldova

e-mail: gullukaranfil@hotmail.com

orcid id: 0000-0002-8045-7822

Rabeja Maria Vasilevna,

MPG-20 grupanın studentı

KGU, mun. Komrat, Moldova

e-mail: shanazarova74@mail.ru

orcid id: 0000-0001-5446-9531

Annotation: This article discusses the implementation of theatrical activities in kindergarten. The importance of this area of work, which contributes to increasing the motivation to study the Gagauz language of preschool children, is shown.

Keywords: theatrical activity, expressiveness, speeches, emotional sphere, theatrical game, motivation.

Zamandaş üretim sistemi şola ilerisi uşakların pedagogları uşaa eni gumanik yaklaşmak, nasıl ilerleyen kişilää orientir eder, angısına lääzım annamak hem hatırlamak onun meraklarını hem haklarını. Türlü öğrenmeyi buna baalayarak, bu sırada da gagauz dilinää üretmek projesi, uşaan ilerletmesine lääzım doorudulu olsun. Pedagogların daavası sayılêr uşaa deyni gagauz dilinää üretmek projesinde maksimal komfortluu kurmaa. Çünkü uşaklık lääzım kalsın sevinmelikli hem kasavetsizlii, ne ona getirir hoşluk. Dilin üretiminde zamandaş tendentiya sayılêr gagauz dilinää erken üretmek. Şola ilerisi yaşı gagauz dilin erken öğrenmesine kayet hoşluu. Bilgicilerin araştırmaları çetinnederlêr neetä uygunluk hem efektiflii dillerin erken öğrenmesini, angısı hertarafkı ilerledili kişilii kalıplamasını kurêr, ilerleder uşaan dil becermeklerini hem ilerä dilin kaavi öğrenmesini koruyêr. Görgünün temelinde yatêr te bu speşalistların ideyaları, nasıl Bonk N.A., Vronskaya N.V., Kirilova Ü.V., Malkina N.M., egorova İ.V. Spirina L.İ. Angıları sayardılar dilin öğrenmesine optimal yaşları- dört- beş yaş.

Taa K.D.Uşinskiy yazardı: “Uşak birkaç ayın içinde ölä ürener lafetmää yabancı dildä, nasıl yok nasıl büyüklêr ürensins birkaç yılda.” Araştırmalar nasıl vatandaş, ölä dâ yabancı pedagogların, hem lingvistlerin gösterdiler; gagauz dilin erken çeketmesinde hep o mehanizmalara dayanêr.

Argumentlendi, ani erken öğrenmek gagauz dilinää uşaklarda metalingvistik kolaylıkları, dil intuişyasını kurêr, yaratıcılık ilerletmesine kolaylık eder. Uşaklarda 4-6 yaşında ii aklında tutmak, hem emoşional dilin kabletmesi var. Dilin ses ötmesi uşakta ayırı merak çarêr.

Bu yaşta uşakta neetdoorudulu becermek peydalanêr, o taa zeedä yada taa az dikatlık konşentraşyasına becerikli.[2, c.127]

Çok saymnı zorluklar uşaklarda gagauz dilini üreneräk meraklık kayıplına getirerlêr. Zanaatların başarılı çoyunda baalı uşaan öğrenmek isteedinä, ürediciya lääzımını bulmaa araçları, deyni uşakları üretim projesinä katmaa, gagauz dilinin öğrenmesiniä meraklık çarmaa. Dillerin zamandaş üretim metodikasında bütünnük üretim ideyaları aktiv kullanılêr. Gagauz dilin öğrenmesi lääzım kendisine geçirsins uşaan güüdä hem ruh sferalarını, onun kognitiv hem emoşional kurucularını. Taktil kontaktı, yaptıklar, türlü çalışmak soyları muzikaylan, oyun yaptıkları şeylêrlän lääzım getirersinnêr hoşluk sözleşmektän hem gagauz dilin öğrenmesindän.

Böla kolaylık teatralaştırmak gösterer. Teatralaştırmak metodu girer lingvodidaktikaya söz pedagogikadan, angısının sınırlarında kuruldu maasuz söz öğrenmek kolaylı, oyun hem teatral formada.

Teatralaştırmak elementlerin kullanması nasıl gagauz dili uroklarında, ölä dâ dışandakı iştä üretim çalışmayı yaratmak projesa geçirer, angısı doorudulu materialın kabletmesine oyun yardımınan hem artistik sürelerin kurmasınan.

Teatralaştırmak kurêr maksimal koşulları serbest emoşialı kontakt bolluu, biri-birinä inanmak hem yaratıcılı atmosfere.

Şkola ilerisi uşakların yaşlarında gagauz dilin öğrenmesinde sayılır meraklı aşılması oyunda dili öğrenmää. Oyun cevap eder uşaan natural lâazımına hem istediklerinâ, onuştan onun yardımınan o havezlân ürenecek. Oynunlar öğrenilân dilâ uşaan meraklını kaldırêlar , vererlâr kolaylık kontentir etmää dikatlı önemnidâ- natural sözleşmâk situatıyanın proşesinde söz alışkannı öğrenmää. Uşakların bir en sevgili oyunnu çalışmak soyu sayılır teatrallı oyun, dramatizatiya, neçinki drama temelli yaptıkta, kendi uşakları yapıları, en yakın, yaptıkları hem artistik yaratıcılığı kişiliin kahrılanmasınan baalêr. Teatral oyun uşakta çarêr meraklılık, verer kolaylık ona kendisini kâamil çalışmakta göstermää, gagauz lafların hem lafbirleşmelerin aklında tutmasına kolaylık eder.

Teatral oyun uşakların meraklılık kaldırmasına kolaylık eder, zanaatların içindeliinâ durumnu dikatlık edener hem taa çetin dil materialın kabledilmesi. Bundan kâärâ , oyun situatıyaların çok sayımnı, masal süjetleri zanaatlarda çarılı sevinmelik atmosferasını kurmaa, bolluk hem natural. Teatral oyunun yardımınan pek islââ işlener dooru söylemâk, leksikalı hem gramatikalı material aktiv ediler, aazdan sözün audirli alışkannı ilerlener. Teatral oyun yardım eder söz solumayı , dooru diktiyayı, hem dooru artikulatiyayı, türlü-türlü intonatiyayı ilerletmää, hem laflık ükünü doldurmaa (söyleyiş , şiir, masal ezberleyerek). Oyunda uşaan yaratıcılığı, fikirlemâk becermeleri ilerledilerlâr. Denklik duyguları, meraklanmak atmosferası verer uşaklara kolaylık utanmayı, sıkıntılı ensemää, dil baryerını, yorgunnu çıkarmaa. [5, c. 28-35]

Çünkü uşaklarda üsek fizik aktivlik (oyunlar, oyunlar hem çalmaklar), praktika yaptıkları katlanması söz aktarınan öğrenicilerâ meraklılık getirer.

Önemli ayrıklık şkola ilerisi uşakların onda, ani onlar öğrenmelelâr gagauz dilini, ama ona oyunêlar. Bu yaşta faydasız zorlan koyma nesâ öğrenmää- uşaklarda zeedesinnân var aklında tutmak, onuştan lâazım pozitif emotıyalar. Bu emotıyalar uşaklar zeedesinnân teatralaştırmakta kabledelerlâr. Teatralaştırmak metodun kullanılması nasıl bir dilâ üretmâk kolaylı kayet ilinnedecek üretim proşesi, yapêr onu taa yakın hem yannaşabilir. [7]

Dilin üretmesinde önemli neet – komunikativ kompetenıyanın kalıplanması. Neeti etışmää deyni lâazımını praktika daavaların sırasını çözmää, ayrıntılı, komunikativ kolaylıkları, düşünân: ilkin, türlü dialogların soylarında payalmak: dialog hergünkü sözleşmâk situatıyalarında, etiket karakterinde dialog- becermää selemneşmää, tanışmaa, kendini tanıtmâa, yalpak prost olmaa, kutlamâa hem şüküretmää kutlamak için, prost olmaa; dialog- soruşturmâk- becermää soruş koymâa: Kim? Neredâ? Nereyi?

Dialog – çarmak yaptıkları- becermää yalvarmakları danışmaa hem göstermää hazırlı yada inkârlık onu yapmaa.

İkinci, monolog sözlerini kurmak: annatma kendisi için, kendi dostu için, kendi aylesi için; yazdırmaa şeyi, resimi, okunmuş masalın personajı için resimâ dayanarak. Monolog sözün sıntısı 4-5 cümlâ.

Psiholog L.S.Vıgotskiy yazardı, ani kişiliin komunikativ ilerletmesi baalı soşial- kultura dolayınan. Ürenerâk dili nasıl kultura dolayın elementi, uşak saklı ürener hem kararlı speşifik kultura özelliklerini, dillân baalı verili. Ana dilini öğrenârân uşak “dalêr” millet kultura dolayına, ama sıralanmêêr ona birdân; kultura boşluuna katılmak kendini götürmektâ derin transformatiyalara getirer. Praktikalı hep o olêr açan uşak dili üürener, o diil sade ürener lafetmää, ama kabledeler kimi kultura özelliklerini, verili dillân baalı.

[3, c.194]

Gagauz dilini ürenerâk, uşak leksika biriciklerinnân tanışêr, tradişion millet yaşamak özelliklerini aynaedân; millet oyunlarınan, adetlerinnân, dualarınan. Bir var olan etışmemâk tradişion yaklaşımakta sayılır kuru “ezberlemâk”. Teatralaştırmakta kullanêrlar tülû parlak tertipleri: oyuncakları, parmaklı hem eldivenni kuklalar, maskalar, kukla mobilasını. Verili yaklaşımak istâmeer katlı kostümnarı hem dekoratiyaları hem başarılı var nasıl kullanılsın herbir gagauz dili zanaatında. Uşak teklif ediler oyunda pay almaa, personaja diışsin hem kendi geroyu için annatsın, cevap ederâk doorudan soruşlara. Oyunda diil mutlaka koymâa soruşları sert sırasında, cevaplar da var kolay olsun türlü-türlü, ne zorlan koyêr uşaa seslemää laf partnörünü hem cevap etmää, situatıyaya bakarak.

Teatral çalışmanın elementleri üretim projesinde inşenirovka soyunda hem teatral (rollu) oynunnarda geniş kullanılır.

Böle kolaylık efektifli herbir predmetin üretmesinde, ama gagauz dilini ürenerak kayet yüksek onnarın paallılı.

Uşaklar zanaatta lăazım diil sade becersinnar lafetmă, ama da becersinnar seslemă. Seslemak (yada audirlik) – aklına sokmak hem gagauz dilini annamak -zanaatlarda bir en zor çalışmak soyu. Zanaatlarda teatral çalışmak zorlan koyer dikat selemă söz partnörünü. Diil büyük sadă inşenirovkaları seslemak taa şen geçer, lafedärseydi diil grupadan uşak, ama Türkiyadan musaafir. Taa bir önemni aspekt bu işte- o iş dooru söylemak, adekvat dooru söylemak hem seslerin işitmeyä görä ayırmak hem gagauz dilinin sesbirleşmelerini, korumaa dooru söylemak normalarını. Teatrının elementleri yardım ederler sesleri, lafları, intonaşıyı ilenmă, uşakları motivlemă diil sade üreticinin ardına tekrarlamaa, ama nesoy sa geroyu oynamaa, angısı halız gagauz dilinde lăazım lafetsin.

Gagauz dilini üretmekte bir önemni aspekt leksikanın aktif doldurulması sayılır. Teatral çalışmak- o diil sade dialoglar, şenkalar hem monologlar. O hem şiirlar, hem türkölar, temaylan baalı. Onnar taa, lafetmak sözün alışmakların ilerletmesine kolaylık ederler, becermak lafetmă hem gagauz sözünü annamaa.

Gagauz dilini üreterek şkola ilerisi uşakları teatralaştırmanın kullanması te bu daavaları kendi önüne koyer:

- Uşakların komunikativ fonksiyalarını ilerletmek, bu sırada becermak sözleşmă.
- Söz becermeklerin ilerletmesi (fonematikalı işitmak, diil duygusu, imitaşıyı becermak h.b), psihika fonksiyaların ilerletmesi (söz fikirlemesi dă bu sırada), becermak gagauz dilini kullanmaa kendi neetine etismă deyni, fikirlerin hem duyguların demesi, söz situaşılarında real peydalanar;
- Söz aparatın ilerledilmesi (gagauz seslerini öğrenmek, angıları moldovan dili sistemesinde yok, kolaylık eder ilerletmeyä hem uşaan söz aparatın kapılğannık korunması) hem şkola ilerisi uşaan bütünnä sözün ilerledilmesi.
- Fikirlemek ilerledilmesi, neçinki gagauz dili üretmek projesinde uşaklar serbest yada diil serbest analiz yaprlar, onu ana dilinnän denkleştirler, kesilmeden fikirlemek projesini geçirerler.
- Laflık zenginnetmesi: laflık rezervını genişletmek gagauz leksikanın öğrenmesin yardımınan.
- Aktiv- yaradıcılı terbiyetmek hem emoşional- estetik lafa danışmak hazırlanmaklar hem spektakli koyulmasınan.

Üretici kendi önünde daavayı koyer daldırmaa uşakları teatra atmosferasına, ilerlederek bu vakit onnarı söz hem yaratmak becermeklerini, söz görgüsüne dayanarak, nasıl ana, öle dă gagauz dilinde hoşlu kurmak gagauz dilinin ilerki öğrenmesine, uyandırmaa meraklık gagauz halkın yaşamasına hem kulturasına.

Uşak, deyni kendi geroylarına türlü situaşılardan yardımınan çıkmaa, lăazım gezintide nesă annasın, gagauz dilinde sölesin. Çalışarak böle, o kendisine diil belli, diil sade üretir leksika materialın büyük sayısını, hem lingvistika becermeklerini, ama hem psihika fonksiyalarını ilerleder, angıları gagauz dilin öğrenmesine lăazımını. Önemni annamaa, ani teatralaştırmak sade üretmek neetin etismak araçı, bir çok sıralı pedagogikanın metodu, angıları interaktiv grupa metodlarına götürüler.

İnteraktiv metodu (kezli grupa metodları yada kolaylıkları)- geniş orientirli diil sade üreticinin hem uşakların barabar çalışmasına, ama uşakların da biri -birinnän hem üretmek projesinde uşakların dominirli aktivlii.

Gagauz dilin üretiminde teatralaştırmak kullanması yardım eder uşaklarda oluşturmaa sözleşmek becermeklerini, fikirini hem duygularını söylemă real situaşılarda, gagauz dilini kullanmaa kendi neetini etismă deyni, yaradıcılı danışmak lafa terbiyetmă hazırlamak projesinde hem spektakli koyarak.

Gagauz dilin üretmesinde teatralaştırmak yardımınan biz başarılı printiplärlän önerileriz:

- yannaşabilir printipi hem kuvedine görä;
- aktivlik printipi;

- maksimal yaklaşmak prinți, türlü soy söz çalışmasını öğrenmekte koordinatiya;
- gözletmek prinți;
- kaavilik prinți leksika materialın benimsemesi.

Dramatizatiya yaratıcıli ilendirer hem türlü becermekleri hem funktiyaları ilerleder: söz, intonatiya, görünmek, aklında tutmak, gözletmek, dikatlık, asoñiatiyalar, teknik hem artistik becermekler. Ona şükür ederäk emoñional sfera da ilerlediler, onunnan kişilik zenginlediler.

Teatral çalışmak, olarak orientirli istediklere hem uşaan motivlerine, uşaan terbiyetmesinde türlü problemneri verer kolaylık çözmää, angıları adlı risk grupası: zeedeli utancak, agresiv, h.b. Rollu oyunda öğrenicinin kendini götürmesinde belli perestroyka geçer- o proizvod olêr. Rollu oyunda öğrenici kendini duymêr sıkıntılı, angısını o var kolay duysun cuvap etmekte, o taa bollu hem serbest.

Bundan kaarâ, teatra yardım eder işi kurmaa hem vunderkind uşaklarlan, angıları var kolay kendisini gösterebilir dışındaki işte.

Teatralaştırmak metodun kullanması, verer kolaylık bütündän kişili ilerletmää birvakıtlı intelektin duyguların hem yaptıkların katılmasınnan, yardım eder üretmek projesini kâamil hem sevinmekli yapmaa. Bundan kaarâ, gagauz dilini öğrenerek verili tehnologiyanın türlü kolaylıklarını kullanmak kolaylık eder komunikativ benimsemesine: dil formlarından kaarâ uşaklar öğreneler etismää süretin dışındaki hem içyandıkı içindeliini, ilerlederler becermek biri birini annamaa hem hatırlamaa, soñial kompetenñiyayı kablederler, laflık ükünü zenginlediler. [6,272c.]

İlerde söylenmiştir çıkış yapêrız:

- Teatralaştırmak- o “diri” üretim, fikirlemekte hem yaratıcılıkta temelli,
- Teatralaştırmak aklında tutmayı, dikatlı, süret fikirlemeyi, görünmek, fantaziya, aazdan sözü, yaratıcıli becermekleri ilerleder;
- Teatralaştırmak verer görgü yaratıcıli- kuran çalışmaya, ortaklı işa, publikalı öncâ lafetmek, kolektivli soñial yaratıcılık;
- Teatralaştırmak çıkarêr “sıkılmakları” hem öğrenicilerin komplekslerini;
- Teatralaştırmak üretim projesini zenginleder;
- Teatralaştırmak- o oyun tehnologiyası, verân kolaylık uşaan yakını ilerletmek zonasında işlemää;
- Teatralaştırmak verer kolaylık universal üretim yaptıkların ilerletmesini uşaklarda kurmaa.

Bibliografiya:

1. Антипина Е.А. Театрализованная деятельность в детском саду- М., 2003. - 134 с.
2. Аркина. Е.А. Общая психология. 2008,127.
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте- М., 1991. –194с.
4. Выготский Л.С. Психология искусства. - М., 1987. - 269 с.
5. Губанова Н. Педагогические возможности игры - драматизации [Текст] // Детский сад от А до Я. 2008. №4. С. 28-35.
6. Копосова М.В. Развитие творческого потенциала детей средствами театрального искусства: Дис. канд. пед. наук. - М., 1994. - 272с.
7. Современная стратегия раннего языкового образования. [Электронный ресурс; режим доступа]: <http://www.mgpu.ru/article.php?article=121>
8. Фурмина Л.С. Возможности творческих проявлений старших дошкольников в театрализованных играх // Художественное творчество и ребенок / Под ред.Н.А.Ветлугиной. - М., 1972.

CZU 37.016:81 42

FİKİRLEMÄ NİCÄ SEMANTİK SÖZ TİPİ

Kiosă Elena,

Ggauz dili hem literatura üüredicisi Birinci didaktik uuru Çeşmäküü teoretik lişeyi

e-mail: kiosyae@mail.ru

orcid id: 0000-0002-9001-0485

Abstract: In the article “The historical development of reasoning in scientific and methodological literature”, the stages of the study of reasoning as a type of speech in linguistic and didactic literature are investigated, the opinions of scientists about argumentative essays are described. The argumentative essay is based on logic and expository ability of students to express their thoughts. Reasoning is a functional-semantic type of speech, corresponding to the form of abstract thinking - inference, performing a special communicative task - to give speech a reasoned character and formalized with the help of lexical and grammatical means of cause-effect semantics. The coherent speech is created from understanding and narrating of didactic texts, ability to give the complete answers. The more language will be developed and learned, the more full knowledge will be gained, because it is a source of intellectual and speech development.

Key words: reasoning, stages, functional-semantic type of speech, linguodidactics.

1. Lingvodidaktika literaturasında fikirlemenin dönemneri.

Gagauz dili hem literatura predmetleri yıl-yıldan şkolacıların sözlerini läüzüm ilerletsinnär, taa dolu, taa zengin onnarın lafetmesini leksika tarafından yapsınar, ki şkolacılar bilsinnär ana dilini kullanmaa diil sade derstä, şkolada, ama sokakta da, evdä dä, herbir iştä dä, topluşlarda da, takrir hem yaratma yazmaklarında da.

Lingvodidaktika literaturasında fikirlemä için soruş kayet dartışmalıydır. Onun üürenmesindä dört dönem olur belli edelim.

1-inci dönem – XVIII-inci asirin ortası- XIX-uncu asirin çeketmesi.

Bu dönem harakterizat olër anılmış M.V.Lomonosovun izlemä çalışmalarınan, neredä fikirlemenin problemi oluşer hem geliştiriler. Bakarak fikirlemeyä, temiz «lafetmäk soyuna», bilgiç adam onun kompozition paylarını yazdırer.

2-nci dönem - XIX-uncu asirin çeketmesi - XX-nci asirin ortası .

İkinci dönem çok sayıda metodik izlemelerinnän nışannanër, angıları üürenicileri fikirlemeli yaratmaya üüretimä adlanër. Fikirlemeyä nicä üürenici yaratmasına bakış izleyicilerin E.I. Abakumovun, A.D.Alförovun, K.B. Barhinin, P.E. Basistovun, E.B. Belävskiyn, E.I. Bogomolovun, S.N. Braylovskiyn, F.I.Buslaevin, V.A. Dobromislovun, A. Mirlesin, M.N. Olşamovskiyn, S.V.Preobrajenskiyn, V.A.Samsonovun, N.M.Sokolovun, M.A. Tükalovun h,b. çalışmalarında gösterili .

P.E. Basistov «Problemin çözülmesine deyni material: ne läüzüm bilmää, ki üürenicileri fikirlemeylä tanıştırmää?» izleer fikirlemenin üstünä işin sıralınnan. O sayër, ani fikirlemä- en zor yaratma tipi, onuştan teklif eder bu işi ancak 5-inci klastan çekettirmää. Basistovun bakışına görä, fikirlemeli yaratmaya üüretim läüzüm logikaya dayansın hem deyim-terminologiya temelindä geçirilsin.[8.C.41] Verili bakış ilerlendi S.V. Preobrajenskiyn, S.N.Braylovskiyn, V.A.Samsonovun , A.V.Mirtovun, M.A. Tükalovun, K.B. Barhinin çalışmalarında.

Böläycä, XIX – uncu hem XX-nci asirin ilk payında bilim insannarı yaş sınırlarını belli ettilär, nezaman üürenicelerä taa uygun hem faydalı olacak fikirlemeli yaratmaya üürimi çeketmää ; fikirlemeli yaratmaların temalarını damgaladılar, verili yaratma tipindä logika fikirin nicä yaratmaylan başarılı işin läüzümünü çizgiledilär, programı hem metidikayı kurmaa denedilär.

3-üncü dönem- XX-nci asirin 70 - 80-inci yy. fikirlemenin izlemesi karşı gelindi A.V.Tekuçevın, B.N.Meşçeräkovun, T.A. Ladijenskayanın ,P.F.Ivçenkovun , Y.I. Ravenskiyn, S.V.Puçkovanın, N.A.Mendeleeviçin ,V.V.Viräsovanın , C.A.Nikolskayanın, G.A.Bogdanovanın

h.b. bilimcilerin işlerinde. Bu metodistlerin hem praktik üreticilerin izlemelerinde fikirlemeyi hiç üretici yaratma janrasına bakış kabul edildi. Ona göre, şkolada fikirlemelerin işte üreticilere deyni

T.A. Ladijenskayanın kiyadında «Ana dilinde yaratma yazmaya üretimin sistemi» bakılır hiç bellili kompozituya formasında tekst kurmak üretimi. [10.C.44]. Bu avtorların kiyatların büyük faydalı onda, ani yazdırirlar fikirlemenin soylarını, fikirlemenin kompozituya formasının metodikasını üretirler, dikatlı koyrlar ona, ani yaratmanın kompozituyası logika fikirlemenin kolaylına baalı.

Fikirlemenin dolayanında önemli er O.A. Neçevanın araştırmaları aldı. Onun işlerinde lingvistika tarafından bu soruşun teoryası açıklanır. Fikirlemä hiç maanayca-funktsional söz tipi bakılır, angısının var nasıl türlü stilleri hem janraları olsun. O.A. Neçeva «fikirlemä» deymi yorumlêr, onun logika temelini açıklêr, verili söz tipin maana çeşitlerini, kompozituya özelliklerini yazdırir [11.C.32]. Böllekliklän, fikirlemä araştırcıylan ayırlır diil sade logika maanın temelinnän, ama yakışan ona deyni gramatika-semantik strukturasınnan da.

Fikirlemä problemin geliştirilmesine büyük öncelik S.A. Arefyeva da koydu. «Türlü tüptä yaratmalara üreticilerin sintaktiko-stilistika hazırlanması» monografiyasında (8.M.) bilimci o soruşları izler, angıları fikirlemenin tipolojiya strukturasınnan baalı, onun logika temelinnän, dil hem kompozituya özelliklerinnän. S.A.Arefyeva türlü tiptä hem stildä 5-9 klastaki üreticilerin sintaktiko-stilistika hazırlamasının programını hem metodikasını hazırlêr; uşakların fikirlemä tekstlärilän işlemä deyni lâazımını lingvistika bilgilerini hem becermeklerini belli eder; örnek erinä bilim, artistik, publiktistik stilinde fikirlemä yaratmaya üretän ders plannarını verir. [9.C.22].

4-üncü dönem- XX-nci- XXI-nci asır- şimdiki zamanda fikirlemeyi, hiç maanayca-funktsional söz tipinä, bakış yaygın diil sade araştırcıların arasında, ama görgülü üreticilerde dä hem hepsi büünkü öğrenmek kiyatlarında verili. [3,4,5., C. 53-57, C.11,C.13].

2. Fikirlemä hiç funksional-semantik söz tipi.

Fikirlemä – funksional-semantik söz tipi, angısının temelinde oluşlarda sebep-arasındaki hem nişan, işlem, kantarlamak durumu, kolaylıklar, gerçekleştirmesi arasında ilişkilär. [3.C. 15].

Fikirlemenin funksiyası: sonuç fikrin gramatika formasını belli eder, angısı sırasınca fikirlemenin bütündän öz fikrini hem dil formasını kurır.

Açıklanmış fikirdän bir çıkışa geliriz: fikirlemenin dil özelliklerin öğrenilmesi lâazım annatmadan hem yazdırmadan ayırıyca geçsin. O logikanın temel deyimnerinä lâazım dayansın da fikirlemä çeşitlerin, angıları sonuç fikrin gramatika formasına baalı, dil özelliklerine terminolojiya uurunda analiz yapılsın. Burada üreticilär lâazım açık ayırsınlar fikirlemeyi, hiç söz tipinä, ilgilenän düşünceleri (logikalı) hem fikirlemeli yaratmada kullanılan düşünceleri (üretim hem dil).

Fikirlemä hiç funksional-semantik söz tipi annatmadan hem yazdırmadan özel bir baalantıylan – sebep-arasındaki ilişkiylän başkalanır. Sebepe-arasındaki ilişkilerin dil araçları –o birleştirici hem iildici baalayıcılar, koyulma laflar hem cümlelär, önnerin hem çıkışların baalayıcısız baalantıda sintaksis kurumların sırası h.b.

Fikirlemenin tipolojik yapısı dayanır:

- 1) sebep-arasındaki, çıkışa getirän fikirlemelerin arasında ilişkilär –logika temelinä;
- 2) hiç söz tipi fikirlemenin rolü– fikri gerçekleştirmä rolü;
- 3) çıkış- sözün hem fikrin karakteri .

Fikirlemenin tipolojik yapısının temel dil araçları bunnardır:

- 1) inandırmak isteyän olumlu hem olamazlık sintaksis kurumları;
- 2) çıkışta fikirlemeli cümlelerin arasında sebepe-arasındaki ilişkinin aracı olan baalayıcılar yada sintaksis kurumların bellili sırası;

- 3) koyulma laflar hem koyulma cümlelär. [8.C. 32]

Herbir fikirlemä soyun dil özellikleri fikirlemenin neetinnän hem sonuç düşüncenin gramatika formasınnan bellilenerlär.

Fikirlemä, hiç söz tipi, bilim, artistik hem publiktistik stillerinde geniş kullanılır.

Bilim stilinde fikirlemeyi açıklamaa deyni, gipoteza hesaplamanın dooruluu kullanılan metodların faydası lâazımını. Başka semantik çeşitlerinden taa sık nişanı, işlemi, kayıllı hem lâazımını açıklamaa deyni fikirlemelär kullanılır.

Artistik stilindä taa geniş karşı geliner şartlanmış işlemleri inandırma deyni hem kategorik inkâr hem olumlama yada ritorik soruşu gibi fikirlemeler, makar ki, nicä dä publiştistik stilindä, olur herbir çeşit kullanılsın.

Bilim, artistik hem publiştistik stillerdä dolu yada kısıdan kompozitiya formasında fikirlemeler işlemler. Hep bu vakit hepsi stillerdä dolu forma siirek kullanılır. Taa sık dolu forma bilim stilindä kullanılır (kâr burada, bilim fikirlemelerde dolu hem açık inandırmalar lâazım olêr), siirek - artistik stilindä.

Fikirlemedä söz stili diil sade stilin sistemliinän, ama herbir çeşittä fikirlemenin dil formasınan da belli olêr.

Fikirlemenin stilistika formasının var olması şartlanır sözün çalışmasının: bilgilendirici-etkinni publiistik stilindä, obyektiv bütünleştirili bilgilerin haberlemesinnän –bilim stilindä, artistik süretinin yaratmasının - artistik stilindä. Bu üzerä bilim stilindä süretli kolaylıkların kullanılması çok az, artistik stilindä süreti yaratma deyni onnar sık kullanılır. Publiştistik fikirlemesinde artistik kolaylıkları bir neetä izmet ederler: avtorun düşünmekelerinin dooruluunu inandırma hem okuyucuyu avtora inanmasını zorlatma hem onun çarışına kasavetli olma. Publiştistik stilindä fikirlemedä taa çok kıyattakı ofițial leksika kullanılır; tekliflerin acıklı renklendirilmesi, inversiya h.b. Denemeler, broşura janrasında soțial-politik konulara düşünceler publiştistik fikirlemenin temel stilistika çeşitleri olêrlar.

Bilim stilindä fikirlemedä spețial leksika, terminologiya, katlı, sintaksis kurumları kullanılır. Bilim temaya statya janrasında düşünceler, rețenziya, bilim raporu, monografiya h.b. bilim fikirlemenin temel stilistika çeşitleri olêrlar.

Artistik fikirlemedä gagauz leksikasının bütün zebillii, emoțiya –kantarmak leksikası, dilin artistik kolaylıkları kullanılır. En geniş tema zebillii: soțial hem gündelik, kultural hem aydınadıcı, annatma janrasında bilim hem politika, literatura personajların karakteristikası, incelemeler, rețenzialar, ese h.b.-bunlar hepsi artistik fikirlemenin temel stilistika forması olêr.

Demäk, fikirlemä –o bir sıra nişannara saabi olan söz tipi:

1. Fikirlemenin logika temeli - oluşlarda sebep-arasındaki ilişkilər.
2. Fikirlemenin fonksiyası - düşüncenin lâazımını - oluşlarda sebep-arasındaki ilişkileri erleştirme.
3. Fikirlemenin karakterli çizisi –inandırılma isteyän durum.
4. Fikirlemenin gramatika nişannarı -sonuç düşüncenin söz formasıdır hem fikirlemenin neetiştir.
5. Fikirlemenin çeşitleri – özelli, işlemleri, kantarmak durumunu, gerçekli, kolaylı, ihtiaçlı hem dä kategorik olumsuzluk yada olumlama neetini yorumlama deyni ritorika soruşun formasında fikirlemeler.
6. Fikirlemenin söz janraları – denemä broşura, statya, annatma, rapor, rețenziya, inceleme, ese h.b.
7. Fikirlemenin stil çeşitleri: bilim, publiştistik, artistik.

Üretilicilerin ürenmesi baalantılı sözün ürenme uurunan baamlı. Kullanma hertarafça baalantılı söz gösteriler bölä becermeklän, nicä üretim tekstini annamak hem annatmak, dolu cevap vermä becermek, aazdan fikirlemek. Nekadar ileri dil ürenilecek, okadar dolu bilgiler kazanılacak, çünkü söz-intelektin ilerlemek kaynarca. Üretiliciler çok kuşkuluk, dikatlık çekerler baalantılı sözün ilerlemesine, nicä aazdan, ölä dä yazılı.

Bibliografiya:

1. Baboglu N.I., Baboglu I.I. Gagauzça -rusça hem rusça-gagauzça şkola sözlüü Кишинев, 1993, s.278.
2. Bankova I.D., F.İ. Marinoglu Ana dilindä diktant toplumu 5-11 klaslar için Kişinău, "Știința" 1997, s.63.
3. Bankova I.D., Baboglu I.I., Stoletnăya A.I., Vasilioglu K.K., Baboglu N.I. Gagauz dili hem literatura okumaları 5 klas. Știința, 2015, s.259.
4. Bankova I.D., Stoletnăya A.I., Vasilioglu K.K., Baboglu I.I., Baboglu N.I. Gagauz dili hem literatura 8 klas. Știința, 2013, s.303.
5. Bankova I.D., Stoletnăya A.I., Vasilioglu K.K., Baboglu I.I., Baboglu N.I. Gagauz dili hem literatura 7 klas. Știința, 2012, s.303.

6. Gagauz dili hem gagauz literaturası Kurikulum V-IX klaslarına deyni Moldova Respublikasının Üretmak Bakannı, Kişinău, 2019, s.4-6.
7. Арефьева С.А. Синтактико-стилистическая подготовка учащихся к сочинениям разных типов: Монография. – М., 1998.
8. Арефьева С.А. Сочинение – рассуждение: Учеб.-метод.пособие. – Йошкар-Ола, 2003.
9. Басистов П.Е. Материалы к решению вопроса: что надобно знать, чтобы ознакомить учащихся с рассуждениями?/ Учебно-воспитательная библиотека. – М., 1978.- Т.2.
10. Ладыженская Г.А. "Методика развития речи на уроке русского языка" Москва, 1980, с.187, С.222 224.
11. Нечаева О.А. Типы речи и работа над ними в школе: Учебное пособие для студентов. – Красноярск, 1989
12. [https://www.uchportal.ru/publ/23-1-0-8775-\[25.03.2020, 22:40\]](https://www.uchportal.ru/publ/23-1-0-8775-[25.03.2020, 22:40]).
13. [https://studbooks.net/1799120/pedagogika/rabota_sochineniem_rassuzhdeniem_starshih_klassa_h- \[25.03.2020, 20:00\]](https://studbooks.net/1799120/pedagogika/rabota_sochineniem_rassuzhdeniem_starshih_klassa_h- [25.03.2020, 20:00]).
14. [https://videouroki.net/razrabotki/podgotovka-k-napisaniyu-sochineniia-na-linghivisticheskuu-tiemu.html-\[16.03.2020, 21: 15\]](https://videouroki.net/razrabotki/podgotovka-k-napisaniyu-sochineniia-na-linghivisticheskuu-tiemu.html-[16.03.2020, 21: 15]).
15. [https://docplayer.ru/28265750-Urok-russkogo-yazyka-v-7-klasse-podgotovka-k-sochineniyu-rassuzhdeniyu-chto-znachit-byt-grazhdaninom.html-\[18.03.2020,23: 15\]](https://docplayer.ru/28265750-Urok-russkogo-yazyka-v-7-klasse-podgotovka-k-sochineniyu-rassuzhdeniyu-chto-znachit-byt-grazhdaninom.html-[18.03.2020,23: 15]).

CZU 821.512.164-91.09

BİLİNMEYEN BİR KÜLTÜREL MİRAS TAŞIYICISI: ANDIRINLI HASİBE HATUN

Koç Adem,

Doç. Dr./Türk Dili ve Edebiyatı Eskişehir Osmangazi Üniversitesi/Türkiye
Komrat Devlet Üniversitesi/Moldova
e-mail: ademkoc@ogu.edu.tr
orcid id: 0000-0002-8905-7542

Abstract. In the context of oral culture studies, determining the source persons, compiling the repertoire, introducing it, and bringing it together with generations are considered important in the studies of ICH. In this study, an evaluation will be made with newly found documents about Andırınlı Hasibe Hatun (Turkmen), who became famous around Çukurova and Taurus springs. Her performer of folk song and lamenter and cultural heritage transmitter aspects will be examined.

Keywords: ICH, Turkish poetry, oral tradition, lament, folklore.

Giriş

Sözlü kültür ürünlerinin ortaya çıkışı, bağlamı, aktarımı gibi konular ürünlerin yaratımı süreciyle ilgiliyken bunların derlenmesi, arşivlenmesi ve yayımı gibi süreçler de koruma süreci olarak değerlendirilebilir. Bu süreçlerde devletlerin yaptığı kültürel miras araştırmaları ve araştırmacı sayılarında erkek egemen yapının varlığı yine aşikârdır. Devlet yönetim sistemlerinde erkek egemen yapının varlığı öteden beri bilinmektedir. Ancak kültürel miras yaratımı ve aktarım süreçleri incelendiğinde kadının yeri ve önemi ön plana çıkmaktadır. Araştırmalar temelde cinsiyet merkezli değildi, ancak ürünlerin yaratımı ve aktarımı süreçlerinde kadınların yoğun bir şekilde yer aldığı ve doğal yöntem olarak da bunun gerekliliği vurgulanmalıdır. 2003 yılında Paris’te UNESCO Somut Olmayan Kültürel Miras Sözleşmesinin (SOKÜM/ICH) [10] imzalanmasıyla kültürel miras, halk bilimi ya da halk kültürü araştırmaları yeni bir yöne doğru evirildi. Sözleşme de “halk” ifadesi ya da cinsiyet merkezli bir yaklaşım yoktur. Bireyler ya da toplulukların kültürel miraslarının korunması, yaşayan kültürün bir parçası olması, okul içi ve okul dışı ortamlarda da aktarımın sürekliliğinin

sağlanması gibi konular sözleşmenin ana yaklaşımını oluşturmaktadır. Bu nedenle içinde bulunduğumuz dönemde öncelikle aile içi ortamda, kurslarda, merkezlerde ve yeni yaklaşımlarla oluşturulacak müzelerde, çevirim içi ortamlarda kültürel mirasın aktarımının önemi ön plana çıkmaktadır. SOKÜM sözleşmesi, kültürel mirasların incelenmesi, sınıflandırılması ve koruma yöntemiyle halk bilim/kültür bilim araştırmalarında araştırmacılar tarafından da yeni bir kuram – etnoloji, kültürel antropoloji, halk bilim, sosyolojik bakış açısından eksik olsa da³- olarak okunmalıdır. Ancak sözleşmeye taraf devletlerin bu koruma yöntemini benimsemeleri için de etkili bir yaptırım yoktur, planlamalar tamamen taraf devletlerin iradesine bırakılmıştır. 19. yüzyıl halk bilimi araştırmaları ve müzeleme yöntemlerinden farklı bir yaklaşımla karşılaştığımız bu koruma yöntemi kültürel miras taşıyıcılarını teşvik etme, kültürel mirası yeni kuşaklara aktarma, aktararak korunmasını sağlama gibi bir yöntemi benimsemektedir. Zira materyal ya da sonuç odaklı değil, süreç odaklı bir yaklaşım diyebiliriz. Sürecin sürdürülebilirliği sağlandığı sürece çıktı alınmaya devam edecektir. Bu süreç odaklı yaklaşımda kadınlar, kültürel mirasları taşıma hususunda etkin rol almaktadırlar. 2003-SOKÜM’ü Koruma Sözleşmesinin “Madde-2: Tanımlar” başlığının ikinci bendinde geçen tanımlamada belirtilen SOKÜM unsurları beş ana başlıkta toplanmaktadır: a. Somut olmayan kültürel mirasın aktarılmasında taşıyıcı işlevi gören dille birlikte sözlü gelenekler ve anlatımlar; b. Gösteri sanatları; c. Toplumsal uygulamalar, ritüeller ve şöenler; d. Doğa ve evrenle ilgili bilgi ve uygulamalar; e. El sanatları geleneği (10). Bu ana başlıklar devletlerin kendi özelinde birçok alt başlıkla çoğaltılabilmektedir. Ana başlıklardan da anlaşılacağı üzere kültürel mirasın yaratımı ve aktarımı sürecinde kadın emeğinin ağırlığı göze çarpmaktadır.

Bu tebliğde somut olmayan kültürel miras araştırmalarında Türkiye özelinde sözlü gelenekler, anlatımlar ve toplumsal uygulamalar içinde görülen ritüellerde üretilen türküler, ağıtlar, hikâyelerin önemli yaratıcısı ve taşıyıcısı Kahramanmaraş’ın Andırın ilçesinden olup Adana ve civarında ün kazanan Hasibe Türkmen’i (Hasibe Hatun) tanıtmaya çalışacağız. Ancak unutulmamalıdır ki Hasibe Hatun artık yaşamamaktadır. Çok önemli bir kültürel miras taşıyıcısı olduğunu ancak bugünlerde anlayabiliyoruz. Zira o hayattayken ününü duyup ziyaret eden ve ondan halk kültürüne dair bilgiler toplayanlar arasında Yaşar Kemal, Taha Toros, Ali Rıza Yalman Yalın gibi ünlü gazeteci ve araştırmacılar da bulunmaktaydı. Hasibe Hatun gibi günümüzde yaşayan kültürel miras taşıyıcılarını tanımak, tanıtmak, teşvik etmek ve yeni kuşaklarla buluşturmakta geç kalmamak gerekmektedir. Bu çalışmanın sonunda söyleyeceğimiz sözü başta söyleyerek Hasibe Hatun’u tanıtmaya bölümüne ve onun hakkında bilinmeyen yeni bilgileri aktarmaya başlayalım.

Hasibe Hatun’un Hayatı:

Torosların ünlü şairi olarak bilinen Hasibe Türkmen, Göğahmetoğlu Kara Mehmet Ağa’nın Telli Hatun, Fatiş Hatun ile birlikte üç kızından biridir. “Andırınlı Hasibe Hatun” olarak da tanınan Hasibe Türkmen, Andırın’ın Göğahmetli Köyü’ndendir. Hasibe Hatun’un 1945 yılında öldüğü bilinmektedir; fakat öldüğünde yaşı 60 olarak tahmin edildiğinden, doğum yılı kaynaklarda yaklaşık olarak verilmektedir. Taha Toros’un Yedigün dergisi için kendisiyle 1937 yılında yaptığı röportajda “Yaşadığı hayatın kalbine verdiği hızla her düşünün, her göçün, her toplantının türküsünü yaratan “Hasibe” teyze bugün elli beş yaşındadır.” (16, s.8) ifadelerinden hareketle Hasibe Türkmen’in doğum tarihini 1882 olarak tespit edebiliyoruz, dolayısıyla da 63 yaşında vefat etmiştir.

Hasibe Hatun, kendi ifadesiyle on üç yaşında Mustafa Ağa ile evlenmiştir [16, s.8]. Mustafa Ağa’nın dedesi, Yozgat’tan Darende’ye gelmiştir. Mustafa Ağa da Darende’den Çukurova, Kadirli’ye yerleşmiş ve manifatura işleri ile uğraşmıştır. Mustafa Ağa’nın çocukları soyadı kanunundan sonra “Ağaoğlu” soyadını almışlardır. [3, s.27–30’dan aktaran 2, s. 34].

³ SOKÜM Sözleşmesi Madde-2 Tanımlar 1. Fıkra da geçen “İşbu Sözleşme bağlamında, sadece, uluslararası insan hakları belgeleri esaslarına uyan ve toplulukların, grupların ve bireylerin karşılıklı saygı gereklerine ve sürdürülebilir kalkınma ilkelerine uygun olan somut olmayan kültürel miras göz önünde tutulacaktır.”(10) ifadesi engel olmamakla birlikte kültür bilimi çalışmalarını kısmen de olsa kısıtlamaktadır. Zira toplumların kültürel hayatlarında yaşayan bazı unsurlar SOKÜM çalışmalarına dâhil edilememektedir. Bu çalışmanın konusu olmadığından başlı başına tartışmayı yapacağımız başka bir çalışmaya bırakmak durumundayım.

Hasibe Hatun, doğduğu ev içinde aynı zamanda şair babası ve dedesi sayesinde kültürün içine doğmuştur. Hayatı ve usta-çıraklık ortamı hakkında bilgileri Taha Toros'un kendisiyle yaptığı röportajda görebiliyoruz:

“Hasibe teyze yaşına rağmen dinç ve şen bir kadındır. Kendisi ile saatlerce konuşsanız doymazsınız. Hayatını mı öğrenmek istiyorsunuz? Öyle ise kendisini dinleyiniz:

Bir tarafım “Avşar” aşiretindendir. “Hallı” uşağının kızıyım ben. Dedem babam, doğuştan şairdir, âşıktır... Dedem meşhurdur, onu herkes bilir; adı Amber'di... Babam da şairdir. Ben on yaşında şiir söyledim. Bugün elli beş yaşındayım hâlâ da söylerim. On üç yaşında gelin oldum. Beni birçok yiğitler istedi ama, üç kadını olduğu halde Mustafa'yı seçtim. Evlendiğim zaman ben on üç, o da elli yaşında idi. Mustafa'dan on beş çocuğum oldu.

Andırınlı Hasibe teyze millî savaşta da büyük hizmetler görmüş ve herkesi teşci için şiirler söylemiştir. Şimdi İstanbul'da tüm komutanı bulunan General Tufan'ın hizmetini yapmış ve ona uzun uzun türküler yakmıştır (16, s.8).

Coşkun, açık sözlü ve icra yönü güçlü olan Hasibe Hatun, yaşadığı bölgede kısa sürede üne kavuşmuştur. Cezmi Yurtsever, onun kavuştuğu ünün ne kadar güçlü olduğunu şu şekilde dile getirir: “Andırın ve Kadirli yöresi insanların belleğinde yer alan bir kadın Hasibe Hatun ile ilgili anlatılanlar yıllar var ki hiç unutulmadı, dilden dile anlatıldı... 1930 ve 40'lı yıllarda düğünlerde bayramlarda cenaze yerlerinde hemen herkesin duyacağı şekilde bazen şaşırtan bazen düşündüren ağıtlar, türküler söylediğini duydum. Bazı insanlar, onun erkekleri haşlayan sözlerini hatırladı... Yine Hilmi Beyin (Köksal) anlatımına göre 30'lu yılların içinde Kadirli Belediye Reisliği yapan Faik Üstün, makamından şalvarlı köylüleri kovar. Bunun üzerine Hasibe Hatun manalı bir söz sarf eder:

*Akıllı ol oğlum akıllı ol,
Akıllıyı pek severler,
Ahali ile hoş geçin
Sonra kürkünü soyarlar...”* [9]

Mustafa Ağa, 1915-1917 yılları arasında Kadirli (Osmaniye'nin ilçesi) Belediye Başkanlığı yapmıştır. Bulunduğu muhitin saygın ailelerinden birinde doğup, yine tanınan bir aileye gelin giden Hasibe Hatun, söz söylemedeki ustalığı ile tanınmıştır. Hasibe Hatun'un Telli Hatun ve Fatış Hatun adındaki diğer kız kardeşleri de söz söylemede usta kişilerdir.

Eşi Mustafa Ağa ve çocuklarını genç yaşta kaybetmenin acısını yaşamış olan Hasibe Hatun, ölümün vermiş olduğu acı üzerine söylediği ağıtları ile yöresinde meşhur olmuştur. Ali Rıza Yalman Yalın [18], Yaşar Kemal [12, 13], Cezmi Yurtsever [9] ve Çukurova yöresinde ağıtlar üzerine derleme yapan birçok araştırmacı [1, 4, 6, 7, 8, 11, 15, 17, 18]⁴ çalışmalarında ondan bahseder.

Ağıtçılığı dışında çete kurup millî mücadeleye de katılmıştır. Hasibe Hatun, 1945 yılında Kadirli'de vefat etmiştir [15].

Kültürel Miras Taşıyıcısı Olarak Ağıt ve Türkülerin Yakıcı ve İcracısı Hasibe Hatun:

Hasibe Hatun, hem Çukurova bölgesinin zengin sözlü kültür ortamı hem de ailesinde güçlü bir şairlik kültürü içine doğmuştur. Çukurova ve Torosların geleneksel dünya görüşüne, mücadelecilik ruhuna, gür sesine, kültürel öğelerine ve söz söyleme yeteneğine Hasibe Hatun'un şiirlerinde rastlamak mümkündür. Hasibe Hatun kendi yaktığı ağıtların, şiirlerin yanında usta malı deyişlere de yer vererek sözlü kültüre kaynaklık etmiştir. Karacaoğlan mahlaslı birçok şiiri de böylece aktarmıştır. Şiirlerinde aynı zamanda yörenin ağız özelliklerine ve deyimlere zengin bir biçimde rastlamak da mümkündür. Yörede ağıt yakma geleneği yaygın olmakla birlikte yeteneğiyle Hasibe Hatun'un bu hususta elde ettiği ün de dikkat çekicidir. Yaşar Kemal, Çukurova'da yaptığı derlemeler sırasında onun ününü duymuş ve ondan da ağıtlar derlemiştir. Hasibe Hatun ve kardeşi Telli Hatun'un ağıt yakma geleneğinde ne kadar usta olduklarını ve ünlerini Yaşar Kemal şu şekilde dile getirir:

“Ağıtları 1939-1942 yılları arasında derlemeye başladım... Toroslarda, Maraş'ın Andırın ilçesinin Gökahmetli köyünde iki kız kardeş yaşıyordu. Bunlardan birisinin adı Hasibe Hatun, ötekinin adı Telli Hatun'du. Hasibe Hatun Kadirli'den Mustafa Ağa ile evlenmiş, ovaya inmiş, Telli Hatun'sa köyünde kalmıştı. Bu iki kız kardeşin ailesi Torosların soylularındandı. Dağlarda, ovada

⁴ Andırınlı Hasibe Hatun'un ağıtları ve Karacaoğlan mahlaslı aktardığı türkülerini için ilgili kaynaklara bakınız.

ağıtçılıkta büyük ünleri vardı. Onlar hangi ölüye ağıt yakmaya gitmişlerse o ölü sağlığındakinden de çok değer kazanıyor, saygınlanıyordu. Onların ağıtları dillerden dillere de dolaşırdı. Ben ilk ağıt derlemelerini Hemite köyünde yaptım. İlk ağıdı Medine Mustafa'nın karısı Kara Zeynep'ten aldım. Sonra Hasibe Hatuna gittim. O bir âşıktı da. Ondan da hem kendi, hem de başkalarının ağıtlarını yazdım. Toroslara Telli Hatuna gittim, kendi ağıtlarını, Avşar ağıtlarını derledim (13, s.11). Ağıtları derlerken, epeyce ağıt da ölenlerin yakınlarından, karılarından, kızlarından derledim... Bir de ünlü kişilerin ağıtları da yaygındı. Bir de ağıtçı kadınların yaktıkları ağıtlar çok yaygındı. Hasibe Hatun'un, Telli Hatun'un, Âşık Hüseyin'in ağıtları gibi [13, s.36].

Hasibe Hatun, ölüm veya diğer üzücü olaylar üzerine yaktığı ağıtlar dışında, söz ustalarının şiirlerini de hafızasında tutan ve âşıklık geleneğinin devamlılığını sağlayan kültürel miras taşıyıcısıdır. Hatay'ın alınması üzerine âşıklar meydanında söylediği şiir [17, s.268] tasvir ve tamlamalar bakımından sanatındaki zenginliği göstermektedir. Söylediği ağıt, türkü ve hikâyelerde akıcı bir dil kullandığı rahatlıkla görülür. Hasibe Hatun'un nüktedanlığı, hazırcevaplığı ve mücadeleci kişiliğini eserlerinde görmek mümkündür [15].

Özellikle Hatay'ın alınışı vesilesiyle söylediği şiirde yiğitlik, mertlik, cesaret ve haykırışıyla mert ve mücadeleci Anadolu kadınına görebilmekteyiz [3, s. 27'den aktaran 2, s.35]. Tüm bu yönleriyle meydanlarda, erkeklerin de bulunduğu mecliste, devlet erkânı önünde, radyo programlarında çekinmeden sanatını icra etmiştir.

Onun birikimi ve cesaretiyle kazandığı haklı ünüyle ortaya koyduğu eserlerden çok azı günümüze kadar gelmiştir. Sevilay Çınar'ın doktora çalışmasındaki "Hasibe Gelin, oldukça zeki olduğundan kısa zamanda yaşına bakılmaksızın "Hasibe Hatun" unvanını almıştır. Zamanında, çevresinde epey tanınan Hasibe Hatun'un konuşması dahi bir edebiyat, bir şiir olarak tanımlanmaktadır. Hasibe Hatun'un ancak birkaç ağıt ve Hatay için söylediği şiiri elde edilebilmiştir." [2, s. 34; 3, s. 27–30] tespitlerinden de yola çıkarak onun hakkında daha fazla bilgi toplamaya ve bulabildiğimiz eserlerini yayımlamaya çalışacağız. Şimdilik bu tebliğde sadece tespit edebildiklerimizi okuyucunun dikkatine sunmak durumundayız.

Taha Toros, Hasibe Hatun'un icrasını ve taklit yeteneğini "artistlik" olarak tanımlar: "Tatlı bir dili, coşkun bir artistliği vardır. Geçenlerde Adana Halkevinin tertip ettiği Karacaoğlan gecesinde onun bir artist gibi hareketlerle halk hikâyelerini anlatışı, herkeste derin bir hayret uyandırmıştır. Bu röportaj sırasında söz dolaşp ağıtlara geldiğinde iki nişanlı kızını kaybeden Hasibe Hatun ağlayarak onlar için yaktığı ağıtı okur [16, s.8].

Hasibe Hatun sadece ağıt yakıcı ve icracısı değildir. Bir kültürel miras aktarıcısı olarak aynı zamanda hayata, insanlığa, evliliğe, kadın ve erkek ilişkisine dair de birikimi ve görüşleri vardır. Hasibe Hatun, muhtemelen yörede de kullanılan tanımlardan yola çıkarak kadınları üçe ayırır:

"Zavratı zort" süsü eğlenceyi seven kadınlardır. Bunların hesabı kitabı yoktur. Bunların ipile kuyuya inilmez. "Cebeli mürt" iş bilmez, kavgacıdır. Durduğu yerde ötekine berikine çatar. Tanrım kimseye böyle kadının yüzünü göstermesin. "Hazreti mülk" kocasını seven, misafirperver, iş bilir, sadık kadındır [s.8].

Hasibe Hatun'un aktardığı bu kadın sınıflandırmasına benzer bir sınıflandırmaya 14-15. yüzyılda yazıldığı düşünülen Dede Korkut Kitabı'nın Mukaddime bölümünde de "solduran sop, dolduran top, evin dayağı (direği), nice söyler isen bayağı" [5, s. 2-3] biçiminde rastlamaktayız. Bu sözlü kültürün yüzyıllardır Anadolu coğrafyasında yaşadığını bu tanıklıkla söyleyebiliriz. Hasibe Hatun'un bu sınıflandırması daha önce Ali Rıza Yaman Yalçın [18, s. 379-385] ve Saim Sakaoğlu'nun [14, s. 741] da dikkatini çekmiştir. Dede Korkut Kitabı ve başka kaynaklarda rastlayamadığımız erkek sınıflandırmasını yine Taha Toros'un röportajında bize Hasibe Hatun aktarmaktadır:

"Erkekler de üçe ayrılır,

1. Yatar, kalkmaz, gözünü açıp bakmaz, geçim kaygısı çekmez.
2. Gider gelmez, yüzü gülmez, geçim yolu bilmez.
3. Aslan yürekli, yiğit atlı, dili tatlı, cebi harçlıklı, kendi dışlıklılı." [16, s. 8]

Hasibe Hatun gibi kültürel miras taşıyıcılarının tespit edilmesi, repertuarlarının derlenmesi, yeni kuşaklarla bir araya getirilmesi, okul dışı alanda eğitimin konusu olması hususu SOKÜM'ün de

koruma yönlü tavsiyeleri arasındadır. Kültürel miras taşıyıcılarının ve özellikle kadın aktarıcılarının önemini Saim Sakaoğlu'nun şu tespitleriyle tamamlayalım:

"Dedem Korkut'un yüzyıllarca, Hasibe Hatun'un da üççeyrek yüzyıl önce (1933) tanıttığı hanımları gördük. Acaba Hasibe Hanım bu ilhamı nereden aldı? Anlattıklarını kimden dinledi? Dinlediği kişi de kimden dinlemişti? Acaba o kişi, Dedem Korkut'un diyarından yüzyıllarca önce Çukurova'ya gelip yerleşen bir 'tatlı dilli' ata olamaz mı? Eğer arayıp ortaya çıkarabilirsek o dağlarda, o ovalarda, o obalarda daha nice Hatunlar vardır. Böylece günümüzü dünümüze bağlayacak nice sözlü delilleri ortaya koymuş olacağız." (14, s.743). Ali Rıza Yalman Yalın, Taha Toros ve Saim Sakaoğlu'nun Hasibe Hatun ve Dede Korkut Kitabı'nda geçen kadın tanımlamalarıyla ilgili değerlendirme bildiri sınırını aştığından bulmaya çalıştığımız yeni tespitlerle daha sonra yapacağımız detaylı yayında bu husus da incelenecektir.

Ali Rıza Yalman Yalın, Hasibe Hatun'la 21-22 Nisan 1933 [18] tarihlerinde iki gün üst üste derleme yapmıştır. Bu derleme sırasında Hasibe Hatun, ağıtlarla birlikte Karacaoğlan mahlaslı türküler de aktarmıştır. Karacaoğlan türkülerinin aktarımı hususunda da kültürel miras taşıyıcısı olarak onu görmektedir. Ali Rıza Yalman Yalın bu türkülerden çok etkilenir. Hasibe Hatun, Ali Rıza Yalman Yalın'ın "Yürükler güzeli nasıl tanır?" sorusunu da şöyle cevaplar:

"Kulunç yastı (yassı) , döş enli (Göğüs geniş), çiğni (omzu) düşkün, gerdan kakık (dik), kirpik ok, çene gamzeli, ağız kallemis kutusu (aşiretin kullandığı bilyantin kutusu), renk ak üstü güllü (beyazın üstü kırmızımtırak), burun nohut, kaş yay, alın açık, diş Mısır pirinci. Kimseyi incitmeyen, konuk seven erin bilen (kocasını sayan) güzeldir." [18, s. 504].

Karacaoğlan Geceleri için Adana'da düzenlenen programlara sürekli katılan Hasibe Hatun, ününü artırmıştır. Adana Halkevi tarafından 18 Nisan 1938 tarihinde düzenlenen Karacaoğlan Gecesi, salon yetersizliği nedeniyle Asrî Sinema'da yapılmış ve geceye 1200 kişi katılmıştır. [7, s. 57]]

Bölgede tanınan Hasibe Hatun'un ünü Ankara'ya kadar gider. TRT Ankara Radyosuyla yapılan yazışmalarla Adana'yı ve bölgeyi temsil etmek üzere Hasibe Hatun (Türkmen), Hasan Şahin, Mehmet Göçüm ve Abdullah Âşık Adana Halkevi tarafından Ankara'ya görevlendirilirler [4, s. 166]. Adana'da düzenlenen "Karacaoğlan Geceleri"nin tanınmış bu isimleri TRT Ankara Radyosunda 11 Aralık 1942 tarihinde başlayan "Halkevleri Sanat ve Folklor Saati" programına 12 Ocak 1942 tarihinde katılırlar. Adnan Saygun, Ruhi Su, Pertev Boratav ve Behçet Kemal Çağlar'ın da bulunduğu program, Hasibe Hatun'un iki ağıtıyla başlamıştır. [6, s. 141].

Sonuç

Sözlü kültür araştırmalarında kaynak kişilerin tespit edilmesi, repertuarlarının derlenmesi, tanıtımı ve yeni kuşaklarla bir araya getirilmesi yeni yaklaşımla UNESCO Somut Olmayan Kültürel Miras Sözleşmesi-2003'ün de benimsediği koruma yöntemi içindedir. Anadolu'da geçmişten günümüze unutilan, tespit edilemeyen, önemsenmeyen ya da özensizlik nedeniyle repertuarı derlenmeyen kaynak kişilerin önemi, günümüz kent yaşamının yıkıcı hızı nedeniyle SOKÜM çalışmalarında daha iyi anlaşılmaktadır. Bu çalışmada konu edilen Çukurova ve Torosların gür sesi, ağıt ve türkü yakıcı, icracı ve kültürel miras taşıyıcısı Hasibe Hatun'unun maalesef benzer bir kadere sahip olduğuna şahit olduk. Yaşadığı dönemde çok güçlü bir kültürel miras birikimine sahip olmasına, kaynaklarda ve arşiv kayıtlarında hakkında bilgiler bulunmasına rağmen repertuarı hak ettiği biçimde derlenmemiş ve kayıt altına alınamamıştır. Hasibe Hatun özelinde konunun önemini, SOKÜM çalışmalarında dikkat edilmesi gereken bir husus olarak araştırmacıların ve okuyucunun dikkatine sunmaya çalıştık. Bu tebliğden hariç bilgi ve belgeler tespit edildikten sonra Hasibe Hatun'un kültürel miras taşıyıcılığı yönü başka bir çalışmada etraflıca incelenmeye çalışılacaktır.

Kaynakça:

1. "Evimizin İki Aylık Çalışması", Görüşler Kültür Dergisi, Sayı: 40-41, Aralık 1941-Ocak 1942.
2. Çınar, Sevilay [2008]. Yirminci Yüzyılın İkinci Yarısında Türkiye'de Kadın Âşıklar, (İstanbul Teknik Üniversitesi, SBE, Yayımlanmamış Doktora Tezi), İstanbul.
3. Davutluoğlu [Karalı], İbrahim [1982]. "Kadirli'li Hasibe Hatun'un Ağıtları ve Hayatı", Erciyes, Sayı: 51, s.27-30.

4. Erdoğan, Celalettin [2017]. Adana Halkevi (1933-1951), Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, (Basılmamış Yüksek Lisans Tezi), Nevşehir.
5. Ergin, Muharrem [1964]. Dede Korkut Kitabı (Metin-Sözlük), Ankara: Türk Kültürünü Araştırmaları Enstitüsü Yayınları.
6. Evcin, Erol [2018]. "Ankara Radyosu'nda Halkevleri Sanat ve Folklor Saati", T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı 9. Milletlerarası Türk Kültürü Kongresi Bildirileri, Genel Konular, Ankara, s.133-174.
7. Görüşler Kültür Dergisi, Cumhuriyetin 15. Yıldönümü Onuruna Özel Sayı, Türk Sözü Basımevi, Adana, 1938.
8. <http://hasibehatun.com/agitler.html>
9. <https://cezmyurtsever-andirintarh.blogspot.com/2010/09/hasibe-hatun.html>
10. <https://ich.unesco.org/doc/src/00009-TR-PDF.pdf>
11. Kalaycı, Ünal [2019]. "Kahramanmaraş Tekerlemelerinde Anlamsız Görünen Kelimeler", Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi, Sayı: 44, s.128-144.
12. Kemal, Yaşar [2007]. Sarı Defterdekiler: Folklor Derlemeleri (Haz. Alpay Kabacalı), İkinci Baskı, İstanbul: YKY.
13. Kemal, Yaşar [2020]. Ağıtlar, İstanbul: YKY.
14. Sakaoğlu, Saim [2009]. "Dede Korkut Kitabı'nın 'Giriş' Bölümü Üzerine Bazı Görüşler", Türk Dili, Türk Dil Kurumu Yayınları, Sayı: 696, Ankara, s.737-748.
15. Savcı, Esra Bilge [2020]. "Hasibe Hatun", Türk Edebiyatı İsimler Sözlüğü, <http://teis.yesevi.edu.tr/madde-detay/hasibe-hatun>, 07.12.2020.
16. Toros, Taha [1937]. "Toroslarda Kadın Şairler: Andırınlı Hasibe". Yedigün, C.9, No: 231, 1937, s.7-8.
17. Turan, F. A., Saluk, R. G. ve Ünal Ü. Ö. [2014]. "Hasibe Hatun". Geçmişten Günümüze Sazda ve Sözde Usta Kadınlar (Ed. N. Özcan). Ankara: Gazi Kitabevi, s.268.
18. Yalkın, Ali Rıza Yalman [1977]. Cenupta Türkmen Oymakları-II (Haz. Sabahat Emir), Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları: 256, s.200-204.

CZU 821.512.161-1.09

KARAMANLI AYNÎ'NİN ŞİİR ANLAYIŞI

Gümüş Kudret Safa,

Dr. / Türk Dili ve Edebiyatı Aksaray Üniversitesi/Türkiye

e-mail: kudretsafagumus@aksaray.edu.tr

orcid id: 0000-0002-1276-3406

KARAMANLI AYNÎ'S POETRY UNDERSTANDING

Abstract. The studies which have executed concerning their conception of poetry by examining the poetry tradition of each poet is important in order to reveal mental infrastructure of poets. When the Diwan poetry take into consideration, the subject of poetic is able to be analysed through some poems in which contain poetical elements such as tezkîres, introduction of diwan, parts of fahriye in odes, pseudonymous couplet of the ghazals. Poets have referred to various arts and a large number of

mazmûn in their diwan in order to emphasize beauty and effectiveness of their poems, thus they have reflected to their views on poetry and poetry in their works. The works which reflect the life vision of the Ottoman poet and therefore his viewpoint that dominates his poetry present mental infrastructure of the Ottoman society. Poets, they stated first of all that it should be meanings in poetry, and they write their works by acting on this axis. Poets expressed that their poems can not be understood by moving from words, will have just comprehended by erudits who look through the heart eye. In this case; The view about poetry and poet of each poet should be exam the poetics of Ottoman poetry should be introduced by aid of inductive approach ined and the poetics of Ottoman poetry must be put forward by aid of inductive approach. It is known that Karamanlı Aynî, who lived in Karaman during the last period of the Karaman Principality and during the reign of the Fatih Sultan Mehmet and Yıldırım Bayezid, was born in Tirmiz near the Belh in Turkistan. Date of birth and death are not known. His father name is Hüseyin. It is not clear when and how Karamanlı Aynî came to Anatolia, where he settled and how he lived. It is known that the date of death of Karamanlı Aynî was between the years H.895-900 / M.1490-1494. In this work; ideas about comprehension of poetry of Karamanlı Aynî, representative were tried to be revealed. As a result of the analyse of the diwan of poet, last couplets of ghazals, parts of fahriye in odes and poetic couplet or bents have shed light on us during research. The aim of this work concerning comprehension of poetry of Karamanlı Aynî is to explain how the poet defined both terms.

Keywords: Diwan Poetry, Poetic, Karamanlı Aynî.

Giriş Klasik Türk edebiyatı şairleri her şeye edebî bir hassasiyetle yaklaşmışlar; şair, şiir, edebiyat ve sanatla ilgili mevzulara da aynı gözle bakmışlardır. Eserlerinde belagat ve şiirle ilgili kavramlardan hareketle söz ve mânâya ait renkli hayaller, güçlü ve mantıklı benzetmeler oluşturmuşlardır [4, s.18].

Her şairin şiir geleneğini inceleyerek şiir anlayışı ile ilgili yapılan çalışmalar, şairlerin zihinsel altyapısını ortaya çıkarmak açısından önemlidir. Klasik Türk şiiri göz önünde bulundurulduğunda şairlerin şiir anlayışları tezkireler, dîvânların önsözü, kasidelerin fahriye kısımları, gazellerin mahlas beyitleri ve şiirsel unsurların yer aldığı bazı şiir ve beyitlerle incelenebilmektedir [15, s.10; 8, s.31; 6, s.39]. Poetikanın amacının, şiiri belli bir kalıba sokmadan, şairin görüşlerini, şiir anlayışını, üslubunu, eserinin içeriğini ve estetik unsurlarını ortaya koyma olduğu söylenebilmekte, dolayısıyla şair kendi poetik anlayışını üslubuyla ortaya koyabileceği gibi yazdığı eserlerde yaptığı açıklamalarla da ifade edebilmektedir [5, s.179].

Doğum ve ölüm tarihleri belli olmayan Karamanlı Aynî'nin hayatı hakkında Dîvânı'nda öğrenilenler dışında bilgi yoktur. Tezkirelerde de adına rastlanmayan Karamanlı Aynî, dîvânındaki şiirlerinden anlaşıldığına göre, XV. yüzyılın ikinci yarısında Karaman (Konya) bölgesinde yaşamış, son Karaman beyi Kâsım'ın ve onun saltanat mücadelesinde desteklediği Karaman Valisi Cem Sultan'ın yakın çevresinde bulunmuş bir şairdir. Fâtih'in şehzadeleri arasındaki saltanat mücadelesinde Cem Sultan taraftarları arasında yer alan Karamanlı Aynî'nin Kastamonu ve Karaman valiliği sırasında da Cem Sultan'ın yanında bulunduğu anlaşılmaktadır [19, s.273].

Bu çalışmada, XV. yüzyıl şairlerinden olan Karamanlı Aynî'nin şiire bakışı *Dîvânı*'ndaki şiirlerden hareketle tespit edilmeye çalışılmıştır.⁵ Şairin manzumelerinde belirttiği şiir hakkındaki görüşler, değerlendirmeler ve şiiri ile ilgili benzetme unsurları onun poetikasının oluşturulmasında önem arz etmektedir.

1. Karamanlı Aynî'nin Hayatı, Eserleri ve Edebi Kişiliği

XV. yüzyılın ikinci yansında yaşamış olan Aynî'nin hangi tarihte doğduğu, Anadolu'ya ne zaman, niçin geldiği ve hangi tarihte öldüğü bilinmemektedir. Çünkü ne şuarâ tezkirelerinde ne Osmanlı tarihlerinde ne de biyografik eserlerde adına rastlanmaktadır⁶ [13, s.3]. Onun dîvânındaki

⁵ Çalışmaya temel olarak alınan beyitler, Mermer, A. (2020). Karamanlı Aynî Dîvânı. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları adlı eserden alınmıştır.

⁶ Karamanlı Aynî'nin şuarâ tezkirelerinde, Osmanlı tarihlerinde ve biyografik eserlerde anılmamasının sebebi olarak Sultan Cem'e olan yakın dostluğu ve onu savunması olarak değerlendirilmektedir. Konuyla ilgili ayrıntılı bilgi ve Karamanlı Aynî ile ilgili yapılan bazı çalışmalar için bkz. F. Nafiz Uzluk (1948). "Karamanlı Aynî". Konya Dergisi 116-117: 1; Edip Ali Bakı (1949). Aynî. Ankara: 9; Hikmet Dizdaroğlu (1956). "Karamanlı Aynî". Türk Dili V (59): 710; *Türk*

beyitlerden Türkistan'da doğduğunu (Tirmiz), babasının adının ise Hüseyin olduğu belirlenebilmektedir. Cem Sultan'ın Anadolu'dan ayrılmasından sonra bu ayrılığın acılarını dile getiren şiirler yazan Karamanlı Aynî'nin, şehzadenin ölümünden bahseden hiçbir şiirinin bulunmayışı, kendisinin Cem Sultan'dan önce öldüğünü göstermektedir. Dîvânında en son M.1490 tarihli bir şiirin mevcudiyeti dikkate alındığında onun H.895-900 / M.1490-1494⁷ yılları arasında ölmüş olduğu söylenebilmektedir [19, s.273].

Karamanlı Aynî'nin iyi bir öğrenim gördüğü ve kendisini iyi yetiştirdiği dîvânındaki şiirlerinden anlaşılabilmektedir. Sanatkârlığının yanında Karamanlı Aynî'nin Arapça nahiv ilmi olan Avâmîl, Mantık, Astronomi ve eskilerin heyet ilmi dedikleri Cifr bilimleriyle ilgilendiği de şiirlerinden tespit edilebilmektedir [13, s.4].

Karamanlı Aynî Dîvânı'nda Karaman, Konya, Ermenek, Elmalı, Kastamonu, Sinop ve Antalya (Atalya) şehir adlarının geçtiği görülmektedir. Ahmet Mermer, Karamanlı Aynî'nin bu şehirlerden bazılarını görmüş ve hatta bu şehirlerde bir müddet kalmış olabileceğini, bazı şehir adlarının anlattığı olaylarla ilgili olarak şiirlerine yansımış bulunabileceğini belirtmektedir. Ahmet Mermer'e göre Karamanlı Aynî, ömrünün sonuna kadar Karaman beyliği sınırları içinde yaşamış ve sonuna kadar da Karamanlı kalmıştır. Karamanlı Aynî'nin hayatı, Karamanoğullarının son güçlü beyi Sultan Kasım ile önce şehzâde, daha sonra da Osmanlı tahtına oturma mücadelesi veren Sultan Cem'in mücadeleli hayatları arasında geçmiştir. Karamanlı Aynî, bunların bazen mutluluklarını, bazen de acılarını şiirlerinde dile getirmiştir. Aynî, Sultan Cem sürgüne gönderildikten sonra da Cem'den ayrılmamış, ona gıyabında feryatlar koparan şiirler yazmaya devam etmiştir [13, s.6-7].

Karamanlı Aynî'nin bilinen tek eseri, Dîvân'ıdır. Karamanlı Aynî Dîvânı tek nüsha olarak bugün Konya Mevlâna Müzesi İhtisas Kitaplığı'nda 2406 (Yeni kayıt numarası 2425) numarada Aynî-i Kadîm Dîvânı adıyla kayıtlıdır. Ahmet Mermer, eserin başka nüshaları için yerli ve yabancı katalogların tarandığını, fakat hiçbirinde şu ana kadar yeni bir nüshaya rastlanılmadığını belirtmektedir [13, s.7].

Karamanlı Aynî'nin şiirlerinde, yaşadığı devir şiirinin bütün özelliklerini bulmak mümkündür. Türkçe kelimelerin bolluğu, Arapça ve Farsça tamlamaların daha çok kısa şekillerinin kullanılması, mazmunlara sık sık yer vermemesi, devrin konuşma dilinin şiire sokulması, deyim ve atasözlerine yer vermesi bu yüzyılın diğer şairlerinde olduğu gibi, Karamanlı Aynî'de de görülmektedir [13, s.14]. Dîvân'da bazı İranlı ve Türk şairlerinin adının geçtiği, her dîvân şairi gibi, Karamanlı Aynî'nin kendi şairliğinin İranlı bazı şairlerden (Hâfız, Selmân vb.) üstün olduğunu dile getirdiği tespit edilmiştir. Onun ayrıca, kendisinden önce yaşamış olan Şeyhî ve Ahmedî ile de kendisini mukayese ettiği görülmektedir.

2. Karamanlı Aynî'nin Şiir Anlayışı⁸

Her Klasik Türk edebiyatı şairinin olduğu gibi, Karamanlı Aynî'nin de şiir anlayışı noktasında birtakım görüşleri bulunmaktadır. Bu bölümde, Karamanlı Aynî'nin şiir hakkındaki değerlendirmeleri iki başlık altında ortaya konulmuştur. Birinci başlık altında, Karamanlı Aynî'nin şiir hakkındaki görüşleri, ikinci başlıkta ise Karamanlı Aynî'nin şiiriyle ilgili oluşturduğu benzetme unsurları verilmiştir.

2.1. Karamanlı Aynî'nin Şiir Hakkındaki Görüşleri

-Şiir, harâret gibi yakıcıdır.

Karamanlı Aynî şiirlerinin yakıcılığını dile getirmiş, gazellerini okuyan kimselerin harâret ile yanacağını ifade etmiştir:

'Aynî nazmunda harâret şöyle muhrık oldu kim

Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi (1977). C. 1. "Aynî (Karamanlı)". İstanbul: Dergâh Yay. 249; Mehmet Önder (1985). "XV. Yüzyılın Bilinmeyen Bir Şairi Karamanlı Aynî". Milli Kültür Dergisi 50: 69; Ahmet Mermer (2020). Karamanlı Aynî Dîvânı. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları; Beyhan Kesik [2020]. Karamanlı Aynî. <http://teis.yesevi.edu.tr/madde-detay/ayni-karamanli>

⁷ Hicri tarihleri Miladî tarihe çevirirken Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumunun "Tarih Çevirme Kılavuzu" esas alınmıştır. Ayrıntılı bilgi için bkz. <https://www.ttk.gov.tr/genel/tarih-cevirme-kilavuzu/>.

⁸ Çalışma oluşturulurken Bayram Ali Kaya'nın "Necâtî Bey'in Şiir Anlayışı" ve Abdulkadir Erkal'ın "Dîvân Şiiri Poetikası (17. Yüzyıl)" adlı eserlerinden büyük ölçüde yararlanılmıştır.

Niçe kes dîvânını şî'rün gazel-hânı yakar (g. 175/7)⁹

Aynî, şiirinde harâret öyle bir yakıcı hâle geldi ki şiirini okuyanları yakmakta, sözünü (şiirini) kısa kes.

-Şiir, süslü ve parlak renklidir.

Karamanlı Aynî, şiirlerindeki lafızların parlak renkli olduğunu ifade etmektedir. Bu yönüyle onun şiirindeki lafızlar canlılığı göstermektedir. Sevgilinin dudağından ise şirin sözler ortaya çıkmakta, böylece şair, kendisi ve sevgili arasında söz açısından kıyaslama yapmaktadır:

Benüm şî'rümdedür rengîn-elfaz

Senün la'lündedür şîrîn-elfâz (g.250/1)

Parlak renkli lafızlar benim şiirimdedir; şirin lafızlar (ise) senin dudağındadır.

-Şiir, sevgilinin dudağının vasfıyla beslenerek kıymet kazanır.

Karamanlı Aynî, şiirlerinin sevgilinin dudağının vasfını anlatarak değer kazandığını ifade etmektedir:

Buldı eş'ârüm 'ibârât-ı latîf

Perveriş virdi lebünden ıstılâh (g.96/8)

Şiirlerim hoş ibareler buldu; dudağından ıstılah beslendi.

- Şiir, sevgilinin yüzünün vasıflarıyla süslenmektedir.

Şair, şiirlerinde sevgilinin yüzünün vasıflarını anlattığında onun sözleri bin süslü sözlerle dolacaktır. Şiir, sevgilinin yüzünün güzelliği anlatıldığında değer kazanmaktadır:

Yüzün vasf itse eş'ârında 'Aynî

Bilür lafzında bin tezyîn elfâz (g.250/7)

Aynî, şiirlerinde senin yüzünün vasıflarını anlatsa lafzında bin süslü lafız ortaya çıkar.

-Şiir, hikmet ile örülü olmalıdır.

Karamanlı Aynî, şiirlerinin bin türlü hikmet barındırdığını ifade etmektedir. Hikmet barındıran şiirler, etkili ve geçerlidir. Şair, şiirlerinin derin mânâ barındırdığını belirtmektedir:

Senün şî'ründedür yüz dürlü erkâm

Benüm şî'rümdedür bin dürlü ahkâm (g.329/1)

Yüz türlü (mânâsız) yazılar senin şiirindedir. Bin türlü hükümler ise benim şiirimdedir.

-Şiir, ilim ile örülü olmalıdır.

Şair, dîvânındaki şiirlerin ilim ile yazıldığını, şiirlerinin kuru ve boş sözlerden ibaret olmadığını belirtmektedir. Mânâ dolu sözlerle ulaşmak isteyenler onun dîvânını elden düşürmemelidir:

Ulûmun defterin bulmak dilerse

Cihânda 'Aynî dîvânını iste (g.439/7)

Dünyada, ilimlerin defterini bulmak istersen Aynî dîvânını iste.

-Şiirin değerli kısımları, gözyaşı damlalarıyla oluşabilmektedir.

Karamanlı Aynî, gözyaşı damlaları ile oluşan şiirlerinin değerli ve anlamlı olduğunu belirtmektedir:

Sözünden katreler belki gözünden

Tereşşuh eyledi akdâra 'Aynî (g.458/7)

Aynî, sözünün değerli zerrelere belki gözyaşından sızdı.

-Şiir, âşğın sevgilinin yolunda yıllarca çektiklerini anlatmaktadır.

Şair, sevgiliye hitap ederek onun yolunda çektiği sıkıntı ve eziyetin şiirlerinde yer aldığını belirtmektedir. Şair, bir gün bu dünyadan göçtüğünde şiirleri onun hâlini anlatacaktır:

Şî'r ile eş'âr ideyüm yıllara çekdüğümü

Söyleye bir gün bilesin hâlümü eş'âr güzel (g.311/2)

Yıllara, çektiğim (zorlukları) şiirlerim ile söyleyeyim, (ey) güzel, şiirlerim sana hâlimi bir gün söylesin de bil.

⁹ Parantez içinde verilen sayıların ilki şiir numarasını, sonraki sayı ise beyit numarasını ifade etmektedir. Çalışmada kullanılan kısaltmalar şu şekildedir: Kaside k., gazel g.

2.2. Karamanlı Aynî'nin Şiir ile İlgili Oluşturduğu Benzetme Unsurları¹⁰

2.2.1. Âb-ı Hayat İçeni ölümsüzlüğe kavuşturduğuna inanılan efsanevî su olan âb-ı hayât, Karamanlı Aynî tarafından ölümsüzlüğü yönüyle şiirlerine¹¹ benzetilmiştir. Şaire göre, ölümsüz olan şiirlerini kim görse ağzının suyu akar, o şiirlere imrenir:

‘Aynî şi‘ründe durur şimdi senün âb-ı hayât

Niçeler ağzı suyun akıdur eş‘ârun için (g.394/7)

Aynî, âb-ı hayat şimdi senin şiirindedir; şiirin nicelerinin ağzının suyunu akıtır, (herkes şiirlerine imrenir).

2.2.2. Akarsu Karamanlı Aynî, şiirini akıp giden bir akarsu olarak nitelendirmiştir. Sevgilinin boyunun hayâlinin yansıması, uzayıp giden akarsuya sığmamaktadır. Bu nedenle şair, suya yansıyan sevgilinin hayâlinin övgüsünü nasıl anlatacağını bilememektedir:

İy müntehî niçe itsin di ‘Aynî nazm-ı medhün

Kim kâmetün hayâlî şi‘r-i revâna sığmaz (k.7/8)

Ey zirvede olan (sevgili), söyle, Aynî senin övgü şiirini nasıl yazsın? Çünkü senin boyunun hayâlî, akıp giden şiire sığmaz.

2.2.3. Dür Denizde, istiridyenin içinde oluşması ve parlaklığı ile Klasik Türk şiirinde sevgilinin dişleri, teri, vuslatı ve âşığın gözyaşı gibi anlamlarda kullanılan inciye şiirine benzeten Karamanlı Aynî, sözlerinin inci değerinde olduğunu ifade etmektedir. Şairin sözleri, şahlara lâayık olan inciden bir küpe gibi düşünülmüştür. Ayrıca şair, sözlerinin kulağa küpe olmasını arzulamaktadır:

Benüm şi‘rüm bigi dürler düzilmiş gûşvâr olmuş

Yaraşur şeh kulağında bu dür-i şâhvâr olsun (k.24/37)

Benim şiirim gibi, inciler dizilerek küpe olmuş; şahlara lâayık olan inci taneli bu küpe şeh kulağına yakışır.

2.2.4. Gül Karamanlı Aynî’ye göre, Dîvân şiirinde güle benzetilen sevgilinin vasıflarının anlatıldığı şiirler de gül gibi olmaktadır. Şair, dîvânında yer alan her bir şiiri gül olarak nitelendirmiş ve dîvânına da “gül dîvânı” ismini vermiştir:

Eyâ ser-defter-i ümmîd-i ‘Aynî

Senün vâsfunda gül dîvânı çıkdı (g.509/7)

Ey (sevgili)! Aynî’nin umut dolu baş defterinde, senin vasıflarının anlatıldığı gül dîvânı ortaya çıktı.

2.2.5. Hüdüh Klasik Türk şiirinde bazı manzume örneklerinde Hüdüh’ün mazmun, mesel veya motif olarak yer aldığı görülmektedir. Kur’ân-ı Kerîm’de Hz. Süleyman kıssasıyla ilgili olarak zikredilen bir kuş olan Hüdüh, Belkıs’a haber götürmesi ile bilinmektedir [7, s. 461-462]. Şair, bu yönüyle Hüdüh kuşunun haberini sözleri ile ilişkilendirmiştir:

Süleymânem sözüm Hüdüh olupdur

Benüm ‘akdümde ma‘kûd oldı Belkîs (g.215/6)

Hz. Süleyman’ım, sözüm Hüdüh (ün haberi)dir. Belkıs, benim sözümle Hz. Süleyman’ı bildi.

2.2.6. Şarâb Karamanlı Aynî’ye göre onun şiirleri şarap gibi mest edicidir. O, kendisine sevgilinin yolunda şarap içerek şiir söylemesini öğütlemektedir:

Çünkü şarâb-ı sühan ‘Aynî seni itdi mest

Şi‘r ü gazel söyle vü râh-ı gazâliyile iç (g.91/7)

Aynî, sözlerin şarâbı seni mest etti; şiir ve gazel söyle ve (ceylan gözlü) sevgilinin yolunda iç, (aşk sarhoşu ol).

Sonuç

¹⁰ Karamanlı Aynî’nin şiir ile ilgili oluşturduğu benzetme unsurları alfabetik olarak sıralanmıştır.

¹¹ Bilgi ve söz yazı ile, yazı da mürekkeple ebedileşir. Yazı vasıtası kalemdir. Bu bakımdan mürekkep kalemi, yazıyı, bilgiyi ve düşüncüyü ölümsüzleştiren bir hayat ırmağıdır. Mürekkebe gidip gelerek ıslanan kalem âb-ı hayâta kavuşan, onu içen Hızır misalidir. Mürekkep ise siyah rengiyle karanlıklar diyarını temsil eder. Mürekkebin bulunduğu yer olan divit (hokka) yine karanlıklar diyarıdır. Ayrıca kalem, ebedî feyiz çeşmesinin lülesi ve musluğudur [2, s.3].

Klasik Türk şiirinin XV. yüzyıl şairlerinden biri olan Karamanlı Aynî, şiir ile ilgili düşüncelerini daha çok *Dîvânı*'nda kasidelerinin fahriye bölümlerinde ve gazellerinin mahlas beyitlerinde ifade etmiştir. Ayrıca şair az da olsa gazellerinin mahlas beyti harici diğer beyitlerde de şiirle ilgili düşüncelerini dile getirmiştir.

Karamanlı Aynî, dîvânında yukarıda ifade edilen kısımlarda daha çok şiirin nasıl olması gerektiği hususundaki düşüncelerine yer vermiştir. Ayrıca şairin şiir ile ilgili benzetme ve istiarelerden yola çıkarak çağrışımlar oluşturduğu da görülmektedir. Karamanlı Aynî'nin şiir anlayışı ile ilgili şu sonuçlara ulaşılmıştır:

- Şiir, harâret gibi yakıcıdır.
- Şiir, süslü ve parlak renklidir.
- Şiir, sevgilinin dudağının vasfıyla beslenerek kıymet kazanır.
- Şiir, sevgilinin yüzünün vasıflarıyla süslenmektedir.
- Şiir, hikmet ile örülü olmalıdır.
- Şiir, ilim ile örülü olmalıdır.
- Şiirin değerli kısımları, gözyaşı damlalarıyla oluşabilmektedir.
- Şiir, âşğın sevgilinin yolunda yıllarca çektiklerini anlatmaktadır.

Karamanlı Aynî'nin teşbih ve istiare yoluyla şiirle ilgili benzetmeler yaptığı görülmektedir. Şair, şiiri; âb-ı hayât, akarsu, dürr/inci, gül, Hüdhüd ve şarâba benzetmektedir.

Karamanlı Aynî'nin şiir ile ilgili ortaya koyduğu düşüncelerden hareketle XV. yüzyılın poetikasına dair bir nebze de olsa fikir sahibi olmak mümkün olabilmektedir.

Kaynakça

1. Bakı, Edip Âli [1949]. *XV. Yüzyıl Konya-Karaman Şairlerinden Aynî*. Ankara.
2. Çelebioğlu, Âmil [1988]. “Âb-ı Hayât”. *TDVİA*. s. 3-4.
3. Dizdaroğlu, Hikmet [1956]. “Karamanlı Aynî”. *Türk Dili V* (59): 710.
4. Doğan, M. Nur [2002]. *Fuzûlî'nin Poetikası*, İstanbul: Yelkenli Yayınları.
5. Ekici, Hasan [2020]. “Karamanlı Nizâmî'nin Şair ve Şiir Hakkındaki Mülâhazaları”, *SUTAD*, 49: 177-195.
6. Erkal, Abdulkadir [2018]. *Dîvân Şiiri Poetikası (17. Yüzyıl)* Ankara: Altınordu Yayınları.
7. Harman, Ömer Faruk & Kurnaz Cemal [1998]. “Hüdhüd”. *TDVİA*. s. 461-462.
8. Karaca, Alâattin [2005]. *İkinci Yeni Poetikası*, Ankara: Hece Yayınları.
9. Kaya, B. Ali [2012]. “Necâtî Bey'in Şiir Anlayışı”, *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi*, 27: 143-218.
10. Kaya, B. Ali [2016]. “Necâtî Bey'in Şair Anlayışı”, *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi*, 34: 149-214.
11. Kaya, B. Ali [2020]. *Necâtî Bey'in Poetikası (Şiir ve Şair Anlayışı)*. İstanbul: Akademik Kitaplar.
12. Kesik, Beyhan [2020]. Karamanlı Aynî. <http://teis.yesevi.edu.tr/madde-detay/ayni-karamanli>
13. Mermer, Ahmet [2020]. *Karamanlı Aynî Dîvânı*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları.
14. Önder, Mehmet [1985]. “XV. Yüzyılın Bilinmeyen Bir Şairi Karamanlı Aynî”. *Milli Kültür Dergisi* 50: 69.
15. Sazyek, Hakan [2000]. “Yeni Türk Edebiyatında Manzum Poetik Metinler”. *Türk Dili Dergisi (Basılı Kaynak)*, 577: 10-22.
16. Tarih Çevirme Kılavuzu. <https://www.ttk.gov.tr/genel/tarih-cevirme-kilavuzu/>
17. Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi [1977]. C. 1. “Aynî (Karamanlı)”. İstanbul: Dergâh Yay. 249.
18. Uzluk, F. Nafiz [1948]. “Karamanlı Aynî”. *Konya Dergisi* 116-117: 1.
19. Ünver, İsmail [1991] “Aynî”. *TDVİA*. s. 273.

CZU 37.091.03

ÜÜRENICILERIN YARADICILILIN ILERLENMESI YARATMALARIN YARDIMINNAN

Mihaylova Tatyana,

Gagauz dili hem literatura üüredicisi Mihail Çakir adına kolec, Komrat, RM

e -mail: tatyanka.mihaylova.2015@mail.ru

orcid id: 0000-0003-3628-5258

Abstract Development of students' creative abilities is a difficult process. This process cannot go by itself - the teacher is always the leader. This process which develops children's communication skills, the ability to express their opinions, is a frequently used type of work in practice.

Keywords: development students, communication, opinions, process, ability, creative, writing

Üüretmək sisteması hepbir diişiler, diişiler onun içindeli, peydalanêr eni üüretmək tehnologiyaları. Üüredicinin önündä durêr önemni daava: üüremää dooru lafetmää, ilerletmää üürenicidä laf ustalını, ilerletmää komunikativ becermekleri teksti düzmesindä, ilerletmää becermekleri hem sınaşmakları kullanmaa söz kolaylıkları türlü sözleşmək situatıyalarında. Bu daava aktualdır hem diil kolay.

Üürenicilerin yaradıcılık becermeklerin ilerletmesi - o bir pek uzun hem zor proşes. Bu proşes yok nicä geçsin kendibaşına - üüredici her zaman lääzım olsun bu proşesin öndercisi. Bütün bu proşestä, angısı ilerleder üüredicilerin komunikativ becermeklerini, kendi fikirini açıklamak becermeklerini – tradişional hem praktikada sık kullanılan bir iş soyu. [6, s.3]

Yaradıcı becermeklerin ilerlenmesi temellener aaraştırmak situatıyaların düzmesine her bir urokta, neredä biz üürederiz uşakları düzmää problemayı, yaraştırmaa, pay etmää, aaramaa inandırma yolları, bütünneştirmää kabledilmiş rezultatları.

Üürenicilerin yaradıcılığını ilerletmesinnän şkolada var çok türlü işlär. Onnarın bir paycaazı - türlü soy yaratmaların yazması. Yaratma üüretmää yazmaa şindiki vakıtta pek aktual soruştı. Yaratmanın yardımınnan üürediciyâ taa ilin görmää uşaan iç dünnesini. Yaratma üüretmää yazmaa soruşu baalanêr filosofiya temasına - küçük insanı terbiyetmək, angısı olacek cümnenin bir payı. Yaratma – o ilk uşaan denemesi göstermää dünneyi nicä o kendisi onu görer, söylemää kendi düşünmeklerini nesoyşa problemalar için. Yaratma yardım eder uşaa dooru yola koymaa, sırayça kendi düşünmeklerini düzmää, hesaba alarak vakıdın istemeklerini. O üüreder gözäl lafetmää, bundan kaarä zengin neder dili hem üüreder dooru, gramatikayca yazmaa. Okul programasına görä uşakların yazılı sözünü ilerletmää deyni her bir klasta veriler annatma tipindä yaratma yazması, ama yıldan-yıla yaratmaya katılêr yazdırma elementleri, yada fikirlemä elementleri. Her bir klasta iş sisteması gösterili nicä aazdan annatmasınnan, ölä dä yazılı yaratmalarlan.

Yaratma – yaradıcılık işi, angısı isteer üürenicilerdän aktiv işi, meraklanmasını, nesä kendindän koymasını tekstin içinä. Yaratmalar olêrlar bir kolaylık gibi üüsek uura kaldırmaa deyni üürenicilerin sözünü. Onnar üürederlär üürenicileri fikirlemää hem kantarlamaa görünmüş yada yaşanılmış olayı, üürederlär bulmaa sebep – çözmäk baalantılarını, yaraştırmaa onnarı, yapmaa çıkışları. Yaratmalar taa islää göstererlär üürenici dilin praktika becermeklerini, ne kadar başka sınışlar. İş yaratmaylan çekeder birinci klasta hem ileri dooru geçiriler her bir klasta. [3, s.14]

Şkola yaratmaları - zor, ama meraklı üüredicinin hem üürenicilerin işi. Busoy yaradıcılık işi - üürenicilerin kendini, kendi bakışını, iç dünnesini göstermää kolaylı, Temelleneräk üürenicilerin işlerinä, var nicä annamaa diil sade söz uurun ilerlenmesini, ama onnarın bakışını yaşamaya da. Lääzım taa nışannamaa, ani her bir yaratma ilerleder uşakların yaradıcı düşünmesini, dikatlını, logika hem süret fikrini. İslää yaratma olêr ozaman, açan yapılêr yaraştırmak, yada tekstin kritika analizi. Düşünärkän tekst için, üürenici var nicä dayansın karalık variantlara yada onnarsız işlesin; var nicä

yaraştırsın artık yazılı lafları, lafbirleşmeleri, cümleleri, aarayarak hem bularak taa demekli, taa uygun, taa gözäl variantları.

Yazılı sözün yardımınnan üürenici var nicä yazsın hem korusun kendi görgülerini, düşünmeklerini, taa islää hazırlasın kendi sözünü. Bakarak ileri yazılan sözlerä, o var nicä genişletsin yada kısaltsın yaratmanın öz fikirini, diiştirsın onun planını, yapsın, läázım olarsa, eni analiz. Yazılı sözlän iştä üürenici var nicä gözlatsın kendi sözünü, bu verer kolaylık düşünmää yazılı söz için, praktika uurundan kantarlamaa düzülmüş teksti hem bitkidä – taa ii yapmaa sözü (yaratmayı). Başka laflarlan üürenicidä ilerlener sınaşmaklar kontrol etmää, kantarlamaa yazılı sözü onun içindelik hem forma tarafından. Yaratma yazmaa üürenicilär pek beenmeerlär, da üüredicinin önündä genä peydalanêr problema: nicä meraklandıрмаa üürenicileri?

Oyun teknolojiası - te ne kurtarêr üürenicileri hem üürediciyi ana dili uroklarında. Çok meraklı kolaylıklar yaratmalarlan iştä kullanılêr zamandaş metodikasında.

İşbirlii kolaylu - kolektiv mini-yaratması klasta. Onu yazmasında hesaba alınêr üürenicinin fikir gidimi, angısı teklif etti ilk cümleyi, sora ikinci üürenicinin, angısı ilerletti birinci cümleyi. Burada doorudulêr fikir düzmesinin kusurları, ayırılêr leksika, kontrol ediler temanın ilerlenmesi. İşin bitkisindä kolektiv teksti demekli okunêr.

Yaratma, verilmiş çeketmeyä görä. Üürenicilär kendileri läázım ilerletsinnär yaratmayı. Üürenicilerin yaratmalı olmasınnar birtürlü deyni, läázım getirtmää üürenicilerin aklılarına başka yaratma formları, nicä: reţenziya, reportaj, intervyyu, lingvistika masalları, kiyat.

Kiyat yazması - may unudulma incäzanaatı, ama pek meraklı yaradıcı iş soyu. Literatura materiallarına temelleneräk, var nicä kullanmaa kiyat-danışmak literatura personajına, yaradılmış kiyat bir personajdan başka personaja (Deyecez, Marinkanın kiyadı Simuya - K.Vasilioglu "Olimpiada"). Busoy işlär ilerledeklär üürenicilerin yaradıcılını.

Teksti annamak hep yaratmak proşesi sayılêr. "Hepsi, neyi istedi söylemää yazıcı, gösterili teksttä. Ama onu okumaa deyni, läázım bilmää kritikayı, zamanı, literatura istoriyasını. Nekadar läázım toplamaa içinä, ki korkusuz yaklaşımaa şiir yada annatma sayfasına!"- busoy yazardı Igor Zolotusskiy kendi kiyadında "Час выбора". [5, s. 81]

Aaraştırankan teksti, biz temelleneriz diil sade logikaya, fikirä, ama gireriz bütün canımızlan onun içindeliinä. Teksti annamaklan baalı orfografiya hem punktuatıya uurunda üürenicilerin rezultatları, aazdan hem yazılı sözün dooruluu, zenginnii, demeklii - hepsini bunnarı ileri dooru üürenicilär kullanêrlar kendi sözündä dä.

Üürenicilär üüredicinin yardımınnan görêrlär ana dilimizin güzelliini, süretliini, savaşêrlar doldurmaa cümlelerini literatura kolaylıklarınnan, yaklaştıрмаa yaratmaları artistik tekstlerinä. Üürenicinin yaratmasından örnek: "Neçin läázım ilik yapmaa? Ödeksiz yaparkan ii işleri, biz yardım ederiz insana doorutmaa hem ilinnetmää onun yaşamasını, ozaman biz diiştireriz bütün dünneyi birdän. İnsan da kendisi diişiler üräännän, olêr taa pak hem cana yakın, bunnan doorudêr kendi yaşamasını da. Ani ilik olsun senin dolayanında deyni, ani yaşaman da yısınsın canın sıcaklınnan, ani ilişkilin dostlarınnan kaavileşsin deyni, alatla yapmaa ilik beklämedään onu geeri".

Süretli laflar hem birleşmelär meraklandırêr üürenicileri, koyêrlar onnarı düşünmää, görmää eni çizileri, taa derindän annamaa tekstin maanasını. Tekstlän kompleks işi ilerleder aazdan hem yazılı sözün kulturasını, ilerleder dil duygusunu, düzer becermeyi kullanmaa onun literatura kolaylıklarını, stilistikayı. Örnek: "Ana dili! Ne büyük maanası bu lafin. Herbir insanın var kendi ana dili. Benim ana dilim – gagauz dili. Gagauz dili – halkın diri canıdır, o duruk, nicä çöşmä suyu, paalı nicä altın, sevgili nicä ana-boba, nicä vatan herbir insana deyni. Dil bizim yaşamamızda oynêr pek büyük bir rol, neçinki onun yardımınnan insan konuşêr, annêr biri-birini, sever, hodullanêr, açıklêr fikirini.

Günnär geçer, vakıt uçêr, salt insan duymaz ona, hiç düşünmääz nekadar laf o söyleer bir günün içindä, saymayarak düşünmekleri yada okumakları. İnsan taa sık kullanêr ana dilini, bizim paalı, çok zorluk geçirän dilimizi. Bän sayêrım, ki lafetmää, düşünmää, yaşamaa ana dilindä deniler patriot duygularınnan şılamaa".

Taa beşinci klastan üürenicilerä var nicä teklif etmäa doldurmaa tefter - toplumu, nereyi onnar çekedecek toplamaa süret deyimlerini, yazıcıların hem bilgiçlerin یتatalarını. Bu iş materialı paasız olacak, açan onnar çekedeceklär yazmaa yaratmaları. [1, s.45]

V.A.Suhomlinskiy yazardı: "En büyük yaratıcı iş pedagogikada o olay, açan uşak söledi kendi lafını. Bu kıpımda o kalkındı bir basamaa kendi fikir ilerlenmesindä". "Kendi lafı" 5-6 klaslarda sayılär masal yaratması, söyleyişä görä annatma yaratması; 7-8 klaslarda - humor annatmaların yaratması, 9-12 klaslarda - şiir yada esse yaratması. Bu kolaylık yardım eder üürediciyä kolay annamaa, nicä üürenicilär annadılar yaratmanın içindeliini, üürenicilerin emoşional durumunu. Kullanarak bu kolaylı, üürenicilär hızlı etişerlär ii rezultatlara. Örnek: "Aala, gagauzum! Aala. Bunnar senin duumamış yazıcıların, türkücülerin, bilgiçlerin, resimcilerin, gelecään. Aala, zerä, açan küülerimizin üstündän ölüm borannarı geçärdilär, açan insannar açlıktan fidannarın kabuklarını kemirärdilär, kedileri hem köpekleri iyärdilär, halkımıza, insanımıza hiç biricii yardıma gelmedi. Ecel gagauzları kosaylan biçärdi.

Bu açlı yok nası unutmaa. Büün 67 yıldan sora, kimä sa o titsi günnär masal gibi geler, ama bu masal diil. Bu gagauzların sancısı, XX-nci üzyılda bizim en büyük tragediyamız".

Yaratmayı yazarkan, herbir lafa argument veriler, üürenicilär üürenerlär diil sade koymaa läüzımnı lafı tekstin içinä, onnar üürenerlär lafı duymaa. O insan, angısı üürendi duymaa lafı nicä diri obykti, o yok nicä diil dooru kullansın onnarı kendi aazdan hem yazılı sözündä. [4, s.44]

Yaradıcılaa üürenicilär üürenerlär diil sade temelleneräk yazıcıların yaratmalarına. Üüredici läüzım göstere üürenicilerä başka uşakların tekstlerini. Analiz yaparkan bu tekstlerä, üürenicilär annêrlar, ani bu tekstlär hep ölä meraklı hem läüzımnı. Üürenicinin hem yazıcının yaratmaları konêrlar bir uura. Uşak tekstleri kanatlandırêrlar uşakları, vererlär onnara eni kuvetleri yaratmaa deyni ileri dooru. Örnek: " Herbir insanın var bir paalı insanı. Benim aklıma geler sıralar gagauz yazıcıların yaratmalarından: "Yaşamak için läüzım içindän kısmet". O pek läüzım. Bu "üüsek" laflar beni şaş etmeerlär, bän bilerim, ani bu kısmeti bana verer benim mamucuum. O bana deyni yol gösterän, bir yıldız. Ana – aylenein ruhu hem yaşamanın donaklı. O bana en yakın, en paalı adam".

Yaratma ilerleder fikiri, emoşıyaları, üüder uşakları fikirlemäa hem kantarlamaa geçirilmiş olayları, yaratırmaa hem düzmäa çıkışları. Yaradıcılı ilerletmäa deyni, üüredici urokta läüzım versin üürenicilerä kolaylık koymaa soruşları, metetmäa üürenicileri original ideyaları için. Busoy işlem soyları yardım ederlär açmaa uşakların individual becermeklerini, üüderlär üüsek uurda kullanmaa kabul edilmiş bilgileri. Örnek: "Bän isteirim söylemäa sevda için, ani o, kaplayıp insanın tenini hem fikirini, büüler. Yapêr seni nicä ayoza kanatlı. Sevärkän birkimseyi savaşêrsın ona deyni yıldızı göktän indirmäa, çiçektän döşek döşemäa, nesoyso özgün işlär yapmaa, kâr mum gibi erimäa, sade beendirtmäa kendini hem olmaa bilä sevdayan. Açan sän seversin, görersin gözäl işleri, angılarını hiç denämediydin, nasıl var nicä olsun gözäl yaşamak, çiçeklär, havalar. Bana geler, ani sevda - o garip türküsü, çöşmä tatlı suyu, nazlı lüzgär, ipek tel, büülü uyku, tatlı sıra".

"Üürenerim yaratmaa diil sade alarak örnek büyük insannardan, yazıcılardan hem poetlerdän, ama uşakların tekstlerindän dä, angıları hep ölä, nicä dä bän. Benim düşünmeklerim, benim tekstim – hepsi bunnar pek önemnidir gagauz dilinä deyni!" – bölä üürener düşünmäa bizim araştırmacılarımız. Bu iştän sora üürenici başlêr pozitif bakmaa hepsi yaradıcı işlerä. Uşakların tanışması başka üürenicilerin yaratmak işlerinnän yapêr onnarı taa ii, acızgan, cana yakın biri-birinä hem dolay dünneyä.

Eer vermäa üürenicilerä kolaylık duymaa kendi becerekliini, avtor hakını, olacak büülü bir iş, açılacak becermeklär, angıları için biz hiç bilmedik.

Kimi üürenicilär meraklan alınêrlar yazmaa yaratmayı, kendibaşına düzerlär yaradıcı işin temasını. Bu işlerdä görüner onnarın iç dünnesi, açıklanêr insan/personaj yaptıkların yada yaşamak olayların notalaması. Örnek: "Sevda var hertürlü: o var nicä olsun kızlan çocuun arasında - o, nicä südürülmüz ateş, mamu sevdası - o, angısı bulacak uşaanı denizin dibindä dä, hem sevda hepsinä, angısı bulunêr bizim dolayımızda - onun üzü gözäl, angısına açêr güllär".

Bizdän, üüredicilerdän, baalı, nesoy biz terbiyedece uşakları, nicä düzece onnarın individuallını, nicä hem angı yaşamak pozitiyasınnan gireceklär onnar büyük yaşamaya, neyi onnar alabileceklär okuldan, ilerledeceklär hem zeedeleyeceklär. [2, s.39]

Türlü soy yaratmalarla iş şkolada pek önemlidir, neçinki yaratma – öz metodu üürenicileri terbiyetmesindä. Sölärkän kendi fikirlerini, o üürener toplamaa kendi fikirlerini aaraştırmak obyektindä, analiz yapmaa, dooru düzmää kendi düşünmeklerini, geler nesoysa çıkışa. Ama nicä gösterer işin praktika payı, üürenicilär bilerlär dooru hem gözäl yazmaa yaratma, düzmää kendi fikirlerini logikayca (sırayca). Uşaklar açêrlar kendi cannarını, düşünmeklerini, problemalarını bizä, üüredicilerä. Sanêrız, anı bu iş lääzım notalansın en ilkin.

Bibliografiya:

1. Бугрименко, Е.А., Цукерман, Г. А. Чтение без принуждения. Москва, 2005. — 94 с.
2. Волчегорская Е. Ю. Развитие творческого воображения школьников // Начальная школа. - № 9. – 2005. - с. 38-41
3. Крылова О. Ю. Развитие речевого творчества учащихся средствами искусства // Начальная школа. - № 3. – 2007. - с. 12-16.
4. Никитина Л. А. Обучение написанию отзыва о прочитанном произведении // Начальная школа. - № 6. – 2007. - с. 41-47.
5. Тикунова Л. И., Ордыкина И. С. Примерные проверочные работы по русскому языку // Начальная школа. - № 3. – 2005. - с. 78-93.
6. Филиппова Н. А. К разговору о сочинениях в школе // Первое сентября. - № 12. - 2007. – с. 2-5.

CZU 37.091:811'246.3

BİLİNGVAL ÜÜRETMENİNİN ELEMENTLERİ RUH-MORAL TERBİETMESİNDÄ GİMNAZİYANIN BAŞLANKI KLASLARINDA

Stoyanova Elena,

Gagauz dilindä hem literaturasında üüredici, Todur Angeli adına gimnaziya, Haydar k., RM

e-mail: stoyanova.1982@list.ru

orcid id: 0000-0002-3247-7941

Abstract: The article discusses the introduction of multilingual education in the gymnasium. The concept of multilingual education is revealed. Examples of some developments on the topic are given. The problem of the loss of the dual communication environment is revealed, ways of solving the problem are given. The importance of multilingual education for the younger generation is shown.

Keywords: multilingual education, multilingualism, native language, foreign languages, competencies.

İrmi birinci üzyıllık ЮНЕСКО'ya görä çok dildä lafedän kişiliin vakıdı. Çok kulturalı kişiliin oluşturulması kendi informativ, komunikativ, intelektual kompetençiyalarınnan, becermeklerinnän hem istediklerinnän faydalı olacek kultura arası buluşmaklarında, yaratıcılık yolunda.

Bütün dünnein integrir proçeslerini esaba alarak, çok dillilik yardım eder insana genişletmää dil denemesini, bilgilerini, serbest etkileşmää profesional hem iş ilişkisinä.

Aaraştırmacılar geldi fikirä, ki çok dillilik yok nicä bişey bozsun. O verer kolaylık zenginnetmää kulturamızı, paalılıklarımızı.

Şindiki vakıta diişiler insanın yaşaması, olêr taa informativ; var kim başka memleketlerä geçer yaşamaa, dolayı diişer - gelir vakıt düzmää üüretim proçesini dolayı istediinä görä: multilingval üüretmesi olsun. Yabancı dilleri üürenärkän, sansın daalêrsın başka dünneyä, kulturaya.

Multilingval üüretmenin proçesleri taa "körpä", lääzım araştırsın nicä teoriya tarafından, hep ölä praktika tarafından da. Proçeslär sistemada olsun deyni önemni ayırmaa multilingval üüretmesini hem üürenmesini.

Çok dilliliin genişletmesi önemni ekonomik tarafından da. Bilgiçlerin aaraştırmaları gösterer, ani iki yada üç dildä latedän insannarın becermekleri taa geniş: peydalanêr çok variantlı original çözümleri, çabuk erleşer informatiyâ, stresä dayanmak olêr. Var nicä gelelim bir çıkışa - multilingual üretmesini ilerledän cümnesindä var kolaylık lider olmaa.

Büünkü gündä Gagauziyanın okullarında var mı kolaylık multilingual üretmesini ilerletmää? Elbetki, bizim var temelimiz- gagauz dilimiz.

Bu temelä läüzim zeedelem dil ortamını: romän, rus, yabancı dillerini. Yılların süresindä insanın fikirinä girdi «moda» rus dilinin kullanmasına uşaklarlan.

Benim bakışüma görä te bu adınar läüzim olsun, ki ana dilimiz-gagauz dilimiz- ilerlesin:

- Üüenmää dili okulda,
- Lafetmää ayledä,
- İlerletmää kulturamızı,
- Hodullanmaa dilinnän,
- Annatmaa meraklı olaylar için,
- Kuvelär dä korusun dilimizi.

Gagauzlar läüzim ilerletsin kendi dilini hekulturasını. Sade butakım var nicä hodullanayalım, ani biz gagauzus. Evlad boylarına da bu fikiri etiştirelim.

Bu üzerä okullarda ilerleyecek multilingual ortamı. Herbir okulda üüenicilerin potensiyalına görä düzelecek kendi modeli.

2021-2022 üüetmää yılında bu proyektä katıldı Todur Angeli adına Haydar gimnaziyası. Analarlan- bobalarlan sözleşmektän sora, anketa rezultatlarından sora geldilär fikirä, ani üüedicilerin yardımınan (hepsi üüedicilär islää uurda biler hem lafederlär iki dildä - rus hem gagauz), Genel Bakannın destekleerinnän düşüneriz girişirmaa eni üüretim modelini: multilingual üretmesini.

Gimnaziyada veriler bölä bir model üüretim projesindä.

Вариативный учебный план для 1 класса

Обучение на 3 языках: гагаузский, румынский и русский язык

Язык обучения	Куррикулярные дисциплины	Количество часов	% общения на языке обучения	итого	% от общего количества часов
Русский язык	Русский язык и литературное чтение	7	100%	11	46 %
	Математика	4			
Гагаузский язык	Гагаузский язык и литература	3	100%	9	37 %
	История, культура и традиции гагаузского народа	1			
	Изобразительное искусство	1			
	Технологическое воспитание	1			
	ДНВ/Развитие личности	1	50%		
	Физическое воспитание	2			
Румынский язык	Румынский язык и литература	3	100%	4	17 %
	Музыкальное воспитание	1	20%		

Ona görä adım-adım üredicilər başlêêr tamannamaa multilingval üürenmenin planını. Geliştiriler plannar herbir uroo, gösteriler angı etapta gagauz dilinin kullanılması taa uygun olacak hem nesoy metodların kullanılması uyêr. Praktika gösterer, nekadar taa çok uşak katılêr lafetmeyä iki dildä, okadar taa hızlı erleşer fikirindä terminnär, olêr kolaylık taa bir dil eklemää, üürenmää.

En ilkin düzöldü kalendar plannaması, üredicilər, düşünüp, geldilər bir fikirä, ani lääzım herbir temayı uygun laflarlan gagauz dilindä doldurmaa. Bu bir ilinnik ürediciyä uroklara hazırlanmaa deyni. Verelim ruh-moral terbiyetmesindä hem kişiliin geliştirilmesindä örnek kalendar plannamasını bir modulä (tablița 1).

Субкомпетенции	№ п/п	Содержание ДНВ	Содержание Развитие личности	Оцен иван ие	Ко л. ч	Дата	Примечание/элементы общения на гагаузском языке
		МОДУЛЬ 1. Я в школе.	МОДУЛЬ 1. Личная безопасность				
1.1. Распознавание духовно-нравственных ценностей в школьных контекстах. 1.2. Поддержание заботливого и взаимоважительного поведения в школьном коллективе. 5.1. Определение безопасных мест и ситуаций в природе, в общественной среде, в социальных сетях по предложенным критериям. 5.2. Использование электрических и газовых приборов в соответствии с инструкцией. 5.3. Оценивание рисков использования ценного	1	Духовно-нравственные ценности школы. Обязательность в дружеских отношениях	Безопасность ученика в общественных местах. Безопасность учащихся в качестве пешехода и пассажира.	ПО	1	03.09. 2021	Selemneşmăk. Dialoga katılmak. Термины по правилам поведения в школе и дома «Узнай и назови» «Переведи...»
	3	Позитивное общение с одноклассниками	Безопасное использование газовых и электрических приборов. Источники газа и электричества, правила использования.		1	10.09. 2021	Термины технического оснащения дома, правила использования техники. Дружба и оказание помощи «Узнай слово» «Дополни предложение»
	4	Уважение к учителям и сверстникам	Личное имущество и безопасность учащихся. Личное имущество, рациональность использования опасные ситуации, вызванные дорожными личными вещами.		1	17.09. 2021	Уважительное обращение к окружающим, термины родства, местоимения: benim, senin, kendi, kimsey, Предметы личного пользования. Dialoga katılmak.
	5	Сплочённость класса – дружелюбность всей школы	Ситуации риска в природе. Природа – место для отдыха и игры, неизвестные места, мало посещаемые места, риски, провоцируемые растительностью и животными.		1	24.09. 2021	Дружба и оказание помощи. İşliklär izin çalımında(kırma, yakma, bozma), laf "lääzım" "Ol kuşku!", Ol dikat!" Bildiła, barabar, yardımı.

		МОДУЛЬ 2. Я в семье. 8 часов	МОДУЛЬ 2. Обеспечение качества жизни				
2.1. Распознавание духовно-нравственных ценностей в семейных контекстах. 2.2. Применение моделей поведения в семейных ситуациях. 2.1. Распознавание возможностей для преодоления ошибок путём обращения к людям, которым можно доверять. 2.2. Экономное использование ресурсов в школе и дома. 2.3. Оценивание возможности учиться у окружающих и на примерах из жизни общества.	9	Духовно-нравственные ценности семьи. Забота, доброжелательность, терпение, уравновешенность	Ресурс времени. Виды деятельности, распределение времени.	ПО	1	15.10. 2021	Aylä paahlıqları. Zaman terminleri: saat, dakika, sabaa, avşam, gün, gecä, hafta, ay, yıl... Saalık korumak için söz.
	10	Уважение, солидарность и обязательность в семье.	Людям свойственно ошибаться. Признание ошибок, преодоление состояния разочарования, просьба о помощи.		1	22.10. 2021	Ayledä karı/adam zaameti. Yalnızlıklar bizim yaşamamızda. Yalvarmak sözleri. Monolog temaya görä
	11	Признательность родителям. Позитивное общение в семье.	Ресурсы, которые необходимо экономить. Виды ограниченных ресурсов; способы экономии ресурсов. Выгода.		2	05.11. 2021 12.11. 2021	Ana*boba baalantıları. Sensellik terminleri. Ayledä baalantılar. Alış-veriş kolaylıkları. Endeki bütjet. Dialog kurmak. Dialoga katılmak.
	12	Обычай и традиции моей семьи.	Следование образцам. Члены местного сообщества, у которых стоит учиться.		1	19.11. 2021	Gagauz adetleri. Aylä adetleri. Örnek. İnsanın yaşaması. Ayledä kurallar. Dolay yaşamaktan musaafir.
	13	Поддержка членов своей семьи	Источники обучения.		1	26.11. 2021	Ürenmăk insanın yaşamasında. Neredän uşak kableder bilgi. Zamandaş kolaylıkları. Buluşmak büyük klaslardan ürenicilärân. Dialogu ilerletmăk.
	14	Повторение.	Итоговый урок. Проект «Экономия в жизни»	СО (РЛ)	2	03.12. 2021 10.12. 2021	Tekrar. Sözleşmăk gagauz dilindä. Serbestlik dillerin kullanmasında. Tolmaç.

Bu plana görä kurêrız uroon örüyüşünü. Alalım örnek için bir tema «Обычай и традиции моей семьи. Следование образцам. Члены местного сообщества, у которых стоит учиться.» Bu temaya var yardım planda: «Gagauz adetleri. Aylä adetleri. Örnek. İnsanın yaşaması. Ayledä kurallar.

Dolay yaşamaktan musaafir.» Bu lafların yardımınnan taa kolay olacak düzmää uroon planını. Urokta var nicä etap-etap geçmää gagauz dilinä, yada karışık iki dildä götürmää uroo. Var nasıl kullanmaa dialog kurmasını, uşaklar arada lafetsinnär biri rus dilindä, öbürü dä-gagauz dilindä. Var

kolay bir oyun düzmää, ki musaafirleri lääzım karşılamaa. Musaafirlär sä başka-başka dillerdä lafederlär. Buna görä ev saabileri da lääzım onnarı karşılasın iki dildä. Açan situațiya alınmış yaşamaktan, uşaklara taa kolay annamaa hem tutmaa aklında eni lafları. Yada başka örnek: personajlara masaldan, annatmadan karakteristika yapmaa ilkin rus dilindä, sora çevirmää gagauz dilinä. Çok türlü kolaylıkları var nicä kullanmaa urokta, ki uşakları meraklandırmaa, hiç annamasınnar, nicä geçerlär lafetmää bir dildän öbürünä. Ama sözleşmək diil lääzım bitsin çanı uroktan işittiynän.

Hep okadar üüredicilerin hem anaların-bobaların üstündä durêr ük – uşaklarlan lafetmää okadar dildä, nekadar bilerlär kendileri. Hem lafetmää taa küçüktän!

Библиография:

1. Сафонова В. В., Марченко Н. И. Билингвальные образовательные программы как инструмент обновления содержания языкового школьного образования // Иностранные языки в школе. 2010. - № 2. - С. 2-14.
2. Хайдаров Я. Р. Романские языки как материал для разработки методики одновременного преподавания нескольких языков // Романские языки в прошлом и настоящем: Сборник статей к 80-летию профессора Т. А. Репиной / под ред. Т. И. Зелениной, С.-Петерб. гос. ун-т; Удм. гос. ун-т. СПб.: 2007. - С. 327-339.
3. <https://newsmaker.md/rus/novosti/segodnyashnyuyu-shkolu-nado-izmenit-glava-upravleniya-obrazovaniya-gagauzii-omnogoyazychnom-obuchenii-i-tekhnologiyakh-intervyu-nm/>
4. <https://guogagauzii.md/press-tsentr/novosti/item/506-onlajn-seminar-multilingvalnoe-obrazovanie-opredelenie-preimushchestva-i-slozhnosti-modeli>

CZU 297

HACI BEKTAŞ VELİ VE MEHMET ÂKİF ERSOY'UN EDEP ANLAYIŞI ÜZERİNE DEĞERLENDİRMELER

Öner Haluk,

Doç. Dr. /Türk Dili ve Edebiyatı Bartın
Üniversitesi/Türkiye
e-mail: honer@bartin.edu.tr
orcid id: 0000-0002-5979-180X

Turan Tilbe Berrin,

Dr./Bağımsız araştırmacı
e-mail: berrinturan-@hotmail.com
orcid id: 0000-0001-7994-8395

Abstract One of the constructive elements of Turkish-Islamic civilization, which has been shaped on the axis of geography, climate, and culture since the 11th century, is morality; and one of the essential elements by which morality is transformed into practice (behavior) is common decency. Decency is a primary fact and practice in every teaching from Sufism to Bektashism; It has always been considered as an important element of poetry in every stage of the art of poetry. Decency, which is one of the constructive elements of daily life and human relations, has expanded the content of meaning in almost all teachings and art. Although it essentially points to morality, it has been a determining factor pointing to the whole of social life. Considering how the phenomenon of decency was handled in the formation and dissolution phases of civilization would also mean revealing how the understanding of morality changed or did not change in practice.

This article will focus on the understanding of the decency of Hacı Bektaş Veli and Mehmet Akif Ersoy. After valuating the understanding of decency of both poet and thinkers separately, the similarities in the emergence of the understandings and the differences in the way they are expressed will be emphasized. This evaluation will also focus on how much the meanings of common decency, which is one of the concrete indicators of morality, have changed or have not changed after comparisons.

Keywords: Hacı Bektashi Veli, Mehmet Akif Ersoy, decency, perfect human being, übermensch

Giriş Edebiyatın ve tasavvuf düşüncesinin çikış noktalarından edep, süreç içerisinde anlamını genişletmiş, toplumun çatı değerlerinden biri olarak kabul görmüştür. Anlamını genişletmesinin etkisiyle etimolojisi ve içerdiği anlamlarla ilgili farklı görüşler ortaya çıkmıştır. Arapça bir kelime olan “edb” kelimesi “ziyafete davet etmek” yanı sıra, “terbiye, güzel ahlak, iyi davranış, incelik, kibarlık” biçiminde tanımlanır[URL-1]. Dini öğretilerin terim ve pratik olarak ortaya çıkardığı bir kelimedir. ‘Erdem, fazilet, ahlâk’ layakın anlamlı (süreç içerisinde bu terimlerin yerine de kullanılmıştır) kullanılan edep, zamanla gündelik yaşamın bütün pratiklerinin; birlikte yaşama kültürünün ve toplumsal vicdanın belirleyici, düzenleyici, yapıcı unsurlarından olmuştur. Yanı sıra insani değerlerden biri kabul edildiği için sözlüklerde “toplum töresine uygun davranma” biçiminde de tanımlanmıştır. Vicdan, utanma, adalet, gibi insanın kendini ve başkalarını yargıladığı, kontrol/otokontrol mekanizmasını harekete geçirdiği duygularının da itici güçlerinden biri olmuştur.

Edep, özü itibarıyla ahlâkî işaret etmiş, çoğu zaman ahlâkın yerine kullanılmıştır. Klasik İslâm kültür kaynaklarında “söz veya hareket olarak takdire değer kabul edilen davranış tarzlarını uygulamak”, “nefsin eğitimi ve huy güzellikleri” olarak tarif edilir. “Dilin ve nefsin edeplendirilmesi”de edebî ritüellerin, insan ilişkilerinin, adaletin olgunlaşması sürecinde önemli bir merhale olduğuna işaret eder. İnsanın dilini edeplendirmeden, yani edebiyat ve dil bilimlerinde eğitilmeden önce nefsini edeplendirmesi, ahlâkını güzelleştirmesi; nefsini edeplendirmesi için de iffet, ilim, sabır, vakar, merhamet gibi erdemlere sahip olması gerekir[12, s. 5]. Dolayısıyla edep, vakar, güzel ahlâk, ilim sahibi ve nefsin terbiye etmiş kâmil insanın öncelikle sahip olması gereken vasıflarından biridir. Bu vasıflar ve edep, Anadolu’da İslâm kültürünün yerleşmesinde, devamlılığında da etkili dinamiklerden biri olmuştur. Bu bakımdan coğrafya, kültür bütünleşmesinin de harçlarından biri olarak kabul edilebilir. Edep, Anadolu’nun yeni bir kültürle yoğrulmaya başladığı 11. yüzyıldan bugüne uzanan süreçte bütün değişim merhalelerinde anlamını, etki alanını genişletmiştir. Ahlâk, vicdan, ritüel ve adaletle ilişkili bir pratik ve söylem unsuru olarak edebî dini ve kültürel değerlerin yerleşik hale gelmesindeki etkisini göstermek adına Hacı Bektaş Veli ve Mehmet Âkif Ersoy’un edep anlayışını ortaya koymak anlamlıdır. Çünkü her iki şair de edebî, ilişkili olduğu bütün değerleri hesaba katarak, toplumsal ahlâkın yapıcı unsuru biçiminde ele almış ve söyleme biçimlerinin birer parçasına dönüştürmüşlerdir.

Hacı Bektaş Veli ve Edep

Hacı Bektaş Veli’nin yaşadığı dönem ve çevre iyi bilinmemektedir, kaynaklarda doğumu ve ölümü hakkında da farklı bilgiler mevcuttur[10, s.63]. Hemen bütün kaynaklardaki ortak bilgi; Hacı Bektaş Veli’nin 13.yüzyılın ilk yarısında Moğol istilası nedeniyle Horasan’dan Anadolu’ya gelen vesonradan “Horasan Erenleri” diye adlandırılacak ‘Türkmen Babaları/Dedeleri’ nin öncülerinden biri olduğudur. Hacı Bektaş Veli’nin Anadolu’ya yerleştiği dönemlerde Türkmen topluluklarındaki insan tipi dikkat çeker. Bunlar Gazi ve Veli tipleridir. Gazi tipi ülkeleri fethedenler, Veli tipi ise manevî gücü ile fethedilen ülkelerde yerleşik toplum meydana getirmeyi sağlayanlardır [11, s. 6-7]. Hacı Bektaş da “veli” unvanına uygun olarak Horasan’dan Anadolu’ya gelmiş, yerleştiği Sulucakarahöyük’te bir tekke kurarak toplumu eğitime ve aydınlatma faaliyetlerinde bulunmuştur[2, s. 207]. Hacı Bektaş Veli’nin tekke faaliyetlerini yürüttüğü dönemin siyasi ve kültürel açıdan kuruluş merhalesinde olması anlamlıdır. Onun Anadolu’ya geldiği dönemde bir taraftan Selçuklularda taht kavgaları yaşanmaktadır diğer taraftan Moğol istilası altında olan Anadolu, siyasi ve ekonomik bir buhran içerisinde. Böyle bir ortamda Nevşehir’e gelerek, buradaki Hristiyanlık merkezine karşı Türk birliği ve beraberliğini sağlamak, Anadolu’yu Türkleştirmek ve İslamlaştırmak için çaba sarf etmiştir[aktaran: 14, s. 30-31].

Hacı Bektaş Veli’ye ait olduğu düşünülen eserler hakkındaki bilgiler artarak güncellenmiştir. Fuad Köprülü, Hacı Bektaş Veli’nin *Fatiha Tefsiri*, *Makâlât* ve Farsça bir eserinin olduğunu belirtmiştir. Fuad Köprülü’den sonra eser bilgileri güncellenmiştir ve bahsedilenlerin dışında *Besmele Şerhi*, *Fevâid*, *Makâlât-ı Gaybiyye* ve *Kelimât-ı Ayniyye*’ninde ona ait olduğu iddia edilmiştir[10, s. 251]. *Makâlât*, bu eserler arasında Hacı Bektaş Veli’nin anlayışını yansıtan kapsayıcı eser olarak gösterilir. Hacı Bektaş Veli, eserinde Allah’a ulaşmanın yollarını anlatır. “Dört kapı, kırk makam” latasınf edilen bu yollar için “insan eğitim sistemi” de denilebilir. Ona göre, bu sistem ile en iyi şekilde yetişen insanlar hem dünyada hem de ahirette mutlu olurlar[10, s. 142]. Dört kapı kırk

makama uygun hareket edebilen insan, sonunda insan-ı kâmil olarak yaratısıyla bütünleşir. Hacı Bektaş Veli'nin “dört kapı kırk makam” sistemi; dini tasavvufi kodlardan müteşekkil, özünde ahlâkın yer aldığı bir kurallar bütünüdür. Bu bütünün katmanlı, sıralı [silsileli] yapısını oluşturan asli unsur da merhalelerdir. Edep bu sistematik içerisinde ‘Ma’rifet’ kapısının ilk makamıdır. Allahu Ta’âlâ’ya ulaşmanın yolu olan Ma’rifet makamına erişmek için saygı ve edep gerekir [10, s. 164]. Bununla birlikte *Makâlât*’taki edep vurgusu diğer kapı ve makamlarda da sıkça görülür. Sık vurgulanması, edebî eserlerdeki sistematikğin temel dinamiklerinden biri olduğu anlamına gelir. Edep, erişilebilecek kapı ve makamların hemen hepsi için gereklidir. Mesela Ma’rifet kapısının beşinci makamı olan ‘Hayâ’da çoğunlukla edep dâhilinde düşünülür:

“Makam-ı evvel der beyan-ı Edeb

Pes evvel bu durur söze girişde/Edep saklaya kişi her bir işde/Mü’eddeb kişiler gey hoş olurlar/Edepsüzma’riffatdan boş olurlar/**Makâm-ı hâmis der beyân-ı Hayâ**/Bîşinci kavla çûn kim kıldukâğâz/Gülistân bülbülisin kıl ser-âğâz/Bu kavlu nmenba’ı od u hayâ’dur/Utanmak kavlı yohsul’abay’adur” [10, s. 391].

Hacı Bektaş Veli’den sonra Bektaşilik öğretisinde edep, “eline, diline, beline sahip olmak” düsturu ile şekillenmiştir. Burada “eline sahip olmak”; başkasının olana göz dikmemek, hırsızlık yapmamak anlamlarını taşır. “Diline sahip olmak” konuştuklarının arkasında; kötü sözden ve dedikodudan uzak durmak, “beline sahip olmak” da başkasının namusuna zarar vermemektir. ‘Sahip olma’yı başka insan yahut nesnelerle ilişkilendirmekten uzaklaştıran, insanın kendini gerçekleştirme sürecinin bir parçası olarak yeniden tanımlayan bu anlayış; ahlâki yönüyle tasavvufun da başlı başına edep olduğuna dair görüşleri beslemektedir. Tasavvufta da her vaktin, her halin, her makamın bir edebî vardır. Bektaşilikte hemen her dergâhta görünür bir yerde duran “Edeb Ya Hu” levhasını bu anlayışla ilişkilendirmek mümkündür [13, s. 211]. Eğri, Bektaşilikte hayâ duygusunun zorunlu kıldığı davranışların “edeb” kelimesi ile formüle edildiğini belirtir. “Edeb” kelimesinin Arapça yazılışındaki harfler açıldığında: Elif [eline sahip olmak], dal [diline sahip olmak], be [beline sahip olmak]. formülasyonu ortaya çıkar. Bu formülasyon, Hazret-i Peygamber’in “Müslüman elinden ve dilinden Müslümanların selamette olduğu kimse” olduğuna dair hadisi ile paralellik göstermektedir [6, s. 520]. Hacı Bektaş Veli de “*Makâlât-ı Gaybiyye ve Kelimât-ı Ayniyye*” adlı eserindeki vasiyetinde iyilerden [insan-ı kâmillerden] olma, onların yolunu takip etme ve genel ahlâk hususlarını ön plana çıkarır:

“Ey oğlum!

Size vasiyetim akıldır, edeptir ve takvâdır. Tüm durumlarda geçmişlerin eserlerini izle. Sünnet ve cemaat ehli ol! Fıkıh ve hadis öğren! Cahil sûfilerden sakın! İmam ve müezzîn olmamak şartıyla namazı cemaatle kıl! Hiç bir zaman şöhret arama ki, şöhret afettir. Soya sopa rağbet etme! Daima ismin az söylensin. İlk önlere kendi adını yazma!.. Herkese şefkat gözüyle bakmalısın. Hiç kimseyi küçümseme! Dış görünüşünü süsleme! Çünkü dışı süslemek içi harap eder. Halkla mücadele etme! Kimseden kimsenin sırrını isteme! Kimseye hizmet buyurma Dünya ile onun izzeti ve devleti ile gururlanma! Çünkü senin gönlün her zaman hüznü, vücudun hasta, gözün ağlar, arnelin halis, duân inilti, elbisen eski, arkadaşın derviş, sermayen başarı, evin mescit ve yoldaşın yüce Allah olmalıdır. Nitekim “her kim yalnızlıkla yoldaş olursa, Allah ona yoldaş olur” [6, s. 523].

Hacı Bektaş Veli’nin düzenleyici, yapıcı düşüncelerinin İslam temelli kültür anlayışında birleştirici ve taşıyıcı vasfı da vardır. Bu nedenledir ki edep olgusu bu vasfını koruyarak sonraki yüzyıllarda farklı söyleme biçimleri ve anlayışlarla dile getirilmiştir. Hacı Bektaş Veli’nin kültürel değerlerin yerleşmeye başladığı dönemlerde dile getirdikleri, yüzyıllar sonra savaşın içinde ve değişimin eşliğindeki süreçte Mehmet Âkif Ersoy’un da gündeminde olmuştur.

Mehmet Âkif Ersoy ve Edep

Hacı Bektaş Veli’nin makam ve kapılar sistematikğinde önemli yeri olan edebî Mehmet Âkif Ersoy’un, edep anlayışının temel kaynağı olduğunu söylemek güçtür. Mehmet Âkif Ersoy ve Hacı Bektaş Veli’nin edebî, benzer üslupta anlattığı da söylenemez. Mühim olan her ikisinin de edebî; birlikte yaşama kültürünün, ideal toplumu oluşturma harçlarından biri olarak görmeleridir.

Mehmet Âkif Ersoy, kuvvetli bir din ve edebiyat kültürü ile yetişmiştir. 1900’lü yıllara kadar dini ve ferdi konuları işleyen manzumeler yazar. 1901-1908 yılları arasında şiir yayınlamaz. Bu

dönem için arayış dönemi denilebilir. 1908'den itibaren *Sırat-ı Müstakim*'de yaşadığı toplumun sorunlarını kuvvetli bir realist duruşla dile getiren şiirler kaleme alır. Toplum realitesini yansıtırken hikâyenin, konuşmanın sunduğu doğallık ve içtenlik imkânlarından yararlanarak yakaladığı şiirsel tonla da özgünleşir. Bu tonun belirginleşmesinde yazdığı ve yaşadığı krizli dönemin etkili olduğu söylenebilir. Bu kriz, savaş ve kültürel değişimle beliren insan ve toplum krizidir. Mehmet Âkif Ersoy, İslâm'ın bütün değerlerini referans alır ve bu referans, bazen kendisini aksiyonun içinde bulmasına yol açar. İslâm'ın özüne ters düşmemek kaydıyla diğer fikir ve görüşlerle uzlaşmacı bir tavır içinde olur. Bu tavrı onun eleştirel bir üslup inşa etmesine engel değildir. Aksine şiirsel/şiirle eleştiri onun söyleme biçiminin temel unsurlarındandır. Onun eleştirel tavrının temelinde toplum ve yozlaşma vardır. "Âkif, en genel anlamda Müslümanların, içinde bulunduğu vahim tabloyu gördüğü bazı eksiklik ve yanlışlıklara bağlar" [4, s. 108]. Âkif'e göre bu eksiklik ve yanlışlıkların temelinde körü körüne Batı hayranlığı ve İslâm'ı anlamaktan uzak sözde Müslümanlar yer alır. Bu nedenle Mehmet Âkif "dini, ilerleme bakımından incelemek için, İslâm'ın doğuşuna yakın yıllara gitmeyi uygun görür" [9, s. 406]. Yapılması gereken İslâm'ın kuruluş dönemlerindeki gerçek esasların mevcut toplumsal bilince yerleştirilebilmesidir. Bu bilincin asli unsurlarından biri olan edebi, büyük ölçüde kaybolan bir değer olarak anlatır. Eserlerinde dikkat çektiği konulardan biri olanyozlaşma da bu değer kaybıyla doğrudan ilişkilidir. Yozlaşmayı vurgularken sıklıkla kullandığı kavramlardan biriedeptir. 'Süleymaniye Kürsüsünde' şiirinde edebî içeriği boşaltılan bir kelimeye dönüştüğünü vurgular. Bu vurgular, şairin edebî hususundaki genel tavrını da ortaya koyar. Edebî; aşınan, yozlaşan değerlerin görünür hali olarak edepsizlik bağlamında değerlendirir. Ona göre edebî kaybı bir 'hezeyan'dır.

"Bu, semâlarda yüzen, şahikanın pâketegi, /Karşıdan seyredecektir o taşan mezbeleyi. /Yerin altında sinen zelzeleler fişkırınsın; /Yerin üstünde ne bulduysa devirsin, kırsın; /Hakkı son sadme-i kahriyle bitirsin isyan; /Edebî şimdiki ma'nâsına densin "hezeyan"; /Kalmasın, hâsılı, alt üst olarak hissiyât, /Ne yüreklerde şehâmet, ne şehâmettehayât; /Yine kürsî-i mehîbinde Süleymâniyye, /Kalacak doğruluğun yerdeki tek yurdu diye." [7, s. 162-163].

'Vaiz Kürsü' de şiirinde de çağ eleştirisi yaparken edepsizliği ön plana çıkarır:

"İşitmiyor mu, nedir, bir bakın şu bî-edebe :/Lisân-ı pâk-i Nebî'den yalanlar uyduruyor; /Sıkılmadan da "Sevâb işledim" deyip duruyor! /Düşünmedin mi girerken Şerîat'ın kanına? /Cinâyetin kalacak zanneder misin yanına? /Sevâbümid ediyor ha! Deyin ki nâmerde; /"Sevâbı sen göreceksin huzûr-i mahşerde! /Tepende gezdirecek ra'd-ı intikâmını Hak, /Ki yıldırımları beyninde kaynayıp duracak [7, s. 259-260]."

Toplumsal hassasiyetleri, Mehmet Âkif'in şiir karakterinin de belirleyicisidir. Bununla birlikte şiir sanatının kendisi üzerine de düşünen şair için edebiyatın da kurucu unsurlarından biri edeptir. 8 Mart 1912 tarihli *Sebiürreşad*'da yayınlanan "Edebîyat" başlıklı yazısında "edepsizlik başlayınca edebiyat biter" diyen [5, s. 183] şair, 'Âsım'da edebiyat dünyasındaki edepsizlikleri de dile getirir:

"Ne erâzil adam olmuş, oku târîhi de bak! /Edebîyyâta edepsizliği onlar soktu; /Yoksa, din perdesi altında bu isyan yoktu; /Sürdüler Türk'e "Tasavvuf" diye olgun şırayı; /Muttasıl şimdi "hakikat" kusuyor Sıdkı Dayı!" [7, s. 349].

Bu mısralarda Mehmet Âkif'in eleştirdiği, tasavvuf edebiyatının bâtını bir yola sürülmesi, edepten uzaklaştırılmasıdır. Şair kimi zaman edepsizliği bütün bir yozlaşmanın ve yozlaşma eleştirilerinin temsili olarak değerlendirir ve kelimenin anlamını genişletir:

"Senin etrâfını alsın ki yığınlarca sefil, /Kimi idmanlı edepsiz, kimi ta'limlirezîl. /Kiminin fitratı âzâde hayâ kaydından; /Kiminin iffeti ikbâline etten kalkan" [7, s. 405]. /... "Muhtekir kâfilesiymiş, ne edeb var, ne hayâ. /Aç, sefil inleyerek can veredursun dünyâ, /Yine siz dinlemeyin, anlamayın mâtemini, /Sürün artık serilen yurdunuzun son demini!" [7, s. 422].

Toplumun sıkıntılarına çare üreten, ıstıraba dönüşen sıkıntıları dindirmeyi dert edinen bir aydın niteliğine sahip Mehmet Âkif bütün şiirlerini, millete karşı duyduğu "sorumluluk hissi"yle ve sermayesi diyebileceğimiz "samimiyet"iyle yazar. O, sanatçının 'milletine' hizmet etmekle sorumlu olduğuna inanır. Bu nedenle asıl "gayesi", milleti içinde bulunduğu sıkıntılardan kurtaracak yeni bir insan tipi yaratmaktır. Âkif'in yeni insana ihtiyaç duymasının nedeni çağın insanından duyduğu memnuniyetsizliktir. Zaman zaman devrinin sıkıntılı atmosferinden bunalan Mehmet Âkif, Allah'ın Müslümanlar hakkındaki müjdeleyici vaatlerini hatırlayarak kurtarıcı bir ideal neslin hayalini kurar.

Âsım, her yönüyle iyi yetişmiş, aklını, vicdanını, cesaretini ve gücünü iyi kullanan “ideal” insan olarak toplumunun, vatanının bekçisi, koruyucusu, kurtarıcısı ve ihya edicisidir:

“Hâle baktıkça adam kahroluyor elde değil;/Bizi kim kurtaracak, var mı ki bir başka nesil?/—Asım’ın nesli, Hocam”[8, s.:700-701].

Mehmet Âkif, yenilenen müesseseleşme pratiğini farklı ahlâkî değerler üzerinden değerlendirmiş, kaybolanları edepsizlik odağında eleştirerek dile getirmiştir. Bu eleştirel tavır, Âkif’in ideal bir toplum ve insan arzusunu dile getirme yollarından biridir. Bu arzusunun idealize karakteri olan Âsım, edebin öneminin farkındadır. Doğrusu edepsizliğin önüne geçmek için harekete de geçer. Âsım’ın ineleştirmesi, sorgulaması, ahlâksızca bulduğu her davranışın üzerine gitmeyi kendine bir görev bilmesi, Mehmet Âkif’in toplum için arzuladığı yeniden kurucu asli unsur olarak ahlâkın anlamını da pekiştirir. Mesela Âsım, kötü olduğuna inandığı için başına gelebilecek tehlikeleri düşünmeksizin bir meyhaneyi basar. Kumarbazları tehdit eder, nara atıyor diye sarhoşları kovalar, karısına eza eden bir adamı döver. Bu davranışlarıyla mahallelinin adını “Kel Kâhya”ya çıkardığını ve davranışlarının çok uçta olduğunu hatırlatan babasına verdiği tepkiler, bir yönüyle Mehmet Âkif’in *Safahat*’ta satır aralarında yazdığı ahlâk risalesinin bir parçası gibidir[1, s. 744].

Sonuç Anadolu’da 11. yüzyıldan itibaren yerleşmeye başlayan medeniyetin fiziki, ekonomik, siyasi, toplumsal ve kültürel temelleri ‘ahlak, fazilet, adalet, vicdan’ gibi pratiği olan kavramlarla atılmıştır. Edep de bu kavramlardan biridir ve İslam’ın bir kültür olarak gündelik olana yerleşmesinde etkili olmuştur. Bu nedenle edep anlayışındaki menfi değişim, kültürel erozyonun, yozlaşmanın nedenleri arasında gösterilmiştir. Hacı Bektaş Veli ve Mehmet Âkif Ersoy, ahlâk temelli toplum anlayışını ortaya koyarken edep olgusundan sık bahsetmiştir. Bununla birlikte Mehmet Âkif Ersoy’un edep anlayışının Hacı Bektaş Veli’den geldiği söylenemez. Her ikisinde de edep insanda mutlaka olması gereken, insanı insan yapan temel vasıflardan biridir. Hacı Bektaş Veli’de edep sahibi olmak marifet kapısının ilk makamıdır. Mehmet Âkif Ersoy için ise edep, daha doğru bir ifadeyle edepsizlik toplumsal çürümenin sebeplerinden biridir. Dolayısıyla Hacı Bektaş Veli edebi, yapıcı; Mehmet Âkif Ersoy edepsizliği yozlaştırıcı bir unsur olarak değerlendirmiştir.

Hacı Bektaş Veli’de medeniyetin inşa sürecinin kurucu unsurlarından biri olarak yer alan edep, Mehmet Âkif Ersoy’un şiirinde kaybolan bir değer olarak yozlaşmayı getirmiştir. Dolayısıyla Hacı Bektaş Veli’de varlığıyla Mehmet Âkif’te yokluğuyla bir anlam ifade eder.

Kaynakça:

1. Akpınar, Soner [2009], “Safahat’a Ahlaki Öğeler”, Uluslararası Mehmet Âkif Ersoy Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Burdur, s.737-745.
2. Aktaş, Çiğdem. [2000], “Toplumsal Açından Erenlerin Ser Çeşmesi: Hacı Bektaş Veli”, Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi, Sayı:14, s.199-231.
3. Arslan, Hulusi [2011], “Hacı Bektaş Veli’de İman-Ahlâk İlişkisi”. I. Uluslararası Hacı Bektaş Veli Sempozyumu 07-09 Mayıs 2010, Çorum, cilt: I, s. 63-80
4. Balık Macit [2010], “Mehmet Âkif Ersoy’da İttihad Fikri” Bilim ve Aklın Aydınlığında Eğitim Dergisi S. 121, Mart 2010, s. 107-113.
5. Düzdağ, Ertuğrul[1998], Mehmet Âkif Ersoy, Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları.
6. Eğri, Osman [2010], “Bektaşilikte Ahlak Eğitimi”, Anadolu’da Aleviliğin Dünü ve Bugünü, Editör: Bulut, İbrahim, Sakarya: Sakarya Üniversitesi Yayınları, I. Baskı, s.511-540.
7. Ersoy, Mehmet Âkif[2009], Safahat, Ankara: Hece Yayınları.
8. Gülendamlar, Ramazan [2009], “Mehmet Âkif’in İdeal İnsan Tipi”, Uluslararası Mehmet Âkif Ersoy Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Burdur, s.687-692.
9. Gür, Alim [2012] “II. Meşrutiyet Döneminde İslamcılık ve Bu Düşüncenin Edebiyata Yansıması”, II. Meşrutiyet Dönemi Türk Edebiyatı, Ankara: Akçağ Yayınları.
10. Güzel, Abdurrahman [2011], Hacı Bektaş Veli El Kitabı, Ankara: Akçağ Yayınları.
11. Kaplan, Mehmet [2001], Türk Edebiyatı Üzerine Araştırmalar 3 Tip Tahlilleri, Ankara: Dergâh Yayınları.
12. Kaplan, Ramazan [2015], “Takdim”, Geçmişten Geleceğe Ahlak, Editör: Doç. Dr. Asife Ünal Bartın: Bartın Üniversitesi Yayınları, s.5-6.

13. Özkırımlı, Atilla [1993], Toplumsal Bir Başkaldırının İdeolojisi Alevilik- Bektaşilik, İstanbul: Cem Yayınevi.
14. Tansü, Yunus Emre; Çerkezoğlu, Sema [2021], “Horasan’dan Anadolu’ya Doğan Bir Güneş: Hacı Bektaş-î Velî”, Hacı Bektaş-î Velî Anısına Türkiye ve Türk Dünyası Araştırmaları-VIII. Ankara: İksad Yayınevi, s.17-57.
URL-1. [<https://islamansiklopedisi.org.tr/edep#1>. Erişim Tarihi: 2021.11.09].

CZU 910(478) «16»

BİR SEYYAHIN GÖZÜNDEN 17. YÜZYILDA BENDER KALESİ

Şahin Kürşat Şamil

Doç, Dr. / Türk Dili ve Edebiyatı Bartın Üniversitesi/Türkiye

e-mail: kursatsamilsahin@gmail.com

orcid id: 0000-0002-0141-5748

Abstract. In this study, the impressions of the famous traveler Evliya Çelebi about the Bender Castle is presented. One of the places Evliya Celebi visited is the territory of Moldova/Bogdan. He visited this region between 1658 and 1661 and described it in the 5th and 7th volumes of his work. The traveler, who provided detailed information about Moldova, also devoted 5-6 pages in his work to Bender, which is an edge castle. In this paper, the general image of Bender in the middle of the 17th century, including history, place and people, is described and based on what the traveler told.

Keywords: Evliya Celebi, Moldova, Bogdan, Bender Castle, Travel Book.

Giriş Türk edebiyatında seyahatname denildiği zaman akla ilk gelen isim olan Evliya Çelebi, 17. Yüzyılda 40 yıl kadar, Osmanlının hüküm sürdüğü toprakları dolaşmış ve gözlemlerini on ciltlik *Seyahatname* adlı eserinde toplamıştır.

Türk gezgini Evliya Çelebi'nin hayatına ait bilgilerimizin büyük bir bölümü *Seyahatname* adlı meşhur eserine dayanmaktadır. Eserinde yer alan bilgilere göre Çelebi, 1611'de İstanbul'da doğmuştur. İlköğrenimini İstanbul'da alan Çelebi, zamanla yeni yerler görme ve seyahat merakıyla önce doğduğu yer olan İstanbul'u gezip notlar almaya başlamıştır. İstanbul'a dair bilgileri topladıktan sonra 1630'tan itibaren bazı paşaların yanında seferlere ve yolculuklara katılmıştır. 1681'e kadar Anadolu başta olmak üzere, İran, Irak, Suriye, Filistin, Azerbaycan, Kırım, Gürcistan, Arabistan, Balkanlar, Hollanda, Almanya, Macaristan, Girit, Arnavutluk, Romanya, Moldova gibi birçok bölgeyi gezip buraların tarihi, kültürü, coğrafyası vb. Hakkında bilgiler vermiştir. On yıl Mısır'da kalan Çelebi'nin bu eseri, Mısır'ı anlattığı 10. Ciltte yarım bir şekilde bitmektedir. Çelebi, eserini hayatının son yıllarını geçirdiği Mısır'da kaleme almıştır. Eser 1742'de Mısır'dan İstanbul'a gönderilmiş ve Hacı Beşir Ağa tarafından çoğalttırılmıştır. Evliya Çelebi'nin nerede ve ne zaman öldüğü ise bilinmemektedir. Hiç evlenmediği anlaşılan Evliya Çelebi'nin çevik ve hareketli bir insan olduğu, ata iyi bindiği, cirit oynamayı sevdiği, nüktedan bir kişiliğe sahip olduğu bilinmektedir. Ailesinin varlıklı olması onun Seyahat etmek için gerekli kaynağı sağlamasına imkân tanımıştır. Ayrıca devlet kademesinde, vergi toplamak, köyleri tahrir etmek gibi bazı görevler üstlenip diyar diyar dolaşmıştır [5, s. 16-17].

Evliya Çelebi'nin gezdiği yerlerden biri de Boğdan diyarıdır. 1658-1661 yılları arasında bu bölgeyi gezmiş ve eserinin 5. Ve 7. Ciltlerinde anlatmıştır. Boğdan'a dair ayrıntılı bilgiler sunan Seyyah, bir uç kalesi olan Bender'e de eserinde 5-6 sayfa ayırmıştır. Bu bildiride seyyahın anlattıklarından hareketle Bender'in 17. Yüzyılın ortalarındaki görüntüsü tasvir edilecektir.

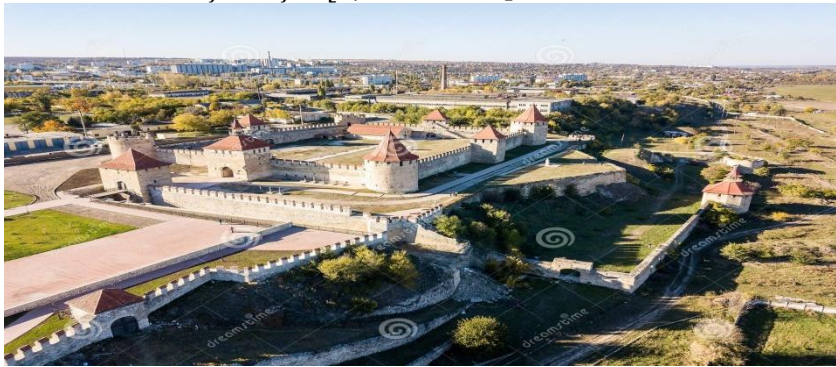
Moldova/Boğdan

Osmanlı döneminde Romanya'nın Moldova bölgesi “Boğdan” diye isimlendirilmiştir. Bu adlandırma, XIV. Yüzyılın ortalarında Macar Krallığı'na karşı ayaklanarak bölgedeki ilk müstakil devleti kuran voyvoda Boğdan'a dayanmaktadır. Osmanlı Türkleri ile Moldovanlar arasındaki ilk

ilişkiler XV. Yüzyılda başlamıştır. Çelebi Mehmed zamanında [1413-1421] Türkler, Eflak'ı vergiye bağladıktan sonra Boğdan topraklarına girmişlerdir. Voyvoda Petru Aron 1455 yılından itibaren Osmanlılara yıllık 2 bin altın vermeyi kabul etmiştir. Boğdan voyvodalarının en büyüğü olan Stefan çel Mare, Türklerle vergi vermekten vaz geçmiş ve Rumeli Beylerbeyi Hadım Süleyman Paşa komutasındaki Osmanlı kuvvetlerini de mağlup etmiştir. Bu başarısından dolayı Voyvoda Stefan'a Papa tarafından "İsa'nın pehlivanı" unvanı verilmiştir. Daha sonra Fatih Sultan Mehmed Boğdan seferine çıkmış, Akdere bölgesinde Boğdan birliklerini hezimete uğratmış ve beyliğin merkezi olan Suceava'ya girmiştir. Fakat kaleyi ele geçirememiştir. Boğdan birliklerinin her tarafı yakıp yıkarak geri çekilmeleri, Osmanlı ordusunun kıtlık çekmesi, yeniçeriler arasında veba çıkması ve Macar kralının saldırı hazırlığına başlaması nedeniyle Osmanlı ordusu geri çekilmek zorunda kalmıştır. 1484'te Kili ve Akkirman'ın alınmasıyla Boğdan birliği kırılmış ve bölge II. Bayezid zamanında kesin olarak Osmanlılara bağlanmıştır. Osmanlı saldırılarına karşı, komşularından yardım talebinde bulunan Stefan çel Mare, yardım etmeyen Macar kralı Matyas Corvin'i ve Lehistan kralı Jan Albrecht'i yenerek âdeta onları cezalandırmıştır. Stefan çel Mare son yıllarında Osmanlı baskılarına boyun eğip yıllık 4000 altına çıkartılan vergiyi ödemek zorunda kalmıştır. Ölümünden sonra yerine geçen oğlu Petru Rareş Türklerle baş kaldırmış, Osmanlıya bağlı Erdel beyliğini işgal etmiştir. Bunun üzerine Kanuni Sultan Süleyman 1538'de Boğdan seferine çıkmıştır. Bu sefer sonunda Suceava alınmış ve Kırım Hanı Sahip Giray tarafından da Yaş şehri yağmalanmıştır. Kanuni, Boğdan Voyvodalığına Rareş'in kardeşi Çekirge Stefan'ı geçirmiş, Bender şehri ile bütün Bucak'ı [Güney Besarabya] Osmanlı topraklarına dahil etmiştir. XVII. Yüzyılda Osmanlı Devleti çeşitli iç ve dış sorunlarla uğraşmak zorunda kaldığı için Boğdan'daki olaylarla çok fazla ilgilenememiştir [4, s. 269-271].

Bender Kalesi

Moldova'nın Turla [Dinyester] ırmağı kenarında bulunan Bender Kalesi Osmanlı'nın son sınır kalesidir. Bender'in kelime anlamı Farsça'da "ırmak kenarındaki liman", Arapça'da "Pazar yeri" ve "bir geçiti koruyan siper" demektir. 13. Asırda Bender'e Tatarlar hakim olmuştur. Daha sonra Alexandru çel Bun ve Stefan çel Mare Tatarları karşı kıyıya sürüp buraya küçük bir kale yapmıştır. 1538 yılında Kanuni Sultan Süleyman kaleyi ele geçirmiş ve yeniden inşa etmiştir. Serhad kalesi Bender, sürekli çekişmelere sahne olduğu için adı tarihte anılan önemli yerlerden olmuştur. Ruslar 1770'te iki aylık bir kuşatma neticesinde Bender'i almıştır. 1774 yılındaki Küçük Kaynarca Antlaşmasıyla tekrar Osmanlıya bağlanmış, ardından 1788-1789'da Ruslar tekrar ele geçirmiştir. 1792 yılındaki Yaş Antlaşması'yla Osmanlıya iade edilmiştir. 1812'deki Bükreş Antlaşmasıyla Bender Kalesi Osmanlı'nın elinden çıkmıştır [1, s. 431-432].

1. Bender Kalesi'nin günümüzden bir görüntüsü [https://www.dreamstime.com].

Seyahatnameye Göre Bender Kalesi

Evliya Çelebi eserinde önce Bender'in tarihine değinir. 1484 yılında Yıldırım Bayezid, Akkirman'ı [Belgorod-Dnestrovsky] fethettiğinde Gedik Ahmed Paşa bölgeye küçük bir kule yapar. Kanuni Sultan Süleyman zamanında Kazaklar bu kuleyi yıkarlar. Bunun üzerine Kanuni orada bir kale yapılmasını ister. Seyyah, kalenin ismini Kanuni'nin "*Ben derim, orada bir kale yapılsın*" sözündeki "ben derim" ifadesine dayandırmaktadır. Osmanlı mimarisinin özelliklerini taşıyan bu kale sağlam ve dayanıklı surlarıyla ön plana çıkar. Yazarın bu bölgeyi gezdiği 1660'lı yıllarda Özi sancağına bağlı olan kalenin padişah hassı 340 bin akçe, timar erbabı 312, zeamet erbabı ise 4'tür.

Tamamı ise cebelülerle birlikte 3 bin askerdir. Kale Bey'inin 500 askeri vardır. Kale'de çeribaşı, yüzbaşı, alaybeyi, ot ağaları, beşli ağalar ve ot kulları vardır. Kale dizdari ile 20 ağalık olan kalenin 3 bin azeb muhafızı, yerli ve gönüllü askerleri bulunur. Ayrıca yeniçeri ağası, kapıkulu çorbacıları, 1 oda topçu, 1 oda cebeci, subaşı, muhtesip ve gümrük emini vardır. Kale içerisinde toplam 12 bin müslüman asker görev yapmaktadır [3, s. 170-171].

Bender Kalesi'nin Fiziki Özellikleri

Seyyah, kaleyi Mimar Sinan'ın yaptığı bilgisini verir.¹² Dinyester [Turla] Nehri kenarında bulunan ve bir yanı alçak olan kalenin, güneyi yüksek kayalar üzerindedir. Dörtgen şekilli ağır ve sağlam taşlarla yapılmıştır. Surların genişliği 20 ayaktır. Çevresi ise 2500 adımdır. Kalenin kara tarafında derin bir hendeği bulunur. Dinyester'e bakan tarafında yüksek bir hisar vardır. İki kapısı olan kalenin güney tarafına açılan demir kapısının önünde hendek üzerinde asma bir köprü vardır. Akşam olduğunda veya bir saldırı anında bu köprü zincirli dolap sistemiyle kaldırılıp kale kapısına siper edilir [3, s. 170].

Kalenin çevresinde iki kat duvar vardır. İlk kapıdan girildiğinde tekrar büyük bir demir kapı sizi karşılar. Bu kapının üstünde dört köşeli bir mermere yazılmış tarih vardır. Kitabe yüksekte olduğu için Evliya Çelebi bunu okuyamadığını söyler.¹³

2. Bender Kalesi'nin h.935-m.1528 tarihli kitabesi [TDİVİ. C.5, s. 431]

Bu kitabenin sağ tarafında yine beyaz mermer üzerinde “Ah canım Rukiyye Hanım, âşıkı Macar Mustafa” cümlesi yazılıdır. Bu yazının üst kısmında oyulan bir taşın içerisine güzel bir İznik çinisi çanak yerleştirilmiştir. Kapının üzerindeki kemerde demir bir kafes bulunur. Savaş sırasında bu kafesi kapı önüne siper ederler. Kalenin bu bölümünde tahta örtülü 100 ev vardır. Bu bölümün üst kısmında 12 yüksek kule mevcuttur. Bu kulelerin her birinde beş altı tane balyamez top bulunur. Kalenin dört köşesindeki büyük kulelere büyük ve küçük yüzer tane top yerleştirilmiştir. Bu kulelerin bazı cephelerinde düşmanın attığı top gülleleri saplanmış kalmıştır [3, s. 171].

Kalenin içinden aşağıdaki hisara açılan bir demir kapı daha vardır. Bu bölüm Dinyester Nehri kenarına kadar uzanır. Bu kısımda her biri nehre bakan üç yüz hane mevcuttur. Bu alanda bağ ve bahçe yoktur. Bütün yeniçeri, cebeci ve topçular burada bulunurlar. Bu aşağı hisarda da altı tane yüksek kule vardır. Bu kulelerin üst kısımlarını Melek Ahmed Paşa tahta şindire ile kapattırmıştır. Kalenin doğu tarafında Dinyestere bakan kısımda bir su kapısı yer alır. Kale içerisinde yaşayanlar su ihtiyaçları için bu kapıyı kullanırlar. Bu bölüm doğrudan nehrin kenarına açılır ve çevresinde hendek bulunmaz. Bu aşağı kapıdaki büyük kulenin yanında küçük bir cami bulunur. Mihrabının iki tarafında büyük toplar dizilmiştir. Kalede sadece cephane, ambar ve mahzen vardır. Han, hamam ve Pazar gibi yapılar bulunmaz. Kalenin büyük kapısının dışındaki sol tarafta yüksek bir toplanma alanı vardır. Askerler genellikle burada vakit geçirirler. Kalenin dış kısmı geniş bir meydanlıktır. Doğu tarafında

¹² Kuzeybatı Karadeniz'deki Osmanlı kaleleriyle ilgili bir çalışma yapan Gönül Güreşsever Cantay, kalenin mimarıyla ilgili şu tespiti yapıyor: “Bu önemli kale-şehir Turla nehri üzerinde oldukça çetin coğrafyada bir tarafında nehir, alüvyonlarla oluşmuş kum tepeleri, yer yer kayalıklardan oluşmuş zemin üzerinde, üstelik, birden bire yükselen kaya kütlesi üzerinde bir iç kale ve doğu nehir tarafına bir iç varoşla, batı ve kible tarafında önemli bir kale planlaması ve büyük varoşuyla kuruluşunu, sur duvarları ve burçlarında uygulanan horasanî duvar tekniği ile derin ve kaya kesimli geniş-derin hendekleriyle olduğu gibi, kale inşa teknik ve bilgisine sahip mühendislik bilgisiyle donanımlı bir mühendisin Koca Sinan olduğu tezkiirelerinde ismen bildirilmese de ondan başkasına ait olduğu söylenemeyeceği gibi, O'nun yapı listelerine “Kaleler, Kale-şehirler” başlığıyla ilâve edilebilir” (2, s.172).

¹³ Kaynaklarda kitabenin yerden 6.5 metre, seramik çanağın ise yerden 8 m. yükseklikte olduğu belirtilir (6, s. 235).

yerleşim bulunmayan kalenin batı ve güney kısmında büyük bir şehir mevcuttur. Bu yerleşim alanının çevresi de iri kazıklarla çevrilmiştir [3, s. 172-173].

3. Mikhail Matveevich Ivanov, Bender resmi 1790 [<https://ru.m.wikipedia.org/wiki/>]

Bender Varoşu

Dördü müslüman, yedisi de Hristiyan olmak üzere on bir mahalleden oluşan bu şehirde tahta minareli dört cami; tahta ve sazla ürtülü ve bahçeli bin yedi yüz ev vardır. İki mahallesinde sıbyan mektebi olan şehrin medrese vb. Gibi eğitim kurumları yoktur. Bedesten olmayan bu yerleşim yerinde irili ufaklı iki yüz dükkan mevcuttur. Sokaklarında kaldırım bulunmayan şehrin bağ ve bahçeleri de çok bakımlı değildir. Havası güzel ve suyu tatlı olan Bender'in insanları cesur ve yiğittir. Bölge, Dinyester'den geçip gelen Kazakların saldırılarına maruz kalmaktadır. Sürekli savaflara sahne olan bir bölge olmasından dolayı bağları haraptır. Köyün batısı ve güneyinde verimli ve yeşil bir ova uzanır. Bu bölgeden iyi derecede yağ ve bal üretilir [3, s. 174].

Sonuç olarak denilebilir ki Evliya Çelebi, ana hatlarıyla tarih, mekan ve halk olmak üzere Bender'in tasvirini üç katmanlı bir yapıda sunar. Bender'le ilgili önce kalenin tarihine dair bilgiler verir ve kalenin o yüzyıldaki görüntüsünü tasvir eder. Günümüzde Bender Kalesi'nin büyük bir bölümünün harap olduğu düşünülürse seyyahın anlattıkları daha da anlamlı olmaktadır. Kalenin fiziki özelliklerini ayrıntılı bir şekilde gözler önüne seren Çelebi'nin bu ifadelerinden hareketle Bender'in eski dönemlerde ihtişamlı günleri olduğu anlaşılmaktadır. Sürekli yıkılıp yeniden yapılan kalenin *Seyahatname*'de bir dönem Mimar Sinan tarafından yeniden yapıldığı bilgisi de yer almaktadır. Ayrıca *Seyahatname*'den hareketle bölgenin sürekli çekişmelere sahne olduğu, bölge insanının yağma ve akınlarla mücadele etmek zorunda kaldığı, cesur ve yiğit oldukları için böylesine zor bir bölgede yaşayabildikleri, bağ ve bahçelerinin Kazak saldırılarıyla talan edildiği gibi bilgilere ulaşılmaktadır.

Kaynakça:

1. Eyice, Semavi [1992]. "Bender Kalesi". TDVİA, c. V, s. 431-432.
2. Güreşsever Cantay, Gönül [2019]. "Kaynaklarda Kuzeybatı Karadeniz'de Osmanlı Kaleleri". ERDEM, Haziran 2019; Sayı: 76; 163-184.
3. Kahraman, Seyit Ali [2010]. Günümüz Türkçesiyle Evliya Çelebi Seyahatnamesi. 5. Kitap, 1. Cilt, İstanbul: YKY Yay.
4. Özcan, Abdülkadir [2003]. "Boğdan", TDVİA. s. 269-271
5. Tezcan, Nuran [2009]. "Seyahatnâme", TDVİA, c. XXXVII, s.16-19.
6. Tütüncü, Mehmet [2020]. Karadeniz kuzeyinde Osmanlı kitabeleri: Ukrayna, Moldova, Rusya, Gürcistan. Heenstede: SOTA Yay.

УДК 811.512.165'373.21

О ПРАВОПИСАНИИ РОДОВОГО СЛОВА И ТОПОФОРМАНТА KÛÛ

Гроздева Татьяна,
магистр филологических наук,
Санкт-Петербург, Россия
orcid id: 0000-0001-7141-6722

Гюллю Каранфил,
доктор фил. наук (PhD) КГУ, г. Комрат, Молдова
e-mail: gullukaranfil@hotmail.com
orcid id: 0000-0002-8045-7822

Abstract. The article focuses on the use of morphonological principle in reference to the spelling of the word *küü* 'the village' according to its behaviour as a part of attributive possessive constructions (izafets). On the basis of research results, the spelling *küy* is proposed. The approach can be applied to fill some lacunae of Gagauz orthography, solve a number of problems and sort out certain difficulties.

Keywords: attributive possessive constructions, spelling, morphonology, principles of orthography.

Среди названий гагаузских сел тюркского происхождения встречается несколько единиц, в структуре которых содержится родовое наименование *село*: *Başküü*, *Çeşmäküü*, *Tülüküü*/*Ütülüküü* (написание по «Правилам орфографии и пунктуации гагаузского языка», изданным НИЦ им. М. Маруневич)[9, с. 29], *Bayırküü*. Повторяющуюся часть топонимов называют топонимическим формантом, или топоформантом[8, с. 8].

Сложные образования этой группы, по-видимому, восходят к определительным субстантивным конструкциям, которые в русскоязычной литературе тюркологи называют изафетами [5, с. 14].

Как известно, в исследованиях синтаксиса тюркских языков [3, с. 33 и далее], в частности гагаузского [2, с. 78], выделяют три типа изафета. Здесь мы не будем подробно останавливаться на семантике изафетов, поэтому схематично представим способы построения изафетных словосочетаний и формы двух ее компонентов:

- I тип: основа + основа (синтаксическая связь выражена примыканием);
- II тип: основа + основа-POSS.3SG (управление);
- III тип: основа-GEN + основа-POSS.3SG (согласование),

где POSS — аффикс формы принадлежности, или посессива, который получает основа имени; 3SG — аффикс формы третьего лица единственного числа (посессива), GEN — аффикс генитива (родительного падежа).

На первый взгляд, в составе перечисленных выше ойконимов прослеживается изафет первого типа, поскольку ни у первой основы, ни у второй никаких аффиксов нет. Однако в книге «Современная гагаузская топонимия и антропонимия» И. В. Дрона и С. С. Куроглов высказывается мнение, что они являются усеченными формами второго типа изафета: *Baş küüyü*, *Tülü küüyü* [4, с. 22] (орфография в цитатах сохранена с транслитерацией на латиницу). Вместе с тем авторы отмечают, что гагаузской топонимии не свойственны изафеты второго и третьего типа.

Для чего важно вообще выяснить тип изафета этих образований?

Прежде всего, дело в склонении формы принадлежности.

Понаблюдаем за склонением посессива случайно взятых слов в сравнении с их основными формами. Для наглядности падежные аффиксы подчеркнем сплошной линией, а показатели принадлежности — пунктирной.

Таблица 1. Склонение имен существительных в форме принадлежности *

	1-е лицо (<i>benim</i>)	2-е лицо (<i>senin</i>)	3-е лицо (<i>onun</i>)
Номинатив	<i>ot — otum</i> <i>kuzu — kuzum</i> <i>erik — erim</i>	<i>daul — daulun</i> <i>kirpi — kirpin</i> <i>kabak — kabaan</i>	<i>kaş — kaşı</i> <i>alma — almaşı</i> <i>parmak — parmaa</i>
Генитив	<i>otun — otumun</i> <i>kuzunun — kuzumun</i> <i>erinin — eriminin</i>	<i>daulun — daulunun</i> <i>kirpinin — kirpinin</i> <i>kabaan — kabaanın</i>	<i>kaşin — kaşinin</i> <i>almanın — almaşının</i> <i>parmaan — parmaanın</i>
Датив (аллатив)	<i>ota — otuma</i> <i>kuzuya — kuzuma</i> <i>erää — erimä</i>	<i>daula — dauluna</i> <i>kirpiyä — kirpiñä</i> <i>kabaä — kabaana</i>	<i>kaşa — kaşına</i> <i>almaya — almaşına</i> <i>parmaa — parmaana</i>
Аккузатив	<i>otu — otumu</i> <i>kuzuyu — kuzumu</i> <i>erii — erimi</i>	<i>daulu — daulunı</i> <i>kirpiyi — kirpinı</i> <i>kabaä — kabaanı</i>	<i>kaşı — kaşını</i> <i>almayı — almaşını</i> <i>parmaa — parmaanı</i>
Локатив	<i>otta — otumda</i> <i>kuzuda — kuzumda</i> <i>eriktä — erimda</i>	<i>daulda — daulunda</i> <i>kirpidä — kirpiñda</i> <i>kabakta — kabaanda</i>	<i>kaşta — kaşında</i> <i>almada — almaşında</i> <i>parmakta — parmaanda</i>
Аблатив	<i>ottan — otumdan</i> <i>kuzudan — kuzumdan</i> <i>eriktän — erimdan</i>	<i>dauldan — daulundan</i> <i>kirpidän — kirpiñdän</i> <i>kabaktan — kabaandan</i>	<i>kaştan — kaşından</i> <i>almadan — almaşından</i> <i>parmaktan — parmaandan</i>

* В традиционную систему падежей не входят инструментальный и комитатив (*kazma-ylan; kuzu-ylan*), пролатив и экватив (*kır-ca, aklım-ca; uşak-ça, adam-ca*), терминатив (*sabaa-yadan, ev-ädän*), а также формы каритива (*para-sız, sayı-sız*).

Особенностью посессива при его склонении является возникновение звука *n* между показателем принадлежности третьего лица и аффиксом косвенного падежа. В случаях с аффиксами генитива, датива и аккузатива это явление можно объяснить тем, что тюркская фонология обычно избегает скоплений гласных [7, с. 115] (в нашем случае — кроме собственных гагаузскому языку стечений вторичного происхождения, традиционно называемых долгими гласными [6, с. 57]). Вместе с тем тюркологи в этом отношении указывают на этимологическое происхождение сонанта [см.: 1, с. 70; 6, с. 87].

Итак, свидетельством формирования изучаемых комонимов по второму типу изафета в сокращенном его виде, как считают редакторы «Топонимии...», являются производные формы «...*Başküüyündä, Tülüküüyündä, Çöşmäküüyündä; Başküüyünini* т. п., которые функционируют наряду с усеченными вариантами *Başküüda, Başküünün (merası) // Başküüyün, Tülüküüyün // Tülüküünün*» [4, с. 22]. Но по структуре приведенные «усеченные варианты» разнотипны. Форма *Başküününinc* учетом появления звука *pn* в генитиве — это действительно изафет II («основа + основа-POSS.3SG + падежный аффикс»), и в таком случае при участии слова *küüy* роли родового наименования село изначально называлось *Baş küüyü*, а впоследствии звук *y* и один из трехгласных *üi* в речи выпали. Отсутствие же в форме *Başküüyün* согласного *n* после основы позволяет предположить здесь изафет I («основа + основа + падежный аффикс»), поэтому без словоизменительных формантов ойконим принимает вид *Başküüi* (установленный действующими правилами) или *Başküüyü* (еще одно возможное — вольное — написание). В таком случае едва ли можно назвать эту форму усеченной. То же самое можно сказать об остальных приведенных в книге примерах.

Казалось бы, для принятия за норму «полного» написания *Başküüyü*, оформленного по принципу изафета второго типа, в самом деле много оговорок. Но, с другой стороны, структура без посессива (*Başküüi*) тоже не безукоризненна: закономерность появления звука *n* во всех косвенных падежах вызывает сомнения. Следует заметить, что «Правила орфографии...» не регламентируют этот аспект.

Еще в 2019 году мы спонтанно — произвольно заинтересовавшись особенностями речи одного человека — провели небольшой устный опрос среди жителей с. Этулия старше 70 лет (это важно: мы обращались к людям, незнакомым современным гагаузским литературно-письменным языком и руководствующимся исключительно узусом и языковым чутьем). Вопросы звучали следующие: «*Sen Bayırkūüde miyaşıysın osa Bayırkūüde mi?*» (для представителей Новой Этулии), «*Sennecesüliysin: Çeşmekūüden mi geldi osa Çeşmekūünden mi?*» (с четкой артикуляцией звука *пво* всех случаях). Ответы удивили, так как ожидалось совсем другое — предложенные варианты со звуком *п* были категорически отвергнуты как грамматически неправильные: «...*bendiym Çeşmekūüden ,Bayırkūüde; Bayırkūünde bizdedemiyla, olmaz, uanpış*». Мы рассчитывали хотя бы на реакцию «*büle de diyla, üle dediyla*», поскольку были уверены, что среди молодежи намного больше распространен вариант *Bayırkūünde*, но все другие словосочетания с формой принадлежности («*Bayırkūüne avtobus gidiydiilmi? Tülükūünün kırları sansı?*» и т. д.) тоже были однозначно отклонены, а возражения «*amabenbaşkatürlü işittim*» тактично прокомментированы «*e... neyapalım şindi... bizde her büleydi*».

Другими словами, наши респонденты воспринимают ойконимы с топоформантом *kūü* как изафетные конструкции первого типа — т. е. без аффиксов в начальной форме. Принятые в настоящее время названия сел *Tülükūü*, *Bayırkūü* и т. д., с их точки зрения, вроде бы не нарушают норму языка, и все же нужно обращать внимание на корректность форм в косвенных падежах. Разговорные же формы *Tülükūündäni* пр. возникли, по всей видимости, под влиянием сочетаний «топоним + родовое слово» (т. е. изафета II): *Beşalma kūüyü — Beşalmakūüyündän*, *Kongaz kūüyü — Kongaz kūüyünä*.

Но за этим выводом следует еще одна проблема.

Выяснив тип изафетакомонимов и проследив их склонения в посессиве, мы можем проанализировать поведение топоформанта, а заодно и родового понятия *kūü*.

В аспекте образования посессива, как известно, важную роль играет исход основы (см. таблицу с примерами). В первом и втором лице к основам присоединяется аффикс формы принадлежности в виде согласных *-ти* *-п* соответственно. Если основа оканчивается на гласный, присоединяются только эти аффиксы. Если на согласный, то между двумя согласными — ауслата и аффикса — появляется вставка — гласный, соответствующий законам вокализма. После заднеязычного *k* вставка перед показателем посессива полностью уподобляется последнему гласному основы и удлиняет его, причем *k* выпадает. В третьем же лице аффиксом формы принадлежности выступает не согласный, а гласный, *k* в исходе основы по-прежнему опускается, а при встрече двух гласных — ауслата основы и анлаута аффикса — появляется вставка *s*. По-видимому, единственные два слова, на которые не распространяется эта схема, — существительные *su* (*dereninsuyu*), которое восходит к основе *sub/suv*, функционирующей в среднеазиатском письменном тюркском языке VIII–XI вв. [12], и вопросительное местоимение *ne?* (*Vasinneyninigetireyim?*).

Поскольку в виде топоформанта слово *kūü* — как мы выяснили, в изафетах первого типа — посессив не образует (не будем здесь рассматривать изафетные цепи с посессивом от всей конструкции: [*benim*] *Başkūüyüm*), нас оно интересует в этом отношении как родовое понятие. Если бы основа *kūü* действительно оканчивалась на гласный, как того требуют действующие орфографические правила [см.: 9, с. 20], то по общему правилу вместо *Kurçu kūüyü* (*Kurçu kūüyündän*), *Avdarma kūüyü* (*Avdarmakūüyünä*) мы говорили бы *Kurçu kūüsü* (*Kurçu kūüsündän*), *Avdarmakūüsü* (*Avdarmakūüsünä*). Однако даже для носителей младше 30 лет появление согласного *s* в таких словосочетаниях является нарушением нормы. Отсутствие здесь вставки *спри* образовании формы принадлежности могло бы быть исключением из правил, которое необходимо запомнить. Но исходя из этого же выбора аффиксов логичнее допустить в абсолютном конце основы наличие согласного — в первую очередь среднеязычного щелевого сонанта (по другой классификации — звонкого) *y* (по Международному фонетическому алфавиту — палатального аппроксиманта [j] [11]), который в речи из-за особенностей артикуляции (в частности, в результате частичной прогрессивной

аккомодации) становится своего рода продолжением переднерядного лабиализованного гласного верхнего подъема *ü*. Данные этимологических словарей [12, словарная статья *köy*] подтверждают эту догадку — с тем лишь замечанием, что первопричиной можно считать не прогрессивную, а регрессивную аккомодацию: прежде чем удлиниться за счет йота, переднерядный лабиализованный гласный *ö* в слове *köy* под влиянием артикуляции этого согласного стал более закрытым.

Для сравнения: от существительных *ay, toy, boy, yay, booday//buuday, dolay, bordey* форма принадлежности образуется точно так же, как и от любых других имен, оканчивающихся на все остальные возможные согласные (не считая ряда озвончений и выпадения *k*): *ay-ı — dal-ı, toy-u — ot-u, bordey-i — bez-i* и т. д.

Иначе говоря, при отражении на письме согласной фонемы *uv* топоформанте и родовом слове *küy* все морфонологические закономерности языка, которых мы коснулись, — аффикс с согласным в анлауте после гласного в ауслауте основы, гласный между согласными на стыке двух морфем, восстановление сонорного *pp* при словоизменении — соблюдаются также с точки зрения орфографии:

- изафет II и III: *Dimitrovka küyü* (*Dimitrovkaküy-ü — Dimitrovkaküy-ü-n-dän*), *Kırçak küyü* (*Kırçak küy-ü — Kırçak küy-ü-n-dä*), *Tomayküyü* (*Tomayküy-ü — Tomayküy-ü-nä*);
- изафет I: *Tülüküy — Tülüküy-ä, Bayırküy — Bayırküy-ü, Başküy — Başküy-ün, Çeşmäküy — Çeşmäküy-ä*;
- изафетная цепь: *Ukrainanın Bolboka küyü* ([*Ukraina-nın küy-ü*] + [*Bolboka küy-ü*] — разнородная параллельная синтаксическая связь: изафет III + изафет II с общим определяемым словом), *Ukrainanın Bolboka küyü-n-dän*; *Moldovanın Çeşmäküyü* ([*Moldova-nın*] + [*Çeşmäküy-ü*] — последовательная связь: изафет III с изафетом I в качестве определяемой единицы), *Moldovanın Çeşmäküy-ü-n-dän*.

(Тут стоит заметить, что в Турции есть целый ряд населенных пунктов, в названии которых содержится основа *köy* в качестве определяемого компонента изафета I: *Kadıköy, Bakırköy, Arnavutköy* [10] и др.)

То же самое распространяется на существительное *tüü*: в словосочетании *tauktüüyü* связки *s* не наблюдается, например в отличие от изафета *cinbü(y)ü-sü*, поэтому легче было бы писать эту основу в виде *tüy* (*tauktüy-ü*), а удлинение ее гласного при необходимости отнести исключительно к области орфоэпии.

В связи с вышеизложенным следует выделить еще один ряд слов — с этимологическим заднеязычным щелевым звонким *ğ*. В абсолютном конце основ таких имен со вторичными долгими гласными в форме принадлежности вставки тоже нет: *ii* (*malimin tafta ii-yi*), *çii* (*sabaa çii-yi*); *baa* (*kotuşununbaa-yı*), *daa* (*Rusyanın daa-yı*), *saa* (*aralarındanensaa-yı*), *yaa* (*koyunyaa-yı*) или окказионально *aa-sı* по аналогии с основами, оканчивающимися на гласный), *aa* (*Internetaa-yı*) (ср. основы на гласный: *buu — çorba buu-su, ee — testerä ee-si*).

Сюда же относятся некоторые основы с этимологическим жеглоточным щелевым глухим *h* в ауслауте, ведущим себя точно так же — правда, в некоторых случаях его все-таки можно услышать: *sabaa* (*pazarsabaa-yı*), *islää* (*üürenicilerin en islää-yı*) или по аналогии с основами, оканчивающимися на гласный, *en islää-sı*); *Allaa* // *Allah* (*eskirusların allaa-yı* // *allahı*); *günää* // *günäh* (*insanın günää-yı* // *günähı*), *padişaa* // *padişah* (*romunnarın padişahı* // *padişaa-sı*).

Думается, что при действующих орфографических правилах пользователям словарей — учащимся, студентам, преподавателям и многим другим — было бы удобно, если бы лексемы этих групп сопровождалась соответствующей пометой в грамматических зонах словарных статей или были приведены в отдельных таблицах в качестве приложений к изданиям «Правил орфографии...» с пояснениями.

Написание же *küy* в качестве топоформанта в ойконимах *Başküy, Çeşmäküy, Tülüküy//Ütülüküy, Bayırküy* и в качестве родового наименования в атрибутивных притяжательных конструкциях *Beşalma küyü, Kongazçık küyü, Haydarküyü* и т. д., опираясь не

на фонетический, а на фонематический — точнее, морфонологический — принцип, дает возможность избежать подобного исключения из общих закономерностей.

Библиография

1. Аврутина А. С., Гузев В. Г. Фонология и морфонология современного турецкого языка: учебное пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014.
2. Банкова И. Д. Притяжательные словосочетания модели *существительное + существительное* (С+С) в современном гагаузском языке // Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-й годовщине Комратского государственного университета : сб. статей. Т. 2. Филология. Всеобщая история. Археология. Философия. Транзитология. Этнология и региональные исследования. Культура и искусство / сост. Т. И. Раковчена, А. К. Папцова, С. И. Лупашку. Комрат, 2021. С. 77–82.
3. Гузев В. Г., Аврутина А. С. Функциональный синтаксис современного турецкого языка : учебное пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013.
4. Дрон И. В., Курогло С. С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия / отв. ред. Г. А. Гайдаржи. Кишинев : Штиинца, 1989.
5. Дубровина М. Э. Об этапах формирования определительных субстантивных конструкций (изафетов) в языке древнетюркских рунических надписей (в сравнении с современным турецким языком) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. Вып. 1. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 12–21.
6. Покровская Л. А. Современный гагаузский язык (курс лекций). Комрат : ГИПП «Типар» Республиканского управления полиграфии и издательств, 1997.
7. Шеворошкин В. В. Звуковые цепи в языках. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969.

Справочные материалы и словари

8. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Свыше 5000 единиц / отв. ред. Агеева Р. А. М. : Русские словари, 1998.
9. Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка / отв. за вып. П. А. Чеботарь [и др.]. — Кишинев : Б. и. (Tipogr. «Elan Poligraf»), 2014. — 72 с.
10. e-Devlet Kapısı. Devletin Kısayolu [сайт]. URL: <https://www.turkiye.gov.tr> (дата обращения: 15.11.2021).
11. International Phonetic Association [сайт]. URL: <https://www.internationalphoneticassociation.org> (дата обращения: 31.10.2021).
12. Nişanyan Sözlük : Çağdaş Türkçenin Etimolojisi [сайт]. URL: <https://www.nisanyansozluk.com> (дата обращения: 31.10.2021).

Глоссы

3 — 3-е лицо

GEN — генитив

POSS — посессив

SG — единственное число

УДК 811.512.165'373.613:004

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Тодорич Татьяна,

мастер, преп. КГУ, г. Комрат, РМ док-ка, Независимый унив. Молдовы, г. Кишинев, РМ

e-mail: tatiana.todorici@gmail.com

orcid id: 0000-0002-0987-317X

Abstract. Computer terminology as a part of computer language special vocabulary is an object of study for many researchers due to extensive use of terminology not only by IT specialists but also by IT numerous users. The article deals with the current problem of formation of computer terminology in the Gagauz language. It focuses on the processes for forming a metalanguage in a new field of science. There have been analyzed ways of developing this field of knowledge in modern Gagauz language.

Keywords: computer terminology, metalanguage, term, term formation

В силу исторических и социальных причин в профессиональной сфере компьютерных технологий наиболее употребительным признается английский язык. Сегодня, как правило, вся компьютерная документация, сопровождающая распространение аппаратного обеспечения и программных продуктов, составляется на английском языке, которая впоследствии переводится на соответствующие национальные языки.

Общеизвестно, что не все языки одинаково приспособлены для терминологических процессов, у разных народов по-разному происходит развитие новых отраслей знаний. По этой причине одни языки вносят более значимый вклад в формирование отдельных терминологий по отношению к другим языкам.

В мире насчитывается около 6500 разговорных языков, однако только 12 из них являются наиболее популярными. Международными языками глобального сообщества считаются английский, китайский, испанский, русский, арабский, французский, португальский, немецкий, японский, хинди, бенгальский, индонезийский. При этом развитая научная терминология функционирует на 60 языках мира и охватывает 300 профессионально-предметных полей. На сегодняшний день наиболее терминологически развитыми языками считаются английский, французский и немецкий. В таких странах, как Германия, Франция, а также Россия, очень хорошо налажена деятельность терминологических комитетов, научных учреждений. Следовательно, в современных развитых языках имеются переводы во всех областях.

Говоря о менее развитых языках, следует отметить нехватку, а в некоторых случаях и вовсе отсутствие литературы на родном языке программиста или компьютерного пользователя. Считается, что ввиду того, что компьютерная терминология представляет собой исключительно подвижный пласт словаря языка, который чрезмерно быстро развивается, переводчики *не успевают* фиксировать все изменения, происходящие в сфере информационных технологий. Тем не менее, мы настаиваем на том, что главная проблема отсутствия справочных материалов по компьютерам и программному обеспечению на гагаузском языке коренится в *недостаточном уровне развития системы терминов данной области*.

Предварительный просмотр тематики научных работ, посвященных лингвистическому описанию рассматриваемой области знаний, позволил заметить, что анализ компьютерной лексики и терминологии в нашей автономии до сих пор не проводился, что и определило выбор направления исследования.

Бесспорно, гагаузы представляют собой народ, который говорит на своем языке, имеет свою литературу, свою культуру. Между тем словарный состав языка является ценным

источником знаний о языке. Известно, что гагаузы, будучи малочисленным народом, в течение исторического развития проживания отдельно от родственных народов попали под влияние языка и культуры славянских и романских народов. Все это нашло отражение в гагаузском языке [2]. Несмотря на это гагаузский язык смог сохранить систему и структуру, характерную тюркским языкам.

Гагаузия, являясь автономным территориальным образованием в составе Республики Молдова, которая успешно представляет себя и свои интересы на международной арене, стремится подчеркнуть значимость и статус своего национального языка. О существовании и развитии нации свидетельствует, главным образом, язык и, прежде всего, специальная лексика, образующая особо регулируемый пласт словарного состава. Именно в специальной лексике наиболее наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа [1, с. 5].

В последние годы проводятся активные работы по внедрению и обогащению терминами важных областей общественной жизни, систематизации и упорядочению гагаузской терминологии. Исследованиями в области развития национальной отраслевой терминологии в АТО Гагаузия занимаются такие известные ученые как Е.С. Сорочану, И.Д. Банкова, Л.К. Баурчулу, О. К. Радова, И.Д. Ришилян, П. А. Чеботарь и многие другие.

Компьютерная терминология представляет собой сравнительно молодой лексический пласт, который в гагаузском языке до сих пор не до конца сформирован и не упорядочен, что является на сегодняшний день весьма актуальной исследовательской задачей.

К сожалению, доля компьютерных терминов в гагаузской терминологии невелика. Многие из них заменены терминами иноязычного происхождения. Основная часть представляет собой специальную лексику, заимствованную из английского компьютерного языка. В первую очередь, речь идет об узкоспециализированных терминах, которыми насыщена терминология компьютерной сферы: *komutator* (англ. *commutator*), *algoritma* (англ. *algorithm*), *komanda* (англ. *command*), *kursor* (англ. *cursor*), *disk* (англ. *disc*) и др. Принцип переведенной терминологии имеет место во многих языках. Это объясняется тем, что рассматриваемая предметная область первоначально получила распространение в США, следовательно, ее предмет, теория, специальные понятия и, соответственно, термины заимствуются другими языками [4, с. 36]. Наряду с английскими заимствованиями в гагаузском компьютерном языке встречаем такие термины, как *avtorizatiya*, *autentifikasiya*, *ekran* и др., которые демонстрируют заимствования из русского языка, что во много обусловлено гагаузско-русским двуязычием.

В силу того, что гагаузский язык относится к тюркским языкам, полагаем, что компьютерные термины, имеющиеся в турецком языке, могут способствовать терминообразованию компьютерной лексики и в гагаузском языке. Разве не обогатится гагаузский язык, если вместо слов *komputer*, *klaviya*, *printer*, *prosessor*, *domen*, *komutator*, *avtorizatiya*, *autentifikasiya* будут использоваться *bilgisayar*, [tuş takımı](#), *yasıcı*, *işlemci*, [etki alanı](#), *anahtar*, [yetkilendirme](#), [kimlik doğrulaması](#).

Несмотря на ограниченность корневого словарного материала в гагаузском языке, следует все же отметить использование собственных ресурсов языка при формировании гагаузских компьютерных терминов. В создании компьютерных терминов особое место занимает общеупотребительная лексика, т.е. использование бытующих в языке слов в новом терминологическом значении [3, с. 191]. При этом постоянно происходит взаимообмен единиц компьютерной и общеупотребительной лексики. Терминологизация нетерминов широко применяется в гагаузском языке: *siçan* (мышь (зоол.)) - *kompiüter siçanı* (компьютерная мышь), *pencerä* (окно) - *ana pencerä* (главное окно) и др.

Создание новых терминов на основе имеющихся слов с использованием словообразовательных формантов не было исследовано автором, в связи с чем не нашло своего отражения в данной статье.

Общеизвестно, что современная компьютерная терминология характеризуется использованием аббревиатур и акронимов. Аббревиация – весьма продуктивный способ

словообразования различных европейских языков. Преобладающими в терминологии компьютерной сферы являются англо-американские аббревиатуры. В гагаузском же языке данный способ терминообразования не получил особого развития в силу специфики языка.

Принимая во внимание терминологическую работу на гагаузском языке, которая в последние годы осуществляется в более широких масштабах, вынуждены все же признать, что компьютерная лексика гагаузского языка пока не подвергалась комплексному исследованию, как и многие тематические группы. Последнее соображение никоим образом не умаляет результатов и значимости проделанной работы, а лишь подтверждает актуальность формирования новых терминосистем, в частности терминосистемы компьютерной техники и компьютерных технологий. Значимость данного пласта лексики бесспорна, следовательно, развитие и упорядочение компьютерной терминологии в современном гагаузском языке необходимо для нормального его функционирования и совершенствования.

В этой связи актуальным остается вопрос о создании гагаузского терминологического словаря в области *компьютерной* техники и *компьютерных* технологий, который позволил бы ввести единую, правильную и понятную терминологию. Очевидно, что создание такого словаря остро необходимо в работе по построению и упорядочению исследуемой терминологии. Вместе с тем развитие терминографической деятельности в рассматриваемой области приобретает исключительное значение для качественного перевода текстов компьютерной тематики.

Подводя итог, отметим, что развитие терминологии в гагаузском языке является нашей законной задачей в целях его сохранения и развития в Гагаузии и за её пределами.

Библиография:

1. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. Учебное пособие. - М.: Академия, 2008. - 304 с. - (Высшее профессиональное образование) - ISBN 978-5-7695-4951-9.
2. Гюлю Каранфил Лексика гагаузского языка. Монография. [Электронный ресурс] URL: https://soiuzgagauzov.ru/wp-content/uploads/2013/02/leksika_gagauzkogo_yazika.pdf
3. Сорочяну Е.С. Истоки формирования и основные этапы развития лингвистической терминосистемы гагаузского языка// Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. IX-X. 2011 - С. 191-196
4. Сулак С.К., Милкан Е.В. Социолингвистический аспект в развитии отраслевых словарей в контексте тенденций к мировой интеграции// Материалы Международной научно-практической конференции «Наука, образование, культура», посвящённой 28-ой годовщине Комратского государственного университета. Том II. Комрат, КГУ, 2019 – С. 35-38 - ISBN 978-9975-83-085-0
5. Суперанская, А., под. ред. Канделаки Т. Л. Общая терминология (вопросы терминологии). - Москва, 2007 – С. 3
6. <http://www.correctenglish.ru/speaking/vocabulary/computer/>
7. <http://sozluk.gagauz.in/>

ПОДСЕКЦИЯ 6.3 РУМЫНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

CZU 338.43

PUBLICISTICA-PARTE INTEGRANTĂ A CREAȚIEI LUI SERAFIM SAKA.

Antoni Cristina

doctorandă coord. Maria Șlehtițchi, dr. hab., prof.
Școala Doctorală, Universitatea de Stat „Alecu Russo”, Bălți, RM
e-mail: crlescic@yahoo.com
orcid id: 0000-0003-5489-5058

Abstract. An emblematic personality of the '60s generation from the Bessarabian area, Serafim Saka (1935-2011) signed short prose ("It was late"), novels ("Customs", "Floating Line", "Give Me Back to Me"), documentary prose ("Bessarabia in Gulag"), publicity ("Here and now", "For you bat ..."), imposing himself as a writer, publicist, translator, playwright, screenwriter. During his activity as a publicist (since 1958) he created an image of "a revolt, an unregulated spirit" (Vitalie Ciobanu). The articles, the literary and theatrical chronicles, the leaflets and the famous dialogues reflect a lucid and ironic mind, a resolute hand and a noble heart, which struggled alert to all the social, political, cultural disturbances through which Bessarabia passed.

Keywords: Serafim Saka, Bessarabian literature, publishing, literary work.

Personalitate emblematică a generației '60 din spațiul basarabean, Serafim Saka (1935 -2011) a semnat proză scurtă (volumul „Era târziu”), romane („Vămile”, „Linia de plutire”, „Pe mine mie redă-mă”), proză documentară („Basarabia în Gulag”), publicistică („Aici și acum”, „Pentru tine bat...”), impunându-se ca prozator, publicist, traducător, dramaturg, scenarist. Pe parcursul activității sale de publicist (din 1956, pe când era student la Institutul Pedagogic din Chișinău, la Facultatea de Istorie și Filologie) și-a creat o imagine de „un revoltat, un spirit neînregimentat” (Vitalie Ciobanu). Energia, entuziasmul tineresc, dar și dorința aprigă de a schimba lumea spre bine și frumos au fost plămăda publicistului Serafim Saka. Astfel, crezul publicistului Serafim Saka ar putea fi configurat din mărturisirea desprinsă din dialogul cu scriitorul Dumitru Matcovschi: „Prefer Eu-lui căutat un NOI găsit. Eu-l vine, va veni după ce va fi pornit de la un permanent NOI” [3, p.113]. Firea sa de om corect a deranjat de multe ori. Un exemplu elocvent ar fi detaliul biografic - doar după doi ani lucrați la redacția ziarului „Tinerimea Moldovei”, nu este reangajat în urma fuziunii celor două publicații republicane pentru tineret – „Tinerimea Moldovei” și „Молодежь Молдавии”, în 1959. Revine la redacție cu condiția pusă de superiori să plece în calitate de corespondent special la pământurile de țelină, din Kazahstan. Articolele trimise din așa-zisul surghiun mustesc de critică și, evident, nu sunt publicate în Moldova. Tot ce a văzut și a trăit în acel răstimp alături de tinerii moldoveni, ca și cum dornici să muncească în numele patriei și partidului, se regăsește pe paginile romanului-fapt „Pe mine mie redă-mă” (editat în variantă de revistă din 1995, în volum-postum, în 2013).

Așadar, încă din acele timpuri, articolele, cronicile literare și teatrale, foiletoanele și renumitele dialoguri reflectă o minte lucidă și ironică, o mână hotărâtă și o inimă nobilă, care se zbătea alert la toate frământările sociale, politice, culturale prin care a trecut Basarabia. Colaborator la redacțiile presei literare („Tinerimea Moldovei”, „Cultura Moldovei”, „Nistru”, „Moldova”, „Literatura și arta”, „Sud-Est Cultural”), scriitorul iniția discuții publice pe teme incomode, tabuizate în societatea (post)sovietică moldovenească. Cu riscul de a fi concediat (ceea ce s-a și întâmplat de câteva ori) nu ceda, nu da un pas în spate, fiind mereu în rândul avangardei intelectualității chișinăuene. Demascând complicitățile mediului scriitoricesc cu mercenarii statului sovietic, anunțând „filarmonizarea culturii” (termenul îi aparține lui Serafim Saka) – o pseudocultură de cea mai joasă speță, Serafim

Saka a fost printre primii publiciști care au pus pe tapet/hârtie problemele ce tulbură și azi spiritele. Articolele, luările de cuvânt ale lui Serafim Saka la dezbaterele și mesele rotunde de la redacțiile revistelor ar putea reprezenta o parte din fondul de aur al publicisticii literare basarabene, fiindcă „Ca publicist, Serafim Saka a făcut epocă în literatura română din Republica Moldova”, după cum afirma criticul Ion Ciocanu [2, p.5].

Originalitatea scrisului lui Serafim Saka este sinceritatea în fața cititorului. Fie că semnează un articol, un interviu sau o carte de ficțiune, Serafim Saka își păstrează felul său de a fi și ca scriitor, și ca publicist. Această observație poate fi susținută de un șir de exemple de continuitate a ideilor, problemelor la care reflectează prozatorul, dar și publicistul. Deci, activitatea de gazetar (fără vreo aluzie la calitatea și valoarea textelor de ziar) reprezintă o continuitate, o nuanțare, o desfășurare a ceea ce se poate descoperi pe paginile povestirilor, romanelor lui Serafim Saka. Bunăoară, întrevădem o conexiune de problematici cu privire la organizarea urbanistică a Chișinăului în articolul-polemică „Alte dimensiuni” (1972), redactat în urma întâlnirii la redacția revistei literare „Nistru” (angajat fiind din 1970) la o masă rotundă a scriitorilor și arhitecților în apărarea monumentelor de arhitectură, în dialogurile întreținute cu Nicolae Vrânceanu, inginer-constructor și scriitorul Emilian Bucov (ambele în august 1972 și publicate în volumul de interviuri „Aici și acum”, editat în 1976 și reluate în „Pentru tine bat...”, în 1988) și în romanul „Vămile” (publicat în 1972), protagonistul acestuia fiind Delaoancea, un arhitect talentat, ambițios, inovator. Acesta se confruntă cu imposibilitatea realizării proiectului său grandios, din cauza rigidității și caducității colegilor săi și a sistemului în care activează. Cu alte cuvinte, personajul de-a lungul romanului se confruntă cu dilema: de a renunța la proiect sau de a lupta pentru ideea *Casei pentru toate timpurile* până la distrugerea propriei personalități și vieți. „Cu totul altceva ar fi dacă s-ar cădea de comun acord și s-ar accentua în creația de arhitectură anumiți factori obiectivi și mult prea durabili – spațiul, clima, vegetația, relieful, melodia, solul, care, în ultimă analiză, ar putea sta la baza unui concept-național de arhitectură” [5, p.73], își expune crezul său publicistul Serafim Saka. Întrebările pe care le adresează inginerului-constructor trădează aceeași preocupare – o revoluție în domeniul arhitecturii: „Dar dacă un proiect (să zicem, nou și interesant ca viziune arhitecturală) necesită îndoit sau întreit mai multe mijloace (brațe de muncă, materiale de construcție, timp alocat construcției) [situație similară proiectului nerealizabil al arhitectului Delaoancea], ce faceți cu el?” [3, p. 77] Sau discuția cu scriitorul Emilian Bucov, autorul romanului în vogă în anii '50 „Cresc etajele”, despre preocupările de problemele arhitecților în cadrul operelor literare. „Ce v-a făcut să reveniți la înălțimile arhitecturale, care nu au prea evoluat (decât doar cantitativ!) între prima și a doua ediție a romanului «Cresc etajele»?” Răspunsul emeritului scriitor sovietic, Emilian Bucov, face să bănuim că romanul „Vămile” ar putea fi o replică dură la ceea ce se scria în concordanță perfectă cu ideologia partinică: „De ce revin la «înălțimile arhitecturale»? Eu revin mereu în scris la construcția urbană, inclusiv arhitectura, ca fond pentru viața sufletească și activitatea constructorilor. În legătură cu aceasta mă preocupă demult o problemă: individualitatea unui oraș. Casa, ca și un om, orașul, ca și un colectiv de oameni, trebuie să aibă trăsăturile lor individuale, tipice, luându-se în considerație specificul ținutului și al populației lui” [3, pp. 90-91].

Articolul-portret dedicat compozitorului Serafim Buzilă este un prilej pentru Serafim Saka de a-și reaminti acele vremi și spații pe care nu le poți uita toată viața – timpul și locul unde ai fost copil. Personalitatea muzicianului, cu care a fost prieten de copilărie și coleg la „conservatorul din fundul grădinii lui Ion Chiriac, cel mai mare profesor de muzică și neîntrecut dirijor de coruri în partea ceea a locului, cel la care au învățat atâția copii muzică” [5, p. 257], îi creează prilejul de a reînvia acea lume după care a tânjit toată viața Serafim Saka. Aceste două nume se regăsesc și în „opera de vârf” (Eugen Lungu) – romanul-fapt „Pe mine mie redă-mă”, partea întâi „Copii din rouă”. Presărat cu detalii și istorioare pe alocuri anecdotice, textul, înlăturând în mod original granițele genurilor ficțiunii și memorialisticii, transmite emoțiile autorului-narator de regrete, nostalgie și tristețe pentru acele vremi și acei bravi bărbați ai neamului: „Cândva suflet al românismului în această parte de fostă Românie, sat cu numeroși intelectuali având studii universitare la București, Iași și Cernăuți, Vancicăuțiul a ajuns, în cei aproape cincizeci de ani sovieto-ucraineni, o fabrică de medici și

învățători, dar și ingineri agricoli, care *cum vin, așa pleacă*, fără să lase urmă de amintire după ei. Cum au știut să lase pe timpuri alții” [4, p.26].

Un alt interviu, de data aceasta cu poetul, prozatorul și dramaturgul Dumitru Matcovschi, este un prilej pentru Serafim Saka de a readuce din memorie imaginea satului natal Vancicăuți: „O, da, acoperișurile se făceau din cale afară de țuguiate, să se vadă de departe, cu toate că nu prea aveam cu ce ne fuduli. Satul meu avea, în schimb, o mică haltă, unde demult opreau trenurile de cursă lungă, o adevărată nenorocire pentru sat. Având gară și trenuri, oamenii plecau în lume. Într-o zi am urcat și eu într-un tren. După ani și ani mulți s-au reîntors, eu nu mă pot întoarce” [3, p.109]. După această rememorare emoționantă a satului natal, interviul și-a schimbat, pentru câteva momente/replici, direcția – interviueatul nu era Matcovschi, ci Saka: „-Unde la tine acasă?”, întrebă curios poetul. „La mine în sat... Când aveam nouă ani, am urcat într-un marfar și pentru că în gara în care-mi trebuia mie să ajung mărfarul n-a avut oprire, m-am pomenit dus mai departe, într-o lume pe care nu o mai cunoșteam. Trei zile am rătăcit printre linii, era o gară mare - și întreb de unde sunt, țin minte că răspundeam: - «din sat de la noi»” [3, p.110]. Istoria dată se regăsește în paginile povestirii „Urmele”, publicată în revista „Nistru”, în 1963 cu titlul „La canton trenul n-are oprire”, ca în 1968 să apară în volumul de debut al scriitorului „Era târziu”. Aceeași călătorie în nicăieri, aceleași sentimente și de frică, și de curiozitate. Tot despre trenuri, un motiv important în creația lui Serafim Saka, se revine și în romanul „Pe mine mie redă-mă”, cu alte amănunte – „organele competente” i-ar fi cerut scriitorului să elimine din povestirea „Urmele” episodul ce descria încercarea familiei Saka de a se refugia în anul 1944. Călătoria ar fi fost făcută cu trenul. Tatăl său, Teodot, aflăm din aceeași sursă, a fost CFR-ist pe vremea Regatului, profesie ce însemna un fel de armată civilă, dar beneficia și de lăsare la vatră. De nu era pârât de un „simpatizant” și „informator” al sovieticilor, unul Gheorghită, nu ar fi fost silit să ia arma și să apere așa zisa „patrie”:

„-Ești gata?

-Gata pentru ce?

-Pentru apărarea patriei, tovarășe Saca, a patriei!

-Care patrie, domnule Mânzatu?! I-a luat gura pe dinainte pe tata...” [4, p.34].

Gara în spatele grădinii, tata angajat la căile ferate române. Trenul a devenit o imagine permanentă a copilăriei scriitorului. „În chiuit de tren mă culcam seara, în chiuit de tren mă sculam dimineața foarte devreme, trenul ducându-mă – în imaginația mea de copil – pe unde nu am ajuns nici până azi în realitate” [4, p.88-89]. În continuarea ideii, prozatorul Serafim Saka notează că primele proze tot despre trenuri au fost. Iar în calitate de scenarist, Saka a turnat un film documentar „Trenurile” la „Telefilm-Chișinău”, după care este concediat.

Aceste câteva exemple ilustrate demonstrează că activitatea lui Serafim Saka, fie cea de scriitor sau de publicist, a constituit un tot întreg. Preocupările, îngrijorările, problemele, întrebările obsesive au constituit contraforții creației scriitorului-cetățean, despre care filosoful și scriitorul francez J. P. Sartre, în timpul unei vizite la Chișinău, a zis că „Are colți ascuțiți băiatul” [1, p.10].

Bibliografie:

1. Busuioc Aureliu, Punătorul de întrebări, în Mesagerul, 1995, 17 martie, p. 10.
2. Ciocanu Ion, Serafim Saka, în Viața Basarabiei, 2005, nr. 3-4, pp. 5-12.
3. Saka Serafim, Aici și acum. 33 confesiuni sau profesiuni de credință, Chișinău, Editura Lumina, 1976.
4. Saka Serafim, Pe mine mie redă-mă, Chișinău, Editura Arc, 2013.
5. Saka Serafim, Pentru tine bat... Carte de convorbiri, articole, însemnări, Chișinău Editura Literatura artistică, 1988.

CZU 82.01

FRUMOSUL ARTISTIC VERSUS ESTETICA LITERARĂ ÎN PERMANENȚA TEORIEI ȘI METODOLOGIEI SPECIALE A CREATIVITĂȚII

Liuba Botezatu,

doctor în științe pedagogice., US Comrat, R.M.

e-mail: liubabotezatu@yahoo.com

orcid id: 0000-0003-5489-5058

Abstract: In the formation of philological culture, literary aesthetics genre - culture of communication, *autonomy* and the *absolute* are identified as dimensions of the measure of fullness of value in continuous evidence-TMSC / special theory and methodology of creativity, which, from a professional point of view, requires focusing on MECA and MVPF in full argumentative dismissal: 1) engagement on the objective report - finalities within the perimeter of the principle of the sovereign interior / PLS (Mihai Cimpoi) - the principle of global axiology / PAG (L. Botezatu); 2) the efficient degree of mobility / functionality of the value scale; 3) the relation of the method of structuralist analysis / MAS to the method of emphatic analysis / MAE, to the axiomatic method / MAX., To the method of returning to the essence of MRE, opposite to the principle of ascension through spirituality into the Great Spirituality.

Key words: TMSC, PAG, PLS, literary aesthetics, philology-centric training.

Rezumat

La formarea culturii filologocentrice, gen estetică literară - cultură a comunicării, *autonomia* și *absolutul* se identifică ca drept dimensiuni ale măsurii plinătății de valoare în continuă evidență exersivă-TMSC/teorie și metodologie specială a creativității, care, din punct de vedere profesionist, obligă la axarea pe MECA și MVPF în deplină disponibilizare argumentativă: 1) angajarea pe coraportul obiective - finalități în perimetrul principiul lăuntrului suveran /PLS(Mihai Cimpoi) - principiul axiologiei globale/PAG (L.Botezatu); 2) gradul eficient de mobilitate/funcționalitate a scării de valori; 3) raportarea metodei analizei structuraliste/MAS la metoda analizei emfatice/MAE, la metoda axiomatică/MAX., la metoda reîntoarcerii la esență MRE, vizavi de principiul înălțării prin în spiritualitate în Marea Spiritualitate.

Termeni-cheie: TMSC,PAG,PLS, estetica literară, formare filologocentrică.

1. MOTIVAREA CONCEPTULUI

„Plăcerea estetică este o transpunere de viață în sufletul altuia”/P.Andrei

Studiul de *estetică literară* este un comartiment indispensabil *teoriei literare ca știință filosofică*, care disponibilizează întregul proces al lucrului pe text (conținut - formă), la nivel de *sintaxa afectivă și stilistica literară* în format filologocentric coordonativ:TMSC.

Estetica literară este studiul care se centrează pe stipularea celor trei factori filosofocentrice mihaicimpoieni: *tipicul, specificul, absolutul*, vizavi de coraportul interactiv autor-receptor; consumator si formator -mănuitor de artă reprezentativă.

Estetica literară în cuprinderea TMSC/teoria și metodologia specială a creativității, este favorizată în ansamblu strategic integrativ-interacționist de:

- conceptualizarea *frumosului artistic* în formula integrativă Timotei Melnic: a) *eticesteticul realității sociale reflectate* – b) *măiestria artei interpretative a autorului*. [5].- sintetizarea axei de valori, vizavi de principiul concordanței criteriale/descriptoriale: *adevăr artistic, conținut-formă, originalitatea stilului*, după același excelent expert al nostru T.Melnic;

- corelarea principiilor didactice cu cele ale educației estetice în maniera binecunoscutului expert român Constantin Cucoș: **a.** *principiul educației estetice pe baza valorilor autentice; b.* *principiul receptării creatoare a valorilor estetice; c.* *principiul percepției globale, unitate a*

conținutului și formei obiectului estetic; d.principiul înțelegerii și situării contextuale a fenomenului estetic.[6]

- conceptualizarea educației artistice-estetice, transformare a teoriei EAE în concepte, forma de existență a particularizării Didacticii artelor, la Vl. Pâslaru [7].

- recuperare a unității pierdute: șase la șase în perimetrul accesului interpretativ

MVPF: rațiune - revelație - speculație la configurarea unui nou început;

- rațiunea în cele două forme ale judecății critice: 1) relativ-comparativ, și 2) autentic-absolut;

- revelația, principiu și proces al interacțiunii artelor;

- speculația; reluarea, a unității de învățare, la nivel tehnologic normant-sentetizator pe o nouă treaptă a devenirii;

- judecățile morale și estetice convin voinței de acțiune la nivel integru valorizant:

a) angajare pe coraportul obiective-finalități în accesibilitatea: PLS-PAG-MECA-MVPF;

b) accesare pe funcționalitatea scării apreciative.

La nivelul poziționării etic-esteticului pe structural-fenomenal, TMSC este favorizată la:

- valorizare/revalorizare artistică: etic-estetic-logistic/bine, frumos, adevăr;
- interconexiunea ideal artistic individual/PLS- ideal social/PAG;
- sintetizare a axei de valori-valoarea este sens;
- interrelaționare productivă: autor-receptor-manager;
- resemnare valorică – subiect al calității;
- recuperare a unității pierdute prin: PAG- MVPF(„6 la 6”)-MECA;
- formare a culturii profesionale;
- stil interpretativ specific [2,p. 74-75].

2. EVIDENȚA VALORICĂ LA PUTEREA TESTULUI DE INTELIGENȚĂ

DA sau NU – ALTCEV

Obiective și finalități:

a) Provocarea interesului față de studiul aferent, deschiderea perspectivei de conștientizare a măsurii complinirii formative.

b) Aprofundarea în conținutul cursului.

Obiectivele obligă la interactivizare conștientă: Precăutarea și modificarea curriculei la curs în acord constructiv-deschis.

Prima funcție a managerului educației , vizavi de cerințele curriculei la curs este centrarea pe TMSC în cuprinderea esteticului diluat: dorință-plăcere.			
		Da	Nu
.	1. Plăcere de durere. 2. Plăcere de dăruire. 3. Plăcere de resemnare. 4. Plăcere de lectură. 5. Plăcerea de angajare/aflare în creativ. 6. Plăcerea de evidență valorică. 7. Plăcerea de axare pe calitate. 8. Plăcere de integrare în social. 9. Plăcere de evidență a complinirilor. 10. Plăcere de anticipare a setei de libertate. Altceva. Plăcere de racordare la idealul estetic. Plăcerea de a consimți frumosul. Plăcerea de centrare pe valoare. Plăcerea de centrare pe original, pe creativ.		
	Șapte persoane pentru Nu-calificativul 6, cinci persoane cu referire la calificativul 7; trei persoane- calificativul 9-motivația- se	Da 30%	Nu Parțial

	integrează în calificativul 3- <i>plăcere de resemnare.</i> Altceva: le completează pe primele trei calificative.	30%	40%
.	„Autorul este opera care se scrie pe sine”	Da	Nu
.	a) <i>Plăcere cointereseată.</i> b) <i>Plăcere dezinteresată.</i> c) <i>Plăcere iluzorie.</i> d) <i>Plăcere stimulativă.</i> e) <i>Plăcerea de a sensibiliza.</i> Altceva: <i>Plăcere intuitivă. Plăcere artificială. Plăcerea ca obiect-subiect estetic, plăcerea de aflare în mediativ - creativ,.. Plăcere de durere.Plăcerea de risc. Plăcere de altceva.</i>	10% 20% 05% 50%	Parțial 20%
.	Dorința este: plăcerea de a realiza ceva util, sau inutil. Dorința de manifestare în sens: pozitiv. Dorința de a lua atitudine. Altceva. Dorința de reîntoarcere la esență. Dorința de excelare în spațiul <i>Marilor Virtuți</i> .	45% 40% 15%	Parțial 05%
.	Atitudinea estetică este: - Reflexivă. - Practică. - Intuitivă. Altceva. Critică.Autocritică. Apreciativă. Comparativă. Eseistică.Aptitudinală.	30% 25% 30% 15%	Parțial 05%
.	Finalitatea formativă este determinată de scop: - Valoare moral-etică - Valoare logistică - Valoare estetică Altceva. Valoare formativă.Valoare competențială. Prodes valoric complex.	42% 25% 28%	Parțial 07%
.	Cercetarea cunoaște trei căi de realizare valorică: - creativitate etic- estetică, - plăcere estetică, figuri artistice, - produsul ca subiect al calității. Altceva. Subiectul calității la nivel de autor, de receptor, de manager-coordonator al artei interpretative unice în format filologocentric fenomenal.	40% 22% 38%	Parțial 05%
	La nivel de generalizare, estimare	50%	0%
	Altceva	50%	0%
	RIN SUBSUMARE-creativitatea este antrenată în volum de 100%		
	Se plusează de fiecare dată punctarea (+2) în dependență de puterea de motivare a probelor la care se face aderare.		

PRIN SINTEZĂ

Pe poziția ALTCEVA (motivată) s-au inclus mai mult de jumătate dintre studenți, ceea ce dovedește creșterea nivelului de originalitate în competitivitatea a ști să fii creativ și, desigur, deprinderea de evidență autonomă a măsurării a propriului progres formativ.

Evidența testologică, Da sau Nu - Altceva, definitivează descifrarea/incifrarea termenilor cheie (plăcere-dorință) în formatul MECA, vizavi de o nouă variantă interpretativă, ceea ce reprezintă în linii mari, funcțiile esteticii literare, în maniera MVPF, „6 la 6” suplinirea exersivă a TMSC.

Calificativele (Altceva), dovedesc formațiunea de personalitate, în formatul prevalenței ambelor principii coșeriene: principiul creativității și principiul alterității în constituire valorizantă

integră: PLS/principiul lăuntrului suveran-PPA/principiul preaplinului autenticitar-PAG/principiul axiologiei globale.

Bibliografie

1. P.Andrei, „Filosofia valorii”. Iași, Ed.Polirom, 1997.
2. L.Botezatu., „Teoria literaturii în abordare curriculară”, Comrat, 2018 ,p. 74-75 .
3. 3.L.Botezatu., „Creativitatea la formarea culturii filologice”, Comrat, 2018.
4. L.Botezatu. Bulgaria, Educational Alternatives, Volume 19, 2021 The principle of global axiology versus the theory and special methodology - the theory and general methodology of creativity <https://www.scientific-publications.Net/en/issue/1000051/> <https://www.scientific-publications.net/en/article/1002319/>
5. T.Melnic „Semnificația social-estetică a literaturii”, LUMINA ,1980.
6. Constantin Cucoș „Pedagogie ’’. POLIROM 2006.
7. Vl. Pâslaru. „Prolegomene pentru o didactică a artei”. Chișinău, 2017.

CZU 37.091.124:811.135

PERSONALITATEA PROFESORULUI DE LIMBA ȘI LITERATURA ROMÂNĂ

Tatiana Burlacu,

magistru în filologie, profesor de limbă și literatură română, Colegiul Mihail Ciachir, Comrat

e-mail: tatianaburlacu78@mail.ru

orcid id: 0000-0002-7001-5094

Abstract: In this article he talks about the personality of the Romanian language and literature teacher. We set out to list some of the " qualities " necessary for the teacher of Romanian language and literature, we will note as the main ones are the following: have a thorough specialist training; to have a pedagogical vocation, that is, those moral and character qualities that facilitate communication and permanent dialogue with students; to have a good memory, order and clarity in thinking, distributive attention and spirit of observation.

Keywords: language, literature, personality of the teacher, vocation, the manifest, relationship, communication, student, balance.

Personalitatea profesorului de limba și literatura română, vizibilă printr-o bună pregătire psihopedagogică și de specialitate, componența și autoritatea sa în fața elevilor imprimă un anume sens comunicării pedagogice. Relația profesor-elev trebuie să fie de cooperare, elevul fiind nu numai subiect, ci și obiect al acțiunii de predare-învățare, partener egal în actul de instrucție și educație, cu aplicare concretă spre ora de limba și literatura română. Pentru a fi stimulat de elevi și prețuit de discipoli profesorul trebuie să aibă o bună pregătire de specialitate și psihopedagogică. El va ști nu numai volumul de cunoștințe recomandat de programă și manuale, ci cui sunt destinate acestea (elevilor de o anumită vârstă, cu capacități limitate), apoi cum vor fi însușite cunoștințele, prin ce metode și procedee. Cunoștințele de limbă și literatură fiind adesea abstracte și dificile pentru elevi, e firesc ca profesorul să știe gradul de dezvoltare a gândirii, memoriei, imaginației și reacțiile emotive (posibile) ale acestora. De asemenea, pe ce experiență de viață se poate baza și la ce trăiri poate apela; să presupună, în concluzie, de câtă energie psihică au nevoie elevii pentru asimilarea anumitor noțiuni de limbă și literatură.

Pentru a stăpâni și a-și însuși ceea ce se cheamă „măiestrie pedagogică" sau „arta de a preda", profesorul va poseda un bogat repertoriu de metode și procedee care asigură însușirea și fixarea cunoștințelor de limbă și literatură, de la cele clasice până la cele situate sub zodia modernizării. Ca atare, el va participa, în cadrul școlii, la cercurile pedagogice, la sesiunile științifice ale cadrelor didactice și la cursurile de perfecționare. Pentru a nu rămâne un simplu „meșteșugar" al disciplinei

profesate, profesorul este obligat să țină pasul cu cercetările pedagogice și de didactică specială, să consulte pentru orice problemă de didactică revistele de profil etc.

Reușind să stabilească un echilibru și o evoluției sincronice a pregătirii sale de specialitate, pe de-o parte, și a celei metodologice, pe de altă parte, profesorul nu va mai fi pândit de cele două pericole care-l amenință. Mai întâi, el nu se lăsă „dominat de disciplina pe care o predă, abandonându-și problemele pedagogice”. (Piaget, Jean, *Psihologie și pedagogie*, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1972, p.117)

În al doilea rând, însușindu-și arta și știința predării, el nu va considera că acest „dar” ține loc la toate.

Dacă ne-am propune să enumerăm câteva din „calitățile” necesare profesorului de limba și literatura română, vom reține ca principale sunt următoarele:

- să aibă o temeinică pregătire de specialitate;
- să țină „cadența” cu progresul disciplinelor pedagogice;
- să considere că pregătirea metodologică este pentru el ca fizica pentru inginer și anatomia pentru medic;
- să aibă vocație pedagogică, adică acele însușiri morale și de caracter care-i înlesnesc comunicarea și dialogul permanent cu elevii;
- să manifeste, ca însușiri „temperamentale”, buna dispoziție și umor;
- să posede, ca „însușiri intelectuale”, capacitate de asimilare și sinteză;
- să aibă o bună memorie, ordine și claritate în gândire, atenție distributivă și spirit de observație.

De asemenea, pentru a fi iubit de elevi, profesorul de limba și literatura română trebuie să posede anumite calități didactice care compun ceea ce se cheamă „măiestrie pedagogică”:

- capacitatea de a expune clar și convingător a ideilor
- ușurință în exprimare, limbaj adecvat
- concizia și precizia formulărilor
- plasticitatea vocabularului
- intonația corectă și dicția plăcută
- să aibă „tactul pedagogic” necesar, adică: simțul măsurii în toate, talentul de a aprecia rapid și corect situația, priceperea de a prevedea reacțiile și de a anticipa rezultatul măsurilor luate.

Anumite trăsături caracteristice, care compun portretul dascălului zilelor noastre, le găsim întruchipate în personalitatea profesorilor de limba română din trecutul culturii noastre. Predând într-un fel sau altul obiectul pe care și l-au ales, ei au început să mediteze, să fie preocupați de modul de predare, de problemele de didactica specialității. N. Iorga le-a creionat un portret de neuitat care se potrivește tuturor profesorilor de vocație. Istoricul îi vedea pe aceștia ca pe niște intelectuali a căror preocupare de căpetenie era „să știe carte”. „Înainte nimănui, spunea savantul, nu se ridică mai respectuos pălăria decât înaintea profesorului care impune, în hăinuța lui ieftină, pentru ce este în comoara minții lui.” (Iorga, Nicolae, *Pagini alese*, vol.2, Editura pentru literatură, București, 1965, p.72)

” Cercetările mai recente pun accentul pe așa trăsături profesionale cum ar fi: creativitatea, capacitatea de comunicare, starea empatică, autoritatea epistemică. (Marin, Călin, *Teoria educației. Fundamentarea epistemică și metodologică a acțiunii educative*, Editura Univers Enciclopedic, București, 1996, p.46)

Dar dacă profesorul literat voiește să-i conducă pe discipolii săi în misterioasa lume a creației literare, să-i facă nu numai consumatori de artă, ci și creatori de texte literare, în acest caz pedagogul trebuie să fie și el un creator? Răspund: în acest caz pedagogului nu i se cer capacități de scriitor, ci să fie un bun profesor...

Să fie pedagog de vocație. "vocația înseamnă chemare, entuziasm, dăruire, pasiune, spirit creator, conștiința responsabilității față de viitorime. Omul de vocație postulează în mod consecvent necesitatea perfecționării sale și realității sociale în care trăiește. În el vibrează noul, care creează valori de cultură ". (Petrescu Marin, Emile Planchard și pedagogia experimentală, prefată la cartea Emile Planchard, *Cercetarea în pedagogie*, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1972, p.XV).

În această ordine de idei se înscriu și meditațiile lui Constantin Parfene, care, pornind de la necesitatea modernizării conținutului învățământului, a metodelor, mijloacelor și formelor acestuia, menționează:

"Practica milenară ne învață că nu trebuie așezată căruța înaintea cailor, ci invers. Ce legătură poate avea exemplul cu problema noastră? Are. Și încă una foarte mare, pentru că vorbind mereu despre modernizarea conținutului învățământului și a tehnologiei didactice, uitând factorul chemat să mănuiască toate acestea, așezăm - exprimându-ne figurat, căruța înaintea cailor. Pornind de la ideea că atât conținutul modernizat al învățământului, cât și tehnologia ultramodernă nu-și vor dezvălui valențele formative decât raportate la personalitatea profesorului." (Parfene, Constantin, *Literatura în școală. Contribuții la o didactică modernă a disciplinei*, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1977, p. 73).

Educația creativ-cognitivă, ce înlocuiește educația tradițională (bazată în esență, pe însușirea și acumularea de cunoștințe), solicită din partea pedagogilor, în genere, a profesorului literat, în special, noi competențe. Dar competențele vor avea la bază în mod necondiționat atât autoritatea epistemică a profesorului, cât și autoritatea deontică a acestuia.

Așadar, dacă am zice că profesorul literat, care dorește să-i învețe pe elevii săi să compună texte literare, trebuie să fie un împătimit de lecturi, am spune, evident, un adevăr, dar acest adevăr e unul de suprafață. Să încercăm a pătrunde în esența lucrurilor.

Este vorba despre gradul de înțelegere și de profunzime a lecturii. Pentru ca elevii instruiți de profesor să poată disocia și înțelege fenomenul literar, e necesar ca profesorul mai întâi să fie o adevărată *conștiință receptoare*.

Subiectul care citește cartea urmează să devină o cameră de rezonanță în stare să rețină și să amplifice informațiile estetice oferite de operă.

Scriitorul apelează la un limbaj specific, cu rădăcinile în limba comună, dar calitativ diferit de acesta. Profesorul literat, deci, trebuie să fie un receptor de excepție al textului literar. "Adâncimea forajului în structura de suprafață a textului poetic depinde de competența artistică a receptorului, înțelegând prin aceasta întreaga sa pregătire apreciativă" (Parfene, Constantin, *Teorie și analiză literară, Ghid practic*, Editura Științifică, București, 1993, p. 101).

Conștiința receptoare este condiționată de codul genetic, dar și de muncă asiduă, numită simplu autoperfecționare.

Alt deziderat de care ar trebui să se călăuzească profesorul literat, ce vrea ca elevii săi să realizeze texte originale, este: *îndrăznește* împreună cu discipolii, în aceste circumstanțe un rol important îl are autoritatea deontică a pedagogului, despre care am vorbit mai sus. Un profesor de vocație este mai mult decât o prezență fizică, este, mai ales, o prezență (autoritate) spirituală. Spiritul neliniștit al dascălului nu se poate limita la pedagogia reproductivă, care e un fel de închisoare a gândului, ci va căuta lărgime și noi orizonturi. În această ordine de idei, să ne amintim de ilustrul pedagog ucrainean Vasiliu Suhomlinski, care își făcuse din poveste un fel de căluț de bătaie. El scria: *"De ce povestea dezvoltă vorbirea și gândirea copilului mai mult decât orice alte mijloace? Pentru că chipurile din povești au un colorit emoțional. Cuvântul din poveste trăiește în conștiința copiilor. Inima lor se oprește pe loc, când ascultă sau pronunță cuvinte ce creează un tablou fantastic. Nu-mi închipui instruirea în școală nu numai fără audierea, ba nici fără compunerea poveștilor"* (Suhomlinski, V., A., *Inima mi-o dăruie copiilor*, Editura Lumina, Chișinău, 1974, p. 28).

"Ceea ce surprinde e faptul că 70 la sută din profesori consideră creativitatea drept un har care nu-i este dat fiecăruia... În SUA după al doilea război mondial, creativitatea este percepută ca ceva ce poate fi dezvoltat în cazul majorității indivizilor." (Eryer, Marilyn, *Predare și învățare creativă*, Chișinău, Editura Uniunii Scriitorilor, 1998, p. 22).

Consider că orice copil poate crea un text artistic. Doar că unii cu capacități artistice înnăscute pot alcătui cu ușurință și cu puțin efort un astfel de text, iar alții îl vor crea în limite mai mici și cu efort mai mare. Pe parcursul anilor de studii elevii își vor dezvolta capacitățile creative, dezvoltându-și un vocabular bogat, cunoscând atât sensul propriu, cât și cele figurate ale cuvântului.

Bibliografie

1. Piaget, Jean, *Psihologie și pedagogie*, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1972.
2. Iorga, Nicolae, *Pagini alese*, vol.2, Editura pentru literatură, București, 1965.
3. Petrescu Marin, Emile Planchard și pedagogia experimentală, prefață la cartea Emile Planchard, *Cercetarea în pedagogie*, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1972.
4. Parfene, Constantin, *Teorie și analiză literară. Ghid practic*, Editura Științifică, București, 1993
5. Suhomlinski, V., A., *Inima mi-o dăruie copiilor*, Editura Lumina, Chișinău, 1974.
6. Eryer, Marilyn, *Predare și învățare creativă*, Chișinău, Editura Uniunii Scriitorilor, 1998.

CZU 37.016:821.135'243

UTILIZAREA MODULUI CONDIȚIONAL LA LECȚIILE DE LIMBA ROMÂNĂ ÎN INSTITUȚIILE CU PREDARE ÎN LIMBILE MINORITĂȚILOR NAȚIONALE.

Ecmecci Liudmila,

profesoara de Limba și Literatura Română Gimnaziul F. A. Angheli Satul Gaidar

E-mail: ecmecci@yandex.ru

orcid id: 0000-0002-3889-8368

Abstract: Actual article highlights the use of the Conditional Mood as an element of grammar studied in Romanian Language's lessons in educational institutions with national minorities. The functional approach of grammars aims is using of the studied material by the student in the communicative situations. It is known that the grammar of the Romanian language is quite difficult, given its complex structure. It is grammar that lays the foundation for effective communication. Even from the primary school onwards, students are gradually introduced to the basics so that they can learn more precise and deeper notions in secondary school. The grammar of the Romanian language is an indispensable aspect in the formation of the communication competence, which the students are to form / develop during the schooling, being guided by the teacher.

The subject of the discourse proposes the presentation of the Conditional Mood in Romanian and presupposes some activities of its teaching-learning in the institutions with teaching in the languages of the national minorities. The phenomenon of Conditional Mood is often met in everyday communication, although its grammatical elements are partially found on the pages of textbooks.

This article reflects some activities designed on the topic of Conditional Mood, which allows high school students to master their grammar skills.

Key-words: Conditional Mood, functional grammar, national minorities, gimnazyum, activities, communication, teaching, school textbooks.

Noțiuni de gramatică în instituțiile cu predare în limbile minorităților naționale se studiază în plan funcțional. Conform *Curriculumului disciplinar* la disciplina Limba și literatura română pentru instituțiile de învățământ cu predare în limbile minorităților naționale elementele de construcție a comunicării, reprezentate prin fenomenele lingvistice sunt abordate din perspectivă funcțional-comunicativă.

În clasele gimnaziale noi facem cunoștința mai apropiată cu noțiunea de Modul Condițional. Modul reprezintă forma pe care o ia verbul pentru a arăta felul cum vorbitorul consideră acțiunea. Vrem să prezentăm un studiu descriptiv asupra Modulului Condițional din punct de vedere lingvistic. Modul Condițional propriu-zis exprimă o acțiune a cărei realizare depinde de îndeplinirea unei condiții.

Și-ar cumpăra o mașină nouă dacă ar avea destui bani.

M-aș uita la film dacă n-aș avea televizorul defect.

Te-ar fi invitat la petrecere dacă te-ar fi întâlnit ieri.

Condițional românesc contemporan este caracterizat prin morfemele segmentale **aș, ai, ar am, ați, ar**, forme specializate ale auxiliarului morfologic **a avea**.

În limba veche românească, aproximativ pînă la începutul secolului XVII, în textele rotacizante întîlnim un condițional numit organic. El e sintetic avînd terminațiile: -are, -ari, -are, -arem, -aret, -are, pentru verbele de conjugarea I: intrarem, intrarim, intrarem, intrarem, intraret, intrare;

-ure, -uri, -ure, -urem, -uret, ure-pentru verbele de conjugarea II: tacure, tăcure, tăcure, tăcurem, tăcureț, tacure;

-ere, -eri, -ere, -erem, -eret, -ere pentru verbele de conjugarea III: mearsere, mearseri, mearsere, mearserem, mearseret, mearsere;

-ire, -iri, -ire, -irem, -iret, -ire - pentru verbele de conjugarea IV; auzire, aziri, auzire, auzirem, auziret, auzire.

Condiționalul organic ar putea fi tradus în limba contemporană prin condiționalul prezent și viitorul anterior.

Lingviștii admit o dublă origine a condiționalului organic: din conjunctivul perfect latin (aceasta avînd terminațiile -erim, -eris, -erit, -erimus, -eritis, -erint) și din Futurum II activ, care, de fapt, posedă aceleași terminații, exceptînd persoana II singular -ero. Dacă am reieși numai din structură, am putea afirma că formele condiționale organice derivă din Futurum II activi (de exemplu intraru / pers. I sing. intravero).

După cum am mai semnalat, condiționalul organic nu s-a păstrat în limba actuală, el fiind substituit prin condiționalul prezent perifrastic, despre care va fi vorba în rândurile următoare.

Paralel cu formele condiționalului organic, dar mai cu seamă începînd din sec. XVI- XVIII în textele noastre vechi se atestă un condițional prezent perifrastic (ajuns, de altfel, pînă în zilele de azi compus din formele **aș (așu), ai, ar, am, ați, ar, (are, ară)** plus infinitivul scurt al unui verb. Iată exemplele atestate:

Mulți are hi mai bucuroși să meargă, decât să-și descopere boala sa să o vadă toți.....
(Varlaam, Cazania)

.....alții are putea să și știe..... (Varlaam, Cazania)

Ca de ași pricepe că haina dipre mine știe gândul meu, în foc o aș baga-o. (Ureche Gh., LTM)

Originea primului component al condiționalului prezent perifrastic (**as, ai, ar, am, ați, ar**) este o chestiune discutabilă. Unii susțin că formele lui descind din verbul **a vrea** - prin reducere: **vrea / rea / ar și a +și** (aceasta-i așa numita <teorie volere>), iar alții se pronunță pentru provenirea formelor din verbul **a avea** (aceasta-i așa numita <teorie habere>). Lingviști ca G. Weigand, Al. Philippide, I. Iordan susțineau prima ipoteză, cei mai mulți însă: H. Tikiin, O. Densușeanu, Al. Rosetti, A. Lombard, V. Titova pledează pentru cea de-a doua. [, p.221]

Conditionalul Present indică o acțiune care se poate realiza în prezent în cazul îndeplinirii unei condiții.

I-ar telefona dacă i-ar găsi numărul.

Dacă ar pleca, mîine ar fi pe mare cu Frank.

Dacă s-ar întîmpla accidentul, el ar fi obligat să depună mărturie în favoarea ei.

Este un timp absolut, situează acțiunea verbală în prezentul actului de comunicare, să coincidă pe deplin:

"Parc-ați fi domnișoare, fir-ar al dracului!" (M. Preda)

De altfel, prezentul are, în cele mai multe cazuri, valoare de viitor:

"Tiu! Ța-ța! Pftiu! Uci-gă-te toaca, duce-te-ai pe pustii!" (I.L. Caragiale)

Condiționalul prezent românesc este un timp compus, construit analitic, din tema infinitivului verbului de conjugat și verbului auxiliar **a avea/a vrea** la imperfect (cu flexiune de auxiliar). Tema infinitivului este invariabilă. Auxiliarul își schimbă forma, în funcție de număr și persoană:

PERSOANA	VERB CONJUGAT
EU	Aș cânta
TU	Ai cânta
EL, EA	Ar cânta
NOI	Am cânta
VOI	Ați cânta
EI, ELE	Ar cânta

Conditionalul Trecut exprimă o acțiune a cărei realizare a depins de îndeplinirea unei condiții

Aș fi venit la timp dacă nu aș fi pierdut autobuzul.

Ar fi ajuns la timp dacă ar fi luat un taxi.

Ar fi citit cartea dacă i-ai fi împrumutat-o.

Condiționalul trecut, ca și cel prezent, s-a format pe teren romanic și are caracter perifrastic. Este un timp compus, construit analitic, din verbul auxiliar **a fi** și **tema de participiu** a verbului liber. Sintagma este variabilă, în funcție de persoană și de număr, numai prin auxiliarul de mod:

PERSOANA	VERB CONJUGAT
Eu	Aș fi cântat
Tu	Ai fi cântat
EL, EA	Ar fi cântat
NOI	Am fi cântat
VOI	Ați fi cântat
EI, ELE	Ar fi cântat

Deși Modul Condițional din punct de vedere lingvistic este un mod complicat, din punct de vedere al gramaticii funcționale el este ușor de reținut de către elevi. Este destul de ușor de memorizat formarea modului Condițional prin **metoda scrierii creative**.

Modul de aplicare este cât se poate de simplu: a) elevii completează o listă din cel puțin cinci-perechi de substantive ce exprimă întregul (*timp*) și partea (*ora, clipa, veșnicia*);

b) ei plasează perechile de cuvinte scrise în structurile propuse de profesor;

c) scriu un cuvânt/enunț cu rol de concluzie/sinteză a celor comunicate;

Pentru exemplificare propunem următorul text:

Dacă tu ești *timpul*, eu sunt *clipa*

Dacă tu ai fi *soarele*, eu aș fi *raza*.

Dacă tu ai fi _____, eu aș fi _____.

Dacă tu ai fi _____, eu aș fi _____.

Două inimi gemene. (Armonie)

Acest tip de exercițiu este aplicat cu succes în procesul de predare/consolidare a modului condițional sau al oricărui alt mod personal (indicativ, conjunctiv, imperativ), timp (prezent, trecut, viitor), aspect (imperfect, perfectul compus etc.) cu modificările respective ale formei verbului *a fi*. Activitatea elevilor nu se va termina aici. Ei întruna va avea o amprentă ușoară asupra vieții cotidiene și se va gândi la diferite variante de a exprima gândurile prin Modul Condițional.

Dat fiind faptul că Modul Condițional se studiază în clasele a 6-ea, a 7-ea le este captivant **să continue gândurile începute;**

De-aș fi un înger.....aș ajuta oamenilor nevoiți.

Dacă aș trăi o sută de ani..... aș avea grijă de tot neamul meu.

De-aș fi o pasăre mică.....aș călători în cele mai interesante locuri....

Dacă aș fi o Zână bună aș bucura pe copiii orfani.

N-aș vrea să am comori, aș vrea.....să am părinții alături.

Pe lângă aceste exerciții putem să propunem **joc didactic "Ce ai fi făcut dacă.."**. Aici elevii pot să răspundă și să continue enunțul atât în scris, cât și oral. Drept scopul acestui joc este dezvoltarea competenței comunicative și creative.

Spune ce ai fi făcut dacă: Ai fi vorbit bine românește?
Ai fi știut foarte bine matematica?
Ai fi plecat la mare?
Ai fi câștigat la loterie?
Ai fi călătorit la munte?

Luând în considerație predare- învățare elementelor gramaticale ca și Modului Condițional propriu-zis, putem spune că se formează o atitudine pozitivă în studierea aprofundată a limbii și literaturii române din partea elevilor alolingvi. Abordarea funcțională a gramaticii are drept scop folosirea materialului studiat de către elev în situații de comunicare. Mai ales că la noi, în special, într-o societate multilingvă, scopul nostru primordial este dezvoltarea competențelor comunicative. Competența de comunicare va permite elevilor alolingvi de a studia și de a se adopta mai ușor cerințelor sociale.

Este cunoscut faptul că noțiuni de gramatică sunt o latură indispensabilă în formarea competenței de comunicare, pe care elevii urmează să le formeze/dezvolte pe parcursul școlarității, fiind ghidați de profesor.

Repere bibliografice:

1. Curriculum la disciplina *Limba și literatura română* pentru instituțiile de învățământ cu predare în limbile minorităților naționale, ediția 2019
2. Ghidul de implementare a Curriculumului la disciplina *Limba și literatura română* pentru instituțiile de învățământ cu predare în limbile minorităților naționale, ediția 2019
3. Avram, Mioara, ” gramatica pentru toți”, București: Edituras a III-a, 2001
4. Constantinescu-Dobridor, Gheorghe, ”Morfologia limbii române”, București: Editura Vox, 1996
5. „Curs de gramatică istorică a limbii române”, Chișinău: Lumina, 1991
6. ”Mic dicționar de termeni lingvistici”, coord. Dîrul, Al., Chișinău, Academia de Științe a Moldovei, 2008

C.Z.U.: 822.133.07

PERSONAJUL LITERAR

Oxana Mititelu,

doctor în filologie, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Comrat

e-mail: oxana.mititelu.2015@mail.ru

orcid id: 0000-0002-4690-3657

Abstract: The literary character is a presence through which the writer indirectly expresses his conceptions, representations, ideas in the epic or dramatic work. As the main narrative instance, the character is an essential element in the structure of the epic or dramatic text. Representing artistically transfigured people, beings imagined by the writer, who become actors in the events narrated or presented as stage actions.

Keywords: literary character, epic work, dramatic work, the functions and typologies of the character, writer.

Orice operă literară rămâne în mintea cititorilor prin personajele sale, personaje cu care empatizăm, uneori ne identificăm, alături de care luptăm, suferim, învingem sau suntem învinși. Termenul de personaj provine din franțuzescul „personnage”, care, la rândul său, își are sorgintea în latinescul „persona”, cu sensul de mască de teatru, rol, actor.

Personajul este o prezență prin intermediul căreia scriitorul își exprimă indirect concepțiile, reprezentările, ideile în opera epică sau dramatică. Ca instanță narativă principală, personajul reprezintă un element esențial în structura textului epic sau dramatic. Reprezentând oameni

transfigurați artistic, ființe imaginate de scriitor, devenite actanți ai întâmplărilor narate sau prezentate ca acțiuni scenice, personajele au fost numite în chip diferit de teoreticienii artei literare: „**ființă de hârtie**” (R.Barthes), „**ființă ficțională**” (Toma Pavel), **actant** (A.J. Greimas), **actor** (J. Lintvelt), **erou** (M. Bahtin, J. Lintvelt). În *Dicționar de termeni literari*, criticul Mircea Anghelescu definește personajul literar ca „persoană, prezentată după realitate, sau rod al ficțiunii, care apare într-o operă epică sau dramatică, fiind integrată prin intermediul limbajului în sistemul de interacțiuni al acesteia”. [1, p. 42]

Personajul literar – prezentare diacronică

În diacronia literaturii, personajul a cunoscut mutații esențiale pe măsura schimbărilor produse în concepțiile estetice și în operele literare aparținând diferitelor curente. În *Poetica* sa, Aristotel definește personajul drept un caracter ce trebuie să întrunească trăsături precum noblețea, potrivirea („există o fire bărbătească: nici bărbăția, nici cruzimea nu se potrivesc cu firea femeii”), „asemănarea” (între tipul creat și modelul din realitate), statornicirea. [2]

După apartenența operei la diferite mișcări și curente literare, după viziunea artistică, potrivit căreia este creat, personajul poate fi:

Antic se detașează prin logică, unitate interioară, verosimilitate (pare real, adevărat), raționalitate, inteligibilitate.

Clasicismul a insistat asupra unității personajului, concepând foarte riguros ideea de consecvență, străduindu-se să creeze caractere universal-valabile, nu simplificând trăsăturile umane, ci ierarhizându-le în funcție de cea dominantă. Fiind inspirat din antichitatea greco-romană, este dominat de rațiune, are simțul onoarei și al datoriei, iar tipul uman creat concordă cu firea, nivelul geografic, cu era istorică, cu vârsta modelului din realitate.

În **proza clasică**, romancierul nu-și lasă eroul să se desfășoare la voia întâmplării și să gândească ce vrea el despre situațiile în care e pus, ci îl obligă să exteriorizeze ceea ce gândește autorul. Dar nu numai atât, ci chiar universul interior al personajului trăiește în funcție de cât vrea să spună autorul, de optica acestuia. Situându-se înăuntrul și în afara fiecărui personaj, scriitorul este stăpân absolut de spațiu și timp, iar omnisciența sa îl imobilizează, punându-l în situația de a se lăsa manevrat. Personajul are un caracter puternic dominant de atitudini morale eroice etc. (Ex. *Antigona*, Sofocle);

Personajul romantic provine din toate mediile sociale, este sfâșiat de trăirile interioare antagonice, se transformă, suferă mutații spectaculoase, este „un monstru de frumusețe sau de urâtenie, de bunătate sau de răutate ori de toate astea amestecate (...), e bizar, enigmatic, rebel” ca tipuri întâlnim acum visătorul, inadptatul, geniul, demonul, titanul (om cu puteri, calități extraordinare), mesianicul (profetic), scepticul (îndoielnic), cinicul (încalcă regulile morale) etc. Are trăiri interioare antagonice cum sunt inadaptați, răzvrătiți etc. (Ex. *Sărmanul Dionis* de M. Eminescu);

Realismul promovează eroii văzuți în transformare, fără ca, în acest mod, caracterele să-și piardă unitatea. Dacă romanticii fuseseră interesați de formule atipice, de genii și de monștrii, iar clasicii se ocupaseră de omul normal, echilibrat, cei mai mulți scriitori realiști revin la omul normal, considerat nu în generalitatea lui clasică, ci în diversitatea lui individuală și istorică, în nenumărate le lui întruchipări pe care le conferă observarea realului. El provine din toate straturile sociale și poate avea orice vârstă, iar psihologia lui se poate desprinde din portret, comportament, îmbrăcăminte, vorbire și mediul în care trăiește. Ca tipuri, acum circulă avarul, parvenitul, snobul (admiră și adoptă cu orice preț tot ce este la modă), ratatul (persoana care nu a izbutit să se afirme, să se realizeze), degeneratul (persoana care își pierde calitățile morale, fizice) etc. (ex. Ghiță din nuvela *Moara cu noroc*);

În **naturalism**, comportamentul și acțiunile personajului sunt determinate de cauze ereditare, boală, instincte, obsesii (Ex. *În vreme de război* de I. L. Caragiale);

Literatura modernă promovează personajul ca expresie a unei sensibilități, nu a unei dimensiuni caracterologice; acesta își pierde consistența și coerența pentru a întruchipa deseori un simbol. Prin analiză și autoanaliză, se sondează zonele cele mai ascunse ale trăirii și ale gândirii personajelor, se caută răspunsuri la întrebările ființei. Acum, eroul suferă un proces al dezeroizării

reflectat în planul vieții interioare, e capabil de acte gratuite și refuză normele sociale, psihologia proprie încadrându-se în sfera abisului. [3, p. 34-37]

În **proza modernă**, instanța auctorială și-a pierdut prestigiul, vocea naratorului scientist s-a diseminat. Autorul conduce acum destinul personajului din umbră, deghizat, fiind prezent în text sub o formă sau alta, căci nu trebuie să uităm niciodată că „un autor poate până la un punct să-și aleagă deghizările; el nu poate alege niciodată să dispară”. [4, p. 89] Personaje moderne sunt simboluri, metafore, expresii ale unei viziuni inedite asupra existenței, sondarea vieții intime și a zonelor abisale ale ființei etc. (Ex. *Iona*, M. Sorescu).

Personajele pot fi și **ființe supranaturale**, animale, obiecte. De exemplu Gerilă, Setilă din basmul *Harap-Alb* de I. Creangă.

Suprapersonajul „nu este un individ uman, ci un loc, un eveniment, o metaforă – în sistemul cărora sunt incluse un număr oarecare de personaje”. Suprapersonajul planează peste indivizi, îi determină. Exemple: istoria (C. Negruzzi, *Alexandru Lăpușneanu*), hanul (M. Sadoveanu *Hanu Ancuței*, I. Slavici *Moara cu Noroc*).[5, p. 27]

Personajele trăiesc numai în lumea ficțiunii, nu au consistență, dar mimează realitatea și uneori „concurează starea civilă”. Alteori nu au nici o legătură cu realitatea, sau e doar o legătură simbolică, bazată cu o idee.

Funcțiile personajului

Funcțiile personajului sunt determinate de structurile specifice textului narativ și de opțiunile estetice ale scriitorului. În acest sens, putem vorbi de următoarele funcții ale personajelor:

- **Personaj obiectiv** (actantul) – este urmărit în planul evenimentelor și are sarcina de a-și juca rolul în acțiunea narată; este textualizat prin indici de persoană a III-a de exemplu: personajul Ion din romanul *Ion* ;

- **Personajul-reflector** (raisonneur) – este „purătorul de cuvânt” al naratorului, din a cărui perspectivă sunt relatate la un moment dat faptele, are o putere superioară de a simți și de a înțelege (Mini și Nory din romanul *Concert din muzica de Bach* de Hortensia Papadat-Bengescu)

- **Personajul- focalizator** – este personajul din al cărui punct de vedere se prezintă diferite situații și evenimente narate; are funcție de observator. De exemplu: Partea a doua (strofele 44-64), în care se dezvoltă idila pământeană dintre Cătălin și Cătălina, este dominată de planul terestru-uman. Planul transcendentului este prezent doar ca termen de referință în neasemuita elegie în care Cătălina dă glas celei mai adânci nostalgii a ființei conștiente de neputința de a-și împlini visul de iubire. Personajul-focalizator este acum Cătălin. ;

- **Personajul-narator** – eroul devenit „voce” narativă, de exemplu Ștefan Gheorghiedu din *Ultima noapte de dragoste, întâia noapte de război* .

- **Personajul eponim**: numele dă și titlul operei.

- **Personajul funcțional** – îndeplinește o funcție: confidentul, provocatorul, așa cum este jandarmul Pintea din nuvela lui I. Slavici *Moara cu noroc*, prietenul comun, mijlocitorul, Stănică Rațiu din *Enigma Otiliei* de G. Călinescu.

- **Personajul de fundal** – lipsit de complexitate sau de individualitate, necesar pentru rezolvarea intrigii: boierii – Moțoc, Spancioc și Stroici din nuvela *Alexandru Lăpușneanu* de C. Negruzzi

- **Personajul alter-ego** – este „purătorul de cuvânt” al naratorului în romanul realist conferă un grad sporit de obiectivitate/autenticitate (Titu Herdelea din *Ion* de L. Rebreanu).

- **Personajul absent** – Nechifor Lipan din romanul *Baltagul* de M. Sadoveanu.

- **Funcția de acțiune** (eroul numai se mișcă);

- **Funcția de interpretare** (actorul se mișcă și judecă) personajul exprimă întotdeauna atitudinea sa subiectivă față de evenimentele narate (ex. Ion, Ana, Titu din *Ion* de L. Rebreanu):

- **Funcția opțională** de reprezentare ca personaj – narator, ca subiect al actului narativ (actor – narator se mișcă, judecă și povestește). Exemple: Allan din *Maitreyi* de M. Eliade, Ștefan Gheorghiedu din *Ultima noapte de dragoste, întâia noapte de război* de C. Petrescu, comisul Ioniță, *Frații Jderi* de M. Sadoveanu.[6]

Tipologia personajelor literare

• **Tipologiile general-umane** – configurate deja în literatura antichității și perfecționate de scriitorii clasici: eroul, avarul, ipocritul, fata bătrână, cocheta, naivul, visătorul, cugetătorul, arieratul, arivistul etc.;

• **Tipologii sociale** – țăranul, aristocratul, soldatul, burghezul, intelectualul, parvenitul, artistul etc.;

Tipologiile estetice vizează canonul impus de diferite curente literare. Astfel, putem vorbi despre:

• **Personajul clasic** – tipologic, plat și static;

• **Personajul romantic** – atipic (care se abate de la caracteristicile obișnuite), trăsături excepționale, dinamic;

• **Personajul realist** – tipologic, complex, dinamic;

• **Personajul modern** – individualizat, dilematic, contradictoriu.

Alte tipuri de personaje sunt:

• **personajele „caractere”** – personaje unitare, cu trăsături complexe focalizate pe o dominantă caracterologică (modelul personajelor balzaciene) ex: Stănică Rațiu, avocatul arivist din romanul *Enigma Otiliei* de G. Călinescu;

• **personajul arhetipal** – personaj cu grad mare de convenționalitate, reprezentând un model original, un erou exemplar, mitic, legendar, de basm ex: Vitoria Lipan din romanul *Baltagul* de M. Sadoveanu;

• **personajul istoric** – Alexandru Lăpușneanu

• **personajul simbolic** – erou investit cu puternice semnificații morale și psihologice ex: batrâna, copiii din nuvela *Moara cu noroc* de I. Slavici;

• **personajul alegoric/fictiv** – vietăți, plante, obiecte, concepte personificate, umanizate, cu valențe accentuate de semnificare ex: Inorogul, Corbul din *Istoria ieroglifică* de D. Cantemir;

• **personajul parodic** – construit într-un registru caricatural / ironic / ludic; este un antierou, un „om sucit” ex: Radu Negrescu din romanul *Singur în fața dragostei* de A. Busuioc. [7]

După gradul de implicare în desfășurarea subiectului operei:

• **Personaj principal** – participă la toate momentele subiectului (protagonist);

• **Personaj secundar** – fără participare la toate evenimentele subiectului;

• **Personaj episodic** – apare într-un singur episod sau secvență, fără implicare în conflict.

După calitățile morale pe care le are:

• **Personaj pozitiv** – întruchipează ideile de bine, trăsăturile pozitive ale omului;

• **Personaj negativ** – întruchipează maleficul.

După gradul de complexitate:

• **Personaj plat** – erou construit în jurul unei singure idei sau calități. De ex Lică din *Moara cu noroc* de I. Slavici;

• **Personaj rotund** (complex) – cu trăsături complexe, uneori contradictorii, dilematici. De ex: Ana, Ghiță din *Moara cu noroc* de I. Slavici.

După gradul de veridicitate a trăsăturilor:

• **Personaj realist** – creat prin mimesis, veridic, cu trăsături inspirate din realitatea obiectivă;

• **Personaj fabulos** (fantastic) – însușiri supranaturale, umane / nonumane.

După gradul de individualizare:

• **Personaj individual** – cu identitate precizată, cu trăsături psihosociale particulare. Ex. Maitreyi din romanul *Maitreyi* de M. Eliade ;

• **Personaj colectiv** – un grup de oameni, cu trăsături specifice, acționând sinergic. De ex. Prostimea din nuvela *Alexandru Lăpușneanu*;

• **Personaj generic** (conceptual) – reprezintă idei, atitudini supraindividuale, ipostaze umane tipice. De ex. Ion din romanul *Ion* de Liviu Rebreanu.

După mobilitatea lor în cadrul narațiunii:

• **Mobile (dinamice)** – se schimbă profund pe parcursul acțiunii, a căror transformare este justificată, verosimilă, convingătoare: (Felix din *Enigma Otiliei*, de G. Călinescu; Ghiță și Ana din nuvela *Moara cu noroc* de I. Slavici).

• **Imobile (statice)** – nu evoluează pe parcursul acțiunii (Lică din nuvela *Moara cu noroc* de I. Slavici; Aurica, Aglae Tulea din *Enigma Otiliei* de G. Călinescu) [6]

„Ca să găsească un răspuns în sufletul oamenilor, literatura trebuie să vorbească despre oameni, să creeze oameni.” [8, p.8] Dacă muzica se folosește de sunet și ton, pictura de culoare și lumină, sculptura de piatră și lemn etc., literatura nu-și imprimă direct temele într-o materie, în care ele să reapară în chip sensibil, ci ia calea ocolită a cuvântului și se adresează prin mijlocirea acestuia fanteziei care citește sau ascultă.

Un rol important în descoperirea personajelor literare îl reprezintă lectura. Orice text se adresează unui destinatar. Fără destinatar, textul nu există decât ca virtualitate, ca suport material al unei încărcături simbolice. Lectorul are datoria de a înțelege, de a afla ce vor să spună semnificații, adică să decodifice semnele și să le interpreteze.

Bibliografia

1. Got, Miorița, Lungu, Rodica, *Literatura română*. Pitești: Nomina, 2013.
2. <https://www.isjcta.ro/wp-content/uploads/2020/05/Limba-romana-clasa-a-XII-a-Taxonomia-personajului-.pdf> (accesat 22.01. 2021)
3. Dinu Simona Ionela, *Personajul romanului românesc interbelic. Abordări metodice*. Universitatea din București, Facultatea de Litere, 2018.
4. Aristotel, *Poetica*, București: Editura Academiei, 1965.
5. Crețu Ecaterina, Coca Alexandrescu, Hanu Rodica etc., *Termeni de stilistică și de poetică a textului*, Bacău: Grafit, 2007.
6. Milancovici Speranța, *Literatura română*
https://www.academia.edu/41682452/Curs_literatura_rom_id (accesat 23.01.2021)

C.Z.U.: 822.136.08

ORGANIZAREA ETIMOLOGICĂ A VOCABULARULUI LIMBII ROMÂNE

Oxana Mititelu,

doctor în filologie, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Comrat

e-mail: oxana.mititelu.2015@mail.ru

orcid id: 0000-0002-4690-3657

Abstract: *Etymology*, as a branch of lexicology, deals with the study of the origin of words. Starting with the second half of the 19th century, with the application of the comparative-historical method, essential for etymology research, this field benefited from more rigor. When there are no texts attesting to forms and words, the so-called reconstruction is resorted to. Etymology is the science that indicates to us, which peoples came into contact with the Romanian people over the centuries, what influences the Romanian language has suffered from other languages and vice versa.

Keywords: etymology, vocabulary, dictionary, types of etymology, popular etymology, paronymic attraction, substrate, layer, adstrat.

Etimologia, ca ramură a lexicologiei, se ocupă de studierea originii cuvintelor. Rom. pâine, de exemplu, provine din forma latinească (la acuzativ) *panem*. Originea comună latină explică similitudinile de înțeles și formă cu fr. pain, it. pane etc. Și etimologia este un domeniu foarte vechi. Învățații (filosofii, mai întâi) au vrut să știe care este „adevărata origine” a cuvintelor (gr. etymos „adevărat” + logos „cuvânt”), dacă între forme vechi și noi, între cuvinte relativ asemănătoare din

limbi mai vechi și mai noi există o legătură de rudenie, de filiație, sau sunt simple coincidențe. Căutarea adevărului presupune vaste cunoștințe – limbi străine, istorie, psihologie, etnografie etc., așa încât domeniul s-a transformat într-o adevărată știință. Pentru a arăta că rom. Paști (subst.) < lat. pascha < gr. pascha < ebr. Păsach „trecere”, este nevoie de investigații ample în domenii diverse (istoria religiilor și teologie, în primul rând, istorie, geografie etc.), în afară de buna stăpânire a științelor limbii (fonetică și fonologie, lexicologie, gramatică etc.) Uneori, cu toate eforturile, sursa primară a unor cuvinte rămâne necunoscută, iar alteori se dau etimologii greșite sau populare.

Începând cu a doua jumătate a secolului al XIX-lea, odată cu aplicarea metodei comparativ-istorice, esențială pentru cercetările de etimologie, acest domeniu a beneficiat de mai multă rigurozitate. Observându-se că schimbările fonetice ale cuvintelor se produc după anumite reguli stricte, că influența unei limbi asupra alteia are consecințe atât în privința formei cuvintelor împrumutate, cât și a sensurilor acestora, s-a trecut, potrivit metodei amintite la compararea faptelor similare din limbile care derivă din aceeași limbă de bază. Atunci când nu există texte care să ateste forme și cuvinte, se recurge la așa-numita *reconstrucție*.

Consultând dicționarele, constatăm că cele mai multe cuvinte sunt însoțite de explicații etimologice, iar în situația în care etimonul cuvântului este presupus sau refăcut, cuvântul respectiv este însoțit de asterisc. Unul și același etimon poate avea în limba română actuală câte două corespondente. Unul dintre aceste corespondente a evoluat dintr-o formă a latinei populare conform legităților fonetice generale (*monumentum* > *monmentu* > *mormânt* și *monument*, împrumutat mai târziu în calitate de neologism).

În dicționarele etimologice, întâlnim cuvinte ale căror etimoane nu sunt indicate, deși acestea sunt cunoscute chiar și de cei neinițiați în studiul literelor. E vorba de interjecții, mai ales de cele onomatopoeice: *cu-cu!*, *cucurigu!*, *poc!* La unele interjecții se indică totuși etimonul, dar acestea vin ca niște împrumuturi sau sub influența altor limbi: vai (lat. vae), bg. vai, ngr. vai), bravo (fr. bravos).

Unele cuvinte sunt dotate cu mențiunea *etimologie nesigură*, fiind vorba de cuvinte pentru care s-au propus etimoane: *buză*, *coarne*, fără a exista o siguranță absolută a cercetătorilor, etimologia propusă în acest caz fiind doar credibilă. Din această clasă de cuvinte fac parte, în primul rând, cuvintele a căror origine probabilă e daco-getă sau tracă, adică provin din substratul autohton al limbii române. Aproximativ 2500 de cuvinte, cărora nu li s-a putut identifica vreun etimon corespunzător în nicio limbă. În cazul lor, dicționarele fac precizarea: „etimologie necunoscută, neclară”. Printre acestea se numără: *băț*, *a bârfi*, *bătă*, *a năru*, *a născoci*, *terci*, *titirez*, *văgăună* etc. [1, p. 5-15]

Tipuri de etimologie

Partea etimologiei al cărei obiect de cercetare îl constituie creațiile lexicale ale unei limbi, în cazul nostru limba română se numește *etimologie internă*. În lingvistica românească, cel care a impus conceptul de etimologie multiplă internă este Theodor Hristea, care a demonstrat existența acestei modalități complexe de formare a cuvintelor cu ajutorul derivării regresive. Etimologia care studiază toate cuvintele împrumutate ale unei limbi, în diferite epoci ale evoluției, ale istoriei acelei limbi, se numește *etimologie externă*. Aplicată la neologisme, aceasta dezvăluie adeseori proveniența unor cuvinte noi din două sau mai multe limbi, deci existența, în numeroase cazuri a unei *etimologii multiple*.

Faptul este explicabil căci un neologism a putut fi împrumutat din mai multe limbi, fie în aceeași perioadă, fie în perioade diferite. Există cazuri când un cuvânt luat din latină, de exemplu *vena* (care a devenit în română *vână*) a fost ulterior împrumutat din latină sau din franceză sub forma *venă*, folosit astăzi în limbajul medicilor. Lat. *clarus*, după anumite schimbări fonetice, a devenit *chiar* și a fost împrumutat ulterior din franceză, ca neologism, în forma *clar*. Asemenea cuvinte care provin din același etimon, dar au aspect fonetic diferit și uneori ses diferit se numesc *dublete etimologice*.

Etimologia colectivă se fundamentează pe ideea grupării cuvintelor în câmpuri semantice. Încadrate într-un astfel de colectiv, cuvintele pot fi analizate și identificate mai ușor ca etimologie. S-au făcut astfel de studii în ceea ce privește numele de arbori, de pomi fructiferi, de plante. S-au făcut observații pertinente cu privire la faptul că mai întâi au pătruns în română numele fructelor exotice și apoi cele ale pomilor, mai întâi *lamâie* și apoi *lamâi*, mai întâi *portocală* și apoi *portocal*. În același mod, s-au încercat identificări în cazul numelor de pești, uneltelor de pescuit etc.

Etimologia literară se întemeiază pe originalitatea creatorilor de literatură, care inovează în sensul unor creații lexicale, stabilind raporturi noi între forma și sens, cu scopul declarat sau nu de obținere a expresivității. Andrei Avram citează, de exemplu, cazul cuvântului *miraza*, creație a lui D. Bolintineanu, cu sensul de oglindă. Nu este miraz moștenire, ci un alt cuvânt creat prin contaminare din alte două turcisme. La același Bolintineanu am identificat numele de pasăre *baibuh bufniță sau cucuvea*, creație lexicală provenită evident din turcescul *baykuş* și *buha*. [2, p.86-89]

Etimologia populară și atracția paronimică

Prin *etimologie populară* se înțelege modificarea formei unui cuvânt mai puțin cunoscut de vorbitori sub influența altui cuvânt mai cunoscut cu care seamănă ca formă și uneori ca sens. Cuvântul a cărui formă se schimbă se numește *indus*, iar cel cu care se face asemănarea –element *inductor*.

Atracția paronimică este fenomenul prin care un cuvânt paronim, mai frecvent în limbă, deci mai cunoscut de vorbitori, atrage un alt cuvânt mai puțin cunoscut și relativ nou în limbă sau în vocabularul individual al vorbitorilor și îl substituie pe primul. Astfel neologismul *remunerație* din franceză este transformat în *renunerație*, vorbitorii făcând legătura cu *număr*, *a număra*, cuvinte care le sunt mai familiare, deoarece știu că o remunerație, o plată se face de obicei în bani, că aceștia se numără.

Cum etimologiile populare sunt foarte frecvente, vom da mai multe exemple menționând cuvântul „creat” prin etimologie populară, cuvântul corect, precum și cuvântul sub influența căruia s-a produs modificarea: *lăcrămație* pentru *reclamație* (sub influența lui *lacrimă*, a *lăcrima*); *somnieră* pentru *somieră* (sub influența lui *somn*); *funegru* pentru *funebru* (sub influența lui *negru*); *cumperativă* pentru *cooperativă* (sub influența verbului *a cumpăra*).

Între atracția paronimică și etimologia populară există asemănări și deosebiri, motiv pentru care ele nu trebuie confundate:

- în cazul etimologiei populare, elementul inductor și cel indus nu sunt totdeauna cuvinte paronime;
- dacă în cazul atracției paronimice elementul inductor este întotdeauna un singur cuvânt, care înlocuiește elementul indus, în cazul etimologiei populare intervin mai multe cuvinte din aceeași familie lexicală;
- rezultatul etimologiei populare este o alterare a formei elementului inductor.

Multe confuzii paronimice și etimologii populare întâlnim în opera comică a lui I. L. Caragiale (cerneală *violentă* pentru *violetă*, *intrigatoriu* pentru *interogatoriu*, *vermult* pentru *vermut*).

Etimologia populară are un rol important la formarea numirilor de plante și insecte: prin etimologia populară latinescul *sanatoria* (plantă) a devenit în română *sunătoare*.

Structura etimologică a vocabularului

Limba română în structura ei s-a format odată cu poporul român, pe teritoriul Daciei de-a lungul mai multor veacuri. La formarea sa au contribuit limba latină vulgară (vulgus = popor) vorbită de romanii cuceritori și din limba dacilor bășinași. Limba română, apoi, a evoluat spre structura și forma ei actuală din zilele noastre, accentuându-i-se trăsăturile distincte, drept urmare a unui proces natural și firesc de perfecționare a ei ca instrument de comunicare între vorbitori de diverse trepte sociale, politice și culturale dar și datorită unor influențe din partea limbii popoarelor cu care au venit în contact de-a lungul timpului (poporul slav, turc, grec, etc.).

După originea cuvintelor, lexicul limbii române se ordonează astfel:

1. Elementul autohton (substratul)

Substratul este unul dintre rezultatele amestecului de populație, al conviețuirii de durată a două sau a mai multor colectivități, dintre care una e bășinașă (geto-dacii) pe teritoriul devenit comun, iar cealaltă imigrată (romanii), stabilită prin cucerire sau prin dislocări de grupări umane. În rezultatul acestei conviețuiri se stabilește comunicarea, având drept rezultat bilingvismul. Această perioadă se încheie cu mărginirea limbi populației bășinașe, aceasta formează substratul limbii în devenire. Eliminarea nu se produce brusc, ci treptat, prin extinderea sferei de utilizare a uneia dintre limbi în detrimentul celeilalte.

Termenii de substrat sunt în uz general sau local pentru noțiuni esențiale, precum:

Părți ale corpului omenesc: burtă, ceafă, grumaz;
Nume de rudenie: copil, moș;
Îmbrăcăminte: brâu, căciulă, căpută;
Locuință, gospodărie, habitat: cătun, colibă, vatră;
Animale și ocupații legate de creșterea lor: măgar, murg, mânz, stână, baci;
Forme de relief: groapă, mal, măgură, pârau;
Faună: balaur, cioară, ghionoaie, pupăză, șopârlă, viezure;
Floră: brad, brusture, coacăză, copac;
Instrumente muzicale: fluier, trișcă;
Acțiuni: băga, bucura, curma, cruța, lehăi, scăpăra;
Antroponime: Brad, Bucur, Moș, Murg;
Toponime: Carpați, Hârșova, Iași, Mehadia, Oituz, Turda;
Hidronime: Argeș, Buzău, Cerna, Criș, Dunăre, Jiu, Lotru, Olt, Mureș, Prut, Someș, Timiș, Tisa.

2. Elementul latin (stratul)

Stratul este elementul de bază al unei limbi. În limba română stratul îl formează limba latină. Latinitatea limbii române a fost semnalată mai întâi de cărturari străini (Papa Pius al II-lea, 1405-1464), apoi de cronicarii moldoveni (Grigore Ureche, Miron Costin, Ion Neculce, sec. XVII) și de cărturarii Școlii Ardelene (Samuil Micu, Gh. Șincai, Petru Maior) la sfârșitul sec. al XVIII-lea. Au pătruns puține elemente străine în structura fonetică și gramatică a limbii române, în schimb ele sunt numeoase în vocabular.

Denumiri ale părților corpului omenesc: cap, dinte, gură, mână, ochi, păr, picior, piept, față, palmă, pumn, deget, braț, ureche etc.;

Denumiri ale ființelor umane: bărbat, femeie, fiu, fiică, frate, mamă, tată, mătușă, nepot, cumnat, om, soră etc.;

Denumiri ale celor mai importante noțiuni din universul material al omului: casă, cheie, ușă, masă, fereastră, perete, poartă, scaun, grâu, pâine, apă, lapte, carne, lemn, cuptor etc.;

Denumiri ale unor însușiri și acțiuni ale omului: bun, rău, a fi, a face, a avea, a bea, a mânca, a închide, a merge, a sta, minte, viață, moarte etc.;

Plantele cele mai cunoscute: grâu, orz, in, măr, cireș, prun, fag, plop, floare, frunză, iarbă, fân etc.;

Alimentele de bază: pâine, făină, lapte, caș, carne, friptură, sare, apă, legumă, ceapă, varză, miere, vin etc.;

Noțiunile abstracte cele mai uzuale: viață, moarte, dreptate, iertare, minte, cugetare, credință, Dumnezeu etc.;

Noțiunile principale referitoare la natură, loc și mod: țară, pământ, cer, soare, lună, stea, munte, vale, vânt, ploaie, cald, frig, zi, noapte, seară, dimineată; noțiunile de timp: an, săptămână; toate numele de zile: luni, marți, etc. primăvară, vară, toamnă, iarnă; adverbele fundamentale de timp: azi, ieri, mâine, atunci, când, aici, acolo; de mod: bine, mult, puțin, foarte, alb, negru, roșu, galben, verde etc. [3, p. 55]

3. Elementul slav (adstratul)

Alături de fondul latin, româna are un număr mai mare de cuvinte străine, în primul rând slave, care-i dau caracterul specific deosebit față de celelalte limbi romanice, fiindcă prin contactul cu slavii din secolele VI – VII, se produce amestecul populației romanizate cu cea slavă. Limba română a primit un număr considerabil de termeni din slavă:

Denumiri de înrudiri: nevastă, maică, nene, rudă;

Alimente: oțet, ulei, castravete, slănină, drojdie;

Locuință și obiecte din ea: zid, pivniță, pod, prag, iesle, grădină, var, clește, lopată, ciocan, topor, plug, sanie, cojoc, sită, jar, lanț;

Numele unor noțiuni relative la natură: nisip, praf, hrană, izvor, deal, luncă, ogor, prăpastie, poiană, vifor, vreme, zăpadă;

Noțiuni curente: ceas, zare, drag, iute, scump, veselie, prieten, slab, prost, gol, bolnav, rană, milă, jale, năcaz, lacom, treaz, sărac, bogat, poftă;

Plante și animale: ovăz, sfeclă, morcov, hrean, cocean, pleavă, coajă; cocoș, găscă, vrabie, lebădă, veveriță, rac, bivol, etc. [4, p. 112]

Etimologia este știința care ne indică, ce popoare au intrat în contact cu poporul român pe parcursul veacurilor, ce influențe a suferit limba română din partea altor limbi și invers.

Bibliografia

1. Vulpe Ana, *Dictionar etimologic*. Chișinău: Biblion, 2007.
2. Bercea Livius, Chioreanu Mihaela, Drincu Sergiu, *Etimologia limbii române*, Timișoara: Amfora, 1993.
3. Niculescu Al. *Individualitatea limbii române între limbile romanice. II. Contribuții socioculturale*. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1978.
4. Pană Dindelegan G. (coordonator) *Aspecte ale dinamicii limbii române actuale*. București: Editura Universității din București, vol. I, 2002.

CZU 373.2.016:811.135243

ÎNVĂȚAREA LIMBII ROMÂNE PRIN CÂNTEC ÎN INSTITUȚIILE DE EDUCAȚIE TIMPURIE CU PROGRAM ÎN LIMBILE MINORITĂȚILOR NAȚIONALE

Mutcoglo Galina,

lect. univ., drd. Comrat, RM

E-mail: mutkoglo76@mail.ru

orcid id:0000-0002-8541-7862

Abstract. The songs represent an important tool for the learning of the Romanian language in the early education institutions with teaching in the languages of the national minorities. Learning the Romanian language through song is an extremely captivating, motivating and accessible method for children. The obvious reasons for implementing this method are: easier memorization, vocabulary consolidation, pronunciation practice.

Keywords: early education, song, hearing, vocabulary.

Muzica este extrem de importantă în viața unui om. Ea îl ajută pe om să scape de probleme, să se relaxeze, are o influență mare asupra ritmului inimii, asupra ritmului respiratoriu, la fel și asupra comportamentului și emoțiilor lui. Pitagora considera că muzica are un efect pozitiv, vindecător. Cu timpul s-a dovedit că muzica favorizează creșterea plantelor în cazul în care e folosită muzica clasică.

Studii recente asupra efectului muzicii demonstrează că creierul omului iubește muzica. Informația se receptează și se reține mai repede cu o acuratețe mai ridicată dacă este venită prin intermediul notelor muzicale. Muzica este unul dintre cele mai naturale și distractive moduri de a învăța. S-a constatat că muzica are efecte pozitive asupra învățării, mai ales în educația timpurie.

În afară de importanța pe care o are elementul muzical, cântecele sunt foarte utile în predarea limbii datorită motivației. Specialiștii din domeniu susțin că nu există achiziții lingvistice în lipsa motivației. Ea provine din trei surse: plăcerea, nevoia și datoria. Cadrele didactice știu că reacția obișnuită a copiilor la ascultarea unui cântec este plăcerea.

Referindu-se la procesul de dobândire a abilităților lingvistice s-a constatat că el cuprinde două componente: una intuitivă și una conștientă. Pe de o parte, fiind expuși la cântecele din limba necesară copilul poate reține mult mai ușor structurile lingvistice. Pe de altă parte, versurile cântecelor pot fi utilizate în nenumărate tipuri de activități de învățare deoarece reprezintă cel mai adesea un material lingvistic foarte interesant.

Aceste componente sunt conectate prin activarea ambelor emisfere ale creierului. Emisfera stângă se ocupă de gândirea logică și analitică, iar emisfera dreaptă asigură creativitatea, utilizarea

imaginilor și a expresivității emoționale. Perfecționarea unei abilități are loc atunci când se realizează o conexiune între emisfera stângă și emisfera dreaptă. În cadrul unui cântec emoția și limba se regăsesc mereu împreună. Ele coexistă deoarece asigură trecerea și conexiunea constantă între rațional și irațional și invers. De asemenea, ținem cont și de ritmul care ușurează memorarea și face procesul repetitiv mai plăcut. Limba, ritmul și melodia garantează că cuvintele, structurile lingvistice și structurile gramaticale sunt transferate către memoria de lungă durată.

Putem afirma că versurile cântecelor sunt printre cele mai bune texte pentru îmbunătățirea abilităților de ascultare/audiere și înțelegere într-o limbă nematernă. Utilizarea lor permite cadrului didactic să combine procesele conștiente și inconștiente, dând posibilitatea copiilor să se implice pentru a exploata o modalitate integrată de învățare.

Motivele evidente pentru implimentarea acestei metode de învățare a limbii nematerne sunt: ușurarea memorizării, consolidarea vocabularului, exersarea pronunției, îmbunătățirea abilităților de ascultare. Tot odată metoda influențează comportamentul, emoțiile și are un efect pozitiv asupra motivației.

De asemenea:

- muzica este îndrăgită de toți;
- reprezintă o modalitate de a activa sau de a calma atmosfera clasei;
- creează o situație ludică de învățare;
- sprijină cadrele didactice în predarea vocabularului într-un mod relaxant și antrenant;
- cu ușurință sunt reținute versurile cântecelor;
- îi ajută pe copii să observe rimele, sunetele;
- sprijină îmbunătățirea pronunției, oferindu-le copiilor un model pentru accentul în propoziție și intonație;
- reprezintă o modalitate de a îmbogăți vocabularul pentru a-l folosi în vorbire;
- reprezintă o modalitate de exersare a pronunției și intonației pentru a fi realizate cu ușurință și acasă, împreună cu părinții.

Scopul cântecelor este să atragă atenția copiilor, să îi țină implicați emoțional și să le acapareze interesul în timpul orei. Un cântec poate readuce disciplina, poate fi o recompensă pentru un comportament bun. De asemenea, este o evadare din cotidian și o cale către imaginație și creativitate.

Cei mici sunt foarte deschiși către asimilarea oricărui tip de informație. Rețin foarte ușor tot ce văd și ce aud. Dar prin cântec se simt încurajați să reproducă spontan și cu entuziasm sunetele limbii nematerne.

Cântecul reprezintă un instrument important pentru învățarea limbii române în instituțiile de educație timpurie cu program în limbile minorităților naționale. Din acest punct de vedere ideea utilizării cântecelor în cadrul orelor de limbă română primește din ce în ce mai multă atenție atât din partea specialiștilor, cercetătorilor cât și din partea cadrelor didactice. Învățarea limbii române prin cântec e o metodă extrem de captivantă, motivantă și accesibilă copiilor, e o metodă de a trezi sensibilitatea copiilor, un stimulator de emoții pozitive.

Baza comunicării este ascultarea care dezvoltă abilitatea de a diferenția sunetele receptate, de a le integra în cuvinte, în enunțuri și de a memora cele auzite. Prima abilitate de comunicare pe care o însușesc copiii în procesul de învățare a unei limbi este receptarea mesajului oral care se efectuează prin intermediul audierii [3]. Audiarea este inclusă în ascultare, dar reprezintă doar o parte din procesul de ascultare și se desfășoară în trei etape: receptarea undelor sonore; perceperea sunetelor la nivelul creierului; asocieri auditive [2.p.25].

Înțelegerea de auz are un impact pozitiv asupra abilității de a comunica în limba nematernă, deoarece constă în receptarea formei sonore și extragerea conținutului mesajului audiat. Dacă elementul audio este utilizat corespunzător, se pot înregistra rezultate bune, progrese în această direcție.

În procesul ascultării/audierii unui cântec se formează competența receptivă. Receptarea materialului înseamnă înregistrarea, perceperea datelor, obiectelor, informațiilor concrete incluse în materialul predat și se realizează prin următoarele procese psihice:

- receptare la auz și recunoaștere;
- sporirea atenției;
- segmentarea textului;
- analiza informațională;
- sentetizarea celor auzite [1, p.48].

Pentru a dezvolta competența de receptare la auz în timpul orelor de limbă română, trebuie să fie creată o serie de automatisme în redarea conținutului cântecului:

- repetarea după interpret;
- recunoașterea cuvintelor cunoscute;
- extragerea unei anumite informații;
- completarea enunțurilor etc.

Pentru ca ascultarea/audierea să aibă rezultate pozitive se recomandă realizarea ei în trei etape:

• *Preaudierea* este primul pas către înțelegerea mesajului. Această etapă permite introducerea cuvintelor cheie, cuvintelor cu efect evocator, întrebărilor deschise pentru a favoriza predicția etc.);

• *Audierea*. O audiere activă este o audiere conștientă, care pune în joc dubla funcționare a percepției și a cuvântului, o tratare în două moduri: una de tip global și alta de tip analitic (despre cine/ce este cântecul, ce cuvinte cunosc, când, cui etc.). În timpul audierii copiii sunt rugați să fie atenți și să încerce să înțeleagă despre cine/ce este cântecul, ce le place, etc.;

• *Postaudierea*. Preșcolarii trebuie să știe ce sarcini vor trebui să îndeplinească (copiii sunt îndemnați să imite acțiuni, sunete care i-au impresionat, să deseneze ceea ce au auzit, jocuri etc.) [3, p.25-26]. La etapa incipientă copiilor li se cere doar să emită, să demonstreze ce au înțeles, iar mai târziu, după repetarea de mai multe ori a activității să înceapă să cânte.

În timpul interpretării cântecului, cei mici exercită mișcări, manifestând expresivitate corporală în relație cu mesajul cântecului. Repetarea versurilor din textele cântecelor conduce la consolidarea vocabularului în limba română. Prin cântec copiii învață și diverse aspecte ale culturii limbii române.

Cercetările arată că în cadrul orelor de limbă română cadrele didactice pot folosi cântece cu diferite scopuri. Cântecele pot fi folosite la începutul orei pentru a-i încuraja pe cei mici să inițieze discuții, pot fi folosite pentru a introduce un nou subiect, o nouă tematică (de ex. culorile, animalele, transportul etc.) De asemenea, folosirea cântecelor este extrem de utilă pentru predarea și consolidarea vocabularului, a regulilor de pronunție și intonație, a structurilor mai dificile și, bineînțeles, pentru exersarea abilităților de înțelegere.

Pe lângă toate aceste argumentări, în ceea ce privește învățarea limbii române în instituțiile de educație timpurie cu program în limbile minorităților naționale, cântecul este considerat un instrument important pentru învățarea limbii române. Această metodă permite abordarea problemelor lingvistice și acelor culturale. Cântecul are numeroase atuuri pentru a solicita motivația copiilor. De asemenea, permite descoperirea limbii române orale în toată diversitatea sa și abordează chestiuni uzuale.

Astfel cu fiecare cântec copiii sunt expuși la ritmurile limbii române, la pronunția și la gramatica limbii naturale de zi cu zi.

Bibliografie

1. Barbăneagră A., Cucu L., Zavadschi A., *Învățarea simultană a limbilor română și găgăuză: Suport didactic pentru instituții de educație timpurie cu program în limbile minorităților naționale* au colab.: Nedeaľco N., Balova M., ANTEM. – Chișinău, 2020, p.48
2. Ghid metodologic, *Învățarea simultană a limbilor română și găgăuză*, Barbăneagră A., Mocanu L., ANTEM, - Ancara, Grafic Design, 2018, p.25
3. Ghid metodologic, *Predarea-învățarea integrată a limbii române în Centrele Educaționale din Diasporă*, Barbăneagră A., Cucu L., Zavadschi A., Chișinău, 2018, p.25-26
4. Utilizarea cântecelor pentru predarea limbilor straine, manualul profesorului, disponibil: <http://www.languagesbysongs.eu/doc-rom.htm>

CZU 378.147:811.135

EVALUARE FORMATIVĂ A SISTEMULUI LEXICAL

Nedu Ludmila,

lector universitar, USC or. Comrat, RM

e-mail: nedu.liudmila@mail.ru

orcid id:0000-00022606-8818

Abstract: the importance of formative evaluation of the lexical system in the process of teaching-learning-assessment of the romanian language for students allowed us to reveal the structural components and their actions in the context of the teaching act as a unit of main activities, such as teaching, learning, assesment.

Keywords: evaluation actions, formative evaluation, education process, lexical sistem.

În ultimii ani, am înregistrat, din punctul nostru de vedere, *promovarea* unor strategii de integrare a acțiunilor evaluative în activitatea didactică a profesorilor universitari, care stimulează interactivitatea acestora și activitățile de predare-învățare. Astfel, evaluarea sistemului lexical este un proces fundamental în activitatea instructiv-educativă a studenților. Înțelegerea acestui fenomen ne-a permis să relevăm multitudinea de funcții ale evaluării sistemului lexical: nu numai cea de cunoaștere, de diagnoză și prognoză, ci și cea de *reglare*, numită *formativă*.

Această orientare ne conduce spre acele numeroase *schimbări* în conceperea și realizarea acțiunilor evaluative, cu mai multe direcționări:

Se prelungește evaluarea randamentului studentesc, fenomen care *se extinde și asupra procesului realizat*, asupra calității de activitate a studenților;

Se manifestă un interes deosebit față de evoluția subiecților pe parcursul programului de studiu al limbii române cu orientare profesională; evaluarea sistemului lexical înregistrează progrese impunătoare, în același timp, identifică lacunele, dificultățile de învățare etc.

Inovarea temeinică pe care o aduce evaluarea formativă a sistemului lexical impresionează prin *efectele de reglare* pe care le produce: „A ști unde te afli, pentru a ști mai bine ce ai de făcut”. Studentul conștientizează propria formare.

Așadar, efectele reglatoare pe care le stimulează evaluarea formativă a sistemului lexical se referă nu numai la învățare, dar și la formarea strategiilor didactice interactive în întregime. Ideea expusă reflectă și următoarea realitate: evaluarea formativă a sistemului lexical îl ajută pe studentul nu numai să învețe, dar îi sugerează și profesorului cum să-l învețe pe student. Cu referire la această funcție, didacticianul Perrenoud Th. Consideră că evaluarea formativă ca atare presupune redimensionarea a trei elemente ale procesului instructiv-educativ:

-Observația (ghidarea și optimizarea exercițiilor de învățare);

-Intervenția (analiza care identifică cauzele și dificultățile);

-Reglarea (cu nuanță *retroactivă* la finele unei secvențe cu nuanță *interactivă* – în timpul procesului și cu nuanță *proactivă*- studentul se angajează într-o nouă activitatea [1, p.40-49]).

Ceea ce caracterizează cu totul deosebit acțiunile evaluative este locul pe care îl ocupă acestea în procesul didactic, cum se integrează în acest proces și interacțiunea lor funcțională cu activitățile de predare-învățare.

Cu cele expuse anterior se cere de menționat și faptul că elementele componente ale evaluării formative a sistemului lexical se integrează totalmente în procesul de învățare a limbii române cu orientare profesională, modificându-se în dependență de primordialitatea funcțională a sistemului lexical, subordonată funcției de bază: îl ajut pe student să învețe, dar și pe profesor să instruiască[2, p. 9-11].

Dorim să evedențiem acele trăsături ce caracterizează în mod deosebit evaluarea formativă a sistemului lexical în aspect multiform și funcțional:

Evaluarea formativă a sistemului lexical **se idealizează, predominant, pe parcursul desfășurării procesului didactic** și este menită să verifice **sistematic** progresele, ea se realizează la

începutul programului de studii până la terminarea lui. Scopul acestui aspect al evaluării formative a sistemului lexical este să-l informeze pe studenți cum trebuie să realizeze obiectivele și să pună la cunoștința studenților, profesorilor și părinților despre progresele acestor obiective. Dar pentru ca să-și îndeplinească funcția formativă, este necesar ca evaluarea sistemului lexical să respecte trei condiții:

Să fie continuă (realizare permanentă și pe unități de învățare mici);

Să fie analitică și completă (sunt verificați toți studenții în asimilarea elementelor principale ale conținutului cu orientare profesională);

Aprecierea rezultatelor să se facă numai în raport cu obiectivele instruirii;

Prin urmare, evaluarea formativă a sistemului lexical însoțește activitatea profesională a studentului pe toată durata de desfășurare a procesului de predare-învățare și contribuie la îmbunătățirea performanțelor de comunicare cu orientare profesională a studenților găgăuzi. Reconstituirea continuă a strategiilor didactice interactive în procesul de predare-învățare a limbii române pentru studenții găgăuzi cu orientare profesională trebuie să fie raportată la obiectivele vizate de mediul lingvistic;

Evaluarea formativă a sistemului lexical determină schimbări atât în conduita didactică a profesorului, cât și în comportamentul «de studii» al studentului. Acest aspect al evaluării presupune și *cunoașterea de către studenții găgăuzi a rezultatelor obținute* și realizează un feed – back continuu, deoarece le poate oferi studenților:

1. Care au învățat o confirmare imediată cu efecte stimulatoare, pentru că evaluarea formativă a sistemului lexical, în primul rând, a activității de asimilare a sistemului lexical, cerință confirmată de maxima lui Thorndike Ed., cunoscută ca «lege a efectului», conform căreia comportamentele care au fost consolidate pozitiv (laudă, notă, satisfacție trăită de către student pentru succese etc.) sunt cu mult mai temeinice și dispuse de o *capacitate mai mare de transfer* [3 p. 10-14]

2. Orientează activitatea de învățare a studentului, indicându-i elementele de conținut al sistemului lexical asupra cărora trebuie să lucreze, în cazul dat evaluarea capătă funcția de diagnostică și perspectivă.

3. Comportă intelect verbal – profesional pentru a-i ghida pe studenți

Deoarece scopul principal al evaluării îl constituie *facilitatea continuității de învățare*, e necesară o *abordare analitică a sistemului lexical* justificat de orientarea profesională a studentului. În opinia lui Gardiner H., evaluarea începe cu tipul de învățare, operând cu următoarele două situații:

1. Studentul are posibilitatea să se întoarcă la informația detaliată, atunci, când însușește și blocurile concrete de asimilare a sistemului lexical.

2. Studentul dezvoltă structurile logice fundamentale ale sistemului lexical cu orientare profesională, în care demersul de reglare al profesorului nu este atât de evident [4. p. 7-10]

Pornind de la aceste determinări Gardiner îl menționează că evaluarea poate fi realizată pe o manieră continuă cu «punctuală», la finele învățării cu reglare «retrospectivă» [5, p. 17-20]

În contextul evaluării formative a sistemului lexical distingem două demersuri: acțiunea în care *funcția sumativă de control și de notare este preponderentă* – în această situație performanțele studenților sunt mai obiectiv apreciate și timpul în care *funcția formativă a sistemului lexical este esențială*. Primul «demers lexical» realizează în anumite intervale de timp, iar cel de-al doilea «demers lexical» - continuu. Referindu-se la această caracteristică, didacticianul Landsheer G. Definește noțiunea de evaluare formativă ca una, care «intervine la sfârșitul fiecărei sarcini de învățare» cu următoarele funcții:

1. De a informa despre gradul de pregătire atins.

2. De a descoperi dificultățile de învățare

3. De a-i face pe profesori să descopere strategiile, care permit studentului să progreseze în procesul de asimilare a materiei.[6. p. 20,23]

Am realizat aceste fenomene, pentru a menționa că evaluarea (ca strategie didactică) reprezintă o condiție și, în același timp, o componentă a unei autentice strategii «de diferențiere a instruirii cu învățare deplină».

Pornind de la această poziție, recunoaștem eficiența evaluării formative a sistemului lexical, care conferă eficiență și actului didactic, dar e necesar să fim consecvenți și în îndeplinirea unor cerințe, cum sunt:

1. Evaluarea sistemului lexical se realizează nu numai ca mijloc de apreciere a performanțelor studenților, dar și cu scopul *de a orienta desfășurarea procesului de învățare a sistemului lexical*

2. Evaluarea sistemului lexical depinde de *frecvența examinărilor și mărimea intervalelor*, funcțiile evaluării formative a sistemului lexical implică, de fapt, verificări sistematice, cu rezultate obținute la timp.

Unele experimente deja ne-au demonstrat, că în acest aspect formativ, astfel de evaluări sunt rațional integrate în activitatea didactică, realizându-se pe blocuri lexico – semantice și lexico – gramaticale, care trebuie să corespundă unor capitole cu intenții de comunicare profesională și vor cuprinde până la 5-6 lecții.

În procesul evaluării formative a sistemului lexical importanța probelor nu constă în clasificare studenților după rezultatele obținute, ci de a oferi profesorului informații care prezintă efectele activității realizate, oglindite în performanțele studenților.

Bibliografie:

1. Cabac, V., Evaluarea formativă: esență, funcții, aplicare, *Arta și educația art.*, nr.1, 2006, p. 8-13
2. Cristea, S., *Dicționar de pedagogie*, Chișinău, Editura litera educațional, 2002, 278 p.
3. Cucoș, C., *Teoria și metodologia evaluării*, Iași: Editura Polirom, 2008, 186p.
4. Frunză, V., *Evaluare și comunicare în procesul de învățământ*.
5. Lițoin, N., *Metode și instrumente de evaluare*, în Stoica, A., (coord.) *Evaluarea curentă și examenele*, București, Editura ProGnosis, 2001, 205 p.

ПОДСЕКЦИЯ 6.4. СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 37.016.034:821.163.2

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕНО ВЪЗПИТАНИЕ НА ЛИЧНОСТТА В УРОЦИТЕ ПО БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА

Бойкова Лариса

доктор филологических наук, доцент кафедры
румынской и славянской филологии, КГУ
orcid.id:0000-0002-6045-1853

Бойкова Анастасия,

мастер пед. наук, учитель I дид.к.
ТЛ им.М.Тузлова, с.Кирсово, РМ
orcid.id:0000-0002-6149-2534

Abstract. The spiritual and moral education of students in literature lessons is relevant. A modern schoolboy finds himself in a situation where he sees around him an almost complete leveling of both moral and spiritual values, both traditionally inherent in our society, and in general as such. The purpose of our article is to show the great role of literature lessons at school in the upbringing and formation of a creative, creative, strong-willed, responsible for their deeds and deeds of a person who will strive for spiritual development of the world, for self-realization.

Keywords: spiritual and moral education, school, literature lesson

Въвеждането на нов курикулум в обучението през 2019 година е нов етап от модернизацията на съвременното образование. Основата на образователния стандарт е духовно-моралното възпитание на личността.

Формирането на личността, нейния характер, чувства, морални качества, гражданска позиция, култура на поведение се основава на модели и принципи и се дължи на методите и средствата на възпитанието. Нека си спомним предупреждението на А. Солженицин: «Ако духовните сили на нацията изсъхнат, никое най-добро държавно устройство и най-доброто индустриално устройство няма да я спасят от смърт. С изгнил дъб дървото не струва. И от всички свободи, които сме получили, свободата на безсъвестност все ще излезе на преден план.»

Пред съвременното образование стои сложна и отговорна задача – възпитание на многостранна личност, личност, способна да се ориентира към духовно-значимите норми и ценности. Литературата е единственият учебен предмет от естетически цикъл, систематично изучаван от първи до двадесети клас. Следователно влиянието на литературата като цяло и четенето по-специално върху формирането на личността на ученика е неоспорим факт.

Съвременното училище, активно влияещо върху формирането на миогледа на учениците, съдейства за тяхното духовно и морално формиране, внася определен принос за справяне с предизвикателствата, свързани с преодоляването на духовна криза в обществото (увеличаване на престъпността, алкохолизъм, самоубийство и т. н.), и възпитанието на човек, за когото нормите, правилата и изискванията на обществения морал би били като негови собствени възгледи, вярвания, като дълбоко осмислени и обичайни форми на поведение, придобити поради силата на вътрешното привличане към доброто. Ето защо учителят може да бъде полезен тук, тъй като нашият предмет, като никакъв друг, е насочен към решаване на "вечни" въпроси. В часовете по литература трябва отново и отново да се обърнем към проблема с духовността и морала.

По наше мнение, душата, духовността, моралът, смисълът на живота, любовта са основните понятия на урока по литература. Разбира се, уроците по литература трябва да дават

знания и по история, и по теория на литературата, защото без тях е невъзможно дълбоко разбиране на моралните и философски идеи, заложени в нея.

Урокът е творчество, което предполага новост, оригиналност. Урокът като педагогически феномен има своя състав и структура, т.е. форма. Умение правилно да се поставят целите на урока, да се помисли за неговото съдържание, за да се определи връзката на учебната ситуация от урока, да се изберат верните методи, техники, средства за обучение са определящи при формирането на професионална дейност учителя-българиста.

Как да превърнем всеки урок по литература в урок-откритие? Основата на съвременния урок по литература трябва да бъде активната дейност на самите ученици.

В началото на учебната година в часа по литература питахме учениците какви нетрадиционни форми на уроци и извънкласни дейности харесват повече, в които биха искали да участват. Приемаме и обмисляме различни, дори и най-неочакваните предложения на учениците. Така се ражда съвместен план за творчески дейности на учебната година, а нашите ученици стават организатори и участници на нетрадиционни уроци, проекти и извънкласни дейности, които им позволяват да се присъединят към литературни ценности, които допринасят за емоционално-моралното развитие, творческата самореализация.

Целта на педагогическата ни дейност е да образува и формира творческа, съзидателна, волева, отговорна за своите дела и дела личност, която ще се стреми към духовно овладяване на света, към себerealization.

Литературата се откроява в системата на училищните предмети, тъй като има важна особеност: не само да формира определени знания и умения у учениците, но и да помага в тяхното морално формиране, придобиване на морални, етични принципи на живота.

Защо се случва това? Литературните произведения са духовният опит на поколенията, предавани както под формата на устни разкази (приказки, предания, легенди, разкази), така и на страниците на печатни литературни произведения от различни родове и жанрове. И една от най-важните цели на литературното образование е да помогне на учениците да разберат и приемат моралните завети, съхранявани в произведенията на българската и световната литература (например в произведенията на Елин Пелин, Йордан Йовков).

Литературното образование днес е изправено пред сериозно предизвикателство – търсенето на вътрешна мотивация за привличане на ученици към литературата.

Известно е, че съвременните деца престанаха да изпитват нужда да се потопят в контекстуалното пространство, загубиха чувството си за контакт с магията на книгата.

Всички дейности, насочени към формиране на морални ценности, се изграждат в съответствие със следните направления:

- * провеждане на нестандартни уроци по литература и извънкласни дейности като условие за формиране на читателската компетентност на обучаващите се в рамките на общото образование;

- * сътрудничество на образователна образователна институция и библиотеки на регионално и училищно ниво;

- * осъществяване на тясна връзка родител-дете (семеино четене);

- * участие в различни творчески дейности на областно и училищно ниво, посветени на задълбочено изучаване на литературата;

Участие в конкурси позволява да се разкрият не само творческите характеристики на учениците, тяхната артистичност, но и да се култивира съвместно отношение към случая, отговорност, гражданска позиция.

Тъй като процесът на формиране на ценностни ориентации на учениците по време на уроците по литература се осъществява чрез тяхната дейност, определяме следните основни видове на тази дейност:

- естетически (формиране на естетически вкус като ориентир на самостоятелно четене, формиране на основните теоретико-художествени понятия за овладяване на анализа и оценката на литературно-художествени произведения);

- интелектуален (формиране и развитие на умения на грамотно и свободно владение на устна и писмена реч, навики на логическо мислене);
- познавателен (формиране на система от хуманитарни и духовни понятия, които формират основата на научните знания);
- творчески (създаване на творчески работи, проекти и т. н.);
- изследователски (извършване на различни изследователски работи).

Постигане на успех в моралните възпитание на учениците ни помага системата на работа, основана на тясно сътрудничество с библиотеката на училището, в библиотеката се оформя специално образователно литературно пространство, помага свободно да изразят своите чувства и емоции.

Проектът «Седмица на български език и литература в училището» ни дава възможност чрез продуктивни дейности, използващи телекомуникации, да консолидираме знанията, придобити в уроците, да развиваме ключовите и предметните компетенции на обучаемите. Увлекателно и интересно за децата също са поетични маратони и поетични кръгове. Такива творчески дейности допринасят за развитието на фигуративната реч, попълването на речника, свикват да гледат, да слушат думата, да я разбират.

Литературата помага за развитието на културата и любовта към родното слово като основа на духовния живот на хората, т. е. приобщава учениците към общочовешки норми на морал, развива способността да вижда света цялостно и обемно, допринася за разбирането на християнските ценности, предаване на традициите от поколение на поколение. Духовно-нравственото възпитание става най-успешно с оглед на социокултурните условия, при създаване на условията за социална и творческа дейност на учениците, техните възрастови, индивидуални характеристики и нужди, както и включването им в социално значими дела, които имат културна и морална стойност. Духовно-нравственото възпитание, като органичен компонент на педагогическата дейност, интегриран в цялостния процес на обучението и развитието, става приоритетна област в образованието.

По този начин уроците по литература трябва да обяснят на учениците доколко е тежка и напрегната вътрешната морална работа на онези, които се стремят да намерят своето място в живота, като се ориентират върху етичните морални принципи на предишните поколения.

Следователно, духовно-нравствено развитие и възпитание на учащите се е първостепенна задача на съвременната образователна система и представлява важен компонент на социалната поръчка за образование, с която, безспорно, ще се справи урокът по литература.

Библиография:

1. Костова, П. Ценностно формиране и развитие на децата. В.Търново, 2009.
2. Рангелова, Е., Нравствената култура на учениците, С., 1996 г.

УДК 821.161.2.09

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛАН СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ ЛИТЕРАТОРАМ, В БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX– НАЧАЛА XX ВЕКА

Боровко Ванда,

доктор филол. наук, конференциар КГУ, г.Комрат, РМ

e-mail:dvkessibar@mail.ru

<https://orcid.org/orcid.org/0000-0002-1838-7691>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the semantic-functional plan of poems, dedicated to writers, in Belarusian poetry of the 19th – early XX centuries. The Author of the article

argues, that the poems, dedicated to writers, have become a form of explication of poems' value ideas about literature and reflected the process of formation of the axiosphere of Belarusian literature.

Keywords: Belarusian poetry, poem, poet, literary process, values, axiosphere of literature

История мировой литературы знает немало примеров обращения писателей к творчеству своих предшественников и современников. Такое обращение может иметь разную форму (влияние, заимствование, цитирование, посвящение и так далее), может служить средством постижения чужих либо экспликации собственных художественных императивов. Как правило, писатели довольно часто обращаются к творчеству иных авторов в начале своего литературного пути в поисках авторитетного ориентира. Но могут обращаться признанные и не признанные авторы по случаю юбилея или смерти известного деятеля литературы. В белорусской поэзии XIX – начала XX века корпус стихотворений, посвященных литераторам, сравнительно мал, но значим для понимания концептуальных особенностей развития национального литературного процесса.

XIX век стал временем становления новой белорусской литературы, полилингвальной по форме, где немногочисленные авторы создавали произведения не только на белорусском языке, но и на польском, русском, украинском. Большое внимание они уделяли осмыслению социальной, национально-освободительной, морально-этической проблематики, пытались позиционировать свои приоритеты в области литературного творчества. Драматург и поэт Винцент Дунин-Марцинкевич в польскоязычном стихотворном рассказе «Заботы литератора», посвященном Владиславу Сырокомле, поэту демократического направления, одному из классиков польской литературы XIX века, акцентировал воспитательное значение литературы, сетовал на трудности судьбы литератора, избравшего языком своих произведений не французский или хотя бы польский язык, а язык простого народа. Владислава Сырокомлю белорусский писатель относил к избранному кругу поэтов, имеющих заслуженную славу в силу таланта, мастерства, трудолюбия. С белорусской землей были связаны жизнь и творчество польской писательницы Элизы Ожешко, автора знаменитых романов «Помпалинские», «Семья Брохвичей», «Над Неманом», в художественной форме, выражавшей сочувствие белорусским крестьянам. Франтишек Богушевич и Янка Лучина посвятили ей стихотворения, в которых высказали благодарность за психологически тонкое и честное изображение человека из народа, за понимание души крестьянина, за сочувствие к судьбе угнетенных.

Фактически первым стихотворением, посвященным белорусскому поэту и написанном на белорусском языке, стало стихотворение «Спасибо тебе, брат, Бурачок Матей» Адама Гуриновича. Гуринович называет автора сборника «Дудка белорусская», изданного под псевдонимом «Матей Бурачок», духовным братом, единомышленником, мужественным человеком, пробуждавшим в сердцах и умах людей надежду на лучшее будущее. Нетривиальной формой косвенного обращения к поэту можно назвать предисловие к сборнику Ф. Богушевича «Смычок белорусский», изданного под псевдонимом «Сымон Ревка из-под Борисова». Ф. Богушевич использует прием характеристики своего же творчества и презентации своих эстетических императивов: Сымон Ревка, одобряя поэзию Матея Бурачка, акцентировал необходимость для писателя объективно изображать жизнь простого белоруса, артикулировал значимость общественно, социально важной проблематики в литературных произведениях.

Начало XX века – период интенсивного развития белорусской литературы. В стихотворениях зачинателей и одновременно классиков белорусской литературы эстетическая проблематика, осмысление аксиологии художественных произведений получило продолжение. Янка Купала часто апеллировал к известным и малоизвестным писателям и тем самым выражал свое к ним отношение, давал оценку их творчеству. Забота о будущем родной литературы, по-видимому, была причиной того, что Янка Купала, прежде всего, обращался к осмыслению сделанного именно белорусскими писателями, в числе которых были Тётка, Альберт Павлович, Винцент Дунин-Марцинкевич, Вацлав Ластовский, Сергей Полуян.

Стихотворение «Автору «Скрипки белорусской»» он создал в начале своего творческого пути. Сборник «Скрипка белорусская» был опубликован в 1906 году, практически сразу же появилось стихотворение Я. Купалы, где он выразил свое восхищение творческой личностью автора – Элоизы Пашкевич, – большинство произведений которой публиковалось под псевдонимом «Тётка», но «Скрипка белорусская» была издана под псевдонимом «Гаврила из-под Полоцка». Автор сборника в понимании Купалы – борец с невежеством, защитник родного языка, просветитель, гражданин. Несомненной заслугой автора сборника он считал стремление художественным словом поэтизировать родной край, пробуждать чувство национального достоинства у соотечественников. С точки зрения Янки Купалы, творчество настоящего мастера слова призывает и других поэтов самоотверженно работать на литературной ниве, соревноваться между собой. Идея преобразующей силы искусства стала центральной в стихотворении «Певцу Альберту Павловичу», где Купала сравнивал поэта с сеятелем правды. Альберт Павлович в основном писал юмористические стихи, в которых высмеивал слабости человеческой натуры. Произведения Павловича пользовались успехом у читателей, Купале в них импонировала ненавязчивая дидактичность. Творчество настоящего писателя основано на гражданственности, неотделимо от оригинального взгляда на мир и человека, как отмечалось в стихотворении «Памяти Сергея Полуяна». Поэт – это, в понимании Купалы-неоромантика, «боец за долю, волю и народ» [1, с.131], каким был юный Полуян, трагически ушедший из жизни. Стихотворение «Дударь» Янка Купала посвятил Вацлаву Ластовскому, писателю, стремившемуся активизировать развитие белорусской литературы в начале XX века за счет освоения новых тем, жанров, трансформации опыта мировой литературы. В «Дударе» Купала подчеркивает необходимость пробуждать и сохранять историческую память с помощью искусства. Концептуальным было содержание стихотворения «Памяти Винцука Мартинкевича», где классик белорусской литературы XIX века предстаёт в облике сеятеля патриотических идей, автора, открывшего миру белорусский народ.

Общеизвестно, что свои первые стихотворные произведения Янка Купала написал на польском языке, во многом подражая Марыле Конопницкой. В 1910 году появилось стихотворение-эпитафия «Памяти Марыли Конопницкой», где получила развитие мысль Янки Купалы о поэте-пророке, поэте-защитнике униженных и оскорбленных, а сама поэтесса характеризуется как «пяснярка народаў» («певица народов»), человек широких демократических взглядов. К 50-летию со дня смерти Владислава Сырокомли было написано стихотворение «Лирник деревенский (Памяти Владислава Сырокомли)», в котором достоинство поэзии классика польской литературы Янка Купала оценивал с точки зрения постижения общечеловеческих проблем.

Белорусские поэты начала века нередко обращались к творчеству классика украинской литературы Тараса Шевченко, укрепляя литературный миф о необыкновенном мужестве и таланте человека из народа. Янка Купала посвятил Шевченко стихотворение «Памяти Т. Шевченко» (1909), а затем, в конце 1930-х годов и поэму «Тарасова доля». Создателя знаменитого сборника «Кобзарь» Купала назвал «преславным отцом украинской свободы» [2, с.55], который художественным словом сумел разбудить украинцев.

Поэзия Максима Богдановича поражает широтой мысли, глубиной обобщения жизненных и творческих явлений. Правда, стихотворений, посвященных литераторам, у него относительно мало. Одно из них – некролог-посвящение «С.Е. Полуяну», где М. Богданович артикулирует идею единства творчества и оригинальности, ценности и неповторимости творческой личности. Кстати, Сергею Полуяну Богданович посвятил и первый сборник «Венок», принципиально новый по содержанию и форме в сравнении со сборниками стихов предшественников, реализуя тем самым идею С. Полуяна о востребованности постоянного творческого поиска. В 1913 году М. Богданович создает оригинальное стихотворение «Письмо г-ну В.Л.». Он посвящалось Вацлаву Ластовскому. В нём поэт затрагивает так называемые вечные вопросы, касающиеся творчества, его основ. В качестве материала для осмысления этих вопросов избран герой «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»

итальянский композитор Сальери. Безусловно, любое талантливое художественное произведение может стать широким полем диалога, быть открытым для обсуждения и сотворчества. По мнению итальянского семиолога и писателя Умберто Эко, литературное произведение напоминает сообщение, только художественное, а «открытость, под которой имеется в виду принципиальная неоднозначность любого художественного сообщения, свойственна любому произведению в любое время» [2, с. 10]. Причина же такой открытости состоит в том, что литературное произведение, «наделено определенными структурными свойствами, которые допускают и в то же время координируют чередование объяснений, смещение перспектив» [2, с. 7] в процессе его восприятия и осмысления. «Моцарт и Сальери» Пушкина своей полисемантичностью представляет собой именно такое открытое произведение, которое допускает множество интерпретаций. М. Богданович не случайно посвятил стихотворение, в котором осмысливается пушкинский герой, Вацлаву Ластовскому. Дело в том, что в начале XX века писатели и критики в одном лице Богданович и Ластовский акцентировали необходимость повышения художественного уровня произведений современных им белорусских писателей, они выступали как единомышленники. Адресат «Письма...» неоднократно подчеркивал важность новаторства, эвристического импульса в творчестве, необходимость креативно следовать классическим литературным образцам. Как известно, Пушкин в «Моцарте и Сальери» превозносил жизнелюба Моцарта как гения, дитя интуиции, и довольно холодно относился к Сальери, к его стремлению «поверить» алгеброй гармонию. В трагедии А.С. Пушкина Сальери – талантливый композитор, убежденный в том, что творчество требует самоограничения, основывается на выучке, знании его правил. Но Сальери еще и далеко неоднозначная личность, способная восхищаться полётом свободной фантазии Моцарта. Пушкинский Сальери всё же чувствует себя обиженным судьбой, потому что он всем пожертвовал для искусства, но признание получил такое же, как и Моцарт, ни в чём себя не ограничивавший. Музыка стала для Сальери смыслом жизни, к творчеству Сальери подходит как исследователь и как ремесленник, который жаждет открытий, дальнейшего развития музыки, её совершенствования. В пушкинской трагедии Сальери делает ставку на рассудок, расчёт, практику, к признанию идёт путём кропотливого труда. Такой путь в творчестве, по мнению М. Богдановича, заслуживает не только внимания, но и одобрения: «Сальеры ў творчасці ўсё хацеў паняць, / Ва ўсім упэўніцца, абмеркаваць, / Абдумаць спосабы, і матар’ял, і мэту, / І гарача любіў сваю свядомасць гэту» [3, с. 148]. Для М. Богдановича музыка Сальери гармоничная, потому что там слиты в одно целое мысль и чувство, рациональное не исключает эмоционального. Богданович утверждает таким образом, что вдохновение и труд взаимодополняемы, что мастерство всегда требует шлифовки. Сальери не случайно стал успешным композитором: «Уменне да ігры Сальеры здабываў / Праз мерны, нудны труд; ці спраўды забіваў / Ён гэтым талент свой, як бачна з думак драмы? / Адкажа іскрыпка нам. Стаката, фугі, гамы / Шмат год калісь на ёй Сальеры вывадзіў / І моцна граннем тым іскрыпкі звон змяніў, / Ямчэй яна гудзіць. Пявучых згукаў сіла / Праз доўгія гады яе перарабіла. / І тымі спевамі ўся напоена / Навекі чулаю зрабілася яна» [3, с. 148]. Искусство, в трактовке М. Богдановича, требует от творца находиться в постоянном движении, оно же преобразует мастера и результаты его деятельности: «Сальеры – верны раб, каторы не схаваў / Свой талент у зямлю. Хай судны час настане, – / Спакойна музе ён і проста ў вочы гляне, / І будзе за любоў да здольнасці сваёй / Апраўдан Музаю і ўласнаю душой» [3, с. 148]. Эстетическое оправдание Сальери в «Письме...» сопровождалось декларацией идеи о важности рационального подхода при создании произведений, как и выбора изящной формы.

Единичные случаи стихотворений-посвящений встречались в поэзии Алеся Гаруна и Констанции Буйло. В понимании А. Гаруна поэту необходима кровная связь с родной землёй, он должен быть распространять новые идеи, для реализации задуманного ему нужны единомышленники и продолжатели, как свидетельствует содержание посвящённого Якубу Коласу стихотворения «Все из одной мы вышли нивы». Гаруну, сосланному в Сибирь за революционную деятельность, был духовно близок Тарас Шевченко, в память о котором он написал стихотворение «За тысячу верст от родного края», где основой великой поэзии

позиционировалась любовь к родной земле. Примечательно, что в данном произведении автор широко использовал излюбленные шевченковские образы ветра и солнца, упоминал имена таких героев шевченковских произведений, как Перебендя, Богдан, Хмель. Своего рода крёстным отцом в белорусской поэзии начала XX века, редактором первого сборника стихов для Констанции Буйло стал Янка Купала. Она посвятила ему стихотворение «Колокол». В названии удачно использован купаловский образ вещего колокола. Молодая поэтесса сравнивала поэзию с колоколом, пробуждающим людей, призывающим к изменению жизни.

Пути экспликации ценностных представлений о литературе и писателях разнообразны. В белорусской поэзии XIX – начала XX века стихотворения, посвящённые литераторам, свидетельствовали об отношении писателей к своим предшественникам и современникам, о понимании ими перспектив развития национальной литературы, о формировании аксиосферы национального вербального искусства как динамической системы ценностных представлений о литературе, представленных в форме суждений, образов, идей, стилевых решений. Ядром формирующейся аксиосферы белорусской поэзии были идеи патриотизма и социально действенного художественного слова, к эстетически значимой периферии примыкала идея постоянного совершенствования литературного мастерства.

Библиография:

1. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т.- Мінск: Маст. літ., 1995-2003. – Т. 2. – 1996. – 342 с.
2. Эко, У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике; пер. с итал. А. Шербелева. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.
3. Багдановіч, М. Выбраныя творы. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1996. – 494 с.

УДК 821.161.1.09”19/20”:291.212.7

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ «НАСТОЯЩИХ СКАЗОК» Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

Долгов Вячеслав,

доктор филологии, конф, Бельцкий государственный университет им. А. Руссо, РМ,

e-mail: slavapprav@gmail.com

orcid id: 0000-0002-7759-3516

Abstract. The article describes one of the semantic components of the concept “the sun”, which is associated with the mythological context. The research was based on L. Petrushevskaya's “Real Tales”.

Key words: concept, core and periphery, the sun, the sign, fairy tale, L. Petrushevskaya.

С XIX столетия и по сей день проблема взаимосвязи языка и культуры находится в центре внимания языковедов. Ученые признают сложность соотнесения феноменов культуры и языка и, подчеркивая их взаимообуславливающий характер, отмечают, что не только культура оказывает влияние на язык, но и язык, в свою очередь, навязывает носителю языка определенное мировидение, так как фиксирует наиболее важные в рамках той или иной культуры является значения. Знания и представления членов определенной этнокультуры о континууме отражает концепт, представляющий собой ментальный конструкт, включающий понятийно-образный, ценностный, оценочный и др. компоненты, содержание которого может быть вербализовано в единицах языка различной степени сложности.

Большинство исследователей-когнитологов выделяют центр (ядро) и периферию (поле) концепта. Например, В. Стернин [5], описывая структуру концепта, разграничивает зону ядра и обширного интерпретационного поля, формируемого ближайшей и дальнейшей периферией. При этом смыслы, обусловленные культурно-историческим контекстом, в

данном случае мифологическим, относятся не к ядерному слою, а к области периферии. Учитывая существенную удаленность мифологического мировосприятия от современного, речь идет глубинных, не столь очевидных слоях периферии.

К числу универсальных концептов с полной уверенностью можно отнести концепт «солнце». Полагаем, что на значимость небесного светила в глубокой древности указывает развитая система солярных мифов и культ солнца. Концептуальные смыслы, выделяемые в ходе исследования текстов различных дискурсов, позволяют выявить, как точки соприкосновения различных мировидений, так и их этноспецифический характер. Для иллюстрации данного тезиса приведем названия лишь двух работ: «Историко-культурологическая составляющая в лексическом облике космической триады “Солнце - Земля / Луна”» В.В. Зураевой [1], в которой автор предпринимает попытку анализа средств вербализации указанного концепта на синронном уровне французского и русского языков; «Языковая репрезентация концепта "солнце" в лингвокультуре народов севера (на материале якутского и юкагирского языков)» М. П. Лукиной [2], в которой описываются и истолковываются в сравнительно-сопоставительном аспекте специфические черты указанного концепта в языковых картинах мира народа саха и юкагиров.

Учитывая все более возрастающий интерес к этнообусловленному содержанию концептов, целью данного исследования является уточнение этноспецифических смыслов, обусловленных мифологической картиной мира древних славян, в частности русских, на материале сказок Л. Петрушевской.

Отправной точкой нашего исследования послужил ряд работ, претендующих на полноту описания содержания указанного концепта, в которых, однако, представлены не все значимые признаки, обусловленные историко-культурным контекстом. Для иллюстрации данного тезиса обратимся к диссертационному исследованию Е. П. Панасовой «Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи» [3]. В числе задач автор указывает: «выделить концептуальные смыслы, присутствующие в традиционном русском народном сознании и репрезентированные в славянских мифах и в русских фольклорных текстах различных жанров» [3, 13]. Часть главы, посвященная анализу указанного концепта в русском фольклоре завершается следующим выводом о выделенных концептуальных признаках: «В русских волшебных сказках солнце воспринимается как живое существо и включает в себе мужское начало, представляется обладающим властью (концептуальные признаки «живое», «любимый, значимый человек», «власть»). Солнце наделяется мудростью и красотой (концептуальные признаки «мудрое», «красивое»). Солнце является источником плодородия и благополучия (концептуальные признаки «благо», «хорошо», «золото»). Солнце неизменно предстает перед нами как величайшая ценность (вероятно, и в нравственном, и в материальном признаке - так как с солнцем связан урожай - основа жизни крестьян). Солнце является неким идеалом, средоточием добра и добродетели, а удаленность солнца и восприятие его как вечного, неизменного («вечное», «даль») позволяет ему сохранять положение божества» [3, 54].

В предложенном выше ряду выявленных концептуальных признаков (как и в схеме структуры концепта, представленной в заключении) отсутствует один из таких важных концептуальных признаков, мотивированных мифологическими воззрениями славян и обнаруживаемых на основе анализа сказок, который можно обозначить как «инобытие».

Широко известно, что по представлениям славян загробный мир имел солнечную природу, чем, например, объясняется практика использования блинов как ритуальной пищи в ходе погребальных обрядов. В поэтике волшебной сказки признак «инобытие» актуализируется нередко посредством вербализации другого признака «золото». Здесь также считаем важным вспомнить, что пространство русской волшебной сказки обычно распадается на два: мир живых и мир мертвых («дом» и «антидом» в теории В. П. Проппа). Ряд ключевых персонажей при этом может быть связан с пространством, связываемым с миром мертвых, и в качестве маркера иномирности обычно используется золото: на уровне номинации (Золотоволосая Елена) и деталей портрета, предметов, принадлежащих герою (в сказке о «Сивка-бурка» царевна, до окна которой сумел подняться Иван, касается его лба золотым

перстнем) и пр. Известны и другие маркеры иномирности, однако они не являются предметом нашего внимания в данной работе. С концептуальным признаком «золото» могут быть связаны признаки «огонь», «яркое», «лучи», последние, подчеркнем, могут получать и самостоятельную реализацию (например, в сказке «Жар-птица засыпавший герой замечает, что *«вдруг весь сад осветился, как солнечным светом»*, обнаруживая присутствие чудесной птицы).

Проанализируем концептуальный признак «инобытие» на материале «Настоящих сказок» Л. Петрушевской. В сказке «Золотая тряпка» в название вынесен чудесный предмет, играющий ключевую роль в развитии сюжета. Ученый, изучающий жизнь и язык «горных людей в далекой стране», во время перехода обнаруживает тряпку, которую прячет за пазухой. После землетрясения, потеряв проводника с ослом, он лезет в щель в скале, а вскоре замечает, *«что это уже не щель, а улица в горном селении и что с обеих сторон его окружают каменные дома и ограды. Ученый стал заходить в дома и никого там не обнаружил»* [4, 184]. Остановившись в одном из домов и накрывшись найденной тряпкой, получает возможность лучше ее рассмотреть: *«это было нечто вроде древней скатерти или знамени, выцветшая материя, затканная почерневшим золотом»* [4, 185].

Вдруг появляются «маленькие худые люди, сильно встревоженные», они что-то говорят, указывая вдаль, и когда герой двинется в указанном направлении, последуют за ним, пока не достигнут пика *«высочайшего пика, который горел в лучах невидимого еще солнца как розовый кристалл, сверкая гранями. Эта скала, однако, окажется на поверку домом, многоэтажным, видимо, хотя окна виднелись только на самой вершине и нестерпимо светились, как будто именно там, внутри, пряталось солнце»* [4, 185]. Герой протирает тряпкой окошко и неожиданно *«в скале открывается дверь, огромная, как для самолетов, и он вошел в эту дверь во главе своего нищего отряда»* [4, 186]. Приведенных примеров, полагаем, достаточно, чтобы проиллюстрировать факт разделения пространства на «дом» и «антидом», при этом перемещение во второе оказывается возможным лишь благодаря чудесной находке. Но как связана она с миром мертвых?

Войдя в огромный зал, ученый заметит, что тряпка *«начала сверкать всем своим золотом»*, *«горела как жидкое стекло»* [4, 186], а прикосновение ею к стоявшим здесь приводило к их исчезновению. При повторной экспедиции, когда ученый возвращает на место золотую тряпку, *«башня мертвых в ту же минуту в последний раз сверкнула вдали и растаяла в тумане»* [4, 191].

Здесь следует подчеркнуть, что «золотая тряпка» не только предмет из иного пространства, она открывает доступ в него и обладает чудесными способностями (например, когда герой накрылся ею, *«мир и покой сошли на его бедную голову, и перестали болеть разодранные в кровь руки и колени»* [4, 185], она же заставляет онеметь народ или, напротив, вернувшись на свое место, возвращает им способность говорить).

Золото, как маркер иномирности героя, на уровне портретной характеристики обнаруживается в сказке «Принцесса Белоножка» (*«...а кудряшки у нее были, как золотой шелк...»* [4, 259]), главная героиня которой умирала (и умерла, по утверждению няни), но на руках принца открыла глаза, моргнула и засмеялась. А в сказке «Принц с золотыми волосами» портретная деталь определяет конфликтную ситуацию, мотивирующую развитие сюжета, в котором использован известный сказочный мотив изгнания королевы с сыном. Ее чудесное происхождение не вызывает сомнений: *«мать, молоденькая королева, происходила из далекого, за горами и морями, захудалого государства, оттуда и почту-то не брали и туда не передавали, а королеву привезли, как водится, по портрету в виде самой красивой девушки мира, что, в конечном итоге, ни к чему хорошему не привело, об этом давно предупреждали все дамы королевства: руби сук, да по себе»* [4, 155]. Здесь отметим, что маркером иномирности в русских сказках является и Тридевятое царство, дальнее и не вписывающееся в реальную географию, своеобразным отсылком к которому можно считать и детали

приведенного фрагмента. Рыжие волосы ребенка, однако, окажутся реально золотыми, что позволит королеве найти выход из некоторых сложных ситуаций.

Приведенные примеры, полагаем, достаточно полно иллюстрируют вычлняемый нами концептуальный признак «иномирность».

Учитывая, что ключевым приемом «Настоящих сказок» Л. Петрушевской является игра, в ходе которой традиционные смыслы, стереотипы мышления, известные сюжетные ходы сталкиваются с новыми, вербализуются и другие смыслы, связанные с концептуальными признаками концепта «солнце», полагаем, что дальнейшее исследование указанного сборника представляет несомненный интерес и является перспективным.

Библиография:

1. Зураева, В.В. Историко-культурологическая составляющая в лексическом облике космической триады «Солнце - Земля / Луна». В: Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2010, № 3, с.112-114.
2. Лукина, М.П. Языковая репрезентация концепта «солнце» в лингвокультуре народов севера (на материале якутского и юкагирского языков). В: Гуманитарный вектор. 2021, т. 16, № 1, с. 102-110.
3. Панасова, Е.П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: дисс. на соиск. степени канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 194 с.
4. Петрушевская, Л. Настоящие сказки. Москва: Вагриус, 2000. 446 с.
5. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта. В: Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001, с.58-65.

УДК 372

СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОЙ СВЯЗНОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ-БИЛИНГВОВ 5-7 КЛАССОВ ДАГЕСТАНСКОЙ ШКОЛЫ

Зайналова Лариса,

старший преп, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г.Махачкала, РФ.

e-mail: rwwr@list.ru

orcid.id:0000-0003-0557-1569

Abstract: the article deals with the development of Russian coherent speech of bilingual students in grades 5-7. The role of speech development in teaching students is revealed, the important role of work on the text is noted. The author, in creating a methodological system of work on the development of Russian coherent speech, offers a group of conditions (skills).

Keywords: speech development, coherent speech, bilingual students, non-russian school.

Развитие связной речи учащихся-билингвов – процесс очень сложный, и без специального обучения большинство детей-билингвов не могут овладеть в должной мере связной речью. Развитие связной речи предусматривает эффективный комплекс тренировочных заданий, прогнозирование, профилактику, устранение интерференции и совершенствование лингвистических методов и приемов. В связи с этим актуальна разработка новой методики, учитывающей условия обучения и потребности современной школы с русским (неродным) языком обучения [4].

В поисках путей повышения качества образования педагогика все чаще применяет системный подход, который способствует повышению качества обучения русского языка за счет усиления коммуникативной ориентации школьной грамматики, приведения структуры курса в соответствие с разноплановостью его содержания. Многообразие аспектов развития связной речи учащихся, свидетельствует об актуальности проблемы. Под связной речью в

современной методике понимается и процесс (речевая деятельность), и определенный результат акта коммуникации, то есть речевое произведение (текст). Умение создавать текст, является конечной целью изучения языка и развития русской связной речи, поэтому *проблемой исследования* является разработка условий и направлений системного развития русской связной речи учащихся-билингвов 5-7 классов дагестанской школы, направленных на формирование коммуникативной компетенции, и универсальных учебных умений в русском языке [5].

Сегодня на первый план вынесены коммуникативные цели обучения, опирающиеся на жизненные ситуации, характерные и типичные при общении учащихся. Связная речь в методической науке – это продукт речевой деятельности, высказывание (текст, речевое произведение) предполагающее наличие определенной (смысловой) и внешней (языковой), конструктивной (структурной) связи отдельных частей [10].

Источником речевой деятельности (во всех ее видах) является коммуникативно-познавательная потребность. Анализируя особенности речевой деятельности, Леонтьев А.А. отмечает, что «каждый единичный акт деятельности начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной вначале цели». Он выделяет в качестве первого этапа речевой деятельности мотив, который порождает интенцию (замысел). Второй этап – этап внутреннего программирования, который заключается, по мнению исследователя, в «приписывании единицам определенной смысловой нагрузки и в построении функциональной иерархии этих единиц». Далее идет этап реализации.

Зимняя И.А. в речепорождении различает три уровня:

- мотивационно-побуждающий;
- формирующий (включает в себя смыслообразующий);
- реализующий [6].

Любой речевой акт начинается с появления мотива деятельности. Основой речевого высказывания являются три основных вида мотивов:

- 1) требование (оно может исходить от партнера по общению, от внешней среды);
- 2) какое-либо сообщение информационного характера, связанное с контактом;
- 3) желание ясно выразить свою собственную мысль (Колшанский Г.В. и др.).

Учитывая особенности восприятия текста учащимися-билингвами, специфику школ с русским (неродным) языком обучения можно утверждать, что процесс порождения речи на родном языке имеет свои особенности, рассмотрение которых немаловажно для методики развития связной русской речи учащихся-билингвов.

Согласно Выготскому Л.С., развитие родной речи идет «снизу вверх», тогда как овладение неродным языком направлено «сверху вниз». Это значит, что ребенок, слышащий с раннего детства обращенную к нему речь, не задается целью усвоить этот язык. Он стихийно соотносит сказанное с наличной ситуацией и постепенно расчленяет этот слышимый поток речи на значимые отрезки, идет «снизу вверх».

Теоретические сведения о языке основываются на уже имеющихся речевых навыках и восприятие родного языка протекает в непосредственной связи с познанием объективной действительности. Овладение же русским (неродным) языком происходит на основе родного языка, существенно отличаясь от естественного развития родной речи. «Если развитие родного языка начинается со свободного спонтанного пользования речью и завершается осознанием речевых форм и овладением ими, то развитие иностранного языка начинается с осознания языка и произвольного овладения им и завершается свободной спонтанной речью» (Богин Г.И.). Нерусские учащиеся приобретают речевые навыки путем наблюдения за образцами и получения теоретических сведений об изучаемом языке. «Иностранное слово, усваиваемое ребенком, относится к предмету не прямо и не непосредственно, а опосредованно, через слова родного языка» [6].

Учащиеся-дагестанцы русскую речь должны сначала понять и перевести в уме на родной язык, а затем передать эту речь средствами русского языка, правильно употребив слова в словосочетании и предложении, в то время как на родном языке им предлагается в основном

одна операция – усвоение знаний. В связи с этим в речи учащихся школы с русским (неродным) языком обучения часто встречаются ошибки, связанные с особенностями лексико-грамматического строя родного языка. Однако новый динамический стереотип образуется не сразу, он долгое время сосуществует и взаимодействует с динамическим стереотипом родного языка.

Следовательно, необходимым условием овладения вторым языком должна являться речевая деятельность учащихся-билингвов на русском языке. Этим обусловлена необходимость понимания всего процесса обучения русскому языку как процесса переключения мышления учащихся с базы одного языка на базу другого языка (Колшанский Г.В.). С точки зрения сосуществования языков в сознании индивида выделяются два вида двуязычия – смешанное (комбинированное) и чистое (соотнесенное) (Щерба Л.В.) [12]. «Чистое» – это явление, при котором языковые системы сосуществуют в сознании говорящего без связи друг с другом, изолированно, а смешанное двуязычие предполагает связь между средствами двух языков посредством единой системы понятий, каждому из которых соответствует два способа выражения – на одном и другом языках.

С точки зрения носителя языка и субъекта обучения второму языку, с одной стороны, и с точки зрения порождения речи на каждом языке, с другой, существует иная классификация функционирования двух языковых систем («совмещенное» и «автономное порождение речи»):

- автономное предполагает, что говорящий четко разграничивает системы языков, на которых говорит, механизмы производства на каждом из них работают независимо друг от друга;

- совмещенное (а именно оно характерно для обучаемых в школе с русским (неродным) языком обучения) - индивид недостаточно четко разграничивает механизмы порождения речи, что является следствием лингвистического опыта говорящего.

Преодолеть данный недостаток можно только на основе усиления принципа сознательности в обучении второму языку.

Для нерусского говорящего и слушающего, слабо владеющего русским языком, акт коммуникации совмещает двойное кодирование: «мысль - код родного языка - код второго языка - озвучение - переход - восприятие звуков - декодирование на второй язык – декодирование на родной язык – понимание».

Особенности порождения высказывания на втором языке рассматриваются и в исследованиях Я.Генцеля [7], который предлагает следующую «билингвальную модель речеподражания»:

- речевая интенция;
- внутренняя речь А (понятийно-образные ряды с включением лексем родного языка);
- внутренняя речь Б (вербализация, грамматикализация и внутренняя фонация на родном языке);
- внутренняя речь Б (вербализация, грамматикализация и внутренняя фонация на неродном языке);
- внешняя речь (внешняя фонация).

Наиболее ответственным и трудным этапом в подготовке к высказыванию на неродном языке является перевод во внутренней речи содержания высказывания на изучаемый язык. По словам исследователя, «процесс перекодировки предполагает совершение многочисленных операций моментальной рефлексии, представляющих собой действия проактивного контроля за правильностью речи. Действия эти являются психологической реальностью и неизбежным условием «речепорождения» [8] адекватного нормам изучаемого неродного языка.

Для построения рациональной системы работы по развитию связной русской речи в школе с русским (неродным) языком обучения следует исходить из существенных различий в психологии усвоения родного и неродного языков (Артемова В.А., Беляева Б.В., Верещагина Е.М., Дешериева Ю.Д., Жинкина Н.И., Зайналова Л.А., Павлова И.П., Соколова А.С. и др.) [3; 11].

Овладение же вторым (неродным) языком происходит на основе родного языка, существенно отличаясь от естественного развития родной речи. В связи с этим в речи учащихся-билингвов часто встречаются ошибки, связанные с особенностями лексико-грамматического строя родного языка.

Важной задачей обучения русскому языку в школе с русским (неродным) языком обучения является развитие речи учащихся, привитие школьникам навыков общения на русском языке. Решение этой важной задачи предполагает изучение русского языка через обучение речи. В связи с этим в обучении неродному языку выделяются два момента:

- изучение языка для познания его фонетической и лексико-грамматической структуры;
- обучение речи для общения на этом языке.

Изучение языка как определенной системы происходит через усвоение различных правил, понятий о данном языке, осознание структуры языка. По замечанию Беляева Б.В., для полноценного овладения вторым языком нужны не знания о тех или иных особенностях языка, а соответствующие этому владению внутренние психофизиологические механизмы [1]. Практическое овладение языком может быть достигнуто только путем постоянной практической тренировки учащихся в речи (слушание и говорение, чтение и письмо). Недостаточно рассказывать учащимся, например, о роде, числе и падеже имени существительного, а необходимо путем многократных и разнообразных речевых упражнений добиваться практического овладения ими, правильного употребления в речи этих категорий. Однако для глубокого овладения изучаемым языком недостаточно одних речевых упражнений, «практические навыки образуются гораздо быстрее, и они более прочные, если многократное повторение опирается на осознание закономерностей системы русского языка, речевая практика непосредственно связана с теорией языка.

Обучение неродному русскому языку осуществляется через обучение речи на основе осознания системных связей в изучаемом языке» [9]. Нужно научить учащихся-билингвов правильно строить речь, в которой излагается связь мыслей, а не оторванные друг от друга мысли. В речи учащихся не должно быть существенных пропусков мысли, а также противоречащих друг другу мыслей, так как связность мысли является необходимой предпосылкой связности речи.

Это достигается в результате целенаправленного развития русской речи, которое строится с учетом особенностей родного языка учащихся. Как отмечают ученые, в основе речевой деятельности лежат определенные психофизиологические процессы, которые представляют собой целостную речевую структуру. Обучение только одному виду речи приводит к образованию и развитию лишь отдельных элементов внутренней речевой структуры, а это в свою очередь снижает эффективность обучения развитию речи.

Таким образом, исследование проблемы речевой деятельности на уровне приобретения учащимися коммуникативно-речевых умений состоит из последовательных и взаимосвязанных этапов обучения: вначале школьники осмысливают теоретические знания по тексту, затем учатся видеть определенные закономерности проявления их в речевой практике. На заключительном этапе школьники более глубоко осознают употребление лексических единиц как в готовом, так и в собственном тексте, продолжается актуализация знаний по тексту, но обязательно в комбинации с изучением других разделов языка, в частности лексики.

Ведущей деятельностью школьников является общение, в результате которого развивается культура устной и письменной речи, анализируется грамматический строй языка как предмет осознания, необходимый для формирования речевых навыков учащихся, которое достигается путем изучения системы языковых средств в системно-функциональном плане. Речевое действие, не подключенное к деятельности общения, замыкается на самом себе, утрачивает реальный жизненный смысл, становится искусственным.

Как отмечает Жинкин Н.И., чтобы приблизить условия обучения к естественным условиям обучения, надо ввести учащегося в речевую ситуацию и научить его ориентироваться в ней, то есть ясно представить себе собеседника, условия речи и задачи общения [2]. Большую помощь здесь может оказать работа над основными речеведческими

понятиями: текст, тема, основная мысль текста и пр. Именно текст позволяет в едином классном коллективе работать с ориентацией не на «усредненного» ученика, а с каждым в отдельности с учетом индивидуальных познавательных возможностей, потребностей и интересов. Учебную деятельность необходимо организовать так, чтобы у учащихся не возникло желания отвлекаться. В связи с этим определенное место в учебном процессе отводится проблеме интереса, мотивации учащихся. В то же время отмечается и недостаточность сформированности умений и навыков, связанных с функционированием речемыслительной деятельности, ее механизмов.

В развитии русской связной речи учащихся нерусской школы центральное место занимает работа над текстом. В создании методической системы работы предусматривается выработка *умений*:

- выразительное, сознательное, беглое чтение, выделение главной мысли, опорных слов, словосочетаний, предложений, составление плана и рассказа по нему;
- анализ сквозных номинативных и коммуникативных единиц речи в соответствии с лексическим и грамматическим значением и нормами употребления;
- определение текстообразующих функций языковых единиц;
- извлечение информации из различных источников, включая средства массовой информации; умение свободно пользоваться справочной литературой;
- овладение приемами отбора и систематизации материала на определенную тему; умение вести самостоятельный поиск информации, полученной в результате чтения;
- создание самостоятельных текстов разных типов, стилей и жанров с учетом замысла, адресата и ситуации общения;
- выступление перед аудиторией сверстников с небольшими сообщениями, докладом, рефератами; участие в спорах, дискуссиях с применением различных аргументов.

Таким образом, системный подход детерминирует системность развития русской связной речи учащихся-билингвов 5-7 классов дагестанской школы, так как отражает всеобщую связь и взаимообусловленность языковых и речевых явлений.

Библиография:

1. Беляев Б.В. Психологические основы обучения русскому языку в национальной школе. // Русский язык в национальной школе. - 2004. - №3. - С.15-23.
2. Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи.// Вестник практической психологии образования. - 2012. - № 4 (33). - С. 39-41.
3. Зайналова Л.А. Классификация интерферентных ошибок в речи учащихся-билингвов и пути их преодоления: Университет китайской культуры // Вестник факультета русского языка и литературы. - Выпуск 16. – Тайбэй, 2015. - С.385-399
4. Зайналова Л.А. Пути преодоления языковой интерференции при обучении русскому языку учащихся-лезгин / Общетеоретические и типологические проблемы языкознания = General Theoretical and Typological Problems of Linguistics [Электронный ресурс]: Сборник научных статей. – Вып. II. / Отв. ред. Трофимова Е.Б. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. - С.192-197.
5. Зайналова Л.А. Преподавание русского языка как неродного в поликультурной школе / IV Международная научно-методическая конференция «Русский язык как неродной: новое в теории и методике» - Москва, 2014. (8 апреля 2014). – Чебоксары-Москва, 2015. - С.94-98.
6. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. - М.: Русский язык, 2009. - 220 с.
7. Лосева Л.М. Как строится текст: пособие для учителей. - М.: Просвещение, 1998. - 96 с.
8. Мещеряков В.Н. Учимся начинать и заканчивать текст: учебн. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2004. - 280 с.
9. Никитина Е.И. Русская речь: пособие по развитию связной речи: 5-7 кл. - М.: Просвещение, 2006. - 192 с.

10. Пленкин Н.А. Система работы по развитию связной речи учащихся. / Преемственностью перспективность в обучении русскому языку. - М.: Просвещение, 1992. - С. 102-120.
11. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. - М.: Просвещение, 2010. - 248 с.
12. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. - М.: Учпедгиз, 2011. - 188 с.

УДК 81

ЭРГОНИМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ МАГАЗИНЫ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ

Куров Александр,

Конференциар ЯрГУ им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, РФ

e-mail: alexanderkurov@mail.ru

orcid.id:0000-0001-7274-3469

Abstract The article deals with the problem of ergonymy, which is associated with the identification of nominative principles of shops in Yaroslavl. The author examines the definition of the concept of «onomastics» and applies the existing data in this field of linguistics to the study of shop names in Yaroslavl. Special attention is paid to the analysis of the motivation of language units.

Keywords ergonym, nomination, motivation, shop

С давних пор онимы привлекали внимание исследователей: вопросы их появления, заложенный в них смысл, их связь с обществом и мировоззрением людей [2]. В лингвистике существует раздел, который посвящён изучению любых собственных имён – ономастика [7].

Выделяют следующие разделы:

- антропонимику, которая изучает имена людей;
- топонимику (топономастика) – названия географических объектов;
- зоонимику – клички животных;
- астрономику (космонимику) – названия небесных тел, космических объектов;
- теонимику – имена богов;
- эргонимику – названия производств и коммерческих предприятий и др. [1].

В конце двадцатого века в результате исчезновения «железного занавеса» в Россию начали поступать разнообразные товары. Экономика государства изменилась, всё чаще стали появляться новые магазины, предлагающие широкий ассортимент. Вследствие процессов глобализации в языке появились новые номинации, яркие примеры которых будут рассмотрены в данной статье.

Подбор наименования для коммерческого предприятия становится важнейшим фактором для привлечения покупателей, в процесс называния любых городских объектов должен быть положен *принцип мотивированности*.

Можно выделить следующие критерии, определяющие мотивированность номинаций в данном исследовании:

- 1) язык, используемый в номинации;
- 2) слова и прикрепленные к ним ассоциации;
- 3) созвучность и благозвучность слов в названии;
- 4) соотносённость номинации с характером деятельности предприятия [3].

Приведём далее примеры мотивированных названий:

«Organicshop» – мультибрендовый магазин натуральной и органической косметики, в котором представлена продукция как российских производителей, так и большое количество иностранных брендов из разных стран мира (Германия, Ирландия, Франция, Австралия, США, ЮАР и т.д.). Слово «organicshop» можно интерпретировать следующими способами: 1) магазин, продающий товары из 1) натуральных ингредиентов или 2) из экологически

чистых ингредиентов. Вероятно, название мотивированное, так как отсылает к деятельности коммерческого предприятия.

«ДиваноVo» – магазин, продающий мягкую и корпусную мебель. Следует отметить, что автор этого названия, скорее всего, проводит параллель с названиями населённых пунктов (Абрамово, Будаково). Вероятно, потенциальным клиентам понравится это наименование, поскольку оно, вероятно, будет вызывать положительную ассоциацию в сознании потенциального покупателя. Также можно предположить, что в названии использована буква «V» с целью привлечения внимания молодёжи.

«Дом сантехники» – это магазин, продающий качественные товары сантехники отечественных и зарубежных производителей. Данное словосочетание, вероятно, вызовет положительную ассоциацию в сознании потенциального покупателя: в этом магазине клиентам будет приятно находиться так же, как и дома. Можно утверждать, что эргоним «Дом сантехники» мотивированный.

Среди названий с частичной мотивированностью, в качестве примера, приведём всем известный бренд «Снежная королева» – крупнейшая российская сеть мультибрендовых магазинов модной одежды. Данное словосочетание, скорее всего, ставит два вопроса перед потенциальными покупателями:

- В магазине продаётся одежда только из зимней коллекции?
- Она предназначена только для женщин?

Также важно отметить следующее: словосочетание «снежная королева» имеет отрицательную коннотацию, поскольку оно отсылает к сказке Х. К. Андерсена «Снежная королева», а слово «королева» положительную. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова сообщается, что «Королева»:

- 1) женщина, выделяющаяся своей красотой;
- 2) обладательница самых высоких достоинств в чём-либо, лучшая среди других [6].

Поскольку данное наименование вызывает как положительную, так и отрицательную ассоциацию, следует отнести данный эргоним к числу частично мотивированным.

Приведём далее примеры немотивированных названий:

PANDORA – один из самых успешных ювелирных брендов, известный на всех континентах своими неповторимыми ювелирными украшениями ручной обработки. Данное наименование связано с греческой мифологией. В электронном источнике сообщается, что Пандора – женщина, созданная Гефестом из глины по приказу Зевса, которая выпустила из сосуда на волю беды и несчастья человечества. Существует распространенное выражение «открыть ящик Пандоры», которое означает «источник несчастий, великих бедствий». Очевидно, что слово имеет отрицательную коннотацию, вследствие этого наименование можно считать немотивированным.

Diamond – компания, работающая в сфере изготовления и установки оконных конструкций. Важно отметить, что используемое в названии магазина, является заимствованным и переводится на русский язык «бриллиант, алмаз». С одной стороны, такое название сможет привлечь внимание клиентов, но с другой – оно не отражает деятельность коммерческого предприятия. Есть вероятность, что покупатели, не знающие английского языка, не смогут понять, как оно переводится и это введёт их в заблуждение. Такое наименование, скорее всего, подошло бы магазину, в котором продаются ювелирные украшения.

Ёж – это табачный магазин, в котором продаются разные виды табака, зажигалки, обычные и электронные сигареты. Очевидно, что название не является мотивированным, так как не вызывает никаких ассоциаций со сферой продажи табачной продукции, поэтому остаётся непонятным клиентам.

Таким образом, эргонимы, называющие магазины города Ярославля, представляют собой широкий пласт лексических единиц, в которых можно выделить полную и частичную мотивированность, а также её отсутствие. Одни магазины отражают в своём названии род деятельности, другие имеют яркую вывеску, не имеющую ничего общего с работой

коммерческого предприятия, но привлекают внимание покупателей. В настоящее время отсутствует коммуникация между покупателем и учредителем предприятия, так как принцип мотивированности не соблюдается.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что в современном языке всё чаще происходят изменения, и благодаря системе развития непрерывного образования [4; 5] создаются необходимые условия для обеспечения адаптации системы образования к динамично изменяющимся потребностям личности, общества, экономики. Важно также подчеркнуть, что изучение ономастики важно для любого уровня профессионального образования: как в средних, так и в высших учебных заведениях, а также в системе дополнительного профессионального образования.

Библиография:

1. Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2689763> (дата обращения 17.01.2022)
2. Горбаневский, М. В. Мир имен и названий / М. В. Горбаневский // [Электронный ресурс] URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/onomastics/28_19 (дата обращения 17.01.2022)
3. Куров, А. С. О мотивированности названий торговых центров города Ярославля / А. С. Куров // Культура. Литература. Язык // Материалы конференции «Чтения Ушинского» / под научной ред. М. Ю. Егорова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. – С. 12-16.
4. Морозов, А. В. Актуальные проблемы и перспективы развития непрерывного образования в России / А. В. Морозов // В сборнике: Петербургские пенитенциарные конференции // Материалы конференций. В 4-х томах. – СПб.: СПбУФСИН, 2021. – С. 32-41.
5. Морозов, А. В. Развитие личности обучаемого как важнейшая задача современного непрерывного образования / А. В. Морозов // В сборнике: Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики // Материалы 11-ой Международной научно-практической конференции. В 2-х книгах / Под общей редакцией Е. А. Корчагина, Р. С. Сафина. – Казань: КГАСУ, 2017. – С. 287-291.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.
7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

УДК 81.25

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАИВНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В КАРТИНЕ МИРА

Милевич Инга,

к.ф.н., доцент Колледж Альберта, Рига, Латвия

e-mail: inga.milevica@gmail.com

orcid id: 0000-0002-4948-8655

Abstract The article is devoted to an attempt to characterize the main features of naive translation studies - part of the modern naive picture of the world. Such features can be recognized as follows: translation in a naive picture of the world is formally structural, prescriptive, translation is a linear process and rather monochrome. This is a lexicographically naively structured process with the dominance of monosemanticity, when one lexeme - more often monosemantic - corresponds to one lexeme in another language, which is a guarantor of approximation to the reference ("correct") translation and avoiding mistakes.

Keywords: naive picture of the world, naive linguistics, naive translation studies, prescriptivism.

Одним из типичных утверждений в современном дискурсе кинозрителя является следующее: переводчики без какого-либо основания локализируют (изменяют, трансформируют и т.д.) названия художественных фильмов. С одной стороны, подобные комментарии представляют собой т.наз. *complaint tradition* [13, Р. 6], с другой стороны, эти комментарии принадлежат к более широкому явлению – к наивной картине мира, в которой образуется и наивное языкознание, и наивное переводоведение, черты и особенности которых еще предстоит определить. Одной из черт, которую можно констатировать в этом типе наивной картины мира, является систематическое нарушение конгруэнтности. «Взгляды наивных коммуникантов, приписывающие оценки своей или чужой культуре, её языку и другим знакам, нарушают семиотический принцип системной конгруэнтности, соответствия интерпретируемого знака системе, которой он принадлежит. Невозможно интерпретировать знаки одной системы с позиций другого кода, другой культуры, другого языка». [7, с. 19] Соответственно, представители наивной картины мира переносят свои знания иностранного языка на знания представителя профессионального (специального) перевода, особенности своего родного языка – на особенности неродного языка и др.

Наблюдения над дискурсом кинозрителей (особенно – отзывы в онлайн дискурсах) показывают такие черты «хорошего» перевода, напр., аудиовизуального текста: 1) формальный и/или буквальный перевод является основным критерием оценки качества перевода («правильный перевод»); 2) прагматический (а также функциональный) перевод приравнивается свободному переводу и соответственно – «неправильному». Эти тенденции могут быть объяснены присутствием прескриптивизма в наивном языкознании и переводоведении, что предполагает ряд когнитивных деформаций, т.е., какой-либо один яркий пример перевода становится основанием для того, чтобы негативные оценки локализации были перенесены и/или экстраполированы на всю сферу перевода.

Такой несистематический, часто с бинарными структурами (*правильно – неправильно, профессиональный – непрофессиональный перевод*), фрагментарный, субъективный характер языкознания и переводоведения наивной картины мира можно было бы противопоставить характеру научной картины мира, поскольку наука стремится к систематизированию своих знаний, объективности, полному объему и фальсифицируемости. Однако такое противопоставление, сколь благодатным ни было бы такое сравнение, не всегда обоснованно.

Картину мира, особенно наивную ее часть, исследовали философы, психологи, а также педагоги (И. Карт, Е. Гуссель, А. Ф. Лосев, В. И. Вернадский, Ж. Пиаже, Л. С. Выготский), а также филологи (из российских особенно – Д.Г. Голев, Н.Д. Арутюнова, В.Б. Кашкин). Наивная картина мира может быть определена как созданное неспециалистами видение мира, в основе которого лежит практический и индивидуальный опыт. В свою очередь, научная картина мира есть созданное специалистами видение мира, в основе которого поиски объективных знаний, теоретического опыта и часто – коллективного опыта.

Наивная картина мира не может быть приравнена примитивным взглядам, подобно тому как научная картина мира не есть лишь результат сбора и обработки определенной информации. Наивная картина мира образовалась, тесно переплетаясь отношениям языка и знаний. «Возможно, в значении, представляющем собой отражение действительности, нет ничего «наивного». Оно отражает тот уровень познания предмета, который достигнут общественным сознанием на современном этапе, и концепция наивных понятий исходит из ошибочного тезиса о том, что между мышлением и действительностью стоит промежуточный мир – языковая семантика, языковая картина мира». [5, 1с. 38]

Разделение научной и наивной картины мира, даже противопоставление, обосновывал еще в 1996 году В. Б. Касевич. [6, сс. 77–79] Он же формулировал одну из важнейших функций наивной картины мира: «наивная картина мира складывается как ответ на, главным образом, практические потребности человека — как необходимая когнитивная основа его адаптации к

миру». [6, с. 77] Наивная картина мира – это «реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития». [6, с. 77]

Не-противопоставление наивной и научной картины мира может обозначать их сближение – подобный тезис не редок в исследованиях последнего времени. «В целом современный этап в развитии цивилизации создал условия для сближения научной и обыденной картин мира. К основным предпосылкам этого сближения можно отнести такие факторы, как общие процессы глобализации, влияние СМИ на популяризацию научной картины мира; использование новых информационных и коммуникационных технологий; интеграционные процессы, имеющие непосредственное отношение к этим явлениям. Но сближение не означает полного слияния, т.к. в центральных областях научная и обыденная картины мира образуют весьма жесткие концептуальные и формально-языковые ядра, которые, безусловно, отчетливо различны. Любая стадия познания – обыденная или научная – предполагает использование результатов когнитивного опыта для неосознаваемой / создаваемой адаптации к миру (среде, действительности) как в личностном аспекте, так и в социальном». [5, с. 139]

В исследованиях о наивной картине мира разделяются части наивной психологии, наивной геометрии, наивной физики и т.д., а также и части наивной философии и филологии. Наивное языкознание – это наивная наука о построении языка, теориях происхождения языка и др., в свою очередь, наивное переводоведение – это часть наивной технологии языка, которая, среди прочего, объясняет, как переводить, и определяет признаки «правильного» перевода и др.

Особенно важны для исследования наивной философии и филологии работы В.Б. Кашкина, который характеризовал мифологемы наивного носителя языка и системы мифологем о языке (наивные представления о языке, включая представления о переводе) в разных источниках называют *folk linguistics, learners' beliefs, language awareness*): «1) мифологема вещности слова и вещного характера языка (реификация слов); 2) представление о естественной связи слова и вещи, которую оно обозначает (семиотическая неарбитrarность); 3) представление о дискретности семантики («внутренняя» реификация семантики слов-вещей) 4) механистический контекстуальный детерминизм (взаимная детерминация слов-вещей в высказывании); 5) процедурная мифология, т. е. мифология перевода и обучения, включающая приём пословного, линейного перевода, представление о накопительном характере языковой памяти («мешок» со словами-вещами); 6) мифология языковой и культурной границы, включающая оценочные представления о «характере» языков («самый красивый», «самый простой», «самый правильный» и т. п.) и другие межкультурные стереотипы; 7) мифология авторитетности в языке (поиск истины в словах и речах, либо признание авторитетности кого-либо из коммуникантов, правила и свобода в языковой деятельности и т. п.).» [7, с. 279]

Если о наивном языкознании существуют исследования или части исследований, то о наивном переводоведении много меньше работ (чаще это отрывочные фрагменты или упоминания). Поэтому для начала можно предположить, а затем эмпирически проверить, что и для наивного переводоведения характерны дуальные элементы. В этом смысле известные мемы перевода Эндрю Честермана (теории и идеи о переводе в целом) могли бы претендовать на позицию тех элементов, которые реализуются в наивном переводоведении, т.е. **1) источник – цель, 2) эквивалентность, 3) непереводаемость, 4) свободный и буквальный перевод**. [12] Все эти мемы или представляют собой дуальные категории, или же предполагают их: для непереводаемости предполагается переводимость, для эквивалентности – неэквивалентность. И, соответственно, одна из частей трех оппозиций в наивном переводоведении будет стремиться к негативной оценочности: непереводаемость, неэквивалентность и свободный перевод.

О стремлении наивной картины мира к аксиологическим оппозициям в контексте наивного языкознания также писал В.Б. Кашкин (он использовал обозначение

«аксиологическая картина мира»), многократно подчеркивая этот характер оппозиций: «мифология языковой границы приписывает положительные качества родному языку (самый красивый, правильный, точный и т. п.). Чужие же языки позиционируются в рамках картины мира в зависимости от территориальной и исторической близости либо удалённости, а также от исторических факторов (войны, сближения, разделения и т. п.).» [7, с. 18]

Наряду с такой позицией родного языка еще одним элементом наивного переводоведения может быть признан **эталон, эталонный перевод**: в переводоведении наивной картины мира образуется или моделируется некий текст, который отражает требования и критерии правильности наивного переводоведения. В этом смысле можно вспомнить случай с переводчицей книг о Гарри Поттере Марией Спивак, которая отошла от первого перевода серии книг издательства «Росмэн», видимо, стихийно получившем статус эталона, т.е. переводчице было отказано в праве на свое видение текста оригинала, вследствие чего переводчица столкнулась с тем, что сегодня называют культурой отмены – в публичном пространстве зафиксированы призывы не покупать книги в переводе Марии Спивак, негативные комментарии и угрозы в социальных сетях и др. Именно негативные оценки реализуют наиболее ярко идеи об эталоне: «Фрагменты дискурса потребителей о переводе всегда несут весьма резкую оценку, отражающую косвенно их собственные представления об идеале». [7, с. 321]

С понятием эталонного перевода связаны и другие понятия, во многом резонирующие с тенденцией прескриптивизма, и особенно понятие **ошибки**. Автору перевода в наивном переводоведении скорее необходимо быть имитатором и/или копировальщиком, но не автором или соавтором текста, и определенно не быть конкурентом автору (отдельно в этом смысле находятся переводчики с ярко выраженной игровой тактикой перевода, напр., Д.Ю.Пучков, известный как *Гоблин*). Любопытно, что отношение к ошибке в современном языкознании и переводоведении заметно меняется: правильное и ошибочное не существует одно без другого. [9, с. 42] Соответственно, этот объект исследования уже рассматривается в рамках отдельного направления или даже системы направления, названия которых и их объекты исследования пока не стабильны. Однако часто говорится о девиатологии как исследованию отступлений [2], [3], [4] и эрратологии: последнее обозначение в языкознании имеет место уже с 60-70 гг. 20 в. параллельно обозначению *error analysis* и обозначает направление, занимающееся исследованием собственно ошибок.

Специфика **процесса перевода** может быть отражена в представлениях о **работе переводчика**: в наивном переводоведении переводчик нередко начинает работу с чтения и перевода первого предложения текста и линейно движется к последнему предложению текста. Характерный пример такому представлению находится, напр., в детективных романах серии «Каменская» А. Марининой и их экранизациях (особенно 3 сезон, 9 серия «Стилист»): переводчик художественной литературы Владимир Соловьев получает вопрос о сюжете переводимой им книги и отвечает, что еще не дошел до конца книги: *Марина – У вас очень интересная работа. Я немного прочтала из того, что удалось восстановить. Теперь умиряю от любопытства, что же будет дальше. Соловьев – Да я и сам не знаю. Пока не перевел.* [https://www.youtube.com/watch?v=peTUHo1N_-E&list=PLcCungUKMbrI1XDGTqC-Jc49B85kDwaqU&index=10] Примечательно, что этот персонаж детектива в оригинальном романе репрезентируется как выдающийся специалист своего дела: *Он признанный специалист в своей области. Это тоже сомнению не подлежит. Достаточно взглянуть на книжные полки, уставленные его книгами. Его собственные труды по китайской литературе, по японской филологии, а также множество повестей и романов, на титуле которых стоит: «Перевод В. А. Соловьева». Он – уникальный филолог, работающий с двумя сложнейшими языками, японским и китайским.* [https://libbox.ru/books/stilist?page_book=4]

Такое представление о профессиональном переводе как **нелинтерном, пословном переводе** может свидетельствовать о том, что **единицей перевода** в наивном переводоведении является слово. Не лишним будет напомнить, что в современном переводоведении вопрос о единице перевода не является решенным. Так, в широко известной работе J.P.

Vinay&J. Darbelnet (1958) указывали, что единицей перевода является «единица мысли» (*unites de la fonction*). [17, Р. 37], и, вместе с развитием когнитивного направления переводоведения, это мнение становится вновь актуальным в современном переводоведении. Единицей перевода может стать единица, соотносимая с уровнем языка, – фонема, морфема, лексема, предложение, текст, кроме того, могут быть выдвинуты несколько единиц перевода, напр., от минимальной (слово) до максимальной (текст). Кроме того, могут быть выделены и синтетические единицы перевода. Так, Л. А. Черняховская рассматривает единицу перевода как сегмент информации, который может принимать форму и слова, и словосочетания, и предложения (цит. по [11, с. 284]) Еще одной единицей перевода называется фрейм [10, с. 42] Кроме того, единицы перевода могут быть выделены в соотношении с типом перевода [8], напр., кинодиалог. [1] Надо сказать, что наивная картина мира не является однородной и в ней могут показаться и представления о нелинейности процесса перевода, о тексте как о единице перевода и др. «Наивной картине мира свойственна внутренняя противоречивость: в ней могут уживаться мифы разных степеней аккультурации индивида (вытирать нос платком или рукой, переводить пословно или по правилам переводческих трансформаций и т. п.). Их использование не жёстко определено, а ситуативно связано». [7, с. 18]

Таким образом, в общих чертах признаки наивного переводоведения могут быть охарактеризованы следующим образом: перевод в наивной картине мира носит формально структуральный, прескриптивный характер, перевод является линейным и скорее монокромным процессом. Это лексикографически наивно структурированный процесс с доминированием моносемантичности, когда одной – чаще моносемантической – лексеме соответствует одна лексема в другом языке, что является гарантом приближения к эталонному («правильному») переводу и избегания ошибок.

Библиография:

1. Горшкова В. Е. (2006). Кинодиалог как единица перевода. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinodialog-kak-edinita-perevoda> (дата обращения: 07.11.2021).
2. Дебрэнн М. (2006) Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология. Новосибирск: Новосиб. Гос. Ун-т.
3. Дебрэнн М. (2006) Место межъязыковой девиатологии в общей теории ошибок. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н.И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. Москва: Изд-во РГГУ, 133-137 с.
4. Дебрэнн М. (2007) Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-deviatologiya-oshibki-porozhdeniya-i-ponimaniya> (дата обращения: 08.11.2021).
5. Исоева В.А. (2014). Научная и наивная языковые картины мира. *Культура. Духовность. Общество*, (13), 137-143 с.
6. Касевич В.Б. (1996). Буддизм. Картина мира. Язык. СПб: Петербургское востоковедение.
7. Кашкин В.Б. (2010). Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников.
8. Комиссаров В.Н. (1990). Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа.
9. Коршунова Н.Г. (2012). К вопросу о понятии "ошибка" в лингвистике и переводоведении. Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-oshibka-v-lingvistike-i-perevodovedenii> (дата обращения: 08.11.2021).
10. Семенов А.Л. (2013). Теория перевода. Москва: Академия.

11. Сдобников, В. В. (2006). Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. Москва: АСТ Восток-Запад.
12. Čestermens, Endrū (2019). Tulkošanas mēmi: Ideju izplatīšanās tulkošanas teorijā. Rīga: LU.
13. Milroy, J. (1985). Authority in Language: Investigating language prescription and standardization / J. Milroy, L. Milroy. London, Boston & Henley: Routledge & Kegan Paul.
14. Vinay, J.P., Darbelnet J. (1958). Stylistique Comparée du Français et de l'Anglais. Paris: Didier.

УДК 316.734 (043.2)

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В ТУРИЗМЕ

Фокин Сергей Павлович,

кандидат пед. наук, доцент НАУ, г. Киев, Украина,

e-mail: sfokin@bigmir.net

orcid.id: 0000-0002-1522-7254

Abstract. The article deals with the problems of language barriers in tourism and the possibilities of overcoming them

Keywords: language barriers, lingua franca, tourism

В науке различные формы языкового общения получили название вербальных средств коммуникации. К наиболее известным вербальным средствам общения относится, прежде всего, человеческая речь, так как благодаря речи люди передают и получают основную массу жизненной важной информации. В современной лингвистике существует много определений языка, но все они сходятся в главном: язык представляет собой основное средство общения между людьми.

Значение языка в культуре любого народа трудно переоценить. В культурологической литературе значение языка чаще всего сводится к следующим оценкам:

- зеркало культуры, в котором отражается не только реальный, окружающий человека мир, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции, обычаи, мораль, система норм и ценностей, картина мира;
- кладовая, сокровищница культуры; материальные и духовные ценности, накопленные тем или иным народом, хранятся в его языковой системе-фольклоре, книгах, устной и письменной речи;
- носитель культуры, поскольку именно с помощью языка она передается из поколения в поколение. Дети, в процессе овладевая родным языком, вместе с ним осваивают и обобщенный опыт предыдущих поколений;
- один из методов идентификации объектов окружающего мира, их классификации и упорядочения сведений о нем;
- способ адаптации человека в условиях окружающей среды;
- средство правильной оценки объектов, явлений и их соотношений;
- способ организации и координации человеческой деятельности;
- инструмент культуры, формирующий личность человека, который именно через язык воспринимает менталитет, традиции обычаи своего народа, а также специфический культурный образ мира [3].

Представители разных культур используют различные модели восприятия социальной действительности с помощью символических систем, что находит отражение в используемых языковых конструкциях, стилях устной и письменной коммуникации. В межкультурной среде лингвистическая компетентность как владение абстрактной системой правил языка, в качестве средства общения, используемая партнерами, выступает необходимым, но не достаточным условием эффективности интеракций. Кроме того, они должны обладать коммуникативной

компетентностью - умением применять правила в конкретных социальных ситуациях, а также когнитивной способностью словообразования и генерирования мыслей на языке общения (навыками «языкотворчества») [4].

Проблемы лингвистического характера часто становятся первыми (и вследствие этого такими, наиболее запоминающимися) препятствиями при общении с представителями других культур.

В условиях глобализации мира и жесткой конкуренции в сфере туризма, владения иностранным, особенно английским языком является необходимым условием профессиональной компетенции и карьерного роста студентов туристских специальностей. В наше время английский язык представляет собой основное международное средство коммуникации. В связи с этим он впитывает в себя все особенности той культуры, в которой используется и развивается. На данный момент в процессе глобализации английский язык постепенно превращается в универсальный язык – *lingua franca*.

Lingua franca, в настоящее время, необходим для преодоления языковых барьеров и налаживания межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация – термин, введенный в научный оборот Г. Трейгером и Е. Холлом. «Межкультурная коммуникация – коммуникация между представителями отдельных культур, когда один участник обнаруживает культурное различие другое. Это обмен информацией, чувствами, мыслями представителей разных культур. Имеет место в бизнесе, туризме, спорте, личных контактах, научном и образовательном мире и т.д.» [1]. Другой вариант определения: «Межкультурная коммуникация – адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, которые принадлежат к различным национальным культурам» [2]. Межкультурная коммуникация – наука, которая изучает особенности вербального и невербального общения людей, принадлежащих к разным национальным и культурным сообществам. В основе современной цивилизации лежит многообразие культур, находящихся в постоянной взаимосвязи и взаимодействия. При этом каждая культура имеет свою языковую систему, с помощью которой ее носители общаются друг с другом.

W. B. Gudykunst, Y. Y. Kim считают, что возникновение новых культурных пространств (пространств глобальной коммуникации) в результате межкультурных связей является той особенностью, которая делает глобализацию новым явлением, отличает ее от процессов интернационализации предыдущих эпох. В различных источниках такие культурные образования описываются как «креативный класс», «малые организационные группы» и т.д. Неэтнические характеристики (бизнес, корпоративность, толерантность, успешность, креативность и т. д.) для данных культурных сфер имеют значение больше, чем этнические, то есть принадлежность к собственному этносу часто оказывается менее значимым, чем ощущение себя частью новых межкультурных образований. Новые межкультурные социальные сферы характеризуются новой культурой и такими ключевыми компетенциями, которые включают в себя знания о других культурах, способность с ними сотрудничать, овладевать информационными и коммуникационными технологиями. Новые международные организационные структуры представляют собой культурное пространство, где необходим язык всемирного общения. Надо отметить, что особенность языка всемирного общения заключается в отсутствии этнокультурной составляющей. Как правило, она используется только в коммуникативной функции для преодоления межъязыковых барьеров [5].

В основе глобальной культуры лежат ценности, общие для всех национальных культур. Таким образом, каждая национальная культура участвует в формировании глобальной культуры.

В 2005 году Европейская комиссия приняла документ о новой стратегии многоязычия – «A New Framework Strategy for Multilingualism». В нем английский язык фактически рассматривается как обязательное условие участия всех европейцев в новом сообществе, построенном на знаниях английского языка. На данный момент по всему миру используется огромное разнообразие вариантов английского языка [6].

В настоящее время английский язык охватывает все сферы деятельности, начиная от науки и заканчивая предпринимательством в сфере туризма. На данной стадии развития мирового сообщества необходимо соблюдение принципа межкультурного общения, как в организации туристской деятельности, так и в профессиональном туристском образовании. Люди используют английский язык в различных целях: некоторым она нужна для успешной карьеры, для других – это возможность свободно и комфортно путешествовать.

Знание английского языка для сотрудников сферы туризма и для самих туристов является очень важным фактором, а именно:

- возможность общения с людьми по всему миру;
- ведение бесед в международных чатах и группах;
- возможность путешествовать по всему миру;
- возможность узнать много нового и интересного о жизни и культуре других стран и наций [7].

В условиях глобального многоязычия в сфере туризма необходим тот тип билингвизма, при котором важно использовать языковые и культурные нормы носителей английского языка, так как туристическая деятельность предполагает взаимодействие с другими странами, где, в одном случае, английский может выступать как родной язык, а в другом – как общепринятая международная речь.

Можно с уверенностью утверждать, что в ближайшем будущем ведущим языком международного и межкультурного общения останется английский. Мир вступил в эпоху глобального билингвизма «родной язык, английский язык». Использование английского в качестве языка межкультурного общения становится необходимостью для всех народов мира, включая и сами англоязычные народы

Таким образом, преодоление барьеров межъязыковой коммуникации в туризме базируется на системе лингвистических и экстралингвистических знаний, необходимости билингвизма, особенности вербальной коммуникации, а также умений и навыков, формировании способности и готовности успешно устанавливать, строить, развивать и совершенствовать взаимоотношения с представителями другой, отличной от своей, лингвокультурной среды.

Библиография:

1. Г. Трейгер. Е. Холл. Культура та комунікація. Модель аналізу (1954 р). Режим доступу / https://uk.wikipedia.org/wiki/Міжкультурна_комунікація.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1990. – 250 с.
3. Жлуктенко Ю. О. Українсько-англійські міжмовні відносини. Українська мова в США і Канаді./Жлуктенко Ю. О. – К.: Вид-во Київського ун-ту. – 1964. – 164 с.
4. Зацний Ю. А., Мова і суспільство: збагачення словникового складу сучасної англійської мови. / Зацний Ю. А., Пахомова Т. О. – Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2001. – 243 с.
5. Reading On Communicating With Stranger. Ed. by W. B. Gudykunst, Y. Y. Kim. McGraw-Hill. – 1992. – 456 p. <https://www.amazon.com/Communicating-Strangers-Approach-Intercultural-Communication/dp/>
6. <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ>
7. Фокін С. П. Міжкультурна вербальна комунікація у туризмі. / Мат. Міжнар. наук.-практ. конф., 10 – 11 квіт. 2019 / КНУКіМ, 2019. – С. 335

УДК 82-055.2.09

ГЕНДЕРНАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕМИННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Якименко Людмила,

канд. филол. наук, доцент ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

e-mail: yakimenkol@list.ru

orcid.id:0000-0002-5391-5867

Abstract. The article deals with issues related to scientific understanding, interpretation and rethinking at the present stage of development of society as a whole and literary studies – in particular, the concepts of «gender», «feminism», «feminine literature». The differences in the understanding of the term «gender» in the biological and socio-cultural context are indicated. The features of the «female type of writing» are revealed.

Keywords: gender, feminine literature, literary criticism.

Заинтересованность в обществе гендерной проблематикой возникла в начале 1970-х годов параллельно с развитием феминистских исследований и формированием так называемой «женской истории» на Западе. Впервые определение понятия «гендер» было дано в статье Ш. Ортнер «Соотносятся ли женское с мужским так же, как природное с культурным?», а также в исследованиях Р. Унгер, А. Рич и Г. Рабин. Как результат, «гендер» – одно из центральных и фундаментальных понятий – становится предметом специального и углубленного осмысления на протяжении десятилетий. Его генезис освещен, например, в работах Н.Л. Пушкаревой «Гендерный подход в исторических исследованиях», «Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук», в которых приводится следующее определение этой дефиниции: «Гендер – это набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности» [9, с. 16].

Согласно другим источникам, впервые понятие «гендер» появилось в работах психолога и психоаналитика университета Калифорнии (Лос-Анджелес, США) Р. Столлера в 1958 г., в которых он разделил понятия «маскулинности» и «фемининности» для определения различий между социокультурными характеристиками «мужского» и «женского». Под термином «гендер» он понимал социальные проявления принадлежности к полу или «социальный пол». В 1963 г., выступая на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме, ученый говорил о понятии социополового (то есть – гендерного) самоосознания. Его концепция строилась на разделении «биологического» и «культурного». Изучение пола (англ. «sex») Р. Столлер считал задачами биологии и физиологии, а анализ гендера (англ. «gender») – рассматривал как предметную область исследований психологов, социологов, культурологов. Предложение Р. Столлера о разведении биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, и дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании – гендерным исследованиям, или гендерологии [9, с. 49].

В ходе дальнейших исследований понятие «гендер» чаще использовалось в работах, посвященных изучению социальных, культурных, психологических аспектов «женского» по сравнению с «мужским», «то есть при выделении всего того, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин» [9, с. 46]. Еще одну интересную трактовку понятия «гендер» предложила Т. де Лауретис в своей книге «Технологии гендера» (1987). Основываясь на идеях М. Фуко, она утверждала, что «гендер – не простая производная от анатомо-биологического пола, а социальная конструкция, репрезентация или, скорее, составной эффект дискурсивных и визуальных репрезентаций, которые, следуя М. Фуко, я рассматривала как продукт различных общественных институций:

не только семьи, системы образования, масс-медиа, медицины или права, но также языка, искусства, литературы, кино и научной теории» [7, с. 15].

Н. Абубрикова приходит к выводу, что «гендер конструирует отношения между одним объектом (или существом) и другими, ранее уже обозначенными классом (группой); это отношение принадлежности» [1, с. 32]. Таким образом, гендер приписывает или закрепляет за каким-либо объектом или индивидом позицию внутри класса, следовательно, и позицию относительно других, уже составленных классов.

В англо-русском словаре В. Мюллера фиксируется, что «gender» имеет два значения. Первое – грамматический род и второе – пол как шутливое обозначение. В Американском словаре наследия английского языка слово «гендер» определено, в первую очередь, как классификационный термин, в том числе и как морфологическая характеристика («грамматический род») [12, с. 47]. Однако дело не только в буквальном значении лексемы «гендер», а в том объеме понятия, который закрепился за ним в научной литературе: «Термин “гендер”, заимствованный из лингвистики, использовался для обозначения культурных характеристик мужчин и женщин в отличие от пола – совокупности биологических характеристик – генетических, физиологических и репродуктивных. При помощи понятия «гендер» было проведено структурное отделение естественного (природного) от приобретенного (культурного) в человеке. Гендер – совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола» [4, с. 21]. Это понятие стало междисциплинарным, его активно использует социология, антропология, философия, литературоведение, лингвистика, одним словом, все дисциплины гуманитарного цикла.

Теоретики феминизма подчеркивают, что асимметрия во взаимоотношениях полов пронизывает все сферы жизни, начиная с политической и заканчивая сексуальной, и объясняется это, прежде всего, биологическими характеристиками пола. Возникает понятие фаллоцентризма/маскулинности как обозначение всего мужского и феминизма – женского. Знаковым явлением в теории феминизма стала книга Симоны де Бовуар «Второй пол» [2], положившая начало многим неофеминистским исследованиям, в которых женщина рассматривается не как биологическое, а как социально-психологическое явление в патриархальном, унижающем ее обществе.

Г.А. Брандт дифференцирует феминистских исследовательниц по трем группам, каждая из которых отражает свой взгляд на женскую проблематику: «Различия в феминистских подходах к рассмотрению “природы женщины” связано со многими причинами, в частности с использованием разных исследовательских технологий: марксистского, феноменологического анализа, психоанализа, дискурсивных практик, которые дают основание для расстановки разных акцентов в процессе изучения формирования женского опыта бытия в современном мире. Однако главной целью феминистских исследований природы женщины является снятие пресловутой дихотомии “женщина – природа, мужчина – культура” (безраздельно господствующей в историко-философской антропологической традиции) и определение, прежде всего, ее культурных потенций». Поэтому в основу типологического анализа проблемы ложиться определение авторами тех историко-культурных перспектив, с которыми связывается реализация «женского» в социальном пространстве [3, с. 33].

Одна из ведущих исследовательниц феминистского психоанализа Дж. Митчелл в своей книге «Психоанализ и феминизм: Фрейд, Райх, Лейнг и женщины» (1974) соглашается с идеей Ж. Лакана о символической конструкции, которая лежит в основе гендерной идентичности. Большинство озвученных позиций рассмотрено в историографическом обзоре и М. Рюткенен [10]. Так, в нем подчеркивается, что Т. Де Лауретис, автор книги «Технология гендера» (1978), выдвинула на первый план отношение субъекта и сексуальности, определяя таким образом и особенности женского субъекта. Опираясь на идеи М. Фуко, Т. де Лауретис дает определение гендеру как «социальной конструкции, которая, в свою очередь, является продуктом различных общественных институтов (семьи, образования, СМИ, языка, искусства, литературы, кино, научных теорий)» [9, с. 50].

Для литературоведа имеют большое значение работы постструктуралиста, ученицы и последовательницы М. Бахтина, Ю. Кристевой – как наиболее яркой представительницы феминистской критики [8]. Она вводит понятие «choга» (чрево), считая, что конструирование женского «Я» протекает в производстве языковых структур отца, организованных функцией фаллоса. Подчеркнем, что для постструктуралистов понятие «феминности» уже не связано с представлением о какой-либо субстанциональности, с биологическим полом, – это метафорическое выражение маргинального способа мышления.

Многие ученые определяют украинский и российский современный гендерный порядок, унаследованный от предыдущих эпох и укоренившийся в нашем сознании в XX веке, как этакратический, то есть такой, в формировании которого определяющую роль играет государство. Согласно классификации, предложенной А. Темкиной и Е. Здравомысловой [5], принято выделять четыре этапа гендерной политики общества: первым этапом считается период с 1918 года по 1930 год; вторым – 1930 – 1950-е гг., третьим – 1950 – 1980-е гг., четвертым – 1980 – нач. XXI века. На современном этапе, по сравнению с предыдущими, существенно изменились гендерные роли женщины. Выделяют три основные роли, которые может выполнять женщина: «работающая мать», «домашняя хозяйка» и «сексуализированная женственность». Таким образом, за последние несколько десятилетий сформировалась достаточная теоретико-методологическая база, позволяющая рассматривать гендер не только с биологической, социально-политической, но и с культурной, в некотором роде – мессианской точки зрения, а конкретнее – в контексте феминной литературы.

Кризисное сознание в эпоху бурного индустриального развития и конфликтного мировосприятия вошло в литературу и в женский литературный дискурс в начале XX века. Феминистическая теоретическая мысль второй половины XX века, выделившись в самостоятельное направление как социально-теоретического, так и научно-практического направления, остановилась на проблеме функционирования «женского компонента» в общественной жизни, при этом перенесла его на частную сферу и очертив проблему взаимного функционирования обоих полов в общественно-культурной и частной жизни в противовес однополуму доминированию – мужскому, патриархальному, фаллоцентричному. Итак, новый женский дискурс начал предусматривать индивидуальную феминную психологическую оценку общественно-гражданских явлений и позиций, выводя понятие гендера на новый уровень.

В европейском контексте феминизм выступил одним из самых влиятельных течений XX века. В научной литературе данное понятие требует определения по меньшей мере на двух уровнях: с одной стороны, это широкое общественное движение за права женщин, или же феминистское движение (политический контекст), а с другой – комплекс социально-философских, социологических, психологических, культурологических теорий, осуществляющих анализ статуса женщины в обществе, или же феминистская теория [10, с. 7].

Начало интереса в России к феминистской проблематике совпало с появлением нового направления в русском искусстве и литературе – постмодернизма. В постмодернизме параллельно с философским интересом к женскому началу возникает профессионально-научное обращение к творчеству женщин. Появление нового объекта для литературоведческих исследований («феминный текст») породило желание сказать о том, что женская литература существует как независимое, своеобразное и специфическое течение постмодернизма [7, с. 90].

Как известно, физиологическая, психическая и социокультурная природа женщины существенно отличается от природы мужчины. Это накладывает отпечаток на творчество, в том числе и литературное. У авторов-мужчин и авторов-женщин разный опыт и способы отображения мира, отличаются стиль изложения и степень эмоциональности. При этом стоит учитывать и принадлежность автора к определенной национальности, религии, его/ее семейное положение, то есть экстралингвальные факторы. Так, например, по утверждению социологов и психологов, славянской женской ментальности, в основном, присущи

кордоцентризм, эмоциональность, чувственность письма, религиозность, сильная связь с природой, с родным краем.

Следует отметить, что, хотя возникновение такого литературоведческого термина, как «феминное письмо» связано с феминистским движением, а поэтика ведет свою родословную от постмодернистских философских теорий Ю. Кристевой, Л. Ирригарэй и Г. Сиксу, эту дефиницию мы используем для более точного определения особенностей женских образов, представленных в художественных текстах. То есть, при анализе используется гендерный подход, а не социально-политический (борьба за гражданские права и свободу женщин, отстаивание их права на жизненное самоопределение). Тем более, что теория феминного письма нашла свое воплощение/отражение в конкретных литературных произведениях, а также в одноименной феминистической концепции.

Попытки определения специфики женского творчества были предприняты еще во второй половине XIX в. Критики-мужчины, выделяя такие особенности женской манеры письма, как субъективность, лиризм, чувственность, сентиментальность, рассматривали их как признаки, указывающие на несовершенство женского творчества по сравнению с мужским, тем самым отказывая женщинам-писательницам в литературном таланте. Даже в XX веке критики негативно оценивали творчество тех поэтесс, лирические или прозаические произведения, которых не соответствовали их идеологическим установкам, были, например, аполитичны. Женщинам в литературе «инкриминировали» то, что их интересовали проблемы нравственные, общечеловеческие, вневременные, а чаще всего – вопрос семейных отношений.

Проблема природы женского творчества остается актуальной и в наше время. М. Рюткенен в статье «Гендер и литература: проблемы “женского письма” и “женского чтения”» отмечает, что «женщины писали и пишут иначе, чем мужчины, поэтому уместно говорить о теории женской литературы, женского письма» [10, с. 5]. Таким образом, понятия «женского письма», «женской литературы» и «женской критики» становятся легитимными и знаменательными дефинициями академического литературно-критического дискурса.

Практически все уровни художественного произведения служат предметом исследовательского внимания в аспекте гендера, так как именно в женской литературе можно встретить образ женщины, проследить особенности женского начала, увиденные, осмысленные и воссозданные самой женщиной. Такой подход к женскому творчеству позволяет не только поставить в один ряд произведения писательниц, несхожих в своих жанрово-стилевых пристрастиях, но и рассматривать наряду с отечественной прозу переводную [11, с. 393]. В результате, четко формируется методологическая перспектива гендерных исследований в области литературоведения и искусствоведения, дающая возможность оценивать «феминную» доминанту текстов по разным критериям: не только произведений, написанных женщиной с феминно маркированным сознанием, но и художественно исследовать образ женщины, находящийся в центре создаваемого поэтессами/писательницами художественного мира.

Женское письмо ориентировано скорее не на создание новой языковой реальности, а на возможность сказать новое слово о себе как о познающем субъекте, поэтому возникает мотив обращения к себе, познание самой себя. Как результат, вопрос о деконструктивном характере женской прозы оказывается разрешенным в пользу конструктивного начала. Феминная литература начинает восприниматься как некая система, порождающая свое видение мира и знания о нем. Формальное экспериментирование не решает проблемы различия мужского и женского дискурсов, оно лишь приводит к утверждениям о наличии неких таинственных непознаваемых «интенций», или неосознанных желаний, которые порождают стремление к новому языку и необычному тексту [7, с. 94].

М. Рюткенен в своем обзоре феминистской критики приводит несколько наиболее важных и очевидных признаков «женственного стиля письма, на которые указывают вполне авторитетные, с ее точки зрения, исследователи: 1) не зависит от пола писателя и является способом, с помощью которого можно освободиться от гендерных ролей и разрешить «другому» стать видимым (Э. Сиксу); 2) может проявлять себя только через разоблачение

подавленной женственности: с помощью эффекта игрового повторения делать видимым скрытую возможную работу женственного в языке, то есть женщина всегда «другое» в маскулинном дискурсе (Л. Ирригарэй, С. Вайгель); 3) «женственный стиль письма», как и «мужской», создается в чтении, формируется читателем, признавшим себя гендерно соотношенным и понимающим последствия этой соотношенности для чтения и последующей интерпретации (читатель как «гендерный индикатор»)» [3, с. 45].

Таким образом, анализ основных концепций гендера как социокультурного феномена показал, что различение понятий «пол» и «гендер» обозначило выход на новый теоретический уровень осмысления социальных процессов. Гендерные исследования носят полидисциплинарный характер и ведутся на стыке общей гендерологии и многих других наук, в том числе и литературоведения, о чем свидетельствуют работы Т. Ровенской, Т. Мелешко, С. Охотниковой и др. Современная гендерная теория, учитывая существование тех или иных биологических, социальных, психологических различий между женщинами и мужчинами, утверждает, что не столь важен сам по себе факт этих различий, главное – их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение на основе этих различий системы межполовых и внутриполовых отношений. Разработка категории «гендер» затрагивает все области гуманитарного знания, что особенно значимо в сфере культуры, прежде всего художественной литературы [4, с. 23]. Гендерный аспект литературоведения составляет анализ не только женской, но и мужской прозы. При этом данный подход требует ретроспективного взгляда, позволяющего трактовать традиционно известные образы в их гендерной сущности. Ретроспективный анализ охватывает и женскую – феминную – прозу, начиная от самых ее истоков. Такой анализ позволяет зримо представить предысторию и традиции формирования современной отечественной феминной литературы, а также рассматривать женские образы сквозь призму гендерной методологии.

Библиография:

1. Абубрикова Н. И. Что такое «гендер»? / Н.И. Абубрикова // *Общественные науки и современность*– 1996. – № 6. – С. 4–18.
2. Бовуар де С. Второй пол / С. де Бовуар. – М., 1998. – 324 с.
3. Брандт Г.А. Современный феминизм: переворот в историко-философской антропологической традиции Западной Европы. Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Г.А. Брандт. – Москва: ИВИ РАН, 2003. – № 6. – С. 32 – 46.
4. Воронина О.А. Философия пола / О.А. Воронина // *Философия: Учебник* / Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова. – М., 1998. – 212 с.
5. Здравомыслова Е.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // *Материалы первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям*. – М., 1996. – 287 с.
6. Здравомыслова-Стоюнина О. Общество сквозь призму гендерных представлений / О. Здравомыслова-Стоюнина // *Женщина, гендер, культура*. – М., 1999. – 258 с.
7. Костикова А.А. Постмодернизм: феминистская критика / А.А. Костикова // *Материалы Ломоносовских чтений*. – М., 1997. – 421 с. 55
8. Кристева Ю. Силы ужаса / Ю. Кристева // *Гендерные исследования*. – 1999. – № 2. – С. 27–41. 58
9. Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях / Н.Л. Пушкарева // *Вопросы истории*. – 1998. – № 6. – С. 45–51.
10. Рюткенен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» / М. Рюткенен // *Филологические науки*. – 2000. – № 3. – С. 5 – 8.
11. Сиксу Э. Хохот медузы / Э. Сиксу // *Гендерные исследования*. – 1999. – № 3. – С. 89–104.
12. *American Hieritage Dictionary of English Language*, – 1990. – 1002 с.

СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

ПОДСЕКЦИЯ 7.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

7.1.1. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

УДК 904 «0/3»(478)

УКРЕПЛЕНИЕ РИМСКОЙ ЭПОХИ-КАСТРУМ У С. ЭТУЛИЯ

Агульников Сергей,

Старший специалист Национального Агентства Археологии
Министерства Образования и Исследований РМ, Кишинев, РМ

e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

orcid id: 0000-0001-6764-0588

Abstract. During the inspection of archaeological sites in the south of the Republic of Moldova, on the territory of ATU Gagauzia, specialists of the National Archaeological Agency in 2016 examined the elevation of the left bank of the lake and the Kagul River (Popovici, Ciobanu, 2017, 46). The purpose of the exploration was to clarify the number of mounds on the plateau of the left bank of the Kagul River and the lake of the same name, traced tentatively on the platform of the program Google Earth. In the course of research in this zone, 1, 5 km south of the outskirts of the village of Etulia (New Etulia) Vulcanesti district of RM, an in-depth structure was identified, which is a floating ditch of rectangular shape, oriented along the conditional line north-south.

Structure is located at an altitude of 102 m from the Black Sea level and 95 m from the Kagul River. The extreme northern and southern extremities of the moat were adjacent to the mounds No.3-4 near the town of Etulia. The west side was not traced as it was leaving the 2nd terrace of the Kagul River. The total area covered by the moat is about 25.3 hectares. The moat on the ground is poorly visible, but on its visible areas the remaining depth is 0.2-0.4 m. The once-existing shaft is completely lowered by the periodic modern plowing.

Archaeological material collected in the perimeter of the structure is represented by amphorae ceramics and pottery of Roman time II-III centuries AD. That corresponds to the time of construction and operation of the Lower Traian shaft. Castrum was the site for a temporary or permanent military camp. Roman soldiers usually chose a place on the hill for strategic review and defense. Another important condition was the presence of a large fresh water reservoir for water supply, which is quite consistent with the data of the fortification, which is most likely related to the campaigns of Emperor Valent.

Key words: castrum, structure, pottery, Kagul.

Нижний Траянов Вал, уникальное по своей конструкции сооружение, возведенное в 1-х веках н.э. На отрезке длиной 34 км он представляет собой классическое оборонительное сооружение, снабженное бермой и рвом, при этом достигает современной высоты до 3 м [2, с.130-131]. Его протяженность 126 км, и он простирается от села Вадул-Луй-Исак на Нижнем Пруту вплоть до озера Сасык, одного из придунайских лиманов в древности. На отрезке от современного села Вадул-луй-Исак, до озера Ялпуг защищал один из самых ответственных участков имперской границы на Нижнем Дунае. Здесь длительное время находилась одна из самых важных переправ через Дунай, известная еще с периода бронзового века, связь которого с укреплением Римского времени у села Орловка (Картал) несомненна [1, с.144-159]. Долгое

время считалось, что за исключением фортификационных сооружений, таких как римская крепость на Каменной Горе в Орловке, охранявшей переправу через Дунай и в Новосельском (Сату-Ноу), других укреплений Римского времени на территории Нижнего Подунавья не выявлено [3, с.154]. Хотя общеизвестно, что Траянов Вал и примыкающая к нему ближайшая территория являлись коммуникацией-дорогой между городом Новиодунум (Исакча) и Тирой-городом колонией на Днестровском лимане. В свою очередь, такая важная коммуникация должна была как-то охраняться от набегов степных кочевников, которыми на тот момент являлись сарматы и аланы (1-волна), а также от варварских нашествий с запада (кельты, готы, бастарны). К тому-же вал служил оборонительным сооружением как от даков, так и от вышеупомянутых сарматов. Поэтому для защиты вала и древних дорог от нападения должны были существовать временные римские укрепления, т.н. каструмы, которые также являлись временными походными лагерями. В последнее время появилась информация о локализации римского каструма и в окрестностях г. Николаева на участке между Днестром и Южным Бугом [4].

Каструмом являлось место для устройства временного или постоянного военного лагеря. Римские воины обычно выбирали место на возвышенности для стратегического обзора и обороны. Другим важным условием было наличие крупного пресного водоёма для водоснабжения, чему вполне соответствует данные укрепления, о котором пойдет речь далее.

Каструм обычно имел типичную прямоугольную планировку, и был обнесен оборонительными валом и рвом. Постоянные лагеря с более мощными укреплениями, строившиеся римлянами по берегам Рейна и Дуная, постепенно становились подобием небольших городков. Вместо палаток в них строились для начала покрывавшиеся соломой или шкурами, а позже и черепицей, если за время стоянки успевали наладить ее производство. В палатке обычно помещалось 8—10 человек, барак же предназначался для центурии. Следует отметить, что каструмы строились римскими legionерами даже для кратковременного ночлега, либо дневного отдыха во время длительных переходов. Здесь следует отметить, что на территории Дунай-Днестровского междуречья на сегодняшний день подобные сооружения не были выявлены.

В процессе инспекции археологических местонахождений на юге Республики Молдова, на территории АТО Гагаузия, специалисты Национального Археологического Агентства в 2016 году обследовали возвышенность левого берега озера и реки Кагул на протяжении между селами Этулия, Куза-Вода и г. Вулканешты [5, с 46]. Целью разведок явилось уточнение количества курганных насыпей на плато левого берега реки Кагул и одноименного озера, прослеженных предварительно по платформе программы Google Earth. В результате исследования на данной территории было локализовано 150 (!) курганных насыпей различных высот и диаметров, вытянутых цепочкой по линии север-юг с незначительным отклонением к востоку. Курганы занимали II-ю террасу левого берега реки Кагул, заканчиваясь посередине плато к востоку от г. Вулканешты. В процессе исследований в данной зоне, в 1, 5 км к югу от окраины села Этулия (Новая Этулия), была выявлена углубленная конструкция, представляющая собой заплывший ров прямоугольной формы, ориентированная по условной линии север-юг. Конструкция была расположена на высоте 102 м от уровня Черного моря и в 95 м к востоку от русла реки Кагул. Крайние северные и южные оконечности рва примыкали к курганам №№3-4 у с. Этулия. Южная сторона конструкции составляла 330 м, восточная сторона-570 м, а северная-325 м. Западная сторона не прослеживалась, так как уходила в обрыв II-й террасы реки Кагул. Возможно, что этот обрыв являлся естественным укреплением сооружения с запада, учитывая эрозионные процессы прошедших 2-х тысячелетий. Подобные размеры позволяют судить о пребывании на территории каструма крупного римского воинского формирования. Общая площадь, охваченная рвом, составляет около 25,3 га. Ров на местности слабо просматривается, но на видимых его участках сохранившаяся глубина составляет-0,2-0,4 м. Некогда существовавший вал полностью сnivelирован периодической современной распашкой, в том числе и плантажной.

Археологический материал, собранный в периметре сооружения представлен амфорной керамикой Римского времени II-III вв. н.э. Что соответствует времени постройки и функционированию Нижнего Траянова вала. Найдены фрагменты амфорных ручек, горловин, стенок. Также найдено множество костей животных, преимущественно крупного рогатого скота. Наибольший интерес представляют находки фрагментов черепицы Римского времени, т.н. плинфы. Этот факт свидетельствует о том, что в данной местности находился не временный лагерь римских легионеров, охранявших дороги от Траянова вала к переправе, а имело место долговременное укрепление, дома, либо казармы, крыши которых были покрыты черепицей, скорее всего изготовленной на месте, неподалеку от укрепления. Подобные мастерские имели римское название *Villa Rustica*, и были широко распространены в провинции Нижняя Мезия, на территории современной Добруджи на правом берегу Дуная [6, с.7-35). Подобная мастерская должна располагаться в непосредственной близости от укрепления и возможно в пойме реки Кагул, в местах, где имеются выходы гончарной глины и близость к воде. Итак, данное укрепление являлось пограничным для Римской Империи в зоне между Нижним Прутом, придунайскими озерами и Траяновым валом с севера (Таб.7). Эта фортификация контролировала подходы к переправе через Дунай на участке Картал (Орловка) и Исакача (Новиодунум), находясь всего в 26 км к северу от данной магистральной переправы.

Исследуемый район является частью степного междуречья озер-лиманов Кагула и Ялпуга, между низовьями которых и руслом Дуная расположено оз. Картал. У его южного берега есть место, удобное для переправы на правый берег реки, где ниже современного города Исакача, его течение омывает участок коренного берега долины. Дальнейшее движение войск, переправившихся на левый берег Дуная, было возможно только в обход оз. Картал слева (через Карतालский мыс) или справа (через полуостров Новосельский). После этого они вынуждены были следовать далее на север до верховьев озер Кагул и Ялпуг, где за пределами межлимана могли выйти на оперативный простор [4, с.213].

Скорее всего, укрепление, выявленное к югу от села Этулия прикрывало с севера ряд поселений, одноимённой культуры Римского времени III-IV вв. н.э., расположенных по левому берегу озера Кагул. Все эти памятники археологии расположены в 3,5 км от центра села Этулия и занимают площадь, простирающуюся от границ хозяйств современного с. Новая Этулия до южной оконечности с. Нагорное (Ренийский р-н, Одесской обл. Все эти поселения (Этулия- IV, VI, VII, X) располагались на древнем пути, ведущем к дунайским переправам. В свою очередь укрепление, обнаруженное к югу от села Этулия обеспечивало защиту населения Римского времени, проживавшего по берегам озера Кагул. Не исключено, что данное укрепление связано с походами против готов императора Валента в III в.н.э. Дальнейшие исследования этого неординарного археологического объекта позволят уточнить эту дату.

Библиография:

1. Бондарь Р.Д.1973, Некоторые проблемы истории Нижнедунайского лимеса // ВДИ №3, Москва, Наука, 1973, 144-159.
2. Дзиговский А.Н.2003, Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель, Одесса 2003, 237 стр.
3. Кожокару В.М.2008, Ещё раз о древних оборонительных сооружениях на территории Бессарабии//Краткие сообщения Одесского Археологического Общества, Одесса 2008,153-160.
4. Сапожников И.В. Древние валы и дороги района переправы у оз. Картал. Опыт картографической стратиграфии//*Tirajeția, SN, vol. XI, nr.1,Chisinau* 2017, 213-235.
5. Popovici S., Ciobanu I., 2017, Fortificația din perioadă Romană de la Etulia, UTA Găgăuzia (informație preliminară)// Sesiunea științifică a departamentului Istoria Românilor Universală și Arheologie, ed. IV, Chișinău, 2017, 46-47.

6. Baumann V.H. 1995, V.H. Baumann, Așezări rurală antice în zona gurilor Dunării//Contribuții arheologice la cunoașterea habitatului rural (sec. -IV pe Chr.), Tulcea 1995, 447 p. b-ca Istro-Pontica.

УДК 378.637(470):902/904

**ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОСКОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ
НАУЧНОЙ, МЕТОДИЧЕСКОЙ, ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ
РАБОТЫ НА БАЗЕ АРТЕЗИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Винокуров Николай,
д.и.н., проф., директор Центра
Археологических исследований МПГУ
vinokurovn@list.ru
orcid id 0000-0001-7787-6527

Симонова Анастасия,
к.и.н., доцент, заместитель директора Центра
Археологических исследований МПГУ
Nastya_simonova@mail.ru
orcidid: 0000-0001-8691-3609

Сорокин Глеб,
специалист центра Археологических исследований МПГУ

Abstract. The article considers the experience of scientific, methodological, educational and educational work of the Center for Archaeological Research of the Moscow Pedagogical State University on the basis of an artesian archaeological expedition. The center has been operating since February 2020, but the expedition on the basis of which the center operates has been operating for 35 years. During the internship, students took part in all types of research and development activities of the expedition: from exploration and excavation to processing, sketching, and restoration of archaeological material.

Key words: Center for Archaeological Research, archaeological practice, research work, Artesian Archaeological Expedition

Центр Археологических исследований Московского педагогического государственного университета действует по решению Учёного совета МПГУ с февраля 2020 года на основании специально разработанного Положения, которое определяет цели, задачи и основные направления работы ЦАИ МПГУ. Одним из важных направлений является содействие развитию научной археологии, привлечение к научно-практической работе молодёжи, образование и воспитание новых поколений историков и археологов не только во время дополнительных учебных мероприятий, но и во время пребывания в Артезианской археологической экспедиции МПГУ, базовой для проведения учебной археологической практики. Большим плюсом является то, что экспедиция имеет большой опыт взаимодействия с молодёжью (35 лет). Она проводит раскопки в Крыму на территории Боспорского царства и до четырёх месяцев в году принимает желающих приобщиться к изучению материальной культуры и истории родной страны.

В этой связи не случайно, что научно-исследовательская работа является приоритетной для ЦАИ МПГУ. В тесном взаимодействии с сотрудниками ААЭ ежегодно проходит сдача многотомного научного отчёта ААЭ в ИА РАН, сбор необходимой документации для оформления Заявок на Открытые листы в Министерство Культуры РФ, важнейшая и самая трудоемкая часть работы по координированию набора студентов и волонтеров для работ Артезианской археологической экспедиции. Непосредственно на историческом факультете сотрудники ЦАИ перед подготовкой экспедиции сотрудничают со студенческими научными и общественными объединениями и организациями, проводят собрания, выставочные мероприятия, презентации и лекции, которые призваны обеспечить успешное проведение учебной выездной студенческой практики в ААЭ первокурсников, подготовить студентов

старших курсов к бригадирству и наставничеству во время археологических работ и практики, уделить самое серьёзное внимание методике полевой работы основам техники безопасности.

Благодаря усилиям ЦАИ МПГУ, экспедиция получила из хозяйственных подразделений МПГУ более 40 наименований необходимого снаряжения и оборудования, которое было доставлено в Крым. А затем использовано во время раскопок и бытовой жизни экспедиционного лагеря. Под кураторством ЦАИ проходили постройка и разворачивание полевого лагеря ААЭ, рассчитанного на 120–140 участников. Хорошо оборудованная полевая база экспедиции – залог успешных раскопок ААЭ, работы и отдыха её сотрудников. В лагере свободный Wi-Fi, палаточное проживание, артезианская вода, электричество от бензогенераторов, солнечных батарей и ветрогенераторов, кухонный блок, столовая, душевые, туалеты дачного типа, хозблоки, погреб, морозильные камеры, места для обработки находок, вездеходный транспорт. Организовать такое сложное мероприятие в степных условиях, вдали от коммуникаций и жилой застройки, – дело хлопотное и непростое, которое по силам хорошо организованному и дружному коллективу. Конечно, помогают в этом руководство МПГУ и Института истории и политики, наши благодетели, коллеги и друзья из компании «Атлант», индустриального парка «Еникале», да и все участники экспедиции. Непосредственно во время полевых работ 2020–2021 гг. организовывались сотрудниками ЦАИ учебные мероприятия в рамках Школы полевой археологии, в рамках которой ведущими учеными РАН, доцентами и профессорами ВУЗов проводились лекции, презентации и практические занятия по общей и полевой археологии, ведению полевой документации и археологических дневников, древней и античной истории, антропологии, астроархеологии и культурологии, почвоведению и паразитологии. Студенты и волонтеры – участники экспедиции – прослушивают курсы методики полевых исследований, получают навыки архитектурно-чертежной фиксации строительных остатков, археологического зарисовки, обработки и реставрации находок. При участии студентов и волонтеров ААЭ описано, сфотографировано и отрисовано более трёх тысяч археологических находок; несколько сотен коллекционных артефактов поступили на хранение в Фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

Не менее сложные работы ежегодно связаны после завершения раскопок со сворачиванием полевого лагеря ААЭ, складированием и консервацией его оборудования, транспорта и средств обеспечения. Контроль за разборкой строений полевого лагеря, отвозом к месту хранения в с. Багерово, инвентаризацией шанцевого рабочего инструмента, аппаратуры, – также является одной из важных задач ЦАИ. Подготовка научного отчёта для Отдела полевых исследований ИА РАН о результатах проведённых полевых разведочных и раскопочных работах Артезианской археологической экспедиции, привлечение к ним студентов и волонтеров, также является одной из важных направлений деятельности ЦАИ.

Городище Артезиан – царская крепость Европейского Боспора (IV в. до н.э. – IV в. н.э.), которое исследуют сотрудники экспедиции под кураторством ЦАИ, даже для насыщенного выдающимися памятниками Боспорского царства, во многом необычно. Уникальная фортификация, замечательная архитектура царской резиденции, форты, башни, куртины стен, колодцы и водостоки – свидетельства цивилизационной мощи военных поселенцев Боспора, представляющие огромный интерес для историков и археологов. За время работы ААЭ сделаны уникальные открытия, вызвавшие сенсацию в СМИ и научных кругах: золотые клады, открыт слой боспоро-римской войны 44/45–49 гг. Последнее трёхлетие также было богато на интересные находки: в 2020 г. обнаружен клад орудий труда раннего палеолита эпохи ашель, найдены барабаны колонн монументального античного храма или здания с дорическими ордерными элементами, ритуальные площадки и траншеи с зольными сбросами и жертвоприношениями; в 2021 обнаружены античные стелы с многострочными эпитафиями во вторичном использовании на городище, определены три яруса фортификационной застройки центра городища, раскопаны десятки погребальных сооружений на богатом некрополе городища. Открытие новых лапидарных памятников всегда большая удача для экспедиции. Как правило, они привязаны к определённым стратиграфическим слоям и объектам, которые хорошо датируются благодаря большому

количеству точных хронологических индикаторов, прежде всего нумизматических материалов из реперных напластований пожара времени начала боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (Тас. Ann. XII. 15–21), слоёв сейсмических разрушений и последующих перестроек фортификационных сооружений городища [5, 79–88; 6, 50–60; 8, 190–199; 10, 9–16; 11, 38–44; 9, 67–77; 13; 14, 30–40; 15, 98–105; 19, 207–218; 1, 93–146; 2, 5–16; 18, 170–194; 22, 2, 207–278]. Археологический контекст открытых лапидарных находок 2021 г., пусть и фрагментарно уцелевших между позднеантичными ямами и строениями, вполне однозначен, не искажён и не нарушен позднейшими перекопами и выборками камня [16, 89–99]. Можно уверенно говорить, что надгробные стелы попали в нивелировочный строительный слой и фундаменты крепости непосредственно в ходе сооружения поздней цитадели, вряд ли позже 54 г. н.э. (при этом стены и башни поздней цитадели ещё не были полностью возведены). Эта дата устанавливается по монетам Котиса I из слоя строительного отёса, который образовался во время фортификационных работ. Следовательно, надгробные стелы были выломаны из погребальных комплексов некрополя городища после завершения тяжёлой и разорительной гражданской войны, осложнённой иноземной агрессией (через небольшой промежуток после гибели ранней цитадели, скорее, с момента пленения Митридата III, когда война была на исходе, а обстановка на Боспоре и вокруг него стабилизировалась). Таким образом, время укладки плиты с эпитафией в фундамент под цоколь башни 2 поздней цитадели приходится на достаточно узкий хронологический диапазон между 49–54 гг. Это *terminus ante quem* для времени создания и второй, и третьей эпитафий. Надгробные стелы Артезиана свидетельствуют о крепких семейных и клановых узах эллинизированных жителей, религиозных предпочтениях, которые находились в рамках боспорских погребальных религиозных традиций. Их эпитафии сообщают нам новые имена военных поселенцев и их близких родственников, насельников одной из боспорских крепостей рубежа нашей эры – первой половины I в. н.э., прикрывавшей подступы к столице Царства – Пантикапею. Местные жители имели полиэтничное происхождение и занимались, как показывают археологические данные, сельским хозяйством, промыслами, ремёслами, добычей полезных ископаемых, изготовлением черепицы и других строительных материалов. Но основное их занятие – воинская служба в конных и пеших подразделениях царского войска, как и довольно значительный уровень материального достатка, – сомнений не вызывают. При вторичном использовании надгробных стел на городище Артезиан, обращает на себя внимание устойчивое стремление строителей новой крепости, воздвигнутой царём Котисом I на руинах сожжённой ранней цитадели, переворачивать их вниз лицевой частью и намеренно разбивать. Они как-бы ограждали внешний периметр фортификационных сооружений новой крепости. По-видимому, такое действие не случайно. Вполне допустимо, что подобная символическая практика могла преследовать религиозно-магические цели и была связана с религиозными обереговыми представлениями новых обитателей крепости.

Большое значение для развития научно-изыскательской деятельности ЦАИ и ААЭ МПГУ имеет взаимодействие с Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником, местом постоянного хранения всех коллекций экспедиции за время её существования (с 1987 г.). Находки ААЭ из фондов Восточно-Крымского музея-заповедника используются в его постоянной экспозиции, информируя жителей и гостей Крыма о работах и открытиях ААЭ МПГУ. Благодаря открытиям ААЭ, городище и некрополь по поручению Президента РФ В.В. Путина были включены в 2015 г. в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. В результате удалось совместными усилиями сотрудников Заповедника, экспедиции и Центра впервые за всю историю памятника с октября 2021 г. обеспечить его круглосуточной военизированной охраной. Ограблению городища и его некрополя, которое безнаказанно продолжалось несколько десятилетий, надеемся, будет положен конец. Следующей важной задачей является уточнение границ городища Артезиан и его некрополя. Дело в том, что в 2021 г. при сверке координат, утверждённых Госкомитетом по охране культурного наследия, геодезистами ААЭ была выявлена грубая техническая ошибка в координатах границ территории выявленных объектов, прежде всего, некрополя

городища Артезиан. Теперь для уточнения границ и внесения данных в Кадастр РФ требуется проведение достаточно масштабных геодезических и археологических изысканий, которые планируется проводить совместно с Заповедником.

Кроме того, в настоящий момент идёт серьёзная и напряжённая подготовка к открытию юбилейной выставки находок ААЭ в честь 35-летия работе ААЭ МПГУ в Крыму, которая организована под патронажем Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (г. Керчь). Её работа запланирована на полгода, она начнёт действовать с мая 2022 г.

В ближайших планах ЦАИ МПГУ находится задача, решение которой будет способствовать обучению и просвещению молодёжи, – подготовить и сделать 3D модели цитаделей городища Артезиан в их хронологическом развитии и важнейших объектов, которые были открыты за время её работы, включая копии выдающихся артефактов времени боспоро-римской войны 44\45–49 гг. из слоёв пожара и кладов Это позволит привлечь к нашим работам новых участников, сделает наши исследования более наглядными и узнаваемыми. История нашего памятника тем самым окажется более доступной, предметной, воспроизводимой в любой точке нашей страны, где будет возможной воспроизведение цифровой 3D-модели объекта или 3D-печать. В этой связи весьма перспективны найденные ААЭ десятки целых и фрагментированных ордерных деталей из местного известняка и привозного мрамора. То что, открыты на раскопках в Крыму ордерные детали, не является сенсацией. Такие находки встречаются достаточно часто на Боспоре, но только в больших городах. А вот для памятников, подобных Артезиану, расположенных в боспорской глубинке, подобные находки в таком количестве и качестве обнаружены впервые. В любом случае, наличие ордерных деталей – благодатная почва для архитектурных реконструкций, благо они уже давно разработаны в науке. В нашем варианте, благодаря большому количеству фрагментов и их относительному разнообразию, можно будет реконструировать позднеллинистические ордерные или храмовые дворцовые постройки времени правления царя Митридата Евпатора Диониса, не только основные пропорции зданий, но и их внешний облик, включая всю цветовую палитру декоративного убранства, так как некоторые детали сохранили полихромную окраску штукатурки.

Работа ЦАИ и ААЭ МПГУ направлена на повышение интереса к истории родной страны участников экспедиции, на воспитание и социализацию молодежи, сохранение культурного наследия Российской Федерации, способствует привлечению студентов к практическому изучению истории и археологии Крыма, научно-исследовательской работе, помогает молодёжной профориентации, формирует бережное отношение к памятникам культуры России. В нашей научно-изыскательской и культурно-просветительской деятельности задействованы инновационные методы, апробированные образовательные технологии, способствующие научным работам, успешному обучению и воспитанию студентов, развитию наставничества и взаимопомощи в молодёжной среде. Для обеспечения разнообразия досуга студентов и волонтеров после практической работы организуются настольные игры и спортивные соревнования, экскурсионные программы по памятникам истории, архитектуры и археологии г. Керчи и других городов Крыма.

Вне всякого сомнения, подобного рода находки вдохновляют каждого студента выбирать именно археологическую практику, положенную на 1 курсе, а не формально подходить к получаемым умениям и навыкам. Именно подобная деятельность, комбинирующая в себе сложные для осмысления научные вещи, практические навыки с более простой популяризационной активностью, повышает историческую грамотность студентов-участников археологической экспедиции. В ходе совместной работы вместе с учёными и научным составом ААЭ, проживания в полевых условиях в отрыве от привычных цивилизационных благ, гораздо быстрее и эффективнее происходит социокультурное воспитание и социализация молодёжи, будущей смены научных и преподавательских кадров.

Учебная выездная археологическая практика на базе ААЭ МПГУ традиционно состоит из трёх организационных этапов: предварительного, связанного с набором учащихся,

организацией экспедиции, инструктажем по технике безопасности, основного полевого, проводимого в ААЭ в Крыму, заключительного, необходимого для подведения основных итогов археологической практики, написанием отчётов, итоговой конференции с презентациями и докладами студентов-практикантов, выставлением зачёта по результатам её проведения.

Во время практики студенты принимали участие во всех видах научно-исследовательской деятельности экспедиции: от проведения разведок и раскопок до обработки, зарисовки, реставрации археологического материала. Студенты, помимо овладения практическими археологическими навыками полевой работы, самостоятельно вели археологические дневники, учились навыкам археологического рисунка и чертежа, нивелировочных и топографических привязок. Еженедельно сдавались практические зачётные рубежи по приобретённым полевым навыкам и умениям работы, в соответствии с программой учебной практики (в том числе: основам стратиграфии и её интерпретации, послойного исследования пластов культурного слоя, вертикальной и горизонтальной зачисткам, расчистке погребений, первичной обработке археологического материала, нивелировочной съёмке объектов и культурных напластований, ведению археологических дневников, археологического рисунка, чертежей объектов и стратиграфии, первичной обработке находок, подготовке их к зарисовке и реставрации). Завершением практики являлись итоговые конференции, где студенты не только защищали свои отчёты, но и делились своими впечатлениями и эмоциями от первой реальной встречи с настоящей археологией, успешным преодолением трудностей экспедиционной полевой жизни.

Подобные мероприятия не только подводят итоги сделанному, но и помогают молодым людям чувствовать себя ответственным за сохранение культурного наследия Российской Федерации, ведь они «держали историю в руках». В дальнейшем, понимая специфику и особенности работы археологической экспедиции, студенты могут более конкретно определиться со своими научными интересами, что будет способствовать привлечению молодежи к практическому изучению истории и археологии Крыма, воспитанию ответственного и бережного отношения к памятникам истории и культуры России.

История древних народов и государств важна для понимания развития всей российской государственности, поиска истоков преемственности и стабильности власти и её государственных институтов. Молодым людям необходимы чёткие ориентиры в познании истории, чтобы можно было гордиться тысячелетним историческим и культурным наследием России как многонациональной державы с уникальным опытом самостоятельного развития. Наш опыт показывает, что привлечение молодёжи к научной-поисковой экспедиционной работе помогает молодым людям получить не только новые исторические знания, но получить необходимые практические навыки по сохранению богатого отечественного исторического и культурного наследия. Участие в работах Артезианской научной экспедиции, которая сохранила преемственность отечественной русской и советской школ работы с молодёжью, практикантами и волонтерами, позволяет особое внимание уделять просветительской и воспитательной работе среди молодёжи.

Именно этот актуальный общественный запрос формирует особое, не менее важное, чем научно-практическое и учебное направления работы Центра археологических исследований: воспитательно-просветительское [21, 114]. Не случайно руководство Центра археологических исследований и экспедиции обращает серьёзное внимание на выработку у студентов навыков работы в коллективе, навыков правильного поведения в тяжёлых жизненных и стихийных ситуациях, на развитие ответственности, честности, порядочности, самокритики, открытости новациям при уважении традиций [20, 5-15]. Наличие чётких нравственных и жизненных ориентиров, твёрдых моральных принципов, преданности научному поиску, стойкости, определённой физической крепости, помогают лучше адаптироваться к тяжёлой работе в сложных для городского человека полевых условиях. Однажды побывав в экспедиции, человек никогда не забудет приобретённый там опыт работы в раскопочных бригадах и экспедиционном сообществе, а лекции и курсы, прослушанные во

время полевого сезона, непосредственное общение с учёными, позволяют по-новому взглянуть на окружающий современный мир, превращают археологию в «живую» науку, которая не в теории, но и на деле воспитывает патриота и гражданина, по-настоящему любящего свою родную землю.

Для того, чтобы более эффективно вести воспитательную работу в студенческой среде по инициативе ЦАИ и студентов МПГУ был создан первый в Москве профильный студенческий археологический отряд «Горизонт».

Воспитательная работа также является неотъемлемой частью просветительской работы, которую ведет Центр вне полевого сезона. Именно этот этап очень важен, потому что именно через современные средства коммуникации закладывается у студентов представление о научной привлекательности археологии и древней истории, когда возникает личный интерес, желание своими глазами увидеть то, о чём сообщают СМИ и разделы в соцсетях как о новых открытиях и сенсациях. Не случайно многие волонтеры, желающие по-настоящему прикоснуться к истории и археологическому научному поиску, находят нас через социальные сети, выходя на ресурсы МПГУ, ААЭ, Фонда содействия археологии, личные страницы и блоги участников экспедиции.

Просветительская работа Центра многогранна, объединяет несколько направлений. Достаточно активно ведутся странички ААЭ в Вконтакте, в Фейсбуке, на платформе Instagram. Содержание электронных публикаций разнообразно – от научных и популярных сообщений, небольших эссе, локальных научно-популярных исследований, аналитических обзоров интересных находок и открытий, до информационного оповещения подписчиков о новостях в мире археологии и науки. В социальной сети «Вконтакте», больше ориентированной на активную молодёжь, ежедневно во время полевого сезона сообщаются наиболее интересные экспедиционные новости, что сделало страницу ААЭ весьма популярной не только для участников экспедиции и студентов, но и для широкого круга любителей археологии и древней истории. Подобного рода деятельность важна в условиях «цифровой информационной революции». Социальные сети могут служить своеобразным инструментом для обучения, воспитания и просвещения. Студенты, которые заинтересованы заниматься научной работой и её популяризацией в научной среде, учатся не только отбирать и анализировать основанный на фактах и интересный для читающей аудитории исторический и археологический материал, важный для пропаганды научного знания, но и адаптировать его для определённых возрастных и социальных групп молодёжи и волонтеров.

ЦАИ МПГУ является удобной площадкой научного сотрудничества и межпредметных коммуникаций, где взаимодействуют студенты разных курсов, аспиранты, преподаватели и научные работники как гуманитарии, так и естественники. Теоретическая и практическая научная работа сотрудников центра позволяет апробировать передовые методы преподавания, научно-изыскательской деятельности, развивать наставничество в молодёжной среде, широко использовать информационные технологии для профориентации студентов и волонтеров.

Благодаря помощи руководства Университета и Института истории и политики, ЦАИ МПГУ имеет возможность и далее помогать научным археологическим работам Артезианской археологической экспедиции в Крыму, обеспечивая учебную выездную археологическую практику на её базе организационной и методической поддержкой, развивать активное сотрудничество со СМИ, заниматься популяризацией археологии и древней истории в социальных сетях, уделять внимание предметной воспитательной работе со студентами и волонтерами.

Библиография:

1. Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. ВДИ. 3, 93–146
2. Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан. XV

- Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 5–16.
3. Винокуров, Н.И. 2002: Новые изображения всадников на Боспоре. ДБ 5, 70–85.
 4. Винокуров, Н.И. 2003: Граффити из раскопок античных памятников урочища Артезиан в крымском Приазовье. ПИФК 13, 151–192.
 5. Винокуров, Н.И. 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. В сб.: Древности Боспора 7, 79–88.
 6. Винокуров, Н.И. 2005: Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан. В сб.: VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь, 50–60.
 7. Винокуров, Н.И. 2007а: Во всем ли виноваты варвары? PARA BELLUM 28, 17–56.
 8. Винокуров, Н.И. 2007б: Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. до н.э. в боспорской крепости Артезиан. В сб.: Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб, 190–199.
 9. Винокуров, Н.И. 2008: Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье. В сб.: IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 67–77.
 10. Винокуров, Н.И. 2009: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье. PARA BELLUM 31, 9–16.
 11. Винокуров, Н.И. 2010а: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки I. Москва–Киев, 38–44.
 12. Винокуров, Н.И. 2010б: Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году. В сб.: Древности Боспора. 14, 46–65.
 13. Винокуров, Н.И. 2012: Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген.
 14. Винокуров, Н.И. 2013: Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. Российский научный журнал. 1 (32), 30–40.
 15. Винокуров, Н.И. 2014а: Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан. В сб.: Таврические студии. Исторические науки 6. Симферополь, 98–105.
 16. Винокуров Н.И., 2018: Традиции и инновации в двух античных жертвенных комплексах городища Артезиан в Крымском Приазовье // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации* // Материалы научной конференции. Симферополь-Керчь. XIX, 89–99.
 17. Винокуров, Н.И. 2019. Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. В сб.: *Древности Боспора*. 24, 92–113.
 18. Винокуров, Н.И., Крыкин, С.М. 2017: Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. В сб.: *Проблемы истории, филологии, культуры* 4. М.,-Магнитогорск-Новосибирск, 170–194.
 19. Винокуров, Н. И., Чореф, М. М. 2021. К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. // *Stratum plus*. №6, 207–218.
 20. Голуб Г.Б., Фишман И.С. 2010: Профессиональные компетенции выпускника высшей школы: проблемы внешней оценки: Монография. Самара: ПГСГА. С. 5–15.
 21. Гафурова З.Р. 2018: Участие студентов в культурных проектах как один из путей патриотического воспитания студентов. // *Патриотическое воспитание в системе высшего образования. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с*

международным участием, посвященной 77-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой. Москва: Издательство: МИСиС. С. 114.

22. Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45-49 from the Site of Artezian. ACSS. 18. 2, 207–278.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Неформальные впечатления студентов о практике и экспедиции.

«Все чаще в наших мыслях такие фразы как: «Мобильные технологии так далеко шагнули вперед, есть ощущение, что скоро я станушь на обочине прогресса», «Я сегодня целый день залипал в телефоне, не успел ничего полезного сделать», «Хочу съездить на природу с палаткой, избегая мусорную информацию из интернета». Отчасти это стало одним из определяющих факторов при выборе места для прохождения практики.

Начитавшись отзывов про Артезиан, я понял, что это, то, что мне надо. Мысленно я готовился к худшему, зная, что лучшее придет само. Но неожиданно для меня и моих товарищей, лучшее пришло сразу.

Конечно, как это бывает, первые дни «акклиматизации» прошли скомкано, дальнейшая картина происходящего была не только непонятной, но еще и пугающей. Но как это и бывает, спустя пару дней все (или почти все) свыклись с происходящим, и некоторым это даже начало нравится.

Как сказал мой товарищ, в таких поездках люди начинают ценить то, что в обычной жизни им казалось данностью, неизменной переменной, и я полностью поддерживаю эту мысль. Ведь сравнивая два совершенно разных мира, в голову приходит только одна мысль: «Имея не ценим, потеряв плачем». Но порой, как мне кажется, нужно многое потерять, чтобы потом ощутить ценность каждого предмета. Поэтому тягости и лишения артезианской жизни я считаю однозначным плюсом.

Крепкая дружба, равенство, поддержка, наука, интересный опыт, тяжелая работа, долгожданный отдых и неописуемо прекрасные пейзажи. Все это неразрывно связано с Артезианом.

Я советую посетить это место каждому, кто желает духовно очиститься, проверить свою стойкость в природных условиях, а также получить бесценный опыт.

Рис. 1. Мнение о практике Сергея Р.

Да, полевая жизнь нелегка, но это нечто новое с лихвой компенсирует все те временные трудности, которые возникают при акклиматизации к новым условиям жизни. Я научился многому в Артезиане. Нашёл новых друзей, познакомился лицом к лицу в российской археологической наукой, испытал свои возможности под палящим полуденным солнцем с лопатой в руках, и просто на просто провёл прекрасно время.

Рис. 2. Михаил Ч. о поездке в Артезианскую археологическую экспедицию и социальном опыте

Лидя: «Интересно и необычно»

Макс: «Археология, счастье, новый опыт»

Лиза: « В Москву мы точно не вернемся прежними»

Коля : «Артезианская археологическая практика была непростой и несмотря на то, что ожидания и реальность были очень далеки, мне понравилось, так как за этот месяц в ААЭ, со мной произошло больше событий чем за года моей никчемной жизни»

Лиза: «Интересное приключение в кругу друзей, которое запомнится на всю жизнь»

Рис. 3. Студенты вечернего отделения о практике в Артезиане.

Рис. 4. Чувство свободы, которое появляется только после археологической практики. Лишь только свободный человек способен творить и быть хозяином своей Родины.

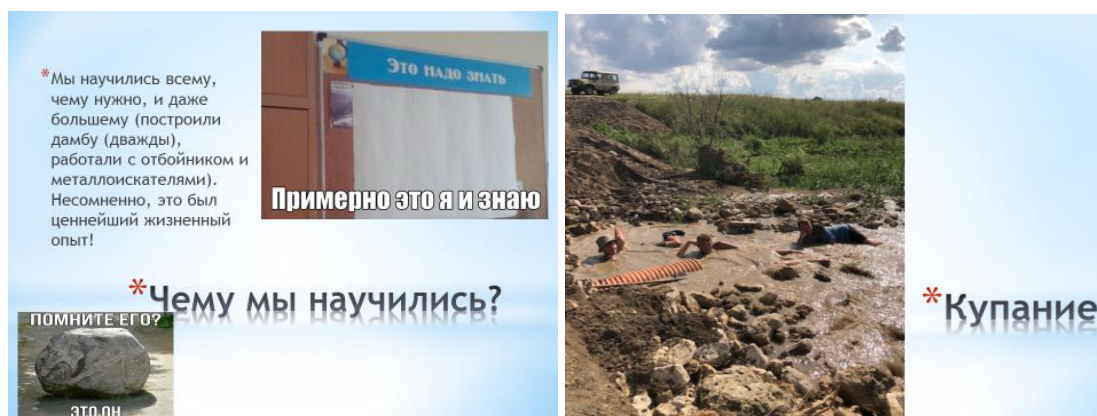

Рис. 5. Лиза К. и Александр С. Самые яркие впечатления – купание в смытой наводнением дамбе и строительство дамбы

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Ведение социальных сетей

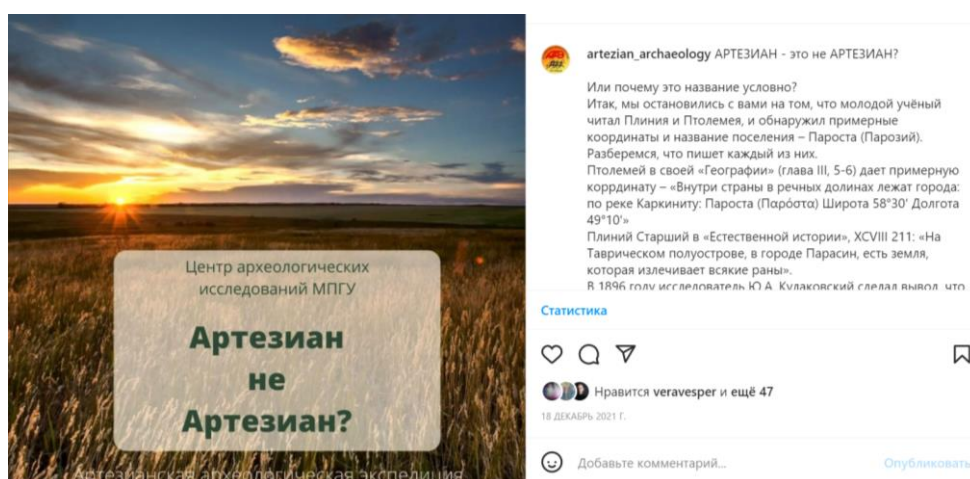

Рис. 6. История Артезиана. Мини-исследование

Рис. 7. Некоторые рубрики на страничке САО Горизонт

Рис. 8. Кадр из фильма «Артезиан. Античные города Крыма», 2021

УДК 93(4-11) «632/1789»

«... ТАТАРЫ С НЕИСТОВЫМ РВЕНИЕМ НАЧАЛИ БОЙ...»

Добролюбский Андрей,

доктор исторических наук, профессор Южноукраинского национального педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Одесса, Украина

e-mail: dobrolorka@gmail.com

Orcid.id: 0000-0003-3979-9764

Abstract. The article examines the circumstances and collisions that led to the conspiracy against the baklyaribek Mamai of the emirs of the Right Wing of the Golden Horde - Kutlugbuga, Khadzhibey and Dmitry. The rebels were defeated by Mamai in alliance with the Lithuanian prince

Olgerd in the battle at the Blue Waters in the fall of 1362. All power in the Right Wing of the Golden Horde went to Mamai.

Key words: Mamai, Kutlugbuga, Khadzhibey, Dmitry, Olgerd

Археологические раскопки, которые периодически проводились в Ябу-городке - летнем стойбище «князя» Хаджибея (поселение Торговица) – показывают, что кипучая жизнь в этом ордынском городе оборвалась внезапно. На всех изученных участках прослежены следы всеохватывающего пожара – город сгорел едва ли не в одночасье [1, с.10-17].

На этом же пепелище найдены во множестве железные наконечники стрел XIV в. Это, в контексте с всеобщим пожаром может свидетельствовать о неожиданном нападении на Торговицу, которое ее, несомненно, погубило.

На младшую дату существования Торговицы указывают монеты хана Навруза. Это значит, что город погиб в начале 1360-х гг. По мнению историков, это могло произойти осенью 1362 г. во время или сразу же после известной Синеводской битвы, в которой Великий князь Литовский Ольгерд с князьями Кориатовичами разбили ордынских «князей» Кутлуг-бугу, Хаджибея и Дмитрия.

Это было время, когда в Золотой Орде бушевала кровавая смута, продолжавшаяся более 20 лет - «Великая Замятня». После смерти хана Джанибека летом 1357 г., началась полоса непрерывных дворцовых переворотов - ханы сменяли друг друга с такой быстротой, что летописцы не успевали даже вносить их имена в свои записи. Лишь их скудные данные и монеты ханов служат теми вехами, которые указывают путь в этой «пустыне истории» [2, с.111-112].

Не сочтем излишним их частично воспроизвести. Так, о Синеводском сражении впервые говорится в летописном сказании «О Подолье», написанном в 1430-х гг. Его автор, служивший в канцелярии Великого княжества Литовского, сообщает, что «...князь великий Олгирд и, шедь в поле с литовским войскомъ, побилъ татар на Синей воде, трех братьевъ: князя Хачебея и Кутлубуга и Дмитрия. А тыи трии браты Татарское земли, отчичи и дедичи Подольскои земли... имовали с Подольскои земли дан...» [3, с.74]. Подобные известия содержатся и в более поздних летописях. Они отдалены от времени битвы на многие десятилетия. А значит, в них отразились не столько реальность, сколько «народные чаяния» (выражение О.В.Белецкой).

Вместе с Ольгердом в битве участвовали «князятя Коръятевечи три браты: князь Юрьи а князь Александр, князь Костентин и князь Федор...», которые после победы «...почали боронити Подольскую землю от татаръ и боскаком выхода не почали давати». Значит, они избавились от татарской дани – «выхода». Между тем, по сведениям иных источников эта дань продолжала исправно выплачиваться [4, с.96-108]. И выплачивалась она эмиру Мамаю, который к тому времени стал беклярибеком в правом крыле Золотой Орды, провозгласив ханом малолетнего Абдуллаха. Значит, именно он оказался победителем в битве. А противостояли ему другие ордынские вельможи. Более всего это похоже на междоусобицу, самую обычную для времен «Великой Замятни» (рис.1).

Все ордынские «князья» были близкими родственниками. Так, «князь» Хаджибей (Качибей, Хачебей) был отцом (или дядей) самого Мамая [5, с.198-205]. Считается, что Мамай родился около 1335 г. Значит, Хаджибей должен быть как минимум на 15-20 лет старше, и ко времени Синеводского сражения ему было более 40 лет. Его улус располагался между Днестром и Днестром [6, с.150-158].

Другой «претендент» на то, чтобы быть отцом Мамая – «брат» Хаджибея Кутлуг-буга (Кутлубуга). Ему тоже было более 40 лет. Ко времени Синеводской битвы он был даругой (наместником) Крыма, правителем Солхата и, одновременно, старшим эмиром правого крыла Золотой Орды.

А вероятным отцом их третьего «брата» Дмитрия (Темира) историки считают Могул-бугу, старшего брата Кутлуг-буги. Его улус находился к западу от Днестра. Все трое «братьев» были чингизидами, а не джучидами, а потому никто из них не имел права на ханский престол.

Коснемся нравов при дворах Узбека, Джанибека и Бердибека. Самым сановитыми были Могул-буга и Кутлуг-буга - родные братья ханши Тайдулы (Тай-Тоглу, Тайтуглы-хатун), старшей жены хана Узбека с 1323 г. Хан очень считался с ее мнением. Она недолго любила своего старшего сына Тинибек, а младшего сына Джанибека очень любила. А ее дядя Тоглу-бай – «окаянный Товлубий» русских летописей - занимал должность беклярбека. Был он «зело мудр и силен».

После смерти Узбека в 1341 г. Тайдула желала видеть на троне только Джанибека. Но для этого следовало убить конкурентов – сначала Хызрбека, сына (или внука?) Узбека от другой жены, а затем и своего старшего сына Тинибек, Ей это удалось – *«она уговорила с эмирами относительно умерщвления Тинибек...они все собрались... и умертвили его»* [7, с. 263]. Это случилось в 1342 г.

Ханская мать заседала в диване, и ее голос всегда оказывался решающим. Ей была отписана ввозная пошлина с христианских кораблей, заходивших в Азов (Азак) [8, с.18-23] Она также снискала себе репутацию «христианской заступницы».

Тайдула со своим дядей Тоглу-баем сделали ее старшего брата Могул-бугу беклярбеком после воцарения Джанибека. Младший же брат, Кутлуг-буга остался обделенным. А ему самому хотелось занимать эту должность.

Случай представился - примерно в 1349-51 гг. по каким-то причинам «справедливый хан Джанибек» казнил сына Тоглу-бая Сумая, а самого Тоглу-бая удалил от двора. А Могул-бугу, ставленника Тоглу-бая, убрал с поста беклярбека и назначил на него Кутлуг-бугу, которому этот статус удавалось сохранять за собой до самой смерти Джанибека в июле 1357 г. Используя свое сановное положение, он вводит в ханское окружение своего сына (племянника?) Мамаю, который был ровесником и другом детства ханского сына Бердибека. Но опальный Тоглу-бай затаился и ожидал своего случая, который тоже представился - он своими руками зарезал Джанибека во время одного из приступов буйства и так отомстил хану за смерть своего сына. А затем позвал ханского наследника Бердибека, который *«...вызвал к себе всех царевичей и за один раз всех их уничтожил»* [7, с.129]

Оказавшись у власти, внук Тайдулы Бердибек возвращает на должность беклярбека ставленника Тоглу-бая Могул-бугу. А Кутлуг-бугу остается лишь даругой Крымского тумена и главой правого крыла Золотой Орды, старшим, в том числе, над эмирами Хаджибеем и Дмитрием. Сохранением своих позиций он обязан Мамаю, который женился на дочери Бердибека Тулунбек-ханум и тем самым стал его зятем - «гургеном» [7, с.389]. Это давало ему немалое влияние при дворе.

Статусные места при дворе Бердибека, отражены в так называемой «Платежной ведомости» Тайдулы, которая была очень заинтересована в бесперебойной торговле венецианцев в Азове, т.к. получала долю от ввозной пошлины с каждого судна. Эта ведомость - список лиц, которым Тайдула в марте 1359 г. выплатила компенсацию за ущерб, нанесенный их интересам в связи с ограблением венецианцами ордынских купцов. Ограбление произошло еще при Джанибеке. Кое-что венецианцы вернули, но немалая часть долга оставалась не выплаченной. Бердибек приказал немедленно взыскать всю сумму долга. И Тайдула требовала от венецианского дожа срочного возврата всех денег. Она сообщала, что раздала из своей личной казны 550 сомов серебра (102 кг 960 г) заинтересованным ордынским сановникам и купцам. К посланию Тайдулы прилагался реестр этих лиц - это был своеобразный «табель о рангах». Более всего она заплатила своему старшему брату Могул-буге (тогда беклярбеку) и членам его семейства - 1156 безантов*. А брату Кутлуг-буге (тогда главе Крымского тумена) и супругам его - всего лишь 1105 безантов. Куда меньше - сыну Могул-буги - Тимуру (эмиру Дмитрию – участнику Синеводской битвы – А.Д.) - 500 безантов, и Кичиг-Мухаммеду (Мамаю) – лишь 521 безант. Таковой была тогда их котировка в глазах Тайдулы а, значит, и при дворе.

* безант=динар=1/20 сома

Кутлуг-бугу никак не устраивало лишь второе место в придворной иерархии, которое он воспринимал лишь как «подачку» за близость к хану его сына Мамай. Смириться с этим невозможно. Значит, нужно сменить хана и снова стать при нем «эмиром над эмирами». И он инициирует мятеж некоего Кульпы, который объявил себя «уцелевшим» сыном Джанибека. Кульпа восстал в Приазовье в конце 1358 г. и через 9 месяцев овладел столицей. Примерно в то же время, в августе или сентябре 1359 г. Бердибек умирает. Одновременно с его смертью был убит Тоглу-бай. И «...сел в Орде на царство Кульпа, царствовал 6 месяцев и 5 дней (от августа — сентября 1359 г. до января 1360 г.- А.Д.), и много зла сотворил» [9, сноска 624]. Видимо, Кутлуг-буга стал его беклярибеком. С этого самого времени и началась та самая ханская «чехарда», которая была названа «Великой Замятней». В этом смысле, Кутлуг-буга может даже считаться ее зачинателем (рис. 2-4).

Однако, со своей стороны, те же Могул-буга и Тайдула, оставшиеся в живых по какому-то недосмотру Кутлуг-буги и его «преступной беспечности» (выражение И.В.Сталина), тоже стали подыскивать себе хана-самозванца. Им это тоже удалось - некий Навруз самозвано объявил себя сыном Джанибека и восстал в Азаке в январе 1360 г., затем занял Сарай-ал-Джедид и казнил Кульпу. А Могул-буга стал его беклярибеком, как и при Бердибеке. А Тайдула даже сумела уговорить Навруза на ней жениться.

Тогда Кутлуг-буга, со своей стороны, вместе с другими эмирами «начали тайно ссылат с Хидырем» [9, сноска 632] и уже в мае — июне 1360 г. Навруз был свергнут и убит Хызром, который был дядей правителя ханской части Кок-Орды. Захватив столицу, Хызр казнил Могул-бугу и изби моалбузину чадь». В отчаянии Тайдула предложила было и Хызру жениться на ней. Но тот, под настоянием Кутлуг-буги, отказался. И, по его же наущению, решает ее казнить.

Примерно в это же время, понимая, что в столице находится небезопасно, Мамай вместе с семьей Бердибека, бежит из Сарая в Азак, который находился на территории отцовского тумена.

Но ханская чехарда оказалась Кутлуг-буге неподконтрольной. В августе 1361 г., в результате заговора, возглавленного старшим сыном Хызра Тимур-Ходжой, «...убиен бысть кроткий и смиренный хан Хидырь» [9, сноска 636]. И Кутлуг-буга снова остается без вождя-хана «эмира над эмирами».

А в это же самое время в Гюлистане провозгласил себя ханом брат (или сын?) убитого Хызра Мюрид. И тогда Кутлуг-буга обращается за помощью к Мамаю, который через неделю после начала правления Тимур-Ходжи поднимает мятеж против него и изгоняет из Сарая. Лишь пять недель продержался Тимур-ходжа у власти, потом бежал и был убит. А победивший Мамай провозглашает ханом малолетнего Абдуллаха, «отрока из потомства Узбека» и сам становится его беклярибеком. [9, сноски 637-639].

Но, со своей стороны, эмиры левого крыла, которых Мамай никак не устраивал, призвали «на свое царство брата хана Кок-Орды Чимтая по имени Орду-Мелик». И, в это же самое время Мюрид готовит захват Сарая. Тогда Мамай, взвесив свои силы, снова уходит в Приазовье и в Крым. Столицу - Новый Сарай - занимает Орду-Мелик и правит весь сентябрь 1361 г. А Мюрид копит новые силы и готовится на него напасть. Но Орду-Мелика неожиданно зарезал «...один из неизвестных и недалеких людей ... среди ночи одним ударом ножа покончил его дело».

А уже октябре 1361 г., совершенно внезапно и для Мюрида, и для Мамаю, возникает еще один претендент на престол - некто Кильдибек, который тоже выдавал себя за сына Джанибека, чудом уцелевшего в резне, устроенной Тоглу-баем и Бердибеком.

Кильдибек восстал в Азаке. Его беклярибеком стал сын Тоглу-бая Яголдай, мечтавший отомстить Кутлуг-буге и Мамаю за убийство своего отца. И, «...эмиры.. возвели на трон царства неизвестного человека, под предлогом, что он Кильдибек, сын Джанибек-хана» [9, сноска 642] На сарайском престоле Кильдибек задержался до осени 1362 г. Он «счел порукой своей жизни гибель эмиров, тайно вызывал каждого из них и заставлял заниматься покушениями друг на друга...» [9, сноска 643-646].

Мамай ощущал, что справиться с Кильдибеком и Мюридом одновременно ему вряд ли по силам. И той же осенью 1361 г., он, вместе со своей «Ордой и царицы вси съ нимъ», перебрался в резиденцию Кутлуг-буги в Крыму. Он решает набрать силы для продолжения борьбы за улуг-орун (ханский трон). Но уже в ранге беклярибека у «собственного» хана Абдуллаха. Этим он фактически отодвинул своего отца Кутлуг-бугу от дел, чем тот вряд ли был очарован.

После смерти Бердибека Мамай, оставаясь хранителем ставки и личной казны Бердибека, ухитрился усидеть целым и невредимым при дворах, сменявших друг друга ханов. Он опирался на Кутлуг-бугу - тогда поддержка отца была ему необходима. Сейчас же отец стал ему помехой, поскольку формально тот сохранял все регалии и титулы старшего эмира. Поэтому он создает свою собственную ставку (или ставку Абдуллаха) - урочище в долинах рек Днепра и Конки (Великий Луг). Здесь, на Великих Кучугурах, Мамай строит несколько кирпичных зданий, в том числе и монетный двор. Город им назван «Орду» или «Шехр», с эпитетами «аль-Муаззан», «аль-Джедид» или Урда-Базар и пр. И, при этом, будучи фактическим, а не номинальным хозяином правого крыла Золотой Орды, он также устраивает собственную резиденцию в Солхате [10, с. 22-20].

Самого же Кутлуг-бугу это никак не устраивало. Но поделаться он ничего не мог и всю зиму 1362 г. был вынужден смиренно терпеть, как Мамай оттесняет его от власти. Разумеется, Кутлуг-буге нужно было как-то от него избавиться.

Лучший способ - снова натравить Мамаю на Кильдибека и Мюрида. Это соответствовало чаяниям самого Мамаю. Поэтому Кутлуг-буга, «по-отечески» во всем содействует Мамаю в организации и снаряжении войска. И весной 1362 г. Мамай отправляется против Кильдибека и уже летом разбивает его. Кильдибек бежал и исчез. Но вскоре, уже в сентябре того же года на Мамаю, нападает Мюрид и изгоняет его из Сарая.

Так для Кутлуг-буги открылась заманчивая и реальная возможность поднять мятеж против ослабленного Мамаю. Другие эмиры правого крыла тоже роптали - те же Хаджибей и Дмитрий, помимо своих улусов, имели также тумены в самом Крыму. Естественно, именно они и составили заговор против Мамаю с его Абдуллахом. Но для этого заговорщикам нужен был собственный «законный» хан. Где же его взять?

Между тем, достоверно известно, что имя «исчезнувшего» Кильдибека появляется монетах Янги-Шехра (или Шехр ал-Джедида - «Нового города»). Это городище в Старом Орхее, в Прутско-Днестровском междуречье, в долине реки Реут, в тогдашних владениях эмира Дмитрия. Это означает, что к 1363 г. Кельдибек со своим «походным» монетным двором там очутился сразу же после битвы при Синих Водах. Значит, побежденные в ней мятежники бежали именно сюда.

Получается, что проигравший битву Мамаю, Кильдибек никуда не пропал, а бежал прямо «в объятия» Кутлуг-буги, с которым они, неожиданно друг для друга, оказались естественными союзниками. Ведь именно тогда Кутлуг-буге остро понадобился «законный» хан. Кильдибек оказался идеальной кандидатурой. Так мятежники обрели «законного» хана, а сам Кутлуг-буга стал его беклярибеком. Нужно только войско, чтобы расправиться с ослабленным Мамаем. Такое войско, на которое они могли рассчитывать – это крымские тумены самого Кутлуг-буги, а также тумены Хаджибея и Дмитрия.

Объявив Кильдибека «своим» ханом, Кутлуг-буга во главе крымских туменов, отправляется с ним к Торговице - летней резиденции Хаджибея, которая была избрана как плацдарм для войны с Мамаем. Здесь они соединяются с войсками Хаджибея и Дмитрия. Отсюда им было удобно, по возможности, напасть на ставку Мамаю в Кучугурах, которая находилась всего в 300-х км к юго-востоку от них.

Это было очень опасно. Мамай спешно покидает Сарай и направляется к своей ставке в Кучугурах собирать войска. Но, опасается, что не в силах справиться с мятежом в одиночку. В этой ситуации он и обращается к Ольгерду – Великому князю Литовскому (рис. 5).

Специалисты по ордынско-литовским отношениям полагают, что «...Ольгерд и Мамай являлись естественными союзниками в борьбе против противостоявших им группировок...

ордынской знати Днепровского Правобережья».[11, с.62]. Поэтому «частичное совпадение политических целей правителя Литвы и Мамаю, подтверждают существование определенной договоренности о их взаимодействии и сферах властвования». У них была общая политическая цель – уничтожение власти легитимных Джучидов [12, с.23-24].

Поэтому нельзя исключить, что Мамай, после победы над Кильдибеком, но, предощущая свою возможную неудачу в борьбе с Мюридом, выдал осенью 1362 г. Ольгерду так называемый «ярлык» на пограничные с Литвой земли [13, с.100-122]. После чего он отправляется в свою новую ставку в Кучугурах и спешно собирает войско.

Ольгерд и Мамай, каждый со своей стороны, готовятся к походу против мятежников, собравшихся близ Торговицы. Матей Стрыйковский пишет, что «Ольгерд... отправился в поход в Дикие поля против татар. С ним... княжичи Александр, Константин, Юрий и Фёдор».

Это не было тайной для Кутлуг-буги и его «братьев» - они ожидали противника, ибо, когда литовцы «...дошли до урочища Синие Воды, то увидели в поле большую татарскую орду с тремя царьками, разделённую на три отряда...».

Мамай же, со своей стороны, также выступил с войском из Великого Луга и направился к Синим Водам. И подоспел. Именно его вмешательство оказалось неожиданным, потому что, когда «...татары с неистовым рвением начали бой, засыпав литву густым железным градом из луков ...», он внезапно напал на своих противников с тыла. И «...татары начали мешаться и испуганные бежать в обширные поля... На побоище остались убиты... очень много мурз и уланов. Также везде по полям и в реках лежало полно татарских трупов».

Таким образом, Ольгерд с Мамаем совместно разбили своих противников. И, если рассматривать Синеводское сражение «ордынскими глазами», то оно оказывается лишь одной из бесчисленных схваток и семейных разборок ордынской аристократии в месиве «Замятни» - в данном случае, с привлечением внешнего союзника. Мамаю блестяще удалось устранить конкурентов «чужими руками». И в его безраздельном владении оказались не только сам Крымский улус, но и все степные территории Причерноморья до низовий Днестра,

Библиография:

1. Козир І. Торговицький археологічний комплекс та проблема локалізації Синьоводської битви 1362 року // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20:.. Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014.
2. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
3. Слуцкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М. 1980/
4. Белецкая, О. В. Подолье и татары во второй половине XIV – первой половине XV в.: эволюция даннических отношений // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 4. — Мінск: БДУ, 2008.
5. Зайцев И.В. Отец Мамаю // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В.В.Трепавлова, И.М.Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010.
6. Добролюбский А.О., Смирнов И.А. «...Что тут хан имел в виду...»? //Стародавнє Причорномор'я. Вип.ХІІІ. Одеса: ОНУ. <http://liber.onu.edu.ua/pdf/Prichernomor'e/13/22.pdf>
7. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1.1884.
8. Григорьев А. Золотоордынские ханы 60—70-х годов XIV в.: хронология правлений //Историография и источниковедение стран Азии и Африки. - Вып VII. Л., 1983; Григорьев А. П., Григорьев В. П. Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.) // Вестник С.-Петербург, ун-та, 1996. Сер. 2 Вып. 4.
9. Талах В. Полдень и сумерки Великого Края. К., 2018. <https://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/History/UlugUlus.html>
10. Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма //Вестник СПбУ, Сер.2, 2003, вып 4 (№26).

11. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев: Наукова думка, 1987.
13. Господаренко О. Литовсько-ординські стосунки у 50–70-х рр. XIV ст. в контексті італійської політики Мамає. // Ukraina Lithuanica. Т.ІІІ. К., 2015. .
14. Шабульдо Ф.М. Чи існував ярлик Мамає на українській землі (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. - Київ, 2005.

Рис.1. Золотоординський «князь». 14 в. Реконструкція. Рис.2.Сраження.Мініатюра 14 в.

Рис.3.Конне сраження. Мініатюра XIV в. Рис.4. Преследование неприятели. Мініатюра XIV в.

Рис.5. Ольгерд Великий князь Литовский.

УДК 903.8:94(398.9)

ТРАКИЙСКИ СЪКРОВИЩА КАТО ПРИЗНАК НА «ПРЕСТИЖНАТА» ИКОНОМИКА

Крыкин Сергей,

кандидат исторических наук, доцент, г. Москва, РФ

e-mail: smkrykin@mail.ru

orcid id:0000-0003-0753-4913

Abstract. In 330 BC Thracia got a lot of gold and silver as a part of the spoils of Alexander the Great's army. Several thousand horse men were quite worthy of that. However, the inflow of precious metals didn't develop the primitive economy of Thracian tribes. Commodity-money relations didn't come to stay in Thracia before it had been annexed by Rome and integrated in 3 provinces. Alexander the Great's Army got gold and silver more than whoever and whenever else on the planet. But to 330 BC precious metals went down in value greatly. 330-300 BC was the period of creating a great number of buried treasures and constructing rich tombs in Thracia. Captured gold and silver metals temporarily conduced to cultic practice.

Key words: Thracia, Alexander the Great, gold, silver, «prestigious» economy

На 8 декември 1949 г. юго-източно Панагюрище тримата братя – търсачи глина за тухлено производство на дълбочина примерно 2 м в дъното на яма откриха забележително златно съкровище от 9 предмети на общо тегло 6162,45 г. [5, с.3-9] [6, с. 4-10]. Среди тях 7 съдове се представляват ритони: три – с човешка глава и четъри – с животински глави. И още по-една – амфора-ритон и фиала. Обяснения на намерили съкровище братя извикаха в частност у Г.Китов големи съмнения относително условия и контекста на находката. Освен това, едно обикновено явление на тракийската култова практика е било да се слагат в земята скъпоценни съдове не в една, а две ями. Култови ями (βοτροί) – са традиционно явление в старата Тракия [3, с.165-183], макар че, разбира се, такива ями за скъпоценни съкровища извън безусловния контекст на съседството на все пак са уникални. Това обстоятелство и обяснява напълно случайния характер на такива находища.

Още някои от траколози предполагат недостиг за пълния културен комплект още четвъртия антропоморфен ритон и два зооморфни, и също така още една амфора-ритон и една-две фиали [5, с.10], [6, с.11-12]. И по такъв начин се прогнозира находки от втората яма, при това напълно конкретни предмети.

Датировка на Панагюрското съкровище в последни години бе променена, както и версия за гръцкия произход на тези златни артефакти – от Лампсак в Мала Азия. Производство отсега се възприема като определено местно, в тракийския хинтерланд, наведнъж всички съдове или пък на няколко пъти в края на IV – началото на III в. пр. н.е. [5, с.9], [16, с.133], [21, с. 203]. По-късно Г.Китов [6, с. 40] предположи изработка примерно през втората половина на IV в. пр.н.е. и след десетки години ритуално използване някъде в началото на III в. пр. н.е. комплектът се е скрил в ботроси.

Откъде е толкова злато? При това ще отбележа, технологическият анализ на старите скъпоценни артефакти едвам ли ще конкретизира география на природните рудници, но би могъл да само открие груби по-късни фалшификации.

В руския научен лексикон се използва израз «престижно значимые ценности». Между архаическите стари общества с натурално производство и възникнали антични цивилизации с пазарна икономика са се формирали «варварски държави». Според Аристотел всички неполисни държавни обединения не бяха цивилизации, а непристижни варварски страни. И между тях и главният враг на старогръцкия полисен свят – Ахеменидска държава. При това по количество натрупано злато и сребро, най-важните тогава и дълго време после благородни метали, тази държава решително е изпреварила всички други стари общества в света.

Благодарение на това завоевал цялата Ахеменидска държава македонски цар Александър III е станал най-богатият правител, вероятно, изобщо на нашата планета за всички времена. Но придобитите от него хазни не са станали капитали и повечето скъпоценности са се оказали в могили поради «царския» икономически менталитет на победители-македонци. За разлика, да кажем, антична Атина, където около 270 г. пр. н. е. специалният закон е забранил разходни погребения – не само със злато и сребро вътре, но и скъпа мраморна скулптура горе (и майсторите поне частично са емигрирали, в северопонтийския Боспор, например).

В 334 г. пр. н.е. гръко-македонската армия се е дебаркирала в Мала Азия – при това в состава на експедиционната армия на Александър трако-илирийски контингент съставлял според Диодор (XVII.17.4) 6 хиляди пеши войници и 900 конни разузнавачи. Конкретно от одрисци били изпратени 3 хиляди пешаци-аконтисти и 400 конници, от трибали – една хиляда [23, с. 432]. Преди битки с армиите на Ахемениди Александър не веднъж е апелирал към своите войници, пр това според Кв.Курций Руф (III, 10,6; 10,10) два пъти той е агитирал трако-илирийци като представители на най-бедните балкански области, където като важен поминък се е практикувал разбой. Персийските злато и сребро той им е обещал веднага след победа.

След серия бляскави победи съкровища на Ахеменидите са преминали в распоредение на Александър. Само в Персеполис в съкровищница зад Стоколоната зала са били грабнати 120 хиляди таланти злато и сребро. Ако ще събираме сведения на Страбон, Кв.Курций Руф и Плутарх, получава се, че в Екбатана пришълците са намерили още 180 хиляди таланти и напоследък в Суза и още 40 хиляди таланти злато и сребро. И така summary – 340 хиляди таланти или по нашите мерки 8840 т. скъпоценни метали [18, с. 22-23].

Квинт Курций Руф (IX, 3, 21) съобщава за присъединение към армията на Александър заради продължението на похода още 5 хиляди тракийски конници начело с Мемнон и вече тогава на войниците докарвали и връчили 25 хиляди шлемове и щитове със златна и сребърна инкрустация. Траки с Александър са стигнали чак Индия и техният военачалник Евдемон е станал наместник за окупираните там територии скоро до смъртта на великия завоевател във Вавилон в 323 г. пр. н.е.

Обаче още в 331 г. пр. н.е. споменатият Мемнон [22, с. 177], стратег в Тракия, имел в распоредение значителни сили (Diod. XVII, 62, 4-6), се е отделил от Александър. И при това той е спровоцирал открито въстание («разбунтува варварите»- български траколози смятат – вековните конкуренти на одрисци – беси) и в Гърция начело със спартанския цар Агис III (Diod. XVII, 6-7; 62-63; Arr.Anab. I, 25, 2; Curt. IX, 3, 21). Полководец още на Филип II - Антипатр се е потушил съпротива и в Тракия, и на лакедемоняни. Вместо Мемнон Александър е назначил Зопирион [22, с.115] - според определението на Кв.Курций Руф (X, 1,44) «препозит на Понт» или пък от Помпей Трог (Iust. XXXVII, 3, 2) «префект на Понт». Пред него е била поставена задача с войската около 30 хиляди души да премине Дунава, да пресече замките на северните траки-гети и да мина покрай брега на Черно море. Като предприел обсадата на Олбия, Зопирион е претърпел неуспех и при отстъпление след това неговата армия е била разпръсната и загинала. Това е станало най-вероятно в 326-325 г. пр. н.е. И тогава вече Одрис Севт III (правител примерно 330-300 г. пр. н.е.) [22, с. 249-250] се е опитал да отцепи Тракия от Македонската държава. След смъртта на Александър той е успешно воювал срещу диадоха Лизимах, в 313 г. пр. н.е. влизал в една коалиция против него. Около 320 г. пр. н.е. Севт е основал столицата си Севтополис и на края оставил власт на вдовицата си и четирима синове.

Така или иначе поток на злато и сребро не е минал в някоя степен тогава и Тракия с нейната «престижна» (или «царска») икономика. Царе Одрисци поначало са практикували система «полюдие» (Крыкин 2016). Част на южнотракийските земи се е включила в състав на ахеменидската сатрапия Скудра – а след Платейската битка много гръцки полиси покрай тракийските граници в Егеида са преминали в състав на Първия Атински морски съюз (Атинска архе) и плащали форокси (някое време аналогични на ахеменидските данъци, а после и съществено повече като на новите им властители) чак до поражение на атинците в Пелопонеската война в 404 г. пр. н.е.

В 400 г. пр. н.е. мнозинство от бившата елинска наемна армия се е върнала успешно след битката при Кунакса до Вавилон и отстъпление чак до Пропонтида към Византий. Седмата книга на Анабазис от Ксенофонт описва последовала след това експедиция на 6-хилядния гоплитски гръцки корпус, нает от одриския династ Севт – бъдещия цар Севт II [22, с.250] дълбоко в земите на европейските траки заради подчинение на отцепили се още при родителя му няколко племена. При споразумение да се плаща на наемниците по 1 кизикий месечно на всеки гоплит Севт само за един месец би дължил заради туй 30 таланти сребро. При това походът се е продължавал около месец и половина. Севт два пъти е молил безуспешно Ксенофонт наказателният гръцки корпус да с намали до 1 хиляда войници и по такъв начин да спести от своите месечни разноски до 5 таланта. На края за сметката на плячка при сблъсквания и завземане на тракийските села Севт е съумел да събере един талант в метала, 600 глави добитък и 4 хиляди овце, и освен това 120 пленници – тоест фактически е провалил споразумения и следом организиран изтласкане наемния корпус от своите замирени владения.

Полюдие е давало на Одрисите по-малко от желаемото. И тогава в края на V – началото на IV в. пр. н.е. са били измислени новите извори за обогатяване. Самият вероятен полутрак (синът на Олор) Тукидид (II, 97,3) пише за Севт I, наследник на Ситалк и фактически правител на Одриската Тракия в последната четвърт на V в. пр. н.е., че той събирал от своите поданици и подчинените му гръцки полиси годишно до 400 таланти злато и сребро, и също така като «подаръци» (скъпоценни метали, изделия и тъкани) и още пък толкова. Диодор (XII, 50-51) сумира неговите приходи до 1 хил. таланти.

Икономическият разцвет на независимата Тракия се е случил в периода на правления на последния истинно велики Одрис – Котис I (383/2 – 359 г. пр. н.е.) [22, с.150-151]. Мнозинство на тракийските съпровища засега се свързва с името на този Одрис. Котис по съобщението на ПсевдоАристотел (Оесопот. 1351A, 18-32) е използвал съвета на своя атински зет – стратег Ификрат и заповядал на своите подданици да засеят допълнително към обикновената норма още по три медимна зърно с цел събраните после излишъци от реколтата да се продадат вън и да се използват за покана на войници-наемници. А един от тримата му синове-приемници – Керсobleпт е заповядал да засеят над норма уж по пет медимни [7, с.208-209]. Одриската Тракия се е опитала да заеме някое значимо място на перспективния гръцки житен пазар, накъде чрез Родос ограничено се е промъквало евтино зърно от Египет. Обаче Евбея, Тракия, Сицилия и Египет (до окупацията му от Александър) са осигурявали в частност само половина потребности на Атина, пряко зависела от житния импорт, - а пък другата половина е пристигала от Боспорското царство [2, с. 81]. Боспорските царе са товарили в Атина всяка година до 400 хиляди медимни жито (1 млн. пудове = 16 хиляди тони). Хлебното зърно в IV в. пр. н.е. се е струвало в Атина 5-6 драхми за един медимн и дори повече – и по такъв начин боспорският цар Левкон около 335 г. пр. н.е. за 400 хиляди медимни е получавал 338-400 таланти [1, с.8]. Според В.Д. Блаватский средствата от продажба на таково количество жито са били достатъчни за съдържание на многобройните наемници: две хиляди гръцки гоплити (най-добрите –от Пелопонес), две хиляди тракийски пелтасти и четири хиляди моряци (също специалисти, преди всичко от Атика) за 20 триери.

Обаче пък Ив.Маразов [17, с. 115, 129] привежда сметките на Ив. Венедиков за относителната стойност на Панагюрското съкровище: само според цена на използваното злато одриският правител на последната трета на IV в. пр. н.е. Севт Трети би могъл да кани 500 наемници (= примерно 30 таланти сребро?).

След убийството на Котис скоро дошъл на власт в Македония Филип II поначало е завзел от автонимните траки-едони прибрежния златоносен Пангей. Там при него и Александър добивът на злато рязко е бил увеличен от 80 до 1000 таланти годишно (и с това металът там фактически се е свършил). При това се споменава атинската акция в 466 г. пр. н. е., когато за завземането на Пангей е била събрана десетхилядната войска – но тази операция се е завършила с пълния неуспех. Доста скоро след това Филип Втори е разгромил и подчинил всички три тракийски царства на котисови наследници, след което те са станали неволни съюзници на могъщата Македония. След странното убийство на Филип II в 336 г. пр. н.е.

Александър е демонстрирал своите наследни права и на тракийските територии с похода 335 г. пр. н.е.

Поток на източните злато и сребро на Балканския полуостров след сякаш невероятни успехи на Александър Трети в Азия се е оказал грандиозен. Прието е да се смята, че общият добив на златото на полуострова през периоди халщат и латен е съставил не повече от 500 тона, а в римската епоха се придобави едвам ли над 350 тона. В Карпати в завладена от римляните Дакия за над сто и петдесет години (106-271 г.) тяхното господство се е получило да придобият около 190 тона злато [18, с.31]. По такъв начин, скоро след смъртта на Александър Велики се е осъществил мощен инфлационен скок. А за общества с «престижна» (иначе «царска») икономика би следвало да се очаква формиране на много съкровища – култови дарения в елитните гробници и в сакрални ботроси. Характерни датировки 330-300 г. пр. н.е. плюс максимум още две десетилетия в III в. пр. н.е. (до установяване на господството нахлули келти-галати) напълно обясними и логични. Както и серийните съвпадения в торевтика от тези времена в предели или поне близо до границите на елинистическия свят. Авторът на тази статия дойде към такива заключения след като проанализира редица нови паметници торевтика от старите тракийски земи [8], [9],[10], [12]. Собствени финансово-икономически възможности за практически серийно производство на скъпоценните художествени артефакти тракийската родова аристокрация явно не е имала с изключение на сравнително недългия разцвет на Одриското царство в края на V- първата половина на V в. н.е. [7], [13], [14], [15]. И така се получава, че злато на траките като суровина за майсторите-торевти често произлиза по местата на добива твърде далеч от самата стара Тракия и това обстоятелство до известна степен ограничава резултативност на технологическия анализ на много паметници от скъпоценни метали.

Панагюрското съкровище е анализирано технологически само в началния стадий, но и веднага се прояви намек, че в серия има и изключения по състава на сплава (комплект от висококаратното злато явно се е попълвал със също високочествени изделия). За Херсонес Таврически в Крим е направен корпус на златни изделия от IV в. пр. н.е. до IV в. от н.е. намерени там, със задължителните кратки технологически характеристики [4]. Нещо подобно очакваме и за тракийското злато. При това, че някои тракийски съкровища и по технологии отдавна са проучени доста прецизно и резултативно [19].

Библиография:

1. Блаватский, В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. Москва, 1953
2. Гайдукевич, В.Ф. 1949: Боспорское царство. Москва-Ленинград.
3. Георгиева Р. Обредни ями (края на II-I хил. пр. н.е.).- В: Етнология на траките (Георгиева Р., Спиридонов Т., Рехо). София, 1999, с. 165-183.
4. Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С. Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). Москва. 2017
5. Китов Г. Панагюрското съкровище. Варна. 2006.
6. Китов Г. Панагюрское сокровище. Варна. 2012.
7. Крыкин С.М. Древняя фракийская цивилизация. – Епохи. 2016.Т. XXIV. Велико Търново. №2. 203-219.
8. Крыкин С.М. Фракийская торевтика: ещё один ритон. – В: Древний мир: история и археология. Труды 1-й и 2-й Всероссийских научных конференций «Дьяковские чтения». Москва, 2015, с.147-154.
9. Крыкин С.М. Древний фракийский ритон из Болгарии. – В: Наука, образование, культура. Научно-практическая конференция, посвященная 24-й годовщине образования Комратского государственного университета. Комрат, 2015, с.170-174.

10. Крыкин С.М. Фракийский серебряный ритон с позолотой из Болгарии. – Вестник Московского городского педагогического университета (МГПУ). №1 (21). Москва, 2016, с.71-77.
11. Крыкин С.М. Золотой медальон с гиппокампом и nereидой. – В: Наука, образование, культура. Научно-практическая конференция, посвященная 27-й годовщине образования Комратского государственного университета. Сборник статей. Т. II. Комрат, 2018, с.109-117.
12. Крыкин С.М. Основы хозяйственно-экономической деятельности южных фракийцев. - Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. Москва - Магнитогорск, 2002, с.114-120.
13. Крыкин С.М. Экономические возможности фракийской государственности. – В: Открытия минувшего. Вып. 1. Москва, 2003, с. 4-12.
14. Крыкин С.М. Держава Одрисов: базис ранней «варварской» государственности. – Вестник Московского городского педагогического университета (МГПУ). №2 (30). Москва, 2008 с. 74-88.
15. Лазов Г. Панагюрский золотой клад. – В: Клады фракийцев. Каталог выставки. Варна, с.132-142.
16. Маразов Ив. Ритоните в древна Тракия. София. 1978
17. Марфунин А.С. История золота. Москва.1987.
18. Миков В. Златното съкровище от Вълчетрън. София. 1958
19. Ожившие легенды. Москва, 202-219.
20. Пенкова Е., Конова Л. Клад из Панагюриште. – В: Фракийское золото из Болгарии. 2013
21. Тракийска древност: кратка енциклопедия. София. 1993.
22. Hammond, N.G.L., G.T Griffith A History of Macedonia. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford: Clarendon. 1979

Рис.1. Золотой медальон-нагрудник
последней трети IV в. до н.э.

Рис.2. Серебряный с позолотой
фракийский ритон начала IV в. до н.э.

УДК 94(495)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В ВИЗАНТИИ В ТРАКТОВКЕ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

Кузнецов Алексей,

к.и.н., научный сотрудник Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

e-mail: historyras@gmail.com

orcid.id:0000-0003-4755-250X

Abstract. The article examines the representation of the imperial and ecclesiastical authorities in Byzantium in the seventh century as interpreted by Maximus the Confessor. An overview of the imperial dress and insignia and the most important priestly attributes is given. The author concludes that the views of Maximus the Confessor are based on the concept of the divine origin of power

prevailing in Byzantine political theory. For both emperors and priests, he focuses on clothing and attributes that emphasize their correlation with the prototype – Jesus Christ.

Key words: Maximus the Confessor, Byzantine Empire, power representation, symbols of power.

Согласно принятому в историографии мнению, в середине VII века в Византии начинается период, именуемый «темные века». Его отличает уменьшение числа сохранившихся письменных источников, экономический упадок городов, сокращение производства и торговли. В то же время это была эпоха, когда закладывались основы государства, общества и культуры средневекового типа [18, р. 1]. Существенным аспектом трансформации византийского общества и государства стало складывание специфической политической идеологии, выработка особенных взаимоотношений между византийским государством и Церковью, светской и духовной властью. Одновременно видоизменению подверглись способы и формы репрезентации власти, которые в Византии были «концентрированным отражением ее политической теории» [9, с. 46]. Политическая же теория в империи, с одной стороны, несла в себе некоторые базисные константы, среди которых центральную роль играло признание божественного происхождения власти [14, р. 79]. С другой стороны, политические идеи с течением времени претерпевали существенные трансформации. Менялись церемониал, титулатура [2, с. 11–15], образы носителей верховной власти на официальных портретах [4] инсигнии и одеяние [17, р. 68–94].

В данном исследовании предполагается рассмотреть трактовку Максимом Исповедником (580–662) символики верховной светской и духовной власти в Византии. Обращение к фигуре Максима Исповедника обосновано тем, что он оказался в центре идейно-политической и религиозной жизни своего времени, а его воззрения на взаимоотношение светской и духовной власти сыграли существенную роль в последующие века [5, р. 215–221].

В 40-е годы VII века Максим Исповедник становится одним из основных противников монофелитства – еретического учения, признающего одну волю Иисуса Христа. Изданный императором Ираклием I (610–641) указ «Эктесис», провозглашавший монофелитство истинным вероисповеданием, и «Типос» Константа II (641–668), запрещающий под страхом наказания всяческие суждения о волях Иисуса Христа, вызвали недовольство церковной политикой императоров как внутри страны, так и на Западе. Оба документа воспринимались как вмешательство императоров в сферу богословия. В 646 году Максим Исповедник играет значимую роль в организации и выработке постановлений Латеранского Собора в Риме, предавшего анафеме монофелитское учение и «Типос» Константа II. В ответ на соборное осуждение император Константин II отдал приказ об аресте Максима Исповедника и предании его суду. Суд состоялся в 654–655 гг., выдвинутые обвинения носили ярко выраженный политический характер. Подробно суд над Максимом Исповедником рассмотрен в [1; 11; 19]. Было представлено несколько сомнительных свидетельств, опровергнутых подсудимым. Основным же стало обвинение в непризнании императора священником. Оно строилось на показаниях некоего Григория, беседовавшего с Максимом в Риме. Во время их разговора Григорий спросил: «Разве всякий царь христианин не есть и священник?». На что получил ответ: «Нет, ибо не пристойт алтарю и после освящения хлеба не возносит его со словами: “Святая святым”. Он не крестит, таинство миропомазания не совершает, не рукополагает и не поставяет епископов, пресвитеров и дьяконов, не освящает храмы, не носит знаков священства – омофор и евангелие (ὁμοφόριον καὶ τὸ Εὐαγγέλιον), поскольку знаками царства служат венец и порфира (στέφανον καὶ τὴν ἀλουρίδα)» [21, р. 56].

Как следует из приведенного высказывания, в числе аргументов за непризнание императора священником Максим Исповедник говорит о разнице «знаков власти» у них. Власть может являть себя разнообразными способами, но это, конечно же, наиболее явные и выразительные властные атрибуты. Обращает на себя внимание тот факт, что из всего многообразия византийских императорских одеяний и инсигний Максим Исповедник

выделяет лишь венец и порфиру. Изобразительные источники и, в первую очередь, официальные портреты, представляющие императора как носителя власти в подобающей обстановке и с соответствующими сану атрибутами [4, с. 25, 30], свидетельствуют о том, что в Византии императорская символика была значительно более разнообразной [15; 23].

В первую очередь это касается одеяния императора. В ранневизантийскую эпоху наиболее типичным было изображение императора в военном костюме, что отражало и самую значимую обязанность императора – защиту подданных и являлось образом императорского триумфа, победы над врагами [4, с. 34]. Примерами могут служить статуя императора, известная как Колосс из Барлетты (V в.) [16], и «Диптих Барберини» из собрания Лувра [4; с. 139–146]. Наиболее показательны в данном случае изображения на монетах. Военное одеяние императора на монетах преобладает с IV до начала VII в., в VII в. встречается все реже и на три века исчезает при императорах Исаурийской династии, чтобы вновь появиться в XI в. [17, р. 28]. В рассматриваемый нами период после победы императора Ираклия I (610–641) над персами и вплоть до конца правления на наиболее ходовых медных монетах появляется его изображение в доспехах с длинным крестом [13, с. 207–208].

Светский императорский костюм в Византии представлен двумя типами. Это, во-первых, придворные церемониальные одеяния: хламис (*греч.* χλαμύς) – длинный пурпурный плащ, или лор (*греч.* λῶρος) – широкий шарф или шлейф, который обертывался вокруг правой стороны тела и спускался вниз через левое предплечье, и во-вторых, традиционное консульское одеяние – трабея (*лат.* trabea) – белый плащ с пурпурными полосами [17, р. 28]. Именно пурпурный хламис более всего походит на порфиру, упомянутую Максимом Исповедником. В хламисе предстает Император Юстиниан на мозаике в церкви Сан Витале в Равенне. На монетах изображения императора в хламисе распространяются как раз в VII в. на смену преобладающим ранее образам в военном одеянии [17, р. 28]. В конце VII в. при Юстиниане II (685–695 и 705–711) традиционная консульская трабея заменяется на лор. Важным отличительным элементом императорского одеяния была и пурпурная обувь. В пурпурных сапогах изображен Юстиниан I на мозаике церкви Сан Витале. По свидетельству Льва Диакона, Никифор II Фока (963–69 гг.), провозглашенный императором, «принял власть и надел красную обувь – высший знак царского достоинства» [8, с. 26].

Весьма разнообразными в Византии были и императорские регалии, они отнюдь не ограничивались упомянутым Максимом венцом [17, р. 82]. Император изображался со сферой (*лат.* globus cruciger), символизирующей вселенную, находящуюся под его властью. Будучи увенчанной крестом, сфера подчеркивала божественное основание вселенской власти императора [17, р. 28], и свидетельствовала о замене представлений об императоре – победоносном воителе на представление об императоре, побеждающем верой во Христа [3; с. 49].

Другим важным атрибутом власти был скипетр (*греч.* σκῆπτρον). Первоначально выражающий власть римских консулов, он был воспринят византийскими императорами для отображения их консульских функций. О символической роли скипетра красноречиво говорит пример из жития Максима Исповедника, начинающегося следующими словами: «Когда Ираклий получил скипетр римской власти и Сергей восприял архиерейское попечение над царицей городов, дела Церкви снова пришли в смятение и ересь монофелитов, словно некая другая египетская язва, стала вносить разброд в ряды православны. <...> А после кончины Ираклия скипетр принял его сын Константин» [6, с. 133]. В данном случае овладение скипетром равносильно провозглашению императором. На византийских монетах изображение императора с консульским скипетром, увенчанным орлом, было распространено с IV по VI в. [17, р. 28–29]. Подобный образ подчеркивал исключительный характер консульства императора и говорил о его вечном триумфе [4, с. 33, прим. 4]. Император Лев I (457–474), приспособив традиционный тип изображения императора-консула к требованиям христианского культа, заменяет на монетах скипетр на крест с длинной рукояткой [4, с. 33]. Данный образ постепенно становится преобладающим. Крест в этих изображениях символизирует собой орудие императорской победы, дарованное

Божественным Промыслом, подобно кресту императора Константина [4, с. 35, 51–58]. Позднее на византийских монетах в руках императора вместо скипетра появляется лабарум с длинной рукояткой и четырехгранным навершием или христограммой, подобно лабаруму Константина и римских легионов.

На портретах императора в консульском одеянии часто присутствует маппа (*греч. μάππα*) – своеобразный консульский атрибут, представляющий собой кусок ткани, которым консул давал сигнал к началу цирковых игр. Изображение императора в виде консула с маппой и скипетром в Византии, как и в Римской империи III в., когда он и возник, было образом императорского триумфа [4, с. 32–33]. В Византии маппа постепенно преобразуется в акакию (*греч. ἀκάκια*) – цилиндрический мешочек из пурпурного шелка с пылью, символически напоминающий о бренности земного бытия [7, с. 105–06].

Разнообразием отличались и головные уборы императоров. Это и различного вида шлемы, венчающие императора в военном одеянии. Довольно распространенным было и изображение императора в диадеме (*греч. διάδημα*) – узкой, расширяющейся посередине полоске ткани. Но наиболее часто встречающимися были разнообразного вида короны (*греч. στέμμα, καπελαύκια*) [17, р. 80–84].

Даже из краткого обзора императорской символики видно, что она в Византии была довольно разнообразной, поэтому закономерно возникает вопрос: почему из всего множества Максим Исповедник выбирает именно пурпурное одеяние и венец? На наш взгляд, в данном случае он намекает на карикатурные символы царской власти, надетые на Христа легионерами – багряницу (плащ легионера) и терновый венец. Евангелие об этом говорит следующим образом: «Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него *багряницу* (*χλαμὺς* кокκίνη); и, сплетши *венец из терна* (*στέφανος ἐξ ἀκανθῶν*), возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27:27-29.). Тем самым, в форме, должной быть понятной собеседникам, Максим намекает на первообраз императорской власти.

В отношении архиереев Максим указал на наиболее значимые атрибуты их достоинства, наличествующие в период свершения литургии. Омофор (*греч. ὁμοφόριον*, от ὄμος плечо и φέρω ношу) – отличительная деталь богослужебного облачения архиерея [22, с. 91–104]. Омофор представляет собой длинную широкую ленту с изображениями крестов, огибающую шею и спускающуюся одним концом на грудь, другим – на спину. Символическое толкование архиерейского омофора уже в V веке приводит Исидор Пелусиот, который подчеркивал, что «омофор епископа соткан из шерсти, а не из льна, ибо означает шерсть заблудшей овцы, которую искал и, нашедши, взвалил на свои плечи Господь. Собственно, епископ есть олицетворение Христа. Он исполняет его функции и даже одеяниями своими показывает, что подражает доброму и великому Пастырю, взявшему на себя добровольно немощи стада своего» [20, col. 272]. Схожие высказывания, подчеркивающие символическое выражение омофором заблудшей овцы, а архиереем, облаченным в омофор, – Доброго Пастыря Иисуса Христа, несущего заблудшую овцу на Своих плечах, присутствуют у Германа Константинопольского (VIII в.), Николая Кавасилы (XIV в.) и Симеона Фессалоникийского (XV в.). Вследствие такого символического значения омофора, он во время служения литургии несколько раз снимается и надевается вновь. Архиерей облачается в омофор в те моменты, когда он сам символизирует собою Христа; когда же читается Евангелие, совершается Великий вход и пресуществление Святых Даров, омофор с архиерея снимается [22, col. 272.; 10, с. 173], поскольку, согласно установившейся традиции, в Евангелии и в Святых Дарах является молящимся Христос [12, с. 65; 10, с. 172].

Максим Исповедник в своем отрицании священнического сана у императора, как нам кажется, во многом исходил из христологии и идеи царственного священства Христа, разделяя царство и священство Христа соответственно между императором и священником (патриархом). Как для императоров, так и для священников он акцентируется на одеянии и атрибутах, подчеркивающих их соотнесение с первообразом – Христом. Обладание

символами той или иной власти определяло и наличие специфических функций у императора и священника, области которых строго разграничены. Об этом говорит другой аргумент Максима – императоры не совершают таинств, а при богослужении упоминаются после лиц священнического сана в числе мирян.

Библиография:

1. Беневич Г. И., Шуфрин А. М. Дело Максима // Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом. Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. Санкт-Петербург, 2007. С. 13–153.
2. Бибииков М. В. «Блеск и нищета» василевсов: Структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Отв. ред. М. А. Бойцов, Г. Эксле. Москва, 2008. С. 11–22.
3. Бутырский М. Н., Заикин А. А. Золото и благочестие. Москва, 2005.
4. Грабар А. Император в византийском искусстве. Москва, 2000.
5. Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». Пер. А. Е. Мусин. Санкт-Петербург, 2010.
6. Житие преподобного Максима Исповедника (Жизнь, дела и подвиги преславного и блаженнейшего отца нашего и исповедника Максима, и о двух учениках его) / Πολιτεία. Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. Вып. I. Москва, 1991. С. 133–176.
7. Каждан А. П. Византийская культура. Санкт-Петербург, 1997.
8. Лев Диакон. История. Пер. М. М. Копыленко. Москва, 1988.
9. Литаврин Г. Г. Этапы эволюции верховной власти и ее репрезентации в Византии VII–XII вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная и Восточная Европа). Тезисы XXII научной конференции «Славяне и их соседи». Москва. 14-16 мая 2004 г. Отв. ред. Б. Н. Флоря. Москва, 2004. С. 46–50.
10. Николай Кавасила. О совершаемом на Божественной Литургии. О священных одеждах. (Предисловие, пер. и комм. А. Ю. Никифоровой) // Византийские очерки. Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византистов. Санкт-Петербург, 2001. С. 167–180.
11. Сидоров А. И. Преподобный Максим Исповедник: эпоха, жизнь, творчество // Творения преподобного Максима Исповедника. Книга I. Москва, 1993. С. 7–74.
12. Уайбру Х. Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда. Москва, 2000.
13. Чореф М. М. От «Imperatorēs divī» к «Ἐν τοῦτῳ νίκας», или религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения». Под ред. В. И. Кузищина. Севастополь, 2011. С. 203–213.
14. Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007.
15. Ball J. L. Byzantine Dress: Representations of Secular Dress in Eighth- to Twelfth-Century Painting, The New Middle Ages. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
16. Gergel R. A. The Colossus of Barletta // Michigan Academician, 12, no. 4 (Spring). 1980. P. 389–403.
17. Grierson Ph. Introduction // Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Ed. Bellinger A. R., Grierson Ph. Vol. II. P. I: Phocas and Heraclius, 602–641. Washington, 1993. P. 1–129.
18. Haldon J. F. Byzantium in the seventh century: The transformation of a culture. Cambridge, 1990.
19. Haldon J. F. Ideology and the Byzantine State in the Seventh Century. The «Trial» of Maximus Confessor // From Late Antiquity to Early Byzantium: proceedings of the Byzantinological Symposium in the 16th International Eirene Conference. Praha, 1985. P. 87–92.

20. Isidorus Pelusiota. *Epistolarum Libri Quinque* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca.* / J. P. Migne. T. 78. Col. 178–1674.
21. *Relatio motionis* // *Maximus the Confessor and his Companions (Documents from Exile).* / Ed. and trans. P. Allen, B. Neil. Oxford, 2003. P. 48–74.
22. Schnabel N. C. *Die liturgischen Gewänder und Insignien des Diakons, Presbyters und Bischofs in den Kirchen des byzantinischen Ritus.* Würzburg, 2008.
23. Spitzing G. Keiser // Spitzing G. *Lexikon byzantinisch-christlicher Symbole; Die Bilderwelt Griechenlands und Kleinasiens.* München, 1989. S. 180–181.

УДК 94(37)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III ВЕКА.

Куликова Юлия,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и
средних веков им. В.Ф.Семенова Института истории и политики МПГУ

e-mail : yuv.kulikova@mpgu.su

orcid.id:0000-0001-7873-2760

Abstract. Citizenship was originally the basis of Rome's existence, determining the structure of society and the forms of ties between them. The transformation of Rome into an empire did not change the conservative attitude of citizens towards other peoples, which gave rise to Roman chauvinism. The provincial policy of Rome sought to maintain leverage over the local population, which was a profound mistake, since it did not create the necessary connections for the formation of a common civic identity. If in the cities in the era of the Early Empire it is possible to talk about a high level of cultural life, then in rural areas the population barely spoke the state language, and in the era of the "soldier" emperors, the struggle against external enemies, rather than intellectual life, comes to the fore. The Edict of Caracalla only stated *de jure* the historical relic of Roman society in the form of a division into "citizens" and "non-citizens" and *facto* equated the concepts of "citizen" and "subject", which gave a new impetus to the transformation of the civil identity of the Roman state.

Key words: identity, citizenship, Roman Empire, *civitas*, emperor, provinces, separatism, state.

Гражданская идентичность являлась важной правовой составляющей Римского государства, определявшей все структуры общества и связи между ними, формировавшей особое мировоззрение каждого, обладающего этим статусом. Сама по себе гражданская идентичность имеет определенную структуру и связи. Структуру гражданской идентичности составляет знание о принадлежности к определенной общности, оценка значимости для индивида в частности и общества в целом принадлежности к гражданству и отношение общества к гражданам. С расширением Римского государства, превращением его в империю и установления новой системы управления все структуры начали трансформироваться, в то время как *de jure* эти изменения не получали оформления. Это касается, например, деления общества на граждан и неграждан, что по мнению А.Б. Рановича, являлось в масштабах Римской империи историческим пережитком [5, с.73].

В свое время С.Л. Утченко определил характеристики, наиболее соответствующие понятию «римский гражданин», главная из которых - наличие непосредственных, неотчуждаемых связей в существующей системе аффилиции с *цивитас* [7, с.229]. Среди всех прочих составляющих важными отличительными чертами гражданской идентичности

римского гражданина являлись латинский язык, память о прошлом, особое отношение к своим предкам и любовь к родине [4, с.288].

Эпоха Ранней империи продемонстрировала невозможность дальнейшего функционирования государства в условиях существования фактического двоевластия, изменения были настоятельно необходимы для дальнейшей поступательной динамики развития всего государства, однако мировоззрение римского общества было консервативным по своей сути и изменялось крайне медленно. Пока в эпоху Ранней империи образование и интеллектуальная жизнь были на высоком уровне, «новые» граждане из поколения в поколения приобщались к мировоззрению, а, главное, пониманию и восприятию того «мы», которое и составляло основу гражданской идентичности, воспринимая собственное «я» как неотъемлемую часть римского общества.

Третий век, считаясь все еще временем существования принципата, в действительности являлся периодом трансформации идентичности Римского государства, которая происходила в условиях постоянной борьбы политических сил внутри государства и миграционных процессов. Гражданская идентичность, те связи гражданина с *цивитас*, которые являлись инструментами ее сохранения, были окончательно разрушены, так как Рим превратился в империю, но новых связей так и не возникло, наоборот, стало невозможно абстрагироваться от социальных групп и других партикулярных определенностей индивида для формирования новой гражданской идентичности, к тому же гражданство по сути потеряло свое значение [5, с.73], потому что, с одной стороны, римское гражданское общество уже в значительной степени состояло из провинциалов, а с другой, гражданство перестало быть инструментом влияния на покоренные народы в том числе и по той причине, что большей части провинциалов, если им не было необходимости иметь дело с официальными властями и администрацией, гражданство перестало быть столь необходимым [6, I, с.177].

В то же время происходит постепенный упадок интеллектуальной жизни. Так император Септимий Север, происходивший из Северной Африки, говорил на латинском с акцентом, а его сестра, прибывшая в Рим, вообще не знала государственного языка [11, X.XV.7]. В III в. уже не было императоров, происходивших из Италии – трон Рима занимали правители разного этнического происхождения родом из Африки, Сирии, придунайских провинций, что стало восприниматься окружением самого императора и жителями других провинций более лояльно, что указывает на заметную трансформацию идентичности, ведь даже личность императора была больше связана с его авторитетом как солдата и военачальника, чем с происхождением и близостью к аристократическим родам Рима.

В политику «солдатских императоров» совсем не входила поддержка образования, тем более что сами они не могли похвастаться ни происхождением, ни тем более образованием. Многие «новые» граждане Рима, которые могли быть усыновлены подобно императору Аврелиану, вряд ли в своем образовании и воспитании обладали необходимым адекватными представлениями о римском гражданстве и характере взаимоотношений гражданина и государства, кроме возможности построить карьеру и поправить финансовое положение. Наоборот, именно военачальники, которые были по большей части варварского происхождения, начинают привносить свои тенденции в характер гражданской идентичности, включая тот аспект, что императором мог быть провозглашен не просто лидер, способный повести за собой легионы, но и тот, кто действительно отличился в военных действиях, что подтверждается личностями «солдатских императоров» [9, с.12].

Публикация императором Каракаллой своего эдикта (*Constitutio Antoniniana*) стала запоздалой юридической констатацией реалий, объявив всех жителей Империи римскими гражданами [1, LXXVIII. 9] и тем самым изменив понимание и восприятие римского гражданства. До этого момента видимость римской *цивитас* все еще сохранялась несмотря на то, что масштабы дарования гражданства все увеличивались. В этих условиях попытка сохранить особый статус гражданства, сохранявшийся в его ограниченности [8; 13], оставалась лишь видимостью, и с эдикта Каракаллы трансформация гражданский

идентичности, усугубляемая миграционными процессами, приводит к окончательной потере значения римского гражданства [5, с.73].

Трансформации гражданской идентичности способствовала сложная демографическая ситуация, вызванная сильнейшей пандемией в эпоху Антонинов и в третьем веке, с другой - постепенное замещение одного населения другим, называемое размыванием населения. Так в III в. в Италии и других западных провинциях появилось множество переселенцев из восточных регионов. Особенно много их было именно в Риме и на лимесах, в частности, на дунайском. Ю.К. Колосовская отмечает, что именно в указанный период в городах Паннонии, особенно на лимесе, появилось множество переселенцев из восточных провинций Империи. Эти уроженцы Сирии, Иудеи, Палестины, Вифинии, Каппадокии, Египта дают себя знать в характерных восточных *cognomina* — Феаген, Тиотигин, Сотерик, Хрис, Филаргир и др. Колонисты с Востока проникли и в города, основанные как колонии ветеранов, этнический и социальный состав которых долго оставался почти неизменным [Колосовская Паннония]. Сам гражданский коллектив в городах на лимесе предстает более подвижным и более подверженным переменам, чем это наблюдается в колониях ветеранов. Именно этим может объясняться достаточно быстрое расселение и ассимиляция германцев единичными группами, расселяясь на землях придунайских и прирейнских земель.

В немалой степени трансформации гражданской идентичности способствовала и армия, являвшаяся опорой власти императора, состав которой, судя по эпиграфическим данным, отличался этническим разнообразием и, соответственно, своим мировоззрением.

Все вышесказанное способствовало разрыву тех связей, которые являлись основой римского гражданства. Таким образом, те, кто считал себя «исконными» римлянами, теряли свою устойчивость в концепции «я» и отождествлении себя с другими гражданами, которые ранее воспринимались исключительно с позиции шовинизма, именно поэтому они не могли быть приняты как «свои» и зачастую по-прежнему воспринимались как «чужие». С другой стороны, «новые» граждане продолжали находиться в своеобразной изоляции и поэтому не образовывали необходимых связей. С этими обстоятельствами связан и факт постепенного размывания понятий «внутреннего» и «внешнего» врага, усугублявшийся в последующее столетие и ставшее одной из причин падения Западной Римской империи.

Таким образом, эдикт Каракаллы стал важнейшим этапом гражданской идентичности Римской империи, в результате его принятия римское гражданство перестало быть элитарным, более того, оно *de jure et de facto* констатировало тождественность понятий «римский гражданин» и «подданный», и несмотря на политическую нестабильность, думается, что население Римской империи уже к периоду реформ Диоклетиана и Константина уже воспринимало себя именно как подданных. В эпоху «солдатских императоров» римский гражданин окончательно теряет свое «я», интегрированность, которая определяет гражданскую идентичность, его связи со многими компонентами разрываются, ведь именно возможность свободного выражения и действия отличает «гражданина» от статуса подданного. Этому способствовало очень много факторов, прежде всего, воспитание, которое у многих «новых» граждан, как было уже сказано, было весьма далеко от традиционного римского, а соответственно они имели иное мировоззрение, иные взгляды, но главное, у них не было сформировано чувство единения с государством и другими гражданами. Изначально провинциальная политика Рима, предусматривающая рычаги давления, при которой с провинциалов собирались огромные налоги, которые стали в III в., по выражению М. Ростовцева, просто удушающими [6, II, с.113], способствовала сохранению определенной дистанции между «римлянами» и «не римлянами», что подпитывало римский шовинизм. Ответом на эти вызовы в условиях социальной и политической нестабильности стало проявление сепаратизма в регионах. Поэтому при всей дискуссионности некоторых терминов, нельзя не согласиться с мнением М. Ростовцева, что совершенная романизация покоренного населения никогда не была в интересах Империи [6, I, с.177, 181].

В этих условиях римский шовинизм лишь эволюционировал, спроецированный на германцев. Усугублялось это еще и тем фактором, что эдикт императора Каракаллы превратил всех жителей империи в римских граждан, а среди этих новых граждан оказалось весьма много слабо романизированного населения, не знавшего ни языка, ни традиций, не принимавших устои римского общества. Это характерно даже для провинций, который уже давно были под властью Рима, но сельское население, которое и составляло большинство, слабо воспринимало официальный язык и тем более было далеко от римской культуры [6, I, с.181-182]. *Pax Romana*, который после эдикта должен был восстановить и укрепить связи, необходимые для собственной идентичности, наоборот, разрушился сам.

К этому периоду провинции перестают быть простым придатком Рима, их экономическая роль чрезвычайно велика, ведь именно они являются центрами производств и торговли, благодаря которым процветали Италия и Рим. Получением гражданства теперь уже сделало невозможным удержать под контролем завоеванные народы. Если раньше именно этим можно было подкупить аристократические круги, что способствовало скорейшему установлению и укреплению власти Рима на завоеванных территориях, то теперь этот способ давления исчез. Необходимо было выстраивать новые отношения в новых условиях, к которым Рим пока не был готов. Консервативность его составляющей проявилась и в этом случае. Понадобилось более столетия, однако время было упущено и новые реалии вступали в свои права, и сепаратизм регионов стал их ярким проявлением. Расселившиеся огромные массы германских племен римляне предпочитали держать в своеобразной изоляции, не стремясь инкорпорировать их, хотя ранее их политика была направлена именно на ассимиляцию, и мы знаем многих императоров III в., имеющих корни именно в среде германцев. И если еще в эпоху гражданских войн конца II в. провинциалы боролись за равенство с италийской знатью, но теперь их методы борьбы стали выражаться в поддержке сепаратизма своих регионов.

С другой стороны, для сохранения гражданской идентичности необходимо не только единство общества, но и политика императоров, благодаря которой выстраивалась бы государственная стратегия. Однако в указанный период большинство императоров беспокоили совсем иные проблемы. Так в числе причин принятия эдикта для императора Каракаллы находились финансы и армия. Но в большей степени это были насущные проблемы, среди которых важнейшей была активизация вторжений германских племен на Западе и война с Сасанидами на Востоке. М. Ростовцев справедливо указывал, что многие военачальники и императоры этого периода вплоть до Диоклетиана прекрасно осознавали необходимость возвращения к наступательной и даже агрессивной внешней политике эпохи начала Империи [6, II, с.43].

Как отмечает английский исследователь Г. Хэлсол, значение римской идентичности в большой мере зависело от силы и влияния римского государства, ослабление которого автоматически повышало роль идентичностей других уровней, что могло способствовать росту сепаратизма [9, p. 53–54].

В III в. Рим теряет свое значение центра всей державы. Римские императоры, занятые борьбой с внешними врагами, выбирали местом своего пребывания более удобные в стратегическом плане города. Важно понимать, что все завоевания ранее воспринимались как расширение римской *цивитас*, но в этот период именно мировоззрение определяло положение Рима, мало того, Италия, являвшая опорой римлян в их завоеваниях и владычестве над другими народами, также теряет свое особое значение и положение, как в политическом, так и стратегическом плане. Уже при разделении власти в империи императором Валерианом Италия была передана Галлиену, а остальные части Западной империи отдавались в управление его сыновьям, что указывает на стремление распределить некоторые функции столицы между другими городами и определить новые важные стратегические центры [3, с.91-92], а завершающим шагом явился перенос в IV в. императорского двора на Восток в Константинополь, в то время как на Западе важнейшими центрами становятся Медиолан и Равенна.

В III в. все еще сохранились римские традиции и основы государственной идентичности, начиная с римских имен и завершая консервативным рабовладельческим хозяйственным укладом и консервативно сохраняемой римской религией, как одного из последних оплотов римской идентичности, однако уже запущены механизмы триггеров, способных трансформировать государственную, экономическую и культурную идентичность Римской империи.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что образ государства в III веке меняется, а вместе с тем формируется иной образ императора, который подобно Септимию Северу имеет право взойти на Капитолий полностью вооруженным и тем самым продемонстрировать свое полное владычество над Римом [12, X.VII.1] или подобно Аврелиану именовать себя *Domino et Deo Nato* [11, 35-36], а затем получивший свое юридическое оформление в следующее столетие. «Гражданин» трансформируется в «подданного», а все государственные решения принимаются императорами единолично, поскольку «солдатские» императоры по принятой традиции военачальников утверждать решения *ad hoc* стали действовать в своей политике именно по этому принципу, трансформируя идентичность государства, в котором ранее решения принимали с одобрения народа и сената. Изменяется характер социальных взаимоотношений, проявившимся в том числе и потере социальных связей и ощущения и понимания их значимости, но самое главное, меняется население: на территориях Римской империи на правах федератов начинают селиться германцы, привнося все больше изменений вместе со своей культурой, языком и традициями.

Библиография:

1. Кассий Дион Коккейан. Римская история: кн. LXIV-LXXX / пер. с древнегр. под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2011.
2. Колосовская Ю.К. Паннония в I-III вв.: моногр. М., 1973.
3. Куликова Ю.В. Бунт наместников на Дунае в сер. III в. н.э. // Вопросы истории. 2017. №2. С.91-104.
4. Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (1). С. 288–299
5. Ранович А. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи // ВДИ. № 2. С. 66-80.
6. Ростовцев М. Общество и хозяйство в Римской империи: в 2-х тт. М., 2000.
7. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.
8. Штаерман Е. М. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. № 2. С. 81-88.
9. Halsall G. Barbarian migrations and the Roman west, 376–568. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2007.
10. Hebblewhite M. The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235-395. L.; N.Y.: Routledge, 2017.
11. The Roman Imperial Coinage: in 6 Vol. / H.M.A. Mattingly, E.A. Sydenham, P. Webb. - London, 1968. - Vol. V, part 2: Aurelianus.
12. *Scriptores Historiae Augustae. Severus*. URL: <http://thelatinlibrary.com/sha.html> (дата проверки 15.01.2022).
13. Varga R. *Constitutio Antoniniana. Law and Individual. In a time of change*. Режим доступа: <http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/vargar#начало> (дата проверки 15.01.2022).

УДК 378.147:93

ПРАКТИЧЕСКИЕ КЕЙСЫ В КУРСЕ «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Симонова Анастасия

к.и.н., заместитель директора центра археологических исследований МПГУ,
ведущий специалист по учебно-методической работе
Института Физики и Информационных Систем МПГУ,
доцент кафедры Истории Древнего Мира и Средних веков МПГУ.

nastya_simonova@mail.ru

orcid.id:0000-0001-8691-3609

Abstract. The article considers practical cases in the course "History of the Middle Ages". The relevance of the topic is due to the conditions of the digital transformation of the humanities. One of the areas of transformation is the transition to a system-activity approach.

Key words: practical cases, course "History of the Middle Ages", digital transformation of the humanities, system-activity approach.

Гуманитарные науки сегодня находятся под двойным ударом. Начиная с XIX века, времени становления истории как науки со своей специфической методологией, терминологией и исследовательскими приемами накоплен обширный массив знаний, мнений и анализа динамики развития человеческого общества. Сформировались методы и приемы преподавания гуманитарных дисциплин. С учетом специфики гуманитарного знания и особенностей восприятия. История как учебный предмет, в том числе и преподаваемая в вузах, в соответствии с прежней классической парадигмой науки, в основном была построена по образцу естественнонаучного (его ещё называют натуралистическим) подхода: учащимся рассказывалось, что и как происходило «на самом деле», апеллируя к историческим закономерностям, «объективным» законам, подобно физике или биологии. Задачей учащихся было усвоить ход изучаемых событий (большой частью запомнить) и уметь объяснять их причины и последствия в соответствии с этими законами, а задачей учителя – максимально доступно и логично «привязать» положенный по программе материал к схемам исторического познания, интерпретировать в соответствии с общепринятой (сначала идеологической, затем относительно безоценочной) концепцией истории. В Вузах, обучающих гуманитарным наукам сложилась похожая парадигма, но перенесенная на среду высшего образования. С одной стороны, требовалось усвоить и фактический материал, опираясь на естественно-научный подход. С другой стороны – показывались различные точки зрения и подходы посредством чтения и конспектирования монографий и статей. Такой подход прекрасно работал, пока студенты имели высокий уровень культуры чтения.

Гуманитарный подход к исследованиям, складывающийся со второй половины прошлого века (частным случаем которого является деятельностный и системно-деятельностный подходы, лежащие в основе современного образования), предполагает более сложную работу. Противопоставление естественнонаучного и гуманитарного подходов осуществляется не по объекту (природное – социальное, например, солнечное затмение как природное явление и, скажем, становление многопартийной системы как явление социальное), а по методу: гуманитарная ориентация заключается не в стремлении к расчленению и переделыванию всего и вся, а в интенции на познание и понимание иного (другой культуры, человека, текста и пр.) и в этом смысле на отказ от единственной истины. Философ истории Р.Коллингвуд говорит о принципиально ином типе истинности в исторической науке по сравнению с естественнонаучным познанием [6]. Таким образом, иная концепция познания влечёт за собой иные основания построения гуманитарных областей знания и дисциплин, к которым принадлежит история, и соответствующего учебного предмета. Однако, такой

подход требовал изменения системы оценки и контроля, которая традиционно в Российской Федерации сложилась по 5-ти балльной шкале. И преподаватель, оценивающий студента, вставал перед выбором: как оценить плохое знание фактологии, но при этом понимание причинно-следственных связей и закономерностей развития общества того или иного периода [7]. Это означает, что преподаватель-историк несёт ответственность за эти «особые» результаты исторического образования – ведь если он не сможет получить эти результаты в ходе своей работы и деятельности учащихся, есть риск получения некачественного образования, т.к. больше ни один предметник с этой составляющей образования не работает.

В XXI начался отход от ЗУН-парадигмы (знания, умения, навыки) к системно-деятельностному подходу. С проблемами перехода, а в особенности оценки тут же столкнулись гуманитарные науки. Как померить компетенции, логику, развитие причинно-следственных связей? Как в условиях цифровизации общества добиться понимания изучаемого предмета? Многие преподаватели стали осознавать, что старые методы работы – классический семинар (по факту сформулированный преподавателем список вопросов и поиск студентами ответов по представленным спискам литературы) не дает максимального обучающего эффекта. Также, как и классическое чтение лекций. Особенно ярко это проявляется в условиях реализации дистанционного обучения. Подобным проблемам найдено несколько объяснений – новое поколение, или поколение Z (люди, родившиеся с 1997-2012 гг.) для осмысления окружающего мира задействуют совершенно иные отделы головного мозга, чем люди поколения X (люди, родившиеся в промежутке от 1960-1980 гг.). И ориентированы больше не на текст, как большинство поколения X, а на визуальный контент, как правило в видео формате. Сейчас принято ругать студентов, которые как раз являются поколением Z, что они не умеют учиться, не читают и не понимают смыслового содержания текста, в особенности длинного и сложного (оформленного в виде монографий и статей). Однако, развить отделы головного мозга, отвечающие за восприятие текста возможно. Другое дело, что преподавателю Вуза приходится теперь тратить время, формулируя задания с учетом этих особенностей. В то время как раньше студенты попадали в вуз, уже обученные в школе работе с текстом. Поэтому преподаватель не нуждался в дополнительных формах и средствах обучения. Сложившаяся современная ситуация ясно показывает, что преподаватель социально-гуманитарных дисциплин, как ответственный и за нравственно-воспитательные аспекты своего предмета может скомбинировать задания так, чтобы студент мог получить навык работы с текстом, но при этом используя новые форматы работы [2, 129].

Так например, классическая тема семинарских занятий по средним векам звучит так «Средневековый город» и в ней разбираются такие вопросы как возникновение и развитие городов в средние века. Региональные особенности развития городов средневековой Европы. Повседневная жизнь и культура средневекового города. Для освоения данной темы предлагается прочесть классические сборники – «Город в средневековой цивилизации Западной Европы». М. 2000, 4-х томник. Труды А.А Сванидзе, Е.В. Гутновой и Н.А. Хачатурян [3]. Подборка состоит примерно из 10 книг, прочесть которую не составляет никакого труда для человека Поколения X. Но вызывает существенные затруднения у поколения Z. Для них отбор нужной информации с «листа» из текста книги труден и сложен, следовательно вызывает резкую неприязнь и отторжение.

Таким образом, вскорости мы получим историков, которые практически не читают. Что недопустимо в данной специальности.

Выходом из подобной ситуации могли бы стать задания, которые во внешней своей форме похожи на современные, яркие, быстрые презентации. А во внутренней – глубокий анализ, чтение небольших отрывков, структурирование информации и развивающие мотивацию не бояться больших текстов, а вдумчиво и с интересом прочитать [6].

Примером подобного задания может служить кейс предложенный ниже. Хочется сразу оговориться, что оценивание подобного рода заданий возможно только критериальное, что плохо стыкуется с 5-балльной шкалой оценивания. И требует от преподавателя закладывать время не только на проверку по критериям, но и давать качественную обратную связь как по

исследовательской части, так и по подбору иллюстраций, дизайна презентации и т.д.

Средневековый город. Региональные особенности и исследовательская проблема изучения данного урбанистического объекта. Время представления презентации 15-20 минут.

Подготовьте интерактивную презентацию, видео ролик про любой город Европы раскрыв следующие критерии:

1. Основатель города. Время основания. Легенда об основании.
2. Источники, связанные с городом (не менее указать 2-3 источника). Более 10 источников с кратким комментарием +1 балл
3. Планировка города. Примечательные строения 2-3. Подобрать иллюстрации и дать краткое описание.
4. Краткая история города. (по 3 крупных события в каждом веке, с V-XV вв.)
- 4А. Известные горожане. (указать с краткой биографией не менее 2, желательно из разных периодов Средневековой истории). Более 5 личностей с биографией - +1 балл.
5. Современное состояние. Историки про этот город (подобрать не менее 2-3 научных работ). Выделение проблематики исследования и подбор литературы к каждому течению (не менее 5 работ на каждое) +1б
6. Проблематика развития города (перечислить периоды развития, роль в экономике, фортификации, культуре и тд.). сделать итоговый вывод.

7. Вариативная часть, по желанию. За выполнение +2

Вариант 1. Подготовьте средневековое меню из блюд, характерных для вашего города. Добавьте краткое описание рецептов. Проанализируйте причины появления подобных блюд

Вариант 2. Укажите не менее 3 праздников, которые были популярны в вашем городе. Добавьте краткое описание каждого, подберите иллюстрации к каждому.

Видео ссылки приветствуются. Подбор +1 балл.

Методический комментарий задания:

Задание имеет возможность повышения сложности в зависимости от мотивации студента. Получается исследование, которое потом можно развернуть до курсовой работы. Время выполнения задания 3-5 часов.

Пункт 1. сформулирован достаточно просто и приведет студента к самой простой поисковой системе. Однако, для того, чтобы понять личность основателя города, круг легенд и источников придется использовать дополнительные материалы. Выполняемость данного пункта 100%. Он не вызывает ощущение неуспеха и трудности задания, но незаметно для студента направляет его на более трудную и глубокую работу с различными типами информации.

Пункт 2. Источники – помогают студентам развить навык источникового поиска и анализа полученных источников. кроме того, сразу можно очертить круг источников по данной теме, как письменных разного вида, так и материальных. К слову сказать, именно материальные источники и поиск их описания и критики наиболее труден для студентов. При этом лишь немногие студенты могут применить знания о видах источников и структурировать их в своей работе. Получается, что полученные знания по Вспомогательным историческим дисциплинам актуальны лишь у единиц. Так, подбор источников по городу Оксфорду не показал студенту даже характер различных источников. Однако, несмотря на это – подбор интуитивно сделан так, чтобы показать письменные источники различного происхождения. (см. Приложение 1.). студент, выбравший для своего исследования город Мадрид – наоборот увлекся иностранными источниками, сделав интересную подборку и забыл про отечественных исследователей. Однако, очень часто при подборе информации студент поколения Z используют иностранные источники. Таким образом, на первичном уровне у них уже складывается представление о степени изученности проблемы и понимание направления своих интересов и возможно, будущих исследований.

Пункт 3 содержания направлен на развития у студентов межпредметных умений – а именно, работа с исторической картой и планом, поиск иллюстраций и карт в сети интернет. Кроме того, это органично ложится на представление о теориях происхождения городов и помогает наглядно, на примере конкретного города увидеть его развитие в схематическом формате. К сожалению, в отечественной науке историческая картография находится в зачаточном уровне, несмотря на то, что коллекции и подборки карт, размещенных в электронном формате в Европе давно уже не редкость. Так, коллекция карт Дэвида Рэмси насчитывает уже более 10 тысяч единиц. Однако, студенты не владеют этим прекрасным инструментом. А российских ресурсов подобного рода, к сожалению, не существует. Включение в состав задания известные строения тоже не случайно. Понимание облика города, представление о том как объект выглядел в определенный отрезок времени дает возможность образно и конкретно представить архитектуру, научиться видеть в дальнейшем различные временные слои, которые ярко проявляются в строениях. Кроме того, этот пункт задания развивает мотивационную составляющую – многие студенты отмечали, что хотели бы поехать и увидеть своими глазами. Пункт легкий, простой, но повышение интереса и успех в выполнении

незаметно готовит подсознание студента на успешное выполнение последующих пунктов.

Пункт 4 - пункт репродуктивного уровня по знаниям, но высокого по логическим умениям. Проверяет сформированность причинно-следственных связей и умение грамотно отбирать информацию и представлять ее в условиях конкретного тайминга. Пункт выполняется с большим трудом, но имеет прекрасные образовательные возможности именно во время комментирования преподавателем. Причины этого – студенты вставляют события бездумно, простым копированием из первичных источников. Таким образом, задача преподавателя наглядно, на имеющемся материале показать, как можно определить важность/неважность события, подвести итог веку и понять динамику развития города.

Особое затруднение у студентов вызывал отбор известных личностей -**Пункт 4А задания**, родившихся в этом городе. Как правило, мы мало изучаем биографию исторических личностей. Поэтому некоторые факты вызывают у студентов удивление. (см. Приложение 2.). Многим известно, что знаменитый король Артур жил в Оксфорде. А вот что Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный родились в нем – вызвало огромный интерес и живое обсуждение. Здесь надо отметить факт ближайшего родства Ричарда с Иоанном, который почему-то ускользает от внимания студентов. Возможно, это связано с огромным количеством фактов, событий и дат, которые надо усвоить студенту. В результате упускается некая смысловая составляющая, которая показывает интересные хитросплетения судеб людей Средневековья на фоне развития города.

Пункт 5. Историография. Пункт подразумевает, что студент зайдет на сайт любой библиотеки и посмотрит систематический каталог. Однако, именно этот пункт вызывает огромные затруднения. Студенты не могут сформулировать поисковый запрос так, чтобы он привел их на сайт библиотеки. Однако, некоторые овладевают косвенным поиском и выходят на различные издания, в том числе и на иностранном языке. Что в мире быстрых коммуникаций помогает не только узнать различные подходы к исследованиям в разных странах, но и наладить коммуникацию с учеными, которые занимаются данной проблемой. Так, например, один студент не только вышел на социальную сеть для ученых, но и задал вопрос, получив развернутый комментарий. Этот пункт направлен именно на понимание разных исследовательских подходов к изучению города, выделение проблем и умению логически выстраивать историографический обзор.

Пункт 6. Подведение итогов исследования, понимание современного состояния города. Выделение каким образом, средневековая история накладывает отпечаток на современность.

Пункт 7. Вариативный. Студент может выбрать любую часть. Часть простая, мотивационная и очень интересная. Связана с развитием креативности через

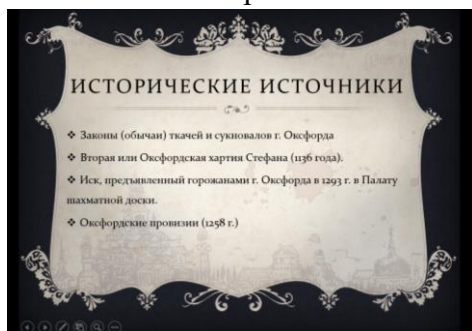
интеллектуальные способности. Однако, никто из студентов не дошел до того, чтобы посмотреть рецепты в поваренной книге и структурно сделать меню. Хотя выполняли с огромным удовольствием и вкусом. (Приложение 3. Рецепты Китайской кухни).

Практические творческие задания по курсу Средних веков выглядят более привлекательно, просто и понятно для студентов чем конспектирование и ответы на вопросы семинарских заданий. Они с готовностью выполняют их, списывание здесь отсутствует совсем, все работы оригинальны и самостоятельны в большей или юменьшей степени. Однако, сами пункты задания незаметно формируют умение работать с большими массивами информации, в том числе и с текстом. Что положительно сказывается на развитии познавательных и исследовательских навыков студентов и формировании их научного интереса. Задания подобного рода развивают не только интеллектуальные способности, но и креативность. Ряд исследователей находят прямую зависимость и взаимосвязь креативности и интеллектуальных способностей. Т.е. при развитии интеллектуальных способностей происходит развитие креативности и наоборот[1, 119-138; 6]

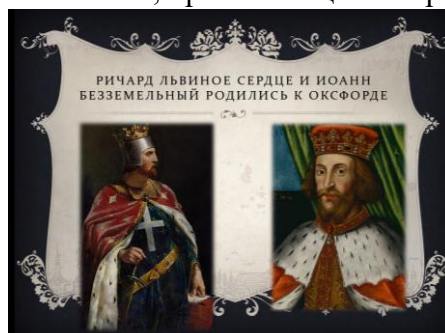
Библиография:

1. Барышева Т. А. 2002. Креативность. Диагностика и развитие: Монография. Рос. гос. ун-т им. А.И. Герцена. - СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, С. 119-138.
2. Еремина Л.И. 2013. Формирование креативности студентов в процессе социального воспитания. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова. С. 129.
3. История Средних веков: учебник для академического бакалавриата / под ред. И. Н. Осинковского, Г. А. Ртищевой, Н. В. Симоновой. – М.: Издательство Юрайт, 2018. — 463 с.
4. Коллингвуд Дж.Р. Идея истории [URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kollin/, дата обращения 10.01.2022]
5. Орлов А.А., Грачев В. В. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании: Монография. / Под. Ред. А. А. Орлова, В. В. Грачева. – М.: Директ Медиа, 2014.
6. Симонова А.А. Развитие креативных компетенций студентов педвузов в контексте технопедagogики посредством учебных кейсов и творческих заданий разного уровня сложности. //Интерактивное образование, М., 2020. № 2. С. 49-55. Онлайн журнал, [[Архив – Интерактивное образование \(interactiv.su\)](#), дата обращения 25.01.2022]

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Отбор источников по городам Оксфорду и Мадриду

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	ИСТОЧНИКИ
	1. Deleito Piñuela, El declinar de la monarquía española (3e éd. 1955). Повествует о жизни двора. 2. E. Sáinz de Robles, Porqué es Madrid capital de España; J. Oliver Asín, El nombre «Madrid» (1959). О Мадриде и жизни города. 3. P. Chaunu, Séville et l'Atlantique, t. VIII, 1 et 2; A. Girard, Le commerce français à Séville et Cadix au temps des Habsbourg (1932). О торговле с колониями. 4. García Mercadal, Viajes de extranjeros por España y Portugal, 2 vol. Madrid, 1959. О многочисленных рассказах о путешествиях в Испанию в XVI и XVII вв. 5. R. Menéndez Pidal, Los Españoles en la historia (Col. Austral, 1951). Отличительные черты испанцев и их отражение на исторической судьбе страны и ее социальной жизни. 6. Relaciones de pueblos de España ordenadas por Felipe II. представляет собой основной источник сведений о деревенской жизни. Два тома, содержащие «донесения» о провинциях Толедо и Мадрида. 7. Ch. Henry Lea, A history of Inquisition of Spain. Посвящена испанской инквизиции. 8. H. Mérimée, Spectacles et comédiens à Valencia (1580-1630). О театре и драматических представлениях. 9. W. Bowl, La femme dans l'Espagne du Siècle d'or (La Have, 1950). Об условиях жизни женщины. 10. La Fuente, Historia de las Universidades, Colegios y demás establecimientos de enseñanza de España, 4 vol. (1884-1889). Об университетах и жизни студентов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Известные личности, проживающие в городе Оксфорд.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Рецепты китайской кухни от студентов 2 курса.

Кухня китайцев.

В средневековых повестях и романах упоминается много интересных блюд: суп из устриц, заправленный луком и маринованными побегами бамбука, жареная курятина с ростками бамбука под белым соусом, копченое мясо, жареная рыба, жареные голубиные птенцы с сыром, маринованные гусиные потроха, вяленые цыплячьи ножки, серебрянка в коричневом соусе, кровяная колбаса, свиной рубец, рис, тушеный с овощами.

Из сладкого: слоеный пирог, пирожки с фруктовой и сахарной начинками, печенья с ягодами шиповника, засахаренные фрукты. На десерт подавали сушеные сливы, водяные орехи, ягоды шелковицы, личин (плоды наподобие клубники в оболочке), зерна лотоса, фисташки, виноград.

Из напитков упоминаются различные виды вина, которое пили подогретым, наливая в чарки из чайника, жасминная и коричневая настойки, многообразные виды чая (в том числе плиточный), компот из лепестков лотосов.

7.1.2. ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94.630

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ТИГРАЕ И ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Агуреев Станислав,

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России г. Москва, Россия

e-mail: stas.agureev@mail.ru

orcid.id: 0000-0002-7543-8272

Abstract. Today, Ethiopia remains one of the most intensively developing and successful countries on the African continent; and the recent settlement of the tense border situation with neighboring Eritrea has created a number of opportunities to attract investment into the country's economy. At the same time, the ethnic heterogeneity of the region, the aggravation of conflicts between tribes and nationalities leads to an aggravation of the political situation – the conflict in Tigray province actually resulted in a full-scale civil war between the Tigray and Oromo peoples. The strategically important position of the country forces the world community to look for ways to resolve the conflict that has flared up.

Key words: the Ethiopia, Tigray, interethnic conflict, international settlement, Ahmed Abiy.

Разгоревшийся в ноябре 2020 года межэтнический конфликт в эфиопской провинции Тиграй привел к многочисленным жертвам и потокам беженцев, как в соседние страны, так и в другие провинции государства. Это событие стало одним из главных на африканском континенте наряду с распространением пандемии Covid-19 и насильственной смены государственной власти в Гвинее. Причинами данного конфликта стала трансформация внутренней и внешней политики самого эфиопского руководства, начиная с 2018 года, когда премьер-министром страны стал Ахмед Абий – представитель крупнейшей в стране этнической общности оромо. Политика нового премьер-министра сводилась к устранению от государственной власти представителей народа тиграй, контролировавшего до этого ключевые посты в армии, правительстве, финансово-экономическом секторе. В первые дни пребывания у власти Ахмеда Абия были освобождены тысячи политзаключенных, легализованы запрещенные и объявленные террористическими политические партии и группировки, объявлена решительная борьба с коррупцией, реорганизованы силы безопасности [4]. В сформированном 19 апреля 2018 г. новом правительстве половина постов было предоставлено женщинам. Впервые в истории страны президентом страны стала женщина. Посты верховного судьи, председателя избиркома, главы вновь созданного Министерства мира также получили женщины [4].

На государственные посты стали назначаться особо приближенные к новому премьер-министру представители народности оромо. Смена политического класса сопровождалась ожесточенной политической борьбой, вылившейся в фактическое непризнание политического руководства страны после истечения срока полномочий нижней палаты парламента (выборы, назначенные на 2020 г. были перенесены на 2021 г. в связи с пандемией Covid-19). Итогом непризнания политического руководства стало проведение выборов в провинции Тиграй и фактический отказ от каких-либо налоговых выплат федеральному правительству, что послужило основой для углубления данного конфликта.

Усложняет ситуацию и то обстоятельство, что понятие этничность содержится в самой конституции Эфиопии – при этом каждая из сторон ссылается на ее нарушение оппонентами. Однако данный межэтнический конфликт оромо и тиграйцев имел свою предысторию, т.к. на

протяжении нескольких веков представители народности оромо находились в неполноправном положении по сравнению с тиграйцами и амхара. Исторически было обусловлено, что племена оромо (или «галла» – как их называли амхара и тиграйцы -Прим. автора) считались пришельцами и подвергались всевозможным ограничениям [2]. Однако приход Ахмеда Абия к власти открыл возможности для изменения подобного положения, что было воспринято представителями народности тиграй, как нарушение их исконных исторических прав [2,3].

Возникший конфликт во многом осложнялся наличием острых социальных проблем в Эфиопии, отсутствием у правительства четкого плана экономических реформ. В 2015-2018 гг. страна уже была охвачена целым рядом межэтнических волнений в провинциях Амхара и Оромия [2]. Когда органы государственной власти на местном уровне нередко подменялись альтернативными структурами в лице наиболее уважаемых старейшин и религиозных лидеров, при этом объективно возрос и конфликтный потенциал межрелигиозных конфликтов -что до самого последнего времени не являлось отличительной характеристикой страны. Обострение ситуации в стране началось после смерти политического лидера Мелеса Зенауи, когда усилились межэтнические противоречия [4].

Во многом ответственность за развитие конфликта лежит на правительстве страны, не пожелавшем пойти на поиск компромисса с представителями народности тиграй, в то же время необходимо отдавать отчет в том обстоятельстве, что премьер-министр страны Ахмед Абий зависит от своего окружения и характер принимаемых им решений показывает степень этой зависимости. Так было и в условиях урегулирования конфликта с Эритреей. За что впоследствии премьер-министр страны был удостоен Нобелевской премии мира. И все же, ситуация с возникновением этнических конфликтов в Эфиопии, демонстрирует большой конфликтогенный потенциал региона, наличие у представителей разных народностей страны серьезных претензий к представителям других рас.

При этом правительство стремится к силовому подавлению подобных выступлений, что ведет страну к гражданской войне с применением авиации, артиллерии танковых частей, как это было при захвате частями эфиопской армии Адуа и Аксума. Поводом к началу военного конфликта стало объявление правительства о нападении представителей Тиграя на военную базу правительственных сил, что послужило началом к объявлению военных действий со стороны правительства, однако официально эти события не получили названия военной операции, а оценивались как «поддержание мира и безопасности в регионе». В качестве основных задач проведения подобной операции указывались такие как разоружение Народного Фронта Освобождения Тиграя; осуждение его лидеров, создание новой системы управления в штате Тиграй и укрепление правопорядка [4]. Военные действия привели к массовому оттоку из провинции Тиграй, что еще больше обострило политическую ситуацию в стране. Несмотря на определенные достигнутые в последние годы экономические успехи, в том числе осуществление масштабного проекта «Возрождение» [1] положение значительной части населения страны остается довольно тяжелым – сказывается нехватка пресной воды и продовольствия, по-прежнему невысокий уровень жизни населения [2]. Фактически же правительство страны не смогло предоставить сколько-нибудь эффективный план модернизации экономики страны именно с учетом национальной специфики каждой из областей, при этом помощь федерального правительства регионам во многом является номинальной, что также ведет к усилению сепаратистских тенденций.

Ухудшению ситуации на юго-западе страны во многом способствует и поддержка, оказываемая в конфликте в районе Тиграя эфиопскому правительству со стороны Эритреи (не стоит забывать о том факте, что на период 1990 гг. приходится наиболее острая фаза противостояния между Эритреей и Эфиопией и как раз в это период у власти находились представители тиграйского клана). Много усилий предпринимается правительством Эфиопии и к тому, чтобы мятежному Тиграю не поступала помощь из Судана [2]. Для этого эфиопские правительственные силы стремятся контролировать границу со своим северным соседом.

Дополнительно тревожным политическим фактором является неопределенность в других провинциях страны- в частности, в областях населенных представителями народности сидамо- на протяжении нескольких лет, требующих предоставления большей автономии. Усиливают опасения федерального правительств и отдельные успехи военных сил провинции Тиграй, в частности занятия ими столицы провинции города Мекеле 28 июня 2021 года, который был спешно покинут эфиопскими правительственными силами. После этого правительству не оставалось ничего другого как признать операцию «по поддержанию мира и безопасности» гражданской войной с во многом непредсказуемыми последствиями. Позиции же основной оппозиционной силы в стране Народного Фронта Освобождения Тиграя, напротив усилились. В августе 2021 г. к успехам повстанцев добавилось перенесение военных действий в провинцию Амхара, что усилило опасения внутри страны о переходе конфликта в затяжную фазу.

Следует отметить, что конфликт в Эфиопии требует скорейшего международного урегулирования и решения проблемы беженцев, численность которых уже превысила в регионе 2 млн. человек. Становится очевидно, что без активного участия ООН и постоянных членов Совета Безопасности организации невозможно достижение какого-либо консенсуса в вопросах урегулирования данного конфликта.

Значительные интересы в стране имеет и Российская Федерация, поддерживающая активное сотрудничество с правительством Эфиопии. Между двумя странами существует целый ряд торгово-экономических отношений. Правительство Российской Федерации заинтересовано в скорейшем урегулировании данного межэтнического конфликта и налаживанию диалога между противоборствующими сторонами. Сохраняются возможности и для оказания стране третьей помощи в урегулировании вооруженного конфликта. При этом подчеркивается, что данный конфликт остается сугубо внутриэфиопским делом. Любая же помощь в урегулировании данной ситуации возможна только по просьбе самого эфиопского правительства. Подобную позицию в отношении преодоления кризиса высказывает и большинство ключевых мировых игроков – от стран G8 до представителей арабского мира.

Весьма нечеткой в этом вопросе выглядит и позиция Африканского Союза, не имеющего реальных возможностей к деятельному участию в урегулировании конфликта, т.к. и ресурсы данной организации и ее участие в урегулировании аналогичных кризисов из которых сомалийский является наиболее крупным, показывает что степень вовлеченности АС в данную ситуацию будет невысокой.

Достигнутое сторонами временное перемирие дает надежду на смягчение межэтнических противоречий и постепенную локализацию противостояния. Возможности для этого существуют, т.к. представители НФОТ не ставят в качестве своей цели включение в состав провинции каких-либо новых территорий и лишь требуют более широкой автономии с сохранением этнических прав, обеспечение политического представительства тиграйцев в федеральных органах власти. Отсутствие же политического компромисса с обеих сторон и любое стремление к решению существующих противоречий военным путем способно лишь привести к многолетнему конфликту сторон, который может стать аналогом затяжного эфиопско-эритрейского конфликта.

Библиография:

1. Агуреев С.А. Современные проблемы эфиопско-египетских отношений в контексте спора о строительстве плотины на Ниле// Сборник материалов международной научной конференции: «Актуальные проблемы международных отношений и международного права» 16 марта 2021 г./ Под ред. Кашириной Т.В., Агуреева С.А., Воробьева С.В.,– Дипломатическая академия МИД России, М., 2021. С.113-117.
2. Лошкарев И.Д. Эфиопия и Тиграй: неизбежный конфликт. 4 декабря 2020 г. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/efiopiya-i-tigray-neizbezhnyy-konflikt/> дата обращения: 05.12.2021

3. Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С. «Революция оромо» и проблемы межэтнического баланса в Эфиопии на современном этапе (1991-2020 гг.)// Вестник Брянского государственного университета. -2020. № 3. – С. 90-92.
4. Исмагилова Р.Н. Выборы и этнополитическая ситуация в Эфиопии//Институт Африки РАН <https://www.inafran.ru/node/2518>. Дата обращения: 16.21.2021 г.

УДК 94 (97)

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В 80-Е ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО УРАЛА)

Астафьев Дмитрий,

канд. ист. наук, доцент Оренбургский филиал

ОУП ВО «АТиСО», г. Оренбург, РФ

e-mail: astafev25@yandex.ru

orcid.id:0000-0002-8374-0498

Abstract. This article is devoted to the consideration of regional features of material and technical support of secondary schools in the 80s of the XX century. on the example of the Southern Urals. It is noted that in the Soviet period, this task was faced by party-state authorities, public education bodies, as well as public, trade union, Komsomol organizations. At the same time, in practice, as archival documents show, quantitative indicators often prevailed over qualitative ones.

Key words secondary school, soviet period, logistics, construction of schools, boarding schools.

Одно из необходимых условий развития школы в любой исторический период времени – это достижение высокого уровня материально-технического обеспечения. В рамках данной статьи остановимся на анализе и характеристике особенностей реализации данного процесса в 80-е гг. XX в. в территориальных рамках Южного Урала – Курганской, Оренбургской и Челябинской областей. В 80-е гг. XX в. в СССР происходил переход ко всеобщему обязательному обучению, тем самым увеличивалось количество обучающихся, а соответственно, было необходимо развивать сеть общеобразовательных школ и улучшать их материально-техническую базу.

В данный период времени решение задач подобного характера находилось в ведении партийно-государственных органов власти, органов народного образования, а также общественных, профсоюзных, комсомольских организаций, предприятий-шефов. Первоочередной задачей стало, прежде всего, увеличение ввода новых зданий для общеобразовательных школ. Несмотря на то, что по всей стране, и на уровне регионов строили новые школы, реальная практика оставляла желать лучшего, школ все равно было недостаточно.

В областях Южного Урала начиная со второй половины 80-х гг. XX в. присутствовал незначительный рост количества возведенных зданий для общеобразовательных школ. Причины, которые этому способствовали: реализация школьной реформы 1984 г., увеличение объема денежных средств, выделяемых на школу; привлечение общественности к решению проблем материально-технического обеспечения общеобразовательной школы. Например, на Южном Урале, особенно в сельской местности, активную помощь в улучшении материально-технической базы школы оказывали комсомольские организации, представители Всесоюзного студенческого отряда.

Они помогали в строительстве новых школ, ремонте уже действующих, у многих были закрепленные за ними подшефные сельские школы, к примеру, в одном из районов

Оренбургской области при помощи общественных организаций отремонтировали порядка 70 школ. Комсомольская организация совхоза «Илекский» Илекского района Оренбургской области оказала помощь Илекской средней школе № 2 в благоустройстве территории школы, а также при их поддержке был построен школьный хоккейный корт. Как показывают документы из различных архивных фондов, примеров подобного характера во всех областях Южного Урала представлено значительное количество [7, лл. 8, 11, 24, 29; 8, л. 2; 9, л. 2].

Отметим, что в целом реализация планов государственных органов в области школьного строительства на Южном Урале, несмотря на определенные проблемы, происходила на достаточно высоком уровне. К примеру, в Челябинской области достижение установленных плановых показателей ввода новых общеобразовательных во многом зависело от правильного и грамотного руководства процессом строительства со стороны партийных органов и органов народного образования. Как следствие, в Челябинской области в 1986 г. ввели в строй 95 новых общеобразовательных школ с общим количеством мест – 45,9 тыс. [12, л.17].

Достижение подобных показателей говорит нам о том, что региональные партийно-государственные органы и органы народного образования действительно проводили на практике общую партийно-государственную политику по улучшению материально-технического обеспечения объектов народного образования.

Однако, с конца 80-х гг. XX в., мы наблюдаем явное снижение количества вводимых школ в исследуемом регионе, что во многом было связано со снижением финансирования народного образования в целом. Еще одна неблагоприятная тенденция – ухудшение общего состояния «старых» школ, их учебно-материальной базы.

Только в ветхих зданиях занималось более 500 тыс. детей, а в помещениях, требовавших капитального ремонта – 3,5 млн. учащихся [6, с. 59.]. На территории РСФСР в 1985 г. общеобразовательные школы размещались в 114,6 тыс. зданий, из которых 25 % требовали капитального ремонта, 7 % подлежали сносу [2, л. 9]. В городских поселениях все виды благоустройства имели только 7,8 тыс. школ (51 %), в сельской местности – 2,6 тыс. (5 %) [2, л. 6.].

Советский Исследователь Н.А. Хроменков приводит цифры, подтверждающие неблагоприятное состояние школ. Он отмечает, что в середине 1980-х гг. 21 % учащихся обучались в школьных зданиях, не имеющих центрального отопления, 30 % – водопровода, 40 % – канализации. По его мнению, требовалось увеличить приблизительно в два раза капиталовложения, чтобы удовлетворить нужды просвещения, а также довести до норматива учебные площади [13, с. 531]. В областях Южного Урала учебно-материальная база школ была в не очень удовлетворительном состоянии, например, в 1985 г. из 2923 школ имели все виды благоустройства – 9, не имели: водопровода – 216, центрального отопления – 140, канализации – 259 [5, с. 281].

Как следствие, недостаток общеобразовательных школ и их неудовлетворительное материально-техническое обеспечение привели к следующей проблеме: занятиям во вторую и третью смену. В 1980 г. в РСФСР 17 % школьников занимались во вторую и третью смену, в 1985 г. – 19 % учащихся, в 1987 г. уже 21,4 %, или более 4 млн. человек [2, л.10]. В школах Южного Урала также существовали подобные проблемы, но при этом существовала и региональная специфика.

В 80-е гг. XX в. самая низкая сменность в регионе была в Оренбургской области, которая была значительно ниже, чем по РСФСР, а в Челябинской области была самая большая сменность занятий: в 1989 г. из 1224 школ области 736 школ занимались в первую смену, 460 – во вторую смену, 28 – в третью смену [10, л. 322; 11, л.77].

Еще один важный элемент материально-технического обеспечения общеобразовательной школы – пришкольные интернаты, поскольку государство в данный период было ориентировано на сохранение сельских малокомплектных школ.

В РСФСР в начале 80-х гг. XX в. из 525 проверенных пришкольных интернатов около 90 % располагалось в старых, деревянных строениях, требовавших капитального ремонта. В справке о состоянии учебно-воспитательной работы пришкольных интернатов

Куртамышского района Курганской области за 1983 г. говорится об определенных недостатках в их работе, таких, как «недостаточная материальная база, 11 интернатов из 13 размещаются в приспособленных помещениях, слабо организован контроль школ за работой интернатов, учителя редко посещают интернаты» [4, с. 42.]. В Курганской области в 1984 г. обеспеченность пришкольными интернатами составляла почти 50 %.

Как показывает анализ документов, на Южном Урале неудовлетворительно решались вопросы строительства типовых пришкольных интернатов, например в 1983 г. в Оренбургской области было введено 4 новых интерната на 400 мест, но одновременно с этим закрыто 20 интернатов с небольшим числом учащихся и выведено из интернатов 2146 учащихся [3, л. 102.]. Невыполнение плана по числу проживающих в интернатах объяснялось тем, что за 1983 г. число обучающихся в сельских школах сократилось на 3,6 тыс. чел., а число учащихся, проживающих от школы на расстоянии свыше 3 км, сократилось на 2 тыс. чел [3, л. 102].

В территориях, где отсутствовали пришкольные интернаты, осуществлялся подвоз школьников, с которым тоже не всегда дела обстояли благополучно. Подвоз детей в школу зачастую осуществлялся нерегулярно, что приводило на практике к массовым пропускам занятий, снижению успеваемости, росту второгодничества, отсеву из школы. Транспорта для доставки детей в школу не хватало, и приходилось либо идти пешком в школу, либо проживать в пришкольном интернате. Проживание детей в пришкольных интернатах не разрешила проблему. Родители неохотно соглашались направлять детей в пришкольные интернаты и, как правило, переезжали в центральные усадьбы или в город на постоянное место жительства из тех сел, где не было школы.

Министерство Просвещения РСФСР отмечало, что в некоторых районах в школах имелись недостатки в организации перевозки сельских школьников, а также использовании школьных автобусов не по назначению. Например, в Куртамышском районе Курганской области, несмотря на наличие распоряжения райисполкома «Об утверждении графика подвоза учащихся общеобразовательных школ» от 20 сентября 1983 г. № 154 и своевременное обеспечение школьников проездными билетами, существовали и определенные недостатки: не было договоров с хозяйствами о подвозе, в ряде школ были неправильно оформленным приказы, бывали срывы в подвозе [1, л.5]. Схожая ситуация наблюдалась и в других районах (Петуховский, Кетовский) Курганской области [1, л.5]. В ряде территорий Оренбургской области (Северный, Бугурусланский, Пономаревский районы) имели место массовые пропуски и опоздания учащихся из-за нерегулярного подвоза.

Несмотря на количественный рост пришкольных интернатов по региону, на протяжении исследуемого периода оставались нерешенными многие проблемы, связанные с уровнем их материально-технического обеспечения. Безусловно, на Южном Урале всегда были необходимы пришкольные интернаты, учитывая большие расстояния между сельскими населенными пунктами, но количественный рост их сети во многом зависел от имевшихся финансовых средств и политики государства.

Таким образом, материально-техническая база общеобразовательных школ РСФСР и областей Южного Урала в исследуемый период постоянно требовала пристального внимания со стороны партийно-государственных и общественных организаций, а также центральных и региональных властей из-за недостаточного уровня финансирования общеобразовательных школ. Цель государственной политики заключалась в улучшении материально-технического обеспечения общеобразовательной школы, но при этом ее реализация, зачастую, носила необязательный характер.

Со второй половины 80-х гг. XX в. можно отметить определенное развитие и совершенствование материально-технического обеспечения общеобразовательных школ, что во многом зависело от претворения в жизнь партийно-государственных установок в области народного образования и увеличением финансирования. Отсюда наблюдался явный количественный рост вводимых в эксплуатацию школ и пришкольных интернатов, хотя их качественное состояние очень часто оставляло желать лучшего.

Библиография:

1. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1132.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 48. Т. 6. Д. 6997.
3. ГАРФ. Ф. 411. Оп. 5. Д. 6011.
4. Гурьянова, М. П. Реструктуризация сельских общеобразовательных школ: документ надежды или... памятник исчезнувшим деревням / М.П. Гурьянова // Народное образование. – 2002. – № 10. – С. 38 – 49.
5. Кораблева, Г.В. Опыт и уроки школьной политики Российской Федерации в 1970 – 1980-е годы (на материалах Уральского региона) / Г.В. Кораблева. – М.: Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2001. – 312 с.
6. Левицкий, М.Л. Экономика образования и школьная практика / М.Л. Левицкий // Советская педагогика. – 1989. – № 10. – С. 59 – 68.
7. Объединенный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1697. Оп. 24. Д. 48.
8. ОГАОО. Ф. 2311. Оп. 3. Д. 469.
9. ОГАОО. Ф.1562. Оп. 2. Д. 133.
10. Объединенный архив Оренбургской области Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 274. Оп.10. Д. 1928
11. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 15. Д. 2704.
12. ОГАЧО. Ф. 288. Оп.199. Д. 26.
13. Хроменков, Н.А. Образование. Человеческий фактор. Общественный прогресс / Н.А. Хроменков. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.

УДК 930.85

МАРОНЫ В СОВРЕМЕННОМ СУРИНАМЕ

Болтаевский Андрей

канд.ист.наук, доцент РУК, г. Москва, Россия

e-mail: Boltaev83@mail.ru

orcid.id:0000-0002-7866-0063

Abstract. The preservation of ethnic identity is an important task in many regions of the world, including the diverse South American Surinamese in terms of culture and religion. Marons, descendants of black forest, today not only preserve their traditions, but also strive to play a serious role in the political system of the young state.

Key words: рабство, Суринам, Голландия, мароны, современность, идентичность, политическая сила.

Даже среди южноамериканских стран Суринам (бывшая Нидерландская Гвиана) отличается этнорасовым и конфессиональным многообразием, что, однако, в условиях отсутствия какого-либо заметного большинства препятствует развитию по «югославскому сценарию». Вместе с тем полиэтничность молодого государства заставляет внимательнее подходить к изучению различных особенностей его населения, то, что прекрасно показал национальный поэт Суринама Р. Добру:

Один Суринам
сколько листьев
сколько тел человеческих
сколько языков и наречий
Один народ [1]

Известна следующая суринамская пословица: «если ты знаешь, как убегать, тебе так же следует знать, как прятаться». Эта фраза вполне подходит для характеристики социально-этнической общности суринамских маронов (сами они предпочитают именовать «бош-

неграми», «лесными неграми», что больше соответствует их географическому ареалу расселения). Потомки бежавших с плантаций африканских рабов, они не просто смогли выжить в джунглях, преследуемые плантаторами, но и сохранить африканскую культуру, а также обогатить ее с учетом местных особенностей, привлекая внимание романистов [2]

Говоря о маронах, следует отметить, что в Новом Свете за этим термином закрепилось сразу смысла: во-первых, это те лица, которые совершали кратковременные побеги с плантаций, а во-вторых, и этот смысл используется гораздо чаще, это те лица, которые основали поселения в глубине джунглях, пытаясь выжить в непростых условиях. Если европейские колонизаторы были традиционными врагами маронов, то отношения с индейцами потомков беглых рабов складывались двойственно. С одной стороны, иногда они вступали в тесный союз с индейцами [3, р. 406] (и тогда появлялись такие группы, как «черные карибы» на Доминикане), с другой стороны они сохраняли идентичность, выступая зачастую союзниками европейцев в поисках беглых рабов. Именно поэтому в ряде случаев мароны выступают носителями африканской культуры и верований вплоть до настоящего времени.

Современные исследователи, в частности Р. Пайпс, полагают, что в отличие от потомков маронов на Ямайке или в Бразилии именно суринамские мароны сохранили свою идентичность, создав уникальные системы родства, права, религии (правда, гораздо больше исследований посвящены именно ямайским маронам [8]). Если в конце XVIII в. число маронов не превышало 7 тыс., то сегодня в условиях демографического взрыва они, оттеснив яванцев, уверенно занимают третье место среди этносов Суринама.

После заключения мирных договоров с властями в 1760-е гг. длительное время мароны находились в изоляции от других этнических групп. В наши дни противоречия во многом обусловлены как сложившимся за сотни лет историческим недоверием к друг другу, так и различными конфессиональными и культурными особенностями. Этнические противоречия между маронами и состоявшей из других этнических групп, прежде всего креолов и индийцев, национальной армией стали важной причиной Внутренней войны во второй половине 1980-х гг. Примечательно, что лидер повстанцев Ронни Брюнсвейк, развивавший идею неполноценного статуса маронов в независимом Суринаме, некоторое время был в числе сподвижников политического долгожителя Д. Боутерсе. Скептическое отношение Боутерсе к Брюнсвейку (известны следующие его слова: «У этого мальчика лошадиная сила, но совсем нет ума» [4, р. 124], не помешало последнему занять свое место в политической системе Суринама, возглавив Партию всеобщего освобождения и развития (Algemene Bevrijdings- en Ontwikkelingspartij). Вплоть до недавнего времени мароны не отмечали отмену рабства 1863 г., полагая, что сами добились эмансипации в борьбе с властями.

Окончание Внутренней войны привело к постепенной миграции маронов в города (особенно Парамарибо) и, вместе с тем, к проникновению в их исторический ареал обитания как крупных корпораций (лесозаготовки), так и частных лиц (особенно золотодобытчиков из Бразилии). Несмотря на то что Межамериканский суд по правам человека в 2007 г. подтвердил коллективное право маронских сообществ на земли своих предков, в том числе природные ресурсы, Суринам не выполнил данное решение, что приводит к протестам маронов и характеризуется исследователями как этноцид. В то же время указанные явления способствуют консолидации маронского сообщества: постепенно мароны, по-прежнему осознающие себя, наряду с индейцами, само обездоленной частью суринамского общества, стремятся занять ведущие позиции в политической жизни страны. И хотя первые попытки создать партию маронов относятся еще к 1957 г., именно сегодня рост влияния маронов заставляет считаться с ними представителей других этнополитических сил [5, р. 126-127].

Таблица.
Этнические группы и избирательные предпочтения в ходе парламентских выборов 2010 г.,
Суринам [6, р. 169].

	Национально- демократическая партия	Национальная партия Суринама	Pertjajah Luhur	Прогрессивная реформистская партия	Партия всеобщего освобождения и развития
креолы	72	12	1	1	0
индийцы	43	7	3	40	0
индейцы	90	3	3	0	0
яванцы	42	11	36	0	0
мароны	36	11	0	0	19

Библиография:

1. Острова поющей весны. Современная поэзия Вест-Индии. М., 1981.
2. Рид Майн Т. Мароны // Рид Майн Т. Собрание сочинений. М. 1991. Т. 11.
3. 3.Agorsah, E.K. Vibrations of Maroons and Marronage in Caribbean History and Archaeology // Proceedings of the XV International Congress for Caribbean Archaeology, edited by Ricardo E. Alegria and Miguel Rodriguez, 1995. P. 401-414.
4. Menke J., Schalkwijk M. The Political Culture of Democracy in Suriname and in the Americas, 2012: Towards Equality of Opportunity, Paramaribo, 2013.
5. Price, Richard, ed. Maroon Societies: Rebel Slave Communities in the Americas. 3d ed. With a new Preface. Baltimore: John Hopkins University Press, 1996.
6. Sholtaens B.P.C. Bosnegres en overhead in Suriname. De ontwikkeling van de politieke verhouding 1651-1992, Paramaribo, 1994.
7. The Political Culture of Democracy in Suriname and in the Americas, 2012: Towards Equality of Opportunity. Nashville: Vanderbilt University, 2013.
8. Thompson, Alvin O. Flight to Freedom: African Runaways and Maroons in the Americas. Kingston, Jamaica: University of the West Indies Press, 2006.

УДК 301.152(476)

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕЯ: АНАЛИЗ ИЗДАНИЯ "БЕЛОРУССКИЙ ПУТЬ"

Болтаевский Андрей,

канд.ист.наук, доцент РУК, г. Москва, Россия

e-mail: Boltaev83@mail.ru

orcid.id:0000-0002-7866-0063

Оводова Яна,

студент РУК, г. Москва, Россия

Abstract. The article defines the strategy for the formation of the Belarusian statehood, which practically began its full-fledged form only after the collapse of the Soviet Union. The author's analysis is carried out on the basis of the official publication of the Administration of the President of the Republic of Belarus.

Key words: sovereignty, history, Belarus, development, official course.

Прошедший двадцатый век оказался крайне сложным и противоречивым для России: с одной стороны, это героические победы наших предков, которыми мы по праву гордимся и сегодня (разгром фашизма в годы Великой Отечественной войны, полет Ю.А. Гагарина в космос и последующие космические программы), с другой стороны, помимо таких крайне сложных проблем, как насильственная коллективизация, сталинские репрессии и т.д., это, в первую очередь, два распада государственности, с которыми столкнулась наша страна. И хотя

идейно-политически можно спорить и сегодня о том, что привело к этому распаду, необходимо констатировать, что дважды менее, чем за столетие, само существование России на политической карте мира стояло под угрозой. Если же к этому добавить невероятный трагизм Великой Отечественной, то остается только задуматься над тем, почему несмотря ни на что наша страна находила в себе силы восставать, как птица Феникс.

Известно, что как в 1917 г., так и в 1991 г. распад нашей страны проходил под националистическими лозунгами, которые охватывали преимущественно окраинные территории страны (заметим, впрочем, что распад Советского Союза начался с декларации о государственном суверенитете Российской Федерации и последовавшего за этим "парада суверенитетов"): однако, если отдельные территории (Финляндия и Польша в 1917 г., страны Балтии в 1991 г.) и ранее рассматривались не только за рубежом, но и отчасти в нашей стране, как некая часть Европы, а украинский национализм взращивался еще во времена существования архаичной династии Габсбургов в начале XX в., то ситуация в других регионах была намного более сложной. Так, например, в республиках Средней Азии несмотря на различные националистические проявления (начало которому положил Желтоксан в Казахской ССР в 1986 г.) по сути не было реальных политических сил, стремившихся к однозначному отделению от Центра (вплоть до настоящего времени отдельные политологи различной направленности стремятся отнести Таджикистан и Кыргызстан к категории "несостоявшихся государств").

Однако самым уникальным случаем на пространстве бывшего СССР является Республика Беларусь. Разумеется, если вдаваться в ее историческое прошлое, то можно находить истоки белорусской государственности и в Полоцком княжестве, стоявшее особняком среди древнерусских земель уже в XI в., и историю Великого княжества Литовского (и по сей день среди белорусских политиков раздаются голоса о несправедливой передаче Вильно-Вильнюса Литве в 1940 г.). Можно долго говорить о различных культурных особенностях, как, например, и заметное влияние униатской и католической церкви в западных регионах, особенно у польской границы и о распространении "мягкой силы" Варшавы, в том числе путем выдачи "карты поляка" и т.д. И все же необходимо констатировать следующий факт: Республика Беларусь фактически вынуждена была заново конструировать свою историю, чтобы доказать право на существование как самостоятельный субъект государственности: заметим, к слову, что если на Украине в конце 1990-х - начале 2000-х гг. происходило активное внедрение украинского языка (в том числе замена русскоязычных вывесок), то роль русского языка на белорусском пространстве не стоит в планах пересмотра ни одной политической силы, даже крайних оппозиционеров.

В этой связи вызывает интерес изучение издания "Белорусский путь", которое было подготовлено Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь в 2009 г. Уже во введении обозначена главная цель данной работы: способствовать "консолидации белорусского общества, его дальнейшему динамичному развитию, пониманию смысла уже осуществленных преобразований и характера тех изменений, которые нам всем предстоит осуществить в настоящее время" [1, стр.9]. Заметим, что издание было осуществлено за 11 лет до того системного кризиса, которые охватил Беларусь в ходе президентской кампании 2020 г. и последовавшими за ней масштабными протестами, однако еще в то время один из редакторов издания О.В. Пролесковский именовался в странах Запада «одним из основных источников и голосов государственной пропаганды и идеологической поддержки режима» [2].

Рассматривая структуру издания, то оно разделено на 6 глав в проблемно-хронологическом порядке, о чем свидетельствуют сами названия глав: "Геополитическая катастрофа XX века", "От катастрофы к созиданию", "Исторический выбор Беларуси", "Белорусская модель социально-экономического развития", "Государство для народа", "Беларусь и глобальные вызовы современности". В известной мере сам стиль издания похож на традиционный советский агитпроп эпохи застоя, что, конечно, не способствовало внедрению содержащихся в нем идей в молодежной среде: именно молодежь является

главным катализатором антиправительственных волнений в последние 10 лет в Беларуси, а внедренный в молодежную среду бело-красно-белый флаг наглядно показывает провал государственной молодежной политики.

Примечательно, что авторы издания отмечают помимо объективных факторов и субъективные в развале Союза: "этот выбор сделала не безликая мировая история, а политическое руководство СССР в лице М.С. Горбачева и его окружения и именно оно несет ответственность за исторический развал советской страны" [1, стр. 11].

Вызывает интерес авторская мысль о том, что после распада Советского Союза мир социализма не исчез не только вследствие существования таких государств, как Китай, Куба или Вьетнам, но и потому, что "Беларусь, по сути своей, является фактической наследницей основных ценностей советского общества, в ней сохранилась государственная собственность на крупнейшие средства производства, на землю, действует народовластие, сохранились, если брать содержательную сторону, Советы и другие элементы народной власти" (стр. 19). Учитывая тот факт, что фукуямовский миф о "конце истории" так и не реализовался, издание подчеркивает вытекающую отсюда угрозу новой холодной войны. И самый важный, на наш взгляд, вывод издания заключается в следующем: "Постсоветские республики освободились не от советизма, а от собственного исторического бытия, поскольку они все возникли только благодаря советизму" [1, стр. 21].

Авторы останавливаются и на специфике белорусской экономики ("белорусская модель"): "развитие и совершенствование сильной системы социальной защиты; единое отношение ко всем формам собственности; развитие конкурентной среды и противодействие незаконным действиям в сфере рыночного хозяйствования; продвижение белорусских товаров на внешний рынок; рациональное вмешательство государства в экономические процессы, в том числе и применение методов прямого государственного регулирования в тех сферах, где рыночная саморегуляция неэффективна; развитие финансовой и кредитно-денежной системы в направлении максимального обеспечения социально-экономической эффективности народного хозяйства" [1, стр. 190]. Высказанная авторами мысль о взаимодополняемости, а не о противопоставлении государственного и частного секторов экономики, относится к идеям "третьего пути", и в разное время выносилась во главу угла как в титовской Югославии, так и в Китае Дэн Сяопина.

Говоря о взаимоотношениях с Россией, авторы отмечают первостепенную важность сотрудничества Москвы и Минска, тем более в условиях того, что по словам президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко "белорусский народ и русский – один народ" [1, стр. 404].

Подведем некоторые итоги. На официальном уровне в Республике Беларусь констатируется, что независимость страны стала внезапной, но, вместе с тем, в условиях взвешенной социальной политики и многовекторного внешнеполитического курса "были созданы такие условия, осуществлена такая политическая линия, в результате которой и происходило становление суверенного белорусского государств" [1, стр. 406]. Разумеется, краеугольным камнем для Минска являются взаимоотношения с Москвой, однако режим А.Г. Лукашенко стремится использовать различные возможности для укрепления государства: впрочем, определяющим для страны будет та линия, которая обозначится после его ухода.

Библиография:

1. Белорусский путь / под ред. О.В. Пролесковского и др. Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, 2009.
2. Council Decision 2012/642/CFSP of 15 October 2012 concerning restrictive measures against Belarus [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2012/642/oj> (дата обращения: 10.01.2021).

УДК 94

КОМРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ И РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1905-1906 ГГ.

Булгар Степан,

доктор истории, ст. н. исслед., зав. Отдела истории и этнографии
Научно-исследовательского Центра им. М.В. Маруневич, г. Комрат, РМ
e-mail: bulg2004@mail.ru
orcid.id:0000-0002-7866-0063

Abstract. In the article "The Comrat uprising and the role of the intelligentsia in the revolutionary events of 1905-1906" based on documents from the State Archives of the Russian Federation and the State Archives of the Kharkiv Region, the author highlights the participation of representatives of the intelligentsia of Comrat and Bessarabia in the Comrat uprising. It reveals the dynamic political activity of a student of the Kharkov Institute of Technology A.P. Galatsan in 1899-1906, and introduces the photo of A.P. Galatsan from his personal file. For the first time, two diplomas of higher education of participants in the Comrat uprising are put into circulation – those of A.P. Galatsan and I.A. Georgiev.

Key words: Comrat uprising of 1906, Andrei Galatsan, intelligentsia, Stepan Bulgar's book "History of the city of Comrat"

В политических событиях, имеющих историческое значение, всегда большую роль играют представители народной интеллигенции. Каково же было участие интеллигенции г. Комрата в революционных событиях 1905-1906 гг.? По прошествии более ста лет со времени Комратского восстания и провозглашения Комратской республики в 1906 г., людям сегодня трудно объяснить и понять, каков был их стиль мышления, особенно это касается учителей, студентов, учащихся и образованных людей, а также представителей местной власти – жителей Комрата.

Конечно, главной фигурой в революционных событиях периода русской революции 1905-1906 гг. был уроженец Комрата, выпускник Комратского реального училища, студент Харьковского технологического института, пламенный агитатор Андрей Павлович Галацан, которого население считало «своим богом» [3, л. 17], который после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. «взял на себя инициативу толкования его пунктов применительно к земельным нуждам обывателей и с этой целью организовал митинги, помещением для которых служило 2-х классное сельское Училище с ведома заведывающего им учителя Ивана Болхоса» [3, л. 12об]. Впервые вводится в оборот документ о высшем образовании – Диплом Харьковского Технологического института им. Императора Александра III, выданный в октябре 1910 г. Андрею Павловичу Галацану, 35 лет, со званием «инженера-технолога» механического отделения [4, л. 49]. Также в личном деле представлено фото А.П. Галацана – студента 1 курса механического отделения, 1898 г. [4, л. 1об].

Ротмистр Скальковский, помощник начальника Бессарабского губернского жандармского управления в Бельцком, Хотинском, Сорокском и Оргеевском уездах в рапорте № 78 от 17 января 1906 г., г. Кишинев, писал: «К преступной деятельности Галацана, при возрастающей его популярности, не замедлили примкнуть студент того же Института Иван Афанасьев Георгиев, молодые учителя местного Реального училища Сигизмунд Филарский и Максим Коломейцев, упомянутый выше Болхосов и сыновья последнего – бывшие воспитанники того же училища Михаил и Федор Болхосовы. Означенные лица, во главе с Галацаном, организовали таким образом местную группу интеллигентов в целях аграрно-революционной пропаганды, осуществляемой на тех же митингах, где члены кружка, не исключая и молодых Болхосовых, выступали ораторами, в речах которых порицалось Правительство, подрывался авторитет местных властей, а население возбуждалось к

насилованным захватам частновладельческой и церковной земельной собственности. Беспрепятственность пропаганды на митингах сопровождалась эпизодами ночных прогулок Галацана, Филярского и Коломейцева с воспитанниками Училища по селу (где более 10 тыс. жителей) с пением революционных песен. В период введения военного положения в Варшаве и революционных событий в Москве, преступный характер в поведении Филярского и Коломейцева резко обозначился, когда они в присутствии учителей, в учительской комнате, <...> в дерзкой форме порицали действия правительства, восхваляли убийц Плеве и Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, высказывали убеждение, что дни "Заведовавшего Министерством Внутренних дел Дурново сочтены"» [3, л. 17-18].

Одним из активных участников Комратского восстания был уроженец с. Болгарийка, Кубейской волости, Аккерманского уезда, Иван Афанасьевич Георгиев, 30 января 1876 г. рождения [5, л. 9] – сокурсник Андрея Галацана по Харьковскому Технологическому институту. Автор статьи впервые вводит в оборот документ о высшем образовании – Диплом (с отличием) Харьковского Технологического института им. Императора Александра III, выданный 13 июня 1907 г. Ивану Афанасьевичу Георгиеву, 31 года, со званием «инженера-технолога» механического отделения [5, л. 2].

Революционные события конца 1905 г. в Комрате привлекли внимание разных политических партий, действовавших в Бессарабии. Вот что пишет советский историк С.С. Бантке: «В ряде сел Оргеевского уезда крестьяне стали запахивать помещичью землю. В других местах не платили податей и недоимок. Кое-где появились красные петухи на помещичьих экономах. Наибольшего напряжения достигла борьба в селе Комрат Бендерского уезда...» [8, с. 235]. В Комрат «Из города Кишинева не раз приезжали "ораторы", которые, пользуясь свободой, [дарованной] 17 октября, старались создать в селе свои группки. Так возникли организации с.-д. под руководством тов. Кантора (реалист старшего класса местной школы), с.-р. под руководством Шпиргана и анархисто-коммунистов с лидером Фердинандом Брагалио...» [8, с. 235].

Что же касается Андрея Галацана, то он во время учебы в Харьковском технологическом институте воспринял идеи всероссийского крестьянского союза, который был образован партией социалистов-революционеров (эсеров) в 1902 г. с целью объединения крестьян Российской империи для организации политической борьбы. Крестьянский Союз действовал в основном как организационная структура партии социалистов-революционеров. В ноябре 1905 г. на съезде всероссийского крестьянского союза было принято решение: 1) сельские и волостные приговоры не представлять; 2) не утверждается Земским начальником, а приводится в исполнение по постановлению сходов; 3) не давать чиновникам и полиции подвод, квартир; 4) сместить все местные крестьянские власти (старшины, старосты); 5) не платить податей и налогов и т.д. [11]. Программа всероссийского крестьянского союза активно пропагандировалась организаторами Комратского восстания, что нашло отражение в решении восставших жителей Комрата «принять программу всероссийского крестьянского союза и присоединиться к нему» [3, л. 18].

Когда Андрей Галацан учился на первом курсе Технологического института, в феврале-марте 1899 г. всю Российскую империю охватили студенческие волнения. Протестовали университеты Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Томска, Казани, Харькова, Варшавы и Одессы. В столице к стачке присоединились и другие учебные заведения, в том числе Военно-медицинская академия, Высшие женские курсы и даже Духовная академия [10]. Первыми стали бунтовать студенты Санкт-Петербургского университета. Все началось 8 февраля 1899 г. (по старому стилю), когда Санкт-Петербургский университет торжественно отмечал свое 80-летие. Накануне юбилея в университете вывесили обращение ректора, предписывавшее учащимся «исполнять законы, охраняя тем честь и достоинство университета», и предупреждавшее – «Виновные могут подвергнуться: аресту, лишению льгот, увольнению и исключению из университета и высылке из столицы» [10]. Студенческие волнения 1899 г. были подавлены властями. Апофеозом правительственного произвола стало утверждение

Николаем II 29 июля 1899 г. «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» [7]. Санкт-Петербургский университет был временно закрыт. Но революционно настроенные студенты разбежались по крупным городам Российской империи, где спровоцировали волнения в других университетах, в том числе и в Харькове. Именно в этих событиях принимал участие А.П. Галацан – студент первого курса Харьковского Технологического Института имени Александра III, за что и был уволен. Из обращения к ректору института: «...Его Превосходительству Господину Директору Харьковского Технологического Института Императора Александра III Бывшего студента первого курса Андрея Галацана Прошение. На первое мое прошение о зачислении меня в число студентов первого курса Технологического Института мне было отвечено, что я могу быть допущен к конкурсным испытаниям на первый курс в будущем году, то есть мне возможность поступления в институт откладывается на целый год. Канцелярией Технологического Института в ответ не было указано мотивов отказа на мое прошение, но можно предполагать, что таковыми были только номинальное мое участие в забастовке студентов. <...> вместе с другими студентами я попадаю в Старобильские казармы. <...> Принимая во внимание только таковое мое участие в забастовке и следующие обстоятельства: во 1) что, живя в семье, я не могу достать работы, во 2) что сестра – учительница, получающая 20 руб. в месяц, так как на ее руках есть еще мать, в 3) будь я допущенным нынешней весной к переходным экзаменам на второй курс Технологического участия [Института – С. Булгар], я могу получать от одного частного лица денежное пособие, в противном случае я лишаюсь его <...> Бывший студент Андрей Галацан, г. Харьков, 8-е декабря 1899 г.» [4, л. 13-13об]. Таким образом, студент Андрей Галацан в числе других студентов, участвовавших в забастовке, был отправлен в Старобильские казармы для отбывания воинской повинности, согласно «Временных Правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» [7], принятых 29 июля 1899 г.

Стремление вернуться на учебу в свой институт первоначально не увенчалось успехом, директор отказал А. Галацану в его прошении. После этого начинаются проблемы с продолжением высшего образования. По документам из личного дела можно проследить, в какие учебные заведения он обращался для продолжения учебы. Так, Галацан подал прошение в Екатеринославское высшее горное училище [4, л. 10], и ему было отказано «...бывший студент вверенного мне института Андрей Галацан уволен из института 29 апреля сего года за уличное участие в беспорядках ...» [4, л. 11]. 26 октября 1900 г. А. Галацан подает прошение в Императорское Московское Инженерное Училище Ведомства путей сообщения, где ему было отказано [4, лл. 19-20]; Галацан подает прошение на имя директора Томского Технологического Института имени Николая II, и снова последовал отказ [4, л. 33]. В период с 1899 по 1902 гг. Андрей Галацан не смог продолжить дальнейшее образование. В 1902 г. Андрей Галацан жил в Комрате и являлся «главным "письмоводителем и ходатаем поселян"» [6, с. 32]. К нему как к адвокату, а не к волостному писарю, обращались крестьяне со всей волости [6, с. 32].

В Комрате А.П. Галацан часто ходил на базар, вникал в жизнь, в нужды поселян, беседовал с ними, распространял свои революционные идеи. Полиция, напуганная манифестом 17 октября 1905 г., не знала, что предпринять, и Галацана не трогала. Зато зажиточные комратчане выступили против Галацана. Однажды группа подвыпивших хулиганов напала на базаре на Галацана. Тогда группа поселян написала в «Бессарабскую жизнь» письмо: «Мы, комратские поселяне, до глубины души возмущены слухами последних дней в том, что какими-то темными личностями готовится нападение на нашего борца за свободу и правду студента-технолога А. Галацана. <...> очевидно, им больше ничего не остается делать, как использовать свой старый метод – травлю интеллигенции. <...> Комратские поселяне А. Георгиев, Д. Кысса, И. Михайлов, Н. Лефтер, К. Георгиев» [6, с. 33].

В 1904 г. студент III-го курса механического отделения Андрей Галацан продолжил учебу в Харьковском технологическом институте, о чем свидетельствует документ от 12 июня 1904 г.: *«Директору Харьковского Технологического Института. Прошение студента III-го курса механического отделения Андрея Галацана»* [4, л. 34]. С 1905 г. Андрей Галацан из-за отсутствия средств к существованию прерывает учебу в институте и возвращается в Комрат, где начинает активную революционную деятельность.

Вот что писала об этих событиях 10 января 1906 г. газета «Русское слово»: *«Десяти тысячное селение Комрат, центр болгарского района. В руках восставших. Объявлена автономия, власти низложены и арестованы. Драгуны бессильны»* [9, с. 570-571].

«В ночь с 5 на 6-е января, в с. Комрат, Бендерского уезда, Бессарабской губернии, по распоряжению судебной власти, был арестован возбуждавший население к аграрно-революционному движению студент Харьковского Технологического училища [правильно института – С. Булгар] из местных уроженцев Андрей Галацан» [3, л. 12]. За стражниками, увозившими А. Галацана в Кишинев, устремилась погоня. Освободить Андрея Галацана не удалось, но члены комитета разослали по сёлам гонцов с известием о восстании в Комрате. Волостной комитет, избранный митингующими, объявил Комратскую волость республикой и вынес решение об отмене на ее территории всех налогов и о прекращении мобилизации в царскую армию. Дороги на Кишинев и Бендеры перекрыли. Тем не менее, эскадрон Любинского драгунского полка с двумя пушками сумел обойти крестьянские заставы и вошел в Комрат. Начались обыски и аресты, драгуны для устрашения даже произвели несколько выстрелов из пушек... Бунтовщиков согнали на центральную площадь и потребовали сдать оружие, вплоть до ножей. Жандармы собрали около 200 ружей, самодельные бомбы и пистолеты [3, л. 13об]. Комитет Республики был ликвидирован. После подавления восстания в Комрате, появилось новое начальство. Урядником был назначен Сергеев, приставом стал Майданюк, введена сельская конная стража.

«11 января <...> были вызваны в Волостное правление более 100 человек, из коих 58 (в том числе 7 лиц из интеллигенции) арестованы и отправлены сначала в Бендерскую, а затем в Кишиневскую тюрьму» [3, л. 13об]. Вскоре арестованные за участие в восстании вернулись домой.

Весной 1906 г. пристав Майданюк арестовал Георгия Георгиева и Ивана Поркграсса. Вскоре был снова арестован и А. Галацан. Перед арестом Галацан успел написать письмо депутату Государственной Думы Сефферу: *«Милостивый Государь г. Сеффер! Пишу Вам от своего имени и от имени 50 Комратских крестьян, сидевших в тюрьме по январскому делу. Просим вас сделать в Думе запрос по поводу агитационной работы и деятельности нового Комратского пристава г. Крейцбурга, деятельности, направленной к натравливанию одной части поселян против другой, деятельности, которая может иметь очень печальные последствия. <...> Доверенный А. Галацан. 5 июля»* [2, с. 96-97].

В результате появилось секретное сообщение начальнику Бессарабского Жандармского Управления: *«Из показаний свидетелей выяснено, что Галацан Андрей Павлович в мае с.г. агитировал между поселян, подстрекал к аграрным беспорядкам, к неповиновению властям, к неисполнению их законных требований и даже ниспровержению существующего ныне Государственного общественного строя. Подполковник Будаков»* [2, с. 97]. Подполковник Будаков заводит ещё и «Дело о поселянине с. Комрат Бендерского уезда А.П. Галацане, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 130 ст. Уголовного Уложения». Основанием для этого послужило отношение уездного исправника за № 265 и два протокола пристава 4-го стана Бендерского уезда [2, с. 97]. 21 июля 1906 г. в Рени было составлено «Уведомление о возбуждении дознания» [2, с. 97-98] на А.П. Галацана.

Бессарабское Жандармское Управление решило отдать Галацана А.П. под особый надзор полиции по месту избранного им жительства в г. Харькове, что видно из прошения от 4-го сентября 1906 г. студента-технолога Андрея Галацана III-го курса механического к директору Харьковского Технологического Института [4, л. 38]. Бендерский уездный исправник отправил его в ссылку, а 14 октября 1906 г. канцелярия начальника Харьковского Губернского

Жандармского Управления сообщила начальнику Бендерского Губернского Жандармского Управления: «*Галацан прибыл в Харьков и взят под особый надзор*» [2, с. 98]. Через две недели последовало уведомление о выезде Галацана в Комрат для свидания с больной матерью. Комратская полиция отвечала: «*Сидел дома, а 12 ноября уехал в Харьков*» [2, с. 98].

Царские власти стремились предотвратить обострение борьбы. Поэтому в Комрате не последовало кровавых репрессий. Бессарабский губернатор не поддержал и намерение полиции устроить громкий политический процесс. За участие в Комратском восстании 1905-1906 гг. были арестованы 72 человека [6, с. 55]. Судьба каждого из них была разной: большинство были отпущены по домам. Помещен в Кишиневскую тюрьму «народный учитель Иван Васильевич Болфосов» [6, с. 58], Георгий Георгиев и Иван Поркграсс [6, с. 58], Д.Н. Маджар [2, с. 89], Павел Николаев, Михаил Сибов [2, с. 101] и др.

«...по делу этому содержалось под стражей в Кишиневской тюрьме свыше 50 человек обвиняемых, причем последние около 15 апреля объявили голодовку, настойчиво требуя освобождения их из-под стражи» [3, л. 63]. 18 апреля Окружной суд освободил их [3, л. 63]. Часть арестованных жителей Комрата оставили под надзором полиции, но большинство бунтовщиков освободили под залог небольших сумм, которые, как и в других губерниях, внесли их родственники. Своей мягкостью в вынесении приговоров правительство стремилось убедить крестьян в крепости существующего в стране порядка.

Время не властно предать забвению эту страницу истории гагаузов, выветрить ее из памяти народной. Молдавский историк Н. Бабилунга писал: «... Бережно чтут его память жители Комрата. Одна из улиц носит имя А.П. Галацана: земляки не забывают человека, столько сил и энергии отдавшего за их счастье. Таким он остался в памяти потомков» [1, с. 39]. И продолжает далее: «Одним из наиболее ярких событий в Молдавии в годы первой российской революции было восстание в селе Комрат в январе 1906 года. Это выступление связано с именем незаурядной личности, крестьянского вожака, смелого и решительного человека А.П. Галацана» [1, с. 38-39].

Библиография:

1. Бабилунга Н. Галацан Андрей Павлович (1875-1942) // Борцы за счастье народное: Сб. документ. очерков / Под ред. Шемякова Д.Е. - Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1987. – 230с.
2. Булгар Степан. История города Комрата. - Кишинэу: Reclama, 2008. - 310 с.
3. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102, оп. 201, д. 2.4 за 1906г.
4. Государственный архив Харьковской области (Державний Архів Харківської Облaсті). Ф. 770, оп. 2, д. 413 «Дело канцелярии Харьковского технологического института Императора Александра III о студенте Александре Павловиче Галацане».
5. Государственный архив Харьковской области (Державний Архів Харківської Облaсті). Ф. 770, оп. 2, д. 454 «Дело канцелярии Харьковского технологического института Императора Александра III о студенте Иване Афанасьевиче Георгиеве».
6. Первухин Виталий. Комратская республика. - Одесса: Астропринт, 2006. - 68 с.
7. [Полное собрание законов Российской империи \(Сперанский\)](#). № 17484 (Собрание Третье. Т. 19, Ч. 1, стр. 935-936). 29 июля 1899 г. «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков».
8. Сабадырев И.Л. Из рукописи брошюры С.С. Бантке «20-летие Комратской республики» // Сборник «Памяти С.С. Бантке». - Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1970. - 253 с.
9. Шемяков Д.Е. Крестьянское движение в Молдавии в 1905-1907 гг.// История Молдавии. Том 1. -Кишинев: Шкоала советикэ, 1951. - С. 529-584.
10. <https://lenta.ru/articles/2017/07/09/students/>

Приложения 1-3:

Рис.1. Фото із «Личного дела студента Харьковского Технологического Института имени Александра III Андрея Павловича Галайчана». 1898 г., 1 курс механического отделения, г. Харьков

Рис.2. Диплом Харьковского Технологического института им. Императора Александра III, выданный в октябре 1910 г. Андрею Павловичу Галайчану, 35 лет, со званием «инженера-технолога», механическое отделение

Рис.3. Диплом (с отличием) Харьковского Технологического института им. Императора Александра III, выданный 13 июня 1907 г. Ивану Афанасьевичу Георгиеву, 31 года, со званием «инженера-технолога», механическое отделение

УДК: 94[(4704+571):(55+560):(479)]:327.5 «1826/1829»

РОСІЙСЬКО-ПЕРСЬКА (1826 – 1828) І РОСІЙСЬКО-ТУРЕЦЬКА (1828 – 1829) ВІЙНИ: ПІВДЕННОКАВКАЗЬКИЙ ТЕАТР БОЙОВИХ ДІЙ

Бурьян Марія,

кандидат іст. наук, Старший викладач
кафедри всесвітньої історії та міжнародних
відносин ЛНУ імені Тараса, Україна
e-mail: byrianmm@gmail.com
orcid.id:0000-0002-3439-2044

Бурьян Михайло,

доктор історичних наук, професор кафедри
всесвітньої історії та міжнародних відносин
ЛНУ імені Тараса, Україна
e-mail: byrianmm@gmail.com
orcid.id:0000-0002-9838-6372

Abstract. The article provides a retrospective analysis of the military and political events of the first third of the XIX century in the territory of the South Caucasus, which were attended by the Russian empire, Iran, Turkey and Western states. These geopolitical players sought to consolidate their influence in Transcaucasia. The author comes to the conclusion that as a result of the Wars – The Russo-Persian and Russo-Turkish – The military victory remained for St. Petersburg, and the geopolitical victory – for Great Britain, France and Turkey. Also, one of its consequences was the entry of Northern Azerbaijan and the entire Transcaucasia into Russia.

Key words: South Caucasus, Russia, Iran, Turkey, Russo-Persian War, Russo-Turkish War, Turkmanchai and Adrianople peace treaties.

На початку XIX ст. у кавказькій політиці Російської імперії низка учених (М. Блієв, С. Бушуєв, К. Гаджієв, Я. Гордін, П. Дарабаді, В. Дегоев, С. Жильцов, І. Зонн, А. Ушков, І. Зеленєва, Ф. Казамзадег, Д. Лівен, В. Муханов, Н. Нарочницька, М. Покровська, Є. Томпсон, Р. Фадєєв, М. Чічагова та ін.) простежує певні зміни. Так, якщо в попередні історичні період налагодження відносин із закавказькими правителями (як правило, ініційоване ними ж) відбувалося шляхом ведення переговорів і надання спорадичної військової допомоги, то за Олександра I офіційний Петербург посилив своє втручання в події

на Південному Кавказі. Насамперед Росія перестала займати в регіоні оборонні позиції й почала реалізовувати тут власну зовнішньополітичну стратегію, вступивши в боротьбу за контроль над Південним Кавказом із регіональними лідерами Туреччиною й Іраном, а також із Францією й Великою Британією, що їх підтримували.

Перемога над Наполеоном у Вітчизняній війні 1812 р. у значній мірі посилила вплив Росії на міжнародній арені й укріпила її авторитет. Вступити у відкрите протистояння з російською армією на той момент не наважувалася жодна з європейських країн, проте для ослаблення позицій Петербурга європейськими геополітичними гравцями використовувалися треті країни – Іран й Туреччина. Велика Британія ніяк не могла змиритися з думкою про домінування Російської імперії на Кавказі, а тому підштовхувала іранців переглянути умови Гюлістанського договору (1813), аби повернути колишнє домінування в Закавказзі. Англійці надсилали в Іран усе необхідне для початку бойових дій: зброю, гроші, своїх інструкторів. Крім того, Лондон активно переконував своїх східних союзників у слабкості Росії.

Власне ця зовнішньополітична стратегія британської дипломатії відповідала реваншистським устремлінням правлячих кіл Ірану, зокрема на неї позитивно реагував і підтримував спадкоємець перського престолу Аббас-Мірза, який обіцяв британцям вигнати росіян із Закавказзя. Адже здавна на цих землях саме перські феодали жили гарною здобиччю: грабували місцевих жителів, викрадали й вивозили в рабство грузинів, вірменів, азербайджанців. Іранці мали на меті відновити це своє «історичне» право, тим більше, що їх у цьому підтримували західні партнери.

Уряд російського царя Миколи I вів доволі гнучку зовнішньополітичну лінію, а тому намагався послабити конфронтацію з Заходом і зі Сходом навіть ціною територіальних поступок. Натомість Іран свідомо відмовлявся від мирного вирішення протиріч, тому що розраховував на фінансову підтримку Великої Британії й на ворожість північнокавказьких народів щодо російської присутності в регіоні. На руку персам була також внутрішня політична нестабільність у Росії, зумовлена повстанням декабристів (1825).

Петербург опинився перед загрозою війни на два фронти: у цей час активізувалася ще й Туреччина: щоб випередити ірансько-турецьке військове об'єднання, уряд Миколи I видрукував «Декларацію про війну з Персією», у якій говорилося, що Росія змушена вдатися до такого кроку через неадекватну поведінку іранського керівництва. Та навіть такі дії «на випередження» не вирішили головної проблеми: російська армія не була готова до війни з Іраном. Так, намісник Кавказу генерал А. Єрмолов прикривав кордон загоном, що нараховував усього 6,5 тис. вояків, і лише 8 тис. у якості резерву було стягнуто до Тбілісі. Натомість їм протистояла шістдесятитисячна перська армія.

Ірану потрібен був лише привід для того, щоб почати війну. Смерть Олександра I, повстання декабристів, владні пертурбації в Петербурзі підштовхнули персів до активізації своїх дій. У 1826 р. перси за підтримки Великої Британії розпочали військові дії проти Росії. Шах розраховував на підтримку місцевого мусульманського населення, натомість остерігався вірмен, котрі повністю були на стороні Росії, сподіваючись у разі її перемоги звільнялися від турків й іранців.

Без оголошення війни в червні 1826 р. очолені самим Аббас-Мірзою шахські війська, що нараховували 60 тис. вояків, вторглися в Карабаську провінцію. З наскоку захопили Карабах і Гянджу, а в напрямку Тифліса рухався двадцятивосьмитисячний загін ериванського сардара. Нечисленні російські сили Окремого Кавказького корпусу, розосереджені по різних районах, із боєм і численними втратами почали відступати. Разом із регулярними частинами у бій із персами вступило дванадцять донських козацьких полків й одна Донська кінно-артилерійська рота. Головний удар іранське командування спрямувало проти прикордонної фортеці Шуші. Аббас-Мірза своєю сорокатисячною армією узяв місто в облогу, а двадцять тисяч вояків перекинув до Ганджі. Оборону Шуші тримало дев'ять рот російських солдатів і козацький полк. Гарнізон міста на чолі з полковником А. Реутом зумів на півтора місяці затримати тут персів. У цей час інший загін персів захопив Ленкорань і попрямував до Баку, проте оволодіти

містом іранцям не дав шквальний вогонь захисників фортеці й кораблів, котрі поспішили на допомогу Каспійській флотилії [1, с. 65].

А. Єрмолову не залишалося нічого іншого, як рятувати ситуацію силами загону генерала В. Мадатова. Більше чотирьох тисяч його вояків атакували вісімнадцятитисячний турецький авангард, який рухався в напрямку Гянджі, і розгромили його. На річці Шамхор 2 вересня 1826 р. росіяни завдали поразки перським військам Амір-хана, що нараховували 10 тис. вояків. Тим часом генерал-ад'ютант І. Паскевич вирішив дати бій біля Єлизаветполя. 13 серпня 1826 р. розпочалася битва, у котрій перси переважали росіян у чотири рази, проте це не завадило генералу 5 вересня здобути перемогу. 13 вересня російські й грузинські загони відбили Гянджу. Залишки розгромлених перських частин відійшли за Аракс. Аббас-Мірза спрямував сюди тридцятип'ятитисячну армію, однак восьмитисячний російський корпус 30 вересня 1826 р. ущент розгромив і її.

А. Єрмолов відкинув перські війська від Дагестану й розробив план військових дій на території самого Ірану. За цим планом, російська армія мала вступати лише у відкриті бої з польовими іранськими арміями й ні в якому разі не брати в облогу фортеці. Утілювати ці пропозиції в життя імператор Микола I доручив своєму улюбленцю І. Паскевичу. Саме він у березні 1827 р. замінив А. Єрмолова, запідозреного у зв'язках із декабристами, на посаді командуючого Окремим Кавказьким корпусом [1, с. 78].

Головний удар передбачалося нанести по Еривані. Рейд загону під командуванням Д. Давидова, у складі котрого перебував і козацький полк Андрєєва 1-го, на територію Ериванського ханства (Вірменія) був останньою великою військовою операцією кампанії 1826 р. Уже 24 квітня 1827 р. авангард генерала А. Бенкендорфа оточив вірменську фортецю. Одночасно з цим російські війська взяли в облогу й Аббас-Адад у Нахичеванському ханстві. Спроба Аббас-Мірзи прорвати блокаду завершилася поразкою персів у бою біля Джеван-Булака. У цей самий час І. Паскевич готувався до військових дій у Південному Азербайджані. Аби цьому перешкодити, Аббас-Мірза наніс удар на випередження у Вірменії. Біля Аштарака відбулася битва, яка принесла численні втрати обом сторонам. Перський принц укріпив Еривань, а сам відступив на Південь, коли дізнався, що до Ечміадзина рухається І. Паскевич на підмогу 20-ій дивізії генерала А. Красовського.

Уже 5 липня 1827 р. донський козацький полк під командуванням В. Іловайського першим переправився через р. Аракс, аби допомогти відбити атаку перської кінноти. У ході боїв козаки, координуючи дії з кіннотою К. Бенкендорфа, нанесли удар і здобули перемогу над кількісно переважаючим ворогом. Уперше за роки війни в цій битві було застосовано об'єднання козаків, більше ніж бригада, що й дало гарні результати. В. Іловайський за те, що відзначився в боях біля Джеван-Булаха, отримав від Миколи I особливий подарунок: золоту табакерку з зображенням імператора. 27 вересня 1827 р. розпочалася облога Еривані, яку перси перетворили в практично неприступну фортецю. Головнокомандуючий І. Паскевич доручив П. Трузсону керувати військовою операцією. У результаті інтенсивного бомбардування частина фортечних стін упала, і в пролом ринувся спочатку гвардійський полк, а потім й інші полки російської армії. 1 жовтня Еривань було захоплено, а залишки гарнізону коменданта фортеці Гассан-аги були заблоковані. І. Паскевич за цю операцію отримав графство, армія – нагороди, а В. Сухоруков – найвищу вдячність [3, с. 462].

Після взяття Еривані – іранської твердині в Південному Кавказі, і після того, як загін генерала Г. Ерїстова 14 жовтня увійшов у місто Тебріз (Південний Азербайджан), шахський уряд запросив миру, адже шлях на Тегеран лежав відкритим. Персія була змушена піти на переговори, хоча й зумисне їх затягувала, очікуючи загострення відносин між Росією й Туреччиною, щоб змусити Петербург піти на поступки у зв'язку з протистоянням зі Стамбулом. Головнокомандуючий І. Паскевич вирішив змусити іранців поквартитися з укладанням угоди й відновив наступ. Росіяни захопили Ардебіль і рухалися в напрямку перської столиці. Це дійсно налякало іранців і стимулювало їх бути поступливішими.

Договір про мир між двома країнами був підписаний 10 лютого 1828 р. у селищі Туркманчай. Для затвердження в Петербурзі текст мирної угоди відвіз А. Грибоєдов, який її й укладав. 20 березня відбулася ратифікація договору Росією, а 3 червня 1828 р. – Іраном.

Як наслідок, іранці залишили Східну Вірменію – Єриванське й Нахічеванське ханства, що відійшли Росії. Більше того, вірмени, що проживали на території Персії, виявили бажання відгукнутися на заклик Петербурга й переселилися на вірменські землі під захист російських полків. Крім того, Росія отримувала й 20 млн. крб. сріблом контрибуції.

Що стосувалося території Азербайджану, то згідно з Гюлістанською (1813) і Туркманчайською (1828) угодами вона була розділена між двома імперіями: північну частину включено до складу Росії, а південна дісталася Ірану. На думку сучасних азербайджанських дослідників, дякуючи тому, що північні ханства увійшли в русло відносно передового культурно-економічного розвитку Російської імперії, на відміну від південних, що відійшли відсталому шахському режиму, вони отримали змогу долучитися до культурних надбань Європи [1, с. 44 – 45].

Туркманчайський договір мав велике значення, адже майже до 1917 р. залишався основним документом, що регулював російсько-іранські міждержавні зносини. За його умовами, Іран не лише відмовився від претензій щодо північно-азербайджанських земель, тобто визнав положення договору 1813 р., але й був змушений згодитися на приєднання до Росії Нахічеванського ханства, Ордубадського округу й Східної Вірменії.

Отже, перемога у війні 1826 – 1828 рр. укріпили економічні, політичні й військові позиції царської Росії на Південному Кавказі. Однак не встигли росіяни підписати мирні домовленості з персами, як на південному заході активізувалися турки. Уже в 1828 р. знову почалася спровокована західними державами чергова російсько-турецька війна. Туреччина, як й Іран, мріяла повернути собі домінуюче становище у Криму, на Балканах і на Кавказі. Саме тому у квітні 1828 р. бої розгорнулися на двох театрах війни: на Балканах і на Кавказі. Ще на початку війни перед Окремим Кавказьким корпусом було поставлено два важливі завдання: відволікти частину турецьких сил із Балканського півострова й підтримувати порядок у Закавказзі. Корпус нараховував близько 40 тис. чоловік. Командував ним усе той же генерал-ад'ютант І. Паскевич-Єриванський. Більшу частину військ йому довелося виділити якраз на виконання другого завдання. Аби вирішити перше, як вважалося, йому достатньо було б захопити Карський й Ахалцихський пашаліки.

Саме тому 9 червня 1829 р. збірний загін російських військ у складі 12 тис. чоловік, маючи на озброєнні 58 гармат, зосередився в районі фортеці Гумри, а вже 14 червня перейшов кордон і попрямував у напрямку Карса. Через два дні до нього приєдналася артилерія з дванадцятьма гарматами й артилерійський парк. Було прийнято рішення атакувати фортецю з південно-західної сторони, а для цього потрібно було мати укріплений табір на Ерзерумській дорозі, у розореному селищі Кичик-Ев. Увечері 19 липня під Карсом зосередився увесь російський загін [2, с. 40].

Турки вважали цю фортецю неприступною, і не випадково. Вона була побудована на березі річки Карс-чай, мала два ряди високих і товстих стін, три цитаделі, а також низку зовнішніх укріплень у передмістях Байрам-паша, Орта-капі й Темир-паша. Оборонні споруди прикривала гора Кара-даг, на якій перси розмістили чотирнадцятигарматну батарею. У самій фортеці нараховувалася 151 гармата різного калібру, а гарнізон складався з трьох тисяч кінноти, чотирьох тисяч піхоти й близько чотирьох тисяч озброєних місцевих жителів на чолі з комендантом Еміном-пашею. Їм на допомогу поспішав Кіос-Магомет-паша. 22 – 23 червня з тридцяти восьми гармат росіяни відкрили вогонь по Карсу. Через кілька годин п'ять тисяч солдатів пішли на штурм фортеці, під час якого особливо себе проявили козацькі полки на чолі з Карповим, Сергєєвим та Ізвековим. Після падіння фортеці до рук росіян потрапило сто п'ятдесят гармат. Під час оборони загинуло дві тисячі турок і майже півтори потрапило в полон.

Кіос-Магомет-паша, дізнавшись про капітуляцію твердині, повернув свої війська до Ардагана. Натомість І. Паскевич виступив через Ахалкалакі на Ахалцих. Уже 24 липня 1828 р.

росіяни штурмували фортецю Ахалкалакі, розташовану між ріками Тапа-Раван-чай і Гендерису. За три години – із 6 до 9 ранку – вони взяли місто [2, с. 42].

Майже одразу після перемоги І. Паскевич спрямував загін до фортеці Ахалцих. 4 серпня 1828 р. російська армія зайняла позиції поблизу цієї стратегічно важливої турецької фортеці. Невдовзі сюди підтяглося тридцятитисячне турецьке військо на чолі з Кіосо-Магометом-пашею й Мустафою-пашею. Уже 5 серпня по полудні росіяни несподівано вдарили по висотах поблизу гори Таушан-Тапа, яка прикривала підступи до Ахалциха. Турки не чекали такого повороту подій і кинулися втікати. Цим скористалися козаки. Підтримані Донською кінно-артилерійською ротою № 3, вони кинулися на ворога й захопили гору. Однак через годину на місце бою прибула дев'ятитисячна кіннота османів. Російська кавалерія спільно з усе тією ж Донською кінно-артилерійською ротою № 3 зуміли відтіснити ворога. Турки відійшли до фортеці.

Зовнішня оборона Ахалциха складалася з чотирьох бастіонів й однієї башти й нараховувала 22 гармати, а внутрішня – цитадель, власне сама фортеця й зовнішній оборонний пояс – 40 гармат. Гарнізон фортеці складався з 10 тис. озброєних жителів, але поряд розташовувалося турецьке тридцятитисячне військо [2, с. 43].

У ніч із 8 на 9 серпня І. Паскевич розпочав штурм міста, а 15 серпня 1828 р. у фортецю колонами увірвалися батальйони Ширванського полку, за ним врозсіп ішли донські козацькі сотні. Після того, як козаки донської артилерійської батареї услід за піхотою втягли гармати у місто, вони почали обстрілювати турків біглим вогнем. Для збільшення радіусу обстрілу козаки розмістили гармати на дахові кам'яного будинку. Воякам також вдалося випередити турків, які хотіли зірвати порохований склад у католицькому костелі. 16 серпня Ахалцих здався. Утрати турків сягнули двох тисяч чоловік. Росіянам цей бій коштував близько восьми десятків загиблих і три сотні поранених. А далі одну за одною османи здали фортеці Ацкур (18 серпня), Ардаган (22 серпня), Топрах-Кале і Діадін (вересень). У захоплених містах І. Паскевич залишив російські гарнізони чисельністю в 15 батальйонів, 4 козацьких полки й 3 роти (8,5 тис. вояків), а сам із залишками війська в листопаді 1828 р. повернувся в Грузію.

Таким чином, п'ятимісячна кампанія в Закавказзі закінчилася для Росії більш ніж вдало. Оволодівши Карським, Ахалцихським і більшою частиною Баязетського пашаликів, російські війська узяли шість фортець і три укріплених замки, захопили вісім тисяч полонених, три сотні гармат і близько двох сотень знамен. Втрати особового складу склали 3200 вояків [3, с. 44]. Однак невдовзі, 20 лютого, військові дії відновилися. Кампанія 1829 р. розпочалася штурмом, а потім облогою двадцятитисячним турецьким військом Ахалциха. Російський гарнізон нараховував усього 1164 чоловіки, однак йому на допомогу підійшла армія. Турки відступили, утративши 4 тис. убитими.

У середині травня діючі війська російського Кавказького корпусу зосередилися на кордоні, а 22 травня головними силами виступили до Ардагана, куди й підійшли через два дні. Їхній подальший рух на Ерзерум було призупинено після того, як стало відомо, що їм назустріч виступив двадцятитисячний турецький загін, очолений самим головнокомандуючим Гагрі-пашою, і тридцятитисячний загін на чолі з сераскиром Гаджі-Салехом. 19 – 20 червня 1829 р. поблизу селища Міллі-Дюз відбувся бій, у якому османи зазнали поразки й втікали з поля бою, залишивши практично всю артилерію (31 гармату). Їхні втрати нараховували близько 2 тис. чоловік. Росіян загинуло вдвічі менше – тисяча [3, с. 45]. Ці події повністю деморалізували турецьку армію. Практично без бою 27 червня 1829 р. здався Ерзерум, на озброєнні п'ятнадцятитисячного гарнізону якого було аж 150 гармат. У полон потрапило чотири паші й сам сераскир.

Падіння Ерзерума розчистило дорогу російським військам у Малу Азію, а захоплення Адріанополя відкривало їм шлях на Константинополь. Проте рішення про штурм османської столиці приймали не військові, а чиновники-бюрократи в Петербурзі. Міністр закордонних справ Росії К. Нессельроде, не маючи власної зовнішньополітичної стратегії, орієнтувався на Відень, котрий звичайно що був проти захоплення міста. За таких умов, Микола І сформував «Особливий комітет зі «Східного питання»», члени котрого винесли вердикт: Петербургу не

вигідний, навіть шкідливий розпад Османської імперії [2, с. 47]. Як наслідок, 2 вересня 1829 р. в Адріанополі був підписаний мирний договір, за умовами якого Росія отримувала гирло Дунаю, східне узбережжя Чорного моря, фортеці Анапу, Ахалцих й Ахалкалакі. Сьома стаття Адріанопольської угоди гарантувала вільний прохід торгових суден через Протоки, однак лише в мирний час, як мало бути під час війни – не обговорювали.

Цей договір у великій мірі можна вважати капітуляційним і вкрай не вигідним для Росії насамперед через свою двозначність. З однієї сторони він не підтверджував, а з іншої – і не спростовував статті Бухарестського (1799) й Адріанопольського (1805) миру, що давало можливість османам усі питання, котрі виходили за рамки угоди 1829 р., вирішувати не на основі вказаних документів, а на свій розсуд. Крім того, склалася парадоксальна ситуація: у результаті війни Туреччина багато втрачала – Грецію, Сербію, Дунайські князівства, – але Росія при цьому дуже мало отримувала. Як виявилось, геополітичні плоди від поразки Порту пожинали Британія, Франція й Австрія. Що ж стосується Південного Кавказу, то перемога над турками закріпила входження Північного Азербайджану й усього Закавказзя до складу Росії. Крім того, вона все ж дала змогу Сербії, Чорногорії й Греції позбутися османського гніту; свободу отримали й Дунайські князівства, які пізніше об'єдналися в державу Румунію.

Бібліографія:

1. Гоков О.А. Мемуары российских офицеров-участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг. как исторический источник: структура и содержание / О.А. Гоков. – Х.: ФЛП Александрова К.М., 2011. – 184 с.
2. Ермолов А.П. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. – М.: Высш. шк., 1991. – 463 с.
3. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. на Кавказско-Малоазийском театре с планами. Том 3 / Под. ред. Генерал-лейтенанта Чернявского. – Тифлис, Электротпечатия Штаба Ка

УДК 322(091)(47)“18”

ОБРАЩЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПРАВОСЛАВИЕ (60 ГГ. XIX В.)

Ганчар Андрей,

кандидат ист. наук, доцент УО «Гродненский гос. аграрный университет», г. Гродно, РБ
e-mail: gancharandre1@yandex.ru
orcid.id:0000-0002-9485-8520

Abstract. based on archival data, it reveals the methods and techniques of conversion of the Catholic population of Belarus to Orthodoxy, the motives of the participants, and analyses the decisions of secular and spiritual authorities.

Key words: Roman Catholic Church, Russian Empire, Belarus, Western Region, Orthodoxy, Catholicism, Catholics, conversion, priests, believers.

Конфессиональная политика правительства Российской империи, переходы верующих из католичества в православие, имевшие место в 60–90-е гг. XIX в., привели к тому, что удельный вес римско-католиков в общей численности населения сократился с 29,8 % в начале 60-х годов до 22,9% от общей численности населения в 1897 г. По подсчетам И.К. Смолича, за период 1865–1868 гг. в Минской, Гродненской и Виленской губернии в православие перешло более 67 000 человек, в основном крестьян [1, с. 172].

Таблица 1 – Численность православного населения Гродненской губернии в 1863 г.

Название прихода	Число Приходов	Число прихожан	На 100 душ об-го пола	Величина прихода	Число поселений, в которых живут католики	Всех поселений
Белостокский	15	53 415	64,3	3 561	461	477
Бельский	26	45 642	43,5	1 775	547	631
Брестский	11	9 948	10,2	904	256	554
Волковысский	16	43 547	49	2 724	765	776
Гродненский	16	33 829	32	2 181	531	720
Кобринский	8	5 063	5,1	633	395	801
Пружанский	6	10 632	14,6	1 772	224	548
Слонимский	14	21 371	19	1 527	657	1 035
Всего	112	223 447	—	—	3 836	5 542

Согласно сведениям, извлеченным из донесения надворного советника Кучаева, который в особой записке подробно изложил состояние религиозного вопроса в Западном крае, для обращения католиков в православие употреблялись следующие меры: увещание, обман и обольщение, денежные награды и физическое насилие. Миссионерами в этом деле были: духовенство, военные начальники, полицейские власти и мировые посредники.

Последствием обращения части населения в православие было закрытие костелов или обращение их в православные храмы. По собранным сведениям, обнаружилось, что в Виленской губернии только 25% из общего числа прихожан приняли православие, остальные 75% населения были не распределены, по состоянию на нач. 1867 г., по другим приходам и лишены возможности исполнять таинства и обряды своего вероисповедания, иметь место для молитв.

Вновь обращенные в православие, не находя оправдания своего поступка в нравственном убеждении, приходили в ожесточение против властей, выказывали крайнее равнодушие к требованиям своей новой религии.

Постройка православных церквей в уездах хозяйственным способом давала возможность спекулировать в свою пользу казенными и частными благотворительными суммами. Фальшивое счисление справочных цен покрывало упущения и воровство бюрократии. Материал для постройки храмов взыскивался с помещиков, а работы с крестьян.

Католическое духовенство действительно находилось под гнетом нравственного и материального насилия. Оно подвергалось непрерывно оскорблениям и штрафованию деньгами и всем возможным стеснениям в исполнении своих обязанностей. Кроме того, ксендзы непрерывно перемещались из одного прихода в другой [2, л. 136–137].

Примеры действий духовенства.

Виленский православный епископ Александр в официальном отношении к губернатору от 29 августа 1867 г. ходатайствовал о командировании полицейских чиновников для содействия в деле обращения католиков в православие.

Благочинный Молодеченского прихода Вилейского уезда Виленской губернии в 1866 г. разослал циркуляр приходским священникам для всенародного объявления крестьянам, что все те, которые не примут православие, подвергнутся наказанию плетью и высылкой. Этот циркуляр возбудил между крестьянами такое раздражение, что они, опасаясь преследования со стороны их старшины (православного вероисповедания), составили мирской приговор об удалении его от должности. Вследствие этого, когда по распоряжению Виленского губернатора было произведено местное расследование, то оказалось, что действительно вышеуказанный циркуляр был обнаружен [2, л. 137об.–138].

Приходской священник в с. Ганушишках Ново-Александровского уезда Ковенской губернии об обращении крестьян в православие отзывался следующим образом: «Обращать в православие кроткими мерами, там, где на одного православного священника приходится

десять ксендзов, чисто утопия. Когда действовал князь Хованский, обрусение шло с быстрым успехом. Разумеется, от вновь обращенных нет никакого прока, но по крайней мере нет ксендзов-мятежников» [2, л. 138 об.].

Коллежский советник Манжевский в своем донесении (1866 г.) рассказывал следующий случай. Один из сельских священников Пинского уезда, проездом через местечко в пьяном виде, на просьбу еврея подать медицинский совет больной его жене, явился со взятыми из церкви дарами и насильно вдавливал их в рот больной. Факт этот был известен начальнику губернии.

Примеры действий военных начальников и полицейских властей (извлечено из записки «Известие о Северо-Западном крае в 1866 г.»).

Руководителем всем делом по обращению крестьян в Виленской губернии (1866 г.) был военный начальник князь Хованский, а его главным помощником – помощник исправника Якубовский (мусульманин). Князь Хованский обыкновенно старался приобретать в народе популярность щедростью и волокитством и в деле обращения в православие за ним оставалось последнее слово. Собственно делом систематически руководил татарин Якубовский, который был неразборчив в употреблении всевозможных средств.

О действиях князя Хованского в особой записке «Известие о Северо-Западном крае в 1866 г.», сообщалось в МВД, что военный начальник князь Хованский объявлял крестьянам-католикам, что если они примут православие, то рекрутские повинности с них будут сняты и лучшие земли будут отняты от других крестьян и им предоставлены в надел. Не обольстившихся этим обещанием крестьян следовало держать по несколько дней под строгим арестом, страдая отнятием участков и выселением. В лице их наносился позор ксендзам, ругая их самыми бранными словами и запирая их по несколько человек в холодные бани, как это имело место в м. Быстржиц Вилейского уезда.

В записке был приведен фрагмент беседы Якубовского с помощником исправника и становым приставом Шмитом. Якубовский упрекнул Шмита, что он обнаруживает мало усердия в деле обращения католиков в православие. На это Шмит ответил, что так как он лютеранин, то и не считает себя вправе пропагандировать религию ему малоизвестную. Якубовский возразил: «Это делается очень просто. Соберите сначала в деревне всех кутников и бобылей и предложите им перейти в православие с условием наделить их землей наравне с остальными хозяевами. Когда они согласятся, то соберите сход и, опираясь на всех безземельных, действуйте смело. За успех я ручаюсь». «Но как же я буду обещать кутникам землю, – отвечал Шмит, – если я не в состоянии исполнить обещание». «Ну если вы будете так рассуждать, то разумеется ничего не сделаете». На том разговор и кончился [2, л. 140–140 об.].

Примеры действий мировых посредников.

В Виленской губернии председатель Трокского мирового съезда капитан Афонасьев, собрав сход в м. Гевле, предлагал крестьянам перейти в православие, предварительно угостив их вином и запретив местному ксендзу совершать богослужение. Из числа крестьян некто Колинович, энергично протестовал против этого, за что был подвергнут наказанию, которое вызвало буйное неудовольствие крестьян. Колинович просидел в тюрьме более года.

В Гродненской губернии (из донесения действительного статского советника Веселовского) мировой посредник Щербов, исправлявший должность председателя мирового съезда, убедил некоторых старших в семействах присоединиться в православие, на этом основании официально было признано обращенными в православие по отзыву начальника губернии 10 431 человек, а по извещению председателя съезда – 14 444 человек, и сделано распоряжение о воспрещении ксендзам совершать у них обряды Римско-Католической Церкви. После этого по жалобе крестьян производилось следствие о неправильных и насильственных действиях Щербова, которое затянулось. Между тем новообращенные, не признавая себя присоединенными в православие, не совершали даже таинства крещения над детьми и этот случай вызвал распоряжение Главного начальника края о командировании в Волковысский уезд состоящего в его распоряжении чиновника особых поручений МВД д. с.

с. Стороженко и уже принятыми им мерами, при содействии посредника Щербова и местной полиции, новорожденные младенцы были окрещены по православному обряду.

В Минской губернии об обращении католиков в православие коллежский советник Манжевский доносил в МВД, что сомневавшихся в преимуществах православия заставляли по несколько раз ходить за 70 и более верст для наставления. Благочинный Новогрудского уезда утверждал, что некоторые из вновь обращенных обнаруживали стремление возвратиться к католицизму, некоторые же выдавали себя за помешанных.

Примеры штрафования крестьян с целью обращения их в православие.

Для оказания видимого преимущества крестьянам, принявшим православие, в особенности в тех семействах, где один член принял православие, а прочие остались по прежнему, князь Хованский в разборе их домашних споров всегда обвинял католика и назначал с него штраф от 25 до 50 руб. Таким образом 5 мая 1866 г. князь Хованский сделал представление к начальнику губернии о взыскании штрафов с крестьян Рукомской волости, с Ю. Станкевича 25 руб. за драку с соседями, с Е. Чаплиевской 25 руб. за нанесение грубостей, с Танкевича 50 руб. за обращение крестьянина Станкевича и пр.

Из рапортов военного начальника Виленского уезда к губернатору от 26 мая 1867 г. видно, что в Подберезском приходе подверглись двое оштрафованною по 50 руб., а шесть человек по 30 руб. Из них С. Войнич был не в состоянии уплатить штраф и обратился в православие.

Примеры спекуляций с обращением в православие.

Старшина Трокского однодворческого общества Маиевский за участие в восстании 1863 г. был осужден в ссылку на поселение в Тобольскую губернию и решение суда, утвержденное властью генерал-губернатора, было ему объявлено и вошло в законную силу. Впоследствии Маиевский принял православие и по распоряжению того же генерал-губернатора был оставлен на месте жительства и с тем же назначением старшины однодворческого общества.

Прусский подданный Рейх, проживавший в с. Барткунаки помещика графа Платера, был пойман в воровстве с грабежом и посажен в тюрьму. За принятие православия ему было прощено и дано 16 руб. Это последнее обстоятельство так ему понравилось, что он в другом приходе вторично принял православие.

Крестьянин Геллерн (был под судом и находился в арестантских ротах) был пойман в воровстве льна, сознался, и во время производства местного дознания принял православие. Становой пристав акт дознания передал не судебному следователю, а в волостное правление, на том основании, что было установлено общим правилом всем крестьянам-католикам, которые сделают преступление и проступок, предлагать обратиться в православие, и если они изъявят согласие, то составлять акт, который следовало приобщать к делу.

Примеры равнодушия новообращенных к требованиям Православной Церкви.

Самым лучшим доказательством, по мнению министра внутренних дел, равнодушия крестьян к православной религии служило то обстоятельство, что все храмы были пусты. Надворный советник Кучаев присутствовал во время отправления литургии во вновь обращенной православной церкви из костела св. Доминика в м. Островец. Настоятель церкви, чтобы привлечь народ в церковь, сделал некоторые отступления в богослужении обедни, а именно: призывной благовест звонили по католически, все время совершения литургии царские врата оставались отворенными, евангелие священник читал не в алтаре, а в середине церкви, обращаясь лицом к народу, канон «Святый Боже» и проч. Пелся всем причтом на коленях перед алтарем, а не на клиросе, по окончании обедни священник вместе с причтом, стоя на коленях, пел перед царскими воротами любимый католическим населением 45 псалом «Бог нам прибежище и силы». Во всей православной церкви находились семейство священника, помещик Туманов, письмоводитель мирового посредника, жандармский унтер-офицер, одна старуха и Кучаев.

Другой раз Кучаев присутствовал на литургии во вновь построенном православном храме в с. Гонушишках. В церкви присутствовали шесть мужчин из местных прихожан и три

женщины. Женщины молились по польским молитвенникам, и все крестились католическим крестом.

Примеры ожесточения крестьян, перешедших в православие.

Крестьянин Ширвинской волости Китин, обманутый в своих ожиданиях получить земельный надел, в волостном правлении в присутствии мирового посредника, станового пристава и посторонних лиц, сорвал со своей шеи крест, бросил на землю и стал топтать ногами. За этот поступок Китин был отдан под надзор полиции, которой было поручено наблюдать, чтобы он постоянно посещал церковь.

Многие из крестьян отправлялись в г. Краков с прошениями к Голуховскому о возвращении их обратно в католицизм, а крестьянин И. Боровский отправил прошение к императору Наполеону. Наконец, один крестьянин, под влиянием скорби и отчаяния, сжег сам себя.

Примеры обращения властей с ксендзами.

Декан Троцкого костела ксендз Ганжевский, старик более 70 лет, не замешанный в политических делах, за то, что не распорядился звонить в костеле во время похорон одного православного ребенка, был призван на площадь военным начальником полковником Сазоновым, который публично грозил ему палкой, называл его неприличными ругательствами и приказал двум казакам втащить старика на колокольню и заставить его звонить весь день. Факт этот стал общеизвестным [2, л. 140 об.–146].

Условия, при которых с 1863 г. происходило в Западном крае обращение к православию многих католиков, очевидно возбуждавшее недовольство р.-к. духовенства, не давали правительству оснований ожидать возникновения обратной реакции: стремления к переходу в католицизм, начинающего, по мнению Виленского, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора А.Л. Потапова, высказанного им в послании к минскому губернатору В.И. Токареву 18 июня 1870 г., уже обнаруживаться. Постоянно замечая при разборе дел по совращению деятельное участие в том римско-католического (далее р.-к.) духовенства, поддерживаемого высшим духовным начальством, и что, в случае непринятия решительных мер к прекращению совращений православных, явление угрожало принять широкие размеры, министр внутренних дел положительно высказался за принятие каких-либо мер, с целью прекращения обнаруживавшегося во вновь присоединенных к православию стремления к «совращению в латинство». Признавая необходимым иметь мнение по этому вопросу минского губернатора, Виленский генерал-губернатор 18 июня 1870 г. просил его о сообщении таковых [3, л. 1–2].

29 июля 1870 г. минский губернатор сообщал А.Л. Потапову, что явного противодействия в присоединении к православию и открытой пропаганды, с целью совращения в католицизм, не замечено. «Латинское» духовенство, по замечанию В.И. Токарева, действовало более осторожнее: большей частью действовало на лиц, проживавших вне районов их приходов. В большинстве случаев это происходило следующим образом: присоединившийся к православию крестьянин приезжал в город на базар; увлеченный каким-либо из католиков шел в костел исповедоваться и уже после того переставал, по заверению губернатора, бывать в православной церкви. При дознании совратившегося, он отказывался от дачи показаний на ксендза, к которому обращался за требами. Подобные случаи происходила чаще в тех приходах, где существовал монастырь или имелось более 2 ксендзов.

Кроме того, по заверению минского губернатора, в официальных сведениях, предоставляемых ксендзами, количество прихожан было значительно преувеличено, из-за помещения в списке давно умерших лиц, прихожан других приходов, дублирования фамилий по разным костелам. Примером могут служить цифры, предоставленные Минским р.-к. епископом А. Войткевичем министру внутренних дел, по случаю закрытия Николаевского и Задвейского костелов. Расследование по этому делу производилось по распоряжению помощника г.-г. майора Черткова от 7 декабря 1867 г. за № 1530. полковником Давыдовым при содействии комиссии, составленной из лиц светских и духовных, как католического, так и православного вероисповедания. При расследовании оказалось, что в списках Минской р.-к.

духовной консистории. Значилось католиками в Никольском 3 586 и Задвейском 1 128 душ, а в действительности оказалось в первом 1 541, а во втором – 91, т. е. в общей сложности было увеличено на 3 082 души. Причиной завышения количества прихожан было признано желание иметь в приходе больше ксендзов.

Для устранения этих «злоупотреблений», минский губернатор предложил: ограничить количество приходских ксендзов крайней необходимостью; запретить ксендзам, под страхом строгой ответственности, отправлять требы для прихожан других приходов, при этом исключение могло быть допущено только для умирающих приезжих; наказывать настоятеля в случае неразрешенных действий, совершенных викарными; запретить монахам и ксендзам при монастырях исполнять требы, предоставив это право исключительно лишь приходскому духовенству, как белому так и черному, если последнее было назначено согласно 84 ст. 1 ч. XI т. Свода Законов.

Относительно присоединившихся к православию и желавших «совратиться», минский губернатор предложил следующее: так как все они должны быть исключены из списков католиков, то в соответствии со ст. 47 XIV т. Свода Законов о предупреждении и пресечении преступлений, безусловно, воспрещавшей совращение из православия, то прошениям подобного содержания, не давая никакого хода, следовало возвращать обратно просителям без всякого по ним производства [3, л. 3–5].

Библиография:

1. Ганчар, А.И. Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): монография / А.И. Ганчар. – Минск: Медисонт, 2015. – 582 с.
2. «Всепопданнейшие» доклады П.А. Валуева, проект «высочайшего» повеления и др. материалы по делам православного, католического и лютеранского духовенства и церквей, в том числе, в Западном и прибалтийском краях и в Польше (февраль 1860 – 12 мая 1879 гг.) (1 сентября 1909 г.) // РГИА. – Фонд 908. – Оп. 1. – Д. 112. – 180 л.
3. Ведомости о количестве священников и прихожан в римско-католических приходах по Минской и Ковенской губ. (18 июня 1870 г. – 12 декабря 1872 г.) // НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2184. – 158 л.

УДК 337 (292. 471) “18 / 19”

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ В МАССАНДРОВСКОМ ОДНОКЛАССНОМ УЧИЛИЩЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (1892 – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Гуменюк Андрей,

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник ГАУК РК
«Алупкинский музей-заповедник»
Республика Крым, РФ
e-mail: margerstern@yandex.ru

Вишневский Сергей,

кандидат педагогических наук, доцент
Гуманитарно-пед. академия (филиал) ФГАОУ ВО
"Крымский федеральный университет им. В.И.
Вернадского" в г. Ялта Республика Крым, РФ
e-mail: aukrosbox@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the analysis of the prerequisites and opening of the college with three units (1892 – early XX century) on the territory of the Massandra Imperial Estate. The article considers the structure and major events associated with the educational institution. It would also focus on the importance of the college for the further development of economical and cultural life of the estate.

Key words: local history, elementary school, Massandra, college, education, teacher, lessons, academic year, lesson plan.

Важные изменения, вызванные развитием российского общества, происходящие на современном этапе развития страны, выдвигают значительные требования к системе как педагогической, так и исторической науки. Ведущими направлениями развития этих наук становится изучение, апробация и научное понимание неизвестного ранее для широких кругов исследователей материала и его осмысление, использование лучших традиций в повседневной практике.

Исследование экономической и культурной жизни Массандровского императорского имения в условиях бурного развития крымского Южного берега, в конце XIX – начале XX века очень обширная и многогранная тема. Одним из аспектов которой является вопрос о появлении на его территории учебных заведений, и событий с ними связанных, которые являются актуальными для истории отечественной педагогики конца XIX – начала XX века. Не менее важными эти вопросы являются для создания общей картины развития Массандровского имения и участия в этом процессе православного духовенства, в контексте истории России вышеозначенного периода.

Идея создания начального училища принадлежала коллежскому советнику Ивану Яковлевичу Шелухину, бывшему управляющему удельного имения «Массандра» в период с 1892 по 1895 гг. За период пребывания на должности управляющего удельными имениями «Массандра» и «Ай-Даниль» И.Я. Шелухин инициировал и контролировал проведение народных чтений с демонстрацией картин, как метода предотвращения пьянства среди сезонных рабочих на виноградниках имения, а также, занимался другой управленческой и социальной деятельностью [6, с. 201].

В целом, в церковном приходе Массандровской церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи, были расположены две школы, одна из них – Массандровское удельное училище, занимающее здание церкви-школы. Она была открыта ввиду следующих обстоятельств:

17 сентября 1892 г. из Удельного управления имением «Массандра» в Крыму поступил рапорт, в котором говорилось, что в следствии удаленности Массандры от г. Ялта и невозможности обучения массандровских детей в Ялтинской земской школе, в особенности в зимнее время года. «Ощущается крайняя необходимость в устройстве в Массандре хотя бы частной школы грамотности для подготовки детей для поступления во 2е и 3е отделение земской школы в Ялте».

После этого школа была открыта и размещена в квартире массандровского священника без дополнительного финансирования. По состоянию на 1892 г. в ней проходили обучение 25 учеников. Из них: 18 девочек и 7 мальчиков. Эта инициатива поддерживалась руководством и «Его Сиятельство изволил вполне одобрить разрешение» об открытии в имении «Массандра» частной школы грамотности. Одобрение получено 17 ноября 1892 г. [1, л. 3]. Поэтому с осени 1892 г. в Удельном имении «Массандра» на основании 9 ст. Положения 1874 г. «О начальных училищах» и с разрешения Главного Управления Уделов была учреждена школа грамотности для детей сотрудников служащих в имении. В таком виде школа просуществовала около двух лет, но затем, в 1894 г. согласно распоряжению Главного Управления Уделов, школа была преобразована в «одноклассное с тремя отделениями училище» для учеников обоего пола. При этом, в этом учебном заведении велось преподавание по программе земского одноклассного училища [1, л. 54–55, 204]. Для открытия подобных учебных заведений необходимо было делать упор на «брошюру-инструкцию для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства Народного просвещения» [2, с. 224 – 249], которую применили и в этот раз.

С этого же времени при училище учреждалась должность штатного учителя и учителя рукоделия. Закон Божий преподавал местный священник (эту должность занимал Матвей Богословский).

Училище являлось доступным для учеников обоего пола и было «с 3-мя отделениями». Со временем, количество отделений расширилось до четырех. Учителем в него назначили бывшего учителя Ливадийской школы г. Бойцова. Назначение произошло 17 марта 1894 г. Отделения ранжировались следующим образом: первое – старшее; второе – среднее и третье – младшее. В него принимались ученики «вновь поступившие, безграмотные» [1, л. 55, 10, 60].

Само учебное заведение являлось довольно популярным, и данные о его работе указывались в дореволюционных путеводителях [4, с. 179].

Количество учеников в училище постоянно изменялось и по состоянию на январь 1895 г. в нем уже числилось 12 мальчиков и 8 девочек [1, л. 21].

Ученики старшего отделения изучали «Объяснительное чтение», «Письменные упражнения», «Закон Божий», «Арифметику» и «Рукоделие». В программу обучения были включены и «Славянское чтение», «Письмо по книгам», «Диктовка», «Чистописание» и «Чтение».

В программу изучаемую средним отделением были включены такие предметы как: «Письменные упражнения», «Арифметика», «Славянское чтение», «Чтение», «Письмо с книги», «Диктовка», «Закон Божий», «Рукоделие».

Младшее отделение изучало «Чтение», «Письмо с книги», «Закон Божий», «Чистописание», «Арифметику», «Славянское чтение», «Диктовку», «Рукоделие».

Часть предметов, таких как: «Рукоделие», «Писание» и «Закон Божий» могли проводиться во всех классах одновременно (поток). Такие потоковые занятия согласно расписанию проводились по понедельникам и средам [1, л. 36].

За время академического года ученики изучали определенный перечень тем. К примеру, в первом отделении (младшем) за учебный год по всем читаемым дисциплинам были пройдены следующие темы и разделы:

Русский язык: элементы букв, буквы чтения, чистописание и списывание. «Букварь» Вахтерова: чтение, устный пересказ статей, большинство стихотворений, басни: «Стрекоза и муравей», «Мартышка и очки», «Хвастливая муха».

По арифметике: основы счета, «счет прямой и обратный – до 50». Действия с цифрами до 30, учащихся знакомили со счетами и обучали таблице умножения до 30.

Во втором отделении программа несколько усложнялась, но перечень изучаемых дисциплин оставался прежним.

Программу «Русского языка» изучали по «Краткому курсу правописания» Некрасова и изучалась I часть: делившаяся на теоретическую и практическую. Учащиеся изучали чтение, устный пересказ и списывание. В течение года изучали «Большинство рассказов» из книги «Мир рассказов для детей» Вахтерова – I-я часть книги и по книге «Звездочка» большинство стихотворений, басен. Последняя проходила во втором полугодии.

По предмету «Арифметика» проходили «прямой и обратный счет до 100», задачи и упражнения. В том же предмете учащиеся получали основные материалы по «пользованию большими классными счетами» и таблице умножения.

В программу обучения для третьего отделения был включен новый предмет «Грамматика», он дополнял уже традиционные предметы «Арифметику» и «Русский язык». По последнему обучающиеся проходили «повторение курса прошлых лет». В то время как курс «Грамматики» был довольно объемным и включал в себя: краткие сведения из синтаксиса. Разбор предложения и его частей: существительные, прилагательные и числительные. Изучался разбор предложения устный и письменный, а так – же учеников учили самостоятельно составлять разбор простейших предложений. Чтение, «устный и письменный пересказ, большинство статей из «Мира рассказов для детей. Ч. – II». Эти темы дополнялись списыванием, изучением на память и пересказом наизусть. В течение года ученики повторяли и большинство стихотворений из «Звездочки» и некоторые из басен Крылова, а также диктовку.

В рамках предмета «Арифметика» обучающиеся третьего года обучения изучали чтение и письмо чисел до 10000, задачи и упражнения сложностью до 1000. «Условия задач до 100». В программу дисциплины включали изучение таблицы умножения, нахождение неизвестного числа. К примеру: $? + 4 = 40$; неизвестного умножаемого и вычитаемого. И «Таблицы главных русских мер» [1, л. 187].

Программа обучения четвертого (выпускного) отделения была еще более расширена, и в нее включили помимо «Русского языка», «Грамматики», «Арифметики» еще и «Историю» и «Географию».

Как и в предыдущем отделении (классе) в рамках предмета «Русский язык», обучающиеся занимались повторением пройденного в прошлые годы материала.

По предмету грамматика изучали: «цель синтаксиса и этимология», по учебнику «Краткий курс Русской грамматики» авторства Юревича знакомились с письменными и устными разборами предложений «выделение главного и придаточного, сказуемого» и др. членов предложения и разбор частей речи.

В программу обучения входило чтение, устный и письменный пересказ статей из «Мира рассказов для детей. Ч. – III», изучение наизусть «большинства стихотворений исторического и лирического содержания», изучение наизусть некоторых поэтических описаний. Например, «Днепр» Гоголя, изучение нескольких басен Крылова, сочинения на простейшие темы, письмо.

По арифметике ученики уделяли внимание чтению и письму чисел любой величины, «Классификация задач на все 4 действия» (умножение, деление, сложение и вычитание) с простыми числами. Изучали и задачи на квадратные и кубические метры, понятие о дробях и четырех действиях с ними. Словесное определение 4-х действий. И признаки деления на 2, 4, 3, 9, 5, 10.

По истории обучающиеся получали самостоятельные задания по чтению «Истории России» Острогорского, в классе с объяснением текста учителем и «Популярный пересказ <...> прочитанного». Составление хронологии с краткими заметками и заучивание прочитанного на дому по конспектам и «руководству».

В рамках изучения географии, которое осуществлялось в форме классных и воскресных бесед «придерживаясь руководства «Краткого курса географии России» авторов Ступеля и Глова учащиеся знакомились с обширным списком тем, как по географии Российской империи, так, и по географии Европы и Америки. Предмет давал общие представления о «Мироздании и земле» (в комплекте с учебником использовался план, карта и глобус). Изучали страны Европы и «Страны света», «Россию Европейскую и Азиатскую», производили краткий обзор «границ мира: реки, озера, возвышенности». В рамках читаемой дисциплины давалось понятие о губерниях, столицах и «главнейших городах Европейской и Азиатской России», народонаселение; «Основные Европейские государства» с «Главнейшими городами» [1, л. 188.].

Уроки в училище обычно начинались в 8.00 и длились примерно по часу, т.к. второй урок начинался в 9.00; третий – в 10.00 и т. д. Согласно расписанию училища на 1901-й учебный год, последний – 5-й урок начинался в 12.00. Перемены в расписании не указывались [1, л. 94.].

Перед окончанием курса обучения учеников обычно «подвергали испытанию в знании ими курса начальных народных училищ» Такие экзамены проходили и в мае 1896 г. В качестве сопроводительной документации к ним прилагался список учащихся, в котором указывались: фамилия и имя учащегося, сословие из которого происходил обучающийся или его звание; год и день рождения; вероисповедание; число пропущенных уроков; оценка по пяти бальной системе ответов учеников. (В данном случае экзамены принимались по четырем предметам: «закон Божий», «Чтение», «Письмо», «Арифметика»).

Так, количество пропусков у учеников варьировалось в диапазоне от 1 до 44. При этом надо учитывать, что общее количество учебных дней в 1896 г. равнялось 171. Необходимо так же уточнить, что количество пропусков, это не количество пропущенных занятий, а количество пропущенных учебных дней, поэтому, в данном случае, ученик мог пропустить от 0,56% всего учебного времени в году, до 26,8% всех занятий, а это более четверти всех курсов проходившихся учениками за год. Не смотря на эту статистику оценки за выпускные экзамены выпускникам выставлялись в диапазоне от 4 до 5+ баллов по 5-ти бальной системе. [1, л. 25-26].

Подобная ведомость подписывалась 3мя людьми: председателем и начальником; Законоучителем (обычно им был священник) и учителем – предметником. Ведомость подкреплялась и «Протоколом заседания Педагогического совета Массандровского Одноклассного училища».

Этот педагогический совет состоял из: председателя совета, попечителя училища, Управляющего имением «Массандра» Надворного, советника В.Н. Качалова; законоучителя Отца Игнатия Бренцева, учителя Ф.В. Лавровского. По итогам этого заседания, проходившего 23 мая 1896 г. всех выпускников признали успешно сдавшими экзамены и «достойными получить свидетельство об окончании курса» [1, л. 25-26].

Учащиеся первого отделения, успешно сдавшие выпускные экзамены считались выпускниками, и им выдавался аттестат, иногда с наградой.

Учащиеся второго отделения, успешно сдавшие выпускные экзамены переводились в первое отделение.

Обучающиеся на третьем отделении, успешно сдавшие выпускные экзамены переводились во второе отделение. Тех, кто не сдавал выпускные экзамены успешно, оставляли на второй год [1, л. 60].

В качестве одного из выпускных экзаменов обучающиеся сдавали диктант. Это был небольшой текст объемом 35 – 50 слов. Каждый год на разную тему. При этом средний возраст учеников составлял 10 – 11 лет [1, л. 30,49, 25].

Не все учащиеся заканчивали обучение так успешно. К примеру: в мае 1897 г. из 27 учеников всех 3х отделений, которые в мае претендовали на завершение обучения смогли его закончить не все. Из третьего отделения экзамен не сдали 2 человека, из второго – 4, из третьего – 4. Во всех трех отделениях количество пропусков варьировалось от 1 до 105 на человека, при 168 учебных днях в году. И это значит, что ученики пропустили от 0,6 до 62,5 % от общего количества уроков. Тех учеников, которые на сдавали экзамены на положительные оценки обычно оставляли на второй год [1, л. 37, 40].

Такими были первые шаги деятельности Массандровского училища, несмотря на все сложности его становления, огрехи образования и воспитания, дети служащих могли бесплатно, недалеко от дома, получить самые первые общеобразовательные знания. Значительную роль в деятельности училища, сыграли представители местного православного духовенства.

Библиография:

1. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее ГКУ РК ГАРК) ГКУ РК ГАРК Ф. № 78 оп. № 1 д. № 54 «Об открытии в Массандре частной школы грамотности и переименованию ее в одноклассное училище» (1892 – 1913 гг.) на 286 листах.
2. Журнал Министерства народного просвещения. Июль 1875. Часть CLXXX. – Санкт-Петербург. Типография В.С. Балашева, Большая садовая. Д. № 49-2, 1875. – с. 222 – 249.
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко.- М: Наука, 1987. – 439 с.
4. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. – 21-е изд. карт.: ил. / Г. Г. Москвич.- Санкт-Петербург: ред. «Путеводителей»:– 1911. – 301 с. Прил.
5. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
6. Тимофеева, И.В. «... Признал возможным утвердить» (О деятельности Массандровского удельного начального училища // Романовы и Крым. Материалы научных конференций в Ливадийском дворце-музее 2009-2010 гг.: Сборник научных статей. – Симферополь: Антиква. – С. 199 – 211.

УДК 327

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В 1990-Е ГГ.

Косов Александр,

канд. ист. наук, доцент БГУ, г. Минск, Республика Беларусь
БГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
e-mail: alekos1979@mail.ru
orcid.id:0000-0002-8800-3622

Abstract. In the 1990s Russian-American cooperation in the field of education and science developed in rather difficult conditions. In fact, it was one-sided. Russia was almost completely under the influence of the United States. The reason was a serious crisis in which the Russian state and society found themselves. In this situation, Russian researchers willingly accepted help from American organizations and foundations. Undoubtedly, the Americans had their own goals and interests in the new Russia. Their activities cannot be called completely disinterested. Nevertheless, American organizations and foundations provided significant support to Russian scientists and, to a certain extent, helped them to survive in difficult times.

Key words: Russia, USA, education, foundations, exchange programs, grants.

Последнее десятилетие XX века стало новым этапом в истории российско-американских отношений. Отход Москвы и Вашингтона от длительной конфронтации способствовал активизации их сотрудничества в разных сферах. Началось интенсивное сближение сторон по всем направлениям, в том числе и в области образования и науки. Новая Россия оказалась открытой для восприятия западных идей и технологий, подкрепленных инвестициями в различные отрасли и сферы жизнедеятельности российского государства и общества.

Цель представленного исследования – показать американское влияние на развитие российского образования и науки в 1990-е гг.

Процесс демократизации России сделал ее более открытой для проникновения и деятельности американских организаций. В 1990-е гг. появились новые возможности взаимодействия российских и американских организаций в сфере образования и науки. Американцы быстро развернули активную деятельность на территории России. Правда, начинали они в РФ не совсем с «чистого листа». Следует отметить, что, несмотря на жесткую конфронтацию между СССР и США, советско-американское сотрудничество в сфере науки и образования имело место быть еще в годы Холодной войны. Только носило оно тогда ограниченный характер. Первое соглашение между двумя странами было подписано в 1958 г. Затем были соглашения 1973 и 1985 гг.

После распада СССР ситуация изменилась. Бывшие противники объявили об окончании эры конфронтации и начале принципиально нового периода в истории российско-американских отношений. 17 июня 1992 г. президенты США и России Дж. Буш-ст. и Б.Н. Ельцин подписали «Хартию российско-американского партнерства и дружбы», в которой, в том числе, подтвердили обоюдную заинтересованность в расширении двусторонних обменов в области науки, техники и культуры: «Российская Федерация и Соединенные Штаты ... исходят из того, что расширение контактов между гражданами поможет обеспечить необратимость нового качества российско-американских отношений. В этих целях они намерены способствовать налаживанию прямых контактов между гражданами, а также между политическими, общественными, профсоюзными, религиозными и другими организациями» [5, с. 432]. Подписание данного документа поспособствовало расширению в последующие годы договорно-правовой базы российско-американского сотрудничества в сфере образования и науки. Так, 16 декабря 1993 г. Москва и Вашингтон подписали двустороннее межправительственное «Соглашение между Правительством Российской Федерации и

Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в сфере науки и техники» с целью дальнейшего расширения и углубления взаимодействия обеих стран в научно-технической области на взаимовыгодной основе [1, с. 119]. Согласно данному документу, обе стороны обязались «поощрять сотрудничество путем обмена идеями, информацией, опытом, технологиями, обмена учеными и специалистами, проведения совместных семинаров, научных конференций и встреч, подготовки и повышения квалификации ученых и специалистов, осуществления совместных проектов, исследований и иных взаимно согласованных форм научно-технического сотрудничества» [4, с. 106]. А, в период с 1992 по 1996 г. Москва и Вашингтон заключили соглашения между Комитетом по высшей школе РФ, с одной стороны, и рядом американских организаций – с другой. Кроме того, были подписаны соглашения с Американским советом преподавателей русского языка и литературы/американским советом по сотрудничеству в области образования и изучения языков (1992, 1993, 1994 гг.), а также Консорциумом американских колледжей по культурному и академическому обмену (1992, 1993, 1994 гг.) [4, с. 105].

Однако интенсивное развитие двустороннего взаимодействия в гуманитарной сфере, углубление и расширение контактов, требовало дальнейшей работы по его правовому обеспечению. С этой целью 2 сентября 1998 г. в Москве был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации», согласно которому стороны намеревались содействовать развитию взаимодействия в данных сферах, расширять обменные программы между исследователями, общественными и культурными деятелями и т. д. Тогда казалось, что было положено начало новой странице российско-американских отношений в данной области. Предполагалось, что в дальнейшем меморандум станет основой нового договора между Россией и США, который выведет двустороннее сотрудничество на новый уровень развития. Однако предполагаемый договор так и не был заключен. Причиной стало заметное ухудшение атмосферы российско-американских отношений в связи с агрессией НАТО против Югославии и намерением Вашингтона выйти из Договора по ПРО от 1972 г., что крайне не понравилось Москве. Со своей стороны, в Вашингтоне увидели, что несмотря на все усилия по «переделке» России на западный лад, эта страна остается «чужой» Западу. В результате вопросы сотрудничества в области науки, образования и культуры отошли на второй план, как менее важные во внешнеполитической повестке обеих стран [4, с. 105]. Можно сказать, что к концу последнего десятилетия XX в. в отношениях между Москвой и Вашингтоном на смену завышенным ожиданиям от сотрудничества друг с другом пришло стремительно нараставшее разочарование. Тем не менее, несмотря на имевшиеся трудности, нельзя не отметить, что в 1990-е гг. была заложена договорно-правовая база российско-американских отношений в сфере образования и науки, позволившая сторонам приступить к выполнению подписанных документов с переменным успехом. При этом в российском законодательстве оставалось немало пробелов, касающихся регулирования деятельности зарубежных фондов на территории страны, чем активно пользовались отдельные участники процесса финансирования научной и образовательной сфер.

Говоря о российско-американском сотрудничестве в сфере образования и науки в 1990-е гг., нельзя не учитывать один немаловажный нюанс. Дело в том, что оно имело неравнозначный характер. Стремительное ухудшение социально-экономической ситуации в России, по сути, поставило под вопрос не только дальнейшее развитие российской науки, но и само ее существование в принципе. В начале 1990-х гг. из-за нехватки бюджетного финансирования в стране закрывались многие научно-исследовательские институты и другие подобные учреждения. У государства просто не хватало средств для полноценного финансирования системы образования и науки. В это сложное время финансовая помощь пришла с Запада. В России стали появляться отделения многочисленных зарубежных фондов и организаций, предлагавших финансовую поддержку российским ученым и преподавателям.

Большинство из них были американскими. В значительной степени именно они стали спасателями многих исследовательских и научных учреждений РФ в 1990-е гг. Благодаря американским грантам и программам поддержки научно-исследовательской деятельности российских ученых, они могли работать над исследованиями в своих НИИ, не выезжая за пределы России. Например, Фонд МакАртуров выделял российским исследователям «Гранты на индивидуальные исследования» и «Гранты для специальных проектов». Фонд Сороса реализовывал Международную соросовскую программу образования в области точных наук, а также программу «Обновление гуманитарного образования в России», благодаря которым грантополучатели могли, согласно поданной заявке, проводить любые исследования в РФ [3, с. 85].

Большинство американских фондов, работавших в России, в основном оказывали поддержку гуманитариям, обществоведам и экологам, впрочем, не оставляя без внимания, и другие сферы российской науки. Согласно данным одной из фулбрайтовских обменных программ (Fulbright Program of Senior Scholars Exchange), в 1990-е гг. наибольшей популярностью среди российских ученых пользовались следующие направления: история – 15,5%, экология – 15,2%, лингвистика – 13%, литература – 8%, экономика – 5,8% [3, с. 84].

В связи с активной поддержкой американскими организациями оказавшейся в кризисе российской науки возникает вопрос: зачем это было нужно американцам? На наш взгляд, действия американских фондов в России можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, это филантропия. Это достаточно распространенный мотив деятельности многих фондов и организаций. Филантропия имеет достаточно длительную историю в США, которая в 1990-е гг. была распространена на заявившую о переходе к демократии Россию. Подобная помощь российской науке и образованию не предполагала какой-либо материальной выгоды или доходов для финансирующей стороны. Американцы были рады помочь русским, избавившимся от коммунистического диктата и выбравшим западные ценности и идеалы. И, в первую очередь, американское желание помочь касалось российской интеллигенции, которая была готова воспринимать американские подходы к построению общества и государства.

Во-вторых, оказание финансовой поддержки российским ученым и преподавателям осуществлялось отдельными американскими организациями с целью расширения своей коммерческой и инвестиционной деятельности и получения в дальнейшем определенных доходов. В первую очередь, подобная мотивация была характерна для крупных ТНК, которые, вкладывая свои средства в благотворительность, в том числе и посредством поддержки образования и науки, рассчитывали на частичный возврат вложенных средств. Представители корпораций надеялись, что получившие при их поддержке образование или повысившие свою профессиональную квалификацию люди, в дальнейшем станут проводниками интересов данных компаний в России, особенно, если окажутся на ключевых постах в государственном аппарате страны, в руководстве крупных предприятий и организаций или получат возможность оказывать влияние на общественное мнение россиян в интересах Запада через СМИ, политические партии, общественные организации, учреждения образования.

В-третьих, американские структуры были заинтересованы в использовании научного потенциала российских ученых в своих целях. Благодаря обменным программам и полученным грантам многие исследователи получили возможность уехать и продолжить свою научную карьеру в Америке. Именно в 1990-е гг. произошла масштабная «утечка умов» из РФ на Запад, что негативно сказалось на дальнейшем развитии российской науки. Тем самым Россия потеряла многих высококлассных специалистов, а США приобрели, еще более усилив свой научный потенциал за счет человеческого капитала.

В-четвертых, причиной поддержки российской науки была не только задача «переманить» нужных ученых в США, но и боязнь американцев относительно «утечки мозгов» из России в лице высококвалифицированных специалистов, особенно занимавшихся научными исследованиями в оборонной сфере (таких было около 75%), в третьи страны, представлявшие потенциальную угрозу интересам национальной безопасности США – Китай,

Северную Корею, Ливию, Ирак, Иран. Поэтому цель американских фондов заключалась в поддержке российских ученых, создании им комфортных условий «дома», в РФ, чтобы они не помышляли о выезде на работу в проблемные для Соединенных Штатов страны [2, с. 69].

В-пятых, часто интересы российских ученых напрямую совпадали с интересами американских фондов и программ, предоставлявших поддержку именно в этих областях, поскольку ранее в СССР многие социально-гуманитарные дисциплины (история, литература, философия, экономика, право) изучались с идеологических позиций, и теперь многие результаты и выводы требовали своего переосмысления. Некоторые исследования (например, в области политологии или экологии) и вовсе отсутствовали в Советском Союзе. Теперь же, и российские исследователи, и представители американских фондов хотели исправить ситуацию в этих сферах. Американцы давали возможность проявить себя, особенно молодым ученым. Однако в грантовой деятельности был и другой момент. Нередко исследователям из России приходилось подстраиваться под интересы американской стороны, предлагавшей гранты на исследования только в интересующих ее областях.

Подводя черту под мотивами, двигавшими американскими грантодателями, следует отметить, что, конечно, не стоит их всех мерить одним мерилom. Конечно, их нельзя назвать альтруистами, но, нельзя их всех до единого относить и к числу тех, кто стремился только заработать на России или «завоевать» ее, как это зачастую преподносят российские урапатриоты. В 1990-е гг. среди американцев было немало тех, кто всячески стремился помочь РФ стать похожей на США, построить демократию, рыночные отношения и гражданское общество на основе западных ценностей, представлений и идеалов. Ведь, в Америке многие убеждены, что Соединенные Штаты – лучшая страна в мире, поэтому и во всех остальных государствах мира должно быть так. Подобные представления того времени вполне вписывались в логичную схему «конца истории», предложенную Ф. Фукуямой, т.е. необходимо построить мир на основе универсальных догм либерализма.

Со своей стороны, Россия, оказавшаяся в 1990-е гг. в тисках тяжелейшего системного кризиса, была рада американской помощи. В сложных социально-экономических условиях российское государство оказалось не в состоянии субсидировать на должном уровне сферу науки и образования. Поэтому материальная помощь со стороны американских организаций российским учреждениям науки и образования, а также отдельным исследователям была как нельзя кстати. Многие сотрудники научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, получавшие мизерные оклады, остались в профессии в трудные времена во многом благодаря грантовой поддержке с Запада. Как бы не относиться к мотивам американских фондов и организаций, действовавших на территории России, они помогли материально тысячам российских исследователей тогда, когда это не могло сделать российское государство. Многие ученые смогли таким образом банально прокормить свои семьи.

Однако в конце 1990-х гг. американская поддержка российской науки стала снижаться. Американцы стали все больше перемещать акценты с России на другие постсоветские государства, особенно на Украину и страны Центральной Азии. Главная причина уменьшения доли финансирования РФ со стороны американских организаций и увеличения доли новых независимых государств заключалась в нарастании противоречий между Москвой и Вашингтоном. Не секрет, что руководители американских программ преследовали свои цели и исходили из американского видения развития России. По мере того, как им становилось очевидным, что РФ не собирается следовать во всем рекомендациям из США, количество программ и объем финансирования стали снижаться, а финансовые средства перенаправляться в другие постсоветские страны.

Таким образом, в 1990-е гг. особенностью российско-американского взаимодействия в сфере образования и науки стала существенная материальная поддержка России со стороны США. По сути, в РФ наблюдалась усиливающаяся зависимость многих научных и образовательных учреждений от американских фондов и организаций, начавших работать в стране. В сложных социально-экономических условиях российские исследователи с удовольствием получали их гранты и участвовали в их программах. Разумеется, работая в

России, американцы, вовсе не являясь альтруистами, преследовали свои цели, как материального, так и нематериального характера. Тем не менее, справедливости ради, следует сказать, что они оказали существенную помощь российской науке в трудный период ее выживания.

Библиография:

1. Барабашев А.Г., Пономарева Д.В. Правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7 (104). С. 115–122.
2. Дежина И.Г. Вклад международных организаций и фондов в реформирование науки в России. М.: ИЭПП, 2005. 183 с.
3. Сазанова Н.В. Российские наука и образование в 1990-е гг. и американская внешняя политика // Интерактивная наука. 2017. № 11. С. 83–85.
4. Сазанова Н.В. Российско-американские обменные программы: история и современность (1958–2005 годы) // Вестник ВолГУ. 2007. Сер. 4, Вып. 12. С. 101–107.
5. Хартия российско-американского партнерства и дружбы. 17 июня 1992 года, Вашингтон // Внешняя политика России: Сб. документов. 1990–1992 / МИД РФ; ред.: Л. И. Гецелевич. М.: Междунар. отношения, 1996. С. 431–437.

УДК91316.65(477)

ЛІБЕРАЛЬНІ ПУБЛІЦИСТИ ПІВНІЧНОЇ УКРАЇНИ ПРО РОЛЬ РОСІЙСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ У КОНТРЕФОРМАХ ІМПЕРАТОРА ОЛЕКСАНДРА ІІІ(1882-1892)

Котельницький Назар,

кандидат исторических наук, член - корреспондент Центра украинских исследований
Института Европы РАН, Чернигов, Украина

e-mail: subton7@gmail.com

orcid.id: 0000-0003-4480-365X

Abstract. Scientific research analyzes the vision of liberal journalism in northern Ukraine regarding the role and place of the Russian Orthodox Church in the processes of Counter-Reforms of Emperor Alexander III. The author concludes that the journalistic works, authored by members of the opposition aristocratic front of the region and representatives of progressive circles in the region, are a very interesting source on the history of the Zemstvo liberal movement in northern Left-Bank Ukraine (60-80s of the XIX century). clearly confirm that the democratic society of the country well understood the role and place of the Russian Orthodox Church in the processes of Counter-Reforms in the empire and reasonably criticized the clerical world for its politically short-sighted position - active participation in these procedures, which, step by step.

Key words: liberal journalism, Russian Orthodox Church, Counter-reforms, Zemstvo liberal movement, northern Ukraine.

Серед багатьох аспектів історії земського ліберального руху на півночі Лівобережної України у 60-80рр. ХІХст. ставлення членів опозиційної аристократичної фронди до періоду Контрреформ імператора Олександра ІІІ є красномовним маркером, який ілюструє характер боротьби з російським деспотизмом. Специфічну та особливу роль у цих процесах зіграла Російська Православна Церква, яка була рупором та ідеологічним провідником ортодоксальної політики абсолютизму Романових. Політичне протистояння, у тому числі на рівні суспільного буття, знайшло своє відображення на сторінках публіцистики, авторами якої стали як самі члени земської ліберальної партії регіону, так і прогресивні автори з кіл

демократичної громадськості, які публічно оприлюднили свою точку зору щодо ролі клерикального світу Російської імперії в імplementації процедур політики Олександра III.

Навесні 1882р. у Російській імперії розпочалася нова доба в історії країни. Верховна влада вдалася ще до більшого патронування Російської Православної Церкви та офіційної державної релігії - православ'я. Результатом стали публічні вимоги клерикальних кіл про додаткові преференції для духовенства у виборних процесах та процедурах до земських інституцій. На шпальтах релігійної преси відкрито заявляли про бажання священників обиратись до земських зібрань та управ за кастовим принципом, шляхом скликання виключно релігійно-корпоративних з'їздів по земським виборам[1].

У своїх легендарних мемуарах засновник та беззаперечний керівник земської ліберальної партії північної України - І.Петрункевич, характеризуючи клерикалів як соціальну страту держави відзначав, що у силу недостатнього матеріального забезпечення православне духовенство було змушене використовувати кожне релігійне свято для збирання різного роду «подяк» від парафіян. І хоча у порівнянні з представниками етнічно російських губерній українські священнослужителі були більш заможними, все ж залежність від внесків пастви була значною. Саме у контексті цього серед духовенства поширювався побутовий алкоголізм, який був наслідком прийняття «дарів». Засновник земського лібералізму прямо заявляв, що вказані тенденції сприяли тому, що частина віруючих православного обряду, розчарувавшись у морально-етичних чеснотах кліриків, залишала православ'я і переходила до лав релігійних сект. І.Петрункевич наголошував на тому, що криза Російської Православної Церкви, її рабське служіння самодержавній деспотії, невідповідність між декларованими ідеалами і реальним буттям кліру, авторитарність Святійшого Синоду і призвели Церкву до процесу деградації та байдужого ставлення віруючих до неї у моменти соціальних і політичних ексцесів початку ХХст.[2, с.296-300].

Наприкінці 80рр.ХІХст. Російська імперія в ідеолого-політичному відношенні рекордними темпами перетворилася в архаїчну, реакційну євразійську деспотію. За влучним визначення великого американського русиста Р. Пайпса Російська Православна Церква у цей період стала відкритою служницею монархії[3].

Один з учасників та свідків тієї епохи - І.Дроздов, який здобував освіту в учбових закладах регіону, а пізніше став відомим публіцистом північної України, опублікував цікаві спогади про свої студентські роки, які яскраво і барвисто ілюструють пануючу на той момент у Російській імперії суспільну атмосферу. Він закінчив Чернігівську гімназію у 1886р. і відверто заявляв, що роки навчання для нього стали періодом різноманітного примусу і колосального ідеологічного тиску. Автор свідчив, що головним завданням учбового процесу у гімназії було не отримання студентами сучасних та прогресивних знань, а наполегливе виховання покірності, слухняності, підпорядкування, духовної смиренності. Особливу увагу у гімназії приділяли різноманітним заборонам проявів вільнодумства, критичного мислення, висловлення суб'єктивних суджень, власної точки зору студентством. По суті, студенти існували для учбового закладу, а не навпаки.

Окремим аспектом був релігійний. Відвідування студентами православних храмів було обов'язковим. Клерикалізація учбового і виховного процесу йшла фантастично швидко. Неофіційно, у кулуарних бесідах, викладачі гімназії прямо заявляли, що студентам вибачать неprisутність на учбових заняттях, але не на літургії у храмі. Так чи інакше, усім стало зрозуміло, що Російська Православна Церква стає органічною структурою державного управління. Фактичне релігійне насильство, повернення до архаїки дореформеної імперії, сформували у студентській молоді відповідну реакцію: псевдорелігійність та квазінабожність стали нормою. Оскільки вільного часу для себе студенти не мали, суспільні апатія та індиферентність стали ознакою їх політичної позиції. Головним педагогічним методом було постійне слідкування за студентством. Будь-які прояви популяризації самоосвіти та читання категорично заборонялися, ті ж хто не підкорявся отримували репресивні заходи - були непоодинокі приклади фізичних покарань. Якщо вказані заходи не допомагали, масовим потоком йшли доноси у Канцелярію губернатора чи управління поліції.

Само собою зрозуміло, що особливо молодь дратувала заборона розважальних акцій та відповідних форм відпочинку. Дійшло навіть до того, що заборонили театральні постановки. Результат не змусив довго чекати: у молоді сформувався цинічний погляд на життя, процвітала подвійна мораль, студентство масово «відривалося» від реальності відвідуючи салони азартних ігор, інтимних послуг, поринало в алкогольну залежність і т.д. Однак, на подив багатьох сучасників, влада цілком лояльно ставилася до згаданих трансформацій майбутніх громадян країни. І.Дроздов особливо наголошує на тому, що такий стан суспільства влаштовував самодержавство: правлячий деспотичний режим свідомо провокував панування серед молоді базових біологічних потреб з далекоглядною ідеологічною метою - не допустити появи самодостатніх, критично мислячих особистостей, які неодмінно сформують громадянське суспільство, а значить, у перспективі, будуть опонувати та претендувати на політичну владу.

Монархія, вже маючи приклад народницького руху, не зробивши висновків та не виправивши помилок, своїми ж руками змушувала молодь масово приєднуватись до лав революціонерів і терористів...[4].

Далеко не випадково пізніше, вже у нових політичних обставинах, публіцисти Північного Лівобережжя повністю солідаризувалися з поглядами своїх попередників та земської опозиції. Зокрема М. Ястребов, у своїй спеціальній публікації констатував факт того, що Російська Православна Церква була архіважливим політичним інститутом корони Романових, знаходилась під особливим патронатом самодержавства і забезпечувала реалізацію догм державної ідеології. Абсолютизм гарантував Церкві відсутність великих матеріальних проблем, за виключенням нетривалих періодів модернізації держави. Усі інші віросповідання навіть не могли мріяти про подібну опіку верховної влади. Відповідно, представники неправославних конфесій знаходились у зоні дискомфорту та дискримінації. Основним завданням Російської Православної Церкви було забезпечення на ідеологічному, духовному рівні панування філософсько-політичної доктрини про «богообраність» російських самодержців та, відповідно, «божественності» державної влади у Російській імперії.

У контексті цього монархія пішла на узурпацію не тільки політичної, але й церковної влади: суб'єктність Церкви була знищена, замість системи церковного самоврядування - наявності інститутів виборного Патріарха та Помісного Собору був створений гібридний державно-церковний інститут Святійшого Синоду, як формально колегіальна установа управління клерикальним світом. У результаті, православне духовенство перетворилося де-факто у державних службовців, які реалізовували на практиці ідеологічні імперативи. Зовсім не дивно, що навіть у короточасні періоди прогресивних трансформацій в імперії репрезентанти духовенства в абсолютній своїй більшості підтримували консервативні політичні сили, продовжуючи проводити реакційну політику у громадах та серед пастви. Величезною проблемою для Російської Православної Церкви була поява різного роду дискредитуючих її явищ, наприклад високих посадових осіб духовного сану, які фігурували у політичних скандалах, ідеологічних конфліктах, корупційних злочинах, світській інтимній хроніці життя і т.п. Само собою зрозуміло, що серед мирян авторитет Церкви почав неухильно зменшуватися.

Завершуючи свої роздуми, М. Ястребов сформував класичні концептуальні тези політики ліберального руху щодо Російської Православної Церкви: релігія повинна бути відділена від держави; православ'ю необхідно дати свободу самовизначення і внутрішнього устрою; потрібно відмовитись від державного фінансування клерикального світу, з метою уникнення політичної залежності - Церква повинна функціонувати на благодійній, меценатській, добродійній пожертви та внески парафіян[5]. Однак, незважаючи на критичне ставлення до ролі Церкви у політичному житті країни, земські ліберали північної України, будучи православними християнами, не стали антагоністами по відношенню до клерикального світу, що свідчить про їх шляхетність та додає честі. Необхідно зауважити, що прогресисти продовжували на постійній системній основі залучати православних священнослужителів до вагомих громадських акцій. Наприклад, для здійснення релігійних церемоній відкриття та

освячення важливих установ, як це було з першою спеціалізованою ремісничою школою імені О. Ліндфорса у селі Олешня Городнянського повіту Чернігівської губернії[6].

Резюмуючи зауважимо, що публіцистичні твори, авторами яких були як члени опозиційної аристократичної фронди краю так і представники прогресивних кіл громадськості регіону є вельми цікавим джерелом з історії земського ліберального руху на півночі Лівобережної України(60-80рр.ХІХст.), які яскраво підтверджують, що демократичний соціум країни прекрасно розумів роль та місце Російської Православної Церкви у процесах Контрреформ в імперії та аргументовано критикував клерикальний світ за політично недалекоглядну позицію - активну участь у вказаних процедурах, що, на глибоке переконання ліберальних земців північної України, було деструктивним і контрпродуктивним кроком.

Бібліографія:

1. Скалон В. Духовенство и земство. По земским вопросам. В переходное время (1880-1882). Очерки, обозрения, заметки. СПб., Типография Товарищества «Народная Польза», 1905. С.162-167.
2. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Прага, 1934. 472с.
3. Пайпс Р. Церковь как служанка государства. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С.291 - 322.
4. Дроздов И. Как нас учили в гимназии. *Русская мысль*. 1902. Книга 7. С.164-177.
5. Ястребов М. Грехи старой власти против православной церкви. *Черниговская земская газета*. 1917. №35-36. 2-16 мая. С. 12-14.
6. Русова С. Освящение здания первой сельской ремесленной школы в Черниговской губернии. *Земский сборник Черниговской губернии*. 1895. №1-3. Чернигов: Типография Губернского земства, 1895. С. 138-164.

УДК 94(470+438) «1863»

А.И. ГЕРЦЕН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 Г. НАЦИОНАЛЬНЫЙ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И КЛАССОВО-СОСЛОВНЫЙ АСПЕКТЫ.

Куренышев Андрей,

доктор исторических наук, профессор

Российского Государственного социального университета РФ, Москва, РФ

e-mail: kure-andrej@yandex.ru

orcid id: 0000-0003-5058

Abstract. The article tells about the complex relationship between the Russian and Polish liberation movements of the mid-19th century.

Key words. Liberation movement, estates, classes, denominations, peasants, gentry.

Александр Иванович Герцен, его ближайший друг и соратник Н.П.Огарев, да и другой великий русский революционер с мировым именем, М.А. Бакунин, находились в постоянных взаимоотношениях с польской диаспорой в Англии, той ее частью, которая лелеяла планы возрождения Польского государства. Планы эти частично совпадали с намерениями русских борцов с самодержавием, но во многом и существенно расходились с ними. Бакунин, сторонник общеславянского единства, рассматривавший Российскую империю, ее самодержавие почти, что как одну из разновидностей германских государств, наподобие Пруссии, Баварии, Австрии, считал славянство мощнейшим революционным оружием против деспотии, тирании, полицейского произвола, царивших в России. Он считал, что от эксплуатации и социального гнета мир спасет славянство во главе с русским народом, читай крестьянством путем создания Славянской федерации, в состав которой войдет и Польша. Герцен разделял основные положения, лежавшие в основе анти самодержавной борьбы,

которую пытались организовать и поддерживать русские эмигранты-революционеры. Суть борьбы выражалась в лозунге: «Земля и воля». Лозунг и программа ее реализовавшая сводились к уничтожению самодержавно-бюрократического строя, чуждого, как считали многие и не только революционные демократы, а, например, славянофилы, русскому народу, вольнолюбивому и непокорному по своей сути. Самодержавие предполагалось заменить не буржуазно демократическими институтами: парламентом, всеобщими выборами и т.п., а общинным социализмом. Герцен, будучи последовательным социалистом, то есть противником капиталистического прогресса, базирующегося на частной собственности. В этом вопросе Герцен расходился с К. Марксом и Ф.Энгельсом. Правда, в отличие от Бакунина, Герцен не считал великих пролетарских революционеров врагами славянства (за исключением, опять же Польши) и проводниками пангерманской политики, зиждившейся на разделении народов на «исторические, то есть способные на саморазвитие и «не исторические», развивающимися исключительно под воздействием народов исторических. Герцен, повторим, бакунинских взглядов на роль в истории немцев и славян не разделял. Будущий вождь Великой октябрьской революции В.И. Ленин, разделяя взгляды своих учителей, писал в одной из своих работ: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, но и всевропейской»[2, с. 297]. «Известно, - писал Ленин в этой же статье, что. К. Маркс и Фр. Энгельс считали, безусловно, обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши» В примечании к этой статье под номером 116 можно прочесть, что «Непосредственным поводом к восстанию (1863 г. А.К.) послужил особый рекрутский набор, который решили провести царское правительство и правящие круги Польши в целях массового удаления из городов революционно настроенной молодежи»[2, с. 520]. Герцен с Огаревым, поддерживая поляков в целом, разделяли их на «красных» и «белых». К первым относились участники Центрального национального комитета, сформированного мелкошляхетской партией в 1862 году. Его программа содержала требование национальной независимости Польши, равноправия всех мужчин страны без различия религии и происхождения; передачи крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность без выкупа за вознаграждение помещиков за счет государственных средств и др. Затем, однако, преобладающим влиянием на движение стали пользоваться так называемые «белые», крупные помещики, стремившиеся использовать восстание исключительно ради восстановления Речи Посполитой в границах 1794 г., то есть с включением территорий, населенных украинцами и белорусами, считавшимися по тогдашней классификации русскими...

Герцен, в отличие от эмоционального и увлекающегося Бакунина, политически, идеологически и по деловым соображениям был более разборчив во взаимоотношениях с теми, кто стремился войти с ним в контакт по вопросам революционной борьбы, в том числе и по «польскому вопросу. Он успешно выявлял агентуру Шотделения, которой среди поляков было предостаточно. Считая, что восстание несвоевременно и плохо подготовлено, Герцен пытался убедить его симпатизантов повременить с этим предприятием. Но самое главное, объективно русское освободительное движение вступало в явное противоречие с устремлениями поляков. «Договориться до одинакового понимания было невозможно. Мы шли с разных точек – и пути наши только пересекались в общей ненависти к петербургскому самовластью. Идеал поляков был за ними: они шли к своему прошедшему, насильственно урезанному, и только оттуда могли продолжить свой путь. У них была безднамошей, а у нас пустые колыбели»[1, с. 296] Как в настоящее время украинцы, поляки стремились отделиться и отдалиться от России и зажечь европейской жизнью, с ее буржуазно-демократическими порядками, позволявшими эксплуатировать тех, кого можно было признать за стоящих на нижних этажах социальной лестницы. Ни Герцен, ни тем более Бакунин, такие порядки справедливыми признать не могли. «Эмиграция смотрела столько же назад, сколько вперед,

она стремилась восстанавливать – как будто в прошедшем что-нибудь достойное восстановления, кроме независимости, а одна независимость ничего не говорит, это понятие отрицательное. Разве можно быть независимее России? В сложную, туго вырабатывающуюся формулу будущего общественного устройства Польша внесла не новую идею, а свое историческое право и свою готовность помогать другим в справедливой надежде на взаимность»[1, с. 102.] «У них было богатое прошедшее, у нас большая надежда, у них грудь была покрыта рубцами, у нас только крепили для них мышцы»[1, с.103.]

«Из всех поляков, с которыми я сблизился тогда он (Ворцель) был наиболее симпатичный, и, может быть, наиболее исключительный в своей нелюбви к нам. Он не то, чтобы любил русских, но он понимал вещи гуманно и потому далек был от гуловых проклятий и ограниченной ненависти. С ним первым заговорил я об устройстве русской типографии».[, 1с. 105.].

«Небольшая кучка людей, близко окружавших Ворцеля, далеко не имела одного уровня с ним».[1, с.109.].

Чего же хотели польские бунтари от Герцена? И чего от них хотел и мог получить Александр Иванович для борьбы с самодержавием, за общинный социализм? Да ничего! «Люди эти не поняли серьезного смысла того союза, который я предлагал. Они в нем видели средство придать новый колорит делу: вечная тавтология общих мест, патриотические фразы, казенные воспоминания – все это приелось и наскучило. Соединение с русским давало 'новый интерес. К тому же они надеялись поправить дела, очень расстроенные, на счет русской пропаганды»[1, с.110.]. Поляки попросили Герцена написать и напечатать статью, излагающую его позицию по польскому вопросу. Он это сделал. В ответ Л.Зенкович написал воззвание к русским. «Ни тени новой мысли, те же фразы, те же воспоминания и притом католические выходки»[1, с.299.]. В газете поляков, вопреки обещаниям, ничего не было изменено, несмотря на протест Герцена. Он, в качестве «богатого русского барина», неоднократно подвергался вымогательства со стороны «якобы» революционеров, да и просто нечистых на руку людей

В общем, к польским делам Герцен относился довольно скептически. Многое изменило появление сбежавшего из сибирской ссылки, Бакунина. Он свято верил в революционность всех славян и особенно поляков. Под напором его энергии Герцену и Огареву пришлось так - таки участвовать в подготовке и поддержке восстания... Перед Герценом явилась череда весьма сомнительных личностей: провокаторов-шпионов, авантюристов и просто никчемных организаторов. Поляки закупили оружие и решили отправить его на судах известной организации британской компании. Известной и царским спецслужбам... Ничего из того не вышло. Согласование программ, даже с самыми радикальными членами польской организации показало их несовместимость по сути. Как отмечал Герцен: «Этот спор из-за слов показывал, что сочувствие наше одним и тем же вопросам не было одинаковым»[1, с.298.]. Речь шла, напомним о статусе и положении территорий, населенных не только поляками, но белорусами и украинцами и о наделении последних земель. Бакунин полагал, что надо быть снисходительнее к позиции поляков. На это Герцен ответил: «Мне кажется, что им до крестьянской земли, в сущности, мало дела, а до провинций слишком много»[1, с. 299.].

Как можно заметить, для Герцена программа передачи земли крестьянам не была пустым звуком, словесами... Бакунин же ради вовлечения в реальное дело да еще с применением оружия, готов был не обращать внимание на отказ от программы «земли и воли». Представители реальной «Земли и воли» приезжали к Герцену. Они рассказывали о том, что поляки убивают русских солдат и ранили офицера, члена организации... Это поведение повстанцев вызывает озлобление солдат, считающих это предательством. Бакунин в своем стиле считал, что в драку надо ввязаться, а потом уж думать, что из этого выйдет. Герцен же полагал, что восстание отбросит революционное движение в России на многие десятилетия назад. Огарев, однако, написал и «Колокол» опубликовал «Обращение к Комитету русских офицеров в Польше». Бакунин сделал к этому обращению свое добавление. «... ваше положение трагично и безвыходно, - писал Огарев. Шанса на успех мы никакого не видим.

Даже, если Варшава на один месяц была свободна, то оказалось бы только, что вы заплатили долг своим участием в движении *национальной независимости*, но что воздвигнуть русского социального знамени *Земли и воли* – Польше не дано, а вы слишком малочисленны».[1, с. 302]. Бакунин, также, писал о Земле и воле, как главном лозунге русского революционного движения. Поляки, по всей видимости, эти лозунг и программу, принимать не желали и не могли в силу классово-сословного характера движения, в основном шляхетско-помещичьего...

Восстание было подавлено путем использования как вооруженных сил, которые, несомненно, превосходили повстанческие, так и путем уступок белорусско-украинскому крестьянству. М.Н. Муравьев, будучи сам ярчайшим представителем дворянско-помещичьей группировки, резко отделил польскую шляхту от крестьян. Им было объявлено о прекращении временно обремененного состояния, в котором продолжало оставаться большинство крестьян в Великороссии. Таким образом, была предотвращена опасность перерастания шляхетского националистического восстания в крестьянскую войну. «Дед, еще студентом Горы-Горецкого сельскохозяйственного института под Могилевом, принял участие в Польском восстании 1863 г Их повстанческий отряд был разбит; руководители расстреляны, рядовые пошли под суд», - писал Владимирский писатель В.Ю. Янковский[3, с.3.]. В другой своей книге В.Ю. Янковский упоминает и об истории с пароходом, зафрахтованным поляками для переброски закупленного для восстания оружия.. «Капитан парохода, которого мы считали своим, оказался предателем, царские шпики в Лондоне сумели его подкупить. Пароход в назначенное время в литовский порт не прибыл. Негодяй увел его, пока неизвестно куда...»[4, с. 6.].

Герцен в «Былое и Думы» дает несколько иную интерпретацию истории с пароходом. Он задавал полякам вопрос: зачем они воспользовались услугами пароходства, исполнявшего много лет комиссии российского адмиралтейства, то есть имевшего тесные связи с правительством империи...! Оказалось, что это пароходство рекомендовали заведомые агенты царизма в среде польской эмиграции. Все остальное прошло как по нотам, написанным царской агентурой. Пароход был задержан. «Между тем “Ward Jackson” остановился в Копенгагене за водой, прождал несколько часов в Мальме Бакунина, собиравшегося с ними для поднятия крестьян в Литве, и был захвачен по приказанию шведского правительства» [1,с.312.]. Капитан же корабля заявил, что он его к русскому берегу не поведет...В этой истории опять же не обошлось без вмешательства царских агентов! Кроме того, Бакунин перессорился с Домановичем в Мальме. И как отмечал Герцен со слов одного из руководителей польского восстания: «А ведь что, господа, как ни тяжело с русским правительством, а все же наше положение при нем лучше, чем то, которое нам приготовят эти фанатики-социалисты»[1, с.313.] Ясно, что шляхту программа Герцена-Бакунина по решению социального вопроса в России в интересах крестьян не устраивала. Шляхетские руководители и участники национально-освободительного восстания думали только о восстановлении Речи Посполитой, восстановлении шляхетской вольницы, которую многие, но не Герцен, считали разновидностью демократии! О крестьянской общинной демократии поляки вовсе не думали! Эта вольница, шляхетская фанатерия явились причиной многих просчетов и промахов в подготовке восстания. Поражение его, как и предвидел Герцен, было неизбежным. Признание и понимание этого не помешало Герцену выступить с рядом статей, обличавших жестокость царских властей (иногда несправедливо и преувеличенно) и главного руководителя подавления восстания М.Н. Муравьева – Виленского, получившего не вполне оправданное прозвище «вешатель».

Библиография:

1. Герцен А.И. Былое и думы части 6-8 Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая т. 74 Издательство «Художественная литература» М., 1969 613 с.
2. Ленин В.И. О праве наций на СА т. моопределение. Полн. Собр. Т.25.
3. Янковский В.Ю. От гроба Господня до гроба ГУЛАГа. : быть. – Ковров: Маштекс, 2000 – 240 с.
4. Янковский В.Ю.Нэнуни – четырехглазый. Повесть. Ярославль, Верх. Волж. Кн. изд. 1979. – 239 с.

УДК 904

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Потапова Юлия

КУ «ХГПА» ХОР

e-mail: Y.potapova@ukr.net

orcid id: 0000-0003-0034-552X

Abstract. In 2006, during archeological excavations in the historical center of Chuguev, a fragment of leather shoes was found among numerous finds. The study of the archaeological find takes into account the appearance of shoes, size, material and technology of its manufacture. In particular, the technological features of making a typesetting heel, wood-pin fastening method and others are recorded.

Key words: Chuguev, footwear, typesetting leather heel, wood-pin fastening method.

Обувь является важным элементом, который всегда дополнял одежду и также, как и верхняя ноша, был очень похожим для мужчин, женщин и детей, отличаясь только размером и декоративной отделкой [1, с. 247]. Поэтому, как и одежда, обувь является одним из древнейших предметов человеческого обихода. Она отражает социально-экономическое положение народа, а его разновидности зависят от природно-климатических условий жизни населения, материального достатка, эстетических вкусов и тому подобного. С древности основной функцией обуви была защита и утепление ног [6, с. 22].

С течением времени и изменением эстетических и материальных привязанностей менялись не только внешний вид обуви, но и материал, а также технологии его изготовления с учетом того или иного целевого назначения. Поэтому является актуальным исследование указанных изменений и предпочтений для лучшего понимания материальной культуры человечества в целом и Слобожанщины в частности. Для этого был рассмотрен один из музеефицированных образцов (рис.), найденный во время археологических раскопок в историческом центре г. Чугуева¹⁴ [7, с. 13, рис. 50, 51] и ныне хранящегося в фондах Художественно-мемориального музея И. Е. Репина (инвентарный номер 4055/76 научно-вспомогательного фонда).

Обувь сохранилась фрагментарно, что затрудняет ее интерпретацию. Поэтому основной целью и первостепенной задачей является анализ технологических особенностей ее изготовления и соотнесения с конкретным культурно-хронологическим периодом.

В 2006 г. во время проведения археологических раскопок в одной из ям (исследована в пределах раскопа частично) был обнаружен фрагмент кожаной обуви. В целом комплекс начинал прослеживаться с глубины 0,8 м от современной дневной поверхности. Его заполнение можно охарактеризовать как гумусное с примесью фракций обожженной обмазки, песчаной крошки и смешанного глиняно-черноземного грунта. По содержащемуся вещевому материалу яму возможно было датировать кон. XIX - нач. XX вв.

Упомянутые выше фрагменты кожаной обуви (рис.) находились у дна ямы. Среди конструктивных особенностей обуви следует отметить наборной кожаный каблук, скрепленный деревянными шипами. Всего насчитывается четыре слоя кожи толщиной 3,8-4 мм каждый. Таким образом, этот элемент обуви достиг высоты около 1,6 см. Вероятно, имел место еще один - сплошной по всей площади каблука - аналогичный по толщине слой кожи, перекрывавший выше расположенные, которые только составляли стенки этого элемента обуви. Таким образом, первоначально каблук достигал, скорее всего, высоты 2 см.

¹⁴ Выражаю благодарность к.и.н. Г.Е. Свистуну за предоставленную возможность использования материалов археологических исследований из научного отчета по археологическим раскопкам в г. Чугуеве.

Также следует отметить, что и стелька была изготовлена из аналогичной кожи такой же толщины и жесткости. Она состояла из двух частей – основной и носовой (не сохранилась), сшитых между собой. Об этом свидетельствуют отверстия прошивки по соответствующему краю стельки. Общие размеры обуви трудно представить через фрагментарность сохранности, но возможно сделать предположение, что им пользовался подросток или женщина. В целом редкость находок детской кожаной обуви говорит, по-видимому, о ее небольшом распространении [3, с. 259].

Таким образом, в результате проведенной работы по предварительному изучению остатков обуви из исторического центра г. Чугуева, следует, что она состоит из деталей верха и низа, скрепленных между собой с помощью прошивки. Верх модели имеет отдельно выкроенный носок. На участках верхней заостренной носовой части фрагментарно прослеживается матерчатая подкладка. Она сохранилась лишь частично. По периметру выкройки прослеживаются отверстия от швов на расстоянии 2-3 мм.

Важное значение имеют внешние детали низа обуви. Следует отметить, что с развитием кожаного ремесла в XIX в. конструкция обуви резко изменилась. Верх обуви стали делать из мягких кож, а низ – из более толстых и жестких. Подошву к заготовке стали прикреплять не только нитками, но и гвоздями – сначала деревянными, а затем и металлическими. При рассмотрении фрагмента из фондов музея в г. Чугуеве было обнаружено, что способом крепления низа является древо-шпильный. Пользуясь им, подошву прикрепляют через затяжную кромку заготовки к стельке деревянными шпильками [4, с. 17]. В нашем случае шипы группируются преимущественно по три (два по краю и один изнутри), а также проходят по линии внутреннего среза каблука (в один ряд ближе к центру).

В итоге следует также обратить внимание, что место находки соотносится с историческим центром города, где, как правило, концентрировалось население, которое занимало, скорее всего, более высокий социальный и имущественный статус.

Библиография:

1. Буличова В. В. Музейні предмети з тканин та шкіри у колекції Харківського історичного музею та їх використання в експозиційній та виставковій роботі. *Вісімнадцяті Сумцовські читання: збірник матеріалів наукової конференції «Музей як соціокультурний інститут в умовах інформаційного суспільства»* (проводиться в рамках XVIII Сумцовських читань, 18 квітня 2012 р.), Харків: Майдан, 2012. 274 с.
2. *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях*: сб. материалов 20-й междунар. науч.-практ. Конф.: в 2 т./ ред. изд. Карнович С.А., Капустюк П. А., Жигалов Н. Ю. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. 428 с.
3. Логинов А. Н. Костюм донского казачества в XVI-XIX веках. Волгоград: «ПринТерра», 2018 г. 40 с.
4. Огородников А. Д. Кожаная обувь населения царевкокшайска в XVIII веке (по материалам раскопок г. Йошкар-олы 2008 – 2010, 2015 гг.). *Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XI Международной археологической конференции студентов и аспирантов* (Ростов-на-Дону, 7–9 ноября 2016 г.). Ростов-наДону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 340 с.
5. Островитянов Э. М, Иванов Б. Я. Технология обуви. Москва: Легкая индустрия, 1967. 280 с.
7. Новіцька О. І., Шеремета Л. П. Назви взуття та його елементів у говірках Пігаєччини Тернопільської області. Тернопіль 22 с.
8. Свистун Г.Е. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И. Е. Репина в 2006 году // НА ИА НАН Украины. 2006/30.
9. Шув И. И. Общая технология обуви. Учебник для техникумов легкой промышленности: 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Гизлегпром, 1963. 132 с.

Иллюстрация:

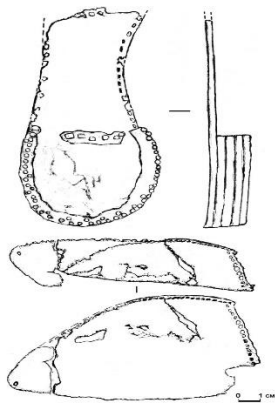

Рис. 1. Фрагменты кожаной обуви из исторического центра г.Чугуева. Прорисовка Г. Е. Свистуна

УДК 271.2-774(=163.2)(478+498.7)«1815/1818»

**ДУХОВЕНСТВО ИЗМАЙЛЬСКОГО И ТОМАРОВСКОГО ЦИНУТОВ В
БЕССАРАБИИ В 1815 И 1818 ГГ.**

Пушков Игорь,

аспирант Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина

e-mail: puscov_bolgrad@yahoo.com

orcid id: 0000-0002-7534-8947

Abstract. The formation of the clergy in the Orthodox parishes of Tomarovsky and Izmailsky tsinuts was carried out both with the use of cadres of clerics serving in Budjak back in the days of the Pro-Ilava diocese, and with the involvement of new personnel from outside the diocese. The latter include the clergy transferred to the Danubian parishes from the Khotinsky and Akkerman tsinuts of the Bessarabian region, the Tiraspol and Ananyevsky districts of the Kherson province, as well as the Podolsk diocese. Priests who arrived from across the Danube were ordained in places within Turkish borders, did not know the Russian language and often realized themselves in Moldovan and Bulgarian villages of other tsinuts

Key words: clergy, orthodox church, parish, priests

Постановка проблемы и актуальность исследования. В последние десятилетия актуализировалось изучение не только истории Православной Церкви, но и низшего духовенства, служащего в приходах. История приходского духовенства – составная часть как церковной, так и социальной истории. Изучение особенностей формирования духовного сословия, его качественных характеристик относятся к актуальным задачам исторической науки. Важнейшей составной частью духовенства является священство – соль земли. Священник, по своему значению, уподобляется Ангелам, так как призван возвещать волю Бога и заниматься пастырством. В святоотеческой литературе отмечается, что священническое служение выше ангельского, ангелы сослужат во время совершения Евхаристии, а священник является ее совершителем.

В социальном плане роль священников также велика, как никто другой они влияли на формирование и развитие сельского микрокосма. Духовенство наставляло людей в вопросах православной веры, выступало нравственной опорой своим прихожанам, сопровождало основные этапы в жизни людей: рождение, вступление в брак и смерть, занималось просвещением, организацией школ и попечением, а также выступало связующим звеном между евхаристической общиной и властью.

Цель статьи. Изучить особенности формирования православного духовенства Российской Православной Церкви на территории Придунавья в начальном периоде, проанализировать количественные и возрастные показатели клириков. Рассмотреть их этническое и социальное происхождение, а также вопросы поведения и дисциплины духовных лиц.

Анализ последних исследований и публикаций. В последние годы на юге Р. Молдовы и юго-западных районах Одесской области Украины был опубликован целый ряд книг, научных монографий и краеведческих исследований, в которых, в той или иной степени рассмотрены история создания храмов, даны жизнеописания приходского духовенства. Однако, исходя из целей и задач нашего исследования, более всего близки по своей тематике работы молдавского исследователя Н.Д. Руссева [10; 11]. Работы последнего сосредоточены на селениях Измаильского цинута и некоторых болгарских селениях, выходящих за его пределы, что соответственно создает нежелательные лакуны. Настоящее исследование призвано дать полную характеристику православного духовенства, служащего в придунайских приходах в 1815-1818 гг.

Изложение основного материала. В рассматриваемый нами период активно развивалась гражданская колонизация земель, присоединенных к Российской империи после русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Происходила реорганизация управления Бессарабской областью, упразднение временного управления и передача всей власти Бессарабскому областному комитету, состоящему из молдавских бояр и русских чиновников, руководимых Екатеринославским губернатором И.Х. Карагеоргием. Светские структуры занимались укреплением централизованной власти областного чиновнического аппарата и ограничивали бесконтрольную деятельность цинутных начальников и молдавского боярства.

Перед церковными властями Кишиневской епархии тоже стоял широкий круг задач. Наиболее важными среди них были: уточнение границ новообразованной епархии, создание в ней протопопий и определение их границ; укрепление централизованной епархиальной власти на местах; ограничение бесконтрольной деятельности греческого духовенства, настоятелей многочисленных «преклоненных» монастырей (т.е. приписанных к крупным греческим обителям: афонским, Святогробскому, Синайскому монастырям или состоявших в юрисдикции различных восточных Патриархатов); проведение приемо-передачи храмов из Херсонской и Екатеринославской епархий; административное упразднение Проилавской епархии и включение части ее приходов в Кишиневскую епархию. Последняя задача реализовывалась в отрыве от епархиальных властей на достаточно большом расстоянии, на пограничной территории Томаровского и формирующегося Измаильского цинутов, где располагались «преклоненные» монастыри. Управление придунайскими приходами возглавил выходец из молдавского боярства протоиерей Никита Глизян [11, с. 497-498].

Прежде чем мы начнем анализировать духовенство, служащее в придунайских цинутах, скажем несколько слов о репрезентативности источников. Исследование выполнено на основе массовых церковных источников, хранящихся в Коммунальном учреждении «Измаильский архив». Первая сшивка, относящаяся к 1815 г. включает в себя 25 документов – «Формулярные ведомости о священно и церковнослужителях и их мужеска пола детях» [2], а вторая, за 1818 г. – 26 ведомостей [3]. Сшивки документов выполнены в начале XIX в., полнота их не вызывает сомнений. По оформлению и заполнению данных, ведомости относятся ко второй очереди церковной документации.

Территориально в число рассматриваемых приходов в 1815 г. включены Кресто-воздвиженский и Николаевский приходы крепости Измаил, Николаевский и Дмитровский приходы г. Тучков. В Измаильский цинут на тот момент входили 5 приходов селений: Бабыной, Едикбурно, Кубей, Тараклия и Ташбунар. В Томаровский цинут входили Иоанно-Предтечиевский приход г. Томаров (Рейни) и 15 сельских приходов: Барта, Брынза, Валены, Волканешт, Жоржолешты, Итулия, Карагач, Картал, Колебабча, Пуцита, Сатуноу, Табак, Фрикацея, Хаджи-Абдулы, Чешмекиой. К 1818 г. произошел ряд событий, внесших соответствующие изменения в состав протопопии. В крепости Измаил, именуемой в

документах как город Измаил основан новый Успенский приход при монастыре. Основаны новые приходы в селениях Чишма и Колебаш. Из Николаевского прихода селения Бабыной выделился отдельный Архангело-Михайловский приход селения Долутий. По ветхости храмов исключены из списка протопопии Архангело-Михайловский приход селения Колебабча и Афанасиевский селения Чешмекиой. Приход в колонии Табак прекратил свое существование с уходом части населения – сербских волонтеров на другое место жительства и убийства с ними сербского духовенства протоиерея Михаила Вукитиновича и священника Георгия Афанасевича [2, л. 39об.-40]. Приход в этом селении возобновил свою деятельность только в 1820 г. [8, л. 7] с постройкой Благовещенского храма тоже в колонии, но уже болгарской.

Все приходы на Придунайских землях находились в ведении протоиерея Никиты Глизяна, выпускника Шаргородской (Каменец-Подольской) духовной семинарии [4, л. 1об.-2]. В 1815 г. он был клириком Крестовоздвиженской церкви в крепости Измаил [2, л. 1об.-2], а в 1816 г. переместился в Св. Николаевскую церковь [3, л. 1об.-2] в результате чего произошла смена кафедральных храмов. Все благочиннические должности на этой территории занимали выходцы из польской шляхты. В Измаильском цинуте благочинным священником был Исая Сабатовский [2, л. 5об.-6; 3, л. 1об.-2]. Томаровский цинут делился на две части (округа), административные центры находились в г. Томаров (Рейны) и селении Сатуноу. В первой части цинута должность благочинного исполнял родной брат Исая, Иоанн Сабатовский [2, л. 21об.-22; 3, л. 27об.-28], а во второй – Николай Заблоцкий [2, л. 37об.-38; 3, л. 44об.-45].

Формирование духовенства на территории Буджака происходило неравномерно. Начало было положено в 1809 г. после захвата турецкой крепости Измаил, а активизировалось после подписания Бухарестского договора 1812 г. и присоединения Придунавья к Российской империи. Основная часть духовенства была переведена или назначена в приходы Измаильского и Томаровского цинутов в период 1814-1817 гг.

Число духовенства в Придунавье увеличивалось постепенно. В 1815 г. в приходах Измаильского и Томаровского цинутов насчитывалось 55 клириков, а в 1818 г. – 73. Количественный состав священнослужителей оставался практически неизменным, но увеличилось количество церковнослужителей: дьячков в 2,2 раза, пономарей в 2,7 (см.: табл. 1). В административных церковных центрах: протопопии и благочиниях было сосредоточено основное количество просвещенного духовенства. Вообще доля городского духовенства была значительной, в 1815 г. она насчитывала 21 клирика, что составляло 38,2 % от их общего числа, а в 1818 г. соответственно – 26 (35,6%).

Таблица 1
Количество духовенства в Измаильском и Томаровском цинутах в 1815 и 1818 гг. [2; 3]

Приходы	1815 г.				1818 г.			
	Свящ.	Дья- коны	Дьяч- ки	Поно- мари	Свящ.	Дья- коны	Дьяч- ки	Поно- мари
Крепость Измаил	3	–	–	1	3	1	1	1
г. Тучков	6	1	2	3	7	1	3	3
Измаильский цинут	5	–	1	–	7	–	3	6
Безместные священники	–	–	–	–	3	–	–	–
г. Томаров (Рейны)	3	1	–	1	3	1	1	1
Томаровский цинут	19	–	3	3	15	–	5	8
Безместные священники	3	–	–	–	–	–	–	–
Всего	39	2	6	8	38	3	13	19

Сведения формулярных ведомостей за 1815 и 1818 гг. предоставляют возможность охарактеризовать священно и церковнослужителей. В частности в ведомостях содержатся данные о возрасте, семейном положении, уровне грамотности, нравственном облике, этническом и социальном происхождении, а также о продвижении по службе.

В начале XIX в. церковные структуры в Бессарабии еще не являлись замкнутым духовным сословием и привлекали в свои ряды выходцев из разных слоев населения. Данные «формулярных ведомостей» свидетельствуют, что духовенство, служащее в приходах Измаильского и Томаровского цинутов тоже было неоднородно по своему социальному происхождению. Большая его часть являлась выходцами из податного сословия (поселян, мещан, купцов). В 1815 г. их количество составляло 30 (54,5 %) чел., а в 1818 г. 43 (59 %) чел. (см.: табл. 2).

Таблица 2

Социальное происхождение духовенства Измаильского и Томаровского уездов Бессарабии в 1815 и 1818 гг. [2; 3]

Сословия	1815 г.				1818 г.			
	Свящ.	Дья- коны	Дьяч - ки	Поно- мари	Свящ.	Дья- коны	Дьяч - ки	Поно - мари
Протоиереи	—	—	—	—	—	—	1	—
Священники	7	—	1	4	6	—	2	6
Дьячки	—	—	—	—	—	1	—	—
Дворяне и шляхта	8	—	—	—	9	—	—	3
Мазылы	4	—	1	—	1	—	1	—
Казаки	—	—	1	—	—	—	—	—
Купцы	5	—	—	—	3	—	—	—
Мещане	—	—	1	—	—	1	—	—
Поселенцы	15	2	—	2	18	1	8	9
Казенные поселенцы	—	—	2	2	1	—	1	1
Всего	39	2	6	8	38	3	13	19

Необходимо отметить, что в число поселян были определены и выходцы из Задунайской Сечи, не вступившие в Усть-Дунайское казачье войско и осевшие в придунайских селениях. Примером тому Мартин Чорноморцев, упоминавший о своем казачьем происхождении только в самой ранней формулярной ведомости за 1815 г. [2, л. 37об.-38].

Количество выходцев из числа духовных лиц было относительно небольшим, но из года в год постепенно увеличивалось. Даже по такому незначительному срезу как в два года эта тенденция уже просматривается. В 1815 г. число лиц из духовной среды составляло 12 (22%) чел., а в 1818 г. – 16 (22%).

Число клириков, вышедших из привилегированных слоев общества, в составе духовенства было достаточно высоким. В начале XIX ст. это явление наблюдалось не только в Бессарабии, но и на других территориях Российской империи. На тот момент для мелкопоместного дворянства Церковь являлась одним из видов социального лифта. Количество духовных лиц, вышедших из состава дворян и шляхты в 1815 г. составило 8 (14,5 %) чел., а в 1818 г. даже несколько увеличилось и насчитывало 12 (16,3 %) чел. В это число не были включены клирики из числа мелкого молдавского боярства «мазылы». Позже правительственным указом их лишили привилегированного статуса и приравнивали к поселянам однодворцам.

Особый интерес для исследователей представляет характеристика этнического происхождения духовенства. В приходах протопопии было достаточно много духовенства молдавского происхождения, служившего в них еще во времена Проилавской епархии. Среди священнослужителей выходцы из молдавской среды составляли в 1815 г. 19 чел., что составляло 48,7 % от их общего количества. К 1818 г. число молдавских священников несколько снизилось и насчитывало 14 (36,8 %) чел. При этом происходит увеличение доли молдаван среди церковнослужителей. В 1815 г. их количество было минимальным и составляло всего 3 (21,4%) чел. В 1818 г. произошло увеличение их количества на несколько

порядков и доля выходцев из молдавской среды составила 10 (31,3%) чел. Необходимо отметить, что при большом количестве молдаван в духовной среде и честным исполнением клириками своего пастырского долга, они не являлись движущей силой в реформационных процессах того времени. Единственным исключением подобного рода является протоиерей Никита Глизян, живший в украинском окружении и получивший профильное образование в украинской духовной семинарии. Активным ядром, в данном случае, выступало украинское духовенство, реализующее политику епархиальных властей на местах.

Таблица 3

Этническое происхождение духовенства Измаильского и Томаровского уездов Бессарабии в 1815 и 1818 гг. [2; 3]

Этносы	1815 г.					1818 г.				
	Свящ.	Дья- коны	Дьяч - ки	Поно- мари	Всег о	Свящ.	Дья- коны	Дьяч- ки	Поно- мари	Всего
Поляки	4	—	—	—	4	3	—	—	—	3
Украинцы	8	1	4	4	17	11	3	5	6	25
Молдаване	18	1	1	2	22	14	—	4	6	24
Греки	4	—	—	1	5	4	—	1	2	7
Болгары	3	—	1	1	5	6	—	3	5	14
Сербы	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—

Украинская часть духовенства формировалась из уроженцев Хотинского и Аккерманского цинутов Бессарабской области, а также Тираспольского и Ананьевского уездов Херсонской губернии, в то время входивших в состав Кишиневской епархии. Число клириков украинского происхождения в этот период было наивысшим в первой половине XIX в. Так, в 1815 г. их было 17 чел., что составляло 31 % от общего количества священно и церковнослужителей, а в 1818 г. – 25 (354,2%) чел. (см.: табл. 3). В последующие годы украинское по происхождению духовенство если в количественном отношении и не уменьшалось, то в процентах более не достигало такого уровня. К примеру, в 1834 г. количество украинцев среди духовенства Измаильского уезда составило 10 (20,8 %) чел. [5], в 1849 г. – 25 (28,1%) чел. [6], а в 1856 г. – 28 (29,5 %) [7].

Количество украинцев на низших должностях церковнослужителей, в сравнении с представителями других национальностей, было невелико. В основном это была молодежь, среди которой видим детей и родственников некоторых священнослужителей. Последнее обстоятельство, кстати, указывает на тенденцию, когда подготовленные и грамотные молодые люди не сразу рукополагались в дьяконы и священники, а начинали свой путь в духовном ведомстве с низших должностей пономаря и дьячка.

Поляки при своем небольшом количестве играли важную роль в духовной среде. Выходцы из шляхты получили прекрасное воспитание и образование, и как просвещенные люди были востребованы церковными структурами. Они были священниками и занимали благочиннические должности в Измаильском и Томаровском цинутах. В 1815 г. их количество составило 4 (7,2 %) чел., а в 1818 г. – 3 (4,1 %) чел. В дальнейшем их число уменьшалось из года в год. При активной колонизации края и развертывания различных государственных структур образованные поляки быстро находили применение на гражданском поприще.

Доля греков и болгар в духовной среде на тот период была невысока. Количество священников болгарского происхождения было также невелико, дальнейшее увеличение болгарского элемента происходило только за счет роста числа церковнослужителей (см.: табл. 3). Перелом произошел только после второго массового переселения в Бессарабию задунайских переселенцев в 1830 г. и прибытия большого количества болгарского духовенства.

Возраст священнослужителей в основном представлен тремя возрастными группами: «31-40», «41-50» и «51-60» лет. Наиболее многочисленной была группа «31-40» лет, в 1815 г. на ее долю приходилось 17 (43,6 %) клириков, а в 1818 г. – 17 (44,7 %). Остальные две возрастные группы примерно оставались на одинаковом уровне. Так, 41-50-летние составляли в 1815 г. 8 (20,5 %) чел. и в 1818 г. – 7 (18,4 %). В свою очередь 51-60-летние насчитывали в 1815 г. 9 (23 %) чел., а в 1818 г. – 6 (15,8 %). Самыми старыми в Придунавье были «безместные священники» Железко Болгар и Иоанн Болгар, прибывшие в Молдавию в конце октября 1808 г. с жителями городов Козлич и Варна. Вначале они поселились вместе со своими прихожанами в селении Тараклия, а после, опять же вслед за своими прихожанами переселились: Железко Болгар в Кубей, а Иоанн Болгар в Табаки [11, с. 503]. На 1818 г. известно, что Иоанн Болгар был в возрасте 96 лет, а Железко Болгар – 106 лет [3, л. 58об.-59]. Даже находясь в положении «безместных священников», по «множеству лет» они активно участвовали в жизни приходов, занимались развитием нравственных и духовных устоев среди своих бывших прихожан. В 1827 г. Железко Захарий Болгар умер в Кубее в возрасте 125 лет [9, с. 455-456].

Среди церковнослужителей самой большой возрастной группой была «21-30» лет. В 1815 г. она насчитывала 14 (85,7 %) чел., а в 1818 г. – 19 (59,4 %). Число молодых пономарей и дьячков из года в год увеличивалось, как правило, это были дети священников, вводимых в круг служения с младых ногтей. Решение епархиального начальства включить благотворителей и устроителей храмов для дальнейшего их благоуукрашения в состав местных церковных клиров увеличило число 30-40-летних дьячков и пономарей. Таким образом, самым старым среди причетников оказался 80-летний Ян Крицу пономарь Св. Успенской церкви селения Волканешт [3, л. 35об.-36].

Анализ возрастных показателей указывает, что немалая часть священников были хиротонисаны до достижения ими 30-летнего возраста. Однако это незначительное нарушение священного канона производилось с благословения первосвященников по необходимости духовной службы.

Большая часть духовенства десятилетиями служила в своих приходах без изменения своего социального и духовного статуса. Выгодно в этом отношении отличалось духовенство украинского происхождения. Знание русского языка способствовало его быстрейшему продвижению по карьерной лестнице в духовном ведомстве. Даже на примере формулярных ведомостей за несколько лет можно проследить соответствующую динамику. Например, дьякон Иаков Чернявский был рукоположен во священника [2, л. 6об.-7; 3, л. 25об.-26], пономарь Михайло Кузьменков также хиротонисан во священника [2, л. 7об.-8; 3, л. 46об.-47], дьячки Димитрий Голуб [2, л. 6об.-7; 3, л. 5об.-6] и Мартин Черноморцев [2, л. 37об.-38; 3, л. 2об.-3] рукоположены во дьякона. Последний, кстати, уже в декабре 1819 г. был рукоположен во священника к новостроящейся Св. Петро-Павловской церкви селения Чийшия, а в период 1824-1828 гг. был благочинным священником Измаильского колониетского округа [1, с. 326-327; 12, с. 52].

О поведении клириков свидетельствуют записи в графе формуляров: «Кто, какого состояния, не заражен ли пьянственной страстью и не был ли за что штрафван». Они характеризуют нравственный облик каждого члена церковного клира. В формулярных ведомостях зафиксированы несколько случаев допущенных священниками нарушений. Так, 13 сентября 1813 г. Стефан Ляхович был оштрафован 100 земными поклонами за ссору со священником Саввой Сичинским. В этом же году он оштрафован на 5 левов за выдачу А. Куроносу метрики. Вторым нарушителем является участник указанной ссоры С. Сичинский, наказанный для вразумления 300 поклонами в Ексаршеском кафедральном соборе [2, л. 5об., 6об.].

Большая часть духовенства в силу требований духовной службы было женатое. Среди священников насчитывалось много вдов, т.к. их жены умерли родами. В 1815 г. их число доходило до 9 (23,1 %) чел., а в 1818 г. – 10 (26,3 %). Среди причетников имелись холостые клирики, большая часть из них это молодые люди 17-25 лет. Хотя и здесь имелись

«застарелые» холостяки: 28-летний Симеон Чернавский, пономарь Архангело-Михайловской церкви селения Барта [2, л. 41об.-42.] и 30-летний Иосиф Жолтовский, дьячок Св. Николаевской церкви г. Тучков [3, л. 3об.-4].

Выводы. Формирование духовенства в православных приходах Томаровского и Измаильского цинутов осуществлялась как с использованием кадров духовных лиц, служащих в Буджаке еще во времена Проилавской епархии, так и с привлечением новых кадров извне епархии. К последним относится духовенство, переведенное в Придунавские приходы из Хотинского и Аккерманского цинутов Бессарабской области, Тираспольского и Ананьевского уездов Херсонской губернии, а также Подольской епархии. Священники, прибывшие из-за Дуная рукополагались на местах в турецких пределах, не знали русского языка и зачастую реализовывали себя в молдавских и болгарских селениях других цинутов. Тема полностью не исчерпана, необходимы дополнительные исследования, как по указанному периоду, так и за последующие годы XIX ст., что позволит рассмотреть тему в более полном объеме.

Библиография:

1. Думиника И.И. Духовные лица украинского происхождения, служившие в колониях Болгарского водворения в первой половине XIX в. *Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья*. Вып. 5. 2011, с. 318-335.
2. Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (далее: КУИА). Ф. 630. Оп. 1. Д. 2, 57 л.
3. КУИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 5, 59 л.
4. КУИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 10, 80 л.
5. КУИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 32, 228 л.
6. КУИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 64, 362 л.
7. КУИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 82, 353 л.
8. КУИА. Ф. 631. Оп. 1. Д. 8, 254 л.
10. Кубей: Очерки и материалы истории села Кубей – Червоноармейское в Бессарабии. Одесса: ФОП Петров О.С., 2013, с. 455-456.
11. Руссев Н.Д. Селения Измаильского цинута в 1815 г.: храмы, священники, прихожане. *Русин*. № 4. 2013. С. 41-52.
12. Руссев Н.Д. «Формулярные ведомости Измаильского протоиерея Никиты Глизяна за 1820-й год» о церквях, священниках и жителях некоторых болгарских колоний. *Человек в истории и культуре: Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко*: Вып. II. Одесса: СМІЛ, 2012. С. 497-506.
13. Червенков Н.Н. Петро-Павловская церковь села Чийшия (Городнее). Кишинёв: SŞB: Cu drag, 2013. 240 р.

УДК 94:342.41(431/435.8)«1849/1871»

СТАТУС ДЕПУТАТА НИЖНЕЙ ПАЛАТЫ РЕЙХСТАГА ПО ГЕРМАНСКИМ КОНСТИТУЦИЯМ 1849–1871 ГГ.

Рудник Денис,

кандидат ист. наук, старший преподаватель
КЗ «ХГПА» ХОР, Украина, Харьков
e-mail: denisrudnik@ukr.net
orcid id: 0000-0002-8712-3606

Хряпин Эдуард,

кандидат ист. наук, доцент
КЗ «ХГПА» ХОР, Украина, Харьков
e-mail: khriapine@gmail.com
orcid id: 0000-00024239-5069

Abstract. Is is considered the history of the constitutions of the Germman Empire in the second half of 19-th century. On the basis of electoral legislation, the evolution of the status of deputies of the lower house of German parliament and the mechanism for the popular representatives is relevated.

Key words: German Empire, constitutions, status of deputies, German unification, elections, Reichstag.

Путь Германии от конгломерата к единому государству в XIX в. сопровождался значительными изменениями в законодательстве, которое должно было пройти процесс унификации. Особое место в нормативной базе государства занимает Конституция. Знаковое место в истории Германии, по нашему мнению, занимают Конституции 1849 г., 1866 г., 1871 г. Недостаточно исследованным в историографии остается вопрос статуса депутата парламента, а именно нижней палаты Рейхстага – Народной палаты (Volkshaus). Статус депутата подразумевает требования, выдвигаемые к лицу, имеющему активное избирательное право, а также порядок его избрания в представительский орган власти.

Конституция 1849 г. (известная как Франкфуртская конституция и Конституция Паульскрихе, названная так по месту принятия) была принята на фоне значительного революционного подъема в Германии – времени революций «Весны народов». Основным Закон Германской империи стал результатом деятельности Франкфуртского национального собрания на протяжении лета 1848 – весны 1849 гг. Само собрание состояло в разное время из 511–600 депутатов-представителей германских государств (количество депутатов было непостоянным): «... из Пруссии явился 141 депутат, из Австрии только два. Из Баварии присутствовало 44 депутата, из Ганновера 9, из Вюртемберга 52, из Саксонии 26, из саксонских герцогств 21, из Бадена 72, из Гессен-Дармштадта 84, из Гессен-Гомбурга 2, из Кургессена 26, из Нассау 26, из Брауншвейга 5, из Ольденбурга 4, из Шлезвиг-Гольштинии 7, из Макленбурга и Линне 19, из Ангальта, Рейса и Гогенцоллерна 8, из вольных городов – 26 представителей» [1, с. 163]. Окончательный вариант документа был принят 28 марта 1849 г. Высшим органом законодательной власти был провозглашен Рейхстаг, состоящий из двух палат – Государственной и Народной соответственно (Staatenhaus, Volkshaus (Разд. 4, ст. 1, §85)) [2]. Предусматривалось, что Народная палата будет состоять из выборных представителей, которые избираются впервые на три года, и в дальнейшем каждые четыре года проводятся повторные выборы. Отметим, что в документе присутствует формулировка, что народные избранники являются представителями немецкого народа (Das Volkshaus besteht aus den Abgeordneten des deutschen Volkes). Это можно расценить как стремление преодолеть возможные разногласия между депутатами из различных германских государств. Соответствующая норма дополнена §91 о том, что депутат не может быть связан никакими инструкциями и положениями. Предположим, что имеется ввиду директивы органов власти общины, от которой избирается депутат (§93, §94, §96). Также депутат во время исполнения своих обязанностей должен получать средства на проживание и возмещение транспортных расходов. Не разрешалось быть депутатом обеих палат одновременно (§95, §97) [2]. Процедура выборов депутатов должна была регламентироваться специальным законом. Закон о выборах депутатов Народной палаты был принят 27 марта 1849 г. Он вмещает нормы активного и пассивного избирательного права. Закон провозглашал всеобщее избирательное право для всех граждан Германии в возрасте от 25 лет с соответствующими определённым требованиям к правосубъектности. Депутатом мог быть избран гражданин, достигший возраста 25 лет, который на протяжении последних трех лет является гражданином соответствующего германского государства и имеет право голоса. Лицам, состоящим на государственной службе не требовалось особого разрешения для участия в выборах. Для проведения выборов вся территория Германии делалась на избирательные округа с населением 50 тыс. человек, если в отдельном германском государстве количество населения не соответствовало указанному требованию, то создавались специальные округа из нескольких государств согласно имперской росписи. Процедура выборов предполагалась полностью публичной, к ней не привлекались государственные служащие. Выборы должны были быть прямыми. Избрание осуществлялось простым большинством. Предусматривалось несколько туров выборов в случае отсутствия большинства голосов за одного депутата (§5, §6, §7, §8, 9, §13, §14) [3]. Принятие закона о проведении выборов, как и сама конституция, уже

не могли изменить стремление Пруссии к подавлению революционных событий и попыток установления своего господства в Германии. Король Фридрих Вильгельм IV, после отказа делегации от франкфуртского парламента 3 апреля 1849 г. принять корону германского императора, начинает активно принимать участие в создании альтернативного германского государственного образования, получившего название Эрфуртского союза или Германского Союза. Конституция Франкфуртского собрания фактически в силу не вступила. По словам О. фон Бисмарка «у короля в последние годы его жизни снова выступили на передний план его первоначальная антипатия к конституционным порядкам и убеждение в необходимости предоставления королевской власти большей свободы действий, чем это предусмотрено прусской конституцией (1850 г.). Мысль заменить конституцию «королевской хартией была у короля еще во время его последней болезни». [4, с. 40]. Однако, перед «дарованием» Конституции от имени короля 26 мая 1849 г. был принят новый закон о выборах, который регулировал выборы в «Эрфуртский Рейхстаг» в феврале 1850 г.

Имперский Закон о выборах депутатов Народного собрания был составлен на основании Закона от 27 марта, но был принят со значительными изменениями:

- в выборах мог принимать участие только гражданин, уплачивающий налоги (§1, §2);
- возраст кандидатов в депутаты увеличивался с 25 до 30 лет (§6);
- государственным служащим, в случае избрания, не предусматривалось возмещение расходов, связанных с должностью (§ 7);
- прямые выборы заменялись непрямыми. Избиратели выбирали коллегию выборщиков для избрания депутатов. Каждый избиратель обязан был по требованию доказать отсутствие задолженности по уплате налогов. Коллегии выборщиков формировались в соответствии с суммой уплаченных налогов и делились на три отдела, каждый из которых избирал одну треть депутатов. Отделы формировались в зависимости от суммы уплаченных налогов в каждом избирательном округе. Голосование в коллегии выборщиков было открытым и оформлялось протоколом (§§ 14–23) [5]. Положения о трех отделах коллегии выборщиков было прописано в Конституционной хартии Пруссии от 31 января 1850 г., ст. 71–80 [6]. Выборы, проведенные согласно этому закону привели в парламент большинство чиновников. Так как каждый отдел коллегии выбирал одинаковое число выборщиков, то первые два отдела, вмещавшие пятую часть избирателей, посылали вдвое больше выборщиков, чем третий отдел, объединявший остальные четыре пятых [7, с. 155].

Таким образом, значительные демократические преобразования, достигнутые во время революции, были нивелированы. Также оба закона о выборах не предусматривали право голоса для женщин.

Новая Конституция Северогерманского союза от 16 апреля 1867 г., принятая после победы Пруссии в австро-прусской войне 1866 года, содержала нормы о прямых всеобщих выборах депутатов Рейхстага – нижней палаты парламента. Срок полномочий депутатов составлял три года (ст. 20–29) [8]. Закон о выборах Рейхстага Северогерманского союза был принят 31 мая 1869 г. Закон возвращал некоторые нормы от 1849 г.: всеобщее активное и пассивное избирательное право в возрасте от 25 лет; определена численность избирательного округа в 50 тыс. человек. В Законе отдельно указывалось количество депутатов от каждого германского государства: Пруссия – 235, Саксония – 23, Гессен – 3, Макленбург-Шверин – 6, Саксония-Веймар – 3, Макленбург-Штрелитц – 1, Ольденбург – 3, Брауншвейг – 3, Саксония-Майнинген – 2, Саксония-Альтенбург – 1, Саксен-Кобург-Гота – 2, Анхальт – 2, Шварцбург-Зондерхаузен – 1, Вальдек – 1, Ройс Старшей линии – 1, Ройс Младшей линии – 1, Шаумбург-Липпе – 1, Лауенбург – 1, Любек – 1, Бремен – 1, Гамбург – 3. Всего 297 депутатов (§1–9) [9, S. 145–146]. Избирательное право для женщин Законом так же не предусматривалось.

Конституция Германской империи и Закон о выборах в Германский Рейхстаг (16 апреля 1871 г.) в целом повторяли нормы предыдущих нормативных актов. Исключения составили: увеличение количества депутатов Рейхстага до 382; увеличение населения избирательных округов до 100 тыс. человек; введение особой нормы о депутатах, которые, при получении должности от правительства, теряли свое место в Рейхстаге и могли возобновить мандат

только после проведения выборов [10–11]. На основании этих законов выборы в империи проводились 12 раз до начала Первой мировой войны – 1871, 1874, 1877, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1898, 1903, 1907, 1912 [12].

Таким образом, статус депутата немецкого парламента изменялся на протяжении долгого пути Германии к объединению. Формирование парламента на основании всеобщего избирательного права было, несомненно, значительным феноменом в истории имперской эпохи XIX века. Дальнейшего исследования требует изменение статуса депутата в конституциях Веймарской республики и послевоенной Германии.

Библиография:

1. Блос В. Германская революция. История движения 1848–1849 года в Германии. М. : Гос. изд-во, 1922. 274 с.
2. Verfassung des Deutschen Reiches vom 28. März 1849. URL: <http://www.verfassungen.de/de06-66/verfassung48-i.htm>.
3. Gesetz, betreffend die Wahlen der Abgeordneten zum Volkshause. 27. März 1849. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/1849/reichswahlgesetz1849.html>.
4. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М. : ОГИЗ, 1940. Т. 1. 383 с.
5. Reichsgesetz über die Wahlen der Abgeordneten zum Volkshause vom 26. Mai 1849. URL: <http://www.verfassungen.de/de06-66/wahlgesetz49.htm>.
6. Verfassungsurkunde für den Preußischen Staat 31. Januar 1850. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh.html>.
7. Всеобщая история государства и права / под ред. В. А. Томсинова. М., 2011. Т. 2: Новое и Новейшее время. 640 с.
8. Verfassung des Norddeutschen Bundes [vom 16. April 1867]. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/ndbd/verfndbd.html>.
9. Wahlgesetz für den Reichstag des Norddeutschen Bundes // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. 1869. Band 17. S. 145–148.
10. Verfassung des Deutschen Reichs (1871). URL: [https://de.wikisource.org/wiki/Verfassung_des_Deutschen_Reichs_\(1871\)#V._Reichstag](https://de.wikisource.org/wiki/Verfassung_des_Deutschen_Reichs_(1871)#V._Reichstag).
11. Wahlgesetz für den Deutschen Reichstag. Geändert und ergänzt durch Gesetz betreffend die Verfassung des Deutschen Reichs vom 16. April 1871 (RGBl. S. 64). URL: <http://www.verfassungen.de/de67-18/gesetze/wahlgesetz69.htm>.
12. Sachstand. Wählen im Kaiserreich 1871–1918. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/190454/a8cdcc157110effc8472dc8f1ac9742a/wahlen_kaiserreich-data.pdf.

УДК 611.01

ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МОЛДОВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ. ЧАСТЬ I: ГОД 1961.

Шевченко Руслан,

доктор ист. наук, зам.директора Института эффективной политики, г.Кишинев, РМ

e-mail: rsevcenco@gmail.com

orcid id: 0000-0001-5203-7858

Abstract. Early 1960s in Moldova, it has become a time and time of emerging "food crises". Oil, meat, bread and many other products disappeared from the shops every now and then. This became a symptom of the beginning of a slowdown in the economic development of the USSR, which until about 1958-1959. proceeded at a very fast pace (however, it had little effect on the provision of food and manufactured goods to citizens). And this became another reason for the disappointment of

the republic's residents in the USSR, which, even more than a decade and a half after the war, was unable to establish a normal supply of the country's citizens with everything necessary. The "food" topic was constantly on the agenda of many authors of letters addressed to the authorities of the republic.

Key words: food, salary, crime, authorities, protests, foreigners, residents, situation, republic, leaflets

Начало 1960-х гг. в Молдове стало временем то и дело возникавших «продовольственных кризисов». То и дело в магазинах исчезали масло, мясо, хлеб и многие другие продукты. Это стало симптомом начала замедления экономического развития СССР, которое примерно до 1958-1959 гг. шло очень быстрыми темпами (однако на обеспечении продовольствием и промтоварами граждан сказывалось мало). И это стало еще одним поводом для разочарования жителей республики в СССР, который даже через более чем полтора десятилетия после войны не смог наладить нормальное снабжение граждан страны всем необходимым.

«Продуктовая» тема постоянно была в повестке дня множества авторов писем, адресованных властям республики. Так, например, в день местных выборов 5 марта 1961 г. в урнах было обнаружено множество анонимных записок «антисоветского» содержания. В одной из них, в частности, говорилось: «Нам надоел голод и безработица. Позор лжекоммунистам. Пора возвратиться к ленинизму» [1:21, д.35, с.8]. Еще больше активизировались недовольные, когда в июле 1962 г. резко поднялись цены на мясо и масло. Л.Андрианова (Кишинев): «В общем у нас люди живут очень хорошо только по радио. Совсем прекрасно, дальше некуда». А.Сигал (врач республиканской санэпидемстанции): «Повышение цен свидетельствует еще раз, что коммунизм построен не будет и разговоры о коммунизме – это одни слова» [1:22, д.89, с.31]. Я.Гусаченко, слесарь экспериментального цеха Тракторного завода: «О чем думают эти начальники, когда повышают цены на продовольствие? Народ и так испытывает трудности, зарплаты не хватало и при старых ценах, на базаре все дорого, а тут еще повышение. Спекулянты и крупные начальники будут, как и раньше, покупать все по любым ценам». Б.Гросу, шофер республиканского бюро судмедэкспертизы: «Повышение цен бьет по карману рабочего класса, и это может вызвать восстание». Присутствовавшие одобрительно отозвались о его выступлении и даже привели в пример «якобы имевшее место восстание грузчиков в Одесском порту). Т.Биушкина, бухгалтер детсада №27: «Я сижу и возмущаюсь. Вы только подумайте, как повысили цены. Ведь это только так, для красивых речей говорят, что только два наименования, а ведь это и колбаса, консервы, мясные, кондитерские изделия, масло, мороженое и т.д. Ладно, для маленькой семьи, а что же большие семьи, как они проживут. Ведь есть такие семьи, которые это масло вообще не видели, а что же теперь?». А самые смелые позволяли себе критиковать публично даже Хрущева. Комендант общежития КСХИ Кордонский сказал о нем так: «Председатель С.М.СССР провалился со своей политикой. Все время говорил, что догоним США по мясу. Пожалуйста, «догнали»: на мясо повысились цены. Он много хвастает, но на деле становится все тяжелее. А то, что передают по радио, это отговорки, соловья баснями не кормят» [1:22, д.89, с.30].

Исчезновение мяса, масла и молока, а затем появление их по более высоким ценам, но с резко снизившимся качеством (чтобы не лишать жителей этих продуктов совсем, власти разрешили значительно сокращать в них натуральную компоненту, смешивая оставшееся в зависимости от того, кто чем располагал на месте), привело к тому, что в результате люди просто не узнавали вкус прежних хорошо знакомых продуктов. Это тоже вызывало справедливое возмущение. Анонимная записка в Тирасполе гласила: «Перестаньте кормить народ отбросами, а из туш тушонку (так в тексте – Р.Ш.) и за границу! Ох, жаль! Излил горечь души. Знаю, что вычеркнете бюллетень, а подложите чистенький. Нужно, чтобы не выпускали конские консервы, а свиные, а то скоро станут есть собак и кошек» [1:22, д.180, с.23].

Продуктовые неурядицы, бытовая неустроенность и общая либерализация порядков спровоцировали невиданный скачок преступности. В 1961 г. уровень преступности в

республике к 1960 г. вырос наполовину, особенно сильно выросло число краж, спекуляции, грабежей и разбоев. Вторым следствием этого стало резкое падение дисциплины. Если, например, в 1957 г. в колхозах не работало 32000 жителей, то в 1960 г. – уже 54 000 [1:22, д.1, с.257; 22, д.2, с.255-256].

Жители возмущались лицемерием властей, которые призывали народ «потерпеть, пока идем к коммунизму», тогда как у самих представителей власти этот коммунизм явно был уже на подходе, а то и уже настал. Руководство стало обзаводиться домработницами, строить частные бани только для себя, вести себя высокомерно и презрительно по отношению к подчиненным, что никак не вписывалось в «социалистический образ жизни» и вызывало особое возмущение рабочих [1:22, д.180, с.22].

Внове звучит тогда (а потом станет обычным делом) протест против «глушилок», которым СССР пытался отгородиться от поступающей с Запада невыгодной для себя информации и комментариев. На обороте одного из бюллетеней в Тирасполе в 1962 г. нашли такие строки: «Свободу информации! Долой глушение по радио! Ведь это говорят люди, с которыми мы ищем дружбы, культурной связи, на деле боимся их голоса, как смерти. Почему? Не нужно водить нас за руку, думать за нас. Мы сами умеем отличить правду от лжи. Мы давно уже выросли из коротких штанишек» [1:22, д.180, с.23].

Недовольные политической системой СССР делали кошмарные для его правителей сопоставления. Во время тех же выборов 5 марта 1961 г. одна из записок, например, гласила: «Опять обман. Зажали демократию хуже, чем Гитлер» [1:21, д.35, с.8].

Примечательное описание молдавских порядков того времени оставил парижский турист Р.Биар, посетивший республику в 1961 г. Он отмечал заметный недостаток станций техобслуживания для машин, добавляя, что и самих машин в Молдове меньше, чем в Чехословакии или в Болгарии, связывая это с низким уровнем жизни населения. Хотя, продолжал он, с годами ассортимент ресторанов здесь становится богаче (видимо, Биар уже бывал здесь ранее – Р.Ш.). Нет фруктовых соков, хотя в республике имеются огромные фруктовые сады. Зато тут подают компоты, которые французы пьют очень редко. Местные напитки хорошего качества, но холодильников нет даже в гостиницах, поэтому летом они теплые. Обслуживающий персонал очень многочисленный, но работает очень медленно. Всех иностранных туристов подозревают в шпионаже. Неизвестно зачем, например, гостям запретили сфотографировать электровоз, хотя он был сделан на заводе «Шнейдер-Крез» во Франции. Ряд участков автотрасс закрыты для туристов, включая трассу Кишинев-Леушень (для иностранцев ее открыли только в 1961 г.). Право выбора экскурсий у туристов отсутствует, им навязывается заранее согласованный вариант, и т.д. Письмо было доложено первому секретарю ЦК КПМ З.Сердюку и тот потребовал как можно скорее принять меры для улучшения ситуации. Вскоре ему доложили, что ситуация исправляется [1:21, д.81, с.7; 11-18].

Чем вызывалось такое подозрение к иностранцам, пояснил тогдашний председатель КГБ МССР Иван Савченко на пленуме ЦК КПМ 27 января 1962 г. Он заявил, что приезжающие в Молдову туристы занимаются «распространением в устной и письменной форме слухов и измышлений, клеветы на партию и народ, восхваляют буржуазный образ жизни». Сотрудники посольства США, продолжал Савченко, пытаются рассылать в библиотеки и учреждения Молдовы некоторые журналы, восхваляющие американский образ жизни. Еще более активно, по его мнению, действуют израильские дипломаты, которые «при встречах с евреями разжигают у евреев национальные чувства и желание выехать в Израиль, засылают участников сионистских организаций для сбора сведений о дискриминации евреев» [1:22, д.1, с.183-184]. В октябре 1961 г. в некоторых учреждениях Кишинева были обнаружены размноженные и распространенные «идеологически вредные» стихи Эренбурга и некоторых его единомышленников. Это делали как выяснил КГБ МССР, главный бухгалтер фабрики нетканых материалов Гольденберг, экономист Мешбурд, юрисконсульт фабрики модельной обуви Берладская, коммунист Оренштейн и другие. В этом также видели проявление «западной агентуры» [1:22, д.1, с.184].

Иностранцы, утверждал Савченко, питают «черный рынок», совершают незаконные валютные операции, у них есть пособники в торговле золотом. К числу таких «пособников» Савченко причислил бывшего директора школы №10 Кишинева Бекермана (исключенного из КПСС), завуча школы №1 Цекиновского, врача 4-й поликлиники Глусман (была арестована КГБ), преподавателя школы №18 Клейман, главного ветврача «Молдзаготскота» Бециса и других[1:22, д.1, с.185].

Это именно иностранному влиянию, по мнению Савченко, республика была обязана и распространением антисоветских листовок. Так, например, в Бульбокском районе был выявлен один из авторов их текстов, некий Крангэ (так в тексте), зав.птицефермой колхоза «Ленинский путь». Когда его арестовали, он признал, что изготавливал и распространял листовки под влиянием «систематического слушания западных радиопередач» [1:22, д.1, с.186].

Впрочем, Савченко считал, что не только иностранцы виноваты в распространении антисоветских сведений, но и сами местные жители. Он сообщил, что председатели некоторых колхозов не готовятся к встрече иностранцев. Группу болгарских туристов в 1960 г., прибывших в колхоз «1 мая» Тираспольского района, сопровождал секретарь местной парторганизации, не подготовленный к беседе, неряшливо одетый, пригласил гостей в дом колхозника, где все стены были увешаны иконами и ветками деревьев. А председатель колхоза «Moldova Socialistă» Котовского района обнаглел до того, что взялся хвастать перед американскими дипломатами новеньким животноводческим комплексом, хотя там было по колено грязи[1:22, д.1, с.187].

Иностранные спецслужбы, считал Савченко, не могли бы орудовать в республике, если бы у них не было агентуры на ее территории. К числу таковой он относил сектантов, прежде всего иеговистов. А они действительно местами вели себя так, что здешние власти не решались «ставить их на место». Так, например, в сентябре 1961 г. иеговисты устроили в с.Зэйкань собрание в связи со смертью одной из них, а затем, пока несли гроб к кладбищу, превратили процессию в антисоветскую демонстрацию, с «пением реакционных песен» и произнесением антисоветских речей, вроде заявлений «коммунисты бандиты и убийцы», причем местный сельский актив и не подумал вмешаться [1:22, д.1, с.191-192].

На самом деле ситуация в республике была даже еще более взрывоопасной, постоянно подогреваемой в те годы массовой кампанией Хрущева по закрытию церквей. Как свидетельствовал на заседании Бюро ЦК КПМ 9 января 1962 г. зав.отделом агитации и пропаганды ЦК КПМ А.Медведев, «у нас в республике факты массовых беспорядков на религиозной почве, они ежегодно повторяются, если не 15, то 20 раз, причем собирают большие толпы людей в 500-600 – тысячу человек. Они совершают насилия над представителями власти, самовольно занимают недействующие церкви. Там, где удастся установить эти факты, принимаются меры, а в значительной степени многие руководители колхозов и первичных парторганизаций просто скрывают их» [1:22, д.20, с.50]. А в с.Мындык Дрокиевского района утихомирить протестовавших против закрытия церквей (примерно 900 чел) удалось только после ареста пятерых активистов[1:22, д.20, с.51-52]. В республике участились «националистические» выходки, появляются антисоветские письма и нелегально издаются целые листовки, распространяющиеся по университету[1:22, д.30, с.76].

Библиография:

Управление Архив Общественно-Политических Организаций Республики Молдова (УАОПО РМ). Фонд 51.

ПОДСЕКЦИЯ 7.2. ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ТРАНЗИТОЛОГИЯ (ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ).

7.2.1. ФИЛОСОФИЯ

CZU 141.12(091)

CONTRIBUȚIA SIMBOLICĂ ÎN COMUNICAREA CU TRANSCEDENȚA

Dodul Dumitru,

doctor în filosofie, conferențiar universitar
Universitatea de Stat din Moldova, Chișinău RM
e-mail:doduld@mail.ru
orcid id:0000-0003-4235-4467

Roșca Andrei,

masterand
Universitatea din București, București(RO)
e-mail:andrei.rosca97@gmail.com

Abstract. The paradigm of the archaic existence implies a total relation with the transcendence, the principal aim being the imitation of it. But the repetition of gods' actions isn't just a superficial copy, it is the essence of the archaic human existence. Thus, the ontological aim implies the following questions: what is the contribution of the symbol in the organization of the existence through the imitation of the divine? The human act as a repetition of divine action is a participation (in Plato's perspective) at the transcendent? In this way, the aim of this paper is to show that this kind of perspective contributes to a better understanding of the archaic ontological aim which implies transcendence's imitation.

Key words: symbol, transcendence, participation, human being, culture, Eliade, Plato

Cercetarea de față își propune o analiză comparativă culturii arhaice și are drept scop o abordare interdisciplinară a ariei spectrului arhaic care surprinde resorturile acțiunilor umane în contextul relației cu divinitatea/ a imitării divinității. Această idee ce traversează întreaga activitate arhaică, a fost pusă de Eliade în corelare cu teoria Lumii Ideilor într-o încercare de-a surprinde felul în care miza imitării, asemenea în teoria lui Platon, contribuie la miza existențială a laturii mundane, corelare ce a apărut doar într-o formă exterioară sau nedezvoltată, cu scopul exemplificării mizei imitării în teoria lui Platon[8, p. 35]. Ceea ce este ofertant în această corelare – și ceea ce importă în acest text – constă în faptul că o astfel de apropiere teoretică, semnalată explicit de Eliade, poate da seama, dintr-o perspectivă distinctă de cea a istoriei religiilor, de profunzimea activității culturale arhaice. Iar dacă în analize specifice studiilor culturale – precum etnologia sau antropologia – importă felul în care omul acționează, raportul cu sacrul fiind plasat în subsidiar (dar nu omis!), propunerea coroborării teoriei lui Platon provine din considerentul că o astfel de abordare poate avea rolul, printre altele, de a permite pătrunderea și consolidarea relațiilor dintre diferitele abordări ce vizează cultura arhaică, o astfel de adâncire a raportului dintre lumea mundană și cea a divinității putând contribui la studii ce urmresc într-o manieră concretă diferitele manifestări religioase. Căci, finalmente, o astfel de abordare are rezoluția, pentru a surprinde și actualitatea acesteia, de-a putea servi cândva drept metodologie a cercetărilor culturale, precum cele din aria mitologiei sau cele etnologice.

În lucrarea „Mitul eternei reîntoarceri”, Mircea Eliade descrie natura felului în care omul arhaic se manifestă prin trimiterea explicită la Platon, menționând *metexis*-ul(participarea) pe care acesta din urmă îl teoretizează în legătură cu felul în care lucrurile sunt relaționate cu Ideile(*Eidos*). Căutând să expliciteze comportamentul omului arhaic, Eliade nuanțează că meritul lui Platon este în acest sens acela de-a nuanța prin prisma dialecticii sale raportul efemerului cu eternul, raportarea omului din cultura în orizont „natural” la transcendență: „[...]un obiect sau un act nu devine real decât în măsura

în care *imită* sau *repetă* un arhetip. Astfel, *realitatea* se dobândește exclusiv prin *repetare* sau *participare*; tot ceea ce nu are un model exemplar este <<golit de sens>>, adică lipsit de realitate.[...]S-ar putea deci spune că această ontologie <<primitivă>> are o structură platoniciană, și Platon ar putea fi considerat în acest caz ca filosoful, prin excelență, al <<mentalității primitive>>, ca și cum gânditorul ar fi reușit să valorifice filosofic modurile de existență și comportament ale umanității arhaice.”[8, p. 35]. Ca atare, acest *homo religiosus*, denumit astfel de Eliade pentru a nuanța caracterul pregnant al gândirii religioase în comunitatea arhaică, se manifestă prin utilizarea unor elemente cu prelungiri simbolice, oferind un sens nou tuturor componentelor implicate în actul cultural. De altfel, în aceasta constă și marea miză a lui *homo religiosus*, operând cu fundamentala distincție dintre sacru și profan – dintre spațiul sacru și cel profan, dintre timpul profan și cel sacru: „Când sacrul se manifestă printr-o hierofanie oarecare, nu se produce doar o ruptură în spațiul omogen, ci și revelația unei realități absolute, care se opune non-realității imensei întinderi înconjurătoare. Manifestarea sacrului întemeiază ontologic Lumea.”[9, p. 19], căci „imitarea unui model arhetipal este o reactualizare a momentului mitic când arhetipul a fost revelat pentru prima oară.”[8, p. 63]. Întrucât este esențială maniera în care se petrece aceasta, când și unde, actul arhaic are drept sursă revelarea unui fel de a trăi. Astfel aportul hierofaniei este cel de întemeiere – sau *consacrare*, mai degrabă – a „recuzitei” prin intermediul aportului simbolic – „aceste pietre sacre suntenerate doar în măsura în care ele *nu mai sunt* simple pietre, ci hierofanii, adică *altceva* decât condiția lor normală <<de obiecte>>. Dialectica hierofaniei presupune o *alegere* mai mult sa mai puțin manifestă, o singularizare. Un obiect devine sacru în măsura în care încorporează(adică revelează) *altceva* decât pe sine.”[10, p. 33¹⁵]; „*tot ce nu e direct consacrat printr-o hierofanie devine sacru prin participarea sa la un simbol.*”[10, p. 450¹⁶]. Mitul ca model exemplar[9, pp. 73 – 77] trasează coordanetele către desăvârșire, acestea fiind accesibile prin intermediul simbolului – simbolul reprezentând aici liantul de comunicare dintre om și divinitate. Simbolul, așadar, apare ca solidificare a relației cu sacrul – „un simbolism realizează *solidaritatea permanentă a omului cu sacralitatea*”[10, p. 452¹⁷] prin principiul imitării[10, p. 33 și p. 450]. Această multitudine de semnificații implică o chestionare privind contribuția simbolului în relația dintre omul arhaic și divinitatea sa.

În acest sens, reperele studiului vor fi Platon, Ernst Cassirer – pentru procesul constitutiv al simbolului – și Mircea Eliade – privind utilizarea simbolului în cultura arhaică.

Miza problematicei implică faptul că fiecare componentă a recuzitei pe care o utilizează omul culturii în orizont „natural” are o importanță vitală, întrucât acesta „își asumă o umanitate al cărei model este transuman, transcendent. El nu se recunoaște ca fiind *cu adevărat om* decât în măsura în care imită zeii, Eroii civilizatori ori Strămoșii mitici.”[9, p. 77]. Astfel, sensul termenului „participare” determină o manieră aparte de relaționare cu divinitatea: cu o puternică valoare ontologică, orice activitate executată de omul arhaic marchează încercarea unei *imitări* ca atare. Actul, așadar, este ghidat de străduința de reluare cât mai fidelă a gestului făcut în prealabil de zeu(precum în cazul tratamentului medical[6, p. 33], activitatea *autentică* fiind accesibilă prin reiterarea gestului divin. Astfel, corespondența celor două planuri – cel divin și cel uman – determină o reevaluare a semnificațiilor pe care conglomeratul uman le capătă: mediul înconjurător, nefăcând referire doar la natură, este privit și înțeles prin respectarea paralelismului cu divinitatea, astfel încât simbolul devine elementul esențial pentru redarea modului de-a fi. Din aceasta decurge că „[...] simbolul nu numai că <<deschide>> lumea dar îl și ajută și pe omul religios să ajungă la universal. Datorită simbolurilor, omul iese din starea sa particulară și <<se deschide>> spre general și universal. Simbolurile trezesc experiența individuală și o preschimbă în act spiritual, în stăpânirea metafizică a Lumii. Aflat în fața unui copac oarecare, simbolul al Arborelui Lumii și imagine a Vieții cosmice, omul societăților premoderne poate ajunge la cea mai înaltă spiritualitate: înțelegând simbolul, *el reușește să trăiască universalul*. Viziunea religioasă a Lumii și ideologia pe care o oglindește îi

¹⁵ Sublinierile apar în textul citat.

¹⁶ Sublinierile apar în textul citat.

¹⁷ Sublinierile apar în textul citat.

îngăduie să folosească această experiență individuală, să o <<deschidă>> spre universal”[9, pp. 159 – 160].

Miza *deschiderii* – termen utilizat frecvent de Eliade, de altfel – nuanțează caracterul vital al participării pe care omul arhaic „natural” încearcă să o realizeze cu toată ființa sa. Aceasta decurge din faptul că nivelul transcendent, divinul, reprezintă reperul cel mai important al existenței – determinând astfel caracterul esențial al mitologiei: acela de-a „menține <<deschiderea>> către o lume supraomenească, către lumea valorilor axiologice. Acestea din urmă sunt <<transcendente>>, fiind revelate de ființe divine sau de strămoși mitici. Prin urmare, ele constituie valori absolute, paradigme ale tuturor activităților omenești.”[6, p. 131]. Trecerea de la particular la universal[5, p. 368], prin mișcarea închiderii – individualizării – culturale, marchează această încercare de accesare a stadiului autentic, cel al divinului.

Postularea paralelismului cu prelungiri transcendente – pe care omul arhaic îl respectă – este susținută de conceptul „participare” în sistemul lui Platon. Expusă în mai multe dialoguri și asociată cu „<<ontologia>> mitică”[18, pp. 39 – 41], Teoria Ideilor presupune faptul că obiectele sunt replici imperfecte ale unor prototipuri[12, p. 58] ce se află în Lumea Ideilor – acestea din urmă fiind entități transcendente aflate independent de om și lumea mundană – , iar lucrurile există „prin *participare* <mathesis>/la Forme”[2, 987 b(p. 64)]. Cunoașterea acestor Idei este efectuată de suflet printr-un proces de reamintire (*anamnesis*), întrucât sufletul, înainte de a pătrunde în trup, se afla în această Lume a Ideilor, unde le contempla[16, 72 e – 76 d; 78 b – 80 c și 17, 249 b – d]. Astfel, procesul de cunoaștere este unul de *anamnesis*, apropierea de Idei fiind un proces etapizat, redat metaforic prin *Mitul peșterii*[13, 514 a – 521 c]: asemenea drumului provocator de ieșire din peșteră – simbolizând cunoașterea succesivă, de la elementele sensibile până la cele inteligibile – , omul, după ce va fi ieșit din grotă și va fi contemplat Soarele(Binele Suprem) – va avea de parcurs același drum – dar în sens invers –pentru a-i ajuta și pe cei rămași în peșteră să iasă la lumină. Participarea la Idei[15, 255 e – 257 b], așadar, determină existența obiectelor mundane[14, 127 a 7 – 136 e 4], „pluralitatea sensibilă” fiind „sinonimă cu Ideile”[11, p. 44].

Accepțiunea participării, adusă în cadrul hermeneuticii privind cultura în orizont „natural”, este datorată năzuinței pentru diferențierea calitativă dintre nivelurile de existență: accesarea la cea *autentică* poate fi înțeleasă mai profund prin apelarea la *methesis*, în special întrucât identifică valențe ontologice – asemenea obiectelor mundane cu Ideile – , ilustrând faptul că omul arhaic *există* cu întreaga sa ființă în orizontul transcendenței, depășind astfel stadiul biologic al celorlalte viețuitoare. Paradigma imitării devine mult mai clară prin raportarea la conceptul din Teoria Formelor, căci este deschisă o nouă perspectivă a raportului dintre om și transcendență, însă nu prin aceea că oferă un model static de hermeneutică a culturii în orizont „natural”, ci prin faptul că respectiva „structură platoniciană” descrie într-o formă esențială, într-un anumit sens *adâncind*, semnificația pe care o are actul uman în comunitatea arhaică – și mai cu seama validarea acestuia, având, așadar, un sens ontologic, oferind o înțelegere mai profundă a rolului pe care simbolul îl capătă în cultura în orizont „natural”. În consecință, preluarea *methesis*-ului ar putea contribui la o hermeneutică dinamică prin aceea că nuanțează aportul simbolic – și nu statuarea unui model universal valabil: în cadrul raportului dintre omul arhaic și zeii săi, simbolul este liantul comunicării, mijlocind interacțiunea: „Într-o asemenea lume, omul nu se simte prizonierul propriului mod de a exista. Și el este <<deschis>>. E în comunicare cu lumea pentru că folosește același limbaj: simbolul. În vreme ce lumea îi vorbește prin intermediul astrilor, plantelor și animalelor, al râurilor și al stâncilor, al anotimpurilor și al nopților, omul îi răspunde prin visurile sale și prin viața sa imaginară, prin strămoșii săi sau prin totemurile sale – care sunt și <<natură>> și supranatură și ființe omenești – , prin capacitatea sa de a muri și a învia în mod ritual în ceremoniile de inițiere(nici mai mult, nici mai puțin decât luna și vegetația), prin capacitatea sa de a întrupa un spirit îmbrăcând o mască etc. Dacă lumea e transparentă pentru omul arhaic, acesta simte că și el e <<privit>> și înțeles de lume. Vânatul îl privește și-l înțelege (adesea animalul se lasă prins pentru că știe că omului îi este foame), și tot așa și stânca sau arborele, sau un râu. Fiecare are a-i povesti o <<istorie>> proprie, a-i da un sfat.”[6, pp. 134 – 135].

Ce este de punctat în ultimul citat este faptul că enumerarea efectuată de Eliade – atât în privința „replicilor” lumii cât și în cea a „replicilor” omului – nuanțează vastitatea activităților prin care

comunică omul cu lumea în context arhaic. Și întrucât toate aceste elemente au o prelungire și o *semnificație*, însăși existența umană este înscrisă în miza întrepătrunderii celor două planuri. Din acestea decurge că omul culturii în orizont „natural” are o viziune totalizatoare privind lumea – conceptualizând-o drept *kosmos*[1, p. LXXXII¹⁸] – astfel încât participarea este cu atât mai importantă, determinată fiind și de ordinea din *kosmos* ce oferă un rol fiecărui element – așadar și omului –, având deci o determinare ontologică, fixând poziția umană. Este de marcat, astfel, că în cultura arhaică „esența precede existența”[6, p. 87], întrucât omul apare într-un sistem cultural deja încheiat pe care îl acceptă și în virtutea căruia se manifestă. Marcată astfel participarea, este de urmărit în ce măsură contribuie simbolul la felul în care omul reușește să manifeste imitarea transcendenței.

Ce mai este de punctat aici reprezintă procesul constitutiv al simbolului – fiindcă aceasta deschide căi în legătură atât cu ceea ce ar presupune „condiția existențială” arhaică. Întrucât determină mai mult decât instrumentalizarea practică prin stabilirea semnificațiilor, omul urmărește simbolul, într-un anumit sens, ca pe un mesaj transcendent, utilizându-l drept reper existențial. Însă – întrucât apare o „interpretare” a omului prin această legătură –, simbolul reprezintă o relaționare între un element al mediului înconjurător și om; mai precis, o anexare la necesitățile sale existențiale –, în calitate de liant.

Din perspectivă transcendențială[4, pp. 219 – 221], este de urmărit felul în care omul elaborează dimensiunea simbolică, asociând semnificații elementelor din jur: „Faptul că un senzorial-particular, cum este, de pildă, fenomenul fizic, poate deveni purtătorul unei semnificații pur spirituale devine în cele din urmă de înțeles numai prin aceea că funcția de bază a semnificației însăși există și este eficientă încă înainte de instituirea semnului particular, astfel încât, în această așezare semnele nu sunt create, ci numai fixate[...]”[4, pp. 57 – 58]. Ca atare, aplicarea unei semnificații reprezintă forma primară a organizării pe care omul o manifestă în genere – aici, omul arhaic o face într-un spațiu deja consacrat ordinii cosmologice. Aceasta decurge din faptul că „orice loc și orice direcție au mai degrabă câte o calitate mitică cu care sunt într-un fel încărcate. Întregul lor conținut, sensul lor, diferența lor specifică depind de această calitate.”[4, p. 142]. Important în cele expuse de Cassirer rezidă din faptul că acesta trasează raportul pur simbolic dintre om și mediul înconjurător, iar aplicând aceasta la cazul culturii în orizont „natural”, simbolul păstrează această „rădăcină” transcendențială, dar are o direcție transcendentă – întrucât este în permanentă comunicare cu zeii săi.

Mai mult, tocmai fiindcă perspectiva lui Cassirer statuează acest fundament transcendent, relația cu simbolul și miza „participării” la divinitate devin mai clare: existența umană – prin faptul că trăiește în orizontul divinității –, căutând și nereușind, într-un anumit sens, să atingă nivelul acesteia, este încadrată într-o lume *interpretată* – sau *interpretabilă* –, fiindcă permanent urmărește în cele ce îl înconjoară un „semn divin”. Or, este limpede că omul arhaic întocmai pe această participare mizează, iar conformarea în fața modelului divin este un act ce dovedește aplicarea unei grile axiologice și simbolice: „Pentru om nu există de la început o reprezentare stabilă a subiectului și obiectului, după care el și-ar orienta mai apoi comportamentul; ci numai plecând de la întregul acestui comportament, de la globalitatea activităților corpului său și ale spiritului său se constituie pentru el o cunoaștere a subiectului și a obiectului, și în ochii lui se separă orizontul eului de cel al realității. Între ele nu există de la început un raport static fix, ci numai ceva ca o mișcare fluctuantă din care se cristalizează treptat forma sub care omul își sesizează propria ființă, ca și pe aceea a obiectelor.”[4, pp. 90 – 91]. Analiza dinspre constituirea procesului de simbolizare către o grilă culturală – efectuată fiind o „interpretare a lumii” – determină vitalitatea investițiilor calitative.

Contribuția simbolică în comunicarea cu transcendența este dată, astfel, de faptul că omul are nevoie de o interpretare a „limbajului” folosit de *kosmos*, o formă de „traducere” a ceea ce divinitatea îi transmite. Astfel este susținut faptul că simbolul, în contextul culturii în orizont „natural”, mediază comunicarea dintre om și zeii săi, întrucât transcendentul este *primul* din punct de vedere simbolic[5, p. 368] – trasând modelul –, ființa umană căutând să se conformeze pentru a fi „real”. Simbolul

¹⁸ Folosim termenul în sensul lui Pythagora, adică acela de ordine în Univers, cu nuanța că „nota de ordine naturală absoarbe înțelesuri etico-raționale care, evident, exced <<naturalul>>”[1, p. LXXXII].

reprezintă elementul fundamental pe care îl deține omul, mai cu seamă întrucât este vital existenței sale. „Omul a descoperit, cum se spune, o metodă nouă pentru a se adapta la mediul său ambiant. Între sistemul receptor și cel efector, care se găsesc la toate speciile animale, aflăm la om o a treia verigă pe care o putem descrie ca sistem simbolic. Această nouă achiziție transformă întreaga viață omenească[...]; el trăiește, pentru a spune așa, într-o nouă *dimensiune* a realității.”[3, p. 43]. Ca atare, trasarea unor noi coordonate existențiale implică faptul că există un element ce determină și menține comunicarea dintre om și transcendent: simbolul. Forța acestuia rezidă și din faptul că „rațiunea este un termen foarte nepotrivit pentru a înțelege formele vieții culturale a omului în toată bogăția și varietatea lor. Dar toate aceste forme sunt forme simbolice. De aceea, în locul definirii omului ca *animal rationale*, ar trebui să-l definim ca *animal symbolicum*. Prin aceasta putem desemna diferența lui specifică și putem înțelege noua cale deschisă omului – calea spre civilizație.”[3, p. 45].

Din cele expuse anterior decurge faptul că în cadrul culturii în orizont „natural” omul, în încercarea sa de-a-și imita zeii, *participă* la existența autentică pe care o găsește în activitatea divinităților. Având o asemenea referință ontologică, rolul *methexis*-ului conceptualizat de Platon poate fi translatat către domeniul cultural, semnificând tocmai această permanentă corespondență pe care omul arhaic o are cu divinitatea. Acest paralelism este mijlocit de simbol, astfel încât simbolizarea pe care omul arhaic o efectuează, ori cea pe care o interpretează ca venind de la zeii săi, asigură existența umană, îi oferă repere, întregind-o, virtualitatea acestuia desemnând forța generală a felului de a fi al omului. În acest sens, „simbolismul *adaugă* o nouă valoare unui obiect sau unei acțiuni, fără ca prin acestea să le prejudicieze valorile proprii și nemijlocite. Aplicându-se la un obiect sau o acțiune, simbolismul le determină să devină <<deschise>>. Gândirea simbolică <<sparge>> realitatea imediată fără s-o împruțineze ori s-o deprecieze; în perspectiva ei, Universul nu este închis, niciun obiect nu rămâne izolat în propria-i existență: toate se leagă între ele, printr-un sistem strâns de corespondențe și asimilații. Omul societăților arhaice a căpătat conștiința de sine într-o lume <<deschisă>> și bogată în semnificații.”[7, p. 196]. De aceea, rolul fundamental al simbolului constă în aceea că acesta „identifică, asimiliează, unifică planuri eterogene și realități în aparență ireductibile. Mai mult încă: experiența magico-religioasă permite transformarea omului însuși în simbol. Toate sistemele și experiențele antropocosmice sunt posibile *în măsura în care omul devine el însuși un simbol*.[...]Omul nu se mai simte un fragment impermeabil, ci un Cosmos viu, deschis către toate celelate Cosmosuri vii care-l înconjoară. Experiențele macrocosmice nu mai sunt pentru el *exterioare* și, până la urmă, <<străine>> și <<obiective>>; *ele nu-l înstrăinează de el însuși*, ci dimpotrivă în conduc spre el însuși, îi dezvăluie propria existență și propriul destin.”[10, p. 460¹⁹].

Concluziv, ceea ce este de observat constă în faptul că în permanenta sa comunicare cu divinitatea, omul culturilor arhaice urmărește o participare la aceasta, dându-și silința la o reproducere imitativă cât mai precis. Pentru aceasta, indiferent de ceea ce face, sunt două coordonate importante pentru sesizarea *participării*: utilizarea simbolului și reiterarea. Ambele în raport cu temporalitatea – marchează ciclicitatea, prin care este sugerată și suita de corespondențe ce poate fi întrezărită în planul culturii în orizont „natural”. Prin aceasta nu încercăm o asemănare între concepția lui Platon și teoria adevărului-corespondență, ci nuanțăm faptul că poate fi schițată, în cadrul culturii în orizont „natural”, corespondența dintre planul uman și cel divin prin dorința omului arhaic de a trăi *veritabil*, având drept repere pentru aceasta modelul oferit de divinitate; de altfel, adevărul(*creдинței*) are o valoare ontologică, nu epistemologică, însă trimiterea la teoria adevărului-corespondență marchează o exemplificare a existenței în cadrul culturii în orizont „natural”, fiind, într-adevăr, o *adecvare*. Astfel, având drept miză plasarea în existența autentică, utilizarea simbolului reprezintă o reiterare a gestului efectuat de Divinitate. În consecință, în cadrul culturii în orizont „natural”, actul uman este realizat din conglomeratul mai multor elemente folosite drept recuzită pentru plasarea în corespondență cu transcendența. Din toate acestea decurge faptul că, asemenea raportului dintre lumea sensibilă și Idei în concepția lui Platon, omul arhaic este permanent în alertă să *participe* la divinitatea/divinizarea sa prin intermediul simbolurilor aplicate contextului său existențial.

¹⁹ Sublinierile apar în textul citat.

Bibliografie:

1. Filosofia greacă până la Platon, I, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1984
2. Aristotel, Metafizica, Humanitas, București, 2000
3. Cassirer, Ernst, Eseu despre om, Humanitas, București, 1994
4. Cassirer, Ernst, Filosofia formelor simbolice (Introducere), editura „Paideia”, București, 2015
5. Cernica, Viorel, „Symbolical Structures and Ideology in the Cultural Construction” în Revue Roumaine de Philosophie, nr. 59, 2, pp. 365 – 381, București, 2015,
6. Eliade, Mircea, Aspecte ale mitului, editura „Univers”, București, 1978
7. Eliade, Mircea, Imagini și simboluri, Humanitas, București, 2013
8. Eliade, Mircea, Mitul eternei reîntoarceri în Eseuri, Editura Științifică, București, 1991
9. Eliade, Mircea, Sacrul și profanul, Humanitas, București, 2013
10. Eliade, Mircea, Tratat de istorie a religiilor, Humanitas, București, 2017
11. Parain, Brice, Logosul platoncian, editura „Universul Enciclopedic”, București, 1998
12. Platon, Opere, III, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1978
13. Platon, Opere, V, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1986
14. Platon, „Parmenides” în Opere, VI, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1989
15. Platon, „Sofistul” în Opere, VI, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1989
16. Platon, Phaidon, Humanitas, București, 2011
17. Platon, Phaidros, Humanitas, București, 1993
18. Vlăduțescu, Gheorghe, O istorie a ideilor filosofice, Editura Științifică, București, 1990

CZU: 1(091)(100)(043.3)

VALENȚE SIMBOLICE ALE SPAȚIULUI ÎN FILOZOFIA LUI MIRCEA ELIADE ȘI LUCIAN BLAGA.

Moga Diana,

doctorandă în filosofie istorică Universitatea de Stat din Moldova, Chișinău, RM

e-mail: diana.moga@mail.ru

orcid id: 0000-0002-8727-3372

Abstract. The need for the contemporary establishment of a new rationality is a vital urgency in maintaining an axiological balance, meant to keep the values of human spirituality unaltered. An open, complex knowledge, through the resonance of the levels of consciousness and levels of understanding of spatial symbols from the perspective of the philosophy of Mircea Eliade and Lucian Blaga, offers a key to understanding the world we live in: creating a flexible inner core by establishing a valid spiritual balance. all existentially human contexts. The current issue of the urgent need to revalue the former spatial symbolism, in its privileged position of homo religiosus, claimed by those "non-rationalist religions" based on the principle of unitary conceptions of the world and the presence of the cosmic order, creates the premises for the formation of a transdisciplinary attitude. , based on the fundamental human values in the opening of the transreligious, essential in ensuring the social balance in the contemporary world. Lucian Blaga and Mircea Eliade are oriented precisely in coagulating an applicability of the circulation of spiritual information in different fields of knowledge of the human dimension. The authentic understanding of the concept of space in the philosophy of Mircea Eliade and Lucian Blaga is closely related to its use in the structure of formulations, within which it interacts with other notions, thus decanting the complexity of its constitutive virtualities: sacred, profane, birthplaces, feelings deep belonging: collective, cultural, occupational. The plurality of approaches of interconnected human experiences to the spatial dimensions from the perspective of Blaga and Eliade's philosophy necessarily lead to the re-knowledge of the multiple symbolic languages between different religions through which they can be expressed and transmitted, able to

revive various contemporary visions of spirituality, meant to restore the human being in its entirety, in a harmonious tandem with the world in which he lives.

Key words: sacred space, center, profane, religious man, cosmic, real, spirituality

Pluralitatea experiențelor spirituale fundamentate pe perspectiva spațială, centralizează cu necesitate re-cunoașterea multiplelor limbaje simbolice prin care acestea se pot evidenția și transmite, prin medierea tuturor cunoștințelor umane trecute, prezente și viitoare. Viziunile privind spațiul variază de la popor, regiuni, epoci. Spațiul este o formă simbolică care se dezvăluie ca semnificație spirituală. Integralitatea ființei își desăvârșește prin spațiu, locul și locuirea în *centrum mundi*, după cum denumește Mircea Eliade. Acesta analizează spațiul mitico-religios într-o corelație de opoziție cu spațiul experienței profane. Noțiunea de spațiu sacru implică repetiția hierofaniei primordiale care a consacrat respectivul loc „profan” transformându-l într-un „centru” sacru. Eliade în lucrarea sa *Drumul spre centru* confirmă centralitatea spațială a existenței umane „intrarea sacrificială într-o zonă sacră – este un drum spre „centru”, spre Realitatea absolută”[1, p.129], care este sacrul. Dialectica paradoxală a spațiului sacru se integrează în dialectica asemănătoare sacrului, noțiune prin excelență ambivalentă în filozofia lui Mircea Eliade. Imaginea arhetipizată a spațiului sacru asigură răspunsuri „standardizate” în mod dogmatic, tuturor întrebărilor legate de efemeritatea condiției umane.

Motivul metamorfozelor spațiului este adesea însoțit la Mircea Eliade de motivul Lumii ca labirint, care este „în primul rând un semnificant al conștiinței închise în propria-i subiectivitate, un simbol al vieții personale lipsite de repere fundamentale. În al doilea rând, labirintul este un semnificant al istoriei și al destinului”[2, p. 151]. Mai mult decât atât: „pentru omul religios, lipsa de omogenitate spațială se reflectă în experiența unei opoziții între spațiul sacru, singurul care este real, care există cu adevărat, și restul spațiului, adică întinderea informă care-l înconjoară”[3, p.15]. Profesor universitar la [Facultatea de Medicină din Iași](#), membru al [Uniunii Scriitorilor din România](#), poet și critic literar, George Popa susține că spațiul constituie pentru român o componentă intrinsecă a ființării sale, devenind, „printr-un proces de transsubstanțiere psihică”, „orizont al sufletului”, „un element indisolubil al condiției de a fi”[4, p.39]. Precizăm că experiența religioasă a spațiului neomogen este primordială și poate fi omologată unei experiențe religioase primare. Spațiul sacru se manifestă printr-o hierofanie care produce nu doar o ruptură în spațiul omogen, ci și revelația unei realități absolute, care se opune non-realității imensei întinderi înconjurătoare și care dezvăluie un „punct fix” absolut, un „Centru”. Spațiul sacru are pentru omul religios o valoare existențială primordial „nimic nu poate începe, nimic nu se poate face fără o orientare prealabilă, și orice orientare presupune dobândirea unui punct fix. Omul religios găsind Centrul găsește toate centrele, pentru că găsirea centrului corespunzător Terțului-sacru îi permite accesul la toate celelalte, excluzându-l în afara spațiului și timpului, făcându-l contemporan în *illo tempore* cu divinitatea. Iată de ce omul religios s-a străduit să se așeze în „Centrul Lumii”[3, p.16]. Mircea Eliade argumentează specificul centralității spațiale atât în lucrarea *Sacrul și profanul*: „rolul acestuia în viața unei societăți arhaice, poți descoperi dimensiunile unei existențe care se constituie ca atare tocmai pentru că se socotește așezată în Centrul Lumii”[3, p. 6], cât și în *Tratatul de istorie a religiilor*, precum că Omul arhaic dorește să se situeze în Centrul Lumii pentru că „centrul simbolizează pentru el: realitatea absolută, sacrul și nemurirea”[5, p.387]. În lucrarea sa *Drumul spre centru*, M.Eliade afirmă că drumurile religiei și metafizicii sunt opuse: „metafizica descoperă centrul în om (...), religia descoperă centrul în sacru, în afara omului (ganz anderes)”[1, p. 130].

Observabil fiind că nici o ființă și nici o acțiune semnificativă nu dobânda eficacitate, pentru omul arhaic, ca și pentru om în general, decât în măsura în care acel lucru își avea un prototip, iar acțiunea repeta un gest cosmologic primordial. Spațiul sacru care este mereu un Centru al Lumii va constitui axul central al oricărei orientări viitoare. Până și existența desacralizată a omului modern păstrează încă esențele unei valorizări religioase a sacralității spațiale. Argumentând relativitatea spațiului profan specific modernității, M.Eliade afirmă că acesta este „o masă amorfă alcătuită dintr-un număr infinit de „locuri“ mai mult sau mai puțin „neutre“, în care omul se mișcă, mânat de obligațiile unei existențe integrate într-o societate industrială”[3, p.16-17]. Casa cea mare este sfântă,

și casa părintească. Toate aceste locuri păstrează, chiar pentru omul cel mai nereligios, zice Eliade, o calitate excepțională, pentru că reprezintă „locuri sfinte” ale Universului său privat.” [3, p.17] În toate culturile tradiționale, locuința comportă un aspect sacru și prin aceasta este o reflectare a spațiului sacru. Însă M.Eliade conștientizează că omul modern nu mai acordă cu aceiași intensitate valoare religioasă spațiilor sfinte, fiind un hedonist care își stabilește domiciliu în dependență de propria comoditate, accesibilitate, perspective și care contribuie la procesul de desacralizare a propriului cosmos: „omul poate pleca din orașul sau din ținutul în care s-a născut, fără alt inconvenient decât cel impus de adaptarea la altă climă”[3, p. 32].

Lucian Blaga consideră spațiul ca fiind rezultatul unei geneze indirecte, fiind alcătuit din diferențiale eterogene și omogene. „Pluralitatea spațiilor este rezultatul unui proces de integrare de diferențiale divine (O diferențială divină este echivalentul unui fragment infinitezimal din Totul substanțial și structural, deplin autarhic, transspațial al Marelui Anonim), de origine periferică în raport cu Fondul Anonim”[7, p. 139]. Ca și Mircea Eliade, în lucrarea sa *Știința și Creație* din *Trilogia valorilor*, Lucian Blaga analizează perspectiva centrică a lumii: „Oriunde ai sta, fie în soare, fie pe planeta Marte, fie în Lună, ți s-ar părea că ești în centru și ai admite tot astfel de poli...Mașina lumii e astfel întocmită că pare a avea pretutindeni un centru și nicăieri o limită”[6, p. 130]. Tot Blaga conturează simbolismul spațiului cosmicizat: „Spațiul, fiind o „existență empirică”, nu poate să fie o existență de o structură absolut simplă. Ceea ce înseamnă că spațiul ne interzice echivalarea lui cu o singură „diferențială divină”. De altfel, spațiul empiric fiind de proporții cosmice, și de o oarecare „complexitate structurală” deplin realizată în sine, depășește condițiile unei eventuale asimilări cu o diferențială divină. Spațiul, nefiind egal cu o singură diferențială divină, nu poate să fie socotit decât ca una dintre existențele complexe ale cosmosului; ca atare, spațiul trebuie să fie rezultatul genezei indirecte, precum sunt toate existențele „complexe”[8,p.172]. Vom admite deci că rezultă dintr-un proces de integrare de diferențiale. Cu aceasta e dată însă și eventualitatea unei „pluralități spațiale”. Ba dacă ne menținem cu toată consecvența pe linia metafizicei blagiene expuse, suntem constrânși să admitem că ceea ce de obicei se numește „spațiu cosmic”, nu este decât suma imensă a unor diferențiale divine eterogene și omogene. Spațiul cosmic ca sumă a spațiilor miniaturale ar putea să se găsească, dacă se ține seamă de unele indicii, în neconținută expansiune. Nu știm astfel dacă organizarea spațiului să fi fost vreodată pusă în termenii în care sa hotărât să o plaseze și Lucian Blaga în cadrul cosmologiei metafizice, unde nu a fost luată decât foarte selectiv în dezbatere. În această ordine de idei, Blaga menționa: „Pentru a pune însă în justă lumină problema spațiului pe plan cosmologic-metafizic, se cer neapărat câteva precizări de natură epistemologică. Teoria cunoașterii ne-a obișnuit să privim spațiul în două feluri. Orice realism naiv sau științific profesează credința că spațiul ar fi o existență reală, de care luăm act printr-o intuiție relativ-adekvată, și care ar putea să fie supusă unei corecturi pentru a deveni foarte adecvată. Acesta este întâiul fel de a vedea spațiul sub unghi epistemologic. Al doilea fel aparține idealismului filosofic, care înțelege spațiul ca o simplă formă subiectivă a sensibilității noastre, sau a imaginației noastre teoretice. Acestei forme nu i-ar corespunde nimic în realitate, ea fiind doar o proiecțiune a eului cunoscător, o condiție prealabilă, dar prin excelență subiectivă, pentru constituirea unui sistem de cunoaștere care vrea să reziste prin însăși logica și articulația sa intrinsecă. Cât ne privește, respingem ambele feluri de a vedea „spațial”. Se impun unele serioase distincții asupra cărora de altfel am insistat și în lucrări anterioare de ale noastre. Există înainte de toate o intuiție sensibilă a spațiului. Intuiția sensibilă a spațiului variază desigur „perspectivic” de la individ la individ. Aceasta nu împiedică totuși ca oamenii să aibă conștiința corecturilor, ce se cer, pentru ca intuiția sensibilă a spațiului să adopte funcția unei constante”[8, p.170].

După părerea lui Blaga, o anumită viziune spațială poate, în adevăr, să caracterizeze o anumită cultură. Sentimentul spațial are semnificație variabilă, după timpuri și locuri. Analizând, putem întrezări în formele acestui sentiment diverse componente. Una e, de pildă, sentimentul destinului, care implică un orizont infinit, și în același timp, credința că orice acțiune a omului e subordonată unei secrete expansiuni spațiale simbolice. Acest sentiment al destinului implică un orizont spațial infinit, o atitudine de retragere și o atitudine de înaintare. Sufletul românesc, care se simte acasă la el numai pe plai, are un mers, care-i aparține și-l diferențiază. Mersul acesta e un ritmic suș și coborâș,

se referă la Spațiul mioritic, la doină, dor. Astfel, L. Blaga accentuează că starea sufletească, cea mai insistent cântată în poezia noastră populară, e dorul. Sensul intim al cuvântului „dor” e specific. „Dorul” ni se pare mai naiv, mai sănătos, mai organic. Acest sentiment spațial, prezent în *Miorița*, în cântecele populare, prezintă diverse grade de intensitate spirituale. Cântându-și doina, românul își evocă și pe șesurile natale, în permanență, duhul legănat al spațiului-matrice al său. Orizontul spațial al subconștientului, spre deosebire de peisaj, face parte integrantă din ființa noastră, este un element constitutiv al sufletului nostru, fapt pentru care tot ceea ce creăm, suntem asociați prin el. Astfel, Doina Mondola, membră a Uniunii Teatrale din România și a Asociației Internaționale a Criticilor de Teatru, publicând totodată eseuri, îngrijind și postfațând ediții din mari dramaturgi români, autoarea ocupându-se inclusiv și de eseistica blagiană și rolul ei în mutația valorilor estetice, menționa: „Într-adevăr, Blaga n-a prelucrat niciodată vechii tragici, așa cum a făcut Victor Eftimiu, de pildă. Așa cum vom vedea, el a creat mituri noi, după modelul de adâncime al tragediei antice, proiectând însă un tragic de factură modernă, asupra unei presupuse mentalități ancestral autohtone” [9. P. 110]. Cu acest orizont spațial se simte organic și solidar inconștientului, sufletul ancestral. Acest spațiu mioritic, redă cadrul unui anume destin uman. Despre acest orizont păstrăm undeva în interior amintiri asociate cu locurile natale, cu profunde emoții și sentimente, ca o amintire paradisiacă. Omul blagian se va coborî până la zona originară a cunoașterii – ca o ființă întrebătoare de ființarea proprie, de Marele Anonim – care constituie un tot unitar de o maximă complexitate transcendentă care l-a înzestrat pe om cu un destin creator, în sensul că omul se auto-realizează creând – ca centru existențial și de sine ca oglindă a totalității divine numinoase. E un orizont înalt, ritmic susținut și indefinit, alcătuit din succesiunea deal-vale, urcușuri-coborâșuri, fiind fără sfârșit.

Omul, indiferent de mediul de existență, regiune, își va păstra valorile spiritualității spațiale, prin atitudinile și inițiativele sale, în același orizont infinit, ca și în țara de origine fără să-și schimbe orizontul-matrice. Viziunea spațială se impune a fi, în ultimă analiză, reflexul unor profunzimi sufletești, sau o sursă pe plan de imaginație, a unui prim fond spiritual al omului.

Astfel filosofia lui Blaga și Eliade este de o importanță primordială prin renașterea interesului pentru spațiul sacru și autodeterminare a omului modern de a descoperi misterul magico-sacral a contextelor spațiale reale. Programul spațio-arhitectural expus în filozofia lui Lucian Blaga și Mircea Eliade este extrem de vivace în ultimul deceniu, fiind pregătit să întâmpine încercarea pe care o presupune ilustrarea contemporană a unei tradiții bimilenare, cea spirituală, într-o variantă reconstruită întreolaltă, în spirit „retrofuturist” a căror arhitecți preocupați de actualitatea temei, cel puțin în eforturile lor vor combina elementele profanizate cu cele sacre pentru a aduce în prezent tezaurul tradiției religioase, simbolice – ocultat după o devastatoare și totalitară modernitate – deschizându-l pentru devenirea lui viitoare, căreia trebuie să îi adăugăm un strat sacral comparabil. „Setea ontologică spațială” se manifestă în nenumărate feluri, în voința omului religios de a se găsi în inima realului, în Centrul Lumii, de unde a început să ia ființă Cosmosul, spre a se extinde apoi către cele patru zări, unde există o posibilitate de comunicare cu zeii. Cu alte cuvinte, un om religios se află în Centrul Lumii și totodată la izvorul realității absolute, aproape de „deschiderea” care-i înlesnește comunicarea cu Marele Anonim, trăirea în sacru. Pentru că așezarea într-un loc, locuirea într-un spațiu condiționează repetarea cosmogoniei, și deci imitarea lucrării zeilor, orice hotărâre existențială a omului religios de a se „așeza” în spațiu este în același timp o decizie „religioasă”. Asumându-și responsabilitatea de a „crea” Lumea în care s-a hotărât să locuiască, omul religios „cosmicizează” haosul și totodată sanctifică micul său Univers, făcându-l să semene cu lumea zeilor. Omul religios dorește din tot sufletul să locuiască într-o „lume divină”, să aibă o casă asemănătoare cu „casa zeilor”, așa cum a fost ea mai târziu imaginată prin temple și sanctuare. Această nostalgie religioasă oglindește de fapt dorința omului de a trăi într-un Cosmos pur și sfânt, așa cum era el la începutul începuturilor. Experiența spațiului sacru îi permite omului religios să regăsească periodic Cosmosul așa cum era el în *principio*, în clipa mitică a Creației.

Influența perspectivelor expuse de Blaga și Eliade vor influența revoluția industrială asupra dezvoltării arhitecturii universale a spațiului, expunerea elementelor sacre în construcțiile reci de sticlă și beton, care vor trezi conștiința omului modern să re-adere la simbolismele spațiale, vitale propriei existențe. Elementele comune care apar între simbolismele spațiale la Mircea Eliade și

Lucian Blaga nu se explică prin redarea acestora în aceiași termeni, ci prin manifestare a unei sensibilități universale, prin circulația de semnificații comune care țin de spiritualitatea universală a omenirii. Misiunea lui Blaga și Eliade, așa cum o percep ei, în primul rând, este de a rezolva criza virtuților spirituale contradictorii limitelor cunoașterii fragmentare specifice omului modern, în vederea unificării ființei. Valențele simbolice ale spațiului din perspectiva filozofiei lui Blaga și Eliade devin filonul unei reflecții transdisciplinare, capabile să concilieze spiritual fundamentul unei societăți bazate pe unitatea cunoașterii și durabilitatea valorilor umane, obținute nu ca rezultat al unei operații logice, ci prin investigarea arheului. Suntem de părerea că complementaritatea simbolismului spațial, expusă la Blaga și Eliade poate condiționa adevărate mutații de valori spirituale care vor transcende orice religie sau spiritualitate umană particulară; vor inaugura decisiv noi niveluri de raționalitate, capabile să activeze flexibilitatea simbolico-spațială a omului modern, în liantul multidimensional al conștiinței noastre spirituale.

Bibliografie:

6. Blaga L. Știință și creație. Trilogia valorilor I. Coperta seriei de Ioana Dragomirescu Mardare. București : Editura Humanitas 1996.
7. Blaga L. Trilogia cosmologică. București: Editura Humanitas, 1997.
8. Blaga L. Opere 11. Trilogia Cosmologică. Ediție îngrijită de Dorli Blaga. Studiu introductiv de Al. Tănase. București: Editura Minerva, 1988.
file:///C:/Users/User/Downloads/kupdf.net_lucian-bлага-trilogia-cosmologica.pdf (accesat din 05.01.2022).
1. Eliade M. Drumul spre centru. Antologie alcătuită de Gabriel Liiceanu și Andrei Pleșu. București: Editura Univers, 1991.
3. Eliade M. Sacral și profanul. București: Editura Humanitas, 2013.
5. Eliade M. Tratat de istorie a religiilor. Cu o prefață de Georges Dumézil și un Cuvânt înainte al autorului. Traducere din franceză de Mariana Noica. Ediția a IV-a. București: Editura Humanitas, 2008.
9. Modola D. Lucian Blaga și teatrul. Insurgentul. Memorii. Publicistică. Eseuri, București. Editura Anima, 1999.
2. Pârvălan S.L. Simbol și recunoaștere la Mircea Eliade. Semnificații religioase, politice și estetice. București: Editura Institutului de Științe Politice și Relații Internaționale, 2006.
4. Popa G. Eminescu sau dincolo de absolut. Iași: Editura Princeps Edit, 2011.

УДК 101. 35.08

КОНФУЦИАНСКИЙ ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА

Ганаба Светлана,

Нац. академия государственной пограничной службы Украины имени Богдана Хмельницкого,
г. Хмельницкий (Украина)
orcid. id: 0000-0002-4373-7075

Abstract. Confucianism is a social and ethical doctrine. Its fundamental ideas are thoughts that relate to the art of managing and educating a person in the spirit of respect for ancestors, for other people. Way of overcoming crisis phenomena in the doctrine of the social ideal. According to the thinker, it is the desire for a social ideal that makes it possible to overcome social cataclysms, clarify the causes and outline further development prospects. His views are focused on finding ways to achieve harmony and happiness in public life.

Key words: harmony, morality, ideal, man, society, Confucius.

Конфуцианство – это известное общественно-этическое учение. Основоположными идеями его являются мысли, которые касаются искусства управления и воспитания человека в духе уважения к предкам, к другим людям. Именно концентрация внимания на человеке и его

потребностях сделала конфуцианство ведущим философским и религиозным, этическим учением. Своей жизнью Конфуций демонстрировал важность традиций и ритуалов в жизни человека. Он жил в эпоху больших социальных и политических потрясений. Китайское общество переживало кризисное состояние, власть правителя ослабла, ликвидировались патриархально-родовые отношения. Чтобы найти пути преодоления кризисных явлений Конфуций предложив учение о общественном идеале. По мнению мыслителя, именно стремление к общественному идеалу позволяет преодолеть общественные катаклизмы, прояснить причины и очертить дальнейшие перспективы развития. Его взгляды сконцентрированы на поиске способов получения гармонии и счастья в общественной жизни.

Целью статьи является рассмотрение особенностей идеала человека, по мнению Конфуция.

Рассмотрение следует начать с определения дефиниции идеала. Такой подход позволяет понять особенности проявления этого феномена в практиках общественной жизни. Следует отметить, что идеалы играют базовую роль в определении цели и жизненных приоритетов человека. Они представляются неким образцом, эталоном и, поэтому не могут быть средством достижения цели. Скорее всего цель формулируется исходя из определенного эталона. Общественная миссия идеала в том, что он задает ориентиры дальнейших изменений. Именно это обстоятельство отличает деятельность человека (который подчиняется высоким помыслам) от жизни животных (которая реализуется под воздействием природных инстинктов и является средством деятельности). В тоже время отсутствие идеалов как определенных образцов и ориентиров, обуславливает деградацию человеческого Я, так и ликвидацию определенной социальной сферы.

Релевантность идеалов в иерархии культурных ценностей человека, определяет способность их выполнять функцию образца по отношению к смыслу и конечной цели определило мысли. Именно природа идеального позволяет понять уровень совершенства того или иного явления или действия, служит эталоном в ориентациях дальнейшего развития. Речь идет о том, что понимание природы идеального позволяет понять ряд проблем общественного развития, проанализировать проблемы построения общественных взаимоотношений и то, каким образом их возможно решить и к чему необходимо стремиться. Объективность идеала состоит в том, что он возникает как объективная необходимость, которая отображает объективные потребности в совершенствовании государства, общества, личности. Результатом является гармония миро строения, человека и мира, человеческих отношений в обществе. Гармонизация взаимоотношений человека и общества является источником и результатом построения идеального общества. Следует отметить, что учение Конфуция о идеалах основано на разделении двух социальных типов человека, двух стилей поведения в обществе – «благородный человек» и «низкий человек». «Благородный человек» - это тот идеал, к которому должен стремиться человек.

Что же следует понимать под благородством. Толковый словарь дает несколько значений этого термина. Так, оно понимается как аристократичность и дворянское происхождение человека. Следующие трактование этого термина указывает на наличие в человека ряда высоких моральных качеств и характеристик, которые дает хорошее воспитание. Еще одним трактованием этого термина является отождествление этого понятия с утонченностью, совершенством и благородством [3]. Таким образом, благородство объясняется как совокупность личностных качеств, присущих человеку. Она реализуется в контексте ответственности. В общем благородство связано с понятием индивида о чести и с ним связывают термин – «чувство собственного достоинства». Благородство включает высокую моральность, честность. Ее понимают как проявление внутренней сущности человека, которая не обусловлена законами, правилами или распоряжениями. Конфуцианство рассматривает благородство как значимый этический компонент. Высокие мотивы поведения человека не обязательно связаны с религией. Общие моральный и этические принципы человечества (доброта, сочувствие, стремление к справедливости) существуют независимо от конкретных религиозных веры и чаще всего являются продуктом коллективного жизненного опыта тех или

иных обществ.

Таким образом, благородство не является природной сущностью, а скорее всего социальным капиталом, который человек приобретает и усовершенствует на протяжении всей жизни. Благородный человек сам себе создает обязательства, чтобы действовать согласно им. Эту мысль можно интерпретировать следующим образом, благородный человек стремится мыслить не хаотично, а определенным образом – мыслить оформлено, именно эта оформленность создает более совершенное благородство [3]. Для объяснения этой позиции обратимся к взглядам испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета. Он является автором интересной концепции «человека массы», По его мнению, масса является не количественным, а качественным понятием. Человек массы, это не определенная конкретная единица общности массы, скорее всего своеобразный тип человека, который характеризуется инертностью, пассивностью, поверхностностью. Такой человек не имеет четкой системы собственных ценностей и приоритетов. Напротив, человек, который сопротивляется массе, имеет все качества благородного человека. О чем речь? Речь идет о различии между человеком, который сопротивляется и бунтует и тем, что масса считает своими идеалами – нежелание думать, только удовлетворение самим собой и тем, что есть. Понятно, что благородный человек не может взять эти «идеалы» себе как высокую норму. Разница лишь в том, что норма, которой подчиняется человек, который сопротивляется, создана им же и она не имеет никакого подчинения массе. У массы нет высокой нормы. У человека который ей сопротивляется она есть, она создана им же. Общим для взглядов Х. Ортеги-и-Гассета является вопрос: не является ли массой тот, кто сам создает форму своего мышления? [6]. Ответ на этот вопрос дает Конфуций. В основе конфуцианского идеала управления есть принцип морального образца, а не принуждения. Для его приобретения человек должен воспитать в себе волевые качества. Не возможно управлять государством и людьми, если не уметь управлять собой. Сначала, считал Конфуций, человек должен навести порядок в себе, потом в своей семье и лишь только потом в государстве.

Основоположной идеей в достижении идеала является следование созданных веками и проверенных временем и поколениями ритуалов и традиций. Они являются не только опытом прошлого, а той вселенской мудростью, которая позволяет найти способы решения проблем, сформировать ее жизненно-ценностные ориентиры, которые держат человека в разных проявлениях его бытия. Следовательно Конфуций утверждал, что он не учит ничему новому, а учит лишь придерживаться традиций, поскольку это единственное, которое способно навести порядок в обществе. Ритуалы и традиции позволяют человеку получать новое понимание общественных реалий и найти смысл развития. Китайский философ утверждал: «Я передаю, а не создаю» [3]. Идеалы конфуцианства базируются на принципах гуманности. Главным принципом учения является добродетельность. Она является гарантом стабильности и могущества государства. Основой поведения человека должна быть добродетельность и гуманность.

Знания являются атрибутом здорового общества, поэтому Конфуций поощрял желание получить знания. Он придерживался мысли о том, что знания должны быть общедоступными для людей. «В обучении не может быть разницы за происхождением» - утверждал философ [4]. Таким образом, все зависит от человека. Если он поставил цель и посвятил свои помыслы обучению, то ее ждет благодарность учителя [4]. В работе «Лунь юй» он приводит пример традиций людей в зависимости от знаний. «Более высок есть тот, кто имеет знания от рождения, следующий – тот, кто приобретает знания в обучении; за ним идет тот, кто приступил к обучению, столкнувшись с трудностями» [5]. Результатом отношения к знаниям является не только уровень профессиональных компетентностей, но и с развитием моральных и умственных способностей. Зависимо от развития этих качеств, мыслитель выделяет следующие разряды людей. К первому, самому низкому разряду он причислял людей, которые часто встречаются; не отличаются никакими качествами, людей, которые говорят только для того, чтобы говорить; не думаю о том, что они говорят; людей привычки, которые живут жизнью часто животной и з дня в день, которые ничего не могут делать без указания. Ко

второму разряду он причислял грамотных, образованных людей, настолько развитых, что они способны получить понимание о вещах, недоступные пониманию простого народа. Эти люди живут сознательной жизнью, соответствующий законам и привычкам. К третьему разряду следует относить людей здравого смысла, которые ни в чем от него не отступают. Они похожие в горе та в радостях, добродетельные, непоколебимые. Этих людей Конфуций считал философами. Четвертый разряд составляют люди прямодушные и истинно добрые, и, наконец, самый маленький пятый разряд – люди совершенные в разных отношениях. Только такие люди и могут возглавить государство, говорит Конфуций [4]. Таким образом, человек состоит в полноте своих сил при условии своего обучения, саморазвития всех душевных сил и качеств.

Основными чертами благородного человека является требовательность к себе, стремление к развитию, умение владеть собой, умеренность в словах и действиях, гуманность. Конфуций акцентировал внимание на духовной деятельности духовного воспитания над материальным. Духовность должна стать основой и инструментом для построения других сфер государства. Только тот, кто достиг внутри совершенства будет вести себе соответствующим образом: заботится о старших, придерживаться принципа уважения, реализовывать ритуалы используя правила.

Жизнь в соответствии с ритуалом предусматривает контроль за поведением человека. Заметим, этот контроль не унижает природные задатки человека, а, наоборот, способствует гармонизации, то есть своеобразному единению мира культуры и человека. Именно такое единение является мерилем успеха в управлении государством и саморазвитием человека. Следование ритуалам и уважение традиций способствует развитию «благородного человека». Такой человек, по утверждению философа, является определенным идеалом самосовершенствования. Его морально-духовное развитие есть основой создания идеального человека. Именно идеальный человек создает вокруг себя идеальный мир, наполненный гармонией, систему общечеловеческих ценностей и приоритетов. Благородство происходит путем воспитания человеком в себе моральных качеств. «Благородный человек движется вверх, а низкий человек движется вниз», - говорит Конфуций[5]. Общественной целью благородного человека является развитие качеств, а именно: человечности, милосердия, у своих делах и помыслах он руководствуется любовью и сочувствием. Это именно те качества, которые отличают человека от животного, помогают противостоять варварству и дикости.

Значимым есть умение придерживаться норм поведения с уважением к себе и к другим. «Чего не хочешь себе, не делай другим», «Тот, кто великодушен к другим, получит великодушное отношение от других» - утверждает мыслитель[3]. Не нужно требовать от других и желать того, чему не должен сам следовать. Требовательно относиться к себе и терпимо к другим, ставить себя на место другого, относиться к другим как к самому себе, - все эти предписания направлены на развитие морально-этических качеств. Анализируя качества идеальной личности, Конфуций подчеркивает: «придерживаться середины — наибольшее достижение» [4]. Знать во всем меру — это одна из тех качеств, которая свидетельствует о высоком уровне воспитания моральности. Конфуций обращает внимание, что на практике очень легко ошибиться в моральном человеке, который придерживается середины и того, кто прикрываясь моральностью совершает преступление. Совершенный человек должен быть зрелым. Это означает единение истины, добра и красоты и, в то же время, еще и знаний, чувств и воли. Конфуций говорит: «Воспитание начинается с изучения поэзии, устанавливается в обучении ритуалом, получает завершение в музыке» [5]. Кроме того, совершенный человек должен быть бдительным в одиночестве. Это означает, что в одиночестве, необходимо четко следовать нормам морали. Даже повседневные действия приобретают форму ритуалу, то есть совершаются осознанно и без поспешности. Умение прогнозировать следствие своих действий, анализировать их причины у развитии самодисциплины. Самодисциплина отличается от дисциплины тем, что она не регулируется под воздействием внешнего давления. В этом деле не играют существенно роль распоряжения других людей. Речь идет о внутренних этических распоряжениях человека к самому себе. Для самодисциплины необходимый анализ и это относиться к моральности. По этому поводу Конфуций говорит: «Человек с идеалами

лучше жертвует своей жизнью во имя гуманности, нежели будет спасаться» 7]. Этот принцип поднимает мораль мыслителя на высокий уровень, поскольку нет ничего более дорогого нежели жизнь, а лучшая моральность — это отдать свою жизнь за свои моральные идеалы.

Итоги. Рассматривая идеал конфуцианской личности, чувствуется дух суровой честности, благородства, величия. С древних времен этот идеал был духовным началом китайской цивилизации. Он вел за собой и показывал путь китайской нации, стал душой китайского народа. Экспликация взглядов философа в условиях воспитания в личности чувства ответственности перед обществом и историей, способности быть причастной к процессам общественной жизни, иметь активную гражданскую позицию.

Таким образом, «благородный человек» - это идеал, к которому должен стремиться человек. Благородство не является природной данностью, это скорее продукт социальный, который человек создает на протяжении всей своей жизни. Благородный человек создает себе обязательства и требования, чтобы действовать в соответствии с ними.

Библиография:

1. Будда Шакьямуни. Конфуций. Мухаммед. Франциск Ассизский: Биограф. Повествования. Сост., общ. и послесл. Н. Ф. Болдырева. 2-е изд. Челябинск: «Урал LTD», 1997. 431 с.
2. Ганаба С.О. Філософія дидактики: контексти, стратегії, практики. Суми, Університетська книга, 2014. 334с.
3. Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов: пер. с китайского. Харьков: Издательство «Фолио», 2002. 447 с. (Мастера. Философия).
4. Конфуций. Суждения и беседы. Москва, Весь мир, 2004. С. 53-55.
5. Конфуций. Я верю в древность. Сост., перевод и коммент. И. И. Семененко. М.: Республика, 1995. 384 с. (Мудрецы).
6. Ортега-и-Гасет Х. Бунт мас. Вибрані твори. Київ, Основи, 1994. 420с.
7. Hengda Y., McCann D. The ideal of Junzi leadership and education for the common good. Journal of the Macam institute. Vol.1. 2020. P. 123-134.

УДК 340.115.7

ЛОГИКА КАК МЕТОД ЮРИСПРУДЕНЦИИ.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА «ЛОГИКА И ПРАВО» И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ХАБАРОВСКОГО ФИЛИАЛА УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ РОССИИ

Марков Сергей,

ДВИ Всероссийского государственного университета юстиции Минюста РФ,
г. Хабаровск, Россия

e-mail: Ser_Mark@mail.ru

orcid.id: 0000-0002-3634-154X

Abstract. The Logic Olympiad was held in Yekaterinburg in 2021 on the basis of the Ural Law University in a distance format. Its features are the intersection of tasks in logic and law. Logic at the Olympics is a method for future lawyers. Thanks to the Olympiad, our students have acquired practical skills of its application in the analysis of legal documents.

Key words: Logic, law, method, jurisprudence, Olympiad, analogy, analysis.

Студенты 1-го курса бакалавриата «Юриспруденция» Дальневосточного института Всероссийского государственного университета юстиции России (философский клуб японской чайной церемонии SATORI) успешно приняли участие во Всероссийской Олимпиаде «Логика и право» УрГЮУ (Екатеринбург) в декабре 2021 года, где выполняли задание на стыке логики и юриспруденции.

Олимпиада прошла 15 декабря 2022 года, оценки мы получили 22 декабря. Олимпиада посвящена Всемирному дню Логики, который 14 января 2022 года во всем мире отметили во второй раз! Президент Олимпиады – д.ф.н., профессор, завкафедрой Философии и социологии Уральского государственного юридического университета Ольга Борисовна Ионайтис. Модераторы: старший преподаватель кафедры Философии и социологии УрГЮУ, кандидат культурологии Евгений Викторович Кныш, к.ф.н., доцент Нина Владимировна Ядыкина.

Всего: 36 сертификатов! Подарок от членов философского клуба SATORI к 20-летию юбилею нашего хабаровского филиала. Как раз в день нашего юбилея мы получили дипломы и сертификаты! Дипломы третьей степени получили Денис Варава и Николай Корниенко. Значимая и отличная победа хабаровских студентов на Всероссийском уровне. Это не смотря на то, что мы работали с 21 часа по местному времени, после своих местных лекций, зачета, экзамена! Некоторым досталось ночная смена с 3 до 5 по хабаровскому времени. Именно ночная вахта взяла дипломы.

Олимпиада состояла из тестовых вопросов с выбором ответов, развернутых ответов, заданий по кругам Эйлера, решения задач. В некоторых модулях использовался алфавит (язык) логики предикатов и высказываний применительно к юриспруденции. Всего было 9 модулей по 4-6 заданий, которые состояли как из заданий с выбором ответа, так и заданий с ответами, которые нужно вписать. При этом в каждом модуле было разное количество вопросов, мог быть один, а могло быть и шесть вопросов, а также задания с самостоятельным ответом. Перед заданиями были отрывки из правовых документов разных стран, в разные периоды их существования. После прочтения текста нужно было выполнить задания, связанные с приведенным текстом. Почти в каждом вопросе был дан текст, а дальше задания к нему. Это задания с кругами Эйлера на определение связи между понятиями (соподчинение, контрарность, противоречивость, род, вид и др.), умение находить субъект и предикат, логические операции и пр.

Все темы, включенные в олимпиаду, были нами пройдены, – отмечает студентка Софья Ерёмина, – или подробно освещены в учебнике нашего преподавателя «Логика для бакалавров» С.М. Маркова [4]. Далее она пишет: «В целом я довольна олимпиадой. Это была некая разминка для мозга, потому что пришлось усиленно думать и включить в работу логическое мышление. Задания были интересные и увлекательные, а самое главное хорошо структурированные. Такие задания я бы и дальше решала!».

Сейчас хотелось бы подвести итоги, а также отметить плюсы и недостатки как свои, так и организаторов Всероссийской олимпиады «Логика и право». Отметим, в Олимпиаде от Хабаровска принимали участие 36 студентов очной формы бакалавриата 40.03.01 «Юриспруденция» Хабаровского филиала университета юстиции России. В нашем филиале по данному направлению обучаются в двух группах 44 студента, то есть принимали участие 81,8 % студентов. Логика для бакалавров – факультативная дисциплина (зачетная) объёмом в две зачётные единицы. Учебные занятия проводятся через неделю. Аудиторных, в этом году дистанционных, 36 часов. Конечно, этих часов маловато, но мы пробелы восполнили самостоятельной работой в рамках философского клуба SATORI, а также изучением учебного пособия С.М. Маркова «Логика. Курс лекций», опубликованного в электронном варианте [5]. При подготовке к Олимпиаде были использованы также учебные пособия других авторов [2, 3, 9] и коллективная монография Л.А. Дёмина, В.Е. Семенова, О.В. Малюковой «Логика и право» [1]. Недостаток аудиторных часов, разумеется, всё равно сказался на наших результатах.

Анализ хотелось бы начать с организационных моментов. Сначала мы все зарегистрировались на сайте УрГЮУ. В стезе всё было на высшем уровне, во-первых всем заранее на электронную почту пришло письмо с указанием всех правил и подробностей олимпиады, также был выдан логин и пароль от портала, на котором собственно и проходила олимпиада. Все участники были разделены по группам и потокам, что позволило избежать каких либо ошибок на сайте.

Во-вторых, переходя к самой олимпиаде можно сказать, что она была очень интересной и познавательной. Примечательно, что для заданий использовалось не только законодательство Российской Федерации (древнее и современное), но и тексты из правовых документов других стран. Впрочем, к подобному развитию событий нас готовили. В частности, перед Олимпиадой мы проштудировали публикации на стыке философии, логики и права, например публикации С.М. Маркова [7, 8, 10]. К чтению юридических текстов на английском языке мы уже были готовы, принимая участие в конвенте-конференции ЮФУ Ростова-на-Дону 26 – 30 октября 2021 года.

В самой работе на Олимпиаде было девять блоков, а в каждом блоке определённое количество заданий. Например, в первом задании давался текст из краткого очерка уголовного процесса Франции. В нем говорилось о судебной полиции, о прокуратуре Франции, а также прокуроре республике. Нужно было прочитать и ответить на вопросы. По ходу решения заданий, как отмечают студенты, сначала возникло не понимание, но вскоре они оказывались в нужной стезе, и всё стало получаться. Студенты сумели настроиться и начали работать с классами, скажем, таких понятий как «муниципальная полиция» и «судебная полиция» Франции. В последующих заданиях этого текста нужно было определить отношения данных понятий. Как отмечает студентка Полина Анцибор, было немного сложно. Но я с этим заданием справилась.

Для сравнения, были задания, связанные с логическим анализом российского права. Например, требовалось применить логические операции деления и определения в статье 142 Семейного кодекса РФ «Правом требовать отмены усыновления ребенка обладают его родители, усыновители ребенка, усыновленный ребенок, достигший возраста четырнадцати лет, орган опеки и попечительства, а также прокурор». Такие задания, хотя и малознакомые для 1-го курса, студентам понравились. Причем задачи давались из различных отраслей права, в том числе права зарубежных стран. В целом, как отмечают студенты в своих отчётах, они были интересны для решения, но многие из них пришлось решать интуитивно, так как темы, заявленные в задачах по зарубежному праву, они ещё не проходили. Иными словами, их нацеливали использовать логику в качестве метода. Более того, почти все в своих отчётах отметили, что с удовольствием еще раз примут участие в подобных мероприятиях. Параллельно, хочу добавить, мы, используя по полной программе ZOOM и дистант, принимали участие в конференциях онлайн в Ростове, Москве, Севастополе, Владивостоке и других городах.

Как отмечает в своём отчёте Андрей Громов, «если бы примерно предполагать направления олимпиадных заданий и подготовиться заранее, то можно было решить их лучше. Я предполагал, что задания будут в большей степени связаны с логическими схемами. Например, по силлогизмам типа “Всякий человек смертен (большая посылка). Сократ – человек (меньшая посылка). Сократ – смертен (заключение)”. Однако, задания, которые пришлось решать, были связаны с отраслями российского и зарубежного права. Было интересно читать задачи и обращаться к изучению документов из отраслей права зарубежных стран. Знать бы заранее план, то результат мог быть лучше. Но, тем не менее, я старался. Не хватило немного знаний, но не по логике, а по отраслям зарубежного права, поэтому свой результат я оцениваю на «хорошо», но могло быть лучше».

«Что касается замечаний организаторам, – пишет в отчёте студентка Ксения Козырь, – то они есть. Первое. Это то, что был дан всего на решения лишь час (по местному времени с 21 до 22), но я считаю, что нужно было дать 1.5 часа, как идет пара. Возможно, организаторы посчитали это средним временем для выполнения заданий, но мне его не хватило. Второе. И еще одно замечание, это то, что не совсем правильно учли время, в которое началась олимпиада так, как у нас уже было 21:00. Это достаточно поздно для выполнения таких сложных заданий. Можно было разделить по регионам и сделать нам олимпиаду раньше. Но все же я хочу сказать, что уральская олимпиада «Логика и право» – это хороший опыт для студентов, чтобы проверить свои знания. В целом мне понравилось данное мероприятие. Я поняла для себя, что для юристов Логика это полезный предмет, главное – метод». Впрочем,

другие участники отметили, что претензий к организаторам не имеют, замечаний тоже, организаторы молодцы. Например, Екатерина Аникеева пишет: «Все было четко организовано. Времени было, правда, маловато. Хотелось бы больше на обдумывание вопросов, но, собственно, это уже мои проблемы».

Другие участники отмечают, например Никита Будиллов, интересные задание и процедуру: «Вопросы олимпиады мне понравились, так как требовали от участника вдумываться в содержание текста, данного задачей, и в содержание вопросов. Количество задач было небольшим, их было девять в моем варианте. Вопросы в олимпиаде сводились к ответам на вопросы по тексту и анализу силлогизмов. Однако доминировали именно вопросы, требующие анализа текста. Сами по себе тексты касались тематики права как российского, так и зарубежного. Вопросы по тексту мало чем различались между собой. Много было заданий по правилам дефиниций и классификации. Я написал олимпиаду на 3,57 баллов. Пока не знаю, как оценивать свой результат, ибо, как известно, всё познается в сравнении. Если относительно максимального количества баллов (23) то я показал низкий результат, но с другой стороны, если брать мой результат относительно моих товарищей, то я весьма неплохо выполнил заданий. В целом впечатления от олимпиады смешанные, с одной стороны, интересные тексты, размышления над ними (тексты юридические). Помимо этого было интересно подумать над предложенными силлогизмами. Но, с другой стороны, однообразие вопросов, позднее время начала Олимпиады для дальневосточников. Но будь у меня возможность принять участие в Олимпиаде ещё раз, то я бы ей воспользовался. Большое спасибо организаторам и доценту кафедры Историко-правовых и социально-экономических дисциплин Сергею Михайловичу Маркову моего вуза, давшему возможность в ней принять участие».

К сказанному хотелось бы добавить, что перед Олимпиадой мы проводили онлайн-тренировки, отрабатывая компетенции по силлогистике и индукции, используя кэрролловский подход. В частности основательно проработали парадоксы Л. Кэрролла [7], ориентируясь на юридические казусы, по правовой проблематике использовали «Лекции по логике для юристов» С.М. Маркова, в которых содержатся практикум и глоссарий логики-юридической терминологии [6], контрольные задания, составленные в Екатеринбурге [9], правда, очень старые, по мнению студентов.

В заключение хотелось бы отметить, что благодаря Олимпиаде студенты ещё больше заинтересовались логикой и её методом в юриспруденции, она открылась им с новой точки зрения, если можно так сказать. Им также было важно понять, как применять логику в анализе правовых документов. «Как отметил студент Николай Корниенко, занявший третье место: «Я планирую участвовать в Олимпиадах вновь, если будет такая возможность. Также хотелось бы поблагодарить своего преподавателя по логике доцента кафедры ИПиСЭД Сергея Михайловича Маркова, так как именно благодаря ему и тем знаниям, которые он мне дал, я смог принять участие в столь не лёгкой олимпиаде в далёком от Амура Екатеринбурге и занять пусть не первое, но всё-таки призовое место».

Библиография:

1. Дёмина Л.А., Семенов В.Е., Малюкова О.В. Логика и право: монография. М.: Проспект, 2018. – 240 с.
2. Лепешко Б.М. Логика и право: теоретические проблемы и практические решения: учебное пособие. М.: РУСАЙНС, 2018. – 232 с.
3. Ивлев Ю.В. Логика для юристов: учебник. М.: Проспект, 2012. – 272 с.
4. Марков С.М. Логика для бакалавров. М.: ИНФРА-М, 2016. – 159 с.
5. Марков С.М. Логика. Курс лекций. М.: ИНФРА-М, 2017. – 331 с.
6. Марков С.М. Лекции по логике для юристов. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2012. – 331 с.
7. Марков С.М. Символическая логика в субъективной реальности Льюиса Кэрролла: головоломки и парадоксы / DIXI – 2016: сборник научных трудов: выпуск 7 / под ред. А.Ю. Завалишина. – Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2016. С. 77-95.

8. Марков С.М. Где находился Верховный суд вечевой Новгородской республики? // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук, 2018. Т. 12. № 2. С. 38-43.
9. Уколов С.Ю., Ядыкина Н.В. Логика: контрольные задания. Екатеринбург: УГЮА, 2006. – 36 с.
10. Lada A., Markov S. The idea Humanism and Socio-cultural bases of Leges permissivae of Russian Labor Law // SHS Web of Conferences. Don State Technical University. EDP Sciences. 2019. S. 01018.

УДК 101.3

orcid.id:0000-0003-2508-0361

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Наумов Дмитрий

кандидат социологических наук, доцент БГАС, г. Минск, РБ

e-mail: cedrus2014@mail.ru

orcid id: 0000-0003-2508-0361

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of social memory, which is considered from the point of view of socio-philosophical analysis as a mechanism of cultural continuity in the society and preservation of collective identity. The special focus is made on the role and place of institutional trust in the social memory, the identification of the main reasons for the low level of social trust in the post-Soviet society.

Key words: social memory, post-Soviet society, institutional trust, collective identity, social institutions.

В современном постсоветском социогуманитарном знании проблематика развития и трансформации социальной памяти является популярным направлением междисциплинарных исследований. Это обусловлено как полифункциональностью данного феномена в жизнедеятельности постсоветского общества, так и генерируемыми в процессе трансформаций социальной памяти рисками и угрозами. В социальной философии соответствующее проблемное поле охватывает широкий круг теоретически значимых вопросов:

роль социальной памяти в формировании этоса гражданственности и социальной ответственности;

актуализация насилия в социальной памяти как детерминанта формирования политического порядка и экономического уклада в условиях социально-политической дезинтеграции;

мифологизация исторического прошлого как инструмент конституирования и воспроизводства групповых идентичностей, их встраивания в определенный социальный контекст;

социальная ностальгия как эпифеномен исторической памяти, актуализирующийся в условиях социетальных трансформаций постсоветского общества;

сохранение исторической памяти этнических групп в условиях политической дезинтеграции как механизм сохранения коллективной идентичности вне рамок национального государства;

социальная память как адаптационный ресурс в условиях аномии, социальной дезинтеграции и культурной травмы;

роль социальной памяти в формировании ценностно-смыслового обеспечения межгрупповой коммуникации в современном обществе;

информационно-коммуникационные технологии как фактор трансформации практик коммеморации индивидов и социальных сообществ в условиях глобализации;

историческая память как инструмент политической мобилизации индивидов внутри и за пределами национальных границ.

В гносеологическом плане подобная тематизация проблемного поля, посвященного изменениям социальной памяти в условиях постсоветского общества, позволяет актуализировать междисциплинарное исследование по ряду направлений. Но все эти исследовательские направления будут нацелены на изучение социокультурных, институциональных и технологических изменений в жизни постсоветского общества, которые кардинально изменили как мир повседневности индивида, так и социокультурные механизмы сохранения, аккумуляции и передачи от поколения к поколению социально значимой информации.

Феномен социальной памяти представляет собой сложный и многокомпонентный механизм соранения и передачи информации, который обеспечивает символическое взаимодействие настоящего и прошлого и сохраняет культурную преемственность между поколениями в обществе. Он включает в себя совокупность способов осмысления и репрезентации прошлого, культурных практик, семейных нарративов, мифологем, социальных ритуалов, идеологем, оценочных суждений и т.д., в нормальных социальных условиях практически сохраняющимися неизменными.

В структурном аспекте исследователи социальной памяти выделяют в данном феномене три основных уровня, содержательно и функционально различающихся между собой [1, с. 62-63]. Первый уровень характеризует социальную память как специфическую информационную систему, функционирующую на основе особых принципов и механизмов сохранения, аккумуляции, переосмысления и воспроизводства информации о прошлом сообщества. В качестве носителей социальной информации здесь выступают социальные связи, предметы материальной культуры, технические системы и язык, в совокупности обуславливающие коммуникативные процессы и коммеморативные практики социума. Одновременно они участвуют в формировании системы артефактов информационного пространства, которые «содержат духовные матрицы исторического сознания своей эпохи» [1, с. 62]. Второй уровень репрезентирует социальную память как особую институциональную структуру, представленную как в виде социальных правил и нормативных стандартов, так и в формате организаций культуры, обеспечивающих сохранение памяти о прошлом (архивы, музеи и т.д.). Она необходима человечеству для хранения и воспроизводства ценностно-смыслового цивилизационного базиса, конституирующего социальный порядок и ролевые модели поведения. Третий уровень характеризует социальную память как систему исторически обусловленных ценностей, возникших в качестве эпифеномена социокультурных практик, «содержание которых составляет наследование человеческого опыта и превращение его в достояние цивилизации» [1, с. 63].

Однако постсоветское общество фактически является продуктом геополитической катастрофы, масштабного экономического кризиса и глубокой культурной травмы, деструктивное влияние которых на социетальные и социокультурные процессы сохраняется до сих пор. Как представляется, свидетельством этого выступает кризисная модальность его социального бытия, объективируемая в социально-политических реалиях всех новых независимых государств. Данный аспект обуславливает актуальность обращения к социально-философскому исследованию роли и места институционального доверия в социальной памяти постсоветского общества, что объясняется рядом причин.

Во-первых, актуальной является задача раскрытия диалектических взаимосвязей между институциональным доверием и сохранением в социальной памяти сообщества нормативно-ценностного базиса индивидуального и коллективного бытия. Данный аспект первоначально актуализирует обращение к феномену доверия, выступающим в качестве модуса

социальной реальности. Доверие не только делает возможным мирную совместную деятельность индивидов на основе общности ценностей, норм и традиций, но и позволяет распространить принцип доверительного отношения на биосферу и техносферу.

Во-вторых, необходимо рассмотреть роль институционального доверия как структурного компонента социальной памяти в установлении и поддержании в постсоветском обществе нормативного порядка, необходимого для обеспечения механизма саморегуляции социальных отношений посредством неформальных «правил игры». Ведь его атрибутом является свобода человека, постулируемая в качестве фундаментального условия свободного выбора модели индивидуального поведения в условиях неопределенности и риска, а также личной ответственности за сделанный выбор и его социальные результаты.

В-третьих, представляет интерес роль этнокультурного фактора, представленного в виде сохраняемых социальной памятью культурных практик, обычаев и традиций, в конструировании определенного уровня институционального доверия или недоверия в социальной среде отдельных этнических групп в постсоветском обществе. С одной стороны, уверенность индивида в предсказуемости и безопасности поведения других людей, связанных с ним личными или деловыми отношениями, формирует соответствующую модель поведения. Однако такая психологическая проекция личностного опыта индивида на социальные отношения, зависящая от характера социализации на ранних стадиях, характеризуется субъективизмом в силу различий между индивидами в плане когнитивных способностей, интеллектуальных качеств, личностных свойств. С другой стороны, вариации в отношении параметров доверительного отношения к другим людям и проявлениях институционального доверия формирует исторический опыт социального бытия различных этнических групп в конкретном обществе, что находит свое выражение в социальном поведении индивидов.

В социальном ракурсе феномен институционального доверия представляет собой вид общественных отношений на основе особой системы ценностей, норм и правил, возникающий как продукт групповых взаимодействий в современном институционально и организационно сложноустроенном обществе. Институциональное доверие возникает в определенном социокультурном контексте, упорядочивает мир повседневности и актуализирует значимость социального порядка, что позволяет сделать окружающий человека мир менее хаотичным и более предсказуемым. Для индивида оно выступает как нормативное основание действия, связывая между собой системы внешней регуляции и внутренней саморегуляции. Соответственно, институциональное доверие ориентирует индивида на построение предсказуемого, понятного и контролируемого будущего. При этом его базовым содержательным компонентом является необходимость и функциональность кооперативного коллективного поведения в среднесрочной перспективе как залога достижения конкретных индивидуальных и групповых целей. В целом, институциональное доверие является феноменом макроуровня, индифферентным по отношению к межличностным отношениям в рамках малой группы, который характеризует общую оценку социальной эффективности всей институциональной инфраструктуры общества.

В экономическом ракурсе феномен институционального доверия является имманентным компонентом социальных практик в сфере экономики, воспроизводство которых в современном обществе обеспечивается в том числе посредством социальной памяти. Институты представляют собой исторически апробированные результаты и способы эффективной человеческой деятельности, автоматически воспроизводящиеся в новых социальных условиях и имплицитно легитимирующих сложившиеся экономический уклад и систему общественных отношений. Фактически в современном обществе институциональное доверие выступает в качестве нормативной детерминанты социетальных процессов и отношений, что позволяет рассматривать данный феномен как «обезличенное доверие в отношении официально установленных правил, норм и предписаний, неформальных норм, которые им сопутствуют, а также организаций, которые их обеспечивают» [2, с. 127]. Их наличие в современном обществе обеспечивает поддержание социальной справедливости в рыночной системе, что позволяет Ф. Фукуяме ретроспективно рассматривать его как

важнейший фактор социогенеза: «Человеческие сообщества зависят от взаимного доверия и не возникают естественным образом, если оно отсутствует» [3, с. 51].

В макроэкономическом контексте значимость институционального доверия определяется возможностью установления транспарентных экономических связей между акторами и минимизацией рисков в их экономической деятельности. Поэтому Ф. Фукуяма подчеркивает важность и функциональность нормативного обеспечения деятельности современных рыночных институтов, благодаря чему «общество имеет возможность ощутимо сэкономить на операционных издержках, если эти институты подкреплены социальным капиталом и доверием» [2, с. 546]. Фактически он постулирует взаимосвязь и взаимообусловленность институционального доверия, социальной стабильности, гражданской самоорганизации и институциональной эффективности. Во многом такая функциональная взаимозависимость обеспечивается посредством персонификации индивидом обезличенных социальных отношений и деятельности социальных институтов, что в когнитивном аспекте позволяет существенно минимизировать институциональную и функциональную сложность современного общества, сделать психологически комфортным повседневный мир человека. В данном аспекте социальная память конструирует институциональное доверие как основу такого ролевого поведения, которое позволяет справедливо соотносить индивидуальные и коллективные интересы и цели, выступает как обязательная предпосылка для прочной связи формальных и неформальных институтов в современном обществе.

Основной формой выражения институционального доверия является оценочное отношение индивида к институтам и организационным структурам в современном обществе, которое возникает в контексте определенных общественных отношений. В идеально-типическом ракурсе речь должна идти о положительном, нейтральном или негативном отношении человека к формальным правилам, нормам и процедурам, к деятельности институционализированных структур в целом. Однако в реальности из-за персонификации организационной деятельности, экономических, политических и социокультурных процессов предметом оценочного отношения становится конкретный политический лидер или должностное лицо, представляющие в рамках своей компетенции соответствующие организации и политические структуры. В силу амбивалентности природы институционального доверия у индивида возникают определенные когнитивные затруднения в оценке социальной эффективности как отдельных организаций и учреждений, так и всей системы институтов в целом.

Особенно это касается государства, обеспечивающего поддержание социального порядка и выступающего в качестве основного института коллективного целеполагания, политической мобилизации и контролируемого распределения экономических ресурсов. В результате возникает определенная коллизия, когда позитивное отношение к государству в целом способно элиминировать значимость низкой общественной оценки политических, административных и экономических элит в силу их некомпетентности и коррумпированности, либо позитивное отношение в олицетворяющему государство политическому лидеру способствует минимизации критических оценок в обществе по отношению к неэффективно функционирующим политическим институтам. Таким образом, обращение к феномену институционального доверия в контексте социальной памяти позволяет определить как меру полезности и эффективности отдельного социального института в исторической ретроспективе и в актуальной общественной жизни, так и всей институциональной инфраструктуры постсоветского общества.

Специфика постсоветского общества, если актуализировать результаты соответствующих социологических опросов, постоянно проводимых в новых независимых государствах, заключается в устойчиво невысоком уровне как межличностного доверия, так и институционального доверия практически ко всем основным институционализированным структурам. Отказ со стороны постсоветского общества в доверии экономическим и политическим институтам обусловлен как исторически, так и характером современных реалий общественного развития. С одной стороны, в наличии имеется противоречивый и

конфликтогенный опыт социального бытия людей практически во всех постсоветских странах, свидетельствующий о репрессивном и деструктивном воздействии практически любых институтов на личность, культуру и природу, что устойчиво сохраняется в формате культурных травм, социальных установок или стереотипов в социальной памяти. С другой стороны, деятельность постсоветских экономических и политических институционализированных структур сложно оценить как эффективную, справедливую и ориентированную на защиту общенародных, а не элитарных или корпоративных интересов.

Церковь в настоящих условиях фактически является единственным институтом, которому в постсоветских реалиях до сих пор удастся избежать ловушки институционального недоверия. Она обладает уникальной возможностью постоянно конвертировать религиозно мотивированные ожидания и нравственные оценки верующих в институциональное доверие конфессиональным структурам, которая воспроизводится благодаря коммеморативным практикам, имплантированным в религиозные ритуалы и практики, константно воспроизводящимся внутри сообщества верующих под непосредственным руководством священнослужителей. Однако подобная ситуация, при которой религиозно-догматический компонент постоянно воспроизводится в функциональной связке с социальной памятью, имплицитно актуализирует тенденцию клерикализации постсоветского общества и усилению политической роли конфессиональных групп. Однако она плохо сопрягается с современными демократическими практиками и рыночными институтами и вряд ли отвечает долгосрочным перспективам общественного развития.

Таким образом, исследовательское внимание к феномену социальной памяти, которая рассматривается с точки зрения социально-философского анализа в качестве механизма обеспечения культурной преемственности в обществе и сохранения коллективной идентичности, имеет определенное теоретическое значение и обладает соответствующим эвристическим потенциалом. Особенно, если внимание уделено роли и месту институционального доверия в социальной памяти, выявлению основных причин низкого уровня социального доверия в постсоветском обществе. В целом, институциональное доверие является структурно сложным и противоречивым феноменом, который имеет разные источники и формы развития, отражает культурно-историческую специфику конкретного сообщества и не слишком подвержен внешним манипуляциям, что эксплицирует социальная память постсоветского общества в формате критичного восприятия деятельности подавляющего большинства институционализированных структур.

Библиография:

1. Устьянцев, В.Б. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации / В. Б. Устьянцев, Д. А. Аникин // Философия и общество. – 2011. – № 4. – С. 58-69.
2. Вахтина, М.А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики / М.А. Вахтина. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2013. – 255 с.
3. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 730 с.

УДК 1(091)(470)

ПРОБЛЕМА ВЕРЫ В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Чекер Наталья,

кандидат филос. наук, доцент кафедры философии, ЛГАУ, г. Луганск

e-mail: tamir73@mail.ru

orcid.id: 0000-0001-9239-9271

Abstract. The article deals with the basic concepts of the religious and philosophical heritage of Lev Shestov. The author analyze the specifics of L. Shestov's understanding of freedom and religious faith, the relationship between the rational and irrational aspects of human cognition. It is shown that the Russian thinker in his intentions of building free open metaphysics, tries to go beyond the limits imposed by rational thinking, believing that true philosophy should be impressionist, like life itself.

Key words: existentialism, religious faith, irrationalism, metaphysics, tragedy.

Обращение к философскому наследию Льва Шестова даёт возможность экзистенциального осмысления роли философии и философствования в преодолении кризиса современной культуры, кризиса человечности.

Особую метафизическую значимость в философии Льва Шестова обретает осознание человеком свободы: свободы верить, желать, бороться, свободы избрания философского пути. Проблема свободы в философии Л. Шестова является основополагающей. В книге «Апофеоз беспочвенности» он говорит: «трудная вещь рабство, и великая вещь свобода!» [6, с. 159]. Единственную возможность реализации свободы и творческой мощи человеческой личности мыслитель находил в религиозном опыте.

Л. Шестов считал, что глубину жизни нельзя постичь с помощью только рационального мышления. Он отмечал, что только одно добро бессильно справиться с проблемами бытия, необходимо искать Бога, без которого жизнь становится бессмысленной. Философия Л. Шестова одухотворена этим метафизическим богоискательством, подлинность которого несомненна. Преимущественным интересом философствования Л. Шестова с самого начала его творческого пути выступает интерес метафизико-этический.

Л. Шестов ведет борьбу против разума во имя религиозной веры и сверхчеловеческой свободы, которые для него совпадают. Протестуя против тирании разума, он говорит, что разум ведет к необходимости, а вера ведет к свободе.

Л. Шестов считал, что в пределах разума можно построить науку, высокую мораль, даже религию – но нельзя найти Бога. Он говорил, что истинную живую веру заменили пустым богословием, которое сводится лишь к исполнению обрядов.

Л. Шестову явно импонировало увлечение Достоевского библейской книгой Иова. Действительно, в романах и рассказах великого писателя встречается много литературных вариаций на темы библейской книги Иова. Примерами могут быть рассуждения Ивана и Дмитрия в «Братьях Карамазовых», Кириллова – в «Бесах», духовная направленность таких рассказов, как «Сон смешного человека», «Кроткая». О значении книги Иова в философских размышлениях самого Л. Шестова убедительно свидетельствуют такие его произведения, как «На весах Иова: странствие по душам», «Власть ключей», «Великие кануны», «Афины и Иерусалим».

Образ Иова – духовно близок философам религиозного экзистенциализма, ведь их главная интенция – отказ от Бога как объекта ради Бога, данного человеку в реальности его онтологического бытия. Встреча Бога и человека, их диалог – это и есть религиозный экзистенциализм, который начинается в философии С. Кьеркегора.

Разум не может оправдать силу страсти и наивно полагает, что должен отрицать её. Л. Шестов замечает, что философ-теоретик в страстных чувствах видит ненужные и вредные излишества. Здравомыслящей умеренности Б. Спинозы, чьё высказывание «не смеяться, не

плакать, не проклинать, а понимать» Л. Шестов неоднократно приводит в своих трудах, философ противопоставляет вопль паломника: «Из глубины я взываю к Тебе, Господи» (Псалом 129:1). Л. Шестов подчеркивает, что ум, стремящийся прислушаться только к собственным доказательствам, сам себя обманывает.

Исследуя философию Льва Шестова в контексте европейской философско-религиозной традиции, В. Л. Курабцев отмечает, что Иов у Л. Шестова является одним из самых любимых героев. В центральной для философии Л. Шестова метафизике человека, связанной с духом и рядом идей Каббалы, Иов олицетворяет собой «сущность истинного человеческого совершенства» [2, с. 250].

У Л. Шестова образ Иова возникает в контексте философского сознания, которое является в понимании мыслителя оторванным от всякой почвы. Философское размышление, как его представляет и реализует в своей интеллектуальной деятельности Лев Шестов, является апофатическим опытом – непрочным, неустойчивым колебанием весов, близким к кабалистической религиозной онтологии – это метафизический поиск бытия в душе человека, которое проявляет себя и как божественная свобода, и как животный экстазм. Отсюда приверженность аффективным состояниям «полудикого Иова», его «невменяемым» речам, его вскрикам, порожденным нечеловеческой болью, страхом и горем.

История философского сознания, по Л. Шестову, – это путешествие человеческими душами. Он пишет: «История философии, да и сама философия должна быть и была часто только "странствованием по человеческим душам", и величайшие философы всегда были странниками по душам» [5].

В философских рассуждениях Л. Шестова разум оказывается величайшим врагом жизни. Сами истины разума, по Л. Шестову, поработают, а не освобождают человека. И освободить его может только осознание собственной свободы, свободы желать и верить. Бог для Л. Шестова – это Личность, не скованная никакими законами мироздания или логики, к которой может обращаться другая личность – человеческая.

Наука и рациональное вообще, по Л. Шестову, отворачиваются от страшного и одновременно важнейшего в человеческой жизни, а живая истина свободной индивидуальности противостоит истине разума. Общие истины разума исходят из возможности одного и невозможности иного. Многообразные же индивидуальные истины базируются на положении, что в мире нет ничего невозможного.

Разум с его убивающими жизнь правилами выступает в мышлении и в жизни как «априори, всеобщность, необходимость, прочность, почва, устой» [4, с. 367], но главным его порождением является «закон». Закон же, по мнению Л. Шестова, может описать лишь некоторую совокупность явлений в некотором промежутке времени, а вовсе не всю реальность. Л. Шестов призывает противопоставить каждому закону большое количество различных противоречивых суждений; он, вслед за романтиками, предпочитает разуму сердце, чувство, переживание, свободу, творчество.

Л. Шестов пишет: «Чем образованнее и вдумчивее философ, тем более склонен он к самой широкой терпимости. Он знает, что последняя истина, до сих пор, по крайней мере, находилась за пределами поля зрения смертного. Стало быть, он хоть и добывает себе убеждения, но знает, что они не могут претендовать на обязательное значение» [3, с. 159]. В текущем, почти по гераклитовски, мире общие истины становятся относительными, право на жизнь обретают истины индивидуального существования. При этом настоящий мир закрыт для нас, потому что «логический «глаз» создает иллюзию твердых, прозрачных понятий», задающих рамки нашего постижения [7, с. 312].

Л. Шестов принадлежит к мыслителям переходного типа. В своих поисках он использует методы классического и неклассического философствования. Л. Шестов делает акцент на том, что в «чистом разуме» философов Бога найти нельзя. Только через веру, которая является источником жизни и свободы, возможно реальное богопознание. Таким образом, Л. Шестов от человека требует подвига-веры, а не сугубо рационального постижения сущего в сухих понятиях и

терминах. Именно в подвиге и нуждается вера, ведь вера, согласно русскому мыслителю, – это всегда риск. Верить – это поступок, на который способен далеко не каждый.

Воспитанный в еврейской семье, на еврейских легендах, мифопоэтических рассказах и Каббале, Л. Шестов ищет «корни бытия» в античной философии, христианстве, «философии жизни» А. Бергсона, иудаизме, хасидизме, Каббале. Поэтому «бытие в душах» он находит среди таких разных представителей «проблематической» философской мысли, как язычник Плотин, антихристианин Ф. Ницше, православный Ф. Достоевский, хасидский мыслитель М. Бубер. Последний, по мнению Л.Шестова, пытаясь освободить иудаизм от фантастических элементов, сумел остаться не только верующим евреем и хасидом, но и сохранить в своей философии большую напряженность духа [2, с. 210].

Лев Шестов считает веру в Бога единственным возможным путем познания, поскольку только она может дать истинную свободу. Мыслитель видит прямую взаимосвязь между верой в Бога и настоящей, жизненной философией.

Сравним осмысление книги Иова Л. Шестовым и М. Бубером. В философском труде «Два образа веры» Мартин Бубер анализирует образ Иова. Философ считает, что, в отличие от христиан, у евреев нет проблемы выбора между верой и неверием, ибо для неё нет почвы, ведь мир Израиля развился из союза, заключенного с Богом, поэтому каждый представитель еврейства выполняет дела Божии в той мере, в какой его вера актуализируется в его жизни. М. Бубер отмечает, что для Израиля, согласно его образу веры, всё зависит только от того, будет ли вера осуществляться как живое доверие к Богу. Поэтому можно жить, веря, что Бог есть, и скрываться от Него, а можно доверять Ему и жить пред Его лицом. Философ убежден, что доверие возможно только в актуальности жизни человека – «*vita humana*».

Он говорит о разных видах этой «*vita humana*», однако какими бы они ни были, для реализации «*vita humana*» нужна вся сфера человеческой жизни. Ветхозаветную парадигму этой человеческой жизни для М.Бубера олицетворяет Иов, который чувствует и выражает свое чувство прямо и откровенно, при этом видимое безбожие мира, земного течения событий отнюдь не уменьшают доверия Иова к Богу. Иов надеется увидеть Бога во плоти. И надежда Иова сбывается, Бог позволяет Себя увидеть, открывает Себя, разрушив жестокую видимость безбожного мира[1].

Раннее христианство, по мнению Бубера, создает принципиально иную парадигму, основы которой закладывает апостол Павел. Уже после него и вне его складывается грандиозное религиозное учение, в котором Христос провозглашается божественной личностью: Бог страдает как Сын ради спасения мира, который Он сотворил как Отец. В этой концепции идея ветхозаветных пророков о безвинно страдающем за Бога уступает место идее Бога, страдающего за человека. На основе этой концепции возник новый образ Бога, который на протяжении тысячелетнего формирования христианских народов давал им силы и утешение.

С точки зрения М. Бубера, новая (христианская) религиозная идеология учила, что каждый человек абсолютно виновен и заслуживает страдания, однако может быть искуплен, уверовав в страдания Бога. Из этого следует очень категорический вывод: вопрос о смысле невинного страдания был отброшен назад к точке зрения друзей Иова [1].

Таким образом, в философской концепции веры М. Бубера проявляется два полюса: Иов и Христос. Они олицетворяют два образа веры, две религиозные парадигмы: иудейскую и христианскую. В одной парадигме главное – доверие, в другой – признание или непризнание истинности существования.

Подводя итог, можно выделить следующие экзистенциальные положения, которые Л. Шестов пытался выразить в своей философии. С его точки зрения, вера – это источник жизни, источник свободы, в то время как основные принципы разума, с их необходимостью и общеобязательностью, требуют абсолютного повиновения. Именно в этом Л. Шестов видит их тиранию. Жизнь не имеет гарантий, она непредсказуема, но человек, реализуя мужество жить и мужество верить, обретает, подобно библейскому Иову, право на разговор с Богом и реализацию «невозможного», на обладание живой истиной. Философия, которая не пытается подняться над

автономным разумом и автономной этикой, которая покорно склоняется перед принципами, предлагаемыми разумом, не может привести человека к истине.

Библиография:

1. Бубер М. Два образа веры / Мартин Бубер. // Бубер М. Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – С. 301-439. URL: http://royallib.ru/read/martin_buber/dva_obraza_veri.html#0.
2. Курабцев В. Л. Философия Льва Шестова в контексте европейской религиозно-философской традиции: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 «История философии» / Василий Леонидович Кубарцев. – М., 2006. – 300 с.
4. Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым (вступительная заметка, подготовка текста и примечания И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского) // Русская литература, № 2, 1992. – С. 133 – 169. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1992-2.pdf>.
5. Шестов Л. Достоевский и Ницше. (Философия трагедии) // Сочинения в 2-х томах, т. 1, – Томск: Водолей, 1996. – С. 317 – 465.
6. Шестов Л. И. На весах Иова (Странствования по душам) / Лев Исаакович Шестов. – Париж, 1929. – 376 с. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest16.htm>
7. Шестов Л. Сочинения в двух томах. Т. 2. – Томск: Водолей, 1996. – 448 с.
8. Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей) // Соч. в 2 т. — Т.1. — М.: Наука, 1993. – С. 17 – 317.

УДК 1(091)(470)

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИФОПОЭТИКИ ВАСИЛИЯ НАСЕДКИНА

Чернов Андрей,

аспирант кафедры философии Луганского государственного аграрного университета,
Луганск, ЛНР

e-mail: anpycc@mail.ru

orcid.id:0000-0002-2648-7887

Abstract. The article investigates the features of the mythopoetics of the Russian poet V. F. Nasedkin (1895-1938). V.F. Nasedkin's poetic texts are considered based on the methods of philosophical hermeneutics, analysis, synthesis. The mythopoetic meanings expressed in the studied texts are revealed on the basis of A.F. Losev's ideas. The main background of the expression of Being in Nasedkin's texts, as in other New Peasant Poets' ones, is nature. Nature is personified, spiritualized, capable of transmitting certain meanings that are incomprehensible to people, but understandable under certain conditions. Mythopoetics of V. F. Nasedkin reflects the ideas of symbolism and Russian cosmism.

Key words: mythopoetics, poetry, myth, symbolism, Russian cosmism, New Peasant Poets, A.F. Losev, V.F. Nasedkin.

Поэт Василий Фёдорович Наседкин (1895-1938) был одним из восприемников художественного метода С. А. Есенина. Двух поэтов связывала многолетняя дружба и родство. Однако творческое наследие В. Ф. Наседкина недостаточно изучены ни с позиций литературоведения, ни с позиций других гуманитарных наук.

Целью нашего исследования является рассмотрения отдельных особенностей мифопоэтики В. Ф. Наседкина, отразивших философское осмысление действительности поэтами новокрестьянского круга. Исследование поэтических текстов В. Ф. Наседкина проводилось нами с опорой на методы философской герменевтики, анализа, синтеза.

Мифопоэтические смыслы, выраженные в исследуемых текстах, выявлены на основе идей А. Ф. Лосева.

В поэтических текстах В. Ф. Наседкина можно выделить несколько значимых образов, которые он использует неоднократно, порою возвращаясь к ним спустя годы. Одним из таких образов является образ прорастания. Так, в стихотворении «Круговорот», датированном 1924 годом, поэт пишет:

Случалось так: глаза за грани вылью,
И чувство незнакомое в груди
Тогда растёт и ширится без меры.
Гортанный гул... Ах, то земля гудит –
Огромный шар зеленовато-серый... [1, с. 27]

Силой поэтического воображения герой стихотворения возносится вверх и видит Землю из космоса, ощущая непостижимый обычными органами чувств гул – гудение планеты. Обратим внимание, что стихотворение написано в 1924 году, задолго до начала космических полётов. Поэтому этот «космический» взгляд сверху на планету – для современников Наседкина фантастичен. Такими же фантастическими воспринимались тогда и «Аэлита» А. Н. Толстого, а также литературные и публицистические произведения К. Э. Циолковского.

Но сама по себе фантастичность взгляда сверху – исключительно внешний смысл, за которым скрыт дополнительный, глубинный смысл – постижение возможно путём перехода «за грань», после чего в груди «растёт и ширится» некое незнакомое чувство. Далее в стихотворении автор конкретизирует свой образ:

Не мы ли прорастаем головой
Надземные космические тайны
И слушаем гортанный гул и вой?
И верю: вырвемся, развив упрямство,
Не я – другой в горящее пространство [1, с. 28].

Как видим, в стихотворении «космичность» взгляда привязана к некоему «прорастанию головой», позволяющему услышать и понять «космические тайны»: смыслы Вселенной, выходящие далеко за пределы тленного Бытия. Возможно, приведенное выше стихотворение отражает идеи русского космизма.

В связи с образом прорастания можно предположить, что упомянутое чувство, которое «растёт и ширится без меры» в груди, есть не что иное, как прорастание некоего семени. Если есть семя, то логично встаёт вопрос: кем оно оставлено? Сверхсущностью, творцом? Некой природой? Но если предположить, что это образ заложенной природой некой потенции, толкающей человечество на постижение Космоса (мироздания) и даже на проникновение в «горящее пространство», то такая потенция должна быть универсальной, характерной всем представителям человеческого рода. Автор не даёт ответов на возникающие вопросы, оставляя значительное пространство для трактовок.

В «Диалектике мифа» А. Ф. Лосев отмечает, что образность мифологической и поэтической речи построена на своеобразном синтезе «внутреннего» и «внешнего». Такой синтез динамичен, выразителен и является встречей двух энергетических потоков – глубинного и идущего извне. При этом одинаково значимыми оказываются и форма и содержание, «так что уже нельзя решить, где тут «внутреннее» и где тут «внешнее»» [2, с. 62]. А. Ф. Лосев обращает внимание на то, что слово (поэтическое слово) неделимо в своей выразительности, в нём нельзя вычленить звучание (красоту, вещьность слова) и смысл сам по себе (в отрыве от этой словесной вещьности). Он говорит о том, что слово суть понимание, а потому оно «всегда глубинно-перспективно, а не плоскостно. Таков же и миф» [2, с. 62].

Образ прорастания у В. Ф. Наседкина интересен именно своей выразительностью, связью «внутреннего» и «внешнего». Именно поэтому этот образ, как нам кажется, можно интерпретировать как мифопоэтический.

Прорастание показано в динамичном процессе – от перехода «за грань», через «расширения» некоего чувства в груди и, наконец, прорастания «головой» в «космические

тайны». Поэт развернул перед нами живой динамичный процесс, показанный персонифицированно, как личный жизненный опыт. По мнению А. Ф. Лосева, такой подход вовсе не случаен. Русский философ говорит о поэтической форме как об одухотворённой, как о самой жизни, видимой изнутри. Он пишет: «В поэзии дается такое «внутреннее», которое бы было чем-то живым, имело живую душу, дышало сознанием, умом, интеллигенцией» [2, с. 63].

Важно сказать, что мифопоэтический образ апеллирует не к готовым мифическим образам, своеобразным вставкам или заимствованиям из мифов древности, он воссоздаёт новый образ по подобию тех, которые воспринимаются как образцы, своеобразные идеалы. А. Ф. Лосев подчеркивает, что мифический образ мифичен не тем, что рисует некую особую (фантастическую или божественную) реальность, а мифичностью своего воплощения. Русский философ говорит о том, что важна художественная изобразительность (способ передачи образа) и истолкование образа воспринимающим сознанием (способ понимания образа). Он пишет: «Мифичен способ изображения вещи, а не сама вещь по себе» [2, с. 63].

Одной из важных черт мифопоэтического образа является его наглядность: образ дан не абстрактно, а конкретно, вплоть до личностного акцента. При этом в поэтическом тексте, как и в мифологии, может отсутствовать целостная логическая система. Так, А. Ф. Лосев пишет, что поэтическая и мифологическая речь не теоретична, она не строится на основе наукообразных формулировок и философской доказательности. Говоря о мифологии и поэзии, он отмечает: «Выражение дано тут в живых ликах и лицах; и надо только смотреть и видеть, чтобы понимать» [2, с. 64].

Обратим внимание на тот факт, что В. Ф. Наседкин в своём творчестве во многом ориентировался на поэтику Сергея Есенина, с которым его связывало многолетнее знакомство. У Есенина Наседкин заимствует особый взгляд на русскую природу, которая в поэтических текстах наделяется своеобразной символикой. Но символ в 1920-х годах понимался и выражался совсем иначе, чем десятилетием ранее. Для понимания этого можем обратиться к теоретическим публикациям В. Я. Брюсова начала 1920-х гг. В. Ф. Наседкин был студентом Высшего литературно-художественного института (существовал в Москве с 1921 по 1925 годы), где обучался одновременно с Иваном Приблудным, также входившим в близкий круг Есенина. Здесь он мог слышать и воспринять трактовку символа В. Я. Брюсовым, бывшего ректором института и читавшего студентам лекции по ряду предметов.

В «Смыслах современной поэзии» (1920) Валерий Брюсов рассуждает о том, что значение символизма в попытке выхода за рамки практической целесообразности и классовой обусловленности в литературном творчестве. Он полагает, что стремление выразить общие (извечные) идеи, идеи общечеловеческие привело к зарождению символизма, потому что для выражения идей высшего порядка недостаточно оперировать рациональными понятиями и четкими (определёнными) образами. В. Я. Брюсов упоминает о значимой для символизма тютчевской строчке: «Мысль изреченная есть ложь», утверждая, что, в отличие от просто образа или же от прозаического описания, «символ и должен был стать способен выразить то, что нельзя просто «изречь»» [3, с. 537]. Брюсов также говорит об активизирующей, пробуждающей роли символа: символ выступает в роли миметического толчка, побуждая сознание читающего воссоздать те «неизреченные» идеи, с которыми имел дело пишущий. Он замечает: «По природе строго реалистический образ, символ – намек...» [3, с. 537].

Но увлеченность «неизреченными» символами завела, по мнению В. Я. Брюсова, символизм в тупик: «Самый символизм творчества вырождался в грубый аллегоризм, теряя свои характерные черты реального образа» [3, с. 538]. Он отмечает, что подлинность изображения (соответствие внешней правде) стала эталоном после реалистического периода литературы. Риторическая вычурность, условность, фальшивость не приемлемы для современного читателя, который хочет видеть в литературе реалистическую образность, реалистический символизм. В. Я. Брюсов критикует позднейших символистов за то, что ради передачи определенной идеи они выстраивают схематическое изложение, не заботясь даже о правдоподобности повествования, так что «действие развивается вне времени и пространства,

не прикреплено ни к какому определенному месту и веку на земле и, вне отношения к общей идее, не имеет никакого смысла, иной раз нелепо и просто невозможно в жизни» [3, с. 538].

В очерке «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922) В. Я. Брюсов ещё более резко характеризует разрыв между жизнью и символом в поэтике поздних символистов: «На новых произведениях символистов лежала печать трафарета; их настроения в целом были проникнуты успокоенным самодовольством; вся их поэзия бесповоротно отходила все дальше от жизни, любовно углубляясь то в археологию, то в мистику» [4, с. 576].

Мы не можем утверждать, что Наседкин принимал точку зрения Брюсова, но он, надо полагать, был с ней знаком. И поэтический образ в своих стихотворениях старался соотнести с жизнью. В этом отношении образ прорастания, к которому В. Ф. Наседкин в 1925-1926 гг. не раз обращается, является попыткой выразить через живой образ глубинный смысл.

В стихотворении «Март. Ломкий звон по утрам...» Наседкин развивает тему прорастания, правда, теперь будто бы «погружая» своё поэтическое Alter ego в небесную синеву. Лирический герой задаётся вопросом:

Как же быть мне слепым и черствым,
Обрастающему синевой? [1, с. 36]

Небесная синева, «обрастающая» лирического героя, также может интерпретироваться мифопоэтически: как источник избавления от душевной черствости и слепоты. Напомню, что весь спектр оттенков синего у символистов так или иначе был связан с потусторонним миром, миром сверхсущим. В народной русской символике синий цвет – цвет Богородицы.

Этот мотив Наседкиным развит в стихотворении «О, милый друг, оставь весло...» (1926):

О, милый друг, оставь весло
И не прислушивайся к пенью!
Смотри, как небо проросло
Завечеревшей голубенью [1, с. 50].

Прорастание «голубенью» в этом стихотворении – сквозной образ, пронизывающий всё стихотворение. В следующей строфе лирический герой обращает призывает неизвестного визави (читателя) оставить «весло» (символ своего воздействия на окружающий мир) ради постижения сути мира, великих тайн Бытия:

Оставь, оставь, мой друг, весло!
Пусть лодку тянет по теченью.
Ведь даже сердце проросло
Завечеревшей голубенью [1, с. 50].

Прорастание сердца в этом стихотворении приобретает мифопоэтические черты, указывая на преображение лирического героя, приобщенного некоему новому знанию, на что прямо указывает финальная строфа:

И пусть удел забот тяжел,
Ты видишь, в жизни есть другое,
Хотя бы то, что вот пришел
Час несказанного покоя [1, с. 50].

«Час несказанного покоя» – созревший плод проросшего в сердце семени, это время раскрытия тайн мироздания, отмежевания от суеты обыденности, отрешение от мира. В первой строфе лирический герой призывает «не прислушиваться к пению» – мелодии, слову, звуку. Уход от звука – погружение в тишину, таким образом, «час несказанного покоя» семантически идентичен значению «тишины» в поэтике В. Ф. Наседкина.

В стихотворении Наседкина 1926 года «Иду, пьянея от травы...» образ прорастания можно выявить в изменённом виде:

Наверно, было б так в раю
Среди блаженных ив.
И луг вырастает в грудь мою,
Всего озеленив.

И я лежу в траве травой,
Чуть слыша, как вдали,
Сливаясь с песней ветровой,
Курлычут журавли [1, с. 53].

Здесь обращает на себя внимание смысловая инверсия – если «прорастание» – это путь от чего-то меньшего к чему-то большему, в приведённых выше примерах – путь от сердца лирического героя к постижению тайн мироздания, Бытия, то «врастание» – это путь обратный, путь растворения частного в общем. В первом случае индивидуальность «Я» сохраняется, хотя и преобразуется постижением некой тайны Бытия. Во втором случае индивидуальность «Я» растворяется в общем, поэт подчеркивает: «И я лежу в траве травой». Активная потенция здесь – луг, а не сердце героя. «Луг» здесь выступает синонимом природы, которую герой понимает как одухотворенную материю, способную приобщить человека к неким невыраженным словами смыслам. Также обращает внимание на себя холистическая трактовка мироздания.

В стихотворениях В. Ф. Наседкина мы можем найти множество примеров особого отношения к природе. Растительный и животный мир передаются автором возвышенно, одухотворённо, практически сакрально. Отметим здесь две характерные черты. Первая – особая связь природы с человеком выражается через цвет (или свет) и звук. В стихотворении «Ты здесь ждала меня, награда!..» (1926) лирический герой восклицает:

О, если б век мои глаза
Несли сады и цветень луга! [1, с. 55]

Зелень садов и цветущее разнотравье на лугу выступают в стихотворении олицетворением жизни, расцвета. Глаза лирического героя принимают в себя, вбирают саму жизнь.

В мифопоэтическом измерении глаза – не только орган зрения, но и символ души. В стихотворении «По обычаю, встал на рассвете...» (1936) поэт создаёт иррациональный образ «полыхания сияния» в глазах лирического героя:

И от дружеских чувств излиянья
Грудь и комната стали малы.
А в глазах полыхало сиянье
Золотистой предутренней мглы [1, с. 95].

«Золотистая предутренняя мгла» не может быть истолкована как нечто реальное, она находится за гранью Бытия и постигается душой, а не разумом.

Вторая важная черта в мифопоэтическом измерении В. Ф. Наседкина: образы природы выступают неким посланием, либо проводником послания, которое передаётся откуда-то извне. Так, в недатированном стихотворении «Белеет рожь. Синеют перелески...» мы находим следующие строки:

Поля бегут, волнуясь и гуторя
Невнятные слова. Бегут поля.
Вдали стоят, врасая в небо-море,
Веселые, родные тополя [1, с. 115].

Здесь речь – слова – звучат от шири полей, от самой земли, говорящей с человеком. В стихотворении они невнятные – суть непостижимы или непостигаемы в виду невозможности человеком понять воспринимаемую информацию.

В стихотворении «День построжал, угрюм и одинок...» (1930) В. Ф. Наседкин более определенно пишет о возможности постичь речь природы:

О чем хлопочет ветер темнокрылый?

Его язык невнятен, но едва
В ходьбе прислушаюсь к его зауми,
Как проступают ясно все слова
В однообразном ропоте и шуме.

Не передать их, разум не губя,
Их смысл открыт на краткое свиданье,
Когда весь мир вдруг взглянет на тебя
Сладчайшей сердцу тайной мироздания [1, с. 85-86].

Приведённый фрагмент ясно даёт нам увидеть одновременную поэтическую и мифическую отрешенность, о которых А. Ф. Лосев говорит в «Диалектике мифа»: «Поэтическая отрешенность есть отрешенность факта или, точнее говоря, отрешенность от факта. Мифическая же отрешенность есть отрешенность от смысла, от идеи повседневной и обыденной жизни. По факту, по своему реальному существованию действительность остается в мифе тою же самой, что и в обычной жизни, и только меняется её смысл и идея» [2, с. 65].

Таким образом, В. Ф. Наседкин в своих поэтических текстах создаёт мифопоэтическое пространство. Основным фоном выражения Бытия, как и у других новокрестьянских поэтов, выступает природа. Природа персонифицирована, одухотворена, способна передавать некие смыслы, непонятные людям, но постижимые при определенных условиях. Мифопоэтика В. Ф. Наседкина отражает идеи символизма (в поздней трактовке под влиянием В. Я. Брюсова) и русского космизма.

Библиография:

1. Наседкин В. Ф. Ветер с поля. Стихи. Воспоминания о С. А. Есенине. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. – 160 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 22-186.
3. Брюсов В. Я. Смысл современной поэзии. Отрывки / Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 534-547.

УДК 130.2

ТИПОЛОГИЯ РОДИНЫ

Чикаева Татьяна,

кандидат филос.наук, доцент МХПИ, г. Москва, РФ

e-mail: umoi@rambler.ru

orcid.id:0000-0002-0895-5173

Abstract. the article analyzes the typologies of the Motherland proposed in the scientific and philosophical discourse. The author points out that the content of the category "Motherland" is one, the selection of one or another kind of Motherland shows through which images its essence is known. In this regard, further study of the typology of the Motherland is advisable as a prerequisite for answering the question of the implementation of the functions of the Motherland

Key words: Motherland, typology, spiritual substance, criterion of typology, image of the Motherland, functions of the Motherland.

Понятие «Родина» является одним из ключевых мировоззренческих понятий, интерес к которому сохраняется на протяжении столетий. Научно-философская литература содержит несколько вариантов типологии данной категории, концепций классификации видов Родины. Проведённый нами анализ позволяет охарактеризовать следующие из них.

Во-первых, наиболее широко распространённое разделение Родины на большую и малую. Оно присутствует как в научном дискурсе, так и в народной мудрости. Большая Родина — это страна, государство, малая Родина — место рождения и проживания. Малая Родина предстаёт в пословицах как высшая ценность, дом. «Хороша Москва, да не дома. Наш городок — Москвы уголок» [6, с.287], прослеживается включённость малой Родины в состав большой Родины и, в то же время, её обособлённость, личностная значимость. Аналогичное понимание

сущность малой и большой Родины присутствует у исследователя русского языка В.Н. Телия [9, с.466]. Малая Родина соотносится с персональными корнями, истоками, с более «личностным» пространством. Отмечается наличие, прошедших испытание временем, устойчивых словосочетаний, характеризующих малую Родину, таких как «родные люди», «родная земля», «отчий дом». Она рассматривается как нечто, приносящее эмоции, настраивающее на особый лад, поэтическое по своему содержанию, отношение к которому индивидуально. Признаками малой Родины, по мнению исследователя, являются пространственная локализация, пейзаж, родственные связи, близкие людей и временная локализация [9, с.471-472]. В понятии малая Родина воплощена концепция жизни отдельной личности в окружающем родном, близком географическом, бытовом, социальном пространстве. Она, следовательно, есть ближайшее окружение личности, влияющее на её формирование и развитие.

В отличие от малой Родины в содержании большой Родины отсутствует персонализация, это нечто общее для всего народа, проживающего на определённой территории, она соотносится с геополитическим пространством [9, с.471]. Большая Родина связана с государством, её содержание политизировано и идеологизировано, оценка Большой Родины в языковой сознании иное, здесь отсутствуют слова и словосочетания, подчёркивающие особую близость Родины и человека. Так, В.Н. Телия обращает внимание на то, что словосочетания родные сограждане или родное государство не вошли в обиход повседневной речи, они используются только в политико-идеологическом дискурсе [9, с.472]. Большая и малая Родина различаются друг от друга как микромир личности и макромир [9, с.473]. Человек это осознаёт, поэтому у него складываются разные оценки большой и малой Родины.

Данный вариант типологии Родины и его объяснение присутствует в работах других мыслителей. И.В. Наливайченко указывает на наличие двух толкований понятия «Родина» во-первых, как родной страны, то есть «большой родины», во-вторых, как места рождения, то есть малой родины». Изначально содержание Родины и малой Родины совпадало. Слово использовалось только в этом смысле, для обозначения родной земли, родной стороны. Значительно позже Родины начинают связывать со страной, государством. Большая Родина получает также отличающее её от малой Родины наименование. Для её обозначения употребляется производное от слова отец понятия «Отечество» [5, с.126].

Различают понятия «малой» и «большой» Родины А.Н. Соловьева и Т.А. Малая Родина — это образы места рождения или проживания, наполненные личными воспоминаниями и ощущениями надежности дома и семьи. Большая Родина — это знание о родной стране, истории и традициях социокультурной общности [8].

Если понятие «большая Родина» получает единое толкование, то говоря о малой Родине, исследователи подчёркивают различные аспекты его содержания. Наряду с представленными дефинициями малой Родины мы можем выделить следующие. Я.В. Чеснов в понимании малой Родины делает акцент на связь человека и природы, сближение, родственность их друг другу. Малая родина — это то место, где человек приближен к природе, где возникает витальный персонализм, где природа мыслится как доброжелательный партнёр, который не позволит пропасть человеку. Учёный делает вывод о том, что малая Родина — это не обязательно место рождения, это может быть иное место, где природа наиболее благожелательна, там где она воспринимается не как среда обитания человека, а как дополнительная часть, продолжение его самого [1].

С.Н. Артановский, анализируя понятие «малая Родина», отмечает длительную историю его применения и называет три смысла данного понятия. Прежде всего — это исторически первоначальная небольшая Родина малых человеческих групп. По мнению мыслителя в этом смысле понятие «малой Родины» и Родины совпадают, то есть являются идентичными. Отличие есть только в том, какую территорию следует считать Родиной, так как с течением исторического времени малые группы естественным образом увеличивались, осваивали новые естественные территории, а, следовательно, увеличивалось то пространство, которое является их Родиной. Доказательство этому С.Н. Артановский видит в наличие анклавов проживания

отдельных этнических групп, где сохранены культурные и прочие особенности, а также то, что в отдельных случаях подобные анклавы были преобразованы в государства, например Андорра [1, с.6]. Во втором смысле понятие «малая Родина» С.Н. Артановским как «территорию региона, населенного этнически своеобразной группой и в силу некоторых причин относительно обособленную от большой Родины». Третье смысловое понимание малой Родины, с точки зрения исследователя, состоит в представлении о ней, как о географической точке рождения индивида, который, хотя и не проживает в месте своего рождения, сохранил о нём воспоминания. Такое понимание связывается с ностальгическим представлением человека, уехавшего далеко от места своего рождения о малой Родине, которая представляется ему идеалом, речь идёт «о тяге человека к месту своего рождения» [1, с.6-7].

Отличие большой Родины от малой Родины состоит, по мнению С.Н. Артановского в том, что она представляет собой множество в единстве, когда к основе малой Родины добавляются новые компоненты. Народ, будучи создателем малой родины, ассимилирует полностью или частично другие народы, языки и культуры, совместно с которыми создаёт уже большую Родину [1, с.7]. Определение границ своей Родины как большой или малой зависит от историко-культурного контекста. Её восприятию как единого сложного целого способствует взгляд со стороны. Афанасий Никитин является примером того, как путешествие приводит к изменению содержательного наполнения понятия Родины, на Чужбине он ощущать себя не тверским, а русским [1, с.13].

Другой вариант типологии предполагает выделение первой и второй Родины. Первая Родина дана человеку по его рождению, он принадлежит ей объективно, вторую он приобретает сознательно, в процессе социокультурного развития и собственной деятельности. Поиск иной Родины сопряжён с неудовлетворённостью личности своей жизнью на своей изначальной, первой Родине. С.Н. Артановский указывает на то, что тогда человек отправляется в другую страну, которая должна стать второй Родиной. Вторая Родина, следовательно, это место, которое выполняется для человека функции Родины, хотя оно не было ни местом его рождения, ни местом образования народа, к которому он принадлежит [1, с.9]. Условием обретения второй Родины является овладение культурой исконного народа на сознательном и бессознательном уровне, формирование «интуитивной привязанности» у своей новой Родине. С.Н. Артановский подчёркивает, что сам переезд на жительство в другую страну, не означает смены Родины, человек может внешне приспособиться к определённым правилам бытия, но его сознание будет направлено на сохранение традиций, обычаев своей первой Родины, на которую он надеется когда-либо вернуться [1, с.9].

В научно-философской литературе предлагается выделение и других видов Родины. С.Н. Артановский в качестве модификации данной категории называет понятие «историческая Родина» [1, с.6]. Прародина, то есть место изначального происхождения этнической группы, которая в древности переселилась на совершенно новое место. Наполнение данного понятия содержательным смыслом имеет, его по мнению значение только для историков [1, с.8].

С.Г. Воркачев присоединяется к концепции выделения малой и большой Родины, которую он именует гражданской, подчёркивая наличие у гражданской Родины, государства и человека, гражданина взаимных обязательств: он обязан хранить лояльность, родина обеспечивать ему защиту и поддержку. Гражданская Родина — официальное понятие, его синонимом является понятие «Отечество», которое ассоциируется в первую очередь с государством [3, с.192]. Дополнительно учёный предлагает выделить этническую Родину, то есть географическая и социально-культурная среда, в которой возник и сформировался народ, к которому человек принадлежит. Хотя распространена ситуация, когда этническая и гражданская Родина совпадают, такое положение дел нельзя рассматривать как единственно возможное [3, с.190]. М. Биллиг вводит понятие национальной Родины [2, с.39].

Н.А. Комлева выделяет Абсолютную Родину, то есть Богородицу, а также безусловную и условную Родину, последняя из которых конструируется обществом. Основной образ Родины — женский, материнский. Родина, прежде всего, поддерживает положительную

ценность женского гендера, ценности рождения, заботы и воспитания. Дискредитация роли женщины как матери и жены ведёт и к деформации понятия «Родина», создании Антиродины. Сущность «Антиродины» находит отражение в тезисе «где лучше – там и Родина», то есть понятие Родины содержательно заменяется на понятие географического места комфортного проживания [4, с.30].

Можно сделать вывод, что в качестве критерия типологизации понятия «Родина» в большинстве случаев избирается либо историко-временной, либо политико-географический критерий. Особое место занимает типология Н.А. Комлевой, в которой прослеживается понимание Родины как духовного объекта, системы ценностей, связанных с женским гендером по аналогии с Отечеством, которое связано с мужским гендером. При этом нельзя, что частично признают сами авторы типологий, конкретизировать объёмы каждого понятия, обозначающего тот или иной вид Родины. Недостатком типологизаций следует признать и то, что их применение сужает содержание категории «Родина», ограничивает его той или иной системой ассоциируемых с ней образов. Родина — это духовная субстанция, высшая ценность, святыня, предшествующая материальным, духовным и социальным объектам, которая познаётся в процессе восприятия и осмысления содержания её образов, источниками которых является природа, люди, результаты их деятельности и др. Содержание Родины едино, его нельзя разделить. Следует полностью согласиться с С.Н. Булгаковым, утверждавшим, что Родина может быть только единственной, но она «может явиться в другом образе славы» [7, с.373]. Все виды Родины показывают то, с какими образами она ассоциируется в данный исторический момент для данной личности или социальной группы. Типологизация Родины, поэтому, показывает, прежде всего, то, как взаимодействуют с ней личность и общество, а, следовательно, благодаря исследованию типологий Родины можно будет лучше понять то, как реализуются её функции, чем определяется качество их реализации и каковы возможности творческой управленческой и организационной деятельности человека по его повышению.

Библиография:

1. Артановский С.Н. Понятие Родины: современные модификации// Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, 2012. № 3. С. 6-10.
2. Биллинг М. Повседневное напоминание о Родине. Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2007. № 1 (58). С. 34–68
3. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в языковом сознании российской молодежи: социолингвистическое представление// Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2015. № 3. С. 190-194.
4. Комлева Н.А. Маргинальное отчество. Заметки на полях геополитического процесса//Пространство и время. 2014. № 3. С. 24-33.
5. Наливайченко И.В. Образ Родины как объект патриотизма// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011 № 5-4. С. 126-130
6. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В двух томах. Т.1. М.: «Художественная литература», 1989 431 с.
7. Русская идея. М.: Республика, 1992. 494 с.
8. Соловьева А.Н., Соловьева Т.А. Символика семьи в структуре социальных представлений россиян о Родине. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 113-125 [Электронный ресурс] URL http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/11/Soloviova_Soloviova.pdf. Дата обращения 10.06.2016.
9. Телия В.Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина». В сб Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М.: «Индрик», 1999. С. 466-476.

7.2.2. СОЦИОЛОГИЯ. ТРАНЗИТОЛОГИЯ (ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ).

УДК:101.1:316.482(043.3)

СЕТЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ: СУЩНОСТЬ И РЕГУЛИРОВАНИЕ

Баньковская Юлия,

кандидат философских наук, доцент БГАТУ, г. Минск, РБ

e-mail: ulia_bank@tut.by

orcid. id:0000-0001-9287-7261

Abstract. The process of social networking is characterized by the presence of many contradictions. The formation of network conflicts is caused by such qualitative specifics of the functioning of the network as anonymity, decentralization, the prevalence of horizontal ties, the absence of a unified system of social values and norms. The need to develop effective ways to resolve contradictions is due to the possibility of a rapid escalation of the conflict.

Key words: network structures, network conflict, settlement, interaction, norms.

Процесс распространения и развития информационно-коммуникационных технологий приводит к расширению социальных связей между людьми, содействует возникновению новых форм взаимодействия субъектов. Сетевизация общества оказывает амбивалентной характер на функционирование социальной системы. С одной стороны, ей присуще расширение возможностей для развития технологий в области политики, экономики и науки, с другой стороны, появляются все новые формы социальных противоречий. Актуальность исследования сетевых конфликтов обусловлена усилением их воздействия на социальные процессы. Сети все чаще становятся областью развертывания современных противоборств.

Сетевые структуры нестабильны, находятся в постоянном изменении, что оказывает непосредственное воздействие на специфику протекания конфликтов. Как отмечает Ю.М. Михайлов «С позитивной точки зрения, нестабильность сетевого общества подразумевает децентрализацию и многовариативность путей развития, с негативной – опасность бесконтрольного усиления внезапно сложившихся деструктивных сил» [1, с. 43]. Деструктивным аспектом функционирования сетевых структур является утрата индивидуальности, традиционных ценностей при одновременном увеличении значимости сетевых символов. «Мы из обычных людей, из людей иерархических, со своим отношением к насилию, праву, к возможному и невозможному, к морали и нравственности, превращаемся в сегменты глобальной паутины» [2, с. 34].

Для сети присуще ряд свойств, оказывающих деструктивное воздействие на ее существование и развитие. Им присущи отсутствие границ, возможность постоянного привлечения новых элементов при одновременно низком уровне заинтересованности субъектов в сохранении сетевого образования при возникновении противоречий. Утрата конфиденциальности, отсутствие эффективных мер защиты информации, ее фрагментарность расширяют возможности для манипулирования сознанием человека. «Особенностью информационного общества, которое установилось в эпоху постмодерна, то есть постиндустриальную эпоху, является то, что количество информации достигло такого объема, что ни один здоровый человек не способен не то что осваивать этот объем, а даже более-менее в нем ориентироваться. Но именно этот не воспринимаемый человеческим сознанием объем информации дает одно из главных преимуществ... превращает информацию в мусор» [3, с. 79–80]. Отсутствие единой системы ценностей и норм, анонимный характер взаимодействия снижает уровень ответственности человека за свои действия в сетевом пространстве. Анонимность содействует тому, что «без угрозы наказания и социального одобрения люди

говорят и делают такие вещи, которые бы не стали говорить и делать под своим именем, позволяют себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания» [4, с. 186].

Необходимость выработки действенных мер регулирования сетевых конфликтов становится одной из приоритетных задач, решаемых в различных областях знаний. Выработка наиболее оптимальной стратегии урегулирования конфликта особенно востребована в ситуации угрозы эскалации насилия. «Использование силы, насилия при разрешении конфликтов означает, что субъекты ориентируются на различия в интересах, желаниях, позициях, на цель полной капитуляции и разгрома, низвержения другой стороны» [5, с. 107]. Слишком жесткое воздействие на конфликтную ситуацию приведет к утрате мотивации акторов при участии в данном сетевом образовании, к непредставлению ими доступа к имеющимся у них в наличии ресурсам. Такие методы разрешения конфликта, как его игнорирование или силовое подавление, являются неэффективными, поскольку противостояние не устраняется. «Уклонение от конфликта приводит к нестабильному взаимодействию» [6, с. 90]. Оно приобретает латентные формы, в рамках которых возможно привлечение внимания новых заинтересованных в данном противостоянии лиц. Такая тактика возможна лишь в ситуации, при которой целесообразна ликвидация этой сети. В то же время излишне мягкая стратегия воздействия на противостояние может привести к формированию множества небольших альянсов, действующих на основании собственных предпочтений, к отсутствию возможности контролировать процесс разворачивания конфликта. Необходима «установка на управление существующим конфликтом, которое подразумевает урегулирование, разрешение или даже подавление последнего в интересах общества либо его отдельных субъектов» [7, с. 52].

Востребованность в воздействии на конфликтную ситуацию начинает превалировать, во-первых, при возникновении сложных проблем, разрешение которых требует анализа множества аспектов и не может быть осуществлено только отдельно взятым субъектом или небольшой социальной группой. Во-вторых, в ситуациях, связанных с риском и неопределенностью в ходе принятия решений. «Многие решения принимаются в условиях риска, то есть при возможной опасности потерь» [8, с. 29]. В случае неразрешимости сложившейся проблемной ситуации и неясности ее последствий для дальнейшего функционирования сети акторы стремятся распределить ответственность за принимаемые решения между представителями разных социальных групп или обществом в целом. В-третьих, при изменении ценностно-нормативных приоритетов и ресурсных потребностей общества. Сетевые образования не являются стабильными и устойчивыми вследствие низкого уровня сплоченности их участников, им не присуща единая система ценностей, что нередко приводит к упразднению сети.

Наличие множества социальных проблем и невозможность эффективного их решения со стороны властных структур приводит к поиску альтернативных путей их разрешения. Создавая условия для осуществления открытых дискуссий, сети позволяют гражданам активно участвовать в обсуждении вопросов, реализовывать свою гражданскую позицию. При этом нередко данное участие может носить деструктивный характер. Еще М. Вебер утверждал, что «властные интересы нации там, где они поставлены под сомнение, суть последние и решающие интересы» [9, с. 25]. «Пример выборов как целей политических есть в голове у каждого. Но реально война идей, в которой человечество живет всю свою жизнь, является примером бесконечной информационной войны» [10, с. 218]. Воздействуя на политическую сферу жизнедеятельности общества, сети трансформируют социальное пространство, становятся катализатором обострения противоречий. Создавая конструктивные возможности для интерактивного общения с избирателями, привлекая внимание множества пользователей данного образования, сеть способствует повышению уровня эффективности агитации. Поддержка конфликта социальными группами, расширение области охвата географического пространства позволяют участвовать в противостоянии с любой точки земного шара.

Неформальность общения, ее выстраивание на основании горизонтальных связей между людьми привлекает внимание представителей разных социальных групп. В основании добровольности их участия лежит ориентация на достижение общей цели. Сеть структурирована таким образом, что в ней заложены механизмы, допускающие ее постоянное расширение, вовлечение в процесс своего функционирования множества людей. Данные аспекты формируют новые конструктивные возможности для функционирования системы по той причине, что включение новых элементов, которым присуще свое видение проблемной ситуации, создает уникальные возможности для ее комплексного рассмотрения, интеграции разнообразных структур и синхронизации их действий. Увеличение объема контента, привлечение внимания к проблеме как представителей небольших социальных общностей, так и мирового сообщества в целом способствуют повышению ответственности конфликтующих сторон за осуществляемые ими действия. От качества и объема информации, необходимой для принятия соответствующих решений, зависит эффективность регулирования конфликтов. Вовлеченность в противоборство большого количества людей создает дополнительные возможности для приобретения более полной информации о существующей проблеме, продуцируя условия, в рамках которых невозможно полностью скрыть или нивелировать данные о противоречиях. В то же время быстрота приобщения новых акторов к уже возникшему конфликту приводит к тому, что у многих из них не сформированы навыки политической деятельности, отсутствует понимание сущности проблемы. Они становятся инструментом, используемым определенными социальными группами для достижения их цели.

Многоканальность связей между акторами, сложная структура сети влияют на специфику разрешения конфликтов. И.А. Афанасьев акцентирует внимание на особенностях сетевой организации, ее проектной структуре, которая «возникает для решения определенной проблемы и после ее реализации распадается. Эти структуры характеризуются открытостью входа и выхода для ее участников при условии соблюдения ряда требований, главными из которых является причастность личности к данной проблеме и обладание необходимыми навыками и знаниями для ее решения» [11, с. 36]. Сети присущи равноправность позиций акторов, возможность неучастия в конфликтном противоборстве при нежелании разрешать возникшие противоречия. Все это необходимо учитывать при разработке мер по урегулированию сетевых противоречий.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что динамика развертывания сетевых конфликтов обусловлена качественной спецификой сети, взаимодействие субъектов в которой характеризуется анонимностью, отсутствием выработанной системы ценностей и норм, строго регламентированных последствий за нарушение правил сетевого взаимодействия, децентрализованностью, превалированием горизонтальных связей по отношению к вертикальным. Исследование природы противоречий в сетевых структурах практически востребовано в связи с наличием возможности быстрого разрастания конфликта, его деструктивного воздействия на все сферы жизнедеятельности общества. Нацеленность на совместное обсуждение проблемы, вовлечение в сферу рассмотрения представителей различных социальных групп позволяет всесторонне проанализировать возникающие вопросы, выработать наиболее оптимальные способы изменения сложившейся проблемной ситуации и ее преобразования для дальнейшего стабильного функционирования системы.

Библиография:

1. Михайлов, Ю.М. Формирование сетевого общества и глобализация / Ю.М. Михайлов // Вестник МГОУ. Серия : Философские науки. – 2015. - № 4. – С. 36–45.
2. Дугин, А.Г. Сетевое общество и его враги / А.Г. Дугин. // Профиль. – 28.01.2008. – № 3(559). – С. 32–34.
3. Коровин, В.М. Третья мировая сетевая война / В.М. Коровин. – Спб. : Питер, 2014. – 352 с.

4. Бочавер, А.А. Кибербуллинг : травля в пространстве современных технологий /А.А. Бочавер, К.Д. Хломов. // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177–191.
5. Степанов, Е.И. Современная конфликтология : Общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов / Е.И. Степанов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2012. – 176 с.
6. Black, D.J. The social structure of right and wrong / D.J. Black. – San Diego : Academic press, 1993. – 224 p.
7. Чумиков, А.Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия / А.Н. Чумиков // Социологические исследования. – 1995. – №3. – С. 52–57.
8. Орлов, А.И. Организационно-экономическое моделирование : теория принятия решений / А.И. Орлов. – М. : КНОРУС, 2015. – 568 с.
9. Вебер, М. Политические работы (1895-1919) / М. Вебер. – М. : Праксис, 2003. – 421 с.
10. Почепцов, Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г.Г. Почепцов. – М. : Алгоритм, 2015. – 256 с.
11. Афанасьев, И.А. Власть и экспертиза в сетевом обществе: проблемы и перспективы / И.А. Афанасьев // Власть. – 2005. – №11. – С. 35–3

УДК 37.016:93

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Бельчевичена Татьяна,
юрискон. ГБПОУ МТКИ им.Л.Б.Красина Москва, РФ
e-mail: t_belch@mail.ru
orcid id: 0000 0003 2834 1328

Abstract. The article considers the problems of increasing the educational motivation of students to study history. The sociocultural context of the era is the loss of students' interest in reading, in the text, in the story, the decrease in the importance of collective identity, the increase in the importance of virtual reality requires a revision of the approach to the problem of increasing educational motivation to study history. The teacher must be ready to provide the student with the opportunity for self-realization through the implementation of creative and practice-oriented tasks. It is necessary to offer students tasks in the field that interests them - in the virtual field. Depending on the cultural context, you can rely on an interest in the history of the region or the history of the family.

Keywords: learning motivation, interest in history, creative tasks, practice-oriented tasks, regional identity, virtual reality

Интерес к проблематике учебной мотивации предопределен тем, что высокий уровень ее уровня является залогом эффективности процесса обучения. Но на каждом этапе развития общества интерес к изучению истории предопределяется разными факторами и обстоятельствами. Так, во время становления национальных европейских государств изучение национальной истории было важным способом патриотического воспитания.

Однако еще до разворачивания интеграционных процессов в Европе эта задача постепенно теряла актуальность, но в конце XX века процесс этот усилился. В 1994 году осмысляя миссию университета Б.Ридингс отмечает, что настоящее время университет больше не должен сохранять и распространять национальную культуру, поскольку национальное государство отныне не является основным местом воспроизводства капитала [3,

с. 12]. А П.Нора указывает на кризис самой идеи нации: «Нация - это больше не борьба, а данность, история превратилась в одну из социальных наук, а память это феномен исключительно индивидуальный»[2, с. 25]. Однако, процесс глобализации актуализировал значение этно-региональной идентичности. И это способствует возрастанию интереса к региональной истории. Так, в АТО Гагауз Ери историко-этнографические музеи появились не только в городах, но и в селах. А практически в каждом учебном заведении есть этнографические уголки.

Интерес к этно-региональной истории и к традициям и обычаям народов автономии может стать фактором повышения учебной мотивации учащихся, изучающих историю, там более что каждый долгосрочный дидактический проект включает часы, выделяемые на региональный компонент. Элементы краеведения могут включаться в аудиторные занятия, но в еще большей степени они могут быть частью внеаудиторной работы по предмету. Ее формами могут быть посещение музеев, создание школьного историко-этнографического музея. Очень большой интерес вызывает проектная исследовательская деятельность. В качестве удачного примера можно привести конкурс исследовательских проектов «Искусство Родины», который проводится в Детской художественной школе им.Д.Д.Еребакана г.Чадыр-Лунги [1]. Опыт участия в жюри конкурса позволяет сделать вывод о том, что участники конкурса хорошо к нему подготовлены, мотивированы и активны. На стадии сбора материала они посещают музеи Кишинева и Гагаузии, по мере сил изучают научную литературу и публикации в СМИ и интернете, системно работают с материалом. Учащиеся представляют презентации в PowerPoint. Стоит подчеркнуть, что в настоящее время существует множество платформ, позволяющих учащимся активно самореализовываться, выполняя учебные задания. Так, они могут использовать Canva для создания более сложных презентаций, PowToon для создания красочных анимированных презентаций, Zentation, Vcasmo и множество других платформ. Рассказывая о предметах быта материальной культуры народов региона они могут предложить их 3D инсталляцию, выполненную на 3D принтере. Однако и собственноручное изготовление такой продукции может быть стимулом для возрастания интереса к региональной истории. Так, в регионе существует Ремесленная Школа, которой каждый учащийся региона может самостоятельно изготовить изделие из глины или дерева.

Важно то, что музеи готовы разбудить и поддержать интерес к региональной истории: так Национальный гагаузский историко-этнографический музей им.Д.Д.Еребакана с.Бешалма предлагает учащимся надеть национальные костюмы и принять участие в реконструкции национальных обрядов. Это встречает сильный эмоциональный отклик учащихся, они с удовольствием во всем этом участвуют.

В крупных городах, в тех местах, где ни патриотизм, ни любовь к «малой родине» не способны вдохновить учащихся, точкой опоры может стать история семьи. Учащимся можно предложить составить генеалогическое древо, семейный альбом с описанием, собрать воспоминания представителей старших поколений и изучить их, используя методологию «устной истории».

Особенно активным учащимся может понравиться исследование в рамках методологии «живой истории», когда воспроизводится повседневная бытовая жизнь той или иной исторической эпохи (рис.1.) или поучаствовать в движении исторических реконструкторов, воспроизводящих те или иные исторические события.

Атомизация общества, развитие индивидуализма снижает значение различных форм коллективной идентичности. Но это повышает интерес к самореализации и учитель, который будет готов это использовать сможет употребить этот ресурс для повышения мотивации к изучению своего предмета. Для этого существует широкий спектр творческих и практико-ориентированных заданий. Ученик может выступить в роли исторического деятеля и

произнести речь от его имени, описать один день жизни своего героя, сочинить стихотворение, проиллюстрировать историческое событие посредством рисунка и т.д.

Стоит учесть снижение интереса учащихся к чтению каких-либо текстов включая художественные. Альтернативой может служить более широкое использование визуальных аудиовизуальных объектов. Так учащемуся можно предложить смонтировать видеоролик, снабдить видеорядом саундтрек или, наоборот, подобрать саундтрек к презентации.

Любовь к компьютерным играм также можно использовать, так как создано большое количество исторических компьютерных игр, правда прежде всего военной проблематики, такие как «Rome: Total War», «Medieval: Total War», «Assassins Creed».

Еще больший потенциал имеют разнообразные формы групповой интерактивной работы, которые, помимо повышения учебной мотивации способствуют формированию коллектива и социализации учащихся. Это особенно важно в связи с возрастанием доли времени, отдаваемой учащимся виртуальному общению. Можно использовать такие методы как дебаты, совместная режиссура в группе, суд над исторической личностью и т.д.

В условиях, когда история должна конкурировать с альтернативными мирами фэнтезийной, фантастической реальности, важно показать, что она в неменьшей степени изобилует неожиданными поворотами, интересными персонажами, незнакомыми учащимся формами повседневности.

В конечном счете можно сделать следующие выводы: утрата интереса учащихся к чтению, к тексту, к рассказу, снижение значимости коллективной идентичности, возрастание значения виртуальной реальности требует пересмотра подхода к проблеме повышения учебной мотивации к изучению истории. Учитель должен быть готов предоставить ученику возможность самореализации посредством выполнения творческих и практико-ориентированных заданий. Необходимо предложить учащимся задания в той сфере, которая ему интересна – в виртуальной сфере. В зависимости от культурного контекста можно опереться на интерес к истории региона или истории семьи.

Библиография:

1. В районной художественной школе прошел конкурс исследовательских проектов «искусство родины» [электронный ресурс]
2. <https://www.grin.md/en/v-rajonnoj-hudozhestvennoj-shkole-proshel-konkurs-issledovatel'skih-proektov-iskusstvo-rodiny/> Дата обращения 20.01.22
3. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти //Франция-память. Спб, 1999, 328 с.
4. Ридингс Б. Университет в руинах Москва: ВШЭ, 2010, 304 с.

Приложение.

Рис.1 Музей живой истории в Москве

УДК 37.016:93

ЗНАЧЕНИЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Папцова Аллаб

доктор философии, Комратский государственный
университет Комрат, РМ,
e-mail: papcova@mail.ru
orcid id: 0000-0002-9127-6373

Одабаши Эдже,

магистрант группы МПИ20,
КГУ, Комрат, РМ
paptovasvetlana@gmail.com

Abstract. The article deals with the problems of increasing the importance of visualization in the context of socio-cultural transformations. At the same time, the value of texts decreases, as students read less. The importance of visual images for forming an image of the past is growing. The history teacher should increase the use of visualization techniques. Currently, to use visualization methods, the teacher must be proficient in information technology.

Key words: visualization, visual images, memory, information technology, history teaching.

Значение визуальных образов в преподавании всегда было высоким. С первых шагов дидактики как науки принцип наглядности был ее золотым правилом. В своей «Великой дидактике». Ян Амос Коменский требовал «все, что только можно предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое для восприятия зрением...» [1, с. 384]. Особенно значимым этот принцип был для начального образования, в соответствии с возрастными особенностями учащихся. Однако в настоящее время значение визуализации в еще большей степени возрастает. Рассмотрение эволюции этого значения в контексте социокультурных трансформаций и применительно к проблемам преподавания истории является предметом исследования в данной работе.

Изменение значение визуализации в общественной жизни и культуре всегда является индикатором значительных социокультурных трансформаций. Так, визуализация речи – появление письменности- является важнейшим фактором становления цивилизаций и, в силу этого, маркером достижения культурой уровня цивилизации. Долгое время потенциал этого ресурса используется не полностью, тексты живут и в устной традиции. Ярким примером является то, что поэмы Гомера были записаны через два века после их создания. В эпоху средневековья, особенно в период схоластической философии возрастает значение текста, слова, однако именно в это время тексты начинают иллюстрировать. Миниатюры ориентированы на текст, а не на отражение реальности, но они связывают слово и визуальный образ. Однако из-за дороговизны пергамента и «производства» рукописные книги очень дороги и малодоступны. Изменило ситуацию изобретение И.Гутенберга и использование более дешевого материала – бумаги. Именно поэтому М.Маклюэн считает появление книгопечатания важным этапом в развитии визуальной коммуникации. За этим последовало становление классической европейской науки, классической философии, классицизма в искусстве.

В конце XIX века Ф.Ницше напоминает о том, что европейской культуре присуще не только аполлоновское (рациональное), но и дионисийское (чувственное, иррациональное) начало. Смена культуры приводит к смене художественного видения: изобразительное искусство перестает быть иллюстрацией и само пытается создавать смыслы. Контекстом эпохи является становление неклассической философии, неклассической геометрии, неклассической физики. Складываются национальные историографические школы и вместе с ними национальные образы прошлого. Античность теряет значение эталона для искусства и «шкатулки со смыслами» для отражения и интерпретации исторических событий.

Факторы эволюции значения визуализации привлекали пристальное внимание исследователей. К.Прилуцкий указал какие именно факторы считали особенно важными те

или иные авторы: развитие символического восприятия человека (Э. Кассирер), трансформации в искусстве, вызванные возможностью массового тиражирования (В. Беньямин); изменение зрительной дистанции между субъектом и объектом восприятия (М. Ямпольский, М. Маклюэн); расширение технических возможностей воплощения идей творческих личностей, которые выступают своеобразными медиумами - проводниками визуализации (Ш. Бодлер), поиски среди симулякров утраченной реальности (С. Жижек, А. Бадью) [3].

Конец XIX века и весь XX век стали временем создания технологий непосредственного сохранения аудиовизуальной информации без трансформации ее посредством знаков (нот, сценариев и т.д.), что с также изменило значение визуализации в культуре.

Особенно большее влияние на этот процесс оказал прогресс в информационных технологиях – научно-техническая революция. Он позволил оптимизировать процесс обмена знаний способствовал появлению особой области междисциплинарных знаний – цифровых гуманитарных наук. Важнейшей их частью является информационная и цифровая визуализация («визуализация данных»). Для расширения возможностей применения технологий визуализации данных создаются программные продукты, такие как Breve и Palladio. Примером использования технологий визуализации данных в научных исследованиях является проект «Республика писем», реализованный в 2009-2016 гг. Возрастание значения визуализации проявилось в развитии новых научных направлений: иконологии, визуальной семиотики, визуальной антропологии и др.

В 1976 г. Р.Докинз предложил считать базовой единицей информации мем, который используется в коммуникации осознанно или неосознанно и может предстать в форме символа, в том числе визуального, текста, жеста и т.д. Появилась наука меметика.

Эпоха постмодернизма становится эпохой постнеклассической науки, постнеклассического искусства, конфликта интерпретаций, кардинального расхождения различных вариантов образа прошлого. Для того, чтобы сохранить хоть какие-то общие основания некоторые дискурсы. Так, на процессе в Нюрнберге была осуждена идеология нацизма, а впоследствии в некоторых странах введена уголовная ответственность за отрицание Холокоста.

Масштаб миграционных процессов становится одним из факторов расширения использования условных обозначений в повседневной коммуникации.

Использование компьютерных технологий в еще большей степени повысило возможности получения информации в аудиовизуальном формате, а компьютерные игры, занимающие значительную часть досуга подростков и молодежи позволили взаимодействовать в виртуальной реальности вне зависимости от пространственной и культурной дистанции. Вселенные, созданные фантастами, авторами фэнтези, создателями комиксов, сериалов и мультсериалов, таких, например, как «Гравити Фолз» могут показаться молодежи более интересными, тем более что многие из них экранизированы или изначально появились в аудиовизуальной форме. Одним из наиболее привлекательных их качеств является возможность поучаствовать в создании их альтернативных версий.

Движение исторических реконструкторов и акции в рамках «живой истории» предоставляют возможность «поучаствовать» в реконструкции какого-нибудь исторического события или погрузиться в повседневную жизнь определенной исторической эпохи. Есть и исторические компьютерные игры, такие, например, как «Rome: Total War», «Medieval: Total War», «Assassins Creed» и т.д.

Однако историческая реальность оказывается одной из многих, причем не самой эмоционально заряженной. П.Нора говорит о разрыве между памятью и историей. Он констатирует, что «нация – больше не борьба, а данность, история превратилась в одну из социальных наук, а память – это феномен исключительно индивидуальный» [2, с.25] Деритуализация мира приводит к появлению мест памяти, актуализирующих переживание исторических событий. Но они отражают определенный образ прошлого и должны ему соответствовать, в противном случае могут быть разрушены. Несмотря на то, что каждое

государство проводит определенную политику памяти, она редко объединяет все общества и индивидуализация ее, о которой говорит П.Нора, приводит к конфликту интерпретаций. Это несколько иначе для развивающихся коллективных идентичностей, только формирующих свой образ прошлого и свое символическое пространство. Они должны выстроить линию исторического процесса.

Вместе с тем, именно память хранит образ прошлого П.Нора указывает значимую ее черту – она укоренена в конкретном, в пространстве, в жесте, в образе и объекте [2, с.20]. Уроки истории в школе должны не только развивать универсальные и специфические компетенции, но и формировать образ прошлого. Для нашего пространства это особенно важно потому, что у нас образ прошлого сильно эволюционировал и существуют различные его вариации, свои у каждого поколения и у различных социальных и этнических групп. И символическое пространство для современной его версии выстроено еще не полностью.

Помимо конструирования целостной картины исторического процесса формирование образа прошлого означает формирование представления об исторической карте, героях и достопримечательностях. Повседневная жизнь различных эпох предполагает знакомство с различными предметами быта, оружием и орудиями труда. Это предполагает знакомство с их визуальным образом. Однако учебники иллюстрированы далеко не в должной мере. Они ориентированы не на современную подростковую и молодежную аудиторию, а на поколение создателей учебника, представителей эпохи, когда текст был основным источником информации. Современное поколение читает реже, развивать воображение нет особой необходимости – виртуальная реальность предлагает большое их разнообразие. Тексты учебников не заряжены эмоционально, они оторваны от визуальных образов и часто составляют едва ли не «область конечных значений» так как рассматриваемые понятия не актуализированы, не ориентированы на эмоциональное переживание учащегося. Учащиеся часто не обладают очень важным навыком перевода динамичного аудиовизуального образа в текст и текста в динамичный аудиовизуальный визуальный образ. Они еще могут описать картину, но им трудно пересказать и осмыслить сюжет фильма, хотя они могут активно сопереживать ему. Уделяя много времени просмотру видеоматериала, они извлекают из него сравнительно мало осмысленной информации и напротив, редко могут представить сюжет, описанный в учебнике в виде динамического ауди-визуального образа. Эти навыки можно формировать при помощи творческих и практико-ориентированных заданий, предложив инсценировать какое-либо историческое событие, произнести речь от лица какого-либо исторического персонажа или описать один день из жизни представителя какого-либо исторического сословия, описав его одежду, обувь, прическу, пищу, маршрут и т.д.

Осознание значения визуальных образов привело составителей экзаменационных материалов для 9-х классов к мысли включить в них карикатуры нового времени и потребовать их интерпретации. Но визуальный контекст той эпохи ученикам непонятен, карикатуры им неизвестны. Можно было использовать этот материал только если он демонстрировался бы учащимся на уроке. Принципы отражения исторических событий столетней давности отличаются от современных и это необходимо учитывать.

Постепенное оснащение учебных аудиторий техникой – мультимедийными видеопроекторами, интерактивными досками – позволило использовать в учебном процессе презентации, видеоролики и т.д. Некоторое время ученики опережали учителей в овладении компьютерными технологиями. Однако, пандемия COVID-19 и переход на online обучение резко активизировали процессы овладения информационными технологиями учителями. Повсеместно использовались Zoom, Classroom, Google Forms, Google Meet, Power Point presentation. Реже – Quizziz, Cahoot, Quizlet, Padlet, Canva, Learning Apps и др.

Визуализация помогает изложить учебный материал в занимательной, запоминающейся форме. Увлекательные тексты уже не справляются с этой задачей, так как учащиеся читают на порядок меньше, чем предыдущее поколение. Однако визуальные образы не могут и не должны заменять тексты, так как необходимо развивать рациональное мышление, а оно связано с языком, речью, в конечном счете с текстами. Тем не менее модифицировать прежние

методы визуализации и использовать новые. К достаточно традиционным методам относится создание ленты времени.

Лента времени позволяет в визуальной форме представить хронологию событий. В настоящее время можно начинить ленту времени визуальными образами.

Облако слов - эта форма визуализации данных, представляющая собой набор ключевых слов и словосочетаний. Создать его поможет интернет сервис Word's Cloud.

Кроссенс - это головоломка, позволяющая проводить ассоциации между изображениями. Такое задание необходимо составлять опираясь на общеизвестные мемы, иначе выстроить ассоциативную связь будет сложно. Кроме того, трудно построить это задание таким образом, чтобы был один вариант интерпретации.

Инфографика - это графический способ подачи информации, данных и знаний. Создать инфографику помогут сервисы Piktochart, Creately, Infogr.am, Visual.ly, Google Charts,

Интеллект-карта (ментальная карта, диаграмма связей, карта мыслей, ассоциативная карта, mind map) — это графический способ представить идеи, концепции, информацию в виде карты, состоящей из ключевых и вторичных тем. Это инструмент для структурирования идей, планирования своего времени, запоминания больших объемов информации, проведения мозговых штурмов. Создать интеллектуальные карты помогает сервис MindMeister, Lucidchart, Xmind и другие сервисы.

Скрайбинг – это визуализация информации при помощи графических символов, просто и доступно иллюстрирующих ее содержание и внутренние связи. Выступление в технике скрайбинга –предполагает сопровождения произносимой речи рисунками фломастером на белой доске (или листе бумаги).

Существуют и другие методы визуализации и перед учителем истории стоит задача изучить и использовать их.

В конечном счете можно сделать следующие выводы: значение визуализации в сфере коммуникации резко возросло, значение текстов уменьшилось и это необходимо учитывать в преподавании истории. Применение методов визуализации должно учитывать современный культурный, символический и визуальный контекст. Для того, чтобы инновационно применять методы визуализации необходимо владеть информационными технологиями.

Библиография:

1. Коменский Я.А. Великая дидактика. // Избр. пед. соч. , Т.1. Москва., 1982.
2. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти //Франция-память. Спб, 1999, 328 с.
3. Прилуцкий К.Аксиологическое измерение практик визуализации в пространстве профессиональной коммуникации в условиях современной Украины
<https://www.academia.edu/10075708/>

Рис.1 Кроссенс

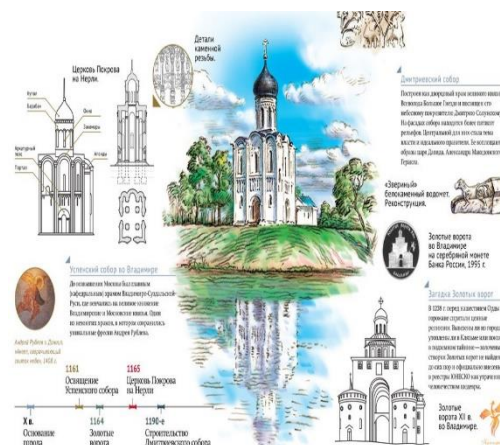

Рис.2 Инфографика

Рис.3. Интеллект-карта

Рис. 4. Техника скрайбинга

Рис. 5. Learning Apps

УДК 316.614

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (Г. СПЕНСЕРА, Э. ДЮРКГЕЙМА, М. ВЕБЕРА, Т. ПАРСОНСА)

Пацукевич Ольга,

старший преподаватель, конференциар БГСХА, г. Горки, Беларусь

e-mail: Minol80@mail.ru,

orcid.id: 0000-0001-7467-6490

Abstract. In the article represented by the author, one of the current modern interdisciplinary problems is considered - the problem of adaptation. Special attention is paid to its social aspect. Various options for interpreting the problem of adaptation with such classics of sociological thought, as Spencer, E. Durkheim, M. Weber, T. Parsons.

Keywords: adaptation, anomios, norm, fixture, rationality, equilibrium, social system.

Проблема приспособления живого организма к условиям существования в этом мире, иначе именуемого адаптаций, издавна притягивала интерес всего человечества. Изначально возникнув как биологическая категория, и в большей степени, связанное с эволюционной идеей, понятие «адаптация» считается не только междисциплинарным, но и весьма сложным, требующим достаточно осторожного и рафинированного обращения с ним [6].

В условиях современного социума актуализировался интерес представителей различных научных направлений к проблематике адаптационных ресурсов человека как субъекта деятельности, общения и познания. С учетом факта наличия многочисленных научных исследований феномена адаптации, все же остается много противоречащих моментов в понимании его сущности, видов и структуры.

В современном научном мире понятие адаптации приобрело междисциплинарный статус, позволяющий ему осуществить экспликацию на многие отрасли знания (биология, психология, экология, медицина, социология, философия), и каждая из них придает ему особое значение.

В научный оборот термин «адаптация», что в переводе с латинского означает «приспособление», был введен в 1865 г. немецким физиологом Г. Аубертом. Вскоре ученые обратили внимание на социальный аспект адаптации и занялись его изучением. Впервые к данной проблеме среди представителей социологической мысли обратился английский ученый Г. Спенсер. В научном мире он известен как основоположник теории органицизма и эволюционизма. В этом контексте Г. Спенсер в качестве важнейшего фактора эволюции определял естественный отбор, в процессе которого выживают наиболее приспособленные (адаптированные) к среде индивиды. Более того, ученый рассматривал общество по аналогии живому организму, состоящему из органов, выполняющих набор определенных функций. В этой связи социолог рассматривает адаптацию как одну из функций организма, позволяющую ему достигнуть стадии равновесия с окружающей средой. В предложенной Г. Спенсером «теории равновесия» адаптация понималась как устойчивое уравнивание организма (индивида) со средой (социумом), в результате чего происходит усложнение общественного устройства, повышение его «функциональности» [5].

В своих научных трудах Э. Дюркгейм представляет адаптацию как процесс приспособления индивида к существующим в обществе социальным нормам и правилам. Социолог считает, что в состоянии аномии, подразумевающей дезорганизационное состояние общества и возникающей в период резких социальных изменений, люди должны адаптироваться к новым социальным условиям. Однако, по мнению Э. Дюркгейма, в ситуации апатии, разложения существующей в данный момент нормативно-ценностной системы, способность человека к адаптации снижается. Это, в свою очередь, проявляется в росте отклоняющегося поведения и суицидов. Поэтому кардинально изменяющаяся социальная среда и непрерывное внутреннее стремление человека к развитию относятся к числу постоянных источников адаптации.

Известный французский социолог Э. Дюркгейм считает, что «нормальное» состояние социума обеспечивается жестким регулированием поведения человека на основе существующих норм. Для устойчивости и стабильности общества просто необходимо проявление его нетерпимости по отношению к различного рода попыткам отдельных индивидов игнорировать нормы. В данном случае разрушение нормативной организации общества лишает его самого действенного способа контроля над людьми и препятствует успешному интенсивному социальному развитию. Отсутствие достаточного количества норм Э. Дюркгейм определяет как патологию общества и называет аномией.

В своих трудах Э. Дюркгейм рассматривает человека через ось «норма-патология», где каждый пребывает в определенном статусе и подчиняется общественным нормам лишь до некоторой степени. Однако для того чтобы характеризовать само общество показатель нормативности нужен и важен. Соответствие нормам является индикатором высокого уровня адаптации, в случае, когда во главу угла поставлены интересы (или потребности) социума. Но и общество тогда характеризуется высокой адаптирующей способностью по отношению к

этому человеку. Это можно рассмотреть на примере трудовой деятельности. Социальной нормой в этом случае является занятие трудовой деятельностью, а социальной патологией будет отказ от труда. По Дюркгейму, норма не номинальным, а реальным существующим понятием. Но для того чтобы это было именно так, чтобы норма действовала, она должна быть инкорпорирована в мораль и проявляться на индивидуальном уровне в виде долга, трансформируясь во внутреннюю обязанность вести себя определенным образом [2].

Таким образом, в терминологии Э. Дюркгейма социальная адаптация означает усвоение индивидом социальных норм, их интериоризацию.

Ограниченность позитивизма была успешно преодолена другим не менее известным представителем социологической мысли – М. Вебером. В рамках своей концепции рациональности он обосновал социальную детерминацию поведения человека. По мнению М. Вебера, в основе деятельности человека лежит субъективное побуждение, а назначением его конкретных действий является достижение цели, а количество возможных способов этого велико. В рамках своей концепции социолог объяснял нормативное поведение человека его высоким уровнем рациональности. Это значит, достижение цели гарантируется существованием тех же самых социальных норм при известном заранее уровне затрат, но так происходит не всегда.

По мнению М. Вебера, каждый человек стремится «рационализировать» свою деятельность, снизив собственные затраты в сравнении с общественно принятыми, и получив в итоге определенные преимущества. Вместе с тем, М. Вебер указывал на возможность одновременного существования нескольких взаимопротиворечащих друг другу норм. Благодаря данному подходу подчеркивается значимость индивида в процессе формирования норм. В итоге, в реальности оказывается так, что наиболее адаптирован человек «рациональный», а не «нормативный», хотя считается «нормативный» человек достаточно «рациональным». М. Вебер указывает на первичность человека (хотя и относительную) и вторичность социума, что очень важно для понимания социальной адаптации [1].

Еще один представитель классической социологической мысли Т. Парсонс изучал адаптацию как процесс внедрения человека в социальные системы. Ученый утверждает, что человек аккумулирует в себя сформировавшиеся в социуме ценности, нормы и традиции. Это происходит в процессе взаимодействия данного индивида с другими людьми, а в итоге становится одним из элементов социальной системы. Благодаря личностным механизмам усвоения норм и ценностей, заложенных в социальной среде, и осуществляется процесс адаптации. По мнению Т. Парсонса, этому процессу способствуют следующие механизмы: познавательный механизм; защитный механизм (используется в случаях, когда между потребностями возникает противоречие); механизм приспособления.

Т. Парсонс говорит, что если равновесие есть, значит, общество стабильно, когда равновесия нет, начинается социальный конфликт. По мнению ученого, должен быть баланс между потребностями людей и социальной средой. В процессе этого баланса происходит усвоение индивидом социальных норм, которые приняты в данной социальной среде. С помощью категорий «социальная среда» и «адаптация» ученый указывает на то, что человек взаимодействует с небольшой частью общества. Таким образом, адаптация представляет собой баланс ожиданий человека и социальной среды. Главная задача, стоящая перед социумом – это суметь адаптироваться не только к уже имеющимся изменениям, но и к тем, которые рассматриваются на перспективу. Социальная структура внутренне противоречива и динамична, поскольку она подвергается постоянным трансформациям даже в периоды относительной социальной стабильности.

Под ценностной ориентацией индивида Т. Парсонс понимает «его приверженность к эталонам (культурным стандартам)». Он выделил познавательный, оценочный и моральный способы ориентирования. Именно они «управляют выбором с учетом того, как воздействуют последствия этого выбора на интеграцию той социальной системы, в которой он участвует» [4]. Так, анализируя четыре основные системы действия (социальная система, культура, личность и организм), он утверждает, что каждая из них по отношению к остальным выступает

социальной средой. Потребность в адаптации – важнейшее условие для нормального функционирования данных систем.

Ученый считает что, любая социальная система, которая ориентирована на то, чтобы продолжить свое существование и поддерживать внутренний порядок, должна отвечать четырем основным требованиям (схематично представленных в виде аббревиатуры - AGIL), в числе которых первое место занимает адаптация – способность системы мобильно реагировать на происходящие внешние изменения и приспосабливаться к окружающей действительности. Процесс адаптации социальной системы к меняющимся условиям характеризуется Т. Парсонсом, как непрерывный (в числе других трех выступают: целеполагание, интеграция и латентность). Для большей конкретности Т. Парсонс наряду с четырьмя вышеперечисленными пререквизитами, являющимися необходимыми условиями существования социальной системы, вводит четыре подсистемы, каждая из которых несет ответственность за удовлетворение одного из «функционально необходимых условий» (пререквизитов) [4].

Таким образом, известные социологи видели актуальность проблемы адаптации всегда. В центре внимания социологической науки находятся общие закономерности социальной адаптации, а также характер, содержание, темпы и типы адаптации. Значимое место в предметном поле социологии занимают вопросы социальных механизмов, критериев и показателей адаптации. Широкий спектр указанных проблем затрагивался в трудах выдающихся зарубежных социологов М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Г. Спенсера и по сути, именно они заложили основы теории социальной адаптации.

Библиография:

1. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии/М. Вебер //Избр. произведения. М.:1990. – 808 с.
2. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Н. Ильинского. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
3. Парсонс, Т. О структуре социального действия: пер. с англ. /Т. Парсонс. – М.: Акад. проект, 2000. – 879 с.
4. Парсонс, Т. Социальная система: пер. с англ./Т. Парсонс. – М.: Акад. проект, 2018. –529 с.
5. Спенсер, Г. Основные начала: пер. с англ. / Г. Спенсер. – СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1897. – 4, IV, 467 с.
6. Урманцев, Ю.А. Природа адаптации / Ю.А. Урманцев // Вопросы философии. – 1998. – № 12. – С. 21-36.

УДК 37.013

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Финин Георгий

доктор филос. наук, доцент, зав. кафедрой истории и общественно-экон.дисциплин
Коммунальное учреждение «Харьковская гуманитарно-педагогическая академия»

Харьковского областного совета, г. Харьков, Украина

e-mail: finingeorgiy@gmail.com

orcid.id: 0000-0002-7437-2996

Abstract. The specific setting of the national education system, is improvement and reformation are analyzed. The main directions with the discovery of the national education system having given. The main components of the national education system are characterized. It was found

out that the essential proposed modernization position in the buildings of important formations are the conceptual changes in all areas of activity.

Key words: modernization, reformation, humanization, education, education system.

Модернизация образования не может осуществляться по модели догоняющей модернизации, потому что в этом случае она становится дисфункциональной. Учебные и воспитательные практики этого образования модернизируются как через внешние вызовы, так и через внутренние требования по перманентному их обновлению и самообновлению. Модернизация этих практик осуществляется комплексно как единство экономических, социально-политических и образовательных инновационных процессов. Это предполагает модернизацию материально-технического обеспечения этих практик, внедрение новейших технологий, обновление содержания воспитания и обучения, личностное развитие студентов и преподавателей. Именно поэтому насущной задачей является рассмотрение возможной философско-образовательной адаптации различных концептуальных подходов к модернизации.

Понятие модернизации в современном философско-образовательном дискурсе применяется в более узком смысле как обновление и самообновление системы образования (В. Андрущенко, В. Кремень, М. Култаева и другие). [1-6] Поэтому в этом дискурсе почти не анализируются те концептуальные подходы, где модернизация рассматривается как вестернизация или американизация. Для анализа перспективы модернизации практик национальной системы образования и интерпретационной схемы модернизации также имеет значение в условиях ее деидеологизации. [5, S.72-89.]

Замечу, что американский опыт организации образования признан в мире лучшим, а перспектива его внедрения в транзитных государствах переходящих от [авторитаризма](#) к [демократии](#) является путем приближения к мировым стандартам, но зависит от модернизации общества в целом. Именно поэтому, в контексте нашей темы целесообразно рассмотрение как модернизационных процессов в обществе.

Несмотря на достаточно большое количество публикаций, связанных с осмыслением инновационного развития образования и возможности модернизации самой системы, инновационный потенциал образования и ресурсы его модернизации, гуманитарный аспект этой модернизации до сих пор остаются без внимания как специалистов в области образования и воспитания, так и образовательных философов. Между тем вопрос реформирования и модернизации системы национального образования является насущной задачей времени. Поэтому, важно философско-образовательное осмысление современных инновационных технологий на основании обобщений как отечественного, так и зарубежного опыта учебных и воспитательных практик в системе образования, гуманитарной составляющей модернизации образования. Именно такое обобщение, на мой взгляд, позволит выявить тенденции в модернизации национального образования.

Безусловно, инновационность развития образования – это постоянные изменения, что-то новое в деятельности учреждений высшего образования, в учебно-воспитательном процессе – это насущная потребность, без удовлетворения которой теряется взаимосвязь с жизнью, потеряет свой творческий потенциал, станет как рутинное дело не нужное ни обществу, ни личности. Правда, процесс модернизации нуждается и в экономической поддержке. С одной стороны, жизнь требует интенсификации поиска, экспериментирования, введения новейших технологий, применения новых средств обучения и воспитания, которые очень полезны. Вместе с тем реализация этих требований не может осуществляться хаотично, бессистемно, непродуманно и без учета положительного педагогического опыта. Инновации должны разворачиваться с учетом отечественного и зарубежного опыта, а не игнорируя его.

Экономические факторы все больше делают эти процессы зависимыми от экономических достижений того или иного государства и глобализационных процессов, которые влекут за собой глобальную конкуренцию во всех сферах социального бытия человека. Как отмечает О. Хеффе «...и в таких сферах, как наука и культура, а также язык и

религия, царит соревнование, оно достигает конкуренции региональных и национальных «ценностей и стандартов», к разнообразию которых относится не только уровень образования и развитие инфраструктуры, но и размер налогов, интенсивность религиирования и ценности досуга» [2, р. 20].

Следовательно, инновационное развитие образования во многом обуславливается имеющимися ресурсами, которые можно использовать для его модернизации. Это ресурсное наполнение не всегда зависит от положительных факторов.

Реформирование и модернизация гуманитарного образования будущих специалистов в современных социокультурных контекстах осуществляется в результате:

- обогащение содержания современного гуманитарного образования новыми идеями, новым опытом практической деятельности;
- реализация в системе образования специалиста нового типа, сформированного на основе компетентного подхода к гуманитарной, нравственной, правовой, эстетической сфере подготовки;
- внимательного отношения к разработке инновационных моделей и форм гуманизации и гуманитаризации педагогического процесса;
- координации действий педагогического состава, представителей заказчиков, учреждений и организаций в обеспечении качества и развития гуманитарной составляющей образования;
- активное сотрудничество преподавателей гуманитарных дисциплин и дисциплин профессионального направления;
- постоянного обобщения передового опыта гуманитарного образования, эффективных методик и современных технологий, накопленных у педагогических коллективах [1. с. 32]

М. Култаева обращает особое внимание на теорию полуобразования Т. Адорно, отмечая ее деструктивный потенциал [4, с. 180].

Если раньше назначением и призванием образования было творческое саморазвитие личности в духе неогуманистического образовательного идеала, то в новых условиях уже само образование подчиняется задачам имеющегося. Она теряет перспективу и самоликвидируется в модусе будущего. Теорию Т. Адорно легко заподозрить в антидемократичности, потому что он выступает против «народного образования», но его критика направлена прежде всего на профанацию квазипедагогических практик массовой культуры, целью которой было удешевление и увеличение объема так называемых образовательных услуг. Если в домодерных обществах неписьменность была лишь обременительным обстоятельством в самореализации отдельных индивидов, то в индустриальном обществе она уже выступает фактором угрожающего риска всем, превращаясь в глобальную проблему современности. Неагрессивные формы полуобразования несколько смягчают такие угрозы от пресловутых убогостиц, которые могут неосторожным движением вызвать техногенную катастрофу.

Эту ее функцию не анализирует Т. Адорно, потому что она является лишь паллиативной мерой, но его теория является не только критикой дегенеративных искажений образования и культуры, но и терапией ее негативных последствий [4, с. 181].

Очень важным направлением модернизации современной национальной системы образования есть усовершенствование содержания и практик правового образования, правового воспитания, формирования правовой культуры и правового сознания. Ю. Калиновский считает, что в модернизированных обществах уровень правовой культуры и правосознания – важный фактор горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, поскольку от него зависят возможности перехода человека от одних ролей к другим, из одной казни в другую, более элитарную. Именно поэтому в таких социумах модернизация системы высшего образования является полиструктурной и динамичной по сравнению с традиционными обществами. [3, с.124-125.].

Для наиболее эффективного использования гуманитарной составляющей модернизации образования следует уделять больше внимания авторским технологиям, на основе гуманизации и демократизации отношений; на основе новой дидактической и методической

организации материала, альтернативные; по характеру содержания: обучающая и воспитывающая общеобразовательные профессиональные гуманистические компетентности. Педагогические технологии по характеру отношений учитель – учащийся: педоцентрические (дидактоцентрические) технологии, личностно ориентированные технологии, технологии сотрудничества, технологии свободного воспитания. Педагогические технологии по способам организации обучения: по организационным формам: лекционно-семинарские и альтернативные; индивидуальные, групповые, коллективные, в парах; академические и клубные (по интересам); индивидуальное и дифференцированное обучение. По доминирующему способу деятельности: догматические, репродуктивные, объяснительно-иллюстративные; программное, проблемное, диалогическое, развивающее обучение; гибкие технологии обучения; игровые технологии; По моему мнению, использование гуманитарной составляющей современном образовании поможет при выполнении задач как по профессиональной подготовке, так и может служить основой патриотического воспитания.

Современное образование должно не просто заложить научный и (или) технический фундамент профессиональных компетенций будущего специалиста и руководителя, а способствовать развитию творчески-личностного, креативно-мыслительного потенциала личности. Гуманитарно-мировоззренческая подготовка специалистов должна сформировать системное глобальное мышление, базирующееся на компетентном подходе, к основным атрибутам которого можно отнести фундаментальность, профессионализм, коммуникативность, информационность. [6, с. 73]

Таким образом, философско-образовательный анализ фактических и контрфактических условий осуществления модернизации учебных и воспитательных практик национальной системы образования позволяет сделать вывод о возможности адаптации различных концептуальных подходов к ее модернизации с учетом гуманитарной составляющей. В частности, это обновление и самообновление системы, ведь образование в силу своей особенности эволюционирует вместе с обществом.

Библиография:

1. Finin H. I. (2016) Spetsyfika formuvannia svitohliadu maibutnikh viiskovykh fakhivtsiv v umovakh hlobalnoi deideolohizatsii. Visnyk Natsionalnoho universytetu «Iurydychna akademiia Ukrainy imeni Yaroslava Mudroho» Serii: Filosofiia, filosofiia prava, politolohiia, sotsiolohiia - Bulletin of the National University «Law Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise». Avg. : Philosophy, Philosophy of Law, Political Science, Sociology, 1 (28), 27-35 [in Ukrainian].
2. Hofe Otfrid. (2002). Demokratsiia v dobu hlobalizatsii. Kyiv: PPS [in Ukrainian]
3. Kalynovskyi Yu. (2013). Pravove vykhovannia u vyshchykh navchalnykh zakladakh
4. Kultayeva, M. (2017) Education and its deformation in contemporary culture: therelevance of T. Adorno's semi-education theory in contemporary sociocultural contexts - Philosophy of Education. 1 (20), 153-195 [in Ukrainian].
5. Maase Kaspar. Diagnose (1999). Amerikanisierung Zur Geschichte eines Deutungsmusters / Kaspar Maase. Transit. Europaeische Revue, 17, 72-89.
6. Ukrainy: problemy ta perspektyvy. Visnyk Natsionalnoho universytetu «Iurydychna akademiia Ukrainy imeni Yaroslava Mudroho». Ser. : Filosofiia, filosofiia prava, politolohiia, sotsiolohiia. - Bulletin of the National University «Law Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise». Avg. : Philosophy, Philosophy of Law, Political Science, Sociology. 2, 124-133 [in Ukrainian].
7. Panfilov O. Yu., Petrova L. O. (2018). Viiskova osvita - holovna stratehiia formuvannia osobystosti suchasnoho viiskovoho kerivnyka. Visnyk Natsionalnoho universytetu «Iurydychna akademiia Ukrainy imeni Yaroslava Mudroho». Ser. : Filosofiia, filosofiia prava, politolohiia, sotsiolohiia. - Bulletin of the National University «Law Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise». Avg. : Philosophy, Philosophy of Law, Political Science, Sociology. 3, 67-79 [in Ukrainian]. <http://fil.nlu.edu>

УДК 364.04/07

МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ (НА ПРИМЕРЕ АТО ГАГАУЗИЯ)

Хорозов Сергей,

доктор социологии, преподаватель
Комратский государственный университет
РМ

e-mail: horozovserghei@ya.ru

orcid id: 0000-0002-0599-4767

Хорозов Лариса,

Доктор психологии, преподаватель
Комратский государственный университет
РМ

e-mail: larisahorozova@yandex.ru

orcid.id: 0000-0002-6567-0334

Abstract. Persons with disabilities are the most vulnerable category of people. The large percentage of persons with developmental disabilities in the Republic of Moldova and the lack of a clear action program indicate the need to develop effective measures to improve the quality of life of this category of persons. A program is proposed to improve social services for persons with disabilities in one of the regions of the Republic of Moldova - ATU Gagauzia.

Key words: Persons with disabilities; the quality of life; Autonomous Territorial Unit of Gagauzia (ATU Gagauzia); social service improvement program; expertise; third sector.

Республика Молдова является социальным государством. В ст. 7 Конституции Республики Молдова прописано, что проблемы людей с ограниченными возможностями - одна из важнейших социальных проблем в стране [1]. Согласно нынешнему молдавскому законодательству, *лицо с ограниченными возможностями* определяется как «...лицо с физическими, умственными, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами/препятствиями могут мешать полному и эффективному участию этого лица в жизни общества наравне с другими лицами».

Сегодня лица с ограниченными возможностями относятся к наиболее социально незащищённой категории населения. Их доход значительно ниже среднего, а потребности в медицинском и социальном обслуживании намного выше. Они в меньшей степени имеют возможности получить образование, не могут полноценно заниматься трудовой деятельностью. Большинство из них не имеет семьи и не желает и не может участвовать в общественной жизни.

Для Молдовы решение проблем лиц с ограниченными возможностями очень актуально, поскольку по состоянию на 1 января 2021 г. (по данным Министерства здоровья, труда и социальной защиты РМ) в Республике ориентировочное количество людей с ограниченными возможностями составляет 176,1 тыс. человек, в том числе 10,6 тыс. детей в возрасте 0-17 лет. Люди с ограниченными возможностями составляют 6,6% от общего населения страны с обычным местом жительства, а дети с ограниченными возможностями - 1,8% от общего числа детей с обычным местом жительства в Республике Молдова. В перспективе ожидается дальнейший рост числа людей с ограниченными возможностями [3].

Эти статистические данные свидетельствуют о необходимости активизации социальной работы с ними, что позволило бы реализовать принцип социальной справедливости, уменьшить социальную напряженность среди этой категории граждан. Знание причин социального неравенства и способов его преодоления является важным условием эффективной организации и проведения социальной работы.

Такая проблема, как социальная работа с лицами с ограниченными возможностями всё чаще становится объектом исследований. В настоящее время социальная работа с лицами с ограниченными возможностями активно изучается Е.И. Холостовой, А.В. Гостюшиной, Т.А.

Добровольской, Л.К. Грачёвой, А.В. Кузнецовой, Э.В. Устиновой и др. Ими рассматриваются различные аспекты:

- обеспечение равных возможностей в реализации прав и свобод;
- устранение ограничений в их работоспособности и жизнедеятельности ;
- создание благоприятных условий, позволяющих лицам с ограниченными возможностями вести полноценный образ жизни, активно участвовать в экономической, социальной и политической жизни общества, выполнять свои гражданские обязанности;
- единение усилий государственных органов, общественных и частных инициатив, групп самопомощи и т.д.

Но, наш взгляд, практический аспект проблемы организации и проведения социальной работы с лицами с ограниченными возможностями в каждой конкретной ситуации должен рассматриваться не только с учётом общих закономерностей, но и ситуативных характеристик.

Итак, важностью решения проблемы социальной работы с лицами с ограниченными возможностями и её недостаточной изученностью в специальной литературе определяется актуальность проведённого нами исследования.

Цель исследования: Разработка программы по улучшению социального обслуживания лиц с ограниченными возможностями в АТО Гагаузия Республики Молдова.

На основе изучения мнений лиц с ограниченными возможностями и работников сферы социального обслуживания о состоянии дел в области социальной работы с данной категорией лиц мы наметили основные пути и способы улучшения состояния дел в этой области и разработали соответствующую программу.

Программа по улучшению социального обслуживания лиц с ограниченными возможностями в АТО Гагаузия Республики Молдова

Пояснительная записка

На региональном уровне в АТО Гагаузия для лиц с ограниченными возможностями решаются задачи формирования доступной социальной, производственной, рекреационной и бытовой среды. Поэтапно создается безбарьерная среда жизнедеятельности, реально обеспечивается их право на полноценную жизнь в обществе, на труд, образование, активный досуг. Налаживается контакт государства и НКО в направлении защиты и соблюдения прав лиц с ограниченными возможностями.

Вместе с тем решение проблемы обеспечения достойного уровня доходов и качества жизни лиц с ограниченными возможностями требует дополнительных усилий государства, бизнеса, так и НКО. В сферу трудовой занятости вовлечено не более 16% лиц с ограниченными возможностями трудоспособного возраста. Не обеспечена доступность отдельных социальных услуг, в первую очередь для лиц, находящихся за чертой бедности. Не все жизненно важные для отдельных групп инвалидов технические средства реабилитации имеются. Сеть действующих реабилитационных учреждений ещё не достаточна.

Цель программы: Разработать комплекс мер для улучшения социального обслуживания лиц с ограниченными возможностями в АТО Гагаузия Республики Молдова.

Период реализации программы: 2021-2024 гг.

Для реализации этой цели необходимо осуществить комплекс сбалансированных адекватных мер, учитывающих состояние и особенности различных групп лиц с ограниченными возможностями в регионе, организуя работу в соответствии с действующим молдавским законодательством:

1. Конституцией Республики Молдова от 29 июля 1994 года [1];
2. Трудовым Кодексом Республики Молдова [2] и др.

При реализации данной программы необходимо руководствоваться и нормативными документами национального законодательства Республики Молдова, регулирующими положение особых категорий лиц с ограниченными возможностями при осуществлении

социального страхования, обеспечения и обслуживания, действия ряда льгот и преимуществ в регионе.

Процесс улучшения социальной помощи людям с ограниченными возможностями должен осуществляться с учетом основных направлений деятельности учреждений социального обслуживания этой категории лиц в Республике Молдова в 2021 году:

- обеспечение исполнения законодательства РМ о социальной защите лиц с ограниченными возможностями и контроль за целевыми расходами республиканского бюджета в том числе со стороны гражданского общества;[4]

- усиление взаимодействия с соответствующими ведомствами по реализации законодательства о социальной защите, в т.ч. с помощью экспертизы нормативных актов НКО;

- содействие инвалидам в реализации их прав на меры социальной поддержки;

- решение комплексных целей и задач по повышению уровня и качества жизни людей;- реализация национальной целевой программы – «Национальной программы социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями на 2017-2022 годы в Республике Молдова» [3].

- выявление лиц с ограниченными возможностями, нуждающихся в помощи и социальных услугах, а также определение потребностей населения в различных видах социальных услуг;

- обеспечение доступности и качества социальных услуг для социально незащищенных слоев населения;

- разработка государственных стандартов социальных услуг для лиц с ограниченными возможностями и их реализация;

- внедрение и развитие инновационных социальных технологий в обслуживании людей с ограниченными физическими возможностями;

- завершение работы по созданию электронного банка данных социально незащищенных слоев населения региона;

- активизация работы по поиску внебюджетных средств для оказания помощи и поддержки инвалидам [3].

Таким образом, приоритетом в реализации данной программы является как полное обеспечение социальных гарантий, предусмотренных для лиц с ограниченными возможностями в действующем молдавском законодательстве, так и улучшение их социально-экономического положения, включая пенсионные, социальные и медицинские услуги и гарантии. Необходимо повысить качество реабилитационного лечения в учреждениях здравоохранения, что не только оптимизирует реабилитационный процесс, но и обеспечит профилактику наступления инвалидности у большого количества граждан.

Необходимо сделать социальные услуги доступными для людей с ограниченными возможностями, обеспечить высокое качество их предоставления. Это потребует решения ряда сложных проблем системы социального обслуживания в АТО Гагаузия.

В целях обеспечения реализации на практике, улучшения качества жизни людей с ограниченными возможностями в АТО Гагаузия, обеспечения динамичного продвижения к созданию должной среды обитания, оптимально адаптированной для полноценной жизни людей с ограниченными возможностями, на наш взгляд, необходимо:

1. Создать в регионе целостную концепцию социальной политики в отношении людей с ограниченными возможностями, а также систематически обновлять региональные стратегические концепции, с тем, чтобы путем постепенных, но последовательных и энергичных шагов добиваться прогрессивных изменений в качественных параметрах обеспечения основных жизненных потребностей граждан с ограниченными возможностями.

2. Постоянно совершенствовать региональное законодательство с учетом изменения основных принципов политики в отношении лиц с ограниченными возможностями в сторону их наиболее полной интеграции в производственную, социальную и культурную среду.

2. Предусмотреть в региональной программе меры по решению приоритетных вопросов повышения качества жизни людей с ограниченными возможностями и их интеграции в

общество, в том числе создание доступной среды обитания, обеспечение технических средств реабилитации, развитие инфраструктуры различных типов реабилитационных учреждений, обеспечение информационного обеспечения и коммуникации с использованием современных технологий, поддержка социальных инноваций и другие направления. Разработка таких программ должна производиться с учетом анализа ситуации относительно положения людей с ограниченными возможностями, эффективности ранее принятых мер.

3. Осуществлять постоянный мониторинг реализации государственной политики на региональном уровне с целью улучшения качества жизни людей с ограниченными возможностями, предоставления равных возможностей и интеграции в общество.

4. Создание на региональном уровне базы данных, включающей статистические показатели распространенности феномена инвалидности, социально-демографические характеристики людей с инвалидностью и связанные с ними проблемы. Необходимо сделать эту информацию доступной для общественности.

5. Активно выявлять и изучать потребности людей с ограниченными возможностями в социальной службе для более эффективной работы с данной категорией лиц. Ведь эффективность социальной помощи складывается не только из количественных показателей, но и из качественных. Основными критериями оценки эффективности должны быть: удовлетворенность потребителя услугой; удовлетворенность сотрудников работой; уровень подготовки персонала.

6. В регионе необходимо продолжить работу по созданию и развитию учреждений нового типа: специализированных служб социальной и медицинской помощи на дому, сети реабилитационных центров для детей и взрослых.

7. Обеспечить достойные условия для полноценной медицинской, социальной и профессиональной реабилитации. С этой целью целесообразно открывать лечебные производства и подсобные хозяйства.

8. Активизировать организацию инклюзивной работы в образовательных учреждениях, создать условия для приобретения лицами с ограниченными возможностями доступных профессий.

9. Развивать социальное партнерство и постоянный диалог с третьим сектором по вопросам помощи гражданам с ограниченными возможностями.

10. Расширить круг лиц (физических лиц, благотворительные организации, религиозные организации, бизнес), способных оказывать помощь лицам с ограниченными возможностями на приемлемых для них условиях.

11. Расширить сферу деятельности поставщика платных социальных услуг. Для этого, например, можно создать специальный приемный пункт для людей с ограниченными возможностями.

12. Активно изучать и внедрять эффективный зарубежный опыт социальной помощи лицам с особыми потребностями.

13. При организации социальной помощи учитывать традиции общества, постоянно обращаться к этическому и нравственному опыту пожилых людей.

14. Создать и активировать работу групп самопомощи. В регионе есть несколько примеров этого вида деятельности.

15. Приобщать волонтеров к работе с лицами с ограниченными возможностями. Волонтерское движение поможет изменить отношение общества к людям с ограниченными возможностями, повысит социальную активность потребителей услуг. Развитие волонтерского движения во многом зависит от общественных неправительственных организаций, от помощи местных властей в их деятельности.

Таким образом, приоритетными направлениями в АТО Гагаузия в сфере социального обслуживания лиц с ограниченными возможностями являются: решение комплексных задач по повышению уровня и качества жизни лиц с ограниченными возможностями, внедрение новых социальных технологий в работу учреждений социального обслуживания населения,

реализация республиканской целевой программы – «Национальной программы социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями на 2017-2022 годы».

Библиография:

1. Конституцией Республики Молдова от 29 июля 1994 года, опубликована: 18 августа 1994 года в «Monitor Official №1» статья №1, дата вступления в силу 27 августа 1994 года
2. Трудовым Кодексом Республики Молдова №154 от 28 марта 2003 года, опубликован: 29 июля 2003 года в «Monitor Official №159-162 статья №648»
3. Национальная программа социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями на 2017-2022 годы в Республике Молдова Постановление Правительства №723 от 8 сентября 2017 г.
4. Хорозов С.Г. Возможности использования Молдавскими неправительственными организациями (НПО) передового европейского опыта деятельности НПО в области социальной политики. Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своём и родном. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (19 – 21 апреля 2019), Орёл, Модуль-К, С. 209-204. 2019. ISBN 978-5-905029-60-8

УДК 316.35:34(478)

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УСТОЙЧИВОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НКО) РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Хорозов Сергей,

д-р социологии, преподаватель Комратского государственного университета РМ

e-mail: horozovserghei@ya.ru

orcid id: 0000-0002-0599-4767

Abstract. The most important condition and indicator of the effectiveness of the activities of non-profit organizations (NPOs) is their sustainability. Using the example of Moldovan NPOs, one of the indicators of sustainability is analyzed - the provision of services. Its manifestations are being studied in dynamics, over two decades of development of Moldovan non-profit organizations. The positive dynamics of the criterion of sustainability - the provision of services - is revealed. The ways of improving the state of affairs in the field of providing services by non-profit organizations in Moldova are proposed.

Key words: non-profit organizations (NPO); provision of services; NGO Sustainability index; stability; recommendations.

В процессе своей деятельности сотрудники некоммерческих организаций (в дальнейшем - НКО) набираются опыта, сами организации совершенствуют свою структуру. Важнейшим условием и показателем эффективности деятельности НКО является устойчивость. Эффективность работы неправительственных организаций связана со многими особенностями как внутренней структуры организаций, так и внешними условиями их деятельности.

Одним из общепризнанных и действенных инструментов определения прочности и общественной жизнеспособности некоммерческих организаций на сегодняшний день является Индекс устойчивости НКО, разработанный организацией Freedom House (Международное Агентство Развития (USAID) в системе координат (от 1 до 7 баллов). С его помощью определяются различные критерии устойчивости НКО: правовая среда, организационные возможности, финансовая жизнеспособность, пропаганда, оказываемые услуги,

инфраструктура, имидж. Индекс устойчивости НПО в своей общей характеристике отражает степень развития некоммерческого сектора в стране.

Международное Агентство Развития (USAID) активно использует эту методику для изучения степени развитости некоммерческого сектора в различных странах Центральной и Восточной Европы, Евразии, Африки.

Индекс является важным и уникальным инструментом изучения и некоммерческих организаций Молдовы. С помощью Индекса устойчивости НКО проанализируем как достижения, так и неудачи в секторальном развитии некоммерческих организаций Республики Молдова и изучим динамику устойчивости сектора некоммерческих организаций внутри страны на примере показателей такого важного критерия устойчивости НКО, как предоставление услуг.

Проведённый нами анализ критерия «Предоставление услуг» за период с 2000 г. по 2019 г. позволил заключить, что средний индекс предоставляемых услуг составляет 4,4. При этом отмечается стойкая положительная динамика критерия –от 5.0 в 2000 году до 4.1 в 2019г. Она представлена на рис.1.

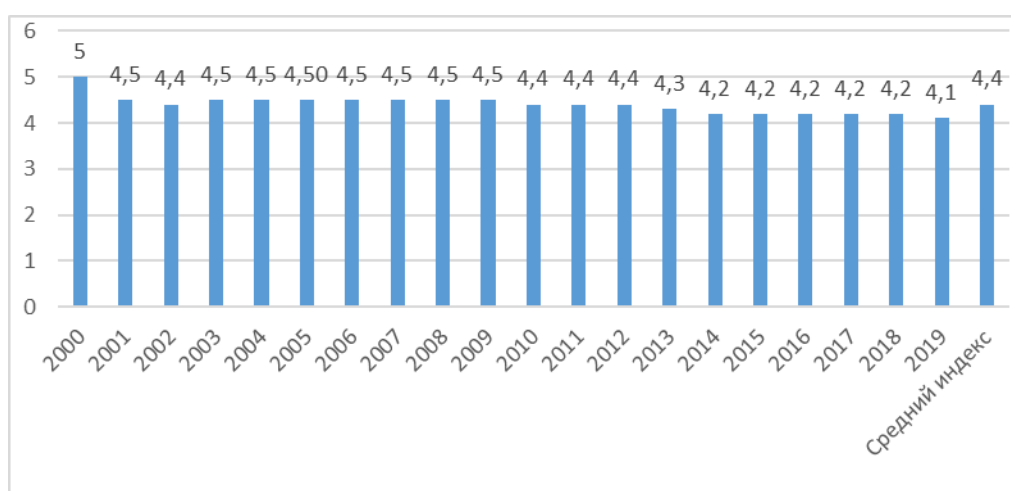

Рис 1. Динамика критерия «Предоставление услуг» с 2000г. по 2019 г.

Источник: Расчёты автора на основе данных The 2000- 2019 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia [3].

Налицо увеличение количества и качества услуг некоммерческих организаций Республики Молдова. В последние года молдавские неправительственные организации продолжают диверсифицировать предлагаемые ими услуги, особенно в социальной сфере.

Они продолжают предоставлять услуги в таких областях, как образование, предпринимательство, правовая помощь, институциональное развитие, помощь людям с ограниченными возможностями и услуги по охране здоровья на дому. Услуги, предоставляемые НКО, в основном удовлетворяют потребности бенефициаров и предлагаются без какой-либо дискриминации. Чтобы определить потребности бенефициаров, НКО обычно либо обращаются к своим бенефициарам напрямую, либо проводят опросы, анализы или другие виды исследований на местах. Кроме того, НКО имеют доступ к другим исследованиям, оценивающим потребности сообщества. Например, «Базовое исследование социальных услуг для людей с интеллектуальными и психосоциальными нарушениями и детей из уязвимых групп», которое было проведено в апреле 2019 года при финансовой поддержке ЕС и Сороса-Молдова, оно выявило потребности социально уязвимых людей в различных регионах Молдовы, где необходимы социальные услуги. В ноябре 2019 г. Центр Контакт опубликовал документ «Исследование социального заказа», в котором содержится полезная информация о проблемах в процессе социального заказа и законодательстве, регулирующем эти аспекты.

Как некий позитив стоит отметить, что увеличилось количество услуг, предоставляемое на местном уровне некоммерческими организациями в сотрудничестве с местными органами государственной власти и иностранными донорами. К примеру, ПРООН, USAID и другие международные доноры поддерживают Центры поддержки уязвимых групп населения, получающие помощь и из местных источников.

Некоммерческие организации, работающие в области регионального экономического развития, имеют наибольшую поддержку для возмещения затрат. Местные власти и иностранные инвесторы в большей мере поддерживают экономическое развитие региона.

Как и в предыдущие годы, иностранные доноры финансируют большую часть затрат на оказание услуг НКО. Кроме того, имеются примеры заключения социальных контрактов со стороны государства как на местном, так и на национальном уровнях посредством процедур закупок или тендеров. Например, в 2019 году Министерство здравоохранения, труда и социальной защиты предоставило Международному центру La Strada контракт на сумму около 51 500 долларов США для горячей телефонной линии, для жертв насилия.

В Молдове действует более сорока социальных предприятий. За последние три года ими создано около 320 рабочих мест. Почти 40 процентов сотрудников социальных предприятий - инвалиды. Ожидается, что принятие Закона о социальном предпринимательстве будет способствовать развитию предоставления услуг НКО, поощряя их к созданию предприятий, которые будут направлять доходы в НКО.

Услуги НКО в основном предоставляются бенефициарам бесплатно, при этом международные доноры покрывают расходы на проектной основе. Немногие поставщики услуг проводят анализ затрат и выгод, и большинство не могут предоставить даже основную информацию о стоимости, что ограничивает их способность разрабатывать стратегические планы для поддержки своих услуг.

Многие услуги НКО соответствуют законодательству и стандартам качества. Однако правительство и местные органы власти не заключают контракты на эти услуги по разным причинам.

Нередко молдавские неправительственные организации объединяют свои усилия для реализации общей цели. Так, в Молдове создана национальная сеть организаций для оказания помощи пожилым людям. Это 14 неправительственных организаций с членством свыше 250 пожилых людей- волонтеров, средний возраст которых – 65,8 года. Средний возраст бенефициариев - 75 лет и старше. География этих НПО очень широка. Они функционируют во всех регионах страны: «Гендерный центр» из Кишинэу, Ассоциация ветеранов из Яловень, Женский клуб «Комунитате» из Карабетовки района Басарабьяскэ, «Артизана» из Манты района Кахул, «Вдохновение» из мун. Комрат, Женский клуб «Надежда» из Лэпушны района Хынчешть и др. Благодаря этим организациям предоставлению медицинской помощи были обучены 153 волонтера, которые посетили 919 бенефициариев на дому с целью проведения мониторинга состояния здоровья и благополучия пожилых людей. Такая работа облегчает нагрузку местных медицинских и социальных работников. Пожилые люди отмечают значительное улучшение самочувствия в результате такой медицинской помощи и социальной поддержки на местах.

Как правило, большинство НКО предоставляют услуги целевым группам. Например, Национальный совет молодежи Молдовы предоставляет тренинги и другие услуги своим более чем шестидесяти членам, а также другим молодежным организациям Молдовы. Аналитические центры Expert-Grup и IDIS Viitorul, разрабатывают и делают свои аналитические отчеты и исследования доступными для общественности.

Посредством программы грантов на совместное развитие сообществ для библиотек и НКО Novatesa поддерживает создание и развитие устойчивых партнерских отношений между библиотеками и НКО в развитии современных библиотечных услуг, отвечающих потребностям и интересам сообщества. В рамках этой программы Novatesa предложила финансовую и техническую поддержку четырём НКО для реализации проектов в области финансового образования, написания проектов и управления ими. В результате этой

деятельности более 300 женщин и молодых людей прошли подготовку в области финансового образования и трудоустройства, повысив свои навыки в написании профессионального резюме и письма о намерениях, а также в подготовке к собеседованию при приеме на работу; 70 из них были трудоустроены. Еще 25 процентов из 152 пользователей библиотеки, прошедших курсы по управлению бизнесом, открыли собственное дело.

Национальная медицинская страховая компания - один из немногих государственных органов, которые заказывают социальные услуги у НКО. Финансирование осуществляется через два разных фонда: Фонд оплаты текущих медицинских услуг и Фонд превентивных мер. В 2017 и 2018 годах четыре НКО получили контракты в рамках программы амбулаторной специализированной медицинской помощи, три организации получили контракты в рамках программы больничной медицинской помощи, а с одиннадцатью НКО были заключены контракты на оказание услуг в рамках программы общинной медицинской помощи и ухода на дому.

НКО также предоставляют услуги бенефициарам через социальные предприятия. С января 2018 года при поддержке ЕС Фонд Восточной Европы в партнерстве с несколькими организациями начал реализацию проекта. Местное гражданское общество вносит свой вклад в экономическое и социальное развитие. Частью этого проекта является создание пятнадцати новых социальных предприятий и поддержка существующих социальных предприятий.

В ноябре прошла 4-я Национальная конференция по социальному предпринимательству. На конференции более сорока участников обсудили механизмы прямого государственного финансирования социальных предприятий; проанализировали европейскую политику, модели и практику и определили пути развития социальной экономики в Молдове.

Вследствие того, что направления финансирования, как правило, устанавливаются зарубежными донорами, многие предлагаемые ими услуги остаются невостребованными на местном рынке, поскольку не всегда отвечают запросам молдавского общества. Во многих странах данная проблема решается созданием национальных фондов и системой государственного социального заказа. Активные региональные экономические группы развития в молдавских городах Оргееве, Кагуле, Бельцах, Унгенах и др. предлагают поддержку в области стратегического планирования, развития исследований, организации тренингов и информационных кампаний для местных органов власти и бизнеса. Некоторые НКО предлагают экспертизу в обмен на офисные помещения или другую поддержку и др. Большинство некоммерческих организаций оказывают платные услуги, особенно в сфере социального обслуживания. Но, даже оказывая платные услуги, НКО не имеют механизма возмещения затрат от их бенефициаров, так как большинство из них работает с уязвимыми группами населения, с низкими доходами. Потенциальным источником дохода для этих НКО может быть социальный заказ, хотя четкой процедуры заключения договоров до сих пор не выработано. «Закон о социальных услугах» [1] и «Закон по аккредитации поставщиков социальных услуг» [2], призваны обеспечить столь необходимые механизмы социального заказа и возможности возмещения расходов на социальные услуги НПО путем финансирования из бюджета.

Невзирая на то, что в области предоставления услуг некоммерческими организациями в Республик Молдова отмечается положительная динамика, есть много нерешенных проблем.

Для улучшения положения дел в сфере предоставления услуг, на наш взгляд, необходимо:

- создавать государственные фонды финансирования НКО, которые бы отвечали реальным запросам молдавского общества;
- стимулировать инвестиции бизнес структур в деятельность некоммерческих организаций;
- наладить систему обучения сотрудников НКО навыкам оказания услуг;
- расширить доступ сотрудников НКО к информации о возможностях предоставления услуг;

• обеспечить доступ некоммерческим организациям к участию в тендерах по предоставлению услуг.

Эффективное предоставление социальных услуг, а, значит, и дееспособность отечественных НКО может быть достигнута лишь при условии развития некоммерческими организациями социального предпринимательства, разработки четкой стратегии сбора средств и организационного развития НКО, развития системы платных услуг и контактов со смежниками, реализации проектов, приносящих доход.

Только анализ и учёт имеющихся проблем в области предоставления услуг молдавских НКО и доказавших свою эффективность практик позволит поднять молдавские некоммерческие организации на качественно более высокий уровень развития.

Библиография:

1. Закон Республики Молдова от 18 июня 2010 года №123 «О социальных услугах» Опубликовано : 03.09.2010 в Monitorul Oficial Nr. 155-158
2. Закон Республики Молдова от 8 июня 2012 года № 129 «Об аккредитации поставщиков социальных услуг» Опубликовано : 31.08.2012 в Monitorul Oficial Nr. 181-184
3. The 2000-2019 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia. Режим доступа URL: <https://www.usaid.gov/> [посещение 25.08. 2021]

УДК 027.7(478-29)

РОЛЬ ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

Чимпоеш Любовь,

доктор филологии, конференциар КГУ,
Молдова.

e-mail: lchimpoesh@mail.ru

orcid id: 0000-0001-9602-6501

Гарчева Жанна,

зав.библиотекой КГУ,
студентка гр.МПИ-20

e-mail: j_g_65@mail.ru

orcid id 0000-0003-3755-8844

Abstract. Modern society become more global and informational. Information and its collection, processing, storage and using become increasingly important. University libraries have a great role in education of students's informational culture.

Key words: information culture, university library, electronic library, open access

Мощное воздействие глобализации, влияние интернет-технологий ощущает на себе система образования, в том числе и высшего. Возрастающий объем информации и знаний привел к смене парадигмы «образование на всю жизнь» на концепцию «образование в течение всей жизни».

На современном этапе развития общества наблюдается переход к глобальному информационному обществу, где большое значение играет информация, ее приобретение, хранение, обработка и использование. Объем информации растет, множество людей в своей профессиональной деятельности связаны с информационной деятельностью.

Человечеством осознана глобальная роль информации в формировании личности и общества. Информационная культура является важной составляющей общей культуры человека, без которой невозможно взаимодействовать в информационном обществе. Залогом успешной жизнедеятельности человека становится его способность получать, воспринимать, и активно использовать информацию в профессиональной, учебной, досуговой деятельности.

Цель статьи - рассмотреть основные аспекты актуальности поставленной проблемы, раскрыть содержание понятия «информационная культура», определить роль вузовских библиотек в воспитании информационной культуры студентов.

Понятие “**информационная культура**” имеет много разных интерпретаций. Краткая формулировка этого термина может выглядеть таким образом: информационная культура будущего специалиста - это его умение ориентироваться в мире информации, находить нужную информацию и творчески ее перерабатывать. [6]

Стандарты, установленные Международной Федерацией библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), выделяют три основных компонента информационной культуры:

- *доступ к информации* - пользователь должен использовать доступ к информации рационально и эффективно;
- *оценка информации* - пользователь должен критически и грамотно оценить информацию;
- *использование информации* - пользователь должен использовать информацию правильно и творчески.[3]

Сегодняшняя реальность такова, что студент всё в большей мере должен уметь самостоятельно использовать в своей деятельности возрастающий поток информации.

Непрерывный характер образовательного процесса повышает требования к личности студента, и предполагает, прежде всего, умение работать с любой информацией, что подразумевает, в свою очередь, высокий уровень развития его информационной потребности.

Поэтому перед вузами встает важная проблема - научить вчерашних лицеистов работе с информацией в современном информационном пространстве для полноценного освоения учебной программы. Основы информационной культуры личности, заложенные в учреждениях среднего образования, должны получить дальнейшее развитие, углубление и расширение в вузах.

Эти задачи стоят перед педагогическим коллективом вуза и непосредственно перед вузовской библиотекой, чья социальная миссия заключается в предоставлении открытого и равного доступа к информации всем своим пользователям.[3]

В «Законе о библиотеках Республики Молдова» сказано: «Библиотеки образовательных учреждений обеспечивают формирование информационной культуры учащихся, студентов, педагогических и исследовательских кадров, непедагогического и вспомогательного персонала путем предоставления услуг формального, неформального и информального образования».[1]

Вузовская библиотека была и остаётся основным информационным центром в системе высшего профессионального образования. Потенциал современной библиотеки оценивается не только по объёму и полноте книжного фонда, но и по его актуальности и способности библиотеки предоставить новейшую информацию в кратчайшие сроки для всех своих пользователей.

Научная библиотека Комратского государственного университета, будучи его важной составной частью, строит всю свою деятельность в соответствии с учебной и научной деятельностью вуза.

Основная категория читателей – это студенты. Практически все они являются в той или иной степени читателями нашей библиотеки.

Организация самостоятельной работы студентов требует от библиотеки создания условий для самообразования и саморазвития личности студентов посредством информационно-образовательной среды библиотеки.

Что же включает в себя информационно-образовательная среда научной библиотеки Комратского государственного университета? Традиционно мы, как и все вузовские библиотеки считали своей задачей развитие культуры чтения студентов (навыки работы с книгой, обучение библиотечно-библиографической грамотности, умение пользоваться справочно-библиографическим аппаратом, библиотечным фондом, знание услуг, оказываемых библиотекой). Сегодня к этим задачам прибавилась задача привития студенческой молодежи информационной грамотности: знания новых технологий,

информационной системы, электронных каталогов и баз данных, интернет-технологий. Все это вместе дает воспитание основы информационной культуры личности.

На сайте университета есть страница библиотеки КГУ, где можно найти различную информацию о деятельности библиотеки, услугах, мероприятиях, выставках <https://kdu.md/ru/struktura-universiteta/biblioteka-kgu>. Особое внимание уделяется ведению и пополнению электронной библиотеки, в которой собраны труды преподавателей вуза и ведется раздел «Краеведение». Особую актуальность электронная база приобрела в период удаленного обучения студентов. Статистика за 2020-2021 гг. показала увеличение в два раза заходов на страницу электронной библиотеки с различных устройств и поисковых систем.

Электронный каталог фонда нашей библиотеки еще формируется и пользоваться им можно пока в стенах библиотеки, локально. Но некоторой компенсацией этого является «Бюллетень новых поступлений», который два раза в год публикуется на сайте университета. В нем можно найти информацию о поступлениях литературы в фонд библиотеки более чем за 10 последних лет. Библиотека представлена также и социальных сетях Фэйсбук.

Для самостоятельной работы студентов в читальном зале установлены компьютеры с выходом в Интернет. Имеется также зона Wi-Fi для работы на собственных ноутбуках, планшетах и т.п.

Пользователям предоставляется доступ к полнотекстовым зарубежным и российским базам данных, информацию о которых можно найти на странице библиотеки. Наличие электронных учебников, пособий, электронной библиотеки, выхода в Интернет облегчают процесс учебной деятельности студентов.

Кроме создания условий, необходимо сформировать информационные компетенции пользователей. То есть, студент должен быть готов к непрерывному самообразованию, к эффективной организации процесса самостоятельной работы; владеть умениями и навыками извлечения информации, ее обработке, предоставления в удобном для себя и других пользователей виде, способность делать выводы и принимать решения в условиях неопределенности, в том числе на основе применения новых информационных технологий.

Поэтому, особую группу наших читателей-студентов составляют первокурсники, которые не имеют достаточного опыта и навыков самостоятельной работы.

В начале учебного года с I-м курсом проводятся библиотечные занятия, призванные сориентировать первокурсников в библиотечном пространстве. На занятиях студентов знакомят с системой справочно-библиографического аппарата библиотеки, с системой каталогов, правилами пользования, доступе к электронной библиотеке и др.

Акцентируется внимание на то, что процесс обучения в вузе требует от студента умения написания самостоятельных письменных работ (рефератов, курсовых, дипломных), а это предполагает умение правильно оформлять список литературы, использовать библиографические сноски и ссылки.

К сожалению, одного ознакомительного занятия для полноценного обучения основам библиотечно-библиографических знаний и информационного поиска для студентов-первокурсников явно недостаточно. Необходимо вернуться к вопросу внедрения полноценного курса «Основ информационной культуры» в Комратском госуниверситете.

Адаптироваться в информационном пространстве помогают также сотрудники библиотеки, проводя индивидуальные консультации.

Популярной формой доведения информации до пользователей является выставочная деятельность библиотеки. В помощь образовательному процессу организуются традиционные выставки: «Новые книги», «Труды наших преподавателей», «Гагаузия: вчера, сегодня, завтра», различные тематические выставки, приуроченные к какой-либо знаменательной дате или посвященные научному деятелю. Еще одним полезным источником информации являются различные стенды, на которых студенты могут найти полезную для себя информацию.

С целью популяризации краеведческой литературы наши сотрудники организуют выставки, посвященные известным деятелям нашего региона, знаменательным датам Республики Молдовы и Гагаузии.

Важным направлением работы библиотеки КГУ является культурно-досуговая деятельность. Это одно из важных направлений в работе библиотеки, способствующее формированию творческого потенциала личности студента, его духовных интересов, повышения культуры и эстетических норм жизни. В этой деятельности имеет большое значение помощь деканатов, факультетов, кураторов групп.

В первую очередь это работа по сохранению, умножению и передаче культурно-исторического наследия региона. Презентации книг, встречи с писателями, художниками, деятелями культуры, науки являются основообразующей функцией библиотеки. Библиотека выступают не только как хранилище документального потока, но становится своего рода площадкой, представляющей возможность для дискуссий, обсуждений, обмена мнений. Регулярным является проведение мероприятий к знаменательным историческим датам, а также датам, приуроченным ко дню рождений известных политических деятелей, деятелей культуры и искусства.

В заключении можно сказать, что научная библиотека Комратского госуниверситета вносит свой вклад в формирование информационно-образовательного пространства вуза, содействует информатизации образовательного и исследовательского процессов университета, формированию нового уровня информационной культуры пользователей.

Использование информационных технологий и обладание информационной культурой помогает студенту стать активным в учебной деятельности и повышает его самостоятельность, что является одним из важнейших факторов успешной социальной адаптации.

Библиография:

1. ЗАКОН о библиотеках № 160 от 20.07.2017 // Мониторул Официал № 301-315/529 от 18.08.2017
2. Всемирный саммит по информационному обществу / Сост.: Е.И.Кузьмин, В.Р.Фирсов. – СПб., 2004. – 157 с.
3. Лау, Хесус. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни. – М., 2006. – 45 с.
4. Нуркулова, Э. Р., Нуркулова, М. Р. Формирование информационной культуры студентов как неотъемлемая составная часть учебной деятельности // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №7. С. 336-342.
5. Шаматонова, Г.Л. Библиотека вуза в изменяющемся образовательном пространстве // Науч. и техн. б-ки, 2017. - № 2. – С.51-56.
6. Шишутова Е.Н. Формирование информационной культуры – один из факторов подготовки специалистов системы профессионального образования [Электронный ресурс]. - Режим доступа: // https://tgiek.ru/sites/default/files/docs/zk_7.pdf. (дата обращения 27.12.2021)

УДК 316.46

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ЛИДЕРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ

Шляхтина Наталья

Конференциар Институт развития
образования, г. Ярославль, Россия
e-mail: shlyakhtinanv@gmail.com
orcid.id:0000-0002-7655-2288

Бобылева Надежда

кандидат биол. наук, доцент,
конференциар Институт развития
образования, г. Ярославль, Россия
e-mail: n.bobylewa@mail.ru
orcid.id:0000-0001-7648-4636

Abstract. Stagnation in the development of the educational ecosystem inevitably reduces the quality of educational activities. The leading factor in the transformation of educational ecosystems is the personality of the head of an educational organization. The dynamics and direction of personal development of heads of educational organizations and their professional competencies ensures the transformation of educational ecosystems.

Keywords: education system, educational ecosystems, transformation, leader, leader

Обобщая мнение различных исследователей, сформулируем общее понятие о каком-либо лидере в системе образования. Лидер – это человек, либо организация, действия, позиция или выбор которых влияет на действия, позицию или выбор других субъектов образовательной деятельности; процесс влияния можно определить как лидерство [1]. На наш взгляд, из этой формулы, достаточно плоской, но при этом – четкой, можно успешно вычленить ключевые элементы понятия, отделяя лидера (лидерство) от аналогичных понятий: менторство, шефство, наставничество, сопровождение, супервизия, тьюторство и других:

- лидером может быть как человек, так и организация; но идея, мысль, текст – не могут быть лидерами, потому что кто-то должен «толкать» лидирующие идеи – человек (организация);
- позиция лидера не предполагает априори позитивности, конструктивности; хорошо известны ситуации, когда лидер возглавляет процесс разрушения;
- лидерство предполагает активность (пассивный «лидер» лидером не является, потому что находится в позиции бездействия); у истинного лидера нет задачи щадить окружающих, у лидера есть задача преобразовать и трансформировать;
- лидерство не предполагает постоянство мнений, позиций, наоборот, истинного лидера;
- у лидера нет задачи сохранять; наоборот, истинный лидер меняет окружающих людей, подчиненных, и окружающую действительность. Сила лидера – в способности изменять и изменяться, в том числе – инициировать резкие, чувствительные изменения.

Наиболее понятна подобная точка зрения будет в следующей аналогии. Попытаемся представить «лидера в образовании», который соответствует данному представлению: директор школы, который не обладает собственной позицией, не озвучивает личный выбор, ничего не предпринимает (например, не участвует в принятии решения по вопросу введения дресс-кода для педагогов, принципиально не высказывая собственного мнения, утверждая «пусть все решит коллектив»). И мы понимаем, что вместо решения этого очень интересного, чисто этического и эстетического вопроса, мы получим неконструктивную дискуссию, которая закончится тем, что в коллективе скоро появится альтернативный лидер, который обобщит мнение коллектива и решит проблему, приняв ту или иную сторону, но за счет авторитета директора.

Понятие «трансформационное лидерство» рассматривается исследователями как позитивное явление, суть которого состоит в том, что «лидер преодолевает эгоистические устремления, повышает уровень сознательности и креативности своих подчиненных через индивидуальный подход, интеллектуальную стимуляцию, вдохновляющую мотивацию и

идеализированное влияние» [1, с. 201]. Рассмотрим данные критерии на примере образовательных экосистем.

Согласно авторам Н. Ю. Фоминых, Э. И. Койковой, А. В. Бубенчиковой, образовательная экосистема – это самоорганизующаяся, саморазвивающаяся, саморегулирующаяся адаптивная образовательная среда [7]. Это пример довольно распространенного в образовании схоластического подхода к определениям, когда изначально точные, актуальные термины не складываются в общую картину желаемого понятия. Так, в биологии развитие экосистемы предполагает ее зарождение, расцвет, смерть; наличие хищников и их жертв; приток внешних ресурсов (солнечного тепла) и принципиальное отсутствие лидеров, если, конечно, таковым не считать естественный отбор – понятие, которое неприемлемо в отношении образования. Приставка «само...» подразумевает выявление и непреднамеренное становление неформальных лидеров, однако, мы понимаем, исходя из сугубо практического опыта, что школа, в которой коллектив сам себе выбрал лидера, станет самоорганизованной ячейкой протестного движения, а не механизмом продвижения стратегических идей социальной политики на уровне государства.

Саморегулирование предполагает социальную изоляцию и изгнание тех сотрудников, которые нарушают нормальное распределение позиций, мнений, выборов в данном трудовом коллективе. Между тем, искусственная поддержка сотрудника – носителя изменений, который имеет возможность противостоять коллективу, может провоцировать интересные, неожиданные, продуктивные изменения, становится зачинателем новых традиций, которые сохраняются до момента появления нового «оппозиционера». Образовательный коллектив, который под флагом идеи «мы всегда сохраняем наши традиции» долго удерживают в абсолютных рамках, неизбежно замирает и, вероятно, заканчивает существование как трудовой коллектив. Другая крайность, когда количество неординарных, творческих, конфликтных сотрудников превышает некую социологическую норму, тоже затрудняет поступательное развитие коллектива. Попробуем понять, кто та сила, которая способна поддерживать в коллективе здоровый баланс логики и эмоций, порядка и творчества? Ответ лежит на поверхности – это тот самый трансформационный лидер в образовательной экосистеме отдельной школы. Эту роль балансира могут (должны) выполнять директор, заместители директора, заслуженные учителя, руководители методических объединений, представители т.н. управленческой команды.

Яркой иллюстрацией к описанию проблем трансформационного лидерства в российских образовательных экосистемах может служить ситуация с использованием оборудования в центрах образования «Точка роста», открытых в рамках реализации Национального проекта «Образование». В 2019-2022 г.г. большое количество сельских школ по всей территории Российской Федерации достаточно неожиданно получили дорогостоящие комплекты цифрового оборудования для повседневного использования в образовательной деятельности. Комплекты снабжены методическими рекомендациями и видеоуроками, для педагогов предусмотрена техническая поддержка. Однако руководители при использовании цифрового оборудования в рамках данного проекта столкнулись с массовым сопротивлением педагогов. Педагоги охотно принимают участие в обучающих семинарах, но многие из них не спешат доставать оборудование из упаковочных коробок. Казалось бы, новое оборудование – новые возможности, однако страх нового для российского педагога зачастую оказывается сильнее мотива любопытства и стремления измениться.

Согласно наблюдениям авторов, лучше складывается ситуация в тех школах, где директор занимает новаторскую позицию, сам готов меняться и понимает, что собственный пример, активность, отношение (возвращаясь к упомянутым выше – способности к выбору, мнению, позиции) будут действовать лучше всех уговоров и ожиданий «всплеска самосознания». Там, где директор сам инициирует проведение открытых уроков, онлайн трансляций, одобряет профессиональный рост педагогов (а не видит в них потенциальных конкурентов) – в этих школах оборудование не стали хранить в заводских коробках, а освоили и ежедневно используют. Подводя итог, можно согласиться с Т. Н. Койновой, что

трансформация образовательной среды начинается с трансформации методов [2]. Требования к руководителю изменились, трансформировались в новой экосистеме [4-6].

- Понятие «экосистема» только условно применимо для описания процессов в сфере образования, т.к. принятие факторов, формирующих природные экосистемы, неприемлемо для формирования социальных систем;
- Длительное стабильное состояние образовательной экосистемы (стагнация) снижает качество образовательной деятельности. Ведущим фактором трансформации образовательных экосистем является личность руководителя образовательной организации;
- Личность руководителя образовательной организации испытывает одинаково сильное влияние как со стороны референтов групп (вышестоящие руководители, коллеги, родители), так и спонтанно складывающихся условий формирования собственных внутренних профессиональных и личных мотивов;
- Динамика и направленность развития личности руководителей образовательных организаций и их профессиональных компетенций является одним из ведущих факторов трансформации образовательных экосистем [3];
- Важным становится умение формировать команды и психологические качества личности руководителя, а также возможности психологической совместимости, особенности интеграции педагогов и управленцев в команду.

Библиография:

1. Герман, Д. С. Руководитель как трансформационный лидер / Д. С. Герман // Качество управленческих кадров и экономическая безопасность организации // Сборник материалов национальной студенческой научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 200-202.
2. Койнова, Т. Н. Трансформация среды – трансформация методов?! / Т. Н. Койнова // Поиск. – 2019. – № 3 (67). – С. 10-15.
3. Колюгло, Н. В. Личностное развитие как основа профессиональной подготовки современного руководителя образовательной организации / Н. В. Колюгло, А. В. Морозов // В сборнике: Современное образование: научные подходы, опыт, проблемы, перспективы // Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией М. А. Родионова. – Пенза: ПГУ, 2018. – С. 45-47.
4. Морозов, А. В. Проблемы профессионального развития руководителя общеобразовательной организации в условиях цифровизации / А. В. Морозов // В сборнике: Евразийский образовательный диалог // Материалы международного форума / под ред. И. В. Лободы, А. В. Золотаревой. – Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2019. – С. 359-363.
5. Морозов, А. В. Профессиональная подготовка руководителей системы образования с использованием современных цифровых технологий / А. В. Морозов // Человек и образование. – 2018. – № 4 (57). – С. 105-110.
6. Морозов, А. В. Роль руководителя образовательной организации в изменяющейся цифровой реальности / А. В. Морозов, Л. Н. Самборская // В сборнике: Приоритетные направления психолого-педагогической деятельности в современной образовательной среде // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2021. – С. 37-42.
7. Фоминых, Н. Ю. Образовательная среда как экосистема / Н. Ю. Фоминых, Э. И. Койкова, А. В. Бубенчикова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 3 (88). – С. 292-294.

ПОДСЕКЦИЯ 7.3. ЭТНОЛОГИЯ, ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

7.3.1. ЭТНОЛОГИЯ

УДК 316.653(478):94(470)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КИШИНЕВА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Иванова Нина,

доктор ист.наук ИКН, Кишинев, РМ

e-mail: ivanova_nina@mail.ru

orcid.id:0000-0003-3623-5242

Abstract. The article deals with ethnocultural aspect of formation of the contemporary urban environment in Chisinau. The main idea is interconnection among ethnocultural characteristics of different groups of population, their levels of urban socialization and importance of urban identity for the Chisinau milieu pattern. The author argues that the roots of this pattern lie in such factors as history of belonging to different political and ideological areas, special features of Soviet urbanization of Moldova, and ethnocultural dynamics of population in Chisinau, which led to coexistence of different urban population groups, linguistic and cultural specificity of the city.

Key words: Chisinau, urban environment, ethnocultural, ethnosocial, urbanization, ruralisation

Интенсивные процессы современности многоаспектно воздействуют на социальную систему, что сказывается на некогда привычных идентификационных маркерах отдельного человека, группы, народа, нации. Физическое пространство во многом определяет образ мира человека, а также его поведение, менталитет. Поэтому важно изучать взаимодействие пространства с идентификационными процессами особенно сегодня, когда мир с одной стороны безграничен благодаря Интернету, а с другой может в любой момент сузиться до размеров индивидуального жилья в результате пандемии. Каким образом подобные сложные процессы сказываются на идентичности, на этносоциальном уровне пространства города является важной проблемой для ряда дисциплин, в частности культурной антропологии.

Один из главных вопросов, связанных с этнокультурной и этносоциальной средой Кишинева на данный момент является ее поэтапное формирование. Поскольку характер развития Республики был прерывистым, а не эволюционным, как, например, в странах Западной Европы, следует обратить внимание на основные этапы, которые привели к существующей на данный момент матрице населения города, к типам горожан и жителей. В этом году Кишинев отметил 585-летие, однако, что из истории осталось наглядным, что формирует образ города, представления о нем? Городское пространство, как слоеный пирог, отражает все вехи развития города и страны, а также особенности региональной идентичности. В случае Кишинева важную роль сыграло вхождение страны в различные политические пространства (Российская империя, Румынское королевство, СССР), современное расположение на пограничье между Западом и Россией [13, с. 38]. Каждый из этих этапов отражал идеологические и культурные веяния, принципы эпохи. Кишинев, будучи восточно-европейской столицей и постсоветским городом, не является исключением для характерных для этих пространств, феноменов и процессов. Так, исследователи отмечают, что города в центральной и восточной Европе создают свои новые идентичности в условиях

постсоциалистических трансформаций, европеизации и глобализации [9, с. 53]. В обобщении исследования по идентичности городов данного региона авторы выделяют три возможных сценария выстраивания идентичности:

- использование досоциалистического Золотого века как ключевого источника идентичности и сокрытие социалистического периода;
- использование истории социалистического периода для подчеркивания своей антикоммунистической идентификации
- включение некоторых элементов социалистического прошлого крайне оспариваемыми способами (например, в туристических целях) [9, с. 67].

В современном Кишиневе можно наблюдать фрагментарное использование всех трех сценариев, но не при формировании общего концепта города, а в различных дискурсах относительно его идентичности. Это относится к проблеме неразработанного имиджа города, а также несогласованности нарративов о его прошлом. История Кишинева была непростой. Город пережил войны, разрушения, сильные землетрясения, а также череду исторических событий, в ходе которых каждый раз менял свое лицо. Так, разные этапы развития Кишинева сформировали несколько типов застройки, которые можно наблюдать и сегодня. Как отмечает исследователь Б. Ларссон, разные городские зоны представляют собой не только разные исторические этапы развития города, но и разные идеологии его развития [5, с. 182]. Современный этап в рамках локальных особенностей рыночной экономики можно оценивать неоднозначно. Вероятно, целостность городской среды, ее комфортность и неэкономическая ценность недостаточно рефлексированы как населением, так и администрацией, элитой. В связи с этим важно отметить воздействие или даже взаимовлияние между человеком и пространством, наделение его смыслом. Анри Лефевр считал, что пространство является социальным продуктом, который зачастую связан с воспроизводством интересов власть имущих [3, с. 11]. Хорошая иллюстрация этой идеи приведена в исследовании Марии Аксенти (2017), которая анализируя трансформации в центре города за последние двести лет, последовательно показывает, как изменяется городской ландшафт в результате изменений в политической власти. Центральная площадь вместе с прилежащими объектами (здание правительства, арка, кафедральный собор, колокольня и памятник Стефану Великому) выполняла функции репрезентации, легитимизации и конструирования идентичности для консолидации прав наступившего политического режима [1, с. 137]. Проблема идентичности и конфликта в коллективной памяти, о которой также пишет М. Аксенти («не достигнуто соглашение о том, что забыть и что помнить») [1, с. 136], зачастую всплывает в научном и медийном дискурсе страны. Быстрая смена исторических событий и идеологий породила сосуществование разного отношения к прошлому страны и города, что объясняет и разное отношение к культурному и архитектурному наследию, разнообразие городских идентичностей и этнокультурные особенности городской матрицы, в частности лингвистические.

Интересное исследование было проведено в Кишиневе в 2010 году: С. Мут собрал массив из частных объявлений, чтобы проанализировать так называемый «лингвистический ландшафт». Автор пришел к интересным выводам о распространенности русского языка в неформальной сфере, особенно в рекламных объявлениях. Румынский язык использовался в таких сферах как концертные постеры, предложения об учебе или работе за границей, политические слоганы [8, с. 50]. Что характерно, английский язык также занимает часть языкового ландшафта города: он выполняет символическую функцию и служит маркером интернациональности, выражением молодежной культуры, а также нейтральной альтернативой для предпринимателей, которые предпочитают не давать своим магазинам название на румынском языке [8, с. 36].

Корни данного феномена кроются в особенностях динамики городского населения Кишинева и характеристиках урбанизационных процессов в Республике. Дж. Кэш, основываясь на результатах, полученных ею в ходе интервью, приводит данные двух переписей (за 1959 и 1970 гг.), согласно которым «выросшее присутствие этнических

молдаван в Кишиневе начало оспаривать идентичность столицы как русского и еврейского города». По ее мнению, подобная идентичность развилась после входа Бессарабии в состав Российской Империи, вследствие чего произошла постепенная русификация элит. При этом даже в межвоенный период русский язык и культура продолжали доминировать в городе [2, с. 601]. Американский историк Ирина Ливезяну, которой принадлежит скрупулезное исследование изменений в языковой среде советского Кишинева в соотношении с урбанизацией, приводит любопытный отрывок из статьи Иона Друцэ «Пахари в Кишиневе», в котором писатель отмечает сущностное изменение города, ставшего более земным: «горожане сельского происхождения сохранили свою походку, речь, обычаи своей земли, так что временами кажется, что село наводнило городские улицы» и трансформировало «старый Кишинев» [6, с. 337-338]. По мнению историка, данное наблюдение вкупе со статистическими данными противоречит общей западной и советской установке о русификационной роли городов. В отличие от других республик, русская лингвистическая и культурная гегемония скорее находится в упадке в МССР по причине «сдержанной природы того, что мы за неимением лучшего понятия, зовем урбанизацией» [6, с. 338]. Если под урбанизацией понимать ускоренный рост городского населения по сравнению с сельским, то может быть результатом миграции в городское пространство и переклассификации сельских поселений, которые перерастают свою первоначальную природу [6, с. 337]. Оба эти процесса неоднозначны, поскольку сельские жители, переехав в города, привозят с собой привычки, манеру одеваться, язык, культуру, благодаря чему они одновременно сами способствуют урбанизации в численном аспекте и рурализации новой городской среды. Что касается реклассификации населенных пунктов, то согласно советскому подходу село становится городом, когда отрывается от сельского хозяйства [6, с. 337], что, конечно, сильно размывает границы между городом и деревней в такой в целом сельскохозяйственной стране как Молдова. Особенностью урбанизации МССР был высокий рост населения небольших городов и ПГТ за счет миграции в них жителей близлежащих сел [6, с. 341]. Вкупе с маятниковой миграцией, феноменами пригородов и агломераций урбанизация выглядит скорее количественной, чем качественной. Благодаря большому количеству густонаселенных сел вокруг Кишинева и маятниковой миграции жители этих зон стали считаться городскими [6, 344]. По этой причине и сейчас Кишинев является непосредственной целью миграции, своего рода «буфер» для дальнейшей миграции за рубеж, поскольку он стал освоенным, «своим», близким культурно и социально благодаря сетям родственных связей.

Другой важный вопрос, который рассматривает историк, является воздействие урбанизации на культурный и национальный аспекты. Автор отмечает, что во времена Российской империи быть горожанином в Бессарабии равнялось тому, чтобы быть русским. Однако в советский период локальные особенности урбанизации привели к масштабному сдвигу в соотношении доминирующей культуры и языка в городах [7, 573], о чем свидетельствует сохранение родного языка на первом месте (97-98% в переписях 1959 и 1970гг). При этом русификация была сильнее для других этнических групп, в частности украинцев. Автор называет несколько факторов сохранения молдавской культуры и языка: традиция, продуманное планирование культурных институтов, сохранение двуязычной системы образования, публикация книг и периодических изданий по крайней мере на двух языках [7, с. 582].

Двуязычию в СССР было посвящено много работ, несколько из которых касаются и МССР. Так, С.И. Брук и М.Н. Губогло выделили следующие факторы, способствующие двуязычию населения: рост образования и повышение квалификации в связи с быстрыми процессами урбанизации и развитием промышленности, внешняя этническая среда, язык как средство общения в различных сферах жизни (домашний быт, работа, чтение книг и периодики, прослушивание радио- и телепередач), школьное обучение [12]. Социологическое исследование, проведенное в Кишиневе в 1970е, показало, что в условиях крупного города именно в духовной культуре (в отличие от материальной) наблюдались этнокультурные различия, когда формы «урбанизированной» культуры одни, а национальное содержание

разное: «Молдаване ориентированы в первую очередь на молдавские народные виды искусства (музыка — 79%, танцы — 81%); даже национальной свадьбе с ее в известной степени архаичными элементами многие молдаване отдают предпочтение (58%). Что касается русских, то среди них только 24% отдают предпочтение элементам национальной свадьбы. Русские народные танцы нравятся им не больше, чем молдавские, а русская народная музыка — так же, как молдавская. Причем, если выборы народных видов искусства довольно устойчивы у молдаван практически в любой социальной и возрастной группе, то у русских они заметно снижаются в более молодых, а также образованных и квалифицированных группах». Исследователь объясняет это тем, что молдаване находятся в собственной этнической среде, многие из них органически связаны с деревней, из которой недавно вышли, в то время как «Русская культура исполняет свои интернациональные функции и активно взаимодействует с другими культурами благодаря своему мощному профессиональному слою» [10, с.16]. Вероятно, с этим связано некоторое дистанцирование этнических групп внутри городской среды. Исследование городских идентичностей [14] показало существование разных групп горожан, отличающихся в основном по этнокультурному и поколенческому признакам. Каждая группа обладает своим дискурсом, своей средой общения, образом города и идентичностью.

Народная молдавская культура, таким образом, играет важную роль в городской среде Кишинева. О.С. Галущенко пишет, что «творческая интеллигенция, в большинстве выходцы из села, развивала в своих произведениях традиции национальной классики» [13, с. 16]. Вследствие этого высокая культура в Молдове также оказалась во многом завязана на сельской традиции. Народная молдавская культура играет важную, зачастую доминирующую роль в городской среде (о чем свидетельствуют, например, доля народной музыки на радио, сельский характер проведения городских праздников). С одной стороны, она органична для масштабной части городского населения с сельскими корнями. С другой стороны, сегодня она играет роль культурного идентификатора и элемента бренда для всей страны [4, с. 70]. Анализ американского антрополога Дж. Кэш фольклорного движения до и после получения Молдовой независимости и его роли в этом процессе представляет интересные данные [2]. Корни данного движения уходят в прошлое, а именно опыт дискриминации сельских иммигрантов в крупных городах (в частности сложности/невозможность получить прописку и жилье), несмотря на значительный рост молдавского населения в столице. Одновременно фольклорное движение выступало за аутентичную культуру и идентичность в противовес «народным» танцам и музыке, которые отражали советскую политическую идеологию [2, с. 594-595]. При этом подчеркивается важность деревни для поддержания идентичности благодаря семейным связям и локальной идентичности, взаимопомощи земляков [2, с. 599].

Таким образом, взаимосвязь этнокультурных особенностей разных групп населения вкупе с разным уровнем городской социализации и важности городской идентичности для жителей определяют характер городской среды Кишинева. Как отмечают исследователи, урбанизация, городские отношения приводят к существенным изменениям характера контроля общества над личностью. Для городской культуры характерна значимость самоконтроля, т.е. контроля, основанного на определенных нравственных нормах, культурных принципах, научном мировоззрении [11, с. 26]. Влияние сельской культуры, в свою очередь, отражается в процессе рурализации городского пространства. В целом этнокультурную специфику городской среды современного Кишинева определяют сложности переходного периода, результаты демографических процессов, особенности исторического развития страны, ее региональная принадлежность – сложная сеть переплетения различных факторов, требующих дальнейшего изучения.

Библиография:

1. Axenti M. Urban transformations as an ideological tool of political regimes: the case of Chisinau city centre. In: *Ritualizing the city: collective performances as aspects of urban construction from Constantine to Mao* / edited by Ivan Foletti and Adrien Palladino. Roma: Viella, 2017. P. 121-137

2. Cash Jennifer R. Origins, Memory, and Identity: “Villages” and the Politics of Nationalism in the Republic of Moldova East European Politics and Societies, 2007, Vol. 21, No. 4, p. 588–610. Иванова Н. Особенности городской идентичности жителей Кишинева: антропологический аспект. Bilgilär. Журнал гуманитарных исследований. №4 (5), 2020, с. 45-49
3. Introducing urban anthropology / Rivke Jaffe and Anouk De Koning, New-York: Routledge, 2016. 185p.
4. Ivanova N. Image of Chisinau and its evolution in touristic albums and guides (1964-2008). Revista de etnologie și culturologie, Vol. XXIX, 2021, p. 67-71
5. Larsson B. Chișinău – to the future with history in luggage. In: “Identitățile Chișinăului”, conf. (2011 ; Chișinău). Identitățile Chișinăului: Materialele conferinței, 12-13 sept. 2011 / col. aut.: Silviu Andrieș-Tabac, Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici [et al.]. – Ch.: Pontos, 2012 p.179-191
6. Livezeanu I. Urbanization in a Low Key and Linguistic Change in Soviet Moldavia. Part 1. Soviet Studies, Vol. 33, No. 3 (Jul., 1981), pp. 327-351
7. Livezeanu I. Urbanization in a Low Key and Linguistic Change in Soviet Moldavia. Part 2. Soviet Studies, Vol. 33, No.4 (Oct., 1981), pp. 573-592
8. Muth Sebastian. Informal signs as expressions of multilingualism in Chisinau: how individuals shape the public space of a post-Soviet capital. International Journal of the Sociology of Language, 2014 (228). pp. 29-53
9. Young C., Kaczmarek S. The socialist past and postsocialist urban identity in Central and Eastern Europe. The case of Łódź, Poland. European urban and regional studies, 15(1), 2008, p. 53-70
10. Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования). Советская этнография, №3, 1972, с. 3-19
11. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса. В: Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995, с.21-28
12. Брук С.И., Губогло М.Н. Факторы распространения двуязычия у народов СССР. В: Советская этнография №5, 1975, с. 17-30
13. Галущенко О.С. Некоторые аспекты проблемы регионального самосознания в Молдове. В: Ежегодник Института межэтнических отношений. Том VI, Кишинев, 2006, с. 14-20
14. Иванова Н. Особенности городской идентичности жителей Кишинева: антропологический аспект. Bilgilär. Журнал гуманитарных исследований. №4 (5), 2020, с. 45-49

УДК 338.43

**СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
МЕЖВОЕННОЙ БЕССАРАБИИ**

Ижболдина Ирина,

научный сотрудник института Культурного наследия, г. Кишинев, РМ,

e-mail: ijboldinairina@gmail.com

orcid id: 0000-0002-1136-0082

Abstract. The article focuses on the axiological components the Russian family institution development in interwar Bessarabia. Individual manifestations of the specifics of family values, customs, traditions and morality in the cultural field of Bessarabia are considered; family relations in the descriptions of the specifics of ethical values in the informational discourse of Romanian writers

are described. As sources for our study, we chose literary material containing the specific ethno-cultural realities of the represented era: essays in ethnographic fiction, moralistic texts of Romanian fiction. Mihail Sadoveanu's works (the cycle of essays "Bessarabian roads" ("Drumuri Basarabene", 1924)), Gib Mihăescu's novel "Rusoaica" ("Rusoaica. Bordeicul pe Nistru al locotenentului Ragaia", 1933), Alexandru Kirițescu's plays "Joys" ("Gaițele") and Mihail Sebastian's "The Nameless Star" ("Steaua fără nume", 1942) are considered in the given context. This kind of research makes it possible, within certain historical frameworks, to reconstruct the national and cultural specifics of Russian family evolution in Bessarabia with family institution in view.

Key words: family and domestic relations, family institution, axiological components, ethno-cultural realities, interwar Bessarabia.

Предметом нашего исследования являются аксиологические компоненты развития института русской семьи Бессарабии межвоенного времени, мы рассматриваем отдельные проявления специфики семейных ценностей, обычаев, традиций и морали на культурном поле Бессарабии межвоенного периода. Наша задача заключается в описании содержания и выражения специфики этических ценностей в информационном дискурсе произведений румынских писателей, транслирующих их через художественный мир произведений. Научная новизна данного исследования заключается не только в самой постановке вопроса изучения института русской семьи в аксиологических аспектах, но также и в оригинальном подборе эмпирической базы. В качестве источников выбран литературный материал, содержащий специфические этнокультурные реалии представленной эпохи: очерки этнографической беллетристики, нравоописательные тексты румынской художественной литературы (роман, пьесы). Внимание к данной теме обусловлено тем, что такого рода исследование дает возможность (в определенных исторических границах) реконструировать национально-культурную специфику образа русской семьи в картине мира.

Радикальное снижение социального статуса русского населения после присоединения Бессарабии к Румынскому королевству в 1918 г. соответственно повлияло и на условия формирования социально-психологического климата семьи: коммуникативное пространство и внутрисемейные отношения, воспитание и образование детей, характер внутрисемейных конфликтов. Кроме того, в 1920-е гг. ситуация в социокультурном пространстве Бессарабии была осложнена наличием значительного количества русских беженцев. Большинство которых находилось в тяжелом положении, присутствие русских беженцев в Бессарабии, большинство которых составляли высокообразованные слои общества, заметно усиливало общий культурный фон в регионе [7, с. 116–123]. Однако, занятые повседневной борьбой за существование, в общественной жизни беженцы почти не участвовали. В ходе интенсивной румынизации Бессарабии, русское (русскоязычное) население постепенно ассимилируется в единой румынской социокультурной общности. Данный процесс был напрямую связан с особенностями развития института семьи. Русская семья подтягивается к модели традиционной румынской семьи, в силу единства социальных связей, определенных образом жизни, общей системы ценностей и идеалов, потребностей и интересов. Эти процессы повторяются в лучших произведениях румынских писателей данной эпохи, художественные картина мира которых воспроизводит особенности семейных ценностей, обычаев, традиций и нравов: все то, что было выражено в аксиологической системе русской семьи Бессарабии межвоенного периода. Подробнее в заданном контексте мы рассмотрим произведения Михаила Садовяну (цикл очерков «Бессарабские дороги» ("Drumuri Basarabene", 1924), роман Гиб Мухэску «Русоайка» ("Rusoaica. Bordeicul pe Nistru al locotenentului Ragaia", 1933), пьесы Александра Кирицеску «Сойки» ("Gaițele") и Михаила Себастьяна «Безымянная звезда» ("Steaua fără nume", 1942). Выбор произведений ограничен достаточной репрезентативностью данных источников.

Видный румынский романист и замечательный журналист, писатель Михаил Садовяну, после пребывания в Бессарабии, опубликовал книгу путевых очерков «Бессарабские дороги» (1924 г.), которые, среди прочих впечатлений содержат красочные описания нравов и обычаев

русских Бессарабии в самом начале межвоенного периода; этнографически детальные картины быта русской дворянской семьи, в ментальных и поведенческих аспектах. Повествование включает целый ряд примечательных местных персонажей и колоритных зарисовок бессарабской повседневности. Трагичная картина микропространства русской дворянской семьи Бессарабии на разломе времен описана в очерке «Обед» („Un Prînz”) [4, с. 39–41]. Благодаря подробному, этнографически обстоятельному описанию Михаила Садовяну, нам предоставляется уникальную возможность приобщиться к этому миру. Глава семьи и хозяйка дома – *madame* Панина, «красивая высокая дама с необыкновенными миндалевидными, томными глазами». Она некогда принадлежала к высшему обществу и «наблюдала за своим имением из элегантного кабриолета, жила во дворце и разделяла свою жизнь между купальным сезоном и зимними празднествами» [4, с. 39]. После революции ее семья совсем разорилась. Но, сразу после прихода румынских войск, она сделала из своего особняка уютный семейный пансион с рестораном для постоянных посетителей из бывших «обломков империи». С поразительно роскошными домашними обедами, уютной, сдержанно-церемонной атмосферой. В организации досуга гостей хозяйке помогали все члены семьи: двое юных детей, поющих романсы для посетителей и пожилая мать, аккомпанирующая им на пианино. Дом мадам Паниной – просто райское место, но все в нем проникнуто скрытым трагизмом. Из описаний автора мы понимаем, что эта семья, подобно другим русским семьям Бессарабии, в 1920-х годах еще жила соответственно прежней модели семьи, сложившейся в царской России. Что подтверждается также и историческими источниками: несмотря на общие тенденции социальной дезинтеграции русского населения, документы указывают на сохраняющуюся еще в 1920-е гг. преемственность семейных ценностей, обычаев, традиций и нравов русской семьи Бессарабии в целом по отношению к высшим сословиям [8, с. 247–248].

Садовяну, как и другие румынские писатели, жившие и побывавшие в Бессарабии в межвоенный период, фиксирует размытый национальный облик местных жителей, где понятия «бессарабские русские», «бессарабцы» становятся синонимичными. Это иллюстрирует очерк (этого же цикла) «Паяц» („Paiața”) [4, с. 41–43]. Его герой – Эрнест Эрнестович Харки – элегантный молодой человек, некогда инженер, человек творческий, берущийся за любую работу, представляет собой собирательный образ типичного бессарабца, с его размытым национальным обликом, макароническим лексиконом, социальной дезинтеграцией. Говорит он по-русски и сразу на нескольких языках, всегда восторженно и пылко³. В межвоенной Бессарабии, особенно в 1920-е годы, нередко можно было встретить таких как Эрнест Эрнестович. Садовяну рисует картину русского общества, где русские, еще недавно «известные персонажи дня»: главы городских и уездных земств, гарнизонные офицеры – «бывшие величины бывшей империи», «остались в подвешенном состоянии» после революции 1917 года. Они застыли в ощущении собственной катастрофы: не имеющие возможности перейти на ту сторону Днестра, «где они бы находились в краю смерти», а также потерявшие себя здесь, как «чуждые румынам и их языку» и мечутся как «некие китайские тени между двумя безднами, в последних отражениях пожара» [4, с. 43].

Такая же трагическая картина социального крушения и разлад семейных связей русского населения Бессарабии 20-х годов XX века отражена в некогда запрещенном и недооцененном критиками сегодня эротическом романе Гиба Михэеску «Русоайка» [3]. В романе, сквозь сознание главного персонажа, лейтенанта Рагаяка, представлены характерные нюансы бессарабской социально-бытовой действительности в переломной, трагической (прежде всего для русского населения) эпохи. В центре сюжета – лейтенант Рагаяк – командир пограничного взвода, дислоцированного на Днестре. Он большой знаток и поклонник русской литературы, грезит литературными женскими образами: «В виденьях ему вспоминается то Авдотья Романовна (Дуня), сестра Раскольникова в «Бесах», то Зина или Дарья, то Наташа в «Войне и мире», или – Настасья Филипповна из «Идиота», Екатерина Ивановна или Грушенька из «Братьев Карамазовых», или Соня из «Преступления и наказания» [3, с. 21]. Во время пребывания в одном небольшом бессарабском городке он сошелся с местной барышней Марусей, которая некогда принадлежала к привилегированному сословию, но теперь вела

совсем иной образ жизни. Страдая от «разрушительной страсти» к русской девушке Марусе, которую он оставил в некоем бессарабском городке, Рагаяк с болезненным влечением ищет в каждой встречной русской «архетипически русскую женщину» [2, с. 171], образ, навеянный классической русской литературой. Постоянно сталкиваясь с русскими беженцами, которые стремятся прорваться из Советской России через Днестр в Бессарабию, наблюдая их семейными драмы, он сострадает им. И даже в рамках своих полномочий пытается облегчить их положение (особенно дамам). Днестр осознается им как граница двух миров, «порогов человеческого смятения». На символическом фоне романтического повествования романа «Русоайка» отчетливо проявляется проблема русских беженцев в бессарабском ментальном поле, как тематико-проблематический аспект общей этнодемаграфической картины. Через сюжет красной нитью проходит нравоописательная линия особенностей положения русской женщины, очерчиваются трансформации женских судеб в контексте общей семейной нестабильности и духовно-нравственного упадка.

Важно понимать, что, несмотря на художественный вымысел, в представленных текстах, в той или иной степени, мы имеем дело с этнографической беллетристикой (очерки Садовяну), или беллетристикой с элементами «погружения» в быт и духовный мир другого народа, которая рассматривается в работе как характерный пример «новой этнографии XX века» (Гиб Михэеску). Такую литературу отличает от беллетристики как таковой ряд немаловажных качеств: ее установка на познание новых этномиров и их достоверное, нередко совершаемое по определенному канону описание, осуществляемое через узнавание и сравнение со знакомой читателям жизнью. Возможная литературность и литературоцентричность проявляются здесь, главным образом, на уровне поэтики, способов изображения, ориентированных на жизнеописание и воссоздание типовых характеров народа; примат свободной жанровой формы записок путешественника, путевых заметок и пр. видов травелога, а в целом – очерковой формы повествования, обязательно разбавляемой целостными беллетристическими фрагментами; широкое использование личного повествования, введение фигуры рассказчика, передающего личные впечатления от знакомства с народом, не исключающие документально точной фиксации особенностей народной жизни и природного окружения [9, с. 31].

На протяжении межвоенного периода, в условиях интенсивной общественной реформации, русское население достаточно быстро ассимилируется в единой румынской социокультурной среде. Что напрямую сказывается на особенностях развития института семьи. Русская семья подтягивается к модели традиционной румынской семьи, в силу единства социальных связей, определенных образом жизни, общей системой ценностей и идеалов, потребностей и интересов. При этом, Бессарабия, ставшая провинцией Великой Румынии (România Mare), сохраняя свое этническое своеобразие и культурные традиции, все же на уровне семейного уклада находилась в зоне провинциальной румынской ментальности. На фоне общей европейской тенденции модернизации семейных отношений, глобальному процессу женской эмансипации (т. н. «падению нравов») румынская семья межвоенного периода, в целом, была очень традиционной в рамках буржуазных канонов, сложившихся еще в XIX в. Именно такой ментальный контекст, как эпос частной жизни, можно увидеть в лучших образцах румынской литературы нравоописательного направления²⁰.

С критической силой драматургической специфики описаны нравы и обычаи румынской семьи в межвоенный период, характерные женские образы в пространстве румынской провинции в пьесах Михаила Себастьяна «Безымянная звезда» (1944) [5] и Александру Кирицеску «Сойки» (1932) [1].

Драматургу Михаилу Себастьяну, столичному жителю, как никому удалось воссоздать атмосферу именитой провинциальной Румынии, уловить ее особый лейтмотив. «Безымянная звезда» рисует ценностно-бытовую картину мира румынской провинции межвоенного

²⁰ Например, в романе Михаила Садовяну «Топор» ("Baltagul", 1930), романе Георгия Кэлинеску «Свадебная книга» ("Cartea nunții", 1933), романе «Ион» Ливиу Ребряну ("Ion", 1920).

времени. На маленькой железнодорожной станции провинциального городка в долине реки Праховы из поезда высаживают Мону – столичную даму – без билета. Она следует из казино фешенебельного курорта и вместо денег у нее только выигранные фишки. Учитель местной гимназии, профессор Мирою, который был на вокзале в ожидании очень редкой и ценной книги из Бухареста, предлагает разместить ее на ночь в своем доме. В эту ночь между ними возникают эмоциональные отношения. Мирою, страстно увлеченный астрономическими изысканиями, нашел неподвижную невидимую звезду за другой звездой из созвездия Большой Медведицы. Он называет безымянную звезду «Мона». Утром появляется столичный аристократ Григ, тот, с кем Мона состоит в отношениях уже 3 года. Оставив бедного мечтательного учителя, Мона возвращается с Григом в свой блистательный мир. На фоне пронзительной истории любви разворачивается детальная картина провинциального румынского общества: мир семейно-бытовых отношений формируется несколькими персонажами, олицетворяющими типичные социальные группы румынского общества: Марин Мирою – профессор математики и астрономии; его друг и коллега Раду Удреа – учитель музыки; учительница и «классная наставница» – мадмуазель Куку; Испас – начальник станции, мелкий служащий; Григ – представитель высшего общества, светский повеса, сожитель Моны; мадмуазель Замфиреску – ученица гимназии; торговец – галантерейщик Пасху; крестьянин Иким. Патриархальность и консерватизм румынской провинции эмблематично запечатлены в диалогах главных персонажей. Лейтмотивом «Безымянной звезды» проходит фраза, сказанная учителем Мирою Моне: «Звезды никогда не отклоняются от своего пути», подчеркивающая безысходную консервативность этого провинциального мира. Женские образы в пьесе показательно трагичны. Главный персонаж – Мона, несчастна и обречена. Пожалуй, самый трагичный женский персонаж – учительница гимназии мадмуазель Куку, хорошо сознающая, что несчастна и обречена в своей судьбе [6].

Та же провинциальная семейно-бытовая картина, но в резко-сатирических аспектах, отражена в забытой на долгие годы пьесе «Сойки» (1932) Александру Кирицеску, которая сегодня получила большую популярность в Румынии. Провинциальная история большой семьи Анеты Дудуляну и двух ее сыновей, Жоржа и Янаке, ее сестер и невесток. Юмор является приоритетом, и текст призван подчеркнуть отсутствие культуры у богатых людей, которые хотят только путешествовать и проводить весь свой день, абсолютно ничего не делая. Анета из тех, про кого говорят: выбился из грязи в князи. Она гордится достатком и открыто презирает «голодранцев». Не щадит даже интеллигентных бедняков с аристократическими манерами. Например, мужа своей дочери Мирчу. Тот прозябал в Бухаресте, пытаясь прожить журналистским трудом, и там в него влюбилась богатая наследница Маргарета Дудуляну. Ее мать Анета уверена, что Мирча женился на ней из-за денег. Мирча и вправду не кажется влюбленным в свою истеричную жену. Он сонный и апатичный. И даже за Вандой, племянницей Анеты, волочится довольно лениво. Но его письма к Ванде становятся причиной самоубийства Маргареты. Ванда – красивая и странная женщина неопределенных занятий. Невежественные, провинциальные Дудуляну считают ее падшей женщиной. Ванда не обижается на их грубоватые шутки, так как знает, что манерам в этой семье взяться неоткуда. Молоденькой девушкой она была выдана замуж за человека много старше себя и через какое-то время сбежала с красивым офицером. Последнее время она проживала в Париже, где приобрела утонченный французский лоск. Кирицеску символично очерчивает нравы этой румынской семьи: пошлость мещанской жизни, ханжество обывателей, их жестокость в отношении к близким. Анета, ее никчемные сестры-подпевалы, ее сыновья-подкаблучники стали причиной смерти Маргареты (именно они подсунили ей письма мужа к любовнице), но вот прошел год, они встретились на поминках и вновь говорят гадости, сплетничают и яростно ссорятся. Ничто не может поколебать их уверенности в собственной непогрешимости [1].

Такой разоблачающий оценочный метод, который демонстрируют румынские драматурги репрезентируя особенности ценностной системы семьи, согласно культурологическим исследованиям «критического подхода» [10, с. 125–180], только усиливают достоверность изображаемой действительности. В целом, мы полагаем, что

изучение процесса института семьи Бессарабии межвоенного времени в ментальных концептах (семейные ценности, обычаи, традиции и мораль) на основе художественных произведений и в будущем позволит нам исследовать этот феномен наиболее наглядно и аутентично. Поскольку представленные художественные материалы, так или иначе, отражают магистральные процессы и явления, которые бытуют в социальной сфере, а также транслируют определенные этнокультурные категории ментальности своего времени. Таким образом, проанализировав выбранные нами тексты, мы приблизились к пониманию не только особенностей развития института русской семьи в межвоенный период, но также уловили общий контекст существования семьи 1920-1930-х гг., нормы и порядки, существовавшие в обществе, идеологические характеристики, транслированные в культуру.

Библиография:

1. Kirițescu Al. Gaitele. Comedie in 3 acte. București: Editura de Stat pentru Literatura si Arta .1953, p. 92.
2. Lăzărescu Gh. Romanul de analiză psihologică în literatura română interbelică. Literatura de „frontieră” a lui Gib I. Mihăescu (romanul Rusoaica). București: Minerva, 1983, pp. 32-39.
3. Mihăescu Gib. I. Rusoaica. Bordeii de pe Nistru al locotenentului Ragaiac.(cop. : V. Coroban). Chișinău: Cartier, 2008, 344 p. ISBN 9789975794619.
4. Sadoveanu M. Drumuri basarabene. București – Chișinău: Saeculum – Știința, 1992, 93 p. ISBN 978-973-571-729-2.
5. Sebastian M. Steua fără nume. București: Hoffman, 2017, 121 p. ISBN: 9786067788570.
6. Себастиан М. Безымянная звезда (комедия в трех действиях). Перевод с рум. И. Константиновского. <https://www.litmir.me/br/?b=280114>. 07.12. 2021.
7. Сковрцова А. Ю. Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии в межвоенный период. В: В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Индрик, 2009, с. 119-138.
8. Сковрцова А. Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918-1940 гг.) Кишинев: Pontos, 2002, 278 с. ISBN 9975-902-14-6.
9. Созина Е. Писатели-этнографы в русской литературе второй половины XIX века: ремесленники, популяризаторы, номады от литературы? In: Acta universitatis lodziensis folia litteraria rossica. №11, 2018, с. 21-33. <https://doi.org/10.18778/1427-9681.11.03>. 14. 03. 2021.
10. Фурс. В. Н. Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс: ЕГУ, 2006, 184 с. ISBN 9781118438817.

УДК 316.342.5

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ КИРГИЗИИ

Остапенко Любовь,

старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН

г. Москва, Россия

e-mail: Lost_82@bk.ru

orcid.id:0000-0001-9049-104X

*Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии РАН*

Abstract. The article examines issues related to the socio-political views of young people, including attitudes towards authorities, satisfaction with their work, the mood to participate in protest actions, forms protests, etc., as well as the ideas of Russian boys and girls about the Motherland, their migratory moods. The article is based on the materials of a survey of Russian and Kyrgyz youth of Kyrgyzstan conducted in 2014. The conclusion is made about the greater loyalty to the authorities of the Russian youth, in comparison with the Kyrgyz.

Key words: youth, Russians, Kyrgyz, level of satisfaction with the authorities, protests, forms of protest, ideas about the Motherland, migratory moods.

Вопрос о положении этнических меньшинств, находящихся в окружении иноэтнического большинства, всегда был достаточно острым и актуальным, привлекая внимание политиков, общественных деятелей, работников науки и СМИ. Для российских ученых особое значение имели и имеют проблемы русского населения, проживающего за пределами России, его политического и социально-экономического статуса, возможностей материального и социально-культурного роста, сохранения своего языка и культурных особенностей, этнической идентификации и т.п. Данная проблематика особенно громко заявила о себе после распада СССР и образования новых независимых государств с новым вектором политического, социально-экономического и этнокультурного развития, в которых местным жителям русской национальности пришлось приспосабливаться не только к резко изменившейся социально-экономической среде, но и к новой этнополитической и языковой ситуации. За тридцатилетний период существования стран нового российского зарубежья в них многое изменилось и уже можно подводить некоторые итоги того, как складывается жизнь русских в этих странах, в том числе, рассмотреть вопросы, касающиеся формирования отношений русского населения, в особенности молодежи, с властными структурами, с местной политической элитой, готовность к участию в протестных акциях т.п. Теоретическая и особенно практическая ценность исследований подобных вопросов в наше нестабильное время, богатое на различного рода политические конфликты, достаточно очевидна.

В представленной статье делается попытка показать общественно-политические настроения русской молодежи Киргизии, в сравнении с киргизской, накануне 20-х годов нового века. Киргизия была выбрана в качестве исследовательского поля не только как полиэтническая страна, в которой русские составляют более или менее заметную долю (около 8% во всем населении и 26% в столице республики Бишкеке), но и в силу того, что в ней высока доля молодежи. В условиях же слабого экономического развития и высокого уровня безработицы молодежь нередко оказывается одним из наиболее уязвимых слоев общества. Республику периодически сотрясают межэтнические конфликты, политические и экономические протестные акции, в которых молодые люди являются не только активными участниками, но и инициаторами.

Стимулом обратиться к данной теме выступили и недавние (начало января 2022 г.) события в соседнем Казахстане, где мирные акции протеста быстро переросли в давно готовящиеся террористические акты с погромами и многочисленными жертвами.

Исследование, по материалам которого подготовлена статья, проводилось в 2014 г. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН и учеными Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. Основным источником информации стал этносоциологический опрос русской и киргизской молодежи 16-30 лет города Бишкека: учащихся старших классов школ, студентов последних курсов вузов и работающих.

Согласно данным этого исследования, отношения русской молодежи Киргизии с государством, с властными структурами выстраивались достаточно сложно, уровень удовлетворенности органами власти республики разного уровня выглядел невысоким. Больше всего претензий предъявлялось к местной и республиканской властям (60% в той или иной мере были неудовлетворены их работой), недовольство деятельностью Президента Киргизии оказалось несколько слабее (48%), что было характерно и для многих других стран, жители

которых обычно возлагали вину за все неудачи страны на более низкие звенья управленческого аппарата.

Показательно, что в отличие, например, от Молдавии, уровень фрустрированности русской молодежи Киргизии, в сравнении с людьми титульной национальности, оказался ниже [1, с.295]. Та или иная степень неудовлетворенности работой городской и республиканской властей была высказана 66% киргизов, а деятельностью Президента республики – 62%, что, как видно, несколько превышало соответствующие показатели у русских. Подобные расхождения во взглядах русской и киргизской молодежи объяснялись, прежде всего, несхожестью их политических интересов. Киргизы были заинтересованы главным образом в приходе к власти «своих» партий, представляющих те или иные региональные группы, кланы и т.п. А в силу того, что таких борющихся за власть объединений в республике было сравнительно много и у них отсутствовала общая программа, то, кто бы не занял «место у руля», всегда находилась масса недовольных среди тех, чьи лидеры остались «за бортом».

Русским, которые уже в течение нескольких десятилетий (после суверенизации) были практически отстранены от сферы управления, стало уже во многом безразлично, деятели какого клана, какой партии получают власть, лишь бы они не слишком притесняли местное русское население, давали возможность функционировать русскому языку и культуре, учиться на русском языке, получать работу и повышать материальное благосостояние. Важно и то, что русская молодежь, большинство которой выросло уже в новых условиях и адаптировалась к ним, была во много лишена тех амбиций, которые были свойственны старшему поколению, жившему при СССР и особенно болезненно воспринявшему постсоветские изменения в стране. Тем более, что с течением времени этнополитическая обстановка в республике стала немного улучшаться, давление на местное русское население слабело.

Принципиально значимым можно назвать смещение акцента недовольства русской молодежи властью с этнополитической сферы на социально-экономическую. Показательно, что на вопрос о том, учитывает ли руководство республики интересы местного русского населения, более 60% ответили, что эти интересы учитываются, хотя и частично, 20% – учитываются полностью и только 16% высказали отрицательное мнение. Говоря о мерах, необходимых для поддержки местной русской молодежи, основная часть респондентов (свыше половины) основное внимание обращала на необходимость социального равенства, соблюдения прав человека. На первостепенную значимость решения этнокультурных проблем указывало гораздо меньшее число русских, так об обеспечении бесплатного среднего и высшего образования на русском языке высказалось всего 13%.

Киргизы не только выразили более высокий уровень недовольства властными структурами, но и высказали более критичные оценки их деятельности относительно соблюдения прав и интересов местного русского населения. Среди киргизской молодежи доля считавших, что существующая власть полностью учитывает интересы русских, оказалась вдвое ниже, по сравнению с самими русскими, а доля негативных ответов – во столько же раз выше. Скорее всего, недовольство киргизов отношением руководства страны к жителям русской национальности лежало в русле неудовлетворенности ее представителей действующей властью вообще. Не зря некоторые политические движения, как в этой стране, так и в других, нередко пытаются использовать «русский фактор» в своих интересах.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, говоря о серьезных разногласиях между теми или иными группами республиканского сообщества, наибольшая доля русских указала на противоречия между богатыми и бедными (44%), а между русскими и киргизами – только 22%, т.е. вдвое меньше. В этом отношении киргизы проявили полное единодушие с русскими: сложность отношений между богатыми и бедными отметили среди них 38%, а между киргизами и русскими – всего 6%. Около четверти и русских, и киргизов указали на серьезное противоречие между простыми гражданами и чиновниками.

Судя по данным опроса, русская молодежь, в сравнении с киргизской, выглядела более лояльной по отношению к органам власти и менее политически активной. Отвечая на вопрос

о политических предпочтениях, русские лишь в 44% случаев сумели назвать определенное политическое движение, которое было бы им близко, и упоминали чаще всего проправительственные партии и объединения. Среди же киргизов доля ориентированных на ту или иную конкретную партию повышалась до 70%, и их предпочтения сосредотачивались в основном на стороне оппозиции. В этом сказалось, как неверие русских в возможность каких-либо серьезных позитивных перемен для себя в результате смены власти в стране, так и особенности их адаптационной стратегии, основанной на готовности к компромиссам.

Соответственно основная масса русской молодежи на момент опроса не собиралась участвовать ни в каких протестных акциях. На активный протест было ориентировано менее трети русских, в то время как среди киргизов около половины (46%). Правда пассивность русских носила относительный характер. При осложнении условий жизни, как экономических, так и этнокультурных, всплеск молодежного протеста был вполне вероятен. Так при заметном ухудшении жизненной ситуации уже лишь четверть респондентов готовы были отказаться от участия в протестных акциях. Доля же потенциальных протестантов (с учетом пока неопределившихся) могла достигнуть 60%. Среди побудительных мотивов первые места по числу выборов занимали как чисто экономические – резкое снижение уровня жизни (31%), рост безработицы (19%), так этнополитические – негативное отношение к русским со стороны властей, проблемы с трудоустройством (22%), препятствия в использовании русского языка (17%).

Сравнительно больше тех, кто готов был отстаивать свои права и интересы, встречалось среди молодых людей 20-25 лет, вступивших в фазу активного поиска своего места в жизни. Их в равной мере волновали и проблемы материального характера (38% выборов) и этнополитического: ухудшение отношения к русским, ущемление их прав (35%).

Киргизская молодежь была настроена более воинственно, чем русская: не планировали участвовать в акциях протеста ни при каких обстоятельствах менее 10%, что было более чем вдвое ниже, чем среди русских. Этнические различия фиксировались и при ответе на вопрос о формах и методах защиты своих интересов. Прежде всего, русским в большей мере, чем киргизам, были свойственны ориентации на правовые способы борьбы. Например, участие в выборных кампаниях предпочли 22% молодых людей русской национальности и 15% киргизов, а обращение в суды – соответственно 22% и 17%. Сравнительно многие киргизы выбирали такие формы протеста как участие в митингах и демонстрациях, пикетирование государственных учреждений, голодовки протеста (17-19%), которые русские практически не поддерживали. А за участие в акциях с применением силовых методов проголосовали 16% киргизов и только 9% русских.

О большей лояльности русской молодежи говорят и оценки респондентами существования радикальных молодежных организаций, объединенных по национальному признаку. По данным нашего исследования около четверти молодых людей русской национальности позитивно относятся к подобного рода организациям. Среди же киргизов за поддержку радикальных молодежных объединений высказалось более 40%, т.е. в полтора раза больше, по сравнению с русскими.

В заключении хотелось бы привести данные о представлениях русской молодежи о Родине и ее миграционных планах. Если в эпоху советской власти для многих Родиной являлся Советский Союз, то в постсоветский период русские в качестве таковой все чаще стали выбирать страну или город своего нынешнего проживания, особенно молодежь. Согласно нашему опросу, почти половина русских юношей и девушек назвала своей Родиной Киргизию (47%) и еще 19% - город проживания, т.е. почти 70% представителей местной русской молодежи отдали предпочтение своей региональной идентичности, видели себя киргизстанцами. На переезд из республики были твердо ориентированы лишь 28% респондентов, а четверть была твердо уверена в том, что останется в Киргизии, остальные на момент опроса еще не определились.

Все это говорит о том, что современное русское население Киргизии, а возможно и других бывших союзных республик, вряд ли можно позиционировать в качестве захватчиков,

оккупантов и жестких конкурентов, представляющих угрозу культуре и социальным позициям лиц титульной национальности, как говорили о русских многие лидеры национально-культурных движений. Местную русскую молодежь, скорее, можно рассматривать как добропорядочных граждан страны, лояльных к ее руководству, не ориентированных на агрессивные действия и заботящихся о сохранении мира и согласия в республике. На примере Киргизии видно, что при отсутствии серьезной угрозы своим правам и интересам, русские могут стать не противниками государственной власти, хотя многие ею и недовольны, а ее союзниками, заинтересованными в стабильности и экономическом росте страны. Не удивительно, что по данным СМИ, в мятежах в Казахстане представители местного русского населения практически не участвовали [2, с.7].

Библиография:

1. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя. Этносоциологическое исследование. М.: ИЭА РАН, 2012 – 403 с.
2. Как защитить права русских? //Аргументы и факты, № 1-2 (2146-2147), 12-18 января 2022г.

УДК 316.342.5

МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Субботина Ирина

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, РФ

e-mail: irinalsu@yandex.ru

orcid.id: 0000-0001-9920-6559

Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Abstract. Based on the statistical data as well the ethnosociological survey in little towns of Russia – Belyov in Tula Region and Staritsa in Tver Region – the article studies the dynamics in the number of town dwellers, problems of reproduction and transformation of the sex and age population structure, migration strategies of Russian town dwellers, and particularly the youth, motives for migration and factors that shape it.

Key words: Russia, little town, Russian population, migration, level of life, unemployment

Социально-экономические, политические трансформации, происходящие в России, во многом детерминируют социально-демографическое развитие малых городов России. Социальные потрясения, произошедшие в ходе реформ, ухудшили условия жизни основной части населения, посеяли неуверенность в завтрашнем дне, что заставляет людей вырабатывать для себя новые стратегии экономического и миграционного поведения, в наибольшей мере соответствующие общей стратегии выживания в кризисных условиях.

Обращение к проблематике развития малых городов России на современном этапе развития общества является весьма актуальным не только в связи с демографическими и экономическими проблемами, но и с их потенциалом, с тем вкладом в укрепление основ российской экономической и политической системы, так как именно они обеспечивают сохранение и воспроизводство традиционной культуры и этничности. Именно это предопределяет интерес к тематике развития малых городов как исследователей, так и представителей общественности и государственных деятелей. В 2017-2018 гг. сотрудниками

Института этнологии и антропологии РАН, в том числе и автором статьи, в рамках программы «Население малого русского города в XXI веке: этнокультурные, демографические, экологические, социально-экономические аспекты развития» было проведено социально-демографическое исследование в городах Белеве (Тульская область) и Старице (Тверская обл.). В ходе исследования был осуществлен экспертный опрос (54 чел.) и массовый опрос населения городов (по 300 чел.) по квотной выборке.

Анализируя демографическую ситуацию в разных по величине городах, следует отметить, что именно проблемы малых русских городов являются наиболее острыми, так как там более интенсивно вымирает население и погибают памятники русского культурного наследия.

Центральный Федеральный округ, исторический центр русской государственности, является самым депрессивным, с демографической точки зрения, регионом России, а Тульская и Тверская области, в которых проводилось наше исследование, входят в пятерку областей с наихудшими показателями демографического воспроизводства этого региона. Для Центрального региона России в целом характерно то, что от размера города зависит скорость депопуляции: абсолютная численность населения снижается тем быстрее, чем меньше город[^] отмечаются низкие показатели рождаемости, миграционный отток молодежи, существенно деформируется половозрастная структура населения, отмечается понижение удельного веса населения трудоспособного возраста и повышение доли населения старших возрастных групп. Во многих малых городах отмечается свертывание процессов притока сельских жителей с близлежащих территорий, одновременно с этим увеличивается миграционный приток инонационального населения, как из республик России, так и из стран ближнего зарубежья.

Для исследования нами были выбраны города с численностью населения ниже 15 тыс. человек. К таким городам относится Белев - численность его населения за тридцать лет (с 1989 по 2019) сократилась почти на треть (31%) и продолжает сокращаться примерно на 1% в год, хотя в советский период динамика численности населения этого города была неизменно позитивной. Старице «повезло» немного больше, число ее жителей то возрастало, то убывало: за означенный период ее население сократилось на 18% и продолжает снижаться на 0,6% ежегодно [1].

Основными факторами, определяющими динамику численности исследуемых городов в последние десятилетия, были естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью) и миграционный отток. Низкий уровень рождаемости, миграционный отток молодежи в значительной степени повлияли на возрастную структуру населения малых городов. Регрессивный характер возрастной структуры населения с возрастающей долей лиц старших возрастов и снижением доли детей и молодежи, постоянно воспроизводимый и свидетельствующий, что собственный демографический потенциал подорван, указывает на будущие проблемы как демографического, так и социально-экономического плана.

Экспертный опрос, проведенный в Старице и Белеве показал, что очень остро воспринимаются проблемы миграции, тем более, что покидающая города молодежь редко возвращаются. Наряду с безработицей и низким уровнем заработной платы, особенно болезненно опрошенными воспринималась проблема миграции, прежде всего, молодежи. Эта проблема была названа почти 75% респондентов.

В связи с этим, интересно было проанализировать сложившиеся миграционные стратегии городского населения. Материалы опроса населения Белева и Старицы показали очень сходную картину: почти каждый третий (27-31%) из опрошенных горожан выразил желание сменить место жительства и переехать из города, в котором живет. Еще 19% респондентов не имеют пока определенного решения относительно переезда. Около половины (47-48%) опрошенных горожан не собирается менять место жительства (табл. 1). Причем наблюдается заметная гендерная и возрастная обусловленность показателей потенциальной миграции. Так, женщины несколько чаще мужчин высказывались за переезд из города. Мужчинам в большей мере была свойственна стабильность и консервативность в этом

вопросе: свыше половины (52%) опрошенных мужчин не выразили желания переезжать из своих городов.

Таблица 1
Потенциальная миграция. %

Варианты ответов	Русское население		
	Белев	Старица	Оба города
нет, не хочу уезжать	48	47	47
да, хотел бы уехать	27	31	29
трудно сказать, пока нет определенного решения	23	14	19
нет ответа	2	8	5
Итого	100	100	100

Возрастная дифференциация показателей потенциальной миграции проявилась еще более отчетливо (табл.2). Чем моложе жители малых городов, тем выше уровень потенциальной миграции: если в возрастной категории респондентов старше 50 лет лишь 11% выразили желание переехать из своих городов, то среди опрошенной молодежи в возрасте от 16 до 29 лет этот показатель повышается почти в пять раз, и уже каждый второй (49%) молодой горожанин высказался за переезд из своего города. Столь высокие показатели молодежной потенциальной миграции указывают на будущее неблагополучие, демографическое опустошение малого русского города. С увеличением возраста ориентации на переезд из города существенно снижаются, но и в возрастной категории от 30 до 49 лет, наиболее экономически активного населения, свыше четверти опрошенных (28%) настроены на отъезд из города.

Таблица 2
Потенциальная миграция, возрастные группы, %

Варианты ответов	Потенциальная миграция из обоих городов		
	16-29 лет	30-49 лет	50 и старше
нет, не хочу уезжать	18	52	73
да, хотел бы уехать	49	28	11
трудно сказать, пока нет определенного решения	27	19	11
нет ответа	6	1	5
Итого	100	100	100

Стоит обратить особое внимание на городских жителей 30-49 лет. В этой возрастной категории достаточно велика доля стабильных жителей, не желающих уезжать из своего города (52%), несмотря на все трудности и высокую степень неудовлетворенности многими сторонами жизни в нем. Многочисленна и группа тех, кто не принял пока определенного миграционного решения. Но особенно велик удельный вес не желающих уезжать из своего города среди тех, кому сейчас 50 и более лет (73%). Это люди, прожившие в своих родных городах почти всю жизнь, считающие их своей Родиной и не представляющие своего существования вне привычных с детства улиц, домов, речных берегов, храмов, монастырей, того природного и этнокультурного ландшафта, что является для них знакомым.

Высококвалифицированные работники как умственного, так и физического труда, люди с высшим образованием и горожан, получившие образование и профессиональную подготовку в ПТУ, не имеющие возможность применить свои профессиональные навыки, не получающих соответствующую их профессиональной подготовке, их потребностям и ожиданиям заработную плату в наибольшей степени ориентированы на миграцию из малых городов. Таким образом, существует корреляция между уровнем образования и показателем потенциальной миграции населения.

Социологический опрос русского населения малых городов позволил выявить направленность и мотивацию потенциальной миграции горожан. Большинство опрошенных выразили желание переехать в свой областной центр – Тулу и Тверь. На втором месте по числу выборов стоит «другой город в пределах своей области», на третьем месте – Москва. Тула, Тверь и, тем более, Москва, эти крупнейшие города, с их высокими жизненными стандартами, материальным уровнем жизни, широкими образовательными возможностями, богатым выбором мест приложения труда и проведения досуга, хорошо известны жителям Белева и Старицы. Многие опрошенные горожане, члены их семей учатся (учились) и работают в Туле, Твери и Москве вахтовым методом или постоянно, хорошо информированы об условиях жизни в названных городах, что объясняет их стремление переехать туда на постоянное место жительства.

Желание переехать за границы России, в Европу и США высказало небольшое число опрошенных русских – по 2-4% в обоих городах. Но если дифференцировать потенциальных мигрантов по возрасту, то станет очевидным, что в молодежной группе 16-29 лет ориентации на выезд в Европу или США высказывались в два раза чаще (5-6%), хотя и эти показатели нельзя назвать существенными. Что касается мотивации потенциальной миграции жителей исследованных малых городов, то следует отметить, что абсолютное большинство выборов (более 80%) получили три миграционных мотива: низкая заработная плата (29%), безработица (21%) и желание продолжить образование (свое и детей) (11%).

Начало социально-экономических и политических трансформаций 1990-х в стране, переход к рыночной экономике резко обострил проблемы трудоустройства в малых российских городах. Наиболее сложная ситуация сложилась в индустриальном секторе. Важно отметить, что многие малые города не отличались обилием промышленных производств. Довольно часто в таких городах функционировало одно-два крупных индустриальных предприятия, в которых трудилась значительная часть местных жителей. Кризисное состояние подобных предприятий негативно сказывалось на жизни практически всего населения малых городов. Снижалась заработная плата, работников переводили на неполный рабочий день или увольняли, отправляли в неоплачиваемые отпуска и т.п.

Слабо развивается в городе и сфера малого предпринимательства, которое теоретически могло бы внести существенный вклад в местную экономику и создать новые рабочие места. Однако его губят те же негативные факторы, что средние и крупные предприятия, а также низкий потребительский спрос из-за падения уровня жизни местного населения.

Согласно данным статистики, именно в малых городах фиксируется большее, чем в крупных, количество безработных. Однако уровень регистрируемой безработицы в целом выглядит невысоким. Но это в значительной мере связано с массовым оттоком из города трудоспособного населения, особенно молодежи, которое не регистрируется в местных центрах занятости.

Проблема безработицы стала трансформироваться в свою противоположность – проблему недостатка квалифицированных работников. Возник острый дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы. Особенностью ситуации с трудоустройством в Белеве и Старице, как и во многих малых городах, можно назвать то, что, с одной стороны, их экономика все больше нуждается в профессионально подготовленных, энергичных, мобильных кадрах, знакомых с достижениями современных технологий, готовых к дальнейшему профессиональному совершенствованию. С другой стороны, местные условия труда, узость спектра предлагаемых вакансий не соответствуют социальным и материальным запросам потенциальных работников, особенно молодежи. И в качестве главного фактора выступает низкий уровень заработной платы. Не соответствующая запросам величина заработка, как ключевая проблема трудовой жизни населения малых городов, является одной из главных причин миграционной активности жителей [2, с.226].

Объясняя свое желание уехать из малых городов, русская молодежь обращала внимание на необходимость и желание продолжить свое образование. В малых городах чаще всего нет филиалов высших учебных заведений, есть только возможность получить среднее

специальное образование, но круг профессий весьма ограничен. Существует и проблема связанная с трудоустройством тех молодых специалистов, которые получили высшее образование в крупных городах или в столице и хотели бы вернуться. Можно оценить как не слишком оптимистичные представления жителей Старицы и Белева о будущем своих городов. Далеко не все были убеждены в том, что их города станут активно развиваться и жизнь в них наладится. Хотя большинство жителей любили свой город, их прогнозы относительно его будущего не отличались позитивом. Доля тех, кто сохраняет надежду на возрождение и грядущее процветание своих городов, составила чуть более трети, а предрекающих своему городу или совсем плачевную судьбу, или отсутствие в них каких-либо положительных перемены, насчитывалось около половины [2, с.232-233].

Особую роль в развитии малых городов и определении их будущего играют позиции местной молодежи, в основной массе социально-активной группы, стремящейся к образованию, расширению своих знаний и навыков и, что особенно важно, с оптимистичным жизненным настроем. Многие ее представители имели далеко идущие социальные планы, в том числе связанные с получением высшего образования (которое не может сейчас дать малый город), занятием высокостатусных должностей с достойной зарплатой, и были ориентированы на отъезд. Тем не менее, немалая часть молодых людей может остаться в своих городах, и их мнения, в ряде случаев существенно отличающиеся от взглядов людей старшего возраста, необходимо учитывать при разработке мер по оптимизации условий жизни населения.

Библиография:

1. Государственный комитет по статистике РФ URL://
<http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst28/DBInet.cgi>
2. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М., ИЭА, 2019.

7.3.2. ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ

УДК 316.324.8(=512.165)

GAGAUZLARIN KÜRESELLEŞME SÜRECİNE DÂHİL OLMASINDA SSCB'NİN ETKİLERİ VE SONUÇLARI

Tatiana Tiryakioğlu,

TÜRKİYAT Araştırmaları Doktora Programı Öğrencisi, Hacettepe Üniversitesi, TR

e-mail: tatianatiryakioğlu@gmail.com

orcid id: 0000-00030263005X

Abstract. Gagauz society, which has a unique language, culture and lifestyle, has been included in the globalization process, similar to many other Turkish communities in the modern period. The Union of Soviet Socialist Republics and its ideology played a major role in the Gagauz's entry into the globalization process. This study will examine the effect of effect the USSR's involvement in the globalization process.

Keywords: Gagauz, globalization, USSR, Turkish communities, society, social engineering, original culture

Özgün dile, kültüre ve hayat tarzına sahip olan Gagauz toplumu, modern dönemde birçok Türk topluluğunda olduğu gibi, küreselleşme sürecine dâhil oldu. Gagauzların küreselleşme sürecine girmesinde büyük rolü Sovyet Sosyalist Cumhuriyetler Birliği ve ideolojisi oynamıştır. İlgili çalışmada SSCB'nin Gagauzların küreselleşme sürecine dâhil olmasının etkisi ve toplumun bu etkilere bakışı değerlendirilecektir.

Gagauzların SSCB'ye dâhil olma süreci

Günümüzde Gagauz Türklerinin Avrupa, Asya, Güney ve Kuzey Amerika kıtalarında yaşadıkları bilinmektedir. Bu denli geniş coğrafyaya yayılmaları sadece tarihi sürecin bir sonucu değil, aynı zamanda küreselleşme sürecine dâhil olmalarının bir göstergesidir. Ancak, yoğun olarak yerleşim yerleri *Basarabya* olarak adlandırılan (Moldova güneyi ve Ukrayna Odesa ili) bölgede bulunmaktadır. [1, s.928]

Moldova ile birlikte Gagauzların dev Sovyet devletinin bir parçası olma hikâyesi 1917 Ekim Devriminin ve SSCB'nin kurulmasının çok önceki dönemlerine kadar uzanmaktadır.

- 1806-1812 Türk – Rus savaşının sonuçlarını düzenleyen Bükreş Anlaşmasına (28 Mayıs 1812) göre Basarabya bölgesi Rus İmparatorluğunun topraklarına ilave edilmişti.

- 1918 ile 1940 yılları arasında Basarabya bölgesi Romanya Krallığı topraklarına dâhildi.

- 2 Ağustos 1940 tarihinde SSCB Yüksek Kurulunun yedinci oturumunun kararı ile Moldova Sovyet Cumhuriyeti kurulmuş ve Basarabya bölgesi toprakları Moldova ile Ukrayna Sovyet Cumhuriyetleri arasında bölünmüş oldu. Böylelikle Gagauzların bir kısmı Ukrayna'nın Odesa bölgesinde, büyük bölümü ise Moldova'nın güneyinde kalmış oldular. [4, 2020]

SSCB'nin Gagauzların kalkınmasındaki katkısı

Sovyet yönetiminin Basarabya topraklarına gelmesi Gagauzlar tarafından farklı şekillerde karşılanmıştır. Romanya Krallığının ağır vergilerine rağmen ayakta kalabilmiş toprak sahiplerinin, güçlü ailelerin ve ağaların ellerinden toprakları alınmış, temel ihtiyacın üstünde olan mal varlıklarına el koyulmuştur. Bu sürece direnen aileler Sovyetlerin çeşitli bölgelerine temelli yerleşim amacı ile sürülmüşlerdi. Ancak bunun yanı sıra, nüfusun $\frac{3}{4}$ ünü oluşturan fakir köylüler devlet kooperatif sistemine gönüllü/zorunlu dâhil olarak geçimini sağlama fırsatına kavuşmuş oldular. 1940 yılının sonuna doğru 233 kolhoz, 34 fabrika kurulmuştu. Sanayi gelişimine temel atılmış, işsizlik ortadan kaldırılmıştı. Çocuklar ve yetişkinler için eğitim sistemi geliştirilmiş, gündüz ve akşam okulları açılmıştı. Sovyet devletinin çeşitli bölgelerinden gönüllü öğretmenler, doktorlar ve mühendisler

gönderilmiştir. Ancak hızla meydana gelen olan değişim ve gelişmeler II. Dünya Savaşının başlamasıyla birlikte durmuştu. [6, s.23]

Savaş sonrası dönem, diğer Sovyet Cumhuriyetlerinde olduğu gibi, Gagauzlar için de çok ağır geçmiştir. 1946-1947 döneminde Moskova tarafından verilen emirler sonucunda yerel halkın elinden kontrolsüz mahsuller toplanmış, kurak yılın arkasından insanlar temel gıdadan yoksun kaldıkları için açlıktan ölmektedirler. Kesin sayılar bilinmese de, tarihçilerin yaptığı hesaplamalara göre, Gagauz köyleri nüfuslarının yaklaşık %50'sini kaybetmiş oldular. Bu korkunç olay, Sovyetlere karşı güven duygusunu ciddi seviyede zedelemiş oldu. [3, s.103]

Diğer yönden, 1946-1950 devlet planlı politikası çerçevesinde çok kısa süre zarfında hayat standartları ve sosyal imkânlar savaştan önceki dönem seviyesine yükselmiş oldu. Gagauzlar, diğer Sovyet devletinin vatandaşları gibi, temel eğitimin yanı sıra mesleki eğitim almaya başladılar. Gagauz toplumunda hızla okuryazarlık seviyesi artmaya başladı. Eğitim seviyesinin artması ile birlikte Gagauzların dünya ufuk sınırları da genişlemeye başladı. Kendini korumaya çalışan, içine kapanmış bir topluluk olmanın ötesinde, kimliğini araştıran, küresel manada tanımaya başlayan ve öne süren? bir topluluk haline gelmeye başlamış oldular. Kendileri için yabancı olan kültürleri, dilleri, ürünleri ve dünya görüşleri ile tanışmaya başladılar. SSCB sınırları ile kısıtlı olmasına rağmen, daha önce yaşanmamış, yerellikten küreselliğe doğru bir hareket dinamiğini gözlemlemek mümkündür. [9, s.499]

Gagauzların küreselleşmeye doğru ilk adımları başak kültür içinde kaybolarak ve gönüllü asimile olarak değil, kendi kimliğini sahiplenip diğer kültürleri ikincil olarak görmesiyle başlamıştır. Kimlik sahiplenmesinin önemli aşamalarından biri kendi alfabelerine kavuşmak oldu.

Sovyet bilim insanlarının inisiyatifi sayesinde Gagauz dili için Kiril bazlı ilk özel alfabe geliştirildi, okullarda ders olarak ana dilde eğitim vermeye başlatıldı. 30 Temmuz 1957 tarihinde L.A. Pokrovskaya ve D.N. Tanasoglo tarafından oluşturulan alfabenin kabulüyle Gagauzlar yazı diline kavuşmuş oldular. Bunun sonucunda, okullarda ana eğitim devlet dili olan Rus dilinde verilmesinin yanı sıra, müfredatta ders olarak Gagauz dili de vermeye başlamış. Gagauz dilinin kendi alfabesi ve yazı dilini kazanması adeta kültürel patlamaya sebep oldu. Kısa dönemde edebiyatta yeni eserler çıkmaya başlamış, Gagauzların halk bilimi alanında çalışmalar gerçekleştirilmişti. [8, s.172]

Hruşçev baharı olarak adlandırılan dönemin başlamasıyla birlikte, ülke genelinde olduğu gibi, Gagauzların refahı ve hayat standartları da yükselmiş oldu. Hatta söz konusu refahın Gagauzlar için daha önce görülmemiş seviyede olduğunu söyleyememiz yerinde olur.

1950-1980 yılları arasında Sovyetlerin kalkındırma programları çerçevesinde eğitim, sağlık, kültür ve bilim alanında çeşitli yatırımlar gerçekleştirilmekteydi. Bu ekonomik ve sosyokültürel yatırımlar kendi meyvelerini getirdi. 1989 istatistiksel verilerine göre (1959 verileriyle kıyasla) okuma ve yazma oranı %100'e yaklaştı, yükseköğretim eğitimi almış Gagauzların sayısı ise üç kat artmış oldu (%2,3'ten %6,9'a çıkmış). [6, 2019]

Tabi, bu denli geniş çaplı maddi, manevi yatırımların asıl sebebi Gagauzların iyiliği ve refahı değildi, "Sovyet halkı oluşturma" politikasıydı ve söz konusu ideolojik siyaset gayri Rus nüfusunun Ruslaştırılma hedefini taşımaktaydı. Bunun için gayri Rus topluluklara yumuşak tavırla eğitim ve gelişim fırsatları sunulmakta, beraberinde Ruslaşmanın entelektüel, gelişmiş, medeni ve şehirleşmiş gibi statüleri beraberinde getirerek görüşler empoze edilmekteydi. Ancak, zaten zor durumda olan Gagauzlar için, kendilerine yoğun maddi ve bilimsel destek veren gücün ne tür niyet taşıdığı konusunda sorgulama sürecine girmediklerini söylemek mümkündür.

Gagauzların küreselleşme sürecine dâhil olması

Sunulan imkânlar sayesinde Gagauzlar kendilerini büyük Sovyet ailesinin bir parçası olarak hissetmeye başladılar. Gagauz dili ve kültürü alanında yapılan araştırmalar sayesinde eğitimlerini Rus dilinde almalarına rağmen, Gagauz halkı asimilasyon politikalarına maruz kaldığı duygusuna kapılmamaktaydı. Gagauzca aile içinde ve aralarında konuşulmaya devam eden bir dilken, Rusça ve Moldovanca bilinmesi gereken resmi diller olarak algılanıyordu. Kendi dilleri ve kültürleri dışında başka dilleri de bilme zarurietü Gagauzlar tarafından bir yük olarak değil, daha çok zenginlik olarak algılanmaktaydı ve bu bakış açısı halen devam etmektedir. Gagauzların çok kültürlü ortamda ikamet

etmeleri, şüphesiz küreselleşmeye dâhil olunmalarında ve dünyaya açılmalarında büyük etki göstermiştir. [8, s.181]

Gagauzya'nın ilk başkanı G.D. Tabunşik'e göre SSCB'de yaşayarak ve Sovyet ideolojisine mazur kalarak kendi öz bilincini ve kimliğini kaybetmeye başladığını hisseden diğer halklardan farklı olarak Gagauzlar, Sovyet döneminde kimliklerini tekrardan keşfetmiş, bulmuş, ortaya çıkarmış ve sahiplenmiştir. [11] Bu sebeple, Sovyet sistemine ve yönetimine karşı negatif duygular beslemeyen Gagauzlar 1980'lerin sonuna doğru SSCB cumhuriyetlerinde alevlenmiş milliyetçilik hareketleri dalgasına sadece Moldova sınırları içinde yaşadıkları problemlerini dile getirmek için "Gagauz Halkı" adı altında halk hareketi başlatmış oldular. Gagauz milliyetçiliği Sovyetlerden bağımsızlık aramamaktaydı. Öz kimliklerini koruma mekanizması olarak diğer kültürlerden uzaklaşmayı asla seçmemişti. Belki de, Gagauzlar milliyetçilik ile küreselleşme arasında hassas dengeyi bulduklarından iç ve dış gelişmeleri birlikte yürütmeyi tercih etmekteydiler. [8, s.189]

Sovyetlerin dağılmasıyla birlikte Moldova Cumhuriyeti 27 Ağustos 1991 tarihinde bağımsızlığını ilan etmiş. Bağımsız Moldova Rusya'dan uzaklaşarak kendi ulusal bilinç çerçevesinde rotasını çizmeye çalışırken, Sovyetler döneminde en parlak zamanlarını yaşamış Gagauzlar şaşkınlıkla yeni şartlara ayak uydurmaya çalıştılar. Sovyetlerin enternasyonalist proletarya ideolojisi Gagauzlara milliliği ve kültürel bilinci kazandırmış oldu. Neticede, Moldova Rusya'nın ve Türkiye'nin diplomatik katkıları sayesinde, iç barışı korumak ve Gagauz kültürünü muhafaza etmek gerekçesiyle Gagauzların yaşadığı topraklara 1994 yılında Özerk Bölge statüsünü verdi. [6]

Gagauzların özerk cumhuriyete sahip olmaları küreselleşmelerine büyük katkı sağladı. Adı unutulmuş ve zaman geçtikçe daha da asimile olan ve sindirilen bir topluluk haline gelmek yerine, Gagauzlar cumhuriyetlerini adeta bir gemi demiri gibi kullanmaktalar. Küreselleşme süreçleri kaçınılmaz olarak Gagauzları da etkiliyorken, Gagauz Yeri Özerk Bölgesi'nin varlığı daima kendilerine kim olduklarını hatırlatmaktadır.

Küreselleşme sürecinde SSCB "mirasının" etkileri

SSCB'nin azınlık toplulukları için eğitim ile bilim alanında yaptığı katkı ile yatırımları sayesinde Gagauzlar küreselleşme sürecine, belli zorluklarla olsa da, dâhil olmuşlardır. SSCB'nin son döneminde ve sonrasında doğmuş nesil çok kaynaklı bilgilere maruz kalarak kendini değişimlere adapte etmiştir. Maalesef aynısını eski nesil için söylemek mümkün değildir. Sovyet ideolojisi çerçevesinde sosyalizm hedefli eğitim almış nesil küreselleşme ile birlikte gelmiş olan kapitalizme, piyasa ekonomisine ve hâkim olan batı kültürüne uzak kalmış oldu. Sovyetler tarafından yetiştirilmiş Gagauzlar kapitalizm sistemine psikolojik olarak hazır değildi ve alışma dönemi on yıldan uzun sürmüştür.

Bugün, Gagauz yerel kültüründe Rus egemen kültürü halen etkisini sürdürüyorken, yoğun bir şekilde egemen Batı ve dünya popüler kültürü ile harmanlanma süreci devam etmektedir. [11]

SSCB'nin ekonomi, eğitim, kültür, bilim alanlarında sunduğu destek ve katkıları kaçınılmaz olarak Gagauz dilinde ve kültüründe izlerini bırakmıştır ve bir derece kendisine bağımlı kalmıştır. Ancak aynı zamanda küreselleşen dünyanın yeni tarihsel sürecine dâhil olmasında büyük katkıları olmuş, küreselleşmeye dâhil edilmesine zemin hazırlamıştır.

Şüphesiz, Sovyetlerin her alanda gösterdiği ilgi ve alaka devlet çıkarlarına hizmet etmekteydi ve büyük ölçüde Türk kökenli halkları Ruslaştırma niyetini taşımaktaydı. Ancak, Sovyet Birliğinin sunduğu imkanları fırsat olarak gören Gagauzlar pragmatik davranarak hayat ve gelişim standartlarını yükseltebilmiş, kendi etnik kökenine ait ve sadık kalan aydınlar sınıfını yetiştirmiş oldu. Böylelikle mevcut durumdan maksimum fayda sağlanmış oldu.

Çok kültürlü ortamda yaşamaya alışmış ve bu hayat tarzında en ufak sakınca görmeyen Gagauzlar için küreselleşme dünya görüşlerinde büyük fark yaratmadı. Varoluşsal boyutlar genişlemiş, bilgi kaynakları çeşitlenmiş ve kültürel alışveriş artmış oldu. Sovyet ideolojisinden sonra adeta çift etnik kökene ve kültüre sahip olan Gagauzlar, belki eğitim seviyelerinden dolayı, belki kültürel doygunlukları sebebiyle küreselleşen dünyada daha seçici ve temkinli davranarak öz kimliklerine sıkı bir şekilde tutunmaktadırlar.

Bibliografya:

1. Guboglo M.N. Gagauzlar, Dünya Halkları ve Dinleri Ansiklopedisi, Moskova, 1988, s. 928 <https://web.archive.org/web/20071029061551/http://enc.mail.ru/article/1900020242> (16.05.2020)
2. Guboglo M.N. Gagauzlar, Nauka i Jizn, Moskova, 1967. № 10. s. 103.
3. İvanov Y.G. История Молдавии. Документы и материалы (Moldova Tarihi. Belgeler ve kaynaklar.) Cilt 2-5, Kişinev, 1957-1969
4. Maruneviç M.V. Bilim Araştırma Merkezi, Gagauzların Kısa Tarihçesi <http://www.gbm.md/index.php/kratkaya-istoriya-gagauzov> (20.06.2020)
5. Moşkov V.A. Гагаузы Бендерского уезда (Bender Eyaleti Gagauzları). Kişinev, 2004
6. Mustafalı C. Türk Cumhuriyetlerinde Sovyet Mirası ve Değişimler, TRAD - Türkiye Rusya Araştırmaları Dergisi, no. 1 (Yaz 2019)
7. Novikov S.Z. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (Güney Basarabya bölgesindeki Bulgar ve Gagauz köylerinde sosyo-ekonomik gelişim) Kişinev, 2004, s.23
8. Oktay Y. E. SSCB Döneminde Türk Cumhuriyetlerinde Uygulanan Dil Politikalarının Bağımsızlıktan Sonraki Etkileri Ve Dile Yönelik Reformlar, Turk Dunyasi Arastirmalari . 2008, Sayı 172, s.175-192.
9. Özakdağ N. Sovyet Döneminde Gagauz Yazı Dilinin Oluşmasında ve Gelişmesinde Yaşanan Sorunlar, 100. Yılında Sovyet İhtilali ve Türk Dünyası, Hacettepe Üniversitesi TÜRKİYAT Araştırmaları Enstitüsü yayınları, Ankara, 2018, s. 499-507
10. Subbotina İ.A. Гагаузы: Трансформация Расселения И Современные Миграционные Процессы (Gagauzlar: Yerleşim değişimleri ve Modern Göç Süreçleri), Rusya Bilimler Akademisi Etnoloji ve Antropoloji Enstitüsü, 2005
11. Tabunşık G.D. Гагаузия. Воспоминания и Размышления, Vesti Gagauzii, 16.05.2019 <http://vestigagauzii.md/index.php/novosti/politika/1360-gagauziya-gagauz-yeri-vospominaniya-i-razмышleniya> (18.01.2020)

УДК 398.33

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ, КАЛЕНДАРЬ И СИСТЕМА СЧЕТА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ГАГАУЗОВ

Квилинкова Елизавета,

Национальная академия наук Беларуси,

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, г. Минск

e-mail: cvilincova@mail.ru

orcid.id:0000-0002-7168-8506

Abstract. This article examines the traditional ideas of the Gagauz people about space and time, the folk calendar and the counting system. The areas of use of the two-cycle and four-cycle calendar are considered. Popular names of months are given. The significance of the days of the week in the folk-religious ideas of the Gagauz people and in the calendar rituals is revealed. The names of the cardinal points are given in connection with the cosmogonic ideas of the Gagauz people.

Key words: Gagauz, folk calendar, counting system, cosmogonic representations.

1. Традиционный способ деления календаря по циклам

Календарные праздники, верования и приметы хранятся в народной памяти и передаются из поколения в поколение, являясь своего рода неписанным сводом правил поведения в семейном и общественном быту. Понятие «**народный календарь**» включает в себя два аспекта: хронологическую последовательность событий (время, событие, обозначенное во

времени) и мировоззрение народа. Праздники составляли важную часть народного календаря (*yortuluk* – букв. 'праздничник'). Они выполняли функцию указателя рубежей, связанных с хозяйственной деятельностью людей, а также регламентировали время отдыха и развлечений.

Для обозначения времени у гагаузов использовалось два понятия: «*zaman*» и «*vakit*». Первое употреблялось, главным образом, в историческом смысле, то есть при указании на какие-то длительные промежутки времени в прошлом (в легендах, сказках), а также и в настоящем. Второе же понятие использовалось в основном для обозначения конкретного времени (сезона) как физической категории, для коротких промежутков времени в настоящем или будущем – *orak vacıdı* (время жатвы), *güz vakıdı* (осенняя пора) и т. д., а также для обозначения прошедшего неопределенного времени в сказках.

Для традиционного мировоззрения гагаузов характерно использование двух календарей с разными сферами применения. В XIX – первой половине XX вв. гагаузы особо отмечали праздники *Hederlez – Kasım*, что свидетельствует о сохранении древних представлений о **двухцикличном делении года**, которые связаны со скотоводческим календарем [3; 9]. В то же время в хозяйственной деятельности ими широко использовалось четырехцикличное деление года – земледельческий календарь, что объясняется преобладающей ролью земледелия в этот период. Причем весна (*ilkyaz*) и осень (*güz*) выступали не как самостоятельные сезоны, а как своеобразные промежутки времени.

Началом весны в календаре считаются праздники: 1 марта, 40 мучеников, Благовещение. Для обозначения начала лета и осени также нет четких дат. На основании содержания календарной обрядности можно считать, что начало лета связывалось с Русальной неделей (после Троицы), начало осени – с праздником Преображения (6 / 19 августа), а начало зимы – с Волчьими праздниками (середина ноября) [2; 7].

Особым способом фиксировалось начало сельскохозяйственных работ. Эти даты (80-й, 90-й, 100-й, 110-й день от дня Св. Димитрия / праздника Касыма) закреплены в двухцикличном народном календаре с помощью пословиц: «*Сексен* (Атанасов день), 80-й день после Димитриевого дня, по отношению к которому говорят: *Сексен, тарлая тохуму ат сен; Доксан, яза консан* ("На 90-й день начинается лето"); *юз, Юзе бастык, дюзе бастык* ("Как только ступим на сотню, все гладко"); *Юзон, тарлан башына кон* ("Как наступит 110 – иди в поле и становись за плуг") [12, с. 111].

Следует отметить, что четкое деление по месяцам относится к более позднему времени. При восстановлении в памяти каких-либо событий и т. д. гагаузы использовали не конкретные названия месяцев, а отрезки времени, связанные с сельскохозяйственными работами: *orak vacıdı* (время жатвы), *harman vakıdı* (время молотбы), *baa bozumu* (время уборки винограда). Таким образом, «...для носителей традиционной культуры был важен сезон, наполненность времени конкретными занятиями, а не месяц в его современном понимании» [16, с. 52].

В связи с использованием гагаузами традиционных календарей добавим, что в конце XIX в. они придерживались линейного счета времени, о чем свидетельствует бытовавший у них народно-религиозный календарь – «йортулук», выполненный в форме трости («календарь-палка»). Он был обнаружен В. А. Мошковым в с. Бешалма у одного пожилого крестьянина Тодура Кара. Его передавали по наследству: «Палка досталась ему от отца и деда, что она сохраняется в их роду уже три поколения и что он чтит ее как «фамильную святыню» [14, с. 30]. Таким образом, этот календарь, оформленный специальными символами и знаками (зарубками и насечками), представляет собой одну из бытовавших у гагаузов разновидностей древнейших календарей. В нем год начинался 1 января и заканчивался 31 декабря. Кроме того, в некоторых гагаузских религиозных рукописных сборниках нам удалось обнаружить более позднюю письменную версию гагаузского народного календаря (*Ермулар*) [5, с. 508-509, 514].

2. Народные названия месяцев у гагаузов

В гагаузском календаре бытуют народные и иноязычные названия месяцев (всего 12), которые произносятся почти так же, как и в языке, из которого они были заимствованы.

Январь – *büyük ay* (большой месяц), (*yanvar*); февраль – *küçük ay* (маленький месяц) / *küçük-güçük* (*fevral*); март – *sürmək ayı* (месяц пахоты) / *baba Marta (ayı)* (месяц Бабы Марты),

(*mart*); апрель – *çiçek ayı* (месяц цветов), (*april*); май – *hederlez / pipiruda*, (*may*); июнь – *kirez ayı* (месяц вишни), (*iyün*); июль – *orak* (месяц серпа / жатвы), (*iyul*); август – *harman ayı* (месяц молотбы) / *lobut ayı* (битый месяц), (*avgust*); сентябрь – *baa bozumu* (уборка винограда) / *ceviz ayı* (месяц орехов), (*sentäbri*); октябрь – *pastırma ayı* (месяц пастармы), (*oktäbri*); ноябрь – *kasım* (от названия праздника Касым) / *canavar ayı* (волчий месяц, от наименования Волчьих праздников, отмечавшихся в ноябре), (*noyabri*); декабрь – *kıran / kırın (ayı)*, вероятно, от слова *kırım* – 'изгиб, излом', то есть 'поворот', (*dekabri*). Сравнение названий народных месяцев у гагаузов Молдовы, Болгарии, у турок и у турок (алиан) Болгарии см. таблицу в монографии [3, с. 663-664].

Исходя из народного названия месяцев, видно, что хозяйственная деятельность гагаузов в значительной степени связана с сельским хозяйством. Некоторые народные названия месяцев свидетельствуют об их связи со скотоводческой деятельностью. Они фиксировали начало и окончание скотоводческого сезона. Октябрь – месяц пастармы (*pastırma ayı*) являлся преддверием зимы, поэтому в этот период заготавливали на зиму специально обработанное мясо – пастарму; ноябрь – волчий месяц (*canavar ayı*) – почитали волка с целью уберечь стадо от хищников; и т. д. [12, с. 111].

3. Единицы времени и традиционная система счета

Неделя (*afta*) делится на семь дней: воскресенье (*pazar*), понедельник (*pazeertesi*), вторник (*salı*), среда (*çarşamba*), четверг (*perşembä*), пятница (*cumaa*), суббота (*cumeertesi*). Не все дни недели обладали одинаковой значимостью.

Наименьшая календарная единица времени – **сутки** – *sabaadan sabaaya* (с утра до утра) / *gün* (день). Использование термина *gün* (день) для обозначения суток свидетельствует о том, что они заканчивались с наступлением полной темноты, то есть ночь (*gecä*) не считалась значимой частью астрономических суток. В представлении о частях дня выделяются три главных временных отрезка, на которые делится день – утро, полдень, сумерки.

Время в течение суток определяли по астрономическому положению солнца, которое являлось основным пространственно-временным ориентиром. В зависимости от положения светила день условно делили на 8 частей: 1) *kuşluk* – время после рассвета и до восхода солнца (предрассветное время рассматривалось в качестве точки отсчета), 2) *gün duuması* – восход солнца, *gün duudu / güneş duudu* – рассвело / солнце взошло, *sabaalamaa* – рассветать, *sabaa* – утро, *çin sabaa* – рано утром, 3) *üülen* – полдень / зенит солнца, 4) *gün döner avşama / üülendän sora* – после полудня, 5) *gün* – день, *gündüz* – днем (дневное время суток до сумерек), 6) *avşam üstü* – под вечер, *avşama dooru* – к вечеру, *avşamnamaa* – вечереть, 7) *avşam* – вечер, *avşam oldu* – наступил вечер, *alaca karannık* – сумерки, 8) *gecä yarısı* – полночь.

Согласно древним воззрениям гагаузов, сутки рассматривались как рождение Солнца и его символическая гибель, то есть ночь в этом случае ассоциировалась со смертью Солнца, с уходом его в загробный мир [13, с. 53; 15, с. 15-16].

Уникальные данные об использовавшейся гагаузами в недалеком прошлом традиционной системы счета, представленной в виде ряда изобразительных знаков-символов, приводятся работе А. Манова. Когда нужно было посчитать, они использовали вместо чисел различные знаки и черточки (*чизги*) [12, с. 173]. При этом автор уточнял, что неграмотные гагаузы (мужчины и женщины) пользовались этой системой счета вплоть до освобождения Болгарии от турок (то есть до 1878 г.).

4. Значимость дней недели в народно-религиозных представлениях гагаузов

Дни недели в традиционных представлениях гагаузов наделялись разной значимостью, что зафиксировано в народном календаре. Так, начиная с Пасхальной недели, во многих гагаузских селах соблюдали 7 четвергов, а в некоторых – 9 (от «Чистого» четверга до Вознесения или до Троицы) [2-4; 6]. В основе празднования четвергов лежит культ умерших. В народе несоблюдение ритуального запрета на работу в эти дни связывается с опасностью выпадения града [5].

Из дней недели особо почитали гагаузы пятницу. «В пятницу вечером не пашут, чтобы не болел скот; весной же первый раз выезжают сеять в пятницу – чтобы был урожай. <...> От

Пасхи до дня св. Георгия нельзя ткать; от сорока мучеников до дня св. Георгия нельзя натягивать основы на станок; в неделю Преполовления не кроют и не шьют, и у тех, кто нарушил это правило, преполовинится душа» [1, с. 176].

Из приуроченных к народному календарю дней недели почитали постом и запретом на работу 12 Великих пятниц. В связи с этими днями у гагаузов распространена апокрифическая молитва-заговор «Сказания о двенадцати пятницах», которая представлена в виде религиозных постулатов. В ней не только объясняется необходимость соблюдения в течение этих пятниц, приходящихся на наиболее важные христианские праздники, жесткого поста – *тримур* (полный отказ от еды и воды), но и обосновывается значимость каждой из них для предохранения человека от различных бед и болезней. Перечислим эти 12 Великих пятниц: *Todur cumaasi* – «Тодоровская пятница» (на первой неделе Великого поста), *Blagušteni cumaasi* – «Благовещенская пятница», *Büük Paskellä cumaasi* – «Пасхальная пятница» (пятница на Великой Пасхальной неделе), *İspas cumaasi* – «Вознесенская пятница», *Troița cumaasi* – «Троицкая пятница», *Dragayka cumaasi* – «пятница праздника Драгайка» (Рождество Иоанна Крестителя), *Kozman Dimiyan cumaasi* – «пятница Космы и Дамиана» (в другом варианте: *Petrov cumaasi* – «Петровская пятница»), *Sveti İlya cumaasi* – «пятница Святого Ильи», *Panaya cumaasi* – «пятница Богородицы» (праздника Успения Пресвятой Богородицы), *Arhangil Mihaili cumaasi* – «пятница Архангела Михаила» (в другом варианте: *Arhangil cumaasi* – пятница Архангела), *Krêçun cumaasi* – «Рождественская пятница», *Ay Yordan cumaasi* – «Иорданская пятница» (перед праздником Крещения Господня) [5, с. 569-571].

В соответствии с традиционной обрядностью, особо отмечалась Масленичная неделя, которая у бессарабских гагаузов связывалась с женскими гуляниями и работами. Используемые в народе характеристики для каждого дня этой недели сформулированы в виде рифмованных пословиц: «*Чаршамба – чавшар докур* (“Среда – занавеску ткет”), *Першембя – пешкир докур* (“Четверг – полотенце ткет”), *Джюма – кызлары онур* (“Пятница – девок зовут”), *Джюма-ертеси – безыери докур* (“Суббота – холсты ткет”), *Пазар гюню – вар дююню* (“Воскресный день – есть свадьба”)» и др. [14, с. 34]. Их празднование, сопровождавшееся, в том числе, совершением определенных женских работ, связано с инициальной магией (магия почина), что объясняется особым значением данного временного периода в народном календаре.

Как дни недели, без приуроченности к народному праздничному календарю, гагаузы почитали среду, пятницу, воскресенье, которые выступают в сказочном фольклоре в роли трех мифических существ: *Çarşamba-Karısı* или *Çarşamba-Babası* (Среда-Женщина, или Среда-Баба), *Cumaa-Karısı* или *Cumaa-Babası* (Пятница-Женщина, или Пятница-Баба), *Pazar-Ana* (Воскресенье-Мать). Их представляли в виде старух, которые зорко следят за тем, чтобы накануне этих дней никто не работал, особенно с пряжей [13, с. 14].

Происхождение подобного рода персонажей восходит к дохристианским и домусульманским традициям, хотя современная трактовка (информаторами) почитания среды, пятницы и воскресенья соотносится с библейскими событиями, с именем Иисуса Христа (схватили, распяли, воскрес). Аналогичные образы, связанные с почитанием определенных дней недели, известны у многих народов.

5. Названия сторон света в связи с космогоническими представлениями гагаузов

Гагаузы использовали солярное обозначение *сторон света*, которое соотносится с положением солнца в течение дня – ориентация на восходящее (восток) и на полуденное солнце (юг); юг и полдень обозначаются одним термином *üülen*. Данный способ ориентации связан, по-видимому, с культом солнца. В народе известно деление на четыре и восемь сторон света: *gün duusu / duu* – восток / восход солнца (рождение Солнца), *gün batısı* – запад / закат солнца, *poiraz* – север, *üülen / üülen tarafı* – юг, *üülen-batı* – юго-запад, *üülen-günduusu* – юго-восток, *poiraz-batı* – северо-запад, *poiraz-günduusu / günduusu hem poiraz arasında* – северо-восток. Термин *poiraz* – греческого происхождения. У других тюркских народов, за исключением турок, он не используется. У турок данная лексема имеет значение ‘северная сторона’; она использовалась также для указания направления ветра – «северный ветер».

Характерной чертой космогонических представлений у гагаузов является бифуркативность (разделение на мужское и женское начало), которая проявляется в противопоставлении Солнца и Луны по половому признаку (оппозиция *женский – мужской*). В фольклоре Солнце изображено как живое существо (а в одной из сказок – как «святое существо»), имеющее отца и мать. В сказке «Три сестры» (с сюжетом «чудесные дети») Солнце соотносится с мужским полом, а Луна – с женским (сын с Солнцем во лбу, а дочь с Месяцем во лбу). Однако следует отметить непоследовательность этих представлений у гагаузов. Чаше Солнце выступало как существо женского рода (*gün-ana*), а Луна – мужского (*ay-boba*) [15, с. 41-43, 63-64; 13, с. 53].

Согласно древним воззрениям гагаузов, сутки рассматривались как рождение Солнца и его символическая гибель, то есть ночь в этом случае ассоциировалась со смертью Солнца, с уходом его в загробный мир. Представление о том, что Солнце умирает или связано с миром умерших, ярко проявляется в сказках. В одной из них описывается, «как человек отправляется в жилище Солнца и спускается для этого под землю» [13, с. 53; 15, с. 15-16].

Воззрения относительно рождения и смерти Солнца отражаются и в названиях сторон света – *gün duuması / gün duudu / güneş duudu* (восход Солнца – восток) и *gün batısı* (закат Солнца – запад). Составной частью религиозной обрядности является почитание Солнца и восточной стороны неба: ежедневное утреннее моление совершали, повернувшись лицом к востоку; голову жертвенного животного в ритуальном жертвоприношении (курбан) также поворачивали на восток (в сторону Иерусалима) и т. д. [8; 10-11].

У гагаузов, как и у многих других народов, слово *ay* включает в себя понятия «светило» (Луна) и «отрезок года» (месяц). С другой стороны, оно имеет значение 'святой', а представления о Луне как о живом существе включают в себя воззрения о рождении Луны (*ay duusu* – восход Луны / рождение Луны) что, возможно, связано с почитанием в прошлом Луны. Луна также представлялась живым существом, которое проживает целую жизнь в течение одного месяца: рождается, взрослеет, стареет и умирает, что в природе соответствовало фазам Луны – *eni ay* (новый месяц), *dolu ay / бүтүн ay* (полный месяц), *yarım ay* (половинный месяц) / *ay dalantısı* (убывающая / «ущербная» Луна). В народной медицине обязательно учитывали фазы луны [4].

Из приведенного материала видно, что составной частью народного мировоззрения были представления о том, что космические и природные объекты также могут оказывать энергетическое воздействие на человека или животных. С целью воспрепятствовать негативному воздействию человек выработал определенные способы защиты себя и своего хозяйства. В заключении отметим, что народный календарь гагаузов является результатом языческо-христианского синкретизма. В нем хорошо сохраняются древние представления о двухциклическом делении года, а в народном названии месяцев проявляется контаминация земледельческого и скотоводческого календарей. Традиционный календарь является своего рода «энциклопедией» народного знания о мире. В нем отражается не только хозяйственная деятельность народа и быт, но и его мировоззрение, фольклорная и праздничная традиция, а также языковые особенности. Помимо солнечной ориентации на природное время, они использовали также и лунную, в основе которой лежат представления об определенных фазах жизни Луны, связанные с воззрениями о «благоприятном» и «неблагоприятном» времени для благополучия человека. И в наши дни гагаузы продолжают сохранять архаичные обозначения единиц времени, а традиционной системой счета они пользовались почти до конца XIX в.

Библиография:

1. Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии. София, 1914.
2. Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002. 184 с.
4. Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.

5. Квилинкова Е. Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010. 390 с.
6. Квилинкова Е. Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев-Благовград: Tip. Centrală, 2012. 600 с.
7. Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат–София, 2013. Tip. Centrală, 2013. 872 с.
8. Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tip. Centrală, 2014. 472 с.
9. Квилинкова Е. Н. Курбан у гагаузов (Архаическая современность). Кишинев: Tip. Centrală, 2015. 488 с.
10. Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.
11. Квилинкова Е. Н. Хаджылык у гагаузов как религиозный и этнокультурный феномен: от прошлого к настоящему. Кишинев: Tipogr. Centrală, 2017. 420 с.
12. Квилинкова Е. Н. Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020. 344 с.
13. Манов А. Потеклото на гагаузите: техните обичаи и нрави. В две части. Варна, 1938.
14. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение (ЭО). 1901. № 4. С. 1-80.
15. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // 1902. № 3. С. 1-63.
16. Мошков В. А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен. изд. В. Радловым. Ч. X. СПб., 1904.
17. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

УДК 314.06

ПОНЯТИЕ «РОДИНА» У ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ГАГАУЗОВ БЕЛАРУСИ

Квилинкова Елизавета,

Национальная академия наук Беларуси,

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, г. Минск

e-mail: cvilincova@mail.ru

orcid.id:0000-0002-7168-8506

Abstract. For the first time in Gagauz studies, this article examines the Gagauz ethnic group in Belarus, the first stage of its formation took place in the Soviet period: their perception of the concept of "homeland", their identification of the country of residence, etc. Based on the data of the survey conducted by the author, it is concluded that they are well adapted to the Belarusian sociocultural space and are aware of themselves as part of it. This is explained by the length of their residence in this country, as well as by the fact that they have created families here, "put down roots", gave birth to children and grandchildren, and adopted Belarusian citizenship. As the frequency of contacts with their first homeland decreased, and especially after their parents passed away, their perception of Belarus as their homeland increased. In conclusion, it is noted that the identification of Belarus by the Gagauz of the second wave (who migrated in the post-Soviet period) has significant differences.

Key words: the Gagauz people of Belarus, the concept of "homeland", adaptation, identification of the country of residence.

Процесс формирования гагаузской этнической группы в Беларуси можно условно поделить на два периода: советский и постсоветский. Начало ее формирования относится к

50-м гг. XX в. По Всесоюзной переписи населения 1959 г. они зафиксированы в Белоруссии в количестве всего 20 чел., а по переписи 1989 г. их насчитывалось 189 чел. [3, с. 50].

Ввиду стремительно протекающих в современный период процессов по размыванию этнической идентичности важным является изучение процесса интеграции в иноэтничное пространство малочисленными этническими группами в связи с изучением сохранности ими своей идентичности. В вопросе о степени адаптации представителей этнической группы в стране проживания показателем является то, насколько комфортно они себя там чувствуют, насколько долго они там живут, насколько полно включились в процесс интеграции [1] и каким образом они идентифицируют страну проживания. В 2020–2021 гг. в Беларуси путем углубленного интервью нами было опрошено более 40 респондентов-гагаузов и членов их семей, выдержки из которых мы будем приводить.

В зависимости от периода переселения гагаузов в Беларусь их отношение к понятию «родина» существенно отличается. Так, подавляющее большинство гагаузов, осевших там в советский период (первая волна), называет Молдову родиной по рождению (нередко сужая это понятие до малой родины – населенного пункта, где родились), а Беларусь идентифицируют как «вторая родина». Многие из них получили в этой республике высшее образование, женились, остались здесь жить и вырастили детей и внуков.

«Моя родина, конечно, Гагаузия, но живу то я тут. На этот вопрос отвечаю двояко: на сегодняшний день моя родина – это Белоруссия (в Беларуси живет с 1977 г. – Е.К.). ... Можно сказать, что Белоруссия – моя вторая родина» [2: Франгу Г.Г.].

«Я до сих пор считаю, что моя родина – Молдавия, так как я там родилась и выросла. Моя родина Гагаузия, Молдавия. Я там жила до 20 лет. Так считаю и я, и мой муж. Когда мы едем туда – в Молдавию, мы говорим, что едем домой. А Беларусь – это тоже родина, но уже вторая. На первом месте – Молдавия. Там моя мама осталась. Там похоронен мой папа и родители мужа» [2: Маринова Е.П.].

«У меня сейчас две родины получаются. Я очень переживаю за свою родину, где родился, где похоронены мои предки. И за эту родину (в Беларуси живет с 1970 г. – Е.К.) переживаю: здесь я уже привык, и тут в Горках (город в Могилевской области – Е.К.) лежат предки моей жены» [2: Булгаращ Ф.М.].

На вопрос о том, какую же страну наш соотечественник (уроженец г. Комрат, ныне покойный, живший в Белоруссии с 1976 г.) считал своей родиной, его супруга дала следующий ответ: *«Думаю, что у него было две родины. Он с удовольствием общался с земляками, звонил друзьям, они приезжали в гости, наши двери для них были открыты» [2: Колца А.Б.].*

Использование респондентами формулировок «у нас» – по отношению к Беларуси, а «у вас» – по отношению к Молдове, говорит о том, что они не только адаптированы в белорусском пространстве, но и осознают себя его частью:

«Беларусь – это место проживания. Но с годами и у нас проскакивает слово “у нас”, то есть в Беларуси (здесь живут с 1989 г.). А там мы родились, но со временем, когда становится не к кому ехать, тогда уже определяешься точно с местом жительства... Здесь и мама моя похоронена» [2: Кысса Н.Л.].

У респондентов, поселившихся в БССР еще в советский период, Белоруссия воспринимается как родина в том числе потому, что она являлась необъемлемой частью Советского союза – общей родины. Кроме того, гагаузы, создавшие здесь семью, родившие детей и внуков, работавшие несколько десятилетий на руководящих должностях и ответственных сферах хозяйства, приложившие огромные усилия для процветания этой республики, чувствуют себя своими в Беларуси и потому безоговорочно воспринимают эту страну как свою вторую родину:

«У меня две страны родины: где родился – это Гагаузия (не Молдова) и где живу – это Беларусь (здесь живет с 1971 г.). Я не могу отделить одну от другой. У меня одинаково оба пальца болят. У меня две родины и обе мне очень дороги. Я с огромным удовольствием каждый год приезжал с семьей на две недели домой. И после того, как побуду дома, то мне

уже не хотелось оттуда уезжать. Это какая-то аура родительского дома так располагала» [2: Кара Г.Ф.].

Только человек, который смог целиком стать частью данного социокультурного пространства, мог сказать так: *«У меня сегодня потребности в родине нет. Хочется иногда побыть там. Иногда как навеет ностальгия. Наверное, связано с родительским домом, где ты вырос и ходил босиком. В последний раз мы там были три года назад – ездили туда отдыхать со сватами» [2: Кара Г.Ф.].* Некоторые ответы данного респондента дают основание говорить о своего рода «второстепенности» этнической идентичности и сознательном отдалении от происходящих в Гагаузии этномобилизационных процессов. Это отразилось как его подходе к формированию этничности у собственных детей, так и в его отношении к Гагаузии как этнической родине. На вопрос о том: «Имеет для Вас значение Гагаузия, где сконцентрировано этническое ядро этноса?» Он ответил: *«Я бы этому не придавал большого значения. Все же я человек советского воспитания, старой закалки. Мой адрес – Советский Союз» [2: Кара Г.Ф.].*

Отметим, что восприятие Беларуси как родины (ввиду того, что все они являлись частью большой и общей родины – Советского союза), характерно и для гагаузов, переселившихся в Беларусь в постсоветский период (после 1991 г.):

«Моя родина там, где родился – Советский Союз. И сейчас для меня родина – это Советский союз. Она для меня никогда не менялась. Я и в России, и на Украине чувствовал себя как дома. Но в России меня нервировало то, что нужно было каждые 3 месяца выезжать и заезжать. Беларусь для меня тоже родина, как Россия, Украина и Молдавия. Для меня нет разницы» [2: Перчемли Н.Н.].

У одного из респондентов, в прошлом военного, который в силу своей профессии вынужден был при развале Советского союза определиться с родиной и присягнуть ей, она одна – Беларусь. На столь однозначном восприятии, возможно, сказывается и то, что связь с этнической родиной ослабла ввиду того, что он уехал оттуда в 18 лет и родителей уже нет в живых:

«У меня родина – это Беларусь. У меня на родине (с. Конгаз – Е.К.) уже никого нет. Первая и вторая родина – это непонятно. Родина должна быть одна – я так понимаю. Где живу, там и есть моя родина. Моя юность прошла там. После того, как меня забрали в армию, я уехал оттуда и больше там не жил. Туда ездил к родителям и на отдых. Хотя и одна и вторая мне дороги: там прошла юность, а тут я обосновался, пустил корни» [2: Чебанов Н.А.].

И все же многие гагаузы, осевшие в Беларуси и создавшие там свои семьи, очень тосковали по своей малой родине. Трогательными являются воспоминания жены и сына одного из гагаузов из г. Комрат, ныне покойный:

«Мы жили в Браславском районе Витебской области, и муж работал там в колхозе Фрунзе главным агрономом. ... В 1982 г. мы переехали в д. Бычиха Городокского района Витебской области. Там муж работал в совхозе им. Свердлова вначале главным агрономом, а затем много лет в должности директора. Сюда мы переехали потому, что здесь была школа 10-летка и это была цивилизованная деревня. Но самое главное, что моего мужа остановило именно в Бычихе, что здесь у нас проходит железная дорога Петербург (Ленинград) – Кишинев. И каждый день останавливался поезд, окна которого выходили на станцию. Он говорил: “Когда читаю слово «Кишинев», то не чувствую себя оторванным от родины, и знаю, что где-то рядом моя родина, идет поезд в Кишинев”. Не сказала бы, что у него была сильная ностальгия, но по родине он скучал, и туда мы ездили при первой же возможности» [2: Колца А.Б.].

«Трасса на Питер раньше была оживленная. Многие молдаване останавливались у нас, не важно гагаузы или молдаване. Все знали, что там директор из Молдавии, что он может помочь если что-то нужно, машину поставить и т.д. Ну и отцу была близка Бычиха, потому что там станция и там останавливался поезд Кишинев–Петербург. Он говорил: “Я могу в

любой момент сесть и поехать на родину...» То есть от этого у него на душе было спокойствие, и он не так чувствовал себя оторванным от родины» [2: Колца Р.Ф.].

Родина у многих людей связывается с тем маленьким клочком земли, где человек родился и вырос. Чтобы понять, что для тебя значит страна проживания, нужно оттуда надолго уехать и прочувствовать это. Поэтому не всегда размытые ответы респондентов могут быть связаны с состоянием неполной адаптации. Их скорее следует рассматривать как особенности их личного восприятия того или иного периода жизни или страны.

«Родина это Дуруитоаря и Проскуряны Рышканского района (север Молдовы) – я там училась в средней школе после 5 класса, это Бешигиоз и Джолтай. Я по ним скучаю, тоскую, о них я написала большие и не очень большие стихи. ... В Белоруссии я живу более 50 лет. Это место моего творчества. Я фактически начала здесь писать. ... Патетического, гражданского (в моей поэзии – Е.К.) у меня к Белоруссии нет. Свои стихи я писала в Белоруссии, но о ней нет даже слова. Почему-то оно не писалось. Мне здесь далеко от мамы было грустновато. Как-то раз ко мне обратились и попросили написать о Могилеве. Тогда я взяла одно из своих стихотворений и дописала в нем слово Могилев. По Беларуси я не тоскую. Если бы я из нее уехала, то я бы без нее плакала и плакала. Так, когда человек рядом, у тебя все хорошо, ты просто чего-то не замечаешь.

Могу ли я назвать Беларусь своей второй родиной? Родина – это то, о чем тоскуешь, без чего просто невозможно. Я пока по Белоруссии не тосковала. ... Вот когда я вышла на пенсию и поехала к мамочке (жила в Приднестровье – Е. К.) на 9 месяцев – так получилось, тогда я начала тосковать по Беларуси, тогда мне захотелось назад. Мамы уже нет, она похоронена в Бендерах» [2: Сороина Р.Л.].

Другим респондентом и Молдова, и Беларусь воспринимаются равноценно в качестве родины. В связи с этим уточним, что он родился в Беларуси в смешанной семье (в 1968 г.р.), но его детство и юность прошли в Гагаузии (начиная с 7 лет). Спустя почти 20 лет жизни в Молдове, в 1995 г. из-за сложившейся там плохой экономической ситуации он принял решение вернуться в Беларусь: *«Я решил поехать на родину (в Беларусь – Е.К.) – там остались родственники, поэтому было куда ехать. ... А в Гагаузии прошли мое детство и юность, все мое становление происходило там. ... Корни мои тоже оттуда. Одинаково люблю и Молдову, и Белоруссию, поэтому не могу сказать, что какая-то из них первая, а какая-то вторая» [2: Морган А.М.].*

Надо сказать, что для некоторых гагаузов, родившихся в Одесской области Украины, характерен тройной способ идентификации понятия «родина». Место рождения (село) воспринимается ими как малая родина, Гагаузия – как этническая родина, а Беларусь как вторая родина.

Вопрос о том, какую же страну они воспринимают как родину – Украину, Молдову или Беларусь, вызывал у них определенные трудности с идентификацией, поскольку здесь переплетается территориальная, этническая и гражданская идентичности:

«Это сложный вопрос. Смотря с какой точки зрения смотреть. Малая родина – это с. Красное (Одесская область Украины – Е.К.), где я родился и где живут мои ровесники, с которыми я рос. В этом селе жило много гагаузов из других сел – Бешалмы, Бешигиоза, Конгаза... Мои сестры живут в Одессе. А Гагаузия – это как семья, откуда происходит мой род. ... Трудно однозначно сказать. С малой родиной меня не связывают мои национальные корни (село полиэтническое – Е.К.), я там родился, учился, закончил школу... А Гагаузия – это род, это – гагаузы. Это все по-другому. Так получилось, что Гагаузия – это Молдавия, а на самом деле это общая территория вместе с Одесской областью Украины. Поэтому можно сказать, что моя малая родина – это и Гагаузия, потому что это все вместе и есть Бессарабия. Ведь граница, разделяющая эти территории, проходит всего в 10 км от Гагаузии. От моего села Красное до г. Чадыр-Лунга примерно 30 км. ... Мои родители и тети родом из Димитровки – это же тоже Гагаузия. В этом селе гагаузов 99%. Моя бабушка – папина мама родом из соседнего с. Александровка. ... И Александровка, и Димитровка – это

наши родные села, как их оторвешь от Гагаузии. Просто там граница прошла» [2: Кысса И.С.].

Несмотря на то, что в Беларуси респондент чувствует себя как дома, с теплотой относится к белорусам, целиком профессионально реализовался и хорошо зарабатывает, тем не менее ярко выраженная этническая идентичность и патриотизм к своей этнической родине не позволили ему однозначно идентифицировать Беларусь как вторую родину.

«Я очень тепло отношусь к белорусам. ... Когда мы приехали в Беларусь, то сразу почувствовали себя как дома. Белоруссия, в которой я живу уже более 30 лет – с 1989 г., является чем-то между второй родиной и постоянным местом жительства. Я не могу сказать, что она – моя вторая родина» [2: Кысса И.С.].

Основная часть гагаузов Одесской области Украины воспринимает эту часть Буджака и остальную часть Гагаузии – как единый регион – Бессарабию, которую считают своей родиной. Такое восприятие родины было и у другого нашего, ныне покойного, соэтника А.В.И. (уроженца с. Димитровка, Одесской области), о чем можно судить из интервью с его супругой:

«Ну, конечно, родина у него там, он любил туда ездить, скучал. Но работа для него была главнее. Когда он был главным врачом больницы, то иногда по два года не уходил в отпуск, так как шло строительство корпусов и еще чего-то. Его туда тянуло. Его родина – это Украина, Одесская область. Там только считается Украина, но там гагаузские и болгарские села, недалеко молдавское село – там все разбросано... На самом деле это – Бессарабия. Там люди живут совсем по-другому, там Украиной и “не пахнет”. У них там свои законы, свои порядки, и у них с украинцами ничего общего нет. Люди, которые там живут, считают, что они живут не на Украине, а в своей Гагаузии. ... Белоруссия ему нравилась, его сюда что-то тянуло...» [2: Аврамова А.М.].

Одна из информаторов (родом из той же области) на вопрос о родине ответила однозначно: *«Моя родина там, где я родилась – Украина, а Беларусь для меня – это вторая родина, место проживания. Мне здесь комфортно...»* [2: Булгарова С.И.].

Таким образом, восприятие Беларуси как своей второй родины гагаузами, переселившимися в эту республику в советский период, связано с длительностью их проживания в этой стране, с тем, что здесь они создали семьи, обзавелись родственниками, «пустили корни», родили детей и внуков, а также приняли белорусское гражданство. По мере уменьшения частотности контактов с первой родиной, а особенно после ухода из жизни их родителей, усилилось восприятие ими Беларуси как родины. Кроме того, прикладываясь ими на протяжении нескольких десятков лет значительные усилия для развития и процветания этой страны дают им основание, не кривя душой, считать Беларусь своей родиной. Восприятие же Беларуси гагаузами второй волны (переселившимися в постсоветский период) во многом отличается. Оно напрямую связано с протеканием у них процесса адаптации, а также с сохранением ими молдавского гражданства и большей значимостью в их самосознании этнической идентичности.

Библиография:

1. Квилинкова Е. Н. О социокультурной интеграции гагаузов в белорусское пространство // Беларусь у гістарычнай рэтрэспектыве ХІХ – ХХІ стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Гомель, 14 кастр. 2021 г. / А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2021. С. 111-117.
2. Полевые материалы автора – Е. Н. Квилинковой за 2020–2021 гг.
3. Субботина, И. А. Миграция и расселение гагаузов в ХХ–ХХІ вв. / И. А. Субботина // Историческая этнология. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 43–68.

УДК 39(=512.165)

НЕКОТОРЫЕ АРГУМЕНТЫ, ОПРОВЕРГАЮЩИЕ ГИПОТЕЗУ «СЛАВЯНСКОГО» ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГАГАУЗОВ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Никогло Диана,

доктор истории, ст.н.с., конференциар Института культурного наследия, Кишинев, РМ

e-mail: nikoglo2004@mail.ru

orcid id: 0000-0002-0248-8703

Данная работы была выполнена в рамках проекта Института культурного наследия АНМ 11.817.07.20F «Valorificarea pluridimensională a patrimoniului etnocultural ca factor al armonizării și dezvoltării societății Republicii Moldova» (2015–2018 гг.).

Abstract. The article presents a historiographical review of the works, which contain some arguments that refute the hypothesis of the "Bulgarian" Slavic origin of the Gagauz. These are the works of M.N. Guboglo, L.A. Pokrovskaya, G.A. Gaidarzhii, I.F. Greka, A.V. Shabashova, S.S. Bulgar and others. Among such arguments is the thesis about the originality of the Gagauz language, as well as the fact that the basic vocabulary, which includes a system of terms of kinship, pronouns, a system of counting up to ten, are Turkic in origin. In addition, historical factors play a significant role. One of these is the statement of the historian S. Bulgar that the formation of the Gagauz took place not only on the territory of modern Bulgaria, but also in one of the regions of Greece. The population of this region considers themselves to be indigenous people, whose ancestors did not know the Bulgarian language before.

Key words: historiographic review, hypothesis, "Bulgarian" origin, basic vocabulary, historical factors.

Общеизвестно, что в гагаузоведении известны 2 группы гипотез относительно происхождения гагаузов – «тюркская» и «славянская» (или «болгарская»). Сторонники тюркской группы гипотез отстаивают положение о том, что предками гагаузов являются тюркоязычные племена печенегов, узов, половцев. Некоторые не исключают и участие в этом процессе протоболгар.

Адепты «славянской» гипотезы утверждают, что гагаузы это отуреченные болгары, которые, сохранив христианскую веру, приняли под влиянием турок-османов турецкий язык.

Обе группы гипотез не приобрели до сих пор статус устойчивых и аргументированных теорий. Дискуссии о том, насколько несостоятельна или обоснована та или иная версия продолжаются до сих пор.

Сторонниками «славянской» гипотезы выступают главным образом болгарские исследователи. Их аргументы сводятся к тому, что гагаузы являются отуреченными болгарскими, принявшими турецкий язык в период османского господства на Балканах, но сохранившие свою веру.

На основании современных исследований болгарских и молдавских этнологов (Ж. Стаменова, Ж. Пимпирева, С. Средкова, В. Матеева, М. Иванова, Г. Георгиев, Г. Манолова, Е. Водичар, С. С. Курогло, М. В. Маруневич, Е. С. Сорочану, Е. Н. Квилинкова, Д. Е. Никогло и др.) можно говорить о том, что материальная и духовная культура, в частности, обрядовая практика гагаузов и болгар и, тем более, компоненты материальной культуры почти не отличаются друг от друга и представляют собой единый этнокультурный комплекс, который сформировался на Балканах, а потом продолжил свое развитие в условиях Южной Бессарабии. Единый хозяйственно-культурный комплекс, единая религия, общие исторические судьбы не могли не привести к единству этнокультурных характеристик каждого этноса.

Однако, вряд ли можно заявлять об идентичности болгар и гагаузов, опираясь только на сходство материальной и духовной культуры. По словам Ю. Бромлея, ни один из компонентов

культуры не является неперенным этнодифференцирующим признаком, и потому «...этнос характеризует не один какой-то отдельный компонент культуры, а их совокупность, хотя не обязательно всех». Продолжая эту мысль, Ю. В. Бромлей отмечает, что один и тот же признак может быть присущ одновременно и другим этносам [3, с. 19]. От себя добавим, что примером может служить такой элемент традиций питания как плов, который разные народы (казахи, узбеки, таджики, туркмены, арабские народы и т.п.) считают своим национальным блюдом. Специфика проявляется в структурных связях между элементами культуры, количественных показателях, степени интенсивности признаков и т.п. Известными тюркологами (Н. К. Дмитриев, Л. А. Покровская, Н. А. Баскаков, Р. И. Бигаев, П. А. Данилов) было установлено, что гагаузский язык не является диалектом турецкого языка, а представляет собой самостоятельный тюркский язык [13; 14]. Тезис о несостоятельности гипотезы «славянского» происхождения гагаузов поддерживает в своем Курсе лекций по истории гагаузов и М. В. Маруневич [7]. Критическое отношение к этой гипотезе высказывает И. Грек [6;7;8].

В своей книге «Купоран–Ровное: История, культура, люди болгарского села в Буджаке» [6], И. Грек упоминает высказывание болгарского историка Л. Милетича, который условно разделил гагаузов на две группы, т.е. на «болгарских» и «приморских». Жители с. Копаран в Болгарии переселились в Бессарабию и основали там населенный пункт с таким же названием. Сам Л. Милетич отмечал, что в болгарском Купоране проживали славяноязычные болгары, каракачаны а также те самые «болгарские» гагаузы (разумеется, говорившие на своем тюркском языке). И. Ф. Грек указывает на несостоятельность такого разделения гагаузов и не без основания утверждает, что если действительно этим населением были тюркоязычные православные гагаузы, которое «по болгарской гипотезе этногенеза гагаузов, отказалось от болгарского языка, чтобы сохранить свою православную веру, то, как стало возможно, что оно забыло родной язык в условиях, когда рядом проживали православные славяноязычные соседи, продолжавшие говорить на родном языке?»[6, с. 15-17]. Поэтому такая дифференциация гагаузов на две группы, выдвинутая Л. Милетичем, представляется несостоятельной. Вероятно, «следует говорить исключительно лишь о географическом критерии разделения гагаузского этнического массива, но не о каких-то сугубо этнопсихологических характеристиках, то есть о болгарских гагаузах, в большей степени тяготеющих к болгарам, и о приморских (греческих) гагаузах, дифференцирующих себя от болгар» [10, с. 48-76].

Приведем еще некоторые аргументы, обозначенные И. Ф. Греком:

1. Антропонимия с. Купоран содержит немало тюркизированных антропонимов, например, с аффиксом *-огло*, в то время как в соседних селах (Гюлмян, Чумлекьой, Девлет-Агач) этих антропонимов гораздо меньше [10, с. 17].

2. Территория, где имел место процесс формирования гагаузского этноса и, где гагаузы проживали в период османского владычества, в основных своих границах XIV в. соответствовала границам Добруджанского деспотства, которым правили ханы Балик, Добротица, Йанку Добричоглу – куманы по происхождению [2]. Существование Добруджанского деспотства – исторический факт, зафиксированный в ряде документов и подтвержденный в монографии болгарского археолога Г. Атанасова [1].

Лингвистические факторы также подтверждают тот факт, что гагаузы не являются отуреченными болгарам.

О том, что гагаузский язык является самостоятельным языком, принадлежащим огузской группе тюркской языковой семьи свидетельствуют работы Н.К. Дмитриева и Л. А. Покровской. Так, Л. А. Покровская выявила отличия гагаузского языка от турецкого в фонетике, морфологии, лексике и синтаксисе. Исходя из работ лингвистов, можно сделать вывод о том, что специфика гагаузского языка проявляется в напластовании различных языковых элементов, отражающих этнокультурные контакты гагаузов с другими народами во времени и пространстве [11, с. 234-235]. Когда речь идет о лингвистических факторах, то, как правило, внимание уделяется базовой лексике, в которую входят местоимения, система счета до десяти, система терминов родства, термины, обозначающие природные явления,

космогонические представления, лексика, обозначающая явления материальной культуры и др. области, в тех территориальных пределах, где происходило формирование этноса.

Система терминов родства гагаузского языка, как и система счета, также в основе своей тюркская. Впервые к этому вопросу обращается тюрколог Л.А. Покровская. В одной из своих статей она приводит различные группы терминов родства в зависимости от их происхождения. При этом ряд терминов – *каку*, *булю*, *лелю*, *кераца* (старшая сестра, жена старшего брата/жена брата отца/жена брата матери, сестра матери/сестра отца, сестра мужа) – являются болгарскими заимствованиями [12, с. 265]. Интересные сведения о терминах родства у гагаузов содержатся в статье Г. А. Гайдаржи. Так, он сообщает, что «Современные гагаузские обороты *оолунун оолу* «внук от сына», *деденин дедеси* «прапрадедушка», находящие аналогию в некоторых алтайских языках, например, в тувинском, шорском, отражают древнетюркские образцы терминотворчества, утраченные большинством живых языков» [5, с. 186]. Заметим, что указанные обороты не вышли еще из употребления в разговорной речи гагаузов.

Систему терминов родства впоследствии детально изучил украинский этнолог А. В. Шабашов. Чтобы исключить возможные вопросы при изложении видения А. В. Шабашова, отметим, что он подразделяет все термины на три группы: общетюркская этимология (тюрко-огузского происхождения), северно-тюркская (преимущественно тюрко-болгарская и кыпчакская) и славяно-болгарская этимология, которая появилась в результате длительного этнокультурного взаимодействия гагаузов и болгар, начиная еще с пребывания предков гагаузов на территории Балканского полуострова. Поясним, что под тюрко-болгарами исследователь понимает один из остатков гуннской орды, которые появились на Балканах и длительное время господствовали в Северо-Восточной Болгарии, где складывался гагаузский этнос. А. В. Шабашов, в отличие от других гагаузоведов (например, М. В. Маруневич) [15, с. 217] не отвергает участие в этногенезе гагаузов тюрко-болгар.

Напомним, что еще в 1896 г. болгарские археологи братья Шкорпил также высказывали гипотезу протоболгарского происхождения гагаузов. По их мнению, гагаузы являлись остатками аспаруховых болгар, которые переселились на балканский полуостров во второй половине XII в. н.э. и приняли христианство. При этом А. В. Шабашов относит к тюрко-болгарам и тех, кто входил в гуннский союз, и аспаруховых болгар, названных протоболгарами, для того, чтобы показать, что все они являются предками современных болгар. В своей монографии «Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа» (2002) автор, применяя метод сравнительного анализа, выявляет происхождение терминов родства. Этимология некоторых терминов осталась не до конца выясненной.

Заслугой А. В. Шабашова является то, что он вычислил в процентном соотношении количество тюркских и славянских лексем, обозначающих родство. По его сведениям, у гагаузов 60,35 % терминологии родства – общетюркского (тюрко-огузского происхождения), 20,7 % - северно-тюркской (по преимуществу тюрко-болгарской), 18,95 % славяно-болгарской терминологии [15, с. 217]. Такое соотношение, при котором собственно тюркская лексика системы терминов родства составляет свыше 80%, позволяет говорить о том, что в формировании гагаузов ведущая роль принадлежит тюркоязычному компоненту.

А.В. Шабашов указывает и на то, что и терминология, связанная со строительством дома у гагаузов, также является тюркской по происхождению. Если бы гагаузы были отуреченными болгарами, то в данных названиях следовало бы ожидать большего количества славянских (болгарских лексем) [15].

В качестве дополнительных аргументов отметим, что местоимения в гагаузском языке являются тюркскими по происхождению: личные – *bän, sän, sän, o, biz, siz, onnar*, (я, ты, он/она, мы, вы, они); указательные – *bu, şu, o* (этот, тот, онный). При этом от указательного местоимения «о» (онный) – впоследствии образовалось местоимение третьего лица единственного числа «о» (он/она).

Система счета до 10 у гагаузов исключительно тюркская по происхождению: *bir, iki, üç, dört, beş, altı, edî, sekis, dokuz, on*. Кроме того, по наблюдениям специалиста в области

гагаузского языка Г. А. Гайдаржи, в одной из загадок «Ики секиз, бир ондокуз, ўч ирмийлән бир отуз» - отражены древнетюркские образцы сложных форм выражения количества, известны тюркологам по памятникам рунической письменности, язык которых был описан академиком А. Н. Кононовым. Г. А. Гайдаржи поясняет, что «в древнетюркской системе счета ўч ирми обозначает тринадцать, бир отуз – двадцать один».

Важную роль играют и исторические факторы. В этом отношении весьма показательной является работа С. Булгара «История гагаузов с периода средневековья до настоящего времени» [4]. Автор впервые осуществил попытку показать, что предки гагаузов были расселены не только в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии, но и в других регионах Балканского полуострова. Например, на территории Греции в Неа Зихне. Общеизвестно, что гагаузы Орестиады появились в Греции в 1923 г. после обмена населением с Турцией. Ситуация с гагаузами Неа Зихны была иная, т.к. они, в отличие от тех, кто живет в Орестиаде, считают себя коренными жителями Греции. Изучив внушительное количество источников и литературы, автор, утверждает, что часть узов, оставшихся в Византии после их разгрома, была расселена властями империи в греческой Македонии в крепости Зихна, а другая, большая часть, была переселена в Добруджу. Таким образом, С.С. Булгар показывает, что гагаузский этнос формировался не только на территории Добруджи, но и в других регионах Балканского полуострова, в частности на территории современной Греции, например в упомянутой выше крепости Неа Зихна.

Таким образом, среди аргументов, выдвинутых против «болгарской» гипотезы гагаузов, исторические факторы наиболее убедительными являются исторические факторы, связанные с расселением гагаузов (И.Ф. Грек, С.С. Булгар). Немаловажную роль играют и лингвистические факторы. Работы исследователей в области лингвистики свидетельствуют о том, что гагаузский язык обладает определенной спецификой и является самостоятельным языком, принадлежащим огузской группе тюркской ветви алтайской языковой семьи.

Библиография:

1. Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Велико Търново, 2009.
2. Божилов А., Гюзелев В. История на България в три тома. Том I. История на Средновековна България VII-XIV век. Пловдив: Анубис, 1999.
3. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии М., 1981.
4. Булгар С.С. История гагаузов с периода средневековья до настоящего времени. Комрат: Научно-исследовательский центр Гагаузии, 2021.
5. Гайдаржи Г. А. Гагаузский язык // Российский этнограф. Альманах. Вып. 17. М.: Б.и., 1993. С. 184-199.
6. Грек И. Ф. Купоран – Ровное: История, культура, люди болгарского села в Буджаке. [Chisinau]; Измаил, 2018.
7. Грек И. Ф., Руссев, Н. Д. 1812 – поворотный год в истории Буджака и задунайских переселенцев. Кишинев, 2011.
8. Грек И. Ф. Черные болгары: этническая история и историческая судьба // Stratum plus, № 6, 2013. С. 307-331.
9. Маруневич М. В. История гагаузского народа. Курс лекций. 2001 г. Рукопись.
10. Никогло Д. Е. Научные труды Ивана Федоровича Грека по гагаузоведению // Буджак: от прошлого к настоящему. Сборник статей к 80-летию Ивана Федоровича Грека. Кишинев: Б.и., 2019, с. 48-76.
11. Никогло Д.Е. Отражение специфики гагаузского языка в научной литературе (историографический обзор. //Международная научная конференция «Сохранение культурного наследия в странах Европы» г. Кишинев 25-26 сентября 2008 г. Chisinau, 2008, с. 230-235.
12. Покровская Л. А. Гагаузские термины родства // АП, Вып.1. Санкт-Петербург, 1995, с. 260-267.

13. Покровская, Л.А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // Советская этнография. 1974. №1, с. 139-144.
14. Покровская, Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
15. Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.

УДК 394.3

МОЛОДЕЖНЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ БОЛГАРСКИХ ГАГАУЗОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ КОНЦА XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВВ.

Сырф Виталий

доктор филологических наук, КГУ, мун. Комрат, Республика Молдова

e-mail: vsirf.64@gmail.com

orcid.id:0000-0001-7269-7909/

Abstract. For the first time in cultural studies, this paper explores, based on published works of the late 19th – mid 20th centuries, a system of play and entertainment traditions in the spiritual life of Gagauz youth in the Bulgarian Dobrudja. Little-studied works on these issues, by such authors as the Czech historian Konstantin Jireček, the Bulgarian local historians Hristo Doktorov and Atanas Manov, and the Polish Turkologist Włodzimierz Zajączkowski, are subjected to analysis. Conclusions are made about the distinctive features of the studied segment of the traditional everyday culture of the people in comparison with the game thesaurus of the Bessarabian Gagauz, presented at about the same time by the Russian ethnographer Valentin Moshkov.

Key words: young people, games and entertainment, Gagauz of the Bulgarian Dobrudja, publications, comparative analysis.

Описаний собственно игр и развлечений, а также исследований, посвященных изучению игровых традиций в духовной культуре гагаузов, известно науке относительно немного. Несмотря на имеющиеся текстовые материалы о них, разбросанные в разных изданиях, монографически они до настоящего времени не изучены. Незначительное число публикаций представлено по отдельным, более частным вопросам, связанным с игровой культурой гагаузов, при этом обращают на себя внимание следующие моменты: а) отсутствует специальный сборник текстов игрового фольклора; б) недостаточно рассмотрены народные детские игры, игры спортивного характера, игры с драматическим или театрализованным действием; в) не ясна до конца роль народной игры как способа обучения и воспитания, как механизма передачи от поколения к поколению традиционной культуры вообще. Поэтому каждая такая работа вызывает несомненный научный интерес, да еще с учетом того, что изданы они в основном в конце XIX века и на протяжении всего XX века, когда традиционная культура гагаузов еще продолжала сохранять свое бытование, пусть и в редуцированной форме.

Ранее нами рассматривались игровые традиции и игровой фольклор гагаузов Бессарабии в научном наследии известного российского этнографа В. А. Мошкова (1852–1922) [1]. Благодаря представленным текстовым материалам, снабженных в ряде случаев иллюстрациями, В. А. Мошковым произведена первичная классификация игровых развлечений бессарабских гагаузов, он снабдил данный свой очерк, посвященный данной теме, не только тщательно выверенным материалом, но и обильным рядом примечаний сравнительно-исторического характера. В настоящей же работе речь пойдет о публикациях различных авторов, в которых затрагиваются вопросы молодежных игровых забав и развлечений на территории Добруджи.

Самая ранняя публикация, в которой мы находим полевые материалы, связанные с игровыми традициями гагаузов Болгарии, принадлежит перу видного чешского историка Константина Иречека (1854–1918). В ней автор описывает игру под названием *тавшан ойуну* (заячья игра): «Варненский окръжен училищен инспектор господин Милан Радивоев из Елена, комуто аз има да благодаря за много данни върху тая местност, в едно писмо от 10 ноемврий 1884 год. ми дава подробно описание на „играта заек“ (таушан ойуну), която Гагаузите изпълняват преимущественно през свадби. „След наслаждението с питиета и ястия от тържественното пиршество някой млад Гагаузин се преоблича на заек. Двете си емении той вързва на главата си за да изобрази две големи уши, после облича някой кожух наопаки, маскира си лицето и тогава почева под звукове на гайда да скача като заек и с тропот да играе”» [2, с. 237].

(Варненский окружной школьный инспектор господин Милан Радивоев из Елены, которому я благодарен за множество данных о той местности, в одном письме от 10 ноября 1884 года сообщает мне подробное описание «заячьей игры» (таушан ойуну), которую гагаузы исполняют преимущественно во время свадеб. „После наслаждения от питья и яств на торжественном пиршестве какой-нибудь молодой гагауз переодевается в зайца. Две своих туфли он завязывает на голове, изображая два больших уха, потом надевает какой-нибудь кожух наыворот, маскирует лицо и тогда начинает под звуки гайды скакать, как заяц, и с топотом играть”)

Кроме того, в другой своей работе К. Иречек пишет, что данная игра существовала в Добрудже до того, как сюда переселились татары [3, с. 826].

Об этой же игре у гагаузов Болгарии сообщает в своей заметке болгарский автор Христо Докторов. Он предпринимает попытку проинтерпретировать и проанализировать некоторые обрядовые элементы, выраженные через понятия и термины. Так, в отличие от К. Иречека, у него она называется *коян ойуну* (заячья игра), при этом, как утверждает Хр. Докторов, слова «коян, коз, кумъс, шитлаук» (заяц, орех, кумыс, чечевица) – это татарские слова, которых болгары не знали, они их позаимствовали от добруджанских татар [4, с. 5]. Следовательно, и сама игра, по мнению автора, как бы она там не называлась, является татарской по происхождению.

Отдельные материалы, посвященные интересующей нас теме, опубликованы болгарским краеведом и деятелем культуры А. И. Мановым (1862–1958) [5; 6]. Об этом автор говорит на протяжении всей второй главы второй части своей книги «Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави» (Происхождение гагаузов и их обычаи и нравы), где последовательно предоставляет читателю возможность познакомиться с такими обычаями, как *зияфет* (угощение), игры молодежи, помолвки, свадьба [6, с. 97-110]. Так, в зимнее время молодежь устраивает вечеринки, на которых затекает различные игры и развлечения: *юзюк* (перстень), *кабак* (тыква), *каршыламаджа* (друг против друга) [6, с. 98-99]. В остальных случаях молодые гагаузы любят играть в следующие игры: *ашык* (игра в бабки), *омада* (игра с камнем), *чар* (позови), *есир алмаджа* (взятие в рабство), *узун ешек* (длинный осел), *юмаджа* (прятки) [точнее: *юманджак* – С. В.], *тура* (полотенце с узлом на конце), *юшюдюм* (замерз я), *хамам оюну* (игра в носильщики) [6, с. 99-103].

В качестве примера приведем описание последней игры: «Разделят се момчетата на две групи. Едната част се нарежда в кръг, като се хващат играчите за раменете си. Другата част стои около първата. Един от стоящите вън от кръга става вардач, като държи в ръката си пояс или въже, на което единият край се държи от одного от стоящите в кръг. Стоящите вън от кръга (вторите) се стараят да се качат на гърба на първите, а оня, който би се спуснал да се качи, бива посрещнат от вардача, който се старае да го удари с крака си, гонейки го колкото позволява дължината на пояса. Вторите слизат от гърба на първите и се качват и на другите от първата група и т. н. Ако вардачът удари някого с крака си, тогава става смяна» [6, с. 102-103] (Мальчики разделяются на две группы. Одна часть выстраивается в круг таким образом, чтобы ухватиться за плечи игроков. Другая часть стоит рядом с первой. Один из стоящих вне круга становится сторожем, для чего держит в своей руке пояс или канат, один из краев которого

держит кто-либо из стоящих в кругу. Стоящие вне круга (вторые) стараются взобраться на спину первых, а тот, кто спускается после того, как вскочил, бывает встречен сторожем, который старается ударить его своей ногой, гоняя того, насколько позволяет длина пояса. Вторые слезают со спины первых и взбираются и на других от первой группы и т. д. Если сторож ударит кого-нибудь своей ногой, тогда наступает смена)

Польский тюрколог Влодзимеж Зайончковский (1914–1982), исследовавший не только собственно язык и фольклор гагаузов Болгарии, но и связанные с ними отдельные элементы их традиционно-бытовой культуры, в самой крупной своей работе приводит описание различных этапов свадебной обрядности, сопровождаемых забавами и развлечениями молодежи. Записи были сделаны им в селах Винаца (ныне – квартал города-порта Варна) и Брестак [7, с. 91-97, 99].

Таким образом, по сравнению с более богатой коллекцией игровых забав и развлечений, собранной В. А. Мошковым у бессарабских гагаузов, игровые традиции гагаузов Добруджи имеют свой комплекс данного элемента духовной культуры народа, который в большинстве случаев отличается от первого и в то же время в ряде моментов перекликается с ними [в таких играх, как *ашык* (игра в бабки), *узун ешек* (длинный осел), *юманджак* (прятки), *хамам оюну* (игра в носильщики)]. Отличительные особенности исследуемого сегмента традиционно-бытовой культуры народа у болгарских гагаузов связаны с иной этнокультурной средой проживания. В целом их игровая культура требует дальнейшего изучения в сравнительно-историческом, сравнительно-культурном и типологическом плане.

Библиография:

1. Сырф В. Игровые традиции гагаузов в научном наследии В. А. Мошкова // Simpozionul Național de Studii Culturale, dedicat Zilelor Europene ale Patrimoniul Cultural. Ediția a II-a. Chișinău, 24 septembrie 2020. Rezumate ale comunicărilor. Chișinău, 2020, p. 94–95.
2. Иречек К. Няколко бележки върху остатоците от печенези, кумани, както и върху тѣи наречените народи Гагаузи и Сургучи в днешна България // Периодическо списание на Българско книжовно дружество в Средец. Кн. XXXII и XXXIII. Средец, 1890, с. 211-241.
4. Иречек К. Княжество България. Ч. 1-2. Пловдив, 1899.
5. Докторов Хр. «Заешка игра» у гагаузите в Добрич // Известия на Варненското археологическо дружество. Кн. V. Варна, 1912, с. 5-6.
6. Манов А. И. Обичаи на гагаузите въ Варна // Известия на Варненското археологическо дружество. Кн. III. Варна, 1910, с. 24-30.
7. Манов А. И. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. В 2 ч. Варна, 1938.
8. Zajączkowski Wl. Język i folklor Gagauzów z Bulgarii. Kraków, 1966.

7.3.3.РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 377.5:75(478-21)

РОЛЬ ДХШ В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДХШ ИМ.Д.Д.ЕРЕБАКАНА)

Ворникова Наталья,

магистр пед.наук, директор ДХШ им.Д.Д.Еребакана, Чадыр-Лунга, РМ

e-mail: vornikova_84@mail.ru

Abstract. The article discusses various aspects of educational work in the Children's Art School of the city of Ceadir-Lungi. The development of creativity and research competence of schoolchildren is combined with the tasks of educating the younger generation. The forms of such work are participation in competitions and conferences, organization of school events

Key words: children's art school, educational work, art education, competitions, research work

Художественное образование – это определенные процессы с помощью которых происходит осознание, идентификация и присвоение человеком художественной культуры своего народа и человечества в целом, при помощи чего развивается и формируется целостная личность, ее духовность, индивидуальность, эмоциональное и психологическое обогащение.

Первой ступенью профессионального художественного образования в Республике Молдова является Детская художественная школа (ДХШ), основанная на классическом академизме, охватывающая детей подросткового возраста. Это место, где воспитанник на протяжении 4-5 лет будет обучаться специальным предметам: рисунку, живописи, станковой и декоративной композиции, скульптуре и истории изобразительного искусства.

Районная детская художественная школа им. Д.Д. Еребакана носит звание самой старой в Гагаузии, так как была основана первой на юге в далеком 1970 году. За свое существование школа выпустила свыше 760 выпускников, часть которых продолжили обучение в художественных вузах Молдовы, Приднестровья, ближнего и дальнего зарубежья. Чадыр-Лунгская детская художественная школа им. Д.Д. Еребакана осуществляет охват не только городских ребят, но и других населенных пунктов: с. Гайдари, с. Бешгиоз, с. Казаклия, с. Баурчи, с.Валя –Пержей, с. Кортен, а так же г. Твардица. Этому способствует наличие междугородного транспорта или доставка учащихся родителями из других населенных пунктов.

Предоставляемые образовательные услуги в ДХШ направлены на профессионализм (учебный процесс, приобретение художественных навыков, стимулирование учеников с помощью участия в проектах разного уровня в области искусства), на потребности современного общества (востребованность профессии), популяризацию национального искусства (выставки, экскурсии, конкурсы, арт- фестивали и др.). Помимо учебного процесса в школе большое внимание уделяется досуговому времяпровождению учащихся, проводится значительное количество мероприятий, которые укрепляют ученический коллектив и повышают мотивацию к обучению, это экскурсии, посещение выставок современных художников, мастер- классы, квесты, конкурсы районного, регионального, республиканского и международного значения, участие в ученических конференциях международного уровня, а так же патриотические мероприятия (9 мая, Мэрцишор, Пасха, Рождество, день Независимости Гагаузии, Касым и др.)

Для большего сплочения ребят руководством совместно с коллективом ДХШ в свое время были внедрены мероприятия, ставшие уже традиционными:

- Посвящение в юные художники первоклассников ДХШ, с целью побуждения их к творческой, познавательной и практической активности.

- Вечер встречи с выпускниками ДХШ разных лет обучения, с целью поддержания контактов с выпускниками, отслеживания их творческого пути, если они связали свою профессию или хобби с искусством, налаживание контактов для дальнейшего взаимодействия (молодые специалисты, совместные выставки, симпозиумы, арт проекты и др.).

- Конкурсы исследовательских проектов и школьных конференций «Искусство Родины»[1] и «Европейское искусство XIX - начала XIX веков», ставшие традиционными для учащихся 4-х классов. Целью мероприятия является вовлечение выпускников в исследовательскую деятельность. При подготовке проектов ученики сами собирают материалы (фото артефактов из музеев Гагаузии и Историко-краеведческого музея Кишинева); берут интервью у художников-современников, если проводят исследование творческого пути этого художника; проводят анкетирование среди учащихся школы с целью подсчета мнений и сбора статистических данных в области своего исследования.

- Ежегодное участие (очно и заочно) во Всероссийской школьно-исторической конференции с международным уровнем, где работы наших ребят поощряются дипломами и сертификатами. Активно выводит учащихся ДХШ им. Д.Д. Еребакана на международную арену школьных конференций наш педагог по истории изобразительного искусства, доктор философии Папцова Алла Константиновна[2].

15 февраля 2020 года группа учащихся ДХШ в лице Баловой Анастасии, Папцовой Хельги, Хицук Максима и Баловой Анны, под руководством Аллы Константиновны прибыла и выступила на конференции с интересными докладами, которые были высоко оценены и поощрены дипломами и сертификатами.

Кроме того, ДХШ им. Д.Д. Еребакана активно сотрудничает с правительственными и неправительственными организациями, такими как PRO-Europa, Essedis, Центр детей и юношества ARTICO, Ассоциацией народных умельцев Гагаузии, с Комиссариатом полиции Чадыр-Лунгского района и др. принимая участие в конкурсах детского рисунка на уровне города, района, республики или международных площадках:

- В рамках подготовки к празднованию Международного дня прав человека, Парламентом Республики Молдова в партнерстве с Офисом Верховного Комиссариата ООН по правам человека и посольством Швеции 9 ноября 2019 года был проведен творческий семинар для учащихся художественных школ Молдовы «Drepturi cu Voce Tare-Rolul tinerilor în asigurarea drepturilor omului». Из ДХШ им. Д. Д. Еребакана приняли участие 8 воспитанников, 4 из которых заняли призовые места, это Папцова Хельга, Кожокар Эльвира, Балова Анастасия и Карапунарлы Яна.

- Конкурс, организованный Центральной избирательной комиссией «Я рисую выборы!» в преддверии выборов Башкана Гагауз Ери. 2 призовых места Иванова Татьяна -1 место и Стефогло Людмила – 3 место.

- Районный конкурс рисунков «Господарь Штефан Великий в видении детей», прошедший в 2018 году, 2 призовых места. Иванчева Елена-1 место, Бабаян Мария- 2 место.

- Международный конкурс детского творчества «Восходящие звезды»-2020, декабрь 2020 года, 12 призовых мест.

- Республиканский конкурс, организованный Центром детей и юношества ARTICO г. Кишинев «Мир глазами детей» - 4 призовых места. Орманжи Ксения- 1 место, Карапунарлы Яна -3 место, Ларионова Мария и Самси Николай за оригинальность исполнения.

- Международный фестиваль детского и молодежного художественного творчества «Я рисую свой мир и дарю его вам» (Россия, Брянская область г. Новозыбков) проводимый до 1 июня 2021 года, предоставлено 29 работ.

- Региональный конкурс, проводимый Главным Управлением культуры и туризма Гагаузии «Гагаузия, обычаи и обряды» апрель 2016 года, 3 призовых места: Людмила

Стефогло – 2 место (возрастная категория 8-12 лет), Маринова Алина -2 место (возрастная категория 14-18 лет), Литвинова Лидия -3 место (возрастная категория 14-18 лет).

- Региональный конкурс «Пасхальный перезвон» май- июнь 2021 года-1 гран-при Караджова Мария.

-Региональный конкурс от Главного управления культуры и туризма среди художественных школ Гагаузии «Нарисуй свою сказку» май 2021 года . И многое другие.

Так же внеклассные мероприятия дополнены тематическими выставками работ учащихся ДХШ им. Д.Д. Еребакана, на что они с легкостью откликаются, это онлайн выставки к 9 мая «Мы пришли к тебе победа!», «Мэрцишор-2021», выставка, приуроченная к 8 марта и ко дню независимости Гагаузии, проведенные в период пандемии.

Возвращаясь к самому учебному процессу в ДХШ хочется отметить, что на занятиях по специальности в аудиториях витает дух творчества, благодаря хорошей непринужденной атмосфере ребятам удастся генерировать удивительные, креативные идеи, воспринимать окружающий мир через призму своего творческого восприятия.

Взаимодействие педагогов-наставников и учеников всегда двусторонни, дети приобретают опыт на практике, знания, умения и навыки в области изобразительного искусства, сформировывают свое видение порой нестандартное и необычное. А педагоги учатся быть непосредственными, заряжаются новыми идеями, работая с детьми, что помогает и им реализовывать свой педагогический и творческий потенциал.

Обществу нужны творческие люди, привносящие в обычные стандартные рамки новизну, креатив и нестандартный подход. Искусство всегда будет востребовано обществом, так как оно дает нам возможность задуматься о своей самобытности, своей культуре, дарит нам возможность наслаждаться красотой вокруг нас, видеть мир цветным и широко открыв глаза, смотреть в будущее.

Библиография:

1. В районной художественной школе прошел конкурс исследовательских проектов «Искусство Родины» [Электронный ресурс] <https://www.grin.md/v-rajonnoj-hudozhestvennoj-shkole-proshel-konkurs-issledovatel'skih-proektov-iskusstvo-rodiny/>Дата обращения: 20.01.22
2. Ученики из Гагаузии приняли участие во Всероссийской исторической конференции в Москве [Электронный ресурс] <https://gagauzinfo.md/top1/39059-ucheniki-iz-gagauzii-prinyali-uchastie-vo-vserossiyskoy-istoricheskoy-konferencii-v-moskve.html>Дата обращения: 20.01.22

УДК 377.5:75(478-21)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЧАДЫР-ЛУНГСКОЙ ДХШ ИМ. Д. ЕРЕБАКАНА

Дулогло Федор,
преподаватель ДХШ им.Д.Д.Еребакана, Чадыр-Лунга, РМ
e-mail: duloglof@inbox.ru

Abstract. The article deals with the problems of additional art education in Moldova on the example of the experience of organizing the work of the school for half a century of history. The difficulties and development trends that had to be overcome at each stage of development are indicated.

Key words: children's art school, art education, museums, curricula

На территории будущей Гагаузской Автономии первая художественная школа была открыта в Чадыр-Лунге в 1970 году. Ее более чем полувековой опыт может быть основой для

выявления тенденций в развитии художественного образования Республики Молдова. Первым директором школы стал выпускник художественного училища им. И.Репина, ныне колледж им. Плэмэдялэ, Еребакан Дмитрий Дмитриевич[1]. Проработал он в школе всего 5 лет, но благодаря его кипучей энергии, за этот период создана хорошая материальная база, основой которой до сих пор пользуется школа. Материальная база включает в себя мольберты, скульптурные станки, натюрмортный фонд, фонд гипсовых слепков с античных голов и фигур. Но не только хорошими организаторскими способностями отличался Дмитрий Еребакан. Он был творческой личностью, талантливым художником. Учащиеся не просто получали навыки в изобразительном искусстве, они погружались в атмосферу творчества, посещали выставки и музеи не только Молдовы, но добирались и до крупнейших музеев Москвы и Ленинграда.

Одной из проблем в 70-80-е годы и вплоть до начала 90-х, была проблема кадров. Трудно было найти специалистов со специальным образованием. А из-за низкой зарплаты преподаватели на долго не задерживались. Но со временем эта проблема решилась. Многие бывшие учащиеся школы вернулись в Чадыр-Лунгу после обучения в художественных учебных заведениях и проблема с кадрами отпала. В настоящее время коллектив преподавателей стабильный, и давно уже нет текучести кадров.

В советское время активно работал Республиканский методический кабинет при Министерстве культуры МССР, где многие годы работал прекрасный специалист, энтузиаст своего дела, методист по художественным школам Орлов Андрей Михайлович. При его содействии в республике раз в два года организовывались Республиканские выставки работ учащихся детских художественных школ. Так же раз в два года проводились республиканские выставки преподавателей художественных школ, средних-специальных и высших учебных заведений изобразительного искусства. Участвуя в подобных выставках преподаватели как бы обменивались своим творческим опытом, следили за новыми тенденциями, тем самым совершенствуя свое творческое мастерство, что положительно влияло и на преподавательский уровень. Регулярно проводились семинары для директоров художественных школ, на которых рассматривались вопросы методики преподавания дисциплин, преподаваемых в школе. При Министерстве культуры регулярно организовывались курсы усовершенствования директоров и преподавателей художественных школ.

Распад СССР, создание независимого государства Республики Молдова, демократизация общественной жизни обернулись большой степенью свободы творчества, но меньшими материальными возможностями: финансирование было уже не столь щедрым и постепенно ушли в прошлое экскурсионные поездки в Москву и Санкт-Петербург. Прекратил свою работу методкабинет Министерства культуры, в следствии чего перестали организовываться республиканские выставки учащихся и преподавателей Детских художественных школ. Но как положительное явление стало открытие в г. Комрате Региональной картинной галереи в 2006 году. Появилась возможность преподавателям и учащимся художественных школ Гагаузии участвовать в различных творческих проектах. Так, например, стало традицией проведение выставок учащихся Детских художественных школ, приуроченных к Дню защиты детей. Как положительное явление можно отметить и создание Управления культуры Гагаузии и должности методиста по художественным и музыкальным школам, а так же создание отделов Образования, молодежи и спорта при районных администрациях. Однако в этих отделах работают люди с непрофильным образованием, без понимания специфики работы в сфере преподавания изобразительного искусства. Поэтому пользы от создания этих структур нет никакой. Настоятельной проблемой в начале 90-х годов стала разработка новых учебных планов и программ. И только благодаря большому опыту преподавателей школы эта проблема была успешно решена. Особенно большие изменения постигли программы по декоративной композиции и по истории изобразительного искусства.

Важным фактором облегчения доступа к информации для преподавателей и учащихся школы является развитие информационных технологий. Каждый кабинет укомплектован компьютером или ноутбуком, в большинстве кабинетов установлены цветные принтеры. В

кабинете истории искусств установлен мультимедийный проектор. Обеспечен доступ к интернету. Все это способствовало повышению уровня преподавания.

Радостным событием для учащихся и преподавателей стало строительство Школы искусств[2]. Однако, когда после завершения строительства стали распределять помещения для Художественной Музыкальной школы, Дома детского творчества, выяснилось, что для Детской художественной школы количество выделенных помещений меньше, чем в ныне существующем здании. А ведь мы планировали в новых помещениях открыть класс компьютерной графики, подготовительные группы, вечерние классы для взрослых. Выходит, что нашим планам не суждено сбыться. Однако, мы все же надеемся, что мудрость наших руководителей позволит сделать так, чтобы все детские организации разместились комфортно. И это не сложно сделать, если Детскую музыкальную школу оставить на прежнем месте, тем более, что прежнее место их больше устраивает, чем новое. Оно более приспособлено для школы.

В заключении можно сделать следующие выводы: высокая значимость создания условий для развития творческого потенциала детей обусловила сохранение значения дополнительного специализированного художественного образования. Однако путь к мастерству пролегает через преодоление сложностей, обусловленных социокультурным контекстом эпохи.

Библиография:

1. Детская художественная школа им.Д.Еребакана мун.Чадыр-Лунга [Электронный ресурс] <http://kultura-ge.md/index.php?newsid=706> Дата обращения 20.01.22
2. Школа искусств в Чадыр-Лунге будет сдана в ближайшее время [Электронный ресурс] <https://gagauzvedomosti.md/2021/02/15/shkola-iskusstv-v-chadyr-lunge-budet-sdana-v-blizhajshee-vremya/> Дата обращения 20.01.22

УДК 94(477.7) «199/202»

РАБОТА ДЕПУТАТОВ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЗА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЫ БАЛКАНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ГОРОДА БОЛГРАДА КАК ЦЕНТРА АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XX НАЧАЛЕ XXI В.В.

Кальчев Борис

депутат Болградского районного совета Одесской области

e-mail: vestnik_kp@ukr.net

Abstract. The article is devoted to the work of the deputies and the public for the preservation of the historical and cultural capital of the Balkan settlers, the city of Bolgrad, as the center of the administrative region in the late 20th and early 21st centuries. Ultimately, the Bolgradsky district was preserved and enlarged, it included the former Artsizsky and Tarutinsky districts and one village of the Izmailsky district.

Key words: Bolgrad, Balkan settlers, Bulgarians, Gagauz, region

За свою двухсотлетнюю историю город Болград совместно с городом Комрат, на протяжении 170 лет находились в составе единого государств. В 1821-го по 1856 гг. и с 1878-го по 1918 гг. в Российской империи, с 1856-го по 1859 гг. – в Молдавском княжестве, с 1859-го по 1878 гг., с 1918-го по 1940 гг. и с 1941-го по 1944 гг. – в королевской Румынии, с 1940-го по 1941 гг. и с 1944-го по 1991 гг. – в СССР.

Волею исторических событий последние 30 лет Комрат и Болград находятся в разных странах. Происходящие процессы после развала Советского Союза во многом идентичны. На Украине, как и в Молдавии, неоднократно осуществлялись попытки проведения

административно - территориальной реформы. Проживающим по соседству с нами комратчанам удалось погасить кипевшие на юге Молдовы страсти в начале 90-х годов, добиться принятия парламентом Молдовы 23 декабря 1994 Закона на основе разработанного проекта «Гагауз Ери». Гагаузия получила долгожданную автономию. В нашем же регионе в начале 90-х годов, из-за трусливо-выжидательной позиции районного руководства, мы не смогли объединить всех балканских переселенцев в одну административно – территориальную единицу. Шансы были, но не нашлось сил, способных быть более твердыми в решении этого вопроса. Честно признаемся: руководство района жители поддержали бы тогда, в том числе жители соседних районов. Но в то время, и в тех условиях у местной «элиты» не хватило смелости идти до конца. Существовавший тогда менталитет бессарабцев позволял это осуществить, да и период был подходящий. Решением Болградского райсовета 1 декабря 1991 года, во время проведения Всеукраинского референдума, был проведен местный референдум, в котором 82,8% избирателей, пришедших на избирательные участки, поддержали идею преобразования района в национальный округ. Но о его результатах попросту забыли. Видя такое отношение районного руководства, власти независимой Украины предпочли просто «не заметить» референдума в Болграде (впрочем, как и в Закарпатской области). Город Болград со дня своего основания в 1821 году, исторически объединяет вокруг себя десятки болгарских и гагаузских сёл. Представители этих национальностей составляют около 90% населения, и он всегда оставался административным центром. На протяжении прошедших лет границы района менялись, но никогда речь не шла о его ликвидации. Первые заявления о необходимости административно-территориального переустройства появились в начале получения независимости, затем в 1997-м и 1998 годах, во второй раз об этом заговорили в 2005 году, после этого в 2011 г. Видя негативное отношение к предполагаемым новшествам, идею проведения реформ всё время откладывали.

Остаётся только догадываться, почему за годы обретения Украиной самостоятельности во всех вариантах предполагаемых изменений, Болградский район всегда планировали присоединить к соседним, в том числе, с меньшей численностью. Вскоре, после т. н. Евромайдана, на Украине решили провести админреформы и децентрализацию. Весной 2014 года были приняты Концепция реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти, а 5 февраля 2015-го – Закон «О добровольном объединении территориальных громад». Реформа предусматривала изменение роли районов и их укрупнение: вместо 450 районов должны быть созданы около 100. Уровнем ниже - новая административная единица — объединённая территориальная громада (ОТГ) – объединение ряда сёл, посёлков или городов, которая могла бы самостоятельно содержать и финансировать всю социальную сферу. Таким образом, хотели втрое уменьшить количество районов и почти в семь раз меньше общин (сельских и городских советов). Хотя в самом названии Закона говорится о принципе **добровольности** объединения, но с начала проведения децентрализации, чиновники из Одессы и Киева предлагали различные пути расчленения Болградщины: на две, три, четыре и пять громад. Сам же район предполагалось в рамках "укрупнения" влить в новый "большой" район с центром в Измаиле, куда также должны были включить территории существовавших Измаильского, Килийского и Ренийского районов. В начале 2020 г. появилась ещё одна идея, часть района передать Измаильскому, а северные села Арцизскому. Естественно с подобными вариантами не было согласно как большинство населения, так и все депутаты райсовета (к мнению которых логично было бы прислушаться).

Жители сел Болградского района, да и в целом юга области, не очень хотели «добровольно» объединяться. Наши села достаточно крупные, а некоторые из них очень крупные со своей развитой инфраструктурой.

Многих успокаивало и обнадеживало, что всё будет происходить так, как решат сами жители сёл и городов. Но не тут-то было. Законодатели предусмотрительно убрали положение о проведении референдумов по вопросам объединения населенных пунктов и ввели положение о том, что эти вопросы будут решаться на собраниях общественности, не указав при этом, какое же количество жителей того или иного села/города должно на них

присутствовать. В Законе также не предусмотрено право выхода из громады. На возникающие вопросы авторам документа, почему расписано, как можно войти в громаду, а о порядке выхода ни слова, получили ответ: «А зачем выходить?».

Одновременно, в этот же период, при молчаливом согласии руководителей райгосадминистрации, район «сдавали». Из Болграда в Измаил и Рени переводили государственные организации и учреждения: прокуратуру, милицию, налоговую инспекцию, пенсионный фонд, отдел статистики и др.

Особое беспокойство и тревога появились после того, как активизировалась работа власти по реализации этого Закона. Стало понятно, что вскоре Болградский район как административно-территориальная единица может прекратить свое существование и вместо него появятся несколько ОТГ, которые войдут в соседний район.

Районный совет, общественные организации и просто неравнодушные граждане забили тревогу. Депутатами райсовета и представителями национально – культурных обществ болгар, гагаузов и албанцев были опубликованы множество статей, писем и обращений в различные инстанции с требованием, чтобы в процессе административно-территориальной реформы сохранить Болград как административный центр.

Поскольку новую территориально-административную реформу хотели провести и без учета этнического фактора, сформированного на протяжении долгого исторического пути, в 2016 г. решением сессии райсовета была создана рабочая группа по укрупнению района.

Узнав об отрицательном восприятии реформ, их инициаторы и авторы стали чаще приезжать на юг Одесчины активизировать и стимулировать процессы децентрализации, рассказывать о прелестях предлагаемых нововведений. Особую активность в это время проявляли различного рода грантоедческие организации. Работники министерств и ведомств Украины страшили: кто добровольно до назначенного времени не объединится, будут объединены решением вышестоящих органов власти. А проще говоря – принудительно. Вячеслав Негода, первый заместитель Министра регионального развития, строительства и ЖКХ открыто заявлял «Щодо Болградського району. Його не буде». Ну, если мнения киевских панов как-то можно объяснить, то трудно было понять позицию «основателя общественной организации "Центр развития Бессарабии" Виктора Куртева, который публично предлагал забыть глупую идею о Болградском районе. Заверял, что «сделает всё возможное для того, чтобы Болград не был райцентром, что Болградский район как административно-территориальная единица больше существовать не может». Горячим сторонником предполагаемых преобразований выступали назначенные из Киева председатели райгосадминистраций. Руководители сельских советов, чьи села могли стать центром общины, куда планируют включить соседние населённые пункты, видели себя председателем «минирайсовета» или «суперсельсовета», также истово поддерживали все предлагаемые новшества. Параллельно для них организовывались турне по Европе и областям Украины – «для ознакомления с положительным опытом проводимых реформ». Эти вояжи широко освещались местной прессой. По возвращению в Болград они даже слышать не хотели о сохранении района. Получив мощную поддержку от различных структур, они готовы были на формирование любых конфигураций ОТГ и давали согласие на их включение в другие районы. Сторонников сохранения и укрупнения района упрекали во всём, объявляли «врагами народа», «саботажниками реформ», «ретроградами», и т.д. и т.п. Неоднократные обращения к Верховной Раде, Президенту Украины и Кабинету министров Украины и аналогичных писем Президенту и премьер-министру Болгарии с просьбой сохранить наш район, встречали сопротивление со стороны чиновников из Киева. Они заявляли: «То, что вы своими обращениями нарушаете законы, - плохо, и этим действиям дадут соответствующие выводы другие органы», «Болградские депутаты втянули Украину в международный скандал» и «Болградский район сейчас паразитирует на этнической теме».

Не отставали и средства массовой информации писавшие: «Влиятельные функционеры стараются прямо или косвенно блокировать усилия Правительства по реализации админреформы», «Не трансформируются ли, в конечном итоге, многомесечные закулисные

интриги и возня... в открытый региональный конфликт?», « Политические выходы лобби в Бессарабии когда организовано оказывается сопротивление админреформе, и при этом организаторы ссылаются на полиэтнический фактор и отстаивание интересов нацменьшинств», «Отслеживать ситуацию в регионе, в том числе исследовать подоплеку заявлений и действий политиков, и привлекать к ответственности в случае разоблачения замаскированных признаков сепаратизма - это уже компетенция специальных служб. На такие факты должны надлежащим образом реагировать СБУ (Служба Безопасности Украины) и военная контрразведка». Это прямые цитаты. Странную позицию заняла единственная в регионе газета «Дружба. В последние годы отдельные номера выходили с 5-8 публикациями только рьяных приверженцев любого спущенного сверху варианта создания громад и включения болгарщины в состав соседних районов. Желание отстоять самый большой по численности населения район Одесской области, являющийся культурным и духовным центром компактно проживающих болгар, гагаузов и албанцев, населенные пункты которого были сформированы под влиянием исторических, национально-культурных и экономических факторов, подвигло депутатов местных советов, большинство сельских голов и общественные организации объединить усилия. Дальнейшее обсуждение будущего Болградского района все больше приводило к пониманию того, что без укрупнения район невозможен, поскольку в проекте закона об административно-территориальном устройстве количество населения в укрупненных районах должно составлять не менее 150000 человек. Когда стало окончательно ясно, что нет стопроцентного единства в вопросе сохранения района и создания на его базе единой громады, сторонники сохранения Болграда как центра административной единицы, решили сосредоточиться на укрупнении района. Юг Бессарабии, как никакой другой регион на Украине, имеет все основания для учета существующей специфики: преобладание крупных по населению сел, соразмерных с малыми городами, наличие территорий компактного проживания национальных меньшинств.

Ликвидация Болградского района, более 90% населения которого составляют представители национальных меньшинств: болгар, гагаузов, албанцев, являлось бы нарушением нескольких основополагающих законов Украины и международных договоров, ратифицированных Верховной Радой. В частности, были бы нарушены Конституция Украины, Декларация прав национальностей Украины, закон «Про национальные меньшинства в Украине», Рамочная конвенция Совета Европы о защите прав национальных меньшинств, Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств. Согласно этим документам государство должно заботиться о сохранении и способствовать развитию национальных культур, их самобытности, учитывать компактность проживания национальных меньшинств на определенной территории при проведении административно-территориальной реформы и многое другое. Проводились общественные слушания, собрания, митинги, сессии районного совета, направлялась делегация представителей района в Кабинет Министров Украины. Все просьбы и пожелания сводились к одному - сохранить Болградский район и включить в состав района\округа болгарские и гагаузские села, граничащие с Болградщиной. Всего - это около 185 тыс.чел., что отвечает критерию численности населения новых административно- территориальных единиц субрегионального уровня, с целью сохранения идентичности, жизненной среды в местах исторического и современного расселения. Реализация данного предложения давала возможность укрупненному району решать более серьезные экономические задачи. С другой стороны, объединение балканских переселенцев юга области в один регион позволит укрепить более тесные отношения с прародиной в сфере развития экономики, культуры района, языка и образования.

Мы были убеждены, что объединение болгар, гагаузов и албанцев в один регион сделает нас сильнее, целеустремленнее и увереннее в себе и просили принять во внимание, что на юге Одесской области проживает до 150 тыс. болгар и 30 тыс. гагаузов. Эти весьма близкие народы заселяют регион совместно. Болгары, гагаузы, албанцы с надеждой ждут, что административно-территориальная реформа будет проведена в соответствии с Законами страны и международными документами подписанными Украиной.

К разрешению возникшей ситуации подключились депутаты Одесского областного совета. В марте 2017 года сессия облсовета поддержала обращение к премьер-министру Украины относительно сохранения Болградского района как самостоятельной административно-территориальной единицы с включением в него всех болгарских и гагаузских сел Бессарабии. Юридическими основаниями для этого было следующее:

- район является главным центром болгарского меньшинства на Украине, и присоединение Болградщины к Измаильскому району повлечет за собой такое распределение территорий, при котором этнические болгары, гагаузы и албанцы, которые сейчас являются большинством в регионе (более 80%), станут меньшинством. А это противоречит статье 16 Рамочной конвенции Совета Европы «О защите национальных меньшинств» [3] ратифицированной Законом Украины в 1997 году, где говорится : «Участники воздерживаются от принятия таких мер, которые влияли бы на структурный состав населения в районах проживания лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам»;

- согласно ст. 2 Декларации прав национальностей Украины, государство гарантирует всем национальностям право сохранения их традиционного расселения и обеспечивает существование национально-административных единиц;

- ликвидация района приведет к нарушению как минимум трёх статей Конституции Украины. (ст.ст. 9,11 и 132).

В Болграде имеется вся необходимая инфраструктура и созданы необходимые условия для размещения и работы органов местной и государственной власти, правоохранительных органов, учреждений и организаций социальной сферы и других. Проведённый рабочей группой опрос показал, что 80 процентов жителей района выступили за его сохранение, как отдельной административно-территориальной единицы. Депутаты, члены рабочей группы, национально - культурные общества всегда в своих решениях напоминали, что Болградский район является местом компактного проживания нескольких национальных меньшинств, поэтому населенные пункты в районе сформированы под влиянием исторических, природно-географических, культурно-этнических и экономических факторов[1].

Президенты Болгарии Росен Плевнелиев, а затем и Румен Радев неоднократно заявляли, что они ожидают, что целостность исторического Болградского региона будет сохранена в ходе административно-территориальной реформы на Украине.

Исходя из того, что воззвания районного совета и рабочей группы властями Украины игнорировались, было принято решение апеллировать к Народному собранию Болгарии, в адрес которого были отправлены обращения, принятые на сессиях и собраниях и направлены делегации представителей общественности. 20 мая 2020г. парламентарии Республики Болгария большинством голосов поддержали декларацию, призывающую болгарское правительство принять все возможные меры перед властями Украины, чтобы обеспечить сохранение целостности болгарской общины в Болградском районе.[2] Известно, что в любых событиях, происходящих на Украине, ищут то ли руку Москвы, то ли ногу Кремля или хвост мордора или, по крайней мере, опасаются, а как отреагируют « в государстве агрессоре? » Неслучайно возник анекдот « Если украинскому журналисту, телевизионщику или политологу отрубить голову, она еще пять минут будет говорить о России и Путине ». Не обошлось и в нашем случае без «русского следа» в интерпретации местных журналистов, одесских и киевских политиков.

В дальнейшем хронология событий развивалась следующим образом:

- 1 июня 2020 года Министерство громад и территорий обнародовало проекты будущих районов Украины в рамках децентрализации, согласно которому в Одесском регионе планируют оставить 6 районов, где наконец-то, появился и Болградский район/округ в который входит ещё и Арцизский и Тарутинский районы. Центром определен город Болград.

- Кабинет министров Украины 12 июня 2020 направил в Верховный Совет проект постановления «О создании и ликвидации районов», в котором было предложено, в том числе и создание укрупненного Болградского района.

- Комитет Верховной Рады Украины по вопросам организации государственной власти, местного самоуправления, регионального развития и градостроительства на своём заседании 30 июня проголосовал вопрос о ликвидации существующих районов и формированию новых укрупненных в Одесской области.

- 17 июля Верховный Совет Украины принял Постановление №807-IX «Об образовании и ликвидации районов», которым была перекроена карта страны. Втрое сокращено количество районов — с 490 до 136. В Одесской области вместо 26 стало 7 районов и создано 91 территориальная община.

Так на карте, несмотря на сопротивление и противодействие, появился укрупненный, Болградский район, куда вошли бывшие Арцизский и Тарутинский районы и одно село Измаильского района [4]. В его составе 10 объединенных территориальных громад. Решение о создании, переучреждении нового Болградского района в границах трех районов - веха исторического масштаба для болгар и гагаузов Бессарабии. Раздробленные до этого потомки компактно проживающих балканских переселенцев, впервые за десятилетия, в основном, получили возможность для развития в своем большинстве в одной административной единице.

Да, наши требования были, если есть необходимость укрупнить район, включить в него села с болгарским и гагаузским населением, но Верховный Совет принял несколько иное решение. Тем не менее, Болградский район сохранен во многом благодаря активной позиции депутатов всех уровней, национально-культурных обществ, общественных организаций и неравнодушных к судьбе района жителей, которые в течение нескольких лет провели колоссальную работу в рамках действующего законодательства.

25 ноября 2020 года в зале заседаний Болградского «белого дома» состоялась первая сессия районного совета восьмого созыва. Сегодня у районного совета несколько другие полномочия. И, тем не менее, районные советы нужны и будут выполнять возложенные на них задачи. Мы должны вместе сосредоточиться на решении тех проблем, которые будут способствовать развитию уже укрупненного района. Счастлив, что получилось отстоять район! То, что удалось сделать – заслуга многих: и депутатов райсовета, и членов рабочей группы и национально-культурных организаций, и представителей общественности, и др.

Но это уже история. Сегодня перед укрупненным районом и его жителями стоят новые задачи. Развитие экономического, туристического, образовательного и культурного потенциала, сохранение духовного богатства и глубины национальных традиций. Именно на этом надо будет сосредоточить усилия, с тем, чтобы Болградский район не просто был на карте, а зазвучал с новой силой.

У Болграда, при наличии инициативности и настойчивости руководителей района, общественности, есть шанс воспользоваться возможностью, как центра укрупнённого района, решить те проблемы, которые были упущены в предыдущий период. Примером здесь могут послужить соседние города юга Молдавии - Комрат и Тараклия, сумевшие в условиях трансформационных процессов в государстве, воспользоваться полученной возможностью для привлечения инвестиций в регион и самостоятельно налаживать внешнеэкономические и культурные связи с зарубежными странами.

В конечном итоге Болградский район был сохранен и укрупнен, в него вошли бывшие Арцизский и Тарутинский районы и одно село Измаильского района.

Библиография:

1. В Болграде требуют сохранить Болградский район [Электронный ресурс] <https://topor.od.ua/v-bolgrade-trebuyut-sohranitiy-bolgradskiy-rayon/> Дата обращения 20.01.22
2. В Болграде обсудили возможность сохранения района <https://bessarabia.ua/politika/v-bolgrade-obsudili-vozmozhnost-sohraneniya-rajona/> Дата обращения 20.01.22
3. Рамочная конвенция Совета Европы «О защите национальных меньшинств»

4. Села и поселки Болградского района [Электронный ресурс] <https://our-travels.info/ost/Goroda/Ukraine/Odessa/Bolgrad-ns.php> Дата обращения 20.01.22

УДК 373(091)(478-29)

ЛЕТОПИСЬ ПЕРВОЙ ШКОЛЫ ЧАДЫР-ЛУНГИ ЗА 185 ЛЕТ: ОТ ПРИХОДСКОГО УЧИЛИЩА ДО СОВРЕМЕННОГО ЛИЦЕЯ

Капанжи Светлана,
председатель Общественного объединения
репрессированных граждан «Доорлук» (Справедливость)
e-mail: scapanji@mail.ru,
orcid id: 0000-0002-9293-9896

Abstract. On the basis of archival data, the history of one of the oldest educational institutions of Gagauzia, the Chadyr-Lunga Theoretical Lyceum named after V. Moshkov, is considered. A brief analysis of the activities of the educational institution in the tsarist, interwar, soviet and modern periods is given. The article names the names of directors in different periods of the functioning of the school. Also given are the names of the best graduates of the Chadyr-Lunga secondary school No. 1 in the soviet period, as well as the achievements of a modern educational institution - the theoretical lyceum named after V. Moshkov.

Key words: one of the oldest educational institutions of Gagauzia, Chadyr-Lunga secondary school No. 1, Chadyr-Lunga theoretical lyceum named after V. Moshkov, tsarist period, soviet period, interwar period, modern period

История образования в Чадыр-Лунге начинается с момента переселения наших предков на новое место жительства - у реки Лунга. Об этом рассказал в своем очерке «Биографический очерк рода и фамилии Чакир» Протоиерей Дмитрий Чакир. Один из основателей селения Чадыр-Лунга, его дед священник отец Захарий открыл в 1819 г. в своем доме школу грамотности, которая была первой среди болгарских колоний. Он учил детей читать, писать и считать, а также знакомил с часословом и псалтырем. Школа просуществовала до 1830 г. [1, с. 8-9].

Затем началось создание церковно-приходских школ по методу Ланкастера. По данным за 1838 г. в болгарских колониях Бессарабии было открыто всего 6 приходских училищ, в т.ч. в колонии Чадыр-Лунга 26 марта 1837 г. при церкви Святого Афанасия. Училище содержалось за счет родителей. Численность учеников составляла всего 6 чел, а на должность учителя был приглашен сельский писарь Тодорович. По данным за 1846 г. в Чадыр-Лунгском приходском училище обучалось уже 40 мальчиков, учителем был чадыр-лунгский колонист Константин Стойков. В училище на русском языке преподавали следующие предметы: чтение, чистописание, Закон Божий, краткая Священная История и 4 правила арифметики. [2, с. 70, 81-87]. Из очерка Д. Чакир известно местонахождение первой церкви в Чадыр-Лунге, которая находилась рядом с нынешним лицеем им. В. Мошкова. После отмены крепостного права в 1861 г. в Российской Империи началась школьная реформа. Но в колониях южной Бессарабии этот процесс произошел несколько раньше. Первой упоминание об общественной сельской школе Чадыр-Лунги содержится в сведениях о состоянии и деятельности приходских и сельских училищ Бессарабской области. Согласно ведомости о числе учебных заведений, состоящих в колониях Верхнебуджакского округа за 1866 г., Чадыр-Лунгское министерское училище было открыто 20 марта 1858 г. Училище относилось к Министерству государственных имуществ и содержалось за счет «общественных сельских сумм», т.е. за счет общества Чадыр-Лунги. По данным за 1866 г. в нем обучались 47 детей колонистов: 38 мальчиков и 9 девочки, которых учил 1 учитель. [3, с. 70-71].

Чадыр-Лунгское училище в 1878 г. было преобразовано в Министерское одноклассное училище, а затем с 1899 г. в Министерское двухклассное училище. В этом училище служили по данным за 1893 г. Почетный блюститель Дионисий Генов, священник Андрей Гинкулов, учитель Георгий Киоссе. [4].

В 1897-1898 согласно отчету «Народное образование в Бендерском уезде» в селениях бывших колонистов – гагаузов действовали 14 одноклассных училищ, в т.ч. и в Чадыр-Лунге. В школы уезда принимали детей в возрасте 7-14 лет. Но преобладали два возраста: восьмилетний и девятилетний. В сентябре были начаты занятия лишь в 4 училищах, в т.ч. и в Чадыр-Лунгском. Больше учеников прибыло в октябре. Оканчивали училище в основном в 12-14 лет и занимались в течении 3-5 лет. В училище имелось 3 отделения, в которых изучались следующие предметы: Закон Божий, Русский язык с чистописанием, Арифметика, Славянский язык, Пение. Такое расхождение между фактическим и установленным сроком обучения связано с тем, что школу посещали нерегулярно. В отчете было отмечено, что поступаая в школу, учащиеся русской речи не понимают, т.к. говорят только на турецком (гагаузском) языке. [5,с.1-18].

К 1898 г. в Чадыр-Лунге проживало 3449 человек обоего пола. Из них дети в возрасте 7-14 лет составляли 652 чел, или 18,9 % от численности всего населения села. В этот же период здесь действовали 1 министерская и 2 общественные школы. На их содержание были выделены 100 руб. из казны и 1510 руб. из средств общества. Всего в этих школах обучалось 205 детей, большинство из которых 181 мальчик. Причем помещения были рассчитаны только на 108 детей. Вне влияния школ оставалось еще 447 детей. [5,с.88-89,106-107]. . Таким образом, к концу XIX в. из всех детей школьного возраста Чадыр-Лунги обучалось лишь 32 %.

В начале XX в. началось обсуждение вопроса о введении в Бессарабии всеобщего обучения, который впервые был поднят губернским земским собранием на сессии 1905 г. Земское собрание постановило поручить управам произвести всестороннее обследование состояний и нужд народного образования в Бессарабии. В кратком обзоре состояния начального образования в Бендерском уезде в 1906 г. число учащихся в Чадыр-Лунгском министерском двухклассном училище составляло 151 чел., а учителей 3, т.е. на 1 учителя в среднем приходилось 50 учеников. Училище располагалось в собственном здании из 3 классных комнат. Согласно обзора, в Чадыр-Лунге в 1892 г. было открыто еще одно Министерское одноклассное училище с 85 учениками и 1 учителем. Оно также располагалось в собственном доме и состояло из 1 классной комнаты. Всего же по данным обзора на 1 января 1906 г. в Чадыр-Лунге функционировало 2 училища с общим количеством 199 мест. Но в школах обучалось больше детей (236), что говорит о переполненности классов. Всего же к этой дате число детей в возрасте 8-11 лет в Чадыр-Лунге составляло 457 человек, и уже половина из них посещала школу (51,6 %). Поэтому проектом предусматривалось еще построить школы на 258 мест. [6,с.1-103]. Система образования в Российской империи к началу XX в. согласно законодательства подразделяла все учебные заведения на высшие, средние, низшие. К разряду низших общеобразовательных школ относились уездные и городские училища, а также различные начальные училища. Структура начального образования состояла из школ трех ступеней. По ведомственной принадлежности школы относились к Министерству народного просвещения или к Духовному ведомству. К школам первой ступени относились одноклассные училища, церковноприходские училища и школы грамоты. Вторую ступень составляли министерские двухклассные училища и второклассные церковноприходские школы. Третью ступень составляли многоклассные уездные и городские училища [7].

Система образования в Румынии отличалась от российской. Согласно Закону от 26 июля 1924 г. начальное образование было объявлено в стране всеобщим, обязательным и бесплатным. В румынской системе образования было три уровня. Во всех школах обучение велось на румынском языке. Первый уровень образования это детские сады, начальные школы и различные курсы для взрослых. Начальные школы содержали коммуны, а государство

оплачивало зарплату педагогам. Все остальные расходы производились через школьные комитеты. Второй уровень образования – среднее, в который входили гимназии, лицеи, школы, богословские семинарии. Третий уровень - высшие учебные заведения. Среднее и высшее образование было платным. [8].

В различных справочниках Румынии имеются сведения о школах Чадыр-Лунги в межвоенный период. Так, по данным на 1 сентября 1933 г. в Чадыр-Лунге действовало 5 начальных школ: школа для мальчиков, школа для девочек и 3 смешанные школы №1, № 2, № 3. Всего же в этих школах обучалось 917 детей из 1473 детей в возрасте 5-16 лет, т.о. охват детей начальным школьным образованием в этот период был довольно высоким. Самой многочисленной была школа для мальчиков, в которой обучалось 312 учеников. Директор школы был Парамон Маринов, который закончил в 1906 г. учительскую семинарию в Байрамче. В школе для девочек обучалось 196 учениц. В этой школе работала директором Елена Киоссе, закончившая Кишиневское Епархиальное училище. [9, с.626]. По воспоминаниям Щегоревой (Карастан) Н.Г., обучавшейся в школе для девочек, в каждом классе была икона, урок начинался с молитвы «Отче наш» (Tatul Noastru), ученики причащались в церкви перед всеми праздниками.

Первое среднее учебное заведение Чадыр-Лунги было учреждено 1 сентября 1922 г. Вначале оно называлось средняя школа коммуны Чадыр-Лунга. Директором был назначен Зиновий Васильевич Чирко, который преподавал математику и каллиграфию. В январе 1925 г. новым директором школы становится Мирча Михай, который преподает историю, географию, румынский язык и право. В 1929 году средняя школа стала называться смешанная гимназия (*gimnazia mixta*). В Чадыр-Лунгской гимназии обучались дети с самых разных мест Бессарабии и из разных сословий. Из 90 родителей около половины были родом из Чадыр-Лунги (47 чел. или 52 %). Остальные - из других сел уездов Тигина, Кагул и Четатя-Алба. Социальное происхождение учащихся также было разнообразным: земледельцы, коммерсанты, служащие, ремесленники. Родители большинства учащихся гимназии были состоятельными людьми, т.к обучение в гимназии было платным. Согласно бюджету школьного комитета Чадыр-Лунгской гимназии в 1929 г., в школе было 3 бюджетных класса с общим количеством 104 ученика, из которых 34 были освобождены от школьной платы. Для остальных оплата составляла 1600 лей в год.

Чадыр-Лунгскую гимназию возглавляли различные педагоги. В 1930 г. директором был Теодор Шеффер, преподававший математику и физику-химию. В 1932 г. директором гимназии стал Стефан Ион Георгиу, который преподавал румынский язык и право. Занятия в гимназии проводились 6 раз в неделю. Каждый день было 4-5 уроков продолжительностью 50 минут. Кроме этого, после уроков в отдельные дни проводились уроки физической подготовки, ручного труда, занятий в ансамбле. В каждой зачетной книжке учащегося Чадыр-Лунгской гимназии указывались оценки по 10-балльной системе за каждый триместр по каждому предмету, средняя годовая оценка, оценка на экзамене и Итоговая средняя оценка. Помимо этого, оценивалось посещение и внешний вид учащегося, а поведение по 10-балльной системе. В этом же листе велся учет отсутствий на занятиях в каждом триместре по каждому предмету по мотивированным и немотивированным причинам. В конце зачетного листа указывался общий средний балл каждого учащегося, а также место, занятое им среди других учеников класса по общему среднему баллу. Тем учащимся, которые не успевали по тем или иным предметам, назначалась переэкзаменовка. В итоге констатировалось состояние учащегося – он переводится в следующий класс или остается на второй год. Каждый лист подписывался директором и секретарем гимназии.

В 1937-1938 учебном году гимназия уже называлась «мужская индустриальная гимназия». В ней было 4 класса, в которых обучалось всего 42 ученика. Школьная плата за обучение составляла уже 3265 лей в год. В конце 30-х годов гимназия была закрыта. [4]. После присоединения Бессарабии в 1940 году к Советской России румынские школы были закрыты. Постановление ЦК КП(б) Молдавии и Совета Народных Комиссаров МССР от 12 августа 1940 г. «О реорганизации школ Советской Бессарабии» предусматривало создание новой советской

системы образования. Большую помощь оказали РСФСР и СССР, которые направили в Молдавию около 1 тыс. учителей. [10, с.301]. К сожалению, пока не располагаем данными, какие школы были открыты и действовали в Чадыр-Лунге в советский период 1940-1941 гг. После начала второй мировой войны в 1941 г. в Бессарабию вернулась румынская власть и вновь были открыты румынские школы. В 1941 г. согласно отчету Примара коммуны Дерсидан Иона в Чадыр-Лунге действовало 5 школ, в которых работали 17 педагогов: Школа № 1 для мальчиков, школа № 2 для девочек, смешанная школа № 1, смешанная школа № 2 и школа № 1 для маленьких детей (детсад). Часть преподавателей работали и до 1940 г. в школах Чадыр-Лунги. [11,с.56].

После освобождения Молдавии в 1944г. была восстановлена Советская власть и развернулась большая работа по воссозданию советской системы народного образования. В 1944 году в Чадыр-Лунге работали 2 начальные школы. На 1 января 1945 года в Чадыр-Лунгской школе № 1 обучалось 276 детей, а в Чадыр-Лунгской школе № 2 - 203 ребенка. В начале 1945 г. две Чадыр-Лунгские начальные школы были слиты в одну 7-летнюю школу. [12]. Первые данные о семилетней Чадыр-Лунгской школе № 1 появляются в отчете за 1944-1945 учебный год, подготовленном первым директором этой школы Алексеевой Алевтиной Григорьевной. Согласно этого отчета учебный год начался 1 ноября 1944 г. и закончился 20 июня 1945 г. Были набраны 9 классов. Всего в школе к концу учебного года обучалось 283 человека, из них 172 чел. (61 %) были переведены в следующий класс, остальные оставлены на второй год и на осень. Из 283 учеников большинство составляли мальчики – 172 чел, остальные 111 чел.-девочки. В школе было всего 6 классных комнат площадью 121 кв.метров. [13].

Следующий учебный год в Чадыр-Лунгской семилетней школе № 1 уже начался 1 сентября 1945 г. Обучение велось на русском языке. В новом учебном году 1945-1946 гг. учащихся было гораздо больше – всего 657 чел., из них в 1-4 классах – 605 чел., а в 5-7 классах 52 чел. Всего в школе работало 16 учителей, из них 9 человек в начальных классах. Отчет был подписан 15 ноября 1945 г. директором школы Петром Стоевым-Кулевым.

С первых лет Советской власти была поставлена задача выполнения плана по всеобучу. Был проведен учет детей и по Чадыр-Лунгской семилетней школе. Всего было взято на учет 822 ребенка школьного возраста 6-15 лет, из них 178 детей (21,7 % от общего числа) не обучалось в школе к 20 сентября 1945 г. Половину из не обучавшихся составляли девочки. [14]. Данные за 1946-1947 учебный год отсутствует. Это годы, когда в крае началась страшная голодовка из-за неурожая, холодной зимы и непомерно высоких для населения налогов поставки зерновой продукции.

В следующем учебном 1947-1948 году школа уже стала Чадыр-Лунгской средней школой № 1 и это была единственная средняя школа на тот момент в Чадыр-Лунгском районе. Первый школьный звонок прозвучал для 826 детей, из которых половина – девочки (404 чел.). Классов в школе уже было больше - 23, из них в начальных классах – 18, в которых обучалось 740 детей. Интересными предоставляются данные о распределении учащихся по родному языку. Для 82 детей (10%) это был русский язык, для 31 ребенка (4 %) это молдавский язык. Остальные 713 детей (86 %) в качестве родного языка называли другой язык. Это мог быть и гагаузский, и болгарский язык. Всего в школе работало 22 учителя, из которых 10 – в начальных классах. [15]. Согласно отчета Чадыр-Лунгской средней школы № 1 на начало 1953-1954 учебного года число учащихся составило 724 чел., из них в старших классах 337 чел. (47 %). По полу распределение учащихся было следующим: 374 мальчика и 350 девочек. В качестве родного языка для всех 724 учащихся был указан русский язык. В школе уже работало 39 преподавателей. Занятия по прежнему из-за нехватки помещений проводили в 2 смены. Всего в школе было 15 классных комнат. Еще 6 учебных кабинетов по физике, химии, биологии и прочим предметам.. Общая площадь всех помещений составляла 1532 кв.метра, которые располагались в 3 различных зданиях. При школе имелся опытный участок площадью 2 га. В школе обучалось 50 учащихся из сельской местности, которые жили в интернате при школе и обеспечивались питанием. [16]. Новый 1960 год учащиеся и учителя встречали в

новом двухэтажном здании школы, построенном за 2 года. Произошло это при директоре Сухареве И.П.. В этом же здании сейчас расположен лицей им. В.Мошкова. Также сохранился учебный корпус еще времен Российской империи 1907 года постройки, в котором занимаются младшие школьники. С каждым годом увеличивалась численность учащихся и педагогического коллектива Чадыр-Лунгской средней школы № 1. Если в конце 50-х годов XX в. численность учащихся составляла 787 чел. и учителей 36 чел, то к началу 70-х годов соответственно 1028 учащихся и 55 учителей. В 70-80 годах численность учащихся в связи со строительством новых школ в Чадыр-Лунге несколько снизилась, но оставалась на уровне 900-950 учащихся. Значительно уменьшилось количество учеников в 1990-1991 гг. – всего 617 чел, учителей было 46 чел.

Чадыр-Лунгская средняя школа № 1 на протяжении долгих лет была одной из лучших в районе по успеваемости, по высокопрофессиональному педагогическому коллективу. Неоднократно занимала призовые места на республиканских, районных олимпиадах и спортивных мероприятиях. Активное участие школа принимала в смотрах художественной самодеятельности. Привлекались учащиеся к общественно-полезному труду, проводилась их профессиональная ориентация. Среди традиций школы в советский период были следующие: день первого звонка, ленинский форум, общешкольное комсомольское собрание, вечер встречи с выпускниками, день памяти Зои Космодемьянской (ее имя носила пионерская дружина школы), последний звонок, день красной звездочки, день вручения паспортов, прием в пионеры, праздники здоровья и др.

Результат работы школы во многом зависел от ее руководителя. Помимо двух вышеперечисленных, директорами Чадыр-Лунгской СШ № 1 в разные годы были: Лейченко Е.В.(1947- 1948), Говоров И.И. (1948-1951), Прохорец А.П. (1953-1954), Кравец М.Ю. (1955-1956), Буюкли Е.П. (1957-1958), Сухарев И.П. (1959-1963), Кисеев С.Н. (1964-1965), Сугаров В.И. (1965-1966), Николаев А.Н. (1966-1968), Карасени Р.П. (1972-1980), Гудз Б.В. (1980-1983), Маркова Н.И. (1984-1992). Терзинова Любовь Васильевна, выпускница школы 1978 г. возглавляла сначала СШ № 1, а затем и лицей им.В.Мошкова в течении 28 лет (1993-2021).

Чадыр-Лунгская средняя школа № 1 всегда славилась и своими учениками. За все годы советской школы (1944-1991 гг.) по установленным данным школу окончили 32 медалиста. Из них золотую медаль получили всего 9 учеников, а серебряную медаль 23 ученика. Первым серебряным медалистом школы стал в 1950 г. Лукашов Борис, а первую золотую медаль получили в 1979 г. Бельчевичена Лариса и Валентир Галина. Необходимо отметить, что сестра Бельчевиченой Л. преподаватель Комратского университета Папцова А.К. также окончила с золотой медалью Чадыр-Лунгскую среднюю школу № 2 Все медалисты Чадыр-Лунгской СШ № 1 в дальнейшем сделали хорошую карьеру в самых различных областях. Чадыр-Лунгская СШ № 1 взрастила и целую плеяду блестящих выпускников, которыми по праву может гордиться не только школа, но и вся Гагаузия. Вот некоторые из них: Кисеев Н.М., Ангели Ф.А., Кывыржик К.И., Терзи В.В., Карафизы В.Г., Стефогло Е.Ф., Капанжи В.Д., Лебедев В.Ю., Помужак Н.Г., Маринова В.Л., Кулев М.К., Гаста И.С., Дулева С.М., Душакова Н.С. и др. [4].

В 2003 г. на базе Чадыр-Лунгской средней школы № 1 был открыт Теоретический лицей. Ему было присвоено имя одного из первых исследователей истории и культуры гагаузов – российского ученого – этнографа, генерал – лейтенанта Валентина Александровича Мошкова. 19 октября 2003 года состоялось торжественное открытие лицея. В 2006 г. состоялся первый выпуск бакалавров (БАК) в составе 26 учащихся. После этого за период 2006-2021 гг. состоялось всего 15 выпусков БАК. Среди традиций лицея: Дни русской культуры и духовности, посвящение в лицеисты, «Мошковские чтения», Лицейский фестиваль искусств, День Афганца, Пасхальный перезвон, Вечер встречи с выпускниками. Преподаватели лицея неоднократно участвовали в различных конкурсах и проектах и становились призерами. Так, в 2013 г. преподаватель биологии Тануркова Марьяна Васильевна стала Учителем Года Гагаузии. Такого же высокого звания были удостоены и другие педагоги лицея им.В.Мошкова. Звания «Учитель года Гагаузии 2020» был удостоен Костенко Михаил Михайлович, учитель русского языка и литературы. Кочанжи Мария Дмитриевна, учитель

английского языка стала Учителем 2021 года в Гагаузии. В 2021-2022 учебном году директором лицея является Кывыржик Татьяна Владимировна, в лицее работают 61 педагог. В 30 классах лицея обучается 769 учеников. [17]. После капитального ремонта школа заметно преобразилась, она отвечает всем современным требованиям: новая мебель и парты, интерактивные доски, в каждом классе есть интернет. Построена новая футбольная площадка и благоустроен школьный двор.

Таким образом, за 185 лет существования одного из старейших учебных заведений Гагаузии произошли поэтапные преобразования к лучшему и в структуре школы, и в качестве обучения. Во времена Российской империи к началу XX в. в школах Свято-Афанасьевского прихода Чадыр-Лунги обучалось свыше 50 % детей, обучение велось на русском языке. В межвоенный и военный период в школах Чадыр-Лунги обучалось свыше 60 % детей, обучение велось на румынском языке. В советский период после первых трудных лет в 70-х годах XX в. была достигнута цель всеобщего восьмилетнего образования. Значительно увеличилось как число преподавателей, так и учеников школы. Были большие достижения в деятельности Чадыр-Лунгской средней школы № 1, которая долгие годы была одной из лучших в районе. Лицей им.В.Мошкова, созданный на базе СШ № 1 отвечает всем современным требованиям учебных заведений Молдовы и Гагаузии и достойно продолжает богатые традиции учебного заведения.

Библиография:

1. Страницы истории и культуры гагаузов XIX-нач.XX вв.// Протоиерей Дмитрий Чакир. Биографический очерк рода и фамилии Чакир.1893. Chişinău: Pontos, 2005, - 320 с.
2. И.Ф.Грек. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев: Штиинца, 1993, -106 с.
3. НАРМ (Национальный архив Республики Молдова) Ф.152, о.1, д. 157, с. 70-71
4. С.Капанжи. Из истории первой школы Чадыр-Лунги. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://storiesfrombudjak.blogspot.com/2020/01/blog-post_15.html
5. Народное образование в Бендерском уезде в 1897/98 году. Бендеры: Типография А.Гольденштейна.1898, с.1-18, 88-89, 106-107
6. Школьная сеть с кратким обзором состояния начального образования. Бендерский уезд. //Выпуск 6. Кишинев: Типография Бессарабская Губернского Правления. 1907. -103 с.
7. М.Паскаль. История педагогики. Развитие народного образования во время правления царской России в Бессарабии (1812-1917) (Краткий обзор) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.facebook.com/istoriapedagogiki/posts/317558595100428> (дата обращения 19.01.2022)
8. Maria Tetiuhin, muzeograf, Muzeul Pedagogic Republican «Învăţământul din Basarabia între anii 1918-1940» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://pascalleto.livejournal.com/80018.html> (дата обращения 19.01.2022)
9. Anuarul Învăţământului Primar.1933. Ministerul Instrucţiunii publice, Cultelor şi Artelor, Bucureşti, 1933, p.626
10. Молдавская ССР. Энциклопедия. Кишинев: Полиграфкомбинат Госкомиздата МССР, 1979, с. 301
11. НАРМ Ф.112. о.1, д.164, с. 56
12. ЧЛРА (Чадыр-Лунгском районный архив) Ф.73, о.1, д.2*
13. ЧЛРА Ф.73, о.1, д. 1
14. ЧЛРА Ф.73, о.1, д.2
15. ЧЛРА Ф.73, о.1, д.3
16. ЧЛРА Ф.73, о.1, д.54 , с. 3
17. Теоретический лицей им. В. Мошкова м. Чадыр-Лунга. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://guogagauzii.md/teoreticheskij-litsej-im-v-moshkova-m-chadyr-lunga> (дата обращения 19.01.2022)

Примечания: *В ЧЛРА не пронумерованы страницы некоторых дел.

УДК 37.016:93

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КУРСЕ ИСТОРИИ

Комиссарова Ольга,
магистр истории, КГУ, Комрат, РМ
e-mail: vizneak.olia@mail.ru

Abstract. The article considers the problems of the relevance of the history of everyday life in the course of the history of pre-university educational institutions. Modernization processes, having made noticeable the evolution of everyday life, aroused interest in the history of everyday life. Studying everyday life, the history of the state does not move away from private life, the involvement of individual people in it, as well as the students' own significance, becomes significant. The study of everyday life contributes to the formation of positive motivation for the study of history.

Key words: history of everyday life, everyday life, modernization, traditional culture, history

Модернизация, размах которой резко возрос в XX веке резко трансформировала традиционное общество. Это привело к неожиданным результатам – стремительное изменение повседневной жизни стало происходить в масштабах жизни одного поколения и стало явным и заметным. Утрата привычных форм повседневности вызывала ностальгию и пристальный интерес к повседневной жизни в различные эпохи. Эта эволюция форм повседневности показывала сложное отношение между традициями и инновациями, относительность нашего представления о повседневной жизни. Первоначально она изучается в рамках культурной антропологии, социальной антропологии, но постепенно становится самостоятельной и активно развивающейся областью научного знания.

История нации - согласно мнению Л. В. Беловинского, выражается в ее повседневной жизни, а национальный характер и весь менталитет общества являются важнейшей детерминантой форм повседневности [1].

История повседневности - отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [2, стр. 312]. В русском языке синонимы слова «повседневность» – будничность, ежедневность, обыденность – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, непримечательно и происходит каждодневно изо дня в день

В исторической науке, как и в системе гуманитарных наук в целом, в последние десятилетия, происходят значительные трансформации. Сегодня исследователи прошлого уже не довольствуются доминирующим вниманием к вопросам государственно-политической жизни, социально-экономическим вопросам, истории культуры. Одной из характерных черт современной исторической науки, является повышенное внимание к истории повседневности, центральное место в которой занимает человек.

В центре внимания истории повседневности — комплексное исследование жизненного мира людей разных социальных групп, их поведения и эмоциональное реагирование на события. Объектами истории повседневности становятся вопросы, которым раньше не придавалось особого значения, но которые играли существенную позицию в раскладе исторических событий такие как: проблемы быта, семьи, воспитания подрастающего поколения, образования, досуга и т.д. С одной стороны, повседневное – это будничное, ежедневное, повторяющееся изо дня в день, обыденное. Но, несмотря на понятность этих характеристик, восстановление повседневности является сложнейшей задачей. Будничные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают любого человека, что

провоцирует субъективность оценки. У исследователя зачастую либо слишком много источников, либо слишком мало, чтобы точно воспроизвести повседневную жизнь человека.

Повседневность, с другой стороны, содержит достаточно разнообразный круг проявлений: обыденную трудовую деятельность, нормы и стратегии поведения, техники решения профессиональных и бытовых проблем, досуг, стереотипы и предрассудки, которыми человек руководствуется в своей деятельности.

До становления повседневной истории как направления, будничная сторона жизни человека находила свое проявление в исторических работах в виде дополнения и украшения исторической реальности. Во второй половине XIX в. в работах историков анализируются быт, нравы и обычай народов мира от античности до начала XIX в. Эти работы имели ярко выраженный фактографический характер, в них подробно описаны устройство мест обитания человека, организация быта, традиции поведения и общения, формы досуга.

В гимназическом и лицейском курсе Истории румын и всеобщей истории, также предпринимаются попытки уделить внимание не только изучению глобальных политических и социально-экономических аспектов истории, но и образу жизни, менталитета человечества, духовным и нравственным ценностям личности.

Период Нового времени (середина XVII – середина XIX вв.) изучается в курсе Истории румын и всеобщей истории в 11 классе. И в современных учебниках, рекомендованных Министерством образования, культуры и исследований РМ, присутствует параграф, посвященный истории повседневной истории [2, стр. 36]. Куррикулум Истории румын и всеобщей истории обозначает, что данная тема не подлежит оцениванию в рамках выпускного экзамена за лицейский цикл, но является обязательной для изучения [3, стр. 27]. Но следует признать, что на практике из-за отсутствия времени она может быть значительно сокращена, включена в другую тему, отводятся на самостоятельное изучение, или вовсе пропущена учителем, как наименее важная. В действительности же изучение истории повседневности должно проходить наравне с изучением, например, таких тем, как "Наполеоновская эпоха", "Объединение Германии и Италии", " и др. История повседневности прошлого позволит значительно расширить область познания учащихся, а различные активные методы работы будут способствовать увеличению заинтересованности процессом их обучения. Также данная тема позволит отойти от упрощенного, схематичного восприятия прошлого, способствует формированию у детей интереса к окружающему миру.

Включение тем по истории повседневности в структуру преподаваемого исторического материала позволит учащимся реконструировать быт, его изменение под влиянием важных исторических событий, чувственные состояния людей в связи с теми или иными событиями в их жизни, двигаясь в изучении истории от «близкого к далекому», «от простого к сложному».

Изучение данной темы также позволит широко использовать не только письменные материалы, но и изобразительное искусство. А при изучении более поздних периодов истории, например, Новейшего времени, разнообразие источников возможно расширить за счет фотографий, материалов опросов, устных источников, рекламы, плакатов, карикатур и т.д., что позволит детям научиться работать не только с письменными источниками. Такая работа формирует умение извлекать информацию и быть внимательным к историческим деталям.

Большой интерес учащихся вызывают творческие и практико-ориентированные задания, в рамках которых изучается история повседневности. Так, например, можно предложить описать один день из жизни представителя того или иного исторического сословия, описать его одежду, пищу, предметы быта, которыми он пользуется. Можно предложить нарисовать или описать предметы быта.

Большой интерес учащихся вызывает проектная деятельность в рамках которой учащиеся могут реализовать свой исследовательский потенциал. Можно предложить изучить повседневную жизнь в городе или селе в различные исторические эпохи. Для этого учащиеся могут обратиться к изучению предметов домашнего быта, а также изучить коллекции краеведческих музеев. В Гагаузии историко-краеведческие музеи созданы не только в городах, но и в селах. Это свидетельствует о том, что продолжается важный для этнического

самосознания процесс формирования образа прошлого. Факторы, направления и стадии эволюции образа прошлого изучены в статье А.К.Папцовой [4]. Исследователь отмечает значение этого процесса как для этнической мобилизации гагаузов, так и для становления гагаузской автономии.

Интерес к истории повседневности в Гагаузии проявляется не только в появлении музеев, но и в том, что элементы повседневной жизни становятся поводом для праздников. Так, уже стал традиционным фестиваль традиционных домашних гагаузских ковров в селе Гайдары. В августе в Вулканештах проводится фестиваль традиционного народного костюма (рис.2.). Реконструкция уничтожаемого модернизацией быта предпринимается не только в рамках музеев, но и в рамках туристических объектов, таких, например, как Этнографический уголок в селе Конгаз (рис.1.). Посетители этого туристического объекта могут остановиться в оформленных соответствующим образом гостиничных номерах и отведать традиционной пищи. В скором времени такой уголок откроется в городе Чадыр-Лунга.

Таким образом, процессы модернизации, сделав заметной эволюцию повседневной жизни, вызвали интерес к истории повседневности. Изучая повседневность, история государства не отделяется от частной жизни, становится значимой причастность к ней отдельных людей, а также собственная значимость учеников. Изучение повседневности способствует складыванию положительной мотивации к изучению истории.

Библиография:

1. Беловинский Л. В. Культура русской повседневности: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2008
2. История румын и всеобщая: Учебник для 11 Класа/ Н. Кикущ, И. Шаров, И. Ожог [и др.]; пер.: В. Младина [и др.]; М-во просвещения Респ. Молдова. – Кишинев: Cartdidact, 2014
3. Национальный куррикулум История Румын и Всеобщая История. X-XII классы. Кишинэу, 2019
4. Папцова А.К. Эволюция образа прошлого гагаузов//Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы V Международной научной конференции, Москва 23 апреля 2021 г. — М.: МХПИ, 2021. С. 20-29.
5. Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв.ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014.

Приложение.

Рис.1.Этно-туристический комплекс в с.Конгаз

Рис.2. Фестиваль гагаузского костюма в Вулканештах

УДК 908(470)

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ - ЖИВАЯ ПАМЯТЬ О МИНУВШЕМ

Крыкин Сергей,

кандидат исторических наук, доцент, г.Москва, РФ

e-mail: smkrykin@mail.ru

orcid id:0000-0003-0753-4913

Минаева Елена,

Завуч СОШ 853 г.Москва, РФ

e-mail: drozd@yandex.ru

Abstract. The article presents the review of some written works of a talented area study dilettante. He found maximum information on history of one of the districts of Moscow region. Herat many facts are so valuable that that allow us to make some important conclusions on history all over Russia.

Key words: Egoryevsk, Russia, peasantry, weavers, harvests

Недавно уже миновала дата 90-летия почетного гражданина города Егорьевска Владимира Ивановича Смирнова, заслуги его несомненны. Выходец из крестьянской среды, он сумел оптимально использовать возможности советского периода нашей истории – получил прекрасное образование (философский факультет МГУ) и в конце своей трудовой деятельности возглавлял отдел культуры районной администрации. После выхода на пенсию в 1986 г. последующие многие годы В. И. Смирнов занимался изучением документов, связанных с историей Егорьевского района (уезда), точнее говоря некогда Егорьевского уезда Рязанской губернии, позднее уже района Московской области. Свою культурную миссию ветеран видел в поддержании традиции изучения истории родного края, продолжив начинания столетней давности. И готовился к этому очень давно. Кто сейчас помнит, что родом отсюда были командовавший революционной Петропавловской крепостью будущий сталинский нарком Г. И. Благонравов (1895-1938), прославленная артистка Е. Н. Гоголева (1900-1994), несколько крупных ученых и военных, знаменитый детский писатель Э. Н. Успенский (род. в 1937 г.)? Знаменитейший искусствовед И. Э. Грабарь (1871-1960), рожденный в Будапеште, был привезен сюда родителями в раннем детстве. Кто ведает сейчас, что во второй половине XIX века Егорьевск являлся одним из самых активных центров капиталистической индустриализации России, что было хорошо известно не только В. И. Ленину, но и К. Марксу (крупнейшего политэконома девятнадцатого столетия очень уважают на Западе, что нелишне помнить и нам)? Чтобы что-то утверждать, нужны веские задокументированные факты – их сбором занялся самодеятельный, несомненно, одаренный краевед. Анализ их был осуществлен и чаще всего удачно, недостаток сведений заполнился предположениями и гипотезами, впрочем, иногда вызывающими сомнения и упреки (напомню, что самодеятельный исследователь не является ни историком, ни филологом). Талант исследователя подтверждается проявленной интуицией, когда спорные реконструкции доказываются новыми наблюдениями специалистов. В данном случае серьезные коррективы в написанное В. И. Смирновым смогут сделать только археологи, в меньшей степени лингвисты и этнографы. Но это будет только дополнение к изученному краеведом, собравшему сотни документов, помимо опубликованных, из числа хранящихся в архивах Москвы (РГАДА) и Рязани и (ГАРО)..

Согласно определению самого автора, это было историко-статистическое исследование, в котором была коротко воссоздана история 225 селений Егорьевского района, в том числе 6 отошедших со временем в иное административное подчинение. В. И. Смирнов сделал акцент на значимых фактах, способных убедить читателей и заставить задуматься. Так, в сравнительно развитом экономически Егорьевском уезде Рязанской губернии в предреволюционное время из 183 тыс. тогдашних жителей 34 тысячи являлись кустарями. При анализе природно-географических условий близ Егорьевска, как город отпраздновавшего в минувшем году свое 225-летие, автор исходил из реалий нашего времени, однако учел это во

второй своей книге. Очень интересна сама структура этой второй книги, размещение собранных в ней письменных источников с авторскими комментариями к ним. Во введении содержится краткая историческая и географическая характеристика Егорьевского края. Часть I «Егорьевский край по летописным и документальным историческим источникам» в первой главе содержит летописные сведения об исторических событиях в Егорьевском крае и смежных территориях, во второй – летописные и документальные сведения о природных и физических явлениях XIII-XX вв. Часть II «О землевладении в Егорьевском крае в XIV-XVIII вв.» содержит грамоты – духовные и договорные, переписные книги и описи, разъезжие и межевые грамоты, писцовые и межевые книги. В части III «Город Егорьевск и Егорьевский край в конце XVIII- начале XX вв.» имеются глава 7 «Образование города Егорьевска», глава 8 «Егорьевск и Егорьевский уезд в XIX в.», глава 9 «Документы о купле и продаже имений. Положение крестьян». Глава 10 «Дворянство Егорьевского уезда», глава 11 «Егорьевские купцы и купеческие династии», глава 12 «Религия, монастыри, церкви и священнослужители XIX- нач. XX в.», глава 13 «Город и уезд в нач. XX в.». В части IV «История города и района после 1917 г.» собраны три главы: «Годы Советской власти 1917-1991 гг.», «Егорьевск в годы политических и экономических преобразований» и «Исследователи, литературные заметки и воспоминания об Егорьевском крае». В качестве приложений добавлена ассоциативная хроника событий XV-XX вв. и богатый список архивных источников и использованной литературы.

Археология и древнее прошлое района видятся егорьевскому краеведу весьма смутно, что вообще характерно для большинства отечественных краеведов. Он только называет два выявленных и частично раскопанных финских могильника – у с. Жабки и д. Парыкино. Между тем, согласно предварительному определению специалиста по археологии финских племен И. Р. Ахмедова (Гос. Исторический музей), в этих расположенных южнее Егорьевска грунтовых могильниках обнаружены вещи в диапазоне с VI по XI вв. Просто, без истолкования, В. И. Смирнов воспроизводит странные сооружения в округе Егорьевска: насыпные валы высотой от 3 до 8 м и протяженностью до 250-300 м; круговые насыпные валы высотой от 1 до 2 м; странные «небольшие» курганы высотой от 3 до 8 м и диаметром до 10 м; в болотистых местах кольцевые рвы шириною до 6 м создавали «острова» диаметром до 100 м, т. к. эти рвы были с водой, а в центре такового болотного «острова» попадались ямы до 2 м глубиной. До сих пор подобные рукотворные курьезы не привлекали интереса полевых археологов и само описание вызывает смущение. Улыбку вызывают рассуждения будто самым древним пластом в истории Егорьевского края был «балтский или, вернее, балто-словенский, ибо якобы «балто-словены - это болотные словяне». Балтский (конкретно литовский) компонент среди предков егорьевцев краевед с завидным упорством ищет с самых древних времен вплоть до Ливонской войны. Дескать, балто-словены были еще в начале I тыс. н. э., «а затем в первой половине тысячелетия стали расходиться по племенам». Впрочем, если отбросить такие «праисторические» фантазии и сомнительные манипулирования древними гидронимами и топонимами на уровне «народной» этимологии, публикация В. И. Смирнова лишена иных броских недостатков – чувствуется отсутствие рядом чутких лингвистов-консультантов и вообще академических связей. Краеведа-егорьевца задевает намек на родной край расхожего глагола «объегорить» – в обеих своих книгах намекает на подходившую, по его мнению, ситуацию с переходом крестьян от одного землевладельца к другому в Юрьев день. Между тем в одном из знаменитых словарей содержится, например, очень интересный комментарий к слову «коновал» с прямым указанием на излюбленный промысел егорьевцев. Краеведение часто вообще колеблется по уровню между «кустарным» ремеслом с «народной» наивностью и «квасным» патриотизмом и с другой стороны подлинно научной деятельностью, приверженность к которой автор декларирует в предисловии своей уже второй книги. Удивляет ситуация, что нередко у нас краеведение существует почти вне контактов с научной историей. Так, в обширной Костромской области заслуженные историки местного госуниверситета работают абсолютно порознь с лучшим краеведом области Н. А. Зонтиковым, работающим под опекой местного руководства православной церкви и администрации. Его

интереснейшее исследование «Иван Сусанин: легенды и действительность» Кострома, 1997. 352 с. остается без внимания историков и приезжих киногрупп с ТВ, несомненные обоснованные открытия остаются незамеченными и неоцененными должным образом (ждем кончины автора, чтобы потом оценить и отметить разом?). Такая «корпоративность» никак не идет на пользу научной истине и традиции воспитания молодежи не на мифах, а на подлинных событиях отечественной истории. В итоге можно опуститься до «озарений» математика А. Т. Фоменко или писателя-фантаста В. Щербакова. Эрудированный профессионал легко докажет не новизну, а замшелый анахронизм подобного рода дилетантских «поисков». Вспомнить судьбу уникального деятеля первой половины XIX в. А. Д. Черткова: и в первой Отечественной войне участвовал и кровь пролил, позднее пытался проводить археологические раскопки (в числе первых трех десятков отечественных энтузиастов этого дела эпохи А. С. Пушкина!), его книги составили немалый фонд нынешней Исторической библиотеки в Москве, но вместе с тем в середине века и на склоне лет автора выпущенная им книга содержит миф о славянах в Малой Азии и их участии в Троянской войне. Патриотизм патриотизмом, «всяк кулик свое болото хвалит», но совесть-то где, научная в том числе? Кстати, не сведущие в латыни не ведают, что слово «религио» семантически связано с понятием «совесть», к чему и сводится глобальный смысл любого вероисповедания.

Между тем, в «Археологии Костромского края» (Кострома, 1997) известнейший петербургский специалист Е. А. Рябинин замечает, что на рубеже нашей эры разрозненные финские племена дьяковской культуры испытали проникновение балтских переселенцев с западной стороны. В 1999-2000 гг. экспедиция ИА РАН раскопала дьяковское городище близ д. Настасьино к северо-западу от Коломны. Это рядом с южными пределами Егорьевского края, в раннем железном веке, согласно предположениям В. И. Смирнова, населенного другими финнами – мещерой, мурома и меря. Краевед оказывается прав в том, что именно ранняя история Высоцкой волости (село Высокое/Высоцкое при Екатерине II обрело статус города и получило имя Егорьевск) содержит наибольшую научную загадку. Еще духовная грамота московского князя Ивана Ивановича Красного, отца Дмитрия Донского, в 1358 г. отметила наличие села (погоста) Мещерка. До середины XIV в. Мещерская волость являлась крайней западной частью Муромского княжества. Под властью московских князей в середине XVI в. Мещерка (была в 26 км восточнее нын. Егорьевска) являла собой центр волости с сотней поселений, служа как бы западными воротами в Большую Мещеру в нынешних Шатурском районе Подмосковья и на Рязанщине. В юго-восточной оконечности Егорьевского района располагается с. Купляим на месте центра древней волости Купли. В договоре 1382 г. Дмитрия Ивановича Донского и рязанского князя Олега Ивановича, где речь идет о разграничении московских и рязанских земель, упомянута «купля князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче». По версии В. И. Смирнова мещерский князь Александр Укович продал Дмитрию часть своей территории, затем в середине XIV в. он же в Мещерке осуществил крещение мещеры и остался волостелем Мещерской волости в Коломенском уезде Московского княжества. Согласно упомянутой духовной грамоте 1358 г. Иван Иванович «даю волости и села сыну моему Дмитрию... Мещерку у Коломны». Предположение краеведа касается существования между разраставшимися древнерусскими княжествами эфемерного Мещерского княжества, последний независимый правитель которого, судя по имени, являлся христианином. В XIV-XV вв. и рязанские князья скупали земли у мещерских князьков, так в 1402 г. в договоре Василия Дмитриевича Московского и Федора Олеговича Рязанского упомянуты Мещерские места, купленные отцом Федора - Олегом Ивановичем. В могильниках Жабкинском и Парыкинском обнаружены великолепные финские вещи и украшения, что позволило экссотруднику администрации Егорьевского района А. П. Маркову реконструировать племенной мещерский женский костюм (он экспонируется в Егорьевском краеведческом музее). Весной и летом 2003 г. по его же инициативе приглашенные археологи предварительно идентифицировали два городища-убежища – близ с. Купляим и близ с. Раменки. Археологические исследования в юго-восточной оконечности представляются

весьма перспективными, потребуется помощь специалистов из Института Археологии РАН и Государственного Исторического музея.

Историческая судьба мешерских племен была предрешена, краевед понял главное: «в этих краях, можно сказать, встретились две цивилизации – первобытнообщинная, в которой жила мешера, занимаясь охотой, рыбной ловлей, пчеловодством, довольствуясь дарами природы, и феодальная, в которой основой жизни стало земледелие и плоды его труда. У мешеряков земля, территория не была собственностью – это была среда обитания, потому они так легко и дешево уступали, соблазняясь подарками, деньгами и другими веяниями цивилизации, которая проникала в глухие мешерские края». Именно близ Раменок В. И. Смирнов предполагает появление первых славянских колонистов, причем еще в IX-XII вв. Кстати, по представлениям известного археолога А. А. Юшко до XIV в. никаких следов пребывания славян в этих краях доныне не обнаружено.

Пришельцы благодаря достижениям своей хозяйственной и культурной деятельности обладали при этом важнейшим преимуществом – демографическим перевесом. Однако мыслить следует исторично – историю экономики наших лесов надлежит изучать с учетом замечательных наблюдений Сергея Аристарховича Семенова и Юрия Алексеевича Краснова. До широкого внедрения железа в жизнь лесных племен и тем самым вообще металла в процесс добычи пищи продукты земледелия без практиковавшихся скотоводства, охоты и промыслов ради обмена не могли прокормить людей. В.И.Смирнов пишет о существенном увеличении распашки земель лишь с XV-XVI в. Должен с огорчением заметить, что лишь немногие наши даже профессионалы историки смутно представляют себе, что такое «подсечно-огневое земледелие», практиковавшееся в лесной полосе СНГ кое-где вплоть до времени коллективизации. Как это делают индейцы на юге Мексики - автор строк наблюдал сам, со скромными цифрами их урожаев, приводимые в «Истории земледелия» (Л., 1974) С. А. Семенова полностью согласен и такое земледелие нельзя считать источником для экономического процветания. Работы краеведа Смирнова весомы массой приведенных документов и собранных фактов, с которыми он сам не сумел проявить себя как аналитик. Если Высоцкая волость была приписана к владениям московского Чудова монастыря с необходимостью для крестьян платить по рублю оброка с выти пахоты, то в 1586 г. получение 50 рублей с 50 вытей означает распашку всего лишь 250-300 га земли! Если у них же монастырь покупал хмеля на 100 рублей, то можно ли говорить о торжестве культурного земледелия?

Консультация и даже научное редактирование у историков для самостоятельных краеведов все-таки должно быть правилом. Даже масштабное, достойное и качественное, в общем-то, исследование не должно содержать «факты» наподобие описания злодейств на Рязанщине в конце Смутного времени «польского шляхтича Сагайдачного», причем его отряд действовал якобы «вместе с запорожскими казаками». Для несведущих объясню весь комизм приведенного: в Крыму ещё недавно базировался флагман украинского флота «Гетман Сагайдачный». К счастью, в первой книге об Егорьевском крае подобных ляпсусов немного и они не портят впечатления в целом, во второй книге регулярны уже только технические огрехи и недостатки научного редактирования.

Между тем история иногда может претендовать на «советы из прошлого». Каждому егорьевцу полезно знать, чем занимались их предки, причем чтобы не только выжить, но и жить в достатке. Итак, по логике В. И. Смирнова, в XVI в. на его будущей родине появился рынок, «землю стало выгодно возделывать», помещикам платили оброк деньгами, погосты, став ненужными, превратились в обычные села. В начале своей второй книги пожилой краевед как бы читает мораль московским «асфальтовым крестьянам». Итак, «в годы Советской власти землю у частных отобрали, и она перешла в общественное ведение, т. е. стала ничейной... Земля, переданная сначала колхозам, а затем совхозам, плохо возделывалась, урожаи были низкие. Обобществленная земля не принесла ни духовной радости людям, ни материального благополучия. Ныне, спустя 70 лет, колхозы исчезли, как и совхозы, земля запустела, а вместе с ней запустели и деревни. Так было уже не раз в истории:

когда нет у крестьянина земли, ему делать в деревне нечего». Сам же, ссылаясь на «текущую информацию», либо отчет районных советских властей, урожайность зерновых в середине 1980-х гг. приводит 24-25 ц с га без комментариев. Но, что явствует из им же приведенных документов? – сакцентирую на сведениях о второй половине XIX в. Итак, урожаи на 1869 или 1885 гг. рожь от сам-2 до сам-3,5, овес до сам-2,5-3. Таким образом, максимальные сборы ржи составляли не более восьми с половиной центнеров с гектара, но чаще всего от 5 до 7,5. Экономический феномен Егорьевского уезда в масштабах тогдашней Рязанской губернии был абсолютно понятен классикам марксизма (Архив К. М. и Ф. Э. Т. 13. С. 165-168): доход с 1 десятины (1,09 га) земли в Егорьевском уезде с его прежде всего песчаными и подзолистыми почвами составлял 7,5 руб., в Рязанском – 9,9 руб., а в уездах с черноземами Сапожковском – 10,4, а в Раненбургском даже 12 руб. Количество земли в Егорьевском уезде в среднем приходилось на один крестьянский двор 9,4 дес., а у государственных крестьян – 10,8 дес., и в итоге годовой доход с этой земли составлял соответственно 61 и 81 руб. Для сравнения: в Рязанском уезде эти цифры были 80 и 89, а в Раненбургском уезде даже 81 и 150 руб.! Но при этом почти 21 тысяча крестьян, т. е. половина ревизских душ, занимались промыслами и уходили на заработки. Доход их от этого совокупно превышал 1 млн. 160 тыс. руб. и вместе с земельным приближался к 2,5 млн. руб., т. е. 50 руб. 62 коп. на каждую ревизскую душу или 135 руб. 44 коп. на каждый крестьянский двор – выше всех на Рязанщине. В Рязанском уезде около 20% населения занимались заработками, что давало 526 тыс. руб. или на одну ревизскую душу от общего дохода 36 руб. 60 коп. или на 1 двор - 109 руб. В Егорьевском уезде возникла большая дистанция среднего годового дохода у государственных крестьян – 145 и у бывших крепостных – 125 руб. Помимо подушной подати, земских и других сборов «освобожденные» крепостные платили со двора по 22 руб. 62 коп., а государственные крестьяне вносили оброк 6 руб. 37 коп. В итоге помещичьи крестьяне платили в среднем по 34 руб. 70 коп. (30% от дохода в 125 руб.), а государственные – 18 руб. 45 коп. (13% от дохода в 145 руб.). Итак, у бывших егорьевских крепостных больше половины доходов поступали не от земли!

В последние годы появились немало поклонников поверженной династии Романовых, истребленной террористами и революционерами. Особенно часто стеноуют по «Освободителю крестьян» Александру II. Между тем выкупной участок на ревизскую душу предполагался не более 2-2,5 дес. земли, т. е. крестьянам предлагалось не преуспевание, а выживание. Суммируя краткие сведения о селении Теребенки, В. И. Смирнов при урожайности ржи сам-2, сам-3 на одну душу выводит по 2 четверти хлеба, т. е. по 16 пудов (порядка 260 кг). Но ведь не хлебом единым сыт человек, не говоря уже о товарности и преуспевании!

На Хлудовских фабриках в Егорьевске замученные 12-14 часами труда ткачи получали в среднем ежемесячно 17 руб. У братьев Третьяковых в Костроме на знаменитой Большой Льянной мануфактуре зарплата мужчин варьировалась от 8 до 22 руб., женщин от 7 до 18. П. М. Третьяков, как явствует из его переписки, стыдился этого, но из доходов 2 млн. 200 тыс. руб. ушли на приобретение картин и родилась легендарная Третьяковская галерея. Кроме зарплаты хозяева старались помочь с обеспечением жильем (наем и строительство) и продуктами питания (льготные лавки при фабриках). Верхневолжские селяне же, как показывают исследования ярославских историков, провожали отходниками значительную часть своих мужчин – малоземелье и, что гораздо важнее, низкая урожайность не позволяли крестьянам подняться. «Худые почвы» и суровый климат – эти факторы многое объясняют в специфике развития России. Античные эллины сочли, что в Гиперборее способны жить только непохожие на них диковинные аримаспы (Аристей Проконнеский, «Эпос об аримаспах», VII в. до н. э.), они не продвинулись в ходе своей колонизации Северного Причерноморья севернее устья Дона. Космические корабли и одновременно сельское хозяйство на уровне энеолита (меднокаменного века) в СССР удивляли американцев своим парадоксальным сосуществованием. Прервавшийся 70-летний глобальный эксперимент во многом загладил этот парадокс, но пока еще больше к сожалению, нежели к счастью.

При описании «деградации» сельского хозяйства в советском Егорьевском районе Московской области В. И. Смирнов, похоже, дает несколько явно неверных цифр. Но и при

этом, где же тут логика деградации? Так, до коллективизации в 1926-28 гг. существовали 30-31,5 тыс. единоличных хозяйств. Участки обычно составляли 1,06-1,08 (?) га, урожайность: ржи – 7,2-7,5 ц с га, овса от 5,75 до 11(?) ц, картофеля – 56-68 ц, льна – 3-3,5 ц, а травы – 48-52 ц. После коллективизации в 1932-34 гг. урожайность выросла: ржи – с 8,2 до 10,6 ц, овса – с 7,2 до 12,2 ц, картофеля – от 72 до 93 ц. Прошли года и в 1985 г. урожай зерновых составлял 23,5 ц, картофеля – 72,4 ц, кукурузы – 255,9 ц, травы – 51,1 (в книге В. И. этой запятой нет), а в 1986 г. при зерновых 24,4 ц с га, картофеля будто бы собирали по 165,9 ц, кукурузы – 402,9 ц, но сена лишь по 47,7 ц. Так что же краевед В. И. Смирнов может предложить егорьевским фермерам? – по примеру бывших болгарских кооператоров взять по десятку гектаров и выращивать кукурузу на еду себе и скоту? Или же вернуться к ржаным сам-3, сам-4, т. е. 7,7-10 ц с га по образцу 1887г., и на этом преуспевать?

Достоверный факт иногда красноречивее пространных построений. Так, очевидно для В. И. Смирнова М. И. Кутузов вывел из-под Москвы 26 тыс. воинов. Чего тогда стоит эквилибристика цифр для обоснования чуть ли не победы при Бородине, что исключалось всеми историками мира (и Ф. Энгельсом, хоть и не историком, в том числе), кроме наших? О грустном, но очевидном, лучше молчать – это намного честнее, нежели лгать. А егорьевцам можно вспомнить свое важное: в 1859 г. на упомянутых Хлудовских фабриках производили продукции на 2,5 млн. руб. тогда как все прочие заводы Рязанщины – на полмиллиона. Вскоре активизировались и промышленники в Касимове, но до самого истекшего недавно века Касимов и губернский центр заметно уступали Егорьевску в смысле концентрации рабочей силы и фабрично-заводского производства. В 1860 г. фабрик в Егорьевске было 14, а в Рязани лишь 7 с гораздо меньшим объемом производств. В середине XIX в. дровяной лес стоил 40-50 руб. за 1 дес., а строевой даже 125-130 руб. Вот почему егорьевские купцы-промышленники проявляли пристальный интерес к овладению лесными богатствами своего уезда. Таким образом, для преуспевания нынешним егорьевцам остается или уезжать на заработки, но уже не в качестве плотников, бондарей или печников, коими славились предки. Либо же потребуются возрождать или основывать промышленные предприятия и грамотно вести лесное хозяйство. При нынешней демографической ситуации в нашем Отечестве возможно и возвращение к лесным промыслам на манер древних финнов-мещеры (достаточно многие в России практически так и живут), но тогда нас, скорее всего, скоро поглотит волна чужой колонизации. Следует научиться хозяйничать у себя результативно и не отвлекаться поначалу на малоперспективные дела, иначе же этому научат другие – императив Истории.

Запустение приегорьевских сел и деревень связано не с судьбами полуубыточных колхозов и совхозов, а как раз наоборот. Великолепная статистика В. И. Смирнова демонстрирует, что каждый десятый егорьевский селянин из общего числа крестьян не вернулся с фронтов Великой Отечественной войны и добавим к каждому погибшему еще двух-трех покалеченных. Города не были столь обескровлены. Состарились солдатские вдовы, и это во многом решило участь села. Слишком уж дорого нам обошлась победа в Берлине. За победу в Париже в 1814 г. Рязанщина заплатила жизнями полутора десятков тысяч жизней бойцов. Вместо 1-2 рекрутов из 500 жителей Россия тогда с напряжением в августе 1812 г. отправляла 8, даже беря во внимание соотносительные цифры численности населения, такие наборы несопоставимы с кошмаром 1941 года.

А пока браво егорьевскому ветерану-краеведу! По его книгам можно в школах района занятия и кружки проводить по историческому краеведению – есть масса пищи для ума, но нужны и эрудированные, грамотные комментаторы после отечественной высшей школы. Почти все приведенные здесь факты использованы из книг В. И. Смирнова. Ветеран стал затем готовить новую книгу, как говорят, о персоналиях знаменитых егорьевцев. Им опубликована ещё книга о Гуслице – крупном центре русского старообрядчества. Пример достоин подражания, история других подмосковных районов не менее интересна, надо только этим заняться.

Библиография:

1. Смирнов В. И. Мы – егорьевцы. М., «Энциклопедия сел и деревень», 1999. 472 с.

2. Мы- егорьевцы. Кн. 2/Сост. В. И. Смирнов. М., 2003. 551 с

УДК 069:616.98

РАБОТА МУЗЕЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Марин Людмила,

магистр гуманитарных наук, директор НГИЭМ им.Д.Кара Чобана, Бешалма, РМ

e-mail: karbona@mail.ru

orcid.id: 0000-0003-4379-4800

Abstract. The article discusses the experience of the museum in a pandemic. The pandemic has become a serious test for the museum. Interaction with visitors, the use of interactive methods most fully allows you to realize the mission of the museum - to preserve and broadcast the cultural heritage of the Gagauz people. At the same time, overcoming the difficulties made it possible to acquire a new experience, useful for the work of the museum, which will be actively used in the future. The competence of the museum staff in the field of information technology has sharply increased. Thus, an important step was taken in the development of digitalization of the museum's work.

Key words: museum, pandemic, Gagauz culture, digitalization, online events

Музей является не только местом собирания, хранения и изучения предметов материальной культуры народа, но и место, где выстраивается концепция образа прошлого. Именно музеи яркий пример «мест прошлого» в трактовке Пьера Нора.

Задача мест память – хранить память группы людей, в том числе этноса. Хотя память, согласно П.Нора всегда укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте [2, с.20], но материальные объекты сами по себе не являются ее хранителями: они вписаны в образ прошлого, в нем обретают свой смысл.

Формирование образа прошлого связано с возрастанием самосознания группы, в том числе этноса. Таким образом, задача музея – помочь посетителям ощутить связь с коллективной памятью народа.

Согласно П.Нора «память это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [2, с.22]. Именно поэтому подлинная жизнь музея связана с активным взаимодействием с посетителями музея. Это в очень большой мере относится к Национальному гагаузскому историко-этнографическому музею им Д.Карачобана. С момента своего основания музей был ориентирован на изучение, сохранении и даже развитие гагаузской культуры, изучение истории гагаузского народа. За полвека своей работы музей стал центром притяжения для людей, интересующихся гагаузской культурой и историей гагаузского народа.

В музей приходят учащиеся села Бешалма и всей Гагаузии, исследователи из Молдовы и других стран, патриоты, туристы, те, кто знает что-то о гагаузской культуре и те, кто ничего о ней не знает. Работники музея прилагают большие усилия для того, чтобы упоминаемое П.Нора переживание связи с вечным настоящим было ярким и полным.

Для этого используются различные интерактивные методы.

Так, например, посетителям музея предлагается надеть национальную гагаузскую одежду и принять участие в реконструкции определенного гагаузского этнического обряда. Как правило, выбор обряда определяется в соответствии с календарной обрядностью гагаузов.

В музее создан фонд национальной одежды различных размеров. Такого рода мероприятия сочетаются с экскурсией по музею. На рис.1. в гагаузской национальной одежде запечатлены участники традиционного Круглый стол «Символическое пространство Гагаузии и проблематика мест памяти. Проблемы сохранения и развития гагаузской культуры», представители научного сообщества Болгарии, Украины, России, Молдовы.

Пандемия резко сократила количество посетителей музея. Так, за 2021 г музей посетили только 2887 человек [3].

Однако ситуация пандемии заставила работников музея резко повысить компетенции в области информационных технологий. В итоге количество посетители он-лайн– возросло до 90 967 человек [3]. Музей активно представлял результаты своей работы в социальных сетях.

Так на странице Facebook за 2021 год было представлено 159 разработанных тем, вызвавших большой интерес. Общедоступная группа «НГИЭМ им. Д. Кара Чобана» в настоящее время насчитывает более 1,7 тыс. участников [1].

Работники музея дали 15 интервью на гагаузском радио и 11 интервью на телевидении[3].

По-прежнему проводились культурно-просветительские мероприятия (12 за год) и научные мероприятия (3 за год) [3].

Для того чтобы расширить электронные ресурсы музея проводилась и проводится системная и последовательная работа по составлению аналитических записей, формированию электронной базы данных.

Важный методологическую консультацию для расширения процесса цифровизации в 2020 году оказал доктор истории, доцент, специалист в области исторической географии и картографии, исторической этнологии Председатель неправительственной научной организации „Дружество ДИОС“ . директор на Национального центра дигитализации ННЕК-ЮНЕСКО на Балканах, в Черноморском регионе и Кавказе Тошо Спиридонов (Болгария) в рамках февраля традиционного Круглого стол «Символическое пространство Гагаузии и проблематика мест памяти. Проблемы сохранения и развития гагаузской культуры», который Национальный гагаузский историко-этнографический музей им.Д.Кара-Чобана проводит совместно с Комратским государственным университетом с 2016 года.

В этом году Круглый стол прошел в смешанном формате: работники музея пришли на работу, а участники из Молдовы, Украины, России и Турции встретились online. Вела мероприятие доктор философии А.К.Папцова. Хотя такой формат не в полной мере позволял ощутить «эффект присутствия», однако проявились и очевидные преимущества смешанного формата – значительное число участников (52 участника), возможность приобщить к гагаузской культуре посредством просмотра видеоматериалов, в том числе документальных фильмов и музыкальных клипов. Активный диалог, диалог участников, диалог эпох и культур сделал мероприятие запоминающимся и эмоционально-насыщенным.

Эти преимущества позволяют предположить что и после пандемии смешанный формат будет востребован, хотя соотношение очных и заочных участников должно измениться.

В конечном счете можно сделать следующие выводы: пандемия стала серьезным испытанием для музея. Взаимодействие с посетителями, использование интерактивных методов наиболее полно позволяет реализовать миссию музея – сохранять и транслировать культурное наследие гагаузского народа. Вместе с тем, преодоление трудностей позволило обрести новый, полезный для работы музея опыт, который будет активно использоваться в будущем. Резко повысилась компетенция работников музея в сфере информационных технологий. Таким образом был сделан важный шаг в развитии цифровизации работы музея.

Библиография:

1. НГИЭМ им.Д.Карачобана. Общедоступная группа.[Электронный ресурс]
<https://www.facebook.com/groups/256803205346473> Дата обращения 20.01.22
2. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти //Франция-память. Спб, 1999, 328 с.
3. Отчет о деятельности Национального гагаузского историко-этнографического музея им. Д.Н. Кара Чобана за 2021 год

Приложение

Рис.1.Участники Круглого стола
«Символическое пространство Гагаузии и
проблематика мест памяти. Проблемы
сохранения и развития гагаузской культуры»
(февраль 2020)

Рис.2.Участники Круглого стола
«Символическое пространство Гагаузии и
проблематика мест памяти. Проблемы
сохранения и развития гагаузской
культуры» (февраль 2020)

Рис.3. Участники Круглого стола
«Символическое пространство Гагаузии и
проблематика мест памяти. Проблемы
сохранения и развития гагаузской культуры»
(12 февраля 2022)

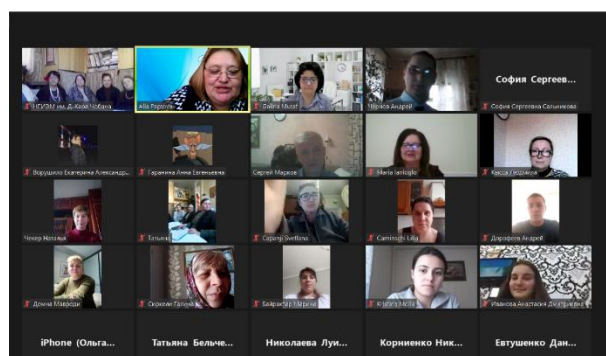

Рис.4. Участники Круглого стола
«Символическое пространство Гагаузии и
проблематика мест памяти. Проблемы
сохранения и развития гагаузской
культуры» (12 февраля 2022)

Рис.5.Воспитательная работа с
учащимися

Рис.6. Презентация книги

УДК 37.091:93(478-29)

РОЛЬ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО МИРА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПРОШЛОГО ГАГАУЗСКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ДОУНИВЕРСИТЕТСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ГАГАУЗИИ

Мутаф Галина,

доктор педагогики, зав каф. гагаузской филологии и
истории, КГУ, Комрат, РМ,
e-mail: galinamutaf@mail.ru
orcid id:0000-0001-5656-8832

Мутаф Сергей,

магистрант группы МПИ20
e-mail: sergheimutaf@mail.ru

Abstract. The article examines the role of the history of the Turkic world in shaping the image of the past of the Gagauz people in the context of the problems of teaching history in pre-university educational institutions of Gagauzia. Since the 30s of the twentieth century, the historiosophical concept has been inscribed in the history of the Gagauz in the history of the Turkic world. Throughout the twentieth century, the attitude of the Gagauz towards the Ottoman Empire and Turkey has changed: from emphasizing the oppression of the Gagauz in the Balkans to recognizing the Turks as a people, fraternal Gagauz. However, the inclusion of the history of the Gagauz world in the history of the Turkic world is still symbolic. Additional measures are needed to study the Turkic world.

Key words: history of the Gagauz people, history of the Turkic world, image of the past, "history, culture and traditions of the Gagauz people"

Гагаузский народ, создавший самобытную культуру и добившийся в конце XX века автономии прошел долгий путь исторического развития. Находясь на перекрестке нескольких культурных миров – православного, тюркского, балканского, русского, европейского, он формировал собственную этнокультурную идентичность. Х.Бхабха так определяет сущность этого процесса: «эти пространства «между» становятся фундаментом для выработки стратегии самости – индивидуальной или коллективной, – которые порождают новые черты идентичности, новые зоны взаимодействия и попытки переосмыслить идею общества самого по себе» [1, с.162].

Этапы процесса формирования этнического самосознания были изучены М.Н.Губогло, Е.Н.Квилинковой, Н.В.Аникиным, Д.Е.Никогло. М.Н.Губогло уделяет особое внимание этнической мобилизации гагаузов. В таких своих трудах, как «Русский язык в этнополитической истории гагаузов», «Именем языка» и др. М.Н.Губогло выделяет этапы, факторы и особенности, к числу которых он относит рождение культа Прошлого [2, с.111]. Детальное исследование процесса формирования образа прошлого гагаузов предпринимает А.К.Папцова, посвящая этому ряд своих статей. Согласно ее концепции начало его относится к концу XIX века [5, с.20]. Первая историософская концепция гагаузов нашла отражение в «Биографическом очерке рода и фамилии Чакир», написанном протоиереем Дмитрием Чакиром. Согласно этой концепции православная идентичность для гагаузского народа имела такое значение, что ради ее сохранения гагаузы пожертвовали родным славянским языком, ведь в конечном итоге они принадлежат «болгарской нации, славянского племени» [7, с.25]. Сочетание православной идентичности и тюркского языка привлекало внимание исследователей и вновь и вновь возвращало к вопросу об этногенезе гагаузов. Задается им и В.А.Мошков, собравший гагаузский этнографический материал и считавший их прежде всего тюркоязычным народом [3]. К этому времени турецкий мир постепенно переставал быть для Европы самым главным «Другим», помогавшим консолидировать европейскую идентичность. Еще в конце XIX датчанин В.Томсен расшифровал тюркскую руническую письменность. Блестяще образованный европеец В.В. Радлов оставляет Германию и становится подданным Российской империи ради возможности изучать и публиковать образцы наречий тюркских народов. 10-й том его издания будет посвящен гагаузам – он издаст материалы, собранные

В.А.Мошковым. В начале XX века возрастает значение языковой идентичности гагаузов. Этому способствует то, что просветитель гагаузов протоиерей Михаил Чакир добивается разрешения вести службы на гагаузском языке и переводит на него религиозные тексты. В 30-е годы он создает программное историософское произведение на гагаузском языке «Историю гагаузов Бессарабии» (1934), в котором включает историю гагаузов в историю тюркского мира, подчеркивая, что «гагаузы происходят от турок-узов, огузов, от настоящего тюркского рода» [8, с.88]. Эта ориентация остается неизменной и в 80-е годы XX века ее подкрепляет в своем романе «Узун Керван» Д.Танасоглу. В период этнической мобилизации гагаузов «исторический флаг» гагаузов украшает морда волка, символ, популярный у тюркских народов. В настоящее время расширяется сотрудничество Гагаузии с тюркскими странами, прежде всего с Турцией и Азербайджаном. Оно принимает разные формы – от визитов президентов Турции С.Демиреля и Р.Т.Эрдогана в Комрат до помощи строительства зданий в Гагаузии

В еще большей степени возрастает значение гагаузского языка, развивается литературная традиция и появляется научная литература на гагаузском языке. В большой степени этому способствует деятельность Комратского государственного университета и прежде всего кафедры гагаузской филологии и истории, а также Научно-исследовательского Центра Гагаузии им.М.В.Маруневич. Огромную практическую работу продвигают учителя гагаузского языка. Помимо языка и литературы они преподают предмет «История, культура и традиции гагаузского народа», который преподается в начальном и гимназическом звене. Так как этот предмет преподают филологи, то они больший акцент придают культуре и традициям. Но образ прошлого все же сохраняет преимущественно символическо-мифологический характер. Долгое время основное значение придавалось проблемам этногенеза, хотя в истории народа происходили очень важные события – создавалась и переживала этапы становления гагаузская автономия.

Развивается символическое пространство гагаузской автономии, развиваются «места памяти», в том понимании, какое вкладывает в эти понятия П.Нора [4], Освоение истории тюркского мира происходит весьма медленными темпами -как в плане усвоения основных мифологем и значимых персоналий, так и в плане освоения символического пространства: несмотря на то, что знаменитый гагаузский скульптор А.Карачобан достаточно давно создал проект памятника Огуз-Хану, вплоть до настоящего времени он не реализован. Возможно, наиболее популярным тюркским персонажем остается Ходжа Насреддин – Настрадаин в гагаузских сказках. Для того, чтобы ситуация изменилась, необходимо больше текстов для детей, описывающих события истории тюркского мира. Событием в этом направлении стало написанная С.С.Булгаром книга для детей на гагаузском языке по истории гагаузов и тюркского мира «Gagauzların istoriyası orta asirlerdän büünkü günä kadar», изданная в 2021 году и презентованная в Комратском государственном университете [6]. Постепенно меняется отношение к истории Османской империи. Если авторы XIX века подчеркивали значимость переселения гагаузов с исторической родины на земли Буджака и подчеркивали в качестве причины притеснения гагаузов со стороны властей, то в настоящее время турецкий народ представляется для гагаузского братским. В связи с тем, что в курсе истории, преподаваемой в доуниверситетских учебных заведениях мало времени уделяется и истории Османской империи и истории Российской империи, то и история русско-турецких войн остается вне пределов особого внимания учащихся. Ускользает от осмысления и связь между этими войнами и миграцией «задунайских переселенцев» гагаузов и болгар. Это устраняет противоречия между образом прошлого, создаваемым авторами XIX века и современным образом прошлого. Но это не снимает значения проблем, связанных с преподаванием предмета «История, культура и традиции гагаузского народа». То, что его преподают филологи – объяснимо – он должен преподаваться на гагаузском языке. Однако необходимо дать преподавателям историческую подготовку. Это могли бы решить курсы по истории гагаузского народа и магистерский курс по истории гагаузского народа. В Комратском государственном университете все студенты изучают предмет «История гагаузского народа»

на гагаузском языке. Однако, для будущих преподавателей предмета «История гагаузского народа» необходимы дополнительные дисциплины. Одной из них может стать история тюркских народов.

В конечном итоге можно сделать следующие выводы: с 30-х годов XX века историософская концепция вписывает историю гагаузов в историю тюркского мира. На протяжении XX века меняется отношение гагаузов к Османской империи и Турции: от подчеркивания притеснения гагаузов на Балканах до признания турков народом, братским гагаузскому. Однако включение истории гагаузского мира в историю тюркского мира по-прежнему является символическим. Необходимы дополнительные меры по изучению тюркского мира.

Библиография:

1. Бхабха Х. Местонахождение культуры. В: Перекрестки. 2005, № 3-4, с. 161-192
2. Губогло М.Н. Именем языка. Москва: Наука. 2006.
3. Мошков А.В. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004
4. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб, 1999, 328 с.
5. Папцова А.К. Эволюция образа прошлого гагаузов // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы V Международной научной конференции, Москва 23 апреля 2021 г. — М.: МХПИ, 2021. С. 20-29.
6. Презентация новой книги доктора истории Степана Булгара в читальном зале библиотеки КГУ [Электронный ресурс]
7. <https://kdu.md/ru/struktura-universiteta/biblioteka-kgu/item/1862-prezentatsiya-novoj-knigi-doktora-istorii-stepana-bulgara-v-chitalnom-zale-biblioteki-kgu> Дата обращения 20.01.22
8. Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев: Pontos, 2005. С. 25-57.
9. Чакир М. История гагаузов Бессарабии. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев: Pontos, 2005. С. 80-10

УДК 634.8+663.25(478)(091)

1-Я ВЫСТАВКА ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ В КОМРАТСКОМ РАЙОНЕ (4-5 СЕНТЯБРЯ 1911 г.)

Муткогло Андрей,

магистр гум. наук, руководитель ИКЦ «Дом музей им.С.Топала», Комрат, РМ

e-mail: mutkoglo-andrei@mail.ru

Abstract. This article discusses various aspects of the first exhibition of viticulture and winemaking, held in Comrat on September 4 and 5, 1911. The author pays special attention to its important role in the economic and cultural life of the southern part of the Bessarabian province at the beginning of the twentieth century.

Key words: Exhibition, Comrat, Gagauz, viticulture, winemaking, organizing committee, courses.

Не секрет, что сегодня выставочный бизнес занимает значительную долю рынка практически во всех странах мира.

В России, частью которой Бессарабия была в начале двадцатого века, развитие профессиональной выставочной индустрии началось в этот период в конце двадцатого века. XIX – Начало двадцатого века. По мнению В.Г. Денисова и Ю.А. Никитина, изучавших этот процесс, «к началу XX века в Российской империи был накоплен большой опыт выставочного бизнеса, сложились стандарты организации международных, региональных, глобальных и

отраслевых выставок» [2, с. 41]. Они также приходят к вполне обоснованному суждению, что в то время *«мир, а вместе с ним и Россия, переживали своеобразный выставочный бум»*.

Императорское российское правительство высоко отзывалось о том же выставочном деле, делая вывод, что выставка способна воздействовать на настроение масс.

В это время выставка вызвала интерес не только у высших классов Российской империи, но и у простых крестьян. Это во многом определялось повышением уровня жизни и образовательного уровня населения, что, по мнению Денисова В.Г. и Никитина Ю.А., *«стимулировало интерес к искусству и ремеслу, а начало фабричного производства произведений декоративно-прикладного искусства сделало такие изделия доступными широкой публике, что в свою очередь стимулировало проведение различных художественных и ремесленных выставок, сыгравших заметную роль в зарождении современного искусства»* [2, с. 42].

Сельскохозяйственные выставки в рассматриваемый период относились к основным отраслям землеустройства и сельского хозяйства. Денисова В.Г. и Никитина Ю.А. констатируют, что *«в рассматриваемый период выставки стали менее распространенными – стали организовываться выставки по отдельным направлениям сельского хозяйства»* [Там же].

Одной из наиболее распространенных форм организации оставались местные общие сельскохозяйственные и ремесленные выставки, организуемые провинцией, округом или кантоном. Районный или провинциальный Пластины. Эти выставки, помимо практического значения, сами по себе имели большое образовательное и общеобразовательное значение, о чем свидетельствует тот факт, что во время многих из них участникам читались лекции, организовывались производственные экскурсии и демонстрировалось производство товаров.

Такой была и первая волостная выставка виноградарства и виноделия, проходившая в селении Комрат 4 и 5 сентября 1911 года. Которая была организована Земским собранием на 42-й очередной сессии, где было санкционировано предложение Управы об устройстве съезда хозяев–виноградарей, прошедших курсы прививки виноградной лозы, с целью подвергнуть конкурсу привитые виноградные саженцы, лично заготовленные курсистами.

Управа в самом начале организации по устройству съезда усмотрела, что исключительно ограничиваться сводкой филлоксероустойчивого привитого материала далеко нельзя будет иметь определенной картины деятельности курсистов-поселян. Поэтому, в программу практических курсов прививки виноградной лозы вошли также вопросы по другим основным отделам виноградарства.

Незадолго до выставки в селе Комрат были организованы и проведены курсы по прививке винограда, которые были организованы земским собранием и волостью еще в 1907 году. Это было сделано по двум причинам: во-первых, чтобы повысить профессиональные навыки местных виноградарей и виноделов, а также для того, чтобы участники могли принять участие в конкурсе по прививке лозы, которые они сами подготовили [5, с. 1].

Накануне выставки организаторы провели тщательный анализ ситуации с выращиванием винограда на юге Бендерского уезда, после чего оргкомитет, принимая во внимание, что культура виноградарства переходит в новую фазу своего развития, требующего осмысленной постановки, решил, что целесообразно в целях выяснения современного состояния виноградарства в южной части Бендерского уезда, а также выработки, путем обмена мыслей, ближайших очередных мероприятий по помощи виноградарству, организовать выставку виноградарства и виноделия в селе Комрат в форме опыта провести ее в Комрате 4 и 5 сентября 1911 года после получения необходимого разрешения от губернатора губернии [Там же].

По результатам анализа приоритет был отдан селу Комрат. Организаторы пришли к справедливому выводу, что *«Комрат на начало XX века представлял собою центр южной винодельческой полосы уезда, к каковому центру по характеру культуры винограда, времени созревания сортов тяготели села Чадыр-Лунгской, Чимишлийской и Абаклыджабской волостей»* [5, с. 2].

В состав организационного комитета по организации и проведению выставки вошли: *«земский гласный И. А. Кара, земский начальник С. П. Тодоров (Комрат), земский начальник А. И. Григорьев (Чадыр-Лунга), Комратский волостной старшина Г. Г. Койчев, Комратские виноградовладельцы: И. Н. Сибов, Е. И. Сарюгло, С. П. Момчев, о. А. Димитриев, З. Д. Златов, о. Фрипту, А. С. Койчев, о. Д. Улинич и председатель Ферापонтьевского сельскохозяйственного общества Е. Н. Брунь»* [Там же].

Первое организационно-консультативное заседание выставочного комитета состоялось в с. Комрат 11 июля 1911 года. В ходе заседания председателем комиссии был избран *«земский начальник С. П. Тодоров, секретарем — помощник уездного виноградаря Е.И. Бахталовский, которому Управой по устройству было поручено общее руководство организацией выставки»* [Там же].

Деятельность комитета выставки распространялась не только на приглашение местных виноградарей и виноделов. Но и в ее административном сопровождении, а также материально-техническом оснащении. Так, согласно отчету, сформированному после проведения выставки, организационной комиссией под проведение выставки было отведено обширное помещение волостного правления и часть улицы, прилегающей к фасаду правления.

Работы по организации выставки были начаты 25 августа *«во внутренних помещениях зданий были установлены специально устроенные столы и витрины, а часть улицы была с двух сторон огорожена»* [5, с. 3].

Первые участники, приглашенные на выставку, стали приезжать ещё 2-го сентября, а приём экспонируемых материалов осуществлялся оргкомитетом до 3 сентября. Необходимо отметить, что многие из прибывших принимали участие и в подготовке выставки, так *«непосредственное участие в организации выставки приняли земские инструкторы Боканча и Доментий, виноделы сел Кирютня, Ферापонтьевка, Чадыр-Лунга. Управой в состав экспертной комиссии были привлечены: господин консультант по вопросам виноградарства и виноделия Таиров, лаборант Бессарабского училища виноделов П. Н. Дэллэ, руководитель Быковецкого питомника американских лоз М. И. Соколов, секретарь редакции журнала «Бессарабское Сельское Хозяйство» Н.К. Могилянский, руководитель Бузиновского питомника американских лоз Щербатюк»* [Там же].

Непосредственное открытие выставки состоялось *«в 12 часов дня 4 сентября в присутствии господина Председателя Управы К. А. Мими, члена Управы С. А. Кара, земских А. А. Челебидаки, И. А. Кара, состава комитета выставки и большого количества участников, хозяев – виноградарей, приехавших из разных сел южной части Бендерского уезда. Торжественное открытие первой районной выставки виноградарства и виноделия телеграфно приветствовали: г. Бессарабский Губернатор, земский гласный барон А. О. Стюарт, а также консультант по вопросам виноградарства и виноделия В. Е. Таиров»* [5, с. 4].

Важно отметить тот факт, что первая выставка виноградарства и виноделия в селе Комрат отнюдь не была узкоспециализированной и помимо непосредственно виноградарства и виноделия подразделялась на следующие отделы:

- 1) отдел прививочно-посадочного материала,
- 2) научно-показательный отдел,
- 3) отдел литературы по вопросам виноградарства и виноделия,
- 4) отдел винодельческих машин.

В состав комиссии по отделу виноградарства вошли: *«уездный виноградарь А. П. Билло, его помощник И. Е. Бахталовский, агент по обнаружению фальсификации вин С. В. Пристуна, уездный плодовод Л. В. Чехович, заведующий Бузиновским питомником Щербатюк»* [Там же].

По отделу виноделия: *«председатель Управы К. А. Мими, А. П. Билло, С. В. Пристуна, А. В. Чехович, А. И. Григорьеву и лаборант Бессарабского училища виноделия П. Н. Дэллэ»* [Там же].

Выставка стала также и соревновательной площадкой. В связи с этим *«на выставке была организована экспертная комиссия, присуждавшая награды хозяевам – виноградарям»* [Там же].

Организационной комиссией помимо всех вышеуказанных функций также проводился сбор статистической информации. В последствии комиссией на основе полученных данных, полученных по итогам изучения выставочного материала была установлена следующая картина преобладающего, в южном районе уезда, сорта столового и винного винограда.

Винные				Столовые			
	Белые	№	Красные	№	Белые	№	Красные
1.	Держанка	1.	Растрёпа	1.	Шасли золотой	1.	Шасли розовый
2.	Гордина	2.	Батуга-нягрэ	2.	Алеппо	2.	Мускат гамбургский
3.	Фленкиш	3.	Фербер	3.	Бикан	3.	Крымский «Асма»
4.	Алиготэ	4.	Салфин				
5.	Гама белая	5.	Гама бургундское				
6.	Мускат фронтиньянский	6.	Гама фрео				
		7.	Сенсо				
		8.	Каберне савиньон				

Экспертная комиссия высоко оценила представленный сортимент заключив, что *«продемонстрированные на выставке образцы винограда представляют собой ценнейший материал, который может удовлетворить запросы рынка»* [5, с. 10].

По окончании выставки ее участниками в адрес властей было озвучено пожелание об устройстве периодических курсов практического виноградарства и виноделия и принятию мер к убеждению винодельческого населения края осуществлять уборку винограда только после его полного созревания.

В связи с этим «в комитет выставки поступило 213 книг, посвященных виноградарству и виноделию для их продажи курсистам и участникам выставки. Всего было продано 110 книг. Для бесплатной раздачи посетителям и участникам выставки Уездная Управа подготовила следующие материалы;

- 1) Как поступить с виноградными кустами, пострадавшими от мороза 350 шт.
- 2) Меры борьбы с «Мильдией» 400 шт.
- 3) Способы посадки и обрезки виноградного куста 450 шт.
- 4) Краткие сведения о применении культуры чистых дрожжей 400 шт.
- 5) Программа школы садовых рабочих при земском питомнике «Миссильдра» 100 шт.
- 6) Каталог питомника американских лоз «Миссильдра» 100 шт.

Всего брошюр 1800 шт. [5, с. 15].

Место под отдел винодельческих машин было отведено на площади, прилегающей к зданию волостного правления, где участники могли экспонировать различные приспособления и орудия труда, необходимые виноградарю и виноделу.

1) *Комратский склад Бендерского Земства с.-х. машин выставил: культиваторы, садовые плуги, пульверизаторы, прессы и винные бочки.*

2) *Машиностроительный завод Резнера (Тарутино, Ак. уезда) экспонировал: винодельческие прессы, дробилки, культиваторы и садовые плуги.*

3) *Машиностроительный завод «Прогресс» (Тарутино, Ак. уезда) экспонировал винодельческие прессы и дробилки [5, с. 15].*

Двум машиностроительным заводам Комиссия распорядилась выразить благодарность за экспонирование хороших винодельческих прессов и садовых плугов. Преимущественная часть которых была на выставке распродана.

Стоит отдельно отметить, что экспонированием выставка не ограничилась. Помимо практической, выставка имела также и научную значимость. Так, для виноделов и виноградарей региона на выставке были устроены своеобразные лекции, проходившие в форме бесед:

1) по виноделию, которые велись 4-5 сентября в здании земского училища лаборантом Бессарабского училища виноделия П. Н. Дэлэ. После завершения беседы, уездный виноградарь А. П. Билло раздал заинтересовавшимся 35 порций культуры «чистых дрожжей» [5, с. 16];

2) по виноградарству, беседы велись специалистом А. П. Билло и его помощником И. Е. Бахталовским. В отделе Ферапонтьевского сельскохозяйственного общества вел беседы председатель общества Е. Н. Брунь [5, с. 17];

3) помимо этого, на выставке был организован прививочный отдел, где участники – курсисты могли продемонстрировать усвоенные ими способы прививки виноградной лозы, стратифицирование прививок в песке и мохе и т.д. Собранным посетителям давали необходимые пояснения следующие курсисты;

А. А. Буц (с. Ферапонтьевка на русском языке);

В. И. Делибалтовъ (с. Кирютняна болгарском);

И. Н. Косоловский (с. Абаклыджаба на молдавском);

Д.Н. Навочлы (с. Чадыр Лунга – на гагаузском) [Там же].

Беседы, устроенные курсистам, вызвали среди слушателей и поселян большой интерес.

Об этом свидетельствует финансовый анализ, проведенный организационной комиссией по итогам выставки:

«Средства на проведение выставки состояли из:

1) 150 руб., ассигнованных Комратским волостным управлением,

2) 40 руб., ассигнованных земским собранием 42 очередной сессии,

3) наград от Леонтьевского (А. П. Ефремова), Бороганского (С. А. Карра) виноградных хозяйств и винодельческого хозяйства К. А. Мими (Культиватор, пульверизатор, винная бочка и серебряный кубок),

4) наград Ферапонтьевского сельскохозяйственного общества.

На оборудование для организации выставки, покупку наград (культиваторы, пульверизаторы, набор садовых инструментов), печатаное свидетельство, объявление, бланки и пр., Управой было потрачено 140 руб. (не считая финансирования со стороны Комратского общества). Таким образом, сверх сметного ассигнования образовался перерасход в сумме 100 руб.» [Там же].

Необходимо отметить что экспонаты Ферапонтьевского сельскохозяйственного общества (сорта винограда, вина, привитые саженцы, американские подвой) были сосредоточены в специально отведенном помещении. Ферапонтьевское сельскохозяйственное общество, субсидируемое Бендерским уездным земством, официально было открыто 25 марта 1910 года; Управа в своих отчетах минувшему очередному земскому собранию сообщила, что Ферапонтьевское сельскохозяйственное общество явилось результатом сплоченности хозяев, прошедших курсы прививок виноградной лозы в 1907 году [5, с. 5].

Отдел общества давал ясную картину развития местного виноградарства и виноделия и указывал на проявление со стороны членов самодеятельности [Там же].

Еще одним, как нам кажется положительным результатом проведенной выставки стали также курсы прививки виноградной лозы 1913 года, которые были организованы Управой и финансировались Губернским Земельным Департаментом ввиду «громадного значения кустарного производства привитых виноградных саженцев, и того, что в Бендерском уезде среди хозяев – виноградарей, имеется большое желание прослушать курсы» [6, с. 3].

Хозяева – виноградары тех пунктов, где были назначены курсы прививки виноградной лозы, о времени начала курсов были оповещены путем специального объявления, отпечатанных Комитетом в массовом количестве. Помимо объявления, каждый руководитель в отдельности был командирован организационным Комитетом в села, где назначены курсы, с целью привлечения на курсы наиболее сознательных хозяев, которые, получив соответствующие знания на курсах, могли-бы явиться на местах агентами по распространению основ рационального виноградарства [6, с. 4].

Каждый руководитель курсов в отдельности был снабжен серией наглядных таблиц по виноградарству.

Помимо этого, каждый руководитель курсов был снабжен несколькими экземплярами привитых виноградных саженцев с 1 и 2-х-летней корневой системой.

Для бесплатной раздачи хозяевам – курсистам, а также хозяевам, временно прослушавшим курсы – руководителям были вручены следующие популярного содержания брошюры и плакаты по различным вопросам виноградарства:

- *Программа курсов – издание Комитета – 500 экз.*
- *Посадка привитых виноградных саженцев, – изд. Комитета – 400.*
- *Способы посадки и обрезки виноградного куста с 10 рис. в тексте, сост. А. П. Билло и Е. Бахталовским, изд. Бендерского Земства – 250.*
- *Меры борьбы с грибной болезнью, сост. Комитетом, изд. Бендерского Земства – 500.*
- *Что такое виноградная болезнь милдью и как бороться с нею, – сост. Н. Н. Килияновым – 100.*
- *Как поступать с виноградными кустами, пострадавшими от мороза, с 7 рис. в тексте, – сост. А. П. Билло и Е. Бахталовским, изд. Бендерск. Земства – 50.*
- *Как восстанавливать виноградники в Бессарабии с 81 рис. в тексте, сост. П. А. Фором – издание Бессарабск. Губернск. Земства – 100.*
- *О культуре столовых сортов винограда, сост. В. В. Яновским, – изд. Бессар. Губернск. Земства – 100 экз.*
- *О разведении привитых на американской лозе виноградных саженцев с 19 рис. в тексте, – издание Бессар. Губернск. Земства – 100.*
- *Правила школы садовых рабочих при Бендерском земском питомнике американских лоз „Миссильндра“, – издание Бендерского Земства – 100.*
- *Плакат – „уход за молодой посадкой в течение первого года “сост. и изданный на средства Комитета [6, с. 11].*

Курсы по прививке виноградной лозы велись теоретически и практически. В виде нормы было установлено в день 2-часовое теоретическое занятие и 4 часа уделялись практическим работам. Однако, в виду громадного интереса, который проявляли хозяева-виноградари к курсам, в большинстве случаев теоретическим занятиям приходилось уделять в день 4 – 5 часов [6, с. 8].

Практические занятия также велись все 6 дней. Так, в 1-й день был посвящен обучению курсистов Английской прививке: срезам привоя и подвоя. 2-й день. Английской прививке: срезам на язычки и соединению привоя с подвоем. 3-й день. Английской прививке: соединению привоя с подвоем и обвязке. 4-й день. Прививке в полный расщеп: срезам привоя и подвоя, соединению их и обвязке. 5-й день. Стратификации, посадке в школку, посадке саженцев. 6-й день. Образке виноградника, подвязке, окучиванию и закопке [Там же].

По завершению курсов, для проверки знаний хозяев, прошедших курсы прививки виноградной лозы, в каждом отдельном случае созывалась особая экзаменационная Комиссия, в состав которой входили члены Комитета, руководители курсов, земские агрономы, агрономические инструктора, приходские священники, учителя народных школ и те из местных хозяев, которые в той или иной степени содействовали развитию виноградарства на рациональных началах. Среди Комиссии избирался председатель, руководивши экзаменами и распределением среди курсистов наград [6, с. 13].

На основании всего вышеизложенного Уездная Управа, основываясь на результатах первой в с. Комрат районной выставки виноградарства и виноделия, решила признать выставку в с. Комрат удачной и заключила, что она внесла большой вклад в развитие уездного виноградарства и виноделия.

Так же члены Комиссии пришли к единому мнению о том, что «*проведение таких выставок необходимо для скорейшего внедрения в умы людей пользы рационального виноградарства, так как экспонаты выставок привлекают внимание крестьян, концентрируют его на образцах технического прогресса и вызывают, психологический эффект, при котором крестьянин, — недоверчивый и мало восприимчивый к новшествам, сам идет на встречу Земству. Периодические выставки виноградарства и виноделия быстро вовлекают массы в прогрессивный поток, а Земству дают в высшей степени ценные сведения в его деятельности*» [Там же].

Основываясь на вышеизложенном Уездная Управа, учитывая результат первой в с. Комрат районной выставки виноградарства и виноделия, признавая за периодическими выставками громадную пользу в деле развития местного виноградарства постановила, следующую очередную

выставку организовать в северной части Бендерского уезда, с учетом состояния виноградарства и виноделия в данном районе.

Таким образом, можно с полной уверенностью подытожить, что первая выставка виноградарства и виноделия в селе Комрат была действительно масштабным мероприятием, которое позволило усовершенствовать культуру и технологии выращивания винограда и производства вина в крае, а также дало мощный импульс развитию всего юга Бессарабии и в особенности селу Комрат.

Библиография:

1. Беляновский А. По высшему разряду. К 100-летию Фабрично-заводской, художественно-промышленной и сельскохозяйственной выставки в Одессе 1910 года (рус.). Москва, 2010.
3. Денисов, В. Г., Никитин, Ю. А. История одесских выставок. — 1-е. — Одесса: Астропринт, 2011.
4. Краснова, Е., Дроздовский, А. Одесская выставка 1910-1911 годов (рус.) // «Дерибасовская — Ришельевская»: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. — Одесса, 2011.
5. Отчет о курсах прививки виноградной лозы, устроенных в 16-ти пунктах Бендерского уезда, Бессарабской губернии. Бендеры, 1913 г.
6. Отчет о 1-й районной в с. Комрат выставке виноградарства и виноделия (4 и 5 сентября 1911 года). Бендеры, 1911 г.
7. Отчет о курсах прививки виноградной лозы, устроенных в 16 пунктах Бендерского Уезда Бессарабской Губернии в 1913 году. Бендеры, 1913 г.
8. Сулейманова К.А. Тенденции и перспективы развития выставочного дела в России // Проблемы теории и практики управления. 2016.

УДК 271.2-774(=163.2)(478+498.7) «1820/1838»

«...И ЭТОТ ДРАГОЦЕННЫЙ ЗАЛОГ ВЕЛИКИХ МИЛОСТЕЙ...»: СТРОИТЕЛЬСТВО И ОСВЯЩЕНИЕ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БОЛГАРСКОЙ КОЛОНИИ БОЛГРАД

Пушков Игорь,

аспирант Одесского нац. университета им. И.И. Мечникова, Одесса, Украина.

e-mail: puscov_bolgrad@yahoo.com

orcid id: 0000-0002-7534-8947

Abstract. Based on archival materials, the article examines the history of the construction, consecration and further decoration of the Transfiguration Cathedral in the central Bulgarian colony of Bolgrad. The activities of the governing structures, the community of Bolgrad and other Bulgarian colonies in collecting materials and funds for the construction of the temple are considered. The author concludes that the creation of the temple is not only the realization of the desire of the Bulgarian settlers, but a «project from above».

Key words: Spaso-Preobrazhensky Cathedral in Bolgrad, Bulgarian residence in Bessarabia, Bessarabian Bulgarians, Budzhak, Orthodox churches in Bessarabia.

Постановка проблемы. Все чаще и чаще люди начинают обращать взоры к святыням нашего края Бессарабского. И это веление времени, и это необходимо. Ведь не ради обретения богатств переселились наши предки на давнехристианские земли Буджака. Прежде всего, приковывает к себе внимание Спасо-Преображенский собор города Болграда. И это не удивительно, ведь этот храм является символом не только Болграда, но всего населения болгарского проживающего в этих краях.

Цель статьи ретроспективно рассмотреть историю строительства и освящения Спасо-Преображенского собора, а также историческое значение храма для бессарабских болгар и гагаузов.

Анализ последних исследований и публикаций. Некоторые вопросы, связанные с историей постройки и освящения Болградского собора, рассматривались в литературе, вышедшей в России, Болгарии, Украине и Молдове. Первые работы принадлежат современникам событий. Это работа первого историографа бессарабских болгар А. Скальковского [17] и статиста А. Клауса [4]. Эти же вопросы затрагивают в своих сочинениях Й. Титоров [19], В. Дякович [2], К. Иванов [3], но последние страдают недостатками, присущими всем наративам. Писали о соборе и современные историки из Молдовы: Н. Червенков [20], И. Грек [1], С. Новаков [13]. Опыт описания истории создания храма имеется у церковных историков, это, прежде всего, работы Сергия (Петрова), архиепископа Херсонского и Одесского, а также протоиерея А. Кравченко [16].

Изложение основного материала. Начало собору в Болграде было положено в 1820 г. когда управляющий поселениями в Болгарском водворении Бессарабии С.Н. Малявинский в присутствии выборных от колоний зачитал императорский указ о даровании переселенцам колониетских привилегий. Это значимое для болгар событие произошло 12 мая 1820 г. в Св. Благовещенском храме селения Табаки, которое согласно указу было переименовано в Болград. При оглашении указа присутствовали старшины 57 болгарских колоний, а также по 2 выборных (депутаты) от каждого селения, а также жители села Табак [13].

Позднее, в 1842 г. А.А. Скальковский в своей книге «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае» используя приговор общества, написал об этом так: «...И этот драгоценный залог великих милостей, Болгарское общество желая доказать свою непритворную радость и вместо благоговения к царской милости, положило: «на месте бедного храма, где оно получило свою грамоту, выстроить на счет Болгарского народа, в Бессарабии населенного, великолепный собор, в котором бы они, их дети и внуки могли всегда благодарить Бога за спасение их от конечного разорения и унижения, и молиться за счастье России и ее Монархов» [17; 4, с. 316]. Тогда же было решено обществом, сохранять этот знаковый документ – Указ Царя Александра I, в алтаре местной церкви.

Принимая решение о постройке «великолепного собора» депутаты уже имели в наличии средства общей суммой в 20.000 руб. серебром, собранные из «различных местных источников» [17; 4, с. 339-340]. Однако эта сумма на наш взгляд была использована для завершения строительства храма в колонии Табак. Центральную болгарскую колонию Болград по предложению генерала И.Н. Инзова заложили на ближайшем к Табакам земельном участке на берегу озера Ялпуг. С самого начала своей истории Болград строился как поселение городского типа и храм априори должен был подчеркивать его статус. На момент закладки города приступить к строительству собора у переселенцев не имелось возможности. Первоначально в качестве культового сооружения использовали одно из построенных к тому времени общественных зданий. Оно было подготовлено к нуждам проведения богослужений и освящено в 1825 г. Наличие подобного храма не исчерпало проблемы, вопрос о постройке соответствующего задумке администрации города и Болгарской конторы комитета об иностранных поселенцах витал в воздухе.

Много времени занял выбор проекта храма и архитектора. Исследователи предполагают, что это был А.И. Мельников, которого хорошо знал генерал И.Н. Инзов. В пользу авторства Мельникова свидетельствуют и некоторые стилистические особенности Болградского собора [9]. Архитектор, принявший участие в работе специального комитета по переработке проекта Исаакиевского собора в Петербурге и представивший на конкурс свой проект, только лишь в Болграде смог реализовать его в полной мере. В основу проекта была положена идея Исаакиевского собора, но без излишней помпезности и перегруженности ненужными деталями. Простота проекта А.И. Мельникова только подчеркивала архитектурные достоинства здания.

Для контроля над строительством в Болграде собора была создана специальная Строительная комиссия. Известно, что в ее состав входили кишиневские купцы Кирилл и Константин Минковы, болгарские купцы Дмитрий Каназирский и Степан Топалов [20, с. 174], а также тогда еще 17-летний, Дмитрий Кириллович Минков, сын Кирилла Минкова [10, л. 1-6]. Видно отец специально посодействовал, чтобы его сына включили в эту комиссию. Д.К. Минков, занимаясь текущими делами, получил необходимый практический опыт и обратил на себя внимание как губернского, так и епархиального начальства. И, как сказано в его формулярном списке, датированным 1860 г., он «употребляем был комиссией о построении помянутого храма в разные по сему предмету поручения, и, исполняя оные со всем усердием и успехом, чем оправдал доверие ему поручаемое...» [11, л. 2]. За пять лет работы комиссией было собрано из пожертвований и других сборов 278.391 руб. и 90 коп. сумма вполне достаточная для начала строительства [20, с. 174].

С течением времени были собраны в достаточном количестве строительные материалы, они находились в ведении управляющего колониями. Только под церковный фундамент собрали 150 сажень бутового камня [5, л. 1]. Так как строительство собора пока откладывалось, Управляющий взял на себя смелость и раздал этот камень в долг, до начала строительства. Сделано это было с целью активизации вообще строительства в городе. Камень раздавали всем желающим, но при этом учитывали и их достаток, способность вернуть свой долг без особых трудностей. Таким образом, среди колонистов, получивших камень из общественного запаса, были в своей основе болгарские купцы. К примеру, губернский секретарь Бельчев получил 20 сажень камня, Кирил Минков – 14 ½, Николай Бояджи – 13 ¼, Стоян Топалов, Николай Иванов, Танас Димов и Михаил Николаев по 10. Всего же роздали 136 сажень бутового камня [5, л. 4].

Попечитель задунайских переселенцев М. Бутков получивший распоряжение И.Н. Инзова «озаботиться составлением нужного для первоначальных работ материалов» 25 января 1833 г. отдал приказ Болградскому сельскому приказу о сборе указанного камня. Камень должны были свезти на Главную Площадь, где выложить его саженьями и приготовить к использованию. Предписывалось также камень содержать под охраной [5, л. 1]. Камень в указанный пункт начали свозить, но М. Бутков, получивший распоряжение начать строительство храма с началом весны и обеспокоенный медленным возвращением долга 31 января 1833 г. вынужден был отдать второй приказ [5, л. 2]. Причины для беспокойства были ведь еще 12 октября 1832 г. подобное распоряжение поступило в Болградский приказ от Колониального старшины С. Панова, но камень так и не вернули [5, л. 3]. Принятые М. Бутковым меры дали свои результаты, и необходимое количество камня собрали вовремя.

Летом 1833 г. старший протоиерей болгарского водворения Василий Пуришкевич представил проект храма на утверждение архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Преосвященному Дмитрию (Сулиме). Владыка проект одобрил и, наложив на документ свою резолюцию, благословил начало работ по строительству. Есть основание предполагать, что Преосвященный Дмитрий, часто гостивший у главного попечителя задунайских переселенцев генерала И.Н. Инзова, еще до этого обговаривал с ним упомянутый проект.

Для строительства собора главным попечителем задунайских переселенцев генералом И.Н. Инзовым были задействованы не только болгарские переселенцы, но и люди других национальностей, которые проживали на территории болгарского водворения. К работам по строительству храма их привлекли в качестве выполнения общественных повинностей. Первыми к работе приступили болгары и молдаване Кагуло-Прутского округа. В течение 12 дней 500 человек было задействовано на рытье траншеи под фундамент и вывоза открытой земли. В фундамент заложили до 100 м³ сажень бутового камня.

23 июня (6 июля) 1833 г. при большом стечении народа – жителей города Болграда и окрестных сел, в присутствии генерала И.Н. Инзова и протоиерея Василия Пуришкевича, место для церкви, и сама закладка были освящены [17; 4, с. 340]. Началось великое строительство, которое длилось чуть больше пяти лет.

В строительных работах приняло участие в общей сложности более 10 тыс. колонистов. Материалом для возведения стен послужил известняк и бутовый камень, завозимый из карьеров вблизи города, а также из селений Девлет Агач и Ташбунар. Для приготовления раствора использовали хорошо выдержанную гашеную известь, алебастр и песок с озера Ялпуг. Для вымостки пола закупили за границей мраморные плиты. В Москве, Туле и других городах Российской империи были закуплены ажурные металлические решетки на окна, фольга, разноцветное стекло, кресты, колокола, церковную утварь... [12, л. 1-10; 13]. Большая часть икон и предметов церковной утвари, были подарены храму доброхотными пожертвователями. Богобоязненные болгары совершали паломничества по Святым местам, в частности к Святой Горе Афон и Иерусалим, где совершали необходимые для собора приобретения. Некоторые иконы для храма были дарены афонскими монахами.

К концу 1837 г. было закончено строительство Спасо-Преображенского собора на обширной площади в центре Болграда [8, л. 7об.]. Началась подготовка здания к освящению.

С. Потоцкий в своей книге отмечает, что постройка собора «поглотила большие суммы денег» [15, с. 141]. По словам В. Дяковича, на возведение храма со всем его великолепием бессарабскими болгарам, за исключением строительных материалов, было затрачено, более 500 тыс. руб. [2, с. 101]. С.З. Новаков и П.П. Старостенко, на основании документальных данных, называют более уточненную сумму – 750 тыс. руб. ассигнациями [13, с. 3].

Здание в плане крестовое, с небольшими квадратными помещениями, было перекрыто полусферическими куполами, опирающимися на стены и паруса. Фасады, кроме восточного, заканчивались шестиколонными ионическими портиками с фронтонами и широкими парадными лестницами. Центральная же часть здания перекрыта куполом на высоком барабане, покоящемся на парусах и арках, которые опираются на мощные пилоны. Остальные объемы перекрыты полуциркульными сводами. Барабан украшен в простенках между окнами пилястрами коринфского ордера, купол увенчан полусферической главой с высокой цилиндрической формы главкой. На западном фасаде симметрично размещены две небольшие колокольни, увенчанные полусферическими главами. Оконные проемы полуциркульные, углублены в толщу стен, обрамлены наличниками в виде арок. В интерьере боковые вытянутые объемы подчинены центральному крупному [14, с. 272].

Главный купол храма увенчан невысокой гладкой колонной, несущей установленный на яблоне двухметровый крест. Купола перекрыты кровельным железом и окрашены зеленой ярью. Купола звонниц, также как и на главном куполе, венчали железные кресты, окрашенные желтой краской. Основным источником света в храме являются 20 больших окон расположенных внизу здания, а также 12 окон расположенных в подкупольном барабане.

В начисто выбеленную церковь установили деревянный, украшенный великолепной золотой резьбой иконостас. На звонницы подняли 5 колоколов: вес первого из них был равен 61 пуду и 2 фунтам (976 кг 800 г), второго – 5 пудов и 4 фунта (81 кг 600 г), третьего – 2 пуда и 26 фунтов (42 кг 400 г), четвертого – 1 пуд и 25 фунтов (26 кг), пятого 29 фунтов (11 кг 600 г) [12; 13, С. 6].

В сентябре 1838 г. попечитель болгарских колоний Михаила Бутков рапортом довел до сведения Преосвященного Димитрия (Сулимы) архиепископа Кишиневского и Хотинского об окончании строительства и готовности здания к освящению. В рапорте же излагалась просьба бессарабских болгар о том, чтобы их храм освещал лично сам архиерей. Положительный ответ на этот рапорт в Колониальном управлении в Болграде был получен 22 сентября 1838 г. [12, л. 2].

Об этом же М. Бутков доложил рапортом и И.Н. Инзову. Общества 82 болгарских колоний о торжестве в Болграде, запланированном на 15 октября, были оповещены заранее. Перестраховываясь, М. Бутков просил Главного попечителя о дополнительном с его стороны распоряжении т.к. «значительное число христолюбивых богомольцев и посетителей» могло разбежаться, не дождавшись торжества. Особое беспокойство М. Буткова вызывали чиновники различных учреждений из сопредельных городов. Что же касается продолжительности запланированного мероприятия, то в рапорте отмечается, что «мы

сердечно желаем продлить сие священное торжество, на сколько времени благоугодно будет Вашему Высокопревосходительству» [12, л. 3].

12 октября 1838 г. старший благочинный болгарского водворения Александр протоиерей Савитский окончательным рапортом доложил Архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Преосвященному Димитрию (Сулиме) о завершении строительства и готовности храма к освящению. В рапорте протоиерей А. Савитский, также как и М. Бутков, просил Архиепископа Димитрия освятить этот собор [12, л. 1].

15 (28) октября 1838 г. Преосвященным Дмитрием архиепископом Кишиневским и Хотинским, в присутствии армянского архиепископа, впоследствии патриарха Нерсеса, генерала И.Н. Инзова, многих почетных гостей из Кишинева, Измаила, Рени, депутатов от всего болгарского водворения Спасо-Преображенский собор был освящен. В городе всюду слышались песни, «так любимые болгарами» игры и угощения не кончались – торжество длилось 4 дня. 17 октября освящен престол во имя Иоанн Предтеча, а 18 – престол во имя Архангела Михаила [12; 4, с. 340; 2, с. 101].

Говоря о достоинствах Болградского храма, А.А. Скальковский писал: «Одесский или Кишиневский соборы легко могли вместиться в него» [17]. Протоиерей Иван Стефанов в своих воспоминаниях пишет, что собор вмещал в себя до 3 тыс. богомольцев, и далее продолжает: «По красоте не имеет равного себе не только в Бессарабской области, но в целом на юге России. В нем сохранены художественно выписанные старинные иконы и имеет три алтаря... При величественной архитектуре, он отличается очень хорошим резонансом, который придает службе и пению великолепие, художественность и красоту» [18, с. 11].

Необходимо отметить, что после освящения собора работа по его благоустройству и украшению не прекращалась. В 1849г. болгарские жители вместо производства общественной запашки обязались вносить с каждого венца (брака) по 2 четверика пшеницы для сооружения вокруг храма каменной ограды с чугунной решеткой. Колониальное управление согласилось с этим решением и взяло под жесткий контроль выполнение данного обязательства. Средства на ограду собирали на протяжении трех лет, с 1849 по 1851 г. [6, л. 1-3об.]. В 1849 г. зерно с яровой пшеницы сдали 404 человека. Было собрано 174 четверти и 1 четверик зерна [7, л. 19-27об.]. Многие болгарцы зная на что пойдет сдаваемое ими зерно, жертвовали и дополнительно, что превышало обговоренную ранее меру в 2–3, а порой и 5-7 раз. Новые переселенцы сдавали зерно наравне со старыми колонистами. Среди жертвовавших были люди и неколонистского звания, к примеру, бурлак Георгий Николаев Драгоев [7, л. 24].

В 1850 г. колониальное управление в Болграде стало принимать пожертвования зерном на украшение Преображенского храма – сооружение 12 мраморных апостолов снаружи храма. В этом уже были задействованы жители не только Болграда, но и других болгарских колоний. К ноябрю 1850 г. пожертвования поступили от 14 колоний. Всего же колонистами было пожертвовано в этом году 391 четверть, 5 четвериков и 4 горки яровой пшеницы [7, л. 2]. Большую часть сданной пшеницы пожертвовали болгарские жители – 115 четвертей. Из болгарских селений большее количество зерна сдали: Тараклия и Ташбунар по 30 четвертей, Каракурт – 28, Чийшия и Кайраклия по 24/2 и т.д. (см.: табл. 1).

Таблица 1.

Список колоний Измаильского округа, от которых поступили пожертвования на украшение собора в 1850 году [7, л. 6-9]

№ п/п	Название колонии	Четверть	Четверик	Горки
1	Болград	115	–	–
2	Татар-Копчак	18	6	–
3	Тараклий	30	–	–
4	Новотроян	15	–	–
5	Чийшия	24	2	–
6	Вайсал	21	2	–

7	Ташбунар	30	–	–
8	Долукой	11	7	4
9	Кайраклия	24	2	–
10	Дермендере	20	–	–
11	Бабель	20	–	–
12	Кубей	22	5	–
13	Табаки	10	–	–
14	Каракурт	28	5	–
Всего		391	5	4

Однако, не все колонисты до указанного срока успели сдать обещанную пшеницу. 29 ноября 1850 г. Окружной Измаильский приказ разослал во все сельские приказы предписания о досдаче пшеницы. Исполняя требование указанного предписания, колониями было передано в Болград еще 221 четверть и 5 четвериков яровой пшеницы (см.: таблицу 2) [7, л. 3-4].

Таблица 2.

**Список колоний Измаильского округа, от которых поступили
дополнительные пожертвования на украшение собора в 1850 году.**

№ п/п	Название колонии	Четверть	Четверик
1	Татар-Копчак	20	2
2	Тараклий	30	–
3	Новотрояны	15	–
4	Чийшия	24	–
5	Вайсал	21	–
6	Ташбунар	30	–
7	Долукой	13	5
8	Кайраклий	26	4
9	Дермендере	21	4
10	Бабель	20	–
Всего		221	5

Все зерно свозилось в Болградский сельский приказ, где оно перевешивалось и отправлялось в общественный магазин, находящийся во дворе священника Дмитрия Панайотова [7, л. 1об.]. Выборным из колоний привезшим зерно выдавалась соответствующая квитанция, а в Окружной Приказ шло сразу же донесение о поступлении конкретного количества пшеницы. Выборные не только сопровождали зерно в Болград. Сходы села поручали им находиться при перемерке зерна, в Измаильском Окружном Приказе и на торгу – им давалось право «признать даваемую за хлеб цену выгодную, или невыгодную и в том сделать рукоприкладство на торговом месте...» [7, л. 10]. Так, к примеру, в Вайсале в выборные избрали колониста Христо Стоева, в Тараклии Ювана Воинова, в Кубее выбрали 4 выборных – Петко Видева, Кирьяка Киризлиева, Панайота Волканова и Стани Димова [7, л. 6, 9, 11].

Благоукрашением храма жители города Болград занимались и в последующие годы, что является нормальным и закономерным явлением в православной среде. Между тем необходимо на основе изложенного материала сделать соответствующие выводы.

В проведении сбора строительного материала, денежных средств, подготовительных работ и самого строительства принимали участие жители не только Болграда, но и других селений, входивших в состав Болгарского водворения. В них проживали выходцы из-за Дуная: болгары, гагаузы, арнауты (албанцы), греки, валахи и местное молдавское население. Поэтому Спасо-Преображенский собор это не только достопримечательность Болграда и болгар, но всех жителей Юга Бессарабии, чьи предки принимали участие в его созидании.

Необходимо учитывать также всемерные усилия, настойчивость и волю местной власти и колониальной администрации. Местные жители не сами по себе построили собор, это не

только усилия сельского схода и евхаристической общины. Изначально решение о постройке нового храма являлось «проектом сверху». Светские чиновники и церковные власти постоянно курировали весь процесс, мотивировали православный люд и направляли его деятельность.

Н.Н. Червенков в своих работах указывает, что строительство собора в Болграде значительно затормозило процесс постройки храмов в болгарских колониях[20; 21, с. 138]. Отчасти это утверждение верно, срок сбора необходимых средств увеличился, некоторым сельским общинам пришлось обращаться к епархиальным властям за разрешением о выдаче им Просительных книг и посредством сбора пожертвований погашать недостающую сумму. Однако помощь населения колоний в постройке храма решило не все проблемы. Для подготовки собора к освещению при помощи И.Н. Инзова и его сотрудников были получены многочисленные кредиты. Выплаты по ним легли тяжким бременем на жителей города и продолжались долгие годы. Последние ассигновки по кредитам были погашены в 1862 г.

Впрочем, тема к счастью не исчерпана. Надеюсь, новые архивные документы позволят уточнить ряд моментов и продолжить исследование.

Библиография:

1. Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова: минало и настояще. София: ИК «Христо Ботев», 1993, 296 с.
2. Дякович В. Българска Бесарабия. Историко-етнографски очерк със спомени за генерала Иван Колев от съучениците му по гимназия съотечественици / В. Дякович, Д.И. Николаев, П. Бачурски и д-р К. Бачурски. София, 1918. 252 с.
3. Иванов К. Българите в Бесарабия. София, 1930. 16 с.
4. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб, 1869. 580 с.
5. Коммунальное учреждение «Измайльский архив». Ф. 93. Оп. 1. Д. 19. 7 л.
6. КУИА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 251. 5 л.
7. КУИА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 301. 44 л.
9. КУИА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 328. 8 л.
10. Мовчан Б.Я. Памятники русской архитектуры Измаильской области. *Архитектурное наследство*. № 9. 1959, с. 201-208.
11. Национальный архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф.75. Оп. 1, Д. 1976.
12. НА РМ. Ф. 75, Оп. 1. Д. 2004.
13. НА РМ. Ф. 208, оп. 2, д. 2459.
14. Новаков С.З., Старостенко П.П. Към историята на освещаването на трипрестолна църква в името на Преображение Господне, Предтеча Кръстител Йоан и Архангел Михаил в колония Болград (Бесарабия, 15 октомври 1838 г.). *Камбана*. 1995. Бр. 7 (16). Август, 8с.
15. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР: (Иллюстрированный справочник-каталог). В 4-х т. Т.3. Львовская область; Николаевская область; Одесская область; Полтавская область; Ровенская область. Киев: Будівельник, 1985. С. 272.
16. Потоцкий С. Историко-географический очерк Бессарабской губернии. Опыт родиноведения. Учебное пособие для городских училищ, средних учебных заведений и для всех вообще начальных народных училищ Бессарабской губернии. – Ялта, 1902. – С. 141.
17. Сергей (Петров), архиеп. Описание монастырей, Семинарии и храмов Херсоно-Одесской епархии и их современное состояние на 1-е января 1970 года. Одесса, 1970. (Машинопись).
18. Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.
19. Стефанов И., протоиерей. Спомени за Болградската катедрала. *Българска Бесарабия*. Брой единствен. София, 1938. 32 с.
20. Титоров Й. Българите в Бесарабия. София, 1905.

21. Червенков Н. Създаване на черквите в българските колонии в Бесарабия през първата половина на XIX в. *Българите в Северното Причерноморие*. Т. IV. Велико-Търново: УИ «Св.св. Кирил и Методий», 1995, с. 174.
22. Червенков Н.Н. Церкви // Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса: «Астропринт», 2003. С. 137-143.

УДК 342.573(478-29) «2014»

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: РЕФЕРЕНДУМ В ГАГАУЗИИ 02.02.2014.

Романова Светлана,

научный исследователь Ниц Гагаузии им. М.В.Маруневич,
преподаватель Колледжа Михаил Чакира, Комрат, м.Комрат, РМ

e-mail: romanova62@list.ru

orcid id: 0000-0003-1401-2849

Abstract. Our article is devoted to one of the key events of the history of the Gagauz people - the Gagauz referendum, which was held February 2, 2014. The referendum summoned a lot of discussions and received an ambiguous assessment. Local residents expressed their opinion on 3 questions: the adoption of the draft law of the ATO Gagauzia "On the deferred status of the people of Gagauzia to external self-determination"; Moldova's entry into the Customs Union (Russia-Belarus-Kazakhstan); Moldova's entry into the EU.

Key words: referendum, violation, Gagauzia, opinion, Moldova.

Актуальность обращения к истории референдума определяется тем значением, которое он обрел для осознания единства гагаузского народа. Это предопределило появление особого праздника в историческом календаре гагаузской автономии: Дня народного единства, ежегодно отмечаемого 2 февраля. 2 февраля 2014 года гагаузский народ осознал, что несмотря на политические баталии между партиями, несмотря на разногласия между политическими деятелями автономии в ключевых вопросах гагаузский народ монолитен. Подготовка и проведение референдума показали, что народ в 1990 году объявивший о создании Гагаузской Республики сохранил свой революционный потенциал, но вместе с тем по-прежнему ориентирован на использование институциональных структур и практик – важная особенность, ставшая одним из факторов мирного разрешения этно-политического конфликта и обретения статуса автономии.

Для того чтобы комплексно и всесторонне рассмотреть исследуемую тему необходимо обратиться к содержанию понятия «референдум». Согласно ст. 1 Кодекса о выборах РМ «референдум - всенародное голосование в целях решения важнейших вопросов государства и общества в целом, а также консультация с гражданами по важнейшим вопросам местного значения»[1]. Референдум может проходить на различных уровнях, в Республике Молдова предусмотрены республиканский и местный референдум. Процедура их проведения должна быть прописана в законах. В Кодексе о выборах РМ процедурные вопросы, связанные с организацией и проведением Референдума рассмотрены в разделе VI Объектом волеизъявления является определенный вопрос- закон, законопроект, конституция, поправка к конституции, какая-либо проблема, касающаяся международного статуса соответствующей страны, внутривополитическая проблема. Вопросы референдума являются закрытыми: народ должен ответить "да" "нет", "согласен" "не согласен", "поддерживаю", "не поддерживаю" и т.д. Законодательство определяет круг вопросов, которые могут быть вынесены на референдум (ст.157 и ст.187 Кодекса о выборах РМ) и которые не могут быть вынесены на

референдум (ст.158 и ст.188 Кодекса о выборах РМ). 14 Глава Кодекса о выборах РМ посвящена вопросам организации и проведения местного референдума, который должен носить консультативный характер (ст.185 Кодекса о выборах). Согласно пункту b статьи 188 на местный референдум не могут выноситься вопросы относительно внешней и внутренней политики государства.

Однако 02.02.2014 года в Гагаузии были организованы 2 референдума – законодательный и консультативный. Консультативный был связан с выражением отношения к внешнеполитическому курсу страны, законодательный – возвращал к вопросу о статусе автономии, полномочия которой постепенно и планомерно ограничивались. Вопрос о внешнеполитическом курсе страны был более чем актуальным: близился срок подписания соглашения об ассоциации с ЕС, однако единства общественного мнения в стране не было. В соседней с Молдовой стране – Украине отсутствие единого мнения о курсе страны привело к тяжелым внутривластным процессам. Консультативный референдум в Гагаузии должен был показать властям страны реальный срез общественного мнения в масштабе одного региона.

Вопрос о проведении референдума/плебисцита был поставлен в 2012 году, когда на 3 заседании НСГ V созыва председатель фракции коммунистов в Халк Топлушу Роман Тютин поднял вопрос о необходимости проведения консультативного референдума о вступлении Молдовы в Таможенный союз. Таким образом, вопрос, по поводу которого должен был быть назначен референдум должен был касаться внешнеполитической ориентации и теоретически он не мог иметь практического значения, так как автономия является составной частью Республики Молдова. Но инициатор референдума на заседании 30 ноября 2012 года подчеркнул, что Гагаузия обладает достаточными полномочиями для участия не только во внутренней, но и во внешней политике Молдовы. Первоначально идея не получила достаточной поддержки и президиум Народного Собрания откладывал включение инициативы в повестку дня. Но уже через неделю требование о включении вопроса о референдуме в повестку выдвинули уже несколько депутатов. Фракции политических партий в НСГ не смогли договориться о процедуре и значимости референдума и вопрос о нем целый год разбирался в юридической комиссии НСГ.

Летом 2013 года в процесс включились представители общественности и их обращение о проведении Референдума с приложением 5 000 подписей, сбор которых инициировали Михаил Влах и Леонид Добров, было зарегистрировано в аппарате Народного Собрания. В документе властей государства обличали в урезании полномочий Гагаузии и в игнорировании мнения граждан по теме курса на евроинтеграцию. В июле 2013 вопрос о возврате к Гагаузской Республике стал предметом публичных слушаний в Комрате. Волна обсуждений целесообразности референдума коснулась примэрий и местных советов. Обсуждается перспектива вступления Молдовы в Евразийский союз.

25 сентября 2013 года депутат парламента Республики Молдова Ирина Влах выступает с заявлением об организации в кратчайшие сроки референдума по вступлению в Евразийский союз. Политик заявила о том, что интересы жителей Гагаузии связаны с Россией.

На митингах высказывается мнение о недопустимости разделения молдавскими политическими партиями жителей Гагаузии и о проведении референдума не только о внешнем векторе страны, но и об отложенном статусе Гагаузии. Идея референдума получила поддержку молдавских социалистов во главе с Игорем Додоном.

1 октября 2013 года Башкан Гагаузии Михаил Формузал принимает решение о проведении местного консультативного референдума. Эта законодательная инициатива была направлена на рассмотрение в Народное Собрание Гагаузии.

2 октября 2013 года Президент Николае Тимофти выразил сомнение в ориентации гагаузов на Таможенный союз, а премьер-министр Юрий Лянкэ поднял проблему о легитимности референдума по вопросу внешнеполитического курса страны, прерогатива об определении которого принадлежит властям страны.

15 ноября 2013 года на заседании Народного собрания принято решение о проведении 2 февраля 2014 года референдума о вступлении в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана.

27 ноября 2013 года депутаты НСГ утвердили проект закона «Об отложенном статусе Гагаузии» и решили также получить поддержку народа, вынеся его на референдум. Подготовка шла полным ходом: был утвержден состав Центральной избирательной комиссии Гагаузии.

27 декабря 2013 года идея референдума поддерживается за пределами автономии в Тараклийском районе, в Бессарабке, Кагуле и других городах. В населенных пунктах Тараклийского района на 2 февраля назначены сходы граждан.

3 января 2014 года постановление депутатов в суде опротестовало территориальное представительство государственной канцелярии и Комратский районный суд признал незаконным решение Народного Собрания об организации референдума, а через 6 дней Генеральная прокуратура Республики Молдова возбудила уголовное дело по факту самоуправства при назначении даты проведения плебисцита в Народном Собрании Гагаузии. Позже депутаты были вызваны на допрос в прокуратуру. Стоит отметить, что уголовное дело не закрыто до сих пор.

19-25 января 2014 года поддержка проведения Референдума по всей Гагаузии проявилась на многотысячных митингах и сходах граждан.

Была предпринята попытка сорвать финансирование организации и проведения голосования жителей: счета гагаузского бюджета в казначействе были заблокированы. Но бизнесмен Юрий Якубов вызвался оплатить расходы на референдум.

22 января 2014 года премьер-министр Юрие Лянкэ и председатель парламента Игорь Корман прибыли в столицу автономии и призвали власти Гагаузии отказаться от конфронтации с центром. Они предупредили о том, что итоги референдума не будут признаны официально властями страны. Но им не удалось сломить решимость депутатов.

31 января 2014 года 18 депутатов на экстренном заседании НСГ принимают постановления об организации референдумов по внешнеполитическому курсу и отложенном статусе Гагаузии, об осуждении действий судебных инстанций и о всенародном характере референдума.

Власти предпринимают комплексные попытки срыва референдума: пограничники отказывают во въезде в страну делегации российских наблюдателей из международной организации по наблюдению за выборами CIS-ЕМО; всем сотрудникам УВД автономии и карабинерам запрещается участие в голосовании 2 февраля под угрозой увольнения. Аналогичная установка дана и карабинерам; в день референдума для участия в учениях по гражданской защите в столицу страны свозят сотрудников Комиссии по чрезвычайным ситуациям Гагаузии. Гагаузскую автономию наводняют дополнительные подразделения полиции и спецслужб Молдавии.

МВД страны отказывается обеспечивать безопасность на избирательных участках, тогда для этой цели в Гагаузии создаются народные дружины.

Несмотря на эти меры 2 февраля 2014 года явка на референдум была рекордной: свыше 70 тысяч человек. Одновременно в Москве проходила акция поддержки с участием уроженцев Гагаузии и Молдовы.

Избиратели получили три бюллетеня разного цвета: *в одном они должны были ответить* т «да» или «нет» на вопрос: «Одобряете ли Вы курс внешнеполитического вектора развития Республики Молдова, направленный на вступление в Европейский союз?», в другом – на вопрос о «Одобряете ли Вы курс внешнеполитического вектора развития Республики Молдова, направленный на вступление в Таможенный союз (Россия—Белоруссия—Казахстан)?», в третьем – на вопрос: «Согласны ли Вы принять прилагаемый проект закона АТО Гагаузия «Об отложенном статусе народа Гагаузии на внешнее самоопределение», позволяющий народу Гагаузии реализовать свое право на внешнее самоопределение в случае изменения статуса Республики Молдова как независимого государства?».

14 февраля 2014 года депутаты Народного Собрания Гагаузии утвердили результаты референдума от 02 февраля:

- явка избирателей: 70,04% (70355 человек);
- за принятие проекта закона АТО Гагаузия «Об отложенном статусе народа Гагаузии на внешнее самоопределение» проголосовало 68023 избирателей, против – 1324;
- за вступление Молдовы в Таможенный Союз (Россия-Беларусь-Казахстан) проголосовало 68182 избирателей, против – 1057;
- за вступление Молдовы в ЕС проголосовало 1718 избирателей, против – 66643 [8].

Естественно, Гагаузия не могла бы самостоятельно вступить в Таможенный Союз, но значение референдума позволило отразить отношение к проблеме выбора внешнеполитического курса хотя бы части избирателей и результаты этого волеизъявления были зафиксированы с использованием одобренных в избирательном праве практик. Властям страны было продемонстрировано альтернативное провозглашаемому в качестве цели внешнеполитического курса общественное мнение. Поскольку идея референдума вышла за пределы автономии стало понятно, что если бы референдум был бы проведен на уровне государства, то результат его мог не совпасть с провозглашаемым курсом. Народ Гагаузии продемонстрировал свое отношение к урезанию полномочий автономии и проявил решимость бороться за свое право самоопределения. Спустя месяц проявленное на референдуме единодушие народа Крыма привело к выходу его из состава Украины и их включение в состав РФ.

Власти Молдовы проигнорировали альтернативное официальному мнению о внешнеполитическом курсе и 27 июня соглашение об Ассоциации с ЕС все же было подписано. Это не привело к тяжелым формам конфликта в обществе, но и не стало путем к согласию обществе, что неоднократно проявлялось впоследствии на выборах. А вот в Гагаузии такое согласие существует и это ярко и убедительно показал именно референдум.

Говоря о результатах референдума Ирина Влах, нынешний Башкан Гагаузии (в прошлом депутат парламента РМ) в интервью portalу gagauzinfo отметила: «... результаты референдума второго февраля ставят новые амбиционные задачи перед Исполкомом, депутатским корпусом НСГ и депутатами Парламента РМ от Гагаузии: всем им теперь сообщается предстоит воплощать в жизнь результаты плебисцита...».

О референдуме писали многие СМИ как в Молдове, так и за рубежом. Профессор Михаил Губогло в 2014 году издал книгу «Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии», в которой отметил «Референдум Гагаузии, получивший общественный резонанс, представляет собой мирный монолог населения Гагаузии, призывающий элиту Кишинева к согласованному справедливому диалогу во имя установления доверия» [3].

В 2016 году Юрий Якубов, будучи советником Башкана по внешнеэкономическим вопросам в интервью сказал: «С 2 февраля 2014 года, на мой взгляд, началось новое летоисчисление для Гагаузии. И потраченные мною средства на референдум не зря. Волеизъявление народа превыше всего и не имеет стоимости»

Юрий Димчогло, депутат Одесского областного совета, один из лидеров гагаузского движения в Украине в интервью portalу buzila-politic.livejournal.com указал, что референдум в Гагаузии стал хорошим прецедентом для общеевропейской политики, показав, что административный регион может проявить свою идентичность и своё право рекомендовать центральным властям консультироваться с народом по важным для государства вопросам. Этот гагаузский прецедент может быть образцом для многих других автономных регионов всей Европы, показывающим, что необходимо отстаивать свои взгляды на политику всего государства.» [8]

Высоко оценил референдум Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации Фарид Мухамедшин, назвав его ключевым событием в Республике Молдова в контексте поиска справедливости, доверия и взаимопонимания».

На вопрос «Что дал референдум 02 февраля 2014 г.» Михаил Кывыржик, а публикации на budjak-online отметил: «В Гагаузии референдум стал хорошим прецедентом для общеевропейской политики, когда автономно-административный регион показал свою идентичность и своё право рекомендовать центральным властям консультироваться с народом по важным для государства вопросам. Этот гагаузский прецедент может быть образцом для многих других автономных регионов всей Европы, показывающим, что необходимо отстаивать свои взгляды на политику всего государства.» [6]

Феномен референдума осмыслился в рамках научных мероприятий, проводимых в Комрате. Непосредственно ему были посвящены Круглый стол в 2016 г., посвященный 2-й годовщине референдума и конференция 2019 г., организованная НИЦ Гагаузии

Осознание значение Референдума привело к появлению еще одной даты в историческом календаре Гагаузии: в 2017 году Народное Собрание Гагаузии 02 февраля провозгласило Днем народного единства.

В завершении обратимся к труду Михаила Губогло «Страсти по доверию», где он пишет:

«...в заключение напомним, что генеральная задача гагаузского референдума 02.02.2014 г. Сводилась к призыву доверия и доверительности во имя суверенитета, территориальной целостности Молдовы, сохранения этнической и гражданской идентичности представителей всех, проживающих в стране национальностей» [3].

Референдум 2 показал сплоченность народа и ориентированность на мнение народа властей автономии. Он имел значение как для самой автономии, так и для страны в целом, так как продемонстрировав единство народа и показа всему миру альтернативное общественное мнение относительно внешнеполитического курса страны.

Библиография:

1. Кодекс о выборах РМ № 1381 jп 21.11.97 Опубликовано 08.12.1997
2. Вести Гагаузии №67 от 31.01.2014, №8-9 от 07.02.2014
3. Губогло М. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М.: ИЭА РАН, 2014. - <https://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=135> – дата обращения 28.01.2022
4. Гагаузия. Референдум раздора 012.02.02014 Радио Свобода. [Электронный ресурс } <https://www.svoboda.org/a/25247722.html> - - дата обращения 20.01.2022
5. Как все начиналось: вспоминаем главные события по проведению референдума 2 февраля 2014 года [Электронный ресурс } <https://www.youtube.com/watch?v=3pNr7ezcAZM&t=8s> - дата обращения 18.01.2022
6. Михаил Кывыржик. Пять лет со дня проведения в Гагаузии. [Электронный ресурс } <https://www.budjak-online.md> - - дата обращения 21.01.2022
7. Референдум в Гагаузии - "звонкая пощечина" Молдавии и Румынии/[Электронный ресурс } <https://www.regnum.ru/news/1762107.html#ixzz2sHH4ptPB> - дата обращения 17.01.2022
8. Референдум в Гагаузии (блиц-опрос) [Электронный ресурс } <https://buzila-politic.livejournal.com/122029.html> – дата обращения 21.01.2022
9. Референдум в Гагаузии: за отложенный статус и тс проголосовало почти 100% населения (видео) [Электронный ресурс } -<https://www.gagauzinfo.md> - дата обращения 17.01.2022

УДК 37.016:93:908

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Соловьева Татьяна,

корреспондент газеты АиФ в Молдове, Кишинев, РМ

e-mail: solov_kor@list.ru

orcid id 0000-0003-2602-6033

Abstract. The article considers aspects of local history work as a tool for patriotic education in history lessons. The experience of history teachers and employees of the local history museum is analyzed.

Key words: patriotic education, local history, local history museum, history lessons, local history work

В системе современного образования и воспитания важная роль отводится формированию активной гражданской позиции, патриотизма, воспитания социально зрелого поколения. Одним из эффективных средств формирования патриотического сознания и активного включения юных граждан страны в общественную жизнь является краеведческая работа, которая обогащает учащихся знаниями о родном крае, воспитывает любовь к нему и способствует формированию гражданственных понятий и навыков.

Краеведение помогает понять неразрывное единство истории, дает почувствовать причастность к ней каждой семьи и стать достойными наследниками лучших традиций своих предков. В основе краеведческой работы всегда лежит поиск, дерзание, глубокий интерес к прошлому своей страны.

Можно выделить несколько основных социокультурных аспектов развития краеведческой работы.

Просветительство. Богатая история и современная жизнь малой родины обогащает новыми знаниями подрастающее поколение.

Связь времён. Краеведение соединяет историю с современностью.

Образование подрастающего поколения. Краеведение оказывает огромное положительное влияние на пробуждение патриотизма, интереса и уважения к историческому прошлому Родины, любви к родному краю.

Источник социокультурной интеграции. Не ломать и не разрушать традиции, а продолжать и развивать их.

Интерес к богатству многовековой истории края, его культурному и природному наследию становится отличительной чертой современности.

Краеведение это совокупность знаний о том или ином крае, изучение его природы, истории, быта и т.д. [2, с.6]. Краеведение - не школьная дисциплина, не наука, это комплекс наук, изучающий малую территорию (улицу, село, город, республику, край), хозяйственную деятельность, историю и культуру местного населения. Это один из способов воспитания патриотических и гражданских позиций учащихся.

Краеведение - это всегда «краелюбие»[3], и в этом важном деле, как нигде, важна личность краеведа, который должен обладать качествами исследователя и подвижника. Одним из таких специалистов является директор Историко-краеведческого музея села Этулия Степанида Панчева. Музей в этом селе открылся в 1987 году как школьное учреждение, со временем он получил статус сельского музея. У его основания стояли учителя истории - супруги Галия и Пантелей Манзул. После десятилетней активности музей на несколько лет прекратил свою работу. В 1999 году музей свою деятельность возобновил[1].

С приходом в 2018 году нового директора С. Панчевой музейная работа получила новый вектор. Музей стал активно сотрудничать с Теоретическим лицеем имени Савелия Петровича Эконома. Краеведческая работа здесь ведётся в трёх основных формах: на уроках,

факультативных занятиях и во внеурочное время. Так с учителем истории Валентиной Михайловной Мынзат музей провел немало совместных уроков, построенных на местном материале. Это уроки, посвященные Первой мировой войне, Второй мировой, Холокосту и другим событиям истории.

Практика показала, что не только учителя истории могут воспитывать своих учеников на историко-краеведческом материале. Но и преподаватели практически всех предметов. Так уроки гагаузского языка (учительница Анна Ильинична Узун) часто дополняются сведениями из музея. Например, занятие по ковроткачеству. Дело в том, что в музее села Этулия собраны сведения о единственных в своем роде гагаузских коврах, которые изготавливались мастерицами только Вулканештского района. Речь идёт о шерстяных коврах с цветным однофигурным орнаментом, которые на гагаузском языке называются «тюлю пала». Музей записал рассказ старожилки села - 90-летней мастерицы Марии Ананьевны Забун о технике изготовления таких ковров, которые с интересом слушают лицеисты.

Недавно музей провел внеклассное мероприятие с учителем румынского языка Чаневой Е. Ф. Это была виртуальная экскурсия по родному селу Этулия для шестиклассников. На онлайн мероприятии присутствовали учителя комратских школ и работники районного методкабинета, которые с интересом познакомились с музейно - школьным сотрудничеством в Этулии.

Часто музей проводит совместные уроки с учителями начальных классов. Эта работа активно проводится в 3-4 классах, когда дети приступают к изучению истории и традиций гагаузского народа.

Яркий пример использования краеведения на уроках истории принадлежит и учителю Купчинской средней школы №1 Юрию Загорче. В 1981 году этот выпускник исторического факультета пединститута, придя в школу, занялся исследованием событий 1941 -1944 годов, связанных с геноцидом евреев на севере Молдовы. По рассказам Ю.Загорчи, он с детства слышал рассказы своих дедушек и бабушек о том, что как они в 1941 году прятали у себя две еврейские семьи. Но в школьных учебниках истории тогда полностью отсутствовала какая-либо информация о геноциде евреев в Бессарабии в годы Второй мировой войны. Школьный учитель вместе со своими учениками стал ездить по селам севера республики и записывать воспоминания стариков о том, что происходило в годы войны с их соседями -евреями.

Выяснилось, что в 1941 году в райцентре Единцы находилось два концентрационных лагеря. Куда румынские войска, выполняя приказ Антонеску очистить территорию Старого королевства от евреев, пригоняли жителей из Северной Буковины и местечек Бессарабии. Лагеря в Единцах просуществовали с августа по октябрь 1941года. По разным сведениям, в них находилось от 13 до 25 тысяч узников.

Для изучения белых пятен истории школьный учитель создал общественную организацию Nemurire («Бессмертие»), которая занялась живой исследовательской работой. Организация устанавливала, на основе рассказов очевидцев, места массового уничтожения евреев на севере республики, знакомила школьников, опираясь на местный материал, с проблемой Холокоста.

В 2002 году по инициативе Nemurire в 138 школах Единецкого, Бричанского, Окницкого, Дондюшанского районов прошел конкурс на лучшее сочинение и рисунок на тему Холокоста. Подобные мероприятия тогда не проводились ни в одной школе Молдовы.

Ю.Загорча оказался единственным из профессиональных молдавских историков, кто собрал свидетельства очевидцев о страшных событиях лета 1941 года, когда румынские оккупанты массово творили дикий геноцид евреев, когда погибли сотни тысяч невинных людей. Жители молдавских сел все это видели и благодаря школьному учителю оставили свои воспоминания о злодеяниях.

В 2005 году известный историк Сергей Назария при составлении своей монографии «Холокост», опубликованной на молдавском и русском языках, в полном объеме использовал материалы, собранные школьным учителем истории.

Ю.Загорча на этом не остановился. Он стал находить спонсоров и с их материальной поддержкой поставил в селе Фынтына Албэ Единецкого района первый памятник бессарабским евреям, погибшим на «дороге смерти», по путь движения колонн евреев, которые румынские жандармы гнали из разных сел Бессарабии в лагеря и гетто Транснистрии. За десять лет Ю.Загорча благодаря спонсорской помощи установил 10 памятных знаков и обелисков жертвам Холокоста в Единцах, в селах Фынтына Албэ, Бурланешты, Гинкэуць, Теревна, Фрасин, Варатик.

В наше информационно- технологичное время проблема воспитания патриотизма очень трудна и многообразна. В Молдове она осложнена политикой местных властей, направленной на вымарывание многих страниц истории края, связанных с российским государством, с советским периодом, на уничтожение молдавской идентичности в угоду румынской. Подрастающему поколению, не имеющему жизненного опыта, очень сложно разобраться – почему его страна – Молдова, а в школе изучается история румын.

Именно исследования истории отеческого края как желание восприятия истории изнутри, от малой своей истории к большой истории своей страны и мира- является главным направлением социализации многолетней истории предков в интересах развития здорового общества и гражданина в этом обществе. Использование памятников и документов краеведения на уроках истории и на внеклассных мероприятиях остается верным и надежным инструментом в сложной ювелирно - тонкой работе- прививать чувство гордости за своих предков и за свою страну.

Библиография:

1. Историко-краеведческий музей с.Этулия [Электронный ресурс] <http://kultura-ge.md/index.php?newsid=38> Дата обращения 20.01.22
2. Матюшин Г.Н. Историческое краеведение. Москва: «Просвещение», 1987, 207 с.
3. Раддац Ю.А. Теоретические аспекты изучения краеведения в школе в условиях введения ФГОС второго поколения. [Электронный ресурс] <https://pedsovet.su/load/132-1-0-36456> Дата обращения 20.01.22

Приложение

Рис.1.Музей с.Этулия

УДК 374.32

МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЕЛА АВДАРМА И ЕГО РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Танасович Иванна,

музеограф, Музей истории села Авдарма, с. Авдарма, РМ,

e-mail: itanasovich@bk.ru,

orcid id: 0000-0002-9584-5086

Abstract. This article reveals the activities of the Museum of the History of the village of Avdarma. Competitions and projects organized by the Museum are one of the priority areas for introducing the younger generation to the history of their people. Thematic lectures and lessons held at the Museum form the emotional and personal attitude of the younger generation to the values of cultural heritage.

Key words: Museum of the History of Avdarma village, museum staff, pupils, students, lecture, participants of the competition, research work

Во всем мире музеи являются надежными хранителями исторической памяти и наследия прошлого. Их создают, чтобы рассказать об историческом, материальном и духовном наследии народа. [3, с.1] Музей истории села Авдарма является своеобразным памятником многим поколениям авдарминцев. Он входит в небольшое количество музеев АТО Гагаузия, которые открылись в период независимости Республики Молдова. Отличительной чертой музея является то, что в Музее истории села Авдарма отображена история села за 460-летний период его существования.

Музей истории села Авдарма функционирует с 21 ноября 2011 года. Открытие Музея было приурочено к 200-летию основания колонии Авдарма. На торжественном открытии ленту, символизирующую открытие Музея, перерезали авдарминцы: Матрена Попаз и Семен Трандафилов. Матрена Попаз является матерью-героиней, ей совместно с супругом удалось вырастить и воспитать 12 детей. Семен Трандафилов – кавалер ордена Трудового Красного Знамени, известный на всю Молдавию комбайнер.

Музей истории села Авдарма построен уроженцами села, тремя братьями. Меценат Илья Казмалы обеспечил финансирование всех видов работ по созданию Музея. Историк Игнат Казмалы разработал и реализовал концепцию Музея. Профессиональный строитель Дмитрий Казмалы обеспечил качественное выполнение всех проектных и строительных работ. Над строительством музея трудились трудолюбивые авдарминцы – братья Трандафиловы. Все конструкции и элементы Музея независимые, съемные и взаимозаменяемые. В убранстве музея использованы материалы местного ареала: дерево, канат, бязь, стекло. Деревянные изделия и саркофаги из стекла не закреплены ни к стенам Музея, ни между собой, что позволяет в считанные минуты обновлять экспозицию.

На стендах Музея представлены оригиналы наград, документов и фотографий, отражающих жизнь авдарминца-труженика, авдарминца-создателя, авдарминца-созидателя в разные исторические эпохи внутри села и за ее пределами. Исторические документы, а также элементы духовной и материальной культуры собраны исключительно от жителей села. [1, с.401]

В жизни каждого человека наступают благоприятные моменты для его роста и развития, так и в жизни села настали годы его развития и процветания. Годы второго десятилетия XXI века стали началом существенных и значимых преобразований в духовной, культурной и социальной жизни села.

В этот период времени для более детального воссоздания истории села Игнат Михайлович посетил Свято-Михайловскую церковь. После беседы со священником 13 апреля 2011 года, принял из рук Константина Камбур церковный архив, содержащий исповедальные книги, которые велись священниками церкви в период со дня открытия церкви с 1819 года до

1944 года. Впоследствии церковный архив стал ценным и неисчерпаемым источником в установлении списков жертв тифа 1941-1945 годов, жертв голода 1946-1947 годов, репрессий, погибших в Первой и Второй мировых войнах, а также в воссоздании генеалогического древа семей авдарминцев. Церковный архив, а также собранные ценные документы и фотографии от жителей села, стали базой для открытия Музея истории села Авдарма. Передача церковного архива в апреле 2011 года, побудила Игната Михайловича и его помощника Федора Ивановича Маринова к началу сбора материалов для открытия музея.

Благодаря усердию и самоотверженности, титаническому труду и упорству энтузиастов, трепетному и бережливому отношению к уникальным документам прошлого и настоящего, сохраненных в авдарминских семьях, стало возможным открытие и функционирование Музея истории села Авдарма. Первоначально предполагалось, что выставочные экспозиции разместятся в двух залах здания Музея. В первом зале размещались оригиналы документов и фотографий, ордена, медали. Во втором зале располагались предметы быта материальной культуры гагаузов. В год открытия Музея истории села Авдарма в выставочных фондах не были выставлены все экспонаты, только часть их, впоследствии их количество выросло.

В ноябре 2021 года Музей истории села Авдарма отметил 10-летний юбилей. За эти годы преобразились выставочные залы и фонды музея, заметно увеличилось количество значимых и ценных экспонатов, были проведены научные конференции, конкурсы исследовательских работ, различные проекты. Количество собранных оригиналов документов и фотографий позволило преобразить зал материальной культуры. Фонды Музея постоянно пополнялись документами авдарминцев, отображающих разные периоды истории, которые передавались Музеем жителями села. Со временем накопленные документы и фотографии в процессе изыскательских работ привели к открытию еще одного зала с выставочными экспозициями. В настоящее время в Музее истории села Авдарма полноценно функционируют три зала, в которых шаг за шагом раскрывается история села Авдарма в пяти политико-правовых периодах со дня его основания по сегодняшний день: Османская империя, Российская империя, Королевство Румыния, Молдавская ССР в составе Советского Союза и суверенная Республика Молдова. Основу фондов Музея истории села Авдарма составляют оригиналы документов, наград, фотографий, собранные подворно у жителей села Авдарма, обнаруженные в архивах Республики Молдова и за рубежом, научные статьи по истории села, написанные учеными из Молдовы, Румынии, Турции, России, Болгарии, церковный архив Свято- Михайловской церкви села Авдарма, с 1820 года по 1944 год, археологические артефакты, найденные на территории ногайского родника «Tatar çöşmesi», на месте основания селения Авдарма. Важным и значимым событием в деятельности Музея истории села Авдарма стало событие 26 мая 2017 года. Музей истории села Авдарма получил статус государственного музея и был зарегистрирован в Национальном реестре музеев Республики Молдова. Вследствие регистрации в Национальном реестре у Музея появилось право участия в европейских проектах и в проектах по обмену экспозициями.

В первые годы функционирования Музея сотрудниками являлись Маринов Федор Иванович и Саранди Алена Федоровна. Федор Иванович осуществлял деятельность директора на протяжении семи лет, с 2011 года по 2018 год. Он - практикующий учитель гагаузского языка и литературы, по специальности журналист, автор сборников стихотворений и прозы на гагаузском языке. Саранди Алена Федоровна является выпускницей Бакинского государственного университета, получившей специальность историка. Алена Федоровна с 2011 по 2018 год занималась пополнением фондов Музея экспонатами.

Со временем преобразался облик музея, дополнялись выставочные залы и экспозиции. В штате сотрудников тоже произошли некоторые изменения. Директорскую деятельность осуществляла с 2018 года по 2019 год дипломированный молодой специалист Трандафилова Ольга Константиновна. Ольга Константиновна - выпускница Комратского государственного университета, получившая диплом по специальности – преподаватель истории и гражданского воспитания, впоследствии окончившая магистратуру Комратского университета.

Директором Музея истории села Авдарма с 2019 года и в настоящее время является Карамит Елена Федоровна. Елена Федоровна работает преподавателем гагаузского языка и литературы, выпускница Кагульского педучилища, магистрант Комратского государственного университета.

Третьим сотрудником Музея истории села Авдарма является Танасович Иванна Ивановна, которая работает с 2018 года. Является студенткой IV курса Комратского государственного университета, обучающейся по специальности «преподаватель истории и гражданского воспитания».

Таким образом, с 2019 года штат сотрудников Музея насчитывает три единицы: Карамит Елена – директор, Трандафилова Ольга и Танасович Иванна – научные сотрудники. Все 10 лет существования Музея истории села Авдарма неустанно занимается поисковой и исследовательской деятельностью основатель Музея - Игнат Михайлович Казмалы. Игнат Михайлович является для всех сотрудников достойным примером в исследовательской деятельности, вдохновляет своей решительностью, упорством в достижении целей, в расширении имеющихся знаний, в формировании компетенций музейного работника. Организует Международные научные конференции, международные выставки, конкурсы и проекты. Игнат Михайлович способствует формированию уважительного отношения к истории села, к предкам и судьбам авдарминцев.

Музей истории села Авдарма с каждым годом все больше привлекает внимание посетителей разных возрастов. Среди многочисленных посетителей Музея дети дошкольного и школьного возраста, студенты средних специальных и высших учебных заведений Республики Молдовы и Зарубежья. Общеизвестно, что Музей является связующим звеном между прошлым и будущим, осуществляет связь времен. Он дает нам уникальную возможность воспользоваться опытом предыдущих поколений в области науки, культуры, образования. Одной из самых актуальных задач современного общества является воспитание подрастающего поколения. Приоритетным направлением социума является создание благоприятных условий для формирования полноценной, здоровой личности, ориентированной на общечеловеческие, культурно-исторические, художественно-эстетические, духовные ценности. Музей истории села Авдарма является частью образовательного пространства и активно содействует в познании истории. Музей является объектом интересов не только взрослых, но и подрастающего поколения. С частыми ознакомительными экскурсиями приходят воспитанники детского сада «Ивушка». Детей дошкольного возраста привлекают выставленные в экспозициях разнообразные монеты, медали, ордена. Дошкольники проявляют активный интерес к истокам истории родного села.

Музей формирует чувство причастности и уважения к прошлому. Это уважение начинается с семейных реликвий, с малых семейных коллекций. Воспитательная функция Музея в том, что он создает особую образовательную среду для формирования у учащихся целостного отношения к культурно-историческому наследию.

В последние годы все чаще Музей становится местом проведения уроков для учащихся лицея имени Дмитрия Челенгир. Для учащихся 7-го класса был проведен урок английского языка. Семиклассники подготовили содержательные рассказы на английском языке об участниках Первой мировой войны, с успехом справившись с заданиями учителя Ангеловой Александры Васильевны.

Урок «История, культура и традиции гагаузского народа» провели для учащихся 6-го класса. Дети в национальных костюмах представили историю, элементы культуры и традиции гагаузского народа. Были использованы предметы быта гагаузов. Дети ответили на закрепляющие вопросы викторины, подготовленные преподавателем Капсомун Марией Афанасьевной. Открытый урок немецкого языка провели с участием учеников 12-го класса. Лицеисты в роли экскурсоводов рассказывали о истории села на немецком языке, знакомили присутствующих гостей с непростыми судьбами авдарминцев. Приглашенным учителям немецкого языка очень понравился необычный формат урока. Гюмюшлю Иванна Федоровна – учитель немецкого языка, отметила хорошую подготовленность и высокий уровень ответственности учащихся на уроке. Ученики лицея имени Дмитрия Челенгир являются

постоянными посетителями Музея истории села Авдарма. Дети обращаются за помощью музейных сотрудников в написании сочинений, в содействии и сборе информации для исследовательских работ. Все сотрудники Музея истории села Авдарма имеют высшее педагогическое образование и всегда готовы прийти на помощь.

На протяжении двух лет учащиеся шестых классов имели возможность посещать кружок истории села при Музее истории села Авдарма. Ребята с удовольствием знакомились с историей родного села, посещали исторические объекты, входящие в музейный комплекс. Вместе с руководителем кружка - Карамит Еленой Федоровной дети посетили историко-этнографический музей имени Дмитрия Карачобан в селе Бешалма. Плодом деятельности кружковцев стал фотоальбом с фотографиями и пояснениями к ним, написанные руками детей. Директор Музея истории села Авдарма Карамит Елена Федоровна, являясь преподавателем гагаузского языка и литературы, провела урок для учащихся 5 класса по предмету «История, традиции и культура гагаузского народа».

Музеем истории села Авдарма в 2017 году был организован конкурс исследовательских работ «CAN ACISI», который посвящался 70-ой годовщине голода 1946-1947 годов в Гагаузии. Целью конкурса являлось привлечение внимания молодежи Гагаузии к трагическим событиям голода 1946-1947 годов в истории гагаузского народа, развитие у школьников исследовательских навыков, творческой инициативы и интереса к истории родного края. Работы были написаны на гагаузском языке. Согласно Положения, участниками стали учащиеся лицейских классов, колледжей, студенты I курса факультета журналистики Комратского государственного университета. [2]

В исследовательском конкурсе приняли участие дети из всех районов АТО Гагаузия. Итогом исследовательских работ гагаузской молодежи стали 47 работ с рассказами пожилых людей старше 80 лет. На церемонию награждения были приглашены авторы всех 47 работ и пожилые люди, которые рассказали участникам о пережитом в годы голода. По решению мецената – Ильи Казмалы, премии были вручены всем 53 участникам конкурса.

Учащиеся авдарминского лицея, решившие принять участие в международном конкурсе «Выявляем героев в родном краю» в 2020 году, обратились за помощью к сотрудникам Музея. В рамках конкурса учащиеся гимназий и лицеев, а также студенты университетов имели возможность выявить героев родного края, которые сыграли определенную роль в жизни общества своего населенного пункта. Исследовательскую работу предоставлялась возможность представить в разных жанрах: видеофильм, эссе, хроники, презентация. На участие в конкурсе выразили желание участвовать пять учениц лицея имени Дмитрия Челенгир: Марина Танасович, Ольга Грек, Олеся Кирович, Анна Манастырлы и Ольга Трандафилова.

Героями исследовательских работ учениц лицея имени Дмитрия Челенгир стали уроженцы села Авдарма. В эссе «Крепкая вера хрупкой женщины» Олеся Кирович описала судьбу женщины, Капсомун Марии Федосеевны, сохранившей храм нашего села в период гонений на православную церковь. В жанре хроники Ольга Грек поведала о необычном односельчанине и о его подвигах. Героем ее хроник стал историк-исследователь Игнат Казмалы. О последнем ветеране села Авдарма, который получил статус ветерана лишь через 60 лет, было изложено в эссе Танасович Марины «Помнить, чтобы жить...». Автором видеофильма, рассказывающем о судьбе австрийского солдата Александра Бергера, который расплатился жизнью за антифашистский призыв о прекращении войны, стала Ольга Трандафилова. В презентации Анны Манастырлы была показана судьба Федора Мариноглу, который стоял у истоков создания АТО Гагаузия, был депутатом Верховного Совета МССР и Парламента Республики Молдова.

По подведенным итогам конкурса все пять участниц добились хороших результатов. Гран-при в копилку достижений авдарминского лицея внесла Ольга Трандафилова. Две участницы - Ольга Грек и Олеся Кирович заняли первые места в международном конкурсе «Выявление героев в родном краю», Анна Манастырлы – заняла третье место, Марина

Танасович отмечена дипломом. Победители конкурса были награждены дипломами и памятными призами.

В рамках празднования 10-ой годовщины Музея для учащихся Авдарминского теоретического лицея им. Д. Челенгир были проведены 4 лекции, 10 тематических экскурсий для учеников 5-12 классов, 10 музейных уроков для 1-х-4-х классов.

Музей истории села Авдарма предоставляет возможность проводить занятия не только для учащихся, но и для студентов разных факультетов Комратского государственного университета. Неоднократно проводились лекции для студентов, обучающихся по специальности «История и гражданское воспитание». Выездная лекция на тему «О материальной и духовной культуре народов», которую провел Петр Михайлович Пашалы – доктор истории и преподаватель КГУ, 31 октября 2018 года закрепила знания студентов по дисциплине «Этнология». Будущим преподавателям истории и гражданского воспитания в ноябре 2019 года основателем Музея истории села Авдарма Игнатом Казмалы была проведена лекция по предмету «Вспомогательные дисциплины» раздела «Нумизматика». По окончании лекции студенты ознакомились с уникальной коллекцией монет Петра Костин, выставленной в Музее истории села Авдарма. Кроме студентов высших учебных заведений Молдовы интерес к Музею проявляют иностранные студенты из разных стран. За 10 лет функционирования Музея истории села Авдарма с ознакомительным визитом побывали студенты из Румынии, Турции, Польши, Кореи, Японии и других стран.

Таким образом, в заключении я хочу отметить, что в Музее истории села Авдарма за его 10-летнюю деятельность была проделана важная работа по пополнению выставочных фондов, по их формированию. Была организована поисково-исследовательская деятельность с привлечением подрастающего поколения, вызвав интерес к истории родного края. Музей истории села Авдарма играет огромную роль в воспитании подрастающего поколения. Отличительными чертами Музея истории села Авдарма является его публичность и общедоступность. Музей сегодня предлагает широкие возможности для отдыха и интеллектуального совершенствования, обеспечивая получение информации через непосредственный контакт с первоисточником. [4, с.237] Являясь инструментом образования, Музей ориентируется на аудиторию подрастающего поколения и образовательные программы. Миссия современного Музея истории села Авдарма состоит в просвещении и удовлетворении информационной потребности молодежи.

Библиография:

1. Авдарма: 450 лет истории, 1563-2013: Прошлое. Настоящее. Будущее/ Игнат Михайлович Казмалы. – Кишинев: Б. и., 2015 (Tipografia «Balacron» SRL). - 464 p.
2. <https://avdarma1563.md/>
3. Буклет «Музей истории села Авдарма. 10 лет истории»
4. Elena Ploșnița «Muzeul și Publicul: Istorie și realități» Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Chișinău 2015 – 252 p.

УДК 93/94

200 ЛЕТ СО ДНЯ ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВОЙ ЦЕРКВИ В КОЛОНИИ АВДАРМА

Трандафилова Ольга,
музеограф Музей истории села Авдарма, с.Авдарма РМ
e-mail: grek.olenka@mail.ru
orcid id: 0000-0001-6301-05384

Abstract. The article is dedicated to the 200th anniversary of the completion of the construction and lighting of the first church in the Avdarma colony. The article reveals the initial construction of

the temple, the role and significance of St. Michael's Church in the history of the village and in the fate of Avdarma residents. The functioning of the temple from the day of opening to the present day.

Key words: St. Michael's Church, National Archives, archive of the Museum of the History of Avdarma Village, petition, priests, monument, documents, Petr Petkov.

Христианство представляет собой одно из самых величественных явлений в истории человечества. Нами овладевает чувство удивления при изучении истории христианской церкви: она насчитывает уже много тысячелетий, и стоит все также полная жизни. В некоторых странах она могущественней, чем государственная власть. Это община, до того проникла в жизнь христиан, что многие не представляют жизни без нее. Очень долго господствующие классы просто запрещали исследование начал христианства. Но это не помешало верующим людям отречься от церкви и от своей веры.

В данной статье можно проследить историю создания и развития одной из церквей на территории ныне действующей АТО Гагаузии. Упорство и вера людей, создавших такое уникальное сооружение, а потом сумевших его сохранить, не теряет своего интереса по сей день. Наверное, еще долгое время она еще будет будоражить умы людей. Ведь до конца еще многое остается не изученным и не исследованным.

История Свято - Михайловской церкви в колонии Авдарма насчитывает уже более 200 лет. После того, как первые колонисты переселились в колонию Авдарма, обосновались здесь они решили спустя пару лет построить свою церковь. Желание о строительстве церкви свидетельствует нам о том, что о ни не намерены были больше покидать земли Буджака, и возвращаться в Добруджу.

В результате длительной работы в Национальном архиве обнаружили уникальный документ – прошение Мирского схода жителей селения Авдарма на имя Измаильского протоирея Никиты Глизяна о разрешении заложить в селении Авдарма деревянную на каменном фундаменте церковь во именование Святого великомученика Дмитрия. В данном документе имена 52-х жителей. [1,с.112]

Мирской сход поселян Авдармы от 12 мая 1819 года просил разрешение на строительство Свято – Дмитриевской церкви, но церковь с таким названием уже действовала в округе, при освещении церковь получила название Свято – Михайловская.

Простение о строительстве церкви Святого Димитрия авдарминцами связано с исторической родиной - Болгарией: в селе Горичане (до ноября 1942 года – Юч Орман) действовала церковь с таким названием. Соответствии данному архивному документу, советники Сельского Совета установят 25 мая официальный светский праздник – День села Авдарма.[1, с.113]

Простение о строительстве Свято - Димитровской церкви в селения Авдарма зафиксировано в документе, зарегистрированном 4 июня 1819 года. [4] (Прил. Рис.1,2,3)

В донесении Глизяна на имя епископа Бендерского и Аккерманского Димитрия написано: «Сего текущего мая, 26 дня, Измаильского цынта Селения Авдармы, Жители за Дунайские Переселенцы поселившиеся в 1812-м году на оном урочище, Поданным на имя мое прошением, Пронизывая крайнюю нужду Свою в богослужении и Слушании Слова Божия, и ревностное усердие выстроить у себя на каменном фундаменте деревянную церковь...

Что в упомянутом селении Авдарма находится ныне дворов – 50, мужского пола душ - 200, женского -149, жители задунайские переселенцы болгары, принадлежащие приходом селению Томай к Успенской церкви ближайшей, расстоянием в 10 верстах...». [2, с.3]

Глизян прилагает свидетельство, выданное от жителей селения Авдармы, засвидетельствованное тамошними земскими комиссаром и исправничеством: «о всегдашнем существовании оного селения, просит по желанию всех жителей дозволить выстроить в оном селении новую на каменном фундаменте деревянную Димитровскую церковь, на сооружение каковой церкви материалов и деньги 3000 левов ими уже заготовлены». [2, с.3]

Резолюция епископа Димитрия от 17 (4) июня 1819 года на документе гласит: «Церковь заложить по плану, данному для других церквей Измаильского цынута, благославляем. Д.Е.Б. и Ак. №1098».

В рапорте от 18 (5) июля 1819 года Никита Глизян докладывает епископу о том, что 17 (4) июля им заложена церковь в Авдарме. [2, с.3]

В документах распоряжение построить церковь по плану имеется, но самого проекта строительства не обнаружено. Нет его и в фондах Национального архива. Ведутся работы в архиве Молдавской Митрополии – правопреемника Бессарабской Митрополии.

Церковь в селении Авдарма была построена на деньги Петра сына Петку (в дальнейшем Петков, Петкогло), болгарина, сына мирянина, который в дальнейшем был принят в духовное звание епископом Бендерским и Аккерманским Дмитрием и был назначен им первым пономарем Архангело – Михайловской церкви села Авдарма.

Это первое свидетельство о крупном меценате селения Авдарма. Сам пономарь Петков умер в апреле 1821 года.

29 (16) мая 1821 года протоирей Глизян пишет в доношении епископу Димитрию, что заложенная в 1819 году по его Благословлению Архангело – Михайловская церковь в Авдарме окончена и всем нужным снабжена, и просит Благословения на выдачу Святого Антиминса для начала совершения литургии в храме.

Благочинный священник Гавриил Тигичан проверил утварь 3 июня (21 мая) 1821 года и составил опись церковного имущества.

В Рапорте от 26 (13) июля 1821 года Измаильский протоирей Никита Глизян пишет Высокопреосвященному Димитрию, Архиепископу Кишиневскому и Хотинскому: «Вследствие указа Его императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Кишиневской Духовной Династории от 2-го истекшего июня с № 1763 ко мне преследовавшего по резолюции Вашего Высокопреосвященства, о освещении Измаильского цынута селения Авдарма вновь выстроенную Архангело – Михайловскую церковь, на вновь выданном Святом Антиминсе; мною того же июня 30 дня помянутая Архангело – Михайловская церковь починоположению освящена, о чем Вашему высокопреосвященству почтеннейше доношу». [2, с.4]

Из вышеизложенного становится ясным механизм контроля готовности церкви к открытию, серьезность и ответственность священнослужителей. По документам также видно последовательность исполнения поручений вышестоящего руководства.

В формулярной ведомости Архангело – Михайловской одноклирной церкви Колонистского Управления Верхнебуджакского Округа колонии Авдарма за 1863 год есть данные о строительстве каменной церкви, которую сегодня посещают прихожане. В пункте 1 указывается, что церковь «построена 1863 года тщаниями и иждивением прихожан» при священнике Николае Букшан. В пункте 2 пишет, что «здание каменное с подобающей колокольной, покрытой цинком». 4-ый пункт содержит данные о том, что богослужение совершается на молдавском языке, а церковь «утварью и книгами достаточна». 5. В пункте 18 священник констатирует, что «Исповедная роспись от 1820 года хранится в целости», это еще раз доказывает нам о том, что строительство первой церкви началось в 1819 году. [2, с.6] (Прил.Рис.4,5)

С первой церковно-приходской книгой, сохранились и другие оригиналы документов, которые датируются с 1820 по 1945 гг. включительно. В церковном архиве был найден оригинал сметы «по реконструкции церкви и расширению ее в боковых частях к северу и югу с устройством светлого восьмигранного купола» в 1898 году при протоирее Григории Бабченко, который отслужил в данной церкви 33 года. [2, с.7]

Совсем недавно в Национальном архиве был найден еще один уникальный документ прошение священника Свято-Михайловской церкви села Авдарма Василия Петрова о выдаче свидетельства на право ношения нагрудной медали в память 300-летия Царствования Дома Романовых - сторожу церкви Ивану Манастырлы, который состоял на службе более 14 лет. Прощение направлено в Кишиневскую Духовную Консисторию 12 апреля 1914 г. В прошение

написано: «Въ силу Акт А. Положения о нагрудной медали в память 300 летия Царствования Дома Романовых, покорнейше прошу Консисторию выдать свидетельство на право ношения выше назначенной медали Церковному сторожу Церкви села Авдарма 3-го округа Бендерского уезда Афанасия Ивану Манастырлы состоящему на службе более 14 лет. 1914 года апреля 12 - го дня». К сожалению, данного свидетельства и медали нет в Музее истории села Авдарма. Поиски документов связанные с историей церкви села продолжаются. [5] (Прил. Рис.6)

После того как Бессарабия вошла в состав Королевской Румынии в апреле 1918 года все церковное имущество и книги были описаны и пронумерованы. В документах содержатся записи о крещении младенцев, венчании молодоженов также имеется информация об умерших людях в селении. Благодаря этим документам мы узнаем, что по указу короля Румынии Фердинанда I, «О памяти погибших в первой мировой войне», каждая воскресная служба в Свято - Михайловской церкви заканчивалась поминанием погибших воинов – авдарминцев. Последняя запись в церковных книгах была сделана на румынском языке 19 августа 1944 года, и они в полном объеме были переданы жителям села. Румынские власти, покидая село, ничего не вывезли и не уничтожили из документов и архива. [2, с.9]

В церковном архиве были найдены оригиналы свидетельства о смерти людей в селе Авдарма от тифа (1941-1945 гг.) и голода (1946 -1947 гг.), а также документы репрессированных и сосланных семей.

С приходом советской власти большевики закрыли Свято - Михайловскую церковь, но авдарминцам удалось спрятать весь церковный архив, и сохранить сам храм от уничтожения. Благодаря мужеству трех авдарминцев – Марии Федосеевны Капсомун (Дерели), Ивана Николаевича Кристова и Ивана Николаевича Гаргалык была сохранена Свято – Михайловская церковь села Авдарма в период запрета ее деятельности с 1944 по 1988 годы. Эти люди смогли отстоять и сохранить не только здание церкви, построенной в 1863 году, церковную утварь, но и весь церковный архив со дня строительства первой церкви. По свидетельствам сельчан здание и внутренняя роспись, так хорошо сохранилась, что достаточно было при открытии сделать только легкую влажную уборку. В период закрытия церкви в советское время из нее местная власть хотела сделать музей. Но упорство и мужество трех авдарминцев, вопреки всему не позволило этому свершиться. Ведь церковь сельчанами не для этих целей была построена.

Свято - Михайловской церковь, после 44-ех лет закрытия в 1988 году вновь отрывает свои двери для прихожан, для этого была создана в Авдарме инициативная группа. Первые церковные службы в 1988 году проводил священник Михаил Лысенко, выпускник Одесской духовной семинарии. [2, с.9]

В 2013 году Свято – Михайловская церковь села Авдарма отметила свое 150-летие со дня постройки. В честь юбилея при помощи мецената села был произведен капитальный ремонт здания церкви, полностью обновлена настенная роспись, заменены окна и обновлены полы, установлены системы отопления и кондиционирования. [2, с.9]

Свое 200 – летие со дня основания первого храма в селе, Свято – Михайловская церковь отметила в 2019 году. К такому юбилею церкви были проведены работы по реставрации иконостаса, частично была обновлена роспись стен храма, установлена аудиосистема. Впервые за всю историю церкви на стенах появились иконы со святой горы Афон. Так, по специальному заказу, монахи- иконописцы расписали 27 икон с золочением и чеканкой для храма села Авдарма. Затем при поддержке нескольких монастырей, практически во все иконы были вмонтированы мощи святых, изображенных на иконах. Таким образом, в храме имеются мощи 38-и наиболее почитаемых святых. [2, с.10]

Также к 200-летию со дня основания храма в селе, Музей истории села Авдарма выпустил буклет «Краткая история Свято – Михайловской церкви села Авдарма. Посвящена 200-летию со дня ее основания 1819 – 2019» с фрагментами архивных документов и фотографиями из истории жизни церкви. [3, с.16]

Подготовлена постоянно действующая выставка архивных документов из фондов Национального Архива Республики Молдова и сохраненного церковного архива за весь период деятельности церкви с 1820 года до ее закрытия в 1944 году. Выставка состоит из 25 стендов. [3, с.16]

Размещена на территории церкви. Выставка расположена удобно для посетителей, находится на открытой территории и легко доступна. Каждый, кто желает ознакомиться с историей церкви по ближе, может благодаря этой выставке легко это сделать.

20 января 2020 года был освящен Памятник служителям церкви. Он установлен на территории Свято – Михайловской церкви с правой стороны от центрального входа храма. [3, с.15]

На гранитной плите высечены имена 67 человек. Список лиц, служивших в церкви, установлен по архивным документам, находящимся в Музее истории села Авдарма. [3, с.15]

Но на этом храм свое благоустройство не закончил. Совсем недавно 21 ноября 2021 года Свято – Михайловская церковь от праздновала свой престольный праздник. В день Святого Архангела Михаила в храме отслужили праздничное богослужение, по завершению которого был проведен чин освещения двух памятников. Установлены они перед зданием церкви, с обеих сторон от главного входа. [6]

При входе слева расположен памятник в честь Петра Петкова – жителя Авдармы, пожертвовавший свои деньги на строительство первой деревянной церкви 1819 года в селе.

Справа при входе расположен памятник в честь авдарминцев, защитивших от поругания и осквернения Свято – Михайловский храм в годы советской власти в середине 20-го века.

Макеты церквей, установленные на гранитных столбовых основаниях – это точные копии уменьшенных размеров двух храмов – здания деревянного храма, который был построен в 1819 году на деньги Петкова, и каменного храма действующего и сегодня, который был построен в 1863 году. [6]

Сегодня действующая Свято – Михайловская церковь является самым старым общественным зданием села, а ее архив – достояние Музея истории села Авдарма.

Библиография:

1. Авдарма: 450 лет истории, 1563 – 2013 Игнат Казмалы. – Кишинев: Б. и., 2015 (Tipografia «Balacron» SRL).
2. Краткая история Свято – Михайловской церкви села Авдарма/Музей истории села Авдарма, 2019 год.
1. 3.Музей истории села Авдарма. 10 лет истории/Музей истории села Авдарма 2021 год.
4. НАРМ, ф.205, оп.1, д.2592, лл.3-3 об., (на 18 листах).
2. 5.НАРМ № 2942, ф.208 Дело о назначении, перемещении и увольнении священнослужителей Кишиневской епархии.
5. <https://avdarma1563.md/?p=22004>

Приложение:

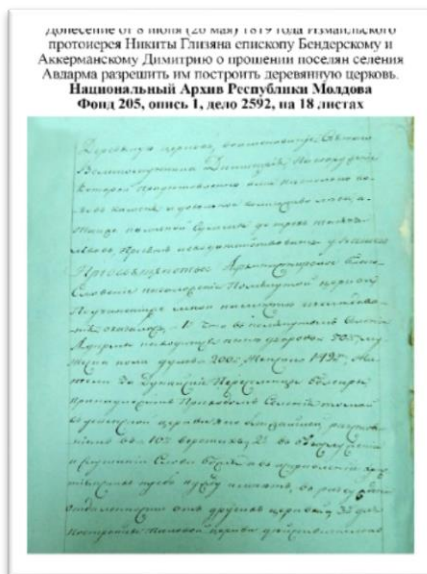

Рис.1 Донесение от 8 июня(26 мая) 1819 года Измаильского протоиерея Никиты Глизяна епископу Бендерскому и Аккерманскому Дмитрию о прошении поселян селения Авдарма разрешить им построить деревянную церковь.

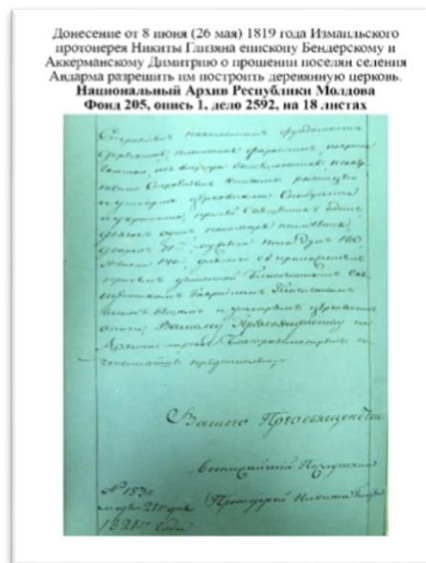

Рис.2 Донесение от 8 июня(26 мая) 1819 года Измаильского протоиерея Никиты Глизяна епископу Бендерскому и Аккерманскому Дмитрию о прошении поселян селения Авдарма разрешить им построить деревянную церковь.

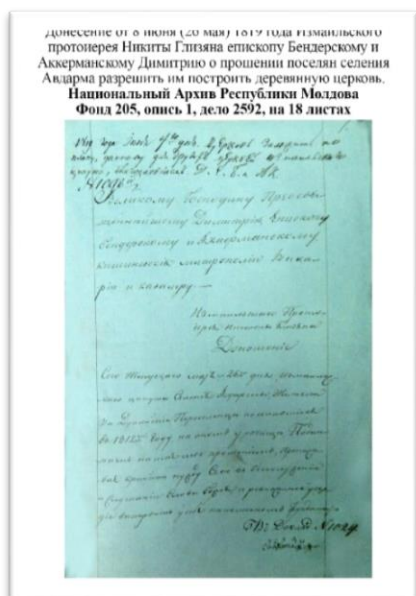

Рис. 3 Донесение от 8 июня(26 мая) 1819 года Измаильского протоиерея Никиты Глизяна епископу Бендерскому и Аккерманскому Дмитрию о прошении поселян селения Авдарма разрешить им построить деревянную церковь.

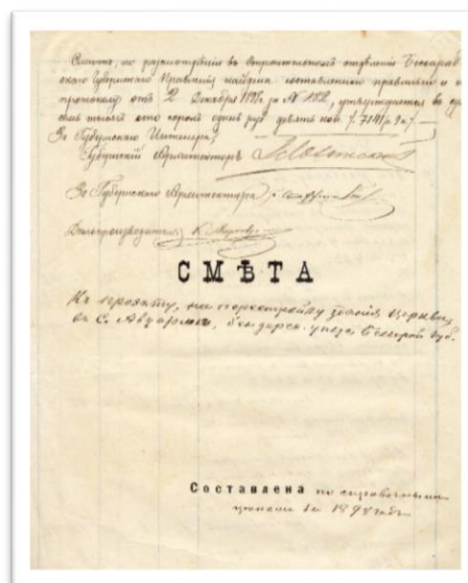

Рис.4 Смета на реконструкцию Свято – Михайловской церкви села Авдарма, составленная в 1898 году при протоирее Григории Бабченко. Строительные работы завершены в 1899 году.

СЕКЦИЯ 8. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

УДК CZU 746.1(560)

AKSARAY DOKUMALARINDA KULLANILAN BOYAR MADDELER

GÜMÜŞ, Deniz,

Öğr. Gör./Geleneksel El Sanatları Aksaray Üniversitesi / Türkiye

e-mail: denizgumus@aksaray.du.tr

orcid id:0000-0003-4208-9675

Annotation Doğal boyamacılık çok eski tarihlerde başlamış ve yüzyıllar boyu kullanılmaya devam etmiştir. Günümüzde bazı yörelerde kısmen de olsa uygulanmaya devam etmektedir. Son yıllarda sanayileşmenin gelişmesi ile sentetik boyalar kullanılmaya başlanmış olup doğal boyamacılık ikinci plana atılmıştır.

Doğal boyamacılığın hâlen devam ettiği yörelerden biri de Aksaray'dır. Aksaray dokumalarında yün kullanılmaktadır. Bu yünler doğal boyalar ile boyanıp dokumaya hazır hâle getirilmektedir. Önceleri yünleri boyamada kullanılan boyar maddelerin tamamı doğal boyar maddeyken günümüzde ise Aksaray dokumalarında da kullanılan bazı renkler kimyasal boyar maddelerdir.

Sentetik boyaların kullanımının bırakılıp tamamen doğal boyaların kullanılması beklenemez bir durumdur; fakat doğal boyanın kullanılmasının ekonomik katkısı, kimyasal kullanımın azalmasından kaynaklı sağlıklı oluşu göz ardı edilemez niteliktedir. Bu sebeple giderek kullanımı azalan doğal boyaların daha fazla kullanılmaya teşvik edilmesi gerekmektedir.

Bu çalışmada, Aksaray dokumalarında kullanılan boyar maddeler incelenmiş ve dokuma örnekleri ile ortaya konulmuştur.

Anahtar Kelimeler: El Sanatları, Dokuma, Doğal boya, Aksaray.

COLORANT USED IN AKSARAY WEAVING

Annotation Natural dyeing started in ancient times and continued to be used for centuries. Today, it continues to be applied, albeit partially, in some regions. In recent years, with the development of industrialization, synthetic dyes have been used and natural dyeing has been put into the background. Aksaray is one of the regions where natural dyeing still continues. Wool is used in Aksaray weaving. These wools are dyed with natural dyes and made ready for weaving. While all of the dyestuffs used in dyeing wool were natural dyestuffs in the past, some colors used in Aksaray weavings are chemical dyestuffs today. It is not expected to abandon the use of synthetic dyes and use completely natural dyes; However, the economic contribution of the use of natural dyes and the fact that it is healthy due to the decrease in the use of chemicals cannot be ignored. For this reason, it is necessary to encourage more use of natural dyes, the use of which is gradually decreasing. In this study, the dyestuffs used in Aksaray weavings were examined and revealed with weaving samples.

Keyword Handicrafts, Weaving, Natural dye, Aksaray.

Giriş

Sanat, bireylerin ve ortak yaşamın özünden kaynaklanan, duygu ve düşünceleri içinden geldiği gibi yansıtan gerçek yaşam duygusudur ve toplumsal varlıktır. Bütün dünya insanları arasında yakınlaşma, bütünleşme, ortak duyguları paylaşma ve haz almak için sanat önemli bir araçtır. Sanat, insanlık tarihinin her döneminde var olmuştur. Söz konusu sanatlardan birisi de geleneksel el sanatlarıdır.

Geleneksel el sanatları; çini, dokuma, seramik, hat, dericilik, yazmacılık, nakış, oya gibi alanlarda devam ettirilmektedir. Sanayileşmeyle birlikte olumsuz yönde etkilenen el sanatlarından bazıları uygulanmaya devam etmekte olup bazıları ise unutulmaya yüz tutmuştur. Uygulanmaya devam eden el sanatlarımızdan birisi de dokumalardır.

Dokumalar, Anadolu'nun birçok yerinde karşımıza çıkan el sanatlarımızdandır. Anadolu'da dokumacılığın devam ettiği yerlerden birisi de Aksaray'dır. Önceleri barınak olarak kullanılan dokumalar, zaman içerisinde yer yaygısı, yastık, heybe, çuval ve hatta duvar yaygısı olarak yer bulmuştur.

Dokuma, tezgâha belli bir sistem ile atılan atkı iplerinin arasından çözgü iplerinin geçirilmesi veya atkı iplerine ilmek atılması suretiyle oluşan ürünlerdir. Aksaray dokumalarında ıstar tezgâh kullanılmaktadır.

Fotoğraf 1. Deniz GÜMÜŞ

Fotoğraf 2. Servet Senem UĞURLU

Dokumalarda kullanılan ipler çeşitli boyar maddelerle boyanmaktadır. Boyar madde, yüne renk veren maddelerdir. Aksaray dokumalarında doğal boyar maddeler kullanılmakla birlikte, ilerleyen teknoloji ile sentetik boyar maddeler de kullanılmaktadır. Doğal boyar maddeler, dokuma yapılacak yüne renk vermek için bitkilerin kök, gövde, yaprak, kabuk ve çiçek kısımlarından elde edilir. Sentetik boyar maddeler, sanayilerde kimyasallar ile elde edilen renklerdir.

1. AKSARAY DOKUMALARINDA KULLANILAN BOYAR MADDELER

Aksaray dokumaları denilince ilk akla gelen, Aksaray'ın Taşpınar ilçesinde dokunan Taşpınar Halıları olmaktadır. Taşpınar halılarının özel olmasının sebebi, dokumada kullanılan boyaların kökboya olmasıdır. Taşpınar halılarının ana renkleri koyu kırmızı, kırbız, lacivert, yeşil, siyah ve beyazdır. Bu renklerden siyah ve beyaz dışında kalanlar bitkilerden elde edilmektedir. Siyah ve beyaz koyundan direk alınarak kullanılmaktadır. Siyah ve beyaz kırkılan yün yıkanıp eğirme işlemi yapıldıktan sonra dokumaya hazır hale gelmektedir. Bu renkler uyum içerisinde ve belli oranlarda motiflere dağılmıştır.

1.1. Kökboya

Kökboyanın büyük bir olasılıkla anavatanı Anadolu'dur. Doğal olarak Kafkaslar, İran, Orta Batı Asya ve Himalayalar'a kadar yayılmış olduğu görülmektedir [4, s.72]. Kökboyanın diğer bir adı da Türk Kırmızıdır.

Kökboya bitkisi kırmızı rengi elde etmek için kullanılan bir doğal boyar maddedir. Bitkinin kökünden elde edilen boyar madde toz haline getirilerek, mordan olarak kullanılan şap ve boyanacak yün suyun içerisinde belli oranda kaynatıldıktan sonra yün kırmızı rengi almaktadır. Daha sonra kurutulan yün dokuma yapmak için hazır hâle getirilmektedir. Mordan, boyanın yüne tutunmasını sağlayan maddeye verilen isimdir.

Fotoğraf 3. Recep KARADAĞ

Fotoğraf 4. Deniz GÜMÜŞ

Aksaray'ın Taşpınar ilçesinde dokunan dokumalarda zemin rengi olarak genellikle kökboya bitkisi ile boyanmış kırmızı tercih edilmektedir (Bkz. Fotoğraf. 4).

Kökboyadan Türk kırmızısı elde etmek için muhakkak surette şap kullanılması ve Orta Asya'da sadece Taşkent'te şapın bulunması, Türk kırmızısı boyacılığının Türkler tarafından burada geliştirildiğini, oradan da Hindistan'a yayıldığını göstermektedir [3, s.15].

1.2. İndigo

İndigo mavi rengi elde etmek için kullanılmaktadır. Önceleri Hindistan'dan gelen ve aktarlarda satılan çivit boyası doğal boyar madde olarak kullanılmaktaydı. Daha sonra sentetik indigolar kullanılmaya başlanmıştır.

İndigo, indigo bitkisinin yapraklarından elde edilmektedir. Yaprakların kurutulup toz hâline getirilen kısmı boyar madde olarak kullanılmaktadır. İndigo için mordan olarak kireç ve soda kullanılmaktadır. Boyanan yün hava ile temas ettikçe renginde koyulaşma meydana gelmektedir.

Fotoğraf 5. <https://ziraatyapma.blogspot.com>

Fotoğraf 6. Deniz GÜMÜŞ

Aksaray dokumalarında kullanılan indigo ile boyanmış yünler dokumaların sadece zeminlerinde değil motiflerinde de kullanılmaktadır. Mordanlamayla birlikte birçok tonu elde edilebilen mavinin Aksaray dokumalarında tek çeşit olarak kullanıldığı görülmektedir.

Yünün boyama işlemi esnasında kazanda indigo ile kaynatılan yün, kazandan alındıktan sonra sarı renk olarak görünmektedir. Daha sonra yün havayla temas ettikçe mavi rengi alır. Kazandaki suya tekrar yün atılarak kaynatılır ve daha açık bir mavi renk elde edilir. Bu işlem tekrarlandıkça her defasında bir açık ton mavi boyanmış yün elde edilmiş olunur.

1.3. Cehri

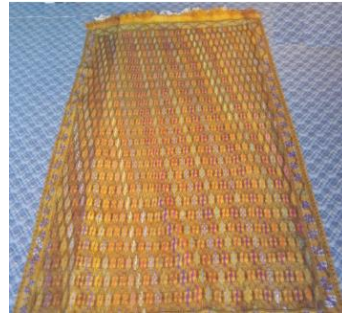
Sarı rengi elde etmek için kullanılan cehri, altın ağacı, alacehir, boyacı diken, ak diken olarak da bilinmektedir. Boyama işlemi için cehri bitkisinin meyvelerinden yararlanılmaktadır. Kullanılan meyvenin oranına göre sarının tonları elde edilmektedir.

Cehri bitkisi ılıman ve sıcak yerlerde yetişmektedir. Bu nedenle doğal boya olarak sarı rengi elde etmek için Aksaray ve çevre illerde cehri kullanılmaktadır. Kütahya ve Doğu Anadolu Bölgesinde ise sarı renk için sütleğen kullanılmakla birlikte boyacı papatyası, Batı ve Orta Anadolu'nun bazı yörelerinde ise muhabbet çiçeği ve sarı ot kullanılmaktadır.

Cehri ile boyama yapılacaksa mordan olarak şap, kalay veya kireçtaşı kullanılmalıdır. Bu yöntemle en güzel sarı tonları elde edilebilir.

Fotoğraf 7. <https://tr.wikipedia.org>

Fotoğraf 8. Deniz GÜMÜŞ

Aksaray dokumalarında sarı ve tonlarını görmek mümkündür. Dokumalar, düz dokumalar ve havlı dokumalar olarak gruplandırılmaktadır. Havlı dokumalar olarak bilinen gruba giren Taşpınar Halılarında tek çeşit sarı karşımıza çıkmaktadır. Düz dokumalarda ise sarının birçok çeşidi kullanılmaktadır.

1.4. Meşe Palamudu ve Mazı Meşesi

Aksaray dokumalarında kullanılan yünlerin deve tüyü renginde olması için meşe palamudu ve mazı meşesi kullanılmaktadır. Meşe palamudunun meyvesinin kabukları kurutularak toz hâline getirilir. Yün ile kaynatılan toz hâlindeki meşe palamudu, yüne deve tüyü rengini vermektedir. Meşe palamudu kullanımında şap mordan olarak kullanılmaktadır.

Fotoğraf 9. <https://listelist.com>

Fotoğraf 10. Deniz GÜMÜŞ

Yüne deve tüyü rengini veren bir diğer bitki de mazı meşesidir. Mazı meşesi, meşe palamuduna göre daha ufak bir ağaçtır. Mazı meşesinin açık renkli ve koyu renkli olarak iki çeşidi bulunmaktadır. Bu iki çeşidine “akmazı”, “karamazı” denilmektedir.

Fotoğraf 11. <http://www.tcfdatu.org>

Fotoğraf 12. Deniz GÜMÜŞ

Mazı meşesi büyük oranda tanen içermektedir. Bu sebeple pamuklu dokumalarda direk mordan olarak kullanılabilir. Mazı meşesi için mordan olarak şap kullanılırsa yeşilimsi sarı elde edilir. Mordan olarak kalsiyum karbonat kullanıldığında elde edilen renk deve tüyü rengidir. Aksaray dokumalarında deve tüyü rengi motiflerde ve zeminde görülmektedir.

Boyar maddeler çeşidi fark etmeksizin yün ile birlikte kazanda kaynatılmaktadır. Boyanın yüne tutunması için mordan kullanılmaktadır. Kullanılan mordan boyar maddeye göre çeşitlilik göstermektedir. Belli sürelerde kazanda kaynayan yünler dışarı çıkarılıp kurumaya bırakılmaktadır. Kuruyan yünler çile hâline getirilerek dokuma yapmak için kullanıma hazır hâle gelmektedir.

Fotoğraf 13. Deniz GÜMÜŞ

Fotoğraf 14. Deniz GÜMÜŞ

Sonuç

Gelişen teknoloji ile ilerleyen sanayileşme sonucu sentetik boyaların kullanımı fazlaşmıştır. Sentetik boyaların bulunmasından önce doğal boyalar oldukça önemli bir merkezde olmuştur. Doğal boyaların üretimi sentetik boyalara göre daha fazla zaman aldığı için günümüzde daha çok sentetik boyalar tercih edilmeye başlanmıştır.

Bitki ve hayvan kaynaklı doğal boyaların kullanılması daha az maliyetli ve en önemlisi sağlıklı olduğu için tercih sebebi olmalıdır. Anadolu'nun birçok yerinde hâlâ kullanılan doğal boyamacılık

da sentetik boyamacılikтан etkilenmektedir. Bu etkilenmeyi en aza indirmek için doğal boyamacılik desteklenmelidir.

Aksaray'ın önemli el sanatlarından olan dokumacılikта kullanılan yünlerde doğal boyalar tercih edilmekle birlikte, sentetik boya kullanımıyla da karşılaşmaktadır. Yün boyama ustaları ile yapılan görüşmeler sonucunda, ustalar doğal boyamacıliğin tamamen unutulup sentetik boyamacıliğin kullanılmasından endişe ettiklerini dile getirmişlerdir.

Her ne kadar sentetik boyalar hazırbuluşluk açısından daha pratik olsa da doğal boyamacılik kullanımının faydaları göz önünde bulundurulmalıdır. Bunun için el sanatlarında doğal boyanın önemi vurgulanmalı, gerekli bilgilendirmeler yapılmalıdır. Sanatla uğraşan kişilerin bu konuyu dikkate alarak çalışmalarına odaklanması konu ile ilgili farkındalık oluşturacaktır.

Kaynakça

1. Deniz, Bekir [1998]. Geçmişte ve Günümüzde Aksaray Halıları-Eski Aksaray Halıları, Arış Dergisi, Sayı:4 s. 90-103.
2. Gümüş, Deniz [2015]. “Aksaray Düz Dokuma Yaygıları (Kilim, Cicim, Zili)”, Yüksek Lisans Tezi, s. 24-90.
3. İmer, Zahide [1999]. “Türklerin Dokuma Sanatında Boyacılık”, Erdem Dergisi, s. 331.
4. Karadağ, Recep [2007]. “Doğal Boyamacılik”, T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı, Geleneksel El Sanatları ve Mağazaları İşletme Müdürlüğü Yayınları No: 3 Ankara s. 34- 72-78.
5. Kayadibi, Pakize [2021]. e- Aksaray Ansiklopedisi, El Sanatları, Aksaray (Taşpınar) Halıları. <http://e-sehir.aksaray.edu.tr/2021/03/29/aksaray-taspinar-halilari/>
6. Ölmez, Filiz Nurhan [2011]. Geçmişten Günümüze Taşpınar Halıları, Isparta.
7. Soysaldı, Aysen [2009]. Düz Dokuma Teknikleri ve Teknik Desen Çizimleri. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları.
8. Uğur, Gürbüz [1988]. Türk Halılarında Doğal Renkler ve Boyalar, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, Ankara, s. 15-17-18.
9. Uğurlu, Servet Sanem [2021]. e- Aksaray Ansiklopedisi, El Sanatları, Dokuma (Istar) Tezgâhı. <http://e-sehir.aksaray.edu.tr/2021/01/13/dokuma-istar-tezgahi/>
10. T.C. Sanayi ve Ticaret Bakanlığı, Küçük Sanatlar Sanayi Bölgeleri ve Siteleri Genel Müdürlüğü [1991]. “Bitkilerden Elde Edilen Boyalarla Yün Liflerinin Boyanması”, s. 15-34-62-68.
11. <https://ziraatyapma.blogspot.com/>
12. <https://tr.wikipedia.org/wiki/Cehri>
13. <https://listelist.com/mese-agaclari-hakkinda/>
14. <http://www.tcfdatu.org/?lang=tr&page=product-detail&id=39>

CZU 75(560)

ÇİHAТ BURAK RESİMLERİNDE ÇİRKİNLİĞİN ESTETİĞİ VE GÖRÜNÜMLERİ

Küçükşen Öner, Ferhunde

Assoc. Prof /Department of Fine Arts Education Bartın University/Turkiye

e-mail: foner@bartin.edu.tr

orcid id:0000-0001-5251-4327

Abstract Since ugliness gains its meaning in social life and art as the opposite of beautiful, it is a concept that has renewed its definition as the understanding of beauty changes. For this reason, it has constantly renewed its view as the opposite of beauty throughout the process. Ugliness can be considered as a concept that has begun to exist with humans, but has constantly updated itself. However, there were also times when she was considered morally evil, and transformed the sublime into the despicable and the beautiful into a caricature. Every detail against the ideal could also be seen as ugly. It can be seen that ugliness is perceived from an artistic point of view by going through similar processes. However, it is also seen that ugliness was aestheticized to show critical attitudes in

art after the modernization period. Cihat Burak, an important name for Turkish painting, literature and architecture, is one of the artists who show ugliness by emphasizing figure deformation and chaotic compositions in his paintings and can transform this display style into a part of his critical attitude. The ugliness of Cihat Burak's paintings also means that he avoids the details that the artist finds ugly in real life in his 'dream world and fantasy' views, which is actually a reflection of his critical attitude. The images of ugliness in the paintings of Cihat Burak can be considered as a criticism of injustice, class discrimination, mediocrity in public life. In this respect, it is necessary to evaluate the ugliness in the artist's paintings in the context of art-social criticism-aesthetics of ugly in the twentieth century. In this paper, the concept of ugly will be discussed first and the meanings of this concept that have changed in the historical process will be briefly mentioned; then it will be focused on how ugliness is handled in the aesthetic context (in art). The aesthetics of ugliness and ugly will be emphasized. It will be evaluated how this aesthetic is reflected in the paintings of Cihat Burak, and in the example of Cihat Burak, generalizations will be made about the way the ugly appears on the aesthetic plane in the twentieth century Turkish painting.

Keywords Painting, Ugliness, Cihat Burak, Beauty

Çirkinlik;güzelliğin ön planda tutulduğu bir sanat anlayışı ve yaşam biçiminin gölgesinde kalmış,XIX. yüzyıla kadar zaman zaman sanatçıların gündemine girse de araştırmacı ve kuramcılar tarafından yeterince irdelenmemiştir. XIX. yüzyılın ortalarında Karl Rosenkranz'ın*Çirkinin Estetiği(Ästhetik des Häßlichen)* adlı eseri, bu konuda hazırlanmış ilk kapsamlı çalışmadır. Görüntülerini, varlığını ve tanımını güzellik karşılığında belirlemek zorunda kalan çirkinlik, Rosenkranz'a göre üç temel yapı üzerinden anlaşılabilir: Biçimsizlik, yanlışlık ve biçimsizleştirme (yapı bozumu). Çirkinliğin doğasını ve estetiğini görebilmek için ruhtaki ve sanattaki görünümüne bakmak gerekir. "Biyolojide hastalık ya da etikte kötülük, hukukta suç, ilahiyatta ise günah kavramından bahsedildiğinde kimse şaşırıyorsa"[5, s. 11]doğa ve sanatta çirkinlik kavramından hatta pratiğinden bahsetmeye de şaşırılmamak gerekir.

Çirkinlik, büyük ölçüde güzelliğin karşısında, ahlaki kötülüğün yanında konumlandırılmıştır. Umberto Eco da çirkinliğin kötülük, günah, cehennem, şeytan, cadı gibi kavramların tamamlayıcı unsuru olduğunu belirtir: "Kötülük ve günah nasıl iyiliğe karşı duruyorlarsa, iyiliğin cehennemi iseler, aynı şekilde çirkinlik de "güzelliğin cehennemi"dir. Geleneksel görüşe göre çirkinlik güzelliğin karşıtıdır, güzelliğin içinde barındırdığı bir çeşit olası hatadır dolayısıyla her estetik, güzelliğin bilimi olarak çirkinlik kavramıyla da yüzleşmelidir"[4, s. 16]. Çirkinliğin XIX. yüzyıla kadar estetik bir idea olarak var olduğunu söylemek güçtür. Genellikle güzellikle bir arada sanat ve yaşamın bütünü oluşturan parçalarından biri olarak değerlendirilir. Özellikle plastik sanatlarda çirkinin görüntülerine mitik dönemlerden itibaren yer verilmişse de çirkin olanın varlığı güzelliğe dair seçkinci tavırlar, zanaatkârlığın ön planda oluşu, güzelin bir ideal olarak başat unsur oluşuna bağlıdır. Mitlerdeki yeraltı tanrıları, destan dönemlerindeki düşman; çirkinliği iyiliğin karşıtı olarak temsil etmiştir. Çirkinin tipolojisi Gotik dönemde dahi günahın, cehennemin, şeytani olanın varlığıyla bir anlamda ahlaki kötülüğün vurgulanma arzusuyla somut görüntülere dönüşmüştür. Çirkinlik, en geniş anlamda kusurlu olanın görüntüsü olarak algılanmıştır.

Çirkinliğin güzellikten bağımsız bir estetik olarak görülmeye başlaması da sosyokültürel değişimlerin tamamı, sanatla zanaatın ayrışması ile ilişkilidir. Bu sosyolojik ve sanatsal değişim, çirkinliğin sanatın göstergeleriyle estetik biçimde yansıtılabildiğine dair görüşlerin güçlenmesinin önünü açmıştır. "Çirkinlik doğada mevcutsa çirkinin çirkinliği ancak sanatın onu güzel olarak tasvir etmesiyle onaylanabilir hatta keyif bile verebilirdi"[1, s. 118].

Çirkinliğin güzellikle ilişkisinin gizil bir forma sokulmasında, çirkin olanın estetize edilmesinde plastik sanatların önemli bir rolü vardır. Plastik sanatların göstergeleri, özellikle realist tutumlarda ve portre çalışmalarında çirkin olana bağımsız bir estetik alan açmaya başlamıştır. Bununla birlikte plastik sanatların toplumsal değişimlerden bağımsız bir ilerleyişle çirkin estetezize edebildiğini söylemek mümkün değildir. Çirkinin görüntülerinin estetize edilmesinde modernliğin yarattığı kesinlikten ve gelenekten kopuş arzusu da etkilidir. Platon'dan beri kabul gören, güzel ve iyi (ahlaklı) olana ulaşma arzusu yerini ters simetrik ilişki kurmayı kolaylaştıran çirkinliğe

bırakmıştır. Bu noktadan sonra sanat eserleri çirkinliği estetize ederken salt görüntü ya da toplumsal eleştirinin göstergesi olarak ortaya koyabilmiş; insan ve güzel arasındaki ilişkinin çelişkisini ortaya koymak, güzelliğin simetrik kusursuzluğunu eleştirmek için kullanabilmiştir.

Cumhuriyet dönemi Türk resim sanatının temsilcilerinden biri olan Cihat Burak da çirkinliği yukarıda bahsedilen bütün nedenselliklerin yansımaları olarak kullanmıştır. Cihat Burak, resimlerinde çirkinliği figür deformasyonunu, kaotik kompozisyonları öne çıkararak göstermiş ve bu gösterme biçimini eleştirel tutumunun bir parçasına dönüştürebilmiştir. Cihat Burak'ın resimlerinde çirkinlik 'düş alemi ve fantazyaya' görünümlerinin içinde sanatçının gerçek hayatta çirkin bulduğu ayrıntılardan kaçması anlamına da gelir ki bu kaçış aslında onun eleştirel tutumunun yansımasıdır. Cihat Burak'ın resimlerindeki çirkinlik görüntüleri toplumsal yaşamdaki adaletsizliğin, sınıf ayrımının, sıradanlığın eleştirisi olarak değerlendirilebilir. Bu bakımdan sanatçının resimlerindeki çirkinliği, 'yirminci yüzyılda sanat-toplumsal eleştiri-çirkinin estetiği' bağlamında değerlendirmek gerekir. Onun resimlerindeki çirkinlik görüntüleri güzelin yanında, karşısında, uzağında kimi zaman da tek başına belirir. İlhan Berk, Cihat Burak ile ilgili değerlendirmesinde sanatçının güzel ve çirkin olanı nasıl bir arada ve bağımsız gösterdiğinin altını çizer: "Bir in adamıdır Cihat Burak. İninin dip odalarında top top eski kâğıtlar, kediler, eski jiletler, kuşlar, fırçalar, kurşunkalemler, diş macunları, arı ölülere, hokkalar, karafakiler, divitler, çalar saatler, maşallahlar, cep aynaları ve şimdiki zaman adını verdiği tarih'le oturur." [2, s. 10].

Cihat Burak, resim kompozisyonlarını oluştururken birey olarak insan ve toplumun sorunlarından yola çıktığı söylenebilir. Birey ve toplumun sorunlarını öyküsel (kurgusal) bir çerçevede sunan sanatçı, yaşadığı anın sosyal, politik ve kültürel eleştirisini yapar. Bunu yaparken mizahi ve masalsı unsurlardan da yararlanır. Cihat Burak'ın resimlerindeki çirkinlik görüntüleri de bu bağlamlarda ortaya çıkar. Geleneksel çelişkileri, yozlaşmayı eleştirirken ortaya çıkan görüntülerin çirkinliğini vurgular. Mesela "Kesik El" resminde renk tonlarıyla, ışıkla çizdiği karamsar atmosfer, resmin kompozisyonuna yansır. *Kafkaesk* etkiyi de yansıtan ve çirkinliğin temsili olarak resimde yer alan böcek, kirli su gibi ayrıntılar; kadın, hayvan, erkeklik gibi toplumsal sorunlara yapılan vurgudur. Bununla birlikte iki kadının arkasında beyaz kıyafetleriyle güzelliğin belirmesi için çabalayan figürün varlığı da Cihat Burak'ın çelişkileri; güzel ve çirkinin görüntülerini bir arada yer vererek dile getirmek istediğine işaretir.

Resim 1. Cihat Burak, "Kesik El", 1984, Tuval üzerine yağlıboya, 55x73 cm, Özel Koleksiyon.

Cihat Burak karamsar, karanlık, sisli ve mistik kent görünümleriyle de çirkinliğin kapılarını aralar. 1982 yılında kendisiyle yapılan bir söyleşide hem çirkinliğin resmini yapmasını sevdiğini hem de etrafındaki gerçek çirkinlikleri görmemek için fantastik, düşsel görünümler resimlediğini söyler: "Resimlerimdeki şehir görünümlerinde bulunduğumu söylediğiniz düş alemi ve fantasya etrafımdaki çirkinlikleri görmemek içidir. Ama bu fildişi kuleye çekilmek, ya da devekuşu gibi başını kuma sokmak demek değildir, ben çirkinliğin de resmini yapmasını severim, ama içi kof gösterişli görünüşler, görmeden bakan gözler, betebe kaplı anlamsız ve de rahatsız binalar, içinde yaşayan nasipsiz insanlar beni fantasya alemine itiyor. Bir mimar olarak mimari mekâna bir şehir çevresine bu gözle bakamıyorum, keşke bu kalemin gözüyle bakabilseydim. Yani hem arkamı hem önümü görebilseydim, hep biteviye çirkinliklere hep aynı bakış açısından bakmak zorunluğu kötü bir şey..." [3, s. 20].

Resim 2. Cihat Burak, "O diyar ki onda acayiplikler olur", 1967.

Saz Heyeti resminde eğlence atmosferi ironik bir perspektifle resmedilmiştir. Bu resimdeki ironi, olağan bir eğlence anının sahnedeki görüntüsünü sunarken ilk bakışta özenli gibi görünse de salaş olan sahne ve sahnenin hacmine göre fazla gelen figür sayısının yarattığı sıkışmışlık duygusuyla belirir. Sahnedeki figürlerin halinden memnun olup olmadığı da belirsizdir. Alelade bir eğlence görüntüsünü deforme figürler ve sıkışık bir kompozisyonla sunan resimde çirkinlik vurgusu doğrudan yapılmaz. Doğrusu resimdeki ironik tavır çirkinliği rahatsız edici boyutuyla göstermez.

Resim 3. Cihat Burak, “Saz Heyeti”, tuval üzerine yağlıboya, 1956.

Cihat Burak “Pehlivanlar” resmini ise ritüellerin ironisiyle resmetmiştir. Bu ritüeller ön plandaki iki figürün deformasyonu ile bir bütün oluşturan fonla bütünleşmiştir. Cihat Burak, bu resminde çirkinliğe ironik bir tavırla ulaşmıştır.

Resim 4. Cihat Burak, “Pehlivanlar”, tuval üzerine yağlıboya, 1956.

Cihat Burak “Hayat Ağacı” resminde minyatür sanatının etkilerini yansıtırken çirkinliğe bu geleneksel sanata tersinleme bağlamında bakarak ulaşır. “Betimlemede, aşağıdan yukarıya belirli bir düzen ile yerleştirilmiş kompozisyon elemanları yer almaktadır. En altta yedi adet çiçekli saksı, onların üzerinde bulunan ikinci bölümde, hayat ağacı ve ağacın her iki yanında da aslan figürleri yer almaktadır. Kompozisyonun üçüncü bölümünde, koyu tonlar ile oluşturulmuş arka plan ile öne çıkarılan kurukafa iskeleti ve her iki tarafta açık tonda birer daire yer almaktadır”[6, s. 83].

Resim 5. Cihat Burak, “Hayat Ağacı”, 1988, Anadolu Üniversitesi Çağdaş Sanatlar Müzesi Koleksiyonu.

Sonuç

Çirkinlik; gündelik yaşamda ve sanatta güzelliğin zıttı olarak görülmüştür. Ancak toplumsal ve sanatsal değişimler süreç içerisinde çirkinliği ayrı ve bağımsız bir estetik alan olarak var edebilmiştir. Özellikle modernleşme ile başlayan bu süreçte resim sanatı çirkinin estetiğini oluşturmaya öncülük etmiştir. Türk sanatında da çirkinliğin estetize edilmesi resmin öncülüğünde gerçekleşmiştir. Cihat Burak, çirkinliğin görüntülerini resim sanatına yansıtırken çirkinliğin ele alınma biçimlerini de farklılaştırmıştır.

Resimlerinde karşıtlıkları (iyi, kötü; geleneksel, modern vb.) ve alışkanlıkların sıkıcı ritmini ele alan Cihat Burak, masallar, halk kültürü, geleneksel sanatlar gibi pek çok unsuru da resminin kaynakları olarak kullanmıştır. Bu bütünlüğe çirkinliğin görüntülerini de ekleyen sanatçı, çirkinin estetiğini farklı nedenselliklerle inşa etmiştir. Güzelle insan, güzelle kusursuzluk arasındaki ilişkiyi eleştirirken, toplumsal endişelerini dile getirirken çirkinliğin görüntülerinden yararlanmıştır. Zaman zaman da güzel ve çirkin olanı aynı kompozisyona yerleştirerek resmin hâkimiyetini çirkinin görünümüne vermiştir.

Kaynakça

1. Aytekin, C., Altundağ, G.(Bahar 2020). Sanatta Ölçülebilen Güzellik Ve Sonsuz Olan Çirkinlik:

- Aksiyolojik Açıdan Güzel ve Çirkin Estetiği, *Mecmua Dergisi*, 5(9), 111-125.
2. Berk, İ. (1991). *Cihat Burak*. İstanbul: Ada Yayınları.
 3. Cihat Burak ile Söyleşi. (1982, Haziran). *Yeni Boyut Plastik Sanatlar Dergisi*, 18-21.
 4. Eco, U. (2009). *Çirkinliğin Tarihi*. (Çev: A. Uysal Ergün, A. Uysal, vd.). İstanbul: Doğan Yayınları.
 5. Rosenkranz, K.(2018). *Çirkinin Estetiği*. (M. Özdemir, Çev.) İstanbul: MuhayyelYayınları.
 6. Yabalak, H. (2020). “Türk Halk Kültürü Bağlamında Cihat Burak Resimleri”, *Türk Kültürü ve Medeniyeti Araştırmaları Dergisi – Journal of Turkish Culture and Civilization Researches*. 1 (2), (Aralık – December), 70-94.

Görsel Kaynakça

1. <https://www.e-skop.com/skopbulten/tezler-cihat-burak-resimleri-ve-oykuleri/5726>
2. <https://www.istanbulmodern.org/en/photo-gallery/exhibition/cihat-burak-retrospective/32>
3. <https://www.istanbulsanatevi.com/unlu-sanatcilarin-hayati/soyadi-b-unlu-sanatcilarin-hayati/cihat-burak-hayati-ve-eserleri/>
4. <https://www.beyazegitim.com/cihat-burak/>
5. <https://csmuze.anadolu.edu.tr/eser/burak-cihat>

УДК 78.071.1Альперин

ПОТОК ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЙ МИХАИЛА АЛЬПЕРИНА

Барбаниягра Наталья,

преподаватель кафедры музыкальных дисциплин Колледж им. М. Чакира
г. Комрат, Республика Молдова.

e-mail: barbaneagranat@gmail.com

orcid id: 0000-0002-9049-7967

Annotation The fusion of genres styles and trends in the work of Mikle Alperin.

Keyword self-knowledge, spiritual practice, merging genre, muzik, folkjazz, improvisation.

Волна Энергии, накатывающая спонтанно, но с невероятной силой, любовью и состраданием ко всему живому? Ошибка - золото и бриллиант, возможность роста и движение к самопознанию? Слияние жанров и полный отказ от жанровых и этнических границ? Тогда эта статья для Вас! Для тех, кто жаждет самых необычных творческих исканий и экспериментов, кто чувствует, что не может быть ограничен узкой специализацией в своем творчестве, для тех, кто ищет вдохновения вне узких рамок определённых жанров, для тех, кто теряет интерес к слепому подражательству и осознает, что искусство - это не только владение своим инструментом, но и духовная практика.

Музыка - это слепок Вселенной, это неповторимый язык со своей грамматикой и стилем. В ней спрятана тайна, которую не увидишь на поверхности, но у неё есть своя Душа. Поиску этой Души, с её тайной и непредсказуемостью, посвятил всю свою жизнь замечательный Человек, неординарная личность, гениальный музыкант, советский, украинский, молдавский, российский и норвежский пианист, композитор, импровизатор и педагог Михаил Альперин. Его смело можно назвать космополитом, поскольку весь поток его творческой энергии был направлен на объединение жанров и стилей, существующих отдельно и считал, что миссия его заключается в соединении несоединимого.

Родился композитор 7 ноября 1956 года в Каменце-Подольском в семье журналиста Ефима Иосифовича и музыкального преподавателя Сары Савельевны Альпериных. Учился в Каменец-Подольской средней общеобразовательной школе. После окончания музыкальной школы поступил в Хмельницкое музыкальное училище, затем переехал в Бельцы, где продолжил обучение в музыкальном училище по классу фортепиано. Его музыкальная карьера

началась в 1977 году в ВИА «Букурия» под руководством Александра Бирюкова при Кишинёвской государственной филармонии. Солоисткой ансамбля была Мария Кодряну. С 1980 года играл в ансамбле «Кварта», организованном Симоном Ширманом - первом джазовом квартете в Молдавской ССР. Музыкальный стиль квартета сочетал джаз с молдавскими народными мелодиями.

В 1983 - 1984 годах играл в ансамбле «Арсенал» Алексея Козлова; в 1984—1985 годах - в дуэте с саксофонистом Симоном Ширманом, затем стал бэндлидером «Moscow Art Trio» в составе Михаила Альперина (фортепиано), Аркадия Шилклопера (валторна) и Сергея Старостина (вокал).

С 1991 года жил и работал в Осло, Норвегия. Более двадцати лет преподавал искусство импровизации в Норвежской музыкальной академии. Определял своё основное направление в композиции как «воображаемый фольклор». Михаил Альперин принимал участие в различных международных джаз-фестивалях — в Германии, Бельгии, США, России, в том числе в Москве (Международный фестиваль «Богема-Джаз»). Использовал в своей музыкальной деятельности молдавские, гагаузские, болгарские, русские, норвежские и другие фольклорные мотивы. С 1990 года связан с лейблом ECM Records. Сочинял произведения для детского хора и камерного оркестра, джазовый балет и концерт для флюгельгорна, фортепиано и оркестра.

По мировоззрению Михаила Альперина в системе, под названием жизнь, нет ничего случайного. И если это глубоко осознать и понять, то в тот же миг можно увидеть целую картину мироздания. Но поскольку каждый человек уникален, ответы на вопросы, предлагаемые Вселенной у каждого человека будут свои. А разнообразие и есть гарантия эволюции. Постоянные эксперименты и поиск нетрадиционных ответов помогают Альперину накопить музыкальный опыт и создают потребность в необходимости духовного самосовершенствования. Художник может либо расти, и этот уникальный рост отразится, как в зеркале в его творчестве, либо довольствоваться своим ремеслом и чужим опытом, что противоречит выбору настоящего творца.

В связи с этим, Михаил Альперин предлагает нам взглянуть в фольклорную музыку мира. По его видению, оставаясь обнаженной и естественной, фольклорная музыка переполнена гармонией. Виртуозность в ней - без заботы о виртуозности, а печаль - без заботы о печали. Фольклор укоренен в земле, но ветви его высоко в небе. Он вобрал в себя все самое сокровенное и все самое дикое в одночасье. По дерзости фольклору могут позавидовать даже самые крутые авангардисты. Уже в молодые годы становления основой стиля Альперина стало сочетание джаза с молдавскими народными мелодиями, то есть то, что в 1980-90-е годы получило название «этно-джаз».

Михаил Альперин всегда заострял внимание на связь между различными культурами, традициями, дисциплинами, временами. И это всегда увлекало его куда больше, чем различия. Так появились первые опыты с аутентичным фольклором мира и современным джазом, камерной, современной, и классической музыкой. По словам музыканта, такие эксперименты напоминают приготовление микс-салата, где ингредиенты создаются самим автором. Огромное количество времени и энергии люди тратят на рассуждения о различии менталитетов и культур, Альперин же предлагает сфокусироваться на родстве. И главную роль здесь играет импровизация.

Импровизация – это наиболее древний тип музицирования, при котором процесс сочинения музыки происходит непосредственно во время её исполнения. Она характеризуется канонизированным набором мелодических и ритмических элементов. Тысячелетиями импровизационное искусство было неотъемлемой частью многих древних культур.

Free improvisation (свободная импровизация) - это музыкальная импровизация, которая реализуется без каких-либо изначально заданных правил и не ограничена никакими жанровыми, стилистическими, мелодическими, гармоническими, ритмическими и прочими рамками.

Умение сосредоточиться на отдельных музыкальных элементах и не стать рабом заданных стилистикой и жанром рамок – это одно из самых важных направлений в творческой, педагогической и музыкальной жизни Михаила Альперина. В 1988 г., после гастролей в США, с авангардным саксофонистом К.Маслоком, Альперин создает дуэт с валторнистом А.Шилклопером, который тоже успешно выступил в США на международном джаз-фестивале Л.Хэмптона в дуэте с басистом М.Каретниковым. Так пианист выбрал путь на стыке жанров, между фольклорными мотивами разных народов, академической музыкой и джазовой импровизацией.

Главный проект М.Альперина, А.Шилклопера «Moscow Art Trio» с крупнейшим специалистом по русскому фольклорному вокалу С. Старостиным, с чистым потоком русской народной песни был одним из самых успешных и известных проектов в Европе.

В названии «Moscow Art Trio» прослеживается определённая маркетинговая ирония, т.к. с 1991 года М. Альперин жил и работал в Осло, преподавал фортепиано, композицию и современную импровизацию в Норвежской музыкальной академии. Среди его студентов яркие представители норвежской джазовой сцены. Альперин записывается с норвежскими музыкантами и впитывает норвежскую музыку легко и естественно, так же, как впитывал до этого и элементы других музыкальных культур. Музыкант, который исповедует идею, что вся народная музыка принадлежит одной семье, говорил, что слышит в норвежских мелодиях молдавские мотивы. С представителями разных музыкальных культур Михаил записывает камерные сюиты, импровизации на темы И.С. Баха, Р. Шумана, К. Дебюсси, А. Скрябина, С. Прокофьева, Л. Яначека и – М. Альперина.

Основные сферы исследования:

- без жанровая импровизация
- рефлексия о собственной художественной роли
- воображаемый фольклор

В памяти учеников, занимавшихся в классе Михаила Альперина, импровизации и композиции в исполнении Учителя оставляли почти шокирующее впечатление. Встречи и сотрудничество многих известнейших музыкантов с М. Альпериным перевернули все правила и представления о том, как можно импровизировать, сочинять и исполнять:

- что значит быть художником в музыке
- как не стать рабом заданных стилистикой и жанром рамок
- как относиться к окружающему миру
- как найти свой собственный голос в искусстве и научиться его использовать.

Композитор и педагог Альперин жаждал того, что бы к нему приходили истинные творцы, поскольку и сам был творцом. Как педагог был необычайно увлечённым, энергичным, живым и искренним человеком. «Я никогда никому не продавался и никому не советую продавать свой талант, под каким бы соусом гордыня не подавалась... Талант все получили от Бога и поэтому бесплатно и отдавайте его. А больше ничего не просите. Даст Роллс- Ройс - берите с благодарностью, но не гордитесь, будьте тихими и скромными...» [1].

Примером бескомпромиссности и честности в искусстве для Михаила Альперина стал непокорённый Святослав Рихтер. Успех или честность – вечная дилемма. Как достичь и того и другого? Ответ дал великий С. Рихтер: «Я играю для себя, но не для публики. Если публике нравится то, что я играю, я буду рад».

Слушая изумительные музыкальные композиции и импровизации М. Альперина мгновенно ощущается дух бунтарской индивидуальной свободы, совершенно иной мир понимания музыки, жизни, осмысление того, зачем и для чего приходит человек в этот мир. Для чего мы здесь? Что бы сотворить себя, чтобы принести в этот мир то, что ещё никем не было создано. Свою миссию Альперин видел в объединении разных жанров и стилей, в объединении представителей разных культур и мировоззрений.

Критики называют его пианистом-экстремистом, полным противоречий. Его композиции не поддаются классификации и при этом они невероятно личные. Они

гипнотизируют и не отпускают. Альперин поражает своей таинственной природой. В его эстетике есть всё – и минимализм, и корни фольклора, и джаз, и классика и музыка 20 века. Его музыка безгранична. Его виртуозность настолько естественна, что люди не замечают её.

Что бы уметь распознавать и ценить прекрасное, мы изучаем музыку. Чтобы приблизиться и попытаться понять и почувствовать бесконечную глубину Вселенной, её целостность, её совершенную гармонию, мы изучаем музыку, Альперин всегда искал связь между культурами и традициями разных народов мира. Выполнению этой миссии он посвятил всю свою жизнь.

Непревзойдённый и неповторимый пианист, импровизатор, композитор и педагог, артист лейбла ЕСМ, один из самых противоречивых джазовых музыкантов, выходцев из постсоветского пространства: родился на Украине, вышел на джазовую сцену в Молдавии, а уезжал в норвежскую эмиграцию из Москвы. Человек Мира, Космополит. Михаил Альперин.

Библиография:

1. М. Альперин. Искусство делать ошибки или как я искал Бога. Norges muzikkhogskole Slemdalsveien 11 Books 5190 Majorstua 1302 Oslo nmh.no
2. Фейертаг Владимир. Джаз XX века: Энциклопедический справочник- Санкт-Петербург. 2001.
3. З.Временич Ю.Т. История.Стили.Мастера. СПб. Лань: Планета музыки, 2007.

Вебография:

1. Аркадий Шилклопер о Михаиле Альперине, Moscow Art Trio и альбоме «Wave of Sorrow» #напике /Диалог с искусством. https://www.youtube.com/watch?v=O_1kdGi_5L8
2. Misha Alperin & Arkady Shilkloper. https://www.youtube.com/watch?v=kcP_G2ZAVNs
3. Джаз. Ру, репортаж с фестиваля «Джаз Глобус»
4. Миша Альперин "Искусство делать ошибки" интервью с самим собой <https://www.youtube.com/watch?v=dkvPZAowets>
5. Interview with Misha Alperin - "At Home" / Интервью с Мишей Альпериным "Дома" <https://www.youtube.com/watch?v=SbHHsZlKD14>

УДК 373.3:78

orcid.id:0000-0001-9073-4005

АНАЛИЗ И САМОАНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ УРОКОВ

Ильева Полина,

зав. педагогическим отделением Колледжа имени М. Чакира г. Комрат

магистер педагогических наук

e-mail:polinail523@gmail.com

orcid id:0000-0001-9073-4005

Abstract One of the main forms of the learning process was and remains a lesson. The modern lesson is distinguished by the fact that the teacher skillfully uses all the possibilities for the development of the student's personality, its active mental growth, deep and meaningful assimilation of knowledge, for the formation of its moral and professional foundations .Lesson analysis is one of the main tools for managing the quality of education.

Keywords analysis, introspection, mutualvisitation, Individual approach, creativity

Одной из основных форм учебного процесса был и остается урок. Современный урок ценен тем, что учитель профессионально использует все возможности для всестороннего развития личности учащегося, его активного интеллектуального роста, осмысленного и глубокого усвоения знаний, для формирования его нравственных и профессиональных основ.

Анализ урока – это один из основных инструментов управления качеством образования.

Анализ урока лежит в основе такого важного этапа управления, как планирование. Практика показывает, что невозможно качественно управлять образовательным процессом, не анализируя его ход и развитие, не раскрывая причин его эффективных и не эффективных результатов. При помощи педагогического анализа в каждой конкретной ситуации образовательного процесса могут своевременно приниматься наиболее эффективные решения пореализации тех или иных задач, возникающих перед педагогом в его деятельности.

Взаимопосещение и открытый урок в педагогической практике играет большую роль и используется как: внедрение ведущих технологий, методик и инноваций в собственный опыт; одна из форм повышения квалификации; мотивация для самосовершенствования, творческих поисков, самоанализ деятельности как для педагога, дающего открытый урок, так и для наблюдателя; форма мониторинга со стороны администрации за совершенствованием педагогического мастерства преподавателя, педагогическая мастерская для преподавателей и методическая помощь в рамках учебного заведения.

Один из самых актуальных аспектов в работе администрации является оценка профессионального мастерства педагога. Это дает возможность систематически выявлять профессиональные затруднения, своевременно оказывать педагогу методическую или иную помощь, видеть его рост, содействовать успешной аттестации. Ввиду того, что основной показатель педагогического профессионализма - урок, то каждому менеджеру учебного заведения необходимо владеть мастерством его анализа.

Проанализировав профессиональную деятельность коллег, либо свою собственную, педагог сможет не только выявить свои ошибки, но и обрести новый педагогический опыт и способствовать повышению квалификации.

При обсуждении на заседаниях музыкального отделения проблем и трудностей с написанием анализа и самоанализа индивидуальных уроков по ОМИ, дирижированию, вокалу т.д., стало ясно, что необходимо разработать пособие, которое поможет выделить важные аспекты урока, поэтапно проанализировать урок на всех этапах и поможет сделать выводы.

Индивидуальный подход к каждому ученику – это основной принцип музыкальной педагогики. Уровень сложности и объём изучаемого материала, структура и время его усвоения, характер подачи его педагогом и т.д. должны быть различными для каждого учащегося в отдельности. Не смотря на это, к таким урокам применимы общие дидактические стратегии проведения и анализа урока.

Анализ и самооценка урока - это важный элемент педагогического творчества. Без самоанализа невозможно: повысить профессиональное мастерство педагога, развить его креативные способности, организовать целостную систему учебного процесса, сократить затраченный объем времени на второстепенную работу, обобщить ведущий и передовой педагогический опыт, обеспечить психологический комфорт и самозащиту педагога.

Процесс анализа урока многогранен: это психологические свойства личности педагога, его деятельность на уроке, коммуникативные, познавательные, организаторские способности, действия и способы, применяемые педагогом по усвоению учащимися преподаваемого материала, выработке необходимых компетенций, образовательных способностей учащегося, преобладающего стиля общения в системе "учитель-ученик.

Анализ индивидуального урока ориентирован не на среднего ученика, как на групповом уроке, а на одного, учитывая его общие и музыкальные способности, темперамент, творческие возможности и психику.

Оценке индивидуального урока подвергается:

- соответствие исполняемого репертуара программным требованиям и индивидуальным возможностям ученика(сложность, целесообразность и доступность);
- количество изучаемых произведений в программе учащегося (сколько охвачено работой на уроке),распределение внимания и времени на каждое из них;
- точность постановки проблем и задач в процессе работы над произведениями;

- развитие у учащегося образного воображения, креативного и творческого мышления, самостоятельности;
- разнообразие дидактических стратегий (методы и приемы работы);
- формирование умений и навыков учащегося: технических приемов исполнения (гаммы, упражнения, вокализы, этюды и т.д.), художественных задач, образного мышления учащегося, воспитание слухового контроля учащегося, метроритмического воспитания, развитие интонационной точности и исполнительской культуры;
- реализация технических задач: внимание к игровому аппарату учащегося, координации рук, авторской аппликатуры, отработки отдельных позиций, пассажей и пр.;
- внимание к точности штрихов, соблюдение темпов, мелизмов, педализация (ведение меха, движение смычка);
- самоанализ игры учащимся;
- умение разработать и применять на уроке задания, основанные на межпредметных связях (сольфеджио, муз. литература, дирижирования и т.д.);

Анализ урока предполагает внешнюю оценку деятельности педагога, его профессиональную компетентность. Однако, любому анализу урока должен предшествовать самоанализ педагога. Самоанализ – это обязательный компонент деятельности педагога, более эффективная функция в данном направлении, так как ориентирована на собственную образовательную практику, на приоритетные направления в самообразовании. [4.с.20]

Самоанализ урока – это выявление самим педагогом в проведенном уроке отдельных компонентов с целью выявления эффективности их пользования.

В современной науке нет единого варианта самоанализа урока, но существуют различные направления и модели для самоанализа. Вот лишь некоторые из них:

1. Представьте цели, задачи и этапы урока, их последовательность и насыщенность. Дайте им оценку.
2. Как Вы оцениваете Вашу деятельность и деятельность учащегося на уроке? Какие задачи были поставлены перед учащимся? Мотивировала ли сама постановка проблемы внимание и работоспособность учащегося?
3. Был ли реализован дидактический проект урока? Насколько качественно? Усвоил ли учащийся материал?
4. Удовлетворены ли Вы работой учащегося на уроке, его активностью? Кто работал интенсивнее – Вы или учащийся? Проявлял ли учащийся инициативу?
5. Какие элементы урока, на Ваш взгляд, были самыми удачными? Что нового и неожиданного в материале, в способе его подачи, было для учащегося и вызвало особый интерес?
6. Были ли не стандартные ситуации на уроке? Если «да», то как Вы вышли из сложившейся ситуации?
7. Что можно было бы улучшить в организации урока, в содержании и методах работы?
8. С какими сложностями столкнулся учащийся на уроке и Ваши рекомендации по их преодолению.
9. Что не удалось реализовать? Что необходимо исправить и как?

Таким образом, данная методическая работа поможет педагогу в планировании своей педагогической деятельности и установлении эффективного сотрудничества по обмену опытом со своими коллегами и для достижения основных целей музыкального обучения.

Библиография:

1. Брагина Г. «Мастерство педагога на уроке». –М., «Просвещение», 1998
2. Поташник М. М. Требования к современному уроку. Методическое пособие. М.: Центр педагогического образования, 2007;
3. Симонов В.П. Методика и технология системного анализа урока. –М., Специалист, 1994, № 10.

4. Урок: посещение и анализ. Составитель: Богоявленская А.Е. - Тверь: областной ИУУ. 1993.
5. Цыбасова В.И. Анализ и самоанализ урока Волгоград: ИТД «Корифей» 2008 г.
6. Шамова Т.С. Симонов В.П. Критерии современного анализа и эффективности урока М., 2006г.
7. Методическая разработка "Анализ урока в Детской музыкальной школе" Е.Р. Фисенко

Вебография:

8. Электронные ресурсы: <http://pedsovet.pro/> - статья «Анализ урока в Детской музыкальной школе», Ершова О.С., методист школы, 2014
9. <https://nsportal.ru/shkola/dopolnitelnoe-obrazovanie/library/2015/06/25/analiz-uroka-v-detskoy-muzykalnoy-shkole>.
10. <https://www.infobraz.ru/library/organization-of-the-educational-process/id12387>
11. <file:///C:/Users/ALINA/Desktop/Z7HEeGrTQanZyzA5ifKrAA8yf.pdf>

УДК: 929+792.021

**ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОСТЮМ НЕ СЦЕНЕ УКРАИНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО
ТЕАТРА: СТИЛЕВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКОВ**

Ковальчук Елена,

кандидат искусствоведения, доцент ведущий научный сотрудник Института проблем
современного искусства НАИ Украины

e-mail: kovalchuelena@ukr.net

orcid id: 0000-0002-0170-0821

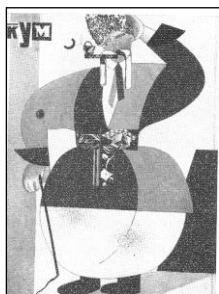
Abstract This article walks you through the functional-figurative aspects of the theatrical costumes developed for the musical theatre by the leading masters of the Ukrainian scenography in the 20th century. A wide range of the costumes figurative features interpretations related to the masters of stage spaces style preferences has been analysed. The presented materials are based on the examples of constructivist projects of Anatol Petrytsky and Alexander Khvostenko-Khvostov, the deep psychologism of Fyodor Nirod, the figurative expression of Evgeny Lysik and the synthesized variability of Maria Levitskaya. The scenographers' costumes development and creation are considered in the aspects of the authors' interpretation (sketches) and as an imaginative component of the psychological and coloristic structure of the performance (as a stage version).

Keywords musical theatre of Ukraine, theatrical costume, Ukrainian scenography, Anatol Petrytsky, Alexander Khvostenko-Khvostov, Fyodor Nirod, Evgeny Lysik Maria Levitskaya.

Эскизы театральных костюмов для музыкальных спектаклей – значительная часть украинской сценографической практики XX столетия. Пластика сценического костюма, его цветовая и зрительная характерность – важнейшие компоненты образного языка художника театра. В пространствах музыкального драматургического материала они выразители образных характеристик героев, значимые элементы цветовой партитуры декорационного решения.

Воплощенный в эскизах театральный костюм сохраняет приоритеты творческих программ мастера сценографии, его способность к постижению глубин музыкально-драматургического материала. В его образной интерпретации всегда проявляется способность художника мыслить нетрадиционно, уметь программировать игровую вариативность актерских типажей. При его создании сценограф способен демонстрировать практически режиссерские способности, умение предвидеть нюансы общей образной картины спектакля, особенности существования костюма в сценическом действии.

На протяжении XX столетия поколениями украинских художников разрабатывались серии театрально-костюмных образов. В творческих проектах А. Петрицкого, А. Хвостенко-Хвостова, Ф. Нирода, Е. Лысика, М. Левитской они достойно презентуют широкую шкалу художественных приоритетов и ценностей ведущих представителей национальной сценографической школы.

Талант костюмографа Анатолия Петрицкого (1895–1964) наиболее полно проявился в 1920 – начале 1930-х годов. На украинской сцене его имя связано со смелыми экспериментами периода конструктивизма. Образные характеристики стиля художник адаптировал к особенностям восприятия национального репертуара. На сценах оперных театров Харькова, Киева, Одессы он экспериментировал с историей и сюжетами, фактурами и цветом. Суть его творческих проектов – смелая игровая театрализация, неукротимость фантазии, колористическая раскрепощенность. В любом материале (классика, современность) он смело ломал каноны традиционной украинской театральности, предлагая свой вариант авангардного сценического действия.

Сознательно ограниченные в цвете конструктивистские пространства Петрицкого всегда насыщены цветовыми акцентами одежд героев, разнообразием их форм, динамикой образных ритмов. В его проектах костюм – носитель характеристик содержательного и образно-эмоционального начала. Художник – лучший специалист в украинской тематике, которую реализовал в постановках исторического репертуара («Князь Игорь» А. Бородина, «Тарас Бульба» Н. Лисенко, «Сорочинская ярмарка» М. Мусоргского). Отрабатывая ритмику и колористические акценты, он осваивал образные характеристики китайской одежды («Красный мак» Р. Глиера, 1927). С наслаждением играл в историческую геральдику и стилизованную ритмику рыцарских доспехов («Вильгельм Телль» Д. Россини, 1927). В опере «Турандот» Дж. Пуччини (1928) в полную силу разворачивал на сцене игровую природу костюмированного образа, его практически режиссерские характеристики. В современной работе («Футболист» В. Оранского, 1930) костюмные персонажи сценографа презентовали на сцене ритмику спортивной хореографии, расставляли идеологические акценты с элементами политической сатиры.

В 1929 году вышел в свет альбом «Анатолій Петрицький. Театральні строї»²¹, в котором зрителям презентовали разнообразие костюмных проектов мастера. Композиционная вариативность их цветов и плоскостей подчинялась авторской воле и фантазии. Сегодня, представляемое на мировых аукционах издание, признано раритетным.

Декорационный проект А. Хвостенко-Хвостова (1895–1967) к опере «Любовь к трем апельсинам» С. Прокофьева (1926) никогда не был поставлен на сцене театра. Работа художника осталась в истории украинской сценографии серией эскизов театральных костюмов. Демонстрируя зрителям коллекцию характерных типажей героев, автор проявлял режиссерские аспекты своего таланта. Он с большим увлечением совмещал исторические и современные контексты, работал ритмами и смелыми цветовыми сочетаниями. Фантазийную характерность персонажей он передавал сочетаниями геометрических фигур, проявляя пародийность и виртуозное мастерство.

Федор Нирод (1907–1996) привнес в историю украинской сценографии культуру классического мышления, широту эрудиции, глубину образно-психологического подхода. Он воплотил свои лучшие проекты на сценах Львова и Киева. В сценографии художник – творец архитектурно-монументальных форм. В эскизах его костюмированных героев всегда проявляла себя широкая эрудиция и глубокие знания исторического материала. Его персонажи несли характеристики времени и тонкости психологических нюансов. Воплощенные в спектаклях «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Пиковая дама» П. Чайковского, «Ольга» Е. Станковича и др. они всегда проявляли неповторимые творческие характеристики их автора,

²¹ Анатоль Петрицький. Театральні строї / Хмурий В. [Передмова] – Х.: Державне видавництво України, 1929. – 85 с.

особенности его пластично-живописного кода, тонкости колористических акцентов. В музыкальных спектаклях Ф. Нирода присутствовала творческая открытость к постижению нового, желание создавать свой вариант психологично-костюмированного мира.

Творчество Евгения Лысика (1930–1991) в пространстве украинской сценографии 1960-90-х годов – явление уникальное. На львовской оперной сцене, он проявил себя мастером монументально-осмысленных пространств с их философским звучанием. В его образных измерениях воплощались масштабная экспрессия, проявляли себя энергии творения, разворачивались картины столкновений и борьбы. «Его творческий темперамент подобный до вулканической лавы, не знал отдыха. Ему все было подвластно: Космос, Земля, Человек с его делами [2. с. 44].

Костюмированные персонажи его театра – составляющие суть внутренних пространств художника. Они жизненно активны, исполнены героизма и внутренней силы, они умеют жить на одном дыхании, мощно и страстно («Спартак» А. Хачатуряна, 1965). В эскизах художник раскрывал судьбы и характеры героев, которые выводились автором на уровень тем музыкальной драматургии («Тиль Уленшпигель» Е. Глебова, 1975). В эскизах художника проявлял себя градус экспрессии борьбы, с изломанностью линий и монументальностью форм передавалась глубинная драматургия образов («Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, 1968). Сценограф с удовольствием окунаясь в энергии сильных ритмов танца («Есмеральда», 1970), его интересовала духовная сила человека, взятого на изломе глобальных проектов истории. В эскизах Лысика раскрывалась утонченность рисунка и дух живописного экспрессионизма.

Пространственная сценографическая драматургия Марии Левитской вырастает из синтезированного осмысления реалий культуры и искусства исторических эпох. Работая над сценическим костюмом, она вбирает в себя глубины культурных контекстов и нюансы проявления образов в пространстве и времени. Она ищет точки соприкосновения с современностью, способные привести к рождению новых образов. Одежда ее героев – всегда органичная часть сценических миров. Эксклюзивность ее костюмов – органика материальных и духовных раритетов исторических периодов. Эталонную роскошь аристократов французского Прованса она черпает со страниц «Часослова герцога Беррийского» («Иоланта» П. Чайковского, 2011). Жемчужно-перламутровую характерность костюмов персонажей сказки собирает по принципу мозаики («Сказка про царя Салтана», Н. Римского-Корсакова, 2013). Основу архаичного плетения для «Макбета» Дж. Верди (2017) составит разработанная ею авторская техника ручной вязки. По словам художницы, она «рисовала эскизы каждого кусочка будущей ткани, потом раскладывали фрагменты на полу и все приступали к работе» [1, с. 81]. Специально приглашенная группа мастериц по текстилю выполнит более восьмидесяти вариантов ее разработок.

Тема театрального костюма – презентанта авторского стиля художника в спектакле практически неисчерпаема. Представленные характеристики украинских сценографов – часть значительных процессов, которые происходили в украинской сценографии XX – XXI столетия.

Библиография:

1. Левитська М. Музи і музика мого театру. – К.: Либідь, 2016. – 240 с.
2. Овсійчук В. Євген Лисик. – Просценіум, 2001, № 1. – С. 37 – 44.

УДК 784

ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА ДЛЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ХОРА

Мавроди Домна,
университетский преподаватель КГУ, г. Комрат, РМ
e-mail: Mavrodi75@mail.ru
orcid id: 0000-0001-9621-0747

Annotation This article deals with the problem of forming a repertoire for an amateur choir. What are the tasks facing the leader when choosing one or another arbitrariness. What you need to pay attention to and what problems you may encounter when choosing a program.

Key words amateur choir, collective, repertoire, song.

Проблема формирования репертуара – это проблема исполнительского искусства. Репертуар для самодеятельности пользуется повышенным интересом в обществе, у композиторов т. д.

Основная задача самодеятельности – идейно - эстетическое воспитание многочисленных самостоятельных певцов. С помощью хоровой самодеятельности общество знакомится с фольклором, наследием национальной и мировой классикой, а также с творчеством композиторов.

Хоровое пение является доступной формой музыкального обучения. Во время пения развивается не только слух, чувство ритма, память, но и творческая активность, взаимопонимание, целеустремлённость, а также преодоление чувство страха перед сценой, публикой. Помимо этого, хоровое пение помогает овладеть культурной речи, чёткого и выразительного произношения. Организационная работа тесно связана и с педагогической деятельностью, которая присутствует на протяжении всей деятельности коллектива. [1] Работа с самодеятельным хоровым коллективом носит разносторонний характер, она переплетается с разными формами и приёмами дирижёрской работы.

Самодеятельный (любительский) хор – поющие в народной манере. Самодеятельный хор состоит из певцов-непрофессионалов. Хоровая история основана на деятельности самодеятельных хоров. Качественный уровень такого хора несколько ниже, чем профессиональный хор. По определению П.Г. Чеснокова: «Хор – это такое собрание поющих, в звучности которого есть строго уравновешенный ансамбль, точно выверенный строй и художественные, отчетливо выработанные нюансы». Это относится ко всем типам хоров. Не важно это профессиональный или самодеятельный. [2]

Самодеятельные хоры формируются в различных учреждениях: при школе, Вузах, домах культуры, церкви, культурных центрах. Самой сложной частью для руководителя самодеятельного хора является формирование коллектива любителей пения. Состав хора не ограничивается какими-либо рамками и требованиями. В него входят все желающие. Важным этапом формировании хора является прослушивание. Все данные записываются, для того чтобы в дальнейшем подобрать репертуар. Существуют различные методы прослушивания. Обычно предлагается спеть песню, романс, арию, на усмотрение исполнителя.

Главная задача – воспитания уважения между участниками, потребности к совместному общению, целью которой является хоровое пение. Хормейстер должен уважать каждого участника, внимательно относиться к проблемам, возникшим перед исполнителем, уметь направить и помочь, быть настоящим товарищем. Руководитель должен любить свою работу, хоровое искусство и всецело отдаваться ей.

В зависимости от состава желающих петь хор может быть мужским, женским или смешанным. Наиболее распространённый количественный состав, как правило составляет 20-30 человек. От этого зависит формирование репертуара: тематика, сложность и структура. В задачу хормейстера входит: подбор репертуара. Программным материалом являются

произведения, которые имеют идейно-художественную ценность. Самой доступной музыкальной формой является песня. Слова и музыка песни помогают раскрыть содержание и способствуют при пении глубже проникнуть в структуру произведения. Однако характеристика произведения руководителем имеет большое значение для исполнения.

На начальном этапе следует брать доступные произведения для пения, связанные с четким ритмом. Это могут быть народные песни, песни-марши, плясовые. Хорошо воспринимаются лирические, протяжные песни, связанные с жизнедеятельностью, природой. Он может быть разнообразен по жанрам, стилю, тематике. В таких произведениях формируется скорость движения (темп), а также длительности звуков (ритм), движение мелодии по высоте. Тематика репертуара подбирается по месту организации хора например: «Женский болгарский этнографический народный хор» г. Твардица. В репертуар этого хора входят произведения бытового характера (лирические, земледельческие, воспевание родного край).

На первом месте в идейно-художественном воспитании хоровой музыки можно отнести классическое наследие, которое на многовековом опыте питает современную музыку. Не следует забывать, что при выборе классического репертуара, нужно понимать требования и задачи, стоящие перед исполнителями. Понятие классическая музыка не ограничивается определёнными рамками – это высокая художественность, глубина содержания, идейная значимость и совершенство формы. Было бы не плохо, чтобы репертуар постоянно обновлялся малоизвестными классическими произведениями, не оставался на достигнутом, не использовал одностороннюю часть классического наследия.

Задача репертуара - регулярно развивать и совершенствовать музыкальное мышление хористов, их творческую активность. Это можно достичь только через пополнение и расширение музыкального репертуара. [3 с.137]

Ещё одним источником для репертуара является народная песня. Своей мелодичностью, ритмичностью, богатством интонационным и динамическими оттенками – делает народную песню ценным материалом для хорового пения. Продвижение народной песни имеет важное значение для творчества самодеятельного хора так как народная песня близка по духу широкому слою населения.

Для пополнения репертуара широкий сектор составляет произведения советских композиторов. При этом на первом месте является массовая песня. Практически нет ни одного самодеятельного хорового коллектива, который не исполняет песни советских авторов. Массовая песня отличается глубиной содержания, искренностью, чувства патриотизма, яркостью музыкального языка, они тесно связаны с традициями национальной песенной культуры. Массовая песня доступна широкому исполнению. В большей части они представляют собой произведение куплетной формы. Это упрощает исполнение так как запев можно поручить исполнить солисту, а припев исполняет хоровой коллектив. Он может быть двух-, трёх- или четырёхголосным в зависимости от уровня коллектива. Обычно такие песни имеют сопровождение фортепиано или какого-либо другого инструмента. Музыкальный материал как правило доступный, запоминающийся, мелодичный. Разобрать и выучить такого рода партитуру не составляет особого труда даже для начинающего самодеятельного коллектива. [3 с.138]

Коллектив, не обладающий высокой исполнительской культурой, с ограниченным диапазоном голосов и тесными тесситурными возможностями следует начать с массовых и народных песен.

Для пополнения репертуара можно обратиться и к репертуару профессиональных хоров. Но нужно помнить, что он далеко не всем доступен, руководитель должен опираться на уровень своего коллектива.

При подборе репертуара нужно ставить перед коллективом задачу овладением навыком пения а cappella. Для того чтоб исполнить произведение без сопровождения нужно достичь определённого мастерства. Такие произведения оказывают огромное эмоциональное воздействие не только на слушателей, но и на исполнителей.

Количественный состав хора часто диктует условие при подборе репертуара. Во многих случаях руководитель не в силах создать коллектив, который ему бы хотелось. Поэтому при подборе репертуара, хормейстеру приходится приспосабливать то или иное произведение к имеющемуся составу. Для этого руководитель должен владеть навыками хоровой аранжировки и уметь переложить для своего состава произведение, которое он выбрал.

Необходимо помнить при составлении репертуара, что нужно идти «от простого к сложному». В таком случае рекомендуется составить план произведения, которые помогут решить ряд задач в коллективе.

Исходя из выше сказанного можно сделать вывод что проблема репертуара является главным вопросом в работе самодеятельного коллектива. Хоровая самодеятельность может успешно развивать и совершенствовать себя лишь на основе доступного, полноценного и качественного репертуара. Подобранный правильный репертуар способствует творческому росту коллектива, заинтересованность к хоровому пению. Подбор нужно осуществлять с учётом вышеперечисленных требований. Он является огромной силой для развития самодеятельного хорового коллектива.

Библиография:

1. Каргин А. «Воспитательная работа в самодеятельном коллективе». Москва, «Просвещение», 1984
2. Чесноков П. Хор и управление им. – М.: Москва, 1961г. С. 240
3. Шамина Л. Работа с самодеятельным хоровым коллективом. – М.: Музыка, 1983г. С. 177

Вебография:

4. <https://scienceforum.ru/2011/article/2011000955>
5. <https://infourok.ru>

УДК 630*722004.981'322.4

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ФАКТОР ОБЩНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Макаревич Ирина,

магистр управления, магистр филологических наук БГУ, г. Минск, Р. Беларусь

e-mail: makarevich-ii@mail.ru

orcid id: 0000-0001-6117-2090

Abstract To anthropological analysis are subjected the cultural differences that are taken into account when conducting negotiations, analyzing the political type of discourse, as well as when interpreting current social and political affairs. Eliciting meaning from the linguo-culturological context is of interest since it is hidden in the thickness of lexical and grammatical structures in the conceptual layers in the body of the cultural and linguistic iceberg. The research is devoted to the interpretation of the implicit meanings of the English-language original political media text. These meanings are embedded not so much in language structures as they are contained in the mental concepts of the cultural and linguistic code of the nation.

Key words conservatism, linguo-cultural concept, loss of face concept, cultural picture of the world, political discourse, interpretation, meaning elicitation

«Несмотря на все разговоры, с помощью которых традиционные британские ценности стараются в последнее время свести на нет, живучесть прошлого является одним из тех трагикомических благ, которые отрицает всякий новый век, когда он выходит на арену и с безграничной самонадеянностью претендует на полную новизну»
(Дж. Голсуорси)

Единое по своим корням человечество в процессе становления и развития разветвилось на множество разнообразных, особенных и единственных в своем роде культур мира. В настоящее время результатом подобного генезиса является все богатство бытия сформировавшейся определенной культуры, выработавшей свое мировидение, воплотившееся в присущем данной национально-этнической группе языковом коде, сформировавшемся в специфических для данного территориально-государственного образования исторических, географических, научно-технических, повседневно-бытовых условиях, обозначаемое термином «культурная картина мира» (далее – КKM) как система образов, представлений, знаний об устройстве мира и места человека в нем [6].

Поскольку человеческое бытие разнопланово и многоукладно, некоторые из пластов КKM являются неосознанными и не подлежат рациональному контролю. Эти исключительные для каждой нации, индивидуальные слои, составляющие специфичные КKM включают в себя в строгом смысле первичные интуиции, недоказанные утверждения, вненаучные знания, к которым относятся такие культурные концепты как «потеря лица», составляющие основу социальной идентичности человека в обществе и складывающиеся в индивидуальном процессе самоконструирования того, каким видит себя человек в соотношении с другими [2].

В коллективных культурах, к которым тяготеет британская культура, это соотношение зависит от выполнения предписанных обязательств по отношению к другим – семье, своей группе, обществу в целом.

В британском обществе на основе формировавшегося веками консервативного менталитета, имеющего внешнее проявление в виде правил общественного поведения и манер основан весь новый и старый консерватизм и вся культура *shire* ['ʃaɪə] «графство» (*the counties of England that have a lot of countryside and farms*) (Cambridge Dictionary of Contemporary English). Эта установка служит базой эффективности как политического, так и торгово-коммерческого общества. Так, идеология взращивания настоящего британского джентльмена актуальна до сих пор: в политике и в бизнесе «джентльмены друг друга не обманут». Подобным образом в британской политической и деловой среде считается, что в любой ситуации самое страшное, что может произойти для британского джентльмена, – это потеря лица (по той причине в системе образования британской политической элиты большое значение придается его сохранению – *face saving, concern with face*). Данная идея может быть подчеркнута цитатой, взятой из труда британского историка А. Тойнби, поддерживающего идеи британского философа Б. Рассела: «Очень важно неустанно заботиться о том, что произойдет после твоей смерти» [8, с. 35].

В последнее время и на постсоветском пространстве большое внимание придается консерватизму как концепции, применимой к общественно-политическим процессам. Приведем здесь пример недавнего цитирования В. В. Путиным русского философа Н. А. Бердяева, отмечавшего, что консерватизм – не то, что мешает идти вверх и вперед, а то, что мешает идти назад и вниз, к хаосу [5]. По мнению английского философа лорда Г. Спенсера, английский консерватизм «тих и социален», консервативный британский политический стиль неизменно предполагает сильный контроль «сверху», – т. е. со стороны центральных политических институтов Великобритании, опору, прежде всего, на духовно-нравственные ценности общества, материальные интересы наследственной аристократии и других слоев британского общества [3]. В духе этих концептов даже неоконсервативные взгляды бывшего премьер-министра Великобритании М. Тэтчер сформулированы как гарантии, которые предоставляют личности обычай, устойчивая традиция и общее право, значительно прочнее демократических принципов, применяемых политиками-демагогами [4].

Обращение к антропологии дает возможность изучать людей как созданий социальных [1]. Консервативное воззрение предполагает, что подавляющее большинство людей, рождающихся в любом обществе, независимо от особенностей его институтов, принимают поведение, диктуемое этим обществом [2, 5]. Философско-антропологический подход позволяет утверждать, что ни один человек никогда не видит мир «чистыми» глазами – он видит его отредактированным определенным набором обычаев, институтов и способов

мышления. Даже в своих философских исследованиях человек не может выйти за пределы этих стереотипов; даже его представления об истинном и ложном будут определяться особыми обычаями его традиции [1, 2].

В свою очередь, с конца XX в. культура выступает в качестве мощного механизма антропологического воздействия, как способа адаптации индивида к культурным потребностям общества. Это также способы индивидуальной реализации накопленного этнического и национального опыта. По мнению Г. В. Драча, в этом смысле культура коренится в глубинах общеродового уровня, и сохранение этой культуры представляет собой сохранение ее уникальности и неповторимости со всеми традициями, навыками, национальными образами и духовным опытом [7].

На актуальных оригинальных примерах по материалам британских медиа статей рассматриваются случаи, отражающие концепт лингвокультурный концепт «потеря лица» в британской королевской семье. *Потерять лицо* означает вести себя недостойно, демонстрировать свою слабость, некомпетентность, неспособность к чему-либо, а также совершать поступки, которые оказываются губительными для репутации, вызывают осуждение общества, ведут к утрате уважения окружающих (Фразеологический словарь русского языка). При этом важно отметить, что этот концепт имеет разное толкование, в зависимости от типа культуры, например, в некоторых странах западной культуры *потерять лицо* означает быть оскорбленным, а также предполагает и иные, специфические для определенной нации, интерпретации.

В качестве материала для эмпирического исследования политического дискурса взяты публицистические тексты политического содержания, освещающие текущие события британской королевской семьи в режиме реального времени, поскольку они, как правило, выверены на предмет содержания и отражают четко сформулированную позицию, одобренную институтом британской монархии, а также направлены на освещение событий, связанных с институтом правящей монархии в Великобритании. Таким образом, британская королевская семья, с одной стороны, как хранитель традиций, духовно-нравственных, прежде всего, семейных, ценностей, оказывающая существенное влияние на британское государство, оказалась в центре грандиозного скандала, события, обсуждаемого всем британским обществом, так как оно связано с одним из его основополагающих концептов – концептом «потери лица».

Предметом более пристального обсуждения в данной статье являются быстро развивающиеся события, связанные с принцем Эндрю, сыном королевы Елизаветы II, девятым в линии наследования претендентов на британский трон. В середине января 2022 г. заголовки статей британских изданий с объявления плана торжеств, посвященных празднованию 70-летнего пребывания на троне британского монарха, сменились настоящим шоком для британских подданных: “*Prince Andrew Stripped of Military Titles and Patronages*” – «Принц Эндрю лишен военных титулов и организаций, находящихся под его патронажем». [13 Jan 2022, www.mirror.co.uk], “*Prince Andrew Will Protect Himself in Court as a Private Citizen*” – «Принц Эндрю будет защищать себя в суде как гражданское лицо» [14 Jan 2022, www.mirror.co.uk]. “*The Duke of York’s Military Affiliations and Royal Patronages Have Been Returned to the Queen.*” – «Военные звания и организации, находящихся под патронажем герцога Йоркского как члена королевской семьи, возвращены королеве Великобритании». [14 Jan 2022, www.mirror.co.uk], “*Queen and Prince William had emergency summit to decide ‘axe should fall’ on Andrew.*” – «Королева Великобритании и принц Уильям провели экстренную встречу на высшем уровне по вопросу «применения карательных мер» в отношении сына королевы Эндрю». [14 Jan 2022, www.mirror.co.uk].

В официальном заявлении официальной резиденции британского монарха – Кенсингтонского дворца – было подчеркнуто, что второй сын королевы предстанет перед американским судом в деле о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетней «как частное лицо»: “*with the Queen’s approval and agreement, the Duke of York’s military affiliations and patronages have been returned to the Queen. He will continue not to undertake any public duties*

and is defending his case as a private citizen”. – «с согласия и одобрения королевы Великобритании, военные звания и организации, находящиеся под патронажем герцога Йоркского, возвращены королеве. Он прекращает осуществлять свои публичные обязанности члена королевской семьи и предстанет перед судом в качестве гражданского лица» [14 Jan 2022, #kensingtonpalaceofficial].

Кроме того, «герцог Йоркский больше не сможет использовать данный ему от рождения титул Ваше королевское высочество не имея никакого официального качества» – “*The Duke of York can no longer use the title His Royal Highness in any official capacity*” [15 Jan 2022, www.mirror.co.uk]. Более того, любимый сын королевы «навсегда исчезнет из публичной жизни» – “*will fade away from public life for ever*” [15 Jan 2022, www.mirror.co.uk].

Реакция на такую потерю лица принцем Эндрю была молниеносной со стороны королевы, что вызвало одобрение у британской общественности. В течение менее чем двух дней королевой были приняты судьбоносные для принца Эндрю решения: “*The ruthless decision came less than 24 hours after New York judge Lewis Kaplan ruled he must face a civil trial on allegations he sexually abused Virginia Guiffre when she was 17. He denies the accusations.*” – «Безжалостное решение было принято менее через сутки, после того как нью-йоркский судья Льюис Каплан постановил, что принц должен предстать перед гражданским судом по обвинению в сексуальном насилии в отношении Вирджинии Гуиффре, когда ей было 17 лет. Принц отрицает обвинения» [15 Jan 2022, www.mirror.co.uk].

Журналисты королевского пула отмечают, что поведение принца Эндрю привело к тому, что британская королевская семья «сталкивается с неимоверными вызовами» – “*faces enormous challenges*” [20 Jan 2022, www.mirror.co.uk].

Монархия дистанцировалась от сына королевы, находящегося в состоянии судебного преследования – в самом разгаре подготовка к празднованию платинового юбилея интронизации королевы Великобритании, которые намечены на июнь этого года. Так, во время исполнения своих королевских обязанностей наследники британского престола неохотно общались с прессой: принц Чарльз отказался отвечать на вопрос журналиста о состоянии принца Эндрю [19 Jan 2022, www.mirror.co.uk], принц Уильям проигнорировал вопрос, касающийся поддержки опального принца [18 Jan 2022, www.mirror.co.uk].

Каждое британское издание, все корреспонденты королевского пула подают информацию, связанную с принцем Эндрю, используя практически схожие лингвистические конструкции, отражающие лингвокультурный концепт «потеря лица».

Следует отметить, что консервативная устроенность британского общества, его приверженность к соблюдению принятых в обществе правил и норм поведения, наличие института монархии как определенного образа соблюдения традиций, воспитание и образование британской политической элиты отражены в лингво-культурологических концептах, актуальных для британского общества, особенно для его элиты и в 20-е гг. XXI века. Интерпретация, информационная расшифровка ментальных концептов той или иной нации позволяет привести к пониманию глубинного содержания смыслов, заключенных в иноязычном высказывании. Понимание культурно связанных и культурно обусловленных концептов, обращение к лингвокультурному фактору служит отправной точкой дешифровки ментальных концептов для достоверного извлечения смыслов, существенных для интерпретации, понимания, перевода и использования в ситуации межкультурной коммуникации.

Библиография:

1. Benedict, R. Patterns of Culture / R. Benedict. – Boston-N. Y. : Houghton, Mifflin and Company, 1934. – 260 p.
2. Benedict, R. The Chrysanthemum and the Sword, Patterns of Japanese Culture / R. Benedict. – Boston : Houghton, Mifflin Company, 1946. – 324 p.
3. Spencer, H. The Man versus the State : with six essays on Government, society and Freedom H. Spencer. – Indianapolis : Liberty Fund, 1981. – 531 p.

4. Thatcher, M. H. Statecraft : Strategies for a Changing World | М. Н. Thatcher. – N. Y. : Harper Collins, 2002. – 486 p.
5. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства / Бердяев Н. А. – М. : Искусство, ИЧП «Лига», 1994. – 121 с.
6. Драч, В. Г. Культурология как научная дисциплина / В. Г. Драч // Человек. Культура. Общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований; мат-лы Междунар. конф., посвящ. 60-летию воссозд. филос. фак-та в стр-ре МГУ им. М. В. Ломоносова, 13-15 февраля 2002 г. – М. : Изд-во МГУ, 2002.
7. Драч, В. Г. Культурология на пути самообретения / В. Г. Драч // Культурология и глобальные вызовы современности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/70647>. – Дата доступа: 15.01.22.
8. Рассел, Б. Исследование значения и истины / Рассел Б. – Москва : Идея – пресс : Дом интеллектуал. кн., 1999. – 399 с.
9. Тойнби, А. Д. Цивилизация перед судом истории / А. Д. Тойнби. – М. : Прогресс, Культура; СПб : Ювента, 1995. – 478 с.

УДК 37.016:786.2

ПРЕДМЕТ ФОРТЕПИАНО И ЕГО РОЛЬ В ГЕНДЕРНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СИСТЕМЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Муткогло Татьяна,
университетский лектор КГУ, г. Комрат, РМ
e-mail: mutco63@mail.ru
orcid id:0000-0003-4746-9060

Abstract large number of women are presented in music education. However, women musicians are not often encountered as concert pianists. The article is devoted to the problem of gender distribution in the professional activity of musicians. To clarify the causes of the uneven distribution of pianist teachers by gender is the main objective of this study. And also, forecasting the prospects for further transformation in society and music education, in order to create a situation of equal opportunities for men and women in this profession

Keywords gender distribution, teaching, music education, piano, equal opportunities

В современном мире, любая общность, даже маленького государства, в полной мере обладает своеобразным социальным и культурным наследием, являющим огромную потребность общества в приобщении к музыкальному искусству и воспитанию профессиональных музыкальных кадров.

Музыкальное образование, в частности фортепианная школа, это явление, переплетающее в себе народную музыкальную культуру и традиционную классическую школу.

Организация учебного процесса осуществляется с целью приобретения знаний, умений, навыков музыканта исполнителя и педагога.

Особая роль в современном музыкальном образовании отводится проблеме подготовки кадров, выдвижении новых требований, расширению спектра возможностей профессионализации специалистов профиля фортепиано.

Стремительно изменяющаяся историческая эпоха, выявляет свои специфические характеристики, определяемые культурными потребностями молодого поколения. К таковым относятся: дистанционное обучение, возрастающий уровень научно-технического прогресса, специфика образовательных учреждений, и непосредственно гендерное распределение студентов и преподавателей.

Становится очевидным потребность систематизации имеющегося опыта, моделирования интегративного образовательного пространства больших и малых народов, усиления гуманистической ориентации студентов музыкантов.

Ориентирами процесса реализации будущего педагога музыканта в классе фортепиано, являются такие качества как: высокая степень удовлетворённости профессиональным выбором, осознание ценности профессиональных знаний, творческая самостоятельность, оригинальность в решении задач, активная работа по саморазвитию профессионально значимых качеств, свободное владение инструментом.

Необходимо отметить, что особенности гендерных различий в музыкальном образовании не изучены в полной мере, особенно касательно инструмента фортепиано. А также, очень важно обратить внимание на тот факт, что ситуация неравного распределения в сторону преобладания количества женщин педагогов, является более актуальной именно для отдела пианистов. На других отделах- духовой, струнный и т.д., данная проблема не так ярко выражена. В настоящее время, выявляются перспективы дальнейшего развития проблемы гендерного распределения педагогов музыкантов в классе фортепиано.

Обратимся к причинам возникновения мотивации к рассмотрению проблемы гендерного распределения в дальнейшей профессиональной ориентации, возникшим в высшем музыкальном образовании. Основным фактором, привлёкшим внимание к данной теме, является очевидно преобладающий процент женщин педагогов, в сравнении с количеством мужчин в данной специализации. Мужчины же, предпочитают реализовываться в направлении музыкального исполнительства и концертной деятельности.

Важно разобраться так же и в причинах возникновения подобного перекоса распределения гендеров. К примеру, женщины более восприимчивы к сложности задач, чаще могут проявлять терпение к исправлению ошибок, более стрессоустойчивы к преодолению трудностей в общении с учениками, менее амбициозны в карьерном росте, психологически более мотивированы на преподавательскую деятельность.

Мужчины музыканты, чаще сохраняют концентрацию на собственном исполнении, чем на преподавательской деятельности ввиду того, что, как правило, придают больше приоритета стремлению к музыкальному совершенству при исполнительской практике, их музыкальная способность видеть, как художник и слышать, как музыкант, оформляется немного иначе, чем у женщин. Это от части обусловлено и биологическим распределением ролей женщин и мужчин в создании семьи и воспитании детей, так как мужчине не требуется отдавать на это столько времени и ресурсов.

Восприятие и воспроизведение музыки, для мужчин, становится главным проявлением эмоциональной сферы исполнения, зависимой от призвания, физически более выносливого и сильного пианистического аппарата, и другой нервной организации, отличной от женской.

Фактор физического строения и анатомической конституции пианистического аппарата, очень важен для реализации исполнительского потенциала. И. Гофман считал, что типовые особенности строения рук сказываются на особенностях приспособления к игре на инструменте: «Настоящая фортепианная рука должна быть широкой, длинна пропорциональна ширине руки, чтобы дать прочное основание каждому пальцу, для действия их фаланг». Исходя из этого, чаще всего, для реализации исполнительской карьеры большими преимуществами обладают мужчины [2].

Однако, стоит отметить, что анатомическое устройство и пропорции тела, не являются главным фактором, решающим будущее музыканта. При наличии должного усердия и целеустремленности, можно преодолеть любые технические трудности, связанные с особенностями игрового аппарата. Так же, и природная предрасположенность к освоению инструмента, не является достаточным условием, для достижения высокой степени профессионализма в исполнительской практике. Ведь помимо техничности и выносливости игрового аппарата, которые поддаются тренировке, существует еще множество тонких надстроек, таких как, выразительность и эмоциональность исполнения, поэтичность звучания, умение создавать неповторимый образ произведения и уникальную трактовку.

Таким образом, исходя из того, что для других солирующих инструментов нет большого недостатка в количестве исполнителей женского пола и педагогов мужского пола, можно сделать предварительный вывод, что крепость игрового аппарата, является важным, но не основополагающим фактором в гендерном распределении внутри профессии.

Хотя пианисту зачастую необходимо более выносливое анатомическое сложение, ввиду особенностей инструмента – широты охвата клавиатуры, статичности корпуса деки, отсутствия мобильности и связанного с этим, особого подхода к способу звукоизвлечения, но стоит отметить, что подобные факторы применимы и к другим инструментам: скрипка требует устойчивой осанки и развитого мышечного корсета скрипача, саксофон- развитой диафрагмы и т.д.

Отличием положения инструменталистов-пианистов, по сравнению с исполнителями на других инструментах, является наиболее высокая конкуренция среди первых.

Пианистов исполнителей множество, и для достижения больших высот, необходимо блестящее владение инструментом, превосходящее и отличное от других по многим критериям. Женщинам, часто сложнее выдержать эту конкуренцию, ввиду вынужденного выхода из профессии на время рождения детей и декрета по уходу за ними. Устоявшееся социальное сознание, так же не приветствует амбициозность женщин в самореализации, существует негласная установка, что профессия пианиста-педагога более соответствует женской духовной организации, нежели мужской. С обратной стороны, подобная установка имеет место и для мужчин, ведь мужчина-педагог, среди пианистов, зачастую воспринимается как несостоявшийся исполнитель.

В подтверждение вышесказанному, на примере моего 40-ка летнего опыта работы в музыкальной школе г. Комрата АТО Гагаузии, на фортепианном отделе работал лишь один педагог мужчина- талантливый пианист композитор из города Петрозаводск в Карелии Суэтов Сергей Сергеевич.

Так же надо отметить, что в нашем крае получили музыкальное образование и сделали пианистическую карьеру Филиогло Сергей (Германия), Михайлюк Виталий (Дубай), Роман Басс (Молдова). И только одна ученица выбрала карьеру концертирующего исполнителя- Ротарь Ольга (Турция).

На данный момент, в г. Комрат большинство преподавателей музыкальной школы, педагогического колледжа и кафедры культуры и искусств КГУ по классу фортепиано, являются представительницами прекрасного пола. На других отделениях картина иная.

Так на данный момент выглядит картина гендерного подхода в распределении социальных и культурных норм и ценностей, непосредственно в нашем регионе.

Таким образом, назрела необходимость построения воспитательной деятельности с учетом гендерной трансформации в обществе и образовании. Новый термин предполагает новые методологии и теории осмысления в различных науках и в преподавании методики игры на фортепиано, в частности. Например, возможности в социальной самореализации мужчин и женщин должны быть склонны к равенству.

Возвращаясь к перспективам развития проблемы гендерного распределения педагогов музыкантов в классе фортепиано, необходимо развивать образовательную систему в направлении расширения самосознания и продвижения идеи равных возможностей, независимо от пола. Ведь в погоне за исполнительским совершенством и статусом концертирующего пианиста, музыкальная культура, возможно теряет выдающихся педагогов-мужчин, обладающих не меньшим призванием к воспитанию нового поколения музыкантов. Так же, как и неверие в собственные способности и порицание излишней целеустремленности к самореализации у женщин, вполне может лишить нас множества ярких, неповторимых исполнителей-пианистов женского пола [1]. И в педагогической, и в концертной деятельности, пианист одинаково может реализоваться, в каждом из этих направлений, есть множество возможностей для достижений.

И здесь, в современном понимании гендерного подхода в теории и практике современного образования носит эвристическое значение. Учитывая эти особенности,

становится возможным повышение качества современного педагогического образования, приводящего к воспитанию нового качества личности, на основе демократических преобразований, происходящих в современном мире.

Библиография

1. Берн Ш. Гендерная психология – СПб.: Приайм - ЕВРОЗНАК, 2001.
2. Савшинский С. Пианист и его работа. — М.: Классика-XXI, 2002. — 244 с.

УДК 378. 14

ФОТОГРАФИИ РОДЧЕНКО КАК ОБРАЗ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТА ТЕЛА

Назарова Л.Р.

профессор кафедры Художественных
дисциплин канд пед. наук, доцент
e-mail: lilinazarova@yandex.ru

Назарова М.В.

Студент Московского художественно-
промышленного института
orcid id: 0000-0002-4642-9027

Abstract The course of work and the results of the creative project on the study of patriotic images (on the example of Alexander Rodchenko's creativity in art) are described

Keywords design, photography, patriotism, project, creative activity

Физическая культура как часть культурного наследия человечества для гармоничного развития играет огромную роль, не зря в Древней Греции данной части жизни посвящались Олимпийские игры как часть сакральной жизни человека античности. Боги Олимпа были сложены гармонично, культ тела играл важную роль в жизни. Культурное наследие развивалось в изобразительном искусстве и на протяжении веков имело разный подтекст: греховность тела в средневековье, культ обнаженного тела в эпоху Ренессанса, различные подходы к изображению фигуры человека до современных трактовок.

Аспект патриотизма в передаче образа советского физкультурника заинтересовал первокурсницу кафедры «Графический дизайн» Назарову М.В. Завкафедрой ГСЭД МХПИ Татьяна Александровна Чикаева и преподаватель кафедры Светлана В. Сорокина. В выборе темы и научной трактовке понятий помогли Творческий процесс сбора материала, анализ, описание воплотились в итоге в написание статьи как комплексной задачи систематизации исследовательского материала. Помощь в оформлении научно-исследовательского материала оказала профессор кафедры Художественных дисциплин Л.Р. Назарова. Материал планируется к выступлению на конференции «Образ родины» как отчётный этап исследования.

В статье описывается тематическое наполнение фотографий Александра Родченко. Фото серии репортажных съёмок с физкультурпадов и постановочные фото занятий физкультурой передают патриотизм как общее ощущение надежды на светлое будущее.

Перейдём к исследовательскому материалу. Александр Родченко как личность состоялся уже в Советской России. Молодость фотографа совпала с 3-х летним периодом обучения в Казанской художественной школе у Николая Ивановича Фешина. В тот дореволюционный период Родченко познакомился с Варварой Степановой, которая стала его женой, соратником и музой.

А. М. Родченко на рубеже веков состоялся как русский и советский график, живописец, художник-постановщик театра и кино. Он во время гражданской войны создавал знаменитые «Окна РОСТА» с поэтом Владимиром Маяковским. Судьба двух авторов, творивших бок о бок, служит примером творческой активности и удачного стечения обстоятельств.

Увы, востребованный властью поэт Маяковский был глубоко несчастен и не пережил душевной травмы, покончив жизнь самоубийством. Родченко, снимавший на фотоплёнку всех

своих друзей, стоявших у истоков русского авангарда и конструктивизма, прожил счастливую жизнь творца, воспевая быт советского человека [3].

Он с 1924 г., увлекшись фотографией, снимал все значимые мероприятия, проходившие в Москве и России, даже был послан с фотоэкспедицией на открытие Беломорканала, но его фотоархив исчез (при невыясненных обстоятельствах) [2]. Родченко удачно применял приёмы, которые одновременно с ним в Европе открыл выпускник и преподаватель школы дизайна Баухауз Ласло Мохой-Надь [2] и американский фотограф еврейского происхождения Ман Рэй (Man Ray) (настоящее его имя — Эммануил Радницкий) [1].

Родченко, фотограф нового видения, снимал в Советской России человека нового типа, используя в движении, с неожиданного ракурса (нижняя точка), иногда неожиданно кадрируя натуру в портрете [4]. Также часто им использовалась мультиэкспозиция, когда на один кадр приходится 2 изображения, плёнка засвечивается дважды и получается иногда неожиданный эффект. На рисунке 1 представлен портрет жены А.М. Родченко, дизайнера-графика, поэта Варвары Фёдоровны Степановой (псевдоним Варст).

Рис. 1 Степанова В.Ф., супруга
(автор Родченко А.М.)

Рис. 2 Брик Осип Максимович,
муж Лили Брик (автор Родченко А.М.)

Родченко часто применял фотомонтаж, собирая обложки журналов и плакаты в технике фотоколлаж. Портрет Осипа Брик для обложки журнала «ЛЕФ» (Рис. 2, ярко иллюстрирует принципы фотографа нового времени: натура воспринимается как геометрическая форма.

Серия «Физкультурники», а также другие фотоизображения используют тело как часть арт-объекта (рис.1, 4), монументально как памятник (рис. 4), демонстратора одежды (рис. 5).

Рис. 3, 4, 5, 6 (слева направо). Фото с использованием тела человека в ракурсе

Рис.7, 8 Фотопортрет Лили Юрьевны Брик, фотоколлаж (автор Родченко)

Плакатист Родченко часто для работы использовал фотоизображения советских людей спорта и труда, формируя таким образом фото-образ страны Советов. Ушла пикториальность

в фотографии, основной акцент сжался, сконцентрировался в ёмкой максимально динамичной композиции (рис.7 ,8). Строители советской действительности на фото Родченко строили, копали, плавали, занимались спортом и вели активный образ жизни. Не всегда это совпадало с реальной действительностью, но тему патриотизма фотокорреспондент

Родченко поэтизировал, находя в репортажной съёмке творческое начало (рис.9, 10). Люди-точки (рис. 10) и люди-стрелки заполняют плоскость кадра как геометрические формы. Физкультурники-атлеты страны Советов.

Рис. 9 «Женская пирамида», 1928 г

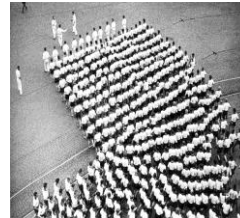

Рис. 10 «Спортивный парад» 1932

Приведём для сравнения изображение из спортивной жизни (Рис. 11) и справа от него скульптуру «Дискобол» скульптора Мирона, жившего в V веке до нашей эры (Рис. 12). На фото Родченко создал графическую рифму на первую классическую скульптуру, изображавшую человека в движении. Древнегреческий «Дискобол» хранящийся в Национальном Римском музее в г. Палаццо Массимо алле Терме, отсылает зрителя к эталону мужской красоты и пластики, римскому культу свободного человека.

Рис. 11 «Метательница диска»
(Родченко 1937 г.)

Рис. 12. «Дискобол»
(Мирон, V в. до н.э.)

Ракурсная съёмка разворачивающегося по диагонали человеческого тела метательницы диска красиво обыгрывает античную скульптуру. Изобразительные приёмы и мастерство Родченко воспевают красоту женской фигуры.

Сравнивая позицию и отношение к современнику тогда, в 20-30-40-е годы в Москве и сейчас, когда в руках у любого творца в смартфоне спрятан цифровой фотоаппарат «покруче» аналоговой «Лейки», которой снимал Родченко, понимаем главное. Если раньше технологически трудно было создать фотоизображение:

1. сначала заправить плёнку в фотоаппарат полной темноте («засвеченная» плёнка не воспримет изображение, она уже станет чёрная)
2. снять изображение, настроив ручную резкость, глубину экспозиции (съёмка)
3. вынуть плёнку в темноте и проявить в спец. жидкости (получение негатива изображения)
4. заправить плёнку в спец. аппарат направленного света для проецирования на фотобумагу (экспонирование)
5. фотобумагу с полученным изображением проявить спец. средством (проявка)
6. промыть фотоотпечаток от остатков средства и просушить.

Не техника в руках человека доминирует, а талант. Развивая себя, даже порой копируя на начальном этапе приёмы работы, есть всегда возможность найти и обрести новые творческие горизонты. Творческая активность русского и советского фотографа, дизайнера и художника Александра Родченко служит для нас примером патриотизма и ориентиром для молодёжи в саморазвитии [5].

Творчество Родченко знакомит современную молодёжь с умением формировать себя как личность в формировании тела и в спорте. Пластика красивого тела и подача себя как личность близка молодёжи, студенты и не только первокурсники подтанцовывают, рифмуя движения во время еды, просмотра видео, разговаривая и обсуждая новые треки исполнителей.

Развить себя как личность можно в любых условиях. Невзирая на условия жизни, ведь смотря на фото Москвы того времени, мы видим несовершенство условий жизни. Модели Родченко не для современных глянцевого журналов, Инстаграмм-див. Физические эталоны того времени, крепкие, широкобёдрые, плечистые люди физического труда, советские физкультурники несут задор и оптимизм. Они плавают, занимаются спортом, развивают себя. Просматривая фотографику раннего советского периода, удивляемся как зажигательные тренировки, спортивные мероприятия и парады физкультурников задают жизненный тон, патриотический настрой, оптимизм, чего иногда не хватает городскому жителю.

Библиография:

1. Ман Рэй. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата доступа 13.01.2022)
2. Мохой-Надь, Ласло. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата доступа 17.12.2021)
3. Родченко, Александр Михайлович. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата доступа 13.01.2022)
4. Фотограф Родченко А. М. [Электронный ресурс] URL: <https://club.foto.ru/classics/25/> (дата доступа 13.01.2022)
5. Федеральный проект (проект) «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках Постановления Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. N 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» (с изменениями и дополнениями).
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73725962/>

УДК: 929

ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО И Г.ХАРЬКОВ

Панасюк Виктория,

университетский ассистент каф. истории и общественно-экономических дисциплин
ХГПА, г.Харьков Украина

e-mail:dzuna.drakonmalifesenta.sardis@gmail.com

orcid id:0000-0001-7081-8316

Abstract Everyone who lives in Kharkiv remembers the Great Honored Actor Lyudmila Markovna Hurchenko. Only some people know that Lyusya Gurchenko began to speak about Kharkiv with a huge pain in her heart and tears in her eyes only in the 2000s. Difficult childhood war years, and even more difficult "first recognition" became an insult for Gurchenko for many years. After going through a long road of resentment and disappointment, Lyudmila Markovna was able to find strength in her heart to forgive everything and make it up with her native hometown Kharkov.

Keywords Lyudmila Gurchenko, Kharkiv.

Жизнь и творчество советской и российской актрисы кино и театра, режиссера, эстрадной певицы, сценариста, писателя, народной артистки СССР Людмилы Марковны Гурченко (12.11.1935 г., г. Харьков – 30.03.2011 г., г. Москва) [1], внесшей заметный вклад в массовую культуру и формирование морали широких слоев населения на советском и постсоветском пространстве, заслуживает специального изучения.

Несмотря на широкую известность и народную любовь, признанную большую проделанную работу в сфере искусства, Людмила Гурченко просила представителей прессы

не называть ее в статьях «великой», «прекрасной», «любимой миллионами», «заслуженной», «необыкновенной». Даже гражданская панихида по ее кончине была отменена по просьбе супруга [2].

О своей малой родине – городе Харькове, где она родилась и выросла – актриса рассказывала часто с огромной и неприкрытой, по детски фантастической любовью. Но о негативных воспоминаниях и обидах она, как прав ило, умалчивала и хранила их глубоко в своей душе. Таким образом, взаимоотношения с местом своего детства характеризовались двойными чувствами, сочетавшими искреннюю любовь к родным местам и разочарование отношением со стороны тогдашнего местного официоза [3].

Едва достигнув совершеннолетия, в 18 лет Людмила Марковна отправилась покорять г. Москву. При этом Гурченко часто навещала родной ей город Харьков, где остались проживать ее родители.

Казалось бы, что на малой родине должны были гордиться своей землячкой, но история распорядилась иначе. Чтобы понять всю сложность складывавшихся взаимоотношений, необходимо рассмотреть особенности ее взросления и становления.

Родители Людмилы Марковны были профессиональными музыкантами и работали в Харьковской филармонии, будущая актриса с малых лет была погружена в мир музыки. Начавшаяся в 1941 г. Война внесла отрицательные коррективы в жизнь девочки: отец ушел на фронт, несмотря на непризывной возраст и инвалидность добровольцем, а будущая актриса осталась в оккупированном Харькове вместе с мамой. Бедность, массовый голод, «грабильники» заставляли людей рисковать жизнью и кидаться воровать продукты с разбитых складов. Страшные и неукладывающиеся в головах людей военные картины как замершие трупы, которые необходимо было отталкивать палкой, чтобы набрать воды из речки, стали для Гурченко вполне обыденными [5].

После завершения войны в уже свободный Харьков вернулись эвакуированные семьи. Начались долгие дни учебы, но и в школе она не была счастливой. Людмиле Марковне так хотелось, чтобы ее пожалели и просто выслушали, как тяжело и страшно жилось при «вторых немцах» – периоде повторного занятия озлобленными гитлеровскими войсками города Харькова. Но одноклассники вместо поддержки издевались над Люсей, дразнили «предательницей» и даже устраивали ей бойкоты, били и не принимали в игры. Таким образом, наглядно проявилась разница в психологическом состоянии людей, переживших тяжелую оккупацию от тех, кто пребывал в военное лихолетье в эвакуации. Несмотря на то, что дети со временем осознали, как тяжело жилось людям в оккупированных городах и перестали обижать девочку, нанесенная в детстве психологическая травма осталась с Людмилой Марковной на всю жизнь. И даже став великой актрисой, воспоминания о войне и послевоенном времени заставляли закрываться в себе.

Первой актерской работой тогда еще молодой и неизвестной Гурченко был кинофильм «Дорога правды» (1956 г.) режиссера Яна Фрида. «Я не за тем сюда пришла, чтобы молчать!» – именно такая значимая фраза впервые прозвучала из уст актрисы в кино. «Я именно этого и хотела: прийти в кино, чтобы не молчать, не плыть по течению, а самой создавать волну», – рассказывала сама Людмила Марковна в одном из своих интервью [6].

Но широкую известность актриса приобрела после выхода музыкальной комедии режиссера Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь» (1956 г.), в которой сыграла Леночку Крылову. Вопреки ожиданиям, в повседневной и творческой жизни Гурченко начались серьезные проблемы. На перспективную актрису вышел Комитет Государственной Безопасности с очень оскорбительным предложением о сотрудничестве, на которое Людмила Марковна не согласилась. «Взамен мне предлагали и квартиру, и научить языкам интенсивно, но одно условие: никому ни слова! Даже родителям – вспоминала сама Люся Гурченко, – Миша Козаков согласился, а я – нет. Хотя я же не диссидент никакой – наоборот, очень советский человек из очень советского города Харькова. Потом я уже узнала, что моя мама из дворян, многие ее родственники были уничтожены. От меня это скрывали. Зато папа из батраков. Так что у меня смесь полусовковая. В общем, я отказалась, а мне: «Значит, вы не

любите Родину». Сначала от меня отошли, а потом мне передали слова министра культуры Михайлова: «Мы ее сотрем в порошок. Фамилии такой не будет». Это про меня» [4; 7]. С этого момента дальнейшего карьерного роста и просто достойной работы у актрисы не было.

Московская жизнь диктовала свои правила, и Людмила Гурченко соглашалась на любую работу, «халтуру», лишь бы хоть немного заработать. Из-за этого в прессе начали появляться критикующие публикации в адрес актрисы [8]. После этого Гурченко можно было увидеть в низкокачественных фильмах, сняться в которых было для Людмилы Марковны как «плюнуть в вечность». Именно эти слова Фаины Раневской [10] цитировала подвергшаяся гонениям актриса, но отказаться даже от такой работы она не имела возможности дабы иметь средства к существованию.

Особенно болезненным стал тот факт, что именно пресса родного ей г. Харькова нанесла очередной удар: в одной из газет Гурченко называли «выскочкой с Ключковской (улица в г. Харькове, где проживала актриса в детстве и юности – Авт.)», которая якобы является позором родного города. «Когда начались статьи про меня, именно из Харькова я получала жуткие слова. И внутри у меня звучало «Прощай, любимый город». Но я всегда его любила», – вспоминала актриса [8].

В 1969 г. Людмила Марковна забрала в Москву своих родителей. Больше ничего ее не связывало с Харьковом, кроме сердечной любви, которую она пронесла через всю жизнь и творческий путь. Но обиду за «выскочку» Гурченко держала долгие годы и не посещала своей малой родины более тридцати лет [4].

Попытки примерить Людмилу Марковну с харьковской общественностью начались после создания Международного клуба земляков в 1995 году. В ответ на приглашения приехать в Харьков она резко отказывалась, но затем все же постепенно сменила свое отношение и пошла на контакт. В тот же год на относительно массовую встречу земляков она не приехала, предпочтя посетить город детства и юности в следующем году самолично [4]. Актрису переполняли эмоции от долгого перерыва с родными местами.

Но уже в 2006 г. причиной новых обид стал памятник, который хотели возвести в ее честь. От областной власти прозвучало предложение установить актрисе – звезде советского кино – на 70-тилетний юбилей памятник в центре города, недалеко от харьковского театра оперы и балета (ХАТОБа). Людмила Марковна тогда согласилась, лишь попросив, чтобы ее монументальный двойник не улыбался. После всех озвученных намерений и произведенных практических шагов памятник так и не был установлен. Аргументировалось это тем, что Людмила Гурченко не является оперной певицей, а непосредственно скульптура маловата для площади. До сегодняшнего момента памятник находится в мастерской скульптора Сейфаддина Гурбанова.

Людмила Марковна успела побывать в Харькове и незадолго до смерти, в возрасте 75 лет: в августе 2010 г. она пела для харьковчан в День освобождения города от гитлеровцев [4], а после с большим удовольствием прогуливалась пешком по брусчатым тротуарам малой родины. «Я мечтала что стану известной актрисой и пройду по брусчатке цокая каблучками, а все на меня будут любоваться» – признавалась Гурченко [3]. Этой мечте суждено было сбыться.

Это была последняя встреча Людмилы Марковны Гурченко с Харьковом. Спустя около полугода – 30 марта 2011 г. – Людмила Марковна скончалась.

Библиография:

1. Гурченко Л.М. / Н. М. Зоркая // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс https://bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/3933563, 29.10.2021]. – 2004.
2. Людмила Гурченко: «Не называйте меня великой и прекрасной». [Электронный ресурс https://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/04/01/lyudmila_gurchenko_ne_nazyvajte_menya_veli_koj_i_prekrasnoj/, 29.10.2021]
3. https://zen.yandex.ru/media/u_vseh_na_ustah/pochemu-gurchenko-poklialas-ne-byvat-v-harkove-i-kak-gorod-izvinilsia-pered-svoei-velikoi-docheriu--5bb21a47ed74f800a9b38132

4. Политика почти на полвека рассорила Люсю с родным городом: (подробности многолетних разрывов актрисы Л. Гурченко с Харьковом) / Юрий Зиненко // Комсомольская правда в Украине. – 2015. – 12-19 ноября (№ 251/46). – С. 23
5. Валерий Кичин — «Людмила Гурченко. Танцующая в пустоте», 2013 год
6. Здравствуй, Москва! :: Биография :: официальный сайт Людмилы Гурченко
7. «Прощай, Примадонна!» Неопубликованное интервью Людмилы Гурченко // «Московский Комсомолец» № 25606 от 1 апреля 2011 г.
8. <https://mykharkov.info/news/nasha-lyusya-za-cto-lyudmila-gurchenko-obizhalas-na-harkov-32904.html>
9. <https://biography.wikireading.ru/273805>
10. Владимир Гуга//Фаина Раневская. Великая и непредсказуемая//ООО «Издательство «Э», 2016 - Глава III. Аплодисменты Рузвельта, или Кино — заведение босяцкое [Электронный ресурс
<http://www.f-ranevskaya.ru/publikacii/faina-ranevskaya-velikaya-i-nepredskazuemaya4.html>, 24.11.2021]

УДК 373.3.016:781.7

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭТНОЛИЧНОСТИ

Пойдолова Ирина,

докторант КГПУ им. Иона Крянгэ г.Кишинев,
преподаватель Кафедры культуры и искусств КГУ г.Комрат РМ
e-mail: poidolova.irina@mail.ru
orcid id: 0000-0002-3832-2887

Abstract the article considers the involvement of primary school students in national musical creativity opportunity to communicate at an intercultural level, the formation of the cultural and moral foundations of the student's personality

Keywords intercultural education, national music, musical education

Приобщение учащихся начальных классов к национальному музыкальному творчеству, позволяет развить и формировать возможность общения на межкультурном уровне, так как этномузыкальные традиции являются своеобразным примером поликультурного взаимодействия. В межкультурном воспитании учащиеся ощущают главные ценностные направления образования, происходит знакомство с самим пониманием родной культуры, что в дальнейшем позволит обогатить духовно-нравственный и социокультурный опыт. Таким образом в ходе процесса у учащихся накопится багаж знаний о национальной музыкальной культуре, расширяется кругозор, навыки толерантного взаимоотношения в интеркультурной среде.

В начальных классах необходимо оказывать воздействие на воспитательное становление и формирование культурных и нравственно-моральных основ личности учащегося. В этом возрасте развивается его характер, поведение, формируется мышление и расширяется кругозор, прививаются национальные и общечеловеческие ценности, почтительное отношение к традициям других народов.

Музыкальное воспитание это процесс духовного самосовершенствования, который нацелен на формирование универсальной музыкальной культуры, на развитие музыкальных способностей учащихся, с целью становления их творческой этноличности [1]. Музыкальное воспитание полифункционально. Карпушина Л.П. отмечала: «Для того, чтобы привить любовь, интерес и уважение к национальному искусству и к искусству других народов,

этномузыкальное воспитание должно быть непрерывным процессом воспитания, обучения и развития личности. Необходимо формировать компетентности, которые позволят человеку воспринимать, показывать и создавать поликультурные музыкальные ценности в рамках родной или иной музыкальных традиций. Национальный компонент поликультурного музыкального воспитания, рассчитывает на создание межкультурной музыкально-образовательной среды, которая будет представлять собой часть региональной, где учащиеся смогут реализовать свои духовные и музыкальные интересы, осваивать музыкальные ценности, способы толерантного межэтнического общения» [2].

Для достижения поставленных задач, необходимы соответствующие условия:

- формирование знаний о жизни, традициях и своего (гагаузского) и других народов проживающих на территории Республики Молдова;
- знакомство с национальными музыкальными инструментами (най, гайда, доба, кавал, кобза, гадулка и др.);
- с характерными особенностями исполнительского искусства;
- основными жанрами музыкального фольклора (türkü, maane, ava),
- танцами, профессиональными коллективами, композиторами [3].

Запас знаний должен расширяться от национального (гагаузского) до молдавского и мирового масштаба. Необходимым условием в музыкально-творческой деятельности выступает тесное сотрудничество педагога и учащихся: совместная вокальная, инструментальная музыкальная деятельность, в ходе которой ощущается эстетическое удовольствие и радость от совместной музыкально-творческой работы. Педагог является главным распространителем культурных традиций. В тесном сотрудничестве педагог-ученик, происходит обмен музыкальным опытом, духовное взаимообогащение; происходит равенство отношений, положений, взглядов, которое основывается на искренности и прямоте проявления своих чувств, отзывчивости и открытости. Но самым главным условием таких взаимодействий является – приобщение и привитие интереса к национальным ценностям, олицетворенный в музыкальном фольклоре.

Связь урочной и внеклассной деятельности музыкальными средствами, является главным повышением качества межкультурного воспитания.

На уроках музыкального воспитания важно использовать различные формы организации:

- спектакли (например, по мотивам музыкальных сказок, «Eni yıl», «Mărțișor», «Kasim» и др.);
- экскурсии («В мире музыкальных инструментов», «Музыка народов Республики Молдова» и др.); («В мире театра», «В гостях у Düz Avı» и д.);
- концерты («Творчество гагаузского композитора - Ильи Филева», «История народной музыки у народов Гагаузии» и др.);
- интегрированные уроки (музыка и литература, ИЗО, история, родной язык);
- исследования («Любимая фольклорная песня», «Связь народного и профессионального национального музыкального искусства» и т.д.).

Во внеклассной деятельности можно использовать различные формы и методы межкультурного воспитания. Особое внимание можно уделить диалоговым формам работы: это конференции, фестивали, олимпиады – посвященные соответственно музыкальному фольклору. Так же практическим формам – это экскурсии, концерты, познавательные занятия, музыкальные конкурсы, выставки народных музыкальных инструментов, сделанных детьми и т.д.

Повышая свою национальную музыкальную культуру, учащиеся младших классов обогащают свои знания в области жанровой и национальной принадлежности самого музыкального произведения, свой музыкальный, интонационный опыт. И таким образом национальный компонент в музыкальном воспитании нацелен на приобщение учащихся к музыкальным традициям своего и других народов и на совершенствования уровня их поликультурного развития.

Библиография:

1. Музыкальное образование в школе / Л.В. Школяр, В.А. Школяр, Е.Д. Критская и др.; под ред. Л.В. Школяр. – М.: Академия, 2001. – 232 с.
2. Карпушина, Л. П. Этнокультурный подход к образованию : к сущности вопроса // Л. П. Карпушина. / Интеграция образования: научно-методический журнал. 2010. - № 3. - С. 63-66.
3. Cadrul de referință al curriculumului național / aut.: Vladimir Guțu, Nicolae Bucun, Adrian Ghicov [et al.] ; coord.: Lilia Pogolșa, Valentin Crudu ; experți intern.: Ciprian Fartușnic, Daniel Petru Funeriu ; Min. Educației, Culturii și Cercet. al Rep. Moldova. – Chișinău : Lyceum, 2017 (F.E.-P. "Tipografia Centrală"). – 104 p.

УДК 792(478)

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ТЕАТР ПРИДНЕСТРОВЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сороковская Светлана,

отличный работник культуры, заслуженный деятель искусств ПМР
доцент кафедры социокультурных коммуникаций ИГУП и СГН ПГУ им.Т.Г.Шевченко
г.Тирасполь
e-mail: bendery40@mail.ru
orcid id:0000-0001-7443-4758

Abstract The article discusses aspects of the current state of amateur theatrical creativity of Pridnestrovie on the example of amateur theatrical activity of the city of Bendery **Keywords** amateur theatrical creativity, genres of amateur theater groups, personality of the head of an amateur theater group, actor of an amateur theater group

В основе театрального искусства лежит художественное отражение жизни, осуществляемое посредством драматического действия, исполняемого актёром для зрителя.

К.С. Станиславский писал: «Обладая большой силой духовного воздействия на толпу, театр получает крупное общественное значение, если с его подмостков проповедают возвышенные мысли и благородные чувства» [4, с. 143].

Театр - это средство общения, двустороннего диалога на личностном уровне, посредством которого формируются эстетические потребности, духовные, нравственные и эстетические ценности и идеалы. Искусство - это уникальный способ присвоения общественных художественных и культурных ценностей отдельной личностью, которая делает это внутренне свободно: бескорыстно, сознательно и со страстью, то есть творчески созидает свою индивидуальность. [2, с.31].

В последнее десятилетие во всем мире возрождается интерес к любительскому театральному творчеству .

Демократичный характер творчества в любительском театре позволяет проявить каждой заинтересованной личности свою творческую активность, вне зависимости от артистического потенциала, профессии, возрастных и других рамок социального статуса человека.

Город Бендеры до последнего времени по праву считался самым театральным городом Приднестровья.

На январь 2020 года в городе Бендеры в учреждениях культуры клубного типа осуществляли деятельность 12 самодеятельных театральных коллективов разных жанров, которым присвоено звание « Народный» и « Образцовый».

Численность участников театральной самодеятельности МУ «Дворец Культуры им. П.Ткаченко» составляла:

- Народный Молодежный театр «Авось»

- 19 человек

- Театр танца «BOOM» («БУМ»)	- 21 человек
- Театр моды «Гран-При»	- 30 человек
- Народный драмтеатр	- 18 человек
- Народный театр малых форм	- 21 человек
- Образцовый театр «Маленькая страна»	- 15 человек
- Народная литературно-музыкальная гостиная «Свеча»	- 10 человек
- Народный кукольный театр «Солнышко»	- 14 человек
- Образцовый театр марионеток «Щелкунчик»	- 16 человек
- Народная студия боди-арт «ЭТЮД»	- 18 человек

Численность участников театральной самодеятельности Культурно- досугового центра «Шелковик» г. Бендеры:

- Народный театр клубной анимации «Арлекино»	- 25 человек
- Театр огненного и светового перформанса «Ом Рам»	- 8 человек

Общая численность участников, занимавшихся в самодеятельных театральных коллективах учреждений культуры клубного типа города Бендеры по состоянию на январь 2020 года составляла – 215 человек.

Виды самодеятельных театров (по жанрам) ,осуществлявших деятельность в учреждениях культуры клубного типа г. Бендеры:

1. драматический : драмтеатр, « Маленькая страна», «Авось»
2. театр кукол : Щелкунчик, Солнышко
3. театр танца : БООМ
4. театр моды : Гран- при
5. театр Буфф (клубной анимации): Арлекино
6. перформанс – театр : Театр Огненного и Светового Перформанса «Ом Рам»,
7. Боди- арт студия « Этюд»
8. поэтический театр: Театральная гостиная « Свеча»

Стабильными и постоянно действующими самодеятельными театральными коллективами г. Бендеры на настоящее время являются: Народный молодежный театр «Авось!» Муниципального учреждения « Дворец культуры имени Павла Ткаченко», Образцовый Театр танца «BOOM» Муниципального учреждения., Народная студия боди-арт «Этюд» Муниципального учреждения « Дворец культуры имени Павла Ткаченко», Народный театр клубной анимации «Арлекино» на базе КДЦ «Шелковик», Театр Огненного и Светового Перформанса «Ом Рам» на базе КДЦ «Шелковик».

Под стабильными и постоянно действующими коллективами понимают театры, которые существуют более 5 лет, где не менялся руководитель, и регулярно выпускаются спектакли – не менее одного в год.

Личность руководителя является важным фактором, влияющим на стабильность работы коллектива.

В основном, самодеятельными театральными коллективами города Бендеры руководят режиссеры, имеющие специальное образование.

Народный молодежный театр «Авось!» Муниципального учреждения « Дворец культуры имени Павла Ткаченко» города Бендеры был создан в 2000 году. В течение 20 лет коллективом руководит Сороковская Светлана Владимировна – Отличный работник культуры Приднестровской Молдавской республики, Заслуженный деятель искусств Приднестровской Молдавской республики, режиссер высшей квалификационной категории

На сегодняшний день Народный Молодежный театр располагает стабильным актерским составом, который позволяет коллективу включать в репертуар серьезные драматургические произведения.

В 2006 году был создан Театр танца «BOOM». С 2009 г. бессменным руководителем театра является Отличный работник культуры Приднестровской Молдавской республики - Якимченко Ольга Владимировна. Творческую деятельность Ольга Владимировна начала в

2006 году в качестве участницы коллектива. В 2011 году окончила Приднестровский Государственный Университет имени Т. Г. Шевченко по специальности «Социально-культурная деятельность» квалификация – «Постановщик культурно-досуговых программ».

Работа коллектива направлена на поиск новых форм театрального и танцевального искусства, создание спектаклей современного танца.

Ковалева Мария Евгеньевна - Отличный работник культуры Приднестровской Молдавской республики - работает руководителем Народной студии боди-арт «Этюд» с 2015 года. Коллектив работает над освоением инновационных течений в современном искусстве визажа и театральном искусстве.

Народный театр клубной анимации «Арлекино» был организован на базе КДЦ «Шелковик» в 2009 году. Со дня образования по настоящее время коллективом руководит Отличный работник культуры Приднестровской Молдавской республики, режиссер высшей квалификационной категории Елена Алексеевна Райлян. Театр «Арлекино» занимается драматическим искусством и выпускает спектакли в синтетическом жанре, создавая интерактивные спектакли с элементами анимации.

Театр Огненного и Светового Перформанса «Ом Рам» был основан в 2013 году по инициативе Сарсакова Кирилла Юрьевича, который сегодня является руководителя коллектива.

Целями деятельности коллектива является: популяризация огненных искусств в Приднестровье. Театр «Ом Рам» сочетает зрелищность театра огня и выразительность танцевального театра

Важная составляющая самодеятельного театрального творчества – актеры - любители. Деятельность актеров- любителей полностью основана на добровольном желании заниматься театральным творчеством, является неоплачиваемой, включение в нее не обусловлено никакой внешней необходимостью. Актеры-любители добровольно тратят свое время, получая удовлетворение от процесса и результата работы. При этом актерская деятельность в любительском театре ограничена по времени, так как не является основной». [4, с. 314].

Основной возраст актеров-любителей, занимающихся в самодеятельных театральных коллективах учреждений культуры клубного типа города Бендеры – до 18 лет и от 18 до 25 лет. На этом этапе жизни продолжается процесс становления личности, поиск ценностных ориентиров и есть достаточное количество свободного времени в связи с отсутствием у большинства людей этого возраста детей и постоянной работы.

В основном участники самодеятельных театральных коллективов являются учащиеся школ, СУЗОВ и ВУЗов ,имеющие неоконченное среднее образование, неоконченное среднее профессиональное , полное среднее профессиональное ,неоконченное высшее образование, то есть на те, у кого основной вид деятельности на данном этапе – обучение.

Численный состав актеров в театральных коллективах учреждений культуры клубного типа г. Бендеры колеблется от 8 до 30 человек разного возраста

По гендерному составу участников цифровые показатели следующие :

- Народный Молодежный театр «Авось»	- 90% женщины, 10 % мужчины
- Театр танца «BOOM» («БУМ»)	- 86 % женщины, 14% мужчины
- Театр моды «Гран-При»	- 70 % женщины , 30 % мужчины
- Народный драмтеатр	- 61 % женщины , 39 % мужчины
- Народный театр малых форм	- 52 % женщины , 48 % мужчины
- Образцовый театр «Маленькая страна»	- 87 % женщины , 13 % мужчины
- Народная литературно-музыкальная гостиная «Свеча»	- 60 % женщины, 40 % мужчины
- Народный кукольный театр «Солнышко»	- 71 % женщины , 29 % мужчины
- Образцовый театр марионеток «Щелкунчик»	- 69 % женщины , 31 % мужчины
- Народная студия боди-арт «ЭТЮД»	- 50 % женщины, 50 % мужчины

Численность участников театральной самодеятельности Культурно- досугового центра «Шелковик» г. Бендеры:

- Народный театр клубной анимации « Арлекино - 64 % женщины ,36 % мужчины
- Театр Огненного и Светового Перформанса «Ом Рам» - 50 % женщины ,50 % мужчины

В отдельных театральных коллективах присутствуют различные возрастные ступени, начиная с детей дошкольного возраста, заканчивая взрослыми актерами.

По гендерному составу в любительских театральных коллективах лидируют женщины – 67 % .

В процессе изучения феномена - самодеятельный театр , исследовательский интерес представляла мотивация выбора деятельности участниками коллективов, имеющих звание

« Народный» и « Образцовый», осуществлявших деятельность в учреждениях культуры клубного типа города Бендеры.

Для получения информации было проведено анкетирование. Анализ результатов анкетирования показал следующие результаты:

В коллективы театральной самодеятельности участники пришли, преследуя следующие цели:

- потребность в развитии индивидуальных навыков и личностном росте (получить навыки публичного выступления) - 63 % респондентов
- желание получить знания и навыки актерской профессии – 53% респондентов
- потребность в межличностном общении: хочу найти новых друзей, нравится общаться с участниками коллектива, нравится чувствовать себя нужным в коллективе - 31%

Современные любительские театры способствуют эстетическому воспитанию зрителя, особенно в тех городах и поселках, где нет профессиональных театров. Любительские театры воспитывают своих собственных актеров, приучая их к самостоятельности, организованности, дисциплине, прививая им страсть к самообразованию; любительские театры ищут свои формы театрального представления и даже в какой-то степени являются своеобразными лабораториями, где идут поиски средств художественной выразительности. [3, с.5].

Библиография:

1. Бойко.Э.Р. Роль самодеятельного театра в социализации современной молодежи, Волгоград, «Грани познания», 2015
2. Коханая О. Е. Театры юного зрителя как фактор формирования нового типа личности М.,Теория и история культуры / Вестник МГУКИ , 2014
3. Слободянюк Н.И. Динамика развития любительского театра в России с 60-х годов до настоящего времени Ярославль, Ярославский педагогический вестник 2003 , № 3
4. Станиславский К.С. Статьи, речи, беседы, письма. М.: Искусство, 1953.
5. Социокультурная деятельность как средство воспитания личности / под ред. В. Н. Наумчика, Минск ,“Вышэйшая Школа” ,2004
6. Штефан Н. И. Актер любительского театра как объект социокультурного исследования Ярославский педагогический вестник – 2012 – № 4 – Том I

Вебография:

- 7 bendery-ga.org/dk_tk.html
- 8 culture.gospmr.org/uchrezhdeniya-kultury-pm

УДК 78.07:316.444.5

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРОВ (из опыта работы)

Станцой Наталья

Maestru în Artă RM

преподаватель кафедры Культуры и искусств

КГУ, г. Комрат, РМ

orcid id:0000-001-9001-3830

Казмалы Тататьяна

магистр педагогических наук

преподаватель музыкальных дисциплин

Колледжа имени М.Чакира, Комрат, РМ

e-mail: malenikaia01@mail.ru

orcid id: 0000-0001-7020-0460

Abstract The activity of an accompanist usually implies only concert work, while the concept of an accompanist includes more: learning their parts with the soloists, the ability to control the quality of their performance, knowledge of their performance specifics and the causes of labor in performance, the ability to suggest the correct way to correct certain shortcomings. Thus, in the activities of an accompanist, creative, pedagogical and psychological functions are combined, and it is difficult to separate them from each other in educational, concert and competitive situations.

Keywords Accompanist, mobility, vocalist, ensemble, wind instrument, sight reading.

Концертмейстер – это не просто пианист-аккомпаниатор, это человек, который должен владеть музыкальными навыками и способностями, иметь развитый гармонический и мелодический слух, уметь охватывать произведение целиком (от начала до конца), понимать стиль и жанр произведения, выявлять особенности музыкального произведения, которые присущи композитору произведения и его эпохе [5, с.68].

В чем суть мобильности концертмейстера и какими умениями он должен владеть? Во-первых, искусно владеть фортепиано, умело читать с листа партию любого уровня сложности; во-вторых, импровизировать и транспонировать без затруднений в любую тональность, подбирать аккомпанемент на заданную мелодию; в-третьих, знать особенности приемов игры на разных инструментах и владеть навыками игры в ансамбле.

Концертмейстер должен обладать большим объемом памяти и внимания, быть коммуникабельным, мгновенно реагировать и быть находчивым в любой ситуации [1, с.85], так как вокалисты или исполнители - инструменталисты могут пропустить во время концертного выступления из-за волнения несколько тактов. Задача концертмейстера мгновенно «подхватить» солиста в нужном месте и сделать так, чтобы слушатели не заметили погрешности.

Репертуар концертмейстерского класса в колледже и университете настолько разнообразен, что на его основе можно воспитать и развить музыкальный и художественный вкус будущего пианиста-аккомпаниатора. При подборе репертуара, мы стараемся выстроить степень сложности аккомпанемента – от простого к сложному, а не наоборот. Стараемся включать в работу вокальные сочинения, а также произведения для народных, струнных и духовых инструментов. Таким образом, на протяжении всего обучения в колледже и университете, студенты могут попробовать себя в роли концертмейстера любого инструмента.

При работе с солистами - вокалистами концертмейстеру необходимо осмыслить не только нотный текст, но и художественный текст вокального произведения. Концертмейстер должен следить за точностью исполнения вокалистом мелодической линии и ритмического рисунка, фразировкой, правильным дыханием, динамическими и агогическими изменениями. Для этого концертмейстеру необходимо изучить вокальные особенности - певческое дыхание, дикция, знать тесситуру и диапазон женских, мужских и детских голосов [3, с.216]. Аккомпанируя арию или ариетту из оперы, концертмейстеру необходимо заранее познакомиться с содержанием данного произведения для точной передачи музыкального

образа. Вокалист иногда может сфальшивить, поэтому мы учим студентов постоянно прислушиваться к пению солиста, а не увлекаться аккомпанементом, так как концертмейстер, услышав фальшивое пение, должен умело сориентировать вокалиста, и в аккомпанементе выделить мелодию для того, чтобы устранить недостатки «фальшивого пения». Может быть и так, что во время выступления солист-вокалист забудет слова или пропустит некоторые такты, в этом случае концертмейстеру необходимо сделать так, чтобы слушатели не заметили погрешности. В работе часто применяем произведения гагаузских и молдавских композиторов такие как, Д.Гагауз «Кисмет ми бу», «Афет севда», «Волшебный экспресс», М.Колса «Чешмя», «Ана дили», Е.Дога «Cât e țara mea de mare», «Moldova mea», «Cântec despre orașul meu» и другие.

В работе с вокалистами и инструменталистами концертмейстеру необходимо иметь хороший «багаж» знаний по предметам «Literatura muzicală universală», «Literatura muzicală națională», «Solfegii», «Armonia», так как он должен профессионально исполнить аккомпанемент, передавая своей игрой стиль произведения, подобрать на слух или транспонировать произведение в удобную тональность для пения и игры, особенно для духовых инструментов, так как студенты аккомпанируют саксафону-альту, саксафону-тенору, саксафону-сопрано, кларнету, трубе, наю и флейте. Не всегда студенты с первого раза могут транспонировать полностью аккомпанемент в новой тональности, поэтому знания из области гармонии помогают им в работе. Мы учим их ориентироваться в основной тональности, находить главные трезвучия лада, их обращения, разрешение, находить родственные тональности, определять вид аккорда или септаккорда. Аккомпанируя духовым инструментам, концертмейстеру необходимо знать строение и специфику игры на каждом духовом инструменте. Между исполнителем и концертмейстером обязательно должен быть ансамбль. Об ансамблевом строе не может быть и речи, если студент не будет знать специфики и навыков игры на инструменте, которому он аккомпанирует. Сила звучания духовых инструментов отличается. Поэтому концертмейстеру нужно уметь контролировать звуковой баланс и исполнение фортепианной партии во время игры. Так, для саксофона сила звучания фортепианной партии должна быть ярче, чем для флейты. Для заинтересованности студентов и развития в них любви к культуре родного края в репертуар включаем произведения E.Croitoru «Șirba bătrânească», P.Dascăl «Piesă de concert», E.Croitoru «Șirba pentru trompetă», V.Hanganu «Doina lui Novac», обработка П.Казанжи «Хора, жок ши бэтута» и т.д.

Сила звучания струнных инструментов намного меньше, чем у духовых. В зависимости от расстояния скрипача, от помещения и наполняемости его, концертмейстер должен учитывать силу звучания фортепиано, чтобы не заглушать солиста. Природа звучания скрипки и фортепиано совершенно противоположна. У скрипки есть мягкая атака и мелодическое естественное продолжение, длительная продолжительность звучания. В различных регистрах звучания скрипки, скрипка нуждается в поддержке разной интенсивности и окраски.

Рис 1. Концертмейстер – студент 4 курса колледжа имени М.Чакира, Комрат

Концертмейстеру важно учитывать звуковой баланс. Важно, чтобы игра скрипача была без сомнения сольной и не терялась на фоне игры аккомпаниатора. Одним из главных периодов работы концертмейстера в классе скрипки является начальный этап знакомства с произведением. Именно в данный момент, для удачного ансамбля в целом, решаются самые важные задачи, такие как знание вступления и заключения, проигрышей, способность слышать солирование каждой из частей в процессе исполнения длинных нот и пауз, следуя

точному выделению музыкальных фраз. На начальной этапе работы над музыкальным произведением, концертмейстеру не обязательно играть целиком аккомпанемент, можно ограничиться основными элементами: игра басов или поддержка гармонии. Также возможно игра основной мелодии, можно рассмотреть его отдельные компоненты, сделать гармонический и теоретический анализ, раскрыть скрытые поверхностному взгляду интересные свойства произведения: неожиданные отклонения и модуляция; представить логику развития основных и второстепенных тем, следить за всеми их развитиями (преимущественно, если в разборе произведения крупной формы). Этот анализ поможет ученику получить максимально точное представление об изучаемом произведении. В программу включаем произведения Z.Tcaci «Albină», «Vals», A.Mulear «Sîrbă», «Joc găgăuz», «Baladă», E.Croitor «Нога» и другие. Для того, чтобы проверить чистоту настройки струнных инструментов, надо знать, что абсолютно точно настроено фортепиано. Фортепиано должно соответствовать международному стандарту, т.е. «ля» первой октавы должно иметь частоту 440 Гц.

Люблинский А.П. отмечал, что умелое чтение с листа – это одно из важных способностей концертмейстера [2, с.23]. Концертмейстер должен уметь упрощать нотный текст, если не уверен в том, что сможет охватить его целиком, не искажая при этом содержание музыкального произведения. Студенты не всегда могут оценить свои технические возможности и сразу определить сложность аккомпанемента, который ему необходимо сыграть. Задача педагога – научить учащегося - концертмейстера анализировать сложность аккомпанемента и навыкам самооценки. На первых порах очень важно задавать домашние задания, так как студент, занимаясь дома, может закрепить точное соотношение динамических оттенков, темпа, выразительно исполнить мелодическую линию. Также полезно прослушивание заданного произведения с помощью сети Интернет в разной интерпретации.

Библиография

1. Крючков Н. А. Искусство аккомпанемента как предмет обучения. – М.: Планета музыки, 2017. – 112 с.
2. Люблинский А.П. Теория и практика аккомпанемента: Методологические основы. Издательство «Музыка», 2017. – 80с.
3. Мур Дж. Певец и аккомпаниатор. – М.: Радуга 2019. – 430 с.
4. Сафонов В. И. Новая формула мысли для учащихся и учащихся игре на фортепиано. - М.: Планета музыки, 2017. – 23 с.
5. Шендерович Е.М. В концертмейстерском классе. – М.: Музыка, 2006. – 205с.
7. <https://cloud.mail.ru/public/Kbhe/KQBvyRZjX/>

УДК 008 (075.8)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ: СОДЕРЖАНИЕ И СПЕЦИФИКА

Топалова Екатерина,
Конференциар Российский
гос.соц.университет г. Москва, РФ
e-mail: viky-87@mail.ru
orcid id:0000-0003-4360-3699

Шафажинская Наталья,
доктор культурологии,
кандидат психол. наук, конференциар МГУТУ
им. К.Г. Разумовского (ПКУ) г. Москва, РФ
e-mail: shafazhinskaya@mail.ru
orcid id:0000-0002-9114-6499

Abstract Ethnicity or nation are important points on the conditional scale of linguistic consciousness. Language in its functioning gives an individual the opportunity to express himself as a person, to express the peculiarities of his temperament, culture, ethnic characteristics. The

organization of the conversation largely depends on the discursive abilities and personality traits. Knowledge of the cultural characteristics of the country in which the discourse takes place plays an important role in the organization of this discourse. Language provides an individual with the opportunity to identify himself as a representative of a certain ethnic group and a certain ethnographic group within this ethnic group. Ethnocultural features are the main determinant of a person's speech behavior.

Keywords language, discourse, culture, ethnos, ethnoculture, worldview, ethnic features, linguistic consciousness, linguistic and cultural specificity

Наиболее информативным для моделирования лингвокультурной специфики того или иного сообщества является понятие картины мира, при этом имеется в виду её выделение, фрагментация, освоение действительности. Так, В. И. Карасик отмечает то, что самым важным объективным показателем значимости той или иной сферы действительности для конкретной общности является понятие *семантической плотности*, то есть детализация отмечаемого фрагмента реальности. Речь идёт о признаках, которые свидетельствуют об этнокультурной самобытности народа [4]. В картине мира репрезентированы мировидение и миропонимание членов лингвокультурного сообщества. Мир – это человек и среда в их взаимодействии, а картина мира – результат переработки информации о среде и человеке.

Языковое представление мира можно рассматривать как языковое осмысление, поскольку, во-первых, представление мира – это его осмысление, или интерпретация, а не простое «фотографирование», и, во-вторых, отмеченное представление, или отображение, носит языковой характер, то есть оно осуществляется в форме речи и существует в форме языка [10]. Язык является наиважнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире.

«Отделяя» в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Вопрос об обусловленности сознания и мышления языком теснейшим образом оказывается связан с проблемой формирования «языка мысли». В этой связи необходимо прояснить вопрос: протекает ли мышление в вербальных формах или существует довербальный уровень мышления? В отечественной науке, как «вербалисты», так и «антивербалисты» ссылаются на известного отечественного психолога Л. С. Выготского, приводя ставшие хрестоматийными цитаты из классического труда ученого: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [2, с. 306]. «Единицы мысли и единицы речи не совпадают» [2, с. 354]. На вопрос о «вербальности» сознания и мышления, о том, совпадают ли когнитивные единицы с языковыми значениями, и всегда ли мышление протекает в вербальных формах, не существует однозначного ответа. Сам же этот вопрос оказывается теснейшим образом связан с другими, а именно: являются ли сознание и мышление детерминированными этническим языком (ведь слово не может не быть словом конкретного этнического языка) или они независимы от него; можно ли говорить об особой языковой картине мира, особой «сетке», которую тот или иной язык накладывает на восприятие, членение и категоризацию действительности, или отражение человеческим сознанием мира не зависит от этнического языка, а когнитивные процессы являются универсальными.

Этнические сознания серьезно отличаются друг от друга, однако различия эти могут детерминироваться не языком, но социально-культурными условиями [11]. Этнические особенности сознания могут сохраняться в тех случаях, когда его носители говорят на разных языках и, наоборот, когда два различных этнокультурных сообщества являются носителями одного языка. В научной литературе приводятся многочисленные примеры фактов второго рода, серьезные различия в поведении, вплоть до конфликтов, между, так называемыми, «сто процентными» американцами и греками, родившимися в Америке, не владеющими греческим языком, считающими своим родным английский, но сохраняющими свою культуру и живущими по ее нормам, а также среди английских индейцев, предки которых достаточно давно переселились в Англию, владеющих только английским языком и т.д. Исследования и эксперименты свидетельствуют о том, что сохраняются явные различия в характеристике и

категоризации явлений социокультурной действительности (например, отношения социальной иерархии) между англичанами и индийцами. О похожих выводах можно говорить на основании исследований среди детей, родившихся в Израиле в семьях из Западной Европы и Америки, Восточной Европы и в кибуцах. Для всех этих детей родным языком является иврит, однако, между названными группами обнаруживаются серьезные различия в когнитивном стиле, требующие различные стратегии в обучении», что обусловлено, прежде всего, различиями в «стратегиях социализации», применяемые в семьях. Таким образом, правомерно говорить о том, что некоторые черты этнокультуры отражаются в языковом сознании их носителей, накладывают отпечаток на речевую практику, в которой это сознание реализуется [8]. Заметим, что указанные исследователи опирались в своих выводах именно на анализ дискурсивных практик носителей тех или иных черт специфического этнического сознания.

В последнее время активизировались психолингвистические исследования, убедительно свидетельствующие о том, что языковые категории отражают особенности национального характера и оценки явлений внешнего и внутреннего мира человека. Так, Ю. Д. Апресян считает, что в природной речи отражается «наивная картина мира», составляющая содержание строения сознания её носителей. «Наивная картина мира» как факт сознания отображается пофрагментарно в лексических единицах языка, однако, сам язык этот мир не отображает [1].

Языковая картина мира дополняет объективные знания реальности. Совокупность этих знаний, зафиксированная в языковой форме, представляет собой то, что в разных концепциях называется или «языковым промежуточным миром», или «языковой репрезентацией мира», или «языковой моделью мира», или «языковой картиной мира». В связи с широким распространением мы выбираем последний термин. Понятие «картины мира» (в том числе языковой) строится на изучении представлений человека о мире в целом. Между картиной мира как отображением реального мира, и языковой картины мира, как фиксацией этого отображения, существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На её формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы.

Языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, так как человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный (этнический). Именно национальный, этнический опыт и аккумулирует, и выражает специфические особенности языка на всех уровнях. Благодаря специфике языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек смотрит на мир [12]. Языковая картина мира формирует и тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. По мнению Ю. Д. Апресяна, каждый природный язык отображает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Отображенные в нем значения составляют определённую единую систему взглядов, как бы сказать, коллективную философию, которая навязывается, как обязательная, всем носителям языка [1].

Таким образом, возникает как бы «простор значений» (в терминологии А. Н. Леонтьева), то есть закреплённые в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности [6]. Формируется мир людей, которые разговаривают на одном языке, то есть языковая картина мира как совокупность знаний о мире, зафиксированных в лексике, фразеологии и грамматике. По мнению В. А. Масловой «термин “языковая картина мира” – это не больше, чем метафора, так как в реальности специфические особенности национального языка, в котором зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную неповторимую картину мира, отличающуюся от объективной существующей, а лишь специфическую “окраску” этого мира, обусловленное

национальной значимостью предметов, явлений, процессов, выборочными отношениями к ним, которое порождается спецификой деятельности, образом жизни и национальной культурой определенного народа» [7, с. 47].

Действительно, каждый народ по-своему определяет разнообразие мира, по-своему определяет и называет эти фрагменты мира. Своеобразие картины мира определяется тем, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт. Интерес к языковой картине мира находим еще в работах В. фон Гумбольдта, который писал, что разные языки становятся для нации органами их оригинального мышления и восприятия [3]. Его идея «языкового миропонимания» развивается в современном неогумбольдтианстве. Люди при помощи языка создают свой особенный мир, отличный от окружающего мира. Картина мира говорящего, естественно, качественно отличается от объективного описания свойств, предметов, от научных представлений о них, так как она является «субъективным образом объективного мира». Однако не сам язык формирует эту субъективную картину мира. Существуют национальные языки, специфика которых, также, как и специфика национального сознания, обусловлена уникальным содержанием и способами деятельности, условиями природной и социальной среды, материальной и духовной культурой, которая фиксируется на разных уровнях языка. То есть, национальные языки, как «орудия», не создают для их носителей субъективную картину мира, а лишь влияют на её специфику в знаковом изображении [15].

Итак, мир представляется человеку таким, каким субъект в меру своего развития познает и осваивает его. Картина мира – это то, что передается, прежде всего, от человека или этноса, результат человеческого восприятия, фантазий, мыслительных процессов и преобразовывающей деятельности [5]. Языковая картина мира – это мозаикоподобная полевая система взаимосвязанных языковых единиц, через сложную систему фонетических явлений, лексико-семантических и грамматических значений, а также стилистических характеристик отображает относительно объективное положение окружающих вещей и внутреннего мира человека, то есть, общую картину мира. И концептуальную, и языковую картину мира можно воспринимать как общечеловеческий универсум и как национальное языковое явление [12].

Описание языковой картины мира будет страдать незавершенностью, фрагментарностью, так как, пожалуй, любое описание языка фрагментарно. Поскольку языковая картина мира связана с национальной культурой, то и в этом аспекте её описание будет не полным, ибо культура воплощается не только в языке, но и в красках, музыке, танце. Описывая национальную картину мира, исследователи обращаются к неким представлениям о мире, свойственным носителям данной культуры и воспринимаемым ими как нечто данное [9].

С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком. С другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры [15].

Таким образом, можно говорить о том, что каждый индивид формирует свою собственную систему ценностных ориентаций, стереотипов, стандартов и идеалов, свою картину мира, определяемую уровнем его культуры, и свой собственный *идиолект*, определяемый как вариант языка, используемый одним человеком. Идиолект уникален для каждого субъекта: он выражается в особых принципах подбора слов и грамматических особенностях, а также в словах, выражениях, идиомах или произношении, которые характерны исключительно для данного человека. Он впитывает в себя стереотипы, стандарты, духовно-нравственные приоритеты и ценностные ориентиры, принятые в тех подгруппах общества, в которые он интегрирован [13; 14].

Слово, являясь важнейшим компонентом культуры, фиксирует отражение реального мира и несет в себе определенный культурный код. Каждый язык окрашивает через систему своих значений и ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета.

Присущая языку национально-культурная семантика, является, с одной стороны, продуктом коммунции сведений, и, в этом случае, можно говорить о культурно-накопительной (или культурноносной) функции языка; с другой – сам язык приобщает своих носителей к собственной национальной культуре – такова его культуроприобщающая функция. В грамматических формах и лексике языка находят отражение сознание людей и их поведение, которые, в свою очередь, определяются внешними условиями жизни, материальной действительностью, духовными аспектами. Именно в языке, как в своеобразной материальной форме, закрепляется и реализуется отображенная в сознании человека «картина мира».

Библиография:

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
5. Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура. Материалы международной конференции. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 1999. – С. 1-9.
6. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1975. – 326 с.
7. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
8. Михалева, О. В. Метод моделирования языковой среды как эффективный ресурс повышения качества образования будущих переводчиков / О. В. Михалева, А. В. Морозов // Управление образованием: теория и практика. – 2019. – № 3 (35). – С. 37-45.
9. Михалева, О. В. Формирование поликультурной личности студента – будущего бакалавра-лингвиста / О. В. Михалева, А. В. Морозов // В сборнике: Языковое сознание в аспекте межкультурной коммуникации / Отв. ред. Е. А. Журавлева. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2018. – С. 92-98.
10. Морозов, А. В. Деловая психология / А. В. Морозов. – М.: Академический Проект, 2005. – 1040 с.
11. Морозов, А. В. Влияние современного информационно-образовательного пространства на формирование социокультурной и межкультурной коммуникации как одна из важнейших составляющих повышения качества образования будущих бакалавров-лингвистов / А. В. Морозов, О. В. Михалева // Ученые записки ИУО РАО. – 2017. – № 3 (63). – С. 305-310.
12. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебrenникова. – М.: МГУ, 1988. – С. 11-20.
13. Топалова, Е. А. Этнокультурные особенности казачества как фактор сохранения традиционных ценностей в языковой картине мира современной молодежи / Е. А. Топалова, Н. Е. Шафажинская // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2019. – Т. 8. – № 3. – С. 84-88.
14. Шафажинская, Н. Е. Духовные основы русской словесности, культуры и искусства / Н. Е. Шафажинская, Т. Л. Каценко, И. В. Положенцева, Г. Н. Юлина, Р. С. Рабаданова. – М.: МГУТУ, 2019. – 116 с.
15. Шмелев, А. В. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А. В. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 235 с.

УДК 373.3.016:78

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБУЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТАМ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ДИДАКТИЧЕСКУЮ ИГРУ НА УРОКЕ СОЛЬФЕДЖИО В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

Щёголева Татьяна,
Maestru în Artă RM
преподаватель Кафедры Культуры и Искусств
КГУ г.Комрат РМ
orcid id: 0000-0002-7549-9964

Щёголев Владимир,
преподаватель ДМШ им. А.Валькова
г. Комрат РМ

Abstract The didactic game in general and the musical-didactic one in particular, present roles both in the musical-instructive field, and in the formative-educational, artistic musical field. Thus, in the instructive plan, the didactic game favors the assimilation of knowledge, skills, abilities, skills, techniques and work operations with the accumulated information. The game is an open way to know the child's and behaviors, implicitly, the personality. Viewed from a formative-educational perspective, the didactic game contributes to the formation and improvement of personality traits.

Keywords didactic game, musical-didactic, the child, instructive plan, behaviors, solfeggio, notes, duration, time signature, musical school.

В индивидуальной эволюции людей игры тесно связаны с детством, но следует отметить, что взрослый человек, не игравший в детстве, всю жизнь чувствует себя обделенным. Мы считаем, что ничто не может исключить из человеческого существования и формирования человеческой личности, чем лишение его детских забав.

Каждое мероприятие, организованное и проводимое с детьми, должно иметь положительный эффект в их формировании и развитии, путем привнесения различных видов игровой деятельности.

Учитель – это не только человек, который должен учить, но и человек, который руководит и моделирует деятельность учащихся. Именно он помогает и направляет ребенка в реализации своего потенциала. Учитель должен вовремя прочувствовать момент, когда нужно привнести в учебный процесс элемент игры, облегчив усвоение дидактического материала [1, с.45].

Музыкально-дидактической игре принадлежит ключевая роль как в музыкально-познавательной сфере, так и в воспитательно-образовательной. Таким образом, в познавательном плане дидактическая игра способствует усвоению знаний, умений, навыков и приемов использования накопленной информации. С воспитательно-образовательной точки зрения дидактическая игра способствует формированию эстетических вкусов и совершенствованию качеств личности.

Дидактические игры носят элемент соревнования между группами учащихся или даже между учениками всего класса, апеллируя не только к их знаниям, но и к командному духу, дисциплине, порядку, сплоченности для того, чтобы лучше усвоить пройденный материал. Конкурс дарит детям эмоции, радость, удовлетворение, а также мотивирует желание учиться.

Дидактическая игра преследует вполне определенную цель, она предполагает игровую ситуацию, определенные условия, правила [2, с.67]. Они призваны поместить ребенка в мир знаний, вооружить его навыками, чтобы он мог оперировать словом.

Через игру мы приучаем ребенка мыслить самостоятельно, превентивно применять полученные знания в различных ситуациях.

Посредством музыкально-дидактической игры у ребенка развиваются не только музыкальный слух, мышление, память, воображение, метроритмическое чувство, знание элементов музыкального языка, но и аффективно-мотивационная часть, заставляющая его оттачивать приобретенные навыки.

Методические принципы обучения и овладения учащимися музыкальными знаниями и элементами музыкального языка выводятся из более общих принципов: художественно-эстетических, педагогических и учебно-дидактических.

О рациональности принципов и их использования в учебно-дидактическом действии, характерного для дисциплин сольфеджио и теория музыки, говорит Д. Б. Кабалевский.

Принцип интеграции теории и практики, по Д. Кабалевскому, устанавливает, что практика является источником усвоения теории. Она предполагает:

- *обучение формированию музыкальных знаний тремя способами*: а) по пути от теории к практике; б) переход от практики к теории; в) объединение двух режимов и, наконец, возвращение к практике.

- *четыре уровня действия в обучении-формировании музыкальных знаний*:

- а) дидактическая конструкция, посредством которой устанавливаются конкретные отношения учитель-ученик;

- б) определение фундаментальных понятий, рекомендованными учебной программой и аналитически разработанных в соответствии с уровнем музыкальных способностей класса;

- в) артикулированное и связанное изложение дидактического материала, структурированного на принципах художественно-эстетического воспитания;

- г) объяснение специфической терминологии.

Дидактическая игра представляет собой метод обучения, в котором преобладает моделирование дидактического действия. Эта деятельность реализуется на уровне учебно-оздоровительных целей, характерных для деятельности человека, в частности в определенные моменты его онтогенетической эволюции.

Дидактическая игра как метод обучения динамизирует дидактическое действие за счет игровых мотивов, подчиненных цели учебно-познавательной деятельности в ярко выраженной формирующей перспективе. По теме игры было сформулировано несколько теорий:

- Теория рекреации (отдыха). Авторы: Шаллер и Лазарус.
- Теория избытка энергии. Авторы: Шиллер и Спенсер.
- Теория подготовительного упражнения. Автор: Карл Гросс
- Теория игр как стимул роста. Автор: Х.Карп
- Теория дополнительных упражнений. Авторы: К. Гросс и Х. Карп
- Теория Ж. Пиаже, считающего игру формой деятельности, мотивацией которой является не приспособление к действительности, а наоборот, уподобление реальному своему «я», без ограничений и санкций.

Любая дидактическая игра предполагает наличие правил, упорядочивающих ритм и набор выполняемых действий. Для детей 7-9 лет игра становится более интересной, когда правила немного сложнее и требуют определенного мыслительного усилия. Поскольку музыкально-педагогическая игра выступает в программе всей деятельности по дисциплине сольфеджио и теории музыки, познание музыкальной учебной среды, как в деятельности со всем классом учащихся, так и с каждым учащимся самостоятельно, достигается преемственность между игровой и учебной деятельностью. Для этого учитель должен обеспечить соответствие между темой игры и существующим учебным материалом, использовать слово, элементы музыкального языка, а также музыку как средство руководства посредством вопросов, ответов, объяснений, слушаний, демонстраций, упражнений, повторения и оценки.

С образовательной точки зрения должна быть обеспечена справедливая пропорция игры с работой, а элемент развлечения - с физическими и интеллектуальными усилиями. Разумное сочетание игровых и обучающих элементов является важным средством психологической подготовки учащегося в школе.

Эффективная разработка дидактической игры предполагает соблюдение некоторых методических требований, из которых отметим:

- организация игры предполагает адекватную основу в зависимости от особенностей творческой задачи и используемого дидактического материала;
- введение в игру состоит в том, чтобы завладеть вниманием учащихся, создать благоприятную атмосферу для развития игры;
- учебный материал должен соответствовать теме игры, быть доступным для учащихся, быть понятным, привлекательным и наглядным для всех учащихся;
- объявление заголовка короткое и двусмысленное;
- ознакомление учащегося с игрой является решающим этапом для последующего ее освоения; путем ознакомления учащегося с игрой пробуждается интерес, а также создается расслабляющая атмосфера;
- выполнение тестовой игры будет производиться сначала учителем, затем учащимися и будут даны разъяснения по правилам, последовательности этапов игры, способу решения заданий;
- собственно развитие является основным моментом деятельности, развитие игры и достижение успеваемости учащимися выявляет степень понимания игры, уровень полученных в игре знаний, степень выполнения заданий, степень соблюдения правил, их возможности, сочетание элементов игры с дидактическими задачами;
- эффективность дидактической игры требует оформления 1-2 вариантов, после того как все учащиеся выполнили задания в самой игре;
- в конце игры выставляются итоговые оценки по игре.

Например, на уроке сольфеджио оценочные игры могут помочь как закрепить знания, так и отобразить их. Примеры музыкальных обучающих игр: «Интервальный поезд», «Музыкальная лестница» (Лифт), «Шум длительностей», «Танцевальный шаг», «Ритмические лабиринты» [6, с.23].

Головоломка — это инструмент молниеносной оценки, используемый для закрепления полученных знаний. Благодаря правильному ответу из одного слова на простые предложения учащиеся смогут найти ключевое слово, которое может быть продолжением для последующих тем изучения. Любые ребусы, кроссворды, шарады могут быть использованы в большинстве музыкально-теоретических дисциплин. Они тренируют и активизируют музыкальное мышление, окажут действие на умственную деятельность и развитие памяти.

Выставление оценок в конце игры, будь то в команде или индивидуально, представляет рейтинг учащегося по определенной шкале. Выставленные оценки делают из ученика звено, выполняющего только ту ступеньку, которую он занимает в этой «шкале».

Дидактическая игра может успешно применяться в этих видах деятельности на уроках-повторах, являясь ориентиром первоначальной оценки в начале изучения нового модуля или предмета [4, с.47].

Для детей дидактическая игра представляет собой форму деятельности с множественным психолого-педагогическим подтекстом, способствующую познанию и обучению личности. Игра приводит в движение все существо ребенка, активизирует его мышление, подчеркивает его волю, раскрывает его воображение и обостряет его интеллект.

В школе также могут быть организованы междисциплинарные игры, сочетающие учебные задания из разных областей знаний (в нашем случае сольфеджио и теория музыки с музыкальной литературой, с хоровой дисциплиной, со специальностью или дополнительным инструментом). Они имеют ту же структуру и соблюдают те же условия достижения, что и дидактические игры в одной области.

Исходя из того, что роль и значение музыкально-дидактической игры состоит в том, что она способствует процессу усвоения (фиксации) и закрепления музыкальных знаний, можно сказать, что дидактическая игра своим формирующим характером воздействует на личность ребенка и является хорошим средством воспитания некоторых качеств воли, характера, настойчивости, уверенности, смелости, искренности, соперничества, самообладания.

Посредством дидактической игры учащийся учится с удовольствием, робкие становятся смелее, обретают больше уверенности в своих силах, приобретают больше уверенности и скорости в ответах, активизируют весь коллектив, развивают командный дух [5, с.32].

Обучение - это тяжелая работа, но учиться легче и эффективнее при использовании элементов игры. Цель игры – приобретение новых знаний и закрепление имеющихся, предоставление ребенку возможности усваивать новое, не чувствуя усилий, и учиться играя [5, с.112].

Урок в системе современного музыкального образования должен носить творческий, динамичный, простой, новаторский характер, быть «освобожденным» от схематизма и формализма. Эта цель также обеспечивается введением в занятия по сольфеджио дидактической игры. Использование музыкалобучающих игр на уроках сольфеджио и теории музыки связано с внедрением индивидуальных приемов работы. Таким образом, ученик приобретает привычку учиться, которая направляет его на путь самопознания, развивая его уверенность в себе, обучаясь в устойчивом, систематическом, непрерывном рабочем ритме.

Как хорошая альтернатива классическому уроку сольфеджио, но и как метод обогащения музыкального образования учащихся, игра вызвала интерес в научно-исследовательской и профессионально-педагогической практике в области музыки, поскольку способствует обучению, моделированию чувствительности восприятий, представлений и играет важную роль в поддержании интереса к музыке. Не превращая учебный процесс в «развлечение», музыкальная практика по овладению элементами музыкального языка через дидактические музыкальные игры, за счет уникальных приемов содержания обучения могут способствовать эффективности современного музыкального образования.

Игра и игровая деятельность — это инструменты, создающие приятную атмосферу, добровольное усилие, с более или менее строгими правилами. Во время игры участники чувствуют себя свободными, используют и ценят навыки, с которыми они знакомы или которые они могут открыть в процессе ее развития. С самого рождения все важные приобретения прививаются через игру – которую можно считать «стилем жизни», и ребенок растет, развиваясь гармонично и имеет возможность исследовать и понимать Вселенную и все, что ее окружает.

Библиография:

1. Bădică T., Jocuri didactice pentru dezvoltarea vorbirii. Editura Didactică și Pedagogică, București, 1974;
2. Barna A., Antohe G., Cercetarea pedagogică. Editura Istru, Galați, 2003, p. 112;
3. Barna A., G. Antohe, Curs de pedagogie. Teoria instruirii și evaluării. Editura Istru, Galați, 2003, p. 34;
4. Gagim, I., Știința și arta educației muzicale. Editura ARC, Chișinău, 2004;
5. Lovinescu A., Jocuri mici pentru pitici. Editura Aramis, București, 2007;
6. Фролова Ю., Сольфеджио, I – VII класс. Ростов-Дон: изд. «Феникс», 2006

РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИНЯТЫЕ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИЙ

в рамках Международной научно-практической конференции «Наука, образование, культура», посвященной 31-ой годовщине Комратского государственного университета (11.02.2022)

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 1. «ЭКОНОМИКА»

Данный документ подготовлен по результатам работы Секции «Экономика» международной научно-практической конференции, в которой приняли участие представители 15 научно-исследовательских и высших учебных заведений Украины, Беларуси, России, Турции и Молдовы. Число участников секции составило 54 исследователя. На секционном заседании были заслушаны и обсуждены 11 научных докладов исследователей из Одесского национального университета им. Мечникова, Одесского национального морского университета (Украина), Профессиональная школа социальных наук Sivas Cumhuriyet Universitesi Cumhuriyet (Турция), Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь, Национального Института Экономических Исследований Комратского госуниверситета (Республика Молдова).

Отзывы участников

• Comrad Üniversitesinin 31. Yılı kutlu olsun. Kongeredeemeği geçenherkese teşekkür ederiz. Faydalı öğrencilerin yetiştirildiği, faydalı projelerin yapıldığı nice yıllar olsun. Gagavuzya'daki dostlara Sivas-Türkiye'denselamlar. С 31-м годом университета. Спасибо всем, кто внес свой вклад в конгресс. Пусть будет много лет, когда обучаются полезные студенты и делаются полезные проекты. Привет из Сиваса-Турция друзьям в Гагаузии.

• Добрый день всем. Можно предложить приглашать на последующие конференции работников предприятий в секторе экономики, госструктур, чтоб активизировать нашу секцию и улучшить качество разработки ряда норм актов, ряда программ региона.

- Конференция организована на современном уровне
- Всем спасибо, особенно модераторам. Было очень интересно
- Все доклады были очень интересными и на актуальные темы.
- Всё было на очень высоком уровне.
- Благодарю всех докладчиков и организаторов!

Представленные темы докладов и статей освещают основные проблемы в области экологии, экономики, образования, туризма, гендерного равенства, а также возможностей и перспектив достижения целей в области устойчивого развития. Также были представлены доклады, посвященные вопросам практической реализации принципов устойчивого развития на примере деятельности конкретных регионов.

Авторами докладов были отмечены следующие риски и вызовы:

• **Финансово-инвестиционные риски.** В рамках проведения экономической политики важной и сложной задачей любого государства является поиск наиболее эффективного механизма взаимодействия фискального и монетарного регулирования в целях формирования условий для устойчивого экономического роста.

• **Риски и угрозы социальной безопасности.** Наличие и развитие явления социального неравенства представляет серьезную угрозу экономической безопасности регионов.

• **Риски региональной экономической безопасности.** Динамика неоднородности экономического пространства регионов имеет тенденцию к усилению.

• **Риски замедления технологического развития.** Действующая модель управления наукой-технологиями-инновациями не создает принципиальных условий для развития научной и научно-технической сферы наших стран

В региональных исследованиях подчеркивается, что накопление человеческого капитала происходит в регионах с высоким социально-экономическим развитием, что, в свою очередь, стимулирует развитие человеческого капитала, подтверждая переход факторов производства ресурсов в регионы с высокой предельной производительностью. **Высокий уровень образования населения снижает риск безработицы, повышает вероятность трудоустройства и гарантирует высокий уровень доходности населения.**

Исследование теоретико-методологической базы и опыта развитых стран мира по осуществлению децентрализации позволило определить ведущие направления антикризисных мер с целью их дальнейшего применения на макро- и мезо-уровнях. В условиях децентрализации часть антикризисных мер перераспределяется на участие территориального сообщества с учетом содержания региональных условий, потенциала и выбора приоритетов в ходе их реализации.

Исследователями отмечена актуальность процессов диджитализации и информатизации общества. Современный этап развития информационного общества характеризуется мощными цифровыми трансформациями маркетинговых подходов, генерируется запрос на пересмотр подходов и технологических инструментов с учетом необходимости сбора, хранения и обработки больших объемов данных на основе обеспечения их безопасности.

Участники конференции отмечают, что в условиях современного развития, когда усиливается значение фундаментального образования, единства образования и науки, ускоряются процессы глобализации, роль университетов в обществе возрастает. Идеи сотрудничества становятся важнейшим императивом дальнейшего устойчивого развития.

Участники конференции отмечают, что сложности современного периода развития экономики представленных на конференции стран, стоящие перед страной задачи ускорения темпов роста и инновационного обновления производства, изменения качественной структуры человеческого капитала, требуют новых, углубленных оценок рисков и вызовов в развитии экономики и общества.

Для решения представленных задач:

- **следует усилить работу по исследованию экономики региона**, сфокусировавшись на прикладных исследованиях, делая акцент на изучение процессов и проблем развития национальной экономики и оценку конкретных инструментов регионального развития;

- **необходимо активно развивать научно-практическое сотрудничество институтов**, научных и высших учебных заведений с целью развития научной дискуссии и выработки эффективных подходов в решении экономических проблем;

- **поддерживать постоянно ведущийся диалог** между органами власти и государственного управления с одной стороны, академическим и вузовским сообществом, с другой - по вопросам своевременного реагирования на динамично меняющийся набор современных вызовов, угроз, рисков.

- **необходимо осуществлять последовательные действия, направленные на повышение роли университетов в жизни общества** на основе улучшения качества фундаментального образования, усиления связи образования с научными исследованиями, координации совместной деятельности университетов. Необходимо рассматривать как важную задачу университетов развитие инновационной деятельности на основе фундаментальных и прикладных исследований.

Модераторы и участники работы секции «Экономика»

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 2. «СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»

В работе секции 2. «Сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность» приняло участие 28 человек (всего в сборнике научных публикаций представлено в рамках секции 25 публикаций). Докладчики представляли:

- Университет Болу Абант Иззет Байсал, г. Болу, Турция (Bolu Abant Izzet Baysal University, Bolu, Turkey);
- Университет Прикладных наук Испарта, г. Испарта, Турция (Isparta University of Applied Sciences, Isparta, Turkey);
- Кубанский Государственный Аграрный Университет им. И. Т. Трубилина, г.Краснодар, Российская Федерация;
- Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация;
- Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса, г.Казань, Российская Федерация;
- Государственный Аграрный Университет Молдовы, г.Кишинёв, РМ;
- Институт химии Министерства образования и исследований РМ, г.Кишинёв, РМ;
- Академию публичного управления Республики Молдова, г. Кишинев, РМ;
- Научно-практический институт Садоводства, Виноградарства и Пищевых Технологий, г.Кишинев, РМ
- Национальный Институт Экономических Исследований, г.Кишинёв, РМ;
- Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В. Маруневич, г.Комрат, РМ.

В результате развития научно-технического прогресса на многих сельскохозяйственных предприятиях все больше находят применение новые технологии. Причем новые технологии используются не только в процессе производства сельскохозяйственного продукта, но и в финансовой и управленческой деятельности.

На конференции в рамках данной секции были рассмотрены следующие вопросы:

- Особенности инновационных процессов в сельском хозяйстве;
- Развитие плодородия в Республике Турция за последние пятьдесят лет (1970-2020) и ее место в мире;
- Состояние отрасли производства и переработки молока в АТО Гагаузия;
- Использование нетрадиционных кормовых добавок в птицеводстве;
- Производство продуктов пчеловодства;
- Применение Биологически Активных Веществ (БАВ) в технологии возделывания ячменя, черешни;
- Технологические особенности возделывания винограда в АТО Гагаузия;
- Особенности возделывания интродуцированных сортов черешни и вишни в условиях РМ;
- Основные результаты селекции и разработки сортовой агротехники возделывания подсолнечника;
- Методы улучшения и совершенствования посевных площадей;
- Применение новых химических препаратов для борьбы против болезней в технологиях выращивания огурцов и томатов.
- Современные проблемы инновационного развития сельского хозяйства.

В представленных докладах освещены особенности создания и внедрения инноваций в сельском хозяйстве и проблемы их широкого применения в отрасли. Показано значение инновационных процессов в росте эффективности сельскохозяйственного производства.

Анализ и обобщение изложенных докладов позволяет сформулировать следующие выводы:

- Уровень сельскохозяйственного производства можно за счет внедрения эффективных агротехнических приемов, методов возделывания, а также инновационных технологий, которые позволяют при сложившихся условиях хозяйствования обеспечить существенную прибавку урожайности ведущих культур и на этой основе повысить эффективность отрасли;

- Для решения проблем развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, стоило бы позаимствовать опыт ведущих стран и использовать новые и более эффективные технологии в обработке земель, технологии возделывания основных сельскохозяйственных культур, с учетом влияния агроценозов на экологическое состояние ландшафтов, отказаться от применения синтетических комбинированных удобрений и пестицидов, заменив их сертифицированными органическими удобрениями;

- Развивать дальнейшее плодотворное сотрудничество путем участия в международных программах по обмену опытом между студентами и сотрудниками, сотрудничать в области научных исследований, практического внедрения в производство, между Аграрными ВУЗами Республики Молдова, Румынии, Украины и Республики Турция.

Модераторы и участники работы секции «Сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность»

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 3. «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, МАТЕМАТИКА И ФИЗИКА»

Общее количество участников, заявленных в программе – 9, авторов статей и соавторов – 10, из которых 1 участник с Украины, 9 из Республики Молдова. Участникам было рекомендовано пройти регистрацию в режиме онлайн по ссылке <https://forms.gle/XMZGrTgkFR2s9s3S8>.

Кафедра Информационных технологий, математики и физики выражает признательность за интерес к конференции зарубежным участникам и участникам с университетов Молдовы. Отрадно отметить, что у нас есть участники, которые принимают участие в конференции не первый год, среди которых: Aksana Jaroszinskaja, Associated Researcher, Educational NGO “Vivat Socrat”, Kharkov, Ukraine; Serghei Mafta, dr. științe fizico-matematice, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Chișinău.

Второй год Serghei Mafta участвует в работе секции, выступил с презентацией на тему «Geogebra ca instrument digital pentru elaborarea de sarcini interactive la matematică», после чего дал высокую оценку практической составляющей докладов секции, вовлечению участников в обсуждение вопросов и работу модераторов.

В секцию была направлена статья Svetlana Bîrlea, dr., conf. univ., USC, Cahul на тематику «Utilizarea instrumentelor digitale sincrone și asincrone pentru realizarea procesului educațional online în contextul provocării actuale». Это также не первое участие Svetlana Bîrlea в национальных и международных конференциях Комратского государственного университета.

Принял участие и Государственный университет Молдовы. Нам была отправлена статья на английском языке Dmitri Terzi, dr., conf. univ. на тему «Schemes for constructing a feasible solution for the study of the potential method as applied to the traveling salesman problem».

Мы рады тому, что у нас есть тесные связи с вузами Молдовы в научном направлении.

В работе секции участники выступили с докладами по следующим тематикам:

1. Geogebra ca instrument de optimizare pedagogică.
2. Популяризация технологии M-learning в период пост Covid.
3. Повышение мотивации изучения математического анализа студентами специальности «Информатика» через использование программы Smath Studio.
4. Идентификация инструментов LMS MOODLE, которые применимы для оценивания в школе.

5. Техники визуализации учебной информации.

По результатам выступлений, обсуждений, были выдвинуты следующие предложения:

1. Разрабатывать и внедрять со студентами интерактивные задания по математике в GeoGebra с обратной связью для оптимизации процесса обучения.
2. Использовать программу Smath Studio для повышения мотивации изучения математического анализа студентами специальности «Информатика».
3. Интегрировать в образовательный процесс элемент Семинар, реализуемый на платформе Moodle.
4. Изучить возможности автоматического оценивания студентов на платформе Moodle.
5. Популяризировать мобильное обучение среди студентов педагогических специальностей при изучении дисциплин, связанных с информационными технологиями, методикой преподавания информатики.
6. Уделять больше внимание визуализации при разработке учебно-методических материалов.
7. Рекомендовать преподавателям использовать онлайн сервисы для визуализации учебного материала на занятиях со студентами (интеллект карты, доски Padlet, электронные книги и др.).
8. Продолжать исследования в направлении повышения качества обучения математике и информатике посредством использования технологий, программных продуктов, визуализации обучения, наглядности, улучшения методов и способов оценивания.
9. Расширить круг участников секции.

Участникам было предложено заполнить онлайн форму <https://forms.gle/sc6CDDac88TN47Tx6> по результатам участия в работе секции с тем, чтобы оценить работу секции, научную направленность докладов, практическую составляющую докладов, уровень вовлечения участников в обсуждение вопросов, работу модераторов.

Работа секции осуществлялась посредством платформы Zoom, видеозапись работы секции осуществлялась.

Преподаватели кафедры благодарят всех своих партнёров и приглашают к совместному сотрудничеству и участию в ежегодной научно-практической конференции «Наука, образование, культура». Приглашаем к участию и педагогов-практиков с доуниверситетских образовательных учреждений, с тем, чтобы можно было совместно выявить проблемы и перспективы в области информационных технологий, математики и физики.

Модераторы секции:

Великова Татьяна, доктор пед. наук, конф. унив., КГУ, г. Комрат, РМ

Попиль Геннадий, мастер пед. наук, преп. КГУ, г. Комрат, РМ

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 4. «ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

11 февраля 2022 года в Комратском государственном университете в честь 31-ой годовщины образования Комратского государственного университета состоялась международная научно-практическая конференция.

В конференции приняли участие аучные сотрудники, молодые ученые и специалисты из городов Республики Молдова, Республики Беларусь, Республики Польша, Республики Румыния, Республики Украина и Российской Федерации - более 39 участника.

Участниками конференции в секции «Право и политические науки» стали: сотрудники юридического факультета, студенты I и II цикла обучения, выпускники факультета и зарубежные гости.

Участники конференции секции «Право и политические науки» познакомились с теоретическим и практическим опытом в исследуемых авторами областях в рамках, которых и состоялась данная конференция.

Участники конференции, секции «Право и политические науки» заслушали и обсудили представленные доклады и предложения.

На конференции были выдвинуты и получили поддержку следующие предложения:

Законодательно закрепить необходимость проведения антикоррупционной экспертизы конкурсной документации до ее размещения на официальном сайте государства (сфера государственных закупок).

Создать систему подготовки и повышения квалификации специалистов в сфере государственной службы.

Конкретизировать содержание некоторых статей Гражданского кодекса, Семейного кодекса, Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, Исполнительного кодекса.

Ввести институт ограничения дееспособности лица с несколькими степенями ограничения дееспособности: первоначально статус лица с психическим заболеванием приравнивается к статусу несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет, при более тяжелой форме заболевания – к статусу малолетнего и только в крайнем случае лицо необходимо полностью лишить дееспособности.

Создать единый реестр лиц, лишенных дееспособности.

Пересмотреть в законодательстве, касающейся предоставления права собственности исходя из формулы римского частного права: все что прочно связано с землей следует ее судьбе.

Пересмотреть критерии признания акционерного общества публичным.

Создать специализированные учреждения, в которых бы оказывалась квалифицированная правовая и социальная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей в трудной жизненной ситуации.

Принять меры по поддержке выпускников высших учебных заведений при трудоустройстве:

– установить налоговые льготы для работодателей, которые принимают на работу молодых специалистов;

– активировать практику заключения договоров между высшими учебными заведениями с работодателями по поводу трудоустройства выпускников этих заведений.

Создать адаптационные центры, разработать адаптационные программы для лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Пересмотреть систему наказаний, руководствуясь принципом «одно средство исправления - одно наказание»:

– переименовать «обязательные работы» в «исправительные», т.к. это название более точно выражает сущность указанного наказания.

Разработать и принять инструкции по соблюдению правил безопасности защищаемыми лицами в рамках государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

Создать комиссию для оценки рекламы на предмет соответствия действующему в различных странах законодательству.

Уточнить признаки экстремизма в целях точного разграничения уголовно наказуемого поведения и поведения лица в рамках реализации свободы слова.

Разработать и утвердить методику проведения лингвистической экспертизы.

Участники конференции выражают намерение укреплять сотрудничество в приоритетных направлениях:

- защита прав и свобод человека и гражданина;
- мониторинг правоприменительной практики и совершенствование законодательства о защите прав и свобод человека;
- правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты;
- Первоочередными задачами остаются:
- обеспечение прав граждан на труд, достойный материальный уровень жизни;
- защита прав людей на социальную помощь, пенсионные выплаты, медицинское обслуживание;

- обеспечение прав человека в жилищно-коммунальной сфере;

- соблюдение прав граждан на свободу и личную неприкосновенность;

- защита прав на надлежащее судопроизводство и исполнение судебных решений;

- обеспечение прав человека в местах принудительного содержания;

- обеспечения действенного общественного контроля;

Безусловно, проблемы, озвученные на конференции, не отражают исчерпывающего перечня всех проблем. Вместе с тем они дают определенное представление о различных подходах государственных и местных органов публичного управления, должностных лиц при реагировании на нарушения прав человека.

Участники конференции выражают уверенность в том, что результаты совместной работы скажутся на формировании гражданского общества с высоким уровнем правосознания, когда нормой взаимоотношений личности и государства выступает уважение человеческого достоинства, прав и закона, что является основой строящегося в стране правового государства.

На основании научных докладов, дискуссий, выступлений участники пришли к следующим **выводам**:

- основным показателем благосостояния современного общества является уровень развития культуры, науки и образования;

- органическая интеграция научных исследований в условиях реформирования высшего образования приобретает объективную необходимость.

Участники конференции приняли следующие **решения**:

1. Издать сборник материалов конференции;

2. Продолжить развитие научного сотрудничества и информационного обмена между участниками конференции.

3. По возможности применять и внедрять материалы конференции в образовательный процесс подготовки специалистов в области права и публичного управления.

Научно-практическая конференция «Наука, культура, образование» продемонстрировала высокий научный уровень докладов.

Участники конференции единодушно выразили мнение о том, что прошедшая конференция оказалась исключительно актуальной в свете исследуемых проблем.

**Руководитель секции «Право и политические науки»,
Султ Г. Доктор права, конф. университетар**

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 5.1. ПЕДАГОГИКА

подсекции: 5.1.1. Образование: актуальные проблемы и перспективы.

5.1.2. Межкультурное воспитание

МОДЕРАТОРЫ СЕКЦИИ:

Яниогло М.А., доктор пед. наук, конференциар университетар

Viorica Goraș-Postică, doctor hab. în ped., prof. univ., Universitatea de Stat din Moldova

Кер Л.С., доктор психол. наук, конференциар университетар

В программе, для участия в секционном заседании, было заявлено 68 статей, 84 автора/соавтора. Выступили с докладами 18 человек. В работе секции приняли участие более 40 человек. Широкая география участников (Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Украина) говорит о глубоком научном интересе к тематике секции: Образование: актуальные проблемы и перспективы и Межкультурное воспитание.

Тематика представленных докладов предполагала аргументированную постановку и обсуждение актуальных проблем, с которыми сталкиваются сегодня академическая общественность, ученые, дидактические кадры высшего, профессионально-технического и общего образования, а также обучающиеся всех уровней, а именно:

- *Învățarea constructivistă în contextul integrării noilor tehnologii;*
- *Proiectarea strategică a asistenței metodologice din perspectiva pedagogiei diversității;*
- *Дидактические возможности обучающего анимационного видео;*
- *Академическое письмо в условиях цифровизации образовательного и научного пространства; Особенности обучения в онлайн-формате;*
- *Организационно-педагогические условия подготовки конкурентоспособных специалистов;*
- *Межкультурное воспитание и межкультурная компетентность;*
- *Проблемы качества образования и условия профессионально-личностного развития будущих специалистов;*
- *Внедрение инновационных педагогических и информационно-коммуникативных технологий в процесс подготовки специалистов и др.*

Отмечая необходимость дальнейшего расширения и укрепления профессионального сотрудничества и академической мобильности специалистов сферы образования, на национальном и международном уровне, с целью решения актуальных задач современной педагогики, настоящая резолюция утверждает следующие рекомендации и решения, выработанные и одобренные участниками конференции в ходе работы секции «Педагогика»:

1. Рекомендовать всем заинтересованным структурам и образовательным организациям содействовать расширению партнёрских отношений и сотрудничества в рамках подготовки конкурентоспособных специалистов в области образования.
2. Инициировать использование образовательными организациями представленного опыта работы по внедрению инновационных педагогических и информационно-коммуникативных технологий.
3. На всех уровнях управления образованием продолжить развитие системы непрерывного совершенствования профессиональных компетенций педагогических работников. Предложить руководителям образовательных организаций активнее использовать для этого ресурсы международного академического сообщества и результаты психолого-педагогических исследований.
4. Совершенствовать условия предоставления максимально широкого спектра образовательных возможностей для формирования и развития у обучающихся межкультурной компетентности.
5. Внедрять результаты научных исследований в области педагогических наук в практику

образовательных учреждений.

Участники, отмечая важность проведения научного форума, выразили уверенность, что рекомендации, выработанные по результатам работы секции и изложенные в Резолюции, будут содействовать развитию всех уровней образования, способствовать укреплению международного академического сотрудничества в области научных исследований, подготовки специалистов и воспитания обучающихся в контексте культурного разнообразия современного мира.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ ПОДСЕКЦИИ 5.2. «ПСИХОЛОГИЯ»

1. В настоящее время, в ситуации интенсификации межкультурных контактов в образовательной, научной и деловой сферах возникает необходимость в межкультурной компетентности преподавателей образовательных учреждений и будущих молодых специалистов. Для этого в гуманитарные курсы необходимо активнее включать богатый исследовательский, научно-образовательный материал, накопленный специалистами из разных стран. При этом особое внимание обращать на уникальные социокультурные особенности региона своего проживания.
2. В процессе подготовки педагогов особое внимание уделять развитию саморефлексии будущих специалистов на личностном и профессиональном уровне для понимания и учета задач, стоящих перед ними и верного прочтения социокультурного контекста.

Модераторы и участники работы секции «Психология»

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ ПОДСЕКЦИИ 5.3. «ДИДАКТИКА ДИСЦИПЛИНЫ»

Модераторы: Куртева О.В., доктор конференциар университетар, зав. каф.педагогике и психологии КГУ; Левинтий Г.Г., преподаватель кафедры педагогики и психологии КГУ

На секции обсуждались вопросы:

- изменения подходов к подготовке современного учителя с учетом требований профессиональных стандартов педагога;
- принципы организации проектной деятельности обучающихся в условиях цифровой среды;
- урок развития личности как основная форма воспитательной работы с классным коллективом;
- воспитание культуры речевого общения младших школьников и учёт специфических особенностей процесса обучения грамоте младших школьников (1 класс);
- исследование особенностей развития проектной деятельности младших школьников;
- об актуальных дидактических технологиях онлайн и офлайн;
- формирование профессиональных ценностных установок студентов средствами содержания педагогического образования;
- развитие критического мышления у младших школьников.

По итогам работы секции были выдвинуты следующие предложения:

1. Совершенствовать работу по научно-методическому и информационному сопровождению педагогического процесса в вузе в контексте реализации аксиологического подхода в современных условиях.
2. Содействовать повышению профессионального уровня, педагогической компетентности, психолого-педагогических знаний педагогических работников всех

ступеней образования за счет курсов профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

3. При повышении квалификации и профессиональной подготовке педагогов всех ступеней образования особое внимание уделять способам, методам и формам учебного сотрудничества учащихся, эмоционально личностного включения школьника в образовательный процесс;
4. При проектировании образовательного процесса акцентировать внимание на развитие инициативности обучающегося, освоение и внедрение образовательных технологий, обеспечивающих развитие ученика в разных видах деятельности и направленных на развитие личности.
5. Организовать обобщение опыта педагогов по применению информационно-коммуникативных и цифровых технологий.
6. Разработать методические рекомендации по внедрению мультимедиа и цифровых технологий и дидактического проектирования.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 6. «ФИЛОЛОГИЯ» ПОДСЕКЦИЯ: 6.1. «ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА»

Заседание секции 6 (Филология), подсекция 6.1 (Иностранные языки), прошло согласно Программе Конференции, объединила участников из Республики Молдова, Турции, Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь.

Были затронуты такие вопросы, как значимость преподавания английского языка молодым учащимся в языковом образовании (Кючуклер Х., Университет Балыкесир, Турция), преподавание иностранных языков в аспирантуре (Воевода Е., МГИМО, РФ), преподавание иностранного языка профессионального общения на неязыковых специальностях вуза на примере медицинской лексики (Илюшина А., РязГМУ, РФ), критерии наименования предметов и явлений в транспортной сфере (Исакова А., Тюменский индустриальный университет, РФ), обучение переводу при помощи современных технологий (Т.Макаревич, БГУ, РБ), развитие аналитических и медиадискурсивных компетенций при обучении переводу в сфере международных отношений (Натуркач М., БГУ, РБ), роль художественной литературы в обучении иностранному языку как специальности (Сулак С.К., Кирдякин А.А.), и другие.

Участники заседания, представляя свои доклады, активно задавали вопросы выступающим, комментировали выступления, отметили, что конференция, в целом, прошла на высоко профессиональном и современном уровне, дали высокую оценку как организации работы Конференции и подсекции, в частности, так и тому, как заседание секции прошло, отметив при этом активность участия, вовлечённость и живое общение.

Модераторы и участники работы секции «Иностранные языки: лингвистика и лингводидактика»

РЕЗОЛЮЦИЯ ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 6.2. «ГАГАУЗСКИЙ И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ»

Модераторы секции:

Чимпоеш Любовь Степановна, доктор, конференциар университетар, КГУ
Кюршат Шамиль Шахин (Doç. Dr.) Турция

В программе, для участия в данной секции, было заявлено 22 выступлений/статей, с докладами выступили 18 человек.

С докладами из-за рубежа, из Турции, выступили 8 человек: Министерство образования Турции представляли: Dr. Frpınar Ömer; Dr. Doç. Balık Macit из Бартын университета; Dr.

Ertuș Ayşe из Хаккари университета; Dr. Doç. Koç Adem из Ескишехирь университета и КГУ; Dr. Kudret Safa Gümüş из Аксарай университета; Dr. Doç. Öner Haluk из Бартын университета; Doç. Dr. Şahin Kürşat из Бартын университета и КГУ; из Украины выступила доктор доцент Тудора Арнаут; Молдову представляли доктор, доцент Банкова Иванна Дмитриевна; доктор, доцент Сорочяну Евдокия Степановна; доктор, доцент Чимпоеш Любовь Степановна и доктор филологии Гюллю Каранфил. По программе также выступили магистры и преподаватели лицеев из Турции, России и Гагаузии.

Тематика представленных докладов была обширна и очень интересна. В озвученных выступлениях поднимались вопросы и проблемы касательно языка, литературы и фольклора, методики преподавания, обсуждались актуальные проблемы образования. Магистры и преподаватели лицеев в своих докладах озвучили практические наработки и их внедрение в учебный процесс.

По итогу работы секции можно отметить:

1. Все доклады были подготовлены и представлены на высоком научном уровне.
2. Актуальность и значимость всех заявленных и озвученных докладов участников секции «Гагаузский и тюркские языки».
3. Практическую и научную значимость совместной работы преподавателей ВУЗов, ученых и магистров. Это, своего рода оценка уровня подготовки самих магистров и ценный приобретенный научный опыт ими для своей дальнейшей деятельности.

Из пожеланий, хотелось бы отметить, сложность работы в больших, по количеству выступающих, секций. Исходя из указанного в программе времени работы секции и количеству выступлений, пришлось установить в начале работы регламент - до 10 минут. Это создавало неудобства, как для докладчиков, так и для модераторов.

Публикация: Чимпоеш Любовь Степановна, доктор, конференциар, университетар, КГУ

REZOLUȚIA CONFERINTEI ȘTIINȚIFICO-PRACTICA, INTERNAȚIONALA “ȘTIINȚA, EDUCAȚIE, CULTURA ”

La 11. 02. 2022 la Universitatea de Stat din Comrat (USC) s-au desfășurat lucrările conferinței științifico-practice, internaționale „Știință, Educație, Cultură”, iar secțiunea „Filologie română și lingvistică aplicată” a fost organizată sub egida Catedrei de Filologie Română și Slavă. Specialiștii și cercetătorii prezenți la Conferință au luat parte activă la dezbaterea problemelor ce țin de tematica enunțată .

Temele s-au referit la astfel de probleme, cum ar fi: lexic, gramatică, didactică, precum și literatură. Astfel, câteva comunicări au dezbătut următoarele aspecte: *Organizarea etimologică a vocabularului limbii române, Utilizarea modului condițional la lecțiile de limba română în instituțiile cu predare în limbile minorităților naționale, Evaluare formativă a sistemului lexical, Învățarea limbii române prin cântec în instituțiile de educație timpurie cu program în limbile minorităților naționale, Publicistica-parte integrantă a creației lui Serafim Saka, Frumosul artistic versus estetica literară în permanența teoriei și metodologiei speciale a creativității.*

Autorii referatelor au dat dovadă de o cunoaștere bună a subiectului abordat, au utilizat surse bibliografice variate și un bogat material factologic. Fiecare articol, luat în parte, prezintă interes pentru sfera lingvisticii și literaturii, în general, dovadă fiind discuțiile și polemicele care au rezultat în urma prezentărilor.

Deși a avut loc în format online, secțiunea și-a desfășurat lucrările într-un mod constructiv, fiind deja o tradiție cu răsunet științific.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ ПОДСЕКЦИИ 6.4. «СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Модератор: д-р филол. наук, конф. унив., Л.В. Бойкова

По итогам работы подсекции были выдвинуты следующие предложения:

1. Стимулировать рост научных исследований студентов, магистрантов и молодых преподавателей в области развития языкознания и литературоведения.
2. Укрепить научные связи с учеными стран ближнего и дальнего зарубежья, осуществлять поиск форм межвузовской кооперации.
3. Продолжить регулярный обмен мнениями по проблемам и перспективам развития языкознания и литературоведения в современном обществе.
4. Стимулировать подготовку высококвалифицированных кадров путем проведения предметных олимпиад и научных конференций.
5. Развивать междисциплинарные направления исследований; распространить практику выполнения интегрированных научных работ, объединяющих ученых (магистрантов, студентов) различных специальностей.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 7 «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ»

Международные конференции, ежегодно проводимые Комратским государственным университетом, обрели статус значимого мероприятия в научной жизни региона, страны и ближнего зарубежья. Желательно принимать дополнительные меры по их популяризации, привлекая в качестве участников студентов, преподавателей доуниверситетских учебных заведений и представителей общественности. Уровень докладов столь высок, что можно поставить вопрос о том, чтобы они были опубликованы в рецензируемом научном издании. Участники секции предложили университету основать рецензируемый журнал. Предлагаем разместить материалы исследований в РИНЦ. Участники секции поддерживают стремление ДХШ им. Д.Д. Еребакана к развитию школы. Участники секции предложили Комратскому государственному университету вернуть в учебные планы юристов логику, так как она имеет важное значение для обретения квалификации в сфере доказывания.

Предложения:

Главному управлению культуры Гагаузии предлагается изучить опыт проведения первой выставки виноградарства и виноделия в г. Комрат с целью совершенствования проведения ежегодного мероприятия "Гагауз шарап ёртусу".

Комратский государственный университет может и должен стать инициатором проведения специальной конференции по краеведению и музеологии с участием специалистов из Республики Молдова и зарубежья

Участники попросили в будущем не объединять даже подсекции, чтобы у каждого могла быть возможность не только высказаться, но и принять участие в дискуссии.

Модератор: Папцова А.К., доктор философских наук

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ 8. «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»

Общее количество участников, заявленных в программе – 16, авторов статей и соавторов – 20, из которых 2 участника из Турции, 2 участника из Украины, 4 из России, 1 участник из Беларуси и 11 из Республики Молдова. Участникам было рекомендовано пройти регистрацию в режиме онлайн по ссылке <https://forms.gle/XMZGrTgkFR2s9s3S8>.

В работе секции участники выступили с докладами по следующим тематикам:

1. Aksaray dokumalarında kullanılan boyar maddeler
2. Формирование музыкального репертуара для самодеятельного хора
3. Предмет фортепиано и его роль в гендерном распределении педагогических кадров в системе музыкального образования.
4. Влияние национальной музыкальной культуры на становление творческой этноличности
5. Формирование профессиональной мобильности в процессе обучения будущих концертмейстеров
6. Педагогические способы обучения элементам музыкального языка через дидактическую игру на уроке сольфеджио в начальных классах

По результатам выступлений, обсуждений, были выдвинуты следующие предложения:

1. Разрабатывать и внедрять на практике на уроках сольфеджио дидактические игры
2. Использовать национальный компонент в музыкальной деятельности
3. Подбирать соответствующий музыкальный материал для хоров музыкальных школ, университета и самодеятельных хоров в общеобразовательных учреждениях
4. Популяризировать онлайн обучение среди студентов специальности «Музыка», заинтересовав их применением интерактивных форм и методов обучения.
5. Уделять большее внимание содержанию при разработке учебно-методических материалов.
6. Предложить педагогам использовать онлайн платформы для содержания учебного материала на занятиях со студентами (доски Padlet, электронные книги и др.).
7. Продолжать исследования в направлении повышения качества обучения в музыкальной области посредством информационных технологий, обеспечить целостность развития креативности студентов в процессе их приобщения к музыкальной культуре своего народа
8. Расширить круг участников секции.

Участникам было предложено заполнить онлайн форму по результатам участия в работе секции с тем, чтобы оценить работу секции, научную направленность докладов, практическую составляющую докладов, уровень вовлечения участников в обсуждение вопросов, работу модераторов. Скриншоты работы секции прилагаются.

Работа секции осуществлялась посредством платформы Zoom, видеозапись работы секции осуществлялась.

Модераторы секции:

Щеголева Т.И., Maestru în Artă RM, преподаватель КГУ, г. Комрат, РМ

Терзи О.Г., магситр, преподаватель кафедры, КГУ, г. Комрат, РМ

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Данная резолюция подготовлена на основе предложений и рекомендаций по результатам работы восьми секций Международной научно-практической конференции «Наука. Образование. Культура», в которой приняли участие представители научно-исследовательских и высших учебных заведений Румынии, Украины, Израиля, Дании, Белоруссии, России, Турции, Молдовы, Латвии, Польши, Казахстана и др. стран.

Всего было подано свыше 370 научных статей, число участников конференции онлайн/офлайн составило более 300 исследователей. На секционных заседаниях были заслушаны и обсуждены научные доклады исследователей из следующих научных учреждений:

- ✓ Университет Болу Абант Иззет Байсал, г. Болу, Турция (Bolu Abant Izzet Baysal University, Bolu, Turkey);
- ✓ Университет Прикладных наук Испарта, г. Испарта, Турция (Isparta University of Applied Sciences, Isparta, Turkey);
- ✓ Профессиональная школа социальных наук Sivas Cumhuriyet Universitesi Cumhuriyet (Турция);
- ✓ Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия;
- ✓ Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, г. Киев, Украина;
- ✓ Одесский национальный университет им. Мечникова, г. Одесса, Украина;
- ✓ Одесский национальный морской университет (Украина);
- ✓ Научно-исследовательский экономический института Министерства экономики Республики Беларусь;
- ✓ Кубанский Государственный Аграрный Университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация;
- ✓ Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация;
- ✓ Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса, г. Казань, Российская Федерация;
- ✓ Государственный Аграрный Университет Молдовы, г. Кишинёв, РМ;
- ✓ Институт химии Министерства образования и исследований РМ, г. Кишинёв, РМ;
- ✓ Академия публичного управления Республики Молдова, г. Кишинев, РМ;
- ✓ Научно-практический институт Садоводства, Виноградарства и Пищевых Технологий, г. Кишинев, РМ
- ✓ Национальный Институт Экономических Исследований, г. Кишинёв, РМ;
- ✓ Комратский государственный университет (Республика Молдова).
- ✓ Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В. Маруневич, г.Комрат, РМ и др.

Представленные темы докладов и статей освещают основные проблемы в области экологии, экономики, туризма, гендерного равенства, права и политических наук, сельского хозяйства, образования и культуры, филологии, лингвистики и глотодидактики, педагогики и психологии, истории и философии и др. Также были представлены доклады, посвященные вопросам практической реализации принципов устойчивого развития на примере деятельности конкретных регионов. По результатам обсуждений участниками была выработана и принята единая резолюция на основе принятых решений и рекомендаций участников конференции вовремя работы секций.

1. Авторами докладов отмечено, что в региональных исследованиях накопление человеческого капитала происходит в регионах с высоким социально-экономическим развитием, что, в свою очередь, стимулирует развитие человеческого капитала, подтверждая переход факторов производства ресурсов в регионы с высокой предельной производительностью. Высокий уровень образования населения снижает риск безработицы, повышает вероятность трудоустройства и гарантирует высокий уровень доходности населения. Исследование теоретико-методологической базы и опыта развитых стран мира по

осуществлению децентрализации позволяет определить ведущие направления антикризисных мер с целью их дальнейшего применения на макро- и мезо-уровнях. В условиях децентрализации часть антикризисных мер перераспределяется на участие территориального сообщества с учетом содержания региональных условий, потенциала и выбора приоритетов в ходе их реализации.

Исследователями отмечена актуальность процессов диджитализации и информатизации общества. Современный этап развития информационного общества характеризуется мощными цифровыми трансформациями маркетинговых подходов, генерируется запрос на пересмотр подходов и технологических инструментов с учетом необходимости сбора, хранения и обработки больших объемов данных на основе обеспечения их безопасности.

Участники конференции отмечают, что в условиях современного развития, когда усиливается значение фундаментального образования, единства образования и науки, ускоряются процессы глобализации, роль университетов в обществе возрастает. Идеи сотрудничества становятся важнейшим императивом дальнейшего устойчивого развития. Следует обратить внимание на то, что сложности современного периода развития экономики представленных на конференции стран, стоящие перед страной задачи ускорения темпов роста и инновационного обновления производства, изменения качественной структуры человеческого капитала, требуют новых, углубленных оценок рисков и вызовов в развитии экономики и общества.

Для этого необходимо:

- усилить работу по исследованию экономики региона, сфокусировавшись на прикладных исследованиях, делая акцент на изучение процессов и проблем развития национальной экономики и оценку конкретных инструментов регионального развития;
- активно развивать научно-практическое сотрудничество институтов, научных и высших учебных заведений с целью развития научной дискуссии и выработки эффективных подходов в решении экономических проблем;
- поддерживать постоянно ведущийся диалог между органами власти и государственного управления с одной стороны, академическим и вузовским сообществом, с другой - по вопросам своевременного реагирования на динамично меняющийся набор современных вызовов, угроз, рисков.
- осуществлять последовательные действия, направленные на повышение роли университетов в жизни общества на основе улучшения качества фундаментального образования, усиления связи образования с научными исследованиями, координации совместной деятельности университетов. Необходимо рассматривать как важную задачу университетов развитие инновационной деятельности на основе фундаментальных и прикладных исследований.

2. Участниками конференции было также отмечено, что уровень сельскохозяйственного производства можно увеличить за счет внедрения эффективных агротехнических приемов, методов возделывания, а также инновационных технологий, которые позволяют при сложившихся условиях хозяйствования обеспечить существенную прибавку урожайности ведущих культур и на этой основе повысить эффективность отрасли.

- Для решения проблем развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, целесообразно позаимствовать опыт ведущих стран и использовать новые и более эффективные технологии в обработке земель, технологии возделывания основных сельскохозяйственных культур, с учетом влияния агроценозов на экологическое состояние ландшафтов, отказаться от применения синтетических комбинированных удобрений и пестицидов, заменив их сертифицированными органическими удобрениями.
- Развивать дальнейшее плодотворное сотрудничество путем участия в международных программах по обмену опытом между студентами и сотрудниками, сотрудничать в области научных исследований, практического внедрения в производство, между Аграрными ВУЗами Республики Молдова, Румынии, Украины и Республики Турция.

3. Разрабатывать и внедрять со студентами интерактивные задания по математике в GeoGebra с обратной связью для оптимизации процесса обучения.

- Использовать программу Smath Studio для повышения мотивации изучения математического анализа студентами специальности «Информатика».
- Интегрировать в образовательный процесс элемент Семинар и возможность автоматического оценивания студентов, реализуемые на платформе Moodle.
- Популяризировать мобильное обучение среди студентов педагогических специальностей при изучении дисциплин, связанных с информационными технологиями, методикой преподавания информатики.
- Уделять больше внимание визуализации при разработке учебно-методических материалов для использования преподавателями онлайн сервисы на занятиях со студентами (интеллект карты, доски Padlet, электронные книги и др.).

4. На конференции были выдвинуты и получили поддержку также следующие предложения:

Законодательно закрепить необходимость проведения антикоррупционной экспертизы конкурсной документации до ее размещения на официальном сайте государства (сфера государственных закупок).

Создать систему подготовки и повышения квалификации специалистов в сфере государственной службы.

Конкретизировать содержание некоторых статей Гражданского кодекса, Семейного кодекса, Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, Исполнительного кодекса.

Ввести институт ограничения дееспособности лица с несколькими степенями ограничения дееспособности: первоначально статус лица с психическим заболеванием приравнивается к статусу несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет, при более тяжелой форме заболевания – к статусу малолетнего и только в крайнем случае лицо необходимо полностью лишить дееспособности.

Создать единый реестр лиц, лишенных дееспособности.

Пересмотреть в законодательстве, касающейся предоставления права собственности исходя из формулы римского частного права: все, что прочно связано с землей, следует ее судьбе.

Пересмотреть критерии признания акционерного общества публичным.

Создать специализированные учреждения, в которых бы оказывалась квалифицированная правовая и социальная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей в трудной жизненной ситуации.

Принять меры по поддержке выпускников высших учебных заведений при трудоустройстве:

– установить налоговые льготы для работодателей, которые принимают на работу молодых специалистов;

– активировать практику заключения договоров между высшими учебными заведениями с работодателями по поводу трудоустройства выпускников этих заведений.

Создать адаптационные центры, разработать адаптационные программы для лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Пересмотреть систему наказаний, руководствуясь принципом «одно средство исправления - одно наказание»:

– переименовать «обязательные работы» в «исправительные», т.к. это название более точно выражает сущность указанного наказания.

Разработать и принять инструкции по соблюдению правил безопасности защищаемыми лицами в рамках государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

Создать комиссию для оценки рекламы на предмет соответствия действующему в различных странах законодательству.

Уточнить признаки экстремизма в целях точного разграничения уголовно наказуемого поведения и поведения лица в рамках реализации свободы слова.

Разработать и утвердить методику проведения лингвистической экспертизы.

Участники конференции выражают намерение укреплять сотрудничество в приоритетных направлениях:

- защита прав и свобод человека и гражданина;
- мониторинг правоприменительной практики и совершенствование законодательства о защите прав и свобод человека;
- правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты;
- Первоочередными задачами остаются:
- обеспечение прав граждан на труд, достойный материальный уровень жизни;
- защита прав людей на социальную помощь, пенсионные выплаты, медицинское обслуживание;
- обеспечение прав человека в жилищно-коммунальной сфере;
- соблюдение прав граждан на свободу и личную неприкосновенность;
- защита прав на надлежащее судопроизводство и исполнение судебных решений;
- обеспечение прав человека в местах принудительного содержания;
- обеспечения действенного общественного контроля;

Безусловно, проблемы, озвученные на конференции, не отражают исчерпывающего перечня всех проблем. Вместе с тем они дают определенное представление о различных подходах государственных и местных органов публичного управления, должностных лиц при реагировании на нарушения прав человека.

Участники конференции выражают уверенность в том, что результаты совместной работы скажутся на формировании гражданского общества с высоким уровнем правосознания, когда нормой взаимоотношений личности и государства выступает уважение человеческого достоинства, прав и закона, что является основой строящегося в стране правового государства.

На основании научных докладов, дискуссий, выступлений участники пришли к следующим выводам:

- основным показателем благосостояния современного общества является уровень развития культуры, науки и образования;
- органическая интеграция научных исследований в условиях реформирования высшего образования приобретает объективную необходимость.

Участники конференции единодушно выразили мнение о том, что прошедшая конференция оказалась исключительно актуальной в свете исследуемых проблем.

5. Отмечая необходимость дальнейшего расширения и укрепления профессионального сотрудничества и академической мобильности специалистов сферы образования, на национальном и международном уровне, с целью решения актуальных задач современной педагогики, настоящая резолюция утверждает следующие рекомендации и решения, выработанные и одобренные участниками конференции:

- ✓ Рекомендовать всем заинтересованным структурам и образовательным организациям содействовать расширению партнёрских отношений и сотрудничества в рамках подготовки конкурентоспособных специалистов в области образования.
- ✓ Инициировать использование образовательными организациями представленного опыта работы по внедрению инновационных педагогических и информационно-коммуникативных технологий.
- ✓ На всех уровнях управления образованием продолжить развитие системы непрерывного совершенствования профессиональных компетенций педагогических работников. Предложить руководителям образовательных организаций активнее использовать для этого ресурсы международного академического сообщества и результаты психолого-педагогических исследований.
- ✓ Совершенствовать условия предоставления максимально широкого спектра образовательных возможностей для формирования и развития у обучающихся

межкультурной компетентности.

- ✓ Внедрять результаты научных исследований в области педагогических наук в практику образовательных учреждений.
- ✓ Особое внимание обращать на уникальные социокультурные особенности региона своего проживания.
- ✓ Совершенствовать работу по научно-методическому и информационному сопровождению педагогического процесса в вузе в контексте реализации аксиологического подхода в современных условиях.
- ✓ Содействовать повышению профессионального уровня, педагогической компетентности, психолого-педагогических знаний педагогических работников всех ступеней образования за счет курсов профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Организовать обобщение опыта педагогов по применению информационно-коммуникативных и цифровых технологий.
- ✓ Разработать методические рекомендации по внедрению мультимедиа и цифровых технологии и дидактического проектирования.

6. Участниками конференции были выдвинуты также следующие предложения:

- ✓ Стимулировать рост научных исследований студентов, магистрантов и молодых преподавателей в области развития языкознания и литературоведения.
- ✓ Укрепить научные связи с учеными стран ближнего и дальнего зарубежья, осуществлять поиск форм межвузовской кооперации.
- ✓ Продолжить регулярный обмен мнениями по проблемам и перспективам развития языкознания и литературоведения в современном обществе.
- ✓ Стимулировать подготовку высококвалифицированных кадров путем проведения предметных олимпиад и научных конференций.

7. Международные конференции, ежегодно проводимые Комратским государственным университетом, обрели статус значимого мероприятия в научной жизни региона, страны и ближнего зарубежья. Необходимо и в дальнейшем принимать меры по их популяризации, привлекая в качестве участников студентов, преподавателей доуниверситетских учебных заведений и представителей общественности. Уровень докладов столь высок, что можно поставить вопрос о том, чтобы они были опубликованы в рецензируемом научном издании, а для этого необходимо основать рецензируемый журнал.

Предложения:

- ✓ Главному управлению культуры Гагаузии предлагается изучить опыт проведения первой выставки виноградарства и виноделия в г. Комрат с целью совершенствования проведения ежегодного мероприятия "Гагауз шарап ёртусу".
- ✓ Комратский государственный университет может стать инициатором проведения специальной конференции по краеведению и музеологии с участием специалистов из Республики Молдова и зарубежья.

8. По результатам выступлений и обсуждений, участниками конференции были выдвинуты следующие предложения:

- ✓ Разрабатывать и внедрять на практике на уроках сольфеджио дидактические игры
- ✓ Использовать национальный компонент в музыкальной деятельности
- ✓ Популяризировать онлайн обучение среди студентов специальности «Музыка», заинтересовав их применением интерактивных форм и методов обучения.
- ✓ Предложить педагогам использовать онлайн платформы для содержания учебного материала на занятиях со студентами (доски Padlet, электронные книги и др.).
- ✓ Продолжать исследования в направлении повышения качества обучения в музыкальной области посредством информационных технологий, обеспечить целостность развития креативности студентов в процессе их приобщения к музыкальной культуре своего народа

Научно-практическая конференция «Наука, культура, образование» продемонстрировала высокий уровень научных докладов, где участниками конференции было рекомендовано:

1. Издать сборник материалов конференции;
2. Продолжить развитие научного сотрудничества и информационного обмена между участниками конференции.
3. Материалы конференции по возможности применять и внедрять в образовательный процесс подготовки будущих специалистов.

Участниками была заполнена онлайн форма <https://forms.gle/sc6CDDac88TN47Tx6>, по результатам участия в работе конференции и секций с тем, чтобы оценить работу, научную направленность докладов, практическую составляющую докладов, уровень вовлечения участников в обсуждение вопросов, работу модераторов и т.д. В целом, конференция прошла на высоко профессиональном и современном уровне.

Видеозапись работы конференции и секции осуществлялась.

11.02.2022г.

